Алан Дин Фостер

Пожиратели света и тьмы
По Мыслящим Королевствам
Триумф душ

Пожиратели света и тьмы
По Мыслящим Королевствам
Триумф душ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Алан Дин Фостер

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ALAN DEAN

FOSTER

Carnivores of Light and Darkness

Into the Thinking Kingdoms

A Triumph of Souls

АЛАН ДИН
ФОСТЕР

Пожиратели света и тьмы

По Мыслящим Королевствам

Триумф душ

АСТ издательство ЕРМАК
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Ф81

Серия основана в 1999 году

Alan Dean Foster
CARNIVORES OF LIGHT AND DARKNESS
1998
INTO THE THINKING KINGDOMS
1999
A TRIUMPH OF SOULS
2000

Перевод с английского
М. Ишкова («Пожиратели света и тьмы» и «Триумф душ»),
С. Анисимова («По Мыслящим Королевствам»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения литературных агентств Virginia Kidd Agency и Александра Корженевского.

Издание подготовлено при участии А/О «ТИТУЛ».

Подписано в печать 30.05.03. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 42. Тираж 7000 экз. Заказ № 1206.

Фостер А.Д.

Ф81 Пожиратели света и тьмы. По Мыслящим Королевствам. Триумф душ: Фантаст. романы / А.Д. Фостер; Пер. с англ. М. Ишкова, С. Анисимова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 812, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-008855-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0258-7 (ЗАО НПП «Ермак»)

Странствия по неведомым землям, магия, от которой захватывает дух, битвы. Сражения, смешные — и опасные! — приключения...

Кто победит в поединке — пожиратель тьмы или пожиратель света?

Что нужно, чтобы невредимым пройти по Мыслящим Королевствам?

Одной смелости мало. Нужна фантазия, умение шутить и оставлять врага в дураках!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Thranx, Inc., 1998, 1999, 2000
© Перевод. М. Ишков, 2001
© Перевод. С. Анисимов, 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Пожиратели света и тьмы

Посвящается Авессалому, страстно мечтавшему узнать, как угадывать судьбу

Станция на мысе Крестовом,
Берег Скелетов, Намибия,
ноябрь 1993 года

I

Это случилось поутру, после второго — нежнейшего — полнолуния, возвестившего приход весенних ливней.

На рассвете маленький Колаи с дикими воплями примчался в деревню. Между пронзительными всхлипами он изредка вскрикивал на бегу: «Там, на песке!..» — и махал рукой в сторону побережья.

«Там на берегу мертвые люди!»

Мало того, что мертвые, но и какие-то до жути чудные — одежды богатые, а щеки гладкие, без ритуальных шрамов.

В деревне было тихо, все спали. Самый добрый час для мирных жителей, а тут вопли, каких свет не слыхивал. Добежав до родного дома, Колаи первым делом бросился к матери. Та, рассерженная, сначала подумала, что мальчишка шалит — решил, наверное, попугать родичей. Сгоряча схватила сына, с силой встряхнула. Что за игра будить все племя спозаранку, всякая шутка хороша к месту, ко времени!.. А потом заглянула в глаза сына и сразу опустила руки. Что-то было не так. Не глаза, а камешки, оледенелые, бессмысленные, зрачки словно спеклись от ужаса. Женщина сразу заторопилась, схватила Колаи за руку, потащила к вождю.

Асаб проснулся до первых петухов, но лежал, пока вопли мальчишки не заставили его подняться. Выйдя на порог, вождь накинул на себя накидку из мусиной кожи, украшенную замечательными голубоватыми полосами, и надел головной убор с широким гребнем из ярких красных и желтых перьев.

Колаи по-прежнему кричал во всю силу:

— Я их видел! Я их видел!

К тому моменту возле дома вождя уже начала собираться толпа, явились воины, молодежь, женщины.

— Подожди, — остановил его вождь. — Скажи толком, что ты видел?

Сбежавшиеся на шум члены племени придвинулись ближе.

— Мертвых людей! — объявил Колаи. — Вот кого, вождь Асаб!

Он на мгновение затаил дыхание, потом, как-то разом успокоившись, махнул рукой в сторону моря.

— На берегу, на песке. Повыше того места, где мидии и ракушки тирексов.

Вялые спросонья лица людей в толпе посерьезнели, головы повернулись в сторону вождя. Тот нахмурился и веско произнес:

— Что ж, пойдем поглядим. Смотри, парень, тебе очень не поздоровится, если мы не найдем там ничего, кроме раковин и морских игл.

Деревня лежала на краю огромной, едва прикрытой редкой травой и хилыми кустами пустоши, что примыкала к побережью, омываемому холодным Саморским течением. На побережье растительность была побогаче, кое-где виднелись купы деревьев, местами рощи выбегали даже в глубь пустоши. Расщелины в обрывистом берегу, где скалы давали приют любому ростку, изобиловали всякими диковинками, живностью и вкусными ракушками. Щедра на добычу была и прибрежная полоса, куда волны неутомимо выносили огромные, ободранные добела бревна. Между ними часто белели скелеты лишенных милости моря существ. Чьих костей здесь только не было! Киты и змеи, птицы и летучие мыши, рыбы и пожиратели камней — их останки служили жителям деревни отличным строительным материалом.

— Там! — ткнул пальцем Колаи.

Толпа на мгновение замерла, все повернулись в указанную сторону, однако разглядеть ничего не удавалось. Все было как обычно: пенный накат, груды водорослей, кости, ободранные стволы деревьев... Разве что молодые драконы, пожиравшие падаль, стаей кружили над кромкой воды. Вот несколько летунов, сложив крылья, нырнули вниз, сели на песок. Тогда и люди разглядели темные разбросанные пятна на светлом, в рыжинку, песке.

Жители деревни прибавили шаг и скоро отчетливо различили тела. Уже подбегая к погибшим, люди заулюлюкали, принялись размахивать дротиками, отгоняя падальщиков прочь. Те отчаянно зашипели, потом нехотя поднялись и стали описывать широкие круги.

Ждали...

По правде говоря, открывшаяся перед жителями деревни картина сразила всех до немоты. Мало кто пове-

рил россказням Колаи, но явь оказалась чуднее во много раз. И тревожнее... Вид чужаков был более чем странен: лица некоторых были покрыты волосами — черными, коричневыми или вообще золотыми, как тот металл, который меняла Мориксис привозил издалека, от самых южных гор. Так же поразительны были богатые одежды мертвецов. Ткани и выделанная кожа переливались разноцветьем, а на ощупь оказались нежнее слез маленькой девочки. Вот что еще сразило жителей деревни — доспехи погибших. Все они были выделаны из какой-то прочной кожи, на панцирях выдавлены невиданные здания и такие же странные звери. Подобный материал никому, даже Асабу, держать в руках не приходилось. А уж весил он... Чудо, что этих людей вообще вынесло на берег.

Вождь и два лучших воина племени опустились на колени возле одного из погибших. По виду мертвецы были мощнее и приземистее жителей деревни. И все мужчины, ни одной женщины...

— Посмотри, — сказал расположившийся справа от вождя Тукарак и провел указательным пальцем по щеке покойника. — Какая гладкая кожа. Ножом не тронутая.

Следом он показал на свой огромный шрам, перепахавший его левую щеку, — символ мужественности, лучшее украшение всякого мужчины.

— И какая бледная, — неодобрительно добавил Хуламу, вставая и стряхивая песок с колен. — Кто эти люди? Откуда пришли?

Хуламу повернулся в сторону моря и долго, не моргая, вглядывался в затянутую рассветной хмарью даль. Вода наливалась прозрачностью, а облака уже в полную силу сияли белизной. Небо яснело на глазах, все шире и шире очерчивалась водная гладь, по которой неутомимо перекатывались волны.

— Что случилось, то случилось, — наконец заявил Асаб. — Мне кажется, им очень не хотелось достаться на съедение падальщикам. И добру зачем пропадать?

С этими словами Асаб приступил к церемонии очищения карманов павших в поисках полезных для деревни вещей.

— Как полагаешь, вождь, может, нам их съесть? — Тукарак поднял в воздух пропитанную соленой водой, испачканную кровью рубаху. — По виду они похожи на мужчин. Должно быть, и на вкус такие же...

— Хо-ях, — кивнул Асаб. — Отрежем немного от ноги и дадим попробовать старухе Фастале. Она и так жрет все подряд.

Тукарак добродушно рассмеялся.

— Если выживет, — тут и вождь хохотнул, — значит, лопай, сколько хочешь.

Хуламу поморщился и не поддержал вождя.

— Вы можете жрать все что угодно, а я буду только то, что уже пробовал. Или того, кого уже пробовал.

Он с явным неудовольствием потыкал тупым концом копья валявшийся рядом обнаженный труп.

— Ну и зря! — заявил Тукарак. — Они поупитанней, чем коипи или наламаты.

С этими словами воин племени наумкибов наклонился и попытался сдернуть с ног мертвеца странную на вид, разукрашенную от подошв до голени обувку. Конечно, носить эти странные башмаки до колен он не собирался — в них ноги едва поволочешь, но нарезать из добротной кожи пару сандалий — это в самый раз.

— И наверняка они вкуснее, чем наши соседи, — заключил Тукарак.

Пока вождь и воины обсуждали сложившееся положение с точки зрения гастрономических ценностей, жители принялись рыскать вдоль берега в поисках других тел.

Этиоль даже среди сородичей выделялся своим ростом. В деревне не было другого жителя, над которым посмеивались чаще, чем над ним. Этот верзила обладал удивительно добродушным характером, ясная улыбка не сходила с губ, и всякой шутке, пусть даже она относилась к нему лично, он начинал смеяться первым. И часто кивать... Такая уж у него была привычка.

— Помогите...

Стон был едва слышен, и сперва Этиоль Эхомба решил, что ему почудилось. Мало ли какие звуки рождает прибой или ветер, так жалобно завывающий в наваленных стволах. Однако в следующее мгновение донеслось уже более явственно и членораздельно:

— Помогите... Ради вашего бога, умоляю, помогите мне!

Этиоль застыл на месте. Нет, это не ветер и не волны, на бегу обрастающие пеной. Ветру ли, морю ли просить о помощи? У них мощи хоть отбавляй. Нет, стон человеческий. Его издает кто-то созданный из плоти и крови, пусть даже чужак.

От таких трудных размышлений, от накатившей на сердце жалости к себе подобному у Этиоля опустилась нижняя челюсть. Так, с раскрытым ртом, он и посмотрел внимательнее в северном направлении.

Кроме редкого роста и незлобивости, Этиоль отличался обостренными слухом и зрением. И запахи он чуял с такой силой, что считался в деревне одним из лучших следопытов. Ему недолго пришлось обшаривать взором прибрежные скалы и узкую полоску пляжа. Вот оно, что способно издавать членораздельные звуки.

Это был мужчина помоложе Этиоля — крепко скроенный, одетый в одежды, от которых у следопыта перехватило дух. Никогда он не видывал подобного великолепия. Даже те мертвяки, что валялись поодаль, казались нищими по сравнению с этим воином. Кожаная броня, покрывавшая чужака от предплечья до лодыжек, выглядела несокрушимой, однако в правом боку незнакомца зияла внушительная дыра. Оттуда проглядывала кровоточащая плоть, а при вздохах или стонах обнажалась белая сломанная кость.

Эхомба покачал головой, выпятив нижнюю губу. Любой получивший такую рану уже давным-давно должен лежать бездыханным, а у этого еще нашлись силы звать на помощь. Тут Этиолю пришла в голову еще одна мысль: кто же нанес юнцу такой могучий удар? У кого хватило сил прорвать кожаный нагрудник и поразить плоть? Пожалуй, кроме акулы, на такое никто не способен.

Отыскав ответ, Этиоль почувствовал облегчение и уже более тщательно пригляделся к взывавшему о помощи. Волосы у него были золотистые и прямые, до плеч, а не заплетены в косу, скрученную в тугой узел на затылке, как у Этиоля.

Наглядевшись, следопыт опустился рядом с чужаком, сдул песок с его лица...

Полумертвый парень неожиданно открыл глаза. Зрачки у него были цвета разжиженной небесной синевы. Незнакомец взглянул на следопыта.

— Кто... ты?

— Этиоль Эхомба, из племени наумкибов. Тебя и твоих товарищей выбросило на берег пониже нашей деревни. Они все ушли к праотцам. — Этиоль невольно глянул на рану в боку незнакомца. — Ты тоже скоро умрешь. Я немного разбираюсь в знахарстве, тебе уже никто не поможет. Разве что старая мудрая старуха, что живет в нашей деревне. — Он посмотрел на небо, затем покачал головой: — Нет, слишком поздно.

Реакция чужака удивила Этиоля. Зрачки у того вдруг расширились, он схватил Этиоля за край шерстяной рубахи, притянул к себе. Этиоль был не в силах сопротивляться и только смотрел и смотрел на чужака, чье лицо вдруг перекосилось от страшной боли. Однако тот все же сумел прошептать:

— Ты должен спасти ее!

— Кого ее? Кто она?

— Она — прорицательница Темарил из Лаконды!

В этот момент чужак с силой тряхнул Этиоля. Тот невольно отпрянул.

— Я не знаю, о чем или о ком ты говоришь.

Следопыт хотел кончить дело миром, без ссоры. Пусть незнакомец остынет, уйдет к судьбе успокоенный.

Так оно и случилось. Чужак внезапно захрипел, откинулся на песок, по телу побежала дрожь. Вот и все, решил Этиоль, так тому и быть. Он вскинул голову, отыскивая глазами смерть. Наверное, та сейчас пробирается где-нибудь между бревнами. Видеть ее Этиолю не доводилось, а вот ощущать на затылке ее леденящее дыхание — это испытывал.

Однако он ошибся. Раненый оказался покрепче самого выносливого воина, какого знал Этиоль. Его голос набрал силу и звучал вполне достойно богатого человека, в нем даже некоторая надменность прорезалась.

— Знай, я — Тарин Бекуит, сын Беварина Бекуита, графа севера Лаконды. Прорицательница Темарил была нашей графиней — или должна была ею стать, если бы не беда, которую никто не ждал. Пустота, обретшая человеческую плоть и назвавшая себя Химнетом Одержимым, похитила Темарил. Многие... — Тарин зашелся в кашле, отхаркнул сгусток крови, после чего кровь струйкой потекла у него изо рта, как из переполненного кубка. — Многие достойные сыновья и владельцы усадеб северной части Великой Лаконды давали обет ее отыскать. Многие клялись не знать покоя и отдыха до тех пор, пока Темарил не будет возвращена на родину, а похититель наказан. Насколько мне известно, я и мои люди были единственными, кто отважился так далеко преследовать судно негодяя.

Он сделал паузу, некоторое время восстанавливал дыхание, затем наконец продолжил:

— Этим утром на море была битва. Мы сражались, не щадя жизни, однако Химнет уже спелся с другими подонками. Пировал с ними, веселился!.. Чем только они ни занимались на горе добрым людям, и, когда пробил час, они пришли ему на помощь. Жалкий трус, он испугался сойтись в поединке. Как нам было устоять против всей этой нечисти!

Тарин в упор посмотрел на Этиоля. Тот почувствовал озноб, словно незнакомец против воли пытался перелить в него остаток своей жизненной силы. Этот голубоглазый чужак был мужественным человеком, властным и повелевающим даже на пороге смерти.

— Кто бы ты ни был, — собравшись с силами, продолжил Тарин, — я хотел бы договориться с тобой. После того как меня покинет дыхание, я возлагаю на тебя заботу о несчастной девственнице Темарил. Ты должен спасти ее и вернуть людям Лаконды. С тех пор как ее похитили, наша земля лишилась сердца. Как, впрочем, лишились надежды и люди, проживающие в наших краях. Я, Тарин Бекуит, наделяю тебя правами жителя Великой Лаконды. Исполни свой долг!

Глядя на незнакомца, Этиоль медленно покачал головой:

— Послушай, Тарин Бекуит. Я простой пастух. Ну, бывает, охочусь, ловлю рыбу. — Он повел копьем. — И земля наша скудна, мы бедны, голы и босы. Здесь армию не собрать. Я понятия не имею, где искать твою Темарил.

Незнакомец неожиданно приподнялся на локте и указал направление.

— Спеши туда, на север, и при этом все время забирай к востоку. Тебе придется одолеть море. Химнет, пока не доберется до своего логова, не может чувствовать себя в безопасности. Мне рассказывали, что его убежище спрятано в сказочной стране Эль-Ларимар, что лежит к востоку от Лаконды. Туда ступай — или постарайся отыскать того, кто сможет исполнить мою волю.

Тарин еще раз судорожно схватил Этиоля за подол рубахи и убедительно дрожащим, вгоняющим в озноб голосом выговорил:

— Ты должен найти девственницу Темарил, иначе она будет потеряна навсегда!

— Что ты хочешь от меня, чужеземец!.. — вскипел Этиоль. — Зачем мне это?! У меня есть семья, сородичи. Есть хижина, стадо, наконец!.. Мне есть что искать, кого защищать и с кем сражать...

Эхомба замер на полуслове, потом резко отшатнулся, но было поздно. Глаза чужака в упор смотрели на него. Бремя — незримое, неощутимое, но веское и грузное — легло на плечи пастуха. Как, он даже не почувствовал. А жизненная сила и дух наконец покинули Тарина Бекуита.

Негнущимися пальцами Этиоль Эхомба оторвал вцепившиеся в подол его рубахи пальцы мертвеца, уложил пока еще теплую руку вдоль туловища, развернул туловище ногами к закату. Голубые глаза чужака бездумно глядели в небесный простор и легкие облачка — так обычно пастух присматривает за стадом. Этиоль тоже невольно глянул вверх. Небосвод уже успел насытиться пронзительной синевой. Свет окончательно пожрал тьму, наступил день...

Этиоль перевел взгляд на покойника. Вот о чем подумал пастух в тот момент: великая честь отведать кусочек жареной плоти такого достойного и благородного воина, каким выказал себя Тарин Бекуит, пусть его имя звенит в ушах потомков. Когда придет время делить ритуальное угощение, надо будет напомнить Асабу о своих правах. Что же касается бремени, которое мертвец возложил на его плечи, так это пустяки. Чужие церемонии!.. Чем он, Этиоль Эхомба, в состоянии помочь несчастной девственнице?

Тут Эхомба невольно поежился и оглянулся, потом резко осадил себя. В чем дело! Он сказал правду, а услышит ли теперь его покойник, это его не касается. Круг забот Этиоля сомкнулся давным-давно, еще в ту пору, когда ему ритуальным ножом резали щеки. Род, стадо, соседи, берег моря, сытые годы, голодные годы — вот о чем стоило бы поразмышлять Тарину Бекуиту там, в небесном просторе, где его приставили к стаду белых облачков и приказали: гляди в оба! А не о земных причудах, девственницах-прорицательницах, долге, жажде справедливости. Все в прошлом, ты слышишь меня, Тарин?..

Мысли Этиоля нарушили два молодых парня, Суарб и Делоог, которые пробегали мимо в поисках добычи. Их черед посвящения в мужчины еще не наступил, поэтому они первыми уважительно поклонились Этиолю, потом жадными взглядами обшарили лежавшее тело. Сразу застыли на месте, поморгали, словно не веря, что такое добро досталось не самому славному воину деревни, а придурковатому пастуху.

— Этиоль, — окликнул Суарб, — зачем медлишь? Перед тобой гора добычи, а ты чего-то ждешь.

Этиоль глянул на парней и неожиданно предложил:

— Вот что, ребята, забирайте вы все себе.

Долго молодежь уговаривать не пришлось. Оба юноши тут же начали раздевать мертвеца. Делоог первым делом стащил замечательные штаны, потом с любопытством посмотрел на старшего.

— В чем дело, Этиоль? Смотри, какая добротная одежка. Зачем отказываться от того, что само приплыло в руки?

— Он, — Этиоль указал пальцем на полуголого покойника, — уже щедро одарил меня, Делоог. И не гадал я, не ведал, а вот так вышло. Теперь не знаю, что с этим делать.

— С чем этим? — поинтересовался Суарб.

— С исполнением долга.

Молодые парни переглянулись. Этиоль, конечно, человек неплохой, но со странностями. Все кому не лень

над ним подшучивают, а ему безразлично. Или вообще сядет, уставится в одну точку и так может просидеть до полудня. Ладно, когда за стадом присматриваешь — работа есть работа. Или, как назвал пастух, исполнение долга. А когда просто так, на отдыхе? Зачем пялиться неизвестно на что? Одним словом, чудной человек... Ладно, что добрый и незлобивый, и силой предки не обидели.

Этиоль повернулся и зашагал прочь. Юнцы вслед ему начали строить рожи, гримасничать, вертеть пальцами у висков.

Между тем пастух направился к выступающему в море низкому скалистому мысу. Прокладывая путь среди осклизлых, покрытых водорослями камней, стараясь увернуться от брызг, он размышлял о последних словах незнакомца и скоро добрался до любимого с детства места — ровной площадки, расположенной высоко над прибоем, открытой в сторону моря и берега, но упрятанной от взоров со стороны пустоши. Сел, сдвинул колени, положил на них руки, на руки подбородок. Копье привычно торчало в изгибе правого локтя — чуть что, можно сразу пустить в дело. В воде кувыркались тюлени и морские обезьяны; наигравшись, выползали на песок и грелись. Обезьяны грызли большие раковины и делились моллюсками с тюленями, у которых не было опальцованных лап, чтобы держать раковину у рта.

В той стороне, если брести долго, неизвестно сколько, лежали неведомые земли: Лаконда и Эль-Ларимар. Похитили женщину и силой, против ее воли, перевезли из одного места в другое. Женщину, из-за которой многие мужчины готовы умереть.

Что ж, у него уже есть женщина, ради которой не жалко умереть. Конечно, не только ради нее одной, но и ради двух детишек, мальчика и девочки, которых она ему подарила. Сильные растут, здоровые... Есть также дом, стадо, хватает и уважения соплеменников. Зачем же отправляться неведомо куда? Чтобы вернуть девственницу в родные края? Вернуть людям надежду? Да они высмеют его, невежественного и нищего, стоит только добраться до Лаконды.

Но как же долг? Смелый и благородный человек, умирая, возложил на него бремя...

В размышлениях Этиоль провел на берегу большую часть дня. Вид морской глади, мерный рокот прибоя успокоили его. Когда он вернулся в деревню, все тела погибших воинов были аккуратно порублены, почищены и жарились на общинном очаге. С приходом ночи начался торжественный пир. Все жители приняли участие в церемонии приобщения к пло-

ти чужеземцев. Скоро участники трапезы сошлись на том, что земля, откуда явились чужаки, наверняка богата и плодородна. Там вырастают достойные мужчины, вкусные, без всякого неприятного запаха.

Отведав Тарина Бекуита, Этиоль вновь погрузился в размышления, мысленно вернулся к последним словам благородного воина. Долго сидел он недвижимо, пока не обнаружил, что своим печальным настроением портит праздник всем собравшимся у очага. Тогда Эхомба решил оставить жену и детей и поискать Фасталу.

Старуха сидела по ту сторону костра, скрестив ноги и прислонившись спиной к стволу дерева тайра совсем близко к огню, где ей было не так зябко. Волосы ее были белее морской соли, но по-прежнему длинны и густы; их хватало на две косы, уложенные в узел и собранные на затылке. Фастала, одетая в роскошную накидку из мягкой разноцветной кожи, доставшуюся ей после дележа добычи, взглянула на Этиоля мельком, одним глазом. Второго глаза у нее не было, потеряла в молодости, теперь на этом месте посвечивало большое, во всю глазницу бельмо. Зубов у старухи тоже не хватало, и общественное угощение давалось ей с трудом.

— Садись, красавчик, поболтаем. Пусть с утра девчонки посплетничают! — Затем она взглянула на пастуха внимательнее и серьезно сказала: — Что случилось, Этиоль? Почему твое лицо окрасилось дымком печали?

Этиоль, тоже скрестив ноги, устроился рядом с ней, отклонил предложение отведать чужеземной ноги, потом признался:

— Хочу отведать вкус твоей мудрости, Фастала. Не плоти, а слова жаждет сердце.

Старуха кивнула и принялась с ожесточением ковыряться в зубах, при этом ни разу не перебила поверявшего ей свои тайны мужчину. Тот все поведал: и о последней воле незнакомца, и о неведомой Лаконде, о дьяволах и девственнице Темарил, о Химнете и Эль-Ларимаре. Когда он закончил, Фастала долго молчала — смотрела на огонь.

— Значит, чужеземец перед смертью переложил бремя на тебя? — наконец промолвила она.

Этиоль кивнул, а старуха что-то проворчала.

— Тогда, красавчик, у тебя нет выбора. Умирающий воин заключил с тобой договор.

Этиоль тяжко вздохнул.

— Теперь это твоя ноша. Ты держишь слово?

— Сама знаешь...

— Да, знаю. Тебе придется закончить его работу. Любой, у кого на руках умер человек, кто принял его последнюю волю, теряет свободу. Нравится тебе это или нет, но в тебя вошел его дух. Он не даст тебе покоя, так что готовься.

Мужчина, сидевший возле старухи, опустил голову, потом глухо пробормотал:

— Я тоже так думаю. Как ни прикидывай, а воли мне теперь не видать. Но что я могу сделать? В одиночку?! У Тарина Бекуита был большой отряд, много храбрых воинов, и все равно смерть настигла их.

Фастала выпрямила спину.

— Они не из наумкибов. Они пришли издалека.

— Но я такой же, как они, обыкновенный человек, — возразил Этиоль.

— Не так. — Сухой морщинистый кулак ткнул Этиоля в плечо. — Кто ты есть? Этиоль Эхомба, пастух, охотник, рыбак, отец, воин, следопыт. Ты — лучший следопыт в деревне. Скажи, способен ли ты проследить за тем, что невидимо, неслышимо, неощутимо?

— Невелико умение. Как иначе ходить по следу, если не ощущать присутствия того, что было и кануло? Тукарак тоже так может, и Джелоба.

— Ты лучший. Да и все равно обязан выполнить завет чужеземца.

— Да. Потому что такова была последняя воля Тарина Бекуита. Но ведь это же несправедливо, Фастала!

Старуха фыркнула.

— Судьба, что уж тут рассуждать о справедливости!.. Если хочешь, я сама объясню все Миранье.

— Нет! — Этиоль даже вскочил. — Она моя жена, и это мой долг. Только вряд ли она поймет...

— Зря ты так считаешь. Миранья — умная женщина. Она знает, что такое честь. — Старуха выудила из миски кусочек жареной тыквы и отправила его в рот, зажмурившись от удовольствия. — Сколько лет твоему старшему?

— В следующем месяце Даки стукнет четырнадцать.

Фастала одобрительно кивнула.

— Уже не ребенок. Ему вполне можно доверить стадо. Самое время заняться чем-то полезным. Девочке будет труднее, но ее слезы высохнут.

Она сняла с шеи один из разноцветных талисманов (множество их висело у нее на шее и было собрано в

своеобразное ожерелье) и поманила Этиоля. Тот наклонился, вгляделся в амулет — искусно вырезанную из рога стелегата женскую фигурку. Старуха ловко накинула шнурок на шею пастуху, затем одобрительно кивнула.

— Вот и хорошо. Теперь я всегда буду с тобою. Я видела в снах Зыбучие земли, а теперь, выходит, отправлюсь с тобою в дорогу и смогу увидеть их собственными глазами.

Между тем Этиоль с интересом рассматривал подаренный ему оберег. Он почувствовал себя бодрее — вдвоем и путешествовать легче. Заодно проверил шнурок из сизаля: прочен ли, не перетерся ли, способен ли одолеть долгий путь.

— Полагаешь, — наконец спросил он, — эта костяшка поможет мне?

— Это не костяшка, — сурово предупредила старуха, — это я сама. Такая, какая есть — дряхлая, беззубая, над которой смеется деревенская малышня.

Этиоль искоса бросил взгляд на Фасталу, и на мгновение ему почудилось, что бельмо на ее лице вдруг обрело сверкнувший зрачок. Нет, это только отблеск огня, игра света. Померещилось.

— Амулет всегда будет со мной, — пообещал он. Пусть старуха верит, что вместе с ним отправилась в далекий путь, может, ей станет легче. Все-таки она была добра к нему. — Твой подарок принесет мне удачу.

— Повесь его на другое место, и тогда он принесет удачу *мне*. — Фастала неожиданно и громко засмеялась, затем так же вдруг посерьезнела и добавила: — Надеюсь, ты выполнишь мою просьбу, красавчик. Нигде и никогда не снимай оберег. Теперь ступай повидайся с женой, можешь даже возлечь с ней, а утром отправляйся в путь. Скажи напутственное слово детям и не забудь остановиться возле дома Лукулу. Она и другие женщины поделятся тем, что успели собрать в округе. Все это пригодится в твоем путешествии. Завтра с рассветом приходи к камню, в который угодила молния, и я укажу тебе дорогу. Это все, чем я в силах помочь тебе.

— Спасибо, Фастала. Кто знает, вдруг с твоей помощью мне удастся вернуть похищенную деву ее людям, а самому через месяц или два возвратиться домой.

Этиоль сам не верил в то, что сказал. Понятно, что за два месяца он вряд ли управится. О том же, вероятно, подумала и Фастала, потому и смолчала, чтобы не спугнуть удачу. Без удачи в дороге делать нечего.

II

Миранья тяжело восприняла известие о том, что муж должен покинуть семью, деревню, обездоленную суровую родину. Этиоль попытался обстоятельно объяснить ей, почему он вынужден оставить их, рассказал о беседе с Фасталой — все было напрасно.

— Пойми, — в который раз убеждал Миранью Этиоль, — если я откажусь от задуманного, не исполню завет, я уже не буду тем мужчиной, которого ты выбрала себе в мужья.

Жена, лежавшая рядом с ним, вдруг крепко ударила его по груди — вложила в шлепок всю ярость, нежелание разлучаться, отчаяние и нескончаемое ощущение безнадежности, которое ждало ее впереди.

— Пусть уж лучше половинка мужа, чем мертвый храбрец!

— Пойми, тот, кто откажется выполнить завещание мертвеца, будет навсегда проклят небесами.

— Но ведь ты же не хочешь уходить, правда? — Она яростно поцеловала его в шею.

— Нет. Не хочу.

— Никто бы не пошел. Тукарак не пошел бы. Не пошел бы даже Асаб.

— Это неизвестно. Но ведь ты же знаешь меня.

— Да, дьявол тебя побери! Ты всегда хотел казаться лучше, чем есть на самом деле. Собираешься спасти женщину, которую никогда не встречал!.. Чья она будет, кто ее предки? Землю, которая так жаждет вернуть сердце, ты и в глаза не видел! И все ради человека, который перед смертью что-то потребовал от тебя. Я знаю, что такое уговор, какова цена слову воина, но ведь, Этиоль, и передо мной и детьми у тебя есть обязанности.

— Ты так красива. — Он кончиками пальцев тронул лоб жены, кончиками же пальцев пробежал по телу. Словно летний теплый ветерок коснулся Мираньи... Она прижалась к мужу. Тот погладил ее волосы, попробовал распрямить локон, даже пригладил его, однако ничего не вышло — стоило отпустить прядь, как она тут же свернулась.

— А ты просто дурак! — прошептала Миранья сквозь слезы. — Что же делать жене дурака? — вопросила она, глядя в потолок.

— Ты неплохо прожила со мной... — начал было Этиоль.

— Тогда обещай мне, — Миранья приподнялась на локтях, заглянула ему в глаза, — обещай, что скоро вернешься.

— Сразу, как только исполню обет.

— Дай слово, что там, в дальних землях, какая бы холодная ночь ни выдалась, как бы тебе ни было тоскливо, ты не ляжешь с другой женщиной. Ты всегда будешь помнить, что я жду тебя.

Он улыбнулся, вздохнул, прислушался к своему телу, которое наполнялось любовным желанием, как озеро по весне наполняется талой водой.

— Нет на свете женщины, которая могла бы сравниться с тобой, Миранья.

На следующий день наступило трудное прощание с детьми. Сын Этиоля Даки, в момент повзрослевший и уже с утра напяливший пастушескую накидку, хотел первым подойти к отцу, однако маленькая Нелетча так и не дала ему возможности по-настоящему обнять Этиоля. Девочка накрепко вцепилась в отца и уже не плакала, только повторяла одно и то же: нет и нет. Мать с трудом оторвала ее руки, прижала к себе; там, в ее объятиях, она наконец обмякла.

С женой Этиоль простился ночью, до первых петухов. Так казалось разумней, зачем мучить детей собственными горестями. Вот почему Миранья держалась спокойно. С рассветом в доме Эхомбы собрались его ближайшие друзья. Этиоль ни словом не обмолвился о разговоре, который состоялся у него с Фасталой, однако близким людям ничего объяснять не надо. Ограничились легким похлопыванием по плечам, пожелали доброго пути и помахали руками на прощание. Хотя некоторые не соглашались с его решением.

Последним перед расставанием заговорил Хуламу:

— Послушай, Этиоль, Асаб может прочитать заклинание, совершить обряд и снять с тебя обет. Подумай...

— Асаб может снять заклятие, да я сам не могу. Как потом жить с такой ношей в сердце?

— А-а, жизнь коротка, словно песня — только затянул, уже конец. Ждут тебя, что ли, там, в неведомых землях?

— Не знаю. Вряд ли, — после короткой паузы ответил Этиоль. — Но идти надо.

— Куда? В дикую местность?.. Где людей заживо проглатывает пустота, а вещи, каковы они есть или должны быть, попросту не существуют? — Тукарак был мрачен, все пытался понять, что за чудо такое Зыбучие земли. — Никто оттуда не возвращается. Никто туда не ходит.

— Тогда зачем говорить, что оттуда нельзя вернуться?

Теперь, шагая по тропинке и вспоминая этот разговор, Этиоль озадаченно припомнил, что ответ на свой вопрос так и не получил. От Тукарака трудно дождаться ответа, он всегда был мастак задавать вопросы.

Скоро тропинка вывела путника к скалистому мысу, за которым играли тюлени, — здесь он остановился, чтобы набрать горсть омытой волнами гальки. Этиоль аккуратно ссыпал гальку в маленький мешочек и спрятал в кармане, застегнутом на деревянную пуговицу. В неведомом краю камушки напомнят ему о родных местах и семье.

На перевале он обернулся. Хижины, упрятанные среди сизоватых холмов, уже трудно было различить, только редкие дымы прозрачными столбами тянулись в тусклое еще небо. Глаза у Этиоля застило — может, от дымка, а может, легким ветерком со стороны моря надуло слезу.

Никто не ведал, когда молния обратилась в камень и мостиком легла через ручей, протекавший неподалеку от деревни. Случилось это в давние времена, однако до сих пор всякий, кто наступал на побуревшую, мшистую каменную гладь, испытывал странное покалывание по телу и звон в ушах.

Фастала, как и обещала, ждала его у переправы.

— Доброе утро, красавчик.

Старуха одобрительно осмотрела собравшегося в дальний путь мужчину. Одет он был в лучшую свою рубаху, на шее висело ритуальное ожерелье — Этиоль собственноручно просверлил отверстия в камушках и нанизал их на кожаный ремешок. В правой руке удлиненное копье с широким наконечником, за спиной в кожаных ножнах изготовленный из зуба кита меч, с обеих сторон обрамленный острейшими зубами гигантской белой акулы; и еще один меч, сработанный деревенским кузнецом Отжиханьей из падавших в незапамятные времена с неба железных камней.

— Я гляжу, ты хорошо подготовился к дальней дороге, — после недолгого осмотра добавила старуха.

Этиоль пожал плечами:

— Как положено. Уговор есть уговор.

Старуха понимающе кивнула и улыбнулась, обнажив беззубый рот.

— Уговор уговором, Этиоль, но никто в деревне худого слова о тебе не скажет, если ты с полдороги надумаешь вернуться домой.

— Нет, надо идти, — коротко ответил пастух, бросив взгляд поверх головы старухи — туда, где простира-

лось безлюдное и пустынное побережье. Гиблый край, отделивший окрестности деревни от реки Кохобот, за которой начинались Зыбучие земли. — Тарин Бекуит рассказал, что эту женщину Темарил увезли куда-то далеко за море. Как мне одолеть его?

— Ступай на север, — ответила старуха. — Пройдешь Зыбучие земли и доберешься до того места, где строят большие лодки. Там узнаешь, как переправиться через Семордрию.

— А что, действительно есть такие места?

— Да. В молодости я слыхала сказки о заморских королевствах. Там живут люди, которые отличаются от нас. Немного, но отличаются. Скорее всего ты сумеешь добраться до тех краев — кто-то же принес эти сказки, кому-то посчастливилось побывать там. Но если, — она на мгновение примолкла, — ты не найдешь дорогу, можешь с чистой совестью возвращаться домой. Тарин не вправе будет тебя упрекнуть: ты сделал все, что мог.

— Да, — закивал Этиоль, — это по-честному. Ладно, я пошел, не могу больше ждать. Пусть рассудит судьба.

Сморщенная рука старухи вдруг сильно сжала его запястье. Один ее глаз в упор смотрел на Этиоля, другой, бельмастый, надежно хранил тайну.

— Ты должен вернуться, Этиоль Эхомба. Непременно должен вернуться! Среди наумкибов нет никого выше тебя. И я не о твоем росте шучу!

— Я вернусь, Фастала. У меня семья и стадо, о них надо заботиться.

Он наклонился, чтобы поцеловать ссохшуюся, побуревшую от древности щеку, однако старуха неожиданно обхватила его за шею, повернула лицо и впилась губами в его губы. Этиоль даже отпрянуть не успел.

Старуха тут же отодвинулась, посмотрела на его удивленное лицо и засмеялась.

— Не удивляйся, красавчик. Я хоть и старая, но живая! А теперь ступай. Исполни наказ, и пусть дух Тарина Бекуита, глядя с небес, возрадуется великой удаче. Пусть воздаст хвалу за то, что в последнюю минуту ему повезло повстречать тебя, а не кого-то другого.

Этиоль зашагал прочь от камня. Добравшись до вершины скальной гряды, поросшей кривыми, изогнутыми деревьями, остановился и посмотрел назад.

Ниже в лощине еще была видна сгорбленная фигурка старухи. Прошло несколько мгновений, и она

скрылась из виду. Внезапный интерес родился в душе Этиоля: неплохо было бы взглянуть на Фасталу в ее молодые годы.

Налетевший порыв ветра едва не сбил его с ног — на море штормило. Вмиг исчезли посторонние мысли. Оно и верно, какой смысл гадать о прошлом.

Морские животные принялись тявкать на Этиоля, когда он шел кромкой галечного пляжа. Крупный обезьяний самец с упоением грыз большую раковину, выброшенную волной на берег, и с опаской глянул в сторону приближавшегося человека, но добычу не бросил и с места не сдвинулся. Наконец Этиоль вышел на высокий скальный обрыв и двинулся в глубь пустыни.

Эх, что бы Тарину явиться с юга! Через Уолаб и Аскакос можно добраться до небольшого торгового городка Наркакоса, где устраивали ярмарки. За ним лежали поселения Версеба, Ланос и Осьюбен. Что располагалось далее, Этиоль не знал. Говорят, чем дальше на юг, тем обильнее становилась земля всякими плодами, товарами, городами и деревнями. Наумкибы же поселились на самой северной оконечности этой страны. Когда их предки пришли сюда, никто не ведал. Отец говаривал маленькому Этиолю: кому-то надо и эти места осваивать. Здесь бедно и пусто, зато вольно и безопасно.

Так-то оно так, если бы не близость к пустыне. К северу тянулись жуткие, гиблые места, песок да камни. Лишь кое-где коренились в расщелинах уродливые кривые деревца — единственные растения, способные выжить в этом краю. Травы здесь не было, так что никто и никогда не пытался пасти здесь стада. Да и страшно — мало ли чего случится, например, туман с моря натянет, потом костей не найдешь. И тем не менее Эхомба в любую минуту был готов к встрече: долгий опыт подсказывал, что опасность в дороге может ждать за каждым поворотом.

На море, похоже, разыгрывалась буря. Поднялся холодный злой ветер, в лицо били мелкие камушки. Этиоль вынужден был обмотать голову длинным шарфом, только узкие щелочки для глаз оставил. Отшагав некоторое время, он решил, что дальше такие наскоки терпеть нельзя. Взобравшись на холм, Этиоль повернулся в сторону огромной и холодной Семордрии и крикнул ветру:

— Возвращайся в открытое море! Оставь меня в покое!

Ветер впал в ярость, что-то грозно и страшно проревел в ответ. По темно-зеленым волнам, сотрясавшим водную гладь, водоворотом побежал смерч. Вал, поднятый иг-

рой вскружившего смерч вихря, обрушился на берег. Внизу отчаянно затявкали и завыли обезьяны, взревели тюлени.

Однако на следующее утро погода установилась тихая. Этиоль, переночевавший в укрытии из одеяла и нанесенного волнами дерева, с удовлетворением отметил про себя, что, видно, ветру крепко досталось за буйство и беспечность. Теперь с моря тянул прохладный спокойный бриз. Зато на берег наполз густой туман. Чтобы не сбиться с пути, приходилось время от времени останавливаться и прислушиваться, ориентируясь на шум прибоя.

В полдень, отмерив долговязыми ногами положенное расстояние, Этиоль решил сделать привал. Развел костерок, вскипятил воду, заварил чай. Потом долго сидел, закутавшись в одеяло, размышлял, как быть. Отец рассказывал, что как раз туманы, часто наползавшие с моря, и остановили продвижение наумкибов дальше на север. Нередко непроглядная холодная мгла неделями висела над побережьем, а то, случалось, подобная марь проникала вглубь, покрывала дальние пастбища. Пастухи тогда спешили вернуться поближе к деревне и к морю, потому что заблудиться в ледяном липком месиве было раз плюнуть. Стоило только поддаться страху или потерять шум прибоя, и человек мог плутать в сероватой беспросветной жути, пока не кончатся припасы. Возможно, эта напасть, не позволившая людям с юга кочевать дальше на север, помешала и северянам добраться до южных поселений. В таком случае лучше идти вперед, чем греться у огня.

Этиоль скатал одеяло, привязал его поверх мешка. Об огне можно было не беспокоиться — вокруг ни травы, ни леса.

Туман словно встрепенулся, принялся хватать путника льдистыми лапами, старался задержать. Этиоль прибавил шаг, на ходу внимательно прислушался — верно, шум прибоя доносится слева.

Еще посмотрим, кто кого.

III

Земля вокруг на глазах зеленела, все чаще начали попадаться кусты, а то и заросли, редкие островки травы скоро увеличились до размеров лужков. Когда же пастух добрался до рослых, напоминавших прибрежные деревья сосен, округа уже приобрела приятный для глаз вид. Некоторые растения были

знакомы, например, ореховые пальмы или сосны, другие были в новинку. Одно из деревьев, обильно покрытое цветками и багрового цвета фруктами, привлекло особое внимание путника. На его ветвях ползали яркие жуки, в воздухе порхали огромные бабочки, лакомившиеся нектаром цветков.

Дойдя до обширной светлой рощи, Этиоль решил сделать привал, попить воды из лесного озерка, которое он там нашел. Правда, отдохнуть вволю не пришлось — встревожил странный шорох, прокатившийся по верхушкам деревьев. Спустя несколько минут его сменил ритмичный стойкий рокот.

По кронам деревьев двигались полчища обезьян. Ладно бы животные скакали по веткам — нет, обезьяны шли в ногу, шеренга за шеренгой. Впереди вожак, на голове которого была водружена каска, сделанная из половинки тыквы. Одет он был в подобие человечьего наряда, на шее болталось ожерелье из орехов и раковин — по-видимому, знак высшей власти. Удивительно, но все обезьяны несли с собой оружие. Передние ряды держали маленькие луки, за спинами воинов болтались колчаны, полные стрел. Следующий за лучниками отряд был вооружен дротиками, выструганными из крепких тонких сучьев. Не было ни женщин, ни детей — должно быть, те прятались в лагере, устроенном где-нибудь в чаще.

— Стой! — громко провозгласил вожак.

Обезьяньи воины тут же замерли, приняли боевую стойку. Лучники, расположившиеся на нижних ветвях, натянули луки.

Вожак, ловко цепляясь за ветки и помогая себе длинным хвостом, спустился на землю, приблизился к Эхомбе. Пастух чуть присел, чтобы хотя бы немного сравняться с предводителем обезьян в росте, затем вежливо склонил голову. Его глаза оказались на одном уровне с выпуклыми, настороженно смотревшими глазами предводителя обезьян. Тот некоторое время разглядывал человека, потом неожиданно протянул мягкую сухонькую ручку с розовыми крошечными пальчиками. Так, впрочем, решил про себя Этиоль, и должно было поступить воспитанное животное.

Он осторожно пожал пальчики. В этот момент царь обезьян представился:

— Я — Гомо.

— Этиоль Эхомба из рода наумкибов.

— Что-то я не слыхал о таком племени.

Между тем обезьяньи воины на ветках понемногу стали расслабляться и рассредоточились по купам соседних деревьев. Кое-кто вдруг запрыгал, кто-то повис на хвосте и принялся раскачиваться. Другие, сложив оружие, увлечен-

но занялись вычесыванием шкур, что-то с упоением ловили между шерстинок, угощали найденным соседей. Скоро в роще поднялся несусветный шум.

Вожак вдруг резко вскрикнул, и стало тихо.

Этиоль принялся объяснять:

— Мы — жители юга, оттуда иду. Была у меня нечаянная встреча с воином, умершим у моих ног. Теперь вот отправился исполнить его последнюю волю.

Гомо яростно почесался.

— А-а! Тебя, оказывается, выбрала дорога!..

Пастух кивнул, затем поинтересовался:

— Что привело моих дальних родичей в эту рощу? Решили насладиться плодами чудесного дерева? — Он указал на багряные фрукты.

Вождь обезьян отрицательно покачал головой.

— Нет, у нас другая печаль, — грустно ответил он. — Нам нужна помощь.

Потом, бросив взгляд на длинное копье, которое человек держал в руке, спросил?

— Ты — воин?

— Пастух. Но, как и все мужчины, когда потребуется, беру в руки оружие. Того и гляди нападут разбойники в надежде на легкую добычу. В нашей деревне им ее не видать.

— Я так понимаю, ты говоришь о бандитах человечьего рода? — спросил Гомо и помрачнел. — Людям деревьев такая беда не угрожает. У нас нет ничего, что могло бы прельстить человечью душу.

— Верно, — согласился Этиоль. — Даже самому маленькому барашку трудно пастись в кроне деревьев.

Гомо неожиданно и звучно рассмеялся. Смех его напоминал скорее тявканье, чем звонкий человечий хохот.

— Тяв-тяв-тяв! — закатывался обезьяний царь и шлепал себя по животу. С деревьев тоже посыпался рассыпистый лай.

Вдруг Гомо посерьезнел.

— Послушай, старший брат, — обратился он к Этиолю, прищурившись и оценивающе оглядев пастуха. — Ты такой верзила, что из тебя получилось бы по меньшей мере два воина. А нам бы очень пригодился воин даже в половину твоего роста.

Этиоль задумался, глянул поверх головы Гомо — там в просветах виднелась поросшая редкой травой земля, стояли деревья, на опушке зеленели кусты. В той стороне лежал север, туда ему надо спешить.

— Я же объяснил, что связан последней волей погибшего воина. Меня ждет семья. Мне каждый день дорог.

Гомо придвинулся ближе, и ужасная вонь облаком накрыла Эхомбу.

— Послушай, — рассудительно начал предводитель обезьян, — дальше к северу земля опять становится скудной, пропитание найти трудно. А вот если свернуть от побережья в глубь нашей страны и двинуться напрямую, можно очень быстро выйти на берег Орисбаба. Эта река, в свою очередь, вливается в полноводный Кохобот. Как раз у слияния лежит человеческий город Кора-Кери, где такие, как ты, могут добыть еду и отдых, а также разузнать, что за земли лежат к северу от Кохобота. Что там за рекой, ни я, ни мои люди не знаем.

Гомо уселся на землю, одной рукой оперся о тонкое древко копья. Его длинный пушистый хвост то сгибался, то разгибался, бил о землю, метался из стороны в сторону.

— Конечно, если это все тебе известно, то я скорее всего зря трачу свое время.

— Нет, неизвестно, — сказал Этиоль.

Каждый, кто имел дело с обезьянами, знает, сколько в них упрятано всякой хитрости, что они за проныры. Но никто и никогда не мог уличить их в сознательной лжи.

— Наши родные леса лежат по эту сторону Орисбаба. Если ты нам поможешь, я лично провожу тебя до Кора-Кери. Конечно, ты можешь и дальше идти по побережью, пока не доберешься до устья Кохобота. Потом еще недели две пути, может, и меньше — ноги у тебя длинные, — до Кора-Кери, но, говоря по совести, прямая дорога куда короче, и полно свежей родниковой воды, которую не надо нести на себе. А какие фрукты, какие коренья!..

Эхомба прикинул и так, и этак, потом кивнул:

— Ты прав, младший братец. Твоя дорога короче. Я вам помогу.

— То, о чем мы тебя просим, займет у тебя только одну ночь.

— И день тоже?

— Нет. — Гомо совсем помрачнел. — Враги нападают на нас по ночам, когда мы лишаемся сил.

— Что за напасть случилась у вас, Гомо? — подивился пастух. — У тебя такое многочисленное воинство. Чем может вам помочь один-единственный человек?

Умные грустные глаза глянули на Этиоля.

— Воинство-то большое, да только этого врага числом не возьмешь. Очень уж нам досаждает стая слельвов.

Этиоль понимающе покивал.

— Встречаться доводилось... Только на наши стада они нападать опасаются.

— Зато люди деревьев каждую ночь дрожат от страха. Враг крадет нашу пищу и пытается похитить детишек. Женщины в отчаянии, а мы все уже падаем с ног от недостатка сна. Рано или поздно слельвы нас совсем измотают, и тогда будет трагедия.

Гомо помолчал.

— Послушай, человек. У нас нет ни золота, ни серебра, я могу пообещать тебе только безопасную легкую дорогу — и нашу бесконечную благодарность. Если долг твой слишком тяжел и ты не можешь ни на шаг отступить от начертанного пути, я не буду настаивать. Но если есть в тебе хотя бы капелька сострадания, отправляйся с нами.

Эхомба задумался, а спустя мгновение резко выпрямился и встал. Испуганные воины-обезьяны, сгрудившиеся возле озерка, отпрянули, быстро взобрались на деревья. Гомо властным окриком остановил своих воинов, уже натянувших луки:

— Тихо! Человек будет говорить!..

Этиоль вскинул голову, окинул взглядом людей деревьев, заполнивших высоту, и крикнул:

— Каждый волен поступать, как ему вздумается. Я помогу вам — если это в моих силах...

Его слова вызвали бурю радости. Обезьяны словно с ума посходили: принялись кувыркаться, скакать с ветки на ветку, срывать листья и подбрасывать их вверх. Гомо тоже взобрался на самое высокое дерево и начал раскачиваться на тонкой ветке.

— Нам сюда, друг Эхомба! Поспешим. Мы отправились в поход, чтобы отыскать союзников, оставив свои семьи под защитой юнцов и стариков. Они ждут не дождутся нашего возвращения.

Эхомба проследил взглядом в том направлении, куда указал хвост Гомо, и сокрушенно воскликнул:

— Как же я поспею за вами? Я же не умею лазить по деревьям.

— И не надо, — ответил Гомо. — Твои сородичи давным-давно растеряли это великое чудесное умение и вынуждены топтать землю. Вот почему нам вас жаль... Двигайся вслед за нами. Лес здесь редок, скоро и мы последуем твоему примеру.

Действительно, спустя некоторое время Эхомба вышел на опушку и не только нагнал, но и обогнал с трудом передвигающихся по выжженной земле обезьян. Здесь они были очень уязвимы, потому отчаянно трусили и дрожали.

По пути им встретилась вышедшая на охоту самка леопарда. Она двигалась навстречу войску, и желтые пятна грозно высвечивались на черной шкуре. Хищник проводил взглядом войско обезьян, пару раз с досады стукнул хвостом о землю и затрусил прочь. Куда больше страха на Этиоля и его друзей-обезьян нагнало стадо шерстистых слонов. Звери двигались не разбирая дороги, напролом, и чуть не задели левый фланг воинства. Обезьяны в той стороне дружно затявкали. Две слонихи встали на задние ноги, вскинули хоботы и грозно затрубили. На том дело и кончилось.

После недолгого перехода Гомо приказал устроить привал. Обезьяны поделились с человеком едой: фруктами, ягодами и орехами. Этиоль принял угощение скорее из вежливости, хотя и с радостью — свои припасы лучше поберечь.

Вскоре показался край еще более обширного колка. Деревья там росли гуще, земля под ногами тоже наконец покрылась густым травяным покровом. Места были благодатные, вокруг порхали птицы, высоко над головами парили малые драконы.

— В той стороне Орисбаб.

Гомо хвостом указал направление и для верности ткнул в ту сторону розовым указательным пальчиком. Войско тут же перешло на быструю рысь. Помогая себе руками, обезьяны ходко засеменили в сторону леса.

— Наше поселение лежит чуть дальше на полдень. Скоро мы доберемся до реки и свернем на север. Я познакомлю тебя со своей семьей.

— Я бы тоже хотел познакомить тебя со своими... — вздохнул Этиоль.

— Послушай, Эхомба, я не пророк и не способен провидеть, чем закончится твое путешествие. Но предсказать, что берегом Орисбаба ты очень скоро доберешься до полноводного Кохобота и до Кора-Кери, это в моих силах. Большая удача, когда не надо плутать в пустыне, тратить силы на то, чтобы одолеть болота и заросли в устье большой реки.

Гомо обнял старшего брата за бедро, прижался к нему.

— Давай поторопимся, — попросил предводитель обезьян. — Так хочется поскорее узнать, все ли спокойно в стойбище.

Не успело солнце перевалить на другую сторону небосвода, как войско наконец добралось до родной стоянки. Взрыв радости, оглушающей, безумной, сразил человека. Ужимки, прыжки и гримасы, виденные им в дальней роще, не шли ни в какое сравнение с тем, с чем ему пришлось столкнуть-

ся на этот раз. Молодежь и самки попрыгали на землю и принялись выделывать такое, что Этиоль от изумления остановился. Радость встречи с сородичами превзошла всякие ожидания. В том, может, таился глубокий смысл — в необузданности, в естественности, в нескрываемом ликовании, с которым одно живое существо радовалось появлению другого.

Скоро войско было распущено, и самцы разбежались по укромным уголкам, где их ждали семьи. Гомо пригласил друга к себе в гости, познакомил с царицей — нарядной упитанной обезьянкой, отшлепал ради знакомства двух своих отпрысков. И было за что! Более подвижных и неугомонных созданий Этиоль в жизни не встречал. Первым делом они облазили человека с ног до головы — решили, так сказать, на ощупь изучить доставленный отцом экспонат старшего брата. Принялись дергать Этиоля за уши, за нос, за волосы, выкручивать пальцы... Гомо попросил Этиоля не стесняться и хорошенько отшлепать негодников, однако пастуху было жалко невинных малышей. Вспомнились свои двое, может, и не такие шустрые, но доверчивые. Каково родителям жить под страхом нападения безжалостных врагов, которые так и метят, как бы полакомиться самыми юными и нежными детишками.

Так прошел остаток дня. Темнота, просыпаясь, наваливалась с запада и с удовольствием принялась лакомиться дневным светом — отхватывала ломтями от небосвода, от чудно окрасившихся на закате далей, от лесной полупрозрачной светлоты. Тем не менее, несмотря на победу ночи, света в округе все еще хватало. Потемнели, но сохранились контуры ветвей, обломанных сучьев, удивительной, мерцающей черным массой выделяясь на фоне противоположного берега река. Чуть посвечивал и как бы колыхался облитый серебристым сиянием ствол апельсинового дерева, в развилке которого расположились Этиоль и Гомо. Повсюду — выше, ниже, по бокам — семьями отдыхал лесной народец. Самки прижимали детенышей, кормили младенцев грудью; малышня постарше присмирела и под присмотром стариков сидела в рядок на ветках. Взрослые самцы дремали вполглаза.

— Они обычно приходят оттуда, — сказал Гомо. — Переправляются через реку. Должно быть, живут в высоких деревьях на том берегу.

Годы пастушеской жизни и череда опасностей обострили слух и зрение Этиоля до такой степени, с какой не могут сравниться возможности среднего человека. Он и в деревне славился своей чуткостью, его всегда высылали в до-

зор. На этот раз он тоже первый услышал глухой шлепок. Сразу напрягся, чуть сменил позу, вгляделся в ту сторону, откуда донесся тревожный звук. Над черной гладью реки тенью мелькнуло что-то неуловимое, летучее. Это же птица!.. Неожиданно птица взмыла к звездам, затем вновь — со свистом — бросилась вниз, послышался шлепок, наконец мощный, словно выдох, взмах крыльев, и последнее, что сумел различить Этиоль, было серебряное пятнышко забившейся в когтях хищника рыбы.

Но движение на этом не кончилось. На фоне леса, покрывавшего заречье, вдруг очертилась какая-то еще более черная мрачная масса. Скопище непроглядной мглы росло и скоро, уже на этом берегу, начало делиться на отдельные контуры.

Гомо подал сигнал тревоги. В ту же секунду забывшиеся в дремоте воины похватали оружие. Старики, женщины и дети сбились в визжащий, тявкающий, орущий на все голоса гигантский ком. Войско заняло позиции вокруг соплеменников, а наиболее опытные бойцы собрались возле предводителя.

Эхомба устроился на корточках на толстом отростке, приготовил копье. Воздух вокруг него был пропитан едким запахом мускуса, который выделяла вся неисчислимая стая обезьян в момент опасности.

— Вот они, — наконец прошептал Гомо и ткнул дротиком куда-то вбок. — Почему они не хотят оставить нас в покое?

— Вы — легкая добыча, — ответил воин и, передвинувшись, слился со стволом дерева. Теперь его и в двух шагах не разглядишь. Насчет своего запаха он не беспокоился: в такой густой вони не до тонких струек человеческого пота.

— Послушай, Гомо, — тихо спросил Этиоль, — вы всегда обороняетесь подобным образом? Я уже вижу ваши слабые места.

Существо менее разумное оскорбилось бы, однако придавленный грузом ответственности вожак не мог позволить себе становиться в позу.

— Вот как? Какие именно?

— Сейчас времени нет, объясню позже.

Серп луны скрылся за облаком, и число надвигающихся слельвов сосчитать стало невозможно. В любом случае их было больше, чем группа, и меньше, чем орда.

В мгновение ока враги оказались на деревьях. Они хорошо ориентировались в темноте и сразу выбрали верное направление: попытались с наскока прорваться к убежищу, где прятались самки и детеныши. Воины, охранявшие убежище, принялись обстреливать их стрелами, отчаянно тыкали

своими легкими дротиками в тени, чем-то очень напоминавшие летучих мышей. Оружие обезьян вряд ли могло нанести серьезный ущерб этим тварям, да и попасть во врага во тьме и суматохе было трудно.

Эхомба, оказавшийся на фланге атаки, издал боевой клич родного племени и отчаянно дрался бок о бок с обезьянами. И все же одна мысль не давала ему покоя: что он здесь делает?.. А в следующий миг пришел ответ — отчаянный визг детеныша перекрыл какофонию битвы. Младенец столь маленький, что помещался на ладони, был вырван из рук матери удачливым слельвом.

Пастух не обладал проворством обезьян, зато выделялся ростом и массой. Враги не сразу поняли, с кем имеют дело, и Этиоль успел сразить двоих. Столкнувшись с неизвестным соперником, слельвы решили отступить.

Исчезли они так же неслышимо и неощутимо, как и появились — словно растаяли в ночном мраке.

Сражение было окончено. Теперь можно было подсчитывать потери.

Слельвы утащили младенца и старуху, не сумевшую вырваться из лап похитителей.

Гомо без сил подошел к своему другу-человеку.

— Если бы не ты, все могло бы кончиться гораздо хуже. — Он тяжело опустился на ветку. — Завтра они опять придут.

— Почему бы вам не покинуть эти места? — спросил Эхомба. — Разве мало благодатных уголков по обеим сторонам реки?

— Ты полагаешь, мы не пытались? — спросил Гомо. — Слельвы преследуют нас по пятам. Мы можем освободиться от них, если только между нами будет лежать Орисбаб. Во всю длину!.. Куда нам податься, скажи, старший брат? Здесь хорошее место, врагов, кроме слельвов, нет.

Скрестив руки на груди, пастух прислонился к стволу дерева.

— Я уважаю тех, кто беззаветно защищает свой родной дом. Но скажи, Гомо, не жили ли здесь слельвы раньше вас?

Обезьяний царь встрепенулся.

— Ты за кого, пастух? За нас или за наших заклятых врагов?

— Безусловно, не за тех, кто крадет детишек у их матерей! Но я прожил достаточно долго, чтобы понять: истина в подобных конфликтах далеко не так проста и однозначна, как кажется каждому из противников.

— Я обещал проводить тебя до цели в обмен на твою силу. Советы мне не нужны, — проворчал Гомо.

— Не дуйся, Гомо, я за вас. — Этиоль игриво ткнул друга тупым концом копья. — Просто с детства меня учили осматривать камень со всех сторон — кто знает, где таится скорпион.

Он потянулся и добавил:

— Ладно, пора взглянуть на этих чудищ, что не дают вам житья.

Гомо встрепенулся. Случившаяся размолвка уже забылась, теперь царь обезьян пытался угадать, что же задумал старший брат.

— У тебя есть идея?

— Возможно. Но прежде следует посмотреть, с кем нам пришлось иметь дело.

Погибший слельв, растянувшийся на земле, был крылат. Одно крыло, правда, оказалось сломано, но общий их размах заставил часто и тревожно забиться сердце Эхомбы. Крылья были перепончатые, как у летучих мышей, хотя сам слельв очень походил на человека, только до крайности худого, почти прозрачного. По крайней мере жидкий лунный свет свободно пробивался сквозь его плоть. Из лба слельва росли две антенки.

Рядом с погибшим врагом валялось его оружие — копье, почти невесомое, однако достаточно прочное, чтобы проткнуть обезьянью шкуру.

Пастух наклонился и попробовал поднять неведомое существо. Это удалось без труда, слельв весил куда меньше, чем обезьяна тех же размеров. Кости, наверное, полые, решил Этиоль. Во рту белели острые, как пила, зубы, длинные когти на руках и ногах могли ухватить что угодно.

— О чем задумался? — спросил Гомо.

Рядом собралась большая толпа обезьян. Все они с нескрываемым любопытством следили за действиями человека. Молчали, чутко прислушивались к каждому слову, которое мог издать старший брат. Среди воинов было много раненых, у одного на правое предплечье была наложена повязка из коры — слельв ударил его копьем.

Эхомба не спеша выбрался на опушку и долго, пристально всматривался в противоположный берег — в той стороне скрылись слельвы. Потом, закинув голову, посмотрел на небо. Собравшиеся вокруг обезьяны с редким единодушием старательно повторяли все движения человека. Возможно, подражая, они надеялись догадаться, какая же идея осенила старшего брата.

— Наверняка они дают вам передышку, — словно обращаясь к самому себе, наконец произнес Этиоль. — Иначе давно бы выжили вас отсюда. Скажи, друг, слельвы приходят в самые темные ночи, когда умирает и нарождается луна?

Гомо медленно кивнул.

— Верно. Порой они нападают, и тогда, когда от луны остается только корочка. Все зависит от того, насколько они голодны.

— Они всегда голодны, — промолвил один из стоявших поблизости воинов-обезьян. Его товарищи глухим рычанием и повизгиванием поддержали собрата.

— Понятно.

Человек повернулся и глянул по течению реки, затем обратился к обезьянам:

— Выходит, завтра ночью враг опять придет?

— По всей вероятности, — ответил Гомо и с нескрываемой ненавистью пнул задней лапой мертвого слельва.

— Тогда нам следует хорошенько подготовиться.

— Ты что-то придумал? — с надеждой спросил Гомо. Другие обезьяны тут же придвинулись ближе и с тем же нескрываемым ожиданием, открыв рты, уставились на человека.

Эхомба покивал.

— Есть мыслишка. Думаю, стоит попытаться..: По крайней мере вреда большого не будет.

Предводитель обезьян положил руку на локоть друга.

— Только скажи, что делать!

IV

Убедившись, что посты расставлены, Гомо отправился спать, а Эхомба еще некоторое время провел на берегу — решил до тонкостей обдумать свой план. Если задумка сработает, обезьянье царство надолго, если не навсегда, избавится от подлых тварей. Хотелось поскорее закончить дело и продолжить путь.

На следующее утро обезьяны, с необыкновенным рвением следуя указаниям Этиоля, разбежались по джунглям. Он еще не успел досказать свой замысел, как народ деревьев бросился исполнять задуманное. Только Гомо по-прежнему держался поближе к старшему брату. С его мордочки не сходила довольная улыбка. Вождь поминутно скалился и без конца твердил:

— Теперь-то мне все понятно, человек. Неглупо, очень даже неглупо. Ты хочешь, чтобы слельвы сделались видимы? И тогда нам будет легче целиться?

— Нет, — покачал головой Эхомба. — Целиться, я думаю, не придется.

Гомо пришел в замешательство.

— Тогда, признаться, я ничего не понимаю.

— Все впереди, поймешь, — многозначительно пообещал человек и тут же крикнул паре молодых самцов: — Нет, не туда! Выше, выше!.. Вот так, хорошо.

Затем он вновь повернулся к Гомо:

— Поймешь, когда сработает.

От дальнейших объяснений пастух отказался.

Следующая ночь выдалась еще более темной и мрачной, чем предыдущая. На сухом дереве, чуть дальше других выбежавшем к кромке воды, был устроен наблюдательный пост. Там, в развилке ствола, притаились Этиоль и Гомо. Отсюда даже в сгустившейся мгле было видно далеко. Глаза человека четко различали противоположный берег, сероватые контуры деревьев, светлую полоску пляжа, а ниже по течению — плавную излучину и песчаный плес. Предводитель обезьян по-прежнему держался поближе к старшему брату.

— Лучше ночки не придумаешь, — прошептал Гомо. — Будет удивительно, если они сегодня не явятся. Особенно после вчерашнего успеха.

— Если все получится, как задумано, это будет их последний набег, — уверил его Эхомба.

— Молю землю и воду, чтобы так и было. Я смертельно устал от слез и жалоб матерей.

Эхомба неожиданно вскинул руку и указал на противоположный берег Орисбаба.

— Смотри! Пришел час узнать, услышишь ли ты их снова.

Кроны деревьев зашевелились, листва вскипела, беззвучно забулькала, и в следующее мгновение грузное скопище черной непроглядной мглы обозначилось на фоне ярко-звездного неба. Эхомба невольно напрягся — похоже, слельвов было куда больше, чем в прошлый раз.

Его догадку подтвердил Гомо.

— Откуда их столько взялось?.. Не привыкли к потерям и, наверное, решили отомстить. Так вот вам! — Предводитель обезьян сделал крайне непристойный жест, с помощью которого все приматы выражают свое отношение к противнику.

— Ты прав, — согласился Эхомба. — К тому же они знают, что я здесь.

Гомо удивленно глянул на пастуха:

— Ты что, боишься?

— Нет, но и радости не испытываю. Скорее тревогу. Мне всегда не по себе перед сражением с врагом, который хочет отнять у меня жизнь. Когда мальчишка, впервые охраняющий ночью стадо, слышит рев небесного дракона, он или утрачивает страх, или не становится пастухом. — Этиоль улыбнулся в темноте. — Я хороший пастух.

Предводитель обезьян не ответил, только кивнул. Вид у него был мрачный. Он мягко коснулся теплой ладошкой колена Этиоля.

— Для человека ты слишком считаешься с нами, обезьянами. Делишься мыслями, помогаешь. Ты — добрый, Эхомба.

— Тише!.. Идут. Пусть все будут готовы.

— Все уже давно на местах. Не беспокойся, пастух, мои люди тебя не подведут.

С этими словами Гомо исчез в темноте.

В самом деле, орда слельвов оказалась куда многочисленнее, чем в предыдущую ночь. Полет этих тварей был неровен, зигзагообразен, они метались из стороны в сторону, скользили и отчаянно взмахивали крыльями. Должно быть, присутствие человека в стае обезьян поразило их и привело в ярость. Эхомба, глаза которого достаточно быстро привыкали к темноте, различал короткие дротики и даже небольшие кинжалы в лапах безжалостных тварей. В эту ночь, по-видимому, они решили хорошенько проучить своих заклятых врагов, чтобы раз и навсегда сломить их сопротивление.

Эхомба, до сих пор сидевший на корточках на толстом обломанном суку, неожиданно поднялся и закричал во все горло:

— Сюда! Летите сюда!.. — и принялся размахивать копьем.

Скопище слельвов, напоминавшее черную мрачную реку, не спеша одолевавшее русло Орисбаба, плавно изогнулось и устремилось к сухому дереву. На подлете поток слельвов разделился на несколько рукавов, намереваясь взять человека в кольцо. В тот же миг летучие твари издали боевой клич, напоминавший визг несмазанных петель. Скоро их скрипучий вой одолел шум текущей воды и шелест листвы.

Войско обезьян держалось молчком. Все взоры были направлены на человека, обещавшего раз и навсегда освободить лесной народец от безжалостных врагов. Что, если план не удастся? Что тогда будет с ними, с их самками и детенышами?.. В конце концов это не обезьяний, а человеческий план; люди же, как всем известно, гораздо глупее обитателей деревьев.

Эхомба выждал, пока враги приблизятся вплотную, что было сил закричал: «Начинай!» — и начал быстро, насколько позволяли человеческие руки и ноги, спускаться с дерева. Цепкие маленькие ручонки мягко приняли его и снесли на землю, в сторону. В следующее мгновение сухое дерево вспыхнуло ярким, внезапно пожравшим темноту пламенем.

Внутри ствола почти на всю высоту скрывалась широкая полость. Труха, осыпавшаяся на землю, была высушена до хруста. Весь день обезьяны набивали дупло сухой травой, прошлогодней хвоей, хворостом, смачивали всю эту массу сосновой смолой — одним словом, стаскивали к одиноко стоявшему дереву все, что могло разом вспыхнуть.

Потрудились на славу!

Дерево почти мгновенно превратилось в огромный пылающий факел. Орда слельвов буквально вдавила свои первые ряды в объятия разбушевавшегося огня. Следовавшие за ними летучие твари уже сами бросались в пламя. Эхомба рассчитывал, что слельвы, ночные животные, будут ослеплены, однако вышло, что только слепотой дело не ограничилось.

Гомо первым обратил на это внимание.

— Смотри! — закричал он. — Твари сами липнут к огню!

Этиоль ничего не ответил. Разворачивающаяся на его глазах картина гибели целого народа наполнила сердце горечью и ужасом.

Действительно, ночные существа повели себя в точности, как мотыльки, которых так и тянет на свет. Поддавшись колдовской власти огня, они метались вокруг гигантского факела; крылья их мгновенно вспыхивали, тела обугливались и падали на землю.

Так случилось, что вместо смертельной схватки, к которой готовился народ деревьев, обезьянам довелось увидеть, как извечные враги, столько лет досаждавшие им на новой родине, в безумном танце кружили вокруг огня и сгорали. Некоторые из слельвов еще пытались сопротивляться, справиться с необоримым инстинктом, но яркий свет манил неудержимо. Ночные существа совершали широкие круги — пытались, наверное, поскорее спрятаться в тень, отбрасываемую листвой и стволами соседних деревьев, избавиться от вида манящего пламени, однако здесь они, полуослепшие, рывками совершающие полет, становились легкой добычей дико тявкающих, жаждущих мести обезьян. Лес до сих пор не видывал таких прыжков, сальтомортале, ужимок и гримас, которые выделывали воины, добивая на земле ненавистных ночных убийц.

К тому моменту, когда по речной долине потянуло утренним ветерком, все было кончено. К концу избиения слельвов на поле битвы появились даже женщины с грудными малышами. Эхомба между тем, не желая участвовать в безжалостной расправе над летучими созданиями, отошел в сторону. И вдруг краем глаза заметил какое-то шевеление в ветвях ближайшего дерева. В следующее мгновение меч из заплечных ножен оказался у него в руке.

Выпеченное из жуткого мрака, неизвестное существо скорее ощущалось, чем очерчивалось в глубине освещаемых отблесками огня деревьев. Двигалось оно бесшумно, только пылали два красных ока. Всякий тут же отвел бы глаза, однако Этиолю хватило присутствия духа смотреть прямо, и спустя несколько мгновений он разглядел тонкий изгиб пасти, напоминавший кровоточащую рану. Существо вдруг прыгнуло вперед и отхватило кусок света от костра — не костра, а именно света. А затем повернулось и исчезло — то ли свет оказался слишком ярок, то ли вкус не понравился. Причем было ясно, что на самом деле хищник охотился не за физическим светом, а за светоносной аурой, за тем сиянием торжества, которое излучали празднующие победу обезьяны.

Едва Этиоль убрал оружие, как тут же вновь схватился за рукоять — в кустах хрустнула веточка. Подошедший к нему Гомо испуганно отпрянул от такой реакции.

— Что случилось, друг Эхомба? Что за странный взгляд!.. Поделись, что тебя так встревожило?

Пастух некоторое время помалкивал, затем кашлянул и ответил:

— Одна тварь пряталась вот там, за стволом дерева.

— Я смотрел в том же направлении, но ничего не видел.

— Нам трудно разглядеть эромакади. Нужен глаз опытного следопыта.

— Эромакади? — встревожился предводитель обезьян. — Я никогда не слыхал о таком животном.

— Это не животное. Это одно из тех существ, которые обитают там... — Пастух неопределенно махнул рукой. — В ином пространстве, что заполняет бреши в нашем мире. Это пожиратели света, но не того, которым так щедро делится с округой солнце или костер в ночи. Эромакади взрастают на радости матери, ласкающей своего малыша, на гордости отца, услышавшего о подвигах сына на поле брани, — одним словом, на всем, что несет отсвет души. Страшные, коварные, безжалостные существа! На них лежит ответственность за многие беды.. У нас на юге они, правда, встречаются редко.

Земли у нас скудные, пастбища тощие, особых радостей в жизни нет. Старики-наумкибы обязательно учат молодежь, как распознавать эромакади и как с ними обходиться.

— Понятно, — покивал Гомо. — Судя по твоему рассказу, с подобными тварями лучше не встречаться.

Этиоль пожал плечами.

— Они повсюду. Они хитры и непредсказуемы. Поговаривают, будто давным-давно эромакади сами были жертвами пожирателей тьмы, эромакади, но мне что-то не верится в эти дедовы сказки. Эромакади — это понятно, этих сколько угодно, но чтобы кто-то насыщался злом, тьмой и подлыми намерениями — вряд ли. С другой стороны, мир ведь на чем-то стоит, не разваливается... — Этиоль повернулся в сторону реки. — Ладно, если эромакади и приходил, то это был какой-то маленький эромакади, пугливый... Сунул нос в наш мир — и сразу бежать.

— Надеюсь, — с чувством произнес Гомо. — Не нравится мне сражаться неизвестно с чем. С тварью, которую нельзя разглядеть.

— Да и для человека это не просто. В следующий раз, когда почувствуешь приступ хандры, когда свет тебе будет не мил, знай — где-то поблизости притаился эромакади. Это он сглодал твою веселость духа, веру в себя и ожидание праздника.

Гомо от подобных слов даже вздрогнул. Обезьяны — натуры непосредственные, все принимают как есть, а уж после сегодняшней ночи величие Эхомбы в глазах обезьяньего царя выросло невероятно. Он казался существом, знавшим все и вся.

Сухое дерево горело еще по меньшей мере час, потом огромная головешка обрушилась; угли посвечивали до самого утра. Лесного пожара никто не боялся — джунгли вокруг были пропитаны сыростью, от реки тянуло туманом. Когда угасли последние искорки, Эхомба отправился спать — впереди его ждал долгий путь. Гомо перед самым отдыхом вновь принялся благодарить его.

— Все случилось, как ты и говорил, человек. За исключением разве что неуловимого эромакади, которого никто не видел.

— Нет, — зевнув, ответил Эхомба. — Все получилось совсем не так. Я и не ожидал, что слельвы полетят на огонь. Надеялся только, что они лишатся зрения и уберутся восвояси.

— Они заслуживают смерти! — возвестил предводитель обезьян, и собравшиеся вокруг воины ответили ему дружным тявканьем.

Затем Гомо вскинул тоненькую руку и, когда все стихли, торжественно провозгласил:

— Народ деревьев в долгу перед тобой, человек, отныне и до скончания времен.

Этиоль вежливо склонил голову.

— Будет вполне достаточно, если вы укажете мне дорогу в Кора-Кери.

Предводитель словно не услышал его. Он размышлял о чем-то своем.

— Об огне мы как раз не подумали. В ту давнюю пору, когда люди и другие обезьяны решили спуститься на землю, а наши предки сохранили верность деревьям, мы так и не смогли подружиться с огнем. Понятно, ведь дерево и огонь несовместимы. — Гомо выпятил нижнюю губу, затем острием копья осторожно тронул плечо Этиоля. — Вот в чем разгадка: вы обменяли свободу на огонь! Вот почему вы так неуклюжи на ветвях. Однако, выходит, это была выгодная сделка.

— Похоже на то, — подтвердил пастух. — Я, правда, в этих торгах не участвовал. За нас все решили отцы и деды, так что у меня не было выбора.

— Я смотрю, ты мастак шутить, — засмеялся Гомо (вслед за ним затявкала вся многочисленная стая обезьян). — И в воинском деле ты разбираешься. Неужели разумно нам расставаться, друг Эхомба? Не будет ли это с моей стороны несусветной глупостью?

— Нет, ведь у тебя под началом большое войско. — Этиоль указал на рассевшихся вокруг обезьян. Их было не меньше, чем листвы на деревьях. — Человек держит рядом с собой собак, кошек, но не обезьян. Твой народ будет рад, если я побыстрее покину ваши владения.

Гомо, в свою очередь, обвел взглядом деревья.

— Да, пастух, ты и на этот раз прав. Мы не привыкли жить рядом с чужаками, особенно если те высоки ростом, крепки и умны. Свобода не терпит укоров, примеров, призывов. Мы — самые лучшие, этим все сказано. Куда ты отправишься после Кора-Кери? — напоследок спросил предводитель обезьян.

— Ты имеешь в виду то место, куда мне необходимо добраться в конце пути? Если откровенно, я даже не знаю, в какой стороне расположен этот самый Эль-Ларимар. Где-то на севере. Одна надежда, что сумею отыскать кого-нибудь, кто знает, как переправиться через Семордрийский океан, а там уж буду расспрашивать.

Гомо нахмурился.

— Что-то я никогда не слышал о такой стране.

— Воин, связавший меня своей последней волей, рассказывал, будто в Эль-Ларимаре обитает какой-то нечестивый человек, который украл прорицательницу, славящуюся необыкновенной красотой. Она не любит и боится его. Вот ее мне и надо освободить.

Гомо почесал подбородок, стукнул пару раз хвостом по земле, покрытой хлопьями сажи.

— Поправь меня, если я что-то не так понимаю. Я вообще ничего не понимаю. Ты говоришь, что оставил скот, семью, детишек и отправился искать место, о котором тебе ничего не известно, женщину, о которой никогда не слыхал, чтобы сразиться с человеком, которого в глаза не видел? Так, что ли?..

— Похоже, что так, Гомо. Ты был многословен, но попал в точку.

Предводитель обезьян хмыкнул, вновь почесал подбородок. В этот момент он был очень похож на человека.

— И люди почему-то во всеуслышание заявляют, что мы, обезьяны, глупый народ!.. Послушай, Эхомба, этот воин мертв?

— Да.

— Он что-то искал возле твоей деревни? Что-то очень важное для него и для его народа?

— Да.

— Нашел?

— Нет. Тот, кто похитил прорицательницу, родом с севера. К нам он примчался ради того, чтобы запутать следы.

— Тогда ты здесь при чем? Разве у народа, за который сражался воин, не осталось больше мужчин?

— Не знаю. Думаю, мужчины остались. Но я поступил так, потому что иначе нельзя. Потому что я таким уродился. И не только я, но и все мое племя.

— Это люди, что ли? Те, кто спустился с деревьев?..

Эхомба кивнул.

— Вам что, больше всех надо?

Эхомба пожал плечами.

— Вот что, друг, ступай-ка ты домой, — посоветовал ему предводитель обезьян. — Вернешься, скажешь, что не нашел эту землю. Не нашел ни эту женщину, ни врага, с которым надо сразиться. Если кто-то начнет сомневаться, посоветуй ему самому отправиться по твоим следам и проверить. Когда этот неверующий доберется до нашей округи, мы вмиг растолкуем ему, что к чему. Мало ли что могло тебя остановить?! Широкая река, пустыня, бурное море. Наконец, крокодил мог тебя остановить! И никто не узнает правду.

— Я буду знать, — сказал Эхомба.

— Ответ, достойный героя. Или дурака. — Густые косматые брови Гомо полезли вверх, хвост дробно ударил по земле. — Так кто ты, Этиоль Эхомба, герой или дурак?

— Не знаю. Наверное, и тот, и другой. Так уж мы, люди, устроены.

— Нет, ты не дурак. Дураки упрямы и легковесны. Они сначала делают, потом думают. Ты не таков. После того как ты нам помог, я могу сказать, что в тебе достаточно храбрости и разума.

Обезьяний царь задумался, потом философски заметил:

— В конце концов все мы умрем, но сейчас, сегодня, мы живы. Значит, нам надо вкусить сытную еду, отдохнуть. У нас сегодня праздник. Понимаешь, пастух? И тебе надо отдохнуть. Я приглашаю тебя разделить радость с народом деревьев. Это редкая честь, Эхомба! Когда-нибудь ты вспомнишь мои слова. А завтра мы отправимся вверх по реке по направлению к Кора-Кери. Завтра мы поможем тебе понять, кто ты есть на самом деле!

Эхомба не ответил, поднялся с места и бросил взгляд окрест. Там и тут валялись обгорелые тушки слельвов. Почему бы этим хрупким созданиям не остаться на своем берегу? Зачем они отправились в поход? Неужели им не хватало пищи на своей стороне, и им непременно надо было отведать плоти людей деревьев? Их жены и дети ждут возвращения своих мужей и отцов. Не дождутся!

Зачем это?

Тоже глупый вопрос. Все ли вопросы, на которые нет ответа, глупы и их не стоит задавать? Тоже вопрос не из умных.

За рекой было тихо, как на кладбище в холодный безветренный день. На том берегу печаль, на этом праздник.

В тот день Этиоль опился брагой, изготавливаемой обезьянами из меда лесных пчел с добавкой особых фруктов.

На следующее утро пастух проснулся в ужасном состоянии. Голова буквально раскалывалась с похмелья, словно он всю ночь только тем и занимался, что использовал свой череп для игры в футбол. Одна радость, что все перепившиеся с вечера воины обезьяньего войска чувствовали себя не лучше. Только Гомо был бодр и деловит. Ударами хвоста он поднял лучших своих воинов, и скоро почетный эскорт, сопровождавший Эхомбу, отправился на север.

Утром, когда Гомо рассказывал пастуху, каким путем удобнее и быстрее добраться до Кора-Кери, Эти-

оль решил, что сопровождение ему не нужно. Все было понятно: у какого сухого дерева или развилки свернуть, где устроить привал, в каком месте переправиться через реку. Однако в пути, разогревшись, поглядывая окрест, он скоро осознал, что самые подробные указания не способны заменить надежного проводника. Обширные, наглухо заросшие лесом острова разделили течение Орисбаба на несколько проток, причем оказалось, что далеко не все они устремлялись на север. Стоило лишь ошибиться и свернуть не в тот рукав, как очень скоро попадешь в непроходимую местность. Заблудиться там, как объяснил ему Гомо, было раз тявкнуть.

Обезьяны же знали дорогу, ведали, когда и где свернуть. Большая часть войска двигалась по вершинам деревьев, шли ходко, ни разу не сбились с пути. При виде каждой развилки Этиоль думал, что перед ним именно тот знак, о котором рассказывал Гомо, но когда он пытался свернуть в ту сторону, предводитель обезьян только смеялся. Скоро пастух оставил эти попытки и шел туда, куда вели его друзья.

Конечно, прикинул он, можно вернуться на берег моря и продолжить путь на север до места впадения полноводного Кохобота, однако теперь, в незнакомой местности, стало очевидно, что так ему никогда не удалось бы добраться до Кора-Кери.

Успокоившись, Этиоль начал больше внимания обращать на то, что творилось вокруг.

Берега реки кипели всякой живностью. Из глубины темных вод Орисбаба всплывали водяные змеи — над водой то и дело поднимались их копьевидные головы. Эти существа, как пояснил Гомо, безобидны — не то что местные летающие драконы, особенно крупные и опасные. Они скользили над самой поверхностью воды и вдруг резко бросались в сторону продвигающихся по берегу обезьян. Те мгновенно прыгали в чащу, прятались в густом переплетении ветвей и уже оттуда строили рожи неудачливым хищникам. Драконы злобно шипели в ответ, а их желтые глаза светились недобрым огнем.

Несколько дней понадобилось обезьянам, чтобы добраться до места слияния Орисбаба и Кохобота. Здесь широкий водный поток сворачивал на запад и уже в едином русле устремлялся к океану.

Как только войско вышло на высокий берег, Гомо спустился с дерева и сказал подошедшему Эхомбе:

— Вот она, граница нашей земли! Отсюда воды текут на запад, в Семордрию. Если в этом месте переправиться через реку, то останется день пути до Кора-Кери. Одна-

ко в этом мы тебе не помощники, на тот берег ты должен перебраться сам. Нам пора возвращаться домой. Там теперь безопасно, детишки могут спокойно прыгать с ветки на ветку и без всякой опаски выбегать к реке, чтобы утолить жажду.

Он поднял руки и неуклюже обнял склонившегося к нему Этиоля. Объятие оказалось на удивление крепким.

— До свидания, Этиоль Эхомба! Я всегда буду вспоминать о тебе как о герое, потому что думать, что ты дурак, мне неприятно.

Эхомба положил руку на маленькое шерстистое плечо друга, ласково потрепал его.

— Поверь, для твоего пищеварения эта разница не имеет никакого значения. Я был рад подружиться с тобой, помочь твоему народу.

Между тем многочисленная толпа обезьян все ближе и ближе подвигалась к человеку. Все сгорали от любопытства, ожидая, как старший брат будет одолевать непреодолимую для народа деревьев водную преграду. Обезьяны ждали чуда.

Эхомба оглядел их напряженные мордочки, широко открытые глаза. Кое-кто замер, поджав лапки к груди и сжав маленькие розовые пальчики в кулаки. Другие спускались к воде, пробовали ее на ощупь, повизгивали. Третьи зевали, ожидая команды отправляться в обратный путь.

Человек очень быстро разрешил все сомнения. Он закрепил оружие на спине, потуже подвязал заплечный мешок, вскинул копье — теперь его древко было направлено параллельно земле — и ступил в воду. Потом оттолкнулся и поплыл. Обезьяны, все поголовно, замерли, потом дружно заверещали, а Эхомба между тем широкими гребками уже одолел первую сотню метров. Он был отличным пловцом, Этиоль Эхомба, и ничуть не боялся водного простора. Позади него вскипел изумленный обезьяний вой, но скоро и эти звуки затихли, придавленные мерным плеском струй и тем незабываемым шелестом, с каким текучая вода общается с землей и небом.

На стрежне Этиоль неожиданно обнаружил, что кто-то его догоняет.

Это была огромная лягушка, каких пастуху встречать не доводилось. Плыла она резво, и один ее гребок был равен трем гребкам человека. На морде у лягушки виднелось что-то вроде прозрачной маски или очков для плавания под водой, к которым была прикреплена поднятая вертикально вверх трубка из какого-то неизвестного, отливающего синим цветом материала.

От неожиданности Эхомба сбился с ритма, неуклюже забарахтался в воде. Лягушка в два гребка подплыла к нему, поддержала и похвалила:

— Ты неплохо плаваешь, человек.

Пастух справился с мгновенным замешательством и вновь принялся взмахивать руками.

— Что это на тебе надето? — спросил он и при этом указал на странное одеяние, в которое вырядилась лягушка.

— Наряд для подводного плавания. Маска, трубка, гидрокостюм. Ласты у меня свои. Я большая поклонница всяких технических штучек. В то время как мои соплеменники вынуждены каждые несколько минут всплывать для забора воздуха, я могу в три раза дольше оставаться под водой. С помощью этих резервных приспособлений я могу заплывать на неизведанные акватории, куда ни одна бестолковая в техническом отношении тварь и не сунется!

Лягушка неожиданно подмигнула ему. Огромный, прикрытый увеличительным стеклом глаз закрылся и вновь открылся. Зрелище было удивительное, и человек рискнул подплыть поближе, тем более что лягушка вела себя вполне миролюбиво и с тем же энтузиазмом продолжала:

— Здесь, на реке, есть места, где происходят выбросы метана — если, конечно, ты знаешь, что это такое. Там самая лучшая охота.

Эхомба перевернулся на спину и поплыл, закидывая руки за голову.

— Известно ли тебе, человек, — с нескрываемым превосходством выговорила лягушка, — что на белом свете есть много странных, полных всяких тайн мест. Большинство нос туда сунуть боятся. Но только не я!

Лягушка осклабилась — по-видимому, улыбнулась. Эта гримаса вызвала у Этиоля оторопь. Что поделаешь, если гигантские лягушки, даже энтузиасты технического прогресса, так и не научились улыбаться достойно, вежливо, чуть раздвинув губы.

— У меня есть друг-орел, — продолжала делиться соседка по заплыву, — тоже большой знаток теории полета. Он не испытывает охоты ловить лягушек. Ты бы видел, какой реактивный двигатель он соорудил. Крепится на спине...

Эхомба не выдержал.

— Это что, особая магия? — поинтересовался он.

Однако ответа не было. Лягушка уже успела нырнуть, только синие штанишки мелькнули на поверхности. Ну и пускай себе гребет!.. Эхомба успокоился, выбросил из головы отвлекающие мысли о странном. Мало ли чего в жизни

не бывает! Если бы его предки, каждый раз встречаясь с чудом, ломали бы головы, почему случилось так, а не этак, они бы никогда не стали расой, овладевшей землей и водой.

Неожиданно его правая нога коснулась чего-то склизкого. На мгновение пастух напрягся, потом сообразил, что это речное дно. По-видимому, на этой стороне ложе реки было покато. Выбравшись на берег, Этиоль оглянулся, чтобы оценить проделанный путь. Никаких следов присутствия обезьяньего войска он не обнаружил. Видно, простившись, они тут же двинулись в обратный путь.

Выбравшись на берег, Эхомба первым делом проверил, не потерял ли он что-нибудь из оружия и пожитков. А убедившись, что все на месте, и сориентировавшись по солнцу, двинулся на восток.

На ночлег он устроился на берегу, у самого края воды. Все эти дни его окружал нескончаемый многоголосый гвалт обезьяньего царства. Оказывается, в природе было много других, более мелодичных и завораживающих звуков, например, шелест ветра, скрип сучьев, хлюпанье воды. Все они создавали подобие тишины, особенно любезной человеческому уху. Высыпавшие на небе звезды тоже как бы решили придвинуться к земле и воде — посмотреть, что за существо развело небольшой костерок на песке, чем там оно питается в темноте. Этот круг Этиолю был привычен и уютен. Здесь, среди звезд, деревьев, воды и песка, он чувствовал себя уверенно.

Пастух завернулся в одеяло и свернулся калачиком. Если кто-то затаил против него злые мысли, пусть даже сам эромакади, то нечего в ожидании опасности всю ночь бодрствовать. Как ни борись со сном, все равно усталость одолеет. И вопросами не стоит мучиться. Сколько их, на все не ответишь, а ему надо хорошенько отдохнуть. Он успеет почувствовать приближение беды. Рыба ударит хвостом по поверхности воды, крикнет птица.

На этом месте его нагнал сон...

V

С рассветом Этиоль Эхомба продолжил путь.

Скоро пастух нашел тропинку, с ее помощью выбрался на дорогу, а к вечеру, как и предсказывал Гомо, уже вступил в округу, где во все стороны тянулись возделанные

поля, плодородным ожерельем окружавшие древний город. Стены его открылись внезапно, когда Эхомба поднялся на вершину холма.

По рассказам предводителя обезьян могло сложиться впечатление, что Кора-Кери представляет собой удивительное, ошеломляющее зрелище. Нельзя сказать, что Эхомба, поднявшись на холм, испытал сильное разочарование — к рассказам предводителя он всегда относился с недоверием; и все-таки, обозрев обшарпанные низкие стены, на которых там и тут виднелись пятна обвалившейся штукатурки, маленькие домики, заполнявшие городскую территорию, он почувствовал себя обманутым. С первого взгляда Кора-Кери казался обширным, но каким-то невзрачным, скучным поселением. Здесь не было ни мраморных дворцов, ни храмов, потрясавших колоннадами и башнями, ни ухоженных зеленых уголков, о которых можно было бы вспоминать на старости лет. Этиоля взяло сомнение: вряд ли местные жители могли что-либо знать о чудесных странах, если даже в богатых городах юга о такой удивительной стране, как Лаконда, никто слыхом не слыхивал.

Эхомба приблизился к городским воротам, возле которых выстроилась очередь желающих попасть за городские стены. Вдоль дороги выстроились повозки с впряженными в них лошадьми и верблюдами. Тянущие огромные телеги быки стояли, покорно опустив головы. Кое-где высились крытые фургоны, но пеших людей было куда больше. Все терпеливо ждали, когда их пропустят внутрь.

У ворот стояли с полдесятка стражников, проверявших поклажу, а изредка и заплечные мешки, с которыми местные крестьяне направлялись в город. На какой предмет проводился осмотр, что искали охранники, Этиоль не знал. Скоро подошла его очередь.

Стоявший впереди других стражник, заметив Эхомбу, почесал шрам, располосовавший щеку, и, привлекая внимание своих товарищей, воскликнул:

— Что за чудило, чуднее не придумаешь!

Потом он обратился к Эхомбе:

— Откуда идешь, долговязый?

Этиоль приблизился, прикинул: действительно, на ярко-синюю чалму, обмотанную у стражника вокруг железного шлема, он посматривал сверху вниз.

— Пожалуй, иду с юга, — ответил он.

В этот момент к Эхомбе подошел второй стражник и принялся его обнюхивать.

— Это пугало с ног до головы пропахло овцами и дымом костра. Хотя здесь есть кое-что еще...

Знаток местных запахов еще раз прильнул к чужестранцу. Видом он точь-в-точь напоминал ценителя доброго вина, опробующего сбродивший напиток последнего урожая.

— Понял! От него так и несет обезьянами!

Стражники расхохотались, при этом каждый старался отпустить в адрес пастуха шутку погрубее. Один из них бесцеремонно ткнул Эхомбу тупым концом копья под ребра.

— А ну-ка рассказывай, где ты набрался этой вони? Время от времени пасешь обезьян? Сколько заработал? Гляжу, сущие пустяки.

— Да, — поддержал его товарищ, — с таким богатством в Кора-Кери делать нечего. Наши шлюхи предпочитают звонкую монету, бананы их не интересуют.

Стражники заржали.

Эхомба помалкивал и простодушно, не моргая, смотрел на развеселившихся воинов. В этот момент начальник стражи вышел вперед и решил, что наступила минута, когда пора и власть проявить.

Между тем цепочка людей, повозок и фургонов, терпеливо ждущая, когда же наконец будет открыт проход, все удлинялась. В той стороне отчетливо слышался нетерпеливый шепот.

— Ну-ка, ты, обезьяний любовник, отвечай, какого рода дело привело тебя в наш город? — спросил начальник.

— Проходил мимо, — с тем же простодушием ответил Эхомба.

— Что значит — проходил мимо?!

Начальник уже более внимательно оглядел чужестранца. Его подчиненные вмиг перестали смеяться.

— Мимо — это куда?

— На север, — объяснил Эхомба.

— В самом деле? Тебе лучше бы не ходить в ту сторону. Говорят, там случилась какая-то заварушка...

Тут начальник замолчал, по-видимому, не желая развивать эту тему, отступил на шаг, оглядел Эхомбу с ног до головы и объявил:

— Плата за проход — золотая монета.

Пастух посерьезнел.

— Что-то я не видал, чтобы за проход платили.

Теперь нахмурился начальник стражи.

— Да неужели! Может, у тебя неладно со зрением? — В его голосе послышались зловещие нотки. — Если у

тебя нет золота, отправляйся, куда глаза глядят. Не знаю, куда они тебя, слепца, заведут.

В следующий момент он наполовину вытащил меч из ножен, потом сунул его обратно, однако пальцы с рукояти не убрал.

— Я не хочу неприятностей, — сказал Этиоль.

— Так и не ищи их.

Начальник протянул ладонь. Его воины между тем начали окружать пастуха.

— Ну? — Начальник с откровенной угрозой посмотрел на Эхомбу.

— Я простой пастух, откуда у меня золото? Моя деревня бедна.

Начальник пожал плечами.

— Тогда поворачивай и ступай обратно.

Эхомба бросил взгляд поверх охранников. В створе распахнутых ворот был виден край базара. С той стороны доносился многоголосый шум, вкусно тянуло жареным мясом и еще какими-то удивительно аппетитными запахами. До ноздрей долетал кружащий голову аромат свежеиспеченного хлеба. Торговцы всякими товарами стояли сразу за воротами.

— Я проделал долгий путь. Я очень устал. Я голоден и нуждаюсь в ночлеге.

— А ты обратись к своим друзьям-мартышкам, пусть они тебя накормят, — насмешливо предложил один из воинов. Однако на этот раз никто не поддержал шутника.

Начальник невозмутимо поинтересовался:

— Может, у тебя есть что-то другое? Что-нибудь на обмен?

Он, видно, хотел соблюсти приличия и в то же время цепким глазом ощупывал заплечный мешок на спине незнакомца. Поговаривали, что даже у простаков-южан попадаются удивительные безделушки.

— Я путешествую налегке. Все, что мне может потребоваться, ношу с собой, — мягко возразил Эхомба.

— А это копье, например. — Начальник жестом указал на оружие, которое Эхомба сжимал в руке. — Конечно, ничего особенного, варварский образец, и в бою бесполезен, но вдруг кто из любителей старины или собиратель курьезов им заинтересуется.

— Я уже сказал, — ответил Эхомба. — Я ношу с собой только то, что мне может понадобиться.

— Не скромничай. Наверное, и лишок прихватил.

Начальник подмигнул своим людям и сделал шаг вперед. На лице у него появилась кривая ухмылка.

— Ну-ка, покажи острие. Из какого камня оно выточено?

— Это не камень.

Эхомба опустил копье, чтобы начальник мог получше разглядеть наконечник. Тот был длиной в ладонь, темно-коричневый, с широкими зазубринами. Под наконечником располагалась опушка из перьев.

— Это окаменевший зуб существа, которое никогда не ступало на сушу. Старики в деревне утверждают, что в зубе до сих пор живет его дух.

— Вот и хорошо! Замечательная история!.. Это копье вполне может заменить золотую монету. — Начальник положил ладонь второй руки на рукоять меча. — Отдай его мне.

Воины, словно по команде, сгрудились вокруг пастуха таким образом, чтобы отрезать ему дорогу к бегству.

Эхомба спокойным взглядом обвел окруживших его людей.

— Ладно, — сказал он и коротко ткнул острием в сторону начальника караула.

Стража тут же отступила, воины выхватили мечи.

О том, что случилось далее, каждый из свидетелей рассказывал по-разному. Погонщики и возницы, местные крестьяне и горожане, столпившиеся у ворот и дожидавшиеся, когда подойдет их очередь пройти в город, долго и страстно спорили между собой. Все сошлись на том, что на месте странного долговязого чужестранца вдруг возникло существо, напоминавшее дракона. Большинство, конечно, ничего не видели, но тем жарче, стараясь убедить слушателей, доказывали, что голова у чудища была величиной с повозку. Самые горячие заявляли, что глаза у него были страшнее смерти, зубы что кривые сабли, руки длинные, тонкие, гребенчатый хвост, а вот ноги короткие, совсем как у человека.

Чудище якобы наклонилось к одному из стражей и зарычало так грозно, что даже самые храбрые мужчины в толпе сразу присели на корточки и закрыли головы руками. Этого рыка хватило, чтобы стражники побросали оружие и бросились врассыпную. Кроме одного бедолаги, который лишился чувств. Но прежде чем чудовище откусило ему голову, пастух отвел копье, и дракон вдруг втянулся в наконечник и бесследно исчез. Так по крайней мере рассказывали очевидцы — например, торговец лечебными травами, который все видел собственными глазами.

Между тем Эхомба широкими шагами направился в сторону базара. Следом за ним, воспользовавшись отсутствием стражи, хлынула многочисленная толпа, ожидавшая раз-

решения на проход. Что же касается всяких россказней, то их хватило только до вечера этого дня. На следующее утро уже никто не вспоминал о том, что произошло у городских ворот.

Эхомба беспрепятственно добрался до маленькой гостиницы, хозяин которой, едва услышав, что у чужестранца денег нет, погрустнел. Он начал ссылаться на то, что дела идут плохо и не каждому постояльцу можно доверять. Сколько раз его обманывали, в том числе и те, кто приходил с юга!..

Тогда долговязый странник предложил в уплату за кров и пищу свое ожерелье. Хозяин с кислой миной осмотрел безделушку, потом охотно, даже с какой-то радостью согласился предоставить комнату «цветному» из Наумкиба.

В первый раз, с тех пор как Эхомба оставил родной дом, он улегся на настоящую кровать. Однако, прежде чем устроиться, Этиоль решил понадежнее спрятать то, что казалось ему особенно ценным. Прежде всего небольшой мешочек со стеклянистыми полупрозрачными шариками (каждый размером не менее ногтя, а отдельные — с два ногтя), которые добывали в море к северу от деревни. Мешочек положил под подушку. Таким образом он мог постоянно напоминать о доме, к тому же подушка была такая маленькая и плоская, что лишней подкладка не показалась.

Как только пастух лег и закрыл глаза, как сразу почувствовал родной запах моря, исходивший от округлых камешков, и скоро провалился в глубокий сон.

Проснулся он, как обычно, на рассвете. Умылся, почистил оружие. Позавтракал внизу за широким столом. Обилие еды заинтересовало его — с чего бы хозяин так расщедрился? На столе были выставлены сосиски, намазанные чем-то сладким гренки, орехи, масло, яйца различных размеров и мясо — жареное и холодное. Этиоль в первый раз за эти дни наелся досыта.

К тому часу, когда он добрался до базара, торговля уже шла вовсю. Обширная торговая площадь была забита крестьянами и торговцами, тут же вперемежку сидели ремесленники, многие из которых прямо на улице ловко и весело творили свою работу. Хватало на рынке и выстроенных рядами лавок, крытых павильонов. В торговых рядах, где сидели важные пузатые купцы, тоже было не протолкнуться. Дверные проемы по большей части прикрывали занавески из нитей, унизанных стеклянными шариками — они мелодично позванивали, когда кто-нибудь входил в прохладное и обычно полутемное помещение.

Этиоль долго бродил по рядам. Здесь можно было купить все что душе угодно: ковры и коренья рамбутана, серебряные украшения и змеиное масло, свежую рыбу и ювелирные изделия, жирную овцу и молодую корову. Тут же на воздухе полуголые пекари искусно выпекали оладьи. Каждый так и сыпал прибаутками, хвалил свой товар и намекал, что секрет изумительных по вкусу лепешек ему достался от далеких предков. Так что налетай, хватай, обжигайся и наслаждайся!.. Этиоль попал под обстрел взглядов красавиц, сидевших в одной из лавок. Оттуда сразу выскочил молодой, гибкий, как мангуст, человек и предложил их купить или по крайней мере взять в аренду.

Шум стоял невообразимый, и тем не менее все вполне слышали друг друга. В другое время Этиоль не отказал бы себе в удовольствии побродить по базару, послушать местные новости, однако дело торопило. Поел он сытно, следовательно, пора искать того, кто смог бы внятно объяснить, как добраться до Лаконды. Прежде всего откуда уходят корабли, способные переправить его за море.

Недолгие расспросы скоро привели Этиоля к многоэтажному зданию, где черный лицом карлик посоветовал пройти на третий этаж. Пастух направился к лестнице, которая вывела его в полутемный холл, а оттуда на балкон, где надо было свернуть направо. Миновав с десяток дверей, Этиоль добрался до нарядного портика. Дверной проем здесь тоже был прикрыт занавесью из стеклянных шариков.

Этиоль кашлянул и в ответ услышал приглашение войти. Голос был женский, мелодичный.

Пастух осторожно переступил через порог и оказался в необычной просторной комнате, заполненной полками, стеллажами и шкафами, за стеклянными дверцами которых виднелись корешки старинных книг. Ближе к окну стоял фонтан, чьи тонкие струйки позванивали, нагоняя прохладу. Стенки фонтана были выложены черным и серым камнем, на срезе которых были видны ракушки и следы, оставленные древними животными. Фигурки подобных неведомых существ были выставлены по верху барьера. Эхомба приблизился и вдруг почувствовал присутствие их давным-давно погибших душ. Правда, здесь отголоски были намного слабее, чем зов духа, спрятанного в его оружии.

На полках были выставлены всевозможные природные диковинки: от странно изогнутых корней деревьев до каменных друз, извлеченных, должно быть, из самых недр

земли. Грудой лежали пергаментные свитки, на свободных участках стен висели маски.

Эхомба, досыта наглядевшись, с удовлетворением решил, что попал туда, куда следует.

Тот же звонкий напевный голос донесся из-за двери, врезанной в дальнюю стену:

— Подождите минутку!

Эхомба нашел свободное кресло и сел в нем прямо — облокачиваться, то есть прижиматься своим пыльным походным мешком и далеко не новенькими ножнами к изящной бархатной обивке спинки, не решился.

В этот момент в комнату вошла молодая женщина. Эхомба хотел было вскочить, но женщина махнула рукой — мол, сидите, затем представилась:

— Меня зовут Раэль из школы Сефима. Чем могу помочь?

— Я... Уж не знаю, как и сказать. Вы меня простите, деревенщину, я никак не ожидал...

— Вы надеялись увидеть здесь седовласого старца с морщинистым лицом и мудрым взглядом? Или толстуху с усиками и черными глазами? Да чтоб в руках у нее был магический шар... — Раэль засмеялась. Ее смех показался Этиолю сродни шепоту волн в летний безветренный день. — Не беспокойтесь, когда-нибудь я стану на них похожа, а пока мне жаль, что я разочаровала вас.

Эхомба попытался отвести глаза в сторону. С трудом, но ему это удалось. Хозяйка была молода и необыкновенно красива.

— Не могу сказать, что я разочарован.

— Что ж, спасибо. Итак, вы?..

— Этиоль Эхомба, пастух с юга.

— Я так и решила. — Женщина неопределенно покрутила рукой в воздухе. — Ваш вид, этот странный наряд...

Она села за широкий стол, сплошь забитый какими-то книгами, высушенными растениями, образцами насекомых, камней. Стояли здесь и бутыли с какой-то непонятной жидкостью.

— Что привело вас ко мне, Этиоль Эхомба? Пропала овца?

— Нет.

Она откровенно подразнивала его, это было ясно с первого взгляда, оттого, может, в нем не сразу возникло желание поведать этой женщине все, что случилось с ним в тот день, когда он набрел на Тарина Бекуита. Жизнь не раз показывала, что тайна, доверенная красивой женщине, становится достоянием всей округи.

— Дело в том, что умиравший возложил на меня исполнение своей последней воли.

Раэль сразу посерьезнела, и Этиоль почувствовал, что не ошибся. За легким кокетством и некоторой простительной молодости игривостью обнаружилась натура глубокая, вдумчивая. Если бы еще и многознающая!..

— Расскажите все по порядку.

Этиоль скупо поведал о том роковом дне, когда маленький Колаи разбудил деревню вестью, что на берег выбросило мертвецов. По мере того как он рассказывал, воздух в комнате странным образом замер, а потом начал колыхаться — сам по себе, в такт с сумерками, постепенно наполнившими комнату.

Хозяйка некоторое время сидела неподвижно, молча. Глаза ее были полузакрыты. Когда же она подняла голову и взглянула на посетителя, Эхомба с удивлением обнаружил, что цвет ее глаз странным образом поменялся: голубые зрачки превратились в черные.

— Дело непростое, Этиоль Эхомба.

— Точно, Раэль.

— Что касается твоего вопроса, где найти корабль, на котором можно отправиться за море, то я тебя разочарую. Торговые лодки, баржи, даже суда ходят по Кохоботу. Вниз идут по течению, вверх поднимаются на парусах. Насколько мне известно, никто из торговцев не пытался осилить Семордрийское течение. Разве что в дельте великой реки можно встретить хватких парней, которые пытались выйти в море, но и они двигались исключительно вдоль побережья. Мысль о том, что кому-то потребовалось пересечь великий океан, просто-напросто рассмешила бы их. Если всерьез, то они все испытывают ужас перед этими необъятными водами. Их интересуют только деньги. Всякие разговоры о том, что там за морем, какие земли, для них пустой звук.

— Понятно, — покивал Этиоль. — Тогда я отправлюсь дальше на север и на том побережье отыщу капитана, который согласится рискнуть.

Раэль нахмурилась.

— Север не место для прогулок. Там творится что-то ужасное.

— Мне уже говорили, — безучастно откликнулся Этиоль. В этот момент он мимолетно задумался о том, отошли ли от охватившего их ужаса стражники, стоявшие у ворот. — Ужасное меня не пугает.

На лице у женщины явственно обозначилось удивление, ее брови чуть поползли вверх.

— Что же тебя пугает?

Пастух пожал плечами:

— Невежество, несправедливость, эромакади.

Брови Раэль поползли еще выше.

— Ты не простой пастух, Этиоль Эхомба.

— Нет, всего лишь пастух из глухой деревушки.

Женщина помолчала.

— Может, ты и пастух, но только стадо твое не овечье. Если ты следопыт, то особого рода. То, что ты выслеживаешь, не оставляет следов. Я в этих делах разбираюсь. Если ты решил продолжать поиски, я объясню тебе маршрут, по которому удобнее и безопаснее всего добраться до северных территорий. Но прежде — ради интереса и потому, что ты мне симпатичен, — мне бы хотелось заглянуть в будущее. Что тебя ждет впереди, Этиоль Эхомба?

Она распахнула дверцу нижнего отделения шкафа, стоявшего рядом со столом, достала оттуда глыбу какого-то прозрачного минерала. Эхомба решил, что это кварц особого рода или что-то еще более экзотическое. Не спрашивая разрешения, он придвинул свое кресло поближе.

Магический кристалл представлял собой ровный куб, а вовсе не шар, как привыкли думать многие, испытывающие интерес к подобного рода вещам. Раэль водрузила камень на стол и принялась совершать пассы. Ее руки нежно оглаживали воздух у самой поверхности кристалла, изредка она легонько касалась его кончиками пальцев, но всегда в особых, известных только ей точках. Сам кристалл был прозрачен, однако в нем виднелись многочисленные вкрапления, многие из которых напоминали крылышки древних насекомых. Были там и кусочки других горных пород. Вместе эти инородные тела образовывали что-то вроде внутренней решетки.

К изумлению Этиоля, все они вдруг, следуя за руками хозяйки, пришли в движение. Сначала медленное, неспешное, хаотичное; затем в их перемещениях начал обнаруживаться некий порядок.

Неожиданно кристалл затянуло молочно-белым туманом, потом по этому месиву побежали цветные полосы, в глубине начали возникать нелепые, незнакомые очертания каких-то предметов.

Между тем Раэль онемела, замерла. Этиоль тоже затаил дыхание.

Наконец женщина откинулась к спинке стула, внезапно обмякла и ссутулилась. Магический кристалл обрел прежнюю прозрачность.

Раэль решительно вскинула голову, в упор глянула на посетителя.

Эхомба невольно подался вперед.

— Отправляйся домой, Этиоль Эхомба.

Пастух от удивления зажмурился, потом открыл глаза.

— Но почему?

— Ступай домой! — Она положила мягкую кисть с длинными ухоженными пальцами на кристалл. — Здесь мне открылось... Я видела! Беда, безмерная, неотвратимая. Если не послушаешь меня, остаток своей жизни проведешь в холодном навязчивом одиночестве. Поворачивай назад, возвращайся в родную деревню, к семье. Иначе будет поздно. Иначе ты погибнешь!

VI

Ошеломленный, он откинулся на спинку кресла. В наступившем безмолвии особенно резко и пронзительно заголосил располагавшийся за окном базар. Сквозь общий гул прорезались насмешки хлебопеков, их соленые, но всегда уместные шуточки, вопли разносчиков воды, напевные выкрики зазывал. Более того, только теперь, не зная, как переварить пророчество, Этиоль вдруг явственно почувствовал несказанно вкусные запахи, доставшие, оказывается, до третьего этажа. Даже в комнате что-то изменилось.

Может быть, волнение хозяйки кабинета нарушило мирную ауру, обитавшую здесь ранее. Женщина раскраснелась, еще более похорошела... Этиоль взял себя в руки и сосредоточил мысли на высказанном пророчестве.

— Я так и не разобрался, — он кивком указал на кристалл, — что же ты там увидала. Расскажи, пожалуйста, подробнее.

В следующее мгновение цвет глаз Раэль вновь изменился: зрачки налились темной зеленью.

— Женщину сверхъестественной... нет, просто неземной красоты!

Эхомба поджал губы.

— Это вряд ли можно расценить как предвестие несчастья.

— Значит, ты ничего не знаешь об окружающем мире, пришелец.

— Могу лишь согласиться с тобой. Я всего-навсего бедный пастух.

Она проницательно взглянула на него.

— Так ли, Этиоль Эхомба? Смотрю на тебя и удивляюсь: явился ко мне пастух, которому на роду написано быть озабоченным судьбой своего стада, поисками пропавших овец. Но нет — его вдруг потянуло на странное, и он отправился в путь. Сумасброд? Тоже не похож. Я внимательно приглядывалась к тебе: многое могут сказать руки, лицо посетителя, его манера сидеть, спрашивать. Особенно красноречивы чувства, которые обычно испытывает человек, увидев мой магический кристалл. Ты какой-то не такой, Эхомба. Даже понятия о том, что есть богатство и правда, у тебя заметно отличаются от тех представлений, которые разделяет большинство людей и особенно деревенские пастухи.

Когда разговор касался его личности, Этиолю всегда становилось не по себе, поэтому он решил твердо вернуться к главной теме. В конце концов, ему отправляться в путь и он должен знать точно, что ждет его в дороге.

— Если ты, Раэль, намерена заставить меня отказаться от назначенного судьбой, тебе следовало бы привести более веские доводы, чем лик красивой, пусть даже очень красивой женщины.

— Мои намерения совсем в другом. Я не призываю и не отвращаю. Я указываю будущее, а как поступить с моим предсказанием — каждый решает сам. Жизнь, Эхомба, есть имя существительное, прилагательные к которому мы отыскиваем сами. — Ее тонкая ручка любовно огладила поверхность прозрачного куба. — Мои обязанности заключаются в том, чтобы показать алчущему весь перечень этих прилагательных, ожидающих его в том или ином случае. Понятно?

— Даже очень, — покивал Этиоль. — Та женщина, что ты видела в камне, — прорицательница Темарил?

Глаза Раэль расширились.

— Выходит, ты и сам кое-что видел?

— Ничего подобного. — Этиоль скрестил руки на груди. Эта поза всегда приносила успокоение, пробуждала мысли, порой именно в этом положении к нему приходили ответы. — Темарил — имя девственницы, похищенной и спрятанной. Так сказал умиравший воин по имени Тарин Бекуит. Но эта картинка из прошлого, а не из будущего.

— Из будущего тоже. — Раэль подалась вперед. — Красавицу держит в плену маленький человечек, способный, однако, повелевать грозными духами.

— Химнет Одержимый?

— Да. — Раэль нахмурилась и принялась изучать расположение вкраплений в прозрачном камне, затем продолжила: — Они так и кружат вокруг него. Я, правда, не могу утверждать, что Химнет повелевает ими. Вполне может быть, что это они водят его на поводке.

— Мне кажется, справедливо и то, и другое.

— Они кружат и кружат, и на земле там и тут случаются бедствия, но все это в тумане. Все это уже догадки...

Теперь Раэль не отрываясь смотрела внутрь куба. Никаких картинок, пророчеств, диких образов, цветных полос там быть не могло — в этом Этиоль не сомневался, так как видел через камень ее заметно искаженное, но все равно притягательное лицо. То, что в чертах прорицательницы отразился ужас от увиденного, не могла скрыть даже прозрачная толща. Глаза Раэль вдруг обрели какой-то густо-желтый, как у кошки, оттенок. Следом послышался ее голос, вдруг понизившийся до грубоватого, хриплого баска:

— Я сильная женщина, Этиоль Эхомба, и способна постоять за себя. Умение хранить тайну, многоведение, отвага при наблюдениях за злыми духами — это все присуще моей профессии. Скажу больше: нам, гадалкам, как никому необходимы стойкость и мужество, потому именно на наши головы порой сыплются самые изощренные несчастья. Но поверь мне, пришелец, даже я никогда бы не отважилась бросить вызов силам, которые кружат вокруг этого коротышки. Дело в том, что их плотские сущности спрятаны от меня, я не знаю, как мне до них добраться, в какой стороне искать. Следовательно, мне не дано их поразить. Есть много разновидностей дьявольской дряни; эти твари какие-то особенные, моя власть на них не распространяется. Они могут погубить меня — а я даже не замечу, откуда пришла беда. У меня нет никакого желания разбираться с этой загадкой, совать свой нос в это дурно пахнущее варево. Чтобы справиться с ними, следует запастись терпением, очень много работать, искать.

Женщина на мгновение замолчала, потом с тихой, но откровенной страстностью в голосе продолжила:

— Я не верю, что ты сумеешь справиться с ними. В схватке с Химнетом и окружающими его духами ты будешь уничтожен. Если желаешь, я могу погадать еще раз. Мне известно много способов прозреть грядущее, в провидении тоже есть свои обходные пути. Ведь будущее, как ты сам понимаешь, далеко не однозначно.

— Надежда мне очень бы помогла, — тихо выговорил Этиоль. — Может, на этот раз высветится что-то более ободряющее?

Раэль сняла руки с куба, откинулась к спинке кресла, устроилась поудобнее и закрыла глаза.

В следующее мгновение Этиоль почувствовал, как окружающий воздух заметно уплотнился, словно его обволокло водяной завесью. Следом он почувствовал, как накатывают незримые волны — набегают и гаснут, унося с собой частички его души. Так морская влага, набежав на берег, растворяется в песке.

Прорицательница неожиданно открыла глаза. Они вновь стали голубыми.

«Редкое искусство», — одобрительно отметил про себя Этиоль и приготовился выслушать окончательный приговор.

— Ты пришелся мне по сердцу, Этиоль Эхомба, — заговорила женщина. — Глупо это или дерзко, все равно. Мне будет больно, если с тобой случится беда. Однако я ни в коем случае не желаю останавливать тебя, да мне это и не дано. Я даже пытаться не буду. Каждый сам определяет свою жизнь, воплощает ее в тех или иных поступках, украшает теми или иными фантазиями. Я предпочла сидеть здесь. — Она обвела рукой кабинет. — Я охотно делюсь с другими тем, что знаю сама. Мне отвечают уважением и деньгами. Это вполне достойная жизнь.

Раэль сделала паузу, в глазах у нее появился странный блеск, и сердце у Этиоля замерло. Вот она, правда, проступила сквозь завесу неясных томлений, ускользающих мыслей, буйства крови, притекающей к бедрам. Вот чего опасался и чего невольно желал Эхомба.

— Я бы предложила тебе остаться со мной — поверь, я говорю искренне, но если ты откажешься, я не обижусь. Перечить тебе в исполнении воли погибшего бессмысленно. Если ты когда-то решился сделать первый шаг, значит, сделаешь все последующие. Вот что я могу тебе предложить, Этиоль Эхомба: оставайся пока здесь, со мной, и, возможно, мне удастся найти средство, с помощью которого ты мог бы спасти свою жизнь.

Ее тело сказало больше, чем могли озвучить уста, — она потянулась к нему. Вот беда так беда!.. Раэль сменила позу, но и этого призывного лаконичного движения хватило, чтобы Этиоль накрепко сцепил руки.

— Я с удовольствием остался бы с тобой, — честно сказал пастух, — но есть у меня долг, и есть женщина, что ждет меня в нашем доме.

— Твой дом за много дней пути от Кора-Кери. Ты ушел надолго. Кто знает, как она справляется с одиночеством.

— Я даже думать об этом не хочу! — возразил Этиоль. — Зачем терзать себя без оснований?

Раэль нежно, с намеком погладила магический кристалл и хитро улыбнулась.

— Хочешь, я взгляну туда, — она указала пальчиком на кристалл, — и дам ответ?

Этиоль отвел взгляд в сторону.

— Нет, не хочу. Я бы предпочитал не знать.

Прорицательница, не в силах скрыть разочарование, насмешливо фыркнула.

— Следовательно, ты решил пребывать в блаженном неведении... Не лучший способ вступать в схватку.

— Кто говорит о блаженстве, — пожал плечами Этиоль. — На какую схватку ты намекаешь? В комнате, кроме нас с тобой, никого нет. Или мы будем биться друг против друга? Об этом я и думать не хочу.

Ее губы, которые — в другое время, в другой раз — он с таким удовольствием поцеловал бы, сурово сжались.

— Ты все-таки ненормальный, Этиоль Эхомба. Прости меня за прямоту... Моя профессия не учит общаться с людьми принципов. Я не готова иметь дело с такими, как ты.

— Я же сказал, — тихо возразил Этиоль, — я...

— Знаю-знаю. Ты простой пастух. — Раэль встала и подошла к окну. — Только тебе доступны такие вопросы, о которых здравомыслящий овчар и не слыхал. Хуже всего, что ты знаешь ответы на эти вопросы, и они по большей части верные.

Она повернулась и решительно ткнула указательным пальцем в сторону Этиоля.

— Неужели я неясно выразилась? Если будешь упрямиться, если в глупой гордыне решишь, что Темарил и ее народ пропадут без тебя, ты найдешь смерть. Слышишь, Этиоль Эхомба, тебя ждет погибель! Ну, что ты можешь сказать на это?

Он ответил тихо, спокойно:

— У тебя очень красивый пальчик.

Раэль, словно застигнутая обнаженной, резко опустила руку.

— Что ж, как знаешь. Вероятно, я ошиблась, ты не так умен, каким сумел прикинуться. Ты и в самом деле вполне здравомыслящий пастух, потерявший овцу. Ее поисками ты и занимаешься сейчас. На большее тебе не хватает сообразительности. Наивность и простота хороши в меру... Или... — Она неожиданно запнулась, потом решительно догово-

рила: — Ты самый искусный колдун, какого я когда-либо встречала.

Ее голос дрогнул, в нем вдруг послышались нотки раскаяния.

— Знаешь, сколько мужчин пытались добиться меня!.. Тратили на это месяцы, годы. Без всякого успеха! А ты, пришлый, вонючий, околдовал меня за считанные минуты. Я даже ничего не почувствовала. Обидно!.. Об этом даже стыдно говорить вслух, а я болтаю и болтаю. Услышал бы эти речи кто-нибудь из моих поклонников! Кто ты такой, Этиоль Эхомба?

Прежде чем изумленный до крайности Этиоль успел прижать руки к груди, попытаться клятвенно заверить, что он пастух из деревни наумкибов, что расположена на побережье за много-много дней пути от Кора-Кери, прорицательница легко пробежала по кабинету и скрылась за дверью, через которую вышла к посетителю. Сеанс был окончен.

Некоторое время Этиоль размышлял, что делать: пройти вслед за ней и объяснить, что он не колдун, что задних мыслей у него не было и нет? Потом, после короткого прилива отчаяния, согласился с внутренним голосом: лучше всего поскорее убраться отсюда.

Однако уходить не хотелось. Здесь, в кабинете, принадлежащем гадалке, было уютно и прохладно. Здесь он чувствовал себя как бы в своей тарелке, здесь, несмотря на всю бурю чувств, рвавшихся на волю, он мог расслабиться. Наверное, в дальней комнате, где исчезла Раэль, еще лучше, там — рай.

Грустно звякнули стеклянные шарики на прикрывавшей входной проем завесе.

Был поздний полдень, когда Этиоль вновь оказался в крикливой беспорядочной толпе, заполнившей базар. И вспомнил, что не расплатился за визит. Раэль убежала, так и не назначив цену. Сколько бы ни стоило ее гадание, он, судя по восторгу и алчности, вспыхнувшим в глазах хозяина гостиницы, когда тот увидел его камешки, мог бы достойно рассчитаться с ней.

Этиоль сунул руку в карман кильта и нащупал мешочек с неказистыми, похожими друг на друга дарами моря. Их собирали на пляже, сверлили, вправляли в серьги, изготавливали бусы. Однако на этот раз округлые безделушки не принесли привычного успокоения. Перед глазами до сих пор стоял образ прорицательницы.

Этиоль протискивался через толпу и все пытался настроиться на серьезный лад. Впереди ждала дальняя дорога, к ней надо как следует подготовиться, запастись всем необходимым. Прежде всего солью, сахаром и кое-какими спе-

циями, способными придать приятный вкус любой еде. Может, отыщется караван, отправляющийся на север? В компании всегда идти легче, и защита, считай, обеспечена. Но это все домыслы, прежде всего следует рассчитывать на себя. Скорее всего длинный путь на север в поисках капитана, который согласится доставить его в Эль-Ларимар, придется проделать в одиночку.

О землях, лежащих к северу от Кохобота, Эхомба почти ничего не знал. Вроде бы местность к северу от Кохобота называлась Зыбучими землями. Как возникло такое чудное и жутковатое название, никто не ведал. То ли потому что там пустынно, то ли по причинам более зловещим... Впрочем, скоро он своими глазами все увидит, тогда и поймет, почему те края получили такое мрачное название.

Побродив по базару и добыв все необходимое для долгого пути, Этиоль Эхомба поспешил в гостиницу. Не потому что голод погнал его или он что-то забыл в комнате, где провел ночь. Просто вспомнились слова Раэль. Что, если в следующий раз он опять наткнется на какого-нибудь знатока запахов? Надо ему набраться сил и хорошенько вымыться.

VII

На следующий день ранним утром Этиоль выступил в путь. Погода выдалась пасмурная, над городом сеял мелкий частый дождик. Низкие темные тучи приглушили краски, и стены домов, потемневшие от влаги, пропитались унынием. Дымы из труб сразу расползались, зависали сумрачным облаком. Нерадостно было и на душе. Опять вспомнилась Раэль. Как она там? Нахлынули яркие, смущающие душу картинки: вот она, обнаженная, раскинулась на кровати под защитой шелкового покрывала. Но эта защита слабая, ненадежная: стоит подуть ветерку, задрать край простыни, шелк вспорхнет, откроет тело...

Этиоль скрипнул зубами, в который раз обозвал себя дураком и свернул к северным воротам. Город был вытянут вдоль реки, восточное и западное направления считались главными, по берегу проходили торговые пути. Север был заселен слабо, поэтому ворота здесь были обшарпанные, невзрачные. И стража под стать — два малорослых, жмущихся друг к другу воина, не обращавших никакого внимания, кто следует

в город, кто выходит из него. Этиоль осторожно метнул взгляд в их сторону — никого из этих стражников не было в тот момент, когда он так неудачно пытался проникнуть в город. Подобной оплошности более допускать нельзя, какой бедой могло обернуться подобное легкомыслие, подумать страшно.

Между тем в полях повсюду трудились крестьяне. Мужчины и женщины согнулись в тяжелой работе, и лишь широкополые шляпы защищали их от дождя. Кора-Кери, по сути, являлся центром обширной провинции, скудное благоденствие которой покоилось на торговле и взращивании плодов земли. Почвы вокруг города были тощие, выручала, правда, близость реки. Воды для орошения здесь не жалели, и все равно хороший урожай стоил отупляющего труда и пота. В округе Эхомбы все было по-другому. Там вода ценилась на вес золота, и вся хозяйственная жизнь складывалась из нескончаемых кочевий, которые совершали пастухи, гоняя стада от источника к источнику. Однообразных физических усилий здесь требовалось немного, куда важнее были выносливость, сметка, без которой в пустыне пропадешь, отвага и разумная дерзость. Всех этих качеств не хватало местным жителям, вынужденным изо дня в день работать мотыгой или лопатой.

Шагая по дороге, Этиоль приглядывался к крестьянам и скоро пришел к выводу, что подобное житье не для него. С одной стороны, бесконечно унылое существование, с другой — относительная сытость, которая отучает думать. В их местах так не проживешь. В окрестностях Наумкиба каждый день приходилось быть начеку, следить за направлением ветра, за утренней и вечерней зорями — какую назавтра ждать погоду, примечать тончайшие детали поведения овец, бдительно наблюдать за побережьем и торной тропой, по которой в деревню могли ворваться разбойники. Всех забот сразу и не перечислишь. Мужчина в Наумкибе должен многое знать и уметь. Потому, наверное, возьми любого из их рода, того же Тукарака или хотя бы его самого, Эхомбу, — каждый из них мог выжить в таких условиях, в которых эти местные, с согнутыми спинами, давным-давно околели бы от голода.

Хотя кто может сказать наверняка! Не слишком ли большое значение он придает предсказанию Раэль? Ведь это только слова. Сам-то в магический кристалл не заглядывал! Вдруг этот самый Химнет Одержимый проявит уступчивость или к тому моменту, как он, Этиоль, доберется до Эль-Ларимара, коротышка потеряет всякий интерес к похищенной даме. Такое случается сплошь и рядом, даже самые раскраса-

вицы порой надоедают мужчинам. Или наоборот. Если эта догадка верна, тогда все испытания и опасности поджидают его именно в пути, и главное — добраться до страны колдуна. Если, конечно, он настоящий колдун. При всем своем умении Раэль так и не смогла дать определенный ответ на этот вопрос.

Так что шагай веселее, Эхомба, подбадривал себя пастух. Может, вовсе и не придется сражаться. Вообще война — противное дело, это он испытал на собственной шкуре. Потом только тем и приходится заниматься, как отыскивать по округе своих овец и заново строить дом. Разве не может случиться, что Химнет не имеет никакого отношения к дьявольской силе, просто у него характер такой дерзкий, необузданный. И не было у него никогда хорошего друга или мудрого наставника. Если укорять Химнета за то, что он позарился на женщину, тогда надо вынести приговор половине мужского поголовья во всех округах, от моря и до моря. И ему самому, Этиолю Эхомбе! Разве он не мечтал возлечь с красавицей Раэль?..

Ступни глубоко погружались в жидкую грязь. Можно было бы надеть башмаки, однако в дороге первое дело, чтобы подошвы дышали, это вам каждый пастух скажет. Погода стоит теплая. Что из того, что сыро, зато шагать мягко.

Под перебор подобных мыслей он вскоре добрался до проселка, которым обернулась прежняя покрытая брусчаткой дорога. Ранним вечером и проселок сузился до хорошо нахоженной тропы. Наконец тропа стала едва приметной и вдруг исчезла. Перед Этиолем лежала нехоженая земля, точнее, поросший густой травой необъятный луг. Птицы, ящерицы — все разбегались при приближении человека. На следующий день местная живность и дорогу не желала освобождать: ящерицы шипели, пытаясь напугать невиданное двуногое существо, пернатые голосили на все лады. Пожива для Эхомбы легкая, и он все эти дни питался свеженьким.

Через несколько дней Этиоль добрался до широкой и на удивление мелкой реки. Как она называлась, он не знал. Река текла по каменистым россыпям, вода была чистая, непохожая на взбаламученный Орисбаб.

Этиоль прошел берегом и скоро выбрал место, где можно было, не замочив живота, перебраться на другую сторону. Проверил затяжку ремней, обхвативших оружие и заплечный мешок, и уже совсем было собрался шагнуть в воду, как вдруг раздалось какое-то шипение. Он замер, прислушался.

Чей-то низкий шипящий голосок объявил:

— Ч-человек, теперь ты моя добыча. Я с-собираюсь лишшить тебя ж-жизни.

Справившись с испугом, Этиоль наклонился узнать, чей это голосок.

В густой прибрежной траве лежала свернувшаяся в клубок змея — большая, в два, а то и в три человеческих роста длиной. Бледно-лиловый окрас был ровен и густ, без рисунков, пятен или полос. Такие гадины ему прежде никогда не встречались. Если она ядовита, то у змеи таких размеров яда накопилось с ведро, не меньше.

Сложив губы особым образом, Эхомба ответил ей на языке лишенных ног. В ответ змея чуть отодвинула голову, и в глазах у нее появилось удивление.

— Ты ззнаешшь наш яззык? Из какого жже ты рода?..

— Я — пасстух, длинная сестрица.

Чтобы показать, что он не причинит змее вреда и не боится ее, Этиоль опустился рядом на камень, протянул ноги, сунул ступни в воду, чтобы охладить разгоряченные подошвы. Размеренно покивал, затем продолжил:

— Ессть, конечно, пасстухи, которые убивают ззмей вссякий раз, как только их заметят. Мол, они наводят порчу на овец. Я не из их числа и считаю все эти раззговоры доссужжими вымысслами. Лишшить жживое существо жизни!.. Надо очень вдумчиво прикинуть, за что, какие на то причины.

Змея развернулась, потом снова свернулась в кольчатую горку, и ее голова оказалась на уровне глаз странника. Теперь длинная сестрица не стесняясь разглядывала Эхомбу. Этот человек, похоже, действительно безвреден. Змея подползла ближе, свернулась таким образом, чтобы показать свои миролюбивые намерения.

— Удивительно, как ловко ты ухитряешшьссся ссклады-вать губы, — сказала она. — Очень похожже. Сскажи, пасстух, что, если мне пришлось убить одну из твоих овец? Как бы ты ззаговорил ссо мной?

Эхомба, справившись с испугом, испытывая блаженство от нежных прикосновений набегающих речных струй, некоторое время сидел молча, глядя вдоль реки. Вид отсюда открывался изумительный: всего в округе было вдоволь. Трава густая, деревья по берегам высокие, тенистые, водичка — сама сладость. Наверное, здесь каждая былинка сама идет в рост. Вон змеюка каких размеров вымахала! Такую одной овцой не накормишь. Но и голодом морить смысла нет. Он так и ответил.

— Вссякое жживое ссущество должно ессть, пить. Я, например, предпочитаю мясо, так что я тебя понял бы. Ну погонялся бы за тобой, прогнал, не без того, но убивать бы не стал.

— Я сслышала, что ессть люди, которые питаютсся только овощщами и фруктами.

Эхомба громко хмыкнул.

— Длинная ссестрицца, каждый из насс питаетсся согласно своим убеждениям. Так ужж усстроен человек. Вобьет в голову и верит — эта пищщща ссамая питательная. Я, например, недолго протянул бы на одних орехах и ягодах.

Змея понимающе зашипела.

— Я тожже. Трудно, понимаешшь, без чего-то теплого, с кровью. Тогда сскажи, человек, зачем, прежжде чем ссъесть, ты палишшь еду на огне?

— Не всегда. Знаешшь, я сссам порой люблю ссвежатинку.

Не спрашивая разрешения, змея несколько раз обвилась вокруг лодыжки Эхомбы. Она была тяжела, это Эхомба почувствовал сразу. Потом загрустил — теперь не сбежишь, шипи не шипи. Впрочем, он и не хотел убегать — змея оказалась мудрым собеседником.

Голова змеи вновь поднялась до уровня его глаз, расстояние между ними стало с растопыренную пядь.

— Ты не похожж на осстальных ходячих. Воззможжно, я не сстану тебя убивать.

— И на том сспасибо, — согласился Эхомба. — А то исспортишшь такой ззамечательный денек.

Змея попыталась просунуть голову ему под мышку. Чтобы ей было удобнее, Эхомба поднял руку. Длинная сестрица повозилась там, и вдруг ее голова всплыла на расстоянии полпяди от лица Эхомбы.

Теперь он мог внимательно разглядеть ее немигающие, безучастные глаза — очи самой смерти. Змея сделала еще один оборот вокруг его тела; теперь между его носом и кончиком раздвоенного языка сестрицы осталось меньше пальца.

— Кроме того, — с трудом вымолвил Эхомба (грудь его была стиснута), — я сслишком велик для тебя. Тебе меня за разз не проглотить.

Змея поиграла раздвоенным кончиком языка — то высунет его, то спрячет, — потом прошипела:

— Ты такой вкуссненький. Теплый, полный крови... — Она сделала паузу и добавила: — Но ты прав.

Пастух не спеша поднял руку и, коснувшись пальцами головы змеи, погладил ее. Та даже зажмурилась от удовольствия.

— Почему ты хотела убить меня? — спросил пастух.

— Ты напугал меня. Мне не нравитсся, когда кто-то мешшает мне высслеживать мышшей. К тому же я много дней поссстилась.

— Ссказать по правде, длинная ссестрица, я тоже. Давайка вмессте поохотимсся. Надеюссь, я найду что-нибудь годное и для ссебя, и для тебя.

Змея осторожно освободила человека из своих объятий, свернулась клубком у его ног и недоверчиво спросила:

— Ты хочешшь поделитьсся ссо мной пищщей поссле того, как я чуть не лишшила тебя жжиззни?

Эхомба поднял одну ногу, обтер о траву, затем другую, не спеша стряхнул налипшие комки грязи со своей юбки.

— Что изз того! Коли в пути мне повсстречается доброе ссущество, я всссегда делюсь с ним хлебом. Как же иначе?

— Ессли это вссе лишшь твоя человечесская хитроссть, мои братья обязательно отыщщут тебя.

Эхомба улыбнулся.

— Чему быть, того не миновать. Твои меньшшие братцы, зземляные черви, всё равно как-нибудь до меня доберутся... А теперь идем. Я, ззнаешшь ли, хорошший сследопыт.

— Ты вон какой долговяззый. Тебе ссверху все видно, — ответила змея. — А мне приходитсся ползти на ззапах или на тепло.

После нескольких часов поисков Эхомба наконец наткнулся на следы водосвинок. Он двинулся вперед и скоро вышел к реке, где вдали на мелководье нежилось стадо больших грызунов. Двух молоденьких кабанчиков было вполне достаточно для охотников. Этиоль уже совсем было собрался развести костер, чтобы поджарить мясо, как его спутница призналась:

— Меня прссто тошшнит от ззапаха жжареного мясса.

Считаясь с ее вкусами, Эхомба съел свою долю в сыром виде.

Только к ночи пастух позволил себе развести костер. Змея устроилась поодаль. К сожалению, свернуться клубком ей так и не удалось: мешало вздутие в середине ее длинного гибкого тела. Переваривание добычи — процесс долгий, неспешный, и все это время Эхомба охранял нового друга.

В конце концов змея поблагодарила его:

— Ты сслишком добр для обладающего ногами. Сспасибо тебе.

— Рад был помочь, — ответил человек.

— Хочу ссделать тебе подарок. Ты помог мне в охоте, а мы, лишшенные ног, всегда верны дружжбе. Я ссмотрю, ты носсишь сс ссобой воду?

Эхомба невольно бросил взгляд на кожаный мешок, в котором он держал запас воды.

— Безз нее мне не прожжить. Это вы, длинные ссесстры и братья, умеете долго терпеть. Мы — нет!

— Дай мне его, — попросила змея. — Я добавлю туда своего снадобья.

Удивленный Этиоль положил наполовину опорожненный бурдюк рядом со змеей.

— Открой, — прошипела гадина.

Эхомба послушался. Змея прочно взяла в рот одну из металлических скоб, служивших замком, а в следующую секунду в бурдюк полилась тоненькая струйка яда. Эхомба оцепенел. Наконец змея отползла в сторону и сказала:

— Я отмерила точно. Выпей вссе, только не сспеши. Тяни долго, по капельке. Ззамечательное сснадобье! Ночью помучаешшься, а к утру встанешшь ссильным, бодрым. Но это не все — поссле того как отведаешшь сснадобье, тебе никакой яд будет не страшшен. Не только мой, но и вссех моих братьев. Такой мой дар.

Эхомба осторожно процедил содержимое бурдюка через запасной клок материи, который был предназначен для штопки кильта. Затем последовал наставлениям змеи.

Часа два до самой темноты его трясло как в лихорадке, а когда неожиданно наступило прояснение, он почувствовал прилив сил.

— Сспассибо, младшая ссесстрица.

Тут же его неотвратимо потянуло в сон — видно, организму срочно требовался отдых.

— Что, — спросила гадина, — глазза сслипаются? У меня тожже. Ты меня утром не буди, я буду сспать несскольско дней.

— Обещаю вести себя тихо, как мышшь.

Удовлетворенное шипение было ему ответом. Уже засыпая, младшая сестрица пробормотала:

— Уфф, как я ссыта. Прошшу тебя, большше ни сслова о еде.

VIII

По правде говоря, утром Эхомбе было нелегко сдержать обещание, данное новому другу. Каждая мышца позванивала, каждый внутренний орган охотно подпевал, хотелось поднять голос над шепотом подернутой туманом реки...

Не тут-то было! Длинная сестрица просила не шуметь. Этиоль огорченно вздохнул. Впрочем, за него с восходом солнца заголосили длиннохвостые попугаи — шумно и крикливо воспели хвалу светилу, подарившему еще один день.

Пастух поднялся, быстро собрал свои пожитки, глянул на растянувшуюся поблизости змею. Удивительное дело, спроси какую-нибудь городскую модницу, как начет ползучих тварей, та в ужасе воскликнет — эти гадины страшнее всего на свете! Однако надеть босоножки из змеиной кожи она почитает особым шиком. Никому из пастухов или охотников в голову не придет ради ненависти убивать змею. Что касается младшей сестрицы, та словно в камень превратилась — теперь будет неделю переваривать пищу.

Стараясь не нарушить ее покой, не потревожить реку, утро, солнечный свет, в избытке ложившийся на землю, саму землю, пропитанную утренней росой, Этиоль Эхомба собрал пожитки и перебрался на противоположный берег.

Скоро вид окружающей местности совершенно изменился. Далеко позади остались река с низкими берегами и неспешным течением, неоглядная равнина, поросшая густой травой. На пути все чаще начали попадаться густые кустарниковые заросли, рощи, перелески, насквозь пронзаемые солнечным светом. Потом и яркие лучи перестали справляться с буйством растительности. Этиоль не заметил, как вступил в густой, пропитанный головокружительными дурманами лес, называемый джунглями. О нем, помнится, рассказывала Фастала. Это было царство растений и всевозможных насекомых.

Эхомба шел и с изумлением озирался: кто бы мог подумать, сколько диковинных организмов сотворила природа. То свисающие сверху стволы, то листья поразительной формы, то цветы, от запаха которых в голове начиналось невообразимое кружение... Хотя идти было легко. Высокие деревья, сплетаясь кронами, создавали тень, густая подгнивающая подстилка под ногами мягко пружинила. Вот место, которое пришлось бы по нраву Гомо и его народу!

Никаких следов обитания человека здесь он не нашел. Ни дорожки, ни тропки, ни даже лоскутка возделанной земли. По-видимому, жители Кора-Кери сюда не наведывались. Выходит, топать ему по безлюдной, незнакомой местности. Впрочем, такая перспектива не пугала Этиоля. Этим он занимался всю жизнь.

Так пастух вышел к огромному бревну, лежавшему поперек дороги.

Эхомба осторожно коснулся пальцами замшелой, скользкой поверхности. Поскреб и обнаружил под слоем мха камень. Удивительному препятствию не было видно конца: налево оно уходило на запад, а направо, плавно изогнувшись, устремлялось на северо-восток.

Сперва Этиоль решил, что это что-то вроде каменной кладки, однако, поискав, не нашел и следа швов, какие обычно получаются при укладывании камней или кирпичей. Стена была сплошная, изготовленная из какого-то литого твердого материала, в нем вкраплениями попадались галька и другие мелкие камешки. Кое-где на поверхности виднелись длинные полосы, словно материал просочился сквозь щели и так и застыл.

Кто мог соорудить подобную изгородь в диких непроходимых джунглях? От кого отгораживался? От жителей Кора-Кери? Может, потому горожане и не стремились забираться далеко на север?

Этиоль огляделся — вокруг никаких следов построек. Здесь не было развалин храмов, угловатых останков жилищ, фундаментов складов или иных строений. Только стена, возведенная неизвестным свихнувшимся архитектором, разделившим джунгли на две части. Там, где находился Эхомба, землей владели растения и твари. Кто же хозяйничал по ту сторону барьера?

Так или иначе, следовало приготовиться к любой опасности. С копьем наперевес, ощущая за спиной привычную тяжесть меча, Этиоль медленно двинулся вдоль стены — на север, куда лежал его путь. Скоро он добрался до пролома, достаточно широкого, чтобы через него мог пройти человек. И шагнул на ту сторону.

Все изменилось. Лес внезапно исчез, стала видна невысокая насыпь, на которой лежала широкая лента, сделанная, похоже, из того же материала, что и стена. Лента была подкрашена желтоватыми, убегавшими вдоль полотна штрихами и, подобно стене, тянулась с запада на северо-восток. В следующее мгновение в уши Этиолю ударило нараставшее рычание, и он отпрянул от пролома. Потом не удержался и вновь заглянул. Мимо на огромной скорости промчалось неведомое тупоносое чудище, резко запахло чем-то отвратительно-ядовитым.

Пастух выбрался на полотно. Теперь чудища побежали густо, рядами. По-видимому, их перегоняли с запада на восток — или они перекочевывали сами, по собственной воле. Однако более всего Этиоля поразил тот факт, что внутри чудищ сидели люди. Хмурое, сосредоточенное выражение на их лицах сменялось крайним удивлением, когда они проносились мимо

вышедшего на полотно человека. Некоторые даже оглядывались назад и что-то кричали, но слов было не разобрать.

Шум вокруг стоял несусветный; особенно он усилился, когда Этиоль рискнул ступить на твердое полотно. Теперь к реву прибавился и невыносимый визг, каким приветствовало пастуха каждое пробегавшее мимо существо, замедляя ход и стараясь его объехать.

Этиоль прыгнул вперед и оказался у невысокого барьера, делившего ленту пополам. По другую его сторону чудища неслись с такими же целеустремленностью и шумом, только в обратном направлении. Чтобы не оказаться раздавленным, пастух прижался к барьеру — к нему чудища близко не подходили, по-видимому, страшась какого-то оберегающего заклятия.

Вскоре Эхомба пришел к выводу, что это не животные, а повозки, влекомые загадочной силой. Однако от этого открытия легче не стало: набегавшие повозки принялись отчаянно голосить, замедлять ход. Постепенно на полосе их скопилось очень много.

Затем какофонию звуков перекрыл уже совсем невыносимый истошный переливчатый вой, и вдали показался экипаж, отличный от других хотя бы тем, что двигался он вдоль самого барьера, куда другие не приближались. На его крыше то вспыхивал, то гас огонь, напомнивший Эхомбе небесные сполохи, которые он наблюдал ясными зимними ночами. Неподалеку экипаж остановился, и оттуда вылезли два человека.

Одеты они были странно — их наряд очень напоминал шкуру подруги-змеи, с которой Этиоль расстался этим утром, не хватало только чешуек. Подобное сходство сильно действовало на нервы, и Эхомба предпочел ретироваться, тем более что незнакомцы, призывая к себе, стали делать ему недвусмысленные жесты. Он бросился через полотно, сбежал с насыпи и прыгнул в провал. Вокруг стоял тот же сумрачный, пропитанный влагой лес, по-прежнему капало с верхушек деревьев, и этот нескончаемый дождь, родные запахи и звуки вернули ему уверенность.

Чья-то тяжелая рука вдруг легла ему на плечо. Этиоль резко повернулся и обнаружил перед собой одного из змеелюдей, высовывающегося из провала в стене. Тот вспотел, тяжело дышал и с такой яростью смотрел на Эхомбу, что пастух невольно потянулся к рукояти меча, висевшего за спиной.

Потом взгляд незнакомца застыл и наполнился ужасом — он увидел за спиной своей жертвы непроходимые джунгли, услышал звонкие трели лесных птиц, почувствовал

злые укусы насекомых, вдохнул воздух, насыщенный кислородом и запахом гниющих листьев... Змеечеловек вскрикнул, зажал нос рукой и потерял сознание.

Этиоль так и не мог понять: сам ли змеечеловек, падая, оказался по ту сторону провала, или товарищ вытащил его из сумеречного зеленого царства. В любом случае никто больше из провала не вышел. Спустя некоторое время пастух отпустил рукоять меча, прислушался и, не обнаружив никаких признаков опасности, продолжил путь вдоль стены, отгораживающей заповедный лес от неведомых, не знающих покоя самодвижущихся повозок.

Шагая на север, он упорно размышлял над увиденным, пока наконец не смекнул, почему люди называли края, куда он стремился, Зыбучими землями. На мгновение ему стало не по себе — если он прямиком направляется в царство странных людей, забравшихся в утробы ревущих, несущихся с безумной скоростью механизмов, то не иначе это дорога в никуда. Или, поправил он себя, в иной мир.

Скоро стена внезапно оборвалась, давая ему свободу двигаться в любом направлении. Нет, она не ушла под землю и не вознеслась магическим образом в небеса — просто закончилась. Нахмурившись, Эхомба долго размышлял, как так может быть? Затем приблизился. Из торца словно оборванной стены торчали длинные куски проволоки толщиной в большой палец, придавая конструкции какой-то недоделанный вид. Вероятно, так можно охарактеризовать и весь мир за этой стеной — недоделанный!.. Хитро улыбаясь, Этиоль сорвал огромную поганку и нанизал ее на торчащий металлический прут — пусть знают!

Скоро он забрел в такую чащу, где каждый шаг давался с трудом. Деревья здесь были огромные, подлесок непролазен, стебли лиан переплелись так густо, что едва можно было пройти. Капли, падавшие с крон, сыпались дождем, солнце скрылось за набежавшими тучами. Опасаясь сбиться с пути, Этиоль вытащил меч и на ближайшем дереве вырубил стрелу, указывающую направление, которого следовало держаться. Желтоватый шрам отчетливо выделялся на фоне темной коры. Удовлетворившись сделанным, пастух двинулся в путь и шагал так, пока не заметил впереди какое-то пятнышко.

Он подошел ближе и с удивлением обнаружил, что вернулся к собственной отметине в форме стрелы.

Выходит, он двигался по кругу!

Что ж, следует более тщательно выбирать маршрут и не сбиваться.

Этиоль еще несколько раз оборачивался, пока меченое дерево не скрылось из виду. Теперь он уже не сомневался, что если и идет не строго по прямой, так уж наверняка двигается на север. А потом вновь наткнулся на ту же самую зарубку.

Выходит, заблудился?

Не спеши с выводами, поправил себя Эхомба. Передохни, постарайся припомнить свой путь с того момента, как солнце скрылось за тучами. Так он привык поступать с детства, когда отец отправлял его со стадом и наказывал ни в коем случае не терять головы. Тем более поддаваться страху. Этиоль сам дошел до мысли — и опыт подтвердил ее, — что винить в пропаже овцы или коровы злобного великана, потустороннего духа или какие-нибудь другие таинственные силы по меньшей мере глупо, так как скорее всего несчастное животное заблудилось, свалилось в овраг или, наевшись ядовитой травы, где-нибудь лежит.

Эхомбу никогда не мучили образы незримых досаждающих людям сущностей, не встречался он и с привидениями и прочими неведомыми существами, цели которых непонятны и таинственны. Не испытывая потребности забыться, на время уйти в чуждый, потусторонний мир, никогда он не жевал дурманящую траву, не напивался допьяна. Должны существовать веские причины, чтобы лишиться рассудка и пожелать странного. Отсюда следовало, что прежде всего надо в точности удостовериться, на этом ли дереве он сделал первую зарубку. Если да, то необходимо взять поправку: сместить направление вправо, поскольку он вышел к исходной точке слева.

Этиоль встал, осмотрел глубокую, начавшую затягиваться густым древесным соком прорезь. Вне всякого сомнения, это его отметина. И дерево то же самое.

Для верности он решил вырубить еще одну стрелу, чтобы уж никаких сомнений не оставалось.

Пастух достал меч, взмахнул им, и вдруг сверху отчетливо донеслось:

— Сколько можно! Неужели тебе доставляет удовольствие крушить мою плоть?

Эхомба застыл с поднятым мечом. Вокруг стояла тишина. И дерево было как дерево, самое обыкновенное. А не показалось ли, спросил себя пастух. Мало ли, устал, натерпелся за день...

— Не веришь? Зря, это я с тобой разговариваю. Я, кому ты причинил боль.

— Прости. — Этиоль развел руки и склонил голову. — Я не хотел тебя ранить. Просто до сих пор я не слышал, чтобы деревья были такие чувствительные.

— Вот как? Со сколькими же деревьями ты вступал в беседу, прежде чем заносил топор?

— По правде говоря, могучий обитатель леса, ни с одним. В подобных делах у меня опыта маловато. В тех краях, откуда я родом, твои собратья — редкость. У нас они наперечет, они дают тень и плоды, так что мы их оберегаем. Но здесь, — он повел рукой, — прямо со своего места я вижу деревьев больше, чем растет во всей округе моего дома.

— Должно быть, ты явился из скудной земли, если у вас так мало деревьев.

Голос, долетавший до Этиоля сверху, явно смягчился.

— Как подсказывает мне опыт, — продолжил он, — большинство из людей куда менее чувствительны, чем мои сородичи. Хотя не берусь утверждать, что среди вас совсем нет чутких, способных ощутить чужую боль, в целом, ваше племя — это вздорные, чуть что теряющие разум создания, способные только рушить, жечь и топтать. Они даже сунуться боятся в Зыбучие земли. Стоит им попасть в лес, как они тут же начинают делать отметины, ломать ветки и разводить костры. А затем неминуемо заблудятся — если не хуже.

— Потому я и делаю зарубки, — попытался объяснить пастух. — Чтобы не проходить одним путем дважды. Однако, похоже, я кружу на месте...

— Чепуха! — ответило дерево. — Ты идешь прямо на север. Я едва за тобой поспевал.

Выходит, это одно и то же дерево, только оно не стоит на месте.

— Но ведь деревья не умеют ходить, — заметил Этиоль.

— Для человека, явившегося из страны, где деревьев раз, два и обчелся, ты слишком много на себя берешь, делая такие заявления.

Дерево пошевелило ветвями, и Эхомба решил, что наступила последняя минута его жизни. Зрелище было грозное. Словно буря обрушилась на крону могучего лесного великана. Из земли вдруг показался могучий толстоватый корень, за ним другой, третий. Ствол оперся на них и вдруг шагнул. Степенно перенес тяжесть на выдвинувшийся вперед мощный отросток, затем подтянул задние, выползшие из грунта корни. Сделав несколько шагов, лесной великан остановился, и корни ушли в землю.

— Беру свое заявление назад! — поспешно выкрикнул Этиоль.

Нижние ветви протянулись к человеку, потрепали его по голове.

— Ты еще молод и глуп, я прощаю тебя. Но предупреждаю: больше никаких зарубок. На пути тебе наверняка встретятся растения куда менее добрые, чем я.

Ветви обхватили Этиоля, подтащили поближе. Он оказался как раз возле вырубленной в древесине стрелы. Рана уже полностью затянулась зеленовато-бурым мутным соком.

— Прости, я не ведал, — тихо пробормотал человек.

— Ладно. Только всегда помни, как твои сородичи обращаются с деревьями у себя на родине. С тем же уважением относись к каждому ростку, проклюнувшемуся из земли.

Эхомба кивнул, повернулся и хотел было шагнуть, но тут же отдернул ногу. Его ступня нацелилась прямо на слабый стебелек с парой листочков, сумевший пробиться сквозь слой подгнивающей листвы. Вот было бы весело, если бы он на глазах лесного великана раздавил бы этого младенца. Хотя откуда у дерева глаза?.. Этиоль только усмехнулся. Теперь его не проведешь: если ствол, увенчанный листвой, внезапно обрел дар голоса, то, конечно, глаз ему тоже не занимать. Судя по высказываниям лесного великана, деревья здесь крайне чувствительны и обидчивы. Мало ему хлопот с опасными зверями, так теперь еще и это!..

Между тем жара в джунглях стала нестерпимой, влажность повысилась настолько, что пот просто струился по телу. Только привычка к жаре спасала Этиоля. Любой другой человек, выросший в умеренном климате, давным-давно погиб бы в этом душном, сыром царстве.

Пастух достал сосуд с водой и сделал несколько глотков. На некоторое время полегчало.

К вечеру он набрел на еще одну диковинку — огромный, в три человеческих роста камень, вернее, каменная плита, словно наконечник копья выступавшая из влажной, болотистой почвы. Когда путешествуешь по грязи и перегною, находка, подобная этой, становится радостным событием. Поверхность плиты была ровная, почти не тронутая мхом. Глядя на нее, Этиоль невольно вспомнил о доме, где подобных скальных выходов было сколько угодно. С плодородной землей у них, в Наумкибе, плохо, а вот камней в избытке.

Сняв заплечный мешок, пастух опустил его на ровную поверхность, рядом положил копье и впервые за все дни пути позволил себе расслабиться — не тревожиться о предстоящем, не вспоминать последнюю волю Тарина Бекуита, не думать, чем пополнить запасы съестного.

Этиолю было хорошо на скале, уютно. Кто бы мог подумать, что один-единственный камень напомнит ему о

доме! Поразительно, отметил про себя пастух, по каким мелочам тоскует порой человек. Мы привыкаем к своей повседневной жизни и своему повседневному окружению и не обращаем на них внимания, считая самыми обыденными. Но стоит попасть в чужую обстановку, как ты начинаешь скучать... ну, например, по камням.

Перед сном Этиоль с аппетитом поел. Уже устроившись на камне и закрыв глаза, он мельком подумал о том, что утром его разбудит обязательный в джунглях ливень, предшествующий восходу подобно трубачу, который шагает впереди процессии и предупреждает народ о прибытии короля. А потом он заснул.

IX

Повелитель муравьев

Эту историю рассказывают каждому члену колонии в день, когда он прощается с детством и переходит в статус рабочего, прислужника или солдата. Она затрагивает ключевые моменты недалекого прошлого, важные для всех, от самой королевы до нижайшего из копающихся в кучах мусора.

Никто не помнит, когда началась война с рыжими захватчиками. Отряды врага вышли из-за бревна, что лежит восточнее нас, и тихо расправились с пограничной заставой. Но провидению было угодно послать им навстречу отряд наших рабочих. Нагрузившись добытой пищей, они возвращались домой, и в тот момент, когда враги набросились на них из-под опавших листьев, эти кроткие трудолюбивые создания вдруг проявили чудеса храбрости. Многие пали под ударами безжалостных рыжих убийц и были расчленены, но двое смогли вырваться из окружения. Они-то и подняли тревогу — источая феромоны, предупредили муравейник.

Все мы, существующие по милости великой королевы-матери, тут же построились в боевые ряды — впереди, конечно, встали доблестные солдаты — и бросились на врага. Нам удалось отразить натиск рыжих, хотя кое-кто из бандитов сумел прорваться в родильные камеры, где хранились личинки будущих храбрецов. Некоторым из них так никогда и не довелось увидеть солнце.

Враг был отброшен на исходные позиции, за бревно.

Так началась война. Укрепившись в дупле у основания большого дерева по другую сторону бревна, рыжие периодически делали вылазки. В свою очередь, мы, черные муравьи, не только отражали натиск врага, но и устраивали регулярные рейды. Вы, молодежь, сами можете убедиться в их успехе, если спуститесь в подвалы нашего города, — там, во тьме и холоде, тяжко трудятся последыши рыжего отродья.

А затем и случилось то знаменательное происшествие. Граничило ли оно с чудом или так воплотилась воля богов, к которым мы обращались за помощью, сказать не могу. Исполин появился после полудня, после жестокого утреннего сражения. Обычно мы, муравьи, не обращаем внимания на проявления окружающего мира, а окружающий мир игнорирует нас. Но на этот раз все было иначе. Вместо того чтобы пройти мимо и удалиться на огромной скорости, словно несущееся по небу облако, гость остановился возле гладкой твердой скалы, не похожей ни на что другое в лесу, ибо на ее поверхности ничего не растет. Там великан и устроился. Перекусил и лег спать.

Разведчики, бросившиеся проверить намерения великана, доложили королеве-матери, а также ее личным прислужникам и советникам, что загадочный гость спокойствия не нарушал, следовательно, угрозы нашему муравейнику не представляет. Эта информация почти не вызвала общественного интереса, все занимались повседневными заботами. Задумался только Имит Единственный.

Как, вы никогда не слыхали об Имите Единственном? Тогда я расскажу про этого незаурядного муравья. Родом он был из трутней, но выделялся огромной головой, больше чем даже у солдата, хотя и без боевых челюстей. Удивительнее всего, что Имит выжил после великого свадебного обряда. Крылья он потерял, это точно, но не утратил силу и не увял, а, напротив, был назначен советником при королеве-матери. Мне в годы моей молодости довелось лично прислуживать ему в парадной камере.

Именно он и предложил дерзновенный план по спасению нашего муравейника. Правда, все многоопытные и поднаторевшие в сношениях с соседями советники выразили сомнение в успехе задуманного. Некоторые даже позволили себе отнестись к предложению Имита с усмешкой, однако когда королева-мать обратилась к ним с вопросом, что же они, в свою очередь, предлагают, те сразу смешались, отползли в тень. Наша мудрая королева решила: попытка не

пытка. В конце концов, что мы теряем? Нескольких рабочих муравьев? Но для такого дела сгодятся и самые плохонькие. Потеряем Имита? В случае провала ему все равно несдобровать, так что повелительница великодушно позволила высокоученому трутню отправиться в путь.

Имит возглавил колонну, составленную из рабочих муравьев, которых нагрузили скромными дарами для вторгшегося в наши пределы исполина.

Спрашиваете, кем он был, исполин? Не спешите, дождитесь окончания рассказа. Что несли в подарок? Ну, это всем понятно — нет на свете ничего дороже сахара!

Вскоре колонна добралась до каменной горы. Признаться, оставшиеся в живых участники того первого похода потом по секрету делились со мной, что большего страха они в своей жизни не испытывали. Со стороны это предприятие выглядело чем-то вроде откровенного помешательства, дерзким поступком, превышающим силы не только обыкновенного муравья, но и всего набирающего мощь муравейника. Однако приказ есть приказ, и если королева-мать прикажет штурмовать небо, мы все, как один, начнем взбираться на вершину самого высокого дерева. Успех был достигнут не иначе как с помощью черной магии, ибо не зря говорили уже давно и довольно открыто, что Имиту Единственному подвластны силы, недоступные даже долгоживущим королевам.

Не ведая, как это было сделано, все присутствовавшие могли подтвердить, что контакт был установлен. Несмотря на чудовищную разницу в размерах, Имит сумел привлечь внимание исполина. Более того, они смогли как-то общаться. Такого нам, обычным трудягам, понять не дано, и сам я, к сожалению, не был свидетелем этого грандиозного деяния, но те, кто принимал непосредственное участие в походе, клятвенно подтвердили, что взаимопонимание было достигнуто.

Когда гость принял дары, Имит сам предстал перед исполином, демонстрируя либо величайшее мужество, либо непроходимую глупость. Если кто-то посмеет обратиться ко мне с вопросом, что я сам думаю по этому поводу, то я не поленюсь и отвечу, что, с моей точки зрения, здесь вполне хватало и того, и другого.

Присутствующие не могли понять ничего из того, что происходило между исполином и отважным трутнем, однако когда беседа завершилась, Имит все объяснил. По словам Имита, несоразмерный с нашим миром посланец небес — а он был больше, чем даже тысяча муравьев вместе взятых —

согласился помочь нам в войне с заклятыми рыжими врагами. Само его невообразимое присутствие должно было нанести бандитам такой удар, от которого им уже не оправиться. Завербовать великана в союзники — идея фантастическая, странная и дикая, и могла она прийти в голову лишь такому уникальному муравью, как Имит.

Королева-мать устроила большой совет. Ни она, ни ее советники даже поверить не могли поступающим докладам, однако искушение было слишком велико, открывавшиеся возможности были слишком заманчивы, чтобы ответить отказом. В конце концов Имита наделили полномочиями продолжить переговоры и руководить действиями исполина, но только после того, когда станет окончательно ясно, что он принял дары, которые на этот раз, как утверждал Имит, должны были составлять не менее половины запаса очищенного сахара, хранившегося в наших кладовых.

Для охраны колонн носильщиков пришлось выделить самые боеспособные части. Опасности подстерегали на каждом шагу — и не только со стороны рыжих разбойников, так как польститься на ценный груз мог любой обитатель джунглей.

Многочисленный отряд без происшествий добрался до подножия скалы. Исполин оставался на месте и был ясно виден еще издалека. (Имит впоследствии утверждал, что гость небес выглядел так, будто его что-то позабавило, хотя вряд ли трутень мог правильно истолковать столь чуждое нам лицо.) Но когда отряд благополучно вышел на поверхность камня, все замерли от потрясения. У дальней ноги исполина так же в оцепенении стояли бригады рыжих — наш заклятый враг, очевидно, тоже принес в дар сахар. Руководил доставкой ценного груза рыжий муравей с чудовищно раздутой головой и странной деформированной антенной. Похоже, среди этих разбойников и грабителей тоже нашелся аномальный трутень, владевший магическими приемами и сумевший вступить в контакт с исполином. Как ему пришел в голову план, рожденный разумом Имита, навсегда останется загадкой. В любом случае нет сомнений, что наши извечные враги тоже решили заручиться поддержкой великана.

Сам же гигант с радостью принимал дары и от рыжих, и от черных.

Наши доблестные солдаты храбро бросились в атаку на развернутые ряды рыжих недоносков. Самая отчаянная схватка закипела на ноге титана, в яростном бою сошлись элитные части как с той, так и с другой стороны. Эти воины

отличались особенно тяжелыми челюстями, их хватка была смертельна для врага. В боевом исступлении они готовы были рвать все подряд.

И забыли, что у загадочного гостя есть свои цели, своя воля и свой разум. Неожиданно вскочив и затрубив так громко и грозно, что все замерли на мгновение, исполин вдруг принялся яростно хлопать себя по ногам и совершать безумные прыжки. Причем он в полной мере демонстрировал ту силу, которую каждая из сторон пыталась поставить на службу исключительно себе. Каждый взмах гигантской руки губил десятки бойцов, как рыжих, так и черных, от колоссальных ног сотрясалась земля. Многие сотни солдат полегли тем утром, а те, кому посчастливилось уцелеть, вернулись в свои муравейники с дурными вестями.

Имит в кровавой резне выжил. Он доложил о случившемся, принес свои извинения королеве-матери, после чего, как и положено, был растерзан стражей. Думаю, та же участь постигла и руководителя экспедиции рыжих, сумевшего убедить свое начальство принести в дар неведомому исполину запасы сахара.

Самого великана, с необыкновенной легкостью расправившегося с обеими армиями, с тех пор никто больше не видел.

Затем последовала Вторая война на скале. На этот раз цели битвы были ясны. Дело в том, что то ли по забывчивости, то ли в знак насмешки загадочный исполин не тронул сахар, принесенный в дар обеими сторонами. Никто не может сказать, как оно было на самом деле, ибо выживших в войне по приказу королевы-матери казнили.

В целом, нам удалось отбить свою долю сахара или даже немного больше. Так что мы скорее оказались победителями. Конечно, если оставить в стороне наши потери.

Лично я жалею, что мне не удалось присутствовать при беседе Имита с великаном. Да и состоялась ли эта беседа — вот какой вопрос мучает меня постоянно. Все вроде бы доказывает, что разговор состоялся и Имит нашел общий язык с посланцем небес, но мне не верится, что даже такому мудрому трутню удалось сломать барьер, отделяющий нас от чуждого существа, коли мы сами не способны договориться даже с себе подобными.

Какой вывод следует сделать из этой истории?.. Эй ты, сзади, да-да, ты, у которого один антенный усик короче другого, — перестань шуметь! Лучше послушай. Я не считаю, что мы поступили неразумно, попытавшись вступить в кон-

такт с неведомым существом. Для победы над заклятыми врагами можно пойти на союз с любой силой.

Нет, главные уроки в другом. Во-первых, не следует ожидать взаимности, раздавая дары. Во-вторых, если на ваши молитвы отвечают, это не значит, что у вашего врага нет связи с небесами. И в-третьих, просите у богов что угодно, но не забывайте, что боги ведут свою собственную жизнь, в которой для вас может не найтись места.

Ладно, на сегодня достаточно. Теперь работать, работать! Нечего шевелить усиками!.. Вот сколько на сегодня назначено: доставить корм, проверить отложенные яйца, перевернуть куколки. Да и о новом плане похода на рыжих следует подумать. Кто не работает, ребята, тот не ест. Боги далеко, и когда тащишь кусочек листа размером больше тебя самого, имеет смысл позвать товарища. Упаси вас небо поверить, будто боги захотят помочь каким-то ничтожным тварям!

X

Горьким разочарованием обернулся для Этиоля Эхомбы дальнейший путь через джунгли. Скоро испарилась последняя надежда, что лес поредеет. Чем дальше, тем непролазнее становилась чаща. Более того, начались подъемы и спуски — сначала плавные, долгие, потом все круче и круче.

К полудню пастух вышел на гребень невысокого хребта, откуда наконец открылся вид на всю округу. Этиоль долго всматривался вдаль. Зрелище было безрадостным. Местность представлялась непроходимой, холмы впереди заметно подрастали, кое-где белели отвесные скалы. Через долину отчетливо просматривался следующий хребет, а за ним уступами, взбирающимися в ясное небо, виднелись еще несколько горных цепей.

Путник присел отдохнуть. Взгляд манили бурные реки и ручьи, но, увы, ими не воспользуешься, даже если потратить время на строительство плота — слишком мелкие и каменистые. К тому же все они текли с востока на запад, к невидимому морю, а путь Этиоля лежал строго на север.

В этот момент его внимание привлекло странное облако, поднимавшееся над склоном ближайшего хребта. Приглядевшись, пастух решил, что эти клубы более походят на дым костра, чем на туман над джунглями. Кто же мог

развести огонь в пустынной местности? Разве что какой-нибудь отшельник. Этиоль слышал о таких, но поверить, что существуют люди, добровольно лишившие себя радости общения с другими, было трудно. Или, может, этот человек *прячется* в джунглях?

Первой мыслью было идти своей дорогой и ни во что не вмешиваться. Однако Этиоль не мог побороть свою натуру — а любознательность была его главной чертой — и зашагал в сторону вьющегося дымка. Если незнакомец покажется ему недружелюбным, он пройдет мимо.

Небольшая хижина прилепилась к уступу скалы. Сделанная из бамбука и тростника, она выглядела уютной и симпатичной. Со стороны леса располагалось небольшое уютное крылечко. Сидя на ступеньке, можно было любоваться закатом — если, конечно, туман или дым не закроют вид. В ухоженном дворике возле крыльца стояли два стула из гнутой древесины и круглый стол. Повсюду в деревянных ящиках и подвешенных глиняных горшках были цветы, изгородь покрывали вьющиеся побеги. Даже если хозяин хижины отшельник, он явно испытывал тягу к цветоводству и огородничеству. Все вокруг так и манило зайти и передохнуть в этом уютном, тихом уголке.

Подобная безмятежность и простота показались Этиолю подозрительными. Приблизившись к хижине по звериной тропе и внимательно оглядев окрестности, он решил подобраться еще ближе.

Пастух сошел с тропки и нырнул в кусты. Копье взял наперевес, чтобы в случае чего сразу пустить его в ход. С детства отец вдолбил в Этиоля простенькую заповедь: не доверяй первому впечатлению, особенно если оно навевает расслабляющие, напоминающие о скором отдыхе мысли. Везде полно опасностей, видимость обманчива. Многие вредные растения и опасные животные умело маскируются под самые безобидные создания. Яркие цветы прячут колючки, пестрая лягушка жжется соком ядовитых желез, в песчаном бугорке или в мелкой ямке скрывается смертельно опасная змея.

Смутное ощущение подстерегающей опасности никак не вязалось с сонным двориком, красивыми цветами и двумя певчими птичками в плетеных клетках, но оно все-таки шевельнулось, напомнило о себе!.. Надо выяснить почему.

Изучив окрестности и не обнаружив ничего подозрительного, Этиоль направился к хижине. Однако пошел не напрямую, а в обход, чтобы его не было видно в окна,

выходившие в сторону джунглей. Если в хижине живет мирный и добрый человек, он поймет Эхомбу и не обидится.

Подойдя к изгороди, пастух различил голоса. Разговаривали двое. Один — громко и вызывающе, другой отвечал тихо, тонким и чуть подрагивающим голосом. С того места, где находился Эхомба, трудно было понять, то ли они ссорятся, то ли просто спорят. По крайней мере оба голоса были похожи на человеческие, хотя в Зыбучих землях ни в чем нельзя быть уверенным. С другой стороны, то, что ты человек, ничего еще не гарантировало. Разве не имел он недавно дело со змеей более достойной и благородной, чем многие представители его собственного вида?

Этиоль решил подобраться к ближайшему окну. Странно, зачем строить хижину в таком живописном месте и при этом оба оконных проема ориентировать на джунгли? Чтобы целыми днями любоваться на зеленую глухомань?

Подняв осторожно голову так, чтобы глаза оказались на уровне подоконника, Этиоль заглянул внутрь. Открывшаяся перед ним комната была просторна и обставлена плетеной мебелью. В дальней стене виднелась прикрытая дверь, ведущая, по-видимому, на крыльцо. Посреди комнаты на покрывавших пол циновках из толстых, грязно-горчичного цвета плетей расположились два человека: один — лицом к окну, другой — спиной.

Как только пастух заглянул в комнату, его взгляд встретился со взглядом мужчины, сидевшего к нему лицом. Глаза у того расширились, он поиграл бровями, затем отвел зрачки в сторону, словно пытаясь подать знак, однако что скрывалось за этими ужимками, Этиоль не понял. Удивление, беспомощность? Или, может, предостережение?..

Тот, что сидел спиной к окну, тоже мгновенно уловил присутствие чужака. То ли кожей почувствовав опасность, то ли смекнув о чем-то по выражению лица собеседника, он, не поворачивая головы, голосом сладким, как сироп, который женщины в Наумкибе варили из дикого меда, пригласил:

— Заходи, путешественник. Будь как дома.

Этиоль встал во весь рост. Мужчина, сидевший лицом к окну, по-прежнему не сводил с него взгляда. Пастухом внезапно завладело желание повернуться и бежать отсюда что есть сил, однако тот, что сидел спиной к окну, повторил тоненьким голоском:

— Заходи, не смущайся.

Любопытство, как всегда, пересилило. Обогнув дом, Этиоль поднялся на крыльцо и вошел в хижину. На две-

ри, как и на окнах, не было даже занавеси. На мгновение ни с того ни с сего мелькнула мысль, что неплохо было бы отдохнуть в этой хижине. Это побуждение и решило дело.

— Надеюсь, я не помешал вашей беседе?

Этиоль вошел в комнату и сел, скрестив под собой ноги и положив рядом копье.

— Все, теперь нам обоим конец! — воскликнул человек, подававший ему знаки. — Уходи, пока не поздно!

В глазах незнакомца сквозили отчаяние и ужас, однако пастух с каким-то непонятным благодушием сосредоточился на его облике. Ниже среднего роста, крепкий, мускулистый, с длинными иссиня-черными волосами, собранными на затылке в длинный хвостик... Этиоль взглянул ему в лицо. Глаза у незнакомца были узкие, словно щелочки, лицо круглое, как полная луна, нос похож на пуговку, рот широкий, губы полные, алые. Под легкими кожаными доспехами — весьма обременительная ноша для жарких, пропитанных влагой джунглей — виднелась светлая рубашка из какого-то тончайшего полупрозрачного материала (позднее Эхомба узнал, что это шелк). Ниже пояса шла узкая набедренная повязка, с которой спускалась кожаная полоса, прикрывавшая срам. Этот странный и, по-видимому, богатый наряд откровенно противоречил с отчаянием, проступившим на лице незнакомца.

Толстяк, который пригласил Этиоля войти, так и не повернувшись, весело возразил:

— Зачем уходить? Видишь, — обратился он к сидевшему напротив узкоглазому, — какая у нас чудная компания собирается!.. Проходи, садись.

— Не хотелось бы мешать вашему разговору, — ответил Этиоль.

— Ты нам и не мешаешь.

В этот момент узкоглазый то ли от отчаяния, то ли от беспомощности издал странный рыкающий звук.

— Зачем же ты, дурень, вляпался в эту историю! Я же намекал, беги отсюда — еще когда ты подглядывал.

— Я не подглядывал, — с достоинством возразил Этиоль. — Я вел разведку.

— Выходит, без толку ты вел разведку! — в сердцах воскликнул узкоглазый. — Теперь и тебе крышка!

Эхомба бросил взгляд в сторону толстяка, который рассматривал его с каким-то хитроватым, нездоровым удовлетворением.

— Он говорит, — Эхомба махнул рукой в сторону мужчины в кожаных доспехах, — что я тоже вляпался. Это правда?

— Конечно! — весело ответил толстяк. — Любому, кто заходит ко мне в гости, обратной дороги нет.

— Очень даже странно, — насупился Эхомба. Разговор нравился ему все меньше и меньше. — Я не чувствую себя пойманным.

— Мало ли что не чувствуешь! Ты уже в клетке.

Хозяина хижины едва ли можно было назвать человеком — либо он относился к тому племени, о котором Эхомба никогда не слыхал и с представителями которого не встречался. Верхняя часть туловища была значительно крупнее нижней, словно на ноги и бедра одного человека насадили торс другого. Щеки впалые, будто нарочно втянутые, нос крючковатый, глаза посажены так глубоко, что, казалось, кто-то иной, спрятавшийся в человеческом обличье, выглядывает оттуда. Густая грива яркорыжих волос свободно ниспадала не только на лоб и плечи, но и до самого пола. Чем-то незнакомец неуловимо напоминал огромную обезьяну — если, конечно, подобное сравнение не оскорбляло этих шустрых и милых животных.

— Говоришь, не чувствуешь пут? — продолжил толстяк. — Тогда попробуй встать.

Этиоль пожал плечами и попытался подняться. Не тут-то было! Он глянул вниз и вдруг обнаружил, что циновка сплетена из чего-то живого, подвижного. Жгуты шевелились, пускали ростки, которые цепко и густо обхватывали сандалии и ноги пастуха. Этиоль вновь услышал странное потрескивание и едва слышный шелест, заполнивший комнату, однако теперь ему стало ясно, что эти звуки никак не связаны с шумом леса.

Приглядевшись, он едва не вскрикнул от ужаса — побеги, произраставшие из плетей, начали ввинчиваться в его плоть. Пастух перевел взгляд на чужака с раскосыми глазами и тут понял, что с ним произошла та же беда. Бедняга был уже намертво прикручен к полу. Вот, оказывается, что означали его странные ужимки.

Дождавшись, пока новый гость до конца все осознает, хозяин хижины удовлетворенно потер руки и с той же нарочитой веселостью посочувствовал:

— Не расстраивайся, дружок. Посмотри, какая знатная компания здесь собралась!

— Ага, — уныло отозвался узкоглазый, — а то я досыта наелся беседы с тобой. Уже оскомину набил.

— Ах, какой черной неблагодарностью ты платишь за мое гостеприимство. Неужели я такой скучный собеседник?

— Не то слово! — ответил мужчина в доспехах. — И угораздило же меня оказаться рядом с таким занудой, как ты!

Этот парень не теряет присутствия духа, отметил про себя Эхомба. Отметил мельком — сам он в то мгновение лихорадочно обдумывал, как бы выпутаться из беды.

Между тем незнакомец, обращаясь исключительно к Этиолю, представился:

— Меня зовут Симна ибн Синд. Я пришел с севера, из очень далекой страны... Эх, лучше бы я остался дома!

— Чего же не остался? — по простоте душевной спросил Этиоль.

Симна с усмешкой отвел глаза.

— Споры и конфликты донимают меня подобно пчеле, преследующей обидчика. Я должен был пуститься в путь в поисках мира — внешнего и внутреннего.

— И что, нашел? — поинтересовался Этиоль.

Мужчина глянул на него с некоторым подозрением, затем ухмыльнулся еще шире.

— Пока нет, однако полагаю, что искать надо непрестанно. Рано или поздно наступит день, когда я добьюсь успеха.

— Не сомневаюсь.

— Спасибо. А ты кем будешь, приятель?

— Этиоль Эхомба, пастух с юга.

— Так или иначе, друг, — вздохнул Симна, — перестань себя обманывать. Ты вляпался, как и я, и никто из нас никуда не пойдет. Мы будем сидеть здесь вечно, пока не сгнием.

— Вот это верно, — согласился хозяин хижины. — Этим люди и кончают в моем присутствии. Этим кончают все. — Он печально покачал головой. — Почему надо относиться неприязненно к столь важному и необходимому процессу? Только представьте себе, что тут было бы без меня!

— А что было бы? — искренне поинтересовался Этиоль. — И вообще, кто ты такой?

Хозяин всплеснул руками.

— Я-то думал, что ты уже догадался, путник. — Тень улыбки скользнула по его лицу. — Я — Тлен.

— Ясно. Чем же тебя разложили — взятками? — спросил Этиоль.

— Ничего тебе не ясно! — поморщился Симна. — Он сам есть Тлен. Разуй глаза, посмотри хорошенько!

Пастух послушно обвел глазами помещение. Удивительно, но внешний вид хижины, подворья, даже цветочков на изгороди заметно изменился. Контраст с тем, что ему

довелось разглядеть в первые минуты пребывания в этом живописном уголке, был разительный.

Цветы увядали на глазах, стебельки желтели, превращались в сено. То, в свою очередь, скоропалительно жухло, расплывалось гнилью. Странно, отметил про себя Этиоль, как же это я вижу цветы на заборе, если нахожусь внутри стен?.. Однако стен уже не было, они оплыли и обернулись кучами расползающегося торфа. Тошнотворный запах распространился по округе. От хижины остался редкий каркас, сложенный из костей животных, их черепов и полусгнивших шкур.

Удивительные превращения случились и с хозяином жуткого дома. Первым делом у него по лицу пошли прыщи, угри, нарывы и прочая пакость, густо источавшая гной. Скоро кожа совсем опала, и на Эхомбу глянул вмиг облысевший череп, а великолепная грива ярко-рыжих волос обернулась скопищем длинных навозных червей того же цвета.

Однако, несмотря на все метаморфозы, хозяин хижины оставался тихим и обходительным. Впрочем, Эхомба не удивился — процессу гниения свойственна неторопливость.

— Что же ты хочешь от нас? — спросил он.

Глаза собеседника зажглись, словно фонари, освещающие сточные туннели города, из треснувших губ полезли могильные черви.

— Тебе объяснили — чтобы ты сгнил. Не обманывайся, приятель, оставь надежду. Давай не будем напоследок терять присутствия духа.

— Давай не будем, — согласился пастух. — Беда в том, что со мной нельзя так поступать. Не по своей воле я отправился в путь. На меня возложена огромная ответственность, так что извини...

Такого смеха Этиоль в жизни не слышал. Из нутра этой давным-давно сгнившей кучи навоза вдруг вырвался задорный рык, перемежаемый хрюканьем. Симна же, напротив, обреченно повесил голову, даже вырываться перестал.

— Ты всерьез решил, что сможешь выбраться отсюда? — успокоившись, спросил Тлен. — Взгляни, ты уже начал гнить! Если откровенно, гнить ты начал еще раньше, в момент появления на свет, а то и в материнской утробе. Все на свете: люди, деревья, ветер, вода, солнце, луна, даже камни — да-да, камни, я уж не говорю о металлах! — подвержено тлению. Весь мир! Однородное, вкусно пахнущее месиво — это единственное, что остается от него. Верно, я подступаю неслышно, подбираюсь неспешно, шаг за шагом, но поверьте мне, куда

приятнее действовать в открытую, лицом к лицу. Вот как сейчас. Должен признаться, меня восхищает ваше мужество. Ты, пастух, до сих пор не сдался, да? Все пытаешься вырваться, найти какую-нибудь лазейку?

— У меня нет времени на глупости. Мне надо исполнить обет, а потом вернуться домой.

Эхомба сунул руку за спину, нащупал рукоять меча, затем внезапно выхватил его и рубанул по осклизлым побегам, опутавшим ноги. Против любой другой стали они устояли бы, однако против лезвия из металла, очищенного небесным огнем, дрогнули.

— Эй, друг, не забудь про меня! — воскликнул Симна и что есть силы рванулся.

Эхомба принялся ударами меча освобождать товарища по несчастью. Тот, получив возможность двигаться, выхватил из ножен, висевших у него за спиной, два меча.

Хозяин невозмутимо взирал на происходящее.

Симна воскликнул:

— Теперь пришел твой черед, куча дерьма! — и бросился на воплощение гнили.

Тлен даже не пошевелился. Симна с размаху ударил его клинком по шее. Лезвие свободно погрузилось в смрадную плоть и там застряло. Удалой коротышка попытался высвободить меч, однако ничего не получилось. Товарищи по несчастью замерли, наблюдая, как сверкающее лезвие мгновенно покрылось красновато-бурым налетом, затем ржавчина побежала, захватывая ближайшую к рукояти сторону клинка — так поток воды в момент разметывает стожок сена. Симна в страхе отбросил огрызок меча — тот еще не успел лечь на пол, как ржа доела костяной приклад на рукояти.

Симна отпрянул, однако его боевой запал не угас. Он взмахнул вторым мечом и закричал:

— Хитро!.. Но предупреждаю: я не собираюсь гнить заживо!

— Все гниют заживо, — рассудительно ответил хозяин и сложил вместе кончики пальцев. Осмотрел их, извивающихся, как черви, и невесело добавил: — Что поделаешь, это неизбежно.

— Что правда, то правда, — покивал Этиоль.

Симна обернулся к товарищу, и в его глазах вспыхнул грозный блеск.

— Эй, ты что, решил взять сторону этого чудовища?

— Я взял сторону жизни. — Пастух пожал плечами. — Однако это не мешает мне видеть вещи глазами обычного человека. — Он перевел взгляд на хозяина хижины. — Даже навоз порой бывает полезен.

— Верно говоришь! Мне будет недоставать тебя...

— А я без тебя обойдусь! — Этиоль сунул руку в карман и нащупал мешочек с морскими камешками. На мгновение его пронзил озноб — это было совсем не то, что он искал! Неужели забыл дома?.. Он сунул руку в другой карман... Ага, вот оно!

Пастух вытащил руку и раскрыл ладонь. На ней горкой лежала сухая, сероватого цвета земля.

Симна не смог скрыть изумления.

— Что ты собираешься делать? Устроить плантацию для выращивания грибов? Самое время думать о садоводстве!

Тлен с тем же интересом взирал на кучку земли.

— Всегда приятно получить подарок, приятель, — сказал он. — Однако ты зря мечтаешь скромным подношением купить свободу.

— Наумкибы не дают взяток!

Достойно ответив, Этиоль швырнул горсть земли в заметно расплывшегося хозяина гнили.

Кусочки почвы попали тому в грудь — и ничего не случилось!

Симна, ожидавший чуда, закричал:

— На что ты надеешься? Что он теперь, испачкавшись, захочет принять ванну?

Пастух не ответил, просто стоял и наблюдал, как Тлен ни с того ни с сего начал увеличиваться в размерах. Он вспухал на глазах, словно ведрами пил воду.

Глаза Симны расширились.

— Послушай, друг, — дрожащим голосом произнес северянин, — нам, пожалуй, стоит удалиться. За развитием событий лучше наблюдать со стороны.

Этиоль догнал товарища уже во дворе. По всей округе густо распространялся запах тухлых яиц.

Хозяин хижины все распухал и распухал — пока не взорвался. Кучи грязи, всплески протухшей жижи полетели в разные стороны. И Эхомба, и Симна ибн Синд оказались уделаны с ног до головы. Огромный вес, хлестнувший из чудовищной выгребной ямы, лег на плечи людям и неминуемо раздавил бы их, но прогнившая изгородь не выдержала и сломалась. Беглецы покатились по крутому склону вниз, и только мягкие полусгнившие ветви смягчили падение. Воистину, подумал Этиоль, гниль порой бывает полезна.

Симна с завидной скоростью вскочил на ноги и оперся на меч, который по-прежнему держал в правой руке.

На месте прежнего живописного, обещавшего усталому путнику покой и отдохновение домика теперь возвышалось что-то вроде огромной помойки.

Между тем Этиоль тоже встал и теперь отряхивался, с улыбкой глядя на своего товарища.

— Чему улыбаешься, друг?

— Да так, — ответил Этиоль и улыбнулся еще шире. — Чистый ты очень.

— Да уж! — в свою очередь расхохотался воин. — Все черти ада зажали бы носы, страшась к нам подойти!.. Послушай, а ведь ты в него не грязью кинул? Или то была какая-то особая, магическая грязь? Ты колдун?

— Не-е. — Эхомба покачал головой. — Я простой пастух с юга.

— Ладно, как хочешь. — Симна пожал плечами. — Так что же все-таки это было?

— Говорю тебе — земля из моей деревни. Она скудна, прокалена солнцем, прочищена ветрами, налетающими с океана. Наша земля не знает, что такое гниль. В скудных краях добрая почва — большая ценность. Чуть-чуть полей водой, вложи зерно, и на ней скоро появится росток. Что может быть волшебнее, чем способность рожать?.. Я хранил ее как память о доме. Ее набрала мне жена с делянки, которая досталась ей от Оуры, матери нашего вождя Асаба. Мудрая старуха немало пота там пролила... Я подумал, что этот подарок вряд ли придется по вкусу Тлену.

— По вкусу?! — воскликнул Симна. — Да от твоей родной землицы его, клянусь Гируном, раздуло так, что он всю округу перепачкал!

Северянин уже полностью оправился от страха, теперь энергия била в нем ключом.

— Так, самое время заняться поисками и получить то, что принадлежит нам по праву.

— Заняться чем? — не понял Эхомба. — Что получить?..

— Сокровища, конечно, — объяснил Симна. — Всем известно — где грязь, там и деньги. Если уж ты такой принципиальный в отношении взяток, то хотя бы должен сообразить, что мы не первые, кто попал в лапы этой твари. Среди них наверняка были и богатенькие, которые сулили огромные деньги, чтобы чудище позволило им догнивать тихо, спокойно, в своих особняках. Сам знаешь, разложение всякое бывает — тут тебе и продажные политики, и неподкупные задешево стражи, и падкие на чужое добро начальники...

Вот уж к чему Эхомба не хотел прикасаться, так это к сокровищам, собранным Тленом. Но, как всегда, его любопытство пересилило здравый смысл.

— Ты ведь, кажется, странствуешь в поисках внутреннего мира?

— Внутренний мир — это, конечно, хорошо, однако золотые монеты лучше. Душевный покой может и подождать, — ответил воин и начал взбираться вверх по склону.

— Никак не могу согласиться с таким подходом, — возразил Эхомба, следуя за товарищем.

Симна двигался ловко, как обезьяна, и на ходу объяснял:

— Ты спас мне жизнь, Этиоль, так что я не буду с тобой спорить. Хотя должен предупредить заранее: что бы ни случилось, не пытайся встать между мной и сокровищем.

— Мне нет дела до сокровищ, — улыбнулся пастух.

— Ну, приятель, все так говорят...

Однако в душе этот искатель смысла жизни был уже менее уверен в истинности незамысловатой правдишки, которую только что выложил Эхомбе. Как начал сомневаться и в самом товарище. Странный тип!.. Впрочем, размышления можно оставить на потом. Где-то здесь таится сокровище, и Симна был намерен его найти — даже если придется перерыть всю эту огромную вонючую кучу.

XI

Искали они долго, пока не наткнулись на поросший кустами, затянутый плющом лаз, расположенный прямо под тем местом, где стояла хижина. Изнутри, из уходящего в глубь горы туннеля, на людей смотрела настороженная тьма. Симна, ни слова не говоря, соорудил несколько факелов, и так, под прикрытием дрожащего зыбкого света, товарищи наконец вошли в пещеру. Вонь стояла невыносимая.

— Кто тебе сказал, что здесь должны быть сокровища? — спросил Этиоль, больше внимания обращая на скользкий пол, чем на своего рвущегося вперед компаньона.

— Да так, ходят слухи. — Симна водил факелом из стороны в сторону, внимательно осматривая каждый уголок. — Известно, где разложение, там и деньги.

— Не знаю, — пожал плечами пастух. — В нашей деревне нет никого, у кого было бы много денег, и ничего — живут не тужат. И во всем моем племени тоже.

— Племя... — пробормотал Симна. — Все сходится. Племя. Ты откуда явился, приятель, из каких времен? По крайней мере на умудренного городского жителя ты не похож.

— Самый большой город, который мне довелось посетить, это Кора-Кери. И то на бегу: вечером пришел, через день ушел.

— Ладно, Этиоль... Я могу называть тебя по имени?

— Уже называешь, — резонно указал пастух.

— Так вот, Этиоль, по правде, единственная вещь на свете, в которой я основательно разбираюсь, — это пороки. — Если Симна и сознавал, что подобное признание выставляет его в не очень выгодном свете, то виду он не подавал. — Я свой там, где люди жаждут чего-нибудь запретного. Какой-нибудь забористой, до дрожи в коленях штучки. Поверь мне, деньги в этом деле самое главное, и вот что удивительно: золото само идет на разложение!.. Оно где-то здесь, наверняка!

— Возможно, то, что ты ищешь, лежит перед тобой.

— Что? — не понял Симна и, обернувшись, изумленно уставился на товарища. Потом медленно перевел взгляд в глубь пещеры, неожиданно расширившейся и образовавшей высокий округлый зал.

На полу, в центре зала, огромной горой лежало золото, тускло поблескивая в неверном свете факелов. Гора была выше Этиоля Эхомбы. Чего здесь только не было: монеты, кольца, обручи, браслеты, колье, короны, тиары, кубки, тарелки, блюда, слитки — одним словом, все, что люди наловчились изготавливать из этого редкого, красивого и податливого металла. Частыми вкраплениями в этой поблескивающей в призрачном свете груде сверкали драгоценные камни, вправленные в серьги, пуговицы и другие украшения.

Глаза у Симны расширились, словно у сумасшедшего куду. Он уже совсем приготовился нырнуть в кучу золота, как вдруг почувствовал на плече тяжелую руку спутника. Северянин попытался вырваться, но рука схватила намертво. Симна сам отличался немалой силой и не привык, когда с ним обращались подобным образом, — он рассвирепел, в кобальтово-синих глазах вспыхнул недобрый огонь.

— В чем дело, брат? А ну отпусти меня! Или собираешься, словно святой отец, читать мне мораль?

— Почему бы и нет? — спокойно ответил Эхомба. — Я же о тебе беспокоюсь.

Нетерпеливо облизывая губы, Симна смотрел то на манящее сокровище, то на своего эксцентричного товарища.

— Обо мне беспокоиться не надо. Если у меня что и не так, то золото все поправит.

— Помню, в юности я заметил, что многие животные не притрагиваются к некоторым аппетитно выглядящим плодам — должно быть, чуя, что в них есть яд. — Пастух кивком указал на мрачно поблескивающую гору золота. — Все это нажито неправедным путем. Задумайся на мгновение, как сюда попало это золото. — Этиоль вновь кивнул в сторону сокровищ и сам ответил: — Оно тлен и гниль. Оно убивает все, к чему прикасается. Вспомни, разве не по его вине ты едва не лишился жизни? Здесь все насквозь пропитано отравой.

— Брось!.. Это золото и бриллианты, а не сено или дерево.

— Не забывай, мы в царстве Тлена.

— Да пусти же меня! — Симна рванулся, пытаясь освободить плечо, затем выхватил из-за пояса кинжал. — Пусти или клянусь Гветуром!..

Этиоль резко отдернул руку, и Симна пошатнулся.

— Что ж, давай, — сказал пастух. — Но исполни одну мою просьбу. Возьми только один кусочек золота, одну монету, и погляди внимательней, прежде чем накинешься на всю кучу.

Симна немного успокоился.

— И после этого ты отстанешь?

Эхомба кивнул.

— Отстану.

— Ладно.

Северянин наклонился и подобрал откатившуюся от подножия горы монету. Монета была большой, внушительно поблескивала и выглядела как новенькая. На аверсе был выбит четкий профиль какого-то императора, на реверсе — обелиск с мелким орнаментом. Вокруг обелиска шла надпись; буквы скорее походили на таинственные символы, чем на знаки алфавита. Симна повертел монету, подбросил в воздух и ловко поймал с видом завзятого жонглера, затем гордо продемонстрировал ее Эхомбе.

— Ну, удовлетворен?

— Дай-ка взглянуть, — попросил Этиоль.

Симна протянул монету, однако пастух отрицательно покачал головой и убрал руки за спину. Тогда северянин, взяв монету между пальцев, показал ее издали.

— Да, монета красивая, — покивал Этиоль, — и, наверное, из чистого золота. Правда, я в этом плохо разбираюсь.

— А я разбираюсь. Какая же она, если не золотая!

— Не знаю, не знаю. Посмотри, что творится с твоей рукой.

— Что? — Симна часто заморгал. — Куда смотреть?

— На то место, где лежала монета, на пальцы, — терпеливо объяснил Этиоль.

Симна скосил глаза и вскрикнул, затем отшвырнул монету, словно она внезапно раскалилась докрасна, и принялся трясти кистью.

На том месте, где лежал золотой диск, образовалась ровная, точно по диаметру монеты, рана. Она была черная, глубоко въелась в плоть и уже начала нагнаиваться. Через мгновение вспух большой волдырь, тут же лопнул, гной потек по ладони. Кончики пальцев, которыми Симна держал монету, тоже покраснели.

— Помилуй меня, Гонто! — закричал северянин. Он посмотрел в сторону кучи золота, и его начал бить озноб. — Я же хотел броситься на это дерьмо! С головой зарыться...

Эхомба торопливо скинул заплечный мешок и принялся что-то в нем искать. Наконец вытащил запечатанную бамбуковую трубочку.

— Дай-ка взгляну.

По-прежнему вздрагивая, как ребенок, Симна доверчиво протянул пастуху ладонь. Тот некоторое время внимательно изучал рану, затем открыл трубочку. Встряхнул ее, сунул туда палец, во что-то потыкал и, наклонив бамбук, вылил молочного цвета сок на ладонь Симны. Через несколько минут повторил сеанс, пока рана не начала затягиваться. Этиоль плотно закрыл бамбуковый сосуд, уложил его в мешок, опять долго что-то там перебирал. Наконец закинул мешок за спину.

— Дай-ка мне другую руку! — приказал он, обращаясь к Симне.

Тот беспрекословно подчинился. Пастух попытался оторвать кусок материи от рукава его рубашки.

— Эй, что делаешь! Это же бахарский шелк!.. Знаешь, сколько он стоит на рынке в Талузиане?

— Нет, — ответил Эхомба, — не знаю. Мне только известно, что рука стоит дороже любой рубашки.

После чего, отрезав полосу от рукава, принялся молча бинтовать ладонь. Теперь Симна помалкивал.

— Повязку следует менять каждые три дня. Если в рану не попадет грязь, думаю, что через пару недель все заживет.

Симна недоверчиво воскликнул:

— Такая дыра? Ты что, сумасшедший? Даже если я буду каждый день менять повязки и лить эту липкую

гадость, которую ты хранишь в бамбуковой трубке, и месяца не хватит!

— Оура — госпожа всех мазей и бальзамов. Я сам видел, как свежий сок дерева кокербум спас мальчишку после укуса мамбы. — Этиоль улыбнулся и предложил: — Конечно, ты вправе поступить так, как находишь нужным. Может, все-таки нырнешь в эту груду настоящего золота?

— Впервые встречаю пастуха с чувством юмора, — пробормотал Симна. В следующее мгновение он вновь повеселел. — Послушай, брат, ты второй раз спас мне жизнь. Как же мне отблагодарить тебя?

Этиоль пожал плечами.

— За этим дело не станет. В жизни всякое случается: сегодня тебе потребовалась помощь, завтра мне.

Он повернулся и зашагал к выходу из пещеры, Симна поспешил за ним.

— Это уж точно, — затараторил северянин. — Для тебя я готов на все. Не задумаюсь!.. А ты, Этиоль, не такой простачок, каким прикидываешься. Уверен, о кое-каких видах гниения тебе известно больше, чем мне. Как оно происходит в натуре. Ну, с овцами, например... Я же являюсь специалистом по гниению в людской среде. Хотя, признаться, никак не ожидал, что между ними такие различия. Упадок нравов в обществе не сумел бы проделать дырку в моей руке.

— В руке — нет, хотя о душе я бы тревожился, — произнес Этиоль.

— Слушай, — спросил Симна дрогнувшим голосом, — а ты точно простой пастух?

— Пастух, пастух. Я даже сейчас скучаю по овцам...

— Как скажешь...

Наконец они выбрались на дневной свет, и Эхомба, ни слова не говоря, целеустремленно зашагал.

— Эй, подожди! — окликнул его Симна. Вид у северянина был растерянный. Он неопределенно повертел пальцами в воздухе, кашлянул, потом поинтересовался: — Ты, того... куда направляешься?

— На север, — коротко ответил пастух. — Еще что-нибудь? Нет?

Не дожидаясь ответа, он повернулся и вновь зашагал.

Симна догнал его, пошел сбоку, попытался заглянуть в лицо.

— На север... Вот так просто... На север, и все!.. На север — куда? На север — для чего?

В этот момент почти из-под самых их ног взлетела стайка крупных, ярко раскрашенных птиц. Взмыв в воздух и сделав круг, они расселись по деревьям.

— Так что ты ищешь на севере?

Эхомба переступил толстый, похожий на окаменевшую змею корень, прошел еще с десяток метров, потом только ответил:

— Если я расскажу тебе, как все было на самом деле, ты не поверишь.

Симна был вконец заинтригован. Он поджал губы и пару минут шел тихо, в ногу с пастухом — видно, обдумывал, как бы разговорить товарища.

— Ладно, — предложил он. — Я выложу тебе, зачем забрался в эту глухомань, а ты откроешь, чему же это я никогда не поверю. Зная тебя каких-то полдня, я готов поверить всему. Только уговор — говорить правду, одну лишь правду.

Он уже не скрывал нетерпения, словно испрашивая согласия, все поглядывал на пастуха.

— Хочешь, я начну первым? — и, не дожидаясь ответа, горячо продолжил: — Вот ты идешь на север? Ну а я стремлюсь на юг, строго на юг. Знаешь почему?

Эхомба пожал плечами.

— Ни один здравомыслящий человек никогда бы не поверил, что можно так далеко забраться в дикие края, а я смог. Считай, всю страну пересек! — с тем же жаром добавил Симна. — Все потому, что я решил отыскать Дамуру-сесе.

Пастух остановился и внимательно посмотрел на низкорослого приятеля.

— Не повезло тебе. Я сам с юга и как южанин могу твердо заявить, что никакой Дамуры-сесе нет и в помине. Нет такого места. Мне много доводилось о нем слышать, но скажу с полной определенностью, что Дамуры-сесе в природе не существует. Есть только название.

Симна помрачнел.

— Да все так говорят! Конечно, каждый, кто хоть что-то знает об этой битком набитой золотом стране, держит язык на замке, мечтает сам снарядить туда экспедицию. — Он неожиданно сильно ударил себя кулаком в грудь. Звук получился громкий, внушительный. — Так вот, я сам себе экспедиция! И я найду Дамуру-сесе, отыщу богатства и на них приобрету себе каганат или небольшое королевство. Тогда проклятые норики горько заплатят за то, что преследовали меня! Я пошлю конный отряд, и мои воины их утопят.

Эхомба с невозмутимым видом выслушал это горячее признание.

— Лучше бы ты нашел себе хорошую службу или освоил бы какое-нибудь достойное ремесло и начал усердно трудиться. Например, взялся бы обрабатывать землю. — Его глаза затуманились, он порывисто вздохнул и добавил: — Знаешь, сколько прекрасных занятий дарит человеку земля!

— Например, овец пасти, — съехидничал Симна. — Что ж ты сорвался с места?

— Так получилось, что мне пришлось оставить овец на попечение сына. А насчет Дамуры-сесе еще раз повторяю: нет такой страны. Только сказки, которые матери рассказывают на ночь детям, чтобы те поскорее заснули. Это вроде миража в пустыне. Хочешь разбогатеть на мираже? С таким же успехом можешь торговать мечтами.

— И не пытайся меня отговорить, не выйдет, — буркнул Симна. — Ладно, я свое обещание выполнил, теперь твоя очередь. И так как я рассказал все подробно, то надеюсь, и ты не ограничишься фразой «Иду на север»!

Эхомба тяжело вздохнул. Спору нет, характер у этого северянина легкий и отходчивый, однако приставуч он, как репей!..

Пастух набрался сил и терпеливо объяснил свои цели и намерения, закончив тем, что идет на север, дабы отыскать корабль, на котором можно было бы пересечь океан в западном направлении.

За все время Симна ни разу не перебил товарища, только иногда кивал, словно подтверждая, что слышит. Когда же Эхомба завершил повествование, криво и даже несколько глумливо усмехнулся.

— Та же самая история!

Он подошел ближе и, понизив голос, словно в джунглях его могли подслушать, спросил:

— А по правде? Ты ведь тоже ищешь сокровища, разве не так? Все только об этом и думают. Или кто-то поручил тебе секретное дело, наверное, какой-нибудь колдун. Или нет, скорее банкир. Вот ты прикидываешься пастухом, наряд напялил соответствующий, раздобыл где-то копье, которым только детей пугать. Наверняка речь идет о куче золота, иначе бы ты не пустился во все тяжкие... Признайся, Этиоль, что ты ищешь? Доверься старине Симне!

Пастух не обратил на его слова внимания — по-прежнему шел и шел. К тому моменту они уже осилили перевал и теперь спускались по ровному и пологому склону. Лес

заметно поредел, поубавилось кустарника, гуще стала трава, суше земля.

— Все, что я рассказал, правда. И вся правда. Больше ничего нет.

Симна коротко хохотнул.

— Так я тебе и поверил! Ты — один из лучших вралей, каких я только встречал в своей жизни. Взгляни на меня, Этиоль. Скажи, разве я похож на человека, который не в состоянии разобрать, где правда, а где ложь? Так что надуть меня тебе не удастся.

— Это точно, — согласился Этиоль. Он даже не посмотрел в сторону северянина, шаг его был все так же ровен и широк. — Тебя не проведешь. Ты все насквозь видишь.

Симна, гордый собой, удовлетворенно хмыкнул, поиграл плечами, вскинул голову.

— То-то и оно, от меня правду не скроешь... Ну хорошо, сдаюсь, вот так с ходу догадаться не могу. Давай с трех раз. Тебе известно место, где затонуло торговое судно, груженное редким и дорогим товаром? Молчишь? Ладно... Значит, ты встречаешь караван с пряностями, возвращающийся из далекого Наринху. Тоже нет? А как насчет логова пиратов, где спрятаны награбленные сокровища или, например, клада, охраняемого духом мертвой королевы?

— Что-то в этом роде, — сухо бросил Этиоль.

Холмы впереди постепенно сглаживались, и пастух облегченно вздохнул — надоело постоянно карабкаться.

— Ну и ладно, будь по-твоему! — обиделся Симна. — Скрывай правду, помалкивай! Придет час, и ты все выложишь.

Эхомба удивленно взглянул на него.

— Выложу? Разве ты идешь со мной? Ты ведь намерен найти Дамуру-сесе!

— Дамура не убежит! — махнул рукой северянин. — Если она существует, то вполне может подождать и еще немного. По правде говоря, приятель, юг — понятие расплывчатое и допускает разные направления. А ты, как я погляжу, точно знаешь, куда направляешься.

— Не сказал бы...

— В любом случае точнее, чем я. Так что радуйся, я могу составить тебе компанию. — Симна отодвинул полу кожаной куртки и показал на рукоять длинного кривого кинжала, затем тронул ножны за спиной, в которых покоился меч. — Ты не думай, что я пустомеля. Мне, например, ничего

не стоит справиться с полудюжиной молодцев. Могу удовлетворить трех женщин зараз, голыми руками придушить дракона, осушить бочонок в таверне и скакать весь день и всю ночь, при этом я умею спать в седле. Я отличный рассказчик и знаю сотни баек. А кроме того, я никогда не подведу в трудную минуту.

Этиоль не смог сдержать улыбку.

— Если ты владеешь мечом так же ловко, как и языком, то готов поверить, что ты страшен в бою. Однако, приятель, я просто не нуждаюсь в компании.

— А-а, — грустно протянул Симна. Впрочем, этот человек не был способен долго пребывать в печали. Уже через мгновение он встрепенулся. — Значит, не хочешь делиться сокровищем?

Пастух закатил глаза.

— Точно, не хочу делиться сокровищем.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться. Я рассчитываю лишь на честно заработанное. Так что вполне могу идти рядом с тобой. Хотя бы некоторое время.

— Я не могу запретить тебе идти рядом, — мрачно произнес Эхомба. — Ты как малярия: порой она отступает, но всегда возвращается, и тогда человеку становится плохо.

Симна ускорил шаги.

— Ты зря пытаешься меня ублажить, скотовод, — я невосприимчив к лести... И все-таки о твоем сокровище. Что мы ищем: золото, драгоценности, произведения искусства?

К вечеру Эхомба был готов проткнуть копьем этого болтуна, чтобы только избавиться от него. Симна ибн Синд говорил без умолку, словно трещотка, словно толпа женщин на ежегодном празднике инициализации. В конце концов Этиоль сравнил спутника с молодым бычком, выпущенным погулять в стадо. Скоро он уже не понимал, что тот говорит, что рассказывает: звуки его голоса напоминали жужжание трутня.

Эхомба даже решил сбежать, когда Симна заснет. Долго мучился перед ночевкой, затем решил, что так поступать неучтиво. Следовало найти какой-то более приемлемый способ избавиться от навязчивого попутчика. А пока придется терпеть, хотя подобная перспектива не внушала ему особой радости.

Ладно, рано или поздно Симне наскучит тащиться по диким местам без всяких признаков сокровища, и в один прекрасный день он тихо исчезнет по собственной воле.

XII

Расчет оказался верен. Но не в том, что касалось Симны, а в отношении характера местности, который менялся на глазах. Холмы все заметнее понижались, джунгли редели — теперь лес был насквозь пронизан солнечным светом, лиан стало меньше, почва подсохла. Даже подлесок не походил на непролазную чащу. Молодые деревца росли реже, они были крупнее и выше своих собратьев, сгрудившихся в диких нехоженых местах, которые Этиоль со своим спутником оставил позади. Исчезли и скалистые гребни — карабкаться на них жители равнины терпеть не могли.

То ли дело степь — ровная, без конца и края, открывшаяся перед ними с последнего более или менее высокого бугра, на который путники взобрались к полудню третьего дня.

Ни единого скального выступа, холмика, даже деревца или кустарниковых зарослей, как в саванне, за которые можно было бы зацепиться взглядом, не было видно. Солнечный свет ложился ровно, без слепящих бликов, создаваемых открытыми водоемами, нигде не мерещилась излучина реки, озерная впадина или россыпь овражных провалов. Только трава, трава, трава...

Симна, стоявший рядом с пастухом и удивительно долго помалкивающий для такого торжественного момента, наконец поскреб подбородок и поделился с Этиолем:

— Похоже, идти будет легко, а вот охотиться трудно. Все как на ладони.

— Говоришь, идти будет легко? Может, и не так легко, как кажется, — задумчиво отозвался Этиоль. Потом не выдержал и воскликнул: — Какая красота!

Его спутник искренне удивился.

— Что здесь красивого, когда вокруг ничего нет, кроме чертовой травы!

Пастух искоса глянул в сторону Симны.

— Ты бы посмотрел на наши лужки. Я ведь родом из краев, где нет и капли лишней воды. Для того, кто знает ее цену, кто всю жизнь без конца гоняет стадо от одного источника к другому, да и там подолгу не задерживается, чтобы овцы не вытоптали хилые ростки и не загубили родник или колодец, эти места — сущий рай. Не все люди согласятся с тобой, что богатство заключено в золоте. Далеко не все.

Северянин пожал плечами.

— Для такого простого парня, как ты, которого заботит здоровье овец, их прокорм, водопой, оно, может, и так. — Он нахмурился, почесал лоб и спросил: — Тебе не надоело, Этиоль? Должен признаться, я немало повидал людей. Не хотелось бы лишний раз напоминать, что уж в чем, в чем, а в людях я разбираюсь, но слов из песни не выкинешь. Знал бы ты, сколько их вертелось возле меня, и все ребята что надо, но ты уникум. Из всех крутых парней ты самый крутой, это говорю тебе я, Симна ибн Синд. Сколько еще ты собираешься морочить мне голову? Хватит изображать из себя свихнувшегося на овцах скотовода, у которого нет иных мыслей, как только прокормить стадо!.. Мы оба знаем, что ты ищешь. Да-да, я давно догадался, чего ради ты отправился в путь и несешься на север, как угорелый. Какой теперь смысл таиться от Симны ибн Синда? Это же глупо!

Он подошел ближе.

— Послушай, Этиоль, у тебя уже было время убедиться, что Симне можно доверять. Так за чем же дело стало? Признайся, ты ищешь какой-то затерянный город, вроде Дамурысесе, только еще более богатый? Или спрятанный бандитский клад?

Этиоль вздохнул.

— Стыдись, Симна. В который раз ты изводишь меня подобными вопросами. Встречал я узколобых, но такого — впервые. Неужели в твоей голове нет иных мыслей, как только о золоте? Неужели ни на чем, кроме каких-то нелепых кладов, зарытых в землю сокровищ, ты не в силах сосредоточиться? Ты похож на слепую лошадь, которую куда-то ведут, а куда — она и не знает. Если бы ты знал, как надоели мне твои выдумки!

— Хорошо, хорошо. — Северянин с раздражением кивнул. — Умолкаю. Можешь и дальше держать меня в неведении. Наверняка у тебя есть на то веские причины. Когда наступит час, ты все откроешь.

— Да, — согласился Этиоль, — рано или поздно этот час наступит...

Он начал спускаться с холма — последней возвышенности, с которой можно было обозреть саванну. И на ходу, чтобы не дать повода Симне возвратиться к излюбленной теме, спросил:

— Скажи, насколько хорошо ты знаешь эти места? Ты ведь здесь проходил?

Симна уклончиво пожал плечами.

Чем дальше путники спускали по склону, тем гуще и выше становились травы. Эхомба должен был при-

знать, что ему никогда не доводилось видеть подобного вида растительности, хотя на первый взгляд это были те же самые питательные травинки-былинки, что и на его родном побережье. Только высотой в полтора человеческих роста. С вершины последнего кряжа эти детали ускользали от внимания — в глаза бросались исключительно ширь и раздолье.

Зеленая стена казалась непроходимой.

Между тем Симна, измеривший шагами срезанную соломину от корневища до последнего колоска на метелке, уточнил:

— Девять футов. А то и все десять. Как же мы пробьемся через эти заросли?

Эхомба, на несколько минут основательно задумавшийся, наконец ответил:

— Прорубим просеку. — Он кивком указал на небо. — Я умею ориентироваться по солнцу и звездам. Любой пастух подскажет тебе, в какую сторону следует двигаться.

— Это все хорошо, — покивал Симна, — но, когда мы стояли на холме, ты обратил внимание, как далеко тянутся заросли? До самого горизонта, а сколько еще за ним! Этак нам придется идти месяцы! А чем будем питаться? Я не овца и не корова, меня травой не накормишь.

— Здесь должна быть дичь, — заметил Этиоль. — Вряд ли такая куча вкусной травы пропадает зря. Кто-то же должен ее поедать!

Симна недоверчиво рассмеялся.

— Ты предлагаешь охотиться? Ну и идея!.. Как можно охотиться в такой чаще, где не разберешь, кто стоит в двух шагах от тебя. К тому же местные обитатели наверняка бегают куда быстрее, чем человек.

— А ты что предлагаешь? — Эхомба указал копьем на вершину холма, с которого они только что спустились. — Вернуться по собственным следам? Идти назад по всем этим холмам и расселинам?

— Я этого не говорю. — Северянин устало опустился на камень и обхватил голову руками. — К тому же Симна ибн Синд никогда не отступает!.. Но двигаться вперед по этой зеленой чаще мне тоже не по душе.

— Тогда давай расположимся здесь на ночевку. Может, утром что-нибудь придумаем.

— А еще лучше стукнуть себя камнем по голове — вдруг прояснится? Если ты станешь утверждать, что это наилучший выход из положения, я готов первым попробовать. Вот и камень здесь есть. — Северянин пошлепал по скаль-

ному выступу, на котором сидел. — Меня сейчас куда больше интересует другой вопрос: где и как мы раздобудем еду?

— Ничего, не пропадем, — ответил Этиоль и вытащил меч. Лезвие грозно блеснуло в лучах заходящего солнца, и на клинке стали заметны параллельные линии. Рисунок был странный, едва ли напоминавший обычные узоры на стали. Пастух уже совсем было собрался рубить траву, как вдруг откуда-то донесся тоненький голосок:

— Будьте любезны, подождите минутку.

Эхомба замер. В траве к путникам пробиралось существо, очень похожее на человека. Остроглазый, зеленокожий, курносый, был он Этиолю по пояс, изящного телосложения, с клиновидными ушками и высоким лбом, при этом заостренная кверху голова незнакомца очень напоминала стебель травы. С щегольской акробатической сноровкой человечек удивительно ловко проскальзывал между длинными широкими листьями — соцветия, вознесенные на высоту двух ростов Этиоля, даже не колыхались. Незнакомец был обнажен, только зеленого цвета повязка прикрывала его бедра. К повязке были прикреплены того же цвета полосы, одна из которых проходила через промежность. Широкая полоса была также перекинута через правое плечо.

Судя по морщинистому личику, пастух решил, что этому существу сто, а может, и все двести лет — по человеческим, конечно, меркам, а как эти создания на самом деле считали свой возраст, Эхомба сказать не мог.

Человечек обладал хорошими манерами, что сумел подтвердить тотчас после вопроса, который задал ему подскочивший от удивления Симна: «Что это за чучело, черт побери?»

— Мое имя — Баруба-бан-Бейлок, — учтиво ответил незнакомец и поклонился, шаркнув при этом ножкой. — Я сангома народа тлачей, или иначе Людей Травы.

Представившись, он обратился к Эхомбе:

— Трава — это жизнь, защита, ковер, укрывающий землю, спасающий ее от зноя и холода, ветра и дождя. Все живое ступает по нему; вы, люди, тоже. Это непорядок, когда траву режут бесцельно, ради собственной прихоти.

Услышав подобные речи, Симна удивился еще больше и стал прикидывать, способен ли меч справиться с чем-то более проворным и менее безответным, чем трава. Затем он перевел взгляд на зеленого человечка — сколько их прячется здесь в траве? Сотня, две, тысяча?

Пастух опустил меч, однако вкладывать его в ножны не спешил.

— Я не ради прихоти. — Свободной рукой указал на зеленую стену. — Мы идем на север. Трава стоит у нас на пути. Если бы мы умели летать, мы бы полетели. Однако мы всего лишь люди, мы не умеем летать. А чтобы идти, нам придется прокладывать дорогу.

Баруба-бан-Бейлок неодобрительно покачал головой.

— Все вы, большие люди, одинаковы. Вам бы только напролом. Нет, чтобы в обход.

— Хорошо, — покорно согласился Эхомба, — траву резать не будем.

Симна выразительно смотрел на своего друга, однако по-прежнему молчал.

Лезвием меча пастух отодвинул в сторону пучок мясистых листьев и спросил:

— Покажи, как в обход?

— Ты издеваешься надо мной! — рявкнул зеленый человечек. По крайней мере попытался рявкнуть — его голос был писклявым и тихим.

— Вовсе нет, — спокойно возразил Этиоль. — Я действительно не знаю, как пройти в обход. Рубить траву — работа не из легких, так что если хочешь помочь, подскажи. С радостью последую твоему совету.

— Хорошо, я помогу вам, — ответил Баруба-бан-Бейлок, — если ответишь на три мои загадки.

Тягостно вздохнув, Симна вновь опустился на камень.

— Так я и думал. Когда имеешь дело с колдунами, чернокнижниками, шаманами и сангомами, обязательно жди подвоха. То надо отбить у недругов магический кристалл, то вернуть в родной алтарь священную икону...

— Что случится, если мы не сумеем ответить на твои загадки, сангома? — тихо спросил Этиоль.

Человечек коротко махнул в сторону холма.

— Ты вернешься к тому месту, с которого свернул к нашей округе. Ты должен будешь вернуться, иначе судьба накажет тебя. Если будешь противиться и дерзнешь нарушить наши пределы, листья изрежут твою плоть на мелкие кусочки. Такие маленькие, что даже жук сможет тащить их в челюстях. Выбирай.

Симна встал, сделал шаг в сторону и прижался спиной к шероховатой, местами замшелой поверхности скалы. В руке он сжимал рукоять вытащенного из ножен меча.

Между тем Эхомба был спокоен. По крайней мере если и был испуган неприкрытой угрозой, то виду не показывал.

— Спрашивай, тлач.

Баруба-бан-Бейлок приосанился. Обязанности посла в переговорах с чужаками, принадлежащими к роду больших людей, придали ему важности. Он шагнул вперед и потер зелененькие ручки. Стоило им соединиться, как донесся треск, какой бывает слышен, когда дерут кору с деревьев. Симна напрягся, однако ни гром не грянул, ни молния не сверкнула; небо по-прежнему оставалось безмятежно чистым. Скорее всего этот сангома был не из самых важных сангом, решил северянин. Вряд ли ему дано вызвать бурю. Разве что напустить полчища трав...

И действительно, зеленая стена вдруг уплотнилась.

— Слушай внимательно, большой человек. Вот первая загадка: утром встает солнце, вечером восходит луна. Но что находится между ними? Теперь загадка вторая: рыба соотносится с лягушкой так же, как цапля с вороной. Что находится в том же отношении к тлачу? Третья загадка: человека называют по имени, которое присвоили другие, но как он может узнать свое настоящее имя?

Баруба-бан-Бейлок вновь учтиво поклонился и отступил на шаг. Здесь сложил руки на груди и, дождавшись одобрительного шелеста травы, еще раз гордо раскланялся. На пришельцев он посматривал с презрительным высокомерием.

Симна между тем сумел наконец оторваться от стены и начал пятиться вверх по склону. Как ни противно ему было тащиться назад по джунглям и зарослям, полным насекомых и колючек, другого пути явно не оставалось. Его новый друг, конечно, хороший малый и веселый собеседник, однако тонким интеллектом не блещет. Напротив, сам Симна отлично разбирается во всяческих загадках и шарадах, но и он, несмотря на глубокий тонкий ум, не знал ответов на вопросы тлача.

Эхомба, до того момента стоявший как каменный, вдруг ожил. Он медленно поднял меч и направил его острие прямо в грудь Барубе-бан-Бейлоку. Симна напрягся и приготовился действовать, а глаза тлача необыкновенно расширились, однако сангома не сдвинулся с места.

— Если ты тронешь меня, не воображай, что судьба по-прежнему будет благосклонна к тебе!

— Я не желаю причинять тебе вреда, я просто отвечаю на твои загадки, — ответил Эхомба.

Он поднял меч так, что его острый кончик коснулся горла зеленого человечка.

— Этот меч выкован из металла, упавшего с неба. Присмотрись, как необычно поблескивает на нем сол-

нечный свет, в нем есть примесь и серебристого сияния луны. Вот что является повивальной бабкой солнца и луны.

Что касается твоей второй загадки, ответ таков: когда тлач касается небесного металла, то теснее всего его жизнь соотносится со смертью.

А вот ответ на твою третью загадку: с помощью этого меча я проложу себе иной путь — не тот, который ты и тебе подобные мне навязывают. Тем самым я обрету собственное имя, а не то, которым окрестили меня другие.

С ловкостью опытного лекаря Этиоль коснулся острием горла Барубы-бан-Бейлока и чуть надавил на зеленоватую плоть чуть повыше адамова яблока. Затем обратился к тлачу с такими словами:

— Баруба-бан-Бейлок, сангома тлачей, познай крепость металла, пришедшего со звезд!

Сангома невольно глотнул — очень осторожно, стараясь не напороться на приставленное к горлу острие. Позади него заметно шатнулась вперед стена травы. Стебли натянули луки, наконечники копий опустились ниже. Симна, топтавшийся у скального выступа, покрепче сжал рукоять меча, деля внимание между двумя фигурами и сплошной зеленой стеной.

Однако все замерло. Боевая линия травы, Баруба-бан-Бейлок, пастух оставались в прежнем положении.

Наконец представитель народа тлачей заговорил.

— Ты ожидаешь, что я отвечу тебе любезностью? — Глаза сангомы сузились, зеленый человечек с открытой враждебностью смотрел на незваного гостя, пытавшегося вторгнуться в пределы его округи. — Я вас предупреждал. Теперь пеняйте на себя.

— Всегда готов, — заверил его Этиоль. — Поэтому и стою здесь, приставив меч к твоему горлу. Я никогда не уходил от схватки и не собираюсь уходить сейчас. — Он кивнул в сторону ощетинившейся травы. — Я дал клятву, что доберусь до северного побережья и найду корабль, который переправит меня за море, и я исполню ее, пусть даже на моем пути встанут десятки духов, привидений или презренных сангом.

Симна встал на цыпочки, вглядываясь в траву.

— Этиоль, там что-то движется. Я слышу треск! — Он громко втянул в себя воздух. — И чувствую запах!

— Что это, Симна?

Кончик меча не дрогнул, но Баруба-бан-Бейлок позволил себе ехидный смешок.

— Черт его знает! Какое-то животное. Причем этих животных много... Этиоль, если мы примем бой, лучше найти какую-нибудь пещеру. Или по крайней мере давай заберемся повыше.

— Нет. — Этиоль не сводил глаз с маленького зеленого человечка. — Я остаюсь здесь. Ты можешь отступить к вершине.

Симну раздирали противоречивые чувства: здравый смысл, собственные желания и восхищение перед глупой храбростью пастуха. Внутренний конфликт сводил его с ума.

— Ты же знаешь, что я не уйду! Ты спас меня от Тлена. Два раза спас! Я клялся, что ни под каким видом не брошу тебя в беде, а теперь ты говоришь: беги, Симна ибн Синд, спасай свою шкуру! Лучше я останусь рядом с тобой, буду защищать тебя сзади.

— И то дело! — согласился Эхомба и одобрительно кивнул. — Тогда оторви свой зад от скалы, спускайся ко мне и будь наготове.

Его глаза спокойно встретились с неприязненным взглядом сангомы, и тот вдруг отпрянул, прочитав в них неожиданную глубину и силу.

— Пастух, говоришь? Ты уверен?..

— На пастбище человек должен быть готов ко всему, например, к встрече с хищником, который охотится за скотом. Зверь никогда не набросится, если пастуху по силам выдержать его взгляд. Тот, кто глядел в глаза льва, не испугается и тлача.

Между тем треск приближался. Нечто огромное, легко одолевающее заросли высокой травы, двигалось в их сторону. Скоро послышались странные звуки, напоминавшие хрюканье. Баруба-бан-Бейлок не мог скрыть радости и открыто захихикал.

— А теперь ты заглянешь в глаза чудовищу, которое сангома тлачей водит на поводке. То приближается твоя смерть, пастух! И не говори, что я не предупреждал тебя.

— Идут! — закричал вставший рядом с товарищем Симна. — Что бы это ни было, они идут!

Трава неожиданно раздвинулась, и на путников уставилась огромная бурая морда. Два передних резца торчали из верхней челюсти — каждый размером с человека. Длинные уши не знали покоя — ходили туда-сюда. Нос и оба глаза сидели в пределах большого белого пятна, тогда как вся шея и спина были покрыты мягким шелковистым черным мехом. Ноги сильные, мускулистые, особенно задняя пара.

Через какое-то мгновение, сделав прыжок на длинных задних лапах, из травяной гущи выглянуло еще одно, такое же огромное чудище.

Симна ибн Синд издал какой-то булькающий звук.

Это были кролики — только величиной со слона!

XIII

Никто не засмеялся. Напротив, изумление заставило Эхомбу и Симну теснее прижаться друг к другу. На что способен обыкновенный кролик? Разве что укусить за палец. Существовала также порода грызунов покрупнее, обитавшая в окрестностях Наумкиба; в страхе и от отчаяния они могли сбить человека с ног. Но чего ждать от длинноухого величиной со слона? Подобная зверюга способна запросто перекусить лошадь или проломить крепостную стену. Пусть даже они были те же мирные кролики, каждое их движение, не говоря о прыжках, несло людям исключительную опасность.

С другой стороны, в стране, где травы выше леса, кем, как не великанами, должны быть поедающие их звери?

Этиоль посмотрел на злорадствующего сангому. Каким образом ему удалось подманить кроликов? Неужели он и вправду владеет колдовским искусством? Однако пастух не заметил никаких магических жестов, не услышал заклинаний, не пользовался тлач и ароматическими веществами. Скорее всего этот злобный зеленый человечек хорошо знает повадки кроликов, но пока он никак не доказал, что способен ими повелевать.

Это объяснение было куда более по сердцу Этиолю, чем всякие домыслы о волшебной силе и черной магии. Однако даже самое верное объяснение не делало положение людей более безопасным. Сердце рвалось туда, к вершине холма, инстинкт гнал спрятаться. Огромным усилием воли Этиоль Эхомба заставил себя остаться на месте. Ведь именно этого и добивался Баруба-бан-Бейлок, в том и состояло его тайное намерение. При этом ему самому при таком маленьком росточке ничего не угрожало, он вполне мог укрыться в траве, оставив на долю бездумных животных всю грязную работу.

Эхомба убрал меч. Тлач удивленно глянул на человека — такой реакции он не ожидал. Пастух между тем взял копье и, опираясь на него, как на посох, направился

прямиком к ближайшему кролику, морда которого была помечена большим белым пятном. Симна попытался было удержать друга — не удалось! Он растерянно огляделся по сторонам и остался на месте, только выкрикнул вслед:

— Этиоль, ты спятил? Тебе отхватят руку — или голову! Тебя втопчут в землю! *Этиоль!*

Не обращая внимания на крики, Эхомба подошел совсем близко к ближайшему чудищу. Фыркая, проявляя признаки недовольства, животное склонилось над человеком, грозно вытянув над ним когтистые передние лапы.

Другой кролик, не спеша переваливаясь, тоже приблизился к Эхомбе.

Конечно, каждый из нас имеет представление об этих милых и безобидных зверьках, но признаемся, эти сведения больше связаны с гастрономическими пристрастиями или легендами о необыкновенной плодовитости кроликов. В яви нам доводилось видеть их в клетках или в парках, где некоторые чудаки выгуливают своих любимцев, стараясь уберечь их от собак. Но что мы, люди, в подавляющем большинстве знаем об их поведении, образе жизни, их семейной жизни? Вероятно, почти ничего. Однако не таков был Этиоль Эхомба.

Кролики навострили огромные, словно лопасти, уши, повернули их в сторону человека, а тот что-то начал им рассказывать. Голос его звучал мягко, доброжелательно. Скоро все исполинские звери выбрались из травы и мелкими прыжками, от которых тряслась земля, собрались вокруг пастуха, миролюбиво шевеля носами. Они как были любителями свежей травы, так и остались ими, несмотря на чудовищные размеры тела. Следовательно, и поведение их осталось прежним. На это Эхомба и рассчитывал.

Подобный поворот событий привел Барубу-бан-Бейлока в ярость.

— Что вы ждете? — закричал он и неожиданно затопал ногами. — Убейте! Растопчите их!.. Обоих, обоих!.. Они чужаки, незваные гости, охальники! Разорвите их на куски!..

В следующее мгновение острие меча Симны ибн Синда заняло место меча Этиоля у горла сангомы. Коренастый северянин зловеще улыбался.

— Не надо лишних движений, братишка! И кричать не стоит, а то, глядишь, я испугаюсь, рука дрогнет, и все... — Симна искоса взглянул на Этиоля, который по-прежнему о чем-то мирно говорил с животными. — Не будем им мешать. Видишь, как сердечно беседует. Просто душа радуется.

Баруба-бан-Бейлок не обратил внимания на уговоры, проигнорировал он и меч, острие которого слегка касалось его кожи. С ошеломленным видом зеленый человечек, открыв рот, наблюдал, как чудища, придвинувшись поближе, внимательно слушают Эхомбу. На миг ему показалось, что беломордый согласно покачивает головой. Наконец тлач повернулся к Симне и растерянно заявил:

— Но это невозможно! Никто не в состоянии разговаривать с великими травоглодателями! Этого не может быть!..

В ответ Симна с полным основанием спросил:

— У тебя, мудрец, глаза есть? По-моему, есть — маленькие, противные, и тем не менее глаза. Вот и смотри. — Он кивком указал в направлении мирно беседующих животных и человека. — Ты не смущайся, мой друг, может, неказист и припахивает овечьей мочой, но парень он толковый. Знает, что к чему: и как с гнилью разобраться, и как нарыв вылечить, и как со слоновыми кроликами разговаривать.

— Но этого не может быть! — простонал Баруба-бан-Бейлок. Его лицо приобрело странный фиолетово-рыжий оттенок.

Через минуту Эхомба прервал разговор и присоединился к Симне и Барубе-бан-Бейлоку. Гигантские кролики, присев на задние лапы и прядая ушами, терпеливо ждали. Они не сводили огромных, побольше тарелок, чуть выкаченных глаз с пастуха, пошевеливали усиками. Неожиданно беломордый потянулся к зеленой стене и выхватил оттуда клок травы размером с добрый сноп. Луки, пики, мечи, стебли, побеги, листовые пластины, метелки покорно поникли и с хрустом начали исчезать в пасти чудовища.

Баруба-бан-Бейлок рухнул на колени.

— Пощади меня, о повелитель неизвестной страны! Прояви милосердие. Моему народу не выжить без меня. Они верят мне, полагаются на мои знания, на мои советы, без которых им не выстоять в этой дикой округе, в царстве переросшей травы. Без меня они начнут плутать в зеленых джунглях и погибнут.

— Что-то не верится, — ответил Этиоль. — Понятно, ты не последний человек среди своего народа, ты богат и влиятелен. Но незаменимых не бывает, сангома. Всегда найдется тот, кто окажется способен вести народ.

— Вот тут ты прав, брат, — подтвердил Симна. Он широко улыбнулся и посильнее нажал на рукоять.

— Остановись! — повысил голос пастух и свободной рукой отвел меч. — Я убивал, только защищая свою жизнь, а теперь в этом необходимости нет.

— Ладно, — с нескрываемым разочарованием заявил Симна и неохотно сунул оружие в ножны за спиной.

Баруба-бан-Бейлок перевел дух и вновь принял достойный вид, то есть однородно позеленел. Тлач поднялся с колен и указал рукой на кроликов, которые уже заметно погрузились в травяное месиво и с удовольствием хрустели спелыми побегами.

— Скажи, как? — неожиданно громко воскликнул он, обращаясь к Эхомбе. — Как ты научился разговаривать с ненасытными пожирателями травы? Я никогда не слышал о таком чуде. Ты первый чужестранец, который не впал в священный ужас при виде этих животных. Ты, наверное, великий маг!

— Как только я увидел, какие животные к нам подбираются, я успокоился. И перестань называть меня магом. Я пастух, ни больше ни меньше.

— Как скажешь, маг... то есть пастух. Ты первый чужестранец, кого не поверг в ужас один только размер чудовищных травопожирателей.

— Просто мне известны повадки этих зверьков, точнее, их сородичей, — объяснил Этиоль. — Видишь ли, родом я из засушливых мест, где жестоко сражаются за пастбища, за водопой, за горсть травы. Бьются между собой люди, дерутся звери, и между теми и другими идет постоянная грызня. Стоит только дать промашку и перегнать стадо к водопою на полдня позже, ты застанешь там другого, который и близко не подпустит тебя к воде. Кроме того, в буше обитают дикие животные, им тоже надо чем-то питаться. Все они — антилопы, носороги, мыши, быки, гепарды, бронтотерриумы и гормауты — тоже хотят сносно жить.

Симна удивился.

— Что за гормауты?

— Позже расскажу, — не поворачивая головы, откликнулся Эхомба. Затем вновь обратился к сангоме: — Знаешь, у тех, кто участвует в этой драке, выбор невелик — победить или умереть. Хорошо, ты оказался слабак, тебя прогнали от водопоя. Что дальше? Опять решай. Можно убить соперника и овладеть его стадом, а можно отравить воду. Есть еще один путь: попытаться договориться. Найти решение, которое удовлетворит обоих.

— Понятно, — сказал сангома. — Ты из числа тех, кто готов договариваться?

Эхомба покивал.

— Сколько ни воюй, все равно когда-то придет время договариваться. Мы, наумкибы, мирное племя. Мы

делим наши угодья с серноантилопами и оленями. Наумкибы нашли с ними общий язык. Те, кто решился воевать против всех, давным-давно сгинули. Чтобы поддерживать порядок, сторонам приходится время от времени встречаться и обсуждать положение. Вести переговоры полномочны те из нас, кто способен понять зверя...

— И ты разговариваешь с кроликами? — перебил Симна.

— Да, — кивнул пастух. — Я разговариваю с кроликами.

Тем временем величиной с бегемотов длинноухие чудища, отвернувшись от людей, с прежним усердием поедали траву.

— У наумкибов к каждому животному есть свой подход. Вот, например, правило поведения с кроликами: «Говори ласково, неторопливо и держи в руках большую морковку». Жаль, что у меня не нашлось морковки подходящих размеров, но не в моркови дело. Они учуяли дух миролюбия, исходящий от меня, и, будучи существами незлобивыми, тут же ответили на мой призыв. Теперь ясно?

Этиоль с нескрываемым укором смотрел на маленького зеленого человечка, который уже сумел справиться с дрожью, бившей его еще несколько минут назад.

— Тебе есть чему поучиться у них, Баруба-бан-Бейлок. Хотя бы гостеприимству.

К удивлению пастуха, сангома внезапно пал на колени и звучно стукнулся лбом о сухую землю.

— Приказывай! Скажи, о господин, в чем ты нуждаешься?

— Вот это другое дело, приятель! — воскликнул Симна и убрал меч в ножны. Он закатил глаза и уже совсем было собрался перечислять те дары, которые им необходимы в первую, вторую и последующую очередь, однако Эхомба перебил его.

— Мы ни в чем не нуждаемся. Я не беру у тех, кто силой принужден меня одаривать.

— Силой? Какой силой!.. — завопил Симна. — Разве я по собственной воле обнажил меч? Кроме того, что плохого, если кто-то — не будем показывать пальцем — пусть даже не по собственной воле поделится с нами излишками еды, напитков, ну и ты сам понимаешь чего...

— Опять за свое? — грустно спросил Эхомба.

— Что значит «за свое»? Извини... — Симна распалялся все больше и больше. — Полагаешь, он не убил бы нас при первой возможности?

— Не знаю, — чистосердечно признался Эхомба.

— А я знаю! — заявил Симна. — Кроме того, я знаю, что нам надо каким-то образом перебраться через эти

травяные дебри, и, клянусь Гимилом, этот сангома — единственный, кто в состоянии нам помочь.

— Да, — сказал сангома, — я могу дать вам надежных проводников из молодых. Без нашей помощи вы очень скоро заблудитесь в травах и погибнете от голода. — Он простер руки в сторону зеленой стены. — В нашей округе нет приметных камней, нет дорожных знаков, нет ничего, что могло бы указать путь. Ночью травы скроют от вас небо. Это наша земля, и она верно охраняет нас. А знаете, какие острые края у листьев — они запросто порежут на части даже таких великанов, как вы!

Зеленый человечек сложил руки на груди и торжественно заявил:

— Только тлачи знают тропы в этой округе, только они могут пересечь Великие травы из одного края в другой.

— Мы ценим вашу мудрость, — ответил Эхомба. — Но нам пора в путь. Мы потеряли много времени, поэтому, прости, сангома, мы вынуждены отклонить твое предложение.

— То есть как отклонить? — возмутился Симна. — Ты надеешься преодолеть это гигантское пастбище без помощи тлачей? Без проводников?..

— Да, — с улыбкой ответил Этиоль. — Я вовсе не собираюсь плутать в траве. Мы помчимся поверх нее.

— Как это «поверх»? — не понял Симна, потом отчаянно замахал руками. — Поверх? Это без меня! Если ты думаешь о том, о чем, я думаю, ты думаешь...

Этиоль подошел к беломордому великану, который тут же повернулся в его сторону. Пастух погладил кролика по необъятному боку и, хватаясь за длинную шерсть, взобрался к нему на спину. Беломордый невозмутимо шевелил ушами и глядел на изумленных Барубу-бан-Бейлока и Симну.

— Смелее, Симна ибн Синд, — пригласил Эхомба. — Нам предстоит длинная дорога, давай не будем тратить время. Это не труднее, чем скакать на лошади. Помнится, ты рассказывал, что тебе нет равных в искусстве верховой езды.

— Я... не знаю, — смутился Симна и сделал первый робкий шаг. — Конечно, с лошадьми я имел дело, и здесь я бесподобен... но это же кролик! А с кроликами я знаком лишь по обеденному столу.

— Я бы в их присутствии о таком не распространялся. — Эхомба устроился в выемке шеи, сразу за огромными, как стволы деревьев, мягкими и приятными на ощупь ушами.

Он выглянул из-за ближайшего к Симне уха и поманил того рукой.

— Почему бы нет? — пробормотал северянин, приблизился к другому слоноподобному кролику, ловко влез на его спину и устроился в том же месте, где и пастух. — А ты что, думаешь, они нас понимают?

— Слова — нет, но наши чувства — безусловно, — ответил Этиоль. — Если бы кролики не чувствовали загодя намерения хищников, им бы не спастись.

Он наклонился и что-то шепнул в огромное ухо. Грызун незамедлительно прыгнул в траву. Эхомбу швырнуло, он покрепче схватился за шерсть и с обычной своей невозмутимостью удержался на спине. Симна же взвыл как ужаленный — при каждом скачке его швыряло из стороны в сторону, пока наконец северянин не приспособился. Позади оставалась ровная полоса примятой травы, пройти по этому бурелому не было никакой возможности.

Скоро скрылась из виду цепь холмов, от которой они отчалили. Вокруг во все стороны тянулась однообразная, без всяких проплешин покрытая травами равнина. Сверху кое-где были заметны спины слоноподобных кроликов. Здесь им было вольготно нагуливать жир. Обилие корма сказалось на их размерах. Чем выше глаза, тем шире обзор, а это давало немалые преимущества в борьбе за выживание. Скоро Симна разглядел в траве что-то подобное мыши, только размерами это существо было с быка. Жуки здесь были с весельную лодку, их жужжание напоминало рев леопарда.

Скоро кроликов атаковала стая ворон величиной с кондоров. Вернее, не кроликов, а их наездников — должно быть, птицы посчитали их легкой добычей и набросились на людей со всех сторон. Пришлось отбиваться мечами. Правда, Симна не мог похвастаться тем, что сумел сбить хотя бы одну из удивительных птиц.

Этиоль, еще крепче обхватив скакуна ногами, поднес руки ко рту и что-то закричал на нападающих ворон. Любой богач с удовольствием заплатил бы немалые деньги, чтобы услышать такие необычные хриплые звуки; Симна стал свидетелем представления бесплатно. Принимая во внимание тот факт, что вороны немедленно улетели, северянин пришел к удивительному выводу и решил продемонстрировать свою сообразительность.

— Так-так-так... Можешь мне не говорить — ты умеешь общаться и с воронами.

— А ты, оказывается, наблюдательный парень, Симна, — крикнул в ответ пастух.

— Теперь ты меня убедил. Конечно, ты не колдун. Ты просто полиглот, самый большой знаток языков на

свете. С кем еще ты можешь вести беседу? С черепахами? С соловьями и полевками?

— В нашей округе полно ворон, — совершенно серьезно откликнулся Этиоль. — Живется им трудно, как, впрочем, и кроликам, и людям, и овцам. Край у нас...

Симна едва не лопнул от негодования — даже на мгновение кроличье ухо отпустил, но тут же, при следующем скачке, ухватился за него вновь, однако это не удержало его от едкого сарказма.

— Как же, как же — край бедный, скудный. Пустыня. Нехватка воды и пищи... — Симна обвел взглядом неохватную зеленую даль. — Нет, я не жалуюсь. Я всегда быстро схватывал людские наречия, но говорить на языке животных не умею. Может, потому, что просто не знал о его существовании. А может, потому, что до сих пор никто из тех, с кем мне приходилось встречаться, не упоминал, что у животных тоже есть свои наречия.

— То, что ты сказал о встреченных тобой людях, — ответил Этиоль, — свидетельствует лишь о том, что разговаривать они умеют, а слушать нет.

— Ха! Порой они и разговаривать не умеют! Они способны только проворачивать делишки. Давай договоримся: ты будешь держать связь с безмозглыми животными, а я — с людьми.

— Дельное предложение, — кивнул пастух. — Однако ты можешь помочь и еще кое в чем.

Симна покосился на друга.

— В чем же?

— Как определить, кто из них кто.

Тем временем слоноподобные скакуны без устали бежали по степи. Так продолжалось несколько часов, пока кролики не сбавили ход. Во всяком случае, их прыжки становились все короче и короче. Но дело было не в усталости. Скачки попрежнему оставались резвыми, однако длина каждого прыжка с каждой минутой уменьшалась пропорционально возможностям зверьков. Именно так — с каждой минутой кролики становились все меньше и меньше.

Эхомба судил по ушам. Поначалу они напоминали стволы вековых деревьев, потом сузились до диаметра молодых сосен, а сами кролики ужались до размеров ринотериев. Наконец, наступил момент, когда кролики стали, как лошади, затем ростом с теленка... Далее они уже не могли нести людей. В тот момент, когда ноги Симны коснулись земли, до него тоже дошло, что вокруг творится что-то неладное. На

миг с ужасом подумав, что сам он тоже уменьшается, Симна посмотрел на своего товарища и понял, что их размеры неизменны. Выходит, мир вокруг сжимался или, может, сужался — в этом трудно было с ходу разобраться.

Кролики между тем, даже освободившись от наездников, продолжали скакать на север. В конце концов зверьки обрели свои обычные размеры, и это чудо потрясло Симну не меньше, чем поведение беломордого, который неожиданно остановился и, повернув голову, вполне осмысленно глянул на Эхомбу. Зверек шевелил ноздрями, усики его подрагивали. Симна невольно зажмурился, потом резко открыл глаза.

Картина не изменилась. Вокруг все тот же залитый солнцем мир, привычный и реальный. Хотя в компании с таким удивительным человеком, каким оказался Этиоль Эхомба, кто отличит реальность от вымысла?..

От подобных вопросов у кого угодно голова могла пойти кругом. Симна не удержался и для верности, не глядя под ноги, сорвал пучок травы. Глянул на нее — обыкновенная луговая растительность, мечта пастухов, объедение для коров и овец. Метелки и колоски самых длинных побегов доставали ему до пояса, а длинноногому Эхомбе вообще видно далеко вокруг.

Между тем пастух, присев на корточки, о чем-то душевно беседовал со своими пушистыми приятелями. Говорил человек, а зверьки внимательно слушали. Вдруг кролики разом повернулись и запрыгали в ту сторону, откуда примчались.

Симна долго наблюдал за ними.

— Ну, — наконец обратился он к Эхомбе, — и как ты это объяснишь? Когда они вернутся к себе, то вновь станут слоновьих размеров?

— Думаю, да.

Пастух тоже некоторое время провожал взглядом мелькавшие то и дело бурые спинки. Где еще зверьки могли чувствовать себя в безопасности, как не в родном вельде? Впрочем, коршуны и орлы, наверное, тоже соответственно увеличились... Странные загадки задает жизнь, и не на все сразу можно найти ответы. На миг в воображении Этиоля возникли образы гигантских хищных птиц — вот было бы здорово полюбоваться их полетом. Это же надо — орел с крыльями, способными загородить небо!

Нет, все-таки лучше с такими летунами не встречаться.

Они шли на север, пока не добрались до подножия скального выступа. Здесь кончался вельд. Вверх, к че-

реде скал вел крутой склон. У подножия Симна разглядел небольшое озерцо с чистой водой. У водоема по обоюдному молчаливому согласию путники и решили заночевать.

Эхомба обмолвился, что пора развести костерок и поесть чего-нибудь горячего, Симна тут же подошел ближе и с любопытством уставился на кончики его пальцев. Ждал, наверное, что оттуда вдруг посыплются искры и подожгут собранный хворост. А может, огонь ударит из его ноздрей или он добудет его из воздуха: прочитает заклинание — и костер вспыхнет сам по себе. Однако его подстерегало разочарование. Огонь был добыт с помощью кремня и пучка травы. Искры пали на сухие травинки, потянуло дымком, затем прорезался робкий язычок пламени, и скоро хворост с удовольствием затрещал между камнями, на которые Эхомба поставил котелок с озерной водой.

А может, подумал Симна, Эхомба и в самом деле ничего собой не представляет? Честный простак, знает толк в лечебных травах и корешках... Что из того? Набегался по своей пустыне, одичал, вот зверье и принимает его за своего. Конечно, не дурак. Сметлив, порой очень даже верно разбирается, что к чему, особенно в те моменты, когда от находчивости и умения зависит его жизнь. Сам он, Симна, и не такие выкрутасы выделывал, когда припирало.

Симна вздохнул. Пусть «пастух» — а парень он неплохой, по крайней мере в беде не оставил — думает, что обманул своего спутника, что тот поверил в его заурядность. Он, Симна ибн Синда, правду знает. Придет время, и он поговорит со своим немногословным товарищем серьезно. Настолько серьезно, чтобы в полной мере получить свою долю сокровища — каково бы оно ни было.

XIV

С приходом ночного мрака, с удовольствием сглотнувшего нагулявший с восхода до заката жирок светлый день, на краю вельда возле маленького костерка сидели два человека. Вели себя тихо, пытались по звукам определить, чем грозит им тьма. Чаще всего, определяя источник воя, писка, клича, жалобного стенания, рыка или повизгивания, они соглашались друг с другом. Но были среди ночных звуков такие, каких Симна никогда не слышал. Тогда Эхомба делился с товарищем

опытом и теми знаниями, которые по крупицам собирал в своей округе и по пути сюда, к подножию скалы. Симна просто поражался тонкости его слуха.

Ближе к полуночи, когда яркие крупные звезды густо засверкали на черном пологе, неподалеку раздался ужасный рев каких-то двух неведомых зверей, что-то не поделивших между собой. Они выли так душераздирающе, пытаясь, по-видимому, напугать соперника, что путники напряглись и приготовили оружие. Однако очень скоро шум затих. Скорее всего хищники решили конфликт мирными средствами.

Потом новая напасть обрушилась на путников. Где-то совсем рядом послышалось отчетливое шипение, порой переходящее в звон, издаваемый струящейся на перекате горной речкой. Следом донесся шорох, и длинная тонкая голубоватая змея — ее спина была усыпана россыпью розовых пятен — проползла возле костра и направилась к Эхомбе. Тот, лежа на боку, приподнял руку. Змея протиснулась прямо под локтем пастуха и направилась в вельд.

Симну словно подбросило. Первым делом, заметив змею, он по привычке схватился за рукоять меча. Когда же увидел, что спутник не только не испугался, но, наоборот, пропустил непрошеную гостью, медленно опустился на прежнее место.

— Выходит, брат, ты и со змеями умеешь разговаривать?

— Приходилось. — Пастух с удовольствием глотнул из кожаного сосуда, затем прибавил: — На удивление болтливые существа! Правда, змеи мудры, им есть чем поделиться, чему научить.

— В самом деле? Я всю жизнь был уверен, что, прежде чем научить чему-либо, они кусают и убивают ядом.

— Такой уж у них темперамент, — ответил Этиоль. — Их надо понять и простить. Попробуй, проживи всю жизнь без ног и рук в то время, когда остальные существа бегают, прыгают и могут хватать все, что им вздумается. Так распорядилась судьба. Я, наоборот, полагаю, что у змей удивительная выдержка.

Напившись, Эхомба тщательно заткнул бурдюк пробкой и отложил его в сторону.

— В таких условиях я не смог бы совладать с собой и перекусал бы всех, кто только посмел приблизиться ко мне.

— Знаешь, в чем твоя сильная сторона, Этиоль? — Симна неожиданно сменил тему. — Сейчас объясню. Ты испытываешь симпатию ко всему, что тебя окружает, вне зависимости от того, как оно, окружение, к тебе относится.

Но в этом есть и отрицательная сторона. Знаешь, какая у тебя проблема?

— Нет. Вот ты, Симна ибн Синд, и подскажи, какая у меня проблема.

— Нельзя симпатизировать всем и каждому.

Симна начал устраиваться на ночлег. Сделал себе подобие ложа, закутался в одеяло, лег на спину и первые несколько минут глядел на звезды. Всем известно, что нет лучше способа побыстрее заснуть, чем понаблюдать за золотыми песчинками, разбросанными по ночному небосводу. Смотришь в ту сторону, а песочек сыплется и сыплется, веки начинают смыкаться, ресницы склеиваться, следом приходят сны... К утру встаешь, набравшийся сил, полный бодрости. Симна не мог понять людей, которые, чуть стемнеет, начинают прятаться в домах, запирать двери. Разве в тесном помещении можно хорошо отдохнуть? Кошмаров насмотреться — это да, сколько угодно, но выспаться...

Костер угасал. Прояснилась тьма, залитая невесомым звездным сиянием. Вдали нетерпеливо взревел какой-то зверь и тут же, словно устыдившись, затих. Но Симна ибн Синд не обратил внимания. Душа его полнилась воспоминаниями. За день они пересекли великий нехоженый вельд, обогнуть который, по самым скромным подсчетам, стоило бы им несколько трудных, безрадостных недель пешего хода. Сколько опасностей подстерегало на этом пути, а тут раз, два и готово. Стоило «пастуху» поболтать с кроликами, как те с готовностью подставили спины. Будто у них до того момента иных забот не было. Если это не колдовство, то что же? Жаль, что Этиоль никак не хочет поделиться с ним своими знаниями. Симне доводилось встречаться с факирами, так что все их фокусы секрета для него не представляли. Правда, среди них не было умельца, который мог бы разговаривать с животными, но этим штучкам тоже можно обучиться. Безусловно, следует и дальше внимательно приглядываться к жестам, которые производит Эхомба, прислушиваться к его словам. Со временем все станет ясно...

На этой мысли дрема уже совсем одолела Симну. Он почти заснул, когда неожиданная волна света привела его в чувство. Северянин вздрогнул и чуть приоткрыл глаза. Действительно, округа была залита призрачным золотистым сиянием — огромный светящийся диск выплыл из-за края скалы. Какая, однако, в этих местах огромная луна!..

Симна облизнул сухие губы и уже совсем собрался перевернуться на другой бок, как неожиданное открытие заставило его сесть на ложе, сбитом из охапки травы.

Накануне ночью на небе светил узкий, в одну восьмую, серп. И что же — сегодня наступило полнолуние?

Он вздрогнул, тонкое шерстяное одеяло соскользнуло с ног.

Свет исходил не от луны.

Огонь угас, хотя костровище еще теплилось, малиновым жаром посвечивали засыпающие угольки. Светлая струйка дыма улетала в темное, но уже подсвеченное странным сиянием небо. Эхомба, по-видимому, еще не ложился. Он сидел скрестив ноги по другую сторону костра и смотрел куда-то в сторону. Симна проследил за его взглядом. Пастух глядел не на небо, не на спутника, а на искрящиеся блестки, густо сновавшие сбоку от костра. Нет, это были не блестки, скорее светящийся бесформенный шар или рой, составленный из разноцветных, похожих на драгоценные камни сгустков.

Сияющее облако парило на расстоянии десятка метров от Эхомбы, как раз на фоне скального уступа, то и дело просыпая крупные, напоминающие драгоценные камни искры. Неожиданно сверкающий шар начал увеличиваться в размерах, вытягиваться вверх, и скоро перед ошарашенным Симной предстала полная света женская фигура. Еще через мгновение ее очертания стали резче. Место, где она находилась, можно было назвать комнатой, хотя мебель не различалась. Женщина была одета в длинное, переливающееся всеми цветами радуги одеяние. Она словно вылупилась из сияющего кокона, как чудесная бабочка. Глаза голубые, кожа мягкая, сметанного цвета, волосы чернее ночи длинной густой занавесью лежали на плечах.

Незнакомка смотрела в сторону застывшего Эхомбы, но не видела его — ее взгляд был устремлен вдаль, на покрытую мраком страну Великих трав. Что она там высматривала, Симна определить не мог, но одно было ему ясно: стоит этой женщине потребовать, чтобы он отдал за нее свою жизнь, и он, не задумываясь, сделает это.

Затем женщина нахмурилась, и из темноты, медленно формируясь, выступило что-то иное.

Спустя несколько мгновений Симна разглядел боевой шлем, украшенный рогами. Скоро в светящемся облачке наметилось лицо человека, прятавшегося в тени, однако выражения глаз разобрать было невозможно. Ясно виднелась разве что густая черная борода. Эта куча нестриженых вьющихся волос торчала вперед с каким-то вызовом. Несмотря на глубокую черноту, которой отливал кованый боевой шлем, с него густо сыпались те же самые разноцветные искры, что и с платья несчастной (теперь это было очевидно) женщины. Тот же

обвал драгоценных камней, те же блеск и чистота светящихся капель — Симне было до слез обидно, что, едва выбравшись за пределы свечения, они таяли в воздухе.

Тем временем фигура воина начала очерчиваться и пониже шлема. Возник коротконогий, широкий в кости воин. Его мускулы были непропорционально велики и рельефны. Доспехи переливались всеми цветами радуги, хотя каждому отдельному предмету был присущ тот или иной основной тон. Сочетание цветов неприятно било по глазам: пурпурный, малиновый, золотой перемежались полосами горчичного и оранжевого. На плечи воина была наброшена длинная, не менее восьми футов, боевая накидка. Накидка распахнулась, и Симна вздрогнул, увидев ожившие картинки, на которых разворачивались сцены адских пыток и эпизоды сражений, — на миниатюрах преобладали расчлененные тела, лишенные конечностей воины, отрубленные головы, выпадающие внутренности. На некоторых изображениях пировали существа с дьявольскими лицами, быки, обретшие человеческие тела, жуткие уроды с птичьими носами, а во главе стола неизменно восседал бородатый силач, образ которого в такой странной форме явился в ночи перед очами Эхомбы и Симны.

Далее начало твориться что-то странное. Великан протянул руку, схватил женщину за плечо. Она попыталась вырваться, потом решила сбросить волосатые жирные пальцы. Сначала двинула плечом, затем вцепилась в лапу обеими руками. Ничего не вышло. На лице незнакомки ясно читалось отчаяние, смешанное с отвращением. Великан бестрепетно начал поворачивать женщину к себе...

Симна, затаив дыхание, смотрел на удивительную сцену, разворачивающуюся перед ним во мраке. Внезапно воин-гигант замер и, удерживая женщину за плечо, принялся всматриваться вдаль, за пределы зала. Жуткая гримаса исказила его лицо. Он смотрел за пределы комнаты, где находилась его жертва, смотрел за пределы здания...

Он смотрел на Этиоля Эхомбу, пастуха из пустынных краев, из нищей округи, расположенной на побережье холодного моря.

Гигант взревел, потом внезапно выбросил руку в направлении Эхомбы. В следующее мгновение с его пальцев сорвался кроваво-красный обжигающий шар. Этиоль успел отклониться в сторону, и сгусток нечестивого пламени ударил в землю. Столб огня взметнулся в небо. Симна, почувствовав адский жар, отпрянул, однако огонь тут же сник, погас,

только невыносимый, смердящий дух начал расползаться по стоянке.

Картина, открывшаяся глазам Симны, стала утрачивать объем и краски: светящееся пространство обратилось в плоскость, в подобие листа разрисованной бумаги, на котором застыли фигуры уродливого воина и молодой прекрасной женщины. Затем светящаяся плоскость как бы начала тлеть, синеватое пламя охватило ее нижний край, и, совсем как лист бумаги, изображение начало скручиваться и обращаться в пепел. На землю полетели хлопья сажи.

Как только последний кусочек картинки, вспыхнув, растаял во тьме, округу сковала необыкновенная, пропитанная мраком тишина. Оцепенело все, что могло дышать, даже ветер замер, и последние струи дыма над костром уплывали в омертвелое небо строго вертикально.

Потом природа начала оживать. Сначала робко, как бы для проверки, подала голос цикада. Ей поддакнула другая, третья. Скоро заполнившее ночь многоголосие поддержала лягушка — квакнула коротко, веско, словно заявляя о себе. Ей ответила ночная птица... Ночь сбросила оцепенение и вновь зажила звучно, вольно.

Симна почувствовал нехватку воздуха и шумно вдохнул. Крупная редкая дрожь начала сотрясать тело. Северянин закутался в одеяло, несколько мгновений приходил в себя, однако озноб не отступал. Тогда прямо через угасшее костровище он на карачках пополз в сторону Эхомбы. Даже отвратительная вонь, поднимавшаяся с того места, куда угодил прожаренный на адском огне шар, не могла остановить его.

— Умоляю тебя, брат, скажи, что это было? Только не говори, что ты простой пастух и не имеешь к колдовству никакого отношения. Признайся, ты великий волшебник?

Эхомба вздохнул и с улыбкой ответил:

— Сколько раз повторять, друг Симна, что я обыкновенный скотовод. Поверь, с гораздо большим удовольствием я сейчас лежал бы с женой, а не с тобой, и слушал бы голоса моих детей, а не рычание странных тварей в неведомых землях. Просто, помимо своей воли, вопреки собственным желаниям и планам, я оказался вовлеченным в такие дела, отголоски которых ты только что видел.

Он отвернулся и посмотрел в ту часть неба, где недавно сверкали чудовищные картины.

— Я вовсе не умею колдовать. Я не вызываю потусторонние силы, не читаю заклинаний, не сжигаю бла-

говония. И то, что произошло, произошло не по моей воле. Я просто не мог заснуть и любовался небесами.

Эхомба вздохнул так потерянно и грустно, что Симна почти поверил ему.

— Итак, это *просто случилось?* — Северянин обвел рукой небо. — Ты не предпринимал никаких усилий, чтобы проникнуть в незримое?

— Нет! — заявил Эхомба.

Затем, ни слова не говоря, он начал устраиваться спать. Видно было, что ему тоже не по себе и он нуждается в покое, чтобы осмыслить случившееся. Наконец пастух повернулся в сторону Симны ибн Синда.

— Я сидел, укладывался — вот травы нарвал, — когда *это* появилось передо мной. Уверен, что женщина — прорицательница Темарил, а зловещий воин — Химнет Одержимый. Сбылось пророчество погибшего Тарина Бекуита из Лаконды. Как и зачем они появились передо мной — здесь, в пустынном диком крае, — я понятия не имею.

Симна кивнул и несколько минут хранил молчание.

— Выходит, ты в самом деле не ведал, в какое дело ввязываешься? — почему-то шепотом спросил он.

— Меня это не заботило. Все мы опавшие листья, плывущие по реке жизни туда, куда нас влечет течение. — Этиоль приподнялся на локте и посмотрел на своего товарища. — Ты боишься?

— Еще бы. Хотел бы я знать, что происходит. — Северянин обвел взглядом вельд. — Наверняка этот тип охраняет несметные сокровища...

Эхомба простонал.

— Тебе что, мало увиденного? Ладно, мне ты не веришь, но своим глазам ты веришь? Ну при чем тут сокровища?!

— Пойми меня правильно, — торопливо заговорил Симна. — Эта женщина, безусловно, достойна, чтобы ее спасли. Разные есть сокровища, некоторые завернуты в шелка... Кстати, о сокровищах. Ты заметил...

— Симна ибн Синд, ты неисправим!

— Пусть лучше я буду неисправимым искателем сокровищ, чем законченным простаком. Однако все мои намерения полны благородства. Я помогу тебе спасти прорицательницу Темарил, тем более что ты поклялся доставить ее домой. Но все золото или драгоценности, которые достанутся нам по пути, я возьму себе в качестве вознаграждения, гонорара, приза — плевать, как это будет называться.

Пастух невольно улыбнулся в темноте.

— Ты осмелишься пойти против великого колдуна и воина, Химнета Одержимого, ради обыкновенного богатства?

— Поверь мне, Этиоль, нет такой вещи, как «обыкновенное богатство». Да, он огромный, страшный и к тому же умеет швырять огонь. Но что из того? Кровь у него такая же, как у простого смертного.

— Сомневаюсь, — отозвался Этиоль. — Но мне нравится твоя отвага.

— Знаешь, какой урок я не раз получал от жизни? Перед лицом опасности жадность — отличная движущая сила. Ей подвластны все — кроме разве что тебя. Тебе повезло.

— Я бы не сказал, что свободен от этого порока. Просто мы жаждем разного.

— Тогда повезло мне.

Симна встал и, по-прежнему закутанный в одеяло, вернулся на свое место.

Его товарищ еще не был готов ко сну.

— Симна, ты когда-нибудь рассматривал былинку?

Северянин, зевнув, ответил:

— Пусть лучше я буду воображать, что судьба свела меня с великим магом, чем с занудливым философом. Оставь притчи на завтра. У нас был тяжелый день, надо хорошенько отдохнуть, чтобы пораньше встать и двинуться в путь, пока солнце не поднялось высоко.

— На твоем месте я предпочел бы шагать по солнцепеку — по крайней мере змеи прячутся. Они выходят именно во время утренней или вечерней прохлады.

— Ты уверен?

В следующее мгновение Симна подскочил на месте — что-то острое коснулось его руки возле запястья. Он чертыхнулся, потер это место, затем пошарил вокруг. Нащупал травинку, колеблемую легким ночным ветерком.

— Так сказала мне змея.

— Послушай, Этиоль, кролики — это я еще могу понять. Ты рассказывал про обезьян — тоже принимается. Но змеи!.. Даже самый могущественный чародей не в состоянии разговаривать со змеями. У змей нет мозгов.

Симна почувствовал, как Эхомба улыбается в темноте.

— Имей в виду — здесь полно змей. Надеюсь только, что они не слышали твоих слов.

Северянин вздохнул.

— Вселенная, в которой мы живем, и тонкая травинка... Как соразмерить эти два понятия? — продол-

жал пастух, будто только что и не говорил о змеях. — Жил в нашей деревне мудрый человек, его звали Мамуна Каудон. Так вот, Мамуна как-то сказал, что весь сущий безмерный мир, все бесчисленные нити, связывающие его в нечто цельное, могут быть заключены в остром крае одной травинки. — Он издали показал Симне сорванный ланцевидный травяной побег. — Если бы мы стали совсем маленькими, то могли бы всю жизнь провести на этом лезвии, и никогда нам в голову не пришло бы, что вокруг существует что-то иное, кроме съедобной зеленой плоти, острого перелома земли, света и тьмы.

Закатив глаза, Симна демонстративно повернулся спиной к неожиданно разговорившемуся другу.

— Даже предположив на минуту, что твой мудрый Мамуна знал, о чем говорит, и не мучался от действия излишнего количества домашнего пива, как это мы могли бы провести всю жизнь на травинке? Трава годна лишь на корм скоту!

Выпростав из-под одеяла руку, он сорвал пригоршню травы и швырнул ее через себя в сторону Этиоля.

— Лови, брат! Видишь, я одним махом бросил тебе целое скопище миров.

Несколько вырванных травинок упали на лицо Эхомбы. Пастух небрежно их смахнул, не отрывая взгляда от побега в руке.

— Мне достаточно и одного мира...

Симна вздохнул — не заснуть ему сегодня!

— Отлично! Наконец-то мы о чем-то договорились! Вот и сосредоточься на этом мире — завтра у нас тяжелый день.

— Нет, Симна, задумайся хоть на минуту...

— Задуматься?! — простонав, взмолился северянин. — Да у меня голова раскалывается!

Эхомба невозмутимо продолжал:

— Если Мамуна Каудон прав, тогда, возможно, мир, в котором мы обитаем, всего лишь травинка для какого-то большего существа. Травинка, одна из множества... ее можно поднести к глазам и рассмотреть, а можно и отшвырнуть небрежно в сторону.

— Пусть только попробуют! Симну ибн Синда в сторону небрежно не бросают!

По счастью, Эхомба, кажется, закончил. Повисла тишина, а вместе с тишиной на стоянку набрел холод, предутренний, пронизывающий. Симна ворочался, не в силах заснуть.

Что, если старый деревенский фокусник, о котором говорил Этиоль, все-таки прав? Этого, разумеется, не

может быть... но вдруг? Тогда все человеческие побуждения ничего не значат. Какой смысл копошиться на травинке, если на соседнем побеге от твоих усилий ни холодно ни жарко.

Симна нащупал кончиками пальцев травинку, которая пробилась из земли совсем рядом с его одеялом. Но мять или рвать не стал. Так легко это сделать — обмотай вокруг пальца и потяни. И росток умрет. Что это значит для порядка вещей? Их окружают несчетные миллиарды подобных ростков, вместо одного вырванного место под солнцем займут два новых.

Но если он содержит в себе целый мир? Мелочь в масштабе Вселенной, песчинка в море песка, но, может быть, для каких-то невообразимо крошечных существ в нем заключается вся жизнь?

«Чушь! — оборвал себя Симна. — Смех да и только!»

Он коснулся края травинки — и отвел руку. Обычное слабое растение, пробившееся сквозь землю. Ни один кролик не пощадит его, любая лошадь с удовольствием съест его вместе с сотнями растущих по соседству собратьев. А Симна ибн Синд отвел руку.

Он не знал почему. Он знал только одно: в следующий раз, когда придет время ложиться спать, он хоть одеяло заткнет в уши, лишь бы не слушать речей пастуха. Надо же такое выдумать! Травинка, как целый мир!.. По счастью, он, Симна ибн Синд, невосприимчив к подобному бреду!

Северянин повернулся на другой бок и, уже засыпая, подумал: сколько он сейчас одним движением передавил миров?..

На следующее утро, проснувшись, он уже с доброй долей юмора вспоминал о ночных переживаниях. Эхомба успел набрать в котелок воды и развести огонь. Теперь, небрежно опершись на копье, он смотрел в сторону севера.

Симна, в свою очередь, разглядывал Этиоля.

Простак, что еще скажешь. Никаких притязаний, только бредовые идеи — точнее, одна идея. В том, может, и заключается его преимущество. Сосредоточился на одном...

Собравшись вставать, Симна случайно бросил взгляд на свою левую руку, и его глаза широко раскрылись. От запястья к локтю протянулась цепочка красных пятнышек. Они группировались по два и чем-то напоминали следы укусов. Северянин потер уже начавшие бледнеть пятнышки. Не зудит, и под кожу вроде ничего не проникло. Однако что за насекомые могли так его пометить? А если не насекомые, тогда кто же?

Догадавшись, воин подскочил на месте и прыгнул на расстеленное одеяло, словно оно могло его защи-

тить. Принялся оглядываться, высматривать что-то в траве. Так и есть, похоже, он устроился посреди гадючника. На сухой земле отчетливо выделялись следы проползавших здесь змей. Множества змей, которые оставили свои отметины в знак предупреждения.

— Ладно, — закричал Симна. — Приношу извинения. У змей *есть* мозги! А теперь уходите, хорошо?

Он повернулся и увидел смотревшего на него Этиоля.

— Чего смеешься?

— Я не смеялся, — спокойно ответил пастух.

— Ха! — Северянин стал раздраженно сворачивать одеяло. — Может быть, внешне ты и не смеешься, но я слышу твой внутренний хохот. Не ты один способен слышать насквозь!

— Я не смеялся, — так же ровно повторил Эхомба. Повернувшись, он указал копьем: — Пойдем туда. Жаль, что придется делать крюк, но идти напрямую — значит остаться без воды. Я вижу скалы.

Симна на миг прекратил собирать вещи и пристально вгляделся в ту сторону, в какую показывал Эхомба. Однако как ни напрягал глаза, он не видел ничего, кроме ровной как стол пустынной местности. Спорить с товарищем воин не стал — если человек доказал свою правоту в вопросах совершенной красоты и полного уродства, не говоря уже о змеях, вряд ли стоит возражать ему по поводу наличия отдаленных скал.

Надев заплечные мешки, двое мужчин тронулись в путь на северо-восток. Уже в дороге Симна вдруг поймал себя на мысли, что он то и дело просит извинения у травинок, которых давил ступнями, сопровождая каждое извинение мысленными проклятиями в адрес своего спутника. Красные пятна на руке почти исчезли, тем не менее северянин внимательно вглядывался в невысокие заросли.

XV

— Кто-то кричит!

— Что?.. — Симна засмотрелся на стаю разноцветных попугаев, перелетавших с дерева на дерево.

— Я слышал крик, — повторил Эхомба.

Симна прислушался, однако вокруг было тихо. Ранее он никогда не жаловался на слух; более того, дружки по-

ражались, как это ему удавалось услышать в ночи скрип открываемого окна или двери, а любовницы ценили способность уловить шаги мужа, когда тот еще только входил в дом. Симна повернулся в указанную Эхомбой сторону, прислушался и наконец различил слабый отголосок. Что-то вроде завывания.

Он нахмурился.

— Доносится с востока, точнее определить трудно. Кто кричит, тоже непонятно. Если зверь, должно быть, просто исполин какой-то.

Эхомба одобрительно покивал.

— Я вроде догадываюсь, кто бы это мог быть, однако в здешних краях я впервые, могу и ошибиться. Так что давай подождем, пока *это* не приблизится.

— *Это* приблизится?! — воскликнул Симна. — Зачем? Чем дальше от нас *это* будет орать, тем лучше.

— Оказывается, ты нелюбопытен. — Эхомба сверху вниз глянул на спутника. — А мне, например, интересно, что же может орать с невероятной силой, и не ошибся ли я в своей догадке.

— Твоя любознательность не знает границ, Этиоль. Порой она даже переходит всякие границы. Как раз в тот момент, когда прорицательница Темарил ждет от нас помощи, тебе позарез надо взглянуть, кто там голосит в саванне. А что, если *этому* захочется попробовать нас на вкус? Что, если как раз его языка ты не знаешь? Как тогда мы будем договариваться, чтобы *оно* оставило нас в покое?

— Ты нелюбопытен, — продолжал сокрушаться Этиоль. — А вот если мне что-то непонятно или неизвестно, я не успокоюсь, пока не разберусь, в чем дело. Другие ребятишки смеялись надо мной, когда я выпытывал у взрослых, как называется то или это. Мне говорили, что любопытство убивает кошек, но, видимо, это относится только к кошкам, потому что вот я здесь, живой и невредимый, хотя и безмерно невежественный...

— Не буду спорить, — пробормотал Симна.

Шум стал вполне различим и отчетливо напоминал раскаты грома, сдобренные жуткими, до мурашек по коже завываниями. На этот раз, по разумению северянина, задача состояла не в том, чтобы услышать его, а как избежать с ним встречи.

Он огляделся в поисках подходящего укрытия, затем кивнул в сторону скальных выступов.

— Полагаю, там мы будем в безопасности.

— Согласен, — улыбнулся Этиоль. — Ответы желательно получать из надежного укрытия, обезопасив себя

от всяких неожиданностей. В тебе, Симна ибн Синд, оказывается, немало здравого смысла.

— А в тебе немало всякого другого. — Северянин подтолкнул товарища к камням. — Но ты все равно мне нравишься. Воистину вкусы бывают самые несуразные.

— Даже если я не веду тебя к сокровищу? — усмехнулся Эхомба.

— Сейчас не до шуток, — стараясь не отстать от длинноногого друга, вымолвил Симна.

Под ногами у них мешались мчавшиеся к своим норам ошалевшие от страха большие грызуны — все как на подбор в добротных шубках из желтоватого меха. С дерева вспорхнула ярко раскрашенная птица, облачко зеленых и бирюзовых перышек полетело с ветвей.

К несчастью, у подножия скалы не оказалось пещеры. Пришлось влезть повыше и устроиться среди двух густо помеченных лишайниками камней. Щель была для путников тесновата и полностью не укрывала, но даже это было лучше, чем торчать на ровной земле.

— Смотри! — На этот раз северянин отреагировал первым, указывая на восток. — Приближается!.. Что именно, не могу сказать, однако оно уже неподалеку.

— Точно, — согласился Этиоль, прикрывая глаза от слепящего солнца. — И это не животное.

Рев стремительно нарастал. Путникам уже приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

— То есть как не животное? — спросил Симна. — Что же тогда?

— Ветер.

Северянин напряженно прислушался и покачал головой.

— Нет, не ветер. Я не знаю, что это, но оно живое. Слышишь, сколько ярости в голосе?

— А кто тебе сказал, что ветер бездушен и что он не может испытывать ярость или гнев? — спокойно возразил Эхомба. — А этот ветер не только шумит грозно, он и *выглядит* злым.

Теперь вой и рев смешались в один неподражаемый, ввергающий в безумие звук, принадлежавший существу, которое наконец появилось в поле зрения, что открывало узкое пространство между камнями. Неясный, нечеткий сгусток, он в то же время обладал тем, что можно было назвать формой: сейчас округлый, в следующее мгновение угловатый... Причем существо вопило не от злости — теперь в дикие вопли отчетливо вплетались рыкающие, напоминающие хохот звуки.

Ветер за кем-то гнался.

— По-моему, он кого-то преследует. — Симна машинально протянул руку за спину и взялся за рукоять меча — хотя разве способна сталь сражаться с силами природы?

— Вижу, — откликнулся Эхомба. — Похоже, кота.

— Вот и мне так показалось, — кивнул северянин. — Только что-то до сих пор я таких огромных кошек не встречал.

— Я тоже. Однако зверь именно убегает от ветра, а не случайно оказался у него на пути. Погляди-ка, кот взял вправо — и ветер туда же. Словно дорогу перекрывает.

Два чудища пронеслись мимо. В лица путников ударила тугая воздушная волна, затем комочки сухой земли и вырванные с корнем травинки.

— Это охота? — ошарашенно спросил Симна. — Где это видано, чтобы воздушная масса охотилась на гигантских котов? Или на кого-то еще, между прочим...

Симна ожидал услышать в ответ что-либо вроде: «Помнится, в свое время...» или: «Был в нашей деревне мудрец по имени...», однако Эхомба выразился просто:

— Нигде не видано.

Симна саркастически глянул на Этиоля.

— То есть ты не знаешь, что бы это могло быть? Выходит, не на все вопросы у тебя заготовлен ответ?

Пастух перевел взгляд на товарища. Теперь глаза приходилось прикрывать от несущейся пыли — ветер был ближе и потому гораздо сильнее.

— Я неоднократно пытался объяснить тебе, Симна, что я самый невежественный из людей, и то, что мне известно, уместится на донышке паучьего наперстка.

— Никогда не слышал, чтобы пауки пользовались наперстками, — заметил Симна.

— Только некоторые, — сказал Этиоль без тени улыбки. — У пауков очень острые крючки на ногах, поэтому единственное средство избежать ран, которые они могут нанести себе во время пробежки по паутине, это надевать на ноги особые чехольчики. В Наумкибе их называют наперстками... Зверь совсем выбился из сил — по морде видно. Если ничего не сделать, сейчас ветер его нагонит.

— Да, бедняга сбавил ход... Что ты имеешь в виду — «если ничего не сделать»? — Симна подозрительно посмотрел на товарища.

Его худшие опасения подтвердились, когда Этиоль вышел из укрытия.

— Погоди-ка, брат! Ты куда?

Стоя на камне, пастух с сожалением посмотрел на хмурое лицо северянина.

— Я по натуре человек миролюбивый, но это кого угодно выведет из себя. Они дерутся, а силы неравны. Надо помочь коту.

С этими словами он начал спускаться со скалы. Симна, не сумев удержать товарища, остался на месте.

— Послушай, брат, стоит ли вмешиваться? Так всегда бывает: сильный бьет слабого. Хвала судьбе, что мы не участвуем в этой схватке. Ты что, решил потягаться с бурей?

— Если буря обладает разумом, то да, — ответил Эхомба. — А эта как раз не похожа на своих свихнувшихся сестер, гуляющих по морям. Вот с теми нам, жителям побережья, трудненько приходится.

Помогая себе копьем, Этиоль поспешил в сторону разворачивающейся схватки. Симна кубарем скатился со скалы и спрятался за камнем. При этом поднес руку к уху, чтобы лучше слышать.

— Ну хорошо! Если ты решил покончить жизнь самоубийством, то я вмешиваться не собираюсь! — крикнул он Эхомбе. — Только прежде расскажи, где спрятаны сокровища!..

То ли пастух не слышал, то ли решил не отвечать. Он повернулся и, подняв копье над головой, отсалютовал им спрятавшемуся Симне, затем с необыкновенной скоростью побежал в сторону битвы.

Если дикий кот и заметил Эхомбу, то никак не подал виду. Да и что может человек противопоставить силе стихии? Однако Эхомбе даже буйство природы было нипочем. Он припустил еще резвее.

Безусловно, более странного и огромного хищника из породы кошачьих ему встречать не доводилось. Кот был черен как смола, желтые глаза — каждый с кулак — полыхали диким огнем. По-видимому, чудище приходилось близким родственником льву, по крайней мере вокруг шеи у него тоже было что-то подобное гривастому воротнику. Однако этот кот был куда больше и мощнее самого большого льва. Но крупное мускулистое тело заканчивалось удивительно вытянутыми лапами, доставшимися явно от другого родственника. Происхождение этой странной комбинации скорости и силы представляло загадку для любопытного Эхомбы.

Исполинское животное вдруг начало отступать, потом, спотыкаясь, заковыляло в сторону пастуха. Этиоль

ни секунды не сомневался — не у человека несчастный зверь пытался найти защиту, а у груды камней возле скалы, где прятался Симна.

Однако ветер вовсе не собирался так легко упускать добычу. Развернувшись, осязаемый сгусток бури по кривой попытался обогнать кота и отрезать его от спасительной скальной россыпи. На мгновение, как раз в ту секунду, когда Симна принялся во весь голос требовать, чтобы пастух открыл ему тайну сокровищ, ветер замер, словно прислушался. Однако Эхомба не мог утверждать, что именно человеческий крик привлек его внимание.

В этот момент кот неожиданно растянулся на земле — видно, силы окончательно оставили его. Впрочем, уже через несколько секунд зверь встал, поднял когтистую лапу и приготовился встретить смерть.

Тут зверь и взглянул на Эхомбу, вроде как бы обратил внимание на ничтожного человечишку. Некоторое время он смотрел на него, а потом желтые глаза потускнели и покрылись коркой ледяного равнодушия.

Эхомба решительно встал между зверем и ветром и поднял вверх руки, в одной из которых было зажато копье с наконечником из зуба морского дьявола.

Вращавшийся сгусток воздуха не остановился, но замедлил ход. И все равно в лицо человеку полетели кусочки сухой земли, мелкие камешки и всякий другой мусор, которого полным-полно в саванне. Если анаконду можно было бы назвать червем, то низвержение ветра, творившееся вокруг, можно было бы назвать бурей. Неудивительно, что и голос, раздавшийся сверху, легко перекрывал гром.

— Что я вижу? Ты решил расстаться с жизнью, маленький человек? Дерзнул состязаться со мной? Прежде чем проучить тебя, я хотел бы узнать зачем.

Вихрь закружил вокруг Эхомбы, и тот оказался как бы в туннеле, вытянувшемся от земли до небес. Вершина трубы слабо покачивалась, изгибалась и, в свою очередь, тоже ходила по кругу, но в обратном направлении.

— Не знаю, какого рода соревнование вы затеяли, но так с несчастным животным поступать нельзя! — отчеканил Эхомба и указал на кота, который, ища спасения, подобрался к ногам человека. — Это нечестно: ты разгуливаешь по небесам и черпаешь силу из грозовых облаков, в то время как зверь может полагаться лишь на свои ноги.

В лицо Эхомбе ударил порыв ветра — по сути, легкое дуновение, однако этого было достаточно, чтобы человек пошатнулся и чуть не упал.

— Дерзкий глупец смеет хвалиться, — громом донеслось с небес, — будто он бегает быстрее ветра. Он сам бросил мне вызов.

Эхомба вопросительно глянул на исполинского кота.

Тот сначала отвел глаза в сторону, потом ответил мяуканьем более грубым и варварским, чем то, на котором разговаривала кошка, живущая в доме Эхомбы в Наумкибе, но вполне членораздельным и осмысленным.

— Ветер говорит правду. Я действительно так сказал. — Желтые глаза смотрели мимо человека на колонну воздуха. — Но я сказал правду. Я быстрее ветра.

— Ну, слышал! — торжествующе прогремело вокруг Эхомбы.

Между тем вращение воздуха начало замедляться, стала опадать пыль.

— Клянусь погодой, я самый терпеливый среди всех моих собратьев, но этот черный вынудил меня дать ему урок.

Эхомба обратился к коту:

— Не хочу тебя обидеть или показаться навязчивым, но что дало тебе повод утверждать, будто ты бегаешь быстрее ветра? По моему скромному разумению, этого не может быть.

— Может! — с неожиданной страстью взревел кот. — Хотя мое тело состоит всего лишь из кошачьей плоти и крови... Он гнался за мной день и ночь — и не мог догнать. Он пытался схватить меня, но и это ему не удалось. Но в отличие от соперника я нуждаюсь в питье и пище, а он хватал все это из туч и на бегу. Его еда повсюду следует за ним, мне же и минуты не выпало, чтобы поесть и попить. Разве это справедливо?

Зверь совсем по-кошачьи лизнул себя по груди и продолжил:

— Я победил, однако он, вертлявый и ненасытный, отказался признать результат вчерашнего испытания. А теперь преследует меня и хочет убить.

— Природа не любит неудач, — тихо проговорил Эхомба и повернулся в сторону ожидавшей бури. — Это правда?

— День, два, месяц... Какая разница! Никто не может обогнать ветер.

— Даже на день и ночь? — спросил Эхомба, склонив набок голову.

— Тут нечего спорить! — Ветер вдруг сжался в кулак и с неожиданной силой ударил Этиоля в лицо. — Я быстрее всех, проворнее всех, изворотливей всех. Я — победи-

тель! А ты, человек, теперь тоже умрешь — и не потому, что рассердил меня или принял сторону несносного клеветника, но просто потому, что оказался здесь, в этом месте и в это время. Тебе очень не повезло, человек, ты встал у меня на пути. Я переломаю тебе руки и ноги и разбросаю их, как лепестки цветов, по берегам далеких рек!

— А знаешь, — спокойно ответил Эхомба, вытаскивая из-за спины меч, — ты не только не самый быстрый, но и далеко не самый могучий ветер. Против более сильных своих собратьев ты все равно что нежное дыхание ребенка.

— Ты храбр, человек, — сказал ветер, — или сошел с ума. Но теперь это не имеет значения. Безумные тоже гибнут — как, впрочем, и те, кто в здравом рассудке. Именем земли я утверждаю: никто не имеет права становиться у меня на дороге. Никто не может быть сильнее и быстрее меня. Даже среди тайфунов я самый великий, мои громы самые громкие. Тропические ливни возвещают о моем прибытии, и необузданные штормы, покорившие далекие земли на юге, прячутся при моем приближении.

Неспособный двигаться из-за судорог, сковавших задние лапы, огромный кот молча наблюдал за Эхомбой. Тот по-прежнему твердо стоял на земле, держа в руке меч. В глазах зверя жила тоска — ветер, наверное, прав, этот человек безумен.

Ветер не умел смеяться и, наверное, не знал, что это такое, однако раздавшиеся грохот и вой вполне можно было назвать хохотом.

— Что ты можешь мне сделать, человек? Сразить меня мечом? Давай руби, отрежь кусочек!..

— Послушай, ветер, — сказал Эхомба. — Ты прав лишь в том, что никто на земле не в силах устоять перед тобой. Но если ты способен видеть, обрати в ночной час внимание на звезды. Тогда ты поймешь, что, кроме маленькой Земли, есть еще много других подобных миров. Может, сотни или тысячи. Я много ночей смотрел на небо и прикидывал, на что эти земли могут быть похожи? Часто советовался с самыми мудрыми мужчинами и женщинами Наумкиба.

Лезвие меча вдруг тускло засветилось. Кот никогда не видывал такого свечения — не белое, не желтое, не красное, а какое-то бесцветно-серое сияние двигалось по лезвию от рукояти вверх. Кот встал и замер, забыв о боли и усталости. На его глазах вершилось чудо...

— Мудрые говорят, что великая пустота, распростершаяся над нашими головами — даже над твоей, ве-

тер, — вовсе не пустота. Она полна непонятными и очень интересными вещами: осколками забытых слов, частицами памяти давным-давно ушедших от нас людей, энергиями более великими, чем степной пожар, загадочными существами мудрее столетней старухи. Всем этим и многим другим...

— Бред сумасшедшего меня не трогает! — прогрохотало в ответ.

Сгусток воздуха, вырывая траву, придвинулся ближе, остановился в нескольких метрах от человека.

Меч между тем засветился еще ярче и будто живой дрожал в руках Эхомбы.

— Тогда познакомься с этим! Познакомься со своими родичами, братьями и сестрами — ветрами, что дуют меж звезд!

XVI

Ему бы, Симне, глаза закрыть, когда прогрохотал гром и ударила молния. Однако любопытство пересилило. Вспышка межгалактического циклона на мгновение ослепила его, брови полезли вверх — так он и застыл с немым воплем на устах. Трава полегла от удара воздушной волны, свалило и зверя — опрокинуло на правый бок, словно котенка. Деревья вырвало с корнем, разметало камни, грудой наваленные возле одинокой скалы. Небо мгновенно очистилось от туч, выглянуло солнце.

Напуганный грохотом разлетавшихся камней, чем-то напомнивших рой диких пчел, северянин прикрыл лицо руками, как будто эта защита могла спасти от многопудовых громад. К счастью, пронесло, однако Симна как будто и не заметил, какая на его долю выпала удача. В ожидании новых чудес он продолжал наблюдать за Эхомбой, зная, что сам-то испытал лишь слабейшее проявление тех сил, которые вызвал его друг. Тем более что основной удар пришелся как раз в воздушный сгусток.

Мало того что гость из межзвездных далей был могуч и непобедим, он к тому же оказался до ужаса холоден. В лицо Симне пахнуло таким леденящим дыханием, что бедняга вмиг озяб. Еще пара минут, и здесь, в саванне, все покрылось бы льдом, как покрывается холодным панцирем озеро в тайге. Странный запах — запах чудовищных расстояний — ударил в ноздри.

Звеня невообразимыми энергиями, сошедший со звезд ветер ударил своего земного собрата точно в центр высокого, напоминавшего столб пыли сгустка и разделил его на части. Ошеломленный земной собрат даже не попытался увернуться. Галактический ветер ударил еще раз и развалил его на несколько частей.

Земной ветер дико взвыл и сжался до размеров колонны в рост человека. В воздушном сгустке с невероятной скоростью начали мелькать образы. Вихрь закружился, слился в единый вращающийся столб, и на голову стоявшего в боевой позиции Эхомбы повалились мертвые рыбины, вырванные с корнем кусты, посыпался речной песок, а также конечности животных.

Внезапно тиски, сжимавшие пастуха в центре вращающегося воздуха, ослабли, затем совсем исчезли. Стекавшая с острия меча неземная буйная сила начала угасать, ветер, рожденный в межзвездном пространстве и расправившийся с земным вихрем, заметно ослаб, и Этиоль, лишившись опоры, рухнул на колени, потом уткнулся лицом в пыльную прожаренную землю.

Облака, из которых земной ветер черпал силу, опять начали наплывать с востока. Некоторое время вокруг царили тишина и покой, какие жили в саванне до того момента, когда здесь в погоне за черным котом пробежал ураган. Из расщелин между камнями начали высовываться головы ящериц, небольшие драконы-падальщики поднялись на крыло и устроили в высоте галдеж. Скоро заголосили другие птицы, в небе, словно ниоткуда, появились грифы.

Эхомба наконец встал и вложил меч в ножны. Стебельки травы вокруг вновь приняли вертикальное положение. Гигантский черный кот сидел на задних лапах и тщательно вылизывал левую переднюю, которая была толще ноги Этиоля. Он не оставил это занятие, даже когда к нему приблизился человек.

— Ты спас меня, — сказало животное.

— Откуда ты знаешь речь, несвойственную вашему кошачьему племени?

— А люди полагают, что им все известно о моих сородичах? — Исполинский кот принялся проводить облизанной лапой за ухом, затем с нескрываемым, истинно кошачьим удовольствием почесался. Когти у него были с кинжалы.

— Что есть, то есть, — кивнул пастух, затем представился: — Меня зовут Этиоль Эхомба. Я родом из Наумкиба. — Он немного подождал, оперся о копье и, в свою очередь, спросил: — А тебя как звать?

— Подожди, сейчас приведу себя в порядок...

Кот еще некоторое время вылизывался, потом, не мигая, уставился на человека. Тот невозмутимо выдержал взгляд желтых холодных глаз.

— Я — левгеп.

— Левгеп? — переспросил Этиоль. — Какое-то очень уж несуразное имя для такого большого зверя.

— Левгеп — не имя. — Кот выказал легкое раздражение. — Я из рода левгепов. Мой отец — лев, а мать — гепард.

— А-а, тогда понятно, почему у тебя такие размеры и редкие среди кошек лапы.

Брови левгепа сошлись вместе, теперь он впал в откровенное раздражение.

— Чем тебе не нравятся мои лапы, человек?

— Почему не нравятся, — пожал плечами Эхомба. — Наоборот, мне интересно посмотреть на конечности, в которых так тесно сплелись сила и скорость.

— Без них я пропал бы, — ответил левгеп и мгновенно, как могут только кошки, успокоился, замурлыкал.

— Разговариваешь ты разумно, — между тем продолжал Этиоль. Боковым зрением он заметил, как к ним приближается Симна ибн Синд. — Однако мне вот что непонятно: на что ты рассчитывал? Неужели ты всерьез полагал, будто ветер намерен вести себя честно?

Зверь повернул к нему голову, облизнул морду, опять удовлетворенно мурлыкнул.

— Этот вопрос надо бы задать не мне, а природе, Этиоль Эхомба. Животные, как, впрочем, и люди, всегда слишком много ждут от нее. Я сказал правду, но заявил ее грубо, без уважения к противнику. Я даже не подумал о том, что ветер примет мои слова так близко к сердцу — если, конечно, оно у него есть.

Кот взглянул на небо, долго изучал прелестную синь, по краям затягиваемую легкими перьями облаков, потом неожиданно спросил:

— Ты колдун?

— Видишь?! Видишь?! — воскликнул подошедший Симна. — Не я один такой.

Эхомба вздохнул и ответил кратко:

— Я не колдун. Я — пастух, родом из далекой южной округи. В путь отправился, потому что дал слово умирающему воину разыскать на севере неизвестную мне женщину и помочь ей в меру своих сил.

Левгеп рыкнул.

— Похоже на правду. Таких глупых колдунов — из людей или животных — просто не бывает.

Симна, вставший рядом с Эхомбой, гордо заявил:

— Он не признается, но на самом деле ищет сокровище, зарытое в землях за западным океаном.

Эхомба промолчал, печально покачав головой.

— Сокровища мне ни к чему, — сказал зверь. — Я нуждаюсь в воде, в подруге и в удобном месте для ночлега. И в мясе. — Он задумчиво посмотрел на Симну.

— Эй, погоди, как там тебя зовут... — взявшись за рукоять меча, северянин отступил назад и чуть за спину пастуха. — Мой друг только что спас тебе жизнь!

— Да будь оно проклято.

Кот выпустил когти на передней правой лапе, внимательно изучил их, вылизал шерсть между когтями.

— Так и быть, раз людям обязательно надо знать имена... Можете называть меня по имени — Алита.

— Вот и замечательно, Алита, — откликнулся Эхомба. — Только я не понимаю, почему ты посылаешь нам проклятия? Большинство живых существ испытывают благодарность к тем, кто спас им жизнь.

Кот неожиданно повалился на землю и принялся перекатываться на спине с бока на бок, при этом он оглушительно мурлыкал, когтями драл траву и подбрасывал клочки в воздух. Симна проявил дополнительную осторожность и занял стратегически выгодную позицию, полностью спрятавшись за спиной Эхомбы. Оттуда, обнажив меч, он внимательно следил за кошачьими играми.

Навалявшись вволю в пыли, Алита промурлыкал:

— Значит, я не отношусь к этому большинству. Мне свойственны лень, жестокость и эгоизм, поэтому не надо взывать к моим добрым чувствам. Я никому ничего не должен. Таковы мои и отцовские, и материнские родственники, а я, естественно, пошел в них — что поделаешь, наследственность.

С неуловимой глазу быстротой кот вскочил на лапы и начал подступать к людям. Пастух не двинулся с места, как и Симна — за его спиной.

— Ну вот, — прошептал северянин. — По крайней мере теперь ясно, что чувство благодарности у Алиты отличается от нашего.

— Не уверен, — так же тихо ответил Этиоль.

Кот остановился рядом с Эхомбой, и его морда оказалась всего в нескольких дюймах от лица человека.

Зверь разинул пасть — клыки у него очень напоминали собачьи, язык был тонкий, розовый, необыкновенно огромный — и неожиданно лизнул Эхомбу, обмазал слюной от подбородка до самых волос. Пастух сжал челюсти, чтобы не выказать боль, ожегшую лицо — язык был подобен терке, густо посыпанной крупным речным песком.

Затем зверь отступил немного и поклонился.

— За спасение жизни — хотя я и не просил тебя вмешиваться — я клянусь быть верным и преданным тебе, Этиоль Эхомба, до той поры, пока ты не выполнишь взятый на себя обет, либо до того момента, пока один из нас не умрет. Клятву свою я подтверждаю памятью моих родителей.

— Спасибо, — ответил пастух, — но это не обязательно...

Симна больно ткнул товарища локтем в ребра.

— С ума сошел? Он же предлагает помощь! Добровольно! Когда ищешь сокровища, лишние союзники не помешают.

— Как раз и не добровольно, — сказал Этиоль. — Он поступает так из чувства долга.

— Это точно, — согласился кот. — И зачем ты шепчешь, человек? Неужели ты полагаешь, что я глухой?

Симна побледнел, однако напора на Этиоля не ослабил. Теперь он обращался к ним обоим: человеку и коту.

— Что плохого в том, чтобы послужить из чувства долга или из чувства благодарности? Есть у меня знакомый — не то чтобы окончательный чудак, но все-таки маленько не в себе. Так вот этому чудаку взбрело в голову, что он должен выполнить завет, который возложил на него умирающий воин. Причем знакомый мой со своей стороны никаких клятв не давал, просто на следующее утро взял кое-что из припасов и отправился в путь, бросив жену и двух ребятишек...

Эхомба удивленно посмотрел на товарища.

— Вопреки распространенному мнению, обилие здравого смысла порой не на пользу.

— Не на пользу кому? — с вызовом усмехнулся Симна. — Тебе или мне?

Пастух вновь повернулся к внимательно наблюдавшему черному зверю.

— Не хочу в момент опасности полагаться на того, кто сопровождает меня не по собственной воле.

Ярко-желтые глаза вспыхнули.

— Ты сомневаешься в твердости данного мной слова?

— Нет-нет, как раз в этом мы ничуть не сомневаемся, — выкрикнул Симна, выглянув из-за плеча Эхомбы. — Разве не так, Этиоль?

— Я ничуть не сомневаюсь, что ты до конца исполнишь взятые на себя обязательства. Но в этом-то как раз и загвоздка.

— Как великодушно, — пробормотал кот, чуть притушив глаза.

— Я помог тебе не для того, чтобы ты затем отплатил мне добром. Пожалуй, возвращайся-ка ты лучше домой.

Кот быстро заходил из стороны в сторону, молотя хвостом о землю.

— Сперва ты сомневаешься в твердости моего слова, теперь презрительно отвергаешь предложенную помощь...

— Мною движет не презрение, — терпеливо объяснил Эхомба. — Я просто хочу сказать, что твоя помощь не обязательна.

Алита неожиданно вскинул голову и взревел. В этом рыке отчетливо читались печаль и гнев.

— Ты не понимаешь? — вполне человеческим, с ноткой грусти, тоном спросил кот. — Пока я не исполню данной клятвы — согласишься ты или нет, в этом нет разницы, — мне не будет покоя. Я не смогу жить с такой ношей на сердце. Отказывая, ты ставишь меня в безвыходное положение.

— Ради Гудру, Этиоль! — подал голос Симна. — Не спорь с ним. Прими его предложение.

— Твой болтливый и слишком надоедливый друг прав, — согласился кот и уселся на задние лапы. — Если ты откажешься от моих услуг, то тем самым не только нанесешь мне страшное оскорбление, но и погубишь мою душу. Ты как бы говоришь, что моя помощь ничего для тебя не значит. Она тебе не нужна — и дело с концом. Таким образом, ты сравниваешь меня с шакалом или, что еще хуже, с гиеной.

— Хорошо! — кивнул Эхомба. — Можешь присоединиться к нам.

Зверь склонил голову.

— Благодарю тебя, о великий мастер снисходительности.

— Если хочешь сделать мне приятное, — спокойно ответил Эхомба, — то, пожалуйста, воздержись от сарказма.

— Прости, такова кошачья натура.

— Это мне известно, но у тебя сарказм развит соответственно твоим размерам. Со временем он может наскучить.

Алита оскалился.

— Постараюсь сдерживать свои инстинкты — хотя в такой компании это будет нелегко.

— Благодарю... Утомительный выдался день, — сказал Этиоль.

Симна, до сих пор прятавшийся у него за спиной, тихо хохотнул.

— Кроме всего, ты еще и великий мастер лаконичных выражений.

— Мы можем отдохнуть здесь до завтра.

— Согласен, — ответил зверь и, повернувшись, затрусил в сторону.

— Эй! — окликнул его Симна. — Ты куда собрался? Вроде же идем вместе.

Зверь ответил ему через плечо, чуть повернув голову:

— Пойду поищу, чем бы перекусить, если не возражаешь. Может, люди и способны питаться длинными речами и пустопорожними обещаниями, но я — нет.

— Я тоже! — решительно заявил Симна ибн Синд.

— И я, — добавил Эхомба. — Если уж теперь мы одна компания, Алита, принеси поесть на всех, а мы пока разведем огонь.

— Огонь, тепло... — мечтательно произнес исполинский кот и потянулся. — Это мы любим. Нам только не нравится, когда огонь используют для того, чтобы портить пищу. — Он фыркнул. — А вас, конечно, это вполне устраивает... Ладно, я вернусь поздно, но вернусь обязательно.

— Поздно? — ухмыльнулся Симна. — Значит, сначала ты найдешь львиц, а они уже сделают все остальное? Говорят, самцы в львиной стае никогда за добычей не ходят.

Изящно ступая по высокой траве, Алита даже не повернул головы.

— Идиот. Львы — самые лучшие охотники на свете. Они охотятся ночью. При свете дня мои братья слишком заметны на фоне серой пожухлой или, наоборот, яркой зеленой травы. Вот почему днем в саванну выходят львицы. Я лучший ночной охотник, чем любой лев, и могу свалить животное покрупнее, чем любой гепард.

Эхомба положил руку на плечо товарища.

— Не дразни его. Он и так не рад, что должен идти с нами. Если ты обидишь мужчину и тот врежет тебе хотя бы раз, ты отделаешься синяком. Но если обидится *он*, — пастух кивком указал на удалявшегося кота, — ты лишишься головы.

— Ничего, — настаивал Симна. — Он дал тебе клятву, я — твой друг, значит, он не причинит мне вреда.

— Возможно, и нет, — покивал Эхомба. — Пока я жив. Так что теперь в твоих интересах следить за моим здоровьем.

— Это всегда было в моих интересах, — широко улыбнулся северянин. — Как же я отыщу сокровища, если с тобой что-нибудь случится!.. Да если и нет никаких сокровищ, я все равно не желаю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — торопливо заверил Симна.

— Нет никаких сокровищ, — утомленно произнес пастух.

— Конечно, нет! — Северянин похлопал приятеля по плечу. — Держу пари, что в твоей родной деревне тебя считали самым лучшим шутником.

— На самом деле меня считали довольно сухим и мрачным. — Этиоль неуверенно улыбнулся. — Разумеется, я сам, моя жена и дети совсем иного мнения... По крайней мере так мне кажется.

XVII

Вокруг скалистого холма нашлось достаточно хвороста, чтобы развести костер. Расположились путешественники на плоском широком камне, откуда огонь можно было увидеть на большом расстоянии. Сначала разговор вертелся вокруг каких-то пустяков, потом Симна несколько раз упомянул Алиту — уже вечер, а того что-то долго нет... Затем наступила ночь, и Симна уже всерьез заговорил о том, что кот, должно быть, решил взяться за ум и оставил их.

— Мало ли, наверное, он посчитал, что не так уж тебе и обязан. — Длинной веткой северянин пошевелил янтарные угольки. — А может, в нем взыграло чувство гордости — или просто встретил одинокую львицу и решил, что на свете есть вещи более важные, чем тащиться с нами неизвестно куда и неизвестно зачем.

— Не думаю, чтобы он так поступил, — ответил Эхомба. — Похоже, Алита серьезно относится к своим обещаниям.

Однако когда наступила полночь и появившаяся на небе луна залила округу зыбким серебристым светом, даже Эхомба почувствовал сомнения.

— Кот есть кот, — продолжал Симна. — Конечно, он и разговаривать умеет, и кое-каким манерам обучен, но все равно кошки сами по себе. Они редко нуждаются в опеке человека.

Этиоль неожиданно встрепенулся и поднял вверх указательный палец.

— Послушай!

Симна мгновенно насторожился.

— Что это? Надеюсь, не ветер? — Ему уже чудились разъяренные родственники уничтоженного тор-

надо, горящие желанием отомстить людям, что вызвали гибель собрата.

— Нет, не ветер.

Алита оказался среди людей прежде, чем они успели его заметить. В пасти кот держал средних размеров вандалу, местную антилопу. Черный охотник бесцеремонно сбросил добычу прямо к костру.

— Вот мясо. — В его голосе не было и следа усталости, дышал он ровно и почти не слышно. — Можете взять себе бочок. Я знаю, люди очень привередливы к тому, что едят.

— Только не я! — воскликнул Симна. Он достал нож и принялся умело разделывать тушу. — Когда я голоден, я ем все подряд.

— Оно и видно. Упитанным тебя никак не назовешь.

Кот уселся на задние лапы, затем, поиграв хвостом, развалился на камне. Когда Симна закончил вырезать самые аппетитные кусочки, Алита сам приступил к еде. Откусывал очень аккуратно, как и подобает кошкам.

— Ты припозднился, — сказал Эхомба. — Мы уже не знали, что думать.

Алита оторвал голову от пищи — его пасть и нос были измазаны кровью.

— Пришлось ждать полной темноты. Ростом я буду повыше любой кошки на земле и привык действовать наверняка — лучше не спеша выбрать удобный момент, чем сломя голову бегать по саванне. Вот почему у меня не бывает неудач.

В следующий момент он с хрустом перекусил бедренную кость антилопы.

Когда с едой было покончено, Алиту потянуло на разговоры.

— Любопытная сложилась ситуация. Вот мы сидим тут, компаньоны не компаньоны, товарищи не товарищи, отведали от одного куска... Но что бы ты, Этиоль, сделал, если бы там, откуда ты родом, я напал на твое стадо, а тебе позарез надо было сохранить поголовье? Попытался бы убить меня, подстроить ловушку?

Эхомба покивал, затем бросил взгляд на Симну, который нарезал мясо антилопы на длинные тонкие куски, просаливал их и готовил к просушке, чтобы сохранить в дороге.

— Чаще всего друзьями или врагами нас делают не привязанность или склонность сердца, а именно обстоятельства. — На этот раз человек, не мигая, долго смотрел в желтые глаза исполинского кота. — Хорошо, что мы с Симной тебе верим, потому что иначе мы боялись бы, что ночью, когда мы заснем, ты нас съешь.

— И хорошо, что я верю вам, — согласился кот. — Иначе я тревожился бы, что вы окажетесь подобны другим людям, которые счастливы меня убить ради дорогой шкуры. Нам повезло, что мы можем верить друг другу.

— Да, повезло, — согласился Эхомба.

Несмотря на то что пастух в еде обходился малым, это не означало, что он не любил вкусно и обильно покушать. Вот и сейчас они с Симной до отвала насытились мясом вандалы — угощение, кстати, было аппетитнейшее, — чтобы как можно меньше нести с собой. В жарком климате мясная пища портилась быстро, а в трудном путешествии без нее не обойтись. Скоро люди и кот не оставили и следа от антилопы: все до самой последней косточки было обсосано, разгрызено, проглочено. Спать легли с сытыми желудками, наговорившись вдоволь, выяснив самое главное.

Все, кроме Симны. Тревожные мысли разбудили его за несколько часов до рассвета. С одной стороны рядом лежал Эхомба, спиной к северянину, закутавшись в старенькое шерстяное одеяло. На другой стороне от костра тихо урчал во сне огромный кот. Его могучее тело почти полностью сливалось с камнем.

Все смешалось в мыслях северянина. Во второй раз он оказался свидетелем мощи невзрачного короткого меча Эхомбы. Кто бы мог подумать, что это оружие таит в себе несокрушимую силу? Пастух утверждает, будто лезвие выковано из звездного металла, упавшего с неба. Наверняка владелец такого оружия способен не только облака разгонять.

Симна сел и бросил взгляд в сторону вельда. Издалека доносились глухие стоны и отрывистый лай, однако поблизости, возле скального выступа, окруженного россыпью камней, все было тихо. Итак, Эхомба решил во что бы то ни стало добраться до северного побережья. Тогда почему бы ему, Симне, не прихватить с собой чудесный меч и не отправиться на восток? Бросится ли пастух в погоню? Рискнет ли отправиться на поиски сбежавшего компаньона или по-прежнему будет упрямо стремиться на север? Насколько важен для него этот клинок, сможет ли он обойтись без него в своем надуманном фантастическом мире, где властвуют такие злодеи, как некий Химнет, и страдают сказочные красавицы наподобие Темарил? Ведь меч, пусть даже волшебный, это всего лишь меч, не более того. К тому же он не оставит Эхомбу безоружным: у пастуха есть копье и есть еще один клинок. Вполне достаточно, чтобы защитить свою жизнь. Помимо прочего, с ним рядом будет Алита.

Картины будущих побед, которых Симна добьется с помощью волшебного меча, поплыли у него перед глазами. Он никогда не относил себя к числу людишек, способных до конца отдаться какой-нибудь единственной всеохватной страсти, например, алчности или мании величия. Конечно, прихватить побольше золота — дело хорошее, но чтобы обезуметь до мечты о власти над миром или овладении всеми сокровищами земли... Нет, это не по его части. Его желания скромны: стать правителем какого-нибудь небольшого города — этого вполне достаточно. На такую мечту силы волшебного меча должно хватить. Какой рыцарь или принц сумеет устоять перед волшебным оружием?

Симна перевел взгляд на своего долговязого компаньона. У Эхомбы добрая душа. Скорее всего пастух смирится с пропажей клинка, не бросится на поиски, тем более не станет мстить лучшему другу.

И в конце концов это же не воровство, просто он на время одолжит меч. Попользуется им и, если Эхомба отыщет его, тут же вернет. Даже спорить не станет. А пастух поймет товарища. Поймет и простит.

Симна перевернулся на живот и тихо, проворно, словно жук, подполз к тому месту, где были сложены пожитки Эхомбы. Алита даже не пошевелился.

Меч из небесного металла лежал рядом с долговязым пастухом, тут же лежало и копье со странным наконечником — все на расстоянии руки, чтобы в случае опасности сразу схватить оружие.

С необыкновенной деликатностью, словно имея дело с королевским сыном и наследником, Симна притронулся к покрытым мехом, изготовленным из наборных колечек ножнам. Легонько потянул к себе... Они оказались массивными, но очень удобными, просто льнущими к руке. Сжав ножны, северянин замер, ожидая, что вот сейчас Эхомба окликнет его или вскочит, спросит, чем это Симна здесь занимается. Однако пастух и не шевельнулся. Понятно, бедняга немолод, его лучшие годы прошли, он очень устал за этот день, сколько пришлось натерпеться! Для бедолаги только лучше будет, если он выбросит из головы всю чепуху с обязательствами, вернется домой к семье, к овцам и коровам. Он крепок духом, однако подобное предприятие одним только усердием не свершить. Тут еще и смекалка нужна.

Возможно, лишившись небесного меча, пастух сам поймет, что все кончено, благоразумие восторжествует —

он решит вернуться домой. То-то будут рады его сельчане, а жена и дети вознесут хвалу неизвестному спасителю.

Симна вернулся на свое место, укрылся одеялом, там же спрятал меч, крепко сжимая его левой рукой. Теперь осталось тихо собрать свои пожитки. Луна укажет ему путь на восток, и к тому времени, когда Эхомба проснется, он уже будет далеко. Когда требуется, он, Симна ибн Синд, может быть очень быстрым. Просто неуловимым.

Но, прежде чем отправиться в путь, меч следует проверить. Мало ли, вдруг он заколдован и толку от него чуть? Хорош будет Симна, если вступит в бой с мечом, который не может даже вытащить из ножен!

Северянин осторожно потянул рукоять, и клинок легко выскользнул из ножен. Здесь проблем никаких.

Он любовно оглядел сероватое лезвие, странно, полосами, поблескивающее в ясном сиреневом свете луны, и обнаружил на клинке скопление каких-то странных отметин. Все группы знаков располагались чередом: сначала те, что покрупнее, затем средних размеров и, наконец, самые маленькие. Потом он заметил две параллельные бороздки...

Бороздки вдруг разошлись веером, обернулись неким рисунком, тот, в свою очередь, обрел очертания связного изображения, картины или гравюры, выполненной в серых тонах. В следующее мгновение рамки картины внезапно раздвинулись, и Симна обнаружил себя как бы перед окном, куда он провалился словно в бездну...

Он повис ни в чем. Сгустки раскаленного добела огня пролетали мимо, обжигая кожу и одежду. Пришло понимание, что эти огненные шары были гигантских размеров и жалили его на расстоянии, но каково это расстояние, он даже вообразить не мог. Далее побежали совсем жуткие картины — вокруг пылающих сгустков вращались другие, поменьше, похолоднее, они, словно лишаями, были покрыты пятнами, в которых шевелилось что-то живое. Вмиг пятна увеличились в размерах, стали различимы неведомые живые существа, какие ни в одном сне не приснятся. Светящиеся облака горячего газа или пара заполнили пространство между обжигающими шарами и их спутниками, покрытыми жизнью. Вокруг носились хвостатые дьяволы, пролетали обломки скал, словно некое божество запускало их из рогатки.

Симна оказался в самом центре этого коловращения. Со всех сторон его толкали, били, он стремился куда-то, безответно взывал о помощи... Точнее, пытался взывать — как он ни напрягал легкие, изо рта не вырывалось ни зву-

ка. Возможно, потому, что в легких не было воздуха. Он начал задыхаться, схватился руками за горло, будто силой вталкивая отсутствующий воздух.

Потом он начал падать, медленно, верно. Его затаскивало в самую глубь пустоты, в бездну, где копился ужас. В следующую секунду падение замедлилось. Что-то вцепилось в него. Незримые руки — или лапы, или щупальца — охватили тело, поддержали на весу. Упираясь, рыдая и всхлипывая, Симна почувствовал, как уперся во что-то подвижное и твердое...

Затем его ударили по лицу — удар был не очень сильный, не до крови, но звонкий и отрезвляющий. Смутно, из неведомой дали, донесся голос, окликнувший его по имени. Кто это? Годжура, божество неизвестных земель?

В следующий момент он открыл глаза.

И увидел склонившегося над ним Эхомбу. Лицо пастуха было полно сострадания и участия, несмотря на то что его рука была занесена для удара.

Грубый, нечеловечески глубокий голос донесся слева:

— Кажется, пришел в себя. Хватит, не бей — разве что для удовольствия.

Голос звучал равнодушно и сонно.

Эхомба опустил кулак. Почувствовав свободу, Симна некоторое время еще лежал неподвижно, всматривался в ночное небо, где властвовала луна, потом рывком сел. Под собой он ощутил успокаивающую твердость камня.

Пастух облегченно вздохнул и сделал шаг назад.

— Тебе приснился кошмар. Ты всех нас поднял своими воплями. С кем-то дрался, отбивался от кого-то. Что это было?

— Я... — Симна стер со лба холодный пот. — Не могу точно сказать, не запомнил. Я словно куда-то провалился. Причем падал не во что-то, а мимо или сквозь.

— Это интересно. — Этиоль зевнул, лег и накрылся одеялом. — Значит, говоришь, падал сквозь?.. Через небесную или морскую толщу?

— Н-нет! Ни через то, ни через другое!

Симна откинул голову и заглянул в распростершееся над ним звездное небо.

— Я летел сквозь ничто. Или через все. Я... видел все. Ну, может, не все, но очень многое. Так много я больше никогда в жизни видеть не хочу.

Эхомба подвернул под себя края одеяла.

— Понимаю. Увидеть сразу все — это суровое испытание для любого мужчины. Того, что вокруг нас, порой

хватает, чтобы впасть в безумие. Увидеть что-то и понять — уже достаточно трудно. Я вполне доволен просто что-то видеть. Все? Ни в коем случае!

Симна молча кивнул, укладываясь спать под одеялом. И разумеется, его взгляд вернулся к куполу ночного неба и мириадам мерцающих точек. Сколько их, звезд? Теперь ему известно, что они собой представляют... Он содрогнулся. И в обыденном-то мире мало кто способен по-настоящему ориентироваться, так как же можно постичь необъятность всего остального?

Сон был жестокий, но полезный. Урок — от загадочного оружия надо держаться подальше. Даже если оно принадлежит удачливому пастуху, а не волшебнику. Еще повезло, что он только *думал* украсть — то есть нет, позаимствовать — магический меч. А попробуй он им действительно овладеть, тот кошмар мог обернуться явью.

Симна отвернулся от внушающего страх неба и долго смотрел на спавшего неподалеку Этиоля. Завтра они вновь двинутся в путь на север. Если все будет гладко, скоро доберутся до реки, которая донесет их до моря. Отыщут порт, и корабль отвезет их в сказочные земли таинственного Эль-Ларимара, где скрывается Химнет Одержимый — и баснословное сокровище, которое и разыскивает на самом деле немногословный пастух.

Симна повернулся на другой бок, и его взгляд уперся в тускло поблескивающее лезвие волшебного меча. Теперь на мече лежало крестообразно копье со странным наконечником — должно быть, так положил его пастух, в спешке вскочивший, чтобы помочь товарищу освободиться от тисков кошмара. Клинок был не до конца вдвинут в ножны, и у самой рукояти поблескивал в лунном свете звездный металл. Отчетливо были видны узорные линии, они плавно изгибались, свивались и разбегались, словно ребенок играл с веревочками... Как только взгляд задержался на открытом участке странного металла, что-то вновь ударило в голову, вспыхнула сильнейшая боль.

Симна быстро повернулся к мечу спиной и зажмурился. Взгляд его бродил по внутренней поверхности век. Он дал себе слово не открывать глаз, пока не наступит рассвет. Некоторые видения порой слишком близки к реальности — как, впрочем, и реальность иногда бывает под стать самым фантастическим мечтам. В компании Этиоля Эхомбы трудно отличить одно от другого.

Северянин рискнул открыть один глаз. В то же мгновение его ослепил ударивший свет. На долю секунды им овладел панический ужас — неужели он вновь оказался в

пустоте, и это один из тех огненных шаров, с которым довелось столкнуться во время падения в бездну?.. Затем паника отступила — хвала богам, это всего лишь отблеск лунного света, отразившегося в кварцевой чешуйке камня.

Симна опять закрыл глаза и на этот раз не открывал их до самого рассвета.

XVIII

Утро напомнило о себе не радостью родившегося дня, а жутким ревом, согнавшим путников со своих мест. Спросонья не разобравшись, что случилось, люди в панике бегали по площадке, пока не нашли укрытие под каменным козырьком и уже оттуда наблюдали, как Алита, забравшись на самую вершину скалы, протяжным рыком приветствовал вставшее солнце. Оглушительный рев гулко дробился в нагромождении глыб и оттого казался еще более страшным.

Разобравшись в чем дело, раздосадованный Симна вернулся на свое место, оттуда крикнул:

— Решил поиграть в повелителя буянов? Нельзя ли обойтись без криков на рассвете?

Голова огромного зверя была повернута на восток, где только-только забрезжил свет.

— Я — властелин этих мест и каждое утро должен напоминать всякой твари, кто здесь хозяин.

— Но мы-то к этим тварям не относимся, — резонно указал Симна. — Мы бы очень оценили, если бы на время путешествия ты забыл о своем долге перед подданными.

— Согласен, — поддержал товарища Эхомба. — Живущие в вельде уже давным-давно разобрались, кто здесь самый сильный. Стоит ли каждое утро напоминать им эту далеко не свежую новость?

— Прошу прощения, тогда я попробую выразиться иначе.

Алита широко зевнул, обнажив пасть, усеянную рядом огромных клыков, и при этом оглушающе мяукнув.

— Так гораздо лучше, — язвительно одобрил Симна.

— Я рад, что тебе понравилось.

Однако и на следующее утро, на рассвете, черный кот, давший слово помалкивать, возвестил на всю округу, кто в саванне самый сильный. Причем место выбрал как раз

напротив Симны. Правда, на этот раз северянин не стал возмущаться, так как они забрели в такие места, где даже исполинскому зверю бывать не приходилось. Здесь было очень кстати лишний раз напомнить о себе внушительным рыком.

Выступив в путь и распрощавшись с грудой камней, служивших им надежным убежищем в незнакомой местности, Эхомба вновь стал решать мучивший его все эти дни вопрос: зачем ему компаньоны? Один большой, сильный, но не человек, а это существенно. Дикий кот тайно горевал оттого, что вынужден следовать за людьми, его свободная натура рвалась на волю. Нельзя полагаться на того, кто выступил в поход лишь по велению долга.

Второй спутник был человеческой породы, остроумный и опытный, но его слишком манил фальшивый блеск золота. Тоже не лучшая мотивация для того, кто должен прикрывать тебе спину.

С другой стороны, раз судьба так повернула, лучше иметь их в качестве союзников, чем путешествовать в одиночку. Уж по крайней мере они могут принять на себя часть удара. Сколько бы он ни болтал о сокровищах, Симна ибн Синд способен принести пользу хотя бы тем, что прикроет его от одной стрелы. То же относится и к Алите: даже не вступивший в бой огромный кот может отпугнуть подосланного убийцу.

Да, лучше путешествовать в компании, чем брести в одиночку и ждать нападения из засады. Пусть при встрече с таким сильным и опасным противником, как Химнет, они и бесполезны — достаточно, если эти двое помогут ему дожить до нее. До этого решающего момента Этиоль будет покорно сносить бесконечную болтовню Симны о сокровищах и капризы свободолюбивого Алиты.

Через два дня вдали показалась зеленая полоска леса. Эта новость очень пришлась Симне по душе. По его словам, в последние дни он видел столько травы, что и миллион овец не съели бы за всю жизнь.

Алита выразился короче и практичнее:

— За деревьями легко укрыться врагу.

— Может, у вас в саванне, где деревья стоят редко, оно и так, — сказал северянин. — А там, где деревья скорее правило, чем исключение, они не опаснее, чем высокая трава.

Однако полоска леса оказалась узкой, она как бы прикрывала реку — широкую, мутную и, по-видимому, глубокую. Эхомба предложил переплыть поток.

— Ага, какой быстрый, — проворчал Симна и наклонился над берегом, что на полметра нависал над водой. Собственно берега не было, ни илистого, ни песчаного. Короткая жесткая трава росла до самой кромки воды. — Похоже, здесь не глубоко.

— Отлично, — прокомментировал Алита. — Вперед.

— Твои ноги куда длиннее моих, — ответил северянин, — но если ты робеешь или, как всякий ваш брат, терпеть не можешь воды, так и быть, я поведу вас за собой.

Он сложил свои пожитки, крепко перевязал их, затем соскочил в воду. Глубина действительно оказалась небольшой — вода едва покрыла лодыжки.

Симна повернулся к спутникам.

— Видали? Тут, Этиоль, тебе даже поплавать не придется. И дно твердое, галька... Можно перейти вброд.

Он сделал еще шаг, потом ударил ладонью по воде и окатил Алиту брызгами. Кот отвернул морду, зафыркал, затем, присев на задние лапы, прыгнул вперед, в воду.

За ним последовал разочарованный Эхомба. Не поспешили ли они? Будь река глубже, можно было бы построить плот и поплыть по течению к западу. Он очень соскучился по морю. Какая разница, где выйти на побережье — здесь или севернее. Однако большой плот, способный выдержать их вес, будет то и дело садиться на мель в такой речушке. Значит, придется им снова шагать на север.

Этиоль нащупал пальцами мешочек с морской галькой, лежавший в кармане юбки, стал перебирать округлые камешки. Нахлынули воспоминания о родном побережье — там вода всегда холодна, волны, ударяясь в скалы, пенятся и кружатся...

Что-то мягкое, осклизлое и подвижное подвернулось под его правую ногу. Эхомба глянул вниз и заметил в мутном желтоватом потоке какое-то удлиненной формы существо, метнувшееся вверх по течению. Наверное, речной угорь, перепуганный нежданным вторжением чего-то длинного, попеременно шлепавшего по воде, причем не бревна. Кто знает, насторожился Эхомба, вдруг они кусаться начнут? Теперь он неотрывно смотрел под ноги. Чем дальше, тем больше ему не нравилась эта река.

Удивительное началось, когда путники дошли до середины потока. Странным уже было то, что река по-прежнему оставалась такой же мелкой, как и у берега, и определить, где стрежень, было невозможно. Однако теперь река словно ожила, по воде побежала рябь, водовороты — сначала небольшие, с кулак, потом завихрения стали расширяться, поверхность воды забурлила. Река вдруг покрылась стоячими волна-

ми, и эти вздутия, напоминавшие опрокинутые вниз горлом округлые горшки, начали расширяться, прирастать в ширину и высоту. Скоро вспучивания стали настолько высоки, что за ними потерялась из виду древесная поросль, густо покрывшая противоположный берег.

Странное свечение исходило от некоторых водяных полушарий, другие, наоборот, темнели, словно вбирая в себя глинистую речную муть и донный ил. Скоро в этих пузырях стали попадаться водные лилии, камыш, а местами и кустарник. Затем вся эта пышная растительность всплыла в воздух, и там каждая из разросшихся полусфер образовала что-то вроде отдельного озерка, а все вместе — обширную, висящую в воздухе заболоченную лагуну. Растения начали пускать корни, те сплетались в клубки, захватывали подстилающее водное пространство. Путешественники уже брели не по воде, а по какому-то грязному илистому месиву, над которым плыли наполненные водой пузыри-полусферы. Под напором ветра, свободно разгуливавшего по речной долине, пузыри колыхались.

Порой движущиеся полусферы сталкивались, проникали одна в другую и образовывали единую структуру, напоминавшую сверху что-то вроде живописного лесного озера или поросшего водной растительностью болотца, а снизу — перевернутый, оторвавшийся от основания волдырь. Случалось и наоборот — пузыри расщеплялись на два или более, в каждом из которых также буйствовала растительность.

Симна, идущий первым, вскинул руку и попытался выхватить пучок травы из наплывавшего на него озерка. Поверхность пузыря на ощупь оказалась похожа скорее на желе или клей, чем на воду. Затем тонкая стенка порвалась, и содержимое пузыря стало вытекать. С изумлением люди наблюдали, как рыбья мелкота, тихоходы-улитки и крохотные червячки падали в реку, пока отверстие не закрыл кусочек почвы, что составлял основание для корней лилии. Пораженные и восхищенные невиданным водным феноменом, путники поспешили к противоположному берегу.

Но не тут-то было! Засмотревшись на удивительную картину, они забрели в самую глубь этой непонятной, фрагментами текущей по воздуху реки. Оба берега потерялись из виду. Между тем пузырей становилось все больше. Трудно было не только идти, но и просто дышать. Река словно собралась утопить их сверху.

В течение часа люди и дикий кот бродили по этому плавающему в воздухе потоку. Более других страдал

Эхомба. Самый высокий из всех троих, он чаще других вынужден был пригибаться, уворачиваясь от надвигавшихся со всех сторон сфер.

— Ты, Симна, больше не засовывай руку, куда тебя не просят, — улучив момент, предупредил он северянина. — Не искушай судьбу. Если все эти пузыри разом порвутся, нам конец.

— Не беспокойся! — Северянин шел рядом, опасливо наклонив голову под огромной массой воды, сдерживаемой лишь тончайшей оболочкой.

В этот момент между пузырями вдруг открылся узкий проход, и путники тут же бросились в образовавшуюся щель.

— Проклятие! — выкрикнул Симна, двигавшийся впереди. И тут же замер.

Алита, идущий за ним следом, глухо зарычал. Эхомба, наткнувшись на кошачий хвост, тоже вынужден был остановиться.

— Что там еще? — спросил он. — Что случилось?

— Взгляни налево.

На уровне их глаз сбоку проплывал исполинский крокодил не менее десятка метров длиной и весом около двух тонн, лениво двигая хвостом в мутной воде. До него было рукой подать. Проплывая мимо заплутавших в этой странной реке путников, крокодил равнодушно повернул голову и посмотрел на Эхомбу желтым сонным глазом. Затем огромная рептилия чуть более энергично шевельнула хвостом и исчезла в глубинах летающего озера.

— Не понимаю! — сказал дрожащим от волнения голосом Симна. — Почему он не напал на нас? Он легко мог вырваться!

— Мы бредем по воздуху, не по воде, — подумав, ответил Эхомба. — Наверное, он не воспринимает нас как часть своей среды. Разве можно представить, как размышляет существо, ухитрившееся выжить в таких необычных условиях? Не исключено, что каждый водный пузырь — большой, как озеро, или маленький, как ведерко, — им кажется отдельным миром, с границами которого шутки плохи.

Пастух огляделся. Сфер все прибывало, огрызки синего неба появлялись реже и реже.

— Собственно, и наш мир может быть аналогичен этим. Ткни пальцем — и продырявишь оболочку неба, и тогда весь воздух вытечет в никуда.

— Это же смешно! — Симна, не удержав равновесия, шлепнулся в грязь, тут же упрямо поднялся и зашагал дальше, при этом часто посматривая вверх, на облака, чьи клочки изредка появлялись в промежутках между наполненными водой и грязью шарами.

Скоро путники забрели в такое место, где окружавшие их шары обрели поистине гигантские размеры. Здесь идти стало легче. Затем путешественники попали в пространство, где шары стали значительно мельче и подвижнее. Одни из них были наполнены чистейшей прозрачной водой — внутри этих пузырей плавали рыбки; другие были непрозрачны до зеленоватой, болотистой черноты — они давали приют множеству растений. В переплетении водорослей можно было различить полчища детенышей крокодилов, только что вылупившихся из яиц змеек и ящериц, улиток, раков, ползающих по внутренней стороне оболочек, а также донных рыб, сомиков и налимов.

Путники попытались обойти эту плотную взвесь шаров, в которых, по-видимому, подрастала речная живность. Тут на них наплыла огромная, густо поросшая лилиями полусфера, и путешественники попытались пройти сквозь нее, однако порвать пленку, предохранявшую недра этого гигантского сосуда с водой, им не удалось. Потыкались, помяли оболочку и двинулись дальше.

Весь день Эхомба, Симна и Алита бродили по всплывшей над землей реке. Скоро вокруг потемнело — день клонился к вечеру. Солнце, вестник света, угасало на глазах. Сама мысль о том, что придется провести ночь в этом жутком месте, приводила путников в ужас. Где здесь устроиться на ночлег, развести костер? Прямо в грязи, бултыхающейся под ногами? И ждать, когда какой-нибудь исполинский шар задавит во сне?

— Ну и вляпались! — ворчал Симна. — Что же нам делать до утра?

Северянин оценивающе посмотрел на кота. Тот глухо зарычал и отрицательно повел головой.

— Выкинь из головы эту глупую мысль, маленький человек! — сказал левгеп. — Пока еще никто не осмеливался устраиваться на мне на ночлег. От меня, конечно, исходит тепло, я могу и помурлыкать, но только на сытый желудок и в настроении. Так что не бросай жадные взгляды на мою спину. Я не позволю унижать себя!

— Но что-то надо делать! — воскликнул Симна и ударил ладонью по ближайшему пузырю. Сверху ему на голову упала струя грязной воды. — В ил мы не можем улечься, этак и захлебнуться недолго. А то и простуду подхватить. Разве я не прав, Этиоль? Этиоль?..

Эхомба не прислушивался к перебранке спутников. Вместо того чтобы искать место для ночлега внизу, он смотрел вверх.

А именно на маленькое озеро, в центре которого был островок с тремя молодыми сосенками.

Симна прошлепал по грязи поближе к Эхомбе, глянул в ту же сторону, затем перевел испуганный взгляд на пастуха.

— Влезать туда? Но остров-то плавающий и совсем небольшой!.. Если мы все трое заберемся на него, он погрузится на дно.

— Вряд ли. — Этиоль по-прежнему задумчиво разглядывал пузырь. — Если бы вес имел здесь какое-либо значение, вся эта дрянь, — он повел рукой в одну сторону, потом в другую, — давным-давно опустилась бы и растеклась по земле. К тому же там три дерева — сосны, конечно, молодые, но высокие. Стоит попытаться.

Он направился в сторону плавающего лесного озера и на ходу добавил:

— Да и чем мы рискуем? Хуже, чем сейчас, быть не может. Если даже островок пойдет на дно, мы окажемся в воде...

— И утонем, — перебил его Симна. — Это уже достаточно плохо.

— Не утонем! — заверил Эхомба. — Если даже начнем погружаться, проделаем в оболочке дырку и выберемся вместе с вытекающей водой, а также вместе с рыбами, лягушками и прочей живностью.

— Не верю. — Симна все еще сомневался. — Если так легко проделать дыру в оболочке этого пузыря, почему ни рыбы, ни саламандры, ни, наконец, корни тех же сосен до сих пор не порвали ее?

— Полагаю, приспособились к условиям жизни. — Пастух посмотрел в сторону Симны и добавил: — Удивительное дело! Мы попали в место, где лужи, пруды и озера плавают в воздухе — а тебя интересуют подобные пустяки!

Симна с радостью дал бы себя убедить — иначе впереди ждала бессонная ночь.

— А ты как думаешь, брат кот? — обратился он к Алите.

Зверь повел плечами.

— Я-то здесь при чем? По твоим же собственным словам, я всего лишь кочующий хищник сомнительного происхождения. Это вам, людям, решать, у вас мозги большие... Ты же царь природы?

Симна торжествующе повернулся к Эхомбе.

— Задал простой вопрос, а получил целую отповедь!.. Ладно, рискнем. Так или иначе, похоже, нам все равно промокнуть.

Он взглянул на небо, на пузырь с райским островком — тот был уже совсем рядом — и тягостно кивнул.

— Скоро совсем стемнеет, а ночью мы уж точно ничего подходящего не отыщем.

— Хорошо, — произнес Эхомба. — Вот и полезай первым.

— Я? Почему я?..

Эхомба пожал плечами.

— Не хочешь? Тогда становись, я заберусь к тебе на плечи.

— Нет уж, лучше я к тебе.

Эхомба покачнулся, когда северянин влез ему на спину, потом встал. Симна с трудом сохранял равновесие, и Эхомбе приходилось мелкими шажками удерживать его возле водяной стены. Схватившись за корягу, выступавшую над краем озерка, северянин попробовал ее на прочность и начал подтягиваться. Оболочка стала вибрировать, заходила взад и вперед как резиновая. С внутренней стороны к Симне подплыла небольшая рыбка, с любопытством глянула на карабкавшегося человека и тут же, вильнув хвостом, умчалась прочь.

Наконец северянину удалось закинуть ногу за край оболочки, и он погрузился в прозрачную, чистую и удивительно теплую воду. Держа над головой вещевой мешок, Симна поплыл в сторону острова.

Эхомба и зверь во все глаза следили за Симной. Тот выбрался на золотистый, никогда и никем не тронутый песок.

— Ну? — гулко рыкнул Алита.

— Земля немного подается, словно матрас, но, по-моему, нас выдержит.

Он сел на песок и принялся развязывать мешок.

Пастух вопросительно взглянул на зверя.

Огромный кот глухо заворчал, подошел ближе и заявил:

— Залезай, Этиоль Эхомба. Ты будешь первым человеком, который сможет похвастать, что разгуливал по моей спине.

— Я аккуратно, — пообещал Этиоль.

Он влез на правое бедро левгепа, прошел по его спине. Отсюда подтянулся и перелез в озерко. Короткий заплыв — и вот он уже на острове, где Симна пытался вытереться пучком листьев. Эхомба устроился рядом и тоже развязал свой мешок. В это мгновение чудовищной силы шлепок заставил его вскинуть голову. Алита одним прыжком одолел преграду и плюхнулся в озеро. Украшенную львиной гривой голову он держал так высоко, как только мог, затем вдруг что-то цапнул в воде.

— Одно хорошо, — сняв кожаные доспехи и нижнее белье, Симна повесил их на ветку сушиться, — если мы разведем огонь, то можно не бояться, что все сгорим... Эй, осторожнее!.. — закричал он на Алиту, который, выбравшись на берег, принялся, как собака, стряхивать с себя воду.

Мокрый кот представлял собой комичное зрелище. От улыбки не удержался даже Эхомба, который никак не

хотел обижать четвероногого товарища, а уж Симна разошелся вовсю. Зверю хватило чувства юмора, чтобы погрозить северянину лапой, затем он растянулся на песке и принялся вылизываться.

Между тем Эхомба, сохранивший сухими трут и кресало, развел огонь. Костерок получился небольшой, однако его тепла хватило, чтобы высушить одежду и согреться самим.

— Что толку стирать одежду и сушить ее, если завтра нам придется проделать тот же путь в обратном направлении. Не век же мы будем сидеть на этом острове, — заявил Симна, обращаясь к Эхомбе, который занялся приготовлением ужина — Алита по пути на остров сумел поймать двух больших рыбин.

— Может, и нет, — ответил Этиоль, глядя, по обыкновению, не на северянина, а мимо него. Тот посмотрел в ту же сторону и, разумеется, ничего не увидел.

— Что? Почему нет?.. А-а, понимаю, ты наконец воспользуешься магическими приемами, и мы покинем это место по воздуху?

— Повторяю, — закатив глаза, произнес Этиоль. — Я не волшебник и не маг. Не знаю я никаких подобных приемов.

— Конечно, конечно! — Северянин подмигнул Алите, который растянулся рядом на песке. Кончик его хвоста чуть подергивался. На замечание Симны кот никак не прореагировал, видно, считая, что магия и волшебство — исключительно человеческие забавы.

— Что ж, — с деланной печалью закончил Симна, — выходит, опять вымокнем до нитки. Ладно, — он рубанул воздух ребром ладони, — как же ты собираешься выбраться отсюда и не промокнуть? Проткнешь дырку в нижней части оболочки и спустишь воду? Вряд ли это разумно. Чудесная пленка, которая удерживает воду, тогда упадет, причем на нас, и мы окажемся упакованными, как подарки к празднику, только без воздуха.

— Я не знаю, как нам поступить, — сказал Эхомба. — Но уже нашел собеседника, завел с ним разговор, хочу посоветоваться.

— То есть? — удивился Симна. — С кем это ты хочешь советоваться? С рыбами?

— Вроде того.

Пастух закончил разделывать рыбу, бросил ее в котелок, потом разгладил свою юбку, разложенную на песке для просушки.

Симна проворчал что-то невразумительное и, приблизившись к коту, принялся у него допытываться:

— Слышал, брат? Он собирается советоваться с рыбами! О чем с ними можно советоваться?

— Он что, — с любопытством спросил Алита, — умеет разговаривать на их языке?

Северянин искоса взглянул на пастуха.

— Понятия не имею. Странный он тип. В день нашего знакомства рассказал мне, что некоторое время жил у обезьян. Сперва я решил, что это выдумки, но чем ближе я его узнаю, тем больше начинаю верить.

Левгеп широко и сладко зевнул.

— А ты хорошо его знаешь?

Симна фыркнул.

— Разумеется! Понимаешь, он колдун, только не желает в этом признаваться. Есть, наверное, какая-то причина. Мало ли чем он занимался в прошлом. Говорит, что пас скот, а теперь ударился в поиски сокровищ. Ну, я решил подсобить ему — в обмен на определенную долю. Ты поговори с ним — он и с тобой поделится.

— И что мне прикажешь делать с вашим золотом? — спросил зверь. — Теплое логово, много антилоп — лучше старых и медленных или молодых и глупых — и дюжина энергичных самок, чтобы всегда у одной была течка, — вот и все, что мне нужно. Разве я похож на вас, глупых, бестолковых людишек, которые только и думают, где бы что урвать? Мне глубоко безразличны не только золотые побрякушки, но вещи в самом широком смысле этого слова. Посвящая время их накоплению, вы забываете о том, что надо просто жить. — Кот лег на живот, положил голову на передние лапы и опять зевнул. — Твой друг из другой породы.

— Клянусь Гонтой, я и сам до сих пор таких, как он, не видывал! — воскликнул Симна.

— Поэтому, — благоразумно закончил Алита, — кто знает, может, он действительно умеет разговаривать с рыбами. — В следующий момент кот закрыл глаза и перевернулся на спину, подняв все четыре лапы в воздух. — Лично я предпочитаю их есть.

— Не понимаю, о чем можно разговаривать с рыбами, — растерянно пробормотал Симна. — Даже если он договорится, чтобы нас перевезли, где найти такую большую рыбу? Выходит, теперь, каждый раз, встречая на пути тот или иной странствующий пузырь, мы должны будем залезать внутрь, беседовать с проживающими там рыбами, ехать до оболочки, перебираться в следующий пузырь... Уж лучше идти пеш-

ком — если река не станет глубже. — Он глубоко вздохнул и закончил: — Ладно, пускай Этиоль решает. Он у нас самый умный.

Лежа с закрытыми глазами, сонный кот тихо буркнул:

— По крайней мере среди людей...

XIX

— Оказывается, они давно следили за нами. Еще когда мы шли вброд по реке, — объяснил Эхомба и попробовал уху. Кот давным-давно съел свою порцию.

— Кто? Где? — всполошился Симна.

Алита поднял голову, повернул ее по ветру.

— Я ничего не вижу. Правда, чую какой-то незнакомый запах.

Стоя на месте, северянин принюхался, потом поглядел направо, налево, назад. Вокруг была все та же картина: сотни просвечивающих на закате шаров плавали вокруг их убежища. Некоторые были размерами с небольшие лесные озера, другие поменьше, третьи величиной с детские мячи. На ходу они касались друг друга оболочками, сливались или, наоборот, делились надвое, а то и натрое. Симна, пристально вглядывающийся в проплывающие поблизости полусферы, решительно заявил:

— Нет там ничего, кроме рыб, лягушек и тритонов.

— Ты неправ, — возразил Эхомба.

Он сидел на берегу, приставив руку ко лбу козырьком. Солнце уже спустилось к самому горизонту и насквозь пробивало лучами прозрачные водные сгустки.

— Там есть и нечто другое, — добавил пастух. — Нечто большее.

Ноздри у Алиты затрепетали, хвост вытянулся в струну.

— Оно приближается, — сообщил кот.

— Где? Что? — встревожился Симна. — Я ничего не вижу! И запаха никакого не чувствую.

Северянин сбежал к воде, по пути раздавив несколько насекомых и каких-то рачков, попавших под ноги.

Они появились со стороны восходящего солнца. Сначала возникло темное подвижное пятно, затем оно обернулось вспыхивающей и мгновенно угасающей цепочкой радуг, в которых преобладали розовые тона. Впечатление было такое, слов-

но солнце, едва спустившись за горизонт, объявилось вновь, во второй раз оповещая округу о наступающем утре. Наконец радужные сгустки обрели подобие формы — чем-то они напоминали рыб, однако самое удивительное заключалось в том, что блистающие создания, приближаясь к людям, с ловкостью акробатов перепрыгивали из одного парящего бассейна в другой. Движение, казалось, не требовало от созданий никаких усилий, хотя все наполненные водой пузыри постоянно перемещались, покачивались, сталкивались и расходились.

— Дельфины? — воскликнул Симна. — Здесь?

— Да, здесь, — прошептал Эхомба. — У них острое зрение и еще более тонкий слух. К тому же они видят округу несколько иначе, чем все остальные живые существа.

— Но дельфины живут в море!

— Не всегда, — вставил Алита. — Я видел, как точно такие же или их ближайшие родственники играли в реке, протекающей в саванне.

— Есть морские дельфины, а есть пресноводные, — сообщил Эхомба другу.

— Против фактов не попрешь, — согласился Симна. — Но какая странная у них раскраска... Постой-ка! Помнится, ты рассказывал, что родом из пустынных краев. Теперь, выходит, тебе известны и морские, и речные дельфины... Как же ты, обитатель пустыни, можешь судить о существах, живущих в речных глубинах?

Эхомба усмехнулся.

— Я родом не из пустыни, а из пустынной местности на побережье, а это большая разница. Морские дельфины много рассказывали мне о своих пресноводных сородичах. Там, где большие реки впадают в океан, они устраивают встречи, пируют вместе, беседуют — все как у людей.

— Так ты не с рыбами разговаривал? С дельфинами?

— Нет. Люди не могут разговаривать с дельфинами. Это дельфины разговаривают с людьми.

— И они выбрали тебя в собеседники? — Симна недоверчиво посмотрел на товарища. — Но почему именно тебя? Не потому ли, что ты способен подавать им какие-то неведомые знаки, либо подманивающие их, либо подтверждающие, что ты им не чужой? Опять будешь утверждать, что ты не колдун?!

— Они заговорили со мной потому, что мне нравилось в одиночестве гулять по берегу моря. Течение у нашего побережья мощное и холодное. Есть еще у нас людишки, которые бьют дельфинов для еды и чтобы избавиться от

соперников по рыбной ловле. Я так никогда не поступал. Как можно убивать того, кто обладает разумом?

Алита позади него зевнул.

— У меня с этим никаких проблем не было.

Эхомба пожал плечами.

— Я так никогда не поступал, потому что верю, что эти существа разумны и добры. Я еще ребенком часто разговаривал с дельфинами.

— Значит, это ты их позвал? — спросил Симна.

— Ничего подобного. — Эхомба еще раз взглянул в сторону приближавшейся стаи. Дельфины были уже близко и, по-прежнему сохраняя строй, на глазах замедляли ход. — Вряд ли им прежде доводилось встречаться с людьми. Они любопытны, как все живые существа. Надеюсь, они не сразу потеряют к нам интерес.

Он сделал несколько шагов от воды и посоветовал Симне:

— Отойди подальше.

— С какой стати? — по привычке возмутился северянин, однако послушался.

Между тем первый дельфин перемахнул через край соседнего озера и, примяв заросли казуарины, шлепнулся в их пузырь. Речные животные прибывали по одному и парами. Каждый подобный прыжок из соседнего бассейна в тот, где разбили лагерь Эхомба, Симна и черный кот, представлял собой верх грациозности. Всего дельфинов набралось с дюжину, среди которых четверо были совсем молоденькие. Эти буквально щеголяли своим умением и плюхнулись почти на самую середину озерка. Скоро вода во внутреннем водоеме забурлила от присутствия могучих тел. Местная живность бросилась врассыпную, поспешила укрыться возле самой оболочки. Дельфины без устали выписывали круги вокруг небольшого островка. Их отливающие розовым тела напоминали полосы пламени, вспыхивающего в глубине воды. При этом животные, всплывая на поверхность, издавали странные писклявые и напоминающие собачий лай звуки.

Если это была форма церемониального приветствия, то необъяснимым казалось постоянное наращивание скорости, на которой дельфины огибали остров. Скоро у путешественников головы пошли кругом. Дельфины принялись на ходу играть в воде, выпрыгивать, затеяли охоту на рыб и других обитателей озера, которым трудно было спрятаться в чистой воде. Все они стремились укрыться в щелях и трещинах у подножия островка либо среди густого переплетения корней у нижней части оболочки.

Только один из этих совершенных радужных пловцов не принимал участия в общем веселье. Крупный дельфин подплыл к путникам и высунулся из воды почти на треть корпуса. Оставаться в подобном положении дельфину не составляло труда, он чуть пошевеливал широким хвостом. Дельфин открыл клюв, продемонстрировал ряд острых зубов и повел такую речь:

— Я — Мерлеску, королева Стаи верхней реки и центральной области страны Летучей Воды. Кто вы?

Как только она издала членораздельные, вполне понятные людям звуки, Симна потянул Эхомбу к себе и шепнул ему на ухо:

— Ничего удивительного, что ты понимаешь их язык. Я и сам его понимаю. Они отлично изъясняются на нашем наречии.

— Конечно, мы хорошо говорим на человечьем языке, — подтвердила королева Мерлеску. — Ты ожидал обратного?

— Что вы, королева! — замахал руками Симна. — Просто до сего дня я ни разу не слышал, как разговаривает ваш народ. Слышал только, как вы пищите, будто огромные мыши с плавниками.

Трудно сказать, как Мерлеску восприняла подобное сравнение. Скорее всего с улыбкой. Впрочем, то же улыбчивое выражение наблюдалось и у других ее сородичей, резвившихся в бассейне.

— Изъясняться на своем наречии нам удобнее, когда вокруг полно людей и прочих сухопутных тварей, которые беспрестанно болтают. Им совсем нет дела до нас, до наших способностей. За исключением, — королева повернула голову в сторону Эхомбы, — немногих. Очень немногих... У тебя, человек, очень добрый и чуткий вид.

— В самом деле? — Симна с деланным интересом вгляделся в лицо товарища. — А по мне, так обыкновенный...

Королева не обратила внимания на замечание северянина. Она вновь обратилась к Этиолю:

— Что вы делаете здесь, в стране летучей воды?

— Мы держали путь на север, — объяснил Эхомба, — и, добравшись до реки, решили переправиться через нее, чтобы скорее выйти к морскому побережью. Там я намеревался найти корабль, переплыть через океан и отыскать земли, лежащие на западе.

— Такие дали!.. — Королева, повертев клювом, начала пощелкивать и посвистывать. Косяк в один момент собрался поблизости, дельфины высунули морды, защебетали.

Вновь повернувшись к людям и коту, королева заявила: — До сих пор мне еще ни разу не встречалось существо, которое могло бы похвалиться тем, что сумело пересечь океан. Таких нет даже среди моих морских сородичей, хотя кое-кто утверждает, будто знавал того, кто беседовал с дельфином, побывавшим у противоположного берега. Человек, что подвигло тебя и твоих спутников отправиться в такое далекое и опасное путешествие?

— Долг, — ответил Этиоль.

— Сокровища, — добавил Симна.

— Этот долговязый идиот, — прорычал огромный зверь, — спас мне жизнь. Я дал слово сопровождать его.

Мерлеску удивительно по-человечески кивнула — этим жестом дельфины часто пользуются, общаясь между собой, особенно когда рядом нет людей.

— Я вижу, что у каждого из вас своя цель, и между ними нет ничего общего, как, впрочем, и между вами самими. — Неожиданно королева обнажила спинной плавник и шевельнула им, указывая на запад. — Пройдет бессчетное количество дней, прежде чем вы доберетесь до границ страны Летучей Воды. Здесь привольно живется тем, у кого вместо ног плавники или крылья. К северу от этих мест Летучая Вода становится еще более опасной. В той стороне вам вряд ли удастся найти место, где можно отдохнуть и переночевать.

— Я как раз хотел попросить тебя о помощи. — Эхомба спустился к самой воде и сел на песок.

Мерлеску подплыла ближе — как раз настолько, чтобы положить клюв на его голую ступню.

Алита, стоя позади пастуха, прикидывал, на сколько ему хватило бы вкусной и легкодоступной еды, когда Симна, устроившийся рядом с ним, с силой ударил кота в ребра. Тот повернул голову, удивленно глянул на осмелевшего человека, но северянин не выказал даже намека на испуг.

— Я знаю, о чем ты думаешь, котик. Забудь! Лучше понаблюдай за Этиолем, как он не жалеет ради нас магии.

— О какой магии ты говоришь? Они просто-напросто беседуют.

— В том-то и дело! Этиоль просто беседует — это и есть его магия. Магия слов. По крайней мере другой я пока не заметил.

— Ну и чем же беседа с этими водными жителями нам поможет?

— Понятия не имею, — признался Симна. — Мне только известно, что Этиоль не будет зря тратить время. Давайка на пару последим за ним, может, что и откроется из

его тайного ремесла. Какая-нибудь мелочь, шевеление пальцев... мало ли. — Он фамильярно ткнул зверя в живот. — А на добычу не засматривайся, брат. Я же знаю, ты сыт.

— Не размахивай своими руками, человек. Я не люблю фамильярности. — Зверь неожиданно сел на задние лапы. — Да, я не голоден, однако спокойно смотреть на такое обилие пищи не могу. Ужасно хочется кого-нибудь убить. В конце концов, я охотник или нет?

— О мой пушистый друг, — игнорируя замечание, северянин запанибратски прильнул к мускулистому бедру Алиты, — боюсь, до конца нашей идиотской экскурсии на тот край океана тебе еще не раз представится возможность дать волю своим инстинктам.

Тем временем королева дельфинов слегка шевельнула хвостом и отплыла подальше.

— Ты немало просишь, человек. Конечно, тебе так выгодно, но чем ты можешь расплатиться за нашу помощь?

— Я никогда не вел торг нечестным образом, — заверил ее Эхомба. — Ты много выиграешь, если поможешь нам. Прежде всего избавишься от забот, связанных с нашим присутствием в твоих владениях. Кроме того, тебе представился редкий случай поступить так, как ты всегда мечтала поступить. Я знаю, как добры дельфины, как они стараются помочь всем попавшим в беду. Этим поступком ты прославишь свое имя в веках. Тебе будет о чем рассказать на ежегодных встречах с морскими собратьями.

Он сделал паузу, потом с некоторой грустью в голосе продолжил:

— Конечно, если тебя мои доводы не трогают, если ты относишься к породе дельфинов, которым плевать на то, что скажут родственники, мы можем обратиться к другим. Не исключено, что ты и твоя стая не способны принять трудный вызов. Если так, я пойму. Привыкшим к легкой жизни ни к чему себя обременять.

— Что?! — вскричала королева и, резко махнув хвостом, отплыла от берега еще дальше. Там, на глубокой воде, она вдруг завертелась, потом на очень высокой скорости сделала круг вокруг острова. Затем еще один — с нырками в облака мути, которые удары ее хвоста поднимали со дна. На третьем круге она надолго нырнула и вынырнула совсем близко от берега. Ее клюв едва не уперся в лицо Эхомбе, и в пастуха полетела мощная струя воды.

Симна вскочил на ноги, Алита напрягся, изготавливаясь к прыжку, только Этиоль не выказал никаких признаков растерянности.

Он невозмутимо стер с лица воду, затем тихо возразил:

— Это не ответ. Сможете вы сделать то, о чем я вас прошу?

— Сможем ли мы? — негодующе выкрикнула королева. — Сможем ли мы?!

Симна решил, что дельфин вновь обдаст лицо Этиоля струей воды, однако Мерлеску неожиданно успокоилась.

— Дело не в том, сможем ли мы, а в том, желаем ли мы.

Эхомба наклонился к ней и вдруг тоненько заверещал, перебивая эти странные звуки коротким свистом. Потом сказал по-человечьи:

— Вот будет потеха. До этого никто из вашего рода еще не додумывался.

— Верно. Но у нас, созданий воды, даже королевы не принимают единоличных решений.

Она отплыла подальше от берега и начала собирать свою стаю. Пока они там кружились, Симна бочком приблизился к Эхомбе. Алита, отчаянно бивший хвостом по песку, некоторое время гордо соблюдал дистанцию, потом, не справившись с любопытством, тоже подошел ближе. Остановился поодаль, но так, чтобы слышать разговор людей.

— О чем ты ее просил? — поинтересовался Симна, разглядывая резвившихся дельфинов.

— Помочь нам.

— Помочь! — проворчал кот. — Как они могут нам помочь? Разве что попав к нам в желудки...

— Будьте терпеливы. Пусть они обсудят мое предложение в своем кругу.

Симна и Алита молча переглянулись. Северянин, указав на Эхомбу, повертел пальцем у виска, однако от Этиоля не отошел. Во все глаза он продолжал следить за своим долговязым другом, надеясь уловить то неуловимое, что позволяло Эхомбе наладить диалог с кроликами, победить ветер, а также просить помощи у существ, которые, конечно, поумнее рыб, но в то же время и не люди.

Наконец Мерлеску не спеша подплыла к берегу и замерла как раз напротив Этиоля. Смотрела она на Этиоля, но ее слова были обращены ко всем троим.

— Надо найти лианы.

Путники невольно подались ближе к воде.

— На это потребуется время, — добавила королева, тут же развернулась и ушла на глубину.

— Лианы? — переспросил изумленный Симна. — Зачем нам лианы?

— Я отнюдь не вегетарианец, — проворчал Алита.

Эхомба снял обувь, скинул рубашку и юбку и неуклюже бросился в воды озера. Пара молодых дельфинов решила поиграть с ним. Они что-то звучно и отчетливо защебетали, затем принялись прыгать через Этиоля, пытаясь в воздухе коснуться друг друга боками.

— Только взгляни!.. — Симна шлепнул себя по бедрам. — А ты не хочешь?

— Ни в коем случае, — отозвался левгеп.

Он лег на песок, вытянул передние лапы, положил на них голову и закрыл глаза.

— Снова собираешься спать? — неодобрительно посмотрел на компаньона Симна.

Ближайший к нему желтый глаз приоткрылся.

— Когда нет охоты — или нет охоты тратить силы на подругу, — ответил кот, — я сплю. Так я провожу восемьдесят процентов времени. Это норма для всех крупных кошек. К слову сказать, все, что мы делаем, мы делаем очень качественно. — Глаз закрылся, и Алита повернулся к человеку спиной. — А ты давай, отмокай, раз больше ни на что не способен.

Симна хитро улыбнулся, подошел к озеру, набрал воды в полую тыкву, которую Эхомба носил с собой, затем, стараясь не шуметь, подобрался к огромному, распластавшемуся на золотистом песке коту и выплеснул содержимое тыквы ему в морду.

Окрестности огласил дикий рев. По воде пошла рябь, силой звука пригнуло заросли каузарины, росшей по краям причудливого водоема.

Симна с разбегу бросился в озеро и уже оттуда, шлепая от радости руками по воде, вовсю веселился, глядя на разбушевавшегося кота.

— Радуйся, радуйся, маленький человек! — предупредил его левгеп. — Все равно когда-нибудь выйдешь на берег. Уж тогда я поговорю с тобой по-своему. Скручу так, что сможешь пить собственную мочу!

— Как я и полагал! — закричал Симна. — Чем больше кот, тем меньше у него чувства юмора.

Однако когда Алита внезапно бросился в воду, выражение лица Симны резко изменилось, и северянин, согнувшись в поясе, нырнул на дно.

Впрочем, злости левгепа хватило ненадолго. Скоро Алита завертелся в воде, принялся шлепать лапами по поверхности озера и сбивать вокруг себя пену. В игру с готовностью вступили дельфины, потом улыбающийся Эхомба, а затем — в первые секунды с некоторой настороженностью — и Симна.

К полудню вернулся отряд дельфинов, вышедший на поиски. Тела водных жителей были обернуты длинными толстыми лианами, концы которых волочились по воде. Даже во рту они держали сочные крупные побеги. Само растение было зеленого цвета, местами бурого. Кое-где на плетях были видны отметины острых зубов — там рыбы или дельфины пытались перекусить стебель.

Пока Эхомба и Мерлеску о чем-то тихо беседовали между собой, Симна и Алита отдыхали на песке.

— Хорошо, — вздохнул Симна, — ты выиграл.

— Что я выиграл? — спросил кот и подозрительно взглянул на человека.

— Беру назад свои слова. У тебя есть чувство юмора.

Кот сел и принялся энергично вылизывать подушечки левой лапы.

— Конечно, есть, — буркнул он. — Но, маленький человек, предупреждаю: будь осторожен, когда решишь поиграть с крупными кошками. Особенно если ненароком затронешь их достоинство.

— Эй, я не собирался тебя оскорблять. Я только хотел проверить, есть ли у тебя чувство юмора. Насчет чувства собственного достоинства не было сказано ни слова.

Так они пикировались, пока из воды не вышел Эхомба.

— Наши друзья скоро будут готовы. Я пока им подсоблю. — Он запрокинул голову, посмотрел на синее небо, накрывшее этот райский, плавающий в воздухе уголок. — По-видимому, нам придется провести здесь еще одну ночь. Утром отправимся в путь. — Пастух перевел взгляд на товарищей и веско добавил: — Они согласились нам помочь.

— Как? — всполошился Симна. — Решили обвязать нас лианами и тащить из пузыря в пузырь?

— Скоро узнаешь, — ответил Эхомба и вновь вошел в воду.

До вечера загадка не давала покоя Симне, однако он слишком устал от водных игр и не присоединился к товарищу, а предпочел рассуждать, сидя на берегу. Должно быть, ответ таится в профессии Эхомбы. Лианы придется использовать в качестве кнутов, которыми путешественники будут погонять дельфинов, когда те повезут их из пузыря в пузырь...

Так ни до чего и не додумавшись, он закрыл глаза.

Несмотря на природную подозрительность, за время недолгого, но удивительного путешествия северянин проникся доверием к Эхомбе. Пусть он, Симна, не совсем понимает, каким образом тот добивается цели, однако пастух ни разу не промахнулся. Что говорит, то и делает.

Разбудили его несмолкаемое щебетание и оглушительный свист — похоже, дельфинье поголовье решило проверить силу своих легких. Шум стоял невообразимый. Скинув одеяло, Симна сел. Алита уже стоял у кромки воды и внимательно смотрел на Эхомбу и дельфинов, у которых все было готово к отправлению.

Быстро натянув одежду, северянин присоединился к товарищам. Ему хватило одного взгляда, чтобы сообразить, что задумали Этиоль и дельфины и для чего им понадобились лианы. Вокруг головы каждого животного было сооружено что-то вроде сбруи, от которой отходили отрезки плетеных лиан метра полтора длиной. Надев кожаные доспехи, Симна попробовал поводья, подергал их, затем обрушил на Эхомбу град вопросов.

— Что прикажешь делать? Держаться за поводья, когда они начнут прыгать из пузыря в пузырь? Хватит ли у дельфинов сил удержать сбрую? Я не знал, что у них такие крепкие челюсти. Нелегкое будет путешествие.

— Слишком много слов, — поморщился Эхомба. — Жаль только, что в том, что ты сказал, мало смысла. Поводья служат для сохранения равновесия.

— Равновесия?

— Вот так.

Ступив на мелководье, Эхомба приступил к демонстрации. Обеими ногами он встал на спины двух дельфинов, ступни привязал к спинным плавникам, взял в руки поводья и коротко свистнул. Дельфины чуть шевельнули хвостами, тронулись с места, потом разогнались до такой скорости, что у Симны и кота зарябило в глазах, когда они пытались уследить за Эхомбой, описывающим круги на поверхности воды вдоль дальнего края озера. После нескольких кругов дельфины подвезли Этиоля к его товарищам. Тот легко соскочил с их спин и передал поводья изумленному Симне.

— А ну-ка, попробуй.

Симна отступил на шаг.

— Почему я?!

Алита с нескрываемым высокомерием рыкнул и шагнул вперед. Тут же два самых больших дельфина подплыли к берегу, подставили спины. Зверь взял поводья в пасть,

попробовал натянуть их, затем осторожно ступил на спины речных животных. Те сразу рванули вперед и сделали пару кругов вокруг острова. Природная ловкость кота позволила ему удержаться на их спинах.

Теперь решился и северянин. С недоверчивой ухмылкой он занял место на спинах своей пары, тщательно повторяя все движения Эхомбы. По-видимому, Симна был лихой наездник — после нескольких кругов он уже забыл о своих страхах и даже начал криками подбадривать необычных скакунов.

Наконец испытания были закончены, и трое путешественников заняли места на спинах дельфинов.

— Готовы? — выкрикнула Мерлеску.

Дельфины защелкали, засвистели, королева выплыла вперед и с силой ударила хвостом по воде.

— Тогда поехали!

Разогнавшись в озере, они разом перемахнули в следующую полусферу. Туча брызг поднялась стеной.

Странные полусферы, через которые двигалась стая, заметно покачивались, однако это не нарушало стройного хода дельфинов. К сожалению, никому, кроме рыб, саламандр и лягушек, не удалось понаблюдать за удивительным пробегом. Вся стая вновь образовала единую в движении, слаженную единицу, даже два человека и огромный черный кот не мешали стремительному заплыву, перемежаемому длинными точными прыжками.

С каждым новым скачком люди и Алита обретали уверенность. Из озера в озеро, из водоема в водоем стая уверенно двигалась на север. Маршрут был извилист. Забитые растительностью и болотной грязью пузыри дельфины старались обходить и выбирали только те сферы, где вода была свежей и прозрачной.

Несколько дней назад, когда путники брели по заиленному дну страны Летучей Воды, каждый шаг давался им с большим трудом, теперь за несколько минут они одолевали лигу. За время движения было сделано несколько остановок, чтобы дать дельфинам возможность отдохнуть и поймать на всех рыбы. Люди дополняли рыбную диету ягодами и плодами водных растений, в то время как Алита не брезговал рачками и водными червями — хотя, утоляя голод, жажду охоты он утолить не мог.

Однажды стая вместе с путешественниками едва не попала в бассейн, который был слишком мал, чтобы вместить всю компанию. Симна выкрикнул что-то невразумительное — мол, впереди ловушка — и указал рукой, что ее следует обойти слева или справа. В следующее мгновение Эхомба чуть

подтянул поводья, и стая неожиданно разделилась. Та часть дельфиньего племени, где находился Симна, ринулась напрямую — животные прыгнули и свободно поместились в этой полусфере. Другая часть перелетела в соседний водоем. Уже через несколько скачков дельфины соединились. Бывали и другие мгновения, когда Симна перед прыжком даже глаза закрывал — уж слишком резкими были виражи, закладываемые дельфинами, или невероятно большим казалось ему расстояние между пузырями. В таких случаях хвосты дельфинов шлепались о край полусфер. Тут же веселые морские обитатели начинали радостно свистеть и щелкать, словно возвещая седокам о своем очередном триумфе.

Освоившись с необычным способом передвижения, Симна на ходу подумывал о том, что Эхомба, должно быть, очень сильный колдун. Ему не требовались слова, чтобы направлять «скакунов». Он не пользовался громовыми разрядами, не пугал молниями, не пускал дымы и не устраивал вспышек, как обычно поступают алхимики. Просто передавал приказания посредством рук, чуть подтягивая и отпуская поводья. Вот в чем его секрет — в руках.

Да, в этих гибких сильных руках таилась несравненная мощь. Ей не требовались ни волшебный порошок, ни заклинания, ни магический кристалл. У Эхомбы были лишь копье и два меча, и это оружие покоилось у него за спиной... Симна смахнул с лица ослепившие на миг брызги. Так кто он, его долговязый сладкоречивый друг, — колдун или пастух?

Впрочем, сейчас самым главным было удержаться на ногах.

XX

Прошло много дней, прежде чем характер местности начал меняться. Кочующие по воздуху водоемы постепенно расширились, расстояние между ними заметно увеличилось, так что дельфинам приходилось напрягать все силы, чтобы совершить очередной прыжок. Дальнейшее продвижение на север становилось все труднее и труднее. Наконец пришел час, когда Мерлеску и Эхомба решили, что их уговору пришел конец. Случилось это после того, как один из дельфинов не дотянул до края бассейна и упал на илистую подстилку, лежавшую у подножия таинственной страны. Путешественникам пришлось втаски-

вать его в ближайший, плавающий ниже других водоем. Если бы не помощь людей и огромного зверя, животное погибло бы, так как внизу толщина водного слоя не составляла и нескольких сантиметров. Здесь и было решено устроить отдых, а затем расстаться.

Их группа теперь походила на парусный корабль, застигнутый незаметно подкравшимся штилем. Пузырь, в котором люди и кот распрощались с дельфинами, чем-то очень напоминал прибрежную лагуну. Его извилистый, густо поросший тростником край возвышался не более чем на полметра над мелкой мрачной топью. Дельфины, благодарные за спасение своего сородича, собрались в том месте, где люди и кот решили выйти, протягивали плавники, предлагали помощь, однако люди и тем более зверь легко одолели барьер.

Водные жители, отдохнув и насытившись, строем разогнались и перемахнули в соседнее озеро; путь их лежал на юг, в самые дебри заповедной страны кочующих вод. Люди и кот долго следили за удалявшимися животными, чьи прыжки на расстоянии все явственнее обозначались как слитная, радужная, с заметным ударением на розовом арка.

Наконец Симна потряс обрывком лианы, которую до сих пор держал в руках, и спросил Эхомбу:

— Что будем делать? Приладим эти стебли к паре лягушек и поскачем дальше?

Задумавшийся Эхомба откликнулся не сразу.

— У меня предчувствие, что сбруя нам еще пригодится.

Он тут же повернулся и побрел по мелкой воде прямо на север. Симна в который раз поразился умению пастуха мгновенно ориентироваться на местности; он даже порой сравнивал это умение с воровским даром, позволяющим среди вороха нижних и верхних одежд, застежек, карманов потайных и карманов открытых мгновенно определить укромное местечко, где хозяин прячет заветный кошелек. Воин с севера без раздумий последовал за Эхомбой, в то время как Алита ударами лапы попытался добыть из мутной жижи нескольких моллюсков.

К утру следующего дня река совсем обмелела и пересохла. Наполненные водой пузыри остались за спинами путников, на юге — там они сверкали и переливались, как жемчужины, подвешенные на невидимых нитях.

Путешественники взобрались на вершину песчаного холма. Перед ними лежал холмистый пустынный край, кое-где помеченный пятнышками кустарников и рощами разнообразных кактусов. Далее тянулись бесконечные пес-

чаные дюны, чья золотисто-слепящая девственная чистота казалась достойным ответом воцарившемуся над землей голубому небу.

— Из огня да в полымя! — Симна сплюнул. Струйки песка резво побежали у него из-под ног. — Как же я истосковался по зеленым лугам и лесам родного дома!.. Зато тебе приволье. — Он посмотрел на Эхомбу.

— Что, здесь? — удивился пастух.

— Разве не ты говорил, что родом из пустынной местности?

— Нет, не говорил. Из засушливой, где недостает влаги, местности — это говорил, а здесь пустыня. Я пришел оттуда, где на горах и прибрежных холмах растет лес, в долинах достаточно корма для коров и овец. У нас есть и озера, небольшие, правда, есть потоки, сбегающие к морю... — Он кивнул в сторону расстилавшейся перед ними холмистой, прокаленной солнцем равнины. — Здесь ничего подобного нет. Единственное, что напоминает мою родную деревню, — это жара.

Эхомба посмотрел на кота.

— Как ты себя чувствуешь, дружище?

— Не очень-то, — ответил зверь. Дышал Алита тяжело, вывалив из пасти темно-розовый, толстый, как полено, язык. — Я всегда мучаюсь, когда солнце встает высоко. Это из-за цвета моей шкуры. Правда, у нас в вельде в полдень тоже не сладко, так что ничего — сдюжу.

— Да, здесь без воды пропадешь. — Симна пристально вглядывался вдаль.

— Поэтому я и оставил лианы, — произнес Этиоль.

Он прошел назад до первого небольшого озерца, плавающего в полуметре над землей, и скинул с плеча моток лиан.

— Идите сюда, нужна ваша помощь.

— Помощь? — на ходу выкрикнул Симна. — Ты что, хочешь потащить пузырь с собой?

— А почему бы и нет? — Этиоль лианой измерил окружность водоема. — Где найти более надежный источник воды или лучший резервуар?

— Он, конечно, маленький по сравнению с теми, что мы видели. — Северянин подошел к товарищу. — Но все же гораздо тяжелее, чем несколько бурдюков. С чего ты взял, что мы сумеем сдвинуть его с места?

— Не волнуйся, сдвинем, — заверил Эхомба. — Прижмика этот конец к оболочке...

Пришлось повозиться — лиана соскальзывала с упругих стен водоема, — но в конце концов пузырь уда-

лось перевязать. Зеленая веревка слегка продавила оболочку, однако та выдержала, не порвалась.

Эхомба и Симна взяли концы лиан и потянули — пузырь не шелохнулся. И только когда к ним с недовольным видом присоединился Алита, сжав веревку в пасти, пузырь сдвинулся с места. Затем, набрав скорость, он пошел легче, и его мог вести один человек.

— Вот и все! — объявил Эхомба. — Теперь можно будет пить вдоволь, и никакая пустыня нам не страшна.

— Пить вдоволь! — воскликнул Симна. — Клянусь Году, да нам ванны принимать можно!

Эхомба кинул на товарища косой взгляд.

— Ты будешь принимать ванны в собственной питьевой воде?

Северянин искренне удивился.

— Конечно. А почему нет?

— Действительно, почему нет? — поддержал его Алита. Это был первый случай, когда он хоть в чем-то согласился с Симной.

Эхомба покачал головой.

— Воистину, цивилизация и цивилизованное поведение — понятия относительные.

— Просто наши обычаи сильно разнятся, Этиоль. — Симна похлопал друга по спине и в который раз удивился сухости кожи пастуха. Независимо от времени суток и температуры Эхомба никогда не потел. — Если тебе неприятно, я обещаю не принимать ванны. Хорошо?

— Был бы очень тебе благодарен.

Как и другие путники, Этиоль получал удовольствие от ходьбы. Впервые за много дней под ногами ощущалась не хлюпающая жижа, а твердая сухая земля.

Барханы стали укрупняться, их вершины росли с каждым часом и вскоре достигли сотни метров в высоту. Теперь было легче отыскать затененное, чуть более прохладное место, по которому и шагать было приятнее, тем более что здесь гуще росли кустарники и невысокие деревца.

Наряду со знакомыми кривыми деревьями с мелкими жесткими листьями и зеленого цвета корой Эхомба и его спутники приметили не встречавшиеся им прежде виды кактусов и другие диковинные растения. Некоторые обладали колючками, похожими на рыболовные крючки, другие обросли острыми частыми шипами, чем-то напоминавшими шевелюру ржавого оттенка. Спутники обходили их стороной, опасаясь порвать оболочку водяного пузыря. Эхомба по собственному опыту

знал, что подобные растения опасны не только своими режущими и колющими отростками, но порой содержат в себе яд.

Между тем весь день в небе кружили мелкие длинноклювые драконы. Они голосили так отчаянно, словно пытались докричаться до самых дальних собратьев. Вот где было раздолье этим неумелым летунам — горячий воздух, бурно и зримо поднимавшийся от земли, бил в перепончатые крылья и помогал удерживаться в воздухе.

Симна ибн Синд и Алита брели вслед за Эхомбой, иногда о чем-то говорили, иногда надолго замолкали.

Странная сложилась компания, подумал пастух. Никто из них не желал оказаться здесь. Я, Этиоль Эхомба, тоже не исключение. Разве плохо мне было в родной деревне, в кругу семьи? Алита наверняка предпочел бы общество других кошек, а Симне по душе шумные многолюдные поселения.

И все же все мы здесь. Я, например, потому, что дал слово умиравшему воину, с которым до того ни разу не встречался. Симну гонит жажда сокровищ и, более того, страсть овладеть искусством магии; воин уверен, что золото и умение колдовать помогут ему враз решить все его проблемы. А редчайшей породы хищник, царь вельда, идет с нами потому, что я имел неосторожность спасти ему жизнь.

Наверное, мне следует вернуться домой. Сейчас самый отел, а я брожу неизвестно где... Справится ли сынишка со стадом? Впереди осень, затем ветреная зима. Столько дел...

С Мираньей тоже сложности. Она никогда не попросит о помощи, такой уж у нее характер, будет колотиться в одиночку. У соседей своих забот полон рот. В чем-то подсобят, но всех-то дел не переделают. Конечно, до худого никто не допустит...

Первый раз в жизни Этиоль почувствовал гордость, что он родом из Наумкиба. Известно, как в других родах относились к тем, кто попадал в беду, — заботы и обещания помощи забывались в первую же неделю.

Еще ему остро не хватало моря! Это была грозная стихия, запросто катающая по своей спине многометровые валы, густо пахнувшая, безжалостная, постоянно воюющая с берегом... Он вспомнил запах соли и ту неизъяснимую искрометную смесь воды, солнца и ветра, которая кружила ему голову на самой кромке прибоя. Вдыхая тот воздух, он разом молодел на несколько лет. А здесь? Вездесущая пыль, проникающая в поры...

На ходу Эхомба ощупал карман, где хранил заветные камешки — память о родных краях.

В полдень эту неприветливую и бесплодную землю мучил невыносимый зной, ночи тоже не отличались гостеприимством. Трещали остывавшие камни, гулко и страшно выли на выкатившуюся из-за песчаных гор полную луну незримые твари. Дважды начинался дождь, однако облегчения этот горячий душ не принес, разве что путешественникам удалось пополнить запасы пресной воды.

Единственной отрадой было ясное осознание, что им везет. Продвигались ходко, без происшествий. Никто из троих не укололся о ядовитую колючку, не поранился, никто не свалился от жары.

Понятно, на сердце стало бы веселее, знай они, сколько еще предстоит топать по выжженной земле. Места здесь были не враждебные, но скучные, однообразные, каждый новый день практически ничем не отличался от предыдущего. Скоро приелось разглядывать необычные формы, которые принимали кактусы.

— Я что-то видел, — вдруг сказал Симна.

Следовавший за ним кот — голова опущена, язык высунут — недовольно рыкнул.

— Мы не слепые, все что-то видят. Стоит ли об этом кричать?

— Нет! — взволнованно возразил воин. Северянин остановился и, как козырьком, прикрыв глаза рукой, напряженно вглядывался вдаль. — Оно движется.

Эхомба подошел к товарищу, положил копье на землю и посмотрел в ту же сторону.

— Что ты там увидел? Может, кролика? Жареный кролик пришелся бы очень кстати.

— Что кролик, что крыса... — Кот облизнул пересохшие губы. — Я бы все слопал.

— Ты всегда горазд жрать, — ответил Эхомба, не глядя на зверя.

— Гуил свидетель, — горячо заявил Симна, — это не кролик! И не крыса.

— Тогда что?

— Не знаю. В той стороне что-то мелькнуло на мгновение и тут же исчезло.

— Интересная история, — прокомментировал его слова Алита. — Ему что-то мерещится, а мы смотри...

До вечера путники помалкивали, каждый таил тревогу в себе. К ночи выяснилось, что лагерь придется разбивать на открытом месте. Вокруг возвышались красноватые, с оранжевым отливом дюны.

Расположились путники на дне мелкого овражка. Алита в эту ночь вел себя спокойно, меньше раздражался, молча отправился на охоту на грызунов, которых тут же и сожрал. Подобная мелкая добыча вряд ли могла насытить его огромное тело, однако на этот раз он не стал жаловаться на отсутствие крупных травоядных.

Вскоре люди раскатали одеяла. Подстилкой им служила голая каменистая земля, однако это жесткое ложе было Этиолю куда более по сердцу, чем сырость и неистребимая грязь, которыми встретила их страна Летучей Воды. Пузырь значительно полегчал за время пути: каждый из него пил, и каждый по очереди тащил.

Ближе к полуночи над пустыней встала огромная разбухшая луна, словно обещая утомленным путникам спокойную, добрую ночь. Она неторопливо и важно шествовала по утыканному звездами небу. Двигалась и как бы приговаривала: не беспокойтесь, я с вами, рядом... Хорошо, что ночи светлые, подумал Этиоль. Если жара станет невыносимой, можно будет идти по ночам.

Он лежал на спине, заложив руки за голову, слушал бесконечный зуд насекомых и писк избежавших пасти Алиты грызунов. Привычные, навевающие воспоминания звуки. Интересно, чем сейчас занимается Миранья? Скорее всего легла спать и, как всегда, на левую сторону кровати, спиной к пустому холодному месту. Коленки поджала к животу, руки, сложив ладошками, подсунула под щеку. Совсем как ребенок...

Приятно ли спать одной? Мужчина, которому бы в самый раз устроиться рядом с ней, теперь отдыхал за тридевять земель, посреди пустыни, в какой-то забытой небесами расщелине, мечтая о жене... Может, и она в ту минуту вспоминала о нем...

Ничего, скоро вернусь, пообещал себе Этиоль. Дойду до большого портового города, переправлюсь через океан, от имени человека, умершего у меня на руках, разберусь с Химнетом — и сразу домой! Приду в Наумкиб если не увенчанный славой, которой я не ищу, то с осознанием исполненного долга, с верой в себя. С такой наградой не могут сравниться ни корона, ни генеральский чин.

Жди!

Он послал луне воздушный поцелуй и погрузился в крепкий спокойный сон с легкостью, недоступной королям и генералам.

XXI

Симна ибн Синд проснулся от холода. Поморгав, сладко зевнул и, повернувшись на левый бок, оглядел округу. Безупречной прозрачности серебристая тьма по-прежнему лежала в лощине, спрятанной между редкими скальными откосами. Света луны было вполне достаточно, чтобы читать. Симна, впрочем, никогда не уделял много времени чтению и втайне был доволен, что компания подобралась под стать ему. Алита, например. Несмотря на присущие кошкам умственные способности и острый язычок, его вряд ли можно было назвать книгочеем. То же самое относится и к Эхомбе. Необразованный пастух не производил впечатления ученого. Маг — да, не исключено, но не ученый. За все время их путешествия Этиоль ни разу не проявил тоски по печатному слову.

Симна едва не рассмеялся, вообразив, как Эхомба с книгой в руке пасет стадо. Пристроится на бугорке — в одной руке увесистый том, другой опирается на копье, — глотает страницу за страницей и почесывает босой подошвой голень... Копье вписывалось в этот образ, книга — нет. И хорошо. Симне ученые не нужны. Вечно они поглядывают свысока на простых честных тружеников.

В этот момент что-то сзади подтолкнуло его в правое бедро. Северянин вздрогнул. Неужели, пока он спал, к нему подобралась какая-нибудь прятавшаяся в дюнах тварь? Какой-нибудь огромный черный жук или одна из выскользнувших из лап Алиты крыс?.. Тут же прежний испуг пронзил тело. Насколько он помнил, в родных краях, где тоже хватало пустынных и укромных уголков, ночь не лучшее время для грызунов. В ночную пору на поиск добычи выползают другие охотники. Те, кто вооружен ядовитыми клыками или жалом.

Едва он двинул головой, как вновь почувствовал толчок, теперь более напоминавший укол. Симна замер, лихорадочно обдумывая, как быть: то ли удрать с этого места, то ли подождать — пусть само уйдет.

Чего он никак не мог предположить, что это *что-то* заглянет ему в глаза.

Рядом с собой он обнаружил миниатюрного воина в коричневой рубашке, сплетенной из грубого сизаля или из волокон подобного ему растения, и в таких же коротких, чуть ниже колен, штанишках. Незнакомец был коренаст и широк, ноги крепкие, толстые, как, впрочем, и руки, мускулис-

тые и непомерно длинные. Его голени и ступни были несоразмерно большими и ничем не прикрыты. В правой руке крошечный боец держал что-то похожее на дротик или пику. Грудь прикрывала украшенная узорами кожаная кираса, тускло поблескивающая в лунном свете.

Голова воина была заметно сплющена с боков и скорее напоминала яйцо, чем шар. В целом, складывалось впечатление, что на беднягу наступили и сплющили. Не красили его и широкий рот с тонкими губами, и оттопыренные уши, зато глубоко посаженные глаза светились умом. Из-под не по размеру большой вязаной шапочки торчали рыжие кудри.

Что-то лопоча на незнакомом Симне языке, незнакомец возбужденно размахивал копьем. Движения и тон воина говорили сами за себя. Симна молча сел на ложе и поднял вверх обе руки. Впрочем, страха он не испытывал — ведь храбрец, взявший его в плен, ростом был с ладонь.

Как только Симна подчинился, воин проворно подскочил к нему на своем скакуне. Восседал он на птице, каких северянин до сих пор не видывал. Бурого цвета, в крапинках, среди которых кое-где были видны и более крупные белые пятна, она имела непомерно длинный и широкий хвост, тонкий клюв и умненькие глазки.

Маленький человечек располагался в миниатюрном седле и управлял скакуном с помощью поводьев. Сбруя, уменьшенная до микроскопических размеров, поражала изяществом и тонкостью работы. На седле и в местах соединения тончайших кожаных ремешков поблескивали золотые бляшки. Вот на что еще обратил внимание заинтригованный Симна: сбруя так связывала птицу, что исключала всякую возможность полета. Очевидно, птица предпочитала бежать, а не летать.

— Все, сдаюсь. — Симна поднял руки еще выше. — Твоя взяла.

— Ах так! — воскликнул крошечный солдат. — Ты говоришь на *этом* языке!

Голос у него оказался не таким тихим и высоким, как ожидал Симна. Воин поднял копье, встал на стременах и громко заулюлюкал.

Когда Эхомба проснулся, в лагере уже хозяйничали по крайней мере четыре десятка миниатюрных всадников. Они с неуловимой скоростью, какую развивали их скаковые птицы, носились взад и вперед по дну лощины. Действовали решительно и бесстрашно — до той минуты, пока не проснулся Алита. Кот открыл глаза, широко зевнул и встал.

В следующее мгновение он с интересом обнаружил, что вокруг шныряет добыча. Его желтые глаза вспыхнули, словно две луны.

— Вот здорово! Полночная закуска!..

— Назад! Все назад! — закричал товарищам воин, разбудивший Симну.

Ввиду наблюдаемого отступления северянин счел возможным опустить руки. Их и с самого-то начала не стоило поднимать, а тут еще и плечи заныли.

Выпростав ноги из-под одеяла, Эхомба сел и принялся разглядывать незваных гостей. Отнесся он к ним с тем же уважением, которое заслуживал эскадрон полноразмерных, вооруженных мужчин.

— Рад вас приветствовать. Меня зовут Этиоль Эхомба. Рядом со мной мои товарищи, мы идем на север, на побережье. Человек — могучий воин Симна ибн Синд, а царственного зверя зовут Алита. — Пастух неодобрительно глянул в сторону кота, который начал откровенно пускать слюну. — Закрой пасть. Поедать гостей неприемлемо ни при каких условиях.

Кот что-то неодобрительно проворчал, однако втянул язык и снова улегся.

Паника, охватившая крошечных воинов, понемногу спала. К Эхомбе подскочил тот самый храбрец, который разбудил Симну.

— Я — Лозви, сын патриарха Росаджина. Сам я родом из свиков, людей песка.

Тут он внезапно посуровел, его ушки изогнулись вперед, голос заметно погрубел и стал вызывающим.

— Откуда ты, незнакомец, не шпион ли Дюнауэйка?

Пастух и северянин обменялись взглядами, только Алита никак не прореагировал на этот вопрос. Кот даже закрыл глаза, демонстрируя полнейшую скуку. Затем Эхомба перевел взгляд на собеседника. Его скакун увлеченно долбил клювом сплетенную из кожаных ремешков сандалию Этиоля.

— Кто такие дюнауэйки?

— Не дюнауэйки, а Дюнауэйк. Очень не хотелось бы думать, что их может быть несколько.

В свете луны кроха различался отчетливо и до самых мелочей.

— Дюнауэйк — это ужас, живой воплощенный ужас, способный появляться то там, то здесь. На свете много всяких страхов и прочей гадости, но Дюнауэйку равных нет. Его не вызовешь на бой, с ним не сразишься. Все, что нам дано, это вовремя убраться с его дороги. Вам тоже лучше поскорее освободить ему путь, или вам не поздоровится. Даже с такими великанами, как вы, он расправится в два счета — с

такой же легкостью, как я могу раздавить сладкого муравья. Вот почему мы вынуждены постоянно находиться в движении. Это тяжело, но у нас нет выбора. Те, кто менее искусен и проворен, чем мы, по прихоти несправедливой судьбы становятся его жертвами.

Лозви выпрямился, даже привстал на стременах, затем добавил:

— Пока он нас не настиг — мы, свики, быстрый народ. Мы бы с ним сражались, но копья и стрелы для Дюнауэйка все равно что капли дождя. Нам бы что-нибудь посильнее...

— Более длинные копья и толстые стрелы? — подал голос Симна.

Лозви зловеще сузил глаза, и Эхомба поспешил разрядить обстановку.

— Прости моего друга. Мускулы и воля у него крепче, чем воображение. Так в чем вы нуждаетесь, чтобы одолеть Дюнауэйка?

— В магии, — тут же ответил Лозви. — В вашем колдовстве.

Эхомба мигнул.

— У нас нет магии. Я — пастух, мои друзья — простые странники...

Этиоль заметил, что Симна смотрит на него не менее внимательно, чем Лозви.

— Нет магии? — недоверчиво спросил коротышка. — Тогда как ты объяснишь вот это?

Он указал на плавающий в воздухе пузырь с водой.

Эхомба улыбнулся.

— Мы тут ни при чем. Подобное чудо мы не способны создать и не способны даже объяснить. Таких резервуаров целое множество в землях на юге, и мы захватили один с собой, чтобы обеспечить себя питьем в ваших засушливых краях. Вы тоже можете так поступить.

— Ты сказал, на юге? Выходит, вы явились издалека, из тех мест, откуда когда-то пришел народ свиков. Путь на родину нам перекрыл Дюнауэйк... — Лозви на мгновение примолк. — Значит, вы не колдуны? Что-то не верится. Полагаю, вы куда более сильные маги, чем кажетесь.

Огорченный Эхомба покачал головой.

— Я и сам был бы не прочь, если бы ты оказался прав. Порой магия очень даже полезна.

Лозви повернулся в седле и что-то коротко приказал людям из своего отряда, затем вновь обратился к Эхомбе:

— Похоже, мы еще встретимся. Может, в следующий раз ты будешь более откровенен.

— Мне нечего скрывать, — заверил его Эхомба.

— Ладно. Я гляжу, вы путешествуете налегке? Хотите, угостим настоящей горячей пищей?

— Хвала Гуквине, это было бы недурно! — воскликнул Симна.

Эхомба укоризненно посмотрел на товарища.

— Оглянись вокруг, обрати внимание, как бедны окрестности, как невелики размерами эти люди. Откуда у них столько еды, чтобы без ущерба для себя поделиться с пришельцами-великанами?

— Напротив, — гордо возразил Лозви, — у нас большие запасы. Нехватки еды мы не испытываем и рады гостям. Если с магией не вышло, вдруг дадите нам добрый совет. Вы же пришли издалека, много повидали, вот и поможете нам разобраться что к чему. — Он протянул руку и указал на северо-восток. — Тут недалеко. Я клянусь, что в нашем замке вам будет теплее и удобнее, чем в этой ложбине.

Эхомба знаком подозвал Симну.

— Ну, что думаешь? — спросил пастух.

— Много вкусной еды, приглашение в гости... Даже если они замыслили предательство, мозги у них такие же маленькие, как и руки. В случае чего мы с тобой одолеем целую армию, а Алита так вообще передавит их в свое удовольствие. Но мне не верится, что эти гномы лелеют недобрые намерения. Их предложение искренне, а уж советами мы всегда сумеем расплатиться.

Эхомба кивнул и повернулся к предводителю свиков:

— Мы согласны. Подождите немного, пока мы соберемся.

— Отлично! — воскликнул Лозви.

Скаковая птица под ним начала быстро перебирать ногами, чтобы сохранить равновесие. Наконец успокоив скакуна, воин с гордостью добавил:

— Где бы вам ни пришлось побывать, что бы с вами ни случилось, вы всегда будете помнить гостеприимство народа свиков.

Пока путешественники складывали вещи, всадники терпеливо ждали, хотя некоторые разбрелись по дюнам в поисках съедобных насекомых и растений. Впрочем, Эхомба и Симна собрались за несколько минут, а Алита, понятное дело, всегда был готов.

Скоро отряд и путники двинулись в путь. Шли по открывшемуся узкому ущелью. Сначала люди и левгеп старались умерить шаг, чтобы дать маленьким воинам возможность следовать рядом. То-то они удивились, когда обнаружили, что сами с трудом поспевают за крохами, ловко управлявшимися со своими бегающими птицами. Свики мчались с такой скоростью, что люди едва успевали бросать взгляды по сторонам. Цепочка верховых свиков все дальше и дальше забиралась в глубокий каньон, потом отряд свернул в теснину, служившую руслом бурному потоку, что сотрясал когда-то эти пустынные неприветливые места. Каменистые откосы здесь перемежались песчаными склонами, уходящая на покой луна заливала местность призрачным прощальным светом.

Симна с тревогой посматривал по сторонам — здесь, в глубине ущелья, и свики сбавили ход.

— Все эти скалы и дюны похожи друг на друга как две капли воды. Как же мы найдем путь назад, к главному каньону?

— Почему ты решил, что та лощина, в которой мы разбили лагерь, — главный каньон? Еще день или два пути, и она тоже могла бы сузиться до размеров этого прохода. — Эхомба бросил взгляд на заметно посветлевшее небо. — В любом случае пока мы идем в северном направлении.

Симна с тревогой обозрел нависавшие вокруг скалы, между которыми недвижимой массой лежали языки песка.

— Не отсюда ли родом этот самый Дюнауэйк?..

— Остынь, дружок, — посоветовал ему Эхомба. — Вряд ли нас вот так с ходу заманивают в ловушку. Думаю, свики, как обещали, ведут нас к себе.

Симна продолжал водить глазами по сторонам.

— Послушай, они вели речь о замке, а я ничего вокруг не вижу: ни стен, ни хижин.

Местность не изменилась и в тот момент, когда трубач протрубил остановку.

Лозви подскакал к людям.

— Вот мы и прибыли, — объявил он. — Добро пожаловать в наш замок!

Вокруг не было ничего напоминавшего жилье, только камни, да по гребню ближайшего откоса шла рваная линия кустарника, четко вырисовавшаяся на фоне светлеющего неба.

— Ты сказал «замок», брат? — Симна устал и был не в настроении для шуток. — Не вижу никакого замка. Даже завалявшейся лачуги не вижу.

— Давайте обогнем вот этот песчаный язык. — Лозви не обратил внимания на сарказм, прозвучавший в словах северянина, и учтиво предложил следовать за ним. Слева, крыло к крылу, выстроился восседавший на птицах отряд. Воины приветствовали гостей взмахами копий. Путешественники отвечали им взмахами рук — кроме Алиты, шествовавшего с царственной важностью и невозмутимостью.

Вход в подземный дворец свиков оказался больше, чем могли представить себе люди. Это была огромная дыра, странным образом проделанная в дюне. Загадкой казался тот факт, что песок до сих пор ее не засыпал. Правда, в тусклых предутренних сумерках детали устройства прохода не различались. Так или иначе, свики явно владели строительным искусством, если им удалось так естественно врезать широкий проход в гору сыпучего материала. Причем вход в глубине был перекрыт широкими створками, которые при приближении отряда сами собой отъехали.

Симна, не скрывавший изумления, по-прежнему вертел головой и наконец обратился к Лозви:

— Был не прав. Признаю. Это самый настоящий замок.

— Прошу, — пригласил вмиг заулыбавшийся воин.

Далее ход той же высоты и ширины (люди и даже Алита шли здесь совершенно свободно, не сгибаясь) повел их в самые недра горы. Разве что Эхомбе приходилось время от времени наклонять голову, чтобы не задеть макушкой за выступы на неровном потолке. Этиоль с тревогой подумал о многих тоннах песка, давивших сверху, и внимательно изучил материал, из которого были сложены стены и потолок. На первый взгляд, обыкновенный песок, однако здесь он был сцеплен в отдельные гранулы. Вообще, подземный туннель не производил впечатления хлипкого, ненадежного сооружения — стены и потолок обладали крепостью гранита.

Вскоре впереди зазвучал нестройный гул, сверкнули отблески света. Лозви расправил плечи и принял гордую осанку.

— Выше головы! Подтянуться!

Его солдаты тут же исполнили приказ. Лозви повернулся к гостям и объяснил:

— Мы прибыли в Баррик. Город просыпается.

— Рад слышать, — проворчал в ответ Симна. — Лично я с удовольствием сейчас поспал бы.

Алита, до того момента помалкивавший, рыкнул:

— Тебе бы только на бок завалиться! А обо мне подумал? Я всю ночь спешил неизвестно куда, чтобы меня

угощали бобами и ягодами? Взять бы пару-другую этих самых свиков, подцепить когтем да...

— Алита!.. — оборвал его Эхомба. — Не забывай, мы в гостях. Веди себя достойно.

— Это тебя, тебя касается! — подтвердил Симна в ответ на недобрый взгляд зверя. — Я, конечно, не силен в этикете, но даже мне ясно, что обедать надо с хозяевами, а не хозяевами.

— Но я голоден! — уже громче рыкнул кот. Огромный зверь даже не пытался скрыть неудовольствие.

В следующее мгновение всякие разговоры прекратились — туннель сделал резкий поворот налево, и путешественники вышли наконец к самому замку. Сомнения, тревоги, сарказм, чувство голода исчезли — осталась оторопь.

Вместо ожидаемых Симной шатров перед путниками то ли в лучах встающего солнца, то ли в искусственном золотистом, падающем сверху свете возвышался настоящий замок. Его и на поверхности земли сочли бы чудом, а здесь, в глубине подземелья, он казался волшебным миражом. Предмостные укрепления с целым рядом рвов и земляных валов, высокие стены, крепостные башни, тонкие иглы минаретов — все сооружения стройно и гармонично стремились вверх. Справа, вдоль дороги, виднелись приземистые постройки, по-видимому, конюшни. Там вовсю кипела работа: коротышки-конюхи водили в поводу скаковых птиц, слуги запрягали тягловых пернатых в маленькие сани, кое-где повозки уже двинулись в путь; в кузнях раздавался перестук молоточков, и белый дым тонкими струйками уплывал под своды пещеры.

Удивительно — сам город, окруженный главной стеной, был невелик, но ворота и улицы оказались вполне пригодны для прохода людей-великанов. Симна быстро освоился с обстановкой и, не скрывая изумления, глазел по сторонам, при этом он часто позевывал.

Жители высыпали на улицы, чтобы посмотреть на невиданных гостей. Некоторые так и лезли под лапы исполинскому коту, и Эхомба с тревогой поглядывал на четвероногого друга — хватит ли у того выдержки и чувства собственного достоинства? Над городом вставали струйки дымов — наверное, хозяйки начинали разводить огонь в домашних очагах. Дым скапливался под куполом, накрывавшем огромную пещеру, и на глазах рассасывался — очевидно, в куполе были проделаны специальные вентиляционные отверстия.

Кое-где виднелись загоны, в которых держали домашних животных: мышей, крыс, ящериц и змей. Вок-

руг города располагались дубильни и бойни, а также фермы, где выращивали съедобные грибы. Ближе к центру города Эхомба разглядел детские сады и школы, ремесленные мастерские и жилые дома.

Люди потеряли дар речи, наблюдая за жизнью необычных существ, поселившихся в таком необычном месте. Даже Алита примолк и перестал каждый раз напоминать о своем голодном желудке. Рассчитывая попасть в какое-нибудь дикое поселение, путники обнаружили, что оказались в самом настоящем городе с многочисленным населением.

По пути Эхомба, с высоты своего роста свободно обозревавший городские кварталы и окрестности, скоро обнаружил, что при избытке света ему не удается разглядеть дальнюю оконечность пещеры. Вероятно, она простиралась далеко в глубь песчаной горы. Вот еще какая особенность бросилась ему в глаза: каждый квартал, каждый дом представлял собой укрепленный бастион. Постройки были украшены флагами, яркими полотнищами и цветами. Несмотря на малый рост местных жителей, город был построен с размахом.

Пастух грустно улыбнулся, вспомнив о своих детях — Нелетче и Даки. Уж они-то были бы счастливы побывать в этом городе-сказке. Кто лучше детей способен оценить великолепие песочного замка?

XXII

Город и все окружающее пространство являлись плодом неустанных трудов маленьких человечков. Там и тут работали бригады строителей, которые под руководством инженеров возводили крепостную стену, упиравшуюся в купол, постоянно подновляли сам купол, другие строения в пределах городской черты, работали в окрестностях. Собственно, работали прирученные слизни и улитки, а мастера управляли их действиями.

Повсюду, где проползли эти брюхоногие строители, оставался клейкий след. Свики следовали за улитками и слизнями на больших, с полруки, ящерицах-гекконах и длинными широкими щетками тщательно разравнивали слой клея. Эхомба поднял голову и обнаружил бригаду, работавшую на потолке пещеры. Свики висели вниз головами; подобная поза, по-видимому, нисколько не затрудняла их действия.

Скоро гости подошли к участку крепостной стены. Симна не удержался и попробовал кладку на прочность. Оказалось, что даже у такого великана, как он, не хватало сил, чтобы разрушить сцементированный песок, поблескивающий в золотистом свете.

Наблюдавший за ним Лозви охотно предложил:

— Смелее, смелее! Изо всех сил!

Симна надавил пальцем, затем ладонью — лицо его начало наливаться краской, — наконец толкнул плечом. Стена даже не шелохнулась.

— Можешь взобраться на нее, — гордо добавил Лозви. — Свики строят на века!

Процессия дошла до центрального городского квартала. Мостовая под ногами была подобна бесконечной книжной странице, покрытой замысловатыми письменами: затейливые, напоминавшие тайные знаки цветастые пятна лежали на прочнейшем, созданном из песка покрытии. Затем вся группа вышла на центральную площадь. Вокруг площади стояли многоэтажные дома, между ними и на их крышах возвышались цилиндрические башни и шпили; некоторые были настолько высоки, что взобравшиеся туда свики удивленно смотрели на Эхомбу сверху вниз.

От самой высокой иглы до купола оставалось еще с десяток метров, так что ни пастух, ни северянин не чувствовали давящей тяжести потолка или стесненности внутреннего пространства.

Между тем площадь быстро заполнялась жителями. Отряд, прибывший с путешественниками, скрылся в правых, выходивших на центральную площадь, воротах внутреннего кремля. Только Лозви остался с гостями. Он ехал возле ног Эхомбы и время от времени салютовал собиравшейся толпе копьем.

Когда процессия остановилась на площади, воин сказал, обращаясь к Эхомбе:

— Мне необходимо объявить о вашем прибытии избранным, после чего вам устроят достойный прием.

Он повернул птицу и мгновенно умчался.

Путешественникам ничего не оставалось, как ждать. Алита сделал три круга по площади, прежде чем улегся у ног Эхомбы. Северянин, с ленцой разглядывавший собравшуюся толпу маленьких, с длинными мохнатыми ушами существ, не поворачивая головы, прошептал:

— Интересно, что он имел в виду, говоря о «достойном приеме»?

— Угощение, конечно. — Эхомба повернулся и серьезно посмотрел на товарища. — По-моему, ты говорил, что эти люди для нас совершенно не опасны.

— Снаружи, брат, снаружи. — Симна обвел взглядом стены искусственной пещеры. — Здесь мы как в западне. Если вдруг они решат, что мы враги, нам туго придется. Народ, который овладел искусством верховой езды на птицах и сумел приспособить слизней к строительным работам, способен очень удивить каких угодно великанов.

— Ты чересчур подозрителен, — тихонько рассмеялся Этиоль.

— И потому до сих пор живой.

— И очень шумный. — Алита с удовольствием потянулся. — Помолчал бы немного, а?

— Слушай, длинный братишка, почему бы тебе самому не заткнуться!.. — вспылил Симна.

В это время на площадь прискакал Лозви, и северянин оборвал фразу.

— Не так уж ты долго отсутствовал. — Эхомба приветствовал командира конного отряда.

— Приготовления к встрече, как мы и договаривались, сейчас будут закончены. Вас, друзья мои, ждет угощение. Куски, конечно, покажутся маловаты, зато их будет вдоволь.

Завтрак был доставлен на специально приспособленных для передвижения по песку санях. Их тащили попарно впряженные птицы. Бесконечный караван растянулся по всей площади. Эхомба удивлялся, как свики ухитрялись сохранять в свежем состоянии такое количество еды. Тут еще Лозви повторил утверждение, что обильное заимствование продуктов не нанесет никакого ущерба городским запасам.

В огромных, по понятиям свиков, блюдах, напоминающих людские вазочки для варенья, были с горкой насыпаны ягоды и орехи, а также кусочки дынь и с дюжину по-разному приготовленных грибов. Было мясо, о происхождении которого Симна предпочитал не задумываться. Были зажаренные в масле насекомые и даже кусочки хрустящего хлеба, выпеченного из зерен диковинных растений. После диеты из антилоп и печенной в земле рыбы разнообразные яства поражали изысканностью.

Народ песка сполна выполнил обещание, данное одним из его представителей. Когда на площадь вывезли миниатюрные кружки с домашним пивом, Симна впал в такое воодушевление, что хоть сейчас был готов записаться в число граждан удивительного города.

— А не такое уж плохое местечко этот Баррик!.. Если прорезать несколько окон в куполе, человек вполне может здесь прижиться.

— Они-то хотели спрятаться от опасности, а не смотреть на нее, — отозвался Эхомба. — Он окинул взглядом нескончаемую череду саней, ожидавших своей очереди. — У меня глаза слипаются. Нехорошо, если мы заснем все разом. Кому-то надо бы посторожить.

Симна опрокинул очередную кружку пива, осоловело поморгал и икнул.

— Что за глупые подозрения! Ты же сам сказал, что доверяешь этим карликам.

— Доверять-то я доверяю, но до определенного предела. В незнакомом месте среди неизвестного племени лучше держать ухо востро. Хотя бы в первое время.

— Да, Этиоль, похоже, ты все-таки смышленее, чем твои овцы! — засмеялся Симна.

— Спите спокойно. — Оба человека посмотрели на Алиту, растянувшегося на площади с закрытыми глазами. — Не беспокойтесь. Мы, кошки, спим подолгу, но сон наш легок. Шаги добычи или крадущуюся поступь врага мы сразу приметим. Можете мне довериться. Если наши хозяева окажутся двуличными, нас они врасплох не застанут.

— Удивительно, — пробормотал Симна.

Один желтый глаз приоткрылся.

— Что тебе удивительно? Что у нас такой легкий сон?

— Нет, что ты использовал слово «двуличные», — ответил северянин. — Между прочим, что оно значит?

— Это когда говорят одно, а делают другое. — Глаз закрылся. — Заткнись и спи.

— Да, пожалуй. — Симна лег и оказался лицом к куполу. — Скажи, Этиоль, сейчас день или ночь?

Однако пастух, никогда не тративший времени попусту, уже крепко спал.

Утром гостей провели в другую часть подземного города-крепости, чтобы показать, каким образом свики расширяют свое жизненное пространство. Центром всех строительных работ, откуда с помощью птиц и ящериц вывозилась большая часть песка, являлся огороженный участок у основания купола. Там была сосредоточена небольшая группа мастеров и инженеров, которых, собственно, и обслуживали остальные службы.

— Поразительно, — сказал Эхомба, — как вам удалось построить все это? Вот вы копаете — но ведь в это место должен постоянно засыпать песок!

— Здесь производится расширение малого служебного тунеля, — объяснил Лозви. — А как и с помощью чего, сейчас увидите.

Между тем группа свиков, трудившаяся у основания купола, выстроилась у входа в прокладываемый туннель. Бригадир поднял руку, затем резко опустил ее, и неожиданно все рабочие-свики, входившие в группу, слаженно и мощно запели. Голоса у них были сильные, высокие. Хор взял единую, могуче зазвучавшую ноту.

В следующее мгновение путешественники с удивлением обнаружили, что песок в устье туннеля начал исчезать. В этом Эхомба убедился лично, наклонившись поближе к строительной площадке. Впрочем, нет, не исчезал — песок превращался в мельчайшую пыль и вылетал из дыры с неимоверной скоростью, словно там орудовали невидимой лопатой. По мере пения туннель заметно удлинялся и расширялся; другие рабочие направили туда слизняков, которые сразу начали цементировать стенки, потолок и пол подземного коридора.

Хор тем временем тоже продвигался вперед, и звучала все та же высокая пронзительная нота. В родной деревне Этиоль считался лучшим певцом, но куда ему было до маленького народца!.. Здесь сказывался не только природный талант, но и многолетнее обучение.

— Куда вы вывозите песок? — спросил Эхомба хозяина.

Симна неодобрительно глянул на товарища и покачал головой.

— Ну какая разница? Неужели нельзя обойтись без постоянных вопросов? Или ты должен все знать? Ты представляешь, как это действует на окружающих?

— Ничего не могу с собой сделать, — признался пастух.

Лозви проигнорировал спор, возникший между людьми.

— Песок из подземного коридора никуда не вывозится. Приглядитесь, песчинки все на месте — удаляется воздух между ними. Когда-нибудь обращали внимание, с каким шумом катится песок с дюны?

Эхомба кивнул, Симна, в свою очередь, энергично и отрицательно покачал головой. Алита всем своим видом демонстрировал глубочайшее безразличие.

— Этот рев, — объяснил Лозви, — вызван движением воздуха, находящегося между частицами песка. Наше

пение выталкивает воздух прочь, а оставшийся песок спрессовывается. Таким образом, не просто освобождается место, но и стабилизируется песок. Потом пускают строительных животных, которые покрывают уплотненный слой клейким составом.

— Смахивает на магию, — заметил Симна.

— Отнюдь, — возразил Лозви. — Просто звуковая инженерия, в полном смысле этого слова.

— Замечательно! — с восхищением произнес Эхомба. — А как насчет других чудес, созданных мастерами народа свиков?

— Пойдемте, — пригласил Лозви.

Гостям показали огромные, расположенные в недрах горы склады, подземные фермы, где выращивались грибы, мастерские по производству изделий из кожи и других материалов, глубокие колодцы, которые в достатке снабжали жителей чистой и холодной водой... Еще ниже помещались подземные бассейны, конюшни, загоны для домашних животных. Особые фильтры были встроены в подземные туннели, откуда выкачивалось черное масло — им свики заправляли лампы и смазывали часы.

— В нашей стране полным-полно этого масла, — сообщил Лозви. — Мне кажется, что его хватило бы на все лампы в мире.

Эхомба поморщился.

— Пахнет неприятно. И пачкается!.. Нет, по мне лучше дрова.

Симна решил показать, что и он кое-что соображает.

— Эта дрянь ни на что другое и не годится. Я бы сказал так: берите сколько вам надо для ламп, а остальное пусть будет в земле.

Лозви засмеялся.

— Мы так и поступаем. Очень скоро вы увидите другие наши достопримечательности. А пока... Что-то я проголодался.

Симна радостно потер руки.

— Никогда бы не подумал, что можно разжиреть на таких маленьких порциях, однако вы, свики, убедили меня в обратном. Готовите вы не хуже, чем поете.

В середине дня, когда путешественники плотно пообедали, на площади вновь появился Лозви. С ним пришли полдюжины пожилых, роскошно одетых свиков. У всех были длинные седые усы, кончики которых свешивались до подбородков, однако никто из благородных свиков не мог похвастать даже скудной бороденкой. Среди них находились и две

пожилые женщины — их жидкие седые гривы, закручиваясь, опускались на плечи. Все были одеты в длинные, касающиеся земли одежды.

Старейшин сопровождал только Лозви. Как оказалось, он единственный умел объясняться на человеческом языке. В этот момент Эхомба задумался: а что, если появление коротышек на ночной стоянке в ущелье являлось частью хорошо продуманного плана? Трудно предположить, что Лозви без всякого разрешения сверху посмел бы привести в подземную крепость чужестранцев, представлявших из-за своих размеров явную опасность для города. Лозви не производил впечатление человека безрассудного, готового действовать сгоряча. Расчет в этом приглашении, безусловно, есть, но в чем он заключается?

— Перед вами представители Совета старейшин, — заявил Лозви.

Почтенные свики тут же поклонились до земли.

— Поскольку я оказался первым среди свиков, кто встретил вас, меня попросили обратиться к вам за помощью.

Симна потянулся к уху Эхомбы — тому пришлось чуть склонить голову — и прошептал:

— Чуешь, чем пахнет? Все эти изъявления дружбы имеют свою цену!

— Тихо! — прервал его Эхомба. — Сначала давай выясним, чего от нас хотят. — Затем он обратился к пришедшим: — Какого рода помощь вы ожидаете?

Лозви внезапно посуровел, выставил вперед ногу и еще громче заявил:

— Мы хотим, чтобы вы сразились с Дюнауэйком!

— Я так и знал! — в сердцах бросил Симна и осторожно поставил на площадь маленькую кружку пива.

Эхомба, как всегда, остался невозмутим.

— Помнится, ты, Лозви, упомянул, что для победы над подобным существом необходимо применить магию. Я предупреждал тебя еще там, на ночной стоянке, что я не колдун и никаких магических секретов не знаю. С тех пор ничего не изменилось.

Лозви начала изменять выдержка.

— Когда я говорил, что народ песка ждет от вас помощи, я говорил правду. Беда в том, что Дюнауэйк очень близко, и с каждым днем подбирается все ближе. Вы сами видите, сколько усилий приложил наш народ, чтобы обустроить эту безрадостную округу. Могли ли вы вообразить, что люди наших размеров способны возвести все это? — Он обвел рукой городские стены и строения.

Эхомба кивнул:

— Пожалуй, да.

— Я рассказывал вам — там, в лагере, — что мы не можем вступить в схватку с Дюнауэйком. Единственное наше спасение в том, чтобы попытаться опередить его. — Лозви сделал паузу, затем еще более громко, даже с каким-то надрывом продолжил: — Как вы думаете, сколько раз нам приходилось менять местожительство? Сколько раз приходилось начинать заново, на девственной дюне?

Никто из путешественников не ответил, тогда Лозви ответил сам.

— Замок, в котором вы сейчас находитесь, уже сорок пятый. Сорок четыре раза мы вынуждены были спешно сниматься с места, находить подходящую гору и упорно трудиться, чтобы вновь построить такую красоту. На сорок пятый нам повстречались вы. Разве могли мы упустить такой случай?

Эхомба на миг представил себе долгий, полный страхов и безнадежности путь, который проделал этот трудолюбивый и добрый народец. Кочевье по стране, где даже ему и его спутникам барханы представлялись горами — что уж говорить о свиках! — было трудным и безнадежным предприятием. Бесконечный поход в никуда, только для того, чтобы спасти свои жизни, — подобная перспектива могла ввергнуть в отчаяние любое разумное существо.

Он оглядел удивительные, поражающие изяществом и тонким вкусом башни, прочные красивые дома, крепостные укрепления... Все это великолепие было изготовлено из обычного песка и теперь более походило на одну из многочисленных гробниц, которые народ свиков так часто возводил во время своих мытарств. Этиоль представил, что останется от этой красоты, когда сюда нагрянет Дюнауэйк, и ничего, кроме руин, сожженных домов, крошечных трупов детей и женщин, вообразить не мог.

Он присел на корточки и обратился к Лозви:

— Прошу прощения, но помочь мы вам не можем.

Симна сперва испугался, затем почувствовал облегчение, хотя ожидал от товарища совсем иного ответа. Алита за спиной у людей перевернулся на спину и фыркнул.

— В лагере вы обещали по крайней мере попытаться дать нам добрый совет.

Эхомба пожал плечами.

— Да, я так и выразился: «попытаемся». Я тогда не знал, что ответить. Ты упорно настаивал, что для победы над Дюнауэйком без колдовства не обойтись. Я ответил, что

ни я, ни мои друзья не имеют никакого отношения к магии. К сожалению, мы и совета дать не можем. О чем вести речь, если мы даже не знаем, что представляет собой этот Дюнауэйк. Поверь, мне близки страдания твоего народа. Я и мои друзья умеем сражаться с людьми, в силах одолеть любого зверя и даже, если повезет, способны совладать с дикой природой, но не с Дюнауэйком. Я никогда не видел его, никогда ничего не слышал о подобном чудище.

— А если вам удастся взглянуть на него, вы измените свое решение? — не сдавался Лозви.

— Вряд ли, — ответил Эхомба. — Если оно так опасно, как вы утверждаете, и мы бездумно, не зная, в чем его сила, вступим в бой, мы скорее всего погибнем. А мне погибать нельзя. У меня есть священный долг, семья, по которой я страшно скучаю...

— И товарищи, — быстро добавил Симна.

— Да, и товарищи. — Эхомба тяжело вздохнул. — Так что прости, Лозви, мне искренне жаль твой народ. Хорошо, что вы привыкли перебираться с места на место.

— От раза к разу легче не становится, — ответил Лозви. — Ладно, коли вы ничем помочь не можете, что тут поделаешь. Старейшины передадут ваш ответ Совету.

Благородные старики, стоявшие у него за спиной, вновь поклонились.

— Не будем вам мешать. Заканчивайте еду.

Этим путешественники и занялись: Алита ел тихо, скромно, прикрыв пищу лапами, повеселевший Симна — беззаботно и с прежним аппетитом, Эхомба, может, и не совсем беззаботно, но со смирением — он не мог изменить мир, да и не хотел.

Если хозяева и затаили чувство обиды по отношению к гостям, то никак этого не показали. Даже Лозви. Остаток дня путешественники провели, осматривая восточные районы города, где тоже было немало интересного. Проводником по-прежнему выступал Лозви. Оказалось, что свики — древний и культурный народ, малоизвестный из-за своего скрытного образа жизни.

— Во всех пустынях, разбросанных по миру, живут наши дальние родственники. Тоже в дюнах, тоже подальше от глаз больших людей, — объяснял Лозви. — Так что никто из вашего рода великанов никогда не слыхал о нашем существовании. Разве что встречают порой следы на песке, но это следы животных и птиц, которых мы используем.

— Вы очень изобретательный народ, — уважительно заявил Эхомба.

— Да, — с гордостью кивнул Лозви. — Наши земли всегда были свободны от любых проявлений зла, кроме вторжений Дюнауэйка, но, боюсь, что бесконечно так продолжаться не может.

— Почему? — безразлично спросил Симна.

Лозви взглянул на него и серьезно ответил:

— Большие люди, люди-великаны, почему-то страстно полюбили освещение. Они завели себе столько ламп, что рыщут по всем пустыням в поисках нашего масла, а когда находят его, качают в таких количествах, что недра быстро пустеют. Боюсь, наступит день, когда они явятся и на ту дюну, где будет построен новый город, и переворотят там все вверх дном.

Эхомба взглянул на потолок.

— Вряд ли они придут сюда. Эти земли слишком далеки и слишком бесплодны.

— Надеюсь, ты прав, друг мой, — вздохнул Лозви. — С сожалением могу признать, что ты не маг, каким мы тебя считали... Вам пора отправляться в путь. Что ж, по крайней мере вы могли убедиться в гостеприимстве нашего народа.

Эхомба отвесил ему поклон.

— Память о вашем народе навсегда сохранится в наших сердцах.

— Я тоже буду вспоминать о тебе, Этиоль Эхомба.

Крошечный воин выдавил улыбку. Учитывая ширину его рта, улыбка едва не расколола лицо пополам.

— Завтра утром мои люди выведут вас наружу. Мы покажем короткую дорогу к северному побережью. Здесь есть глубокое и узкое ущелье, которое прорезает всю пустыню с юга на север. Следуйте по нему и скоро окажетесь в стране зеленых деревьев и бегущей воды.

— Как далеко отсюда до ближайшей реки и морского порта? — спросил Эхомба.

— На этот вопрос я не отвечу. Мы, свики, предпочитаем удаленные и пустынные уголки, где можно жить так, как нам хочется. К сожалению, не все высокие люди добры к тем, кто меньше их. Не знаю почему, но им нравится причинять вред слабейшим. Поэтому лучше вам забыть о нашем существовании.

— Что поделаешь, в мире полным-полно всяких задир и хвастунов, — согласился Эхомба. — Мне понятно ваше желание жить уединенно. Когда люди начинают заводить ссоры из-за пустяков, я сам предпочитаю общество овец.

— Итак, до завтра. Спите спокойно, друзья.

XXIII

Путешественники проснулись свежими и отдохнувшими. Теперь они были готовы продолжать путь на север. После прощального, такого же обильного угощения Лозви со своим отрядом повел гостей к выходу.

Лучи восходящего солнца больно ударили людей по глазам. Пришлось отступить в глубь пещеры, в полумрак, и там подождать полчаса.

Они не могли пожать на прощание руки, как было принято на родине Симны ибн Синда, не могли и коснуться друг друга лбами — этим жестом при расставании обменивались жители Наумкиба. Не удалось им и облизать родные морды, как принято в кошачьем роду. Лозви просто поднял руку в прощальном приветствии, затем воины повернули пернатых скакунов и умчались по направлению к пещере, где скрывался изумительный по красоте, разумно обустроенный и обихоженный мир народа песка.

Расстались они после того, как колонна обогнула подножие дюны и вошла в устье узкой промоины. Проводив взглядами свиков, отмахав руками и лапой, трое путешественников, руководствуясь миниатюрным, нацарапанным на камешке планом, углубились в промоину и двинулись на север. Туда вели три узких ущелья, служивших весной руслом для быстрых потоков. Лозви указал на тот, который лежал посередине, пояснив, что если следовать по этой узкой извилистой лощине — путь, конечно, был трудный, — то в конце концов она выведет в страну зеленых трав и бегущей воды. Там отыскать подходящий порт уже не составит труда.

Трудности пути, обещанные Лозви, оказались преувеличением. Узкое русло действительно мало напоминало торную дорогу, однако идти здесь, часто прячась в тени отвесных скал, было несравненно легче, чем тащиться напрямую по пескам. К полудню на ослепительном небе начали собираться облака. Скоро безжалостное солнце оказалось прикрытым плотным тучевым пологом. Этого оказалось достаточно, чтобы Симна пришел в хорошее настроение. Путь предстоял длинный, но не тяжелый, воды было вдоволь, жара заметно спала — глядишь, и дождик смочит округу. Груз свой он приспособил повыше, чтобы вещевой мешок закрывал голову от прямых солнечных лучей. Чем не рай?

Он не стерпел и ткнул кота в бок.

— А в Баррике сейчас полуденный завтрак...

Эхомба, шагавший впереди, обернулся и посмотрел на товарища.

— Дай тебе волю, ты бы у них остался. По мне, мы и так там загостились.

— Конечно, не остался бы! Еда что надо, никто не спорит, но дамочки немного мелковаты на мой вкус...

Пастух укоризненно покачал головой.

— До чего ж ты, Симна ибн Синд, никудышный человек. Скажи, что ты сделал собственными руками? Что построил?

— В отличие от тебя, долговязого, приставленного к стаду, мне известно, на что следует обращать внимание в первую очередь!

— Ни в чем ты не знаешь меры! — Эхомба даже повысил голос. — Бесполезная, пустая жизнь!

— А как насчет твоей никчемности, Этиоль?! Пустой, бесплодной ничтожности?

— Пустой и бесплодной, утверждаешь ты? У меня красивая жена и двое здоровых сильных детей. Они позаботятся обо мне, когда я состарюсь.

Симна никогда не уступал перед физическим натиском, не сдавался и перед словесным.

— Когда я получу свою долю сокровищ, я куплю целый гарем. В нем будет кому позаботиться обо мне, защитить и доставить наслаждения. Найму телохранителей и лучших врачей! Я буду радоваться жизни, а над твоим высохшим телом будут причитать старухи!

— Здесь ты, возможно, прав, — согласился Эхомба. — Но между нами огромная разница.

— Какая же? — воинственно спросил Симна.

Пастух вскинул голову.

— Найдя свое сокровище, я не хочу искать никакое другое.

— Какое сокровище?! — скривился северянин. — Красивая жена? У меня были и еще будут десятки самых красивых! А если захочу, то и сотня, и не каких-то «красивых», а просто пальчики оближешь!.. Золото, чтоб ты знал, самый сильный возбудитель на свете.

— На него не купишь любовь, — возразил Эхомба.

— Ой, любовь!.. — громко рассмеялся воин. — Ладно, брат, ты держись за свою любовь, а я — за свой гарем.

— Несладко тебе придется, Симна. Если только на мгновение потеряешь бдительность, не гарем будет подвластен тебе, а ты гарему.

Эхомба резко прибавил шаг — видно, надоел ему разговор с упрямым человеком. Однако Симна и не думал отставать. Откровенно говоря, он не совсем понял, что имел в виду Этиоль, однако никак не желал оставлять за ним последнее слово.

— Скажу тебе из собственного опыта...

— Пошел ты со своим опытом! Тихо!.. — Алита насторожился и поднял гривастую голову.

Оба — и Эхомба, и Симна — немедленно забыли о споре и принялись внимательно вглядываться в ту сторону, куда смотрел зверь, однако ничего необычного не увидели. Пробежала по склону бархана ящерица, по-прежнему в вышине кружила стайка драконов, монотонно жужжали редкие насекомые, прятавшиеся в редких зарослях пустынных растений...

Все было тихо и привычно.

Затем подул легкий ветерок, неестественно прохладный, навеявший оцепенение — окружающая местность словно на мгновение затаила дыхание. Потом разом отпустило. Симна вспомнил смерч, преследовавший в вельде дикого кота; что-то подобное он ощутил и тогда — внезапный, пробирающий до костей испуг, напоминавший удар молнии, и следом облегчение.

В ложбине было тихо, даже сумрачно. Солнце до сих пор пряталось за тучами. Две бабочки с белыми пятнышками на голубых крыльях игриво порхали над склоном возвышавшейся справа дюны — предвкушали миг продолжения рода. Их полет и едва заметное перемещение песка на округлой вершине дюны нарушали безмолвную неподвижность пейзажа.

Песок в отсутствие прилегшего ветра, казалось, катился сам собой. Хотя, если прислушаться, что-то в воздухе колебалось, текли какие-то невидимые воздушные струи, но их сил явно не хватало на то, чтобы шевелить песок на вершине бархана.

Затем течение усилилось, грязно-желтые, будто ржавые сгустки то и дело мелькали в пока еще прозрачном потоке песка, укладывавшегося на дно лощины в нараставший гребень. Высохший водоток очень скоро оказался перекрыт валом высотой в полметра. Было по-прежнему тихо, а песок все сыпался и сыпался с одной песчаной горы на другую.

Алита продолжал принюхиваться, но Эхомба внезапно решил остановиться.

— Что-то здесь не так.

Симна, не замечая ничего опасного, занервничал.

— Что случилось?

— Странный вал, — указал пастух.

Симна посмотрел на безобидные песчинки, накапливающиеся на их пути.

— Песок как песок. Ну, катится по склону, что тут странного?

— На первый взгляд, ничего, — ответил Эхомба и покрепче сжал копье. — Обычно подобным образом заявляет о своем прибытии темнота. Причем это не эромакади — пожиратели света, с которыми могут справиться лишь эромакази — пожиратели тьмы. Нет, здесь проявляется нечто более физическое, менее тонкая сущность.

— Послушай, о чем ты толкуешь? — Невидимая опасность пугала Симну куда больше, чем самый грозный враг.

А Эхомба еще и сделал шаг назад, словно на самом деле отступил.

— Ржавый песок впереди — вовсе не песок. То есть не тот песок, который скапливается в дюнах. — Пастух многозначительно взглянул на товарища и указал на возвышавшийся по правую руку бархан. — С чего бы ветру с такой тщательностью отбирать отдельные песчинки?

Симна бросил пристальный взгляд на увеличивавшийся барьер и словно увидел картину с новой, неожиданной для себя стороны. Эхомба верно подметил: только бурые и кроваво-ржавые частицы песка срывались со своих мест и резво катили вниз по склону, сливаясь в завихрения, в сгустки. Именно такой песок на глазах перекрывал пересохшее русло. Вся остальная масса песчинок лежала спокойно и впереди этого потока, и позади него.

Воин с севера пришел в ужас.

— Может, нам лучше убраться отсюда? — предложил он дрожащим голосом. — Вернемся в город Лозви и снова пойдем на север, но уже другой дорогой. Зачем же нам противостоять ожившему песку?

Отступая, Симна наткнулся на левгепа, однако на этот раз огромный кот даже не рыкнул на приятеля. Он прильнул к земле и внимательно следил за происходящим.

— Боюсь, парень, слишком поздно, — сказал Алита. Усиливавшийся ветерок теперь заметно пошевеливал его гриву.

Полоса песка того же цвета засыпала лощину позади них, отрезав путь к отступлению. Симна с детским изумлением посмотрел на кота.

— Клянусь Гренторией, это же только песок! Да мы его в два счета сметем!

— Может, и так, — кивнул пастух. — Если бы он просто продолжал себе течь с запада на восток... — Затем Эхомба резко взмахнул копьем и указал им на вершину восточного бархана. — А ну-ка быстро за мной!

И сам сразу бросился вверх по склону. Бежать по осыпавшемуся песку было трудно, пришлось помогать себе на ходу левой рукой. Алита последовал за пастухом широкими прыжками, при этом не забывая поглядывать налево и направо. Симна спешил сзади и на каждом шагу проклинал сыпучую гадость, выскальзывавшую из-под ног. Он часто озирался, бросал взгляды на дно лощины, где выше и выше нарастал гребень темного песка.

Они успели одолеть половину склона, когда небо стало темнеть и позади послышался неясный звук, напоминавший нечто среднее между громовыми раскатами и надрывным плачем. Было в этом протяжном рокоте что-то от голоса зверя и воя ветра, но более всего стенания походили на жалобы дьявола. Беглецы, по середину голени увязавшие в толще песка, как по команде остановились, обернулись и наконец увидели то, что так страстно призывало их вернуться на дно сухого водотока.

Обликом оно напоминало песчаную дюну с пологим наветренным и крутым подветренным склонами, с дугообразным гребнем на вершине. Эта гора была повыше соседей и более узкой в основании. Необычен был и цвет песка — багрово-красный, нездоровый, вызывающий отвращение. Необычная говорливая дюна двигалась тем же способом, что и гуляющие по пустыне барханы, — перемещая свою массу с пологого на более обрывистый склон, при этом песчинки совершали кругообразные движения и ссыпались сбоку, то есть нарастал сначала один язык, затем другой. Передний фронт сыпучей массы через какое-то время становился ее тылом, затем серединой... Так она и двигалась, подобно медленно, однако неотвратимо и грозно вращающемуся колесу.

У страшной дюны не было рук, ног, каких-нибудь хватательных и выступающих приспособлений. Она давила своей тяжестью, налегала всей массой. Правда, время от времени сыпучее чудовище энергично выпускало длинные, похожие на щупальца языки песка. Более всего путешественников сразил неестественный цвет запевшего монстра: чем далее, тем отчетливее одухотворенная дюна наливалась болезненной краснотой. Теперь особенно ясно ощущались доходящие до точки кипения ненависть и жажда мести, которыми жила эта песчаная жуть.

Помнится, Лозви рассказывал о поющих барханах. Нечто подобное было известно и на родине Эхомбы, но никогда прежде ему не приходилось встречаться с ревущим и стенающим, облаченным в песок банши, против своей воли пребывающим на поверхности земли.

Посреди бесформенного образования, чуть ближе к вершине, вдруг прорезались два чудовищных ока. Они горели кровавым адским пламенем, то сжимаясь, то расширяясь, и неподвижно смотрели на оцепеневших путешественников.

Те припустились к вершине. На бегу Эхомба задумался: почему песчаное существо воспылало такой ненавистью к трем чужакам? Должно быть, всякая жизнь, вторгшаяся в пределы пустыни, вызывала у Дюнауэйка подобную реакцию.

Несколько млекопитающих и рептилий уже были схвачены и придушены расползавшимися во все стороны языками обезумевшего песка. То же самое грозило и тем существам, которые вовремя осознали опасность и бросились наутек. По спинам несчастных барабанили песчинки, за лапы хватали песчаные струи. Только на вершинах дюн они могли почувствовать себя в безопасности — пока оставались выше уровня неотвратно наползающего врага.

Между тем Дюнауэйк, заметно набравший вес и объем, уже вспух до размеров, превышающих песчаную гору, по склону которой карабкались путники. Если он продолжит движение, то неминуемо поглотит беглецов. Уходить по дальнему склону бессмысленно — враг отправит в обход песчаные щупальца. Таким образом, люди и зверь оказались в ловушке. Ни вперед, ни назад, ни в стороны пути не было. Оставалось ждать, пока Дюнауэйк взберется на дугообразную вершину бархана и поглотит их.

Симна, изо всех сил спешивший за Эхомбой, неожиданно выхватил меч и рубанул по красному щупальцу, обвившемуся вокруг его правой ноги. Затем повторил удар. В следующее мгновение северянин еще энергичнее побежал вслед за пастухом, успев задуматься над вопросом, какая сила способна накрепко склеить самый сыпучий материал на свете. Хотя додумать не успел — извиваясь змеей, за ним устремилось очередное ответвление чудовища. Симна и его рубанул мечом. Отросток дрогнул, потянулся было обратно и внезапно на глазах рассыпался. Однако его место тут же заняло другое щупальце. Северянин без устали на ходу работал мечом — рубил и рубил отраставшие побеги сыпучей мерзости, которым понадобилось не менее двух миллионов лет, чтобы сформироваться в подобие живой плоти.

Скоро Симна окончательно выбился из сил.

Та же беда угрожала и Алите. Потоки ожившего песка пытались скрутить его ноги. Зверь в ответ работал челюстями, пытаясь освободиться от цепких захватов, однако

заметных успехов ему добиться не удалось. С каждым укусом пасть зверя забивалась нестерпимо горячим песком.

— Меч! — закричал Симна, обращаясь к Эхомбе. — Твой меч! Обрушь на врага силу небесного металла!..

Эхомба, дальше всех взбежавший по склону, обернулся и крикнул:

— Не поможет! Я могу выпустить только ветер против ветра. Земля, камень и песок тяжелее ветра!

В следующее мгновение с диким визгом летевший по воздуху сгусток песка угодил в него и, обернувшись удавкой, обвился вокруг бедер.

— Ты все-таки попытайся! — взмолился Симна. Напрягая последние силы, он догнал Этиоля.

Между тем со стороны приближавшейся массы Дюнауэйка потянуло жарким пронизывающим ветром. Резкий порыв колыхнул одежды, взъерошил волосы.

— Если меч не способен сразить Дюнауэйка, то сильный ветер в лицо хотя бы напугает его! — закричал Симна.

— Ветер только раззадорит врага. Его сила в сцеплении частичек. Вспомни, когда ты отрубил щупальце мечом, оно распалось.

В следующий момент они добрались до узкой изогнутой гряды, представлявшей собой вершину бархана. Алита повернул голову и длинно раскатисто заревел. Его гриву трепал пронизывающий жаркий вихрь, бросавший в морду зверю ржавый песок.

— Клянусь Гапджоплой! — выкрикнул Симна, стоя рядом с пастухом. — Будь у меня десять тысяч воинов, мы вмиг разделали бы этого песочного дьявола! К сожалению, нас только двое, и ты не хочешь сражаться.

— Я этого не говорил. — Эхомба резко сдвинул свой вещевой мешок, переместил его на грудь и стал там копаться. — Я говорил, что бессмысленно сражаться мечом.

Тем временем буро-красная, постоянно менявшая форму и неодолимо катящаяся вверх по склону масса Дюнауэйка одолела три четверти расстояния, отделявшего чудище от путешественников.

— Если у тебя есть магическое оружие сильнее меча, сейчас самое время его использовать. Через минуту нас всех троих накроет, и даже памяти не останется!

— Ага, вот оно! — Эхомба наконец вытащил из мешка какой-то пакет, сунул туда руку. Надежды Симны сменились разочарованием и ужасом — в правой руке его

находчивый всезнающий друг держал... закупоренный глиняный сосуд размером меньше, чем кулак. Тонкая бечевка шла от пробки к ушку, приделанному к боку сосуда.

Северянин постарался сохранить спокойствие.

— Это яд? Ты собираешься подсыпать ему отравы?..

— Не будь идиотом! — не выдержал Эхомба. Он вернул вещевой мешок на место и встал лицом к приближающейся массе Дюнауэйка. — Песок отравить нельзя. Я же объяснил тебе, что следует ударить по его слабому месту — по сцеплению частичек.

— Вот этим? — спросил Симна, указав на глиняную флягу, которую пастух держал в руке. — Тогда скажи на милость, что в этом факирском пузырьке, если не яд?

Этиоль не сводил глаз с огромных волн красного песка, вздымающихся выше и выше.

— Водда, — коротко ответил он.

Симна ошеломленно повернул голову.

— Вода?

— Нет. — Этиоль указал на изрядно уменьшившийся пруд, который тащил Алита. — Там действительно вода. А это водда!

Симну прошиб озноб — ясно, бедняга спятил. Спятил в самый ответственный момент!.. Во рту обозначился какой-то противный вкус — вот, значит, какова горечь ужаса!.. Смотрика, с какой осторожностью он открывает флягу — и это когда красный песок полностью захлестнул гряду и, словно воротник, свесился над краем обрыва!

Пышущие злобой глаза Дюнауэйка всплыли над грядой и оказались на одном уровне с глазами Этиоля Эхомбы. Симна зажал голову руками и бросился назад, споткнулся о кота, упал на него, отчаянно закричал. Левгеп, в свою очередь, грозно и пронзительно рыкнул, но устоял, хотя они вместе немного сползли вниз.

Отсюда они увидели, как Эхомба, склонив копье, пытается разбить глиняный сосуд о широкий наконечник. Ударил раз, другой... Фляга треснула, но не разбилась. Затем Эхомба отвел правую руку и швырнул сосуд прямо в колыхавшиеся, затянутые песчаной пленкой глаза Дюнауэйка. Там фляга и разлетелась на куски, окропив багровый песок... обыкновенной водой! Или воддой, как настаивал Эхомба.

Гигантское щупальце вознеслось над несчастными путниками и на миг застыло перед тем, как раздавить их.

А потом случилось странное. Собственно, Симна этого ждал.

Чудо должно было свершиться! Он уже начал привыкать, что в критические моменты вокруг Этиоля Эхом-

бы происходили удивительные, но счастливые события, спасавшие пастуха и его ближайшее окружение.

Невообразимая многотонная масса песка, составляющая тело Дюнауэйка, стала мелко колыхаться.

XXIV

Это было самое необычное зрелище — наблюдать, как трепещет песок. Сначала заколыхались глаза, подтаяли очертания сочных губ, затем вся ржаво-бурая масса заходила ходуном. Цвет ее изменился на ярко-алый. Песок заухал, волны внутренних напряжений начали разгуливать по поверхности почувствовавшей неладное дюны.

Алита припал к земле, мяукнул, попытался было зарыться в чистый, золотистого цвета песок, затем жалобно заскулил. Симна стоял как вкопанный, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, только изредка помаргивал, оцепенело наблюдая, как огромная куча песка бьется в предсмертных судорогах. Как? Почему? Что за «водда» такая таилась в глиняном сосуде, если она заморозила всю дюну?

Но Симна ошибался. Не холод погубил Дюнауэйка — песчинки оставались теми же самыми песчинками, не превратились в лед или в какую-то другую подобную субстанцию. Слепленное из песка чудовище на глазах теряло сцепку, а следовательно, и силу. Все, что ранее составляло плоть Дюнауэйка, тег ерь распадалось на компоненты. Сперва возникла невысокая горка, сложенная из частиц кварца. Затем поодаль образовался холмик, состоявший из полевого шпата. Следом взбухла горка слюды, рядом аккуратно уложился аспидный сланец... Скоро по всему склону там и здесь возвышались разноцветные курганы и холмики всевозможных минералов, названий которых Симна не знал. Впрочем, названия его и не интересовали. Другое было важно — ни одна из этих груд не двигалась, не всматривалась в него, не норовила напасть.

Час Дюнауэйка пробил. Там, где только что высилась ужасающая своей неодолимостью песчаная гора, теперь лежали кучки горных пород, каждая из которых была куда меньше, чем породившее их чудовище.

Симна, помогая себе руками, торопливо вскарабкался к Эхомбе.

Тонкий, как палка, пастух, опираясь на копье, неподвижно стоял на вершине гряды и смотрел, как распадается Дюнауэйк. Легкий, уже более ласковый ветерок трепал подол его юбки. Если бы в тот момент пастух воздел руки к небу и извергнул молнию, Симна не удивился бы.

Ничего такого, конечно, не произошло.

Северянин приблизился и схватил товарища за руку.

— Ну, скажи мне, что ты не колдун, Этиоль Эхомба! Взгляни мне в глаза и заяви, что не умеешь творить чудеса!

— Мне жаль тебя огорчать, Симна, но я действительно не колдун. — Высоко подняв голову с плотно сжатыми губами, Этиоль спокойно посмотрел на товарища.

— Ага, понятно. Тогда как ты объяснишь вот это? — Северянин кивнул в сторону разноцветных минеральных груд, блестевших в лучах выглянувшего из-за туч солнца.

— Я тут ни при чем, — скромно ответил пастух. — Это сотворила водда.

— Может, ситуация прояснится, — произнес подошедший к ним Алита, — если ты объяснишь нам, что такое водда?

Эхомба кивнул.

— Когда я уходил, старухи, что живут у нас в деревне, подарили мне кое-что из своих запасов. Они сказали, что это поможет мне справиться с трудностями пути. Старая Фастала, умнейшая Лукулу, Омура, чьи глаза ярко горели и на исходе жизни... Даже моя собственная жена Миранья приготовила мне подарок. Такая у нас, наумкибов, традиция: когда воин на долгий срок оставляет родной дом, женщины собирают ему в дорогу полезные вещи. — Его взгляд на миг затуманился. — Жаль, это была единственная бутылочка водды.

Эхомба начал спускаться по склону бархана. Симна, державшийся рядом, с легкостью шел по песку — воин от природы был очень ловок. Что уж говорить о четырехногом Алите! Не такой ловкий, как его товарищи, Этиоль несколько раз едва не упал.

— Эта водда, — подал голос кот, — как же она такое делает? — Зверь кивнул гривастой головой в сторону усыпавших склон кучек разнообразных горных пород и поправился: — Точнее, как она такое сделала?

— Водда служит для очистки воды, — ответил Эхомба. — Женщины говорят, что достаточно одной ее капли, чтобы целый пруд стал пригоден для питья. Она отделяет песчинки, всякую грязь, маленьких невидимых глазу жучков от собственно самой воды.

Симна нахмурился.

— Невидимых глазу жучков?.. — повторил он.

Пастух и кот пропустили его слова мимо ушей.

— Вот, значит, что ты сделал с Дюнауэйком, — задумчиво произнес левгеп. — Ты как бы «очистил» его.

— Ну да, разделил на составные части.

Они уже спустились и подошли к тому месту, где Симна впервые заметил неестественное движение песка.

— В данном случае, — продолжил Эхомба, — сумма частей представляла собой нечто меньшее, чем целое. Человек тоже не только руки, ноги или набор частиц, из которых он состоит. Все это нужно, но этого мало.

Симна хмыкнул.

— Хорошенькую ты нарисовал картину!.. Ты лучше расскажи, какие еще бутылочки ты имеешь про запас, и на кого и как действует их содержимое?

— У меня только водда была. — Пастух указал на изрядно опустевший пузырь, который по-прежнему тащил Алита. — Теперь нам остается надеяться, что на пути часто будет попадаться пригодная для питья вода, потому что очистить мы ее уже не сможем.

— Клянусь Гиримзой, ты правильно поступил, Этиоль! — воскликнул Симна, хлопнув друга по спине. — Покойникам вода ни к чему!

— Тихо! — Алита поднял лапу и принюхался. — Мы не одни.

Северянин схватился за меч, потом обернулся... И успокоился, убрал оружие в ножны, хотя тревога в его взгляде не угасла.

Эхомба отреагировал на неожиданную встречу как всегда спокойно и с улыбкой:

— Привет, Лозви. Вот уж не ожидал вновь тебя увидеть.

В следующую минуту к путникам резво подбежал пернатый скакун, с дюжину воинов-свиков выскочили из укрытий в расщелинах скал. На их коротких копьях развевались вымпелы, все они были в ярко поблескивающих доспехах. Несомненно, парадных, решил Симна, в таких на войну не ходят.

Лозви поклонился, сидя в седле, затем выпрямился и рукой указал куда-то позади себя.

— Для неволшебника ты очень эффектно разделался с Дюнауэйком. Его больше нет!

— Этиоль тут ни при чем, — саркастически заметил Симна. — Это все бутылочка водды.

— С моей стороны, было бы глупо спорить по поводу твоей истинной природы, — продолжил Лозви. — Народ песка спасен. Над нами больше не нависает угроза истребления. Мы всегда будем помнить тебя.

Свик как можно выше вскинул руку с копьем, салютуя спасителю. Выстроившиеся позади него воины тоже подняли оружие. Так повторялось пять раз, при этом они ревели так, что, казалось, сам песок приветствует Эхомбу. Пение миниатюрных людей путешественники слышали еще в недрах пещеры, так что теперь никто не поразился мощи и слаженности звука.

Затем свики начали разворачивать птиц.

— Странное совпадение, не так ли? — как бы мимоходом спросил Эхомба у северянина, наблюдая за скакуном Лозви — птица на ходу беспрестанно помахивала хвостиком.

Свики помчались домой, и уже через мгновение их отряд скрылся из виду.

— Что? — произнес Симна, повернувшись к другу. — Какое совпадение?

Эхомба вздохнул и вновь зашагал на север.

— Малый народец хотел, чтобы мы сразились с Дюнауэйком, и своей цели достиг. Сначала мы отказались. В ответ они проявили нежданную щедрость: накормили нас, напоили, потом рассказали, как добраться до северного побережья. Соображаешь? Мы ни разу не заикнулись, чтобы нам указали дорогу. Но их доброте не было пределов, свики охотно указали нам на этот сухой водоток. А вскоре мы наткнулись на Дюнауэйка. — Взглянув на товарища, пастух сделал довольно необычную для себя вещь — рассмеялся. — Не понимаешь? Мы станцевали под их дудку. Надо отдать им должное, они отлично все подготовили, вывели нас прямо в пасть чудовищу.

Лицо Симны потемнело.

— Ты хочешь сказать...

— Вот именно, свики устроили нам ловушку. — И он снова рассмеялся.

Когда Симна осознал, какую шутку сыграл с ними народ свиков, северянин пришел в ярость.

— Ах, гнусные, лживые, мелкозадые пещерники! — Он выхватил меч и бросился в ту сторону, в какой скрылся отряд миниатюрных воинов. — Всех поубиваю! Отрежу волосатые уши и скормлю их скорпионам!

Алита равнодушно фыркнул и даже ни на мгновение не сбился с шага: как шел рядом с долговязым, время от времени похохатывающим Эхомбой, так и продолжал идти.

— Долго же до него доходит, — обронил кот.

Пастух пожал плечами.

— Симна — парень неплохой, только чересчур импульсивный.

Алита насмешливо фыркнул.

— Ты имеешь в виду, чересчур человечный? — Проницательные желтые глаза зверя располагались над землей не намного ниже, чем глаза Этиоля. — А ты?

— Не понимаю, о чем речь.

— Кто ты, Этиоль Эхомба? Только ли человек? Или это маска, обличье, которое ты выбрал, чтобы всех нас одурачить? Похоже, не только свики способны на подобные шутки.

Длинноногий уроженец Наумкиба улыбнулся и продолжал идти, не сбавляя ход. Так и шагал, опираясь на копье, словно моряк, работающий веслами: равномерно и мощно.

— Я — человек, Алита. Я лишь то, что ты видишь перед собой.

— Допускаю, что так. Пока.

Зверь отошел в сторону, ведя за собой на поводу колыхающийся пузырь.

Эхомба с улыбкой посмотрел на него. Для того, кто так долго и часто спит, левгеп проявлял удивительную наблюдательность.

Между тем Симна продолжал буйствовать в черных скалах, за которыми скрылся отряд свиков. Наконец его ярость выдохлась — северянину тоже стало ясно, что шустрых свиков и след простыл. Ищи свищи их теперь в нагромождениях скал и песчаных барханов!.. Отчаянно ругаясь, он сунул меч в ножны и присоединился к своим спутникам.

— Лживые кузнечики слишком увертливы. Думал, сумею поймать кого-нибудь! — Симна обернулся и показал кулак. — С каким бы удовольствием я передушил этих мерзавцев!

— Да, они быстры. — Алита оттопырил нижнюю, черного цвета губу. — Это и помогло им надуть нас, разве не так?

— А тебе бы лучше заткнуться, животное непонятных кровей!

Кот продолжал усмехаться, но ничего не ответил. Эхомба попытался успокоить разгоряченного воина.

— Чтобы выжить, они были вынуждены поступить подобным образом.

— Чтобы выжить?! — Северянин ткнул пальцем себе в грудь. — А на нас им начхать?

— Они оказали нам прием на высшем уровне. С чего бы это им так заботиться о бедных странниках? Нас со-

провождала почетная стража, гостей провели по городу, показали, что и как. Одно их строительное пение чего стоит! Нас кормили и поили. Ты полагаешь, что все от доброты душевной, в честь непонятно откуда взявшейся дружбы?

Симна быстро успокоился. Через какое-то время он кивнул, соглашаясь с пастухом.

— Ты, конечно, прав, Этиоль. Я, знаток человеческой натуры, должен был предвидеть, чем обернется подобная встреча. Здорово нас облапошили. Должно быть, меня ввел в заблуждение их размер. Кто бы мог подумать, что способности свиков к предательству и обману не уступают их строительным талантам?.. Ну все, больше меня не проведешь. Отныне я, Симна ибн Синд, не приму приглашения даже от мышки, не выяснив ее истинных намерений.

— Я понимаю, почему они так поступили, — сказал Эхомба.

— Ты что, принял их сторону? — спросил уязвленный Симна. — Это после того, как нас завели в пасть к дьяволу?!

— Если бы вопрос стоял о существовании моей деревни, о жизни жены и детей, сородичей и друзей, я был бы вынужден поступить так же, как свики. В таких обстоятельствах порой приходится переступать через совесть и честь.

Симна выпрямился, расправил плечи.

— Подлинные герои никогда не позволят себе жертвовать честью!

— Ты, Симна, можешь быть героем, а мне никак нельзя. Я должен исполнить обет и вернуться в родную деревню. Как можно быстрее. Вот что для меня важно. — Эхомба кивнул назад, за спину, в сторону оставшихся позади дюн — свидетелей только что разыгравшегося сражения. — Вот почему я могу сказать, что понимаю свиков. И не имею права осуждать их за подобные хитрости.

Северянин фыркнул.

— Да, тебе никогда не стать героем, Этиоль Эхомба. Не дождаться тебе триумфа, не проехать на коне во главе праздничной процессии по улицам большого города. Не будет для тебя криков восхищенной толпы, и хорошенькие женщины не взглянут в твою сторону. В своей собственной стране тебе тоже не быть властелином. Что там в стране — в родной деревне не быть вождем!

Пастуха эти пророчества никак не тронули.

— Друг Симна, я не хочу быть властелином даже собственных детей. Что касается взглядов хорошеньких женщин... Я не из тех, кому нравится их привлекать, да я и не

знал бы, как реагировать. Кроме того, одна женщина уже не сводит с меня глаз, и этого вполне достаточно. Что касается триумфов, конных парадов, криков толпы... Я предпочитаю ходить на своих двоих и вместо восхищенных воплей выслушивать: «Доброе утро. Как поживаешь?» Это меня вполне устраивает.

— У тебя совсем нет честолюбия, брат.

— Напротив, запросы у меня немалые. Я желаю прожить долгую, не обремененную болезнями жизнь, причем чтобы рядом была женщина, которую я люблю. Хочу, чтобы дети выросли здоровыми и сильными и обязательно добрыми. Хочу как можно дольше пасти животных — знал бы ты, какая радость наблюдать за ними!.. Хочу общаться с друзьями. Хочу бродить по берегу моря, слушать песни прибоя и вдыхать запах соленой воды... — Его глаза блеснули. — Этого, я полагаю, достаточно для любого мужчины.

Этиоль сунул свободную руку в карман и нащупал мешочек с морскими камешками.

Некоторое время путники шли молча, пока наконец неожиданная широкая улыбка не появилась на лице северянина. С него разом смыло все следы былой задумчивости.

— Хой, теперь мне все понятно! — Он потряс головой и громко рассмеялся. — Ну ты хорош, Эхомба! Едва меня не обманул!.. Но запомни, никому еще не удавалось обвести вокруг пальца Симну ибн Синда. Меня испытывали на рынках в Харканастане и на плато Йюрт-и-Йюр самые шустрые и удалые мошенники, каких только знает мир. Отдам тебе должное: ты хитроумнее и изворотливее их всех вместе взятых!

«Хочу пасти животных», «хочу бродить по берегу моря»... Конечно, великий колдун, конечно! Отличная маска, непревзойденная личина! Любой, кто глянет на тебя, сразу поймет: самый заурядный скромный пастух. Вот это маскарад! Куда лучше, чем прикинуться купцом, деревенским рассказчиком или безобидным пилигримом.

Я предлагаю возвести тебя в сан «волшебника инкогнито», о великий мастер! Что там волшебника!.. Короля или Инкогнито всех тайных волшебников! Пастырь козлов и повелитель собственных детишек. Самый удобный прикид, чтобы добыть сокровища!.. Ты меня чуть-чуть не надул, Этиоль Эхомба.

— Да. — Этиоль едва заметно вздохнул, рассеянно наблюдая за маленькой синей ящерицей, юркнувшей в норку. — Теперь я вижу, что ты не из тех, кого легко обмануть.

— Долго же до тебя доходит, — довольным голосом откликнулся Симна. — Хой, скорей бы выбраться из этой пустыни!

— Чем тебе здесь не нравится? Исключительная чистота, дюны, скалы. Очень красиво!

— Говори за себя, приверженец сухости и жары!

Внезапно задрав голову, левгеп раскатисто зарычал, мрачно и предостерегающе. Звук прокатился по лощине, отразился и вернулся к людям. Когда рычание затихло, Алита как ни в чем не бывало подал голос:

— В этом я поддерживаю воина. Я тоже предпочитаю высокую траву, густые заросли, струящуюся воду и обилие жирных, тяжелых на подъем антилоп.

— Тогда почему мы медлим? — весело воскликнул Симна и глянул на большого черного кота. — Если темп будет задавать наш хмурый друг, нам суждено бродить здесь до скончания веков.

С этими словами он решительно вышел вперед и, прибавив шагу, возглавил группу; зверь поравнялся с северянином.

Эхомба с некоторым изумлением наблюдал за товарищами, даже остановился. Затем двинулся следом. Он не испытывал особой радости, зная, как развернутся дальнейшие события.

XXV

Сказка о потерявшемся дереве

Прошло много лет, и дерево уже основательно подзабыло, что случилось в тот день. Порой даже сам этот день вылетал из памяти, и приходилось подолгу вспоминать, когда это произошло, в какую пору.

Одним словом, много лет назад...

Тогда дерево было молодо, совсем еще подросток, даже корой как следует не обросло, и злобные маленькие твари, что любили пожевать, мучили его немилосердно.

И все-таки, несмотря на невзгоды, деревце росло. Почва, в которой удалось прижиться давшему ему жизнь семени, была тучна, небо благоволило — щедро поливало дождем и нежно окутывало снегом. Деревце устояло зимой, когда на округу вдруг навалились жуткие морозы, выжило и в страшное засушливое лето. Помнится, был год, когда прожорли-

вые гусеницы объели все листья... В награду на следующее лето на деревце высыпало столько листвы, что все соседи завидовали. Правда, этих соседей стало заметно меньше. Не каждому дано выжить голым в суровом климате.

Нашему дереву повезло, набрал силу и кое-кто из товарищей. Вот что удивительно — все они пошли в рост на одной и той же земле, всех одинаково поливали дожди и сушила жара, а два побега оказались заметно выше других. Так они и жили, постепенно укрупняя ствол, поднимая повыше вершины. Соревнование между ростками, постоянное, не прекращавшееся ни на минуту, свершалось молча — оно было частью их жизни. Помнится, когда дереву исполнилось четыре года, один из соседей пал жертвой оленей, которые объели его в течение долгой и очень холодной зимы. Животные содрали кору, а весной на обнаженную израненную древесину навалились жуки — начали откладывать яйца. Другое дерево пало жертвой медведя, выбравшего его, чтобы унять досаждавший зуд; обломанное, засохшее, оно долго мозолило глаза своим древесным родственникам.

Нашему дереву повезло. Большие животные проходили мимо, насекомые плодились на соседях, их личинки пожирали листву и молодые побеги, строили из них ульи. Каждую зиму дерево засыпало и во сне лелеяло надежду, что кочующие стада пройдут стороной.

Минули годы, деревце подтянулось, окрепло, и когда казалось, что все несчастья уже позади и впереди ждут долгие годы жизни, пришла беда. Это была не скрытая хворь, иссушающая корни и ветки, не зараза, отравившая соки, поднимавшиеся из земли. Поздней осенью на побережье, где росло дерево, налетела страшная буря. Она смела все, что не смогло устоять. Пострадали даже могучие деревья-ветераны, нагулявшие толстый ствол, крепко вцепившиеся в почву корнями. Ветер был ужасный, невиданный доселе, он скатывался с западных склонов гор, его рев напоминал грохот лавины.

Некоторые деревья, простоявшие сотни лет, переламывались, и жуткие острия оставшихся пней торчали по округе. Другие лишались ветвей и сухих листьев, и лес, совсем недавно тенистый, прохладный, оказался выметен насквозь. Подлесок был выдран с корнем, погибла опавшая листва, пропали насекомые, грибницы и вообще весь травяной покров. Даже мелкие животные.

Наше деревце держалось из последних сил. Молодые, еще тонкие корни с трудом противостояли урагану.

Скоро они обломились, деревце подняло в воздух и вместе с сотнями сородичей понесло в дальние края. Как уже было сказано, беда случилась поздней осенью, когда многочисленная растительная живность уже успела подготовиться к зиме и погрузиться в сон. Соки собрались в сердцевине ствола, плоть замерла, ожидая прихода весны и тепла, чтобы вновь проснуться, забурлить, одеться листвой, нарастить еще один слой крепкой древесины.

Все кончилось в одночасье, как обычно бывает, когда природу вдруг охватывает ненависть к своим детям. Кто может сказать, как долго деревце носилось под облаками? Казалось, что древесное тело потеряло вес и плотность. Его несло над землей и водой, над горами и долами то ли день, а то ли месяц. У деревьев ведь совсем иное понимание времени, чем у других живых существ.

Затем деревце сквозь дрему почувствовало, что падает — точнее, по спирали опускается к земле, при этом оно еще кувыркалось в полете. Природа щедра на всякие исключения из правил, на странные и невероятные события. Так и на этот раз — деревце ударилось о землю в вертикальном положении. И угодило на тучную плодородную почву, так что корни местами обломились, а местами проникли в грунт, тем самым обеспечили дереву необходимую поддержку.

Между тем буря умчалась вдаль, и бедное растение только вздрагивало обломанными ветками под слабеющим напором уставшего ветра. Покалеченное, оно в конце концов начало приходить в себя в окружении сородичей. Только беда в том, что, избежав гибели от урагана, местные растения лишились сил и с приходом весны начали гнить стоя.

Наше деревце опять выжило. Буря подняла под облака огромное количество влаги, которая долго извергалась из туч ливнями, так что воды в почве оказалось в избытке, и следующее жаркое сухое лето пришлось очень кстати.

На родине деревца в ту пору еще лежали снега, а здесь, в теплом климате, деревце начало приспосабливаться. Вопреки всем трудностям корни ожили, крепко ухватились за грунт — и весной по стволу вновь побежали соки. На сохранившихся ветвях уцелели личинки, они тоже возродились, обернулись жуками. Наконец пришелец оделся негустой, но нарядной листвой. Пищи здесь, в краю жаркого солнца, было хоть отбавляй!

Казалось, все складывалось удачно для несчастного существа, пережившего страшную бурю. Нашлись на новой родине и насекомые, отыскавшие приют в его ветвях.

Деревце начало на глазах вытягиваться, крупнеть. Через несколько лет оно уже крепко утвердилось на новом месте, утолщило ствол, вскинуло вершину. Ветки густо пошли вширь, и теперь под его тенистой сенью было прохладно даже в самый знойный полдень. Привыкло оно и к началу дождей, которые лили месяцами, и к нашествию засухи, на долгое время сменявшей дожди. Наконец дерево добралось корнями до подземного водоносного горизонта, и никакая засуха ему уже была не страшна. Удачный выдался год — теперь дерево могло расти, как ему вздумается, и вверх и вширь.

Шли годы, и через несколько лет, а может, десятков лет или даже сотен, наше дерево превратилось в чудесного зеленого великана, неожиданно вставшего на посту в чуждой ему округе. Крона была так велика и густа, что в ней роились теперь большие поселения всяких насекомых. Даже несколько человек не смогли бы, взявшись за руки, обхватить ствол. Кора наросла таким слоем, что не было червя, способного одолеть ее и проникнуть в сладкую древесную плоть. Птицы тучами вились над деревом в период сезонных перелетов — наверное, приносили привет с родины, но кто может подтвердить, что дерево с радостью выслушивало рассказы о прежних краях? Тем не менее слушало оно терпеливо, сосредоточенно, давало приют всякой птахе, решившей передохнуть на его ветвях. Разумные существа с топорами в руках обошли дерево стороной. Они часто бывали здесь, отдыхали в тени, радовались нежданной прохладе.

Нежданной потому, что дерево стояло одно-одинешенько. Не только поблизости, но и насколько хватало глаз вокруг лежала безлесная пологая местность. Не было у дерева ни соседей, ни потомства. Не было кустов, которые прикрыли бы репицу, не было цветов, которые могли бы распускаться в тени кустов.

Единственное на всю округу, каждый год наше дерево одевалось листвой, давало цвет и испытывало томление. Верило, что наступит срок — и цветы обернутся семенем. Те упадут на землю, и скоро вокруг поднимутся побеги. Но чудо обходило дерево стороной.

Вот и в этом году удача, казалось, вновь отвернулась. Уже на исходе цветения подошли к дереву трое — довольно странная компания. У дерева не было глаз, но оно корой ощущало и воспринимало мир. Внимало сотрясению почвы, шевелению ветвей, листьями слушало, о чем судачат ветры. Так что оно могло точно указать, когда эти трое

приблизились к нему, где остановились, в каком месте решили устроить привал.

Двое из путников тут же сели на выступавшие над землей могучие корни, прислонились спинами к стволу. Дерево осторожно поддержало их, пошевелило нижними ветвями и навеяло прохладу. Подобные посетители были редки, оттого дерево отнеслось к ним с душой и интересом. Позже оно с благодарностью вспоминало о том дне.

Вспоминало потому, что готовилось к смерти. Не по причине древности, хотя лета его уже исчислялись столетиями, а то и более длительными отрезками времени. Несмотря на такой почтенный возраст, оно было вполне здорово и не могло пожаловаться на недостаток соков в могучем теле. И корни его еще цепко держались за приютившую почву; земля обильно кормила их минеральными солями, поила влагой. Ни в чем дерево не знало отказа. Живи хоть две жизни, хоть три. Оно умирало от тоски. Не было у него детишек, внучат и прочей буйной поросли, хотя оно ежегодно удобряло округу осыпавшейся в срок листвой. Пусть бы какое-нибудь залетное семечко приземлилось на эту жирную колыбель — оно бы взрастило его, защитило бы от невзгод.

Дерево умирало тихо, без стонов и скрипов, которые порой позволяют себе старые деревья на пороге смерти, и не испытывая сожалений. Что поделаешь, вон оно как вышло... У деревьев вообще нет обычая жаловаться на горестную судьбу.

Наше дерево было радо присутствию незнакомцев. Оно гордилось тем, что способно предоставить им надежную тень, где можно укрыться от лучей палящего солнца. Скоро пот на спинах путников высох, и люди начали собирать семена, густо лежавшие на земле. Большинство живых тварей, обитавших в окрестностях, находили их очень вкусными, и эти существа не были исключением. Хотя был среди них четырехлапый, который с презрением отверг дары дерева. Что поделаешь, не хочет — не надо.

Другие двое пожирали семена с большой охотой. Ели и похваливали. Более того, до отказа набили свои заплечные мешки. Дерево следило за гостями по сотрясению почвы — корни очень чутко реагируют на самые слабые колебания грунта. Они путешествовали компанией — дерево не завидовало, просто ему было грустно.

В отличие от всех других существ, пробегавших, пролетавших, проползавших мимо дерева, эти трое умели членораздельно выговаривать звуки. Приятно было сознавать, что наконец тебя посетили не бездумные и немногословные жи-

вотные или поющие ни о чем птицы, но создания разумные, способные объяснить один другому, о чем думает, мечтает, во что верит. Это заслуживало поощрения, и дерево навострило листья. Понять разговоры гостей было трудно, но какая в том беда — приятно послушать, и листьям польза. Все-таки в мире так много интересного!

Они по очереди помочились на ствол, и этот малый дар нитратов и приятной жидкости дерево оценило как свидетельство благородных намерений посетителей. Оно не могло поблагодарить в ответ открыто, поэтому попыталось навеять на них легкий ветерок. Дерево пошевелило листвой, однако путешественники не обратили внимание на шепот листьев. Ветерок был слабенький; даже если прохладный воздух и освежил их лица, гости вряд ли догадались, чьей любезности они обязаны прохладой.

Им вполне хватало тени. Эта непритязательность тоже пришлась по душе дереву. Оно хотело поделиться с путниками всем, чем было богато. Их радость была его радостью, их покой — его блаженством. Если бы дерево умело говорить, оно бы вскрикнуло от удовольствия, когда услыхало, что незнакомцы решили остаться здесь на ночь. Некоторое время они подбирали место, потом наконец развели небольшой костер из валявшегося хвороста и сухих сучьев, упавших с дерева. Дерево впервые в жизни испытало жар открытого огня, вдохнуло запах дымка. Оно не испугалось — огонь был слабенький, разведенный только для того, чтобы приготовить горячую пищу.

Ночью один из пришельцев поднялся. Его товарищи спали сладким сном, он же удалился от стоянки, несколько раз обошел дерево, затем встал под самой длинной ветвью — неровной, сучковатой стрелой указывающей на юг. В том же направлении повернулся и путник — стоял долго, не меняя позы, не мигая. Луна в небе скудно освещала окрестности, но для того, кто хотел изучить округу и, может быть, заглянуть подальше, света было достаточно.

Наконец пришелец пошевелился, вздохнул, направился к стволу. Кто может сказать, как долго он разглядывал даль. С точки зрения дерева, это было мгновение, но растение прониклось его значимостью, с сочувствием отнеслось к узревшему что-то в южной стороне или вспомнившему о чем-то, расположенном далеко за горизонтом. Гость не сразу лег на ложе, сооруженное из опавшей листвы. Сперва, по-прежнему неторопливо, он вновь задумчиво обошел ствол, затем осмотрел хилые заросли кустарника, пошевелил пальцами босой ноги опавшие ли-

стья. С непонятной целью поковырял кору — немую свидетельницу и хранителя бесконечной череды лет, которые дерево провело на новом месте. Растение с интересом приглядывалось к удивительному незнакомцу.

Потом свершилось что-то необычайное, нежданное — пришелец начал взбираться по стволу вверх. Дерево едва сумело справиться с нахлынувшей радостью. Впервые оно почувствовало на своем огромном теле вес большого сильного существа, ощутило прикосновения пальцев, с помощью которых гость цеплялся за ветви, тяжесть и тепло его ступней. Никто никогда не взбирался на ветви дерева. Ощущения были неизведанные и в то же время доставляли удовольствие. Древесная плоть с чувством поежилась от сотрясений, вызываемых движениями гостя.

Он взобрался невысоко, чуть повыше последнего толстого ответвления, над которым уже вовсю покачивались молодые побеги. Удобно устроился в развилке между двух сучьев, в удобном извиве ветви нашел место голове, руки сложил на животе, ноги вытянул. Так и лежал, созерцая открывшуюся в зыбком свете луны округу. Смотрел по-прежнему в южную сторону. Взобрался всего-то на несколько метров повыше, но, как видно, ему и этого оказалось достаточно.

Так он провел ночь, словно птица в гнезде. Трудно сказать, кому доставило большее удовольствие подобное отдохновение — гостю или молчаливому хозяину. Когда наступило утро, спутники в панике бросились разыскивать своего пропавшего товарища. Один из пришельцев, о двух ногах, долго окликал его, другой, четырехлапый, звал его раскатистым ревом, от которого содрогалась всякая живность в округе. Устроившийся наверху гость некоторое время с улыбкой прислушивался к этим исполненным страха звукам, затем весело откликнулся. Его товарищи завопили так, что было слышно даже в том южном селении, которое путник, взобравшийся на дерево, всю ночь отыскивал взглядом; в их голосах облегчение мешалось с гневом. Если бы дерево могло, оно бы порадовалось шутке и хихикнуло вместе с долговязым путником.

Перед уходом каждый из гостей по-своему простился с деревом. Самый массивный, чьи шаги особенно чутко воспринимались корнями, задрал заднюю лапу и обильно помочился на ствол. Дерево сочло, что, как и прежде, это скромный жест благодарности за кров и заботу. Конечно, для дерева такая скудная порция нитратов и жидкости лишь капля в море, но ведь важно внимание. Второй сорвал с низкой ветви большой лист и лихо зацепил его за волосы в виде украшения.

Последний — тот, кто провел ночь на дереве, — на прощание потрогал рукой древнюю, изрезанную бороздами кору. Затем как можно шире раскинул руки и крепко обнял ствол — сжал изо всех сил, словно пытаясь вмять кору в глубь древесины. Наконец он повернулся и поспешил за товарищами. Дерево ощутило дрожь в земле от его шагов. Это было последнее «прощай» достойного существа, не поленившегося провести ночь среди его ветвей. Если бы дерево обладало голосом, оно бы крикнуло... Нет, оно не просило бы их вернуться, провести еще одну ночь под его сенью, набрать побольше семян. Оно бы крикнуло: «В добрый путь!» и долго следило, как путешественники шагают к побережью. К сожалению, деревья безгласны, разве что порой иногда напевают что-то про себя. Вот и наше дерево попыталось помурлыкать, пошуршать листвой...

Так оно вновь осталось одно.

Однако на этот раз что-то стронулось в его душе. Когда один из путников обнял на прощание одетый в изборожденную кору ствол, дерево дрогнуло, словно часть пришлого из далеких краев существа влилась в древесную плоть. Его клетчатка ощутила прилив чуждой и доброй силы, странная вибрация пробежала по комлю.

Такое впечатление, что твердый слежавшийся грунт, в котором столько веков укреплялись корни, вдруг начал уходить из-под корней. Спустя тысячелетия дерево вновь припомнило уже забытые ощущения страшного полета, только сейчас все свершалось иначе. То ли земля уходила вниз, то ли дерево стало проваливаться... Не валиться набок, как подобает при смерти, а именно падать, держа ствол в вертикальном положении, без всякого вреда для ветвей и листьев.

Это падение продолжалось долго. Сперва дерево пронизало почву, затем каменистый грунт и, наконец, ушло в недра — твердые породы были горячи и текучи, как вода. Ему положено было сгореть, превратиться от жара в уголь, однако случилось чудо — оно уцелело. Дерево рассекало расплавленные породы с такой же легкостью, с какой юный побег рассекает нежный воздух.

Погрузившись еще ниже, дерево попало в слои, где все вокруг представляло собой раскаленную жидкость, где давление и температура должны были бы уничтожить его... Ничего подобного не случилось. Наоборот, оно начало вращаться вокруг центральной оси — поворачивалось медленно-медленно до тех пор, пока не оказалось в положении, где вся его жизнь на новом месте сама собой отодвинулась в прошлое, а впе-

реди замаячило направление, о котором дерево вспоминало все эти бесконечные годы.

Между тем оно все продолжало и продолжало погружаться. Хотя наверняка утверждать трудно. Вполне может быть, что оно начало всплывать. По крайней мере само дерево точно не знало и было сбито с толку.

Так или иначе, движение продолжалось — то ли вверх, то ли вниз. Скоро жидкий расплав сменили горячие камни, их, в свою очередь, — добрая жирная почва, правда, мало похожая на тот грунт, в котором дерево столько лет стояло. Земля была добрая, богатая солями и нитратами, а все-таки не та!

И вдруг крона увидела солнечный свет. Воздух был чистый и питательный, однако очень холодный, листьям даже зябко стало. Влаги в воздухе тоже было побольше — новое ощущение для листвы и ветвей, неожиданное, но захватывающее. Дерево еще двигалось, и на ходу листья дышали обеими плоскостями, ветки снимали жар, холодная влага обмывала разгоряченный ствол.

Дерево попало в необычную, чуждую обстановку. Все вокруг было иным: и растущие густо деревья, и частый подрост, и обилие цветов, и яркая травяная подстилка. Прошло несколько мгновений, и невиданные доселе птицы расселись по ветвям пришельца, странного вида жуки принялись обшаривать листву... Масса новых впечатлений обрушилась на дерево.

И ему почудилось, что все это оно уже когда-то испытывало. Смутно знакомыми казались и окружающий воздух, и птицы, и жуки. Особенно почва...

Это была та же самая округа, та же роща, в незапамятные времена разрушенная небывалым ураганом, но затем оправившаяся, вновь залесившая прибрежные холмы и долы.

Дерево вернулось домой.

Как это случилось, оно не могло объяснить, потому что никто этого объяснить не сможет. Оно просто знало, что именно здесь впервые увидело свет, вдохнуло воздух, расправило первый листок. Его окружало то же содружество бегающих, ползающих, летающих существ. Сколько раз вся эта живность успела смениться за столетия! Когда-то ветер унес молоденькое деревце на другой край земли, теперь иная сила вернула исполина домой.

Оголодавшие за время путешествия корни сразу же набросились на соки местной земли, погнали их вверх, насыщая уже начавшую засыхать плоть. Клетки очень нуждались в нитратах и воде, и всего этого здесь было вдоволь. Де-

рево вернулось к жизни, и никто не смог бы сказать, сколько лет у него впереди.

Со временем оно обратило внимание на соседей. Большинство из них принадлежали к той же самой породе. Более того, здесь росли крупные, давно повзрослевшие деревья.

Скоро первые птицы принялись вить гнезда на его ветвях — тоже новое и необычное чувство; дерево было благодарно им, старалось помочь, прикрыть листвой от ветра и холода. В укромном уголке завелись лесные пчелы, и спустя какое-то время в дупле народился улей. Сладость меда была необычайной наградой за все годы пребывания на чужбине. И стало ясно, что оно все-таки не сгинет бесследно, а передаст часть себя новой жизни.

Где-то глубоко внутри возродившееся дерево знало, что все эти чудеса оказались возможны лишь потому, что то ли век, а то ли тысячелетие назад неизвестное существо, проведшее ночь на его ветвях, на прощание обняло ствол. Потом гость покинул то место... Как мимолетное прикосновение могло пробудить тайные, подспудно дремавшие в природе силы?

Впрочем, исполненное новой жизнью, дерево располагало массой времени, чтобы стоять и думать. Именно спокойные размышления лучше всего даются деревьям, и наше дерево не являлось исключением. Если оно найдет ответ — хорошо. А если будет лишь продолжать стоять и расти — тоже хорошо.

Только об одном жалело дерево — вряд ли когда-нибудь ему доведется встретиться с теми незнакомцами и обнять их с той же силой и любовью.

XXVI

Эхомба глянул через плечо — много часов они шагали на север по дну расщелины, а впереди тянулась все та же скудная пустошь, которая лежала позади. Песок, камни и скалы.

— Никак не могу забыть то дерево. — Пастух переступил через небольшую промоину в земле. — Стоит одно-одинешенько посреди степи, ни единого стебелька вокруг. И, признаться, никогда раньше я не встречал такой доброты, исходящей от дерева.

— А мне доводилось. — Симна пнул ногой небольшой красный камень. — К северу от родных мест. Знаешь, какие там замечательные деревья, а орехи у них просто объедение!

— Охотно верю, — покивал Эхомба.

Слева от него шел Алита, таща за собой изрядно опустевший пузырь с запасами воды. Послушав разговор, кот фыркнул.

— Одно слово, всеядные! Жрете все подряд.

— Ну уж нет, — не согласился Симна. — Кошатина, к примеру, чересчур жилистая.

— Но как оно там оказалось? — Эхомба между тем продолжал размышлять вслух. — Так далеко от родственных ему пород. Должно быть, с ним случилось что-то необычное.

— Наверное, кто-то из путешественников, шагая через эту забытую Холосом страну, обронил семечко. Ну, может, два семечка! Какое-то из них прижилось. — Симне было непонятно, что могло заинтересовать Эхомбу в этой истории. — Ты задаешь слишком много вопросов.

— Все дело в том, что я люблю искать ответы.

— Не на всякий вопрос есть ответ. — Симна обошел скелет дракона. Полуразложившаяся кожистая перепонка напоминала кусок пересохшего пергамента.

Эхомба удивленно посмотрел на спутника.

— Конечно, и так бывает. Однако вопрос без ответа — это уже не вопрос.

Воин с севера открыл было рот, чтобы ответить пастуху... Потом на его лице появилось странное выражение, взгляд затуманился. Дальше он шагал молча.

Было раннее утро, солнце невысоко поднялось над горизонтом, и подступавшая жара отбивала охоту участвовать в споре по такому пустячному, с его точки зрения, вопросу. Тем более стоит только раззадорить Эхомбу, и того понесет. Лучше забыть, выкинуть это дело из головы — именно к такой практике чаще и чаще обращался Симна, наученный немалым опытом.

Дни текли без происшествий. Незаметно обнаружилось, что с дичью стало лучше. Конечно, до изобилия было далеко, однако зверья вполне хватало, чтобы удовлетворить Алиту, соскучившегося по свежей крови. Как, впрочем, и его компаньонов. Вскоре вдали показались шапки могучих пальм, выстроившихся, словно стражи, на краю пустынной, бесплодной местности. Приблизившись, путники обнаружили финиковые и кокосовые пальмы, а также те деревья, которые одаривали людей слоновьими орехами. Под защитой вскинувших зеленые шапки великанов островками скапливалась трава.

Когда же в русле пересохшей реки кое-где заблестели чистой водой маленькие озерца и стали попадаться оазисы, Алита скинул сбрую, с помощью которой все это

время он тащил почти пустой пузырь. Эхомба возразил — мало ли что ждет их впереди. Симна опять не вмешался в назревающий конфликт.

Победил Алита — и не с помощью логики, просто ему давно надоело тянуть лямку, да и плечи стали болеть. Симна между тем не сводил глаз с Эхомбы — все ждал, когда тот в качестве решающего аргумента пустит в ход магию, чтобы заставить исполинского кота подчиниться. К его разочарованию, Эхомба в конце концов уступил. Что это, спросил себя Симна, нежелание без серьезной причины применять свою тайную силу или... Северянин так и не решил, радоваться ли ему или горевать по этому поводу.

Они продолжали идти на север. Однажды, когда обнаружилось, что в этой местности с водой все равно плохо, Эхомба начал выговаривать большому коту — напомнил о неуместной торопливости и пренебрежении интересами товарищей. Алита в ответ рыкнул что-то невразумительное и отошел от пастуха. Так и тащился в стороне. Ссора закончилась на следующее утро, когда путники нашли яму, полную чистой воды. Вокруг нее изумрудной бахромой густо росли кусты и молодые пальмы, в гостеприимной тени которых они решили сделать привал. Здесь, у воды, было привольно птицам и мелким нутриям.

После того как путники отдохнули у пруда, Эхомба больше ни разу не заикнулся, что следует беречь воду. Он замкнулся и далее брел молча, вызвав в душе Симны целую бурю вопросов, на которые северянин так и не мог отыскать ответы. Если Эхомба могущественный чародей, путешествующий инкогнито — а сомневаться в этом было по меньшей мере глупо, — почему он так робок в обращении с чудесной силой? Что за щепетильность в обращении с каким-то котом?! Если же он не владел приемами магии, как объяснить его власть над небесным металлом и обладание сосудом с непонятной, но страшной жидкостью? Неужели причиной всему искусство деревенского кузнеца или проделки древних старух? Выходит, Эхомба всего лишь инструмент в чьих-то незримых руках?

Похоже, даже он, хитроумный и многоопытный Симна ибн Синд, не в состоянии проникнуть под вуаль, под которой пастух прятал свое настоящее лицо... Раздираемый сомнениями, Симна шагал за своим другом, боясь поверить, что судьба свела его лишь с полуграмотным пастухом, явившимся с дикого юга.

Непонятной была и реакция Эхомбы на вскоре открывшийся по правую руку удивительный замок. На этот раз он словно забыл об осторожности...

Первым укрепленный форпост заметил Симна.

— Гляньте, в той стороне мираж, — оповестил он товарищей и вновь перевел взгляд на лежавшую перед ним тропинку, по которой они следовали на север.

Эхомба остановился и, опершись на копье, принялся разглядывать фантастическое сооружение, стены которого поблескивали в восточной части горизонта.

— Что-то не похоже на видение, — наконец произнес он. — Надо бы подойти и посмотреть.

Симна возмутился — что за манера у этого пастуха тратить время на изучение всякой пустяковины, попадавшейся им на пути!

— Как ты себе это мыслишь, брат? С головой у тебя все в порядке? Ты, случаем, не перегрелся на солнышке? Или просто устал? Сегодня мы отмахали порядочно.

Эхомба глянул поверх его головы и скупо улыбнулся.

— Там и отдохнем. Пошли.

Он взял копье в руку — древко, как обычно, приняло горизонтальное положение — и прежним размеренным шагом двинулся в сторону призрачного замка.

— Я пошутил! — закричал Симна. — Ради Джеверана, я пошутил, Этиоль!..

Может, спросил себя Симна, его действительно хватил солнечный удар, а мы даже не заметили? В поисках поддержки он повернулся к третьему компаньону.

— Кот, ты что, не видишь, что происходит?! Почему бы тебе не взять его за загривок и нежно направить на верный путь? Вспомни, как вы поступаете с котятами!

— У него на загривке нет шерсти, — невозмутимо объяснил Алита. — Так что я и сам не замечу, как перекушу ему горло. Кроме того, мне тоже хочется посмотреть, что за мираж такой.

Он повернул вслед за пастухом и рысцой нагнал его.

Ошеломленный, Симна уставился на друзей, потом с отчаянием в голосе воскликнул:

— Вы совсем спятили? У вас осталась хотя бы капля здравого смысла? — Он ткнул пальцем в северном направлении. — Забыли, куда мы спешим?! С каждым днем мы все ближе и ближе подходим к цивилизованным местам. С каждым днем все явственнее их запах! Так куда же вы повернули? Мираж вам подавай! Решили устроить охоту на обман зрения?.. Да вы слышите меня или нет?

Далее он (уже, правда, тише) выговорил столько проклятий, сколько его изобретательная память могла выдать в течение нескольких минут. Затем опустил голову и рысцой догнал компаньонов — в конце концов эта экскурсия много времени не займет.

Если бы Симна знал, как ошибается!

— Интересно, — заявил Эхомба, приглядываясь к всплывавшему над горизонтом сооружению. — Настоящий мираж. Я слышал о таких чудесах, но видеть не приходилось.

— Что ты имеешь в виду — «настоящий мираж»? Как будто есть мираж фальшивый!

— Посмотри внимательно, мой друг. — Он указал кончиком копья на возвышавшийся замок. — Обычный мираж должен был растаять или удалиться от нас, а этот стоит на месте.

— Бред какой! Каждому известно, что... — Симна застыл, брови у северянина полезли вверх. — Кажется, ты прав! Но как, почему?..

— Говорю тебе, — Эхомба продолжал вышагивать, — это — *существующий* мираж.

Они шли в сторону уже ясно очертившихся крепостных ворот. На шпилях чуть заметно колыхались стяги самых разных земель, украшенные удивительными геральдическими символами. Это шевеление Эхомба отметил особо, так как в округе не было и намека на ветерок.

Путники остановились у главных ворот, створки которых были собраны из деревянных пластин, раскрашенных бледно-желтыми и розовыми полосами; по краям они были окованы каким-то голубоватым металлом. Обе створки были строго уравновешены и, по-видимому, легко открывались.

Симна остановился с разинутым ртом.

— Это невозможно! Прокляните меня, но этого не может быть!

Он попытался ухватиться за металлическую оковку. Пальцы встретили слабое противодействие материала, затем свободно проникли вглубь. Ощущения были такие же, как если бы он попытался поймать облако. Отдернув руку, Симна долго осматривал ее, а также кусочек голубоватой субстанции, похожей на туманное месиво, оставшийся на ладони. Северянин резко повернул кисть, и кусочек вырванной окантовки не спеша начал опускаться на землю. Коснулся песчаной россыпи и замер — частица неведомого волшебного вещества, из которого был сложен этот «существующий» мираж.

— Впечатляющие стены, — обретя наконец дар речи, с трудом выговорил Симна. — Боюсь только, осады им не выдержать.

Эхомба шагнул вперед, прямо сквозь ворота.

Створка, через которую он прошел, не остановила его, только в раскрашенной желтыми и розовыми полосами плоскости вырезалась ровная дыра, соответствующая очертаниям Этиоля. Потом отверстие начало затягиваться той же полупрозрачной взвесью. Алита странным образом мяукнул и бросился вслед за пастухом. От кота образовалась брешь побольше, и Симна, не теряя времени, сразу юркнул в нее, стараясь при этом не задеть краев. Вид у него, одолевшего стену, был как у победителя, захватившего город.

Путешественники оказались в поразительной красоты помещении, напоминающем парадную приемную, которая сделала бы честь любому королевскому или ханскому дворцу. Ряд огромных колонн, выстроившихся слева и справа от главного зала и горевших изнутри холодным розоватым пламенем, поддерживали высокие антресоли. Снизу верхний полуярус был украшен панелями, покрытыми резьбой по слоновой кости. Над всем видимым объемом зала возвышался играющий светом потолочный свод, в котором были прорезаны плафоны, закрытые излучающими мягкий свет стеклами. Что касается потолка, то эта часть помещения более всего напоминала нечто сооруженное из тумана или сгустившегося до облачной плотности пара. Чудо состояло в том, что и нижние конструкции, даже колонны, состояли из этой маловесомой взвеси, доведенной неизвестными мастерами до удивительного совершенства.

Впечатление было ошеломляющим. Все, на что натыкался человеческий глаз, радовало и изумляло; архитектурные детали, поражающие красотой и невесомостью, были уложены столь плотно, в таком гармоническом порядке, что интерьер так называемой приемной наполнял душу восторгом.

— Значит, вот как твой существующий мираж выглядит изнутри, — то ли спросил, то ли утвердительно произнес Симна. Голос при этом он понизил до шепота, хотя в замке было пустынно и безлюдно. Тем не менее он так же тихо добавил: — Я бы даже вообразить такое не смог.

— Конечно, — согласился Эхомба и шагнул вперед. Подошвы его сандалий беззвучно касались покрытого мозаикой пола. — И никто бы не смог. Внутреннее устройство миража — не для человеческого понимания, а совсем для других целей.

В этот момент в глубине зала что-то шевельнулось, и глаза у Симны расширились.

— Да? Тогда как ты объяснишь вот это?

На другом конце парадного зала вдруг обнаружился пьедестал, а на нем что-то вроде престола, величиной более напоминавшего ложе. Высотой он был чуть более трех метров, со спинкой, украшенной многочисленными розетками из драгоценных камней. Подушки разных цветов — лавандового, оранжевого, мандаринового с красноватыми оттенками — волнами ниспадали к подножию. И там, на них, в томных и изысканно-сладострастных позах располагались небесные создания с глазами крупнее сливы. Более красивых женщин трудно было себе представить. Разряженные в прозрачные нарядные ткани — или вовсе без одежды, — эти гурии украсили бы гарем любого султана или магазин богатейшего купца.

Заметив гостей, гурии не спеша начали подниматься со своих мест и, хихикая и перешептываясь между собой, спустились с пьедестала. Ослепительной красоты райские девы приветствовали путников. Их телодвижения были полны обещания и соблазна, в глазах, словно пламя ароматных свечей, играли жаркие, возбуждавшие страсть огоньки. Их взгляды и жесты были лукавы, зажигательны, стыдливо-страстны. Во второй раз со времени начала своего пути Эхомба испытал искушение забыть о любимой жене.

Оцепеневший Симна испытывал нестерпимые страдания. В его глазах по-прежнему стыла тревога, и в то же время по лицу все шире расползалась аппетитная ухмылка. Наконец, не в силах совладать с собой, он устремился вперед, к одной из дев, привлекшей его особое внимание.

Неожиданно путь преградило огромное, черного цвета пятно, заслонив образ гурии. Околдованный северянин, уже слабо соображавший, где он и куда спешит, попытался обойти залитое чернотой пятно. В этот момент вставший преградой кот мощной передней лапой решительно толкнул воина в грудь. Тот едва не упал. Но ярость Симны вызвал отнюдь не удар.

— Эй, приятель, если здесь нет подходящих для тебя кошек, не пытайся испортить удовольствие другим!

— Здесь даже не пахнет удовольствием, сластолюбец, — ответил Алита. Его взгляд был устремлен в один из затянутых слоями тумана боковых коридоров, огибавших приемный зал. — Пошли отсюда.

— Что?

Две прекрасные райские девы уже подплывали с обеих сторон к Симне. Эхомба, стоявший поблизости, помалкивал, его взгляд перебегал с этих удивительных дам на Алиту и обратно.

— Пошли отсюда. Как тебе еще сказать? Смажь пятки, убирайся прочь, беги!

После столь красноречивого предупреждения кот повернулся в сторону помоста, на котором стояло ложе, и попятился. При этом он все время настороженно глядел по сторонам.

Симна был откровенно растерян, и кот вновь принялся помогать ему толчками. На этот раз северянин повиновался — кто бы смог устоять против тычков такого огромного животного, как Алита, тем более что оно располагалось между Симной и... ничем.

Вся группа начала медленно отступать. Между тем очертания колонн и антресолей странно заколебались, поплыли в сторону; удивительный дворец неодолимо начало сносить вправо. Эхомба изготовил копье. Путешественники уже отошли от пьедестала, где стояло удивительное ложе и где все так же призывно протягивали к ним руки скомканные из тумана девы.

— Я не вижу... — напряженно начал пастух.

Не успел он договорить, как Алита внезапно зарычал, встал на задние лапы и передней правой кого-то ударил. Подобный удар с легкостью лишил бы человека головы. Длиннющие когти зацепили что-то невидимое, но вполне ощутимое, сбили нечто с того места, где оно находилось. Люди заметили только последствия удара: в воздухе засверкали золотистые блестки. Только тогда в густом полумраке обнаружилось что-то бесформенное, но с ярко пылающими глазами. Получив удар, существо гневно взвыло, и этот вопль эхом отразился от мерцавших стен. На бесформенном колыхании выступили красные капельки — кровь! — мелким алым дождем посыпавшиеся на пол. Чего путешественники совсем не ожидали, так это то, что пол внезапно начнет с голодным урчанием заглатывать капли. На нем проявились редкие завитки, они начали активно расти, обвивать путешественников за лодыжки.

Алита заревел, как ураган, вызванный им в свое время на состязание, и схватил лапами нечто незримое, попытавшееся, однако, сопротивляться. Невидимое существо резко отпрянуло назад. Непохожий на человеческий, тончайший вопль расколол густой влажный воздух. В следующее мгновение новая порция кровавых капель брызнула во все стороны, и даже люди попали под этот жуткий душ. Симна выхватил меч и прикрыл левгепа с тыла, хотя с той стороны ничего

вроде бы не грозило. Он во все глаза вглядывался в мутную туманную взвесь, но ничего не видел, кроме разве что удалявшегося престола, на котором в тех же изысканно-сладострастных позах безмятежно извивались райские девы...

Эхомба встал рядом с северянином, водя наконечником копья слева направо, словно очищая путь. Путники продолжали медленно пятиться к воротам.

— Видишь что-нибудь, Этиоль? — выкрикнул Симна.

— Нет, друг.

Рядом с громким хлопком вновь сомкнулись две могучие кошачьи лапы, и что-то незримое, третье по счету, испустило дух. В глазах Алиты горели бешеные огоньки. Сражаясь, губя невидимых врагов, он был в своей стихии. Из пола по-прежнему тянулись отростки, пытавшиеся опутать отступающим ноги.

Две отчаянно жестикулирующие девы с душераздирающим стоном сорвались с престола и прямо по подушкам бросились к путешественникам. Они бежали, раскинув руки, и взывали к гостям на неизвестном ни Симне, ни Этиолю языке. В намерениях красавиц нельзя было ошибиться — гурии умоляли чужестранцев взять их с собой, вызволить из этого страшного места.

В следующее мгновение что-то яростно взревело. Девы буквально взлетели в воздух и упали на ворох подушек и мягких покрывал. Над всем необъятным ложем легким облачком всплыли пушинки. Женщины горько зарыдали.

Между тем путники продолжали отступать к выходу из парадного зала. Ни Этиоль, ни Симна ни на мгновение не ослабляли бдительности и пристально вглядывались в туманную хмарь, сгущавшуюся перед ними. Алита продолжал рычать и время от времени наносил смертельные удары подступавшим к ним незримым врагам — воздух то и дело взрывался кровавыми брызгами.

Так они пропятились через весь парадный зал и вышли за стену. Внезапно под ногами захрустели песок и камни. Крепостные сооружения и шпили, осененные медленно колыхавшимися стягами, по-прежнему тянулись ввысь, но всю ширь голубого свода не закрывали.

— Теперь бегом! — скомандовал Алита.

Люди со всех ног принялись улепетывать от сказочного замка. Алита мог бы бежать в десять раз быстрее, однако предпочитал держаться сзади — трусил легкой рысцой и все время оглядывался.

Мираж и не думал их преследовать. Скоро левгеп сбавил ход.

— Все в порядке. Он уходит.

Люди сразу остановились, обернулись и, тяжело дыша, некоторое время неотрывно наблюдали за удивительным облачным сооружением. Покрытый подобием пуха, сверкающий замок неожиданно померк — так бывает с луной, когда ее прикрывает наползшее облачко или в преддверии утра, когда ее полновесный золотистый цвет мгновенно блекнет. Наконец последний всполох пронзил пространство между землей и небом, и в следующее мгновение мираж исчез из виду.

Симна бессильно опустился на колено, рукой держась за грудь.

— С чем это нам пришлось сражаться? Ни о чем подобном даже не слышал!

— Евпупа! — Этиоль навалился на копье. — Слышать мне о них приходилось, а встречаться — нет.

Северянин, наконец придя в себя, теперь вдыхал глубоко, часто. Затем вложил меч, которому так и не нашлось работы, в ножны.

— Тогда как же ты узнал, что это евпупа?

— Мне рассказывали, что живут эти существа в самых засушливых, безлюдных уголках и выбираются очень редко и только в своих жилищах. Да-да, именно миражи служат им домом. Рассказывали также, что в самый длинный день в году, когда солнце стоит высоко и жар становится нестерпим, ты можешь почувствовать прикосновения чего-то невидимого. Что-то прилипчивое изучает твои щеки, грудь, заглядывает в глаза. Вне пределов своего дома евпупа может разве что на некоторое время затуманить человеку мысли. Ты никогда не задумывался, почему так много людей, пересекающих пустыни, гибнут не ночью, а в светлое время суток? Иногда всего в нескольких шагах от воды или от тех, кто мог бы оказать помощь?

Пастух замолчал и долго вглядывался в полуденное марево, густо завесившее горизонт.

— Это все проделки евпуп. Они кружат голову и туманят взор, пока ты не потеряешь направление. Тогда вместо того, чтобы спешить к воде, ты начинаешь, спотыкаясь, удаляться от нее. Или бродишь кругами, не видя знаков, которые могли бы принести спасение. Затем евпупы устраивают пир и отгоняют пожирателей падали, пока не высосут из жертвы все соки, вплоть до души.

— Клянусь детьми Гуитена! — прошептал воин. — Мы были недалеко от подобного исхода. — Тут он озадаченно нахмурился. — Однако как же красавицы? Разве они

евпупы? Я их отлично видел, они были вполне осязаемы и очень даже того... телесны.,

Симна даже глаза закатил от чувственных воспоминаний.

Эхомба поджал губы, опустил голову и принялся разглядывать разбросанные возле ног мелкие камни.

— Не спорю, их трудно было не заметить, — наконец ответил он. — Может, в том и состоял замысел евпуп, чтобы с их помощью заманить нас поглубже в недра миража, где было бы легче лишить нас всякой надежды на освобождение. Они могли бы высосать из нас души, даже не дожидаясь нашей смерти.

А прекрасные печальные девы... Скорее всего это души тех женщин, которые когда-то погибли в пустыне. Мало ли что могло случиться: отсутствие воды, небрежность, неудачные роды, падение со скалы... Души их украдены евпупами. Украдены и доставлены в мираж, чтобы прислуживать тем, кого мы увидеть не в состоянии.

— Конечно, их души рвутся на волю, хотят обрести покой. — Этиоль на мгновение горестно прикрыл глаза. — Но тут ни ты, ни я ничего сделать не можем. Каким образом евпупы принуждают их служить себе, я не знаю. И знать не хочу.

Он поднял голову и повернулся лицом к северу.

— Прочь из этих мест! И постараемся не думать больше о том, что здесь видели!

— Подожди! — воскликнул Симна и вынужден был трусцой нагнать Эхомбу. Он схватил его за рукав. — Они были так обольстительны, каждая из них... Даже более чем обольстительны. Они были прекрасны, буквально светились. Как же так? Вряд ли все женщины, погибшие в пустыне, были красавицами. Или евпупы выбирают только таких, которые могут оказаться им полезными?

Эхомба не остановился, только на мгновение чуть убавил шаг и ответил с нескрываемым разочарованием:

— Симна ибн Синд, дружок! Ты, который похвалялся, что насчет женщин тебе известно все и даже больше... Ты, который столько раз твердил, что все эти знания приобрел на основании личного опыта... Оказывается, ты даже не догадываешься, как каждая женщина видит себя изнутри!

Он начал шагать шире, энергичнее, словно быстрой ходьбой хотел приглушить всколыхнувшие его воспоминания.

Симна нахмурился, обдумывая слова товарища, покачал головой и подошел к Алите.

— Слышишь, кот, в первый раз мне пришлось сражаться с незримым врагом. Нам здорово повезло, что ты разглядел этих евпуп.

Только сейчас он обратил внимание, что огромная пасть зверя выпачкана в чем-то темном. Время от времени Алита вылизывал толстенным языком нижнюю и верхнюю челюсти.

— А я их и не видел.

Симна удивленно поморгал.

— Как же ты сумел расправиться с ними? Как обнаружил?

Кот поднял голову, и большущие желтые глаза глянули на северянина.

— Это только ты, парень, ничего вокруг себя не видишь. Разве ты не замечал, как кошка — любая кошка! — вдруг настораживается и внезапно бьет лапой по воздуху? Мы *видим*, человек. — Глаза хищника сверкнули. — Вокруг много такого, чего вам, людям, не разглядеть. Кое-что ерунда, кое с чем играем, кое-что, — он слегка зарычал, — убиваем.

Алита демонстративно прибавил шаг.

Симна почесал подбородок и уставился на покачивающийся перед его глазами хвост.

— Знаете что?! — заявил он в спину идущим впереди товарищам. — Да, мое зрение не такое уж зоркое — и хорошо!

Северянин расправил плечи и поспешил за Эхомбой.

В следующее мгновение ему почудилось, как что-то незримое, упругое вроде бы коснулось его лица. Симна вздрогнул и незаметно огляделся — ничего. Должно быть, ветер...

Вот сволочной кот, подумал он с раздражением. Специально несет всякую чепуху.

Между тем впереди, впервые за долгие дни, показались купы деревьев. Симна воспрянул духом, расправил плечи и попытался выкинуть из головы неуместные мысли.

Ох уж эти маги и коты!.. Более угрюмых и неподходящих спутников трудно было вообразить.

XXVII

В тонкости душевных качеств и любви к рассуждениям Симну обвинить было трудно, однако что касалось зрения, тут он ничем не уступал Этиолю. И древесные кроны ему не померещились.

— Наконец-то, — пробормотал Эхомба и, наглядевшись досыта на приятный глазам пейзаж, начал спускаться с пологого холма. Сверху ему удалось рассмотреть реку,

по обеим берегам которой виднелись ухоженные поля и сады. По-видимому, была пора цветения, и зелень только местами виднелась сквозь золотые и белые созвездия, усыпавшие сады.

Северянин бросил на Эхомбу удивленный взгляд.

— Что значит «наконец-то»? Чем тебя воодушевили цветущие сады? Вот уж никогда бы не подумал, что житель пустыни обрадуется зелени!

— Мне действительно по сердцу земля, откуда я родом, — промолвил пастух. — Но это вовсе не значит, что мне не нравятся иные края. Каждый человек способен оценить прелесть чужих земель, не разлюбив родины.

— Тогда почему бы тебе не переехать? — спросил Симна. — Выбрали бы место получше, и всей семьей, всей деревней перебрались бы туда, где полно воды, где жирная земля...

— Какой бы благодатной ни была такая земля, это не наш дом, — убежденно ответил Эхомба. — Много на свете мест, где полно воды и плодородных почв, но они не всем могут стать родиной.

— Почему?

— Предки. Традиции. Дух родины нельзя пересадить как лук. В каждой округе есть что-то свое: запахи, дали, воздух, наконец... — Он нащупал в кармане мешочек с морскими камешками. — Даже грунт, по которому ступаешь. Образ жизни...

Эхомба посмотрел на Алиту, шедшего рядом, затем продолжил в том же тоне:

— Трудности, с которыми боролся всю жизнь. На новом месте это все иное, чуждое тебе, а то и враждебное. Человеку ничего не стоит сняться и отправиться в путь. Вот остальное... — его голос дрогнул, — остальное куда как трудно.

Симна понимающе покивал.

— Сочувствую, брат. А мой дом — там, где я прилег отдохнуть. Место, где сытная кормежка, мягкая постель и добрая женщина. Или лучше так: мягкая женщина и добрая постель.

Эхомба искоса взглянул на товарища.

— В таком случае я должен тебе посочувствовать... Или ты должен посочувствовать мне.

— Я нам всем троим сочувствую, — неожиданно вмешался Алита. — Вам двоим, безволосым, болтливым и неловким — обезьяны, вы и есть обезьяны, только двуногие. Себя тоже жалею за то, что связался с вами. — Отвернувшись, кот глухо зарычал. — В следующий раз я не стану так глупо жертвовать своей кошачьей жизнью.

— Постараюсь учесть, — ответил пастух.

Теперь они шли натоптанной узкой тропинкой, что вилась между ухоженными, покрытыми листьями таро и ямса полями. По межам густо росли заросли юкки, ее листва затеняла молодую поросль.

— Странно! — неожиданно сказал Эхомба. Сузив глаза, он внимательно осмотрел огороженные делянки и похожие на сливу плодовые деревья. — Почему вокруг пусто? Поля хорошо обработаны, все растет и плодоносит. Для диких животных просто рай, обильное пиршество!.. Почему же крестьяне не охраняют поля? А уж появление трех чужестранцев вообще обязано было привлечь их внимание. Кто знает, может, мы воры, которые только и метят, как бы посягнуть на урожай.

— Точно, — кивнул Симна. В его голосе звучали любопытство и тревога. Северянин озирался по сторонам, по-видимому, не очень-то доверяя мирному виду живописной местности. — Если бы я был хозяином всех этих полей и садов, я бы не расставался с луком и стрелами и уже давным-давно встретил незваных гостей. Стоило бы кому-нибудь пересечь вон ту линию, — он указал на деревья позади, — как тут же встал бы в засаду.

— Жилище, — перебил его Алита. Подняв лапу, кот указал на восток.

Действительно, в той стороне виднелись три строения. Подворья были разделены зарослями дикого терновника. Ворота, ведущие к домикам, были распахнуты настежь.

Симна приложил согнутую ладонь к губам и закричал:

— Эй! Командир легиона бобов, встречай гостей!

Никто ему не ответил.

Северянин пожал плечами и первым вошел в ворота.

Окна ближайшей лачуги были застеклены, однако стекло было плохого качества, мутное, и не позволяло разглядеть, что творится внутри. Державшийся сзади Эхомба с тревогой в голосе произнес:

— Не люблю вторгаться без приглашения на чужое подворье.

— Ты полагаешь, что здесь кто-то есть? Нельзя вторгнуться в чужие пределы, если у этих пределов нет хозяев. Почему никто не откликнулся на мой призыв? — парировал Симна и вошел в дом.

Алита остался с Этиолем — не потому, что уважал чужую собственность (такое понятие было ему неизвестно), а просто внутреннее устройство человеческого жилища не занимало зверя. К тому же во всяком огороженном, стиснутом, переполненном чуждыми запахами пространстве он испытывал что-то вроде клаустрофобии.

Симна вышел из дома явно удивленный.

— Пусто, — сообщил он товарищам. — Даже более того — все брошено. Кладовая забита едой. Посуда в шкафу, постельное белье в комоде. Постели заправлены, но не видно, чтобы кто-то на них спал в последнее время. — Северянин помолчал, рассеянно глядя на ближайшие деревья. — Люди, жившие здесь, ушли не очень давно и без всякого намерения вернуться. Как подсказывает мне опыт, такое бегство беспричинным не бывает. Для этого требуется серьезный повод.

— Давай посмотрим в других домах, — предложил Эхомба.

Они так и поступили. И нигде не нашли признаков подготовки заблаговременного отъезда.

— Поблизости наверняка есть город, — высказал предположение Эхомба. — Возможно, все туда и сбежали?

— Должно быть, так. — Симна держался бодро, словно хотел передать товарищам свой оптимизм. — Мало ли, ушли на какой-то праздник... Может, обычай такой!

— Не переправились ли жители на другую сторону реки? — спросил Эхомба, указывая наконечником копья в ту сторону. — Там и ферм побольше, и садов, и полей. Дальше, по-моему, я видел холмы. Если здесь есть укрепленное место, то понятно, что его расположили там, где больше естественных препятствий.

— Ладно, пойдем, — рыкнул Алита и направился по направлению к реке. — Если мы собираемся купаться, надо побыстрее залезть в воду, пока солнце не село. А то когда я высушу шкуру!..

Однако переправляться через реку вплавь им не пришлось. На противоположный берег вел широкий деревянный мост. Возведен он был искусными мастерами, по нему запросто могла проехать самая большая повозка, запряженная волами. На другом берегу путники встретили ту же самую картину, хотя здесь дома стояли гуще и некоторые были из камня.

— Точно какой-нибудь праздник, — весело заявил Симна, пытаясь показной безмятежностью прикрыть овладевшую им тревогу. С чем-то ужасным, что выгнало людей из их жилищ, ему, только что ускользнувшему из лап евпупы, было трудно примириться.

— Боюсь, что ты ошибаешься, — сказал шагавший сбоку огромный черный кот. — Я вообще не люблю, когда много шума — если, конечно, не я сам создаю его.

— Может, карнавал или чей-то юбилей... — упорствовал Симна.

Как только группа приблизилась к холму, походка северянина заметно изменилась. Теперь он шагал тихо, ногу ставил осторожно, все время озирался.

— Слушай, кот, а по мне немного шума не помешало бы, а то все местные словно воды в рот набрали.

Как только они взошли на вершину пологого, покрытого мелким леском холма, тропинка расширилась до ухоженной проселочной дороги. На ней отчетливо различались две колеи, оставленные повозками, а также, в сырых местах, отпечатки обуви.

Вскоре путники добрались до временных стоянок, где наконец нашли местное население. Здесь были мужчины, женщины, старики, дети, состоятельные, бедные... На лицах взрослых отчетливо читались предельная усталость и замкнутость. Даже дети были невеселы и угрюмы, никто не подбежал к путешественникам. Все настороженно поглядывали на чужаков.

Старики и старухи, прислонившись к шершавым, в трещинах, стволам пальм, оцепенело сидели на земле. Только собаки увлеченно носились вокруг доверху груженных домашним скарбом повозок — гоняли маленьких кенгуру-валлаби. В свою очередь кошки забирались повыше и царственно восседали на кипах постельного белья. Всякая пернатая живность от какаду до попугаев-ара энергично верещала в сплетенных из проволоки или прутьев клетках, но даже их громкие крики не могли развеять сгустившиеся над лагерями печаль и уныние.

Конечно, жизнь не замирала и здесь: женщины на маленьких костерках по-прежнему готовили пищу. Вот что поразило Эхомбу — среди этой многочисленной, снявшейся с родных мест массы кочующего народа не было вконец отощавших, страдающих от голода, не видно было и следов насилия или зверств, способных кого угодно выгнать из родных гнезд. Исключая мрачный настрой и приметы откровенной депрессии, люди выглядели упитанными и здоровыми.

Никто даже не пытался заговорить с путниками, пожаловаться... Однако при виде Алиты настроение местных жителей тут же менялось. Они злобно, с ненавистью поглядывали на огромного кота. Что касается левгепа, то зверь невозмутимо игнорировал откровенную неприязнь, посматривал на устроившихся на возах кошек (они явно чувствовали себя общими любимицами), переглядывался с товарищами. Кошки при приближении царственного зверя тут же старались выказать, что они прекрасно понимают, кто хозяин в их роде — шипели, сгибали спины.

Путешественники между тем шли и шли на север, а усталых, потерявших всякую надежду людей все прибывало.

— Что здесь происходит? — спросил окончательно сбитый с толку Симна, без конца поглядывавший по сторонам. — Откуда идет народ? И куда? — И сам себе ответил: — Не от реки же. Там в домах вещи лежат нетронутые. А эти, похоже, прихватили с собой все пожитки.

Он на минуту примолк, в который раз пытаясь угадать, что за беда заставила людей сняться с насиженных мест.

— Вы только взгляните на них! — Симна вновь попытался привлечь внимание спутников к беженцам. — Измотаны до предела, до сих пор не могут в себя прийти. Такое впечатление, что они напрочь забыли, откуда и куда бредут. Я уже встречал такие лица — это когда людей ведут с арканами на шее. Обычно народ покидает родные дома, когда на то есть серьезная причина. Например, когда нападут разбойники или мародеры. Но по лицам местных не похоже, чтобы с ними произошло что-то ужасное. С виду они сыты и здоровы. Клянусь Гистемой, в этом есть что-то ненормальное. Даже дети смотрят так, будто всю последнюю неделю их кормили исключительно отчаянием и безнадежностью.

Эхомба произнес:

— Меня больше всего интересует, что случилось с крестьянами, жившими на той стороне реки. Куда они все подевались?

Он пристально глянул в сторону холма, на который взбегала дорога, потом добавил:

— Что-то здесь происходит... Симна, дружок, вряд ли это праздник или какое-нибудь торжество.

— Да понятно, но что именно?

— Ответ скорее всего лежит за тем холмом. Или за следующим.

Они продолжили путь. Эхомба методично помогал себе тупым концом копья — опирался на него во время ходьбы. Длинная фигура пастуха напоминала равномерно отсчитывающий время маятник. Симна подтянулся, шагал в ногу; если посмотреть со стороны, они скорее маршировали, чем неторопливо брели на север.

Холмы впереди были невысоки, но подъем долог. За первой цепью открылась следующая. Дорога петляла, так что только через неделю путники добрались до вершины последней, самой высокой гряды.

Чем дольше они шли, тем все более густые толпы теснились на обочинах дороги. Все чаще встречались ла-

геря. Вскоре людям стало тесно у дороги, и кое-где отдельные семьи забирались подальше и разбивали отдельные стоянки. Народ был все тот же: фермеры, горожане. Сколько раз путешественники пытались расспросить снявшихся с мест беженцев, что же все-таки случилось, но те первым делом бросали недобрые взгляды на Алиту, затем поспешно и молча ретировались.

Не желая наводить панику на каких-нибудь особо впечатлительных беглецов и понимая, что нельзя долго держать левгепа на голодном пайке, Симна и Эхомба продолжали путь, надеясь, что в конце концов им повезет и они встретят человека, способного связно объяснить, что же случилось в этой округе.

Все стало ясно, когда они наконец добрались до гребня последнего холма, на который привела их дорога. То, что им довелось увидеть, не поддавалось описанию.

Впереди лежала широкая ухоженная равнина. Погода в тот день выдалась ясная: редкие облака, напоминавшие крепостные башни, плыли по небосводу, на местности же первым делом бросались в глаза многочисленные реки и протоки, серебряными нитями поблескивающие на солнце. Вся округа представляла собой ухоженный, освоенный край. Аккуратно очерченные квадраты полей и садов, леса, с каким-то мудрым изяществом вписанные в границы сельскохозяйственных угодий; были на равнине и города, чьи очертания различались даже на таком расстоянии, — все говорило о щедрости и благодатности этой земли.

Изумляло другое — справа от подножия холма на всем обширном пространстве не было заметно работающих людей: поля пусты, города безлюдны, на реках ни одной лодчонки. В садах от обилия плодов гнулись ветви, однако ни единого сборщика там не было, луга томились без скота. Кое-где в небо поднимались струйки дыма, но к печным трубам они не имели никакого отношения. Приглядевшись, Эхомба понял, что дым вставал над пожарищами. Судя по их расположению, горели мельницы, мастерские, склады и зернохранилища и, конечно, жилые дома, хотя и редко. Разрушения были ограничены и лежали на местности редкими пятнами, следов всеобщих и повальных грабежей видно не было, словно кто-то сознательно метил свой путь или таким странным образом пугал обитателей.

Равнину, где так привольно было городам, лесам, полям и пастбищам, пересекала высокая — не менее четырех десятков метров — сложенная из желтого камня стена. В верхней части она имела не менее десяти метров в ширину, по ней свободно могли проехать большие повозки. Или те же

колесницы, решил Симна, а может, и кавалерия... Или пехота, поделенная на сотни. Вот это наблюдение было ближе к действительности — вооруженные фигурки, сплоченные в боевые ряды, вырисовывались по всей длине стены, протянувшейся без конца и края с востока на запад.

Этот каменный вал был выстроен, сообразуясь с местностью. Где-то стена отступала, где-то выдвигалась на юг, подлаживаясь под водотоки, а где-то клином выступала в северном направлении. Через каждую четверть мили над ней вздымались башни, высотой превосходившие стену метров на двадцать.

Непосредственно за бастионом путешественники разглядели огромные цветастые шатры, а чуть дальше — боевые флаги и вымпелы стоявшей лагерем армии.

Алита, с чьим зрением не мог сравниться ни один человек, разглядел детали.

— По-моему, там есть мастодонты. — Прищурившись, он добавил: — И глиптодонты. Другие слоны и даже несколько белутерумов.

Симна кивнул.

— Это понятно, только с кем они собрались воевать? — Он указал направо, на подножие холма.

В той стороне чьи-то вражеские отряды, наступавшие с юго-восточного направления, сокрушали все на своем пути. Солдаты маршировали по полям, вытаптывали посевы, рушили дома. Чуть поодаль, ближе к стене, виднелось войско, готовое дать отпор. Но кому? Тем, кто находился за стеной, или полчищам, наступавшим с юга? Главные силы защитников располагались лицом к стене, а подступавшим с юга захватчикам противостояли редкие заставы.

Первыми, кого отметил Эхомба среди защитников этой земли, были гномы, одетые в свои традиционные одежды из кожи и грубой материи. В их рядах также находились ареты, или лесные люди — все высокие, стройные, одетые в кору, — и великаны, живущие на западе. Виднелись и незнакомые Этиолю существа. Вот в ком нельзя было ошибиться, так это в обезьянах. Их светлые доспехи так и сверкали на солнце. Элитные отряды состояли из шимпанзе и других человекообразных, мелкие собратья группировались в куда более многочисленные подразделения.

Очевидно, вся эта разношерстная компания, жившая здесь в сытости и довольстве, объединилась, чтобы противостоять неприятелю. Другое было непонятно: почему для

сражения выбрано такое неудобное место и как понять построение главных сил лицом к стене?

— Что-то странно, — пробормотал Симна, пристально вглядывавшийся в поле боя. — Послушай, может, враги уже захватили стену? Или, может, эту преграду возвели специально, чтобы отражать наступление с южной стороны, и теперь их отбросили под самую стену, а она в руках неприятеля?

— Я уже думал об этом, — откликнулся Эхомба. — Однако если эти люди решили защитить себя от агрессии с юга, почему они заранее отдали противнику так много своей земли? Почему не возвели стену на границе с пустыней или хотя бы на тех холмах, где мы впервые добрались до деревьев? Куда разумнее было бы укрепить берег реки, через которую мы перешли, — там и берега обрывистые, и течение быстрое.

— Действительно, уму непостижимо. — Северянин указал рукой на поле битвы. — Кому пришло в голову строить укрепления посреди чистого поля? А может, те люди, мимо которых мы шли все это время, и есть захватчики, а на стене и возле нее собрались защитники?

Эхомба отрицательно покачал головой.

— Исключено. Если на стене защитники, как объяснить, что некоторые дома и фермы горят на их стороне? Да и вспомни виденных нами людей — что-то они мало похожи на злобных захватчиков.

— М-да, — согласился Симна. — Так что же здесь происходит?

Эхомба разглядывал многочисленные стоянки, расположенные на склонах холмов. Ниже, в рядах войска, собранного из двуногих существ, шли приготовления к решающей битве, однако в их рядах не было порядка — это было заметно даже с вершины холма. Отряды строились по родам и племенам, их командиры подчинялись приказам скорее в силу вассальной зависимости, чем согласно требованиям воинской дисциплины. Внизу отчетливо просматривались не поддающиеся осмыслению маневры. По-видимому, командованию еще необходимо было найти какое-то подобие единства среди всей этой массы самых странных существ, подчинить единому плану наименее буйных и вменяемых и хотя бы каким-нибудь образом сплотить их в организованную армию.

— Ситуацию необходимо прояснить, иначе мы никогда не доберемся до побережья, — проворчал Этиоль. — Алита, ступай и приведи сюда кого-нибудь, способного связно объяснить, в чем здесь дело.

Кот поиграл кустистыми бровями, словно нахмурился.

— Почему я?

— Потому что я не хочу тратить время на уговоры. А с тобой спорить не будут.

Кот рыкнул и в следующее мгновение исчез в зарослях, направляясь к ближайшему лагерю, расположенному у подножия холма. Пока зверь отсутствовал, Эхомба и Симна занимали себя тем, что пытались отгадать, что же все-таки происходит внизу.

Очень скоро огромный кот приволок мужчину средних лет. Он тащил его за подол дорогой расшитой рубашки. Глядя на пленника, Эхомба отметил, что мужчина грузный, упитанный, на вид здоровый и преуспевающий, а покорно тащится вслед за зверем. Возможно, он не испытывал большого желания принимать участие в битве?

С презрением посматривающий на пленника Алита мотнул головой, разжал челюсти, и мужчина тут же упал на землю и распростерся в земном поклоне.

— О неизвестные воины! Умоляю вас, пощадите ничтожного!

Он ударился лбом о землю да так и остался лежать лицом вниз; при этом его била настолько крупная дрожь, что Эхомба испугался, как бы он не вышиб себе мозги.

— У меня расстройство желудка, вот почему я не могу принять участие в замечательном сражении. Клянусь предками, я говорю правду!

Мужчина осторожно поднял голову, взглянул робко сначала на Симну, потом на Эхомбу. Затем сунул руку в карман и вытащил скрученный в трубку пергамент, недолго поразмышлял и протянул его Эхомбе.

— Взгляни, господин! Здесь все написано, как мне не повезло со здоровьем. Я хил и слаб. Будь по-другому, я тут же присоединился бы к нашим отважным гражданам и союзникам и первым бросился бы на врага.

Симна фыркнул.

— Он действительно страдает расстройством желудка. Только я сказал бы по причине избыточного веса и неумеренной трусости.

— Встань, — приказал Эхомба, почувствовавший некоторое неудобство. — Поднимайся с колен, покажи свое лицо. Мы не собираемся тебя наказывать, и никого из нас ни в коей мере не интересует состояние твоего живота. Мы только зададим тебе несколько вопросов.

Мужчина недоверчиво глянул на них и, по-прежнему дрожа, поднялся. Увидев, что огромный зверь безучастно вылизывает свой живот, он немного успокоился.

— Вопросы? Я всего лишь бедный купец, торгующий галантереей. Что я могу знать, кроме своего дела и семьи? Они единственные, кто помянет меня.

— Ты можешь скоро вернуться к ним, — заверил его Эхомба. — Вопросы нетрудные.

Острием копья он указал на видневшуюся вдали стену и ряды воинов, выстроенных у ее подножия.

— Что здесь происходит? Война? Наверное, не на жизнь, а насмерть. Мы долго добирались сюда по холмам и повсюду видели великое множество беженцев. Заходили в брошеные дома, где все лежало в целости и сохранности. Может, мужчины спешили в войска, а свои семьи спрятали в надежных укрытиях?

— От членггуу не спрятаться! — простонал пленник. Однако любопытство несколько приглушило неподдельный испуг, и он с интересом поглядывал на Эхомбу и северянина. На исполинского кота мужчина старался не смотреть. — Кто вы, люди? И откуда, если никогда не слышали о войне с членггуу?

Эхомба качнул копьем, направил наконечник на полдень.

— Мы пришли с далекого юга, друг. Итак, вы сражаетесь с членггуу. Никогда о таких не слыхивал. Это что, давняя вражда или вы в первый раз с ними столкнулись?

— Членггуу постоянно беспокоили жителей Квиппы. Сколько горя они доставили нам за эти века!.. Но с редкими и разрозненными бандами нам удавалось справляться. Много лет назад они ударили, уже объединившись в войско. Наша армия устроила им отличную выволочку, и с тех пор на земле воцарился мир. Так повторялось несколько раз. Они пытались испробовать новую стратегию, применить новое оружие, но каждый раз крестьяне и купцы встречали врага, контратаковали и гнали... — он кивком указал в сторону равнины, — до самой пустыни.

Эхомба повернулся и глянул в сторону поля боя.

— Как насчет стены? Сооружение, конечно, выдающееся, но, хотя я и не солдат, мне кажется, возведено на неудачном месте. Мы решили, что, возможно, это ваша стена, а врагам удалось захватить ее.

— Наша стена? — Купец горько рассмеялся. — Если бы! Тогда мы могли бы легко выбить членггуу с их позиций и столкнуть в море.

 Эхомба встрепенулся.

— В море? Здесь недалеко до океана? — Он пристально вгляделся в западном направлении. Выходит, смутное пятно, что едва вырисовывалось на горизонте, это Семордрийский океан? То-то у него сердце ныло... Как нестерпимо долго его глаза не видели зеленоватых пенных волн!

— Ты имеешь в виду Семордрию? — спросил купец.

Эхомба кивнул, и пленник отрицательно покачал головой.

— Ты, наверное, действительно родом с далекого юга. — Он поднял руку и указал на запад. — Семордрия лежит на огромном расстоянии от наших краев, там, где садится солнце. Я человек маленький, и со средствами у меня скудно, так что я сам никогда не видел океанских вод.

Затем он указал на север.

— А там лежит море Абоква. Тоже много воды, но куда меньше, чем в Семордрийском океане. По морям ходят торговые корабли из многих стран и городов, возят всякую всячину. Мне рассказывали, что кое-кто добирался и до западных пределов Семордрии, но так это или нет, утверждать не могу. Я только передаю, что слышал от других купцов. Лично я никогда не встречал смельчаков, которые отважились бы пересечь Семордрию с востока на запад.

Эхомба вздохнул.

— Как раз это мне и предстоит.

Брови у купца полезли вверх.

— Пересечь Семордрию? Ты, однако, храбрый человек.

В этот миг в разговор вступил Симна:

— Если нет кораблей, способных переплыть океан, как же мы переберемся на противоположный берег? Я, конечно, хорошо плаваю, но я не рыба.

— Помнится, — молвил купец, почесав щетину на подбородке, — в детстве я слышал сказки о чудовищах, живущих в глубинах Семордрии. Они на кого угодно способны навести смертельный ужас. Мне кажется, что даже рыбы неохотно отправятся в подобное путешествие. Однако ходят слухи, будто в богатых землях на дальней оконечности Абоквы есть портовые города, где строят корабли куда больших размеров, чем у нас. Кто знает? Возможно, тебе удастся найти корабельного мастера и потерявших рассудок моряков, чтобы попробовать добраться до противоположного края Семордрии...

— На этом и покончим, — прервал его Эхомба. — Теперь что касается стены. Я уже говорил, стена выдающаяся. Позади нее я различаю ухоженные поля, дома, некоторые из них сожжены. Если это не ваши владения, значит, все это

принадлежит членггуу. Но зачем они разрушали свои же постройки, и как им удалось заманить вас и прижать к стене?

Купец отвел глаза.

— О моя бедная семья! Как они там, одинокие? Наверное, не могут прийти в себя, рыдают, что нет меня рядом...

Симна положил руку на рукоять меча.

— Об этом мы поговорим попозже. Пусть пока спокойно рыдают, а ты отвечай на вопрос.

— Вы что, в самом деле не знаете? — Купец тяжко вздохнул. — Никто ее, эту Стену, не строил! Когда она впервые появилась в окрестностях Мектина, мы не поверили, что членггуу в короткое время сумели возвести такое колоссальное сооружение. Люди Квиппы не сразу распознали истинную природу Стены, за что и поплатились.

Что мы могли поделать? Наши воины бились насмерть, но Стена так высока и могуча! Кто в состоянии ее сокрушить!.. Теперь мы не с членггуу сражаемся, а пытаемся остановить Стену.

Симна резко обернулся, окинул взглядом поле битвы, затем так же стремительно обратился к купцу:

— Выходит, членггуу наступают под прикрытием Стены? — Он еще раз взглянул на стену, расколовшую прибрежную сторону почти посередине, с запада на восток. — Или они сами двигают ее? Но это невозможно!

— Что невозможно, путник, это мы и сами знаем, — откликнулся купец. — Членггуу не двигают Стену. Наступая вперед, она прижимает нас к пустыне. Вот почему так много беженцев оказалось на вашем пути. Но идти нам некуда. Мы зажаты между пустыней и Стеной. — Он горестно повесил голову, затем окинул взглядом пологое взгорье. — Ребилийские холмы — наше последнее прибежище, наша надежда. Мы молимся, чтобы Стена не смогла преодолеть этот рубеж. Если это случится... — голос купца дрогнул, — если это случится, нам придется уходить в пустыню, где мы быстро погибнем, и плодородные земли Квиппы достанутся членггуу.

— Не понимаю, — откровенно признался Эхомба. — Если не членггуу двигают Стену, то кто же?

— Гляди, гляди! — неожиданно вскрикнул купец и энергично указал в сторону равнины. — Посмотри на этот ужас и сразу все поймешь.

Внизу на равнине людей охватило сущее безумие — так по крайней мере казалось со стороны. Объединенное войско Квиппы пошло на штурм Стены. Воины тащили лестни-

цы, приставляли их к каменной глади, взбирались по ступеням. Верхнюю часть стены осыпали тучами стрел, однако высота надежно предохраняла ее защитников. Катапульты и другие осадные орудия бросали на Стену огромные камни, снопы подожженной соломы, зажигательные смеси... Все бесполезно! Эхомба отчетливо различал падающие с верхней площадки фигурки людей.

В свою очередь, членгуу, засевшие на вершине Стены, швыряли в наступавших копья, сбрасывали камни. Большинство лестниц скоро рухнуло к подножию. Тогда на приступ двинулись осадные башни, высотой не уступавшие Стене. С их верхних площадок отряды Квиппы сумели прорваться на бастион и кое-где скинуть оттуда его защитников. По мнению Эхомбы, наступавшие вполне могли развить успех и захватить всю верхнюю часть этого удивительного сооружения.

И вдруг Стена начала мягко колыхаться. С далекого расстояния трудно было понять точно, что же там происходит. Эхомба потер глаза, Симна сдавленно вскрикнул, даже Алита, вскочивший и подавшийся вперед, вышел из своей обычной дремоты и во все глаза следил за происходящим со Стеной.

Колыхание повторилось.

— Что это? — наконец выговорил Симна. — Что там происходит? Скажи!..

Он бросился к купцу и крепко схватил его за плечо. Тот скривился от боли, однако северянин не обратил на это внимания.

— Глядите! — воскликнул пораженный Эхомба. — Глядите туда!..

В следующее мгновение Алита громко, на всю округу, заревел от ужаса.

У подножия Стены творилось что-то невероятное: воины Квиппы вдруг начали поспешно оттаскивать от подножия осадные орудия, пехота, рвавшаяся в бой, резко подалась назад. Отступавшим пока удавалось сохранять боевые порядки. Между тем членгуу наверху быстро отбили все оставленные участки. Они собрались на верхней площадке, запрыгали, замахали руками от радости. Их оружие сверкало, радостные вопли, крики, улюлюканье донеслись даже до вершины холма. У стены остались лежать трупы нападавших, издали они походили на горы мусора, сбрасываемого через парапет.

Внезапно Стена на глазах начала расти, теперь в ней точно было не менее пятидесяти метров. Росла она вся разом, по всей длине, а затем вдруг сделала гигантский шаг вперед.

XXVIII

Симна отказывался верить своим глазам. Он потряс головой, покрутил ею несколько раз — для верности. Грива у Алиты встала дыбом, кот зарычал. Эхомба, замерший между ними, вцепился в копье. В его взгляде читалось непонимание, неспособность поверить в то, что открылось на этой несчастной ухоженной земле. Поблизости купец принялся заламывать руки и заплакал, беззвучно, обильно.

Шагнув, Стена вдруг присела. Густые облака пыли поднялись у основания, и долгий, протяжный, изошедший будто из недр земли звук «б-у-у-м» донесся до путников. Членгуу на ее вершине дико завыли и начали принимать горделивые позы. Затем, оставив на часах немногочисленную стражу, все они взяли лестницы и начали спускаться на противоположную сторону, намереваясь провести ночь в своем лагере. С вершины холма было видно, как радовался враг. По всему лагерю горели костры, на которых жарились огромные туши, и вставшие дымы придавали округе за Стеной вид гигантской плантации для разведения змей.

Эхомба между тем детально вспоминал удивительное зрелище, свидетелем которого он оказался. По всей длине у Стены вдруг выросли лапы — темно-серые, волосатые, с гигантскими пальцами и поблескивающими, необрезанными когтями. Упершись в землю, они в унисон подняли Стену, и сооружение шагнуло по направлению к холмам. Купец сказал правду — членгуу не двигали эту громадину. Она двигалась сама.

— Теперь вы сами видите, какая беда с нами случилась, — плаксивым голосом заговорил мужчина. — Как только Стена появилась на нашей земле, мы сразу догадались — это конец. Спасения нет. Стена безжалостна и непобедима. Мы уже много раз атаковали ее; бывало, нам даже удавалось скинуть членгуу с ее вершины. Затем Стена приходила в движение, сметала все наши осадные орудия, ломала лестницы, сбрасывала наших воинов со спины... Так мы оказались зажаты между нею и пустыней. — Он вскинул руки, воззвал к небу. — Что мы можем поделать? Как сражаться со Стеной, которая способна шагать и давить все, что встретится на пути? Мы пытались обойти ее с фланга. Куда там! Стена тут же нарастила длину. Мы пытались изготовить более высокие лестницы — Стена на глазах подросла. Сами видели. А отряды членгуу свободно обходят Стену и бьют наших с тыла. Эти холмы — наша последняя надежда. Стена спо-

собна двигаться по равнине, дай-то бог, чтобы она не умела одолевать склоны.

Эхомба мягко улыбнулся.

— Ступай, друг, к своей семье. Спасибо.

Не скрывая радости, купец уже собрался было уйти, как вдруг повернулся и спросил:

— Что же вы надумали?

Пастух даже не посмотрел в его сторону, он с прежним вниманием изучал раскинувшуюся впереди равнину.

— Чтобы пересечь Семордрию, необходимо отыскать или построить корабль. Если все, что ты рассказал, правда, значит, мне необходимо добраться до моря Абоквы и отыскать там мастеров. Так что мы пойдем дальше на север.

— Но как?.. — Купец облизнул губы, посмотрел в сторону лагеря, из которого его утащил Алита, затем перевел взгляд на путешественников. — Вам никогда не одолеть Стену. И обойти ее не удастся. Вы в такой же безвыходной ситуации. Остается только вернуться. — Он сжал челюсти. — В конце концов твой дом далеко на юге, ему ничто не угрожает. И вы знаете, как выжить в пустыне, — в отличие от нас, жителей Квиппы.

— Тем не менее мы отправимся на север. — Эхомба повернулся и бросил внимательный взгляд на купца. — А ты, друг, возвращайся к семье и не беспокойся о нас. Тебе ли тревожиться о посторонних!

— Что правда, то правда. — Купец немного помолчал и поднял руку, то ли салютуя путешественникам, то ли прощаясь с ними. — Удачи вам, искатели поспешной смерти. Желаю удачи в подобном глупейшем предприятии.

Он повернулся и торопливо начал спускаться с холма.

Симна подошел к другу.

— Послушай, Этиоль, у меня тоже нет желания сворачивать с пути, на котором нам столько пришлось преодолеть. Но в его словах, — он указал на удалявшегося купца, — есть смысл. Как мы одолеем Стену? Видишь охранников наверху? Они стоят через каждые десять метров. Если уж пытаться влезть на нее, то только ночью. Днем эта затея гроша медного не стоит.

Он кивнул в сторону третьего товарища.

— И как быть с нашим королевским величеством? Кошки, конечно, отлично карабкаются по деревьям, но одолеть вертикальную гладкую стену — это совсем иное дело. Ты или я, например, смогли бы взобраться с помощью веревки, если мы привлечем на свою сторону или подкупим кого-нибудь из стражи, однако как насчет него?

Огромная звериная морда повернулась, и левгеп равнодушно сказал:

— Я переберусь через Стену. Тем или иным способом, но переберусь.

— Нет, — ответил Эхомба. — Тебе и пытаться не стоит.

Симна искоса бросил взгляд в его сторону.

— Тогда как быть? — В следующее мгновение северянина осенило, и он радостно воскликнул: — Догадался! Ты воспользуешься своим алхимическим даром. Клянусь Гвивином, я совсем забыл об этом!

— Нельзя забыть того, чего не знаешь, — с некоторым раздражением ответил Эхомба. — Сколько раз тебе повторять, не обладаю я никаким даром, тем более алхимическим! — Он указал копьем на равнину. — Спустимся вниз, затеряемся среди квиппов и найдем место, где они не собираются атаковать Стену, — то есть там, где они уже потерпели неудачу. В тот момент, когда Стена поднимется, постараемся проскочить под ней. Это займет несколько секунд, ширина Стены около пары десятков шагов. Времени, я проследил, более чем достаточно.

Он потряс копьем, затем улыбнулся Симне.

— Не так уж трудно. Единственная опасность — если кто-то споткнется и упадет. Поднимать будет некогда.

— Проскочить под ней?

Симна новыми глазами взглянул на Стену, сглотнул, пытаясь представить над головой сотни тонн груза. К словам Эхомбы он отнесся всерьез, как отнесся бы любой человек, проделавший с пастухом столь длинный и трудный путь. Проскочить так проскочить... Но если замешкаешься, упадешь — Стена раздавит в блин.

Эхомба положил руку ему на плечо, попытался вывести из меланхолического настроения.

— Не беспокойся, дружище. Времени будет достаточно. К тому же вспомни: мы помчимся к северу, а Стена шагает на юг.

— Точно! — Симна пришел в себя. — Рискнем.

— Это куда легче, чем пытаться одолеть Стену сверху, — подал голос левгеп. — И охраны не будет.

— Отлично! Отчаянный рывок — и мы на той стороне. Членгуу и очухаться не успеют! — В следующую секунду какая-то мысль вновь испортила настроение северянину. — Послушайте, если все так легко, почему же никто из квиппов не отважился перебежать на ту сторону? Они, похоже, не робкого десятка.

— Для того чтобы изменить ход сражения, отряд должен быть достаточно многочисленным. Его к Стене

незаметно не перебросишь, — высказал предположение Эхомба. — До тех пор, пока членггуу контролируют Стену, им ничего не стоит приказать ей сделать шаг короче и раздавить весь авангард. Вполне может быть, что квиппы уже пытались поступить подобным образом, и одного урока оказалось достаточно.

— Да, — согласился Симна.

В следующее мгновение он вновь помрачнел.

— Несчастные люди! Мало того, что им приходится день и ночь сражаться, но надо еще и о своих семьях заботиться, отвозить их все дальше и дальше. Если Стена сумеет взобраться на гряду, у них не будет ни единого шанса. А судя по ее лапищам, вряд ли эти пологие склоны окажутся для чудовища серьезным препятствием.

В глазах Эхомбы заплясали огоньки.

— Симна ибн Синд, можно подумать, что ты решил встать в их ряды!

Северянин презрительно хмыкнул.

— Знаешь, Этиоль, на свете существует множество болезней. Есть лихорадка, ее разносят москиты. А то встречаются такие черви, которые заражают конечности, и те опухают. До посинения... Некоторые черви рады забраться человеку в кишки. Или возьмем, например, триппер, или бубонную чуму, или проказу, или альтруизм. Я полагаю, последняя хворь самая опасная. — Он взглянул на товарища. — Что-то я не вижу, чтобы *ты* хотел как-нибудь помочь этим теряющим родину бедолагам.

— У нас нет времени. — Эхомба даже не взглянул на Симну — продолжал рассматривать Стену, отыскивая участок, наиболее удобный для прорыва на ту сторону. — Мне и своей семьи хватает. Одному человеку не под силу спасти белый свет — или хотя бы значительную его часть.

— Вот это правильно, вот за это я тебя и люблю. — Северянин взглянул на третьего члена их компании. — А у тебя есть какое-нибудь мнение на этот счет? Хотя вряд ли, что за дело коту до человеческих забот.

— *Хр-р-р*... что? — вскинул голову Алита. — Задремал я.

— Так я и думал. Какой смысл заниматься глупостями! Лучше поспать, длиннозубый маэстро, не правда ли? Отдыхай дальше, копи силы для броска!..

Алита опустил огромную голову на передние лапы.

— Я успею десять раз пробежать туда и обратно, пока ты доберешься до противоположного края этой камен-

ной громады. Посмотри на свои ноги, коротышка, и больше не беспокой меня подобной чушью.

Желтые глаза закрылись.

— Вставай! — коротко распорядился Эхомба. — Необходимо заранее выбрать место.

Опираясь на копье, он начал спускаться с холма. За ним направился Симна. Последним шел недовольный, зевающий Алита.

Никто из отчаявшихся квиппов не обратил внимания на странную троицу, шествующую в сторону Стены. До чужаков ли несчастным жителям, которые на глазах лишались всего нажитого предками и добытого собственными руками! Люди сражались бок о бок с шимпанзе и другими обезьянами, с жителями леса, великанами и прочей жуткой живностью, грудью вставшей на защиту своей земли. Так что даже в таком чуде природы, как Алита, квиппы не видели ничего сверхъестественного.

Вскоре путешественники добрались до основания наступавшего бастиона, откуда хорошо были видны стражники, охранявшие защищенную парапетом вершину. Здесь путешественники повернули к востоку и двинулись в сторону выходов горных пород и скал-останцев. Солдаты-квиппы навстречу не попадались; на этой неровной местности им делать было нечего — ни лестницами не воспользуешься, ни метательные орудия не подтащишь, ни осадные башни к стене не подвезешь.

Отыскав в скалах надежное убежище, путники устроили привал и поужинали. В нескольких десятках метров от их стоянки возвышалась Стена. По мнению Эхомбы, ее поверхность была покрыта плитами известняка, скрепленными каким-то желтоватым раствором. Никто бы не подумал, что внутри прячутся сотни слоноподобных лап.

Симна, прихватив зубами спинку сушеной рыбы, оторвал изрядный кусок и принялся жевать.

— Нам следует быть чертовски осторожными. По этим камням особо не набегаешься.

— Это только между нами и Стеной, — ответил Эхомба. Он тоже ужинал, но его челюсти двигались едва заметно. — Стена наверняка раздавила камни в пыль. Если повезет, мы побежим, как по гравию.

— Если повезет, — скептически повторил Симна. Затем он мечтательно добавил: — Зато на той стороне никаких проблем. Разве что надо будет уклоняться от отдельных мародерствующих групп членгуу.

 Лежавший поблизости Алита сонно взглянул на него.

— Там домашнего скота навалом. Бродят без привязи... Легкая добыча, свежее мясо...

— Заканчивайте, — поторопил их Эхомба. — Мы должны быть в постоянной готовности. Как только Стена пошевелится, вперед!

— За меня не беспокойся, — заявил кот. — Вам, костлявым двуногим, придется тяжелее.

Уже стемнело, когда они услышали — не увидели! — первые признаки скорого шевеления. Сначала донесся низкий, идущий из глубины Стены скрежет, затем земля под ногами заколыхалась и с вершин скал посыпались камни.

Первым эти звуки услышал Алита. Мгновение — и он уже был на ногах, начал бить хвостом слева направо. Рядом, готовые к стремительному рывку, застыли Симна и Эхомба.

Слева и справа раздавались крики квиппов, а сзади, со стороны недалеких уже холмов, ровным накатом долетали плач и рыдания их семей и всех тех, кто не мог принять участия в битве. Тучи стрел дождем посыпались на защитников Стены, осадные орудия метали наверх камни и сосуды с горящим маслом... И все-таки Эхомба чувствовал обреченность в действиях оборонявших родную страну воинов. Сражались они скорее по необходимости, чем в расчете на победу. Надо было что-то предпринять — не сидеть же сложа руки и ждать гибели. Действительно, весь этот град стрел, камней и зажигательных смесей был для Стены, что булавочный укол. Засевшие наверху членггуу, радостно улюлюкая, сбрасывали долетавшие до них на верхнюю площадку камни на головы наступающих.

— Она пошевелилась, — шепотом предупредил Симна. — Приготовьтесь!..

На близком расстоянии Стена производила куда более жуткое впечатление, чем при наблюдении с вершины холма. Ее основание было заляпано грязью, на нижних камнях налипли обломанные кусты и раздавленные стволы погубленных деревьев. Вздымавшаяся вверх невообразимой тяжести масса одним своим видом буквально придавливала к земле — возле нее было как-то не по себе ходить в полный рост. Так и хотелось присесть на цыпочки, тем более теперь, когда камень, порождая исполинские когтистые опоры, оживал и ревел, словно потягивающийся, разъяренный зверь, встающий с лежки.

Стена еще не успела полностью выпрямиться, как путешественники стремглав бросились вперед. Эхомба ловко прыгал с одной базальтовой глыбы на другую, Симна скакал, как резиновый мячик, а левгеп будто летел — чтобы по-

крыть расстояние, которое зверь одолевал одним прыжком, людям надо было пыхтеть и пыхтеть.

Они мчались, пытаясь обогнать ужас, который нагоняло на них вздыбившееся над землей чудовище. Еще мгновение, и путники по одному начали нырять в черную щель, открывшуюся между основанием Стены и поверхностью земли. Эхомба нутром почувствовал всю непомерность объема, миллионотонную тяжесть каменной массы, балансирующей на сравнительно тонких ножках.

Они пробежали мимо кривой, укутанной камнем колонноподобной лапищи, и, прибавив ход, помчались вперед. Сотни таких лап в унисон поднялись; скоро Стена перенесет свою тяжесть и раздавит все, что не успело убраться с дороги. Но когда Стена стала приседать, путники уже добежали до противоположного ее края.

Здесь они остановились, чтобы перевести дыхание, и дружно повернулись. Каменное чудовище неожиданно тихо опустилось на землю, лишь долгое протяжное «хуууум» донеслось до путешественников. Поднялась и тут же начала оседать густая пыль.

Дело сделано — они одолели Стену.

— Раз плюнуть! — рассмеялся Симна. Однако обильные капли пота, катившиеся по его лицу, вряд ли были вызваны такой короткой пробежкой или вечерней жарой.

Эхомба, задрав голову, смотрел наверх. Часовых видно не было — все членгууские солдаты скопились на противоположном крае Стены, наблюдали за ущербом, нанесенным квиппам. Никому из них и в голову не пришло следить за тем, что происходит в тылу.

— Пошли.

Путешественники не спеша двинулись на север. Никто не обращал на них внимания.

Они нашли брошенную ферму и удобно устроились, не испытывая ни малейшей вины перед хозяином, которому в подобном удовольствии было отказано. Алита похозяйничал в курятнике, насытился сам и устроил праздник для друзей. Эхомба пошел навстречу северянину, отказывавшемуся есть сырое мясо, и позволил развести огонь — все равно на бывших землях квиппов тут и там дымились развалины домов.

Постели были мягкие, широкие, белье чистое, свежее... В то время как Симна откровенно радовался возможности знатно отдохнуть, Эхомба вдруг обнаружил, что ему подобные удобства не по нутру. Он долго бродил по дому,

пока не вернулся в спальню и не лег на деревянном полу. Завернулся в одеяло и попытался заставить себя не думать о судьбе тысяч несчастных, оказавшихся зажатыми между Стеной и бесконечными песками юга.

XXIX

Утро выдалось туманное. Солнце поднялось быстро, словно удивилось плотно укутавшему землю одеялу и решило поскорее разогнать влажную хмарь.

В тот день путешественники встали поздно — Симна не пожелал расставаться с удобной постелью, впрочем, как и Алита, постоянно готовый соснуть часок-другой. Эхомба, всегда рано и быстро просыпавшийся, и на этот раз вскочил легко. Прикинув, который теперь час, он почувствовал тревогу.

Симна ибн Синд сладко потянулся, затем бесстыдно почесал в паху и сел на постели.

— Теперь-то что тебе не по нраву, колдун ты беспокойный? Вчера мы совершили удачную пробежку. Попробуй немного расслабиться — вдруг понравится?

Эхомба, не в силах избавиться от тревожных ощущений, взглянул на завешенное клочьями тумана окно.

— Я отдохну, когда мы покинем эту несчастную страну и поднимемся на борт корабля, отправляющегося на противоположную сторону Абоквы, — ответил он. — Давай поднимайся и прикрой срам. Пора в дорогу.

— Хорошо, хорошо.

Проворчав что-то невразумительное, Симна выпростал ноги из-под чистых простыней и принялся пальцами нащупывать одежду, брошенную на пол.

— В путь так в путь, но только после завтрака. Кто знает, когда нам еще выпадет случай нормально поесть. Причем бесплатно.

— Ладно, — нехотя согласился Эхомба. — После завтрака.

Большинство продуктов, сохранившихся на ферме после обысков и грабежей, успело испортиться, однако сушеных фруктов и вяленого мяса в дальней кладовой было вдосталь, а полки ломились от кувшинов с консервированными фруктами и овощами. Пошарив по дому, Симна нашел каравай хлеба всего-то с двумя-тремя пятнышками плесени.

— В дорогу надо набить все мешки, — заявил северянин. Обилие бесхозной еды вызывало у него энтузиазм, подогреваемый здоровенными кусками вяленого мяса, которые он запихивал в рот.

— Это не наше, — попытался пристыдить товарища Эхомба, но упрек вышел слабенький — пастух понимал, что продукты все равно испортятся или их заберут членггуу.

— Ага, конечно, давай оставим все мародерам!.. Знаешь, добрыми намерениями вымощена дорога в ад. — Смутив друга афоризмом, Симна принялся резво набивать свой походный мешок кусками вяленого мяса и банками с маринованными оливками.

Эхомба отвернулся.

Когда наконец путники вышли на крыльцо, первое, что бросилось в глаза, это сгустившийся туман. Чем выше вставало солнце, тем плотнее влажная белесая пелена ложилась на землю. В ней трудно было отыскать направление на север, но Эхомба не хотел больше задерживаться. Если вдруг встретится патруль членггуу, в таком крошеве от него будет легче ускользнуть. Все эти рассуждения сводились к тому, что под прикрытием тумана самое время уйти как можно дальше от Стены.

Вдруг яростный рев расколол тишину, до того момента безмятежно владевшую округой. Обернувшись на шум, пастух успел заметить, как сверкнули ячейки крепкой, тяжелой сети, упавшей сверху и накрывшей Алиту. Гигантский зверь продолжал реветь и пытался когтями разорвать путы. Не вышло! Тот, кто сплел эту вещицу, сработал на совесть. Ее основой служила металлическая проволока с палец толщиной. Сколько гигантский кот ни кусал ее, она не поддавалась.

Казалось, все подворье было забито членггуу. Они выбегали из-за дома, выпрыгивали из кустов за изгородью, а то просто вскакивали с земли. Около дюжины воинов, молниеносно спустившихся с крыши, сразу бросились к сети. Однако Алита забился с такой яростью, что членггуу не удержали путы. Тут же послышалась команда, и еще четыре десятка солдат устремились пеленать левгепа.

Этиоль едва успел опустить наконечник копья, а Симна — схватиться за рукоять меча, как их грубо обезоружили. Путешественникам тут же завели руки за спины, скрутили запястья. Далее последовал приказ на непонятном — вероятно, членггууском — языке, и путников, направляя пинками, погнали вперед.

— Надеюсь, ты испытываешь особую радость, что успел позавтракать? — прошептал Эхомба, обращаясь к товарищу, когда их вытолкали с подворья и повели куда-то в туман.

— Что теперь вспоминать, брат. Виноват.

Симна принял нарочито бравый, с оттенком надменности вид, совершенно не соответствующий положению, в какое они попали, и принялся пристально разглядывать ведущих их стражей.

— Народец не особенно крупный, хотя, надо отдать им должное, шустрый. — Он приветливо улыбнулся шагавшему рядом членгуускому солдату. — Правда, и уродцы знатные.

Тот маршировал с каменным лицом, глядя перед собой и не обращая никакого внимания на пленников. Видно, не понял ни слова.

Позади дюжина вражеских солдат, подняв над землей, тащили брыкавшегося, шипящего и временами ревущего Алиту. Беднягу так туго закатали в стальную сеть, что он и лапами не мог пошевелить. Наверное, на то и был расчет, чтобы не дать левгепу пустить в ход когти — кот только отчаянно выпускал и втягивал их. Очевидно, путешественников взяли опытные звероловы — они вели себя предельно осторожно и не оставили ни единого шанса захваченным в плен путникам вырваться на свободу.

В подобном случае главное — успокоиться, постараться лучше изучить своих врагов. Этиоль принялся внимательно разглядывать кровожадных членггуу. Глаза у них были узкие, причем располагались на лицах почти вертикально, под углом друг к другу. Подобное уродство производило жуткое впечатление. Носы крючковаты, рты маленькие. Два длинных клыка выступали из верхней челюсти и касались нижней губы. Уши тонкие и заостренные кверху, волосы короткие, жесткие. Правда, об этом наверняка судить было трудно — все воины носили шлемы, украшенные длинными перьями, а также иглами и странного вида колючками, заимствованными — явно не по доброй воле — у каких-то неизвестных животных.

Под стать сдавленным с боков черепам были и массивные нижние челюсти, придававшие членггуу угрюмое, злобно-дремучее выражение. Кожа была разных оттенков: от темно-бежевого до густо-янтарного с примесью нездоровой желтизны, словно все они страдали желтухой. Ногти были узкие, длинные и покрыты серебряной краской. Вот кожаные вещицы, надетые на солдат, смотрелись замечательно. Куртки отличались превосходной выделкой и были покрыты искусными рисунками, изображающими картины всевозможных убийств и расчленений.

Каждый из воинов был вооружен двумя-тремя оригинальной формы копьями с древком не толще большого пальца, на поясах висели остро наточенные боевые серпы — ужасное оружие для ближнего боя. Солдаты, одетые победнее, предпочитали булавы — утыканные остриями металлические шары на тонких ручках.

— Как по-твоему, что они собираются с нами делать?

— Клянусь зубами Гноспета, только не кормить или поить, — ответил Симна. Он продолжал лучезарно улыбаться своим стражникам, которые по-прежнему не обращали на него внимания. — Боюсь, дело плохо. Где же твои высасывающие души евпупы? Когда надо, их никак не докричишься!

Более часа все так же молча они шли по проселку, пока наконец туман не начал рассеиваться. Скоро вокруг начали вырисовываться палатки и шатры. Время от времени членгуу-ские солдаты, занятые устройством лагеря, с угрюмым любопытством поглядывали на пленников. Правда, поглядывали в основном на исполинского левгепа, люди их не интересовали.

Возможно, решил Эхомба, нас приняли за обычных квипов. Действительно, и он, и Симна мало чем отличались от местного населения, чьи земли членгуу решили поработить.

С упавшим сердцем пастух различил неподалеку знакомые очертания. Стена!.. Она по-прежнему вздымалась в самое небо. Итак, путники вернулись в исходную точку, в которой находились вчера, только сейчас их положение было намного хуже. На той стороне они были свободны, теперь никто не мог поручиться, что им позволят дожить до утра.

Эхомба взглянул на небо. Солнце уже заметно клонилось к закату.

Пленников вели мимо искусно и богато украшенных шатров, пока возле самого большого палаточного сооружения, роскошью напоминавшего дворец, офицер не приказал остановиться. Вокруг шатра стояли шесты со множеством золотых и красных знамен. Эхомба был сражен наповал, когда различил между ними штандарты, представлявшие собой содранные с человеческих тел кожные покровы. Эти ужасные трофеи тоже трепетали на ветру.

Нижняя часть шатра по периметру была обшита нитями драгоценных металлов. Два на удивление крупных и чуть более отъевшихся, чем остальные членгуу, стражника стояли на посту возле шелкового полога, прикрывавшего вход.

Из конвоя пленников вышел солдат (одет он был несколько странно для членгуу — не в кожу), приблизился к стражникам и заговорил с ними. Разговор был корот-

кий, в следующее мгновение чья-то костлявая рука с силой толкнула Эхомбу в спину, и пастух, спотыкаясь, полетел вперед. Сзади донеслись ругательства Симны — с ним поступили подобным неделикатным образом. Что касается Алиты, то кот на некоторое время затих — наверное, решил выждать.

Если снаружи передвижной походный дворец производил сильное впечатление, его внутреннее убранство просто ошеломило путешественников. Вверху парил матерчатый расшитый потолок. По замыслу, эта навесь должна была изображать ночное, усыпанное звездами небо. Мастера, создавшие подобную красоту, добились цели — сходство получилось потрясающим, а уж сколько драгоценных камней пошло на изготовление звезд и как они подсвечивались, никто сказать не мог. Изящная, ручной работы мебель по габаритам в точности соответствовала размерам хозяев. Столы, стулья, кресла были удобны, но без всяких примет роскоши — в конце концов шатер стоял в районе боевых действий.

Четверо пожилых членггуу сидели за огромным овальным столом. Далее на скамьях, а где и за малыми столами, располагались старики — эти вообще выглядели настоящими скелетами, разве что глаза выдавали в них энергичную, кипучую жизнь. Все с интересом рассматривали пленников, которых ввели в зал. Четверо сидевших за столом о чем-то тихо посоветовались между собой, затем один из них подал знак рукой.

Сопровождавшие Алиту воины опустили спеленатого зверя на пол. Эхомбе показалось удивительным, что захваченный после ожесточенной схватки, долгое время пытавшийся вырваться, зверь оказался целым и невредимым, без единой царапины.

Трое членггуу поднялись из-за стола, стонавшего под тяжестью еды, питья, карт и разнообразных аксессуаров, о назначении которых вышедший из глухой деревушки пастух даже не мог догадаться. Среди поднявшихся Этиоль приметил женщину, хотя сказать наверняка было трудно — сама конституция этих иссохших донельзя существ не давала решительно никаких признаков принадлежности к тому или иному полу. По крайней мере с первого взгляда.

Один из предводителей членггуу подошел к пастуху и, склонив голову набок, долго его разглядывал. В узких глазах отчетливо читалась нескрываемая тревога. Эхомбе до того приходилось встречать глаза, расположенные вертикально и горизонтально, глаза круглые и овальные, но чтобы очи были врезаны в череп под углом друг к другу, такого ему видеть не приходилось.

Их взгляды встретились. Наконец вождь членгуу спросил:

— *Сираш коза мехроощ?*

— Не понимаю, — спокойно произнес Эхомба.

Тот же вопрос был задан Симне. К чести северянина, ему хватило ума попридержать рвущиеся на волю ответы.

Вождь вернулся к Эхомбе.

— Кто вы, куда направляетесь и откуда? — спросил он на общепонятном языке. Голос его был тих и резок и чем-то напоминал дуновение обжигающего ветра. Затем вождь указал на Симну и добавил: — Вот этот мог бы считаться квиппом, но ты... Ты — что-то другое. Где-нибудь еще существуют люди, похожие на тебя?

— Мы оба с юга, — ответил Эхомба. — Так же, как и наш друг.

Сзади послышалось шевеление — по-видимому, кот завозился в сетке, — однако Этиоль даже не оглянулся. Судя по манере высокопоставленного членгуу держаться, делать в его присутствии резкие движения, а тем более поворачиваться к нему спиной недопустимо. Это может быть расценено как неуважение или, что еще хуже, как оскорбление. Сложившаяся ситуация требовала предельной осторожности. Поведение пленников должно быть скромным и уважительным, ответы — краткими и искренними.

— С юга? — Вождь с некоторым даже изяществом постучал крашеным длинным коготком о выступающий из-под верхней губы клык. — Почему я должен верить тебе?

— А зачем нам обманывать? Квиппы ненавидят южан. Кто из них посмел бы заявить, что пришел с той стороны, куда вы их теперь загнали!

Уголки рта членгуу едва заметно поднялись вверх.

— Если вы не квиппы, откуда же вам известно, кого они ненавидят и куда мы направили нашу поступь?

— Нам рассказали. — Эхомба позволил себе чуть повести головой. — Мы были вынуждены пройти через их страну, чтобы добраться сюда.

— Значит, прошли через ряды глупых квиппов, чтобы очутиться здесь? — с явным недоверием спросила женщина. — Единственный путь с юга на север ведет через Стену. Как же вы перебрались через нее? Это невозможно.

— Мы перебирались не *через* нее, — вежливо поправил Эхомба. — Мы прошли *под* ней.

Это заявление вызвало бурный спор среди старейшин.

— Нет и не может быть таких полоумных, которые решились бы прокопать ход под Стеной!

— А кто говорит, что мы копали? — подал голос Симна. — Мы подождали, пока она шагнет, то есть поднимется на опорах, а затем пробежали под ней.

Первый спрашивающий наконец перестал щелкать коттем по зубу.

— Не исключено. — Он коротко кивнул. — Ладно, я, Сетсела Аграт, принимаю ваше объяснение. Вы, конечно, безумцы, но безумцы храбрые.

— Эта война — не наша война, — сказал Эхомба. — Я лично никогда не ссорился с членгуу и не испытываю особой любви к квиппам. Позвольте нам продолжить путь.

Слегка повернувшись, Аграт взял со стола длинный тонкий нож, более напоминающий стилет — подобного оружия на столе лежало достаточно.

— Почему мы должны вас отпустить?

— У меня есть дело на западе.

— На западе? — Аграт коротко хохотнул. — Ты же сказал, что направляешься на север. Или не так?

— Я хочу добраться до северного побережья, — Эхомба объяснял неторопливо и доходчиво, словно втолковывал ребенку очевидную истину, — чтобы найти корабль, который отплыл бы в сторону заката.

— Через Семордрию? — Членгуу уже не смеялся, а скорее шипел. — Ты что, решил проверить, нахожусь ли я в здравом рассудке?

— Но это правда. — Симна мотнул головой в сторону товарища. — Дело в том, что он сошел с ума.

— Тем не менее ты следуешь за ним?

Северянин опустил глаза и шепотом признался:

— Что поделать, такой уж у меня извращенный вкус. Кто способен объяснить его причины?

— Действительно, кто? Когда мы здесь закончим, вас отправят к специалистам, чье искусство широко известно народу членгуу. Им вы сами все объясните.

— Эй, минутку, я... — выкрикнул Симна, но закончить не успел.

Его ударили сзади булавой по голове. Ударили вскользь и довольно слабо, в противном случае он умер бы на месте. Тем не менее северянин рухнул на пол, где и затих недвижно. Эхомба молча взглянул на тело распростершегося на полу друга, затем перевел взгляд на вождей членгуу.

— Ты, как видно, более покладист и не возражаешь против угощения, которое приготовили твоему дружку?

Эхомба ответил ровным, не изменившимся голосом:

— Что толку? Вы хотите нас испытать. С таким же успехом вы могли ударить меня — чтобы спровоцировать его. Никакой разницы.

— Совершенно верно, — согласился Аграт. — Разве что ты стоишь, а он лежит — без сознания. Действительно, можно было поступить наоборот... — Вождь пожал плечами. — Но ты мне более интересен. Несовпадение во взглядах — желанный способ развеять скуку от нашего неодолимого продвижения вперед.

— Нам рассказывали, что так было не всегда.

— Да, до Стены все было по-другому. — Аграт помрачнел. — Я пока еще не принял решение, отдавать ли вас нашим специалистам. — Он провел длинным узким лезвием стилета по ладони, и на коже проступил тонкий, как ниточка, кровавый след; при этом выражение его лица не изменилось. — Даже, признаюсь, порой самому приятно удовлетворить свое любопытство.

Он указал острием окровавленного лезвия куда-то за спину Эхомбы.

Два солдата тут же вышли вперед. Они принесли оружие, отобранное у путешественников. Все это разместили на том же овальном столе. Затем солдаты дважды поклонились вождям и, пятясь, вернулись к своим товарищам.

Пока скелетообразные старейшины продолжали спорить между собой, Аграт и другие вожди принялись изучать доставленное оружие. Женщина взяла копье Эхомбы, прикинула его вес, презрительно фыркнула и отбросила в сторону. Аграт осмотрел меч, изготовленный из зуба морского животного, попробовал его одной рукой, потом взял обеими руками и несколько раз взмахнул, как бы разя незримого противника. Лезвие просвистело у самого лица Эхомбы, однако тот даже глазом не моргнул. Если вождь и заметил незаурядную выдержку пленника, то никак этого не показал.

— Кости, зубы... — поморщился Аграт. — Типичное оружие дикаря.

Он отложил меч в сторону, взял клинок, выкованный из небесного металла, и вытащил его из ножен. Узкие, расположенные под углом друг к другу глаза, по-видимому, не были способны расшириться, но вождь одобрительно покачал головой. Двумя руками взяв рукоять, он медленно покрутил им перед собой. В рассеянных солнечных лучах, про-

никающих сквозь материю шатра, удивительное лезвие поблескивало серо-голубоватым металлическим светом.

— Вот это мне нравится больше. — Он поднес лезвие к глазам, разглядывая странный узор. — Такое мог сработать лишь выдающийся мастер.

— Работа тут ни при чем, — сказал Эхомба. — Эти линии изначально присущи металлу — их проявляют, выдерживая клинок в кислоте.

Взгляд у вождя оледенел, как у змеи, пытающейся проникнуть в слишком узкую норку, в которой спряталась жертва.

— Чепуха! В природе не существует металла, которому был бы свойственен подобный узор. — Он взял меч в обе руки и высоко поднял его, не скрывая восхищения игрой света. — Когда мы завоюем юг, я, пожалуй, возьму этого мастера к себе на службу.

Внезапно Аграт резко повернулся и сделал выпад, приставив острие клинка к груди только что пришедшего в чувство Симны. Северянин вздрогнул.

— Скажи, человек с юга, насколько остро его лезвие? Прочен ли металл? Чего можно ждать от такого оружия?

Эхомба старался не смотреть на товарища, чтобы застывшее на его лице выражение не подстегнуло с ответом.

— Он перерубит любую кость, даже слоновью или мастодонтовую, рассечет почти любую броню. Если им ударить о кремень, полетят искры, с помощью которых легко разжечь костер. И как говорят наши старухи, если достаточно долго держать его вытянутым вверх, он притягивает луну.

XXX

Все членгуу принялись хохотать, да так, что заколыхались матерчатые стены шатра.

— Этот южанин считает нас идиотами! — воскликнул один из старейшин. — Или хочет затуманить нам мозги и тем самым избежать незавидной участи!

Вдруг подал голос лежавший на полу Симна.

— Если он говорит, что это так, значит, так. Он — могущественный чародей!

Аграт с улыбкой повернулся к бесстрастно взиравшему на него пастуху.

— Вот оно что, южанин! Твой друг сказал правду? Ты и в самом деле «могущественный чародей»?

— Ты посмотри на его одежду! — пренебрежительно сказала женщина. — Он не похож даже на могущественного скотовода!

Аграт, не сводя глаз с Эхомбы, высоко поднял меч — так высоко, как мог, — нацелив при этом острие в зенит. Держал долго, перекладывал из одной руки в другую, чуть менял позы, страдал от тяжести меча, однако не сдавался. Стража одобрительно комментировала его настойчивость и выдержку.

— Ну! — Рот Аграта перекосила злобная усмешка. — Что теперь, южанин?

Все еще держа меч острием вверх, он повернулся к страже, сгрудившейся у входа в шатер.

— Время еще раннее, да и небо чистое, так что кусочек луны мне виден. Точно судить не берусь, и все-таки, по-моему, луна на месте. Бегрон! Будь любезен, проверь, не сдвинулась ли луна.

Один из офицеров, возглавлявших отряд, что захватил и доставил трех пленников, поклонился и стремглав бросился из шатра. Его голос, ясный и грубоватый, донесся снаружи:

— Похоже, на том же самом месте, ваше превосходительство. Цвет не изменился, и никуда она не сбежала.

— Так-так, — промолвил Аграт, обращаясь к пастуху. Меч между тем он по-прежнему держал поднятым вверх. — Что скажешь, «колдун»?

— Я не говорил, что это оружие способно сдвинуть луну с места, — ответил Эхомба. — Я повторил слова старухи, живущей в нашей деревне.

Вождь коротко кивнул.

— Итак, все мы, здесь присутствующие, должны поверить тому, что наболтала какая-то старуха в какой-то паршивой деревеньке? Ты это хочешь сказать? На это я тебе отвечу, что мудрости в твоей старухе ни на грош, она и подобные ей в твоей деревне — старые потасканные шлюхи...

Он выжидательно взглянул на Эхомбу, однако пастух хранил молчание.

— Простите, ваше превосходительство, — раздался голос офицера, отправленного наружу. Теперь он вбежал в палатку.

— Ну, что там еще? — раздраженно рявкнул Аграт — офицер мешал ему развлекаться.

— Луна на месте, благородный, но там есть что-то

 другое...

— Что-то другое? Что еще за «что-то другое»? Объясни понятнее, воин!

— Не могу, ваше превосходительство. Не изволите ли выйти и посмотреть лично?..

— Хорошо. Но если там ничего серьезного нет... — Аграт не закончил угрожающую фразу и направился к выходу из шатра.

Трое вождей членгуу, прихватив с собой Эхомбу и очнувшегося, стонущего Симну, в сопровождении стражи вышли наружу. Несчастный Бегрон попытался указать вождю на какую-то точку в ясном небе. Аграт проследил за слегка дрожащей рукой.

— Я ничего не вижу!

— Вон там, ваше превосходительство! — вновь указал офицер. — Левее и ниже лунного серпа.

— Вроде звездочка... Ты позвал нас, чтобы указать на звезду? — с гневом вопросил Аграт. — Когда встанет солнце, она исчезнет!

— Понаблюдайте за ней, ваше превосходительство. Умоляю, благородный! Она не меркнет по мере рассвета. Напротив, она становится все больше.

— Болван! Звезды не могут...

Женщина из знатных, вышедшая вместе с ними, шагнула вперед и запрокинула голову.

— Бегрон прав! Смотрите!..

Теперь было отчетливо видно, что звезда, вспыхнувшая пониже блеклого серпа луны, не просто на глазах увеличивалась в размерах, но и позади нее обнаружился небольшой сияющий след, напоминавший хвост прекрасного белого попугая.

Вдруг один из вождей отшатнулся от Аграта.

— Взгляните на меч! — вскрикнул он и трясущимся пальцем указал на оружие, выкованное из небесного металла. — На меч!..

Клинок засиял неземным светом — голубоватым, с серым отливом. Вокруг него образовалось что-то вроде ореола или светоносного обвода. Свечение не давало тепла. Наоборот, откровенно перепугавшийся Аграт нашел, что оно было холодным как лед. Вождь сразу отбросил меч, словно с отвращением обнаружил, что сжимает в объятиях кобру, и стремительно отступил назад, наткнувшись при этом на кого-то из насмерть испуганных воинов.

Как только меч коснулся земли, он подпрыгнул, и вновь его лезвие оказалось направленным в небо. Все окружающие не сводили полных ужаса и изумления глаз с чудесного оружия. Меч всплыл в воздух и завис на уровне челове-

ческой груди. По-прежнему окруженный великолепным ореолом, меч сам по себе поворачивался, пока острие не оказалось направлено прямо на растущий в небе шар.

Его свечение уже полностью овладело потемневшим на глазах темно-синим небом, затмило солнце. Пышный сияющий хвост казался гигантским росчерком искрящегося света. На лицах старейшин и вождей, воинов из охраны, а также сбежавшихся к шатру поглазеть на небывалое зрелище солдат ясно читались признаки начинавшейся паники.

— Что это, южанин? — Капли коричневого пота начали стекать по лбу благородного Аграта. — Луна по-прежнему на месте, значит, это не луна. Что происходит?

Эхомба между тем внимательно изучал возникшее в небе явление.

— Не знаю. Откуда простому пастуху знать такие вещи? — Затем он бросил равнодушный взгляд на высокопоставленного членгуу и добавил: — За ответом следует обратиться к выжившей из ума старой шлюхе из Наумкиба.

По небу дробно рассыпались далекие громовые раскаты. Но не затихли, как обычно, а продолжали звучать, несмотря на отсутствие грозовых облаков. Солдаты по одному стали выскакивать из рядов и бежать, не разбирая куда. Их командиры стояли с такими лицами, словно готовы были последовать за подчиненными.

Постепенно громовые раскаты нарастили громкость до оглушающего, пронзительного рева, будто само небо пришло в движение. Тем временем висящий в воздухе меч продолжал излучать голубовато-серое сияние; правда, теперь оно скорее было серым, чем голубым. Эхомба с нескрываемым интересом посматривал на оружие — ему было любопытно, каким образом темнота может светиться.

Спустя несколько минут среди воинов-членгуу началась паника. Лагерь пришел в движение. Там и тут падали палатки, воины на бегу опрокидывали котлы, висевшие над кострами... Вскоре по всему периметру запылали пожары, темные дымные столбы потянулись в небо. Местами начали возникать схватки — солдаты дрались, царапали друг друга. Глухой, исполненный ужаса вой поднялся над лагерем — членгуу вопили с такой силой, что их голоса перекрывали гром в небесах.

Глядя, как безумие все более и более охватывает лагерь, Эхомба задался вопросом, что же теперь творится у квиппов.

Не в силах остановить запущенный Агратом механизм возмездия, пастух мог только надеяться, что тысячи и

тысячи беженцев окажутся куда более стойкими к виду небесного чуда.

— Сделай что-нибудь! — Трясущийся от страха Аграт теперь мало чем отличался от своих солдат. — Заставь это убраться! — Вождь трясущимся пальцем ткнул в небо.

— Освободи меня.

— Да-да, обязательно. Немедленно!

Тем же узким ножом, который он все еще держал в руке, Аграт разрезал веревки.

— Давай же!

— Попытаюсь, — ответил Эхомба.

Не обращая внимания на дикие вопли обезумевших солдат, он не спеша, потирая запястья, направился к сияющему мечу. Рукоять была холодна, но, оказавшись в руке, стала быстро теплеть. Или, может, от приближающегося огненного шара раскалился сам воздух?

Этиоль повернулся к перепуганному Аграту. Два товарища благородного вождя успели спрятаться в шатре, словно разукрашенное передвижное сооружение могло защитить их от надвигающейся беды. Эхомба положил на рукоять и левую руку, расположив ее ниже правой, затем неожиданно резко взмахнул мечом — как бы прочертил в воздухе невидимую дугу.

Выражение лица Аграта не изменилось даже в то мгновение, когда его голова, скатившаяся с плеч, упала на землю. Обрубок подпрыгнул два раза и остановился возле ступенек, ведущих в шатер, — уткнулся лицом в грязь.

Огромного роста охранники, стоявшие у входа и не поддавшиеся общей панике, выхватили оружие и бросились на Эхомбу. Тот совершил какой-то странный пируэт, более напоминавший танцевальное движение, и грациозно, в прыжке, взмахнул мечом. Этого оказалось достаточно: оба стражника тут же присоединились к бегущим товарищам.

Симна сзади толкнул пастуха.

— Освободи меня, брат! Надо поскорее убираться отсюда!

Тот быстро перерезал веревки.

Почувствовав прикосновение лезвия, северянин поежился и передернул плечами.

— Клянусь гонадами Голонтая, да оно холодное как лед! Как ты только терпишь? — спросил он Эхомбу, кивнув на меч и быстро-быстро потирая запястья.

Эхомба бросился в шатер.

— Зимой по ночам у нас в Наумкибе бывает еще холоднее!

— Холоднее, говоришь? — совсем по-волчьи оскалился Симна, вбегая за товарищем в шатер. — Не холодом же ты напугал этих узкоглазых ублюдков!

На лицах вождей читался откровенный ужас. Если бы не их ополоумевшие глаза, сама картина выглядела довольно комично — двое богато одетых членггуу, заметив Эхомбу и Симну, сразу бросились под стол. В другом углу сидели четыре старика — глаза их были закрыты, губы двигались. Они что-то беззвучно повторяли про себя, наверное, какие-нибудь мантры, с помощью которых готовились к неизбежной смерти. Поблизости тщетно сражался со стальной сеткой Алита.

— Лежи спокойно! — рявкнул Эхомба и взмахнул мечом.

Симна не мог оторвать взора от клинка, с легкостью рассекавшего проволоку. Эхомба резал сегмент за сегментом, пока исполинский кот не просунул в образовавшуюся брешь одну лапу, затем другую. Наконец зверь выбрался на волю и тут же с невыразимым наслаждением на морде начал потягиваться.

— Кончай потягушки! — закричал заметно повеселевший и насквозь пропитавшийся злобой Симна. За эти секунды он успел сгрести со стола все оружие. Никто из благородных членггуу даже не попытался его остановить. — Пора сматываться! Небо рушится на землю!

— О чем болтает эта безволосая обезьяна? — равнодушно поинтересовался Алита, обращаясь к пастуху, схватившему свои пожитки и оружие.

— Сам увидишь! — ответил Эхомба.

Запыхавшиеся путешественники бросились наутек. При этом каждый из них то и дело бросал взгляды на стремительно опускавшееся небесное тело. Оно только внутри было твердым, от этого ядра регулярно отваливались пылающие образования, состоявшие из смеси перегретых газов и пара. Эти яркие шары, распустив хвосты, в свою очередь, рассыпались на более мелкие осколки. Само твердое раскаленное ядро было не очень велико. У Эхомбы не было времени, чтобы детально изучить это необыкновенное явление, так как падающий ужас уже был совсем близко от земли.

По-прежнему вокруг стоял невообразимый шум — смесь небесного грома с воплями совершенно потерявших головы членггуу. Впечатление было такое, словно миллион банши собрались у Стены и предрекают всем гибель.

— Прыгайте сюда! — закричал Эхомба и первым нырнул в глубокую водоотводную канаву.

Симна и Алита без возражений последовали за ним.

В следующее мгновение небо взорвалось. Поднялся ветер такой силы, что чуть не вымел путешественников из канавы. Эхомба тем не менее одним глазом продолжал следить за членггуу и лагерем, который постигло небесное возмездие. Человеческие фигуры, словно куклы, полетели во все стороны. Многие были просто разорваны на части — эти уже не вопили.

Пастух, не в силах справиться с собой — хотелось все увидеть и запомнить, — с опаской высунулся из посланного провидением, но полного грязи убежища, в котором спрятались путники. Вскоре рядом с ним показалась голова Симны, а с другой стороны — перепачканная донельзя огромная кошачья морда.

В том месте Стены, куда угодило небесное тело, зияла огромная дыра. Сверху сотнями валились орущие и вопящие от страха защитники, тысячи, такие же голосистые, цеплялись за выступы парапета. Слева и справа от пролома Стена, на первый взгляд, была цела, однако каменную громадину сотрясала крупная дрожь. Видимо, удар потряс ее до основания.

Эхомба со спутниками едва не вылезли из канавы, чтобы лучше разглядеть, как под вопли и завывания тысяч и тысяч членггуу, смертельно раненный каменный монстр начал валиться набок и затем рухнул. Земля содрогнулась, а в том месте, где только что высилась неодолимая преграда, поднялось облако пыли. Когда пылевая завеса немного рассеялась, стали видны сотни гигантских когтистых конечностей, беспомощно задравшихся в воздух. В пыли возникло еще одно воздушное образование — не темное облачко, а облачко тьмы. Его подхватил ветер, и оно, на глазах истаивая, стало удаляться в северном направлении. Сжавший губы Эхомба следил за ним, пока не потерял из виду.

Вслед за эхом от падения Стены до путешественников донеслись чьи-то радостные, восторженные крики. Квиппы, по-видимому, решили не терять зря времени и, выстроившись в боевые колонны, через пролом в Стене обрушились на деморализованного врага. Сражение быстро перешло в резню. Эхомбе это уже было неинтересно: как он заявлял представителям обеих враждующих сторон, эта война была их внутренним делом, касательства к которому он не имел и не желал иметь.

Этиоль перевел дух, выбрался из канавы, переступил через трупы с искаженными до неузнаваемости лицами, принял от Симны свое копье и меч из зуба акулы и зашагал на север.

Друзья молча присоединились к нему.

Первым, понятное дело, не выдержал Симна.

— Ну а теперь, брат, скажи нам еще раз, что ты не колдун.

Пастух сверху вниз посмотрел на своего товарища.

— А что изменилось, друг мой? Ничего не изменилось. Я все тот же невежественный человек, не знающий и не видевший ничего, кроме скота, моря и пустыни.

Эхомба сунул руку за спину и нащупал рукоять меча, выкованного из небесного металла.

— Это все он. Я здесь ни при чем. Другие руки ковали его, закаляли на огне. Если ты хочешь получить объяснения, поговори с нашим кузнецом Отжиханьей или со старухами Наумкиба.

— Но ты ведь знал, что он может сотворить? — настойчиво допрашивал Симна. — Почему ты все время уходишь от ответа?

Пастух кивнул.

— О силе меча мне было известно — но не потому, что я знаток заклятий, а потому, что кто-то из сведущих людей рассказал мне о его свойствах. Это с одной стороны... А с другой — нам просто повезло. Нам в последнее время очень везет.

— Везет, говоришь? — недоверчиво переспросил Симна, пристально вглядываясь в лицо товарища. Впрочем, лицо Этиоля, как всегда, было невозмутимым. — Ладно, каковы бы ни были объяснения, мы живы, — он зашагал энергичнее, — а это самое главное. У нас еще будет время внести ясность.

Северянин прикрыл глаза рукой и на ходу принялся изучать какое-то странного вида строение на холме, к которому они приближались. Издали оно походило на руины небольшой крепости квиппов, тем более что кое-где кладка стен частично уцелела, а внутренний замок — или скорее цитадель — сохранился практически полностью. Удивительно, что не было видно ни одного солдата: ни в провалах, ни на верху сохранившихся участков стен.

— Давайте зайдем, посмотрим? — предложил Симна.

— Зачем? — Эхомба глянул на товарища. — Нам следует поскорее добраться до побережья Абоквы и переправиться на тот берег.

Этот довод не убедил северянина, и он проворчал:

— Членгуу должны иметь штаб-квартиру, расположенную подальше от места сражения. Должно быть, это и есть их ставка.

— Ну и что? — без всякого интереса спросил Эхомба.

Симна усмехнулся.

— О мой немногословный надсмотрщик, разреши своему барашку на минуточку заглянуть туда. Только осмотрюсь и сразу назад.

Пастух вздохнул и согласился.

— Иди.

Когда Симна удалился, кот спросил:

— Что там опять засвербило у обезьяны?

— Не знаю, — отозвался Эхомба и ускорил шаги. Не нравилась ему эта затея. Вдруг Симна нарвется на выживших членгтуу, которые уже достаточно пришли в себя, чтобы выместить злость на первом попавшемся нечленгтуу? — Но, кажется, могу угадать.

XXXI

Во внутреннем дворе крепости Этиоль и Алита Симну не нашли. Пусто было и в конюшнях, и в приемном зале с высоким потолком. Все свидетельствовало о поспешном бегстве гарнизона. На полу валялись свитки и листы бумаги, а ветерок, словно грабитель, разбрасывал и гонял их с места на место. На столах стояли оставленные впопыхах кубки и чашки с непонятными напитками — они будто поджидали хозяев, которые уже наверняка никогда не вернутся.

Симна оказался в дальней маленькой комнате — лежал на груде золотых монет. В помещении были видны следы поспешного бегства, что-то уже наверняка прихватили, однако поживиться здесь еще было чем. Рядом с золотом валялось несколько изготовленных из платины наградных дисков, коробки с медалями и груды почетных знаков, украшенных драгоценными камнями. Симна блаженствовал, пытаясь руками охватить сразу все доставшееся ему богатство.

Алита, первым отыскавший северянина, оглядел груду несъедобного металла, осторожно понюхал его, тронул лапой один предмет, другой, словно хотел найти в этой куче сокровищ что-нибудь ценное. Вскоре ему стало скучно, и он удалился.

Наконец и Эхомба сквозь взломанную дверь вошел в кладовую, на мгновение задержавшись на пороге и осмотрев вырванный с мясом замок и болтающуюся печать.

Симна, гордый и улыбающийся, спросил у пастуха:

— Вроде бы ты говорил, что никаких сокровищ здесь нет? Так вот они!

Он обвел рукой гору монет, коробки с драгоценностями, рулоны материи, и под одеждой у него зазвенело золото.

Эхомба спокойно осмотрел комнату.

— Членггууские монеты и мануфактура. Здесь, наверное, хранилась полевая казна. Воины получали плату прямо из этой кучи.

— Ну, теперь воины не имеют к ней никакого отношения. — Симна улыбался, как блаженный. — Теперь это все наше.

Он набрал горсть монет, швырнул их вверх, и они с громким звоном посыпались на пол.

— Твое, — поправил Эхомба и повернулся, чтобы уйти вслед за котом.

— Хой! Подожди минутку. — Северянин соскользнул с горы золота. — То есть как это мое? Клянусь Глорисаном, мы все разделим по-братски!

Пастух обернулся и некоторое время внимательно смотрел на компаньона.

— Я в дележе не участвую. Это все твое, Симна. Я ношу с собой только то, что необходимо: воду, оружие, пищу и кое-какие важные для меня предметы. В пути, особенно в таком дальнем, которым я следую, золото — обременительный груз.

— Только не для меня! — Симна снова набрал полную горсть монет, подбросил их в воздух, полюбовался блеском, с удовольствием послушал звон... — Для меня это не вес. Чем больше на меня нагрузишь, тем легче я шагаю!

— Если это делает тебя счастливым, радуйся на здоровье, — мягко улыбнулся Эхомба. — В мире и так недостает радости и счастья. Я уверен, что ты повстречаешь какую-нибудь квиппу, которая поможет тебе распорядиться найденным богатством.

Он оценивающе поглядел на кучу золота, затем добавил:

— У меня никогда не было столько золота, но, похоже, тебе должно хватить на всю оставшуюся жизнь. Конечно, королевство на такие деньги не купишь, зато, наверное, купишь почти все остальное.

Он направился к дверям.

— Эй, что за спешка!

Пастух улыбнулся еще раз.

— Вспомни, меня погнал в путь обет, который я не могу не выполнить. Через несколько дней я доберусь до берега Абоквы. Будь здоров, дружище, желаю тебе долгой и счастливой жизни.

Этиоль вышел из комнаты, спустился по лестнице и направился в сторону главного зала на поиски кота.

Симна задумчиво созерцал гору золота. Он и поверить не мог, что когда-нибудь ему на голову свалятся такие сокровища. Взгляд его наткнулся на крышку резной, оп-

равленной золотом шкатулки. Она выглядела монолитом среди груды развороченных монет. Симна откинул крышку — коробка ломилась от военных наград и украшений, обычных среди полуварварских народов. На сделанных искусными мастерами, усыпанных драгоценными каменьями орденах красовались изображения неизвестных, но, безусловно, очень важных членгггуу.

Все-таки удача ему улыбнулась! Богатства хватит на всю жизнь.

Резко поднявшись, Симна отшвырнул ногой шкатулку, и награды тут же посыпались из нее, покатились по поблескивающей груде золота.

Компаньона он нашел в главном зале. Тот уже собирался уходить из крепости.

— Эй, подожди!

Эхомба завязал горловину заплечного мешка и с любопытством посмотрел на северянина. Тот подошел к нему и заглянул прямо в глаза.

— Думаешь, ты очень умный?

На лице пастуха появилось недоумение.

— Симна, о чем ты?

— Решил поступить по примеру Грестела, не так ли? — Северянин начал размахивать руками, заговорил на повышенных тонах. — Думаешь, меня можно купить за такую незначительную сумму?

— Незначительную? То, что я знаю о золоте, позволяет мне утверждать, что там вполне достаточно для любого человека.

— Оставь его, пусть сам считает, — рыкнул Алита. — За ночь мы должны отмахать как можно больше.

Симна бросил на левгепа короткий взгляд.

— А ты не лезь не в свое дело, вечножующее млекопитающее!

Исполинский кот промолчал, только вздохнул и улегся, чтобы ожидать конца ссоры — когда люди спорят, это самое разумное решение.

— А ты именно этого и хотел, да? Чтобы я решил, будто здесь достаточно. Сначала ты хотел убедить меня, что богатств не ищешь, а теперь решил отделаться от меня, подсунув смехотворно малую взятку? Не выйдет!

Эхомба вновь улыбнулся и покачал головой.

— Дружище, у меня и в мыслях не было...

Симна не позволил ему закончить.

— Нет, нет, и не пытайся отрицать! — Он широко ухмыльнулся и направился к выходу. — Ты здорово при-

думал, но этот номер не пройдет. Я буду заботиться о тебе, как отец заботится о дочери, пока мы не найдем *настоящие* сокровища!

С этими словами Симна промаршировал через сохранившиеся крепостные ворота, демонстративно не оглядываясь на Эхомбу и левгепа.

Алита поднялся, потряс гривой и зевнул.

— Теперь наконец мы отправимся в путь или нет?

Печально покачивая головой, Эхомба направился вслед за северянином.

— Иногда, хвостатый дружище, мне кажется, что овец я понимаю лучше, чем людей.

Огромный зверь неторопливо поднялся с пола, подошел к нему и ответил:

— Это потому, что овцы умнее людей. А если когда-нибудь захочешь набраться мудрости и здравого смысла, поговори с котом.

Они вышли за ворота. Солнце, лишенное ужасного и разрушительного соперника, безмятежно освещало покалеченную землю квиппов.

— Тогда скажи мне... — Компаньоны ускорили шаг, догоняя идущего впереди Симну. — Скажи мне, каким образом сон по девятнадцать или двадцать часов в сутки влияет на вашу жизнь?

Хищник повернул голову и сверкнул желтыми глазами.

— Ты задаешь слишком много вопросов, Этиоль Эхомба.

Пастух улыбнулся.

— Такая уж у меня натура.

Добираться до моря Абоквы им пришлось дольше, чем планировал Этиоль, но эта задержка оказалась в пределах расчетов, которыми время от времени занимался пастух. Придерживаясь направления на север, путники скоро набрели на каньон, прорезавший прибрежный хребет, и двинулись по натоптанному пути бок о бок с людьми, которые называли себя «малиин». Народ был в основном городской, слухи о нападении на Квиппу наполняли их страхом. Понятно, какое облегчение испытали малиины, когда путешественники принесли известие, что жестокие членгуу разбиты наголову.

Везде, где бы Эхомбе и его спутникам, доставившим на побережье добрые вести, ни приходилось останавливаться, их встречали с особым гостеприимством и радостью. Троица пилигримов ни в чем не знала отказа. Овеянный

славой царя зверей, Алита буквально страдал от внимания детворы, так и липшей к коту. Они хватали его за хвост, швыряли репейники в гриву. Эхомба с удивлением смотрел, с какой выдержкой исполинский зверь относится к проказам, даже если порой и позволял себе рыкнуть и клацнуть зубами.

— Понимаю, — пастух однажды сказал коту, — с каким бы удовольствием ты расправился бы с ними. Но пойми: гость, который сожрет хозяйского отпрыска, не может рассчитывать на добрый прием и уважение. Постарайся сдерживать себя, пока мы не найдем подходящее судно.

Алита, глядя на парочку особенно пухленьких шестилетних малолеток, высунул язык. Слюна обильно потекла из открытого рта. Подобное поведение никак не встревожило хозяев, давших приют путешественникам, — они решили, что зверь страдает от жары.

— Человек, — неожиданно откликнулся кот, — скажи хозяевам, чтобы поторопились и поскорее принесли мяса, иначе — клянусь тем, что кровь красная! — я за себя не отвечаю.

По этой и целому ряду других причин Эхомба был страшно рад, когда с помощью членгууского золота Симны нашлось крепкое судно, хозяин которого согласился доставить путников на северный берег Абоквы. Правда, возникли кое-какие проблемы с экипажем, члены которого опешили, увидев на борту Алиту — не в клетке, не на привязи, а свободно бегающим по палубе... Пришлось устроить им спектакль, и Эхомба продемонстрировал морякам, каким послушным, тихим и понятливым является этот прирученный царь зверей (моряки сочли его хозяином кота).

— Это действительно необходимо? — едва слышно спросил зверюга, когда Эхомба разжал левгепу челюсти и сунул голову в пасть, чтобы доказать, что полностью владеет ситуацией. Моряки, стоявшие поодаль, принялись свистеть и радоваться, как дети.

Потом, обтерев голову руками, Этиоль тихо ответил:

— Надеюсь, теперь они поверят, что ты ручной и покладистый, как котенок.

У Алиты совсем по-человечьи расширились глаза.

— Ручной? Я?! Да я еще котенком отличался буйным нравом. Пусть лучше грузят побольше продовольствия, иначе на собственной шкуре почувствуют, какой я «ручной»! — Посмотрев направо, он глубоко вздохнул. — Я много слышал о море, но никогда не видел его. Оно пахнет так же, как мелкие озера в жаркий полдень.

— Плавание будет недолгим, — сказал Эхомба и взъерошил ему гриву. — Думаю, тебе понравится. Капитан заверил меня, что без свежей рыбки ты не останешься.

Кот прикрыл глаза и положил голову на передние лапы.

— Ладно, так я согласен. Я люблю рыбу.

Через секунду он уже сонно урчал.

В этот момент первый помощник, располагавшийся на мостике возле рулевого, громко крикнул:

— Ставить паруса! С якоря сниматься!

Симна присоединился к пастуху, который занял место впереди у наклонного бушприта и наблюдал, как скошенный нос режет волны. Все вокруг были заняты делом — судно медленно выходило из небольшой уютной гавани. Городок был тихий, улицы выметены, повсюду на подоконниках стояли цветы в горшках.

— Сколько лет прошло с тех пор, как я в последний раз переплывал что-то более широкое, чем озеро! — поделился Симна, потом кивком указал на север. — Вперед, туда, где нас ждут слава и сокровища!

— Зачем они? Туда, где нас ждет исполнение обета, — возразил Эхомба.

— Какая разница? Главное, вперед!

Широко улыбнувшись, Симна хлопнул товарища по спине. В первый раз за много дней они стояли, освободившись от тяжести заплечных мешков и оружия, которые были сложены в каюте.

— А что, неплохого хозяина порекомендовали нам местные жители, — сказал Эхомба, кивнув в сторону капитана.

— Хой, я никогда не встречал таких добрых и понятливых лиц, как у этих малиин, — откликнулся Симна. — Вспомни, как живо они реагировали на известие о разгроме членгуу. Я думаю, малиин вполне могли бы сложиться и купить нам корабль. Правда, мы об этом их не просили...

— Так лучше, — коротко ответил Эхомба и наклонился вперед, чтобы понаблюдать, как острый нос режет воду. — Мы же не моряки.

— Разумеется, нет! — Симна придвинулся ближе и понизил голос до шепота: — Хотя с твоим даром ты мог бы запросто командовать кораблем, правда?

Эхомба вздохнул.

— Когда же ты наконец выбросишь эти бредни из головы? Сколько раз тебе повторять, что я — обыкно-

венный пастух. Понимаешь, я пасу жующих, поедающих траву животных.

— Не знаю, не знаю. — Симна выпрямился и взглянул в открытое море, что во всю ширь уже разворачивалось перед ними. — Может, ты еще скажешь, что не освободил себя и меня от Тлена? Или не твоя рука усмирила бурю, и не твой меч обрушил кусок неба на головы проклятых членггуу?

— Так и скажу — не я! Все это свершилось посредством знаний и умений других людей. Посредством их трудов... Я только служу чем-то вроде привода, передаточного механизма. К тому же нам чертовски везет.

— Верно. А я монах, искусный в маскировке, — тихо рассмеялся Симна. — Этиоль Эхомба, ты один из самых искусных лжецов, которых я только встречал. Может, не самый лучший, но уж точно самый упрямый.

— Ладно, — согласился Эхомба, — если тебе так хочется, считай, что я колдун.

— Какая выдержка! Какая сила воли! — Лицо Симны выражало нескрываемое восхищение. — Не важно, какую историю ты выдумываешь, главное — следовать ей до конца. Упорно, не колеблясь. — Он кивком указал на север, в морскую даль. — Так и держись. Это может здорово помочь на той стороне.

— Ты что, бывал в тех краях?

— Еще вопросы будут? — Теперь уже Симна устало покачал головой. — Нет, там я не бывал. — Он ткнул большим пальцем себе за спину, как бы указывая на небольшой портовый городок, где их так гостеприимно встретили. — Вспомни рассказы малиин, которые утверждали, что северные земли ничуть не напоминают их край или те места, откуда мы пришли. Они утверждают, что уровень цивилизации и просвещения там таков, что местные просто стесняются посещать северное побережье. Это и меня приводит в замешательство — что подумают о нас заморские умники, каково придется Алите. Я-то бывалый, выкручусь, а тебе опыта недостает, ты так и говори: мол, простой пастух и ничего более. С котом легче. Он, конечно, вызовет интерес, но ненадолго. Если, конечно, будет держать язык за зубами.

— Ничего, справлюсь, — ответил Эхомба без особой, впрочем, уверенности. Действительно, в деревнях, маленьких поселениях, в пустыне и безлюдной местности он был своим человеком, но большой город — это что-то совсем другое. Ладно, выдюжим! Тем более что у него нет выбора. Он обязан добраться до северного побережья и там отыскать корабль, достаточно большой и прочный, чтобы одолеть Семордрию.

* * *

Море Абоква оказалось добрым и покладистым к путешественникам. Было и волнение, однако ровные горки водных валов вызывали скорее любопытство, чем страх. Корабль покачивало, но мягко и плавно, такая качка не вызывала тошноты и не портила аппетит. Из воды то и дело выскакивали летающие рыбы, похожие на серебряные дротики, пущенные неведомой рукой вдоль левого и правого бортов корабля. Блеснув на солнце, рыбы ныряли в разводья белой пены, гоняемой ветром по шапкам волн, и возвращались в родную стихию. Чайки, беспрестанно следовавшие за кормой, беспокойно и громко кричали, особенно когда кок выливал в море отбросы.

Путешественники, заплатившие за проезд, были предоставлены сами себе. Только прогуливающийся или дремлющий Алита привлекал внимание членов команды. Самые храбрые из них отваживались на что-то вроде игры — кто ближе всего пройдет возле зверя. Это развлечение доставляло морякам огромное удовольствие. Они держали пари, деньги так и переходили из рук в руки, пока однажды Алита, потерявший терпение, не задел когтем одного из смельчаков. Только взмахнул лапой, и на палубе раздался истошный крик. На этом игра со зверем закончилась. Тем не менее пострадавший моряк гордился легкой царапиной, словно медалью, и без конца демонстрировал ее всем желающим.

Они были в море уже несколько дней, когда погода начала портиться.

XXXII

Сначала капитан не заметил ничего дурного во внезапном изменении ветра. Хотя Абоква считалось внутренним морем, там порой разыгрывались шторма, которые были в состоянии потопить судно любого размера.

Капитан приказал принять обычные меры предосторожности. Главный парус был зарифлен, порты и люки наглухо задраены, помповые насосы приведены в готовность, матросы заняли места по штормовому расписанию.

Когда пассажиров известили о возможной опасности, они решили действовать по собственному разумению и первым делом укрылись в каюте. Здесь было относительно

сухо и тепло — сколько хочешь размышляй над капризами погоды. Все, что от них требовалось, это не путаться под ногами у матросов.

Чем ближе подходил шторм, тем более странным казалось предгрозовое состояние погоды. Не было ни дальних зарниц, ни приближающихся ударов молний, ни раскатов грома. Что еще удивительнее, даже ветра поначалу не ощущалось. Скоро корабль накрыли черные как ночь тучи. Наползали они плавно, надвигались неслышимо, постепенно затмили горизонт и, наконец, сузили пространство вокруг корабля, словно его укутали в огромное темное одеяло.

Каждый человек на борту был готов встретить шторм. Команда собралась опытная, морякам не раз уже приходилось встречаться с бурями, так что вой ветра, вздымающаяся палуба и удары волн не могли их испугать, но с тем безмолвием и сгущающейся тьмой, которые на этот раз надвигались на них, никому прежде встречаться не доводилось.

Облака мало того что сгущались, они еще как бы проседали под собственной тяжестью и осаживались на судно, погружая его в тяжелый давящий мрак. Ветра по-прежнему не было, все свершалось в оцепенелой, замедленной тишине, как будто они попали в око урагана, а сам шторм бушевал где-то в другом месте.

Моряки были встревожены. Этот опытный, уверенный в себе народ теперь напряженно вглядывался в губительный мрак, засосавший в себя их корабль. Каждый с недоумением спрашивал себя: где проливной дождь, сверкающие молнии, почему море спокойно? Действительно, только легкое волнение сопровождало подступившую тьму. Где все обязательные приметы настоящей бури? Корабль по-прежнему на слабой волне шел вперед, послушно повинуясь самому слабому движению руля.

Затем люди на борту ощутили какой-то смрад. Скоро гнетущее зловоние заполнило палубу — ничего хорошего эта примета не обещала. Смрад не был похож на вонь, издаваемую протухшей рыбой или водорослями. Кто-то из опытных моряков крикнул, что этот запах напоминает ему древние сточные канавы, найденные в покинутом городе Вра-Тет. Его население погибло много сотен лет назад, но в подземельях, погребенных под развалинами, еще что-то шевелилось, ухало, жило. Другой моряк заявил, что подобный запах мог нагнать ветер, прилетевший с полей давным-давно отгремевших сражений, где десятки тысяч воинов полегли костьми.

Алита, которому вонь досаждала куда сильнее, чем любому из людей, зажал нос передними лапами, причем с такой силой, что тот едва не скрылся под верхней губой.

— Что это, кот? — Симна тревожно вглядывался во тьму, поглотившую корабль.

— Не знаю. Что-то гниет, разлагается, но что именно, сказать не могу.

Северянин обернулся к долговязому пастуху, который смотрел куда-то вдаль.

— Что думаешь, Этиоль? Ты как пастух должен быть хорошо знаком со всеми видами зловония. Есть какие-нибудь идеи?

Эхомба не откликнулся.

— Этиоль? — вновь позвал Симна и, шагнув вперед, взял товарища под руку.

— Что? — вдруг встрепенулся Эхомба. Он посмотрел на Симну, несколько раз моргнул и ответил: — Прости, дружище. Да, я знаю, что это такое.

— Тогда скажи нам, — потребовал Алита. — Я не знаком с морскими запахами, но мне известно, что такое буря, а здесь творится что-то непонятное, с чем мне никогда не приходилось сталкиваться.

Пастух сжал губы.

— Потому что это не буря.

Кот и северянин обменялись взглядами.

— Но тучи, Этиоль? — спросил Симна. — Темные облака обычно всегда предвещают бурю, а на море — шторм.

— Это не облака, — также кратко и малопонятно объяснил Эхомба. — Наш корабль заглатывает нечто неведомое.

Подобный ответ пришелся явно не по вкусу ни Симне, ни коту. Особенно Симне не понравилось употребленное только что слово «заглатывает».

— Если это не шторм, то что же?

Эхомба опять помедлил с ответом. Вскинув голову, он высматривал что-то вверху, как человек, стоящий на дне глубокого колодца, отчаянно ловит солнечный луч. Услышав обрывки разговора, некоторые моряки оставили свои места и подошли ближе, внимательно глядя на долговязого чужестранца.

— Это «что-то» уже давно преследует меня, копит силы. Впервые я с ним встретился в ту ночь, когда помог людям деревьев разгромить напавших на них слельвов.

Симна с недоумением взглянул на товарища, потом удивленно спросил:

— Кого?

— Это случилось, дружище, еще до нашей встречи. В тот день, когда нам удалось одолеть Тлен, ты тоже мог видеть это существо. Оно кружило где-то неподалеку, когда мы победили Дюнауэйка. Его присутствие я ощущал и на земле квиппов, особенно возле Стены.

Пастух помолчал, некоторое время вглядывался в низкое темное небо, затем продолжил:

— С самого первого момента, когда я оказался в окружении народа деревьев, оно идет за мной. Должно быть, выбирает удобный момент.

— Удобный момент? — Симна тоже уставился в небо, пытаясь узреть в клочьях разорванных, стремительно бегущих облаков это самое «что-то», сумевшее надежно прикрыться мраком, вонью и завесой страха. — Удобный момент для чего?

Вид у Эхомбы был до такой степени грустный и серьезный, что даже северянин подтянулся, перестал иронизировать.

— Чтобы проглотить, — ответил пастух.

Эти слова вызвали в воображении Симны еще менее приятные чувства, чем использованный глагол «заглатывать».

— То есть это «что-то» пытается нагнать нас и съесть?

— Уже, — грустно откликнулся Эхомба.

— Что уже? — не понял Симна.

С невозмутимым спокойствием пастух продолжал изучать подступившую со всех сторон тьму.

— Мы уже внутри него. Но оно еще не заглотило нас. Оно должно сделать паузу, прежде чем начать заглатывать.

— Хой, раз ты так говоришь, значит, так оно и есть. Спорить не буду, брат.

Широко раскрытыми глазами, в которых не было ни тени страха, воин с севера по-новому взглянул вокруг себя. Изменилось ли что-нибудь с тех пор, как тьма опустилась на корабль? Да, все вокруг стало черным-черно, словно они оказались внутри куска угля. И это давящее ощущение, измазавшее людей с ног до головы, подобно маслу, оно тоже было в новинку, как и вся атмосфера, вдруг потерявшая незримость, неощутимость и вместо того вдруг пропитавшаяся смрадом разложения, превратившаяся в липкую, весомую массу... Все это действительно изменилось, но чего ждать дальше?

Один из моряков ударил по языку мрака, протянувшемуся к нему и попытавшемуся обхватить предплечье. Это движение на несколько секунд разогнало тьму: обрывки сгустившегося мрака повисли над палубой и начали медленно оттягиваться в сторону. Между тем тьма сгущалась и беско-

нечной ночью ложилась на корабль, грозя окутать и задушить всех на борту. Моряки отчаянно принялись очищать вокруг себя пространство, ругань и проклятия заполнили палубу, но с каждым ударом по пропитанному ужасом воздуху становилось ясно, что так от черноты не отбиться, как не отбиться от облака, от тени. И эта тень с каждой минутой становилась все сильнее и сильнее.

И все более жадной до живой плоти...

Симна отчаянно отбивался от прикосновений тьмы — впечатление было такое, словно на него напал незримый великан. По времени это было позднее утро, однако ни единый солнечный лучик не мог пробиться в мрачную утробу, их поглотившую. Алита пытался перекусить длинные толстые отростки темноты, которые, извиваясь, подтягивались к нему со всех сторон. Он то и дело ревел, лязгал зубами, а стая чудовищных змей становилась все гуще. Они нападали со всех сторон, перестраивались, кое-где утолщались, где-то становились тоньше. С каждой минутой сил у них прибывало. Тень все яснее ощущала свое могущество.

— Что же это?! — воскликнул Симна. Он, как и другие члены команды, отчаянно пытался счистить с себя налипавшую на тело невесомую грязь. — Ради Гидана, скажи, что это за пакость?!

— Эромакади. — Эхомба по-прежнему стоял не двигаясь, не обращая внимания на пальцы тьмы, касавшиеся его ушей, тыкающих в глаза. — Пожиратели света! Они поглощают свет вокруг нас, так же, впрочем, как и тот свет, что исходит из нас. Свет жизни.

— Из нас?

Это подал голос Алита, по примеру людей ведущий безнадежную борьбу с чем-то жутким, не обладающим плотью. Кот по-прежнему пытался укусить мрак, оторвать и уничтожить его отростки, но все было напрасно.

— Они посягают на наши мысли, души, на тот способ, с помощью которого мы утверждаем свое существование в этом призрачном и светоносном мире. Жизнь есть свет, Алита, и эромакади не могут встать у него на пути. Иногда они ослабевают и тогда прячутся в закоулках мрака; иногда, поднакопив силенок, выползают из своих укрытий. Эромакади — причина всех несчастий, обрушивающихся на людей. Их союзники — чума, война, слепой фанатизм и невежество. Крошечного эромакади привлечет зловещая презрительная ухмылка; эромакади покрупнее прилетит на бандитское нападение;

большой и сильный эромакади явится на ложь политика. Наш эромакади — особенно мощный.

Многое из слов товарища казалось Симне бессмыслицей, какой-то невнятной философской дребеденью. Но что бы это ни было, липкая мрачная мразь вокруг ощущалась вполне реально. Прежде северянин почти никогда не испытывал страха, потому что все его страхи, как правило, обретали физическую форму и могли быть поражены мечом. Теперь навалилось что-то странное. Как, помилуйте небеса, сражаться с воздухом!

Продолжая отбиваться от неумолимой тьмы, Симна вдруг заметил, что Этиоль наконец отпустил канат, за который держался, и медленно полез вперед. Пастух, балансируя, прошел по бушприту, там остановился, вытянулся в струнку и повернул лицо вперед, в ту сторону, куда медленно и безвольно дрейфовало судно. Затем он начал снимать с себя одежду, методично, вещь за вещью, швыряя ее на палубу. Оставшись в чем мать родила, Этиоль, долговязый, тонкий, стал похож на пугало. Его руки были широко раскинуты, словно он о чем-то умолял небо.

Обезумевшие матросы не обращали на происходящее никакого внимания. Те, кто бросал взгляд на нос корабля, думали, что малый тронулся рассудком; они же пока в состоянии отличить, что и где, и не спешили присоединиться к безумцу.

Между тем мрак смыкался все плотнее, душил мысли, туманил зрение и, забивая уши ватным безмолвием, приглушал звуки. Дышать стало трудно, каждый вздох давался в борьбе. Может ли человек задохнуться во мраке?

Этиоль Эхомба по-прежнему в одиночестве стоял на бушприте, отделившись от всех, кто был на палубе. Отделившись от человечества. Стоял — и вдруг глубоко вдохнул.

Его грудная клетка расширилась — Симна услышал это, несмотря на вопли обезумевших моряков. Звук был подобен шуму, издаваемому человеком при глубоком дыхании. Но то, что произошло потом, уж никак нельзя было отнести к обычным явлениям.

Тонкие щупальца мрака начали отползать к человеку, стоявшему на бушприте, и явно не по собственной воле. Они втягивались в широко распахнутый рот Эхомбы и пропадали из виду. Более толстые языки тьмы, извиваясь, старались отпрянуть в разные стороны, но какая-то неведомая сила неодолимо влекла их вперед. Они тоже погружались в человечьи внутренности. Эхомба дышал глубоко и мощно, не останавливаясь, его грудная клетка при каждом вдохе расширялась.

В первый раз за все время, как тьма поглотила корабль, по палубе пробежал ветерок, зашевелились обвисшие паруса. Затем порывы усилились, ветер налетал сверху, снизу, продувал со всех сторон, рассыпался по окружавшим судно водам.

Эхомба дышал ровно, без остановки. Он втягивал в себя клочья мрака, как человек впитывает ароматы корицы и мирры, засасывал тьму куда-то внутрь, в какие-то свои невообразимые глубины. А пастух все дышал и дышал.

Из последних сил держась за канаты, Симна смотрел на него и поражался неутомимости и выносливости пастуха. Сколько еще он сможет поддерживать такой темп? Не лопнет ли от того, что вдохнул? Или это был всего лишь испорченный дьявольской силой воздух, который свободно вытекает наружу, будто гигантская отрыжка?

Над кораблем забрезжил свет — теплый естественный солнечный свет, несущий радость и здоровье. Моряки увидели его, почувствовали его на себе и сразу воспряли духом. А Эхомба все продолжал глубоко вдыхать, пока последние языки мрака не оказались затянутыми в его внутренности. Только тогда он закрыл рот, содрогнулся и безвольно, как тряпичная кукла, рухнул на палубу.

Симна и Алита мгновенно подскочили к товарищу. Подбежали и моряки, обступили плотным кольцом, наперебой предлагая помощь. Рассерженный Симна приказал им отойти подальше, чтобы Этиоль смог вдохнуть свежий воздух.

Он поддержал голову лежавшего на палубе Эхомбы, чуть приподнял ее.

— Давай, Этиоль, дыши! Открой рот и вдыхай! Напейся свежего морского ветерка, очисти легкие от убийственной дряни. — Симна слегка ударил друга по щеке. — Дыши, будь ты проклят!

Веки у пастуха дрогнули, словно крылья мотылька прохладным утром. Затем он зашелся в кашле, голова несколько раз дернулась. Тонкая струйка черного пара вытекла между губ. Затем она свернулась в нечто округлое, напоминающее комок хлопка, всплыла повыше и там, под ударами ветра, окончательно рассеялась.

Симна проследил взглядом за растаявшим сгустком тьмы и отвел глаза только после того, как тот исчез.

Эхомба дышал то резко и часто, то медленно и прерывисто. Наконец дыхание восстановилось, и пастух открыл глаза. Увидев склоненные над ним лицо Симны и морду Алиты, улыбнулся.

— Друзья!.. — только и смог выговорить он.

Еще через несколько мгновений Этиоль сумел повернуть голову — осмотрелся, нахмурился и спросил:

— Почему я здесь лежу? Ну-ка, помогите мне подняться.

Тут же к пастуху бросились все, кто был на палубе, поставили на ноги. Он покачнулся, и вновь руки друзей поддержали его. Эхомба подошел к брошенной им одежде и самостоятельно оделся. После чего вернулся на место, где стоял, когда настигла беда, и принял прежнюю позу.

Возбужденно обсуждая между собой последние события, моряки вернулись к своим обязанностям. Капитан подошел к Эхомбе, пожал руку. Вопросов у него было хоть отбавляй, однако он на время смирил любопытство. Понятно, что удивительный пассажир нуждался в отдыхе, ему еще надо окончательно прийти в себя. Расспросы могли подождать.

Только Симна, разумеется, не стал себя сдерживать. Он подскочил к Эхомбе, едва тот закончил одеваться.

— В последний раз прошу — скажи, друг, разве ты не волшебник?

Пастух искоса взглянул на него и улыбнулся.

— Боюсь, что не в последний раз, Симна, но я все равно скажу: я не волшебник!

— Замечательно! Отлично! Пусть так и будет!.. — Северянин оперся о перила и смотрел в море. Перед носом корабля появилась стайка дельфинов — они обгоняли судно, выпрыгивали из воды, одним словом, по-своему радовались жизни. — Тебе стоит лишь внятно объяснить, что произошло. Помню, ты упоминал об эромакади перед схваткой с Дюнауэйком... Ты тогда сказал, что ничто не способно победить его, кроме эромакази.

Эхомба едва ли слышал товарища. Он думал о теплой сухой родной земле, оставшейся далеко позади, о маленьком и скромном, но уютном доме, о веселом журчании детских голосов и о голосе жены... Воспоминания согрели сердце. Ради этого стоит дышать и смотреть на белый свет.

— Я сказал тебе правду, дружище. И тогда, и теперь говорю, что эромакади — пожиратели света. Их ничем нельзя уничтожить, только эромакази в состоянии справиться с ними. Они — пожиратели тьмы.

Он повернулся и заглянул в глаза Симны. Смотрел долго, проникал в самую глубь.

— Симна ибн Синд, я простой пастух, забочусь о коровах и овцах. А еще я эромакази. Человек может быть и

тем, и другим. — Этиоль повернул голову к морю и немигающим взором уставился вдаль — на долгожданный берег, который был еще за чертой горизонта, но непременно существовал, манил. — Это совсем не значит, что я колдун.

Симна долго молчал, затаив дыхание. На корабле три раза ударили в колокол — команду и пассажиров созывали к полуденному приему пищи.

— Так оно или нет, не знаю, только ты не можешь отрицать, что это делает тебя больше, чем обыкновенным человеком.

Эхомба снял руки с поручня и выпрямился.

— Не больше, друг Симна. Не больше...

— Ну, значит, чем-то другим... Не пытайся мне объяснить! По крайней мере не теперь. — Северянин ухмыльнулся. — То ты выражаешься, как невежественный деревенский увалень, а то говоришь так, что я не способен понять, о чем идет речь. Ты гений или болван? Обыкновенный идиот или могущественный колдун? Клянусь жизнью, я так и не могу решить!

Пастух мягко улыбнулся.

— Возможно, я гениальный идиот.

Симна ибн Синд медленно покачал головой и положил руку на плечо товарища.

— У нас достаточно времени, чтобы узнать правду. Тем или иным способом, рано или поздно, но я выясню, что за сокровища ты ищешь. Теперь иди, поешь, отдохни. Держу пари, что от глотка-другого горячительного ты не откажешься.

Эхомба скорчил виноватую гримасу, затем потер шею.

— Сказать по правде, горло у меня слегка побаливает.

Вся троица во главе с Эхомбой-Наставником после отражения тьмы благополучно добралась до крупного порта Либондай, расположенного на процветающем побережье королевства Преммойс. Город лежал у подножия высокого хребта Неримаб-мелех, чьи заснеженные вершины были далеко видны с моря. На берегу путешественники с удивлением обнаружили, что среди космополитичного, многоязыкого населения Либондаи даже Алита не вызвал докучливого интереса, и все трое легко затерялись среди тысяч других путешественников, прибывавших со всех концов света.

Это обстоятельство вполне устраивало Этиоля Эхомбу, которому после всего случившегося требовался отдых. Но будучи любознательным по натуре, он, посидев некоторое время в четырех стенах, почувствовал себя оттесненным от

окружавшей его новизны. Этиоль почувствовал, что куда скорее восстановит силы и укрепит дух, если будет задавать вопросы — эта привычка настолько глубоко въелась в него, что безболезненно ее было не отбросить, тем более в таком необычном для пастуха окружении.

Подобная неумеренность в познании нового вызывала крайнее раздражение Симны, который порой едва сдерживался, наблюдая, с какой дотошностью Эхомба расспрашивает всякого встречного и поперечного. Однажды северянин не выдержал.

— Этиоль, неужели тебе надо знать все на свете?

— Да, — не задумываясь, ответил Эхомба.

— Но ведь не на все вопросы должны быть ответы?!

Пастух простодушно и открыто посмотрел на него — с той самой искренностью, с какой один человек может взглянуть на другого.

— Друг мой Симна, конечно, на все! Иначе зачем бы я был здесь? Или ты, или Алита, или кто-нибудь еще? Зачем бы я стал искать прорицательницу Темарил или вызывать на себя гнев Химнета? Зачем...

— Прошу прощения, я уже все понял, — перебил его северянин. — Лучше бы не спрашивал.

С этими словами он, не скрывая раздражения, уткнулся лицом в огромный кубок. Шум и выкрики, звучавшие в таверне, где они проводили время, его не беспокоили. Наконец, сделав несколько глотков, Симна грубовато посоветовал товарищу:

— Лучше помолчи и осуши кубок.

У их ног, едва уместившись под широким столом, свернувшись клубком урчал Алита. Время от времени он мощно зевал, показывая внушительные клыки, затем вновь погружался в сон.

По Мыслящим Королевствам

Моей племяннице
Александре Рэйчел Кэрролл

Самый могущественный человек на свете не мог спать.

По крайней мере Химнет Одержимый считал себя самым могущественным человеком на свете, а тех немногих, кому могло бы прийти в голову поспорить с ним, в живых не осталось. Даже если он и не самый могущественный человек, то уж, безусловно, самый могущественный маг. Положим, могла бы набраться горстка опрометчивых, неразумно отважных людей, которые решились бы встать на его пути, но не было никого, кто посмел бы сразиться с ним оружием колдовства и некромантии. Здесь *он* был Мастером мастеров, и всякому, кто баловался чернокнижием, приходилось отдавать ему дань уважения.

Впрочем, несмотря на всю обширность своих познаний, спать он не мог.

Поднявшись с постели, являвшей собою некий резной храм Морфея, над которым трудились на протяжении шести лет десять лучших в стране резчиков по дереву, Химнет медленно подошел к сводчатому окну, откуда открывался вид на его королевство, изобильные и многолюдные пространства Эль-Ларимара — от волнистых зеленых холмов у подножия неприступного убежища на вершине горы до омываемых солнечными лучами берегов безграничного океана Аурель. Насколько хватало глаз, в каждом доме и на каждой ферме, в любой лавке или мастерской именно его, Химнета, почитали высшей из всех земных властей. Он попробовал окунуться душой в тепло и надежность этого чувства, чтобы дать ему омыть себя, будто сладостным дождем. И не сумел.

Отвратительный сон, не дававший уснуть, никак не желал забываться.

Но еще хуже бессонницы была невозможность припомнить подробности. Смутные, туманные образы иных

существ не давали покоя. Некоторые из этих видений были людьми, другие — нет. Не в силах отличить их от любых других духов, Химнет не мог подобрать воздействующие средства. Такая ситуация не просто раздражала — выверенность поступков была предметом особой гордости властителя, и смутность нынешнего сновидения вселяла тревогу.

Он решил, что выйдет прогуляться. Прогуляться среди своего народа. Он всегда чувствовал себя лучше, наблюдая, как ему оказывают почтение, и снисходительно принимая выражения преданности. Пройдя к середине громадной, но безупречно убранной опочивальни, Химнет поднял руки и прочитал одно из нескольких тысяч коротких, но весьма действенных заклинаний.

В отличие от слабых солнечных лучей, пробивавшихся сквозь высокое окно, материализовавшийся свет был очень плотным. Приняв форму маленьких желтых пальцев, отделившихся от его рук, он принялся одевать Химнета. Правитель предпочитал свет человеческим рукам. Воздушные прикосновения послушного сияния не ущипнут, не забудут застегнуть пуговицу, не оцарапают шею. Они не ошибутся в выборе белья, не выронят драгоценной заколки или ожерелья. К тому же свет никогда не попытается вонзить в спину отравленный кинжал, яростно поворачивая его, покуда густая алая кровь Химнета не брызнет на полированные плиты пола, пачкая ножки кровати и портя бесценные ковры из шкур редкостных зверей.

Ну и что из того, если сгустки застывшего желтого света напоминали его прислужникам не проворные опытные пальцы, а сплетения извивающихся белесых могильных червей? Полеты вялого воображения лакеев мало занимали Химнета.

Шелковое белье ласкало тело, а роскошные одеяния настолько преобразили фигуру властителя, что на турнире портняжного искусства он мог бы потягаться с самим императором райских птиц. Рогатый шлем из гравированной стали и ярко-пурпурная мантия довершали образ необоримой мощи и величия. Итак, Химнет был готов появиться среди своих подданных.

Пара грифонов, прикованных цепью снаружи дверей опочивальни, при появлении Химнета насторожилась, полыхнув топазовыми кошачьими глазами. Властитель на мгновение задержался, чтобы погладить любимцев. Эти сторожевые псы растерзали бы в клочья любого, кто попробовал бы проникнуть в святая святых его покоев. Их нельзя было ни подкупить, ни отпугнуть, а чтобы справиться с ними, требовалась небольшая армия. Когда хозяин отошел, грифоны снова

уселись на корточки, словно задремав, на самом же деле, как всегда, оставаясь сверхъестественно настороженными.

Перегриф ждал повелителя в прихожей, сидя за своим столом. Бросив быстрый взгляд на два черных облачка величиной с поросенка, которые следовали за чародеем, он, оторвавшись от свитков и бумаг, встал.

— Доброе утро, господин.

— Не доброе. — Химнет остановился по другую сторону стола. — Я сегодня плохо спал.

— Мне жаль это слышать, господин. — У старого солдата были румяные щеки, аккуратно подстриженная борода и глаза цвета дамасской стали. Шести с половиной футов роста, массивный и все еще мускулистый, Перегриф мог выхватить саблю и расправиться с дюжиной мужчин в два раза моложе него. Боялся он только одного Химнета, зная, что Одержимый способен лишить его жизни лишь несколькими тщательно выбранными словами да легким движением покрытого броней кулака. Поэтому бывший генерал служил преданно и заставлял себя быть довольным.

— Странные сны, Перегриф. Расплывчатые чудища и загадочная неразбериха.

— Может быть, снотворного снадобья, господин?

Химнет раздраженно покачал головой:

— Пробовал. Как раз этот сон и не поддается обычным эликсирам. Происходит что-то непонятное. — Он выпрямился, сделал глубокий вдох, и воздух в комнате задрожал. — Сегодня я иду гулять. Проследи за приготовлениями.

Старый воин коротко кивнул:

— Тотчас же, господин. — Он повернулся, чтобы выполнять приказание.

— Кстати, Перегриф...

— Да, мой господин?

— Как ты в последнее время спишь?

Прежде чем ответить, солдат тщательно подумал:

— Довольно хорошо, господин.

— Предпочел бы, чтобы было иначе. Возможно, в компании я бы страдал меньше.

— Безусловно, господин. Нынешней же ночью я перестану спать.

Химнет, скрытый шлемом, удовлетворенно улыбнулся:

— Я всегда могу рассчитывать на твое сочувствие и помощь, когда плохо себя чувствую, Перегриф.

— Это мой долг, господин. — Воин ушел, чтобы подготовить появление своего хозяина среди его народа.

Химнету доставлял удовольствие неспешный спуск с высоты крепости по ступеням. Порой он спускался на огненном столпе или пользовался желобом из полированного серебра — приятно иногда попрактиковаться. Но он знал, что телу тоже нужны упражнения.

По дороге вниз Химнет миновал многочисленные коридоры и боковые проходы. Слуги и стражники, чем бы ни занимались, замирали, давая понять, что знают о его присутствии. Большинство улыбались, некоторые — нет. Кое-кто замечал присутствие зловонных, густых черных облаков, неотступно следовавших по пятам своего хозяина, и их бросало в дрожь. Проходя мимо одной дверцы, что вела в отдельную башню, Химнет приостановился и поглядел вверх. Там, в специально сотворенном маленьком раю, в уединении жила женщина. Любое слово из ее уст вознесло бы его на седьмое небо. Но Химнет знал, что ничего не услышит. *Пока* не услышит. Придут и слова, и улыбки, и объятия. Всему свое время, а времени у него бесконечно много.

Он мог бы принудить ее. Щепотка порошка, пара капель зелья вечером в вино — и она станет столь же слабой и сломленной, как истерзанные местности на востоке. Но это было бы порабощение, а не триумф. Имея все, Химнету хотелось большего. Не менее прекрасные тела можно получить с помощью золота или колдовства; завоевать сердце значительно сложнее.

Еще раз с тоской взглянув на дверь, властитель двинулся дальше. Проходя через парадный зал с величественно свисающими пурпурными и темно-красными знаменами, головами саблезубых тигров и драконов, арктических медведей и тропических тасманских волков по стенам, он прямо перед лестницей повернул налево к меньшей двери, ведущей к конюшне.

Как обычно в Эль-Ларимаре, на дворе ярко светило солнце. Конюхи заканчивали чистить четырех гнедых жеребцов с золотистыми гривами. Колесница была достаточно велика, чтобы вместить и громоздкую фигуру Химнета, и возничего. Перегриф с вожжами в руках уже ждал на козлах. Он облачился в золоченые доспехи и выглядел весьма внушительно, однако огромный, словно башня, некромант в мантии затмевал его.

Огненные кони, предвкушая бег, нетерпеливо рвались в упряжи. Химнет почувствовал, что ему уже лучше. Он забрался в колесницу и сел рядом с тем, кто управлял его домом и лошадьми.

— Трогай, Перегриф. Давай окажем народу честь, пусть лицезрят мое величие. Сдается мне... сдается мне,

что я совершу сегодня одно-два благодеяния. Может быть, даже никого не убью.

— Ваше великодушие поистине легендарно, господин. — Старый воин взял вожжи. — Н-но!

С ржанием и храпом упряжка рванула вперед по мощеной дороге, ведущей из крепости. Колесница летела вниз по склону горы; Перегриф кнутом лишь указывал коням дорогу, а Химнет Одержимый становился все бодрее от безумной гонки. Спустились к подножию, промчались сквозь апельсиновые, оливковые и миндальные рощи, мимо маленьких деревенских лавочек и фермерских домиков и въехали в пригороды столицы дивного, несравненного Эль-Ларимара.

Обернувшись, Химнет отчетливо разглядел крепость. Она венчала гребень самой высокой горы, господствовавшей над плодородными равнинами. Между тем с места, где сейчас находилась колесница, правитель не мог увидеть одну часть крепостного сооружения, некую башню. В этом невидимом остроконечном шпиле томилась единственная неосуществленная частица его самого, отсутствующий элемент совершенства...

Плохой сон, плохой угол обзора. Две плохие вещи за одно утро. Встревоженный, но полный желания освежиться, Химнет Одержимый отвернулся от своего удаляющегося убежища и вновь стал смотреть на улицы, несущиеся навстречу бешено летящим коням.

Мастерски управляя упряжкой, Перегриф крикнул своему сеньору:

— Куда желаете поехать, господин?

— Пожалуй, к океану. — Колдун немного подумал. — Мне всегда идут на пользу поездки к побережью. Во всем королевстве лишь океан способен хотя бы отдаленно сравниться со мной по силе.

Не говоря ни слова в ответ, воин щелкнул кнутом над конями, и те мгновенно свернули вправо на другую дорогу, чуть было не налетев на стаю домашних моа*. Почувствовав ускорившийся аллюр, эбеновые близнецы-миазмы, всегда следовавшие по пятам некроманта, придвинулись поближе к его каблукам. Когда воробушек с ярким оперением на миг укрылся от ветра позади колесницы, они тут же набросились на не-

* Моа — австралийское название динорниса, очень крупной (до 3 м высотой) бегающей птицы, обитавшей в Новой Зеландии и истребленной в течение последних двух столетий. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Мужчина не шевельнулся.

— Утро так себе, да и пришли мы поздно.

Ни почтительного обращения, ни титула, ни «Доброе утро, господин»... По неторопливому, но умелому обращению мужчины с удочкой Химнет определил, что тот не слепой. А его ответ показывает, что и не глухой.

— Ты знаешь меня.

Мужчина слегка шевельнул удилищем, чтобы привлечь к наживке внимание какой-нибудь наблюдательной рыбы.

— Вас всякий знает.

По-прежнему никакой почтительности, никакого подобающего обращения! Что тут происходит? Вздор какой-то!.. Химнет отлично понимал, что остальные внимательно наблюдают за ними. Исподтишка, как можно незаметнее, но все-таки наблюдают. Он бы не повернулся и не ушел, даже если бы этот рыболов с ребенком находились на обратной стороне Луны; тем более немыслимо уйти в присутствии других.

— Ты не приветствуешь меня, как это принято.

Мужчина как будто слегка склонился над своим удилищем, но голос его остался ровным.

— Я бы предпочел сам выбирать, кого мне приветствовать. А без такого выбора простое исполнение формальностей представляется излишним.

«Образованный, деревенщина, — подумал Химнет. — Значит, тем более важно преподнести ему серьезный урок».

— Тебе следовало бы тщательнее выбирать метафоры. Использование определенных слов может побудить меня к определенным действиям.

В первый раз рыбак обернулся и посмотрел вверх. Он не вздрогнул при виде рогатого шлема и горящих глаз.

— Я не боюсь вас, Химнет Одержимый. В любом случае человек живет не вечно, а я слишком часто думаю о том, что лучше умереть в состоянии свободы, нежели влачить существование без нее.

— Без свободы? — Чародей экспансивно взмахнул рукой. — Вот ты в такой прекрасный день сидишь здесь со своим сыном на общественном волнорезе и занимаешься тем, что большинство твоих сограждан назвали бы настоящим отдыхом, и при этом жалуешься на отсутствие свободы?

— Вы понимаете, о чем я говорю. — Как заметил Химнет, тон мужчины был явно угрюмым. — В конечном счете ничего не делается без вашего одобрения — или одобрения ваших лакеев, вроде того старого воина, что молча ждет

с каменным лицом в колеснице. Вы управляете всем, не допуская ни возражений, ни обсуждений. Ничто в Эль-Ларимаре не может произойти без вашего ведома. Вы шпионите за всеми — либо это делается по вашему приказу.

— Знание является необходимой предпосылкой хорошего правления, любезный.

— Но не игнорирование желаний народа. — Мужчина вновь повел удилищем, и тонкая леска, подергиваясь, прочертила поверхность воды.

— Для народа весьма опасно иметь слишком много желаний. — Сделав шаг вперед, Химнет нагнулся прямо за спиной мужчины, так что тот ощутил теплое дыхание Одержимого на своей грязной открытой шее. — Это вселяет в людей тревогу и расстраивает пищеварение. Куда лучше просто жить и наслаждаться каждым приходящим днем, а вопрос желаний оставить другим.

— Вроде вас. — Мужчина не поежился, не отпрянул. — Давайте делайте что хотите, я вас не боюсь! Все равно уже хуже некуда.

— Ты и впрямь скверно обо мне думаешь, да? Если бы у тебя было больше житейского опыта, любезный, ты бы понимал, что я еще не такой плохой, как большинство абсолютных монархов. Я не собираюсь ничего делать с тобой. — Шлем слегка повернулся направо. — Какой хороший у тебя мальчик. — Протянув закованную в броню руку, Химнет потрепал ребенка по волосам. На лице шестилетнего малыша появилось выражение, среднее между неуверенным восхищением и совершенным ужасом.

Впервые гранитная твердость рыбака, кажется, слегка пошатнулась.

— Оставьте мальчика в покое. Если это необходимо, то займитесь мной.

— Заняться тобой? Но, любезный, я как раз и занимаюсь тобой! — Некромант сунул руку в карман и достал оттуда небольшую стеклянную бутылочку, наполненную черной маслянистой жидкостью. — Я не стану обременять тебя названием эликсира. Если брызнуть несколько капель этой жидкости на бедро твоего очаровательного крепенького малыша, то его ноги высохнут, словно забытые в поле последние колосья пшеницы. Они станут хрупкими, как стебли засушенных цветов. При ходьбе кости будут трескаться и ломаться, причиняя невыносимую боль, от которой не избавит ни один доктор, ни один алхимик. Потом кости начнут заживать, медленно

и мучительно, покуда он не сделает следующий неверный шаг, и тогда они опять сломаются. Это будет происходить опять и опять. Боль начнет усиливаться с каждым новым переломом. Как бы он ни был осторожен, кости будут ломаться и заживать, ломаться и заживать, а когда он станет взрослым — если сумеет так долго превозмогать боль, — его ноги превратятся в причудливую массу осколков костей, бесполезных для ходьбы или чего-нибудь иного, кроме мучений.

Лицо Химнета под шлемом теперь было очень близко к уху рыбака, а голос понизился до шепота. Лицо мужчины подергивалось, и несколько слезинок скатилось по его щетинистой щеке.

— Не делайте этого. Пожалуйста, не делайте этого.

— Ага. — На скрытом сталью шлема лице Химнета Одержимого появилась улыбка. — Пожалуйста, не делайте этого — чего?

— Пожалуйста... — Голова рыбака упала на грудь, и он сильно зажмурил глаза. — Пожалуйста, не делайте этого... господин.

— Хорошо. Просто отлично. — Протянув руку, колдун провел бронированным пальцем по щеке мальчугана. Паренек отпрянул от прикосновения холодного металла; он дрожал, ему явно хотелось заплакать, но он по-мужски изо всех сил сдерживался. — Это оказалось не очень трудно, правда? Теперь я тебя оставляю. Не забывай об этом состязании в гордости. Химнет Одержимый не каждый день останавливается, чтобы потолковать с одним из своих подданных. И не забудь соответствующим образом выразить почтение, когда я буду уезжать. — Шелковистый голос чуть заметно посуровел. — Ведь ты не хочешь, чтобы я вернулся и еще побеседовал с тобой?

Выпрямившись во весь свой внушительный рост, властитель вернулся к колеснице.

— Поехали, Перегриф. Почему-то сегодня утром океан не оказывает на меня обычного благотворного воздействия.

— Это из-за женщины, господин. Она терзает ваши мысли. Но все пройдет.

— Знаю. Однако так трудно быть терпеливым.

Перегриф осмелился улыбнуться:

— Время, проведенное в длительных раздумьях, сделает окончательное решение наиболее приемлемым, господин.

— Да. Да, правда. — Чародей положил ладонь на руку воина. — Ты всегда знаешь, что сказать, чтобы утешить меня, Перегриф.

Голова с белой копной волос почтительно качнулась.

— Я стараюсь, господин.

— Назад, в крепость! Как следует поедим и займемся накопившимися государственными делами. Подальше от смрада этого места и этих людей.

— Да, господин.

Перегриф тронул вожжи, и огромные лошади аккуратно развернули колесницу на ограниченной площадке. Химнет бросил взгляд в направлении конца волнореза. Люди стояли, отложив удочки, сжимая в руках шапки и почтительно склонив головы. Один человек склонил голову особенно низко, так же, как и его сын; оба они слегка дрожали. Увидев это, Химнет задержал на них взгляд несколько дольше, чем нужно, хотя и понимал, что не подобает ему находить удовольствие в таких пустяковых проявлениях власти.

Перегриф прикрикнул на коней, и колесница рванулась вперед, мчась по волнорезу назад к порту, к городу, к угрюмым утесам Карридгианских гор.

Что-то стрелой пролетело перед колесницей, отчаянно пытаясь увернуться от мчащихся копыт жеребцов, — упряжке перебегала дорогу черная кошка.

— Осторожно, — крикнул некромант, — не задень ее!

Исполнительный Перегриф, мастерски орудуя вожжами, слегка отклонил несущихся коней вправо, хотя колесница опасно приблизилась к краю волнореза. Спасенная кошка исчезла среди камней. Пристально посмотрев назад, Химнет попытался разглядеть ее, но не смог.

Вернув скачущих лошадей снова на середину волнореза, главный помощник неуверенно взглянул на Химнета:

— Господин, это была всего лишь шелудивая бездомная кошка. Невелика беда, если бы мы ее задавили.

— Нет, ошибаешься. — Химнет нахмурился. Что означал этот миг? На какое-то мгновение нечто внедрилось ему в мозг и поразило его, заставив действовать не просто неподобающе, но и нетипично. За кого он испугался — за кошку или за себя? Весьма странно...

Два необъяснимых происшествия чуть ли не за две минуты. Сначала рыбак, потом кошка. Утро оказалось очень своеобразным. Несмотря на все попытки Перегрифа развеселить господина, Химнет прибыл в крепость обеспокоенный и в дурном расположении духа, чего не случалось уже многие годы.

II

Поскольку через Либондай пролегали внутренние торговые пути и дорога для завозного товара с экзотического Юга и Востока, здесь ежедневно можно было наблюдать самые разнообразные чудеса. Но даже в шумной и пестроликой гавани внушительная фигура вышагивающего по портовому рынку огромного иссиня-черного кота с мощными лапами, львиными клыками и гривой заставляла людей оборачиваться.

— Почему ты думаешь, что смотрят именно на тебя? — Выпрямившись во весь свой (хоть и небольшой) рост, Симна ибн Синд важно мерил шагами изрядно потертые ромбовидные камни мостовой.

Черный Алита мягко фыркнул:

— Около нас кружат тысяча и один человек, а носом я чую еще тысячу. Есть и кошки; самой крупной из них мне не хватило бы на завтрак. Симна, тебе не обязательно править королевством, чтобы перед тобой преклонялись; ты и так от себя в полном восторге.

Посмотрев вверх, фехтовальщик увидел двух девушек, высунувшихся из окна. Когда он улыбнулся и помахал им, девушки отпрянули, хихикая и прикрывая ладонями лица.

— Видишь! Они смотрели на меня.

— Нет, — ответил большой кот, — они над тобой смеялись. А смотрели они на меня. И я бы сказал, весьма благосклонно.

— Да замолчите вы! — Этиоль Эхомба бросил неодобрительный взгляд на своих словоохотливых спутников. — Сначала попробуем навести справки в конторе лоцмана, а если не повезет, пойдем на корабли.

Нетерпеливое ожидание скоро сменилось разочарованием. Портовые лоцманы с пониманием отнеслись к просьбе путешественников, но их слова так же мало обнадеживали, как и ответы шкиперов. Капитаны норовили поскорее избавиться от странных посетителей, а некоторые открыто смеялись им в лицо. Впрочем, грубиянов было немного, ибо те, кто замечал Алиту, притаившегося за спинами двоих людей, делали благоразумный вывод о том, что бестактно потешаться над просьбой, какой бы нелепой она ни казалась.

Последнего капитана, которому они изложили свое дело, Эхомба принял за одного из младших помощников. Это был улыбчивый рыжий парень с веснушчатым лицом и широкой грудью, покрытой курчавыми волосами. Но его добро-

душный юмор и мягкий характер не могли скрасить грустную реальность.

Молодой шкипер уперся ладонями в бока и поглядел на Эхомбу. Симна, как обычно в подобных случаях, предпочел оставаться на втором плане. К этому времени северянин смертельно устал от бесконечных отрицательных ответов на их расспросы, поглотивших большую часть дня, и уже предвидел реплику, которую услышит. В этом смысле капитан его не огорчил.

— Переплыть через Семордрию? Вы спятили? — Нежное рычание побудило капитана поглядеть за спину высокого темнокожего южанина, где он увидел узкоглазую груду мускулов и когтей, лениво развалившуюся на палубе. Это заставило его если не изменить свое мнение, то хотя бы смягчить тон. — Никто не плавает через Семордрию. Мне по крайней мере такие корабли не известны.

— Вы боитесь? — высоким голосом осведомился Симна. Было уже поздно, и его не особенно волновало, что он вдруг обидит какого-нибудь местного моряка, воняющего рыбьим жиром и ракушками.

Молодой капитан рассвирепел, но, вероятно, вспомнив о будто бы дремлющем, но очень настороженном Алите, проглотил вертевшуюся на языке отповедь, как ложку горького лекарства.

— Я боюсь только того, чего не знаю, а протяженности Семордрии не знает никто. Поговаривают, будто рассказы о землях далеко на западе — не более чем болтовня пьяных матросов и выдумки менестрелей. От экипажей нескольких судов, отважившихся выйти из Трех Глоток Абокуа, чтобы плыть вдоль легендарных западных берегов, доходили слухи об огромных жутких тварях. Я командую этим кораблем по поручению двух моих дядей. Они вверили судно моим заботам, и у меня есть перед ними определенные обязательства. Даже если бы мной завладело безумное желание переплыть Семордрию, я все равно не смог бы осуществить подобное предприятие. Лучше и вам от него отказаться.

— Мне знакомо понятие ответственности. — Эхомба говорил спокойно, так как слышал такие же речи от капитанов более чем двадцати других судов. — Я и сам отправился в путешествие при похожих обстоятельствах. — Он посмотрел на юг, в сторону дома, а главное — могилы благородного человека с дальних берегов, чья предсмертная просьба заставила пастуха спасать таинственную женщину, прорицательницу Темарил.

— Тогда постарайтесь осознать, что Семордрию нельзя переплыть. По крайней мере это не под силу ни одному кораблю, капитану или команде, которые плавают по Абокуа. — Таковы были последние слова капитана.

— И что теперь? — потягиваясь, спросил Симна, когда они возвращались по сходням на деревянный причал.

— Найдем, где переночевать. — Эхомба уже осматривал постоялые дворы и таверны, выходившие на главную набережную. — Завтра попытаемся еще раз.

— Я против!

Угрюмый Эхомба обернулся к другу:

— А что же делать, Симна? Мы не можем перейти пешком Семордрию. И перелететь не можем.

— Господа, господа... нет нужды ссориться между собой. Особенно сейчас, когда я могу помочь вам.

Высокий пастух и коренастый северянин повернулись одновременно. Алита ни на что не реагировал, так как все его внимание было поглощено ведерком, наполненным рыбой для наживки. Три рыболова, которым принадлежало это ведро, вытащили удочки из воды и, выпучив глаза, благоразумно отошли подальше.

Эхомба изучал незнакомца.

— Кто вы такой и почему хотите помочь тем, кого не знаете?

Человек шагнул вперед:

— Меня зовут Харамос бин Гру. Я проходил мимо и случайно услышал ваш разговор с капитаном этого убогого суденышка. Понятно, он отклонил вашу просьбу. — Незнакомец скептически оглядел ближайший корабль. — Я бы не доверил этой лохани перевезти мою задницу на другую сторону гавани, а уж тем более через великий океан! Вам нужен настоящий корабль с экипажем, который привык к подобным плаваниям, а не моряки-любители, что выходят в море только в хорошую погоду. — Он широко повел рукой.

Эхомба внимательно поглядел на человека, столь небрежно отвергающего профессиональные способности всех, с кем они в этот день беседовали. Несомненно, тип он нахальный, однако отдает ли отчет в своих словах или попросту бахвалится?

Внешний вид незнакомца ни о чем не говорил. Невысокого роста — на несколько дюймов ниже Симны, — бин Гру тем не менее отличался крепким телосложением, а выпячивающийся животик, как ни странно, при ходьбе не колыхался. Ароматная сигара торчала у него из уголка рта, усеянного очень

белыми, очень ровными зубами. Глаза были посажены глубоко, а щеки казались миниатюрной копией живота. Хохолок волнистых белых волос венчал голову, пробиваясь сквозь ореол пуха, как фонтанчик, выпущенный китом, пробивается сквозь старый паковый лед. Шеи практически не было, внушительная голова сидела на некоем кольце мускулов и вращалась, будто палящая орудийная башня вендесийского боевого корабля.

Незнакомец был учтив и прекрасно одет, однако Эхомба не понимал его побуждений. Впрочем, не мешало узнать, что он мог бы предложить.

— Вам известно, где найти такой корабль?

— Разумеется. Не в этой дыре преммойсийского побережья. Чтобы отыскать *настоящих* мореплавателей, вам надо отправиться на север. — Его глаза заблестели от воспоминаний. — Идите в Хамакассар.

Эхомба посмотрел на Симну, тот пожал плечами:

— Никогда не слышал о таком месте.

— Путь туда долог и труден. Мало кто знает о Хамакассаре, а еще меньше тех, кто там бывал.

— А вы бывали? — Эхомба внимательно наблюдал за коротышкой.

— Нет. — Ничуть не смутившись признанием, бин Гру пожевал свою дымящуюся сигару и прямо посмотрел в немигающие глаза пастуха. — Вы ожидали, что я совру, будто был там?

— Признаться, нас бы это не удивило. — Симна внимательно следил за незнакомцем, стараясь обрести надежду в этом широком лице и одновременно ища подвоха. Позади него Алита расправлялся с ведерком наживки. Владельцы ведра стояли в отдалении, беспомощно взирая на происходящее.

— Не могу сказать, что я никогда не лгу. Я — деловой человек, и порой ложь — неотъемлемая составляющая моих занятий. Но сейчас я не вру. — Вынув сигару из толстых губ, бин Гру стряхнул с кончика пепел, не заботясь, куда он упадет, и снова сунул ее между зубами, прикусив так, что чуть было не перегрыз дымящуюся коричневую трубочку. — Я могу сделать так, что вы благополучно доберетесь до Хамакассара. Ну а дальше будете действовать на свой страх и риск.

— А сами не собираетесь в дорогу? — Симна лениво поигрывал рукояткой своего меча.

— Нет-нет, не собираюсь. Только дураки и идиоты отваживаются на подобные путешествия.

— Понятно. — Пальцы северянина быстрее забарабанили по рукоятке. — А ответьте-ка, ради Глесптина, кто, по вашему мнению, мы такие?

Бин Гру ничуть не испугался наводящего на неприятные размышления вопроса Симны.

— Названия подбирайте сами, если угодно. Вы хотите перебраться через Семордрию? Послушайтесь моего совета и отправляйтесь на северо-запад, в Хамакассар. Здесь вы корабля не отыщете, это уж точно.

— Мы будем рады воспользоваться любым вашим советом, — вежливо произнес Эхомба.

Улыбка, появившаяся на лице торговца, была такой же скупой, как и его манера говорить.

— Хорошо! Только разговаривать давайте не здесь. Я помогаю друзьям и клиентам, а не праздношатающимся прохиндеям.

— И опять-таки спрошу вас, — пробормотал Симна, — мы кто?

— И те, и другие, надеюсь. — Бин Гру, ухмыляясь, повернулся и кивком пригласил новых знакомых следовать за ним.

Симна хотел сказать кое-что еще, но поскольку Эхомба уже тронулся следом за бин Гру, он оставил реплику при себе. Еще будет время порасспросить этого бесцеремонного барышника, прежде чем они слишком коротко сойдутся с человеком, который может оказаться пустым болтуном. Впрочем, в одном Симна готов был отдать ему должное: благородный он человек или криводушный, этот сукин сын был крепким орешком. Во время беседы он держался совершенно спокойно, даже когда северянин давал понять, что готов обнажить оружие и прервать дискуссию.

Поглядев через плечо, Симна окликнул третьего члена их компании:

— Эй, киска, вынь морду из этого вонючего бочонка и догоняй!

Алита, не переставая жевать рыбу, посмотрел на него и заворчал. Хотя рычание относилось к Симне, а не к ним, двое из трех рыболовов восприняли это впечатляющее урчание как команду поспешно забежать в воду, а третий упал на колени и начал молиться. Не обращая на них внимания, огромный черный кот рысцой побежал вдогонку за своими двуногими товарищами, время от времени останавливаясь и тряся то одной, то другой лапой в тщетных попытках избавиться от пахнущей рыбой воды.

Новый провожатый заводил путников все глубже и глубже в лабиринт тесно лепившихся друг к другу зданий в районе набережной, и Симна ни на шаг не отставал от долговязого пастуха, шагающего с самым серьезным видом.

— Ну и куда этот жирный доброхот нас ведет? Я не люблю узких переулков, пустых аллей и тупиков, даже если знаю их названия. — Северянин с тревогой оглядел высокие каменные стены, сжимавшие их со всех сторон.

— Хороший вопрос. — Этиоль повысил голос. — Куда вы ведете нас, Харамос бин Гру?

Торговец посмотрел назад и усмехнулся. Эхомба хорошо разбирался в мимике, и выражение лица бин Гру показалось ему достаточно искренним, хоть и несколько натянутым. Он улыбался, как человек, страдающий запором.

— У вас усталый вид, и наверняка вы голодны. Я подумал, что лучше обсудить наше дело за едой и питьем. — Он повернул налево в крохотный тупик и остановился. — Не падайте духом. Мы уже пришли.

Бин Гру начал толкаться в запертую дверь, а трое его спутников ждали. Дверь, лишенная каких-либо украшений, была простым щитом из трухлявых горбылей, не содержащим и намека на то, что за ней могут скрываться гастрономические прелести. Когда наконец ее удалось отворить, дверь протестующе застонала, и с карниза посыпалась пыль.

Симна прошептал натянутым тоном:

— Не похоже на популярное место. По правде сказать, вообще ни на что не похоже.

— Возможно, мрачный фасад — попросту какая-то маскировка, — с надеждой сказал Эхомба. — А внутри все окажется совершенно иначе.

Так и вышло, но совсем в другом смысле.

Следуя за бин Гру, путники очутились внутри большого пыльного склада. Середина этого строения с высоким потолком и полом из сильно поцарапанных досок была свободна. Гниющий штабель древних ящиков стоял в дальнем углу, а у противоположной стены несколько еще целых бочек похвалялись немыслимо старым содержимым. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь мутный слой сажи и морской соли, покрывавшей узкие и высокие окна под потолком. При появлении людей вдали метнулось в поисках убежища маленькое существо. Алита бросился за крысой, которая, привыкнув уворачиваться от простых бродячих кошек да изредка драться с ними, при виде прыгнувшего черного гривастого чудовища скончалась от разрыва сердца. Усевшись в слабом солнечном пятне на полу, хозяин бескрайних степей с удовольствием сгрыз крохотную, но пикантную закуску.

Симна держал руку на эфесе меча. Склад стоял на отшибе, был тих и пуст — превосходное место для заса-

ды. Северянин считал, что Этиоль ведет себя чересчур беспечно, излишне полагаясь на интуицию и не понимая, когда ему грозит смертельная опасность.

— Я думал найти здесь грог, а вижу только крысиную мочу, — бросил Симна провожатому. — Где же прекрасная таверна, которую вы нам обещали? — Он уже готов был выхватить меч и покончить с этим отважным, но лживым болтуном.

— А вот она. — Сунув руку в карман просторной рубахи, торговец извлек оттуда маленький ларчик. Эхомба и Симна подошли ближе, чтобы получше рассмотреть его. Ларец был изготовлен из какого-то светлого дерева, возможно, из бакаута*. На всех шести сторонах были вырезаны таинственные символы, смысл которых был непонятен обоим путешественникам.

Многозначительно гримасничая, бин Гру вышел на середину склада, поднял ларец точно на высоту своих глаз и бросил его на пол. Возможно, при этом он пробормотал несколько слов, или незаметно плюнул на коробочку, или сделал какой-нибудь жест. Ларчик упал, подскочил раз, другой — и вдруг выровнялся и затрясся, словно кролик под взглядом голодного кволла.

Отступив от дрожащей коробочки, бин Гру посоветовал своим спутникам сделать то же самое.

— Дайте ему как следует вздохнуть.

Не понимая, что происходит, Этиоль и Симна шагнули назад. Даже Алита поднял голову от остатков крысы — немногочисленных косточек, белевших в его чудовищных передних лапах.

Шкатулка внезапно раскрылась, плавно развернув свои стороны. Те, в свою очередь, развернулись еще раз, множась с поразительной и всевозрастающей скоростью. Из вновь образовавшихся сторон возник пол, от которого вверх поднялся свет. Путешественники стояли в остолбенении, а бин Гру, упершись руки в бока, одобрительно кивал, наблюдая, как расширяющиеся стороны ларца принимают новые формы. Из ничего выросла стойка вместе с задней стенкой, украшенной зеркалами и фривольными картинами. Возникли столы, уставленные горшочками, кувшинами и кружками. В зеркалах отражался яркий свет, трое музыкантов, из которых лишь один был человеком, что-то играли, звучали крики и смех. Самым удивительным было то, что появились завсегдатаи, выросшие из все множившихся стенок коробки. Они обрели очертания и формы, поднимали кружки ко рту, пили и ели. Одни были

* Бакаут — гваяковое дерево (*Guaiacum officinale*).

пьяны, другие что-то праздновали, третьи спорили. Когда развернулась последняя сторона шкатулки, оттуда выполз большой таракан и тут же юркнул под стойку. Увидев это, бин Гру нахмурился:

— Никак от них не избавлюсь. — Он решительно направился к свободному столику, кивком пригласив новых знакомых присоединиться.

Немало изумленные, они так и сделали. Симна убрал ладонь от рукоятки меча. Северянин по-прежнему настороженно смотрел на торговца, но теперь уже с некоторым уважением.

— Так, значит, вы не просто странствующий купец, а могущественный волшебник. Что ж, все равно не очень-то зазнавайтесь. — Он указал на Эхомбу. — Мой тощий и долговязый друг тоже волшебник.

— Вот как? — задумчиво пробормотал бин Гру. — Впрочем, ему нечего опасаться, что я как-нибудь попытаюсь околдовать его. Повторяю, я не чародей, я просто торгую товарами и услугами.

— А как же ларчик и все это?.. — Симна восхищенно оглядел оживленную таверну, в которую превратился недавно пустовавший склад.

Торговец кивнул:

— Превосходная штучка, правда? Нынче уже нелегко отыскать такую искусную работу. Я говорил вам, что не волшебник, и это действительно так. Однако я веду дела со всеми. Специализируюсь на вещах редких и экзотических. Эти товары иногда сводят меня с людьми, которые занимаются магией. — Он пристально посмотрел на Эхомбу. — Если вы действительно волшебник, как утверждает ваш приятель, то знаете, что даже величайшие некроманты не в состоянии постоянно добывать колдовством то, в чем нуждаются. Вот тут-то и появляются люди, подобные мне. — Он указал на небольшое пятно на полу. — Я приобрел эту складную таверну у престарелой ведьмы из Тарсиса. Она предложила мне три модели: обычную, с позолотой и таверну люкс. Я выбрал высший разряд.

— А в чем разница? — спросил любознательный Эхомба.

Усевшись на стул, бин Гру поднял пивную кружку, которая чудесным образом оказалась уже наполненной. Он пил большими глотками, не смакуя напиток. Пиво капало с его пухлых губ, и он быстро утер рот. В манере пить торговец был старомоден и грубоват, однако не неряшлив.

— Обычные ларцы содержат только таверну. Ничего больше. — Он сделал еще глоток. — Мне нравится атмосфера, которую создают посетители.

Симна наблюдал, как люди вокруг пьют, едят и веселятся.

— А они настоящие? Или только призраки? Могу я просунуть рукой сквозь кого-нибудь из них?

Бин Гру хихикнул:

— А можете просунуть руку сквозь стул, на котором сидите? Я бы не стал пробовать. Согласитесь, довольно унизительно быть вышвырнутым из несуществующего кабака искусственными завсегдатаями. — Его глаза блеснули, голос чуть посуровел. — Кроме того, если вы затеете здесь драку, то вас может засосать внутрь шкатулки, когда она снова свернется. Колдовство действует только в течение определенного времени.

— Тогда давайте лучше приступим к нашему разговору. — Эхомба попробовал жидкость в высоком металлическом кубке, и ему понравилось. Он учтиво пил маленькими глотками.

Симна же подобных ограничений не признавал. Осушив свою кружку одним глотком, он потребовал еще. Служанка, наполнявшая его сосуд, одарила Симну кокетливой улыбкой и не особенно возражала, когда он притянул ее к себе, чтобы поцеловать.

— Эх, вот такая некромантия мне по душе! — Подняв кружку, северянин одобрительно поприветствовал хозяина.

— Однако вы, должно быть, голодны. — Повернувшись, бин Гру хлопнул в ладоши.

Из невидимой кухни, находящейся в каком-то немыслимом обломке пространства, появился квартет половых и скорым шагом направился к их столу, неся блюда, доверху наполненные самой разнообразной и обильно приправленной снедью. На последнем подносе лежали длинные куски сырого мяса. Его поставили перед довольным Алитой, который принялся пожирать угощение с величайшим смаком.

— Кушайте! — потчевал их хозяин, с энтузиазмом обгладывая ногу жареного единорога.

— Вынужден отдать вам должное. — Симна нечетко выговаривал слова, поскольку рот его был набит мясом. — Я видывал путешественников, которые с помощью волшебства вызывали еду. Но целую таверну с кухней, стойкой и посетителями?.. — Он махнул обглоданной куриной ножкой в направлении своего друга. — Жаль, что, когда мы пересекали пустыню, при нас не было этой маленькой коробочки!

— Замечательное произведение магического искусства, — кивнул Этиоль, не переставая поглощать значительные количества пищи.

Они ели и пили, казалось, в течение многих часов, пока даже грозный Симна ибн Синд не изнемог. Севе-

рянин сидел, откинувшись на спинку стула, выпятив живот, и был похож на беременного шакала. Раздувшийся громадный черный котище лежал около него на полу и спал мертвым сном.

Только Эхомба, к неподдельному изумлению бин Гру, продолжал есть, размеренно и без видимого вреда для желудка.

— Куда только в вас лезет? Ваш живот лишь слегка увеличился.

Дожевывая вареные овощи, пастух с довольным видом объяснил:

— Тот, кто родился и вырос в засушливой бедной стране, никогда не отказывается от предложенного угощения и приучает тело вмещать довольно много еды в тех редких случаях, когда она доступна в большом количестве.

— Не верьте ни единому слову... О-ох-х-х... — Постанывая, Симна попытался обхватить свой живот обеими руками, но не сумел. Затем он увидел, как Этиоль достал из своей котомки маленькую бутылочку. — Вот видите! Без колдовства не обошлось! Расскажи ему, братец. Какая такая уменьшающая алхимия содержится в крохотном пузырьке, из которого ты тайком отхлебываешь?

— Пожалуйста. — Пастух перевернул бутылочку над своей наполненной тарелкой. Из дырочек в пробке высыпались мелкие белые частицы. — Морская соль. Она не только напоминает мне о доме, я вообще люблю приправлять еду.

Огорченный этим откровением, не содержавшим ничего загадочного, Симна с недовольным ворчанием откинулся на спинку стула. Поглядев вверх, он увидел улыбающееся лицо и прочие составляющие знойной служанки, подносившей им напитки.

— Потанцуешь с одинокой дамой, солдатик?

— Потанцуешь?.. — пробормотал Симна. — Разумеется! — Не без труда поднявшись, он обнял девушку, и они, пошатываясь, направились к свободной площадке напротив тихо игравших музыкантов. Трудно было понять, кто кого поддерживает. С удивлением и восторгом фехтовальщик убедился, что его руки, как и обещал торговец, не проходят сквозь партнершу.

И все это время, к затянувшемуся недоумению коренастого купца, Эхомба продолжал есть.

— Никогда не видел, чтобы даже три человека съедали столько, сколько вы, — открыто изумлялся бин Гру. — А еще я помню кое-что, сказанное ранее вашим другом. Вы действительно волшебник?

— Вовсе нет. Простой пастух с дальнего юга, пасу крупный скот и овец. А теперь объясните мне, Харамос

бин Гру, как вы собираетесь помочь нам добраться до далекого Хамакассара?

— Сделать это трудно, но не невозможно. Сначала вы должны... Этиоль Эхомба, вам дурно?

Пастух чувствовал себя не то чтобы плохо, а скорее неустойчиво. Хотя он еще отнюдь не насытился и по-прежнему в значительной мере не потерял своего необыкновенного аппетита, перед глазами все начало расплываться. Смех посетителей коробочной таверны не просто звучал, а эхом отзывался в ушах, а свет в зеркалах за стойкой подернулся дымкой. Очертания предметов стали смутными, и даже округлый купол головы внушительного бин Гру приобрел некоторую расплывчатость. Он что-то говорил пастуху, но его слова вдруг стали такими же неразличимыми, как и лицо, на котором теперь отдельные черты, казалось, беспорядочно плавали: нос менялся местами со ртом, губы наползали на брови...

Взгляд Эхомбы упал на изящный узкий бокал. Вино в нем было светлое и искрилось маленькими пузырьками, приятно шекотавшими нёбо. Наверно, всему виной эти пузырьки, о которых он раньше не имел представления. Подвижные и занимательные, они могли также служить для того, чтобы отвлекать внимание человека от истинного вкуса напитка. И тут он понял: в поданной бутылке вина было нечто такое, что никак не могло вести свою родословную от благородной лозы.

Попробовав посмотреть вверх, Эхомба понял, что не в состоянии даже поднять голову. Негоциант оказался ловкачом. Его грубоватые манеры и откровенные высказывания заставили пастуха поверить, будто их хозяин не из тех людей, которые проявляют терпение в деле. Надо отдать ему должное: он сумел отлично скрыть эту черту своего характера. Щедро потчуя их обильной едой и тонкими напитками, он в то же время выжидал благоприятный момент.

Эхомба попытался что-то пробормотать, но губы и язык служили ему не лучше, чем глаза. Когда начала опускаться тьма, застилая яркий свет зеркал и поглощая теперь уже глумливый смех посетителей, Этиоль увидел, как бин Гру встал и поманил кого-то рукой. Не кого-то из гостей или бестелесных завсегдатаев, а нескольких крупных и проворных мужчин, входивших через пыльный дверной проем.

Потом зрение ему полностью отказало; лишь пищеварение продолжало активно действовать, и желудок оставался единственным органом, еще способным издавать звуки.

III

Когда чувства вернулись к Эхомбе, было еще светло. Мучаясь нешуточной головной болью, он сидел на жестком голом полу пустынного склада. От карманной раскрывающейся таверны и жизнерадостных ее посетителей не осталось и следа. Нигде не было видно и владельца замечательного ларчика.

Слегка пошатываясь, пастух поднялся и наконец обрел равновесие. Его пожитки лежали поблизости, не тронутые вторгшимися людьми, настоящими или мнимыми. Без сомнения, такие, как Харамос бин Гру, считали столь жалкое имущество недостойным внимания: овчинка не стоила выделки. А возможно, алчного торговца отвлекли более интересные дела.

Алита исчез. Большого кота не было ни на полу, где он лежал, ни среди немногочисленных ящиков, ни в углах. Эхомба молча стоял, освещенный солнечным лучом, и изо всех сил старался сложить обрывки воспоминаний, похожие на рваные лохмотья.

Вроде бы люди, появившиеся на складе перед тем, как он потерял сознание, что-то несли с собой. Что?.. Сильно зажмурив глаза, пастух пытался вспомнить. Змеи? Нет — веревки. Веревки и цепи. Эхомба никогда не видывал котов, подобных Алите, до того, как спас его от неистового смерча. Его четвероногий спутник, помесь льва и гепарда, был уникален. А Харамос бин Гру, как он сам говорил, торговал редкостными вещами...

Поняв, где должен находиться кот, пастух отправился на поиски своего второго товарища.

И нашел его в дальнем углу, в самом разгаре тщетных попыток физически совокупиться с пивным бочонком. Лишь наполовину проснувшийся и полупьяный, с придурковатой улыбкой на лице, Симна бормотал:

— Ах, Мелинда, милая Мелинда. Какая ты сочная, Мелинда...

Эхомба с силой пихнул бочку. Емкость откатилась, а ее человеческий партнер шлепнулся на пол. Лежа на спине, Симна ибн Синд заморгал и попытался встать. Рукой он шарил в поисках меча, висевшего на боку, но пальцы все время промахивались, хватая воздух.

— Что такое? Кто посмел?.. Ох, ради Гвасика, моя голова!

— Поднимайся. — Эхомба, нагнувшись, протянул руку.

С хмурым и сконфуженным видом северянин принял помощь.

— Полегче! Не дергай так сильно!

Эхомба, взяв товарища обеими руками под мышки, помог ему встать прямо. Коренастый воин высвободился не сразу.

— Все в порядке, Этиоль. Я в норме. — Он то и дело протирал глаза, словно пытаясь избавиться от застилавшей их пелены. — Клянусь Гхофотом, нас опоили каким-то снадобьем!

— И очень даже успешно. — Пастух смотрел на дверь. Она висела на одной петле, готовая упасть от малейшего прикосновения. Одурманили Алиту или нет, но без боя, видимо, взять зверя не удалось. — Они похитили нашего друга.

— Кого? Кота? Кто его похитил? — Симна слегка пошатнулся.

— Наш приятель Харамос бин Гру. Со своими помощниками, которые выжидали подходящего момента. Однако он нам не лгал. Он не давал слова не красть нашего спутника. — Эхомба задумчиво осмотрел дверь. — Черного кота можно продать за большие деньги коллекционерам редких животных. Странники, приходившие в деревню, рассказывали, что в больших богатых городах такие любители встречаются довольно часто. Полагаю, их немало в столь крупном и роскошном городе, как Либондай.

— Что ж, идем! — Норовя вытащить меч, Симна качнулся в направлении двери. — Догоним их!

Эхомба положил ладонь на плечо товарищу.

— С какой стати? — мягко возразил он.

Симна с удивлением уставился на своего флегматичного и непритязательного друга. Как и всегда, в его тоне и выражении лица не было ни малейшего намека на неискренность.

— Что ты имеешь в виду: «с какой стати»? Кот — наш друг, наш союзник. Он не раз спасал нам жизнь.

Пастух едва заметно кивнул:

— По собственному выбору. Таково бремя, которое он решил взять на себя. Но если бы нам троим пришлось голодать, он бы сперва съел тебя, а потом и меня.

— В подобном положении я бы его тоже съел, хотя кошки мне не очень нравятся — слишком жилистые. Но сейчас другая ситуация.

— Он мне нравится. Однако не до такой степени, чтобы рисковать своей жизнью и благополучным исходом путешествия, врываясь в разбойничий вертеп и пытаясь его спасти. Может, ты, Симна, не понимаешь этого, но он бы понял.

— Понял бы, как же! Задал бы ты этот вопрос, глядя прямо ему в мохнатую морду?.. Оставайся, если счи-

таешь нужным, а я иду за ним. — Северянин повернулся и спотыкающимся, но тем не менее величественным шагом направился к двери.

— А как же данное мне тобою обещание?

Симна бросил через плечо:

— Оно будет выполнено — после того, как я спасу Алиту.

— У тебя ничего не выйдет.

— Где это написано? Кто ты такой, чтобы истолковывать еще не перевернутые страницы Судьбы? Думаешь, никто не способен на геройство, кроме как в твоей компании?

— Да ты погляди на себя! Едва ноги передвигаешь! — Не прозвучал ли в голосе пастуха намек на замешательство?

Симна нетвердой походкой продолжал пробираться к выходу.

— Даже в стельку пьяный я управляюсь с мечом лучше, чем трое трезвых как стеклышко воинов. — Он остановился перед качающейся дверью и нахмурился. — Здесь вроде бы была ручка.

— Не имеет значения. — Эхомба, вздохнув, подошел к товарищу. — Толкни, и она скорее всего сорвется с последней петли.

— Ага. — Симна последовал совету и был вознагражден грохотом, с которым поверженное препятствие рухнуло на пол. — Пожалуй, кое-какие страницы Судьбы ты *способен* расшифровать.

— Судьба тут ни при чем. — Пастух шагнул мимо него. — Просто сейчас я вижу нормально, а ты нет. Пошли.

— Точно. — Симна ибн Синд выпрямился во весь рост. — Э-э-э... Куда мы идем?

— Попытаемся освободить кота, если его действительно захватил корыстный бин Гру. Я бы не прочь бросить Алиту, не прочь оставить и тебя, да вот только, если вас убьют, это навеки станет моей виной. А у меня на душе и без того слишком много тяжестей, чтобы еще обременять ее вашей глупой смертью.

— Ох, Этиоль Эхомба, тебе меня не провести. — Лицо северянина расплылось в широкой усмешке. — Ты попросту искал предлога, разумного объяснения, чтобы отправиться за котом.

Пастух не ответил. Он уже прошел в дверь и направлялся к порту.

Несмотря на похвальбу Харамоса бин Гру относительно своих коммерческих успехов, а возможно — и благодаря им, друзьям не удалось отыскать никого, кто слышал бы

об этом негоцианте. В ответ на бесконечные расспросы маклеры, матросы и слуги, купцы и лоточники лишь ошеломленно таращились, недоуменно качали головами или безразлично ухмылялись, иногда презрительно поглядывая на вопрошавших. Простое одеяние Эхомбы и неопределенный статус Симны низводили путников ниже уровня, заслуживающего внимания добропорядочных горожан. Те, кто отвечал на вежливые вопросы, ничего не знали вследствие своего общественного положения, а те, кто мог быть осведомлен, зачастую не считали нужным отозваться.

— Так мы ничего не добьемся. — Симна по-прежнему был полон решимости, однако от уныния его голос осип, словно от простуды.

— Может быть, мы неправильно взялись за дело. — Эхомба немигающим взглядом смотрел в сторону моря и южного горизонта. В поле его зрения попал корабль, и пастух моргнул. — Вместо того чтобы расспрашивать прохожих, нам следовало бы найти того, кто способен видеть с помощью иных средств.

— Ясновидящий? — Симна неуверенно глянул на друга. — А сам-то ты разве не ясновидящий, долговязый братец? Разве ты не умеешь предвидеть?

— Неужели, если бы умел, толковал бы сейчас об этом? Когда же ты поймешь, Симна, что я самый обыкновенный человек?

— Когда в твоем присутствии перестанут происходить разные чудеса. Впрочем, готов согласиться, что ты не провидец. — Северянин повернулся, чтобы влиться в суматошный водоворот людей и других существ, заполнявших порт. — Если этот скучный народец не может ответить нам, где найти бин Гру, то пусть бы хоть сказали, где найти того, кто сумеет ответить.

Им указали на крохотную витринку в каменном здании, рядом с которой находилась узкая закрытая дверь, похожая на вертикально поставленную дощечку. Вывеска над дверью не содержала никакого имени, а лишь была испещрена множеством незнакомых Эхомбе букв. Более светский Симна распознал обрывки двух разных языков и, соединив кое-какие слова, умудрился извлечь из них некоторый смысл, словно воссоздавая сок из концентрата.

— Молешон Всеведущий, — перевел он своему спутнику. — Постигающий Миры и Подающий Мудрые Советы. — Симна хмыкнул. — Давай поглядим, что он может нам предложить.

— А чем мы отблагодарим его за услуги? — забеспокоился Эхомба.

Северянин вздохнул:

— После того как мы расплатились за переправу через Абокуа, у меня еще осталось немного золота членгуу. Во всяком случае, более чем достаточно, чтобы удовлетворить какого-то низкопробного портового мудреца.

Дверь была не заперта, и когда они вошли, звякнул маленький колокольчик. Непритязательная гостиная была завалена пыльными инкунабулами*, на столе громоздились старые книги сомнительного происхождения и подпорченные продукты на несвежей скатерти. Все это не вселяло особых надежд.

Че́ловек, вылезший им навстречу из задней комнаты, походил на барсука, пытающегося выбраться из слишком тесной норы. Внешний вид Молешона Всеведущего говорил о куда большем достатке, нежели его жилище. У этого низкорослого и худого индивида было узкое лицо, блестящие, как у хорька, глазки, козлиная бородка, словно пересаженная с лица гораздо более крупного человека, ниспадающие на плечи седые волосы, а руки двигались быстрее, чем у профессионального картежника.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, Источники Тысячи Щедрот! Чем могу служить? — Он не столько сел, сколько плюхнулся в кресло, стоящее у стола. Эхомба подумал было, что древесина не выдержит натиска, однако сиденье и спинка устояли. — Желаете найти неверную возлюбленную? — Провидец самодовольно ухмыльнулся Симне. — Ищете хорошо оплачиваемую должность в Либондае? Хотите знать, где лучший постоялый двор или как отыскать самых сочных девочек? Вас интересует человеческая натура, а может, заразились какой-то пустяковой, но стыдной болезнью, которую надо вылечить?

— Мы кое-что потеряли. — Эхомба не сел. Когда предоставлялся выбор, пастух зачастую предпочитал стоять. Впрочем, в комнате все равно было еще только одно кресло, которое уже захватил Симна.

— Рассказывайте, рассказывайте. — Говоря, Молешон быстро постукивал кончиками пальцев один о другой.

— Хочу лишь на секунду отвлечь вас, — вставил любопытный Симна, — но *какова* человеческая натура?

— Запутанная, друг мой. — Ясновидящий протянул открытую ладонь. — За пол золотого ксаруса готов разъяснить.

— Ближе к делу. — Эхомба хмуро посмотрел на своего спутника.

---

* Инкунабулы — книги, относящиеся к начальной поре книгопечатания (до 1501 г.), внешне похожие на рукописные.

Тот беспомощно пожал плечами:

— Мне всегда хотелось это знать...

— Хоть я и не оракул, Симна, но мог бы сам ответить тебе на этот вопрос. — Снова повернувшись к хозяину, пастух объяснил причину их появления и просьбу.

— Понимаю, понимаю. — Теперь, когда Молешон получил пищу для размышлений, его пальцы застучали гораздо быстрее. — Очень большой и похож на кота, правильно?

Эхомба кивнул:

— И способен говорить на обычном человеческом языке.

— Замечательное животное, вне всякого сомнения, вне всякого сомнения. Выходит, у вас его похитил Харамос бин Гру?

— Хитрый ублюдок, — поделился с ясновидцем Симна. — Но все это случилось только вчера, так что он не мог далеко уйти. Не с сопротивляющимся Алитой.

— Полагаю, и тот, и другой еще в городе. — Эхомба выказывал некоторое безразличие к происходящему, однако Симба достаточно хорошо знал своего друга. — Чтобы найти покупателя на такого кота, потребуется время. К тому же столь умный торговец, как бин Гру, не примет первое попавшееся предложение, а будет ждать наилучшей цены.

— Господа, господа, вам повезло. — Тщедушный предсказатель улыбался лучезарной улыбкой. — Вы обратились к тому, кому следует. Мне не только известно имя Харамоса бин Гру; за незначительное вознаграждение я сделаю так, что кота вам вернут! Ваши жизни не подвергнутся ни малейшей опасности. В этом городе множество людей, которых можно склонить на подобное предприятие за жалкие гроши. Если вы подождете здесь, заняв себя моими книгами и безделушками, то я все устрою. — Он встал с кресла. — Похищенный друг будет с вами сегодня же вечером!

— Гуиустос свидетель, — провозгласил Симна, — я аплодирую вашей предприимчивости, господин Всезнающий! — Его лицо слегка помрачнело, голос упал. — А сколько именно это «предприятие» будет нам стоить?

Всеведущий назвал цифру, которая поразила северянина, поскольку равнялась почти всем их запасам. Однако если ясновидящий сможет выполнить свое обещание, они будут избавлены как от опасности, так и от хлопот.

Молешон скрепил договор, согласившись принять половину платежа немедленно, с тем чтобы он смог нанять нужных людей, а оставшуюся часть — после благополучного возвращения Алиты.

На том и порешили: путники останутся в тесной, но уютной лавчонке до тех пор, пока хозяин не возвратит им четвероногого друга.

— А вы не боитесь этого бин Гру? — задал вопрос Эхомба, когда Молешон уже собирался выходить.

— Мне известна его репутация. Благодаря... определенным товарам, с которыми он имеет дело, о бин Гру говорят не только как о купце. — Прорицатель дважды подмигнул. — Но я — Всеведущий и, будучи таковым, знаю, как обращаться с подобными типами. Не опасайся за меня, Подписавший Официальную Сделку. Я способен о себе позаботиться. — Он открыл дверь и возбужденно забарабанил пальцами о косяк. — Я вернусь еще до того, как перевалит за полночь, — с вашим товарищем и за причитающимися мне деньгами.

За ним громко хлопнула дверь. Молешон Всеведущий все делал громко.

Оставшись предоставленными самим себе, два путешественника при мягком свете доверху наполненных масляных ламп принялись разглядывать коллекции хозяина. К некоторому удивлению Симны, Эхомба продемонстрировал умение читать, хотя его знания и ограничивались лишь самым распространенным языком. Симна же мог похвастаться знанием многих языков, однако его словарный запас ограничивался выражениями, которые не употреблялись в ученых томах.

В таких занятиях товарищи провели довольно долгое время — солнце на небосводе уступило место луне, а гомон порта, никогда, впрочем, не затихающий совсем, стал значительно тише по сравнению с оживленным днем.

— Интересно, минула ли уже полночь? — Эхомба поднял глаза от богато иллюстрированной книги. — Похоже на то.

— Вон на полке стоят часы, — показал Симна. — Неужели ты не видишь, что уже больше полуночи?

— Часы? — Закрыв книгу, Эхомба встал, чтобы взглянуть на незнакомое приспособление. — Так вот, значит, какие они. Интересно.

Симна изумленно посмотрел на него:

— Ты хочешь сказать, что никогда раньше не видел часов?

— Нет, никогда. — Стоя у полки, Эхомба с восторгом рассматривал мягко тикающий механизм. — А что такое часы?

— Прибор для определения времени. — Северянин с недоверием изучал друга. — Какой ты, однако же, странный волшебник, если не знаешь, как работают часы. А откуда ты узнаёшь время?

— По солнцу и звездам. — Пастух склонился над полкой, едва не касаясь носом деревянных резных стрелок, показывающих час и минуту. — Какая чудесная вещь!

— Точно. — Расстроенный Симна вдруг поймал себя на мысли, что, может быть, Этиоль Эхомба и вправду является почти тем, за кого себя выдает, — скромным пастухом.

За дверью послышался какой-то шум, и оба друга выжидательно повернулись.

— Молешон! — выпалил Симна. — Как раз вовремя. Мы уже начали беспокоиться...

Дверь с грохотом распахнулась от удара хорогов. Это были здоровенные мускулистые парни с бородавчатыми недобрыми лицами. В крупных городах и королевствах северного побережья Абокуа на хорогов был большой спрос — их нанимали телохранителями. Кроме того, они могли — и это было сразу же совершенно очевидно — использоваться в менее благовидных целях. Облаченные в легкие кольчуги и тяжелые прочные наплечья и панцири, хороги держали в руках не особенно изысканное оружие: увесистые боевые топоры и массивные булавы — кому чем больше нравилось калечить.

Симна выхватил меч и мгновенно вскочил на стол.

— Неудивительно, что Молешон Мошенник не боялся бин Гру! Он продал нас! — Неистово размахивая мечом и пользуясь своей более выгодной позицией, чтобы замедлить первый натиск противников, временно заставив их обороняться, он орал: — Делай же что-нибудь, брат! Уничтожь их прямо на месте!

Застигнутый врасплох внезапным нападением, Эхомба потянулся за спину, чтобы достать меч из небесного металла. Но вместо него пальцы обхватили длинное копье. Кровожадные хороги, похрюкивая, уже толпой ломились в открытую дверь, и, не имея времени исправить ошибку, Эхомба вынужден был отбиваться тем оружием, которое попалось под руку.

Он знал, что тесная комнатка слишком мала, чтобы вместить дух наконечника копья, однако времени на размышления не оставалось. Свирепо ворчащие хороги наседали.

То, что вырвалось из зуба, привязанного к концу копья, не просто разрослось, а заполнило всю комнату целиком.

— Быстрее уходим через заднюю дверь! — только и мог крикнуть Эхомба в надежде, что северянин отреагирует достаточно проворно.

Дух тираннозавра раздувался, занимая все пространство комнаты. Огромный хлещущий из стороны в сторону хвост едва не задел пастуха, когда Этиоль, схватив свою котомку, нырнул в черный ход.

Те хороги, которые сразу же не были раздавлены весом ожившего плотоядного ящера, передушили друг друга, пытаясь выскользнуть сквозь узкий проем. Другие погибли, растерзанные неистовствующим демоном; не находя места, чтобы двигаться и дышать, тот проломил витрину лавки и наружную стену здания. Его жуткое мычание и рев разносились по всему порту, отчего мирные прохожие, спасая свою жизнь, прыгали в воду гавани. Оставшиеся в живых хороги разбегались во все стороны, бросая громоздкое оружие. Дух тираннозавра преследовал их, без разбору кусая как несостоявшихся убийц, так и невинных горожан.

Симна едва вывернулся из-под лапы ящера, которая оставила бы от него только мокрое место. Лишь привычка к неожиданным выходкам своего друга помогла ему своевременно выскочить. Спотыкаясь, путники выбежали в узкий переулок позади лавки и быстро направились в сторону набережной.

— Погоди минуту! — закричал Симна, еле переводя дыхание. — Зачем мы идем туда? Ведь там чудовище, которого ты выпустил!

— Знаю. — Голос Эхомбы звучал, как всегда, ровно, однако северянину показалось, будто он различил какой-то намек на сдерживаемое чувство. — Но я надеюсь, что там окажется и чудовище поменьше.

Как и следовало ожидать, Молешон притаился в маленькой шлюпке, привязанной к главному причалу, где под сложенным парусом прятался и от свирепого доисторического призрака, и от разъяренных выживших хорогов. Когда из-под отдернутой парусины показалось его испуганное лицо, Всеведущий выглядел отнюдь не всемогущим.

Симна приставил острие меча к горлу провидца и надавливал на него до тех пор, пока тот не откинулся на край суденышка. Их прежний хозяин с выпученными глазами висел в нескольких дюймах над темной водой. Вцепившись обеими руками в борт, чтобы не вывалиться в глубины гавани, он выбивал пальцами по гладкому дереву паническое остинато*.

Сжав зубы, Симна ибн Синд чуть посильнее надавил на меч.

— Даю тебе выбор — это больше того, что ты дал нам. Скажи, где найти Харамоса бин Гру, и я полосну тебя по лицу, а не по горлу!

— Я не... — начал было неудавшийся пророк, но Эхомба, угрожающе выросший за спиной возбужденного северянина, взглядом пресек неразумный протест.

* Остинато — многократное настойчивое повторение какой-либо музыкальной темы.

— Ты нас ему выдал. Мне следовало по крайней мере заподозрить подобную возможность, однако я привык иметь дело с людьми моей страны, где душа и мужество не продаются за золото. Будучи Всеведущим, ты знал, где он находится и сколько заплатит, чтобы избавиться от нас. Будучи Всеведущим, ты знаешь, что я не лгу, когда говорю: если ты не откроешь нам его местонахождение со следующим вздохом, то это будет твой последний вздох.

Под мечом Симны из тонкого морщинистого горла заструилась кровь.

— Да-да, я скажу, я все вам скажу! — Маленький человечек так нервно и сильно стучал кончиками пальцев по планширу шлюпки, что они начали кровоточить. — Он... у него контора на улице Зинтойс. Дом позади нее. Вы собираетесь убить меня?

Симна по-волчьи ухмыльнулся.

— Что, Всеведущий не знает ответа на этот вопрос? Может, тебе следует сменить титул на Едва Догадывающегося?

Наклонившись вперед, Этиоль положил руку на плечо друга.

— Оставь его, Симна. Если мы хотим спасти Алиту, то нужно торопиться.

Тяжело дыша, северянин заколебался.

— Осталось еще неулаженное дельце о деньгах, которые мы заплатили в надежде на добросовестные сведения, а не на предательство.

Трясущийся Молешон пошарил в потайном кармане и, выпрямившись, протянул пригоршню монет. Пересчитав их под нетерпеливым взглядом Эхомбы, Симна на прощание сказал предателю несколько отборных слов:

— Если ты нам солгал или дал неправильный адрес, мы тебя отыщем. Мой друг — великий волшебник. *Настоящий* волшебник, а не дешевый фальшивый ларечник!

Молешон ухитрился собрать остатки душевных сил и протестующе пропищал: «Я не дешевый!» — прежде чем северянин влепил ему увесистый удар по лбу рукоятью меча. Всеведущий превратился в Совершенно Бессознательного и рухнул на дно шлюпки. Прикрыв тело парусиной, Симна поспешил вслед за Эхомбой на набережную. Коротким взмахом клинка он обрубил канат, крепивший лодку к причалу, и, удовлетворенно кивая, посмотрел, как суденышко медленно начало уносить в море.

— Когда он очнется под тяжелой парусиной, то, надеюсь, решит, что уже умер. Мерзавца следует по крайней мере хорошенько напугать.

Шум разрушений и крики вдали уже стали стихать — дух зуба мог попирать землю лишь в течение ограничен-

ного времени. Впрочем, там, где протопало разъяренное чудовище, вспыхнуло несколько небольших пожаров. Они отвлекли внимание горожан, а немногие оставшиеся в живых хороги были не в том состоянии, чтобы отвечать на расспросы. Довольные тем, что за ними нет погони, путешественники поспешили прочь с места происшествия.

Улица Зинтойс находилась в отдалении от набережной, ближе к центральной части города. Аккуратно вымощенная булыжником, она вилась по невысокому холму, давая возможность счастливцам, обитающим на вершине, наслаждаться приятным видом гавани и раскинувшегося вокруг города. Фасады контор здесь были массивными и внушительными, свидетельствуя о значительно большем коммерческом успехе, нежели тот, которого достигли купцы, располагавшиеся ниже, на набережной.

Дом Харамоса бин Гру возвышался позади выходящих на улицу контор. Высокая каменная стена огораживала и защищала жилище. Поверху она была усеяна крупными осколками битого стекла, закрепленными в цементном растворе, столь же красивыми, сколь и опасными. За стеной, как и на темной улице, все было спокойно.

— Не вижу никаких признаков жизни, — слегка нахмурился Эхомба. — Неужели богачи в этой далекой стране не оставляют кого-нибудь сторожить свои дома и имущество?

Пригибаясь к земле, Симна бежал вдоль стены к парадной двери.

— Если человек очень влиятелен или очень жесток, то его репутация вполне способна служить надежной охраной. Это и дешевле, и не менее действенно.

Выпрямившись в полный рост, Эхомба попробовал заглянуть через забор.

— Мне кажется, что столь дорогой и непокладистый товар, как наш кот, купец должен держать где-то в задней части дома, подальше от глаз и ушей случайных посетителей.

Симна кивнул:

— Мне не хотелось бы входить через парадную дверь, но, возможно, это самый простой путь. Если сюда боятся наведываться заурядные воры, то вход может преграждать простой замок.

Пастух сверху вниз посмотрел на товарища:

— А что, бывают такие вещи, как простые замки?

Симна хитро ухмыльнулся:

— Для того, кто имел дело со многими, — да.

В подтверждение своих слов северянин, пока Эхомба наблюдал за улицей, поковырялся в замочной скважине. В этот поздний час в дорогом районе на улице никого не было, кроме нескольких бродячих кошек. Две из них задержались возле Эхомбы, чтобы насладиться его искренним вниманием, пританцовывая под ласковой ладонью, когда он гладил кошек по спине и выравнивал им хвосты, словно это были свечные фитили.

— Может, перестанешь занима́ться чепухой? — сердито прошептал Симна, покончив с замком.

— Почему? — невинно осведомился Эхомба. — Я не могу помочь тебе в твоем деле, но могу помочь этим кошкам.

— Ну, ты даром растрачиваешь силы. Они ведь никогда не смогут помочь *тебе*.

Встав, пастух подошел к двери.

— Не скажи, друг мой. Разве знаешь наперед, кто тебе окажет услугу? Благоразумнее относиться с уважением ко всем творениям Природы.

— Я напомню тебе эти слова, когда на нас налетят полчища комаров. — Симна осторожно нажал на дверь, и она, слегка скрипнув, подалась внутрь. — Ну, вот мы и вошли.

Эхомба шагнул вслед за ним внутрь.

— Тебе часто приходится вламываться в чужие жилища?

— Нет. Обычно меня оттуда вышвыривают. — Симна, косясь по сторонам, осторожно продвигался вперед. — Черт! — Он резко отпрянул, потом успокоился. Что-то маленькое и быстрое шмыгнуло в тень. — Крыса...

Света едва хватало, чтобы не затеряться среди высоких полок и деревянных шкафов. Задняя дверь вела в небольшой склад, доверху заваленный экзотическими товарами. Здесь восхитительно пахло пряностями и благовониями, лежали рулоны шелков и тончайших тканей, привезенных из самых отдаленных уголков света, стояли кувшины с душистыми жидкостями и деревянные ящики, окованные бронзой и медью. Было очевидно, что Харамос бин Гру не из тех, кто торгует рыбой в корзинах или овощами с тележек. Если его вкусы соответствовали его клиентуре, то у бин Гру скорее всего имелись весьма влиятельные друзья.

Тем больше причин, понимал Эхомба, побыстрее закончить дело и убраться отсюда.

Огромного кота нашли в самой дальней части внутреннего склада — он лежал на боку в клетке из толстых стальных прутьев. В полумраке Симна на цыпочках подкрался к спящему и стал тревожно ему нашептывать:

— Алита! Это Этиоль и Симна, мы пришли тебя спасти. Вставай, котик! Сейчас не время дремать.

Тихо, как тень, подошел Эхомба:

— Он не спит. Его одурманили. Я бы именно так и поступил, если бы мне надо было угомонить такого зверя.

Северянин осмотрел клетку и с одной стороны обнаружил низкую дверцу. Ее запирал висячий замок — такой большой, каких Симна еще никогда не видел: настоящее железное чудовище величиной с дыню. Впрочем, не размеры запора обеспокоили Симну, а тот факт, что он открывался тремя ключами.

— Сумеешь справиться? — Эхомба никогда подобных вещиц не видывал — наумкибы не нуждались в замках.

— Даже не знаю. — Симна приник лицом прямо к тяжелому устройству, пытаясь заглянуть внутрь. — Сложные замки обычно срабатывают последовательно. Если я первым открою не тот замок, то остальные могут заблокироваться, и тогда клетку не отомкнуть.

— Придется попробовать. Как тебе кажется, какой из них должен быть первым?

Орудуя тем же маленьким ножичком, каким он открыл парадную дверь, северянин потел над тремя замочными скважинами, пытаясь определить, с которой следует начинать.

— Доверься интуиции, — посоветовал ему Эхомба.

— Я бы так и поступил, кабы имел дело с тремя женщинами, а не с тремя замками. Металл не дает подсказок. — Глубоко вздохнув, Симна приготовился осторожно вставить кончик маленького лезвия в средний замок. — Можно начать с этого, как, собственно, и с любого другого.

— Отличный выбор! Твой друг совершенно прав: у тебя превосходная интуиция.

Обернувшись, товарищи увидели, что перед ними стоит сам Харамос бин Гру. Торговец вошел через открывшуюся дверь, на существование которой ничто не указывало; в стене был потайной ход — уловка, весьма распространенная среди подозрительных купцов. Бин Гру был в изысканной ночной рубахе — похоже, ночные визитеры застали его врасплох. В одной руке он держал небольшую лампу, а в другой — какой-то маленький предмет. На правом плече негоцианта, вереща, словно ручной попугай, сидела та самая взъерошенная голохвостая крыса, на которую Симна чуть было не наступил в прихожей.

Симна как ни в чем не бывало опять начал ковыряться в замке, а Эхомба шагнул вперед и встал между

ним и торговцем. Не обращая внимания на напряженное противостояние, черный кот продолжал спать.

— Мы пришли за нашим другом, — спокойно объяснил пастух.

— Да что ты говоришь? — Бин Гру не улыбнулся. — Среди ночи, вломившись в чужой дом?

— Вор не имеет права ссылаться на закон.

Теперь торговец улыбался, слегка раздвинув губы.

— Я-то думал, ты специалист по коровьему навозу, а теперь вижу, что в глубине души ты философ.

— Кто я такой — значения не имеет. Открой клетку и выпусти нашего товарища.

— Этот изумительный кот — моя собственность. У меня уже есть три потенциальных покупателя, соперничающих за право приобрести его. Очень занятно любоваться тем, как они в возбуждении бешено взвинчивают цену. Вы, естественно, должны понимать, что я не могу сейчас вернуть его вам. — Бин Гру взмахнул лампой, заставив единственный источник света в комнате плясать по своей прихоти. — А почему так много шума из-за судьбы какого-то животного? Ну, допустим, он говорит на человеческом языке. Но хороший конь стоит гораздо больше, а я еще не видел такого, который мог бы промолвить хоть слово.

— Не торопись судить о цене, пока не побеседовал с конем, — спокойно ответил пастух. — А судьба кота волновала меня не так сильно, как тебе кажется. Собственно — и это может подтвердить мой спутник, — я предоставил бы его самому себе, если бы не одна вещь.

Бин Гру напряженно слушал.

— Какая вещь?

В скрытых густой тенью темных глазах Эхомбы полыхнул свет.

— Ты пытался убить нас.

Бин Гру категорически отмахнулся от обвинения:

— Это была затея Молешона.

— Всеведущий никогда не решился бы на такой шаг без твоих указаний или по меньшей мере без твоего одобрения.

— Я все полностью отрицаю, но, если ты мне не веришь, готов принести извинения. — Он широко улыбнулся. — Брось, пастух! Зачем позволять твари, которая дурно пахнет и гадит где попало, становиться между нами? Знаешь, давай подумаем о компенсации. Я отстегну тебе справедливую долю. Почему бы нет? Хватит на всех. Соглашайся на мое предложение, и обещаю: вы оба покинете Либондай в новых одеж-

дах, на добрых конях и с полными карманами денег. Что скажешь?

— Скажу, что моя одежда меня вполне устраивает и что я не протяну руки тому, кто замышлял меня убить.

Пальцы Симны, старавшегося работать как можно быстрее, порхали над железом. Однако огромный запор выказывал не меньше упрямства, чем дочка-подросток, которой не разрешили пойти на ежегодную ярмарку Кресолы Порождающей.

На плече торговца сторожевая крыса присела на лапках, вцепившись крохотными коготками в ткань ночной рубашки бин Гру. Улыбка исчезла с лица негоцианта.

— Жаль... Ну что ж, любитель овечьих колтунов, значит, придется мне закончить то, что полезный, но прискорбно неумелый Молешон осуществить не сумел.

Вытянув левую руку, бин Гру разжал пальцы, показывая то, что держал.

Симна ибн Синд поднял голову, оторвавшись от своих пока еще тщетных усилий. Его глаза слегка расширились, а потом сузились. Поначалу он насторожился, теперь явно пришел в замешательство.

Это была еще одна коробочка.

IV

— Что ты собираешься с этим делать? — В голосе северянина слышалась неуверенность. — Затавернить нас до смерти?

Вторая холодная улыбка появилась на серьезном лице торговца. Челюсти его заходили ходуном, словно перекатывая во рту невидимую сигару.

— А ты, ночной воришка, думал, будто у меня всего один ларчик? Да у меня целый короб, набитый коробками! И не во всех заключены приятные сюрпризы. — Небрежно, словно нарочито не интересуясь последствиями своего действия, он бросил ларчик в их направлении. Когда коробка упала перед Эхомбой, тот отступил на шаг.

И она, точно так же, как переносная таверна, продемонстрированная бин Гру ранее, ударившись об пол, начала разворачиваться.

Но в этот раз не вспыхнул веселый свет в зеркалах позади стойки и гибкие подавальщицы не танцевали

между столиков, разнося кувшины и бокалы с заморскими напитками. Не было и набора добродушных гуляк, зазывающих путешественников в свою компанию.

Однако это еще не значило, что ларец был пуст.

По мере того как коробка открывалась и ее разворачивающиеся стороны все множились, огромная фигура возникала посередине. Бычьи плечи человека были закованы в железные доспехи; массивная голова низко склонена на грудь, а из глубины кованого шлема поблескивали колючие глаза. На одном плече гиганта покоилась дубина, усеянная шипами, а каждая его нога была толще, чем все тело Симны ибн Синда.

— Брорунус Разрушитель, — с довольной улыбкой возвестил бин Гру.

Мягко пульсирующая, продолжающая раскрываться коробка произвела на свет небольшое возвышение, на котором появилась вторая фигура. Человек восьми футов роста и худой как хлыст склонялся вперед так, что его непропорционально длинные руки касались пола. Напоминая гибрид паукообразной обезьяны с одним знакомым Симне головорезом, это существо держало в каждой руке по паре метательных ножей и пускало слюни, как идиот. Слабоумный, одержимый мыслью об убийстве идиот.

Бин Гру снова заговорил:

— Ёлоз-тотт, Главный Убийца Чинга Третьего, императора Умура.

Начали появляться и другие фигуры с наружностью маньяков. Они столпились на тесном пятачке тусклого света, лившегося из расширяющейся коробки. Харамос бин Гру называл имя каждого, но не выкрикивал, а словно зачитывал список старинных друзей.

В конце концов возникла извращенная картина сведенного воедино пресмыкающегося зла, которую невозможно вообразить нигде в мире одновременно в одном месте.

— Полюбуйтесь, — спокойно произнес бин Гру, когда из недр развернувшегося ларца возникла последняя фигура. — Нигде вы не найдете более полного сборища убийц, мясников и психопатов. Все собраны вместе для вашего обозрения. Они действуют исключительно по приказанию владельца ларчика, и я могу заверить вас по предыдущему опыту, что долгосрочное пребывание в весьма ограниченном пространстве отнюдь не смягчает их и без того агрессивный нрав. Когда их выпускают из узилища, как, например, сейчас, они так и рвутся выказать свои чувства.

Симна ибн Синд вытащил меч. Северянин не трусил и был готов к сражению. Однако, глядя на это ужасающее скопище уничтожителей, выстроившихся перед ним, он не мог питать радужных надежд в отношении своего будущего.

Тем не менее существовало нечто, о чем хладнокровный купец не догадывался.

— Меч из небесного металла! — напряженно прошептал Симна другу. — Берись за меч! Пусть на чудовищ снизойдет небесный вихрь!

— В таком ограниченном пространстве это может оказаться опасным для всех. — Эхомба задумчиво посмотрел на собравшихся, которые в нетерпеливом ожидании ухмылялись, ворчали и похрюкивали.

Его невозмутимое поведение начинало раздражать негоцианта.

— Взгляни на судьбу, открывающуюся перед тобой, пастух. Стоит мне сказать лишь слово, и они растерзают тебя на куски. Они вырвут твои внутренности и сожрут их сырыми. Неужели ты не боишься? Или ты настолько невежествен, что не понимаешь, когда смерть смотрит тебе в лицо?

Не обращая внимания на оскорбительную брань, Эхомба медленно потянулся рукой за спину. Но не для того, чтобы достать один из двух мечей, привязанных там, а за чем-то маленьким, лежавшем в котомке. Пока купец с любопытством наблюдал, что же он собирается сделать, а Симна ибн Синд нетерпеливо топтался рядом, пастух разогнул пальцы, в которых был...

— Обрывок бечевки? — У ибн Синда отвисла челюсть.

Эхомба кивнул:

— Точно. Хотя у меня на родине сказали бы «жгут», а не «бечевка».

Харамос бин Гру разочарованно вздохнул:

— Теперь все понятно. Ты обладаешь отвагой сумасшедшего. Только полный безумец может быть по-настоящему смелым, поскольку на самом деле не осознает грозящей ему опасности. — Он начал поворачиваться. — Это, разумеется, не помешает мне убить тебя.

Бин Гру особым образом взмахнул ладонью и трижды щелкнул пальцами.

Самый проворный из искусных палачей, серийный убийца Лохем Эн-Куан, кинулся вперед, выпучив все четыре глаза и сгорая от желания первым пролить кровь. С быстротой, не уступающей ловкости ринувшегося призрака, Симна

поднял меч и приготовился отразить нападение. Одновременно Эхомба повел правой рукой вниз и вверх, бросив свою короткую веревочку в прыгнувшего противника.

Бечевку окутал свет, какое-то жуткое сияние, которое, казалось, заструилось по каждому волокну. Словно змея, выползающая из норы, бечева удлинялась и росла. Она обвилась вокруг Лоҳема Эн-Куана и намертво прикрутила все его четыре руки к ребрам, совершенно обездвижив головореза.

Бин Гру не мог поверить собственным глазам, однако гримаса изумления всего лишь на миг исказила его лицо. Он оказался человеком закаленным, повидавшим многое такое, что отучило его удивляться.

— Убейте их. — Торговец поднял руку, которая нисколько не дрожала, и указал на двух друзей. — Убейте их немедленно!

Ничуть не напуганная оцепенением своего сотоварища, ватага убийц рванулась вперед — но путь им преградила мечущаяся, переплетающаяся, извивающаяся веревка. Она оплела лодыжки Брорунуса Разрушителя и с грохотом повалила неуклюжее тело на пол. Посвистывая в ночном воздухе, петли сияющей бечевки опутали и обезвредили Ёлоза Убийцу, не позволив ему бросить ни ножа, ни метательной звезды. Жгут связывал руки, останавливал когти, сковывал ноги и смыкал челюсти десятков наиболее мерзких из когда-либо живших потрошителей и укладывал их в одну неистово вопящую, ревущую беспомощную кучу.

А затем, покончив с этим, бечевка начала образовывать петли, перекручиваться и свиваться, пока не втиснула всех их назад в замысловато инкрустированную и расписанную коробочку, такую маленькую, что она могла поместиться на ладони. Вокруг ларчика был аккуратно и плотно завязан, не оставляя места, чтобы подсунуть под него палец, тот самый шнурок, который Этиоль Эхомба достал из своей котомки.

Харамос бин Гру исчез. В конце концов осознав реальность увиденного, он ускользнул через заднюю дверь еще до того, как закончилась изящная упаковка его ужасов.

Симна приблизился к ларчику и, набравшись храбрости, поднял его. Дивясь этому простому шестигранному чуду, северянин перекатывал коробочку на ладони.

— Теперь она безопасна?

Эхомба подошел к крепкой клетке и смотрел на лежащую там черную меховую массу. Алита по-прежнему спал.

— Если будешь осторожен и не ослабишь узелок. — Так и сяк поворачивая свою котомку, пастух стал исследовать ее глубины.

Держа пальцы подальше от простенького узла, перевязывающего ларчик, Симна озирался по сторонам, пока не увидел высокую амфору, наполненную прекрасным оливковым маслом. Приподняв крышку, он бросил коробку внутрь и проследил, как она медленно погружается в вязкую ароматную жидкость. Купец не сразу догадается поискать ее там. Удовлетворенный, Симна закрыл сосуд и подошел к другу.

Тем не менее он продолжал озабоченно посматривать на дверь, через которую скрылся торговец.

— Знаю я таких, как бин Гру. Он нипочем не бросит дела, столь для него важного, даже перед лицом более сильного волшебства. Надо поскорее отсюда уходить.

Эхомба одарил товарища раздраженным взглядом, и северянин даже опешил. Пастух редко выказывал сильные чувства.

— Ты сам подбил меня на это. Мы никуда отсюда не уйдем без того, за чем пришли.

— Клянусь ресницами Гиттама, я совсем не против, Этиоль... но лучше поторопиться. — Он указал на огромный висячий замок. — Я, конечно, повожусь еще с ним, но риск остается прежним. Или ты можешь подействовать на него какой-нибудь алхимией?

— Не разбираюсь я ни в какой алхимии.

— Ну да, — язвительно отозвался северянин, — ты разбираешься только в веревочках.

— Я тут ни при чем. У нас в деревне живет человек по имени Аканаук. Он... простой — вот здесь. — Эхомба постучал себя по виску. — Наумкибы очень терпимые люди, и его не трогают, позволяют быть таким, какой он есть. Когда он хочет кушать, ему дают пищу. В доме он спать не может, потому что кричит по ночам и будит детей; мы построили для него помост на одном из немногочисленных деревьев в селении, на ночь он забирается туда, ложится и гукает, как ребенок, от удовольствия. Аканаук не работает в поле, не помогает пасти скот, не собирает моллюсков на берегу. — Эхомба, задумчиво глядя на клетку и ее единственного одурманенного обитателя, снова прикоснулся пальцем к голове. — Он не способен все это делать. А занимается он тем, что сидит сам по себе и мастерит разные вещицы. Совсем простые. Ожерелье из разноцветных прибрежных камушков вроде того, которое я ношу в кармане, или венок из листьев мяты, или браслеты из сплетенных пальмовых веток, или крепкие жгуты.

По-прежнему наблюдая за задней дверью, Симна понимающе проговорил:

— Стало быть, деревенский простачок дал тебе обрывок самодельной бечевки, и ты ее взял, просто чтобы доставить ему удовольствие и чтобы она напоминала тебе о доме.

— Нет, — ласково ответил пастух. — Я взял ее, потому что путешественник никогда не знает, в какой момент ему может понадобиться кусок жгута, чтобы что-то связать.

— Геллстенг свидетель, это сущая правда. А теперь примени свое волшебство, чтобы открыть замок и наконец убраться отсюда. Ведь даже сейчас, пока мы разговариваем, негодяй бин Гру, может быть, готовится напасть на нас.

— Я ничего не могу поделать с этим замком. Я не умею, как ты, обращаться с такими вещами. И никакой я, Симна, не волшебник. Уж ты-то давно должен был понять.

— Ага. Все вокруг именно об этом и свидетельствует.

Глаза Симны сузились — его друг достал из котомки маленькую бутылочку. Пузырек был совсем крохотным, буквально на несколько капель.

Звук бегущих ног, топающих о далекие камни, словно собирающийся дождь, заставил северянина резко обернуться.

— Если ты собираешься что-нибудь предпринять, то давай поскорее. Они идут.

Встав на колени у клетки, Эхомба протянул руку между прутьями и поднес маленькую бутылочку как можно ближе к голове бесчувственного Алиты. Осторожно положив свое копье на пол, он просунул сквозь узкую щель между прутьями и вторую руку.

— Лучше немного отступи, — посоветовал Этиоль спутнику.

Снова обнажив меч, Симна старался одновременно не упускать из виду и заднюю дверь, и клетку.

— Это еще зачем? — ехидно спросил он. — Уж не джинн ли сейчас вырвется из склянки? Ты собираешься особой кислотой растворить решетку?

— Ничего подобного. — Пастух осторожно потянул миниатюрную пробку пузырька. Когда сосуд был почти открыт, Эхомба прикрыл горлышко большим пальцем левой руки и вытащил правую из клетки. Ее он использовал для дела прозаического и совершенно не волшебного: зажал себе ноздри.

По невидимым ступеням загрохотали шаги, послышались возбужденные крики разозленных людей.

— Поторопись! — предостерег северянин друга. Еще не договорив предупреждения, он начал пятиться назад — не от двери и не от клетки, а от малюсенького пузырька из дешевого стекла. То, что побудило Этиоля Эхомбу зажать себе

нос, заставило бы всех, находящихся поблизости, поспешно бежать.

Как только задняя дверь распахнулась и в проеме возникла коренастая фигура Харамоса бин Гру в компании вооруженных слуг и воинов, пастух большим пальцем открыл затычку. Запах, который вырвался из пузырька, был гораздо сильнее розового масла или эссенции мирры.

Когда приверженцы бин Гру ворвались в помещение, ноздри Алиты уже раздулись до таких размеров, что в них могли поместиться два спелых манго. Необыкновенно желтые глаза вдруг широко раскрылись, по складу разнеслось фырканье, более громкое, чем издает выныривающий кит, и огромный кот взвился, ударившись черной гривастой головой о верх клетки. Это зрелище настолько поразило первых людей, ворвавшихся в комнату, что заставило внезапно остановиться.

Торговец подталкивал их вперед.

— Это же всего лишь кот, запертый в надежной клетке. Где ваше мужество? Хватайте их! — Он гневно тыкал рукой в сторону двоих путешественников.

С вдохновенным ревом, который, должно быть, услышали даже на кораблях, плывущих в открытом море, Алита закружился в своей западне, раздвинул могучие челюсти и куснул одновременно щеколду и висячий замок. От этого единственного мощного укуса запор рассыпался, и кусочки механизма, пружины и шплинты полетели в разные стороны. Пока Симна отбивал удары сразу двух противников, а Эхомба копьем парировал выпады пик, кот головой распахнул дверь клетки.

— Вперед! Быстрее... прикончите их обоих! — кричал бин Гру со всевозрастающей тревогой.

Однако слуги его уже не слушали. Ни гарантированное вознаграждение, ни личная преданность не могли заставить их противостоять разъяренному Алите. Освободившись от оцепенения, левгеп не только пылал жаждой мщения, но и был голоден.

Бин Гру был смел и даже отважен, но отнюдь не глуп. Вторично убегая через заднюю дверь, он клялся вернуть себе право собственности на избавившегося от заточения зверя и покарать его освободителей. Однако отчаянные угрозы купца не были слышны среди возбужденного рычания Алиты и воплей людей, пытающихся спастись от него.

Кладовая опустела меньше чем за минуту. Кот с удовольствием присел бы поесть, но Эхомба потянул его за густую гриву:

— Надо уходить. Человек, похитивший тебя, не трус. Он снова организует нападение.

— Пусть попробует, — раздраженно отозвался Алита, положив могучую переднюю лапу на спину какого-то несчастного воина, замешкавшегося при отступлении. — Если кто-нибудь из этих людей вернется, то будет иметь дело со мной.

— Нам не нужны неприятности с властями города. — Тяжело дыша и все еще косясь на дверь, Симна встал по другую сторону кота. — Будь я бин Гру, то именно так и поступил бы — попытался бы привлечь на свою сторону местных представителей закона, сказав им, что в густонаселенном районе вырвалось на свободу бешеное животное. Угроза общественному спокойствию.

— Никакая я не угроза ни для кого, кроме этого поганца!

— Это понимаешь ты, это понимаю я, да и Этиоль это понимает, однако по собственному опыту мне известно, что люди имеют обыкновение метать стрелы и иные острые предметы в крупных плотоядных еще до того, как мирно сесть и разумно обсудить с ними происходящее.

— Симна прав. — Эхомба закупорил маленький флакон и сунул его обратно в котомку. — Надо идти.

После секундного колебания разгневанный хищник направился вслед за двумя людьми к выходу. Однако по пути он несколько раз останавливался, чтобы пометить кладовую запахом большого кота, тем самым безвозвратно испортив значительное количество исключительно редких и ценных товаров.

На улице их никто не поджидал, и путешественники ни с кем не встретились, когда бежали не по направлению к гавани, а в сторону вздымающихся, поросших густым лесом холмов, обступавших город с суши.

— Люди бин Гру, наверное, все еще бегут и никак не могут остановиться. — Симна легко трусил рядом со своим более рослым другом.

Эхомба бежал легкими, размашистыми скачками человека, привыкшего покрывать большие расстояния.

— Если нам повезло. То, что ты сказал Алите, показалось мне разумным, хотя купцу может потребоваться некоторое время, чтобы убедить власти, будто дело действительно не терпит отлагательства. — Пастух посмотрел на небо. — До восхода еще несколько часов. Нелегко сейчас найти чиновника, который согласился бы спокойно выслушать жалобу.

Симна кивнул.

— Скажи-ка, братец, если это не волшебство, тогда *чем* ты поднял нашего четвероногого друга? Я никогда

не видел, чтобы человек или зверь так быстро приходил в себя от оков сильного снотворного.

— Это было снадобье, которое приготовил для меня старик Меруба. Чтобы привести в чувство человека, потерявшего сознание от ранения, дать ему возможность уйти из опасного места.

— Ага, — понимающе прокомментировал северянин, — какие-то нюхательные соли.

Пастух поглядел на него сверху вниз.

— Не соли, друг мой. У меня на родине, в тенистых долинах рек, водится животное, которое мы называем орис. Оно размером с взрослую откормленную свинью, у него четыре коротких рога и длинная черная шерсть, волочащаяся по земле. Самки защищаются от зверей, которые, подобно Алите, питаются мясом, выбрасывая из желез над своими задними частями особую пахучую жидкость — мускус самого Бога. Тем же запахом она пользуется, чтобы привлекать самцов своего вида, но он также привлекает и самцов всех теплокровных животных в округе. Ей остается лишь надеяться, что самец ее вида прибежит первым. Когда эта жидкость используется для защиты, она меняет намерения любого плотоядного самца, готовящегося к нападению, и приводит в замешательство самок любых хищников.

— Понятно, — Симна на бегу усмехнулся. — Значит, аромату твоего ориса не может противостоять ни один самец и ты поднял нашего четвероногого друга, дав ему нюхнуть этой штуки. — Он с интересом оглядел мешок пастуха. — Когда мы окажемся в более располагающих условиях, я попрошу тебя позволить мне сделать маленькую понюшку. Просто из любопытства, ты понимаешь, — торопливо добавил северянин.

— Не советую.

— Почему нет? — Симна кивнул в направлении черного кота, пробиравшегося по темным городским улицам. — Ему это вроде бы не повредило.

— Его нос способен на много большее, чем наши. Но проблема в другом.

— В чем же?

— В бутылочке Мерубы всего несколько капель, но это не мускус ориса. Это капли, сгущенные из мускуса, взятого из желез пятидесяти орисов.

— Ого. — Симна недоверчиво нахмурился. — Неужели такие крепкие?

Эхомба поглядел на товарища. Как обычно, пастух не улыбался.

— Ты можешь наброситься сам на себя.

Симна ибн Синд тщательно обдумал эти слова и пришел к выводу, что ни один из вариантов ему категорически не нравился.

— Скверно, — наконец признался он своему другу.

— Еще как.

Северянин вновь указал на большого кота, прыгающего немного впереди них.

— Способен он на большее или нет, но наш смуглый друг, похоже, без особого труда справляется с последствиями.

— Пока да, — согласился Эхомба. — Как бы то ни было, с мускусом ориса осторожность никогда не помешает. — Прибавив скорости, чтобы добраться до окраин сонного Либондая до восхода солнца, он встретился с Симной глазами. — А ты думаешь, почему я все время бегу *позади* кота?

V

Повсюду, где путешественники останавливались перевести дыхание, они расспрашивали о Харамосе бин Гру, но народ, живший на окраинах, редко имел дело с моряками и купцами, а также с теми, кто околачивался в гавани. Ремесленники существовали вне сферы интересов богатых купцов и торговцев, заправлявших коммерцией на южном побережье Преммойса. Впрочем, лукавый негоциант по крайней мере не солгал относительно Хамакассара: те, кого путешественники спрашивали, подтвердили, что такой город действительно существует и в его порту скорее всего найдутся корабли и люди, которые рискнут пересечь необъятную Семордрию.

В холмистом пригороде Колиорой отыскались несколько зеленщиков, которым было известно имя бин Гру. Они знали о нем лишь понаслышке как о влиятельном торговце товарами особого ассортимента, по своему состоянию принадлежавшем к верхней трети купеческого сословия, хотя ни в коем случае не столь известном, богатом и могущественном, как Винмар Щедрый или прославленное семейство Булешиас.

Будь его воля, Алита обежал бы весь город в поисках человека, который на некоторое время низвел его до положения товара.

— Он не только похитил мою свободу, но прикарманил мое достоинство и назначил за него цену. —

Желтые глаза сверкали, а кошачьи слова переходили в злобное рычание. — Я хочу его сожрать. Хочу услышать треск его костей у меня на зубах и почувствовать теплый ток его крови у меня в горле.

— Может быть, в другой раз. — Эхомба со своим посохом-копьем в руке, которым мерил путь и определял час, шел по узкой дороге, вившейся по пологому лесистому склону. С каждым шагом суматошные толпы Либондая оставались все дальше позади, а легендарный Хамакассар становился немного ближе. — Сперва я должен исполнить обязательство.

Черный кот приблизился к Эхомбе; верх его гривы доходил до лица высокого пастуха.

— А как же мое достоинство?

Если вдруг Эхомба терял самообладание, это всегда ошеломляло. Поскольку он говорил тихо, порой даже едва слышно, то вдвойне поражали случаи, когда он повышал голос. Пастух резко повернулся к коту.

— К черту твое достоинство! К несчастью, я оказался в долгу у мертвого. И это реальность, а не абстракция. — Он ударил себя в грудь. — Ты думаешь, что только тебе приходится тяжело? — Свободной рукой Эхомба описал величественный полукруг, охвативший покатую прибрежную долину позади них и сверкающее синее море, к которому она привалилась, словно пес, уснувший подле хозяина. — Моя жена и помощница находится в бессчетном количестве лиг к югу, как и двое моих детей, как и мои друзья, и никто из них в этот миг не знает, жив я или стал пищей для червей. И это тоже реальность. Я так же страстно, как и ты, хотел бы сейчас находиться не здесь! — Поняв, что кричит, Эхомба понизил голос. — Когда мы достигли южного побережья Абокуа, я был счастлив, потому что надеялся найти в торговых городах Малиина корабль, который переправит нас через Семордрию. — Его взгляд снова обратился к лежащей впереди дороге. — И вот теперь оказывается, что нам снова предстоит пройти по суше неизвестно сколько до места под названием Хамакассар, прежде чем это станет возможно. А кто знает, что мы там найдем? Других боязливых матросов, других отнекивающихся капитанов? Не придется ли нам пересечь реку, на которой стоит тот город, и идти вперед, шагать дальше, потому что, вопреки тому, что нам говорили, тамошние мореходы тоже робеют выйти в океанские просторы? Мне не хочется перебираться пешком через крышу мира.

Некоторое время они шагали в молчании, не обращая внимания на взгляды крестьян, обрабатывающих поля, или подростков с прутиками, пасущих свиней и гусей, броненосцев и маленьких животных с копытами, раскачивающимися хоботами и птичьими хвостами.

Став причиной воцарившегося молчания, Алита и нарушил его:

— У тебя есть самка и детеныши. А у меня ничего нет, кроме моего достоинства. Поэтому оно для меня важнее, чем для тебя.

Эхомба поразмыслил над словами зверя и медленно кивнул:

— Ты прав. Это было эгоистично. Прости.

— Да ладно, — проурчал кот. — Эгоизм — естественный стимул, и все мы ему подвержены. — Он повернул черную гривастую голову и посмотрел на Эхомбу. — Мне бы хотелось, чтобы ты почаще терял самообладание. Тогда ты был бы больше похож на кошек.

— Не уверен, что хочу больше походить на кошек. Я... — Пастух умолк. По другую сторону от него, чуть отстав, Симна пытался подавить душивший его смех. — Над чем это ты хихикаешь?

— Над тобой. Ты философствуешь с котом. — Северянин широко ухмылялся.

Эхомба не улыбнулся ему в ответ.

— Что может быть естественнее? Кошки по самой своей природе глубоко философичны.

Алита кивнул в знак согласия:

— Когда не спим или не убиваем кого-нибудь.

— Ты путаешь болтовню с глубокомыслием. — Симна поднял руку и указал вперед. — Лучше подумай о том, как нам перебраться через вот это.

Прямо впереди холмистая местность переходила в широкое, необъятное болото. Оно тянулось на восток и запад, сколько хватало глаз. Из топи в изобилии поднимались тростники и камыши, и трели певчих птиц перелетали от одного редкого дерева к другому, словно радужная мошкара. Болотные летуны выслеживали добычу на поверхности, а их нелетающие зубастые родственники ныряли в темную воду. Водяные дракончики с перепончатыми лапами и рудиментарными крыльями дрались из-за корма со своими пернатыми собратьями. Эхомба видел как бы вырывающиеся из охотничьих укрытий миниатюрные язычки пламени, когда кожистые синие и зеленые хищники хватали крупных насекомых. В том,

что этого добра здесь предостаточно, он не сомневался. Чем ближе путники подходили к воде, тем чаще им приходилось, словно отдавая болоту честь, вскидывать руку к лицу. Алита же мог только усиленно моргать и пытаться защитить свой зад от докучливых насекомых быстрыми взмахами пушистого хвоста.

Симна первым подошел к воде. Он опустился на колени и поплескал в ней рукой. Разлагающаяся растительность выплеснулась на берег; ее постоянное гниение создавало обильную питательную среду для обитавших в этом бульоне мелких существ. Поднявшись, пастух отряхнул капли с пальцев.

— Здесь мелко, но вброд мы вряд ли перейдем. — Он кивнул в направлении далеких холмов, которые частично застилал розоватый туман. — Лучше переплыть.

— Снова лодка, — вздохнул Эхомба. — Похоже, мы обречены все время искать лодки.

Они нашли ее с поразительной легкостью, однако в комплект из весел, рундуков, руля и небольшого якоря входило еще и предостережение. Орангутанг, который предоставил путешественникам лодку напрокат, носил изорванную рубашку, короткие брюки и превратившуюся в тряпку бескозырку. Давая друзьям советы, он то и дело разжигал трубку с длинным чубуком, который сжимал в полных губах.

— Мы не собираемся возвращаться. — С тяжелым сердцем Симна пересчитывал оставшееся золото. — Как же вернуть тебе лодку?

— Это меня не беспокоит, нисколько не беспокоит. — В рассеянных туманом солнечных лучах рыжая шерсть почти светилась. — Назад вы пригоните ее сами, вот увидите. — Орангутанг плюхнулся в кресло-качалку, стоявшее на открытой веранде его крохотной деревянной хижины, и с довольным видом стал раскачиваться.

Пастух и северянин обменялись взглядами. Безразличный к коммерческим делам черный кот уселся у воды и развлекался тем, что небрежными ударами лапы выуживал любящую мелководье рыбешку.

— Это еще почему? — без обиняков спросил Симна.

Вынув изо рта тонкую трубку, орангутанг длинным пальцем указал на болото:

— Потому что вы никогда через него не переберетесь, вот почему. Можете попробовать, но рано или поздно вам придется повернуть назад.

Обезьянья убежденность разозлила Симну, однако он сдержался.

— Ты нас не знаешь, дружок. Я — довольно известный искатель приключений и фехтовальщик, мой рослый друг — знаменитый волшебник, а вон на того кота, что мирно играет около твоего маленького причала, если он возбужден, бывает жутко посмотреть. И никакая заросшая тростником вонючая трясина нас не остановит.

— Не болото заставит вас вернуться, — сообщил орангутанг, — а лошади.

— Лошади? — Эхомба поморщился. — Что такое лошадь?

— Разрази меня зеленый взгляд Глеронто! — Симна в изумлении посмотрел на друга. — Неужели ты не знаешь, что такое лошадь?

Эхомба окинул его бесстрастным взглядом.

— Никогда не видел.

Северянин даже не пытался скрыть недоверие.

— В холке крупная, как большая антилопа. Худее быка. Похожа на зебру, только без полосок.

— А! Это я могу себе представить. — Снова обретя уверенность, пастух обратился к хозяину: — С какой стати несколько лошадей не дадут нам пересечь болото?

Старая обезьяна прищурилась, глядя мимо гостей вдаль.

— Потому что они сумасшедшие, вот почему.

— Сумасшедшие? — Симна, повернув голову направо, плюнул, едва не попав на террасу. — Что значит сумасшедшие?

Орангутанг взмахнул дымящейся трубкой.

— Полоумные. Сущие психи. Помешанные, весь их огромный скачущий табун. — Он сунул трубку обратно в рот и пустил облако дыма. — Всегда такими были, такими и останутся. Потому-то никто и не может перебраться через топь. Неделями шли в ту или другую сторону, чтобы обойти болото, но пересечь так и не смогли. Лошади. Безумцы на четырех ногах. А у некоторых из них даже по восемь. — В подтверждение собственных слов он многозначительно кивнул.

— Это невозможно. — Симна поймал себя на мысли, что начинает опасаться за душевное здоровье их лохматого хозяина.

— Более чем невозможно, что уж тут говорить. Прямо-таки невероятно. — Рыжеволосая обезьяна безучастно махнула рукой в сторону бесконечных зарослей тростника. — Но вы поезжайте. Сами убедитесь. Вон там найдете мою плоскодонку. Гребите веслами или отталкивайтесь шестом — как пожелаете. Кто знает? Может, вам и повезет. Может, вы станете первыми, кто переплывет. Только я сомневаюсь. Эти лошади — они настоящие, и у них большие уши.

Эхомба решил пока отнестись к рассказу старого орангутанга как к истине. С юных лет он научился не осмеивать даже самые необычайные россказни, дабы не оказалось, к его стыду и вреду, что это правда. Как им уже довелось убедиться во время путешествия, мир был до предела наполнен неожиданностями. Возможно, тут действительно обитали чокнутые лошади.

— Я вот чего не понимаю: безумные они или здравомыслящие, но какое табуну лошадей дело до того, перейдет кто-нибудь болото или нет?

Толстые губы изогнулись в человекообразной улыбке.

— А чего меня спрашивать? Я всего лишь ушедший на покой рыбак. Если хотите знать, то спросите у лошадей.

— Так и сделаю. — Встав с корточек, Эхомба повернулся и шагнул с террасы. — Пошли, Симна.

— Ага. — Одарив обезьяну последним скептическим взглядом, северянин поспешил за своим другом.

Лодка была не ахти какой хорошей; с другой стороны, и край болота — не большая гавань Либондая. Другое средство переправы отыскать не удалось. Тут жили и другие рыбаки, с другими лодками, но никто не согласился предоставить судно путешественникам. Все без исключения отказали, не вдаваясь ни в какие объяснения. Теперь причина их несговорчивости стала ясна — они опасались из-за лошадей лишиться своего имущества.

У лодки было плоское крепкое дно и низкие борта, отчего она больше походила на простую доску с сиденьями. У нее имелся руль, который помог путешественникам определить местоположение кормы, а нос был подрублен, что позволяло проталкивать лодку через преграждающие путь водные растения. Весел не оказалось, нашлись только шесты.

— Значит, повсюду мелко. — Симна взвесил в руке тяжелую, необструганную дубину.

— Похоже на то. — Эхомба выбрал палку подлиннее и тоже прикидывал ее вес.

— Досадно, — промолвил Алита, грациозно запрыгнув в неказистое суденышко, — что у меня нет рук, и поэтому я не смогу помочь. — Свернувшись калачиком, он сразу же заснул.

— Ох уж эти кошки!.. — Покачав головой, северянин с неприязнью поглядел на Алиту. — Сначала кошки, а теперь, кажется, еще и лошади. — Он опустил конец шеста в воду, напрягся, так же сделал Эхомба, и лодка отошла от берега. — Я не очень-то люблю животных. Кроме тех слу-

чаев, когда они хорошо приготовлены и поданы под подобающим соусом.

— Выходит, у тебя с котом есть нечто общее, — заметил пастух. — Он точно так же относится к людям.

Это болото могло бы быть райским местом, если бы не москиты, черные мухи и комары. К удивлению своего спутника, Симна не особенно сетовал на них. Когда любопытный Эхомба наконец осведомился о причинах столь нехарактерного стоицизма, северянин объяснил, что, основываясь на поведении насекомых, с которыми он познакомился на берегу, он ожидал гораздо худшего здесь, посередине топи.

— Птицы и лягушки. — Эхомба не обращал внимания на камыши и тростники, бившие его по рукам и по телу, и ритмично работал шестом. — Они уменьшают количество этих мелких кусачих существ. — Он проводил взглядом парочку сизоворонок с сиреневыми грудками, пулей пронесшихся сквозь кусты. — Если бы не такие, как они, то к тому времени, когда мы переплыли бы болото, в нас не было бы ни капли крови.

Симна кивнул, а затем хмуро посмотрел на мирно посапывающего в центре лодки кота:

— В первый раз я завидую твоему черному меху.

Один рыжевато-желтый глаз наполовину приоткрылся.

— Не стоит. Жарко, да и все равно меня кусают с обоих концов, если не посередине.

Эхомба запрокинул голову, чтобы проследить за стаей из сотни или больше бирюзовых фламинго, благодаря окраске почти невидимых на фоне неба. Эти птицы были ему знакомы. Пастух знал, что они приобретают свой ослепительный небесный цвет вследствие того, что едят ярко-синих креветок, которые в изобилии водятся в теплых мелких озерах.

Потревоженный полетом фламинго, из-под воды вырвался выводок блуждающих огоньков и разлетелся во всех направлениях, но их бледное свечение было едва заметно в ярких солнечных лучах. Разбрызгивая воду, мимо прошлепало стадо ситатунг, плоские ноги которых позволяли миниатюрным антилопам ходить по листьям лилий, цветущим гиацинтам и другим водяным растениям. В высокой траве резвилась капибара*, а вдалеке разносилось гортанное похрюкивание бегемотов, словно компания толстяков смаковала отличный анекдот.

Гигантские сухопутные ленивцы, с пятнистой желтовато-серой шерсти которых капала вода, печально бродили по трясине, обвивая вокруг сочных бутонов цветущих растений

* Капибара — водяная свинка (*Hydrochoerus capybara*).

свои длинные цепкие языки и отправляя их в рот. Перепончатолапые вомбаты дрались за жизненное пространство с розовоносыми нутриями. Жизнь в болоте била ключом.

Между тем никаких лошадей, душевно неуравновешенных или иных, не наблюдалось.

— Возможно, старый Рыжик, говоря правду, все-таки ошибался. — Симна быстрее заработал шестом, вынуждая и Эхомбу сделать то же самое, чтобы плыть ровно. — Наверно, здесь живут несколько сумасшедших лошадей, но они не могут находиться сразу повсюду. На таком огромном пространстве они вполне могли нас и не заметить. — Он перевел дух, стирая со лба пот. Посреди болота было не особенно жарко, но влажность давала о себе знать.

— Не исключено. — Пастух внимательно изучал окрестности. Вокруг лодки слышалось движение, шум, всплески, но никаких конских препятствий, о которых предупреждала обезьяна, не было видно. — Если топь действительно так велика, как он говорил, то у нас, конечно, есть шанс проскользнуть через нее незамеченными. Мы ведь не очень похожи на авангард шумной наступающей армии.

— Именно. — Чем дальше они продвигались, не встречая помех, тем увереннее Симна чувствовал себя. — Плывем себе втроем в утлой лодочке. Она ничего особенного собой не представляет, да и мы тоже.

— Надо бы найти какую-нибудь землю, чтобы разбить на ночь лагерь. А то придется спать в лодке.

Симна состроил гримасу.

— Лучше жесткая сухая постель, нежели мягкая мокрая.

Вскоре путешественники наткнулись на каменистый утес, вздымающий свою главу над окружающими зарослями тростника, однако на этом скоплении грязи росли настоящие маленькие деревца, и почва оказалась достаточно сухой, чтобы удовлетворить северянина. Особенно радовался земле Эхомба. Влажный климат действовал на него хуже, чем на его спутников, поскольку из всех троих он был уроженцем самой засушливой страны. Впрочем, пастух легко приспосабливался и редко на что-нибудь сетовал.

Как и следовало ожидать, уникальными возможностями сухого островка, поднимающегося над уровнем воды не более чем на фут, норовили воспользоваться самые разнообразные обитатели болота. На каждом чахлом дереве гнездились птицы, а влаголюбивые ящерицы и водяные черепахи выползали на сушу, чтобы откладывать яйца. Бумерангоголовые дипло-

колы, оберегая детенышей, держали их поближе к берегу, на дальнем конце небольшого острова сладко дремали юные черные кайманы и фитозавры, безразличные к появлению двуногих млекопитающих.

Ночь принесла с собой какофонию земноводного хора, но меньше было москитов, чем опасались путники, и опять-таки никаких лошадей.

— А ведь тут водятся плотоядные. — Симна лежал навзничь на песке, прислушиваясь к ночной симфонии и наблюдая звезды сквозь облака, которые начали собираться над болотом. — Нам еще не попадались по-настоящему крупные, однако при таком количестве дичи они просто обязаны тут быть.

— Вне всяких сомнений. — Черный кот закопался окровавленной мордой в еще теплый живот молодого буйвола, которого он убил. Его глаза были зажмурены, лапы неподвижны. — Легкая добыча.

— У Алиты есть одно хорошее качество. — Эхомба лежал тут же, подложив руки, как подушку, под заплетенные в косички волосы. — Он спит чутко и разбудит нас в случае чего.

— Я не очень опасаюсь, что на меня во сне кто-нибудь наступит. Может, укусит, но не наступит. — Симна отвернулся от друга и улегся на бок, пытаясь найти наиболее удобное положение. — Я даже начинаю думать, что единственное, чего здесь следует опасаться, так это небылиц старой спятившей обезьяны, а не спятивших лошадей.

— Мне он не показался сумасшедшим.

— Плевать; главное, мы пока спокойно перебираемся через эту вонючую трясину. — Симна закончил речь громким шлепком, прихлопнув мародерствующую голодную букашку. Навыки фехтовальщика шли ему на пользу: его одежда уже была сплошь покрыта раздавленными трофеями микроскопических побед.

Проснувшись позже всех, северянин потянулся и зевнул. По степени зловония его утреннее дыхание было вполне сравнимо с испарениями, поднимающимися из окружающей трясины. Но это вскоре было поправлено неторопливым завтраком из вяленого мяса, сушеных фруктов и холодного чая.

Во время еды Эхомба то и дело внимательно осматривал горизонт, время от времени поторапливая друзей. Алита, естественно, просыпался медленно, а Симна явно наслаждался возможностью поесть на сухой земле.

— Мудрые старики и старухи из твоего племени, похоже, насовали тебе в котомку все мыслимые зелья и

порошки. — Северянин взмахнул ломтем вяленой говядины. — А они ничего тебе не дали, чтобы успокаивать тревогу?

Черные глаза Эхомбы пытались проникнуть сквозь пелену окружающей растительности.

— Не думаю, что есть такой эликсир. Если бы он существовал, я бы его непременно прихватил. — Пастух посмотрел на своего товарища. — Симна, я знаю, что слишком много тревожусь. И когда я не тревожусь о вещах, о которых следовало бы тревожиться, я начинаю тревожиться о вещах, о которых тревожиться не следует. Видимо, я попросту излишне добросовестный.

— Точно, — кивнул северянин. — Я знаю для этого другое слово: «дурень».

— Может быть. — Эхомба не стал оспаривать определения друга. — Безусловно, это одна из причин, почему я здесь и терпеливо переношу твою болтовню и ворчание кота вместо того, чтобы лежать дома с женой и слушать смех своих детей.

С трудом прожевывая кусок мяса, Симна прохрипел:

— Что только подтверждает мною сказанное. — Когда он отправлял в рот остатки вяленого мяса, на его лице мелькнуло любопытство. — В чем дело? Что-то увидел?

Северянин вскочил и с тревогой уставился в ту сторону, куда глядел его рослый спутник.

— Нет, — проговорил Алита, не отрывая взгляда от своей добычи. — Что-то услышал.

— Кот прав. — Эхомба во все глаза смотрел на запад. Несколько крупных болотных птиц, подобрав под себя ноги и расправив крылья, взвились в небо. — Ничего не могу разглядеть, но кое-что слышу...

Симна всегда считал, что обладает более острыми чувствами, нежели средний человек, и был, в сущности, прав. Однако за последние несколько недель он понял, что в сравнении со своими товарищами глух и слеп. Эхомба объяснил другу, что все это благодаря времени, которое он провел на пастбищах со скотом. У человека, который остается один на один с дикой природой, естественно, обостряются все чувства. Симна слушал эти объяснения и понимающе кивал, поскольку они были разумны. Однако тут чего-то не хватало. Ничто из того, что слышал или видел воин с момента их первой встречи, до конца не объясняло Этиоля Эхомбу.

Насытившийся кот с довольным урчанием оторвался от тщательно обглоданных останков добычи и начал умываться, пользуясь толстыми лапами вместо полотенец, а

слюной — вместо мыла и воды. Не обращая на него внимания, Эхомба пристально смотрел в западном направлении.

— Я пока ничего не слышу. — Симна напрягал слух, понимая, что вследствие своего небольшого роста он все равно ничего не увидит раньше длинного как жердь пастуха. — Ради Гийемота, что вы оба, в конце концов, слышите?

— Плеск, — спокойно сообщил Эхомба.

— Плеск? Посреди бескрайнего болота? Вот уж настоящее откровение. Я и не чаял услышать что-нибудь подобное.

Как всегда, его сарказм ничуть не тронул пастуха.

— Ноги, — хмуро проговорил Этиоль. — Множество ног.

Северянин слегка напрягся. Он посмотрел вокруг и убедился, что помнит, где лежит меч, отложенный на ночь.

— Ага, ноги. Сколько ног?

Пастух глянул на товарища сверху вниз; его голос не изменился. Иногда Симна спрашивал себя, изменится ли у Эхомбы голос, если он вдруг увидит конец света? И приходил к выводу, что нет.

— Тысячи.

Мрачно кивнув, Симна ибн Синд повернулся и поднял с земли меч.

VI

Пульсирующая живая волна надвигалась на них с запада, слегка отклоняясь к северу от островка. На какой-то момент Эхомбе и Симне показалось, что опасность пройдет мимо. Затем волна повернула, и стало ясно, что она искала именно их.

Ее передний край был неровным, не обычным предсказуемым завитком морской волны, а каким-то ломаным и пенящимся. Причина этого вскоре стала очевидна. На путешественников надвигалась вовсе не волна, а вода, летящая из-под тысяч копыт. Лошади гнали перед собой воду, и пена поднималась, словно туча насекомых, в панике улетающих от пожара.

Два человека и один кот стояли как вкопанные. Такое решение принять было нетрудно, поскольку ничего иного им не оставалось. Остров, на котором они переночевали, был единственным клочком твердой земли, и как бы отчаянно путешественники ни работали своими шестами, их крепкая, но не шибко скоростная плоскодонка с тру-

дом обогнала бы и черепаху, что уж тут говорить о бешено скачущем табуне.

Само по себе зрелище было великолепным. Для Эхомбы, никогда не видевшего лошадей, красота и грация этих многочисленных животных явились настоящим откровением. Он не мог предположить, что в пределах одного основного типа тела может наблюдаться такое разнообразие размеров и окрасок. Симна правильно описал это животное — в целом. Лошади действительно походили на зебр, однако если пастух знал только три разных вида зебр, то в огромном табуне, мчавшемся прямо на них, было такое разнообразие животных, какое может разве что привидеться во сне.

На Симну это зрелище тоже произвело сильное впечатление, но по другим причинам.

— Никогда не видел столько пород! Большинство из них мне незнакомо.

Путники стояли на влажной земле, и их обутые в сандалии ступни слегка утопали в рыхлом песке. Эхомба повернулся к другу.

— Кажется, ты говорил, что знаешь это животное.

— Да, несколько мастей и пород, однако ничего подобного я никогда не видел. — Он указал на приближающийся табун. — Мне думается, что никто никогда ничего такого не видывал — ни варвары на плато Кох, которые практически не слезают с коней, ни всадники королей Муренго, считающие обитателей своих золоченых конюшен наиболее ценным достоянием. Человек с крепкой веревкой, опытом и хорошей сбруей нашел бы, чем тут поживиться.

— По-моему, ты говоришь об отлове и одомашнивании в не совсем подходящем месте. — Алита наконец очнулся от дремоты и рассматривал приближающийся табун. — От этих травоядных прямо-таки несет дикостью.

Симна фыркнул:

— Ты смотришь на них просто как на пищу.

— Нет. Только не на этих. — Кот прищурился, оценивающе глядя на лавину сильных ног и длинных шей. — Вообще-то среди такого плотного стада я мог бы кого-нибудь быстренько убить и присесть, чтобы покушать, но от этих травоядных пахнет паникой и отчаянием. А бешеный скот ведет себя ненормально. Такие твари скорее всего набросятся на меня и растерзают. Мне нужна добыча в здравом уме.

— Значит, они *действительно* безумны. — Эхомба, опершись на копье, пристально всматривался в несмет-

ное число лошадей, которые по мере приближения к острову начали замедлять бег. — Интересно, почему? На вид вполне здоровые животные.

— Обрати внимание на их глаза, — посоветовал Алита. — Они должны смотреть вперед. А у этих они вращаются, словно заблудились в глазницах.

Разбрызгивая воду на отмели, передние ряды лошадиного полка выскочили к острову с тремя его обитателями. Как и говорил кот, у многих взгляд блуждал дико и беспокойно, всматриваясь в пустоту или задерживаясь на всем подряд, созерцая видения, неведомые трем напряженным, но любопытным путешественникам. Несколько жеребцов обнюхивали лодку, вытащенную на берег и привязанную тонкой бечевкой к дереву. Один укус крепких зубов мог порвать веревку. Либо вес крупных тел мог превратить суденышко в щепки, и друзья оказались бы на островке отрезанными от мира. Эхомба понимал, что если бы табун захотел это сделать, ничто не смогло бы остановить лошадей.

Мысли Симны вертелись вокруг того же.

— Что бы они ни делали, не пытайся им мешать. Они, похоже, и так на грани срыва. Не стоит их дразнить.

— Я их и не дразню, — тихо возразил пастух. — Это не в моем характере. Впрочем, кто знает, как вести себя с ненормальными?

— Спокойно, — посоветовал Алита. — Мне уже приходилось сталкиваться с паникующими стадами. Важно твердо стоять на месте. Только побеги — и тебя затопчут.

Тревожная тишина повисла как над замершими путешественниками, так и над табуном. Даже водяные птицы и насекомые, находившиеся вблизи островка, примолкли. На лицах двоих людей выступил пот, а кот затаил дыхание. Лошади тем временем спокойно наблюдали за ними. Некоторые нагнули головы, чтобы пощипать около ног растения, не затоптанные в грязь, другие трясли гривами и, разбрызгивая воду, неуверенно били копытами по отмели.

Привстав на цыпочки, Эхомба пытался заглянуть им за спины, чтобы оценить численность табуна. Но не мог. Грациозных шей и изящных голов было тысячи. Если лошадей что-нибудь напугает, если в припадке безумия они бросятся вперед, то путешественники неизбежно окажутся под их копытами, беспомощные, как мыши.

Симна шептал про себя названия пород и разновидностей. Пегие с белой гривой и гнедые, серые и

крапчатые, красновато-бурые и чалые, пегие, паломины* и аппалусы**. Мощные першероны и шайры*** заслоняли маленьких, но крепких пони, тарпаны**** храпели позади мустангов; чистокровные скакуны держались отчужденно и гордо. Восьминогие слейпнеры отпихивали черных кобылиц с глазами без зрачков. Мезогиппусы***** подталкивали анхитериев******, а гиппарионы******* и гиппидоны нервно терлись друг о друга мордами.

— Наверняка в той стране, откуда ты пришел, нет такого количества пород, — прошептал Эхомба своему другу.

Северянин был ошеломлен многообразием, развернувшимся перед его взором.

— Этиоль, я не думаю, чтобы столько пород было в какой угодно стране. Или во всех странах. Мне кажется, что мы видим не только всех лошадей, которые существуют, но всех, которые когда-либо существовали. В силу неких загадочных причин они оказались здесь, как в западне, и сошли с ума.

— Знаешь, Симна, по-моему, они выглядят не столько помешанными, сколько расстроенными.

— Какая разница, если их что-то напугает и они ринутся в нашу сторону? Их расстройство погубит нас так же несомненно, как и их помешательство. — Он бросил взгляд на небо. Не считая нескольких белых прожилок, оно было безоблачным. Стало быть, гром не испугает табун.

Однако животные, величественные и настороженные, не уходили.

— Давай что-нибудь предпримем, — предложил северянин.

Эхомба кивнул.

---

* Паломин — лошадь с золотистой шерстью, белыми гривой и хвостом, часто с белыми отметинами на морде и ногах, разводится главным образом на юго-западе США.

** Аппалус — порода выносливых верховых лошадей, выведенная на северо-западе США, чубарой масти, с вертикальными полосами на ногах.

*** Шайр — тяжеловозная порода лошадей.

**** Тарпан — дикая лошадь.

***** Мезогиппус — род ископаемых трехпалых лошадей (высота в холке до 60 см), в раннем олигоцене жили на территории современной Небраски и Южной Дакоты.

****** Анхитерий — ископаемая трехпалая лошадь размером с пони. Были широко распространены в Евразии в неогене.

******* Гиппарион — род ископаемых трехпалых лошадей (высота в холке до 1,5 м). Существовали с верхнего миоцена до конца плиоцена.

— Ты знаешь этих животных лучше, чем я.

— Не уверен. — Повернувшись, Симна начал пересекать остров, стараясь не делать резких движений. По дороге он подобрал меч. Эхомба тоже осторожно пошел; Алита поплелся следом.

Пастух обернулся:

— Они за нами не идут.

— Ладно. Теперь поглядим, что будет, если мы повернем на север. — Так он и поступил.

Позади послышалось громкое шлепанье по воде, которое означало, что часть табуна пришла в движение. Когда путешественники достигли восточной оконечности островка и снова увидели отдаленные, подернутые дымкой холмы, они обнаружили, что табун несколько переменил свое положение, снова преградив им путь.

Убедившись в справедливости того, о чем им рассказывали, Симна кивнул собственным мыслям:

— Обезьяна была права. Они никого не пропустят. Мы можем идти на восток, на запад или назад, но только не через болото.

— Нам необходимо пересечь его. Я и так уже слишком далеко забрел от дома, и к тому же мы не знаем, сколько еще топать до Хамакассара. Мне не хочется терять месяцы, обходя это место, тем более что наполовину мы его уже прошли.

Симна поковырял ногой влажный песок.

— А ты поинтересуйся, почему они не желают никого пропускать...

Пастух кивнул:

— Да. Пожалуй, так и надо сделать.

— Эй, долговязый брат, я же не в буквальном смысле...

Северянин и Алита, напрягшись, следили, как высокий пастух двинулся вперед, пока не зашел по колено в теплую воду. Два-три коня из тех, что были поближе к пастуху, настороженно на него поглядели. Большинство же либо игнорировали Эхомбу, либо продолжали вращать глазами.

— Он может с ними разговаривать? — Черный кот запустил когти во влажную, бесчувственную землю.

— Не понимаю как. До сегодняшнего дня Этиоль утверждал, будто никогда даже не видел лошади. — Симна глядел в спину своему другу. — Однако я научился не недооценивать нашего скотолюбивого спутника. Он кажется простаком — пока не сделает что-нибудь необычное. — Северянин показал на котомку, которая висела на высоких худых пле-

чах. — Может, какой-нибудь деревенский старейшина снабдил его зельем, позволяющим беседовать со зверями...

Но Эхомба не полез в мешок. Он просто стоял в полный рост в мелкой воде, крепко сжимая в руке копье. Симна знал, что при умелом использовании это копье способно сеять панику и ужас. Но такие действия могли только ухудшить положение, принимая во внимание, что путники оказались бы прямо на пути панически несущегося табуна.

Подняв левую руку, Эхомба обратился к лошадям на человеческом языке, громко и четко выговаривая слова:

— Нас предупреждали, что вы никому не позволяете пересечь болото. Нам говорили, будто это происходит из-за того, что вы психически неуравновешенные. Я вижу необузданность и великую красоту, но не сумасшествие. Лишь растерянность и сопутствующую ей скрытую ярость.

Услышав пронзительный голос пастуха, некоторые лошади начали нервно двигаться, и Симна приготовился бежать, хотя бежать было решительно некуда. Тем не менее в целом табун сохранял спокойствие. Никакого ответа на слова Эхомбы не последовало.

Любой другой повернулся бы и ушел, побежденный всеобщим молчанием. Но только не Эхомба. В его голове уже скопилось слишком много вопросов. Она была битком набита ими — до такой степени, что больше он терпеть не мог. Поэтому перед лицом неминуемой смерти пастух предпринял еще одну попытку.

— Если вы не разрешаете нам пройти, то по крайней мере объясните почему. Я думаю, что вы не безумны. Мне бы хотелось уйти, зная, что вы и не глупы.

И снова никакого ответа — во всяком случае, словесного. Однако вперед выступил конь невиданной породы. Его белая шкура блестела, как металл, а необыкновенно длинная грива напоминала тонкие полоски кованого серебра. В лучах солнца он больше походил на произведение скульптора, нежели на живое существо, на что-то придуманное, нарисованное и затем высеченное из камня.

— Я — Аргентус. — Конь говорил нежным голосом, хорошо поставленным сопрано. — Порода, которой еще не существует. — Его прекрасные и печальные глаза смотрели на потрясенного Симну.

Вот бы на таком жеребце, думал северянин, прогарцевать по развеселому Сабаду или въехать во Вьоралу-на-Баке! Девушки от восторга прямо выпрыгивали бы из окон. К

сожалению, он понимал, что этот восхитительный конь не для езды. Ведь он сам признался, что его еще нет. Почему-то Симну это не удивляло.

— Лошади не могут говорить, — решительно заявил северянин, отрицая свидетельство собственных органов чувств.

Прямой и проницательный взгляд животного смутил воина. У Симны возникло неприятное ощущение, что это создание не только умно, но и гораздо умнее его самого.

— Мои собратья действительно не могут. — Роскошная грива заструилась серебристыми ручейками, когда говорящий повел безупречной головой. — Но я — из завтрашнего дня, где животные разговаривают. Поэтому я выступаю от имени всех. Ты прав, человек. Здесь представители всех лошадей, которые существуют, всех, которые когда-либо существовали, и тех, что еще появятся. Во всяком случае, до определенного времени. — Демонстрируя общие черты со своими разнообразными родичами, он ударил по воде и грязи копытом, словно отлитым из чистого серебра. — Я не знаю никого, кто появился бы после меня.

Этиоль Эхомба был слишком сосредоточен на собственных мыслях, слишком простодушен, чтобы его ошеломило или испугало услышанное.

— Почему вы никому не даете перейти через болото?

— Потому что мы злимся. Не безумны, как утверждают другие люди, которые приходят и сталкиваются с нами. Не сошли с ума. Мы поступаем так, потому что растеряны. — Конь вновь повел величественной головой, и опять зарябили извивы серебряных волн. — Каждый из нас оказался здесь плененным. Я не знаю, может быть, есть нечто в этом тяжелом влажном воздухе или в полутеплой воде... Знаю только, что, как бы быстро мы ни бежали, выбиваясь из сил, мы не можем освободиться от хватки этой сказочной топи. Она держит нас, поворачивая обратно каждого в отдельности и весь табун вместе, как только мы стараемся вырваться на свободу. Нам не грозит никакая опасность. — Конь бросил быстрый и отнюдь не испуганный взгляд на немигающего Алиту. — Здесь есть хищники, но мы держимся вместе, и ни один зверь, как бы голоден он ни был, не рискнет напасть на такой большой табун. Здесь изобилие корма, разнообразного и питательного. — Он чуть улыбнулся тем единственным движением морды, которое благодаря выразительным губам у лошадей получается даже лучше, чем у людей. — И, разумеется, тут избыток воды. Однако покинуть болото мы не в состоянии. Кони прошлого, настоящего и будущего — все мы нахо-

димся в западне. В общей растерянности и злости мы давным-давно поклялись, что поскольку сами не в силах вырваться из этого места, то и никто не пройдет через него. Таким образом мы выражаем свое единство, свою стадность. Свою лошадиность. Вам тоже придется повернуть и идти назад.

— Будьте благоразумны. — Почувствовав себя несколько безопаснее, несколько смелее, Симна вошел в воду и встал около друга. — Мы не желаем вам зла и не виноваты в том, что с вами случилось.

— Я не против благоразумия, — честно признался Аргентус, — но прежде чем быть благоразумным, я должен быть лошадью. Солидарность — сущность табуна.

— Вы все в то или иное время проходили этим путем, и все попали в ловушку. — Эхомба подпер подбородок свободной рукой. Симна смотрел на пастуха, и ему казалось, будто он слышит, как тот думает. — Должно быть, очень утомительно бежать по воде. Возможно, будь у вас под ногами более твердая поверхность, вы скакали бы быстрее и легче. — Эхомба встретился глазами с Аргентусом. — Вероятно, вы даже сумели бы найти способ, чтобы убежать отсюда.

— Беспочвенные гипотезы являются источником разочарований, — скорбно пробормотал еще не существующий конь.

— Согласен, однако без гипотез не бывает следствий.

Симна воспрянул духом, увидев, как Эхомба молча скинул с плеч свою невзрачную котомку.

— Ну-ка скажи мне, нечародей, какое диво ты намерен извлечь из этого рваного мешка? Перекинешь через болото радужный мост? Клубок бечевки, которая превратится в дорожку? — Он с нетерпением глядел на друга. Алита, симулируя безразличие, не удержался и тоже посмотрел, что собирается делать скромный пастух.

— Я ничего такого не умею. — Копаясь в мешке, Эхомба кинул неодобрительный взгляд на своего преисполненного надежд товарища. — Ты ожидаешь слишком многого от простых деревенских жителей.

— Даже если и так, — отозвался Симна, не отрывая глаз от котомки, — то лишь потому, что уже знаю, на что способны простые деревенские жители.

— Тогда ты, возможно, будешь разочарован. — Пастух наконец вытащил руку из недр мешка. — У меня есть только это. — Он держал маленькую желто-коричневую пятиногую морскую звезду величиной не более нескольких дюймов.

Симна неуверенно насупился.

— Похоже на морскую звезду.

— Так оно и есть. Память о побережье моей родины. Камушки, которые ношу в кармане, я собирал сам, но перед уходом посмотрел не все, что положили мне в мешок друзья и родные. На это я наткнулся много дней назад.

— Точно, морская звезда, самая заурядная. — Наклонившись, Симна принюхался. — Пахнет прибоем и морем. — Он был весьма разочарован. — Какая от нее польза? Разве только напоминать тебе об океане? Или ты намерен сунуть ее под нос этому жеребцу в надежде, что он влюбится в соленую воду и, освободившись от загадочных оков, которые его тут держат, поведет весь табун к побережью ближайшего моря?

— Что за дикое предположение! — Эхомба пристально рассматривал маленькое тонконогое иглокожее, чьи раскинутые конечности даже не закрывали его ладони. — Ничего подобного произойти не может. Ты меня удивляешь, Симна. Мне казалось, что ты человек рациональный, не склонный к нелепым фантазиям.

— Это у *меня* нелепые фантазии?! — Симна, глубоко уязвленный, ткнул обвиняющим перстом в невзрачного обитателя песчаного дна. — И что же ты предлагаешь: скормить его завтрашней лошади, чтобы она оказалась на море?

— Теперь ты говоришь уже настоящий вздор, — пожурил его Эхомба. С этими словами он повернулся налево, отвел руку назад и как можно дальше швырнул крохотное пятиконечное беспозвоночное.

Озадаченный Симна следил, как летит морская звезда, вращаясь вокруг центрального узла своего твердого высушенного тела. Алита тоже проводил ее взглядом, а Аргентус наблюдал за полетом с видом отрешенного превосходства. Морская звезда описала дугу и упала в стоячую воду с легким всплеском. И сразу скрылась из виду.

Симна смотрел во все глаза. Алита тоже. Аргентус отвел взгляд. Но тут же обернулся.

Что-то произошло с болотом в том месте, где исчезла звезда.

Поверхность воды замутилась и будто закипела. При отсутствии геотермальной активности болотная вода пузырилась и пенилась. Шквал радостного ржания пронесся в воздухе, словно оркестр духовых инструментов принялся исполнять аллегро какого-то безумного композитора.

Симна отступил к ближайшему дереву.

— Осторожно, братец. Если они запаникуют...

Но этого не случилось. Более пронзительное, резкое ржание взлетело над смешанным хором. Признавая за Аргентусом превосходство, табун повернулся к нему в ожидании приказа. Конь рысью пробежал вперед и назад между рядами лошадей и берегом, успокаивая самых нервных. Огромный табун остался стоять на месте, прислушиваясь и внимательно наблюдая за происходящим.

В том месте, куда упала морская звезда, бурлящая вода сначала помутнела, а затем сделалась темной от ила. Кипение на поверхности стало распространяться во все стороны, но не концентрическими кругами, как можно было бы ожидать, а по совершенно прямым линиям. Их было пять, расходящихся из пузырящегося центра, и каждая соответствовала ноге уже невидимой морской звезды. Полоски всплывающего ила, отдаляясь от своего истока, постепенно расширялись, пока каждая не достигала сначала пяти, потом десяти и, наконец, двадцати футов в ширину. Одна из дорожек пролегла прямо мимо острова, между табуном и песчаным берегом.

Так же быстро, как и началось, кипение и пузырение стало ослабевать. После них оставался осадок ила и грязи, поднявшихся со дна. Когда бурление прекратилось, все это начало густеть и застывать, образуя широкие твердые дорожки. Их было пять, каждая соответствовала ноге морской звезды. Они поднимались всего на один-два дюйма над поверхностью воды. Эхомба надеялся, что этого окажется достаточно.

— Вы слишком долго бегали по воде. — Он указал на чудесные дорожки из грязи. — Попробуйте пробежаться по ним. Может, вы даже отыщете путь, по которому доберетесь в родные места.

Аргентус неуверенно ступил на поднявшуюся со дна насыпь. Эхомба затаил дыхание, но затвердевшая грязь не обрушилась под тяжестью коня, не осела и не превратилась снова в месиво из земли и воды. Осваиваясь, Аргентус медленно повернулся и ударил по поверхности передним копытом. Когда же он вновь посмотрел на путешественников, Эхомба увидел, что конь беззвучно плачет.

— Не знал, что лошади могут плакать, — заметил пастух.

— Я умею разговаривать, так почему бы мне не уметь плакать? Не знаю, как вас отблагодарить...

— Пока не надо благодарностей, — предупредил Эхомба. — Вы по-прежнему здесь, посреди болота. Сначала посмотрим, выведут ли дорожки вас на свободу. А когда вас здесь

не будет, то ладно, можете поблагодарить меня. — Пастух улыбнулся. — Как бы далеко вы ни были, я вас услышу.

— Не сомневаюсь. — Повернувшись, Аргентус встал на дыбы, ударил передними копытами по воздуху. С гривой, сверкающей в дымке солнечного света, он был похож на отлитый из чистого серебра обелиск. Аргентус пронзительно и радостно заржал, и тысячи ушей повернулись в его сторону. Табун снова зашевелился, но это движение порождалось надеждой, а не тревогой.

Сначала робко, а потом все смелее небольшие группы начали отделяться от табуна. Тяжеловозы и пегие лошади пошли по одной из временных дорог. Рысца вскоре сменилась энергичным кентером*, а затем радостным, безудержным галопом. Грохот тысяч копыт сотрясал болото, и маленький островок дрожал.

Гиппарионы и эогиппусы вели лохматых первобытных лошадей в другом направлении, выбрав иную дорогу, как, собственно, им и подобало. Они убегали не только из западни болота, но и из современной среды. В этом мире некоторые из них останутся, однако во всех других они будут бежать назад сквозь время, как по лугам и полям.

Восьминогие слейпнеры и нарвалорогие единороги вздымали только что образовавшуюся пыль на третьей дорожке. Крылатые кони легко и низко скользили над тропой, ведущей к свободе. Все разнообразие воображаемых и выдуманных лошадей собралось в этом замечательном табуне. Здесь были кони с горящими красными глазами и вырывающимися из ноздрей языками пламени, кобылицы со шкурой из брони и лошади величиной с бегемота. Некоторые из них поддерживали водяных коней, которые из-за своих перепончатых передних ног и рыбьего крупа не могли скакать наравне с собратьями.

Две дороги оказались никем не заняты.

Аргентус скакнул вперед, к путешественникам. Грохот, поднятый разделившимся и рванувшим на волю табуном, уже начал стихать. Серебристая морда ткнулась Эхомбе в лицо и шею. Даже на таком близком расстоянии Симна не мог определить, была ли кожа животного из плоти или выкована из невообразимо тонкого серебра.

Пастух положил ладонь на морду коня и нежно погладил. Зебрам нравилось такое прикосновение, и, похоже, Аргентусу тоже. Как бы он ни превосходил их и, возможно, был даже умнее людей, но тем не менее отозвался на ласку радостным сопением и фырканьем.

* Кентер — легкий галоп.

Затем конь отпрянул назад, повернулся и вскочил на одну из двух еще не занятых дорожек. В последний раз взмахнув искрящейся гривой и серебряным хвостом, он помчался по пустынной тропе — один.

Мало-помалу на болото стало возвращаться птичье пение, переросшее в полноголосый пернатый крик. Невнятное бормотание и сварливый писк снова наполнили неподвижный воздух. Из близлежащих зарослей высокого тростника в небо величественно взмыла стая зеленых цапель. Жизнь болота входила в свою колею.

Вдалеке, в самых разных направлениях, пыль, поднятая тысячами копыт, стала оседать. Края дорожек уже начинали крошиться, мгновенно затвердевший ил расползался под терпеливым воздействием воды.

Забросив котомку за плечи, Эхомба двинулся вперед.

— Поторапливайтесь. Надо воспользоваться этой дорожкой, пока по ней еще можно пройти.

Симна, хотя в душе его и терзало беспокойство, не решившийся мешкать, когда пастух велел пошевеливаться, подхватил свой мешок и зашлепал по мелководью вслед за другом. Алита поплелся за ними ленивым шагом.

Северянин оглянулся на остров:

— А как же лодка?

Эхомба перебрался через тропу, по которой убежал Аргентус. Это был не их путь. Он вел в будущее, а у Эхомбы были дела в настоящем. Пастух энергично шагал по воде к следующей дороге. Симна тащился сзади, изо всех сил стараясь не отставать. Кот продвигался вперед легко, но время от времени останавливался, чтобы отряхнуть от воды то одну, то другую лапу.

— Если мы поспешим, пока дорожка окончательно не раскиснет, то лодка нам не понадобится, — сообщил Эхомба своему спутнику. — Придется немного пробежаться, но мы должны выбраться из этой низины до вечера.

Вскарабкавшись на вторую тропинку, он поглядел в сторону острова.

— Надеюсь, старая обезьяна отыщет свою лодку. Как только люди обнаружат, что путь через болото не преграждают сумасшедшие лошади, они начнут выяснять, что к чему. У меня такое чувство, что орангутанг появится тут одним из первых. — Эхомба зашагал по сухой ровной поверхности прямо на север. — Я не чувствую угрызений совести из-за того, что мы не вернули лодку. Более важные дела зовут нас вперед, да к тому же ты существенно переплатил за это суденышко.

— А мне казалось, что ты не обращаешь внимания на низкий торг... — Симна трусил рядом с другом, разбрызгивая болотную воду, которая стекала у него по ногам.

По мере того как путники бежали, обочины дороги продолжали медленно, но верно погружаться в мутную воду. Алита обгонял друзей, затем присаживался и вылизывал лапы, покуда люди не пробегали мимо, затем вскакивал и опять вырывался вперед. Он это проделывал до тех пор, пока ноги не высохли окончательно, что удовлетворило его тщеславие.

— Пять дорог из пяти ног морской звезды, — вслух бормотал Симна. — Одна для теперешних лошадей, одна для воображаемых, одна для тех, которые живут как в прошлом, так и в настоящем, и одна для лошадей будущего...

— А пятая дорога не для лошадей, а для нас, — закончил за него Эхомба.

Северянин кивнул:

— А что, если бы у тебя оказалась четырехногая морская звезда?

Эхомба на бегу глянул на друга.

— Тогда мы бы снова плыли в утлой неповоротливой лодке, изо всех сил орудуя шестами и надеясь, что лошади не оставили позади себя ничего такого, что преградило бы нам путь. Но так, как сейчас, лучше.

— Да, — согласился Симна, труся посередине растворяющейся тропы, — так лучше. Скажи-ка мне вот что: как неволшебник воздвигает пять дорог из самой сердцевины топи с помощью всего лишь высушенной морской звезды?

— Я здесь ни при чем. — Эхомба перехватил копье, чтобы нести его строго параллельно земле.

— Ага. Уже слышал что-то подобное. Ты всегда ни при чем. — Северянин язвительно улыбнулся.

— Морскую звезду дала мне Меруба. О бухточках, которые изрезали наше побережье, она знает больше, чем кто-нибудь еще в деревне. Много раз я видел, как старуха заходила в воду дальше, чем отваживались самые смелые рыбаки. Она, похоже, всегда знала, куда надо поставить ногу. Она мне сказала, что если я когда-нибудь окажусь среди воды и не на что будет опереться, то эта морская звезда мне поможет.

Симна увидел, что расползающаяся дорожка ведет прямо к ближайшему из невысоких, округлых холмов, которые вплотную подступали к северному краю Джарлемонских болот. Он надеялся, что твердая грязь под ногами не успеет раствориться. Скорость, с какой дорога разрушалась, похоже, росла.

— Любопытно, какое колдовство удерживало здесь лошадей? — спросил Симна.

— Как знать? Это могла быть всего-навсего неразбериха. Неразбериха — великий притеснитель, опутывающий своими сетями как людей, так и животных. Однажды начавшись, она сама себя вскармливает, становясь все сильнее с каждой новой неопределенностью, которую она присовокупляет к своему обрюзгшему телу. Возникает прочная преграда, которую трудно преодолеть. — Эхомба пожал плечами. — Или это могло быть проклятием, хотя кто станет проклинать таких красивых созданий? Или деянием Природы.

— Мне такая Природа неизвестна. — Сандалии Симны победоносно шлепали по разрушающейся, но пока еще твердой поверхности.

— Существует множество Природ, Симна. Большинство людей смотрят на мир и видят только одну, ту самую, которая воздействует на них в тот определенный момент. А чтобы увидеть все, надо заглянуть глубже. Надо больше времени проводить в деревне и меньше — в городе. Тогда научишься видеть разные Природы.

— Ага. И одна-то доставляет предостаточно хлопот. И мне, знаешь ли, нравятся города. Там есть таверны, и постоялые дворы, и дружеские компании, и водопровод, и сетки от надоедливых летающих тварей... — Северянин, скача вприпрыжку подле своего друга, словно антилопа, искоса взглянул на него. — Не каждому нравится жить в глуши и быть слугой у стада тупого скота.

Эхомба мягко улыбнулся.

— Наумкибы служат скоту, а скот служит нам. Так же как и овцы, и куры, и свиньи. Нас такое положение вполне устраивает.

— Тысяча благословений вашей простой деревне, и простым людям, и простой жизни. Что до меня, то я стремлюсь к большему.

— Надеюсь, что ты получишь то, к чему стремишься.

— Конечно, получу, будь спокоен! Главное, вцепиться в тебя, как клещ в собаку, пока мы не доберемся до сокровища. Ты ведь не думаешь, будто я верю всей этой чепухе насчет самозабвенной любви к пастушеству и желании всегда жить в домах из камней и китового уса под тростниковой крышей?

— Когда-то мне казалось, что веришь. Но ты много раз показывал мне, как я ошибаюсь.

— Правильно, клянусь Чокууном! Так что и не мечтай отделаться от меня, как от старой рубахи, с помо-

щью россказней о том, как ты обожаешь ухаживать за паршивыми овцами или больными коровами. Ты мужчина, как и я, и тебе хочется того же, чего хочется всем мужчинам.

— А чего им хочется, Симна?

— Богатства и власти, разумеется! Сокровища Дамура-сесе, если его можно отыскать. Того сокровища, которое ты ищешь, если твой затерянный город не легенда.

— Конечно. Не беспокойся, Симна. Я не буду пытаться переубеждать тебя. Ты слишком проницательный.

— Ага, точно. — Убежденный в правильности своей догадки, северянин продолжал бежать на шаг или два впереди высокого пастуха, просто чтобы показать, что он может это делать, когда пожелает.

Холмы приближались, но почва под ногами путешественников рассасывалась все быстрее и быстрее: болото хотело вернуть себе то, что было временно поднято из его мутных недр. Из дороги шириной в двадцать и более футов она превратилась в тропинку шириною в ярд. Друзья бежали по ней, держась рядом и все ускоряя шаг. Впереди несся Симна, за ним следовал Эхомба, и замыкал группу Алита, прыгая без особых усилий. Ширина тропы уменьшилась на треть, потом наполовину, и бегунам вот-вот пришлось бы перепрыгивать с одной сухой кочки на другую.

Но брести, увязая в грязи, им все-таки не пришлось. Прежде чем остатки дороги перестали существовать, путники уже стояли на твердом, поросшем травой склоне холма. Переведя дыхание и оглянувшись назад, они увидели, как исчезает, растворяясь в окружающей воде, последняя полоска дороги, словно плитка шоколада, оставленная на солнцепеке.

Измученные долгим бегом, путешественники присели на гостеприимную зеленую мураву и полезли в свои мешки в поисках еды.

Перед ними во всех направлениях расстилались Джарлемонские болота, ровные, поросшие тростником и наполненные надводной и подводной жизнью, но уже без лошадей.

— Вот бы где поселиться, — завел беседу Эхомба. — Хорошее пастбище для скота, высокое место, откуда открывается прекрасный вид, безопасное с точки зрения оползней, много птицы и рыбы...

Симна вгрызался в сушеное яблоко.

— Подожди, пока жители Либондая не проведают, что безумные лошади ускакали и можно свободно пересекать болото. Бьюсь об заклад, через полгода это место будет похоже на городскую окраину.

Пастух нахмурился:

— Безотрадная картина. Не останется ни травы, ни тишины.

Фехтовальщик взмахнул яблоком, которое держал в кулаке.

— Не все такие, как наумкибы, Этиоль. Не каждому по душе тишь и необозримые пространства. Большинство людей предпочитают находиться среди других людей. А когда этого нет, они начинают нервничать и страдать от одиночества.

Упершись подбородком в скрещенные руки, пастух наклонился вперед.

— Как странно. Находясь среди больших групп людей, я чувствую себя как никогда одиноким. А когда оказываюсь на открытых пространствах, где нет ничего, кроме ветра, деревьев, ручьев да камней, мне совсем не одиноко.

— Но ты же скучаешь по семье, — напомнил Симна.

— Да, по семье скучаю. — Внезапно поднявшись, Этиоль взял свою котомку. — И как бы это ни было приятно, сидение здесь не приближает меня к ним.

— Эй, погоди минутку! — Симна кинулся собирать свои пожитки. — Я еще яблоко не доел!

Кот, сидевший в некотором отдалении, тихо фыркнул. Он поймал рыбу и аккуратно разрывал ее когтями. Теперь пришлось глотать улов целиком. От этого не было никакого ущерба желудку, хотя Алита с удовольствием повозилися бы со своей вкусной добычей. Но высокий человек снова собирался идти. Коту хотелось, чтобы Эхомба поскорее завершил то, что затеял. Клятва верности все дальше уводила левгепа от любимой степи.

Однако обещание есть обещание. Он встал и, тихо рыча, затрусил вслед удаляющимся людям.

VII

Война цветов

Никто точно не знал, когда началась битва за долину. Истоки конфликта теряются в тумане времени, и хотя цветы очень заинтересованы в тумане, хронология привлекает их значительно меньше.

Благодаря природным условиям, которые могли бы считаться чуть ли не идеальными, растения пышно цве-

ли на вершинах и склонах холмов. По неизвестным причинам почва, столь щедро питавшая травы и цветы, оказалась неблагоприятной для более крупных растений. Деревья и кустарники так и не смогли здесь укорениться. Большинство случайных семян, что заносили птицы, летучие мыши и дракончики, так и не прорастали. Цветки и листья, развернувшиеся под солнечными лучами, закрывали свет и душили любое подающее надежды деревце прежде, чем оно достигало статуса побега. Древние залежи питательных веществ в сочетании с как раз необходимым количеством жизненно важных минералов обеспечивали нескончаемое цветение, а дождь каждый год выпадал когда и куда нужно: достаточно, чтобы смочить, но не смыть почву с нежных корней.

Здесь никогда не бывало града или сильного ветра. Климат лениво колебался между нежным и умеренным, не обжигая жарой или убийственным холодом. Не существовало ни морозов, ни засух. Травоядные животные на холмах не появлялись, а тех насекомых, которые не приносили явной пользы, вполне можно было терпеть, поскольку их количество не достигало угрожающих размеров и они не становились бедствием. Пчелы и осы, птицы, жуки и летучие мыши по очереди принимали участие в деле опыления. И цветы разрастались, покрывая пологие холмы колоссальными пятнами великолепных красок, как будто какой-нибудь Титан с художественными наклонностями, взяв гигантские кисти и палитру, потрудился над пересеченной местностью.

Во всем этом царстве цветов от них был свободен лишь один участок. В самом центре лежала широкая неглубокая долина, где скапливалось так много влаги, что почва превратилась в настоящую губку, слишком рыхлую и неуплотненную, чтобы поддерживать нормальный рост корней. Давным-давно эта маленькая долина стала болотом, то есть бесполезной топью. В пропитанных водой окрестностях рос папоротник и печеночник, но не было ни одного благородного цветка. Аристократическая роза не стала бы чахнуть в подобном месте, а гладиолус и львиный зев испытывали омерзение к смраду разлагающихся растений и насекомых. Поэтому владеть болотом было предоставлено бедным родственникам цветов — архаичным растениям да грибам.

Проходили столетия, и цветы были вполне удовлетворены своим положением. На благодатных холмах ничто не менялось. После летних дождей начинались зимние дожди. Неизменно ласковое солнце описывало дугу по небосводу,

цветки раскрывались и закрывались, лепестки опадали, и вместо них появлялись другие, и царству красок ничто не грозило.

Однако в то время, как холмы оставались в первобытной неприкосновенности, в долине начались перемены. Поначалу незаметные, они не привлекали внимания до тех пор, пока не стали погибать папоротники. Вскоре, бесследно исчезая из тенистых мест и лощин, начали пропадать даже выносливые грибы. Возможно, под долиной открылся какой-то подземный водосток, куда ушел избыток воды, так долго собиравшейся там. Или незначительное перемещение земли спрессовало пропитанную влагой почву, и она уже не задерживала в себе осадки с прежней легкостью.

Долина осушалась. Нет, не осушалась, а высыхала. Она становилась точно такой, как и окружавшие ее холмы. С единственным отличием: благодаря всей той растительной массе, которая на протяжении веков разлагалась и скапливалась в болотистой низине, ее почва оказалась невероятно тучной, необычайно плодородной, в высшей степени питательной. Навеки привязанные к своим наследственным территориям непригодными песчаными почвами на дальних границах, многие разновидности цветущих растений, покрывавших холмы, внезапно обнаружили, что у них появилась возможность расширить жизненное пространство. Что они и начали делать, в ускоренном темпе пуская ростки и корни, разбрасывая семена.

При этом они неизбежно столкнулись с другими цветами с соседних склонов, также пытавшимися заявить свои права на недавно мелиорированную землю. Что-то новое возникло в царстве цветов. Нечто чуждое и потому неведомое.

Конкуренция.

О выживании речь не шла. Никакой разновидности не грозила опасность уничтожения. Однако нельзя было игнорировать притягательность обогащенной почвы и открытого пространства. К ним тянулись все цветы в окрестности. Новые цветы в исступленном восторге разрастались под воздействием нетронутых питательных веществ и изобильного солнечного света. А потом они начали друг друга теснить.

В прошлом такого случиться не могло. Каждый цветок знал свое наследственное пространство и не выходил за его пределы, каждый корешок признавал права соседа. Однако новизна вновь открытой земли отменяла все правила. Корни наталкивались друг на друга, в нерешительности пятились, а затем опять ползли вперед, не видя причин, почему бы им этого не делать. Ростки отпихивали один другого, извивались,

норовя задушить. А над поверхностью стебли изо всех сил старались первыми выпустить листья, дабы поймать жизнетворные солнечные лучи, а затем расцвести и привлечь насекомых.

Соперничество приводило к изменениям. Цветы росли быстрее, становились крепче и выше. Корни, ведя битву за первенство под землей, делались более активными, более цепкими. Среди различных видов возникали объединения. Отважные, но беззащитные квамассия и фуксия искали покровительства покрытых шипами роз. Вербена и тюльпан жались поближе к ядовитому олеандру.

То один, то другой вид сражался за главенство в плодородной долине, и эта длительная и незатихающая борьба вела к быстрым мутациям. Чтобы не дать розам запугать или победить себя, рододендроны обзавелись собственными шипами. Маки отрастили усики, которые, обвиваясь, как змеи, вокруг стеблей других цветов, сжимали их, пока не прорезали беззащитную плоть растения. Циннния выработала способность приподниматься на своих корнях и передвигаться, хотя и медленно, по поверхности, избегая схваток с другими корнями. Пионы и гладиолусы выделяли из лепестков едкие жидкости, чтобы сжигать всякий конкурирующий цветок, появлявшийся слишком близко.

Шпорник и ноготки выбрасывали листья с острыми, как нож, краями, которые, словно зеленые самураи, начинали наносить резкие удары, если другое растение оказывалось вблизи. Гибискус и красный жасмин, а также другие тропические растения пытались влиять на чувства опыляющих насекомых, усиливая свои ароматические выделения. Раффлезия молотила прорастающие побеги своими уже огромными красными и зелеными листьями. По всей долине свирепствовала война, по большей части невидимая, неощутимая и такая медленная, что всякий проходящий мимо ее бы не заметил. Впрочем, это не имело значения, поскольку тут никогда не появлялся наблюдатель, который мог бы решить, насколько нормально или нет происходящее в долине.

Так оно и было, пока не появились трое путешественников.

Они надолго остановились на вершине самого южного холма. Застыв там, путники все глядели на север, словно видели нечто странное или удивительное. Словно миллионы цветов, раскинувшиеся перед ними в сверкающем изобилии, являлись чем-то выдающимся, а не просто результатом многовекового спокойного и безмятежного произрастания.

Когда было замечено это небывалое появление, как будто бесшумный порыв ветра пронесся по холмам. От цветов, находившихся в непосредственной близости к пришельцам, тотчас поднялась волна тревоги. И улеглась, когда стало ясно, что пришельцы не являются травоядными и молодым побегам и распускающимся цветам не угрожает опасность быть съеденными.

Затем прибывшие возобновили свое продвижение на север, и некоторые растения оказались затоптанными. Это было неизбежно, принимая во внимание, что цветы росли очень близко друг к другу, не оставляя свободного места. Впрочем, большинство оказалось достаточно упругим, чтобы вновь подняться, а те, которые не сумели, освободили пространство, где смогут появиться новые проростки. Растения не жаловались. Они цвели и следили за перемещением необыкновенно подвижных путников.

Несмотря на вопиющие различия между ними, путешественники не выказали никаких враждебных чувств к растениям. Так же как и цветы, эти трое были по-разному окрашены, имели неодинаковую форму и размеры, показывая, что нормальная изменчивость существует даже среди экзотических чужаков. Округлые бутоновидные структуры увенчивали их длинные стебли, а тонкие отростки, торчавшие из стеблей, походили на листья. Лишь их корни были необычными — давали чужеземцам возможность перемещаться быстрее самых подвижных цветов.

И они продвигались прямо к долине, которая давно превратилась в безмолвную зону конфликта.

Путешественники снова остановились. Солнце садилось, и, как всяким иным растущим вещам, чужакам явно требовалось уменьшить свою активность в связи с нехваткой солнечного света. Прежде чем закрыть на ночь лепестки и свернуть листообразные отростки, они воспользовались поразительно гибкими стеблевидными членами, чтобы удалить предметы с дорсальных сторон. Из этих предметов они извлекли небольшое количество мертвого растительного и животного вещества, приступив к его заглатыванию.

Растения не были ни удивлены, ни потрясены. Они были давно знакомы с такими цветами, как кендырь, дионея и саррацения, которые питались насекомыми. Способ потребления питательных веществ у пришельцев был совершенно растениеподобным.

Напряженная борьба выработала в некоторых цветах долины способность функционировать после наступ-

ления темноты. Следовало накопить за день избыточную энергию, которую можно расходовать после захода солнца. Как только путники пришли в неподвижное состояние, эти растения зашевелились.

Усики видоизмененного водосбора и амариллиса дернулись, поднялись и медленно поползли вперед. Они достигли неподвижных тел пришельцев и начали осторожное обследование их стволов, ощупывание корней и бутонов своими перистыми выростами. Одна из находившихся в состоянии покоя форм подняла листостебель и с невероятной быстротой ударила по кончику усика, осторожно ползшего по его бутону. Помятый побег отпрянул, но сильно не пострадал.

Масса пришельцев была поразительной. Вероятно, их плотность почти равнялась плотности деревьев, о которых цветы знали из легенд. Подобно растениям, лежащие здесь стебли состояли по преимуществу из воды и отличались однородной окраской — явный признак примитивности.

И тут зондирующие усики сделали потрясающее открытие. Нигде в этих плотных телах не было никаких следов присутствия хлорофилла!..

Теми цветами, которые не полностью погрузились в ночную апатию, все скоропалительные сомнения были упорядочены. Что такое пришельцы, если не цветы? На грибы они совершенно не похожи, хотя грибы и способны принимать самые необычные формы. Но если это не цветы, не грибы и не деревья, то что? Для насекомых или птиц они слишком громоздки.

Возникло предположение, что пришельцы могут являться некоей чудовищно необычной разновидностью бескрылой летучей мыши. Несмотря на то что у них, похоже, больше общего с растениями, нежели с летучими мышами, наблюдались и бесспорные черты сходства с последними. Тела летучих мышей плотные и теплые на ощупь. Это было справедливо в отношении двух существ, однако третье разительно отличалось не только от среднестатистического цветка, но и от своих спутников. Здесь крылась великая загадка.

Идентификация и классификация могли подождать. Когда водосбор и амариллис убрали зондирующие усики, все противоборствующие стороны уже понимали, что следует сделать. С наступлением рассвета каждая попытается убедить пришельцев объединиться с той или иной фракцией. В битве за контроль над долиной нейтралитет невозможен. Если они цветы или хотя бы отдаленные родственники, то поймут. А поняв, смогут принимать решения.

В то время как каждый из противоборствующих блоков желал привлечь путешественников на свою сторону, никого не охватило беспокойство. Кроме исключительной подвижности и необычной массы, у этих троих, по-видимому, не было особо полезных качеств, которые могли бы повлиять на исход конфликта. У пришельцев не наблюдалось ни шипов, ни режущих листьев, и ничто не указывало на содержание в них потенциально полезных токсинов. Их большие, но узкие стебли не могли отнять пространство у значительного количества цветов, а монотонная окраска вряд ли была способна отпугнуть опылителей даже от самой непривлекательной маргаритки.

Тем не менее в битве за долину никакой союзник не лишний. Самым многообещающим свойством чужаков была их невероятная подвижность, хотя какую пользу из этого сумеет извлечь союз конфедеративных цветов, могло показать только будущее. С дальнейшими оценками следовало повременить до возвращения солнца.

Когда первый свет забрезжил на горизонте, стебли пришельцев напряглись, а их листья раскрылись, как и у всякого цветущего растения. Вытянув стебленожки в полную длину, путешественники переменили спящее положение и распрямились, чтобы совершенно вертикально встретить солнце. Один даже довольно долго оставался неподвижным на одном месте, полностью раскрыв цветок, чтобы вобрать в себя жизнетворный свет. Это действие только еще больше подтвердило схожесть пришельцев с порождениями сверкающих всеми красками полей, которые их окружали. В одной вещи цветы теперь были абсолютно уверены: что бы они собой ни представляли, чужаки определенно не грибы.

Однако они были слишком подвижными, слишком беспорядочно блуждающими, чтобы являться цветами. Возможно, они представляли собой некую странную комбинацию мышеподобных существ и растений. Согреваясь и набираясь сил под лучами восходящего солнца, цветы размышляли, как лучше приступить к делу.

Первыми начали флоксы. Вытянув свернутые усики, поначалу нерешительно, а затем все более настойчиво они попытались обвить нижние члены двух пришельцев. Сперва гости попросту стряхивали их, но когда на помощь десяткам цветков пришли сотни, те начали реагировать более энергично, испуская громкие звуки на частотах, весьма отличных от тех, которыми пользовались летучие мыши.

Когда же путешественники попятились, отдирая цеплявшиеся усики, решили не упустить представившуюся возможность орхидеи. Благодаря огромному разнообразию видов орхидеи прекрасно овладели химией. Исходя из теории, что вожделенные пришельцы обладают более существенным сходством с летучими мышами, нежели с растениями, они скоординированным усилием выделили обширное облако нектара. Клейкая сладкая жидкость окутала остолбеневших пришельцев, заставив их покраснеть от возбуждения, однако благодарности они не выказали. Вместо того чтобы немедленно объединиться с орхидеями и их союзниками, путешественники начали обтирать себя своими листьями. Подобная реакция очень походила на возможную реакцию растений, поскольку ни один цветок не нуждался в нектаре другого. Видимо, пришельцы были не такими уж мышеподобными.

Но азалия и жимолость продолжали придерживаться этой теории. С их точки зрения, орхидеи рассуждали правильно, хотя действовали неверно. Принимая во внимание подвижность путешественников, требовались и более энергичные меры. Поэтому они сосредоточились и выпустили не нектар, а аромат. Обладая сильным запахом, азалия и жимолость модифицировали свой букет на основании того, что знали об органах чувств летучих мышей и подобных существ.

Объединенный выброс ароматов возымел желаемый эффект. Окутанные облаком благовоний, все три чужака стали двигаться медленнее. Двое из них начали пошатываться, а третий и вовсе рухнул на землю. Цветы, на которые он упал, изо всех сил старались его поддержать. Совместными усилиями они принялись передвигать неподвижное тело вверх, подальше от спорной территории высохшего болота. Сотни стеблей и тысячи лепестков напрягались, чтобы переместить эту немалую тяжесть.

Их встревоженные соперники, вербена и ноготки, попытались захватить двоих оставшихся путешественников, перетянув их на свою сторону. Цветы вытянули вперед заостренные листья, угрожая впиться в стебли пришельцев, если те попытаются последовать за своим плененным спутником. Другие листья покрылись крохотными кремнистыми иглами, содержащими концентрированные алкалоидные яды, стараясь воздвигнуть преграду между двумя более крупными пришельцами и тем, которого медленно, но верно тащили вверх по склону торжествующие пурпурный вьюнок и примула. В центре оспариваемой долины вели схватку за главенство ядовитая евфорбия и опийный мак.

Именно в этот момент самый высокий, но ни в коем случае не самый крупный из троих чужаков раз и на-

всегда доказал, что ни он, ни его спутники не являлись цветами. Сначала приведя в равновесие своего более крупного спутника, он достал из-за спины отдельный стебель и прикрепил его к одной из своих цветоножек. Пришелец начал вращаться, а эта удлиненная цветоножка раскачивалась в разные стороны, хотя никакого ветра не было. Край ее добавочного вытянутого листа был острее любого шипа.

Серебристый лист рассекал стебли, и цветы летели на землю. Прорубаясь без разбору сквозь преисполненных надеждами друзей и заклятых врагов, не отдавая предпочтения тому или иному цветку, путешественник рубил и кромсал все, что перед ним находилось, пока не добрался до своего спутника. Перемещаясь на длинных, упругих двойных стеблях, он двигался быстрее, нежели победоносные цветы могли тащить лежащее тело.

Поразительно крепкий лист выкосил площадку вокруг поверженного индивида. Затем более высокий пришелец согнулся вдвое и, демонстрируя силу и ловкость, не доступные ни одному цветку, поднял неподвижного спутника к себе на плечи. Повернувшись, он начал отступать тем же путем. Растения старались поймать его стебли своими, а усики и сильные корни норовили опутать и повалить путешественника, однако острый лист продолжал качаться и рубить. Против его неодолимого края не мог устоять даже самый крепкий корень.

Продолжая косить все, что попадалось на пути, путешественник пересек спорную область и присоединился к третьему члену группы. Несмотря на то что он все еще неуверенно покачивался на своих многочисленных стеблях, этот самый большой из троих продолжал оказывать сопротивление объединенному натиску всех цветов, росших в непосредственной близости. Снова набравшись сил, азалия и жимолость попытались во второй раз атаковать пришельцев испарениями, но те поместили кончики своих листьев на переднюю часть бутонов, в результате чего эффект предыдущего обширного миазма не повторился.

Оказавшись вместе, эти трое начали пробираться через холмы в северном направлении. Миллионы цветов напряженно замерли, готовые воспрепятствовать их продвижению, однако ничего не могли противопоставить ужасающей разрушительной силе серебряного листа. Кроме того, самый большой член группы теперь снова находился в полном сознании и в боевой готовности. Он, размахивая туда-сюда собствен-

ными кончиками листьев, вырывал из земли огромные комья и безо всякого разбору кромсал стебли и корни.

В непосредственной близости от маршрута пришельцев разрушения оказались чудовищными. Целые сообщества цветов были истреблены. Но гибель нескольких тысяч растений никак не повлияла на океан красок, покрывавший холмы. Потребуется всего лишь один сезон, чтобы разоренный район был полностью восстановлен, а новые семена будут только рады счастливой возможности прорасти на внезапно освободившемся пространстве.

В конце концов все семейства цветов отказались от мысли вовлечь пришельцев в битву за обладание высохшим болотом. Вместо того чтобы пытаться остановить путников, они отклоняли стебли с их пути, предоставляя этим замечательным, но опасным существам свободный и легкий проход через холмы. Рябь понимания прокатилась по бесконечным полям буйных красок, и перед путешественниками раскрылась тропинка. Сначала они не хотели убирать свои смертоносные листья и продолжали косить все цветы, до которых способны были дотянуться. Потом их подозрительность угасла, и они продолжали свое шествие, более не причиняя ущерба.

Позади, в обширной низине, некогда занятой болотом, фиалки дрались с розовым алтеем, а барвинки наносили коварные порезы стеблям мощных нарциссов. Война за новую почву продолжалась, вторжение чужаков было уже забыто. Однажды крохотный росток будущего деревца выбился из грязи и потянулся к солнцу. Это могла быть сикомора, а может, и тополь. Сие так и останется неизвестным, потому что деятельная наперстянка, сцепившаяся с лютиком, навалились на него и задушили. Лишенный света, росток засох и погиб.

Никаким деревьям не позволялось расти на изобильных, плодородных холмах. Ни один гриб не высовывал шляпку из-под земли, ни одна поганка не могла разбросать свои споры по благодатной земле. По долинам и по взгорьям, по вершинам и расщелинам росли только цветы. Они бешено разрастались, создавая яркий узор, которому нигде не было равного, и ждали следующих пришельцев. Возможно, другие окажутся более чуткими к убеждению или более похожими на цветы.

Действительно, трудно вообразить прекраснее место... Но для того, кто не являлся цветком, здесь было небезопасно задерживаться.

VIII

Они не останавливались до самого вечера, пока не добрались до такой высоты, где росло лишь несколько диких цветов. В отличие от миллионов тех, что покрывали холмы, с которых путешественники бежали, эти цветы были совершенно неагрессивны.

Эхомба положил Симну на землю под большим деревом с раскидистыми ветвями и растрескавшейся корой, такой темной, что она казалась почти черной. Поблизости журчал маленький ручей, направлявшийся к цветочным холмам и далекому морю. На другом дереве парочка ворон препиралась сугубо ради удовольствия послушать собственное хриплое карканье.

Алита стоял рядом и мотал головой, пошатываясь на нетвердых лапах и пытаясь стряхнуть воздействие предательских ароматов. Он перенес их лучше, нежели северянин, но если бы Эхомба не объяснил ему, что происходит, и не помог бы поскорее покинуть холмы, левгеп наверняка тоже не выдержал бы второй атаки невидимых запахов.

Симна, должно быть, принял на себя основную тяжесть первого залпа. На его лице появилось блаженное выражение, и он упал как будто в объятия полудюжины гурий, о которых столь часто и нежно говорил. И тогда цветы, эти невозможные, нереальные, фантастические цветы действительно подняли его и понесли в какое-то невообразимое, лишь им ведомое место. Пастух, обнажив меч из небесного металла, мрачно принялся за работу, стараясь не думать о том, какую красоту уничтожает, и выкосил дорожку, чтобы спасти друга. Намерения цветов, успокаивал он себя, не были дружелюбными. Активное вмешательство шипов, острых листьев и прочей враждебной растительности служило достаточным тому подтверждением. Его ноги ниже колен были сплошь покрыты царапинами и уколами.

Кот отделался легче. Не в состоянии проникнуть сквозь густой мех, острые растения не причинили ему вреда. И хотя Алита пошатывался, он все-таки мог расчищать путь среди цветов ударами своих мощных лап. Теперь кот ходил кругами и мотал головой, яростно тряся огромной гривой, чтобы избавиться от воздействия концентрированных запахов.

Решив не тратить безопасную городскую воду, которая наполняла бурдюк у него в котомке, Эхомба пошел к ручью и вернулся с пригоршней холодной жидкости. Он дал ей медленно стечь по своим длинным пальцам прямо на

лицо северянина. Симна заморгал, залопотал и сел. То есть попытался сесть — Эхомбе пришлось ему помочь. Симну мутило, как матроса, вернувшегося из долгого плавания и только что очнувшегося после трехдневного пьянства. Он отер лицо и попробовал сфокусировать взгляд на фигуре, обеспокоенно склонившейся над ним.

— Этиоль? Что случилось? — Симна огляделся вокруг, словно видел покрытые травой холмы, рощу и своих друзей впервые в жизни. Слева от него большой кот упал набок, раздраженно зарычал и снова поднялся на ноги. — А что такое с киской?

— То же самое, что и с тобой, только в меньшей степени.

— А со мной что? — Северянин выглядел озадаченным. Он начал подниматься, опасно накренился на правый борт и тут же снова сел. — Ой! — Взявшись руками за голову, Симна затих и только потирал виски. — Помню, как понюхал что-то такое сладкое и чудесное, что передать невозможно. — Вдруг он посмотрел вверх. — Цветы!

— Точно, цветы. — Эхомба обернулся и поглядел на юг, в сторону рдеющих холмов, от которых они спаслись. — Они зачем-то хотели задержать нас там. Представить себе не могу, для чего? Кто знает, что у цветов на уме? — Он снова повернулся к другу. — Нас пытались захватить при помощи стеблей, корней и острых листьев. Когда это не сработало, нас решили подавить наслаждением. Я вдохнул мало аромата. Алите досталось больше, а ты чуть не задохнулся.

Северянин кашлянул.

— Сначала лошади, теперь вот цветы... Уж лучше душные муравейники городов, где каждый день встречаешься с головорезами, ворами и честными, откровенными убийцами. Я знаю, как с ними себя вести. А с цветами? — Опустив голову, он несколько раз глубоко вздохнул. — Я уже никогда не смогу с прежним чувством собирать букет для возлюбленной дамы.

— Рад, что ты чувствуешь себя лучше.

— Я тоже, хотя не припомню, чтобы мне когда-нибудь вышибали мозги столь приятным образом. — Симна встал, лишь слегка пошатываясь. В стороне кот разминался и проверял возвратившиеся рефлексы, высоко подпрыгивая и в шутку пытаясь сбить с ветки взволнованных ворон. — Ради Гиларейта, погоди минуту. Если я был без сознания, а кот еле двигался, то как я спасся из тех холмов?

— Я тебя вынес. — Эхомба внимательно всматривался в северный горизонт. Впереди местность продол-

жала подниматься, но несильно. Ни зубчатые откосы, ни островерхие горы не преграждали пути на север.

Северянин прищурил глаза:

— Запах на тебя не повлиял?

— Говорю же: вы с Алитой получили более сильную порцию, чем я. К тому же мое обоняние гораздо слабее, чем у каждого из вас. — Этиоль поглядел сверху вниз и улыбнулся. — Я долгие годы пас скот и овец, каждый день жил рядом с ними, и мой нос уже не различает слишком тонких ароматов.

— Ага, предохраняющая сила зловония! — Симна ухмыльнулся и поправил мешок за плечами. — Я тоже привык к тому, что мои противники пахнут, как простыни, которые не меняли полгода, а не как масло камелии.

— В незнакомой и чужой стране человек должен быть готов столкнуться с чем угодно. — Пастух зашагал на север. Трава была низкая и пестрая, земля — твердая и упругая. Кот оставил игру в прыжки, уступив победу выбившимся из сил воронам. — Прежние правила могут больше не действовать. Кажущиеся друзья могут прикрываться ложью, а коварный враг может оказаться просто замаскированным честным человеком.

Стряхнув с себя последние остатки воздействия мощных ароматов, северянин зашагал рядом с другом.

— Да, это не та проблема, с которой человек сталкивается в темном переулке.

Эхомба движением свободной руки обвел окружающий их чистый и бодрящий ландшафт:

— Я бы скорее предпочел оказаться в таком вот месте лицом к лицу с неизвестным противником, нежели в большом городе, где все время приходится иметь дело с людьми.

— Значит, у нас с тобой отличная команда, длинный братец. Я позабочусь о людях, а ты разбирайся с цветами. И я, черт побери, уверен, что моя задача будет полегче!

Ночь они провели в рощице невысоких деревьев, манящей своей тишиной и отсутствием какой-либо деятельности. Это, вне всяких сомнений, были деревья и ничего более, равно как и трава, густо росшая у их подножия, да редкий сорный цветок, добавлявший мазок краски месту, где путешественники разбили лагерь. Над головой в холодном ясном небе, не мигая, сверкали звезды. С тех пор как путешественники взошли на судно, чтобы переправиться через Абокуа, лучшей ночевки у них не было.

По крайней мере для Симны ибн Синда и Алиты. Сон Эхомбы неожиданно потревожили.

Она — то есть видение — была очень высокой, хотя и не такой высокой, как пастух. Ее кожа напоминала слоновую кость и блестела, как тончайший шелк. На него глядели огромные сапфировые глаза, а черные волосы, сверкавшие как бриллианты, обрамляли широкие скулы. Под кружевным темно-красным платьем тело ее было совершенно голым и таким зовущим, словно пуховая перина в студеную зимнюю ночь.

Ее губы раскрылись, и само это движение казалось приглашением к страстной любви, хотя не послышалось ни единого звука. Тем не менее он понимал, что она завет его, широко раскинув руки в мольбе. Ее глаза и поза, ее руки и поразительное тело под платьем красноречиво говорили Эхомбе, что она обещает ему все, абсолютно все, если он освободит ее из теперешнего заточения.

Смущенный этим одновременно сладострастным и невинным призывом, Этиоль тревожно застонал во сне и начал метаться по мягкой траве. Ее руки потянулись к нему, и длинные легкие пальцы коснулись его щеки, потом шеи, потом груди. Она соблазнительно улыбалась, будто сами звезды приглашали его закружиться вместе с ними в горячем величественном хороводе. Эхомба почувствовал, как его обняли, и во всем теле поднялся жар, словно пар в котелке.

И тут он ощутил присутствие кого-то рогатого, смутно и зловеще вырисовывающегося над ними обоими. Второе видение тоже не могло говорить, однако многое было понятно по пылающим глазам и стиснутым зубам. Потупив глаза, видение прорицательницы отпрянуло, оторванное ужасной невидимой силой. На ее месте возникла угрожающая фигура в шлеме. Она заслонила свет, но были видны два темных облачка, которые крались следом у ее каблуков, жадно обволакивая их.

— Этиоль. Этиоль!

Омерзительная фигура теперь трясла его, ожесточенно толкая туда-сюда, и Эхомба был не в силах остановить ее. Трясла и... Нет, руки на плечах у Эхомбы были твердыми и настоящими и принадлежали царству яви.

Он открыл глаза и увидел над собой озабоченное лицо Симны. Вокруг по-прежнему было темно. Звезды, не способные подолгу оставаться на одном месте, передвинулись. Однако рощица не изменилась, не потревоженная отвратительным вторжением.

Поблизости, свернувшись на боку, лежал огромный черный кот и мягко похрапывал.

Северянин сел на корточки.

— Не знаю, что ты там видел во сне, но хотел бы, чтобы мне такое приснилось.

Эхомба приподнялся на локте и обдумал то, что ему привиделось.

— Первая половина была хорошей...

— Ага!.. Значит, женщина. Твоя жена?

Эхомба отвел взгляд.

— Нет. Это была не Миранья.

Обрадованный Симна хлопнул себя по колену, демонстрируя удовлетворение.

— Клянусь Геуваром, ты все-таки человек. Расскажи, какая она?

Эхомба неприязненно посмотрел на товарища.

— Лучше не надо. Мне не понравилась моя реакция.

— Это же был всего лишь сон, братец! — Северянин захихикал над замешательством своего сдержанного спутника. — Мужчина, женат он или нет, не виноват в том, что собственный сон доставил ему удовольствие. Сновидение не является наказуемым деянием — что бы там ни думали женщины.

— Дело в другом. Симна, это была не просто женщина. Это была *она*.

— Ага... Выходит, это был вещий сон. — Улыбка на лице северянина сменилась мрачной озабоченностью. — И что ты из него понял?

— Практически ничего. Ей откуда-то известно, что мы идем ее спасать. И все. И она еще более восхитительна, чем даже тот образ, который мы видели ночью над костром в степи.

— Такая красивая, — пробормотал Симна, устремив вдаль отсутствующий взгляд. — Слишком прекрасна для простых смертных вроде нас с тобой. — Он снова ухмыльнулся, но уже не похотливо. — Но это не означает, что на нее нельзя смотреть, по крайней мере во сне. Однако в конце ты видел не ее. Ты стонал и метался.

— Химнет Одержимый. Думаю, это был он. — Эхомба снова лег на спину и уставился на звезды, подложив под голову чашечку из сцепленных пальцев. — Как и раньше, его лицо было спрятано. Интересно, так ли он ужасен на самом деле?

— Если повезет, мы этого никогда не узнаем. — Вернувшись на свое место, северянин снова забрался под одеяло. Миновав холмы, они вышли в предгорья и теперь находились высоко над уровнем моря, поэтому наряду с чистым возду-

хом и мертвой тишиной ночь принесла и пронизывающий холод.

Эхомба долгое время лежал неподвижно, прислушиваясь к коротким пронзительным крикам ночных птиц и приглушенным голосам пытливых насекомых. Он одновременно и ждал, и боялся возвращения сна. Однако когда он наконец задремал, то очутился в той отдохновенной и молодящей области, где ничто не волнует — даже туманные воображаемые образы.

На следующий день путники продолжали подниматься, но по такому пологому склону, что увеличивающаяся высота их не обременяла и не замедляла продвижения вперед. Они видели небольшие стада лосей, сиватериев, жирафов и вапити. Алита быстро и ловко убил молодого бизона, и путешественники роскошно попировали.

Маленькие озерца у границы белейших снегов сверкали, словно перидотовые и аквамариновые подвески, и отражения в них уподоблялись камеям среди голого серого гранита. На этих высотах деревья были низкорослые, с перекрученными и иссеченными безжалостным зимним ветром стволами. Крохотные дикие цветы вырывались из земли, свиваясь в синие и лавандовые, золотисто-красные и желтые, как масло, пучки. Ни один из них не пытался поймать, соблазнить или как-либо еще задержать у себя невозмутимых ходоков. Мелкие грызуны и сумчатые бросались наутек и прятались среди камней при приближении путников, и Алита развлекался тем, что гнался за зверьками, хватал их, а потом великодушно давал удрать закуске, которая была ему на один зубок.

Они уже начали спускаться вниз, как вдруг повстречали овец. Симна заявил, что это вполне обычные овцы, однако для пастуха с дальнего юга они разительно отличались от тех животных, среди которых он вырос. Их руно было густым и волнистым, в то время как в стадах наумкибов шерсть овец была прямой и длинной. Сужающиеся морды были черными или грязно-белыми, а не коричневыми и желтыми. И ноги у них были прямо-таки изящные. Подобные изнеженные животные, решил Эхомба, не сумели бы жить неделями в дикой сухой степи вдали от деревни. И все же это были, вне всякого сомнения, овцы.

Но когда путники приблизились, овцы показали, что они не столь беспомощны, какими выглядели на первый взгляд. Громко блея и мыча, животные торопливо образовали круг; в центре поставили ягнят, их окружили ярочки,

повернувшись наружу, а молодые бараны расположились по окружности.

Один старый баран, очевидно, вожак стада, нагнул голову и зло бил копытом землю. Яростно блея, он сделал несколько вызывающих прыжков в сторону пришельцев. В этот момент Алита, который плелся далеко позади людей, рысцой догнал их. Заметив краем глаза наскоки барана, огромный кот снисходительно зарычал вполсилы, отчего парализованный вожак вдруг замер в прыжке и, миг-другой пошатавшись на четырех ногах, завалился набок в глубоком обмороке, вытянув копыта параллельно земле.

— Легкая добыча, — прокомментировал кот, когда они проходили мимо трепещущего стада.

— Веди себя пристойно, — пожурил Эхомба четвероногого спутника. — Ведь есть ты не хочешь. Во всяком случае, после того, как проглотил половину того бизона.

— Верно, я не голоден. Но мне слишком часто приходилось жарким утром преследовать добычу, которая в конце концов ускользала, чтобы сейчас спокойно пройти мимо чего-нибудь, что так напоминает жаркое на вертеле. — Гривастая голова презрительно кивнула в сторону стада, и тонкие ножки с копытцами задрожали от этого небрежного кивка. — Домашние!.. Они стали прислужниками людского аппетита.

— Ну и что? Мне нравится баранина. — Симна поглядывал на упитанных овец более алчно, нежели большой кот.

Эхомба вздохнул. Несмотря на маленький рост, аппетиты Симны были чрезмерными во всех отношениях.

— Мы должны повстречать если не пастуха, то владельца земли. Может, удастся выторговать у него несколько кусков мяса, если тебе так уж нужно.

Пройдя дальше, они действительно наткнулись на жилище землевладельца — скромную и невзрачную постройку из камней с соломенной крышей. Перед домом был колодец и небольшой сад, обнесенный забором, чтобы не забредали вредители, а также овцы и козы. Из каменной трубы неторопливо поднимался дымок, а по стенам, вокруг двери и единственного окошка вилась цветущая глициния. В загоне позади дома щипали траву несколько ягнят. Старая собака подняла голову и осмотрела путников. Ее длинную черную шерсть прочерчивали широкие белые полосы. По всей видимости, удовлетворенная осмотром, она снова положила нижнюю челюсть на лапы. Собака не залаяла даже при виде кота.

— Тихое, чистое местечко, — завистливо проговорил Симна. — Простой кров простых людей.

— Даже простые люди могут сообщить полезные сведения. — Повернув голову, пастух покосился на небо. — Да и тучи собираются. Если будем вежливыми и обходительными, возможно, хозяин позволит нам тут переночевать. — Пытаясь заглянуть внутрь, Эхомба низко нагнулся и прикрыл глаза рукой. — Когда путешествуешь по незнакомой стране, полезна всякая информация.

Приблизившись к полуоткрытой качающейся двери, нижняя часть которой была заперта на щеколду, он повысил голос. Как ни странно, собака по-прежнему не обращала на них внимания.

— Эй! Есть кто-нибудь дома? Мы видим ваш дым.

— Это не мой дым, нет, не мой. Он принадлежит огню. Но вы все равно входите.

Эхомба первым шагнул в домик, который оказался очень скромным и чистым. Наумкибы сочли бы его дворцом. Вокруг стола стояли крепкие стулья, украшенные резьбой и прекрасным орнаментом в виде завитков. На крюке в большом камине висел железный котелок, а в дальнем конце комнаты находился рукомойник с ручным насосом. Справа перед камином стояли большие кожаные кресла и диван. По стенам шли книжные полки, уставленные захватанными томами, а с потолка свешивались масляные лампы, дающие свет в вечерние часы. Дверь слева вела в невидимые комнаты, а лестница, прислоненная к одной из стен, намекала на наличие обширного чердака. Единственный обитатель домика что-то делал около рукомойника, его руки были мокрыми по локти. Когда путешественники вошли, хозяин обернулся и встретил их улыбкой.

— Не ушибите голову, незнакомец. У меня бывает мало посетителей, особенно вашего роста. Буду к вашим услугам через секунду, только домою тарелки.

Хозяин был одет просто: темно-коричневые штаны до колен и того же цвета рубашка. Скупая изысканность и утилитарность обстановки наводили на мысль, что мебель не была изготовлена обитателем дома, а куплена и привезена сюда на повозке или каким-нибудь другим способом. По правде говоря, это означало, что уединение хозяина было обманчивым. Он находился здесь скорее по собственному выбору, а не по необходимости, и располагал средствами, чтобы оплачивать не только элементарные потребности.

Тем не менее нигде в доме не было явных признаков богатства, если не считать множества книг. Однако

даже бедный человек способен составить приличную библиотеку путем тщательного приобретения, тем более если покупки осуществляются на протяжении десятилетий. А в распоряжении их миниатюрного хозяина, безусловно, были если не крупные средства, то долгие годы. Его борода и волосы, совершенно седые, пышные, но аккуратно подстриженные, указывали, несмотря на румянец на щеках, что этот человек уже довольно стар.

— Присаживайтесь у камина, — пригласил путешественников хозяин, вытирая полотенцем глиняную тарелку. — Должен был заняться этим раньше, но пришлось перенести в загон новорожденных ягнят — о них следовало позаботиться в первую очередь.

— Конечно, — согласился Эхомба. Он смотрел, как Симна, словно тряпичная кукла, плюхнулся в большое мягкое кресло, и осторожно последовал его примеру. Пастух не привык к подобным удобствам. В его деревне на кровати стелили матрасы, но стулья были жесткие, с прямыми спинками. — Лучше сделать это как можно быстрее, а то мухи могут отложить яйца.

Поставив тарелку на полку, хозяин удивленно обернулся:

— Стало быть, вы овцевод?

Симна закатил глаза.

— Да, овцевод и скотовод. Главным образом скотовод.

— Никогда не занимался скотом. — Взяв с полки трубку с изящной резьбой, хозяин неторопливо подошел к очагу. Выбрав из коробочки, прикрепленной к камину, вощеный фитиль, он приблизил его к огню, и, когда тот затлел, поднес к трубке. — Слишком хлопотно для меня, да и трудно управляться в одиночку. Даже с такой помощницей, как Ройли.

— Ройли? — Пастух оглядел комнату в поисках следов другого обитателя.

— Моя собака. — Хозяин очаровательно улыбнулся, не вынимая изо рта чубука трубки. — Она, правда, стареет, уже не такая резвая, но все равно это лучшая овчарка в здешних местах. Меня зовут Ламиди Куберт, и сдается мне, что вы не из Мыслящих Королевств.

— Откуда вы знаете? — хихикнул Симна.

Хозяин в ответ тоже рассмеялся. Вынув изо рта трубку, он ткнул ею в сторону гостей.

— Ну, во-первых, никто из тех, о ком мне доводилось слышать, даже господа и аристократы, не путешествует с домашней кошкой столь внушительных размеров. Тем более с говорящей. — Заметив выражение лица Эхомбы, он до-

бавил: — Я слышал, как вы втроем разговаривали, подходя к дому. К тому же ваши одеяния, друзья мои, весьма необычны. — Он слегка нахмурился, повернувшись к Симне. — Впрочем, ваш наряд мне что-то напоминает.

— Вы здесь живете один, Ламиди Куберт? — поинтересовался Эхомба.

— Да. Конечно, не считая Ройли.

— И все-таки свободно впустили нас, троих незнакомцев, в свой дом. Двух хорошо вооруженных людей и третьего, плотоядного, огромного размера и силы. Вы не боитесь?

Куберт, кашлянув, осмотрел трубку.

— Если бы вы замыслили недоброе, я не смог бы ничего сделать. Мне только и оставалось, что приветствовать вас. — Он снова улыбнулся. — Кроме того, я уже давно живу в одиночестве. Тут, на краю цивилизации, у меня редко бывают гости. Поэтому я стараюсь дорожить каждым, кто приходит.

— Мне жаль разочаровывать вас, старый человек, но это не край цивилизации. К югу отсюда находится порт Либондай и множество других прибрежных городов. — У Симны пересохло в горле, однако он решил потерпеть еще немного в надежде, что хозяин сам предложит чего-нибудь выпить. — Сам я из дальних восточных стран и могу вам сказать, что с той стороны вы сами чертовски далеко от цивилизации.

— Не сомневаюсь, — с учтивым раскаянием проговорил старик. — Ни в коем случае не хотел вас обидеть. Просто этой точки зрения обычно придерживаются в Мыслящих Королевствах, и поэтому она мне лучше всего известна, хотя сам я ее не разделяю. — Он широко взмахнул рукой. — Совершенно очевидно, что вы трое не менее цивилизованны, чем все другие.

— Двое, — уточнил с толстого круглого ковра перед потрескивающим камином Алита, не поднимая с лап головы.

— Ну... да.

— А где находятся Мыслящие Королевства? — вежливо поинтересовался Эхомба.

На дворе мало-помалу начинали сгущаться сумерки. Приглушенное блеяние овец время от времени прерывали отдаленные раскаты грома. С каждой вспышкой невидимой молнии стены домика, казалось, становились крепче и охватывали всех их, словно отлично сшитая толстая одежда. Сквозь все еще открытую верхнюю половину двери в комнату проник холод. Почувствовав это, Куберт поднялся, чтобы затворить ее.

— Мыслящие Королевства — это все земли к северу отсюда, — объяснил хозяин, возвращаясь к буфету, что

стоял возле камина, но несколько в стороне от шипящего и щелкающего пламени. — Там Бондрессей и герцогство Верой-верай. Продвигаясь дальше на север, можно дойти до Великого Баронства Мелеспра, которое граничит со Сквойем Восточным и Сквойем Южным. К востоку от Великого Баронства находится речной порт Уренон Изящный, а ниже по течению — провинция Фан, которой правит просвещенный герцог Тирахнар Крестелмар. Это лишь некоторые наиболее известные королевства, расположенные севернее. Но к востоку, западу и северу от Фана находится множество других.

— И все эти племена... эти королевства, — поправился Эхомба, — живут в мире? Я спрашиваю, потому что наш путь лежит еще дальше на север.

— Ссоры и перебранки, стычки и споры происходят постоянно. Враждовать — в характере монархов, — философски заметил Куберт. — Однако войны редки в Мыслящих Королевствах. Каждый правитель гордится своим умом и образованностью. Разногласия обычно улаживают путем разумного обсуждения, иногда целыми командами весьма уважаемых логиков.

Симна указал на мешок и меч, которые он положил у ног.

— Все люди разные, как учит Гульюло. Там, откуда я пришел, мы много говорим, когда спорим, но обычно очень громко, неумно и односложными словами.

— Охотно верю. — Куберт повернулся к Эхомбе. — А у вас, мой рослый друг? Как улаживаются ссоры в вашей стране?

— Наумкибы слишком слабы и малочисленны, чтобы позволить себе наслаждаться роскошью междоусобий. Мы чересчур заняты борьбой за выживание, чтобы тратить время и силы на личные распри.

— Между тем, несмотря на заявления о миролюбии, у вас не одно, а целых три больших и необычных оружия, — подметил наблюдательный овцевод.

— Было решено как можно лучше снарядить меня в дорогу. Из тех, кого встречаешь в чужих землях, не всякое существо, и менее всего человек, готовы или желают сесть и мирно разрешить противоречия.

— Ага, верно сказано! Особенно те, которые хотят тебя сожрать. — Симна начал было подтягивать ноги на сиденье кресла, чтобы усесться на них, однако тут же передумал. Не то чтобы он был застенчив, но он не мыл ноги вот уже несколько дней, и его слегка смущала неожиданная чистота в комнате.

— И куда же вы направляетесь? — осведомился хозяин. — В какое из Мыслящих Королевств? — Огонь камина, отражаясь, прыгал в его зеленых глазах.

— Ни в одно из них, судя по тому, что вы нам рассказали. — Эхомба почувствовал, что его клонит в сон. После долгого дневного перехода гостеприимное тепло камина неодолимо проникало в усталые мышцы, а плюшевость дивана, на котором покоилось долговязое тело, прямо-таки опьяняла. — Мы должны пересечь Семордрию, а для этого, как выяснилось, нужно попасть в Хамакассар и найти там корабль.

— Хамакассар! — Впервые с момента их появления старичок удивился. — Так далеко! И все равно это только начало еще более далекого пути. Я поражен. Вы — великие путешественники!

— Вот уж точно. — Симна кивнул в сторону пастуха. — А мой друг — могущественный волшебник. Уверяет, будто делает все это ради того, чтобы помочь какой-то там даме, но я-то знаю, что на самом деле он ищет несметное сокровище. — Северянин с самодовольным видом скрестил на груди руки и в качестве компромисса пристроил ноги на маленький сервировочный столик.

Овцевод медленно покивал, переваривая эти сведения, и снова обернулся к Эхомбе:

— Правда ли то, что говорит ваш спутник? Вы могущественный волшебник?

— Не только не могущественный, — возразил южанин, — но к тому же и вообще не волшебник. Добрые жители моей деревни хорошо подготовили меня к путешествию, вот и все. — Этиоль неприязненно посмотрел на Симну, но тот будто бы и не заметил. — Некоторые люди если уж что возьмут в голову, то, как ни старайся, их не разубедишь.

— О, мне ли этого не знать! — прошептал Ламиди Куберт, попыхивая трубкой. — Да, человеческий ум трудно изменить. Вот я живу здесь сам по себе, и жители деревни Кайлэйс, где я покупаю то, что не могу сделать сам, частенько посмеиваются надо мной. Или на меня смотрят с подозрением и недоверием те немногие путники, которые забредают так далеко в горы. — Он добродушно усмехнулся. — Но после того, как они со мной познакомятся, их сомнения довольно быстро улетучиваются. Ведь даже самый боязливый человек вряд ли назовет меня устрашающей личностью. — Хозяин обвел свободной рукой комнату. — Как видите, у меня даже нет оружия.

Эхомба кивнул и поглядел на старика с интересом.

— Там, где я живу, водится множество хищников. Им очень нравятся овцы, да и крупный скот. Мы каждую минуту следим за стадом, чтобы какой-нибудь плотоядный зверь

не схватил ягненка или теленка. Поэтому нам необходимо оружие. А здесь нет хищников?

— Есть, конечно, — и волки, и пумы, и небольшие смилодоны*, а иногда залетает голодный грифон. Но Ройли, как правило, их не подпускает. А если хищники ведут себя слишком уж настойчиво, то ли от сильного голода, то ли по глупости, либо из простого упрямства, то мне обычно удается поднять такой шум, что они уходят.

— Та старая собака способна напугать грифона? — усомнился Симна. — А на вид не добредет и до вершины ближайшего хребта.

— Ройли, конечно, уже не такая проворная, но она по-прежнему громко лает и кусает. За двенадцать лет хищники не загрызли у меня ни одного ягненка.

— Вот те на... Внешность людей частенько бывает обманчивой. Похоже, у собак то же самое. — Северянин еще глубже вжался в услужливую спинку кресла. — А не найдется ли у вас чего-нибудь попить? Мы очень долго не подкрепляли свои силы ничем, кроме воды.

— Конечно, конечно! — Во второй раз Куберт выглядел удивленным. — Простите мои манеры... старею.

Прогремел гром, и уже не так далеко, как раньше. Определенно надвигалась гроза.

Из шкафчика со льдом престарелый хозяин извлек вино, а из сундука — маленькие металлические кубки. Симна был огорчен ограниченной вместительностью посуды, но успокоился, когда хозяин поставил бутыль на стол.

— Обязательно расскажите мне вот что. — Куберт уселся чуть левее камина. — Как выглядят овцы в вашей стране? Они такие же, как мои, или совершенно другие?

Издав сдавленный стон отчаяния, Симна налил себе второй кубок превосходного вина и постарался закрыть как уши, так и рот. Эхомба с живостью ответил на вопрос, и двое мужчин принялись обсуждать проблемы овцеводства, время от времени прерываясь, дабы осмыслить несхожие черты скота, от чего потребовалось подбросить в камин несколько поленьев. Несмотря на неутихающий грохот приближающегося ненастья, Алита глубоко погрузился в сон. Полностью вытянув свои ненормально длинные лапы вперед и назад, он почти касался ими противоположных стен домика. С помощью дополнитель-

* Смилодон — ископаемый саблезубый хищник, обитал на территории Северной и Южной Америки (*Smilodon Californicus, Smilodon Neogaenus*) вплоть до раннетретичного периода.

ных возлияний Симна ибн Синд тоже вскоре последовал за внушительным котом в царство дремоты.

Гостеприимство Куберта дошло до того, что он предложил гостю единственную кровать. Эхомба об этом и слышать не хотел.

— Кроме того, — сказал он старику, — я по собственному опыту знаю, что постели более цивилизованных людей для меня слишком мягки. Лучше я останусь здесь, с моими друзьями. — Он прилег на диван, где сидел. — На этой кушетке тоже слишком мягко. Уверяю вас, мне будет очень удобно тут, на полу, рядом с камином. — Он многозначительно посмотрел вверх. — Полагаю, что сегодня ночью добрая крыша прекрасно поспособствует сну.

— Думаю, вы правы, друг мой. — Ласково улыбнувшись, хозяин постучал трубкой о каменную облицовку, выбив остатки табака. — В сущности, последнее время тут было довольно сухо. Так что хороший дождь не помешал бы. — Контрапунктом его словам по долине раскатилось эхо громового удара. — Надеюсь, Этиоль, вы будете спать хорошо.

— Спасибо, Ламиди.

Когда старик удалился в комнату позади кухни, аккуратно прикрыв за собой дверь, Эхомба еще некоторое время пытался договориться с диваном о размещении своего длинного тела. Для этого пришлось немало повертеться, и все равно ноги свешивались с дальнего конца, однако окончательная поза, на которой они сошлись, не была неприемлемой, и Эхомба почувствовал, что сумеет уснуть. Большим подспорьем в этом был успокаивающий огонь, а басовое урчание черного кота являлось вполне сносным подобием убаюкивающего шелеста маленьких волн, которые закручивались и ритмично разбивались о берег около деревни...

Он проснулся от раскатов грома и вспышек молний, превращавших окружающий мир в застывшие черно-белые картинки. Цвет вернулся, только когда фиолетовая пелена спала с глаз, и Этиоль вновь стал видеть предметы в мерцании угасающего камина. Алита перевернулся на спину, вытянув все четыре лапы и свесив набок массивную голову, отчего стал похож на удовлетворенную избалованную кошечку. Эхомба знал, что это свойство всех представителей данного вида: каких бы размеров те ни достигали, они неизменно сохраняли свою неотъемлемую врожденную кошачесть.

Симна лежал, свернувшись в кресле и распространяя вокруг себя сильный запах перегара. Земля могла

бы разверзнуться под домом, и северянин не проснулся бы, пока не грохнулся на дно.

Второй раскат потряс комнату, сбив с пастуха остатки сна. Дождь барабанил по соломенной кровле и со звоном капал с крыши на твердую землю. От неудобного положения у Эхомбы затекло бедро. Поморщившись, он свесил ноги с дивана на пол и решил пойти размяться, а потом снова попробовать заснуть в другой позе.

В затухающем свете камина Эхомба шагал взад и вперед между диваном и кухней. Делая очередной поворот, он случайно посмотрел в окно как раз в тот момент, когда сверкнула далекая молния. То, что он увидел при ослепительной вспышке, заставило его остановиться.

Недоуменно хмурясь, пастух подошел к двери и отодвинул засов верхней половины. Холодный влажный ветер ударил ему в лицо, и дождь осыпал голую кожу. Эхомба сморгнул капли, вглядываясь во тьму. Где-то совсем близко опять полыхнуло, и его глаза наконец подтвердили то, что он видел сквозь окно чуть раньше. Никаких сомнений не оставалось.

Возбужденно тявкая и лая, носясь туда-сюда с неимоверной быстротой, подпрыгивая вверх выше любой антилопы, собака Ламиди Куберта пасла молнии.

IX

Эхомба стоял в проеме полуоткрытой двери, глядя на невероятное, и на его лице застыло изумление. Он не мог оторвать глаз от маленькой длинношерстной собачки, откусывающей молнию, прежде чем та ударит в землю, поворачивающей ее с громогласным лаем, носящейся взад и вперед, пока не загонит ее в расщелину между валунами, где уже находились несколько других. Молнии метались там, бешено вспыхивая, видимо, не в состоянии решить, ударить ли в землю или отскочить назад в облака, — подобно скотине в загоне, они ожидали указаний от стерегущей их овчарки.

Новая молния попыталась полоснуть по столбу садовой изгороди. Предвосхищая ее удар, собака мелькнула в воздухе с быстротой, за которой не мог уследить даже тренированный взгляд Эхомбы. Клацнув челюстями, овчарка

схватила нижний конец молнии, отчего та стала извиваться и хлестать по сторонам, бессильно жаля пустой кусок земли.

С высунутым языком, горящими и настороженными глазами, собака флегматично стояла неподалеку от сада, поджидая очередной удар с небес. Тут что-то заставило ее обернуться, и она увидела в дверях пораженного Эхомбу. Чихнув, овчарка по-собачьи тряхнула головой и кинулась к загону из валунов, громко лая на пойманные там молнии. С одновременным оглушительным треском затравленные молнии втянулись обратно во взбаламученные тучи, из которых возникли, чтобы больше уже не громыхать и не грозить.

Старая овчарка с удовлетворенным видом повернулась и вприпрыжку побежала к дому. Остановившись под выступом соломенной крыши, она энергично отряхнулась, разбрызгивая воду во все стороны. Ее шерсть распушилась, но только отчасти — чтобы высушить эти черно-белые космы, надо было отряхнуться не раз и не два. Высунув язык, овчарка внимательно смотрела на высокого незнакомца.

— Ну что, — сказала она, превосходно выговаривая слова, — ты собираешься меня впустить, чтобы я смогла обсохнуть, или намерен держать меня здесь, пока я не умру от холода?

— Мне бы не хотелось, чтобы ты умирала, — ответил Эхомба, делая шаг назад.

Овчарка обошла его и направилась прямо к камину. Увидев, что спящий Алита занял почти все пространство перед тлеющими угольями, она вздохнула и стала пристраиваться на крохотном свободном кусочке пола между огромным плечом кота и очагом. Там улеглась и закрыла глаза, являя собою картину совершенного собачьего довольства.

Эхомба закрыл дверь и запер на щеколду от ветра и дождя, а потом подошел к камину и присел напротив овчарки.

— Я видел, как собаки пасут овец, видел, как они пасут антилоп. Мне даже приходилось наблюдать, как собаки пасут верблюдов. Но никогда раньше я не видывал, чтобы они пасли молнии.

Прежде чем ответить, Ройли потерла лапой левый глаз.

— Ламиди всегда был хорошим человеком, добрым и заботливым. Но он стареет быстрее меня, и ему уже трудно играть так, как раньше. Когда мне становится скучно, то приходится самой искать развлечения. — Она кивнула в сторону двери. — Вот и пасу молнии, чтобы оставаться в форме.

— Думается мне, что собака, которая способна пасти молнии, одной лапой справится даже с очень большой старой овец.

— Хм-м! Молния — всего лишь быстрая; а овцы хитрые, и если захотят, то могут быть намеренно коварными. Ты сам пастух и должен это знать.

— Я больше занимаюсь крупным скотом. Там не так.

— Ты прав. Крупный скот вполне предсказуем.

— Раз уж мы с тобой беседуем, — поинтересовался Эхомба, — интересно узнать, как вышло, что ты умеешь говорить?

Ройли тряхнула головой и принялась вылизывать мокрые лапы.

— Многие животные умеют говорить. Просто они предпочитают не делать этого в присутствии людей, которые воображают, будто это их уникальное свойство. Вот и твой поразительный кошачий спутник тоже разговаривает. Хотя ему и не хочется. Для него это прямо-таки проклятие.

— Проклятие?

— Ну да. Единственно, чего ему хочется, это убивать, есть, спать, заниматься любовью да валяться на солнышке в укромном месте. Вот почему он столь краток. Не потому, что он грубиян; просто его раздражает способность, от которой он бы с удовольствием избавился.

— Ты очень быстро обо всем догадываешься.

— Я ни о чем не догадываюсь, Этиоль Эхомба. Я знаю.

— Даже говорящая собака не может знать всего.

— Правда. — Овчарка по-собачьи качнула длинной мордой. — Но я знаю очень многое. Больше, чем другие собаки. Видишь ли, я — колдунья.

— А, теперь понятно. — Эхомба серьезно кивнул. — Ты — женщина, которую с помощью злых чар превратили в собаку.

— Вовсе нет. Я родилась собакой, и всегда была собакой, и умру собакой. Я никогда не была, да и не хотела бы стать человеком. Некоторые собаки ничего иного в своей жизни не делают, как только предлагают дружбу. Другие трудятся. Я — пастушья собака. Но кроме этого, я колдунья, в бытность щенком обученная колдуньями. — Она повела головой в сторону двери, ведущей в спальню. — Уже много лет я живу с Ламиди. Это не так уж плохо. Он добрый и понимающий человек, который знает, кто я, и это его не беспокоит. Для собаки полезно, чтобы рядом был человек. Хорошо для души, да и должен ведь кто-то менять воду в миске.

— Ну что ж, колдунья Ройли, рад с тобой познакомиться.

— А я с тобой. — Ясные, умные глаза собаки встретились с его глазами. — Ты необычный человек, Этиоль Эхомба.

Долговязый южанин пожал плечами:

— Самый обычный пастух.

— Может, и пастух. А что обычный, то в этом я не уверена. Куда ты направляешься?

Он рассказал ей то, что уже раньше рассказывал другим, и когда закончил, овчарка неодобрительно прорычала:

— Все это звучит очень благородно и альтруистично.

— Вовсе нет, — запротестовал Эхомба. — Так поступил бы любой добродетельный человек.

— Не приписывай своим собратьям-людям больше достоинств, чем они заслуживают. Ты мне нравишься, Этиоль Эхомба. Я бы помогла тебе, будь это в моих силах, но я связана клятвой, соединяющей собаку и человека, оставаться здесь с моим Ламиди.

— Наверное, ты все равно сумеешь помочь. — Эхомба взвесил, стоит ли обращаться с просьбой. И, что существеннее, хочется ли ему, чтобы просьба была выполнена. В конце концов он решил, что знания удручающего характера все же лучше, нежели отсутствие знания. Любые дополнительные сведения полезны. Во всяком случае, так утверждал вождь наумкибов Асаб и другие уважаемые люди. — Можешь ли ты сказать, что ждет впереди меня и моих друзей? Нам мало что известно о землях, в которые мы идем.

Собака с шумом вздохнула:

— Откуда мне об этом знать?

— Я не сказал, что ты знаешь, — спокойно ответил пастух. По другую сторону от огромного кота Симна издавал во сне булькающие поросячьи звуки. — Я спросил, можешь ли ты это узнать.

Собака внимательно посмотрела в его красивое честное лицо.

— Ты интересный человек, Этиоль Эхомба. Думаю, что ты тоже мог бы пасти молнии.

Он улыбнулся:

— Даже если бы такое было возможно, а это не так, то много ли с молний настрижешь?

— Понятия не имею. Вдруг ими можно кормить машины...

Приняв решение, овчарка поднялась, вытянула перед собой передние лапы, распрямила задние, зевнула и жестом поманила Эхомбу за собой.

Она остановилась в уютном дальнем углу комнаты перед деревянным ящиком двух футов высотой со скошенной вперед крышкой. На крышке кто-то большим но-

жом вырезал пару скрещенных костей с собачьим сердцем над ними и отпечатком лапы внизу.

— Открой.

На мгновение Эхомба заколебался. Его мать и отец, тети и дяди, старики в деревне частенько рассказывали детям истории о колдунах и колдуньях, ведьмах и чародеях, которые могли превращаться в орлов или лягушек, в ориксов или огромных саблезубых кошек. Он рос, слушая сказки о некромантах, способных становиться похожими на деревья, чтобы незаметно подслушивать и подсматривать за людьми, и о таких, что умели оборачиваться барракудами и откусывали ноги беспечным сборщикам моллюсков. Еще ходили слухи об отшельниках, которые по ночам становились летучими мышами-кровопийцами, о женщинах, похожих на пугала и умевших превращаться в ветер. Про иных говорили, будто они могут сбрасывать с себя кожу, словно рубаху или набедренную повязку. А некоторые отращивали длинные клыки и когти, а их глаза, рассказывали, сверкали, как маленькие огненные луны.

Но ему никогда не приходилось слышать, чтобы среди самих животных жили колдуны, которые никогда раньше не были людьми. Он так и сказал овчарке.

— А ты думаешь, что только среди людей есть волшебники и провидцы? У животных существует собственная магия, которой мы очень редко делимся с вами. Большую ее часть вы просто не поймете, кое-что вам и магией-то не покажется. Вы все видите по-другому, слышите по-другому, для вас вещи имеют иной запах и вкус. Почему бы и нашему колдовству не быть другим? — Глаза цвета расплавленного янтаря уставились на пастуха. — Если тебе нужна моя помощь, Этиоль Эхомба, ты должен открыть ящик.

Он все еще колебался. Бросив взгляд назад, Эхомба увидел, что его товарищи по-прежнему спят. Из единственной спальни в домике не доносилось ни единого звука.

— А Куберт знает?

— Конечно, знает. — Она потерлась мордой о тыльную сторону его ладони, ткнувшись в руку влажным носом. — Невозможно жить вместе с колдуньей и не знать, кто она такая. Человек или собака, кошка или мышь — все мы одинаковы. Некоторые вещи нельзя скрывать вечно даже от тех, кого любишь.

— А сам он не обладает магической силой?

— Совершенно никакой, — заверила овчарка. — Но ко мне относится хорошо. У меня каждый день свежая

вода, и мне не нужно самой добывать себе пищу. — На какой-то миг в ее глазах вспыхнуло нечто несобачье. — Нам тут удобно вдвоем, и если бы появилась хорошая женщина или крепкий пес, никто из нас не возражал бы, чтобы другой обзавелся парой. Мы во многих отношениях дополняем друг друга. — Она снова повела своим черным носом. — Ящик.

Длинные сильные пальцы пастуха продолжали блуждать по крышке.

— А что там?

— Собачье колдовство.

Подняв крышку и прислонив ее к стене, Эхомба заглянул внутрь. Он не увидел ни хрустального шара, ни золотого камертона. Не было ни пузырьков со снадобьями, ни пронзенных иголками кукол. В коробе вообще было мало вещей, а те, что там лежали, могли задержать внимание раздраженного вора не более чем на секунду.

Несколько старых костей, с виду давно испортившихся и изрядно пожеванных; длинная полоска старой толстой кожи, тоже сильно искусанной; мячик из твердого каучука, с которого давно сошла вся краска; палка из какого-то хорошо отполированного желтого дерева, покрытая следами зубов; несколько кусочков ароматического корня — вот и все, что составляло содержимое ящика.

— Мои сокровища, — пробормотала Ройли. — Вынь их и разложи перед камином.

Эхомба смотрел, как собака-ведьма лапами передвигает все это в определенном порядке: кости туда, палку сюда, мячик на свое место, кожаный ремешок свернут, а корешки аккуратно все обрамляют. Подвигав предметы носом туда-сюда, собака закончила приготовления. Когда все было в порядке, она легла на живот, запрокинула назад голову и начала негромко рычать и повизгивать. Спящие Симна и Алита даже не пошевелились, но снаружи донеслось завывание волков, чей сон был потревожен. Эхомба ощутил в глубине души какое-то смутное беспокойство, некое примитивное и древнее чувство, которое отчетливо говорило о многовековой связи между собакой и человеком.

Повизгивание и подвывание Ройли варьировались каким-то таким образом, как Эхомба никогда раньше у собак не слышал. Это был не язык в том смысле, как он его понимал, а что-то более глубинное и в своем роде не менее сложное. Здесь содержалась мудрость, недоступная людям, сокровенные знания существ, передвигавшихся на четырех конечностях, а не на двух. Мудрость запахов, которых человеку

никогда не узнать, и небывалой остроты слуха. С таким опытом и такими чувствами доступны иные знания, и Ройли ими владела.

Внутри раскаленных недр камина что-то щелкнуло, отчего подпрыгнул мерцающий уголек. Описав над очагом полукруг, он упал посреди разложенных предметов. Тоненькая струйка дыма поднялась там, где он лежал. Дымок тут же превратился в облачко, которое заволокло ясные глаза овчарки, а затем и Эхомба оказался окутанным им.

Он всегда бегал быстро, но теперь, казалось, без всяких усилий летел над землей быстрее парящего орла. Мимо проносились деревья и валуны, кусты и цветы, цветы — на уровне плеч, а деревья — словно колоссальные невозможные башни, подпирающие небо. Каждое чувство обострилось до такой степени, о какой он раньше не имел представления, так что даже отдаленные запахи, звуки и образы грозили подавить способность мозга к восприятию.

Легкий, но отчетливый аромат заставил его свернуть влево. Запах мгновенно усилился, и в ту же секунду стайка куропаток выпорхнула из куста. Он рванулся за ними, однако скорее из инстинктивного желания поиграть, нежели убить, поскольку не был голоден. Приблизившись к маленькому ручью, он утолил слабую жажду и был поражен отчетливостью каждого глотка, пронзительным холодом воды в горле и разнообразными привкусами, различимыми в этой мягкой воде.

Отдаленный гул заставил его поднять от ручья морду, по которой стекала вода. Повернувшись в направлении звука, он навострил уши. Когда гул повторился, он со всех ног кинулся в ту сторону.

Его невероятно чувствительные ноздри наполнил новый запах, острый и сильный. Нечто подобное ему встречалось раньше. Но он так спешил за тем звуком, что не стал вспоминать.

Что-то темное, гибкое и мускулистое возникло из-за ближайшего куста. Ошеломленный этим внезапным появлением, он ощетинился и оскалился. Но тут же успокоился. Фигура, хотя выглядела крупнее и сильнее, была знакомой. Пораженные несообразностью положения, они оба долго смотрели друг на друга. Потом одновременно повернулись и, не обменявшись ни единым словом, побежали бок о бок по следу звука.

Оно появилось так внезапно, что ни один из них не сумел ни изменить направления, ни отступить. Неясно вырисовываясь за деревьями, оно надвигалось, словно закипевший вспененный поток. Лишенное запаха и отвратительное

с виду, оно затопляло деревья и сеяло смерть. Эхомба и его спутник повернулись и попытались бежать, но было слишком поздно — зловещая пустота поглотила их обоих. Обостренные чувства, обладателем которых он стал, исчезли: острое зрение, изощренный слух, тонкий вкус. Осталось лишь обоняние, но и его быстро захлестывала едкая, сухая, безжизненная вонь, которая забивала ноздри, сжимала горло и заливала легкие, грозя их разорвать...

Он снова находился в гостиной домика. Несколько язычков пламени все еще беспокойно поднимались из золы — единственное, что осталось от недавнего яркого огня. Симна ибн Синд полусидел в своем кресле в состоянии алкогольного оцепенения. Однако кот уже не лежал, вытянувшись от стены к стене, а свернулся в черный меховой клубок и, постанывая, дергался во сне.

— Это пройдет.

Посмотрев вниз, Эхомба увидел, как овчарка наблюдает за более крупным зверем. Она обернулась, и ее теплые карие глаза встретились с его глазами.

— Большой кот был в твоем сне. Так иногда случается. Сны похожи на дым. Если в сонном пространстве оказывается больше одного сна, то они иногда сливаются и снятся одновременно. К подобным сновидениям этот кот не привык, но когда он проснется, он, возможно, ничего и не вспомнит. — Колдунья внимательно поглядела на него. — Ты, однако, все помнишь.

— Да, помню, — признался пастух. — Хотя не понимаю.

— Ты просил меня показать, что тебя ждет. Я выполнила твою просьбу. Я была с тобой, а ты со мной. Наблюдая. Воспринимая, стараясь понять. — Встав и пройдя вперед, овчарка подняла лапу и положила ее на его голое бедро. — Ты обречен на непрестанные страдания, твои поиски закончатся неудачей, а остаток твоей жизни превратится в холодную пустоту. Если только ты сейчас же все это не прекратишь. Возвращайся домой, в свою деревню, к своей семье. Пока не поздно. Пока ты еще жив. — Лапа соскользнула с его ноги.

Эхомба, чувствуя спиной тепло камина, отвел взгляд и стал думать над словами собаки. Он вспомнил другую провидицу, которая ходила не на четырех ногах, а на двух. Другую женщину, но не собаку. Ройли и Раэль, которые сказали ему одни и те же слова...

— Я не могу повернуть назад. Во всяком случае, пока не выполню обещания, данного умирающему че-

ловеку. Я добровольно взял на себя это обязательство, и сколько бы прорицателей и пророков ни повторяли мне то же самое смертельное заклинание, я доведу дело до конца.

— Судя по тому, что я сейчас видела и чувствовала, его конец будет и твоим концом. — Этот приговор овчарка произнесла небрежно и безо всяких эмоций.

— Ну, мы еще посмотрим. Меня убедят события, а не предсказания.

— Я лишь сделала то, о чем ты меня попросил.

Эхомба едва заметно улыбнулся.

— Знаю, и спасибо тебе. — Он машинально протянул руку и погладил ее по голове. Если бы Эхомба немного подумал, он бы не стал этого делать. Впрочем, волноваться не стоило — овчарка пододвинулась поближе и прижалась мордой и всей головой к его руке.

— Есть вещи, — объяснила она, — которые не может заменить даже колдовство. Одна из них — ласковая рука.

— Понимаю. — Сидя у очага, он продолжал гладить собаку. — С тех пор как я покинул деревню, я сам много раз мечтал о таком.

— Ты хороший человек, Этиоль Эхомба. — Она прижалась головой к его мягкой ладони и засопела в отраженное тепло камина. — Мир становится беднее, когда умирает хороший человек.

— Или хорошая собака, — любезно добавил Эхомба.

— Или хорошая собака.

— Не беспокойся. У меня нет намерения умирать.

— Тогда не пренебрегай моими словами. Постарайся избежать смерти. Выстави меня лгуньей.

Он усмехнулся:

— Сделаю все, от меня зависящее. А теперь скажи, что находится к северу отсюда, за горами? Куберт говорил о множестве мелких королевств.

— Он все описал точно. — Овчарка повернула к нему голову, однако не отстранилась от его ладони. — Ламиди — человек ученый, но в северных поселениях и городах много таких, кто способен посрамить его эрудицию. Не все они добры и порядочны, — предупредила она пастуха. — Тебе, быть может, придется состязаться с ними. Я заглянула внутрь твоего мозга — чуть-чуть — и не знаю, получится ли у тебя...

— Справлюсь, — успокаивающе, хотя и не вполне уверенно проговорил Эхомба. — Учеба меня никогда не пугала.

— Это хорошо. А как насчет твоих спутников?

Эхомба посмотрел на спящих товарищей.

— Кот умнее, чем можно предполагать, однако предпочитает этого не показывать. Никто не ждет от большого кота ничего более ученого, чем громкое мяуканье. Что же касается Симны ибн Синда, то его смышленость такого рода, которой не найти в книгах или свитках, и является очень полезным дополнением моей неопытности.

Овчарка фыркнула:

— Не знаю, достаточно ли этого, чтобы безопасно миновать такие места, как Мелеспра или Фан. Если почувствуешь себя неуверенно, посмотри в ночное небо, левее луны. Там есть одна звезда, которая, возможно, сумеет благополучно провести тебя через периоды неопределенности.

— Что это за звезда?

— Собачья звезда, разумеется. Она всегда там, если понадобится — указывает путь серьезным путешественникам. Это все, что я могу для тебя сделать.

Эхомба благодарно кивнул:

— Более чем достаточно. — Поднимаясь, он зевнул. — Сон был столь же утомительным, сколь интересным. Думаю, мне следует немного отдохнуть, а не то завтра друзья будут без конца меня корить. Ты тоже, должно быть, устала.

Собака-колдунья вытянула сначала передние лапы, потом задние.

— Да. Колдовство всегда утомляет.

— Наверно, так же, как пасти молнии, — напомнил Эхомба, пытаясь пристроить свое долговязое тело на диване.

— Нет. Это была забава.

Утром Куберт приготовил им завтрак: яичницу с хлебом и бараниной, причем Алите была предложена целая ляжка, которую левгеп принял со сдержанной благодарностью. Когда Эхомба запротестовал по поводу таких излишеств, овцевод только улыбнулся:

— Еды у меня предостаточно. Наверно, что-то есть в этих горах — воздух, или вода, или корм, но мои овцы лучше всех других. Они жирнее, у них шерсть гуще, и ягнят дают больше.

— Везет вам, — проговорил Эхомба, косясь на собаку. Но Ройли никак не отреагировала, методично вгрызаясь в бедренную кость.

— Сначала вы попадете в Беброл, — говорил им Куберт. На другом конце стола Симна поглощал все,

что перед ним стояло. — Это самый южный город в герцогстве Тетсприах. Провинция маленькая, но гордая. К северу от Тетсприаха лежит Фан, место более космополитичное и зажиточное. Тетсприах вы одолеете, а вот в Фане и более крупных королевствах будет не так легко. Если не хотите застрять, то старайтесь держаться вместе.

— Мы всегда так и поступаем. — Северянин с трудом выговаривал слова, поскольку его рот был набит бараниной.

— Далеко ли от Фана до Хамакассара? — Эхомба ел аккуратно, но непрерывно.

Куберт откинулся на спинку стула и, держа вилку в руке, задумался, прикрыв верхней губой край бороды.

— Затрудняюсь ответить. Никогда не бывал так далеко на севере. — Он снова улыбнулся. — Более точные сведения вы сможете раздобыть в Фане. Еще чаю?

— Нет, благодарю. — Симна утер жирные губы тыльной стороной ладони. — Вчера вечером я испил из вашего кладезя щедрости уже достаточно жидкости. Теперь, чтобы впитать ее, мне надо наполнить желудок чем-нибудь твердым. — И он завершил свое признание, запихнув в рот большой кусок черного хлеба.

— По крайней мере позвольте мне пополнить ваши припасы. Я, впрочем, не знаю, что у вас имеется.

— Вы и так слишком добры к нам, — заверил хозяина Эхомба, не обращая внимания на подмигивание и отчаянные знаки, которые подавал Симна.

— Пожалуйста, позвольте мне помочь. Доставьте мне удовольствие. У меня избыток всего, а ваше путешествие преследует такую благородную цель. — Отодвинув стул, старик положил льняную салфетку на стол и встал. — К тому же вы, кажется, понравились Ройли, а я с годами привык доверять ее суждению. Даже странно, насколько собака иногда способна быть проницательнее человека.

— Более чем странно, — согласился Эхомба. Собака-колдунья, лежавшая на полу, подмигнула ему, но этого, как и было задумано, никто не заметил.

Путники покинули домик с мешками, полными вяленой баранины, и запасом свежей воды во флягах. Хотя Куберт и предложил дать еще мешок, Алита наотрез отказался тащить поклажу. Достаточно с него и того, прорычал кот, что он вынужден терпеть общество людей. Так еще и таскать, пусть даже временно, их обременительное снаряжение! Если нельзя никак по-другому, то хотя бы физически он останется свободным.

Куберт стоял на пороге дома и махал на прощание рукой, пока путешественники не скрылись из виду. Собака сидела возле его ног и несколько раз весело взвизгнула и пролаяла вслед друзьям.

— Милая собачка, — заметил Симна, поправляя на плечах тяжелый мешок. — Стареет, конечно, однако все еще хорошая помощница.

— Даже лучше, чем тебе кажется. — Взгляд Эхомбы, как всегда, был устремлен вперед; пастух внимательно всматривался в ландшафт, лежащий перед ним. — Она колдунья.

— Да ну? Клянусь Гьербохом, нипочем бы не догадался! — Северянин посмотрел назад, но домик уже исчез за круглыми валунами, кустами и пологим спуском, по которому они теперь спускались. — А откуда ты знаешь?

— Она сама мне сказала. И показала кое-что. Во сне.

Алита пристально поглядел на Эхомбу.

— Я так и подумал, что это ты был там со мной... — Огромный кот потряс головой, и его черная грива зашевелилась и вздыбилась. — Не очень хорошо помню. И что же ты, человек, делал в моем сне?

— Мне казалось, что это ты был в моем. Впрочем, не имеет значения.

— О чем, Гошка побери, вы там болтаете? — В вопросе Симны звучало замешательство.

— Ни о чем. Ни о чем реальном. — Эхомба перешагнул через ручей, изо всех сил стараясь не повредить крохотных цветов, которые боролись за существование на другом берегу. — Все прошло, как дым.

Северянин насмешливо фыркнул, как делал всегда, когда Эхомба и Алита говорили о чем-нибудь непонятном. Через некоторое время он воскликнул:

— Стало быть, ведьма, так? Я знавал сук, которые считали, что они ведьмы, но эта — первая, которая удовлетворяет обоим условиям.

— Она добрая и очень полезная. — Пастух не сказал другу, что Ройли подтвердила жестокое предсказание, которое впервые было сделано в далеком Кора-Кери.

— Мужчина и не вправе ожидать большего от суки, ведьма она или нет. — Весьма довольный своим мудрым изречением, Симна быстрее зашагал вперед. — Хорошо бы поскорее снова очутиться в цивилизованном обществе, где можно найти достойную еду и питье на каждом углу. И даже кое-какие развлечения. — Его глаза заблестели.

— Как ты сам рассказал Куберту, наши запасы значительно уменьшились. Следовало бы поберечь их на случай крайней необходимости.

Они еще какое-то время обсуждали проблему своих оскудевших ресурсов. Когда дело доходило до конкретики, кот принимал сторону Симны, с той лишь разницей, что, понимая и сочувствуя основным потребностям северянина, сам он не нуждался в каком-либо человеческом средстве обмена, поскольку брал все, в чем испытывал нужду, а остальное убивал.

X

Поскольку горы, которые образовывали южную границу Мыслящих Королевств, столь полого спускались со своих высот, перед путешественниками не предстала широкая, величавая панорама, как того можно было ожидать. Напротив, они наткнулись на первые выгоны и деревни Тетсприаха совершенно неожиданно и вполне буднично.

Опрятные живые изгороди и каменные заборы разделяли поля, которые вспахивались и удобрялись уже на протяжении сотен лет. Древние оросительные каналы доставляли воду к безукоризненно прямым бороздам. Здесь были поля пшеницы и ржи, огороды с овощами и ягодами, сады с фруктовыми деревьями, подстриженными, словно цветочные клумбы, виноградники такие чистые, что там можно было спать. На крепких деревьях в изобилии зрели орехи, а дыни лежали ровными рядами возле наполненных водой канавок, будто пупырышки на шкурке ящерицы. Стаи певчих птиц и попугаев наполняли кроны деревьев красками и звуками. Все птицы были ярчайших расцветок, но преобладали золотистые попугаи с изумрудными хохолками. Небольшая стайка этих переливчатых пичуг занималась воздушной акробатикой над головами путешественников, как будто приветствовала их на каком-то птичьем языке жестов.

Цветы украшали фасады даже самых маленьких домов, а проселочная дорога, не заросшая сорняками, вскоре сменилась прекрасной каменной мостовой. Путешественники миновали небольшие группки домов и ремесленных мастерских, которые стояли особняком от деревень, и только после этого достигли первых настоящих городков. Где бы путники ни проходили, их повсюду встречали удивленные взгля-

ды и перешептывание хорошо одетого населения, что по преимуществу объяснялось неспособностью даже наиболее надменной части жителей игнорировать присутствие огромного Алиты на своих чистеньких улицах. Хотя Эхомбе и Симне тоже перепала изрядная доля внимания благодаря их экзотической одежде и варварской внешности.

— Не люблю быть предметом всеобщего интереса. — Симна вышагивал с горделивым видом, не обращая внимания на хихиканье женщин и осуждающие взгляды мужчин. — Здесь нелегко будет прятаться... если придется.

— Боюсь, надо смириться с тем, что мы очень заметны. — Стершийся конец копья Эхомбы громко ударял по мостовой при каждом его шаге. — Это куда более изнеженная страна, нежели все те, через которые нам довелось проходить раньше. Я не возражаю против того, чтобы на нас свысока посматривали или считали нецивилизованными дикарями, лишь бы не мешали нам идти своей дорогой.

— Еда нам не нужна. Наш добрый друг овцевод об этом позаботился. — Северянин с надеждой всматривался в витрины магазинов и окна из настоящего стекла. — Но мне бы не помешало выпить чего-нибудь покрепче чая...

Эхомба покорно вздохнул:

— Вечно тебе необходимо чего-нибудь выпить.

Его друг пожал плечами:

— Что же делать, если у меня жидкая кровь?

— Похоже, ты сам жидковат. — С высоты своего роста пастух оглядел улицу, на которой они оказались. — Впрочем, таверна — неплохое место для получения сведений. А ими дружище Куберт снабдил нас скупо.

Наклонив конец копья, он указал на заведение подходящего вида. Под крышей над самым входом птицы свили гнезда: либо они привыкли к шуму и беспорядку, либо в этом месте посетители вели себя тихо.

Опрятно одетый хозяин метнулся к черному ходу, как только заметил, что́ к нему пожаловало. Однако когда он встретился глазами со взглядом Алиты, неприязненная гримаса исчезла с его лица и он как будто стал ниже на несколько дюймов. И хотя хозяин не приглашал гостей зайти, но и преграждать им путь не стал. Не желая, чтобы из-за их непривычного вида поднялась суматоха, Эхомба и его спутники заняли наиболее удаленную кабинку в таверне, тем самым избавив вспотевшего хозяина от серьезного затруднения, хотя и не вызвав у него прилива гостеприимства.

Золото членггуу из быстро убывающих запасов Симны оказалось таким же желанным в Тетсприахе, как и в любом другом месте, и напитки были поданы быстро, хоть и не слишком приветливо. Усталые путешественники пили и смотрели на входящих и выходящих посетителей, восхищаясь покроем их красивой одежды. В большом ходу здесь были шелк и атлас, несмотря на то что это был всего лишь скромный поселок, а не один из крупных городов Мыслящих Королевств. От горожан так и несло достатком и процветанием. И тем не менее под внешним налетом всеобщего благополучия Эхомба ощутил признаки недовольства, затаенного уныния, выступавшего на фоне довольства, как оспины на лице красивой девушки.

Задумавшись, он взялся за поставленную перед ним кружку. Ее содержимое было превосходно и согревало желудок. Симна уже заканчивал вторую.

— Ради Гойлен-госена, Этиоль, у тебя когда-нибудь исчезнет это хмурое выражение? — Северянин обвел рукой безукоризненную, чуть ли не изысканную таверну. — Здесь нет никакой опасности, никакой угрозы. Мы находимся не в какой-нибудь захолустной глуши среди сумасшедших лошадей и всепожирающих облаков. Неужели ты не можешь расслабиться?

— Я расслаблюсь, когда закончу это путешествие и окажусь дома среди семьи и друзей.

— Эх, какой же ты скучный, тоскливый спутник. Все равно что путешествовать с гробовщиком.

— Это нечестно, — возразил Эхомба. — Мне не меньше других нравится повеселиться. И я делал это не один раз в твоем присутствии.

— Ну да, ну да. Я ведь не говорю, что у тебя нет чувства юмора. Просто у тебя обычно такое настроение, что воздух вокруг пахнет кислятиной.

— Тогда отвернись и не нюхай! — Заметив, что все посетители смотрят на них, Эхомба понизил голос. — Дело в том, что, когда я не говорю, я всегда думаю.

Симна улыбался сидевшей в отдалении женщине, одетой в элегантное, ниспадающее свободными складками платье с тонкой кружевной отделкой. Она улыбнулась в ответ, но вдруг, как бы спохватившись, отвернулась с надменным выражением, успев, впрочем, еще раз исподтишка бросить взгляд в направлении северянина. Тот послал ей вторую ослепительную ухмылку.

— В этом-то и заключается твоя беда, Этиоль. Вот я когда не говорю, то и не думаю. Так жить куда легче.

Попробуй как-нибудь. — Он сделал изрядный глоток из своей кружки.

— Пробовал, — уныло ответил Эхомба. — Похоже, у меня ничего не получается.

Симна понимающе кивнул:

— В сущности, мы оба должны ему завидовать. — Он ткнул кружкой в сторону черного кота. Мускулистый хищник лежал, привалившись спиной к стене, и крепко спал. — Кошки не просто умеют расслабляться, но довели это до уровня искусства.

Внезапно смех и журчание разговоров, наполнявшие таверну, замерли. В переднюю дверь разом шагнули несколько человек. Хозяин, который был готов противостоять Эхомбе и его друзьям, не сделал даже попытки преградить им дорогу. Напротив, он поспешно отступил в сторону, поклонившись несколько раз с почтительным испугом. Остальные посетители, узнав пришедших, возобновили беседу неестественно тихими голосами.

Эти мужчины и женщины были одеты в просторные желто-белые униформы, фуражки с высокой тульей и желтые кожаные сапоги. При них были рапиры и кремневые пистолеты, назначение которых более светскому Симне пришлось разъяснять пораженному Эхомбе. Тот никогда раньше не встречался с огнестрельным оружием, хотя коробейники, порой забредавшие в страну наумкибов, рассказывали, будто видели такие штуки в южных городах Аскакос и Уолаб.

Предводителем вошедших был дюжий тип с торчащими в стороны усами и коротко остриженными рыжими волосами. Когда отряд вслед за ним ввалился в таверну, Эхомба с удивлением заметил, что среди одетых в униформу людей две немолодые женщины с мрачными лицами.

Пришедшие остановились около стола путешественников. Руки они как бы невзначай держали у рукоятей пистолетов и эфесов.

— Вы! — провозгласил вожак.

— Мы? — вопросительно осведомился Симна.

— Да. Вы арестованы и должны немедленно проследовать с нами.

— Арестованы? — Явно сбитый с толку Симна нахмурился. — Ради Гобулы, за что? Вы кто такие?

Такое признание вопиющего невежества вызвало приглушенный смех среди людей в форме. Их командир, однако, сурово их осадил. Он даже не улыбнулся.

— Вы, как видно, чужестранцы, поэтому неудивительно, что не знаете. Мы — Слуги Блюстителей Правильного Мышления, и вы арестованы за неподобающие раздумья.

— Неподобающие раздумья? — Лицо Эхомбы скривилось. — Что это?

— Раздумья, не соответствующие либо противоречащие тем, которые утверждены в качестве общего образа мыслей в Тетсприахе.

— Знаете, — пробормотал Эхомба, — поскольку мы только что прибыли в вашу страну, то не имели возможности узнать, что представляют собой утвержденные раздумья, а что нет.

— Ага, истинная правда, — поддержал Симна. — Как вы можете арестовывать нас за нарушение какого-то предписания, о котором мы и знать не знаем?

— Я всего лишь выполняю приказы. Мне велено доставить вас к приходскому священнику. — Пальцы командира передвинулись ближе к рапире, а стоявшие позади напряглись.

Симна сжал челюсти, и рука его стала подрагивать, но Эхомба движением ладони успокоил приятеля.

— Разумеется, мы пойдем с вами.

Северянин изумленно уставился на товарища:

— Пойдем?

— Нам не нужны неприятности. К тому же мне хотелось бы узнать, кто это читал наши мысли и каким образом.

— А мне не хотелось бы.

— Тогда оставайся. — Эхомба разбудил Алиту, чье непредвиденное и грозное появление мгновенно стерло самодовольные улыбки с лиц полицейских. Выслушав объяснения Эхомбы, огромный кот неторопливо вышел из-за стола. Полицейские попятились, но, повинуясь сигналу командира, оружия не обнажили.

— Я рад, что вы решили сотрудничать. — Офицер кивнул в сторону кота и благодарно улыбнулся. — Очень рад.

— Мы только что прибыли и не хотели бы причинять никаких беспокойств. — Эхомба направился к двери. — Давайте сходим к этому священнику и посмотрим, чего от нас хотят.

Симна немного помешкал, вполголоса прорычал что-то непристойное, потом подхватил свою котомку и поплелся рядом с другом.

— Тебе лучше знать, что ты делаешь, — шепотом проговорил он, когда полиция выводила их на улицу. — Но мне тюрьмы не нравятся.

Пастух едва взглянул на своего спутника. Его гораздо больше интересовало то, что их окружает, и люди, которые на них глазели, нежели жалобы северянина. Граждане, населявшие герцогство, сплошь являлись людьми; никаких других человекообразных не было видно. Ни умных обезьян, ни орангутангов, ни шимпанзе или бонобосов. С его точки зрения, это значительно обедняло город, производящий прекрасное впечатление во всех других отношениях.

С важным видом вышагивая впереди, полицейский офицер вел их по улицам мимо магазинов и ресторанов, жилых домов и мастерских, пока, пройдя через тщательно вымощенную площадь, не остановился перед высокой деревянной дверью большого каменного здания. Его украшали искусно сделанные скульптуры мужчин и женщин, державших всякого рода предметы с выгравированными письменами. Тут были таблицы и свитки, каменные плиты и толстые переплетенные книги. Торжественный вид статуй подразумевал древнюю мудрость и сосредоточение многовековых знаний.

Помимо этого, различные ученые изображения украшали здание в виде фестонов: химические аппараты и механизмы, чье назначение было Эхомбе неведомо, математические знаки и символы, человеческие фигурки, возводящие мосты, башни и иные сооружения — словом, все указывало на уважение к знаниям и эрудиции. Местным певчим птицам и попугаям такое обилие скульптур предоставляло поистине райские возможности для устройства гнезд.

Симна был явно озадачен.

— В такой тюрьме мне бывать не доводилось.

— У тебя в этой области особо серьезные познания? — сухо осведомился Эхомба.

— Ага, именно! — весело отозвался северянин. — Одна из граней моего обширного жизненного опыта.

Пастух усмехнулся, и тут дверь широко распахнул псаломщик в простой белой накидке, расшитой математическими символами.

— Хотя до этого путешествия я мало времени проводил в городах, но совершенно уверен, что полицию посылают сопровождать людей не куда-нибудь, а именно в тюрьму.

Помещение, однако, вовсе не было похоже на кутузку. По мере того как они туда проходили, Симна продолжал давать добровольные комментарии относительно их местопребывания.

Тут не было ни камер, ни решеток, ни закованных в цепи узников. Внутреннее убранство дома являлось точ-

ным духовным и эстетическим отражением фасада; неохраняемые монахи трудились за письменными и лабораторными столами, погрузившись в книги либо оживленно дискутируя на ту или иную научную тему.

Путешественников провели в просторную комнату, больше похожую на уютную гостиную, нежели на место для допросов, и пригласили сесть напротив пустого резного стола. В комнату вошла троица монахов — двое мужчин и женщина. Все они были среднего возраста и имели очень серьезный вид.

Как только монахи расселись по своим местам, полицейский офицер шагнул вперед и отдал им честь, приложив ладонь ко лбу, а затем размашисто отдернув ее вниз:

— Вот те, за кем вы нас посылали, Высокий Книжник.

Симна наклонился и прошептал другу:

— Попробую-ка я угадать. Это те самые праведные, высокие и могущественные Блюстители Правильного Мышления. Если хочешь знать мое мнение, выглядят они странновато. Впрочем, мне нравится золотая вышивка на их мантиях.

— Тебе вообще нравится все золотое, — сказал Эхомба.

Северянин взвесил слова друга.

— Не всегда. В детстве у меня была тетушка с полным ртом золотых зубов. Когда она наклонялась, чтобы меня поцеловать, я каждый раз плакал — боялся, что она меня съест.

— Держи себя в руках, — предупредил Симну пастух, — и нам, возможно, удастся уйти без всяких осложнений, если их удовлетворит причина нашего посещения этой страны.

Позади него и несколько справа на задних лапах сидел Алита и занимался тем, что тщательно умывал морду, демонстративно не обращая внимания на то, что затевают люди, будь то друзья или незнакомцы.

— Добро пожаловать в Тетсприах. — Мужчина, сидевший посередине, сложил на столе руки и улыбнулся путешественникам. Выражение его лица, насколько Эхомба мог судить, было искренним.

— Странный у вас способ приветствовать чужестранцев, — отозвался Симна не особенно вежливо. Эхомба ткнул его локтем под ребра.

Женщина сразу же всполошилась:

— Вы были ранены по пути сюда? Вам больно? Или вы претерпели какие-либо притеснения по пути с гор Анисвоар?

— Нам не причинили вреда. — Эхомба посмотрел на нее с любопытством. — Откуда вы знаете, что мы при-

шли с этих гор? Ведь мы могли прибыть в вашу землю и с востока, и с запада.

Симна с сарказмом заметил:

— А я знаю откуда, длинный братец. Птичка на хвосте принесла.

Круглолицый монах с блестящими глазками, сидевший слева, выпрямился на стуле.

— Совершенно верно. — Понизив голос, он пробормотал своим коллегам: — Они разговаривали с гражданами?

— Нет, — возразил мужчина в середине. — Думаю, он просто восприимчивый.

— Странно. — Женщина пристально рассматривала Симну. — Он не похож на восприимчивого.

Эхомба поспешил увести разговор от своего товарища.

— Нам сказали, что мы доставлены сюда, потому что наши мысли не соответствуют образу мыслей, который вы утвердили в вашей стране. Я никогда ничего подобного не слышал. Как можно издать декрет о том, что людям разрешено думать?

— Не «что», — поправила женщина. — «Как». Нас волнует образ мыслей народа. А то, о чем они думают, — не наше дело.

— Совершенно не наше, — добавил монах на дальнем конце стола. — Мы решительные противники вторжения в личную жизнь.

Эхомба тем не менее сомневался.

— А указывать людям, как им думать, не является вторжением?

— Ни в коем случае. — Сияющий монах в центре разжал ладони и положил их на стол. Золотые символы на его мантии запрыгали и замерцали в приглушенном свете, наполнявшем помещение. — Таков путь к преуспевающему и процветающему обществу. Ведь вы не станете оспаривать, что все виденное вами в Тетсприахе говорит о процветании, что люди столь же здоровы и привлекательны, как и их жилища?

— Пожалуй, — признал пастух. Эти люди не только позволили им с Симной во время допроса не отдавать оружие, но и разрешили коту сопровождать их во внутреннее святилище. Значит, они совершенно уверены. Вот только в чем? Вооруженные служители, сопровождавшие сюда друзей, остались снаружи. Ни у одного из монахов не было даже кинжала. Каким образом они могли защититься, если, к примеру, Симна выйдет из себя и бросится на них с обнаженным мечом? Они сидели за столом с таким видом, словно их не беспокоила опасность, которую могут представлять собой вооруженные иноземцы. На

Эхомбу все это производило сильное впечатление. Это и тревожило его, и вызывало у него острое любопытство.

— Ладно, — вздохнул северянин. — Скажите, что мы должны сделать, чтобы выбраться отсюда? Если это штраф, то мы постараемся наскрести денег и заплатить.

— О нет. Штраф характерен для примитивных насильственных режимов. — Женщина снова улыбнулась ему. — Это все равно что приставить вам нож к горлу посреди улицы. Нам никогда такое в голову не пришло бы.

— Ни в коем случае, — подтвердил средний монах. — Мы не являемся карательным органом, наказывающим физически либо финансово.

Симна почувствовал некоторое облегчение.

— Приятно слышать.

— Тогда чего вы от нас хотите? — В отличие от своего друга Эхомба не успокоился. — Зачем нас сюда привели?

— Как зачем? Разумеется, чтобы вам помочь! — Все трое заулыбались еще лучезарнее, чем раньше.

Услышав такое заявление, северянин утратил самообладание.

— Что вы имеете в виду — «помочь»?

Монах слева взглянул на него с бесконечным сочувствием.

— Конечно же, мыслить надлежащим образом.

Симне ибн Синду эти слова не понравились. В высшей степени не понравились.

— Благодарю, но я думаю самостоятельно вот уже почти тридцать один год, и этот процесс вполне устраивает меня в том виде, как он протекает. Живу своим умом, так сказать.

— О, не беда, — заверил его монах. — Подобной точки зрения придерживается большинство неверно мыслящих, но это легко исправимо. Не беспокойтесь: мы займемся этим в ваших же интересах.

— Клянусь Гамбралой, мне что, по слогам вам повторить? Я не желаю, чтобы «этим» занимались!

Эхомба успокаивающе положил ладонь на плечо другу. Но распалившийся Симна сбросил руку, хотя из уважения к товарищу не выпалил тех слов, которые вертелись у него на языке.

— Почему вас заботит то, как мы думаем? — Пастух обратился к заседателям совершенно спокойным голосом, и тон его выражал почтение и неподдельный интерес. — Мы прибыли из других земель и всего лишь идем через вашу страну. Если повезет, то уже через несколько дней мы пересечем границы Тетсприаха. Тогда наш образ мыслей больше не будет вас касаться.

Женщина медленно покачала головой.

— Если бы мы позволили такому случиться, то уклонились бы от исполнения своего долга в отношении нашего собрата. На всех нас тогда следовало бы наложить епитимью.

— Вы с каждым гостем так обращаетесь? Не думаю, что у вас завязались добрые торговые отношения с соседями. — Симна несколько успокоился.

— Некоторые из наших соседей склонны прислушиваться к убеждениям, — сообщил монах слева. — С другими у нас заключены договоры, которые, к сожалению, запрещают нам подвергать их искуплениям, предусмотренным за незаконное мышление. Однако с вами такого договора нет.

— И потому, — добавил монах, сидящий в центре стола, — у нас имеется чудесная возможность распространить правильное мышление в таких странах, названия которых нам даже неизвестны! Когда вы вернетесь в родные места, то станете апостолами тетсприахского образа жизни.

— У меня для вас новость, — огрызнулся Симна. — Я апостол только одного образа жизни: образа жизни Симны ибн Синда. Я весьма им доволен, однако не бегаю туда-сюда, норовя навязать его еще кому-нибудь, как не стану никого заставлять есть мои любимые блюда.

— С этим мы сумеем справиться. — Человек на дальнем конце стола широко улыбнулся, но за улыбкой таилась скрытая угроза.

— Никто ни о чем подобном не предупреждал нас, когда мы входили в вашу страну, — проговорил Эхомба. — В противном случае мы обошли бы Тетсприах стороной.

— Овцевод должен был сказать вам. — Женщина с грустью покачала головой. — Какое небрежное отношение к прекрасному уму. Большая часть его раздумий неправильны.

Когда Эхомба познакомился с Ламиди Кубертом, он был не в состоянии понять, почему такой общительный и приятный человек выбрал уединенную жизнь высоко в горах. Теперь он понял. Наверное, Ройли и помогла ему бежать. Но у обычных граждан Тетсприаха нет собак-колдуний. Богатые и благополучные, они находились в западне. Или, поправился пастух, тела их свободны и лишь умы опутаны сетями.

— Не знаю, что вы называете правильным и неправильным мышлением, — сказал монахам Эхомба. — Знаю только, что мой друг Симна думает так, как он думает, а я думаю так, как думаю я, а Алита думает по-своему — и мы намерены продолжать так думать.

— Большой кот нас не интересует, — сообщила женщина. — Звери повинуются инстинкту, а не разуму.

Алита на мгновение прервал умывание, а затем снова принялся вылизывать и оглаживать себя. Видимо, его вполне устраивало то, что прения ведет Эхомба.

— Но тебя и твоего друга мы наставим на путь истинный. И благодаря этому вы станете счастливее.

— Я и так вполне счастлив, — злобно отозвался Симна. — И заставлю поплясать любого, кто захочет это опровергнуть! — Его пальцы сжались на рукояти меча.

Несмотря на явно угрожающий жест, никто из троих монахов за столом не выказал никакого страха. Насколько Эхомба мог заметить, они даже не напряглись. Как им удавалось сохранять полнейшее хладнокровие перед лицом открытой угрозы со стороны явно взволнованного, невоздержанного Симны?

Их слова были бескомпромиссны, но Эхомба все еще надеялся избежать столкновения. Поэтому он снова попробовал отвлечь внимание монахов от драчливого северянина:

— А откуда вы узнали, как мы мыслим? Кто-то ведь должен был вам об этом рассказать, иначе вы не послали бы своих служителей в ту таверну.

— Твоему другу все уже известно. — Монах в центре слегка откинулся на стуле и неодобрительно улыбнулся. — Нам рассказала птичка.

Обернувшись к двери, он дважды щелкнул пальцами. Симна напружинился, ожидая появления вооруженных служителей. Однако вошел юный прислужник в белом балахоне. На его одежде были вышиты всего два золотых символа. Он нес проволочную клетку с двумя золотистыми попугаями, которые наперебой щебетали и чирикали. Эхомба вспомнил, что видел похожих попугаев среди стаек певчих птиц при входе в Тетсприах. Их также было множество под крышей таверны и стрехами домов и среди каменных скульптур, украшавших это здание.

Самые заурядные пичуги, может, с более ярким оперением, чем у других птиц. Ни больше ни меньше.

Поставив клетку на стол, прислужник почтительно поклонился своим начальникам и, пятясь назад, вышел тем же путем, что и явился. Когда он проходил в дверь, Эхомба заметил, что по крайней мере часть вооруженных служителей осталась ждать в прихожей рядом с комнатой. Видно, уверенность монахов, хоть и впечатляющая, полной все-таки не была.

Средний монах нежно положил ладонь на верх клетки.

— Это спрайзианские попугайчики. Они очень хорошие подражатели. Большинство попугаев и других птиц родственных с ними семейств способны, слыша человеческую речь, повторять ее. А эти попугайчики могут то же самое проделывать в отношении мыслей.

— Так вот, значит, как вы шпионите за своими людьми! — Симна сжал губы. — Мы видели этих проклятых маленьких засранцев повсюду. Разве можно сохранить мысли при себе, если такая птичка сидит на каждом подоконнике, на каждой ветке, на заборе у каждого дома, впитывая, словно губка, о чем и как люди думают? А вы, конечно же, натренировали их, как голубей, чтобы, набравшись чужих мыслей, они возвращались сюда, где вы выдаиваете из них личную жизнь других.

— Ты выражаешься так, будто это насильственное вмешательство, — недовольно проговорила женщина. — Никому не наносится вреда, никто не обращает на попугайчиков внимания, а мир и процветание господствуют во всей стране. — Сунув руку в карман мантии, она что-то оттуда достала и просунула между прутьями клетки. Жизнерадостная пернатая парочка мгновенно слетела с жердочки и начала с жадностью клевать предложенное лакомство. — Кроме того, это красивые и игривые птахи.

— Не заметил, чтобы кто-нибудь с ними играл, — отозвался Симна. — К тому же я нутром чую, что их не очень-то охотно держат в домах.

— Не стоит осуждать птиц, — укорил Эхомба друга. — Они не виноваты в том, что их так используют. Сомневаюсь, что они вообще понимают, во что их втянули. — Пастух смотрел, как попугайчики острыми клювами разгрызают и выплевывают шелуху крохотных семян. — Как нам объяснили книжники, они лишь подражают. Слушают и повторяют, но не понимают.

— Лучших шпионов и не найти, — нахмурился Симна. Он был в полной ярости от этого вторжения в самые сокровенные тайники его души, но из уважения к другу не вытащил меча из ножен.

— Значит, из того, что вам стало известно от каких-то птиц, вы решили, что наш образ мыслей плох и вы имеете право его изменить. Даже если нас вполне устраивает, как мы думаем. — Пастух посмотрел в глаза по очереди всем книжникам.

— Вы будете благодарить нас, когда все закончится. — Женщина снова просияла. — Ты, — объявила она, обращаясь к тихо закипающему Симне, — станешь гораздо

более приятным и менее воинственным человеком, и у тебя появится склонность к глубоким раздумьям.

— Клянусь Гузпулом, не стоит на это рассчитывать. — Пальцы северянина вцепились в рукоять меча.

— А ты, — продолжала она, слегка повернув голову в сторону Эхомбы, — станешь учителем, который посвятит свою жизнь распространению правильного образа мыслей среди нецивилизованных народов.

— Похоже, замечательная профессия, — ответил Эхомба. — К сожалению, одна у меня уже есть. Необходимо пасти скот, да и выполнять разную работу на ферме. У меня нет времени для проповедничества. Вам придется поискать кого-нибудь другого.

— Ты первый человек из вашего народа, посетивший Тетсприах. — Монах, сидевший на другом конце стола, говорил очень убедительно. — Поэтому ты должен стать тем, кто понесет наше учение в свою землю. Это великая честь.

— Да, — подтвердил книжник в середине. — К тому же у тебя нет выбора. Не трать время и силы на препирательства, поскольку решение уже принято за тебя. — Он ободряюще улыбнулся. — Такова работа книжников — делать за других правильный выбор. Мы предотвращаем множество неприятностей.

— Зачем же вы причиняете их мне? — Симна ибн Синд уже достаточно всего наслушался. Чтобы Эхомба не попытался остановить его, северянин дерзко шагнул вперед и обнажил клинок. Уловив его мысли, попугайчики перестали есть и забились в дальний угол клетки. Они сидели, прижавшись друг к другу, и их блестящие перышки слегка вздрагивали от того, что птички были вынуждены слушать и впитывать весь поток несдерживаемой агрессии из ума северянина.

От выходки Симны у книжников с лиц все-таки сошли их, казалось, неувядающие улыбки. Однако никто не вскочил со стула и не попробовал убежать. Никто даже не издал предупреждающего крика, вызывая служителей, стоявших за дверью.

Вместо этого монах, располагавшийся в центре, проворно нагнулся под стол и извлек оттуда престранного вида приспособление. Оно было размером с человеческую руку, имело рукоять и длинный трубчатый корпус, рифленый на конце и расширявшийся, как цветок. Один палец монах держал на маленьком металлическом крючке, укрепленном на нижней части аппарата. К верхней же его части была приделана маленькая бутылочка или флакон. Она была изготовлена из матового материала, и Эхомба не смог рассмотреть, что содержится внутри.

Прижав деревянную рукоять к плечу, книжник направил похожий на цветок конец устройства прямо на Симну. Держа обнаженный клинок острием вниз, северянин прищурился, заглядывая прямо в ствол хитроумной штуковины. Не представляя себе механизма ее действия, он не знал, как избежать опасности, о которой, похоже, предупреждала поза противника.

— Симна, — предостерегающе сказал пастух своему товарищу, — довольно! Стой где стоишь!

Монах на другом конце стола угрюмо проговорил:

— Не имеет значения. Нападай или отступай, конец будет один. — Улыбка вернулась на его лицо, правда, уже не столь лучезарная. — И ты подходишь для этого лучше всего.

— Лучше для чего? — Симна с яростью взглянул на монаха, явно сбитый с толку непоколебимым хладнокровием троицы, сидящей за столом. — Лучше всего я подхожу для *этого!*

Подняв сверкающий клинок над головой, он сделал еще один шаг вперед. Эхомба выкрикнул предупреждение, а Алита припал к полу, мгновенно подобравшись.

Монах, нацеливший устройство, без колебаний нажал на крючок и выстрелил.

XI

Кот угрожающе зарычал, Эхомба инстинктивно отпрянул назад. Что же касается Симны, то он быстро наклонился, однако затем снова выпрямился. С виду он остался совершенно невредим.

Облако порошка, вырвавшееся из ствола замысловатого устройства, поначалу было розовым с малиновым оттенком. Оно на кратчайший миг окутало северянина и потом растворилось в воздухе комнаты. Симна чихнул раз, другой... и громко рассмеялся.

— Неплохой запах. Тонкий, не слишком сильный. Напомнил мне о некоей девушке, с которой я прекрасно провел время в одном городке на западной оконечности Абрангианских степей.

— Прекрасно. — Монах опустил аппарат, но не отложил его в сторону. — Рад, что это навеяло на тебя приятные воспоминания.

— Чрезвычайно приятные. — Симна по-волчьи ухмыльнулся книжнику. — Приятнее, чем вы можете себе вообразить.

— Охотно верю. Ты, очевидно, человек бурных страстей. Что до меня — и я не стыжусь в том признаться, — то мои потребности куда скромнее. В этом отношении я тебе завидую, хотя должен сказать, что моя зависть не может трактоваться как восхищение. — Он указал на занесенное оружие северянина. Двое его коллег внимательно за всем наблюдали. — А позволь осведомиться, что ты собирался делать с этим внушительного вида куском стали?

Симна взглянул на меч в своей руке:

— С этим? Ну, я собирался... собирался... — Северянин тупо взирал на оружие, словно когда-то знал его назначение, да вдруг позабыл, подобно человеку, который обнаружил в старом шкафу давно затерявшийся предмет одежды и не в состоянии вспомнить, как его носят. Он медленно опустил клинок. Убирая меч в ножны, Симна снова взглянул на троицу инквизиторов и проговорил: — Вот! По-моему, вот что я собирался с ним сделать. — Выражение его лица было точно таким, как у некоторых скульптур, украшавших фасад здания, — мечтательное, но не бессмысленное. — Надеюсь, мы не причиняем таким добрым людям, как вы, никаких хлопот?

— Отнюдь, — заверила женщина, — ровным счетом никаких хлопот. Приятно видеть, как правильно ты мыслишь. Стало лучше, не правда ли?

— Безусловно...

Однако в то время, как Симна говорил, его губы, казалось, боролись с нижней частью лица. Мелкие вены бились на лбу и шее, а на лице выступил пот, хотя в затененном помещении было довольно прохладно. Все в его лице и позе указывало на то, что человек пытается превозмочь себя — и не может. Правая рука сильно затряслась, когда Симна попробовал взяться за рукоять теперь уже убранного в ножны меча. Пальцы судорожно тянулись к оружию и промахивались, тянулись и промахивались, словно их хозяин страдал каким-то недугом.

Удручающе выглядела и попытка Симны приблизиться к столу. Одна его нога работала достаточно хорошо, зато другая двигаться явно не желала, будто прибитая к полу железными гвоздями. Ухмылка, застывшая на лице северянина, указывала на внутренний — как душевный, так и физический — конфликт.

— Лучше, — кратко закончил монах в центре стола, поднимая свое устройство и направляя его в сторону Эхомбы. — Как может подтвердить твой друг, это ничуть не больно. Всего несколько еженедельных процедур, и твое мышление будет в полном порядке.

— Именно, — согласился мужчина слева от него. — И тогда ты сможешь свободно выбирать, возвращаться ли тебе на родину, остаться ли здесь, в прекрасном Тетсприахе, или же продолжить свое путешествие. Что бы ты ни решил, решение примет современный, правильно мыслящий человек, не обремененный раздражающим эмоциональным и интеллектуальным багажом, который так уродует большую часть человечества.

— Мне нравится мой интеллектуальный багаж, — отозвался Эхомба. — Это то, что делает меня индивидом.

— Как, к несчастью, и присущая человеку тяга к убийствам и дракам. — Женщина одарила Эхомбу ангельской улыбкой. — Однако они не способствуют совершенствованию личности.

Эхомба попытался отклониться, но увернуться от облачка было гораздо труднее, чем от брошенного копья. Когда бледная пыль окутала его, он задержал дыхание, однако понял, что порошок не обязательно вдыхать, чтобы подвергнуться его воздействию. Тонкий аромат являлся всего лишь дополнительным свойством вещества, а отнюдь не показателем его эффективности. Порошок проникал через глаза, губы, кожу рук, щиколоток, шеи и добирался до самого мозга костей.

Хотя Эхомба твердо стоял на ногах, он ощутил, что его мозг начал зыбиться и куда-то поплыл. Перед ним, похожее на подушку, возникло розоватое облако, маня к себе нежными щупальцами и заслоняя троих книжников. Пастух понимал, что они продолжают внимательно наблюдать за ним. Если только он позволит себе расслабиться и отдаться в объятия тумана, огромное множество внутренних мучений и сомнений, преследовавших его на протяжении всей жизни, исчезнут, рассосавшись столь же безболезненно и быстро, как уксус залечивает укус скорпиона.

Эхомба стал сопротивляться. Он вызвал в памяти ярчайшие образы Мираньи и детей, подробные до мельчайшей детали. Он вспомнил время, когда рыбачил в ручье, который в деревне использовался как источник пресной воды, и наступил на колючего моллюска. Воспоминание о той боли ослабило действие назойливой пыли, но лишь на краткий миг. Он припомнил особенности споров, что вел со старейшинами деревни, и собственные ссоры с женой, и день, когда они отмечали восьмидесятилетие его матери и пошел проливной дождь. Он восстановил в памяти день за днем все свое путешествие до прихода сюда, каждую мелочь, каждое ощущение...

Он сделал все, что только мог придумать, дабы сохранить собственные мысли — даже если они были «неправильными».

— Сопротивляется. — Сквозь дымку и дурман, которые грозили захлестнуть его, Эхомба расслышал голос женщины. Он по-прежнему звучал уверенно, но не так уверенно, как раньше.

— Его каналы мышления глубже и лучше защищены, нежели у его спутника. — Это был голос монаха, сидевшего на дальнем конце стола. — Дайте ему еще одну порцию.

— Так скоро? — проговорил старший монах.

— Мы не можем потерять его из-за нерешительности. — Тон второго мужчины был добрым, но твердым. — Ничего, не повредит. В худшем случае это будет стоить ему нескольких старых воспоминаний. Не очень большая цена за то, чтобы всю оставшуюся жизнь мыслить правильно.

Оцепенев в тумане правильного мышления, Эхомба разобрал, что они ему готовят, и пришел в ужас. Каких воспоминаний он может лишиться, если подвергнется повторному воздействию исправительного порошка? Забудет любимые сказки, которые ему рассказывал дядя Уланха? Или как купался с друзьями в чистом пруду у подножия маленького водопада в холмах позади деревни?

Или его потери окажутся более свежими? Количество скота, принадлежавшего ему в общественном стаде? Умение лечить рану на ноге, накладывать шину на сломанную кость? Чудесные философские беседы, которые они вели с Гомо, старым вождем обезьяньего племени?

А что, если он позабудет собственное имя? Или кто он такой? Или кем он был?

Позади Эхомбы Алита наконец очнулся от своей дремоты. Пастух слышал, как большой кот зарычал, однако мягко и неуверенно. Видя, что его друзья стоят перед тремя невооруженными людьми за столом несвязанные и не подвергаются какому-либо иному принуждению, кот даже не был уверен, что с ними что-то неладно. Когда же он поймет, насколько все не так хорошо, как кажется, помогать будет поздно. А шквал мыслеисправляющего порошка из большеротого аппарата может и вовсе лишить его кошачьи мозги способности разумно мыслить.

Эхомба обязан противостоять воздействию — ради своих друзей и ради самого себя. Он знал, как бороться с враждебной тьмой, но розовый порошок со сладким запахом оказался куда коварнее. Он нес не смерть или увечья, а лишь иной образ мыслей. Однако пастух знал, что то, как человек думает, определяет, кем и чем он является. Стоит это изменить — и навсегда изменится личность, стоящая за мыслями.

Пастух отчаянно старался сохранить стойкие, неизменные образы перед своим мысленным взором. Лег-

кий, сладковатый, назойливый аромат порошка заполнил его ноздри, легкие, всю его сущность.

Нет! — вскричал он про себя. — *Я Этиоль Эхомба, и я думаю так, а не этак. Оставьте мой разум в покое и отпустите меня и моих друзей!*

— Определенно необходима вторая доза. — На лице женщины отражались убежденность и сострадание. — Встань на путь правильного мышления, путешественник! Расслабься, не противься. Клянусь, это сделает тебя более счастливым и добрым человеком.

— Может, более добрым и счастливым. — Эхомбе казалось, что его голос звучит издалека. — Но я уже не буду тем же человеком.

Старший монах с сожалением вздохнул:

— Не хочется мне это делать. Терпеть не могу, когда кто-то лишается воспоминаний, пусть даже самых незначительных.

— Во имя его собственного блага, — заметил книжник слева. — И блага всего общества.

— Знаю. — Быстро осмотрев маленький флакон, прикрепленный к устройству, монах поднял металлическую трубу и во второй раз нацелил ее на Эхомбу.

Пастуха охватил ужас. Розовая дымка больше не застилала его мысли, но и не отступала. Она висела перед ним, словно береговой туман, ожидающий, когда корабль будет брошен вперед течением, чтобы его поглотить, дабы свести индивидуальный образ мыслей Эхомбы к духовному эквиваленту нулевой видимости. Воздействие порошка, усиленное вторым залпом из длинноствольного приспособления, вне всяких сомнений, окажется непреодолимым.

Эхомба думал изо всех сил. Он сосредоточился на том, чтобы вызвать на передний план мышления наиболее убедительные образы, те, в которых он был бесспорно и окончательно убежден. Он представил себе Миранью и деревню. Он припомнил суровые, но красивые места, где родился, охотничьи и пастушьи тропы, пересекавшие холмы и лощины. Он всматривался в лица друзей и родственников.

Тщательно прицелившись, благонамеренный монах выпалил из порошкострела. Парализующая мысль розовая мгла рванулась в направлении пастуха. Когда она окружила его, он понял, что останется таким же, но будет другим. Похожим внешне, но изменившимся внутренне. Этиоль предельно сосредоточился на боли своего собственного рождения, на ударе молнии, убившей друга детства, на том, как он всю ночь

спорил с другими мужчинами и женщинами деревни, что делать с мимохожим охотником, который, злоупотребив гостеприимством наумкибов, напал на юную девушку. Все это были сильные мысли, сформулированные в соответствии с его собственным, уникальным способом мыслить.

Из жерла устройства розоватая дымка надвигалась, будто при замедленном движении, как кровавая пена.

Эхомба подумал о море.

Позади него заскулил Алита. В другое время пастух, возможно, и обратил бы внимание на этот необычный звук. Ему приходилось слышать, как большой кот и ворчал, и рычал, и храпел, и даже мурлыкал во сне, но Эхомба никогда не слышал, чтобы он скулил. Пастух не обратил бы внимания, даже если бы Алита затянул традиционную деревенскую песню — настолько сильно он старался сосредоточиться на собственном образе мыслей. А если бы он поглядел, что заставило кота скулить, это удивило бы его даже больше, нежели чрезвычайно необычный способ кошачьего самовыражения.

Алита взвыл, потому что его лапы вдруг очутились по колено в воде. В холодной темной воде, которая сильно пахла водорослями и солью. Стоявший рядом Симна ибн Синд заморгал и нахмурился, поскольку что-то было не так, а что именно — он не мог понять.

Трое книжников за столом, разинув рты, в изумлении смотрели на воду, образовавшуюся вокруг их ног. Казалось, она поднимается из самого пола, просачиваясь наверх сквозь щели между каменными плитами.

Не замечая того, что происходит вокруг, Эхомба непрерывно вызывал в памяти наиболее старые, самые отчетливые эпизоды из богатого запаса своих воспоминаний, те, которые он мог воспроизвести с наименьшими усилиями. Он думал о вкусе моря, когда глоток воды случайно прорывался сквозь губы во время плавания, о прохладном, бодрящем ощущении самой жидкости на голой коже, о ее пряной солености, которая щекотала нёбо, и внезапном ожоге, если она попадала в нос. Он помнил, что далекие плоские горизонты моря являли собой единственный реальный край света. Он возрождал в уме внешний вид тварей, что, извиваясь, плавали в его глубинах, видел перед собой скромное величие скелетов крупных и мелких существ — море каждое утро выбрасывало их на берег, и те лежали, словно товары старого мудрого купца, аккуратно разложенные для обозрения и на пробу.

А по мере того как Эхомба вспоминал и думал, море продолжало заполнять комнату допросов, и уровень воды поднимался со сверхъестественной, немыслимой быстротой. Она покрыла его колени и дошла до бедер. Сзади взволнованный кот громко урчал и плескался. Вскочив со стульев, три пораженных книжника пятились назад и пытались добраться до двери. Повсюду вокруг Эхомбы на воду осела розовая пыль — и исчезала, растворялась в темно-зеленой глуби, как молотые чайные листья в кипящем котелке.

Монахи закричали. Дверь отворилась; за ней барахтались двое вооруженных служителей, стоя по пояс в воде. Потоп, начавшийся ни с того ни с сего, повсюду в доме был таким же мощным, как и в комнате, не суля книжникам ни безопасности, ни суши.

Рядом с Эхомбой Симна ибн Синд, полустоя-полуплавая, сильно затряс головой, заморгал и будто бы впервые увидел, что все кругом залито водой. С трудом передвигаясь в воде, теперь уже доходившей ему до груди, он схватил пастуха за руку и дернул:

— Этиоль! Эй, братец, теперь уже можешь закрыть кран! Наши заботливые наставники смылись. — Северянин окинул нервным взглядом прибывающую воду. — Лучше бы и нам поскорее убраться отсюда, пока случай подходящий.

Эхомба, казалось, не слышал друга.

Вполголоса ругаясь, Симна подтащил к себе потерявшего ориентацию Алиту. Посредством множества торопливых подталкиваний ни на что не реагирующего пастуха наконец удалось положить ничком на широкую спину кота. Пристроив таким манером своего долговязого спутника, они полувброд-полувплавь покинули комнату.

Выбравшись по коридору в центральный внутренний зал здания, путешественники обнаружили там полнейший хаос. Обезумевшие монахи неистово пытались поддерживать бесценные тома и свитки над поднимающейся водой, которая резво подбиралась ко второму этажу. Пенящиеся волны бились о перила, а совершенно очумевшая рыба выпрыгивала из воды и плашмя шлепалась обратно.

— Главный вход! — крикнул Симна, которого с головой накрывали поднявшиеся волны и барашки. — Плыви к главному входу!

Монахи и служки беспомощно плескались в воде. В задней части зала над теперь уже затонувшим камином зарождался миниатюрный шквал. Симна поглядел в воду под

собой, и ему показалось, будто он увидел, как что-то глянцевое и мускулистое промелькнуло под его телом. Сзади и несколько в стороне, вертясь в воде, служитель, уже без оружия и доспехов, вдруг вскинул обе руки вверх. Пронзительно завопив, он скрылся под волной, затянутый вниз чем-то таким, что не должно было привольно плавать среди обители правильного мышления.

Не отставая от северянина, мощно рассекал испещренные солью буруны черный кот. Повернувшись на спину и по-прежнему выгребая к главной двери, которая уже почти полностью погрузилась под воду, Симна прокричал своему размякшему другу:

— Довольно, братец! Ты своего добился, что бы это ни было. Выключай воду!

Сквозь черную гриву до него донеслись слова. Это определенно был голос Эхомбы, только приглушенный.

— Не могу... должен думать только... о море. Продолжать думать... здраво. Продолжать думать... по-своему.

— Нет! Хватит! — Северянин выплюнул изо рта соленую воду. На вкус она была в точности как морская, вплоть до крохотных песчинок, которые обжигали язык. — Ты достаточно сделал!

Вокруг них обитатели здания орали и вопили, дрыгали ногами и молотили руками, пытаясь удержать головы над водой. Не все оказались хорошими пловцами. В этот миг зал, да и весь дом были заняты не правильным мышлением или же неправильным мышлением, а лишь мыслями о том, как выжить.

— Ох! Ради Гелуджана... — Симна понял, что ударился головой о тяжелую деревянную двойную дверь главного входа. Лишь маленькая ее часть оставалась над поднимающимися водами. О том, чтобы ее открыть, преодолевая чудовищное давление воды, нечего было и думать. К тому же железные ручки теперь находились на много футов ниже его быстро работающих ног.

Что-то сдавило плечо северянина, и он сам взвизгнул, поворачиваясь, чтобы дать отпор. А когда увидел, что это всего лишь Эхомба, вышедший из оцепенения, то не знал, кричать ли ему от облегчения, или посильнее ударить друга в лицо. Во всяком случае, неспокойные воды, в которых они плавали, не дали бы ему возможности как следует примериться.

— Ну и что теперь делать, скромный пастух? Ты можешь сделать так, чтобы вода исчезла?

— Вряд ли, — ответил Эхомба голосом, который был разве что чуть громче, чем его обычные монотон-

ные речи. — Потому что понятия не имею, как заставил ее здесь появиться. Можно поискать окно на втором этаже, но тогда мы выльемся прямо на улицу внизу, и падение может оказаться опасным. — Он посмотрел на свои ноги под водой. — На сколько ты способен задержать дыхание?

— Задержать?.. — Симна обдумал вопрос и то, что за ним крылось. — Ты думаешь нырнуть на дно и выплыть через одно из окон первого этажа?

Пастух потряс головой. Фехтовальщик подумал, что для человека, большую часть жизни имевшего дело с сухопутными животными, Эхомба слишком непринужденно чувствует себя в воде.

— Нет. Мы можем вовремя его не найти или сами можем оказаться зажатыми среди тяжелой мебели либо в боковых коридорах внизу. Нам нужно выбраться через передний вход. — Он указал на верхнюю часть главной двери.

— Сколько мозгов ты оставил в той маленькой комнатке, братец? Или ты в уме повредился от поганого розового порошка?

Эхомба не ответил, а вместо этого повернулся в воде к методично перебирающему лапами коту.

— Ты сумеешь это сделать?

Алита немного подумал и кивнул. Его огромная черная грива казалась водорослями, приклеенными к голове и шее, и тем не менее кот ухитрялся выглядеть лишь слегка менее царственно, чем обычно, хотя и промок насквозь. Не говоря ни слова, Алита нырнул, взмахнув толстой кисточкой на конце хвоста, похожей на повернутую в обратную сторону стрелу. За ним, выгнув спину и гарпуном вонзившись в воду, последовал Эхомба, словно уходящий ко дну дельфин. Пробормотав последнее ругательство, Симна ибн Синд зажал нос и начал куда менее изящное и искусное погружение.

Сама по себе океанская вода была чистой и прозрачной, но поскольку в здание света проникало немного, разглядеть что-нибудь под водой было трудно. Видимость ограничивалась несколькими футами. Однако, несмотря на то что глаза Симне щипало и он не мог отыскать Эхомбу, огромный силуэт Алиты он различал без труда. Пока северянин старался удержаться под водой, надувая щеки и рискуя потерять заплечный мешок, кот просунул массивные изогнутые когти передних лап в калитку, проделанную в огромной парадной двери. Затем он то же самое сделал задними лапами — и стал ее тянуть и пинать.

Невзирая на неудобство работы под водой и меньшую силу ударов, очень скоро полумрак вокруг них на-

полнили щепки, которые, кружась, уплывали к поверхности. Внезапно сырую тьму прорезал луч дневного света, потом еще один и еще. Симна почувствовал, как его стало засасывать вперед. Изо всех сил пихаясь руками и ногами, он старался оставаться в погруженном положении. Его сердце и легкие бились о ребра, угрожая вот-вот взорваться. Симна даже не мог обратиться к Эхомбе с призывом употребить волшебство — чего, впрочем, как утверждал сам пастух, он делать не умел. Северянин понимал, что если сейчас же чего-нибудь не произойдет, то ноющие, разрывающиеся легкие вытолкнут его на бурлящую поверхность.

И чудо произошло.

Под напором Алитиных когтей пропитавшаяся водой древесина маленькой двери не только поддалась, но и полностью распалась. Симна ощутил, как его неодолимо несет вперед. Что есть мочи колотя руками и ногами, он попробовал было установить хоть какое-то подобие контроля над своим стремительным исходом — но тщетно. Его рвануло, правой рукой ударило о косяк, и тупая боль разлилась в плече.

В следующее мгновение, залитый солнечным светом, он уже кашлял и брызгал слюной. Убедившись, что меч и котомка на месте, Симна поглядел вокруг в поисках товарищей.

Поток то поднимал, то опускал Эхомбу, как вырванный с корнями ствол. Пастух махал руками и кричал Симне. Северянин, как он заметил, на земле был значительно проворнее и увереннее, нежели в воде, хотя водная лавина и замедлила свой бег, разлившись по площади. Находившийся немного впереди, Алита уже занял устойчивое положение на камнях мостовой.

Позади них морская вода продолжала хлестать из проломленной двери. Мебель, доски, вырванные из пола, промокшие ковры, разнообразная утварь, а иногда и хватающий ртом воздух прислужник возникали на поверхности потока. Воздух наполнился криками ошеломленных горожан, выпрыгивающих из объятий соленой реки. Тех, кто замешкался, она сбивала с ног и унизительнейшим образом тащила вниз по улице.

Выбравшись из основной струи, путешественники собрались за забором какого-то дома. Пока Эхомба и Симна проверяли свои котомки, их еще раз с головы до ног окатило водой, поскольку Алита улучил минутку, чтобы как следует отряхнуться. Северянин произнес несколько отборных словечек, а потом возобновил проверку.

— Все мое имущество промокло, — брюзжал Симна, вытаскивая кусок вяленой баранины. — Все пропало.

Эхомба перебирал собственные пожитки.

— Мы уже не в пустыне. Тут полно мест, где можно купить еду. — Встав, он осмотрелся. — Надо найти источник пресной воды и все прополоскать. Если сделать это быстро, то часть вяленого мяса еще можно спасти.

— Больше ни за что не стану слушаться тебя, когда дело касается бюрократии. — Мешок северянина влажно захлюпал, когда тот забросил его на плечи. — В следующий раз мы затеем драку вместо того, чтобы покорно идти.

Они двинулись по опустевшей улице, и Симна оглянулся. Лавина соленой воды, не ослабевая, продолжала извергаться из недр здания.

— Надо же, как много воды... Когда это кончится?

— Понятия не имею. Я думал о море, пытаясь сохранить собственное мышление, и вот видишь, что из этого вышло. Сейчас я о море уже не думаю, а вода все течет. — Позади них на площади вокруг здания по-прежнему слышались вопли и громкий плеск.

Обнаружив опрятный общественный фонтан, путешественники все вынули из мешков и прополоскали в прохладной и чистой пресной воде, чтобы смыть соль. Закончив с этим, они проделали то же самое с оружием, дабы предохранить стальные клинки от ржавчины.

Поблизости почти никого не было — большинство жителей заперлись в своих домах или мастерских, чтобы уберечься от колдовства, остальные же побежали на площадь поглазеть на невиданное чудо. Пользуясь временным одиночеством и укрывшись от случайных взглядов массивным телом Алиты, мужчины скинули одежду и тоже помылись.

— У меня такое чувство, будто я уже никогда не просохну! — Раздраженный северянин через голову натягивал мокрую рубаху.

Эхомба, возясь с юбкой, искоса взглянул на небо.

— День сегодня теплый, и солнце еще высоко. Если будем идти по открытому месту, то высохнем довольно быстро.

— Ага, правильно, будем держаться открытых мест! — Взяв меч, Симна аккуратно вложил его в ножны. — Ноги моей не будет ни в одном здании, пока мы не выберемся из этой страны. Подумать только: стараются контролировать не то, что люди думают, а *как* они думают. Клянусь Гвисвилом, это возмутительно!

— Безусловно, — согласился Эхомба, и они зашагали по пустынной улице. — Счастье еще, что книжникам приходится встречаться с необращенными лицом к лицу. Вообрази, как страшно было бы, окажись у них какое-нибудь

колдовское средство, чтобы представать одновременно перед множеством людей. Или переноситься в дом или мастерскую каждого горожанина и беседовать со многими сотнями людей сразу, а потом применять свое снадобье, чтобы все думали одинаково.

Симна уныло кивнул:

— Это поистине была бы самая черная из черных магий, братец. Нам повезло, что мы живем в странах, где подобные коварные фантазии даже в голову никому не приходят.

Его долговязый друг выказал согласие:

— Если овцевод правильно описал здешние места, то мы выберемся из Тетсприаха до полуночи и, таким образом, станем недосягаемыми для стражей правильного мышления.

— Не могу дождаться. — Симна ускорил шаг. — Мое мышление может быть неверным, или противоречивым, или иногда непоследовательным, но, клянусь Гхевом, это *мой* образ мыслей.

— Это часть того, что делает тебя тем, кого и что ты собой представляешь. — Эхомба размашисто шагал, и конец его копья постукивал о мостовую. — Лично я не представляю, как это я стану думать иначе, чем сейчас, чем всегда.

— А по-моему, сама идея — правильная, только вот средства неверные.

Оба мужчины в изумлении повернулись к коту. Вода продолжала стекать с его промокшего меха.

— Что ты сказал? — спросил Эхомба.

— Проблема не в том, что люди думают неправильно, а в том, что они думают слишком много. А это неизбежно ведет к тому, что они слишком много говорят. — Так и осталось неясным, что Алита подразумевал.

— Этот крупный котенок говорит, что мы слишком много болтаем? — ответил колкостью Симна. — Он это имеет в виду? Что мы просто треплемся и треплемся, безо всякого особого смысла, чтобы только слушать собственное лепетание? Он это хотел сказать? Ну, если он так считает, то, может быть, нам вообще заткнуться и никогда больше с ним не говорить? Может, ему это понравится, чтобы мы больше не проронили ни слова и...

Подняв свободную руку и повернув ладонь к северянину, Эхомба мягко ответил:

— Симна, я не говорю, что полностью с ним согласен, но, возможно, было бы неплохо, если бы мы тщательнее взвешивали свои слова.

— Значит, большая их часть — попросту мусор? Большая часть из того, что мы говорим, не имеет ни смысла, ни значения или просто никому не нужна, потому что он так думает? Наши слова — пустое сотрясание воздуха, содержащее не больше смысла, чем пение птиц или жужжание пчел? То, что мы говорим...

— Симна, друг мой, замолчи. По крайней мере на некоторое время, — улыбнулся Эхомба.

— Стало быть, ты с ним согласен? — Вспыльчивый северянин не желал оставлять тему. — Ты думаешь, что мы действительно говорим слишком много и ни о чем существенном?

— Извини, мой друг. — Сконфуженно улыбаясь, Эхомба указал на свою голову. — У меня в ушах все еще полно воды, так что я тебя плохо слышу.

Симна уже хотел было ответить, но решил воздержаться. Неужели проклятый кот тоже улыбается? Это нелепо. Коты не могут улыбаться. Могут зевать, рычать, шипеть — но не улыбаться. Спрятав свое возражение в дальний уголок памяти, Симна зашагал молча, зная, что может высказать его позже. Чего он, разумеется, не сделал.

Как Алита, так и Эхомба на это и рассчитывали.

XII

Страна, которой правил просвещенный герцог Тирахнар Крестелмар, выглядела настолько же радушной и гостеприимной, насколько Тетсприах оказался вероломным. Через пограничные ворота путешественников пропустили любопытные, но жизнерадостные стражники, заверившие грубоватого любознательного Симну, что в Фане не только никто не попытается изменить его образа мыслей, но всем решительно на эти мысли наплевать.

Упругость походки и блеск в глазах, никогда надолго не покидавшие северянина даже в самые трудные времена, снова вернулись к нему, когда путники приняли приглашение фермера доехать до города Фан на телеге с сеном. Перед этим городом бледнел даже процветающий Тетсприах. Не только здания были более впечатляющими и люди одеты изысканнее, но во всем чувствовался определенный и вполне отчетливый стиль столицы, превосходящей все, что когда-либо видел Эхомба, смотревший вокруг широко раскрытыми гла-

зами. На светского Симну, разумеется, окружающее произвело куда меньшее впечатление.

— Премилый городок. — Он закинул руки за голову и положил ее, словно на подушку, на грудь Алите. Кот не возражал, потому что езда его укачала и он заснул. — Конечно, ни в какое сравнение не идет с Кримак Кариллом, или Бох-Йеном, или даже с Восло-на-Дренеме, но в нем что-то есть. — Симна сделал глубокий вдох, и на его лице появилось удовлетворенное выражение. — Первый признак зажиточного поселения, братец: воздух не воняет.

— Интересно, все ли маленькие королевства, о которых нам рассказывал овцевод, такие же процветающие, как Тетсприах и Фан? — Эхомба с удовольствием рассматривал элегантных людей с разными оттенками кожи и их красивые одеяния. То тут, то там он даже замечал обезьяну, что говорило о более широких торговых связях фанцев по сравнению с замкнутыми жителями Тетсприаха. Несмотря на нарядную и даже вычурную местную манеру одеваться, пастух не стеснялся своей бедной рубахи, юбки и сандалий. Этиолю Эхомбе никогда не пришло бы в голову чувствовать неловкость из-за подобных вещей. Хотя наумкибы стремились выглядеть приятно и красиво, ни у кого из них и в мыслях не было судить о человеке по его внешнему виду.

— Слезайте, парни, — крикнул фермер со скамейки впереди. — И не забудьте захватить это зубастое черное чудище с собой!

Запустив пальцы в густую черную гриву, Эхомба несколько раз встряхнул кота, и тот сонно заморгал. Утробно проурчав, Алита еще некоторое время потягивался и зевал и лишь после этого спрыгнул с телеги. Фермер предпочел не торопить его, да и пастух тоже. Как бы ни был дружелюбен и ласков бодрствующий кот, в полусонном состоянии он всегда представлял потенциальную опасность.

Заметив необычных размеров кота, несколько разряженных пешеходов остановились и стали на него глазеть. Однако никто не был испуган и никто не смотрел свысока на усталых потных путешественников, никто не отпускал шепотом язвительных замечаний.

— Похоже, что это необычно культурное человеческое сборище, — заметил Алита. — Один тип даже отметил, какой я симпатичный и представительный.

— Видно, все их умственные способности пошли на внешний вид. — Уперши руки в боки, Симна стоял по-

среди улицы, осматривая окрестности. Средних лет всадник протрусил мимо путешественников, едва взглянув на них, и пока Симна восхищался его развевающимся зеленым плащом, Эхомба с интересом рассматривал устройство кожаной с бронзой сбруи, а Алита глухо зарычал от столь близкого присутствия такого количества легкой добычи. К счастью для всадника, его лошадь не видела кошачьих глаз. — Нужно найти какой-нибудь торговый дом или магазин и пополнить запасы. — Сняв свой мешок, Симна похлопал по нему и приветливо улыбнулся. — Золото хорошо тем, что ничего его не берет. Даже морская вода.

— Я думал, что твой кошель пуст. — Эхомба неуверенно взглянул на друга.

Северянин ничуть не смутился.

— Я не все тебе сказал, Этиоль. Кое-что в загашнике оставлено. Но, — Симна с покорным видом пожал плечами, — куда иду я, туда же следует и мой желудок, а сейчас он даже еще более пуст, чем кошелек. Думаю, у тебя тоже.

Эхомба неуверенно развел руками.

— Я могу долгое время обходиться без еды.

— Только зачем? — Симна покровительственно обнял долговязого друга за плечи. — Я говорю так: принимай пищу когда и где только можешь. Судя по тому, как выглядит этот городишко, все, что мы тут купим, окажется свежим и хорошего качества. Кто знает, что нас ждет в следующем порту? Вперед, в магазин за провизией, а дальше — в Хамакассар!

Эхомба двинулся по улице вслед за другом.

— Да ты, я вижу, полон энтузиазма.

Северянин ответил на это замечание лучезарной улыбкой:

— Это мой способ скрывать страшное нетерпение. Но я особенно не волнуюсь, потому что знаю: сокровище, которое ожидает нас в конце поисков, стоит и потраченного времени, и усилий, и лишений.

Эхомба вспомнил схожие предсказания Раэль и собаки-колдуньи Ройли.

— Надеюсь, что так, друг Симна.

Горожане указали путешественникам дорогу к некоему заведению с высоким потолком, которое находилось в нескольких кварталах вниз по улице. Как только они вошли внутрь, Симна понял, что их направили в нужное место. Более крупные товары лежали штабелями посередине помещения на полу, а по обеим сторонам на полках, доходивших почти до уровня второго этажа, располагались мелкие предметы.

Словно пчелки, перелетающие с цветка на цветок, вдоль стен туда-сюда сновали на роликовых коньках мальчишки, выхватывая нужные товары в ответ на громкое перегавкивание суетливых приказчиков внизу. В дальнем конце единственной длинной комнаты находился бар, перед которым стояло несколько столиков и стульев, где сидели, болтая, выпивая и покуривая, постоянные обитатели магазинных глубин.

Вежливые покупатели расступились, чтобы пропустить путешественников. А может, они просто не хотели стоять на пути у Алиты. Кот, как он обычно делал в присутствии большого числа людей, понурил массивную голову и старательно отводил взгляд. Эта нарочитая поза лицемерной кротости отнюдь не уменьшала беспокойства стариков и женщин с маленькими детьми.

Покуда Симна делал покупки, Эхомба забрасывал приказчиков вопросами. Очень многое из того, что он увидел на полках, оказалось для него совершенно новым и чудесным. Тут были и маленькие механические устройства замысловатой формы, и ярко окрашенные ткани, и предметы домашнего обихода. Большую часть упакованных продуктов он даже никогда не пробовал, и раздраженному Симне приходилось вновь и вновь растолковывать назначение заморских товаров и диковинок.

Когда они закончили то, зачем пришли, угрюмый северянин, сжав в кулаке последнее членгууское золото, пересчитал оставшиеся монеты.

— Я не рассчитывал уйти с этим на покой, но хотел по крайней мере немного развлечься. А теперь тут не хватит даже до конца нашего путешествия.

— Не расстраивайся, Симна. — Эхомба положил ладонь на руку друга. — Золото нужно только для того, чтобы его тратить.

— Я знаю несколько способов, как мне хотелось бы его потратить. — Северянин устало вздохнул. — Во всяком случае, у нас еще остались деньги, чтобы разок-другой выпить. — Он кивнул на терпеливого Алиту. — Даже коту можно купить выпивку.

— Благодарю вас, миски воды будет вполне достаточно. — Теперь, когда его мех наконец полностью высох, к коту вернулось все его достоинство. Совершенно довольный, он царственно развалился в дальнем углу, к большому облегчению постоянных посетителей тесного питейного заведения.

Усевшись на превосходно сделанные плетеные стулья, путешественники роскошествовали, потягивая на-

питки с настоящим льдом. Столь поразительная и неожиданная вещь так заинтриговала Эхомбу, что он решил подольше задержаться в баре. Те, кто сидел поблизости, оказались внимательными слушателями. Очутившись в своей стихии, Симна вовсю приукрашивал правду о странствиях в дальних краях импровизированными выдумками. Всякий раз, когда северянин вываливал увлеченным слушателям особо вопиющие враки, Эхомба бросал на него осуждающие взгляды. Его словоохотливый товарищ их старательно избегал. Алита тем временем, уютно свернувшись в углу, продолжал дремать.

Благодарные и внимательные слушатели усердно потчевали путешественников освежающими напитками, и так за разговорами пролетел не только остаток дня, но и изрядная часть начинающегося вечера. Но в конце концов даже красочные рассказы Симны ибн Синда стали тускнеть, по мере того как их ранее пылкие поклонники врозь и парами начали расходиться и покидать магазин, прихватив сделанные днем покупки.

Когда же на улице наступила кромешная тьма, их аудитория сократилась до двоих: парочки здоровенных бородатых поденщиков примерно того же возраста, что и сами путешественники. Их уход, однако, был столь же неожиданным, сколь и стремительным.

Взглянув на почерневшую улицу, которая виднелась сквозь отдаленную главную дверь, тот из двоих, что был чуть ниже, внезапно встал. Он выпучил глаза и вцепился в плечо все еще сидевшего товарища:

— Надун! Посмотри наружу!

У второго парня отвалилась челюсть. Он повернулся к человеку, работавшему за маленькой стойкой. Этот достойный господин, ставя на полку последний протертый стакан, серьезно проговорил:

— Совершенно верно. Вы, ребятки, лучше поторапливайтесь, а не то придется возвращаться домой... после.

— Почему ж ты не предупредил нас? — Голос первого мужчины был напряженным и обвиняющим.

На сей раз бармен оторвался от работы.

— Вы взрослые люди. Я торговец, а не нянька.

Если бы не ужас на их лицах, то было бы смешно смотреть, как эти двое с невероятной поспешностью натягивают свои прекрасные вечерние пиджаки и выскакивают из универмага. Тот, что поменьше, кинул хозяину пригоршню монет, не удосуживаясь ни пересчитать их, ни получить сдачу.

Причмокнув губами, Симна поставил на стол перед собой бокал и небрежно осведомился у бармена, нагнувшегося, чтобы собрать раскатившиеся по полу монеты:

— Что все это значит?

Дородный торговец щеголял роскошными черными усами, завивавшимися вверх на кончиках. Они разительно контрастировали с его сверкающей лысиной, на которой растительности было не больше, чем на керамической чаше. Видимо, в порядке компенсации у него были ужасающе густые брови.

— А вы не знаете? — Выпрямившись, он отправил урожай своей монетной жатвы в объемистый передний карман грубого хлопчатого фартука. — Правда, что ли, не знаете?

— Судя по всему, нет. — Эхомба водил пальцем по краю стакана. — Не могли бы вы несколько просветить наше неведение?

Недоверчиво покачав головой, хозяин вышел из-за стойки и приблизился к их столику. Выражение его лица было строгим и осуждающим. Насколько Эхомба мог судить, во всем заведении оставались только они да бармен. Все другие посетители и служащие давным-давно разошлись.

Толстым пальцем негостеприимный хозяин указал на деревянные часы, стоявшие на высокой деревянной полочке:

— Понимаете, что сие означает?

Эхомба, незнакомый с механическими часами, хранил молчание. Однако Симна бесцеремонно кивнул:

— Сие означает, что до полуночи осталось двадцать минут. И что?

Торговец посмотрел мимо них, в сторону парадной двери, и его тон стал немного мягче.

— Полночь — колдовской час.

— Это смотря где. — Откинувшись на спинку стула, северянин положил ноги на стол и скрестил их. — В Ввуалте, столице Дрелестана, в полночь поднимают общий тост. В Пулемате это час отхода ко сну.

— Большую часть вечера те двое отдыхали и развлекались в нашей компании, — заметил Эхомба. — А когда они посмотрели на время, их охватил ужас. — Пастух повернулся на стуле, чтобы поглядеть наружу. На тихой, окутанной ночью улице никого не было. — Что происходит в колдовской час? Внезапно появляются колдуны?

— Все не так просто, дружок. — Немного раздраженный хозяин многозначительно посмотрел на обутые в сандалии ноги Симны, покоящиеся на столе. Северянин от-

ветил дружелюбной улыбкой и оставил ноги там, где они находились. — Если бы речь шла только о каком-нибудь случайном колдуне, то это никого бы не беспокоило и не было бы нужды в Уставе.

— Что за Устав? — Неприятный холодок, который ощутил Эхомба, подсказал ему, что им придется спешно покинуть свое уютное пристанище. Он удостоверился, что котомка и оружие лежат рядом.

Опершись спиной на стойку и сложив руки на нижней части груди поверх выпирающего животика, бармен поглядел на друзей с сожалением.

— Вы раньше не бывали в Фане, так ведь, и не слышали о нем во время своих путешествий?

Пастух покачал головой:

— Мы впервые в этой части света.

В углу похрапывал Алита, безразличный к человеческой болтовне.

Хозяин глубоко вздохнул.

— Когда-то, в незапамятные времена, провинция Фан называлась Страной Призраков. Хотя она была, как и сейчас, окружена плодородными странами, населенными счастливыми людьми, сам Фан оставался безлюден, и лишь отчаянные странники проплывали через него по реке Шорнорай, что течет по северным районам. Но даже им грозило нападение.

— Нападение? — Глаза Симны заблестели, очевидно, вследствие употребления трех бесплатных бокалов, преподнесенных разбежавшимися слушателями. — Со стороны кого?

Сведя вместе косматые брови, бармен сурово взглянул на него.

— Не кого, дружок, а чего. Хорошо известно, что Фан издавна служил обиталищем для всякого отребья и сброда Потусторонних Миров, той тошнотворной рвани, которая слишком порочна и испорченна, чтобы найти прибежище в тех областях, где обычно обитают подобные твари. — Он посмотрел на свои руки и фартук. — Всем духам и существам нужно какое-то место для обитания, даже самым отвратительным и гнусным. Фан и был таким местом. Они собирались здесь, истязали и мучили всякого, кто отваживался исследовать и обживать эти плодородные равнины и благодатные долины рек.

— Видимо, что-то произошло, и все изменилось, — заметил Эхомба.

Симна теперь слушал внимательнее, не только заинтересовавшись рассказом хозяина, но и чувствуя, что

все это имеет какое-то отношение к поспешному уходу двух последних слушателей.

Бармен кивнул:

— Под предводительством Йо Крестелмара Непреложного, древнего и великого предка нынешнего герцога Тирахнара Просвещенного и основателя династии Фан, великое собрание авантюристов и переселенцев постановило испытать на прочность нечестивых захватчиков этой страны. Произошла величайшей важности битва. Многие погибли, но их место заняли движимые надеждой скитальцы из других земель. Нечестивцы и богохульники несли гораздо меньшие потери, поскольку мертвых трудно убить, однако они так и не сумели изгнать Йо и его последователей из Фана. Каждый раз, когда они уничтожали несколько убогих, недавно появившихся лачуг или повозок с будущими поселенцами, поблизости вырастал новый лагерь скваттеров*.

Эхомба обвел рукой превосходный, наполненный товарами торговый зал:

— Тем не менее мы здесь сидим, причем весьма удобно, а проходя через вашу землю, мы не заметили никаких признаков бедствия, о котором вы рассказываете.

— Как я уже говорил, все это происходило очень давно. — Хозяин снова ушел за стойку. — Ни одна сторона не сумела полностью победить другую. В распоряжении выродков были все темные искусства, но они не могли сеять разорение и опустошение сразу повсюду. Последователи Йо были настойчивы и многочисленны. В конце концов, по взаимному соглашению, было достигнуто примирение. — Он покачал головой, удивляясь безрассудству такой затеи. — Йо Крестелмар был великим человеком. Только вообразите себе: сесть за стол переговоров с гоблинами**, призраками и демонами, настолько мерзкими, что их не принимают даже в Аду.

Эхомба задумался:

— И в результате появился Устав, о котором вы упоминали?

---

* Скваттер — поселенец на незанятой или государственной земле.

** Гоблины — в фольклоре народов Западной Европы злокозненные существа крохотного роста, темнокожие, сгорбленные, с громадными ручищами. Они селятся в людских домах или в дуплах деревьев. Ходят гоблины в надвинутых на глаза колпаках. На Хэллоуин (древний языческий праздник у кельтов, отмечаемый 31 октября) они, как правило, принимают обличье уродливых животных и пугают людей.

— Да. Нелюди испробовали все, чтобы провести Йо, но его неспроста прозвали Непреложным, а Фан и соседние страны называются Мыслящими Королевствами. Условия Уложения были выработаны незыблемые, как камень, лежащий под самим Фаном, к которому оно и привинчено. Нечестивцы не в силах ни нарушить условий, ни изменить их.

— Эти условия?.. — Вопрос Симны повис в воздухе. Особых пояснений не требовалось.

— День был отдан последователям Йо — для жизни и любви, для обработки земли и заселения Фана. Демонам и всему их отродью была отдана самая глухая часть ночи, чтобы они могли свободно бродить, где пожелают, с полуночи до рассвета, не опасаясь нападений, обид или экзорцизма со стороны людей.

Симна мрачно рассмеялся, поглядев на недобрую темноту улицы, которая была видна через все еще не запертую дверь:

— Похоже, спится вам тут неспокойно.

— Ничего подобного. — Бармен тонко улыбнулся. — Нечестивцы соблюдают договор. Обратите внимание, когда будете путешествовать по Фану: у входа в каждое здание есть полоска из чистой меди шириной с палец. Ее ночные призраки пересекать не могут. Таково условие Уложения. За этой медной линией человек находится в безопасности, не только телесно, но и в своих снах. Однако стоит лишь ступить за эту линию между полуночью и рассветом, и тогда... — Его передернуло, словно порыв ледяного ветра окутал тело и проник в самую душу.

Симна больше не улыбался; он размышлял над словами хозяина.

— Что ж, это по-честному.

— Именно так, — согласился хозяин. — А теперь вы должны идти.

— Что?! — Северянин даже не снял, а рванул ноги со стола. — После того, что вы нам рассказали, вы собираетесь вышвырнуть нас ночью на улицу?

— Собираюсь, — твердо ответил хозяин. — Я не окажу вам большего гостеприимства, нежели той паре, что ушла несколько минут назад. Теперь вы знаете причину их торопливости. Здесь магазин, а не постоялый двор. — Он многозначительно посмотрел на часы, мягкое деревянное тиканье которых зазвучало гораздо громче. — У вас еще есть время. За углом, всего в квартале отсюда, стоит пансион — заведение скромное, однако чистое и недорогое. Его хозяева — мои добрые друзья; они привыкли предоставлять кров загулявшим клиентам, кото-

рым уже поздно добираться до дому. Если побежите что есть мочи, то через несколько секунд будете там. Улица пока совершенно пуста.

— Ради Гоболлобы, давай быстрее выбираться отсюда! — Северянин мгновенно накинул на плечи лямки мешка, не забыв схватить меч и допить из бокала последние капли.

Эхомба быстро, но без суеты встал, чтобы разбудить Алиту. Большой кот просыпался медленно. Пока Эхомба, опустившись возле него на колени, что-то тихо говорил, Симна около столика приплясывал от нетерпения, поглядывая то на своих спутников, то на улицу, окутанную тьмой.

— Во имя Гаджеона, поторапливайтесь! Да плюнь ты ему в ухо, наконец! Врежь как следует. Подними его! — Северянин, не желая пинать самого кота, довольствовался тем, что топал по полу.

Алита встал на четыре неверные лапы, потянулся и вяло зевнул, а Симна мог только смотреть на него и в бессилии скрежетать зубами.

— Если ваше волосатое величество соблаговолит присоединиться к нашему отбытию, — наконец рявкнул он, — то нам надлежит убираться отсюда к чертовой матери.

Кот еще раз зевнул и поплелся к выходу.

— Эхомба все уже объяснил.

— Тогда почему бы тебе не двигаться быстрее? — Зная, что это может только привести к ссоре и потере времени, северянин удержался и не шлепнул кота мечом по заду.

Ему ответил Эхомба:

— Улица, судя по всему, пуста, к тому же полночь еще не наступила, однако умный человек сначала осмотрится, прежде чем ринется в темноту.

— Вы напрасно волнуетесь. — Хозяин шел позади них, держа в руках тяжелое латунное кольцо с ключами. — Мертвецы очень пунктуальны.

Подойдя к двери, Эхомба выглянул наружу. У него под ногами поблескивала медная полоска. Вставленная в толстый порог и привинченная, она сверкала от постоянной полировки. Пастух перешагнул через нее.

Ничего не случилось. Ночь была безветренной и прохладной, неся облегчение после жаркого дня. В обоих направлениях на безмолвную улицу глядели лавочки, защищенные аккуратными ставнями. Растения на окнах от холода закрыли бутоны до следующего появления солнца. Кто-то подмел и помыл не

только тротуары, но и дорогу. Повсюду были порядок, чистота и пустота.

Вслед за пастухом через порог перешагнули Симна и Алита. Чтобы доказать правоту своих слов, хозяин тоже вышел за ними на небольшое крыльцо под навесом перед магазином. Он не выказывал страха, и Симна позволил себе немного расслабиться, как и советовал бармен.

— Пройдете пять витрин в ту сторону и окажетесь на углу. Поверните направо. Четвертая дверь слева — пансион. Стучите погромче, а то вас могут не услышать. И спокойной ночи.

Шагнув назад, он захлопнул за путешественниками дверь. Сквозь стекло Эхомба увидел, как хозяин поворачивает в замке большой латунный ключ.

— Ну что мы стоим здесь, как тупые бараны? У нас всего несколько минут. — Не дожидаясь товарищей, Симна со всех ног бросился вперед. Эхомба и Алита последовали за ним.

Они достигли угла, но не повернули.

— Что это такое? — Эхомба внезапно остановился.

— А что? — Стараясь дышать как можно ровнее, Симна замер в нескольких шагах впереди пастуха. — Я ничего не слышал. Эй, что ты там ищешь?

Эхомба всматривался в темный проулок между двумя тихими, мрачными домами. Симне и в голову не пришло бы делать это даже в более подходящий момент, не то что сейчас. Он, не веря своим глазам, смотрел на пастуха, а высокий южанин тем временем шагнул в тень, которая была чернее окружающей ночи. Симна, понимая, что время поджимает и не замедлит своего бега ни для кого, положил мощную ладонь на руку своего спутника.

— Что, по-твоему, ты делаешь, братец? Бывало, я опаздывал на похороны, опаздывал на встречи, опаздывал к друзьям прекрасной летней ночью, однако мне не хочется опаздывать к двери этого пансиона. Пошли! Какой бы кусок дряни ни возбудил твое необъяснимое любопытство, утром он по-прежнему останется там.

Кот позади них спокойно ждал, разглядывая пустынную улицу.

— Нет, — ответил Эхомба по обыкновению тихо, но твердо. — Не думаю, что останется.

В глубине проулка что-то застонало. От этого звука у северянина по спине побежали мурашки. Сжав губы, он попытался вытащить друга обратно на тротуар. Эхомба сопротивлялся.

Стон повторился, и сковывавший Симну страх несколько ослаб. Приглушенные сетования явно исходили из человеческого горла, а не от какого-нибудь бормочущего урода, сбежавшего от вечных мучений с того света.

— Сюда!..

Что-то вполголоса бормоча, северянин шагнул вперед и выругался, наступив на гниющие пищевые и еще более смрадные и мерзкие отбросы.

Человек, которому Эхомба помогал встать на ноги, находился на грани крайнего истощения. Это был мужчина; очень маленький мужчина, едва четырех футов роста. Сказать точнее было трудно, ибо, несмотря на то что его поддерживали сильные руки пастуха, ноги человека как будто работали с трудом. Они демонстрировали явную тенденцию брести сами по себе, словно следовали некоему собственному маршруту. Что, понятно, создавало определенные трудности.

Когда Симна подхватил мужчину под руку, друзьям удалось вывести злополучного человечка из проулка. Весил он крайне мало. Вновь оказавшись на тротуаре, путешественники поставили фигурку на землю, прислонив к стене. Симна с гадливостью вытер руку. Хилый субъект был грязен, как вывалявшийся в луже боров, а запах, явившийся вместе с ним, обладал гнусным свойством прилипать ко всякому, кто оказывался рядом. Посмотрев в сторону людей, Алита с отвращением сморщил нос.

— Ты кто? — Каким-то чудом преодолевая вонь, Эхомба, нагнувшись, приблизил лицо к чуть дышащему человечку. — Мы хотим тебе помочь. Ты знаешь, сколько времени? — Он кивнул в сторону темной, пустынной улицы. — Здесь оставаться нельзя.

— Приятно слушать тебя, братец. — Симна, полный дурных предчувствий и нетерпеливый, стоял, сверля тревожным взглядом дорогу. — Может, теперь пойдем? Ну пожалуйста.

— Нет, никуда мы не пойдем, пока не поможем этому бедолаге. А если понадобится, понесем его с собой. — Пастух взглянул на своего спутника. — Я не брошу несчастного на произвол той судьбы, которая, по словам лавочника, подстерегает в этом городе людей по ночам.

— Хорошо, хорошо! Некогда спорить. Давай тогда снова поставим его на ноги. — Симна уже было наклонился — и едва успел вовремя отпрянуть, поскольку человечек предвосхитил грядущую помощь извержением содержимого своего желудка по всему тротуару.

— Ради Гиеирвола, ну что за гадость! — Повернувшись спиной к осевшей фигуре, Симна сделал большой глоток свежего ночного воздуха. Эхомба остался на месте, хотя и следил за тем, чтобы не оказаться на линии огня.

У жалкого субъекта, при его субтильности, очень мало чего осталось в желудке. Тем не менее тошнило бедолагу еще целую минуту или около того. Контрапунктом к его скрежещущим сухим приступам рвоты прозвучал колокольный звон, одиноко разнесшийся вдоль и поперек города, возвестив и прокляв наступление полуночи.

— Ну вот, — пробормотал северянин. — Надо убираться отсюда. Немедленно. — Низко наклонившись, однако отворачивая от человечка лицо как можно дальше, он проговорил сурово и внятно: — Как тебя там... ты это слышал? Сейчас полночь, и если то, что нам рассказали, правда, теперь нечисть может свободно рыскать по улицам в соответствии с вашим проклятым Уложением. Пора тебе, дружок, уносить свою костлявую задницу. Не знаю, почему Эхомба хочет ее спасти. Что до меня, я бы оставил тебя здесь, какая бы бойня тут ни началась.

Слезящиеся желтые глаза скосились на северянина. Кривая улыбка появилась на заросшем, нездоровом лице. Прижав трясущийся палец к одной стороне острого горбатого носа, человек ответил, пьяно хихикнув:

— Накер знает, Накер все знает! — Представившись посредством этого заявления, он выпустил желто-зеленую соплю в направлении сандалий собеседника.

Симна проворно отскочил в сторону.

— Эй, поосторожнее, урод гнилой! Ты что делаешь? — Повернувшись к Эхомбе, он добавил: — Пьяный в стельку! Причем, судя по виду и запаху, уже давно.

Опираясь костлявой спиной о стену, субъект поднялся и занял приблизительно стоячее положение.

— Ты чего, не слышал, что я сказал? Ты что, не знаешь меня?

— Нет, — прорычал Симна, прислушиваясь и стараясь не выпускать из поля зрения оба конца улицы. — И кто же ты такой, ходячий кусок окаменелой блевотины?

Неуверенно хмурясь, человечек распрямился более или менее во весь свой невпечатляющий рост.

— Я — Накер. Накер Сведущий. — На его лице снова возникло что-то вроде неуверенной улыбки. — Я знаю все. — Он вперил взгляд в Эхомбу. — Спроси меня. Валяй задай мне вопрос. Любой.

— Лучше позже. — Осторожно обняв за плечи человечка, похожего на сухой лист, пастух развернул его. — Мой друг прав. Сейчас надо уходить.

— Конечно, почему бы нет? — Накер Сведущий был чрезвычайно покладист. — Ну, давай спроси меня что-нибудь. Что угодно.

Раздраженный и в равной степени недоверчивый, Симна старался не отставать от Эхомбы.

— Как зовут мою незамужнюю тетку с материнской стороны?

— Вхерилза, — ответил Накер без малейшего колебания. — А ее сестер — Прилли и Чоксу.

Северянин заморгал, сразу же позабыв о грозящих ночных ужасах.

— Как?.. Клянусь бородой Гренрака, верно. — Подхватив чахлого субъекта под костлявую руку, Симна приблизил к нему лицо. — Откуда ты узнал?

— Уж Накер-то знает. — Человечек еще раз прижал палец к ноздре, но когда встревоженный Симна отпрянул, он лишь захихикал. — Накеру все известно. Ну, спроси еще. — Словно вознося молитву о ниспослании дождя, он широко раскинул в стороны трясущиеся руки. — Я *все* знаю!

Совместными усилиями, наполовину волоча, наполовину неся, Эхомба и Симна затащили легкое тело за угол. В конце улицы они увидели единственный огонек, светящийся в ночи, — приветливую вывеску с эмблемой пансиона. Симна удвоил усилия.

— Давай, господин Всезнайка. Пройди еще немножко и тогда сможешь все объяснить.

— А чего тут объяснять? — Его голова болталась на шее так, словно в любой момент могла отломиться. Накер повернулся к меньшему из трех своих спасителей: — Я знаю все. Что тут тебе непонятно, скучный маленький новобранец армии корыстолюбцев?

Сжав зубы, Симна пропустил мимо ушей это оскорбление и сосредоточился на перетаскивании слабенького тельца по боковой улице. Стараясь не дать своему подопечному заснуть еще в течение нескольких секунд, Эхомба решился задать вопрос:

— Сколько нам еще добираться до пансиона в конце улицы?

— Я не тот, кому следует задавать такой вопрос.

Симна насмешливо фыркнул:

— А я думал, что ты знаешь все.

— Конечно, знаю, но я не тот, кто намерен отсрочить ваше прибытие. Может, лучше спросить вот это.

— Кого спросить? — Вглядываясь в оба конца улицы, Симна никого не видел.

— Не «као», а «шо», — поправил его Сведущий, глотая буквы.

Северянин уже собирался наградить одуревшего пьянчугу тумаком, как вдруг прямо перед ним возникло нечто невообразимо огромное и подвижное. Алита пронзительно зарычал. Привидение, преградившее им путь, было без одежды и без обуви, а также, что еще страшнее, — без лица.

XIII

Остановившись и умолкнув прямо посреди пустынной улицы, путники уставились на привидение. Несмотря на отсутствие у него лица, создавалось безошибочное впечатление, что оно глядит назад. Эхомба чуть наклонился и прошептал покачивающейся, зыбкой загадке, которая называла себя Накером:

— Ладно, ты знаешь все. Что это такое?

Слезящиеся глаза пытались сфокусироваться на грозном призраке. Как и раньше, пьяница не колебался.

— Вохвн. Не имея собственного лица, он завидует всем, у кого оно есть. — Всеведущий постучал по носу средним пальцем. — Будь осторожен: он попытается отнять твое.

Симна обнажил меч:

— Ничего не выйдет. Мне оно самому нужно.

Позади него Алита напрягся и ждал начала.

Вынув из заплечных ножен клинок из небесного металла, Эхомба встал рядом с другом:

— А мне мое. Миранья все равно узнает меня, если я вернусь домой без лица, но как она заглянет мне глубоко в глаза, если их отберут? — Пастух держал меч перед собой, и лунный свет мерцал на гравировке, покрывавшей необычную сталь.

Вохвн посмотрел на острые лезвия, хотя никто не смог бы сказать, чем именно он смотрел, и засмеялся той пустотой, где у него мог бы располагаться рот. Это был легкий выдох, звук, обманчиво прошелестевший возле уха, и тем не менее они все равно услышали его — этот смех, от которого кровь стыла в жилах.

Рука призрака, синяя и похожая на кости скелета, потянулась к ним. Симна пригнулся. Эхомба остался стоять на месте, но отклонился в сторону. Меч из небесного

металла со свистом рассек воздух и запястье. Словно вспорхнувшая моль, отрубленная рука вохвна, обретя собственную жизнь, уплыла в ночь. Призрак грустно вскрикнул и отдернул лапу. Пустое лицо уставилось на отрубленное запястье, из которого тут же выросла другая кисть.

Пастух зашипел на раскачивающегося, колеблющегося Накера:

— Как нам его обойти?

— Вообще-то, — задумчиво отозвался пьяница, — вы могли бы рвануть влево и перебежать улицу, но тогда нарветесь на борборессбов.

Посмотрев в указанном направлении, Эхомба и Симна увидели, что темная щель переулка породила примерно дюжину карликов размером с пони. У них были раздвоенные копыта, и передвигались они, все время прихрамывая. Ярко-красный цвет шкуры несколько скрадывался мягким лунным светом. Козлиные хвосты мотались из стороны в сторону, и иссиня-черная шерсть покрывала их тела отдельными отвратительными пятнами. Морды у борборессбов были тупые и пухлые, прорезанные от уха до уха ртами, полными острых кривых зубов. Когда они открывали рты, то казалось, будто их головы разваливаются на две половины. У каждого посередине лба рос различной длины рог, и все они были вооружены короткими кривыми серповидными мечами из металла, такими же кроваво-красными, как и голые части их тел.

До того, как они увидели путешественников, призраки тараторили на неизвестном языке. Но теперь, когда они повернулись в сторону Эхомбы и его спутников, их неразборчивая беседа перешла в угрожающий рев. Присутствие огромного вохвна ни в малейшей степени их не смутило.

Накер сплюнул на землю что-то комковатое и коричневое, утеревшись тыльной стороной ладони.

— Поосторожнее с борборессбами. Они любят вытягивать из человека вены, пока он еще жив, и сосать их для лучшего аппетита.

Эхомба попытался пересчитать надвигающихся уродов, не выпуская из виду вохвна. Тот все еще был занят отращиванием руки и по-прежнему стоял посередине улицы.

— А в другую сторону?

Накер покосился в сторону, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Ну, это можно было бы сделать минуту назад, а теперь уже слишком поздно. — Он неопределенно кивнул. — Гренки.

По тротуару крались три четвероногих пузыря, преграждавших путь с улицы к зданию пятнистой массой пульсирующего гноя. Выглядели они как животные, сделанные из связанных вместе шаров. Огромные, словно буйволы, гренки скакали на бочкообразных ногах, которые лишь чуть-чуть поднимали их над землей. Ступней и кистей у них не было, а все остальное отличалось округлостью и мясистостью. За ними тянулся тройной след гнойной слизи — смрад доносился до путешественников даже на расстоянии. Прежде чем испариться, она еще долго лежала там, куда капала.

Омерзительные, уродливые головы сплошь состояли из выпученных глаз да разинутых ртов, украшенных жирными, мешкообразными губищами. Зубов не было, но из глубины тошнотворной пасти высовывался похожий на щупальце язык, извиваясь, словно змея, осторожно вылезающая из логова. Подчиняясь неподдельной тупой целеустремленности, гренки продвигались вперед, не обращая внимания ни на приближающихся борборессбов, ни на неподвижную тень вохвна.

— Используй свое волшебство! — Оказавшись перед лицом столь многочисленных и разнообразных ужасов, Симна жался как можно ближе к долговязому другу, однако так, чтобы это не мешало орудовать мечами. — Призови звездный ветер!

— Думаешь, это так легко? — Эхомба крепко сжимал меч. — Для таких вещей нужно время, да и не всегда получается. Обнажить меч нетрудно; убедить его вызвать силу — сложно. — Он уже начал отступать. — Я пытаюсь.

— Эй, пытайся поусерднее. Нет, пытайся побыстрее.

— Замолчи и дай мне сосредоточиться.

Алита прыгнул вперед, и его громоподобный рык отразился эхом от окружающих зданий. Размеры и присутствие кота заставили борборессбов рассредоточиться и начать перегруппировку. Вохвн же не испугался, может, потому, что, не имея лица, не мог увидеть Алиту. Комичные плотоядные груды гренков, источая слизь, тоже пробирались вперед, невзирая ни на какие преграды.

Отступая, Эхомба схватил оцепеневшего Накера за плечо и тащил за собой. То ли не понимая грозящей опасности, то ли не обращая на нее внимания, этот одурманенный человеческий огрызок все норовил, шатаясь, вырваться из крепкой хватки пастуха.

— Что нам делать? — Высокий южанин хорошенько встряхнул пропойцу. — Скажи, что нам делать? Как прогнать всю эту гнусность?

Обратив к пастуху мутный взор, Накер ответил дребезжащим голосом:

— Никак. Борборессбы слишком подвижны, вохвн так и останется на своем месте, а гренки не угомонятся, пока не насытятся. Будете сражаться с одним — другие нападут на вас сзади. Их больше, чужеземец. Вы погибли.

— Он знает не все, — хмуро проговорил Симна. — Мы пока еще не погибли.

— Вам нужна помощь, — промямлил неустойчивый пьянчужка.

— Ага, не надо быть всезнайкой, чтобы это понять. У меня такое ощущение, что нам не следует рассчитывать на счастливых, цивилизованных фанцев. — Симна обвел взглядом окружающие дома. Кое-где за закрытыми ставнями мерцал свет, но ни одно окно не было открыто, дабы позволить жителям наблюдать, что делается на тихой улице за пределами их домов. Утром, без сомнения, веселая и умелая бригада уборщиков начисто соскребет с мостовой всякие неподобающие нечистоты. Дети будут катать обручи и гоняться друг за дружкой по кровавым пятнам, которые в конце концов исчезнут под воздействием мыла, дождя и времени, и никто не посмеет нарушить приличий расспросами о том, что произошло.

Отрастив новую руку, вохвн взвыл и поплыл вперед. Ближайшие к нему борборессбы посторонились. Гренки, слишком тупые и целеустремленные, чтобы осознать возможную опасность, продолжали подбираться к добыче.

Струйка холодного воздуха потянулась от острия клинка из небесного металла.

— Поторапливайся! — Симна следил за ближайшими к нему борборессбами. Четверо других уже забежали северянину за спину и начали подступать, подняв над омерзительными головами свое изогнутое оружие, похожее на зубы какого-нибудь первобытного змея.

Накер Сведущий, изогнувшись, крепко схватил пальцами, липкими от мокроты и рвоты, резную фигурку, висевшую на шнурке у Эхомбы на шее, и сильно дернул ее. Ошарашенный пастух зло крикнул:

— Отдай сейчас же! Больше одной-двух рюмок тебе за нее не получить.

— Отдать? — Поднеся похищенную вещицу к глазам, маленький человечек с большим трудом пытался сфокусировать на ней взгляд. — Конечно, отдам. На. — Отведя руку назад, он как-то ухитрился сделать неверный бросок.

Фигурка пролетела мимо растопыренных пальцев Эхомбы и упала перед парой борборессбов. Покатившись, перевернулась несколько раз и замерла. Одно из парнокопытных чудищ проводило фигурку взглядом, а потом наступило на нее, втаптывая в мостовую. Гадкая кривозубая ухмылка расщепила омерзительное лицо пополам.

Но тут же исчезла, так как борборессб взлетел прямо вверх, перевернулся через голову и тяжело грохнулся на спину. Ошеломленный, он так и остался неподвижно лежать.

На месте резной статуэтки стояла высокая стройная женщина, окруженная язычками бледного пламени. Ее величественная фигура была прикрыта тесно облегающим куском красно-коричневой материи, а в руках она держала щит из шкуры мастодонта и гладкую деревянную дубинку. Дубинка была густо утыкана трехгранными шипами кострового кустарника.

За всю свою жизнь Эхомба ни разу не видел кострового кустарника, упоминавшегося лишь в наумкибских преданиях, однако он сразу же узнал эти шипы, о которых слагали легенды. Миранья тоже никогда не видывала кострового кустарника, но она могла описать его во всех подробностях, когда перед сном рассказывала Даки и Нелетче разные истории. Любая наумкибская мать знала, как выглядит костровый кустарник, даже если сама никогда его не видела.

Встревожившись, злые борборессбы повернулись в сторону появившегося среди них врага. Двое остервенело взмахнули своими серповидными мечами. Но металл, не причинив никакого вреда, отскочил от щита вновь появившегося видения. Размахнувшись дубинкой, оно ударило ближайшего борборессба по плечу. В тот же миг из руки жуткой твари вырвался огонь, и пламя объяло все чудовище. С громким воем оно кинулось вверх по улице, оставляя за собой шлейф огня и дыма.

Еще два борборессба бросились на обидчика. Один упал на мостовую; его шея была сломана ударом щита. Другому конец дубинки угодил в рот. С секунду он таращил глаза, а затем его голова взорвалась, превратившись в огненный шар.

Сбившись в кучу, разъяренные призраки изготовились все вместе напасть на размахивающую дубинкой фигуру.

Однако согласованное наступление не удалось, поскольку на них вдруг свалилась свирепая черная масса. Издав страшный рев, от которого задрожала земля, Алита одним ударом огромной лапы сбил с ног одного борборессба, а через мгновение откусил голову другому.

Увидев надежду на спасение, Эхомба и Симна ринулись на гренков. Под многочисленными ударами их оружия твари теряли огромные куски трясущейся желеобразной плоти, однако это их не останавливало. У них не было костей, а также, насколько могли судить бешено размахивающие мечами мужчины, отсутствовала кровь и нервная система. Язык-щупальце обвился вокруг руки Симны и тут же был отрублен клинком. Ампутированный орган лежал на земле, скручиваясь и извиваясь, будто червь, выгнанный на поверхность сильным ливнем.

Методично и безостановочно кромсая направо и налево, друзьям удалось превратить тройку настойчивых, но медлительных гренков в дрожащие груды густой дряни, перепачкавшей мостовую и тротуар. И даже тогда отдельные части безногой плоти норовили подпрыгнуть и продвинуться в направлении путешественников.

Обратив оставшихся борборессбов в бегство, причем некоторых с подпаленными хвостами и обожженными конечностями, разъяренный Алита преследовал их буквально по горячим следам, а видение, возникшее из резной фигурки, обратило свое внимание на грозную тень вохвна. Бестелесный дух изогнулся и обвился вокруг пришелицы, окружая ее собственным призрачным телом. Безликий урод начал сжиматься, надежно обволакивая фигуру воительницы.

Нисколько не испугавшись, высокое видение несильно, но твердо взмахнуло дубинкой. Пара костровых шипов прикоснулась к душащему зловонию. Закрученный спиралью вохвн издал удивленный стон и с мягким свистом всосался в шипы, оставив после себя лишь струйку ядовитого пара. Поднеся пальцы к губам и послюнив их, призрак нагнулся и сжал в руке остатки вохвна, который в последний раз перед полным исчезновением резко зашипел.

Покрытые с ног до головы отрубленными кусками трясущихся, студенистых гренков, Этиоль и Симна повернулись к высокой гибкой фигуре, которая возникла из осколков резной статуэтки пастуха. Сжимая в руках щит и дубинку, она приблизилась к ним. Ноги Накера Сведущего, лишенные внешней поддержки, к конце концов не выдержали, костлявая задница тяжело грохнулась о мостовую. Так пьянчужка и остался сидеть, ссутулившись, раскачиваясь туда-сюда, что-то бормоча себе под нос и пристально глядя на нечто неопределенное.

По-прежнему покрытое язычками бледного белого пламени, видение остановилось перед запыхавшимися друзьями. И улыбнулось. Растерявшись, Эхомба неуверенно

всматривался в него, не веря объяснению, которое разум давал тому, что видели его глаза.

— Фастала?

— Привет, Этиоль Эхомба. — Величественная улыбка стала шире.

Это действительно была Фастала. Но не та сгорбленная ковыляющая старуха, которую он знал с самого детства. Перед ним стояла особа, обладавшая необыкновенной женственностью, естественной чувственностью и великими знаниями. Симна взирал на нее с безмолвным восхищением.

— Ничего не понимаю, — произнес пастух.

Поставив край щита на землю, Фастала оперлась на него дубинкой и сложила сверху руки.

— Моя фигурка была вырезана не тогда, когда я была ребенком или такой, какой ты, Этиоль, меня знаешь, а тогда, когда я была вот такой. И когда печать была сломана, я явилась тебе не такой, какая теперь, а какой была раньше. — Она мягко засмеялась. — Разве в молодости я не была хороша?

— Клянусь гонадами* Господа, это уж точно! — Несмотря на то что Эхомба неодобрительно нахмурился, северянин не сделал ни малейшей попытки отвести глаза.

Пастух почувствовал, что, не понимая причины, неловко ежится под пламенным взором. Между тем именно такой взгляд, лишь немного смягченный преклонным возрастом, он видел у нее на лице в день, когда покидал деревню. Но то была знакомая ему Фастала — бодрая, умная, иногда грубоватая, по-прежнему любящая соленую шутку и веселье старуха.

Сейчас в ее прямом и гибком теле не было ни болезненности, ни изъянов. Однако белое пламя, окутывавшее фигуру, становилось все бледнее и бледнее.

Она мельком взглянула вниз на самое себя.

— Да, эта часть меня увядает. Отныне я смогу быть с тобой, Этиоль Эхомба, лишь в твоем сердце и душе. Хотела бы, чтобы все было иначе. — Подняв руки и раскинув их в стороны, она по-львиному потянулась. Бросив взгляд на северянина, Эхомба испугался, что у того случится сердечный приступ.

— Ты спасла нас, — проговорил он.

Подобрав щит и дубинку, Фастала придвинулась к пастуху. Бледное пламя, исходящее из ее тела, не обжигало. Ее поцелуй, однако, был таким же горячим, как шипы кострового кустарника.

* Гонада — половая железа.

— Ах, Этиоль, — сказала она хриплым голосом, — каким же ты вырос совершенным мужчиной и какая счастливая женщина твоя Миранья. — Лицо Фасталы посуровело. — Тебе еще долго придется путешествовать.

Он кивнул:

— Мне уже дважды говорили, что если я пойду дальше, то буду убит. А ты что скажешь?

— Ничего, Этиоль Эхомба. Я ничего не могу сказать тебе. Я — Фастала из своей юности, а той девушке приходилось тяжко сражаться, чтобы узнать, что ее окружает. У меня не было ни времени, ни возможности заглядывать вперед. Даже теперь этот дар мне недоступен. — Чуть повернувшись, она показала рукой на скрюченного, раскачивающегося Накера. Возвратившийся после бойни черный кот стоял и смотрел на беспомощную фигурку человека. — Почему бы не спросить его? Он знает все.

Симна издал оскорбительный звук.

— Пьяницу Накера? Отдаю ему должное, он знает немало. Но все? Даже величайший из мудрецов не знает всего. А эта омерзительная маленькая сопля никакой не мудрец.

— Нет, не мудрец, — согласилась юная Фастала. — И все-таки не исключено, что он знает все, как и утверждает сам. Беда в том, что знание всего еще не делает человека совершенным. И точно так же, как он не мудрец, он не совершенен. — Остатки мерцающего бледного пламени почти исчезли с ее тела, в последний раз отчетливо высветив гибкий, грациозный стан на фоне ночи.

Потянувшись к шее, Эхомба взялся за разорванный шнурок, на котором висела резная фигурка. Фигурка была с ним с тех самых пор, как он покинул землю наумкибов, — маленький прохладный спутник, которого он чувствовал кожей, привычной тяжестью напоминавший о доме.

— Я буду скучать по тебе, Фастала. Пока не вернусь домой.

— Надеюсь, что буду еще жива, когда ты возвратишься. Хотелось бы узнать, чем все это для тебя кончится.

— Зря ты не сказала мне о силе фигурки. — В голосе пастуха звучали одновременно и упрек, и нежность.

— Я тебе говорила, Эхомба, говорила. — Теперь она смеялась над ним, и обволакивающее ее белое пламя взметнулось ввысь, словно живое существо, на какой-то миг возвращенное к жизни. — Помнишь, когда мы беседовали в последний раз, я сказала тебе, что эта фигурка и есть настоящая я? Что, пока ты носишь ее, я смогу путешествовать вместе с тобой?

Теперь, вспомнив, он и сам с нежностью улыбнулся:

— Да, Фастала, верно. Я тогда слушал твои слова, но не слышал.

Она погрозила ему пальцем, и по этому простому жесту Эхомба узнал ее. Когда старая Фастала, настоящая Фастала, посмеивающаяся, подвижная деревенская Фастала журила детей или взрослых, что она делала ежедневно и по многу раз, то грозила пальцем точно так же.

— Ты хорошо и далеко видишь, Этиоль Эхомба, но иногда слушать тебе надо лучше!

— Я это запомню, — серьезно заверил ее пастух, словно непослушный ребенок, разговаривающий со строгим родителем.

Симна отважно выступил вперед:

— Эй, а разве я не заслуживаю прощального поцелуя?

Высокая женщина задумчиво посмотрела на нетерпеливого северянина:

— Думаю, нет, друг Эхомбы. У тебя очень проворные руки, судя по тому, как они управляются с мечом, а меня, скромную девушку, защищают только волшебство да огонь. — Протянув руку, она шутливо взъерошила ему волосы. — Может быть, в другой жизни. — Последний эфирный огонь, окутывавший ее, погас.

— Фастала, подожди! — Эхомба шагнул вперед, туда, где она только что стояла... Ни бледного отсвета, ни последнего мерцания; она исчезла. Лишь тепло и запах природного аромата остались в воздухе да дразнящий след замирающего девичьего смеха.

— Ради нас, — шептал, подняв лицо к небу, Эхомба, стоя на темной и пустынной улице, вдалеке от родного дома. — Ради нас она пожертвовала остатками своей молодости, что были заключены в фигурке, которую Фастала дала мне для защиты. — Он повернулся к Симне. Северянин все еще смотрел на то место, где исчезло прекрасное видение, наслаждаясь уже начинающим слабеть воспоминанием. — Она могла бы провести эти минуты в обществе старых друзей в деревне, среди равных ей по опыту и знаниям. Но она отдала их нам.

— Ага, это прямо-таки поразительно, — с готовностью согласился Симна. — Мудрость, умение сражаться, чувство юмора — и все в одной женщине. Не говоря уже о тех...

Эхомба прервал его:

— Симна, прояви хоть каплю уважения.

— Конечно же, братец. Эх, я бы отдал месяц жизни, чтобы выказать этой женщине всяческое уважение!

— Такова была Фастала в молодости. Теперь она старая, хромая и сгорбленная.

Симна уныло кивнул:

— Но, бьюсь об заклад, все еще красивая.

— Да. Все еще красивая. — Глубоко вздохнув, Этиоль повернулся к Алите и хныкающему пьянчужке. — Она посоветовала нам расспросить Накера. Пожалуй, так и надо сделать.

— Ага. — Симна встал рядом с другом. — Только не забывай: как бы много он ни знал, он не знает всего. — Северянин фыркнул. — Что бы Фастала ни говорила, ни один человек не знает *всего*. А особенно такая никудышная развалина.

Пока Симна, преисполненный отвращения, переминался с ноги на ногу, а Алита прихорашивался, счищая кровь и кусочки растерзанной плоти со своего меха, Эхомба присел на корточки перед покачивающимся человеческим остовом, который они спасли в проулке. Накера можно было свалить, ткнув пальцем.

— Как ты себя чувствуешь, мой друг?

Раскачивание прекратилось. Налитые кровью глаза поднялись и захлопали, словно сломанные ставни.

— Превосходно, превосходно! А в чем дело?

Эхомба посмотрел на своих спутников. Алита ни на что не обращал внимания, сосредоточившись на проблемах личной гигиены. Симна насмешливо хмыкнул и отвернулся.

Пастух снова взглянул на жалкую фигурку, съежившуюся перед ним.

— Ты не видел, что произошло?

Накер предпринял попытку заглянуть за спину долговязого южанина, сидевшего перед ним. Это усилие опрокинуло бы его, если бы Эхомба не поддержал пьяного.

— Что-то случилось? — Кустистые брови сдвинулись. — Кстати, а ты кто такой? И почему стоишь ночью посреди улицы? — Он снова моргнул. — И что *я* делаю ночью посреди улицы?

— Ты лежал в проулке и стонал. — Эхомба говорил мягко и терпеливо. — Было уже за полночь, поэтому мы...

Накер от страха выпучил глаза.

— За полночь? — Дико оглядевшись, он попытался встать и, не сумев, оперся на сильную руку Эхомбы. — Надо уходить с улицы, искать укрытие! А то...

— Знаем, знаем. — Пастух взял маленького человечка за плечо. — Думаю, некоторое время здесь будет спокойно, а поблизости есть пансион. Пошли. — Поднявшись, он помог Накеру встать.

— Ты не понимаешь, — со страхом лепетал пьяница. — После полуночи здесь, в Фане, такое творится!.. Страшное дело. Они выползают из тьмы и...

Эхомба крепко обхватил его за тощую спину.

— Понимаем, друг Накер. Все мы понимаем. Благодаря тебе.

— Мне? — На чумазом небритом лице отразилось совершенное недоумение. — А что я сделал? И кто вы такие? — Эхомба аккуратно вел человечка по безлюдной и залитой кровью улице в направлении немигающего приветливого света пансиона, а Алита и Симна шли по обеим сторонам, наблюдая, нет ли какой угрозы. — И что я делаю тут ночью посреди улицы?

Симна вглядывался в темноту, ища признаки опасности. Однако боковые улицы и переулки выглядели вполне спокойно и невинно. Целеустремленно шагая вперед, он потряс головой и едко усмехнулся:

— Все знает. Конечно, знает. Еще бы. Клянусь Гиливитилом, этот тип даже не имеет представления, где находится!

XIV

Заспанный владелец пансиона мгновенно пробудился, когда хорошенько рассмотрел постояльцев, стучащихся к нему в дверь. Он не был ни бывшим наемником, вооруженным до зубов, ни высоченным мускулистым воителем, ни даже особо смелым человеком, но тем не менее это был мужчина решительный и, в ограниченных рамках его достаточно распространенной профессии, отважный.

— Заходите быстрее! — Распахнув дверь, он быстро оглядел улицу позади ночных посетителей.

Эхомба с друзьями ввалились внутрь. Пастух и Симна с двух сторон поддерживали Накера, периодически несшего околесицу. Проходя через тамбур, пастух посмотрел вниз и заметил широкую полоску полированной меди, сверкавшей под дверным косяком. Алиту, невидимого в ночи и льнувшего к стене пансиона, хозяин не заметил. Теперь большой кот взбирался по ступенькам вслед за своими товарищами. Владелец выпучил глаза.

— Вы... — Он сглотнул и прижался спиной к стене, давая пройти огромному коту. — Этой штуке сюда нельзя!

Искрящиеся желтые очи надменно уставились на коренастого человечка.

— Кого это ты называешь «штукой»?

Пораженный хозяин прекратил попытки незаметно, по стенке, проскользнуть в холл.

— Оно разговаривает...

— Да, — сухо ответил Алита. — Оно разговаривает. — Челюсти, способные разгрызть мебель, застыли в нескольких футах от искаженного ужасом, вспотевшего лица хозяина. Мужчина кожей ощущал теплое дыхание хищника. — Разве у тебя нет домашней кошки?

— Н-н-нет, — слабо пролепетал владелец пансиона.

— Так вот теперь есть. — Повернувшись, Алита прошествовал в помещение за своими спутниками. Толстые мягкие лапы, ступавшие по ковру и деревянным половицам, производили куда меньше шума, нежели ноги его гораздо более легких друзей.

Хозяин пошел следом за гостями, опасаясь слишком близко подходить к коту. В то же время он не решался повысить голос, чтобы не разбудить спящих постояльцев и не вызвать панику. Поэтому он зашептал как можно громче:

— Вы желаете снять комнату или просто немножко переждать? — Острое желание побыстрее отделаться от необычных бродяг и сопровождающего их хищника боролось в хозяине с врожденным добродушием. Одновременно он пытался определить отчетливый и чрезвычайно неприятный запах, исходивший, как ни удивительно, не от большого кота.

Эхомба молча посмотрел на друга. Симна со вздохом ощупал оставшееся золото, и без того зная, что его очень немного. Впрочем, если оно было заколдованным, то могло и размножиться, пока лежало в мошне... Быстрая проверка показала, что это простое, самое обыкновенное золото. Его осталось не больше и не меньше, чем было в последний раз.

— Эй, — воскликнул он ледяным тоном, скидывая со своего плеча зловонную руку Накера, — если бы не этот пустозвон-пропойца, нам не пришлось бы пройти через схватку с призраками. Пора бы ему заплатить за свою смердящую жизнь. — Набрав в грудь побольше воздуха, северянин приблизил лицо к пьянице. — Ты, слушай сюда. У тебя есть какие-нибудь деньги?

Слезящиеся глаза никак не могли сфокусироваться.

— Чего?

Состроив гримасу, Симна отпрянул от волны перегара.

— Деньги. Золото, ценности, государственная валюта, законные платежные средства... Есть что-нибудь? —

Не получив от Накера никакого ответа, северянин наклонился и принялся обшаривать его карманы. В другое время Эхомба, возможно, стал бы протестовать. Но их финансовое положение было отчаянным, к тому же совет деревенских старейшин, соберись он для обсуждения сложившейся ситуации, сошелся бы во мнении, что парень им кое-что должен за спасение своей жизни.

Порывшись в карманах Накера, Симна извлек оттуда пригоршню грязных монет. Узнав их, пошатывающийся пьянчуга попробовал возражать:

— Нет... это деньги мне на выпивку! — Он потянулся за металлическими кружочками, но рука прошла вдалеке от них.

Симна повернулся к хозяину:

— Нам нужна комната. Вы же не выставите человека на улицу среди ночи?

Поколебавшись, владелец принял деньги, отсчитав лишь столько, сколько стоила одна ночь.

— Вы... гм-м... отбудете утром?

Ответ северянина был резок:

— Мы тут не для того, чтобы прохлаждаться, вкушая прелести великолепного Фана!

— Мы не туристы, — добавил Эхомба, констатируя очевидное. Он продолжал поддерживать Накера, покуда Симна разбирался с хозяином. Пастуха это не обременяло. Он привык переносить с места на место молодых телят, а человечек весил очень мало.

Вздохнув, владелец пансиона кивнул:

— Очень хорошо. Следуйте за мной. — Обогнув кота, он направился вверх по широкой деревянной лестнице. Уладив дела, Симна стал помогать Эхомбе с его хромающим бременем.

— Весьма признательны вам за оказанное в столь поздний час гостеприимство. — Поднимаясь, Эхомба восхищался обоями и небольшими картинками, украшавшими стены.

— Еще бы, — пробурчал хозяин. Показывая дорогу, он перебирал тяжелые ключи на большом железном кольце.

— Мне... мне надо выпить, — пробормотал Накер.

Оглянувшись, хозяин наградил его осуждающим взглядом:

— В моем доме нет спиртного.

Пустые глаза еле отыскали хозяина.

— Конечно, есть. В секретном ящике внизу твоего стола лежат две бутылки. Одна — бренди, другая — виски. Ты их там прячешь от жены.

Ошарашенный, словно наткнулся лицом на фонарный столб, мужчина остановился на площадке, где лестница поворачивала налево.

— Как... как вы об этом узнали? Вы чародей? — Он изумленно посмотрел на Симну. — Неужели этот жалкий субъект — чародей?

— Не-а. — Северянин кивнул на Эхомбу. — Вот он — чародей. А этот — просто алкаш, который знает все.

— Всего знать нельзя, — возразил хозяин.

Накер, пустив ручеек желтоватых слюней из правого, покрытого струпьями уголка рта, тихонько закудахтал:

— Твоя жена знает, где ящик. Как думаешь, почему каждый раз, когда ты отправляешься туда, в бутылках всегда немного меньше, чем ты помнишь? — У хозяина отвалилась челюсть. — А еще она знает, что ты кувыркаешься с горничной.

На лице коренастого хозяина появилось неуверенно-удовлетворенное выражение.

— Ха! Может, вы действительно какой-то опьяневший провидец, который способен угадывать определенные вещи, но всего вы знать не можете! Я-то свою жену знаю. Если бы она об этом догадывалась, она бы мне такое устроила!

Отвернувшись от поддерживающих его мужчин, Накер кашлянул.

— Только не в этом случае. Потому что, видишь ли, она тоже кувыркается с горничной. В сущности, это вопрос взаимного кувыркания.

Вид у хозяина был совершенно пораженный.

— Ради всего святого, может, ты и не знаешь всего, однако все равно знаешь слишком много! — Сердито повернувшись, он снова пошел вверх. — Довольно! Больше ничего мне не рассказывай!

Взбираясь по ступеням, Симна потеснее прижался к человечку, которого помогал поддерживать.

— Значит, хозяйка дома и служанка крутят романчик, а? — На его лице мелькнуло любопытное и плотоядное выражение. — Если ты об этом знаешь, то должен знать и все подробности.

Обернувшись к нему, Накер, которого полунесли-полуволочили вверх, попытался встать прямее.

— Я бываю кем угодно, сэр, но по крайней мере дегенератом я никогда не был.

— Ага. В этом-то и заключается разница между нами, братец. Я не скрываю свою истинную натуру.

— Выпить. — Человечек облизнул губы и причмокнул, издав широко распространенный среди таких, как он, сигнал бедствия. — Мне необходимо что-нибудь выпить.

— Мы попробуем раздобыть тебе хорошего чая, как только придем, — успокоил его Эхомба.

На лице Накера появилось выражение ужаса.

Хозяин остановился у двери.

— У меня свободна только одна комната, но она слишком мала для вашей компании. А вот эта довольно просторная, и вам здесь будет вполне удобно... если только мне удастся убедить ее постояльца переехать. — Приложив палец к губам, он осторожно вставил ключ в замок и отпер дверь. — Джентльмен сейчас там, но я предложу ему скидку и бесплатный завтрак и полагаю, что, если объясню ситуацию спокойно и разумно, он согласится перейти на одну ночь в другой номер.

Как только дверь отворилась, Алита первым протиснулся в нее, потеснив столпившихся людей.

— Я сам объясню ему ситуацию.

— Нет! — Хозяин протянул руку, чтобы схватить кота и воспрепятствовать ему, однако в тот же миг тонкий, но громкий голос прозвучал у него в мозгу: «Что ты, черт возьми, делаешь?» Самый обычный здравый смысл тут же превозмог его несгибаемое чувство административного долга, и он поспешно отдернул руку.

Бесшумно ступая по полу, черный кот подошел к широкой кровати и лежащему на ней человеку. Протянув переднюю лапу, он положил ее на плечо спящему.

— Ммф... шт?.. — Человек приоткрыл глаза. Потом выпучил их.

Алита наклонился и мягко проговорил:

— Уходи.

Совершенно проснувшись, голый постоялец натянул на себя простыни и одеяло и выскочил из постели.

— Меня уже нет. — И он действительно исчез, даже не остановившись, чтобы попенять хозяину. Приземистый владелец пансиона не стал задерживать его. Да и в любом случае он не смог бы этого сделать.

— Полагаю, я найду его внизу, в моей конторе. — Хозяин снова вздохнул. — Видимо, потребует вернуть деньги... — Войдя в комнату, он достал огниво и зажег две масляные лампы — одну на стене возле двери и вторую на небольшом письменном столике. — Во второй спальне есть еще одна

кровать, поменьше. Пожалуйста, постарайтесь не шуметь. Сейчас уже очень поздно, и все в доме спят.

Эхомба заверил хозяина, что они улягутся совершенно бесшумно. Алита, свернувшись около незажженного камина, уже дремал.

— Пошли, — сказал усталый пастух своему другу, — уложим этого парня в другую постель.

— С какой это стати ему достанется кровать? — протестовал Симна, пока они тащили свой бормочущий багаж в другую комнату. — Почему бы не бросить его прямо здесь? Он, похоже, не очень-то хороший человек. Из него мог бы получиться вполне сносный дверной упор.

Эхомба сурово посмотрел на товарища:

— За ночлег заплачено его деньгами.

— Ага, правильно... только утром он об этом и не вспомнит. — Симна вполголоса выругался. — Знаю, знаю. Делай, как считаешь нужным. Но меня это огорчает, и очень даже.

— Не стоит дуться, — упрекнул его пастух. — Можешь лечь на большую кровать. Судя по ее виду, она для меня слишком мягкая. — Он кивнул в сторону комнаты, откуда они пришли. — Там есть кушетка, а на полу толстые ковры. Так что мне будет удобно.

— Насчет тебя я и не беспокоился, длинный братец, — сказал северянин, однако голос его выдал, и попытка прикинуться бездушным не удалась.

Вдвоем они стащили с Накера грязные лохмотья. Без одежды тот выглядел еще более жалким, нежели в платье.

— Интересно, когда он в последний раз ел? — пробормотал Эхомба, рассматривая чахлое тело.

Бросив в угол короткие изодранные сапоги, Симна проворчал:

— Ты хотел сказать, когда он в последний раз что-нибудь жевал? Этот пьянчуга свою еду последнее время пил.

— Может, утром удастся впихнуть в него что-нибудь твердое, — размышлял пастух.

Перестав раздеваться, Симна с любопытством поднял глаза на Эхомбу.

— Какое тебе дело? Он совершенно чужой нам человек, не слишком приятный, вне зависимости от того, знает он все или чуть меньше того. На свете немало людей, более заслуживающих твоего внимания.

— Без сомнения, — согласился Эхомба, — но их здесь нет. А он тут. — Пастух внимательно поглядел на бор-

мочущего, погруженного в себя типа. — Накер, скажи мне кое-что.

— Что? — Посмотрев вверх, изможденный человечек, которого они отбили у ночных демонов, встретился взглядом со своим спасителем. — Ты кто такой?

Пока они укладывали пьяного на чистые простыни, Симна в непристойной форме излагал собственные наблюдения относительно неблагодарности алкоголиков.

Когда человек целыми днями стоит и не делает ничего, а лишь наблюдает, как скот и овцы щиплют траву, он становится терпеливым.

— Не имеет значения, — сказал ему Эхомба. Склонившись над кроватью, он прошептал: — Накер, в чем смысл жизни?

Их подопечный уже наполовину уснул. Губы его зашевелились, и Эхомба нагнулся ниже. Он стоял, наклонившись над постелью и ее единственным миниатюрным обитателем, и лицо его выражало напряженное внимание. Спустя мгновение он кивнул и выпрямился.

— Так я и думал. — В его голосе звучало тихое удовлетворение.

Симна ждал. Увидев, что больше ничего не произойдет, он громко выпалил:

— Ну?

Пастух через кровать взглянул на товарища. Накер уже крепко спал, и, насколько Эхомба мог судить, совершенно спокойно.

— Что «ну»?

— Братец, не надо со мной скрытничать. Так *в чем* же смысл жизни?

— Когда-нибудь я тебе скажу. — Пастух обогнул изножье кровати и направился в главную комнату.

— Когда-нибудь? Что ты имеешь в виду — «когда-нибудь»? — Симна последовал за Эхомбой, оставив маленького человечка в темноте и тишине.

В большой комнате Эхомба пристально оглядел кушетку и, сняв с плеч котомку и оружие, начал устраиваться на полу, устланном толстым ковром.

— Когда вырастешь. — Вытянувшись на спине, он закрыл глаза и сложил руки на груди.

— Вырасту? Послушай-ка меня, повелитель блеющих ягнят, я не из тех, кто добродушно относится к подобного рода замечаниям.

Пастух приоткрыл один глаз и поглядел на разгневанного северянина.

— Относись к ним как угодно, только не кричи. Если мы будем слишком шуметь и разбудим других постояльцев, то хозяин скорее всего вышвырнет нас обратно на улицу.

— Ага, как же! Этот маленький надутый трактирщик не сумел вышвырнуть на улицу Накера, а тот был и вовсе без сознания.

— Ну, если не хочешь помолчать ради него, то успокойся ради меня, — раздраженно буркнул Эхомба. — Да и сам отдохни. Скоро уже начнет светать, а мне хотелось бы провести как можно меньше ночей в этой стране, нормальной и цивилизованной днем, а по ночам страшной и чудовищной.

Тихонько ворча, Симна освободился от мешка, меча и одежды и скользнул под одеяло в просторную постель. Она была еще теплой после поспешного отбытия предыдущего постояльца. Это не беспокоило Симну ибн Синда — ему доводилось спать на матрасах, по которым толпами шныряли одолеваемые бессонницей крысы.

Он заснул злой, и ему приснилось, будто он упал в бездонный колодец, наполненный бесконечными россыпями самоцветов и драгоценных металлов. Это был бы приятный сон, если бы не одна досадная подробность.

Эхомба тоже присутствовал во сне; наклонившись над краем колодца, он смотрел, как северянин хватает и подбрасывает камни и монеты, словно разноцветные леденцы. Пастух не насмехался над Симной и не корил его за то, что он от всей души радуется исполнению своих сокровенных желаний. Невозмутимый пастух лишь сочувственно улыбался.

Во сне Симна ибн Синд метался и бормотал, неизвестно от чего приходя в ярость.

Завтрак прислуга принесла в комнату. Сидя голым в огромной постели, Симна наградил призывной улыбкой хорошенькую горничную, которая принесла им еду. Почему-то она не обратила на него ни малейшего внимания. Но невнимание девушки не обидело Симну. Он никогда не обижался на подобные вещи.

— Неплохо, — сообщил Симна своим спутникам, поедая свежие булочки с маслом и джемом, яйцо эпиорниса*, бекон и

* Эпиорнис — вымершая бегающая птица отряда эпиорнисов. Близок к страусам и моа. Высота — более 3 м. Яйца очень большого объема, около 8–9 л. Был истреблен в XVII–XVIII вв. человеком.

фрукты. По своему обыкновению, он совершенно забыл вчерашний короткий, но горячий спор с Эхомбой.

В углу Алита привередливо жевал большую сырую бычью ногу, которую хозяин ухитрился стянуть с кухни. Эхомба ел, сидя на полу и прислонившись спиной к кушетке. Время от времени он бросал взгляды в направлении задней спальни. Служанка отнесла туда завтрак, однако было неясно, проснулся ли уже достопочтенный постоялец и изволил ли откушать. Эхомба решил, что наведается к спасенному человеку, как только покончит с едой.

— Ты прав, Симна. Очень вкусно. — Пастух отставил в сторону почти пустой стакан молока. — Ты должен благодарить Накера. Это он за все заплатил.

— Благодарить его? — усмехнулся сидящий на кровати северянин. — Мы спасли его ничтожную жизнь, рискуя собственной шкурой. Это он должен нас благодарить! Только, разумеется, для разжиженных мозгов этого подлеца связать пару слов — непосильный труд.

— Совсем напротив, я не только способен связать вместе два слова, но и могу вязать их в самые разнообразные семантические узлы, буде возникнет подобная нужда.

Эхомба и Симна одновременно повернули головы к двери задней спальни. Лишь равнодушный Алита не оторвался от своей еды. То, что друзья увидели, чуть не лишило их дара речи.

В проеме двери стоял Накер Сведущий, однако это был не тот Накер, которого они знали. Как ему удалось помыться при помощи всего-навсего кувшина и умывальника в крохотной внутренней ванной, оставалось непонятным, и тем не менее он был чисто вымыт. Наряду со своим телом, Накеру каким-то образом удалось отчистить и одежду. То ли бритвой, то ли ножом он удалил с лица безобразную щетину. Возможно, это был тот же самый инструмент, который он применил, чтобы избавиться от зеленоватого нароста неопределенного происхождения на зубах, которые теперь, когда он улыбался своим спасителям, сверкали белизной.

— Я все помню. — Шагнув в комнату, человечек слегка покачнулся и оперся рукой о дверной косяк. Он указал пальцем: — Ты... ты — Этиоль Эхомба. Я слышал, как он, — Накер показал на ошеломленного северянина, — называл тебя по имени. А ты — Слумва... нет, Симна. Симна ибн Синд.

Отложив в сторону остатки завтрака, северянин выполз из постели и начал медленно одеваться, не сводя глаз с маленького человечка. Кот на мгновение поднял глаза

и снова сосредоточился на кости, которую грыз, чтобы добраться до мозга. Подвыпившие или трезвые, люди для Алиты были более или менее одинаковы.

Натянув рубашку, Симна одобрительно кивнул человеку, стоявшему без посторонней помощи на пороге:

— Никогда бы такому не поверил. Отдаю тебе должное, маленький братец: ты взял, да и вытащил себя из грязи. Немногие сумели бы сделать это за одну ночь. Особенно люди, зашедшие так далеко, как ты.

— Теперь я все отчетливо вспоминаю. — Осторожно, но все более уверенно ступая, Накер подошел к Эхомбе и с чувством пожал пастуху руку. — Не знаю, как тебя и благодарить. Когда падешь так низко, как это случилось со мной, то становишься полубезумным и слепым и даже не знаешь, как выбраться назад. Тогда необходима помощь. Вы двое сделали мне этот подарок.

— Да благословит тебя Генден. — Закончив одеваться, Симна сел на край кровати и продолжил трапезу. — Беру свои слова, которые говорил о тебе вчера вечером, назад. Впрочем, ты, вероятно, их и не помнишь.

— Отнюдь, я все прекрасно помню. У меня исключительно хорошая память... когда она действует.

— Значит, ты ничего не имеешь против того, что мы вытащили у тебя из кармана деньги, чтобы заплатить за комнату и еду? — Симна, не испытывавший никакого раскаяния, сунул в рот последний кусок.

— Разумеется, нет. Я бы только растранжирил деньги на алкогольную отраву. Гораздо лучше истратить их на питание и кров. Я обязан вам большим, гораздо большим, нежели ночлег.

С трудом выговаривая слова полным ртом, Симна, рассыпая крошки, кивнул в сторону собеседника:

— Ага, вот это точно!

— И я бы хотел как-нибудь отплатить вам. — Накер застенчиво улыбнулся. — К несчастью, все мои деньги лежали в том кармане. Как вы понимаете, в последнее время у меня возникли некоторые трудности с получением оплачиваемой работы.

— Откуда же тогда у тебя взялись те деньги? — спросил его Эхомба.

Накер потупил глаза.

— За выпивку или за несколько монет, на которые можно ее купить, я готов на все. Пожалуйста, не заставляйте меня вспоминать подробности. Мое положение доста-

точно унизительно. Вас не должно касаться, до какой степени позора я докатился, чтобы достигнуть того состояния крайней гнусности. — Он поднял взгляд, и в его голосе зазвучала решимость. — Я отплачу за вашу доброту, показав, как самым коротким и безопасным путем выбраться из Фана. Но я не знаю, куда вы отсюда направляетесь.

— Северо-северо-запад, — просто ответил пастух.

Маленький человек, всем своим свежевыбритым лицом выказывая рвение, энергично закивал.

— Сначала вам надо пройти через Бондрессей. Я хорошо знаю эту страну и смогу значительно ускорить ваш переход. Я даже бывал у подножия горы Сказе, что в Хругарском хребте, и могу довести вас по крайней мере дотуда. — Он тревожно переводил взгляд с Эхомбы на Симну. — Что скажете?

Симна пожал плечами и показал пальцем на пастуха:

— Это затея волшебника. А я тут просто за компанию, вроде незапланированного багажа.

Накер широко раскрыл глаза и, повернувшись, уставился на Эхомбу:

— Ты действительно волшебник?

— Нет, — коротко ответил пастух. Он с неудовольствием посмотрел на Симну, но северянин все свое внимание обратил на остатки завтрака. — Я развожу крупный скот и овец. — Неожиданная мысль заставила его нахмуриться. — Впрочем, ты уже знаешь, кто я такой. Ведь ты знаешь все.

Маленький человек выглядел крайне озадаченным.

— Я? Знаю все? О чем ты говоришь? Я знаю только о себе, о тех местах, где побывал, да кое-какие куски и отрывки из нормальной жизни. Откуда мне знать, волшебник ты или нет?

Симна медленно кивал:

— Именно это я и говорил все время.

Эхомба прищурился и пристально посмотрел на собеседника. Если Накер, по причинам, известным только ему одному, разыгрывал спектакль под маской притворного неведения, то делал он это профессионально. На взгляд пастуха он ответил выражением полной искренности и невинности.

— В чем, — раздельно спросил Эхомба, — смысл жизни?

Пораженный глубиной вопроса, Накер обернулся к Симне в надежде на помощь или объяснение, но не получил ни того, ни другого. Человечек снова посмотрел на Эхомбу:

— Ты ждешь, что я отвечу на этот вопрос?

— Вчера вечером ответил. И, между прочим, очень

 хорошо.

Накер только недоверчиво покачал головой:

— Если и так, то я совершенно не помню, что сказал.

— Как зовут моих двух теток? — задал вопрос Симна. Ему было приятно замешательство Эхомбы.

На этот раз их гость издал тонкий, нервный смешок.

— Откуда же мне это знать? Мне ничего не известно о твоей семье. Я даже не имею понятия, есть ли у тебя тетки и сколько их. Тем более я не знаю их имен. — Он поднял бровь. — Однако кое-что я вспоминаю.

— Так, — пробормотал Эхомба с надеждой. Симна смотрел с сомнением.

— Я помню, что и другие задавали мне подобные вопросы, когда у меня бывали редкие периоды продолжительной трезвости. Я так же не мог ответить, и меня злило то, что спрашивают такие вещи. С чего это люди взяли, будто кто-то способен решать подобные загадки?

— Кажется, я понимаю. — Пастух встал с пола, где сидел, привалившись к кушетке. — Когда ты вымыт и трезв, как сейчас, ты помнишь обычные вещи, из которых состоит нормальная жизнь. А когда пьян, забываешь их, зато знаешь все остальное. Вот уж поистине странный и причудливый дар.

— Если ты говоришь правду, то это не дар, а проклятие, — напряженно проговорил Накер. — Почему я не могу восстановить хотя бы малую толику этих знаний, когда достаточно хорошо соображаю, чтобы извлечь из них пользу?

— Понятия не имею. — Эхомба начал рыться в своем мешке. — Но судя по тому, каким мы видели тебя прошлой ночью, ты гораздо, гораздо лучше трезвый и невежественный, нежели пьяный и всезнающий. — Он ободряюще улыбнулся. — Поскольку ты наконец пришел в себя, мы позволим тебе провести нас через Бондрессей до Хругарского хребта. Нам нужна всякая помощь, которая ускорит наше путешествие.

— Гриеорг свидетель: что правда, то правда. — Симна запихивал оставшийся от завтрака хлеб к себе в мешок. — Чем скорее мы доберемся, тем быстрее у меня в руках окажется моя доля сокровища.

— Сокровища? — Маленький человек снова был озадачен.

Эхомба закинул за плечи котомку и стал прилаживать лямки.

— Мой добрый друг Симна отважен и умен, однако склонен к несбыточным мечтаниям. Кроме того, что он считает меня каким-то кудесником, он убежден, будто я разыскиваю великое сокровище. По правде говоря, оно существует лишь в его воображении.

— Все правильно, — весело подтвердил Симна, огибая кровать и возясь со своим мешком. Проходя мимо Накера, он наклонился к нему и многозначительно зашептал: — Он сказал, что я умный, и это так. Достаточно умный, чтобы видеть сквозь завесу опровержений, которые он постоянно лепечет мне и всем, с кем мы встречаемся. Даже и не сомневайся, братец, — он волшебник, который охотится за сокровищем. И я намерен получить свою долю. — Симна толкнул маленького человека под выступающие ребра. — Кто знает? Если твои предсказания окажутся полезными и ты сумеешь убедить его взять тебя с нами, то, может, и сам войдешь в долю.

— Но я не могу делать никаких предсказаний, если я не мертвецки пьян, а когда я в таком состоянии, то не понимаю, что говорю, а уж тем более — что слышу. — Накер выпрямился в полный, хотя и не ахти какой рост. — К тому же я завязал! Лучше трезвый заурядный человек, чем провидец, провонявший перегаром.

— Мудрый выбор. — Эхомба был явно доволен. — Такое решение сделает твое общество столь же желанным, как и знание страны, лежащей перед нами. Лучше иметь знающего проводника, а не спрашивать каждого встречного, какая дорога безопаснее и какой путь легче.

— Я сделаю все, что смогу, — заверил его переродившийся Накер. Он неуверенно повернулся к черному коту. Остатки кости громко хрустнули в мощных челюстях Алиты. — Я даже сделаю все, что в моих силах, дабы помочь тебе, самый замечательный из всех хищников.

Томный Алита безразлично повернул голову и внимательно оглядел пошатывающегося человечка.

— Я, знаешь ли, тебя презираю.

— Я... я извиняюсь, могучий гривоносец. Чем я мог обидеть тебя?

— Ничем. — Кот вернулся к остаткам своей снеди. — Тех двоих я тоже презираю. Я презираю всех людей. Вы слабые, некрасивые и внутренне противоречивые. Кроме того, даже самые сильные из ваших самцов могут заниматься любовью всего по нескольку раз в день. — Он пренебрежительно фыркнул в усы. — В то время как лев во мне способен...

— Ага, ага, — перебил Симна, — хватит! Наслушались мы уже этой похвальбы. А ты умеешь обращаться с мечом или с удочкой?

Алита, высокомерно подняв брови, посмотрел на северянина. Он раздвинул толстые черные губы, обна-

жив блестящие клыки, и выпустил когти, длинные, как человеческий палец, из подушечек на огромной передней лапе. Встревожившись, робкий Накер отпрянул назад.

— Вот мои мечи, — прорычал Алита, — а это моя удочка.

— Прекратите! — Когда надо, Эхомба и сам мог как следует рычать. — Пора трогаться.

— Ага, — согласился северянин. — Давайте-ка уйдем отсюда, пока мой живот еще полон и я способен сдерживаться. — Он направился к двери.

Поднявшись из своего угла, Алита потрусил за ним, задев испуганного Накера и даже не взглянув в сторону маленького человека. Однако, проходя мимо Эхомбы, эбеновая туша мягко проворчала:

— В один прекрасный день мне придется убить этого несносного пустомелю. Я разорву его, как жирную молодую куду*, и съем, начав с языка.

— Это ваше с Симной дело. — Эхомба был беспечно равнодушен. — Но не забывай о данном мне обещании: ты не сделаешь ничего подобного, пока я не закончу того, для чего отправился в это путешествие.

Огромная гривастая голова повернулась к пастуху. Она была так близко, что Эхомба чувствовал на своей коже дыхание кота. Оно остро пахло костью мертвого быка.

— Ты, человек, более везучий, чем даже можешь себе представить, ибо среди кошек кодекс чести сильнее, чем среди людей.

Эхомба слегка кивнул:

— Я завидую твоей силе воли не меньше, чем твоей выносливости.

Алита удовлетворенно проворчал:

— По крайней мере ты, Этиоль Эхомба, признаешь то, что сильнее тебя, и уважаешь то, чего сам не можешь достичь.

— О, я не это имел в виду. Говоря о выносливости, я подразумевал твою решимость оставаться со мной. — Сказав это, он вслед за Симной вышел в открытую дверь.

Алита помедлил, глубоко задумавшись над словами пастуха. Маленький человек, стоявший сзади, с любопытством смотрел на левгепа. Он видел много всякого, но никогда раньше не встречал погруженных в размышления котов. Хищник издал несколько коротких отрывистых завываний, которые Накер, если бы не знал, что такое невозможно, вполне мог принять за смех.

---

* Куду — лесная антилопа.

XV

Притча о стеклянном големе*

Четверо чужеземцев остановились и смотрели, как обыскивают дом. Несколько солдат оторвались от дел, чтобы доложить о присутствии большого черного плотоядного животного в группе наблюдающих, но поскольку ни хищник, ни его предполагаемые хозяева не выказали никаких попыток вмешательства, проктор Кавин Бисграз приказал своим людям вернуться к работе.

Престранная группа, решил он, изучая путников со спины Руна, любимого коня. Трое мужчин совершенно разного роста, сложения и цвета кожи путешествовали в компании самого большого и необычного кота из когда-либо им виденных. От нечего делать Бисграз подумал, не стоит ли подвергнуть их допросу, чтобы, возможно, взыскать штраф за прохождение через Бондрессей без допуска. Никакого допуска и не требовалось, однако они, вполне вероятно, об этом не знали и заплатили бы, дабы избежать осложнений.

С другой стороны, наиболее состоятельный из путников выглядел совершенно нищим, и изъятие тех нескольких монет, что могли у них оказаться, вероятно, не стоило усилий. Более того, если огромный хищник, сопровождающий их, вдруг окажется слишком нервным, во время ареста можно потерять одного или двух человек без всякой надежды на компенсацию.

Нет, пусть уж лучше эти нечесаные бродяги продолжают свой путь и поскорее убираются из Бондрессея. Они идут на северо-запад. Если не свернут с дороги, то через несколько дней пересекут границу, и скатертью дорога! Само присутствие на улицах столь необычных праздношатающихся субъектов было бы оскорбительно для эстетики королевства.

— Эй, вы! — Бисграз привстал в стременах. — Как следует обыщите чердак и все подвалы, а также стены, где могут быть тайники! Негодяи вроде этих частенько прячут свои ценности в таких местах.

— Есть, проктор! — с готовностью отозвался офицер, командующий отрядом. Обнажив меч, он кинулся назад в дом.

---

* Голем — в еврейских фольклорных преданиях, связанных с влиянием Каббалы, оживляемый магическими средствами глиняный великан.

Разнообразная утварь, которую солдаты выносили из помещения, уже громоздилась на дорожке перед входом.

Хозяин и хозяйка симпатичного кирпичного дома, спотыкаясь, вышли на внушительных размеров крыльцо. Несмотря на величину дома, слуг нигде не было видно. Их отсутствие наводило на мысль, что владельцы самостоятельно ведут хозяйство. Отсюда следовало, что они люди очень работящие. Это порадовало Бисграза. Отбирать у бедных и ленивых попросту невыгодно.

— Пожалуйста, господин, оставьте нам хоть что-нибудь! — Хозяин дома выглядел старше своих лет, его лицо и фигура говорили о непритязательной жизни, посвященной тяжелому труду. — Все, что у нас есть, — в нашем доме!

Рун забеспокоился, и Бисграз натянул поводья, чтобы его осадить.

— Неблагодарный подлец! Будь доволен, что я оставляю тебе дом. Тебе ведь известно, какое наказание следует, если налоги не уплачиваются своевременно и полностью. К твоему счастью, у меня сегодня благодушное настроение. Не то я приказал бы сровнять с землей твою жалкую хибару.

Мужчина, пошатываясь, словно слепой, лишь озирался, наблюдая, как опустошают его жилище. Не отрывая взгляда от солдат, он упал на колени.

Бисграз великодушно позволил женщине вцепиться в свою левую ногу и продолжать молить о снисхождении. Не потому, что у него было намерение выслушивать ее или это входило в его обязанности, а просто поскольку ему нравилось на нее смотреть. Впрочем, через некоторое время неудержимые всхлипывания начали действовать на нервы. Обутой в сапог ногой проктор с силой пнул женщину, и та упала. В другое время он, может быть, стал бы теснить ее конем, используя копыта как угрозу, чтобы она ползала перед ним. Но сейчас он был слишком занят, распоряжаясь разграблением хозяйства. Ведь кому-то надо следить за тем, чтобы ничто не было упущено и чтобы трофеи аккуратно погрузили в поджидающие повозки. Одну для королевства и одну, с плотным парусиновым тентом, лично для него. Будучи весьма опытным сборщиком податей, Бисграз знал, что для поддержания своего общественного положения отнюдь не стоит рассчитывать на официальное жалованье.

К примеру, вот эта семья, в сущности, не являлась должником в сфере налогообложения. Но незамысловатая подтасовка определенных текстов создавала такую видимость.

Наугад выбирая свои неискушенные жертвы, он избе-

гал внимания со стороны начальства, которое было в высшей степени довольно его поразительной способностью выискивать правонарушителей в массе во всех отношениях добродетельных граждан королевства.

Среди всеобщей суеты никто не обращал внимания на золотоволосую девочку лет семи-восьми. Пока ее родители тщетно умоляли проктора Бисграза, она, широко раскрыв глаза, удалялась от дома. Гуляя безо всякой определенной цели, девочка вдруг оказалась перед огромной черной мордой с двумя яркими рыжевато-коричневыми глазами, будто светящимися изнутри. Губы раздвинулись, обнажив клыки более длинные, чем рука девочки. Высунулся язык и оценивающе лизнул ее ладонь. Язык был жесткий и шершавый, как напильник, и девочка быстро отпрянула назад.

— Алита! — резко окликнул мужской голос.

Язык втянулся, и громадный кот, оглянувшись, недовольно прорычал:

— Только попробовал. — Тряхнув величественной гривой, Алита пошел дальше.

То место, где язык лизнул руку, стало немного гореть. Не обращая внимания на суматоху позади нее, инстинктивно заглушая крики матери, девочка начала плакать.

Мужчина присел на колени возле нее. И хотя легкая боль, причиненная языком большого кота, не проходила, лицо наклонившегося к ней человека было таким необычным и обаятельным, что слезы мгновенно высохли. Девочка уставилась на мужчину, и когда он улыбнулся, она сразу же почувствовала себя лучше. Не до такой степени лучше, чтобы улыбаться, но достаточно хорошо, чтобы перестать плакать.

— Не могу сказать тебе, что все в порядке, — проговорил человек. — Ты понимаешь?

Она медленно кивнула, вытирая глаза тыльной стороной ладони, а человек посмотрел мимо нее. Мама и папа всегда говорили, чтобы она не разговаривала с незнакомцами, но девочка почему-то знала, что этот странно одетый человек не таит угрозы.

— Мне и моим друзьям предстоит долгий путь, поэтому мы не можем задержаться, чтобы помочь тебе или твоей семье. Во всяком случае, это не наше дело. — Достав из-за спины котомку, мужчина стал шарить внутри, пока не нашел то, что искал. — Но так как они все отбирают, я хочу тебе кое-что дать. Это маленькая куколка. Мне

ее подарила очень мудрая старая дама по имени Меруба. Я знаю, она с удовольствием отдала бы ее тебе.

Разжав пальцы, он показал крохотную куклу, лежавшую на ладони. Фигурка оказалась такая маленькая, что легко уместилась в руке девочки, и была вырезана из черного материала.

— Какая красивая! Благодарю вас, господин.

Протянув руку, незнакомец своими очень длинными пальцами отвел у нее волосы с глаз.

— Пожалуйста, детка. — Он начал подниматься.

— Из чего она сделана? Я раньше такого никогда не видала.

— Это вроде стекла, но не такое стекло, которое делают люди. Оно образуется глубоко в земле. Иногда в той стране, откуда я пришел, мы находим его почти на поверхности. У этого стекла острые края, и из него получаются хорошие ножи и наконечники для копий. Но твоя куколка вся гладкая и отполированная. Ты не порежешься.

Один из его спутников что-то прокричал мужчине. Они уже миновали дом и ждали, когда он их догонит.

— Мне надо идти, — сказал девочке незнакомец. — Друзья зовут меня. — Он немного помолчал и добавил: — Скажи папе и маме, чтобы они пошли к тому, кто отвечает за такие безобразия. Мне кажется, что твои родители смогли бы получить кое-что из своих вещей назад.

— Хорошо, господин. Я скажу, господин. — Девочка прижала маленькую куклу к груди. Вулканическое стекло было скользким, прохладным и чуть маслянистым на ощупь.

Высокий добрый чужеземец присоединился к своим спутникам, и они вскоре скрылись из виду. Девочка занялась куклой, что-то ей бормоча и воркуя. Поэтому она не видела, как ее отец поднялся с колен и в гневе бросился к проктору Бисгразу; как хлынула кровь у него из головы, когда бдительный солдат со всей силы ударил его сзади тяжелым древком копья. Она не видела и не слышала, как мать с криком рухнула на скрюченное неподвижное тело, не слышала, как хохотали солдаты, грубо волоча женщину к розовым кустам, которые были ее гордостью и отрадой.

Бисграз продолжал наблюдать за грабежом, пока наконец даже он не убедился, что в жилище взять больше нечего. Удовлетворенный дневной работой и нимало не уставший, он отдал приказ об отправлении повозок. Дисциплинированные солдаты построились в две шеренги по обоим флангам наполненных добычей телег и по сигналу проктора двинулись вперед. Большую повозку триумфально доставят к ратю-

ше. Ее меньшая сестрица свернет на тихую боковую улочку и в итоге окажется на вместительном огороженном дворе величественного особняка Кавина Бисграза, Генерального проктора Бондрессея.

Натянув поводья, проктор последовал за процессией. Внезапно вспышка света привлекла его внимание и заставила остановиться. Бисграз из любопытства поворотил коня и потрусил назад, к источнику блеска. Он находился на ладони девочки. Склонившись в седле, проктор елейно улыбнулся и показал на предмет:

— Что это у тебя такое, дитя мое?

Девочка ответила, не поднимая взгляда:

— Я с вами не разговариваю. Вы обидели папу и маму.

— Ай-ай-ай, девочка. Я лишь выполняю свою работу.

— Вы плохой человек.

— Может быть, но дело делаю хорошо. Так что выходит, что я — хороший плохой человек. — Телеги у него за спиной катились в направлении столицы.

Нахмурившись, девочка посмотрела на проктора:

— Так не бывает.

— Еще как бывает. Ты поймешь, когда станешь постарше. Ба, да ты прехорошенькая. Может, я еще приеду навестить тебя попозже.

— Нет, — решительно сказала девочка.

— У тебя отцовский характер... но я тебя прощаю. — Он еще немного нагнулся в седле. — Можно мне посмотреть эту маленькую игрушку? Откуда она у тебя?

Девочка повернулась, чтобы показать.

— Мне дал ее добрый человек. Он был такой чудной.

Бисграз проследил за ее протянутой рукой, но грязные иноземцы уже скрылись из виду.

— Экзотическая вещица. По-видимому, откуда-то издалека. Любопытно... Превосходная резьба. У меня у самого собрана изрядная коллекция произведений искусства, но я никогда не видел ничего подобного. — Он протянул руку. — Дай-ка посмотреть.

— Нет. — Сжав куколку в руках, девочка отпрянула от тянущихся пальцев.

Надувшись, проктор убрал руку.

— Я хотел только взглянуть. Если ты дашь мне ее поглядеть, я верну кое-что из вещей, которые забрали солдаты.

Девочка неуверенно разжала пальцы и долгим, напряженным взглядом посмотрела на фигурку. Затем

протянула руку вверх и подала статуэтку проктору. Он вертел ее в пальцах, восхищаясь изысканной работой и игрой света на глянцевитой черной поверхности.

— Она сделана куда искуснее, чем я думал. Спасибо, дитя мое. — Тронув поводья, он повернул Руна и поехал.

Позади него девочка заплакала.

— Отдайте! Вы обещали, вы обещали!

— Когда станешь старше, поймешь еще кое-что, — бросил он, обернувшись. Проктор опустил изящную фигурку в карман камзола, сожалея, что мать девочки не в состоянии заняться своим отродьем и заставить ее заткнуться. Он не выносил плача.

Поздравив солдат с отлично выполненной утром работой, проктор отделился от основного контингента, предварительно сунув что-то в ладонь командира. Воины продолжили свой путь в город с более вместительной из двух повозок, а Бисграз свернул вслед за меньшей на совершенно другую дорогу.

Привычные к разгрузке расторопные слуги с каменными лицами ждали возвращения хозяина. Никто из них не улыбнулся его удаче, никто не издал веселого приветствия, когда проктор спешивался и взбирался по ступеням, которые вели в огромный зал. Никто из работавших у проктора в его присутствии никогда не улыбался, дабы это не было превратно истолковано. Бисграз полагал, что, держа своих людей в страхе, он обеспечивает их преданность. Ибо гораздо труднее воровать у господина, которого ты боишься, нежели у того, кого считаешь безобидным.

Обед уже поджидал хозяина и, к великому облегчению поваров и прислуги, был признан проктором съедобным. Покидая столовую, Бисграз в уме подсчитывал доход, который сумеет извлечь из своих утренних трудов. Получалось недурно.

Войдя в библиотеку, он стал придумывать, куда бы поместить экзотическую резную безделушку. Оставалось несколько пустых ниш, в которых можно было бы высветить ее глянец, и местечко на главном письменном столе, уже заставленном прекрасными каменными статуэтками. В конце концов проктор решил поставить новое приобретение на инкрустированный читальный столик рядом со своим любимым креслом, где он сможет почаще смотреть на вещицу, пока, как это бывало всегда, она ему не наскучит и не будет переставлена на новое место.

Надев очки и расположившись в кресле, Бисграз выбрал на низком столике, стоявшем рядом, один из

нескольких пухлых гроссбухов и раскрыл его на коленях. Поскольку сегодня утром все прошло так гладко, в распоряжении проктора был весь день, чтобы отыскать очередную жертву для наказания. Точнее, подумал он, внутренне улыбнувшись, очередного закоренелого нарушителя излишне мягких налоговых законов королевства Бондрессей. Полуденный свет лился сквозь высокие, скошенные застекленные окна, что позволяло Бисгразу читать разборчивую скоропись безо всякого напряжения.

В таком приятном и расслабленном состоянии он провел почти час, поставив пером изобличающие значки напротив имен полудюжины потенциальных злодеев. Почувствовав, как что-то слегка надавило ему на правую руку, проктор небрежно потер ее... и тут его пальцы нащупали что-то твердое и жесткое.

Нетерпеливо посмотрев направо, он уставился на маленькую стеклянную статуэтку. Она почему-то упала ему на руку. Бисграз нахмурился. В комнате не было сквозняка; значит, он, видимо, поставил ее на наклонный край стола, отчего она и упала. Продолжая думать о гроссбухе, проктор, подняв фигурку, поместил ее посередине столика и забыл о ней.

До тех пор, покуда через несколько минут снова не почувствовал тяжесть на руке.

Сдвинув брови, он поднял резную безделушку и поставил ее не посередине, а на дальнем конце стола. Затем, чувствуя некоторое раздражение, вернулся в кресло и возобновил чтение. Через минуту он уже не думал о фигурке.

В тишине библиотеки, где ни один из слуг не осмелился бы побеспокоить его, мягкое постукивание заставило Бисграза оторваться от своего занятия. Проктор повернул голову вправо. Его глаза округлились, в горле перехватило дыхание.

Черная резная фигурка с пустыми глазами шагала к нему по столу на обсидиановых ножках.

Бисграз, вскочив с кресла и уронив к ногам толстую книгу, уставился на крохотную куклу. Та явно изменила направление движения в соответствии с его перемещением.

«Что за чужеземное колдовство?» Сжав губы, проктор протянул руку и схватил фигурку. Она зашевелилась у него в кулаке, и Бисграза пронзил озноб. Оглядев комнату, он сразу же увидел то, что искал.

И сунул статуэтку в позолоченную серебряную шкатулку. Поворот ключа, щелчок замка... Все в порядке. Сунув ключ в карман, успокоенный Бисграз вернулся в кресло. «Займусь тобой позже. Среди моих знакомых много тех, кто серьезно увлечен тайными искусствами. Они определят,

какое заклинание движет тобой, и мы быстро положим конец этим самовольным хождениям».

Довольный собой, проктор снова устроился в кресле, чуть более тщательно, нежели обычно, и продолжил чтение. Минул еще час, и он решил позвать слугу, чтобы тот принес попить.

На этот раз тяжесть почувствовалась на бедре. Взглянув вниз, Бисграз увидел статуэтку, вцепившуюся своими маленькими, но сильными ручками в штанину и упорно карабкающуюся вверх. И теперь ее искусно вырезанные глаза горели ярким желтым светом.

Завопив, проктор схватил куклу и оторвал от ноги. Потом, не задумываясь, размахнулся и с силой швырнул ставшего вдруг отвратительным маленького человечка. Тот ударился в одно из высоких окон на западной стене библиотеки. Но даже еще раньше Бисграз пожалел о своем поступке. Чудесное свинцовое стекло было непомерно дорогим.

Однако окна были толстыми и сработанными на совесть, и стекло даже не треснуло. Однако и фигурка не отскочила от него. Не веря глазам, проктор смотрел, как она входит в прозрачное окно и сливается с ним, как стекло вплавляется в стекло. Статуэтка становилась все меньше и меньше, превращаясь в черное пятнышко, расплывшееся посередине окна. Оно продолжало расходиться и светлеть, пока не исчезло совсем.

Бисграз дышал так напряженно, что заболели легкие, и он заставил себя успокоиться. Подойдя к окну, проктор осторожно ощупал то место, куда ударилась статуэтка. Никаких следов не осталось. На толстом стекле не было ни царапины, и даже вблизи не различалась инородная чернота, как будто растворившаяся внутри окна.

Совершенно ошеломленный, Бисграз задумался. Следует расспросить опытных знакомых о смысле этого происшествия.

Между тем надо было работать. Только сначала чего-нибудь попить.

Дернув за шнур, чтобы вызвать слугу, проктор снова сел в кресло и вернулся к злонамеренному изучению гроссбуха. Отыскав еще несколько многообещающих жертв, он несколько отвлекся и почувствовал себя лучше. Когда постучался слуга, Бисграз раздраженно пролаял «Входи!», даже не подняв глаз от книги. Поиск ничего не подозревающих простаков для растерзания всегда улучшал ему настроение.

Бесшумно войдя, лакей с подносом в руке... вдруг возвестил о своем появлении металлическим грохотом, заставившим Бисграза резко поднять глаза.

— Какого черта ты... — Проктор умолк на полуслове.

Слуга не глядел на хозяина. На его лице застыло выражение неописуемого ужаса. Серебряный поднос валялся на полу, содержимое кувшина растекалось по изысканному паркету.

Озадаченный, Бисграз повернулся, чтобы проследить за взглядом слуги, и тут же, сорвав с себя очки и отшвырнув их в сторону, выпучил глаза, отказываясь им верить.

Занимая почти всю высоту окна, на него пялился силуэт черной стеклянной куклы, и ее глаза горели, как две масляные лампы в темной промозглой ночи.

Слуга со сдавленным криком метнулся из комнаты. Вскочив из кресла и медленно пятясь от окна, Бисграз в поисках оружия шарил по стене, где оно было развешано. Здесь красивым полукругом располагалось огромное количество смертоносных приспособлений, более приличествующих бывалому пехотинцу, нежели такому утонченному джентльмену, как проктор. Что, впрочем, не помешало ему сорвать со стены короткий и тяжелый топор.

Издав боевой клич, Бисграз бросился к окну. Нечеловеческий огненный взгляд наблюдал, как он ринулся через комнату. Глаза погасли, когда топор ударился о стекло, превратив его в дождь хрустальных осколков.

С трудом переводя дыхание и судорожно сжимая топор обеими руками, проктор сделал шаг назад. Снаружи просочилось птичье пение, и прохладный бондрессейский ветерок беспрепятственно ворвался в библиотеку. Высокое черное видение исчезло. *На помощь*, со страхом подумал Бисграз; *мне срочно нужен маг, чтобы объяснить происходящее*. Он знает несколько имен и сейчас же велит слугам позвать их... да, сей же час.

Проктор обернулся к двери. И краем глаза заметил какую-то ненормальность.

В другом окне библиотеки вновь возникла кукла, ее глаза горели пуще прежнего. Теперь она была уже не плоским, похожим на картинку изображением, а превратилась в блестящую твердую выпуклость, которая протягивала в комнату свои толстые ручищи. Чудовищный десятифутовый призрак полностью состоял из черного вулканического стекла, словно обрел силу и тело, впитав в себя цинковое стекло окна.

С диким криком Кавин Бисграз метнул боевой топор в глянцевитого тупого гомункула, который медленно выступал из оконной рамы. Во все стороны с шумом посыпался град осколков, черных и прозрачных. Спотыкаясь, Генеральный проктор выскочил из библиотеки и начал карабкаться по

лестнице, ведущей на второй этаж. Ему казалось, что он сходит с ума: на самом деле ничего не происходит, нужен не маг, а врач.

Бисграз позвал слуг... Никто не отозвался. Выслушав лакея, заходившего в библиотеку и затем сбежавшего оттуда, увидев выражение его лица, слуги все до единого сломя голову бросились вон из особняка. Они столкнулись с чем-то таким, что пугало их больше, нежели гнев хозяина.

Добравшись до спальни, Бисграз захлопнул за собой дверь и заперся на все засовы. Их прочность, рассчитанная на отражение нападения отряда хорошо вооруженных солдат, помогла проктору почувствовать себя увереннее. Переведя дух, он направился в роскошную ванную. Достаточно просторная, чтобы вместить шестерых купальщиков, мраморная ванна манила к себе. Но Бисграз целеустремленно прошел мимо, понимая, что ему необходимо найти доктора, который определил бы, какое недомогание заставляет его переживать столь глубоко тревожащие галлюцинации. Надо быстренько привести себя в порядок, а потом съездить к знаменитому врачу, специализировавшемуся на необычных недугах. А когда он вернется, исцелившийся и полный сил, то его слуги, эти неблагодарные уроды, станут вопить так, что их будет слышно у самой границы Сквоя.

Холодная, слегка ароматизированная вода, брызнувшая на лицо из великолепной эмалированной раковины, мгновенно освежила Бисграза. Взяв полотенце, проктор тщательно вытерся, наслаждаясь бодрящим пощипыванием, которое капельки воды оставили на коже. Подняв глаза к зеркалу в филигранной раме, он постарался осмыслить, что и как с ним произошло.

В нескольких дюймах от него грозно сверкали желтые глаза на бесстрастном черном лице, пламенея ярче, чем раньше.

Подавившись собственным страхом, Бисграз отпрянул от обвиняющего, пугающего лица в зеркале, принадлежащего не ему, а какой-то бездушной, жестокой твари. Непослушными пальцами проктор схватил первое, что подвернулось под руку. Размахнувшись, он попытался со всей силы швырнуть переливчатый кувшин в безмолвно глумящееся зеркало.

От этого усилия он едва не упал. Посмотрев на руку, Бисграз увидел, что кувшин обвил его кулак и от него нельзя отделаться. Точнее, от демона, вылезающего из радужного стекла.

Заорав и дико закрутившись на месте, Бисграз хватил кувшином по мраморной стене. Стекло разлетелось разноцветными брызгами, и отсветы тысячи осколков мгновенно окрасили ванную во весь спектр сверкания и страха.

Урод, появившийся из разбитого стеклянного сосуда, исчез, но тот, что был в зеркале, остался. Кровь струилась из десятков маленьких порезов на ладони и лице; не обращая на это внимания, проктор попятился из ванной и со всей силы захлопнул за собой дверь.

Беззвучно шевеля губами, из окон спальни вылезали еще две огромные иссиня-черные копии куклы. Перескочив через кровать к спасительной двери, Бисграз судорожно открывал один засов за другим. Прежде чем выбежать в зал, он поднял тяжелый железный дверной упор и метнул его в ближайшего из приближающихся гомункулов. Половина лица демона разбилась и отвалилась, что ничуть не замедлило неумолимого наступления черного манекена.

Бисграз бросился вниз по лестнице, его крики и завывания эхом разносились по огромному пустому дому. Это было неверным решением для того, кто решил спастись бегством. Ибо из каждого окна и зеркала, из каждого застекленного шкафа и изящной чаши вылезали неутомимые двойники обсидиановой фигурки и топали к нему, вытянув руки и скрючив черные пальцы. У каждого из них пылали безжалостные и бездушные глаза.

Проктор понял, что из особняка не выбраться. Однако может быть, только может быть, еще удастся спастись внутри. Он бы не достиг положения Генерального проктора всего королевства Бондрессей, если бы был неизобретательным тугодумом. Быстро повернувшись, Бисграз бросился назад в библиотеку.

Четыре чудовищные фигуры, выползавшие из оставшихся неразбитыми окон, были такими большими и тяжелыми, что могли смять своей массой целый отряд. Однако, при всей неумолимости, они не отличались резвостью движения. Нырнув под норовящую схватить его руку, Бисграз стремглав кинулся к задней стене, где находилась полка, заставленная безобидными томами по садоводству. Стеная, словно хор плакальщиц, четыре громадные фигуры повернулись вслед за проктором. Целый зверинец их более мелких братьев протискивался через дверь.

Потянув одну книгу, которая не была книгой, Бисграз, затаив дыхание, ждал, когда полка, которая не была полкой, бесшумно повернется на скрытой оси. Скользнув в потайную комнату, он с силой нажал на рычаг, действовавший так же, как фальшивая книга снаружи. Преследовавшие проктора чудища были беспощадны, но он не заметил признаков того, что они очень уж умны.

Бисграз очутился в темноте. Однако отсутствие окон означало отсутствие стекла. Здесь также не было ни посуды, ни зеркал. В этой каменной камере он будет в безопасности, по крайней мере на какое-то время.

Нащупав край письменного стола, проктор нашел стоящий на нем большой подсвечник. Взяв огниво из коробочки на столе, пробежал пальцами по свече до фитиля. Ударив кремнем, он зажег восковой цилиндр, а потом еще один на другом конце стола. Теплый спокойный свет залил комнату. С другой стороны книжной полки приглушенно слышались жуткие стоны и причитания демонов. Тяжелые кулаки из черного стекла начали ритмично бить в преграждающую вход полку, словно далекие барабаны. Вращающаяся дверь не поддалась, но сколько времени она сможет продержаться, сказать было трудно.

Сбрасывая со стены бесценные фолианты, проктор наконец нашел тот, который искал, и перенес его на стол. Фолиант был переплетен в потертую старую кожу и весил не меньше, чем седло. Если уж нельзя связаться с магом, то он сам займется волхвованием. Он немного пробовал в прошлом и снова попробует сейчас. Страшно жаль, что, будучи дилетантом, он уделял этому искусству так мало внимания. Но зачем утруждать себя изучением тонкостей тайных наук, если всегда можно нанять профессионала, который выполнит эту работу гораздо лучше?

Стук снаружи усилился, и Бисграз порадовался тому, что дверь еще держится. Просмотрев оглавление, которое само по себе было целой книгой, он в конце концов отыскал нужный раздел. При ровном успокаивающем свете двух фитилей проктор переворачивал тяжелые листы, пока его палец не остановился на нужной главе.

Вот оно: простое заклинание, изгоняющее духов, которые могут появиться из статуй. Склонившись над раскрытой книгой и щурясь от мерцающего света, Бисграз прочитал, что этот заговор считался действенным для скульптур из любого материала — камня, металла, дерева, кости... и стекла.

Повернувшись к вздрагивающей двери, он поднял сжатый кулак и проговорил заклинание: «Изыдите, отродья чужеземных демонов! Вы сейчас же погибнете и исчезнете, улетучитесь, словно пар от горячего очага! Ничто и никто не угрожает Кавину Бисгразу в его собственном доме!»

Снова повернувшись к книге, проктор низко наклонился над нужными разделами. Хоть и мелко написанные, они, казалось, были понятными и не содержали труднопро-

износимых терминов. Желая убедиться в том, что не допустил опасных неточностей, повторяя формулу, проктор машинально достал из выдвижного ящика стола очки для чтения, которые всегда там лежали.

И совершил ошибку, надев их.

XVI

— Эй, братец, что это ты дал той маленькой бедняжке?

— Да ничего особенного. — Путники начинали подниматься в предгорья, и Эхомба легко шагал вперед. — Маленькую куколку, резную фигурку, которую мне подарила одна женщина из нашей деревни. — Он посмотрел туда, где возродившийся к новой жизни Накер то и дело останавливался, разглядывая каждый цветок, мимо которого проходил, словно видел и нюхал их впервые в жизни. — Когда отправляешься в долгое путешествие, люди дают тебе занятные штуковины, надеясь, что та или иная безделушка когда-нибудь окажется полезной. Для этой статуэтки я не видел никакого особого применения и подумал, что раз уж девочка потеряла все, что у нее было, то, может, ее хоть немного утешит кукла, пусть даже маленькая.

Симна шутя ударил Алиту по кисточке на конце размахивающего хвоста. Оглянувшись, большой кот прищурился. С величайшим достоинством он прыгнул вперед, безо всякого труда намного опередив своих попутчиков.

— Возможно, у тебя и есть свои дети, братец, но растила их, должно быть, твоя жена. Ни одна девочка этого возраста не станет нянчить кусок черного камня.

— Это не камень. — Эхомба осторожно переступил через кустик крохотных ярко-синих цветов.

— Какая разница. — Северянин грустно покачал головой. — Если терять время, болтая с детьми, которым не повезло при выборе родителей, нам никогда не добраться до цели.

— Да, наверное, ты прав, Симна. Мы ничего не могли сделать для той семьи, не превращая самих себя в мишень для солдат, и девочка скорее всего выбросит статуэтку при первой же возможности.

— Не принимай близко к сердцу, братец. — Северянин сочувственно хлопнул друга по спине. — Люди думают, будто они могут что-то изменить в жизни какого-ни-

будь незнакомца, а кончается тем, что все оборачивается еще хуже. — Повысив голос, он окликнул их нового спутника: — Эй, Накер! Тут повсюду какие-то тропинки. Ты вроде бы собирался быть проводником. Перестань нюхать вонючие сорняки и покажи нам, по какой из них идти.

Ясноглазый и резвый человечек выпрямился и кивнул.

— Ваше животное пока движется по правильному пути. Продолжайте идти за ним. Если он повернет не туда, я вам скажу. Не беспокойтесь.

— А чего мне беспокоиться? — громко пробормотал Симна. — Нас ведет человек, который знает все. Или знал раньше. Вот интересно: если мы ему поднесем рюмку-другую — заметьте, не столько, чтобы он свалился, — останется ли он достаточно трезвым, чтобы понимать вопросы и в то же время знать ответы?

Эхомба серьезно обдумал это предложение.

— Вряд ли. Мне кажется, что с Накером и его знаниями все обстоит либо так, либо иначе. Середины нет.

Симна был разочарован:

— Плохо.

— Но так ему лучше. Он чувствует себя здоровым, у него появились перспективы на будущее. Посмотри на него!

— Ага, ага. Чистый и трезвый, вот только бесполезный. — Симна пытался что-то разглядеть на ближайшем холме. Они входили в густой лес, напоенный ароматом высоких сосен и елей. — Кажется, он что-то там говорил об интересном городе неподалеку?

Эхомба кивнул:

— Незербре. — Пастух разглядывал круто поднимавшиеся холмы. — Еще два дня пути, и мы будем далеко по ту сторону границы Бондрессея.

— Отлично. — Симна прибавил шагу. — Мне больше по нраву места интересные, а не цивилизованные.

— А разве не бывает одновременно того и другого?

— Только уж если выбирать, то я бы предпочел первое второму. Ой!

Подняв руку, северянин ощупал затылок. Источник несильной, но внезапной боли тут же обнаружился: внушительных размеров сосновая шишка, упавшая с немалой высоты, подкатилась прямо к его ногам. Легкая улыбка Эхомбы исчезла с лица, когда такой же снаряд ударил его по плечу. Они вместе посмотрели вверх на деревья. В этот момент еще одна шишка упала недалеко от друзей.

Досаду Симны утишило неведение его долговязого спутника. Пастух никогда раньше не видел подобных семян. В стране наумкибов не было вечнозеленых деревьев.

— Такие деревья постоянно сбрасывают шишки, — объяснил северянин. — Просто мы очутились в неподходящем месте в неподходящее время.

Не успел он договорить, как еще одна шишка ударила Алиту по заду. Огромный кот мгновенно повернулся и наподдал семенную коробочку так, что она отлетела футов на двадцать, прежде чем упала на землю. Достоинство левгепа пострадало больше, нежели бедро.

— Ваше местоположение здесь совершенно ни при чем. — Накер догнал своих новых друзей, однако глядел не на них, а на переплетенные ветви над головой. — В нас целятся.

Острые глаза Эхомбы не различали в вершинах деревьев никакого движения, кроме случайной птицы. Пара лазурных дракончиков увлеченно расширяла под будущее гнездо дупло в стволе гигантской ели; они по очереди заглядывали в отверстие, совали туда голову и выдували из открытого рта ровный язычок пламени, а потом сидели и ждали, когда огонь прогорит. Парочка уже прожгла кору и начала выжигать твердую древесину. Несколько дней такой аккуратной работы — и у них будет закаленное огнем черное убежище, где они выведут детей.

Пастух наблюдал за дракончиками, а его спутники продолжали идти среди прохладных, обступивших их древес. Оба дракончика были полностью поглощены углублением отверстия для гнезда и не обращали ни малейшего внимания на группу из трех мужчин и кота, топающих по лесной подстилке. Разумеется, они не отвлекались на то, чтобы метать сосновые шишки в этих людей где-то далеко внизу.

— Я не вижу никого, кто мог бы швырять в нас шишки, — сообщил Эхомба. Но пока он это произносил, еще две шишки ударились рядом о землю, едва не задев его. Пастух тут же взглянул вверх. В ветвях не было никаких признаков движения.

Накер, улыбаясь, постучал по ноздре длинным пальцем. На этот раз из носа ничего не появилось.

— Наверно, на нас напали гроуты. Их стаи во множестве обитают в этих лесах. Они не любят пришельцев.

Когда особенно тяжелая шишка скользнула по левой ноге Симны, он громко предложил обменять свой клинок на лук и полный колчан стрел.

— Это тебе не поможет, — заверил его Накер.

— Почему же? — Более обиженный, нежели пострадавший от шишки северянин говорил, не отрывая взгляда от ветвей над головой. — Я довольно метко стреляю из лука. Кстати, кто они такие, эти гроуты?

— Маленькие пушистые существа, которые живут на вершинах деревьев вот в таких лесах. — Вытянув руки перед собой, он раздвинул ладони фута на три. — У них длинные хвосты и лапы, которыми они могут крепко, как руками, хвататься за ветви, наподобие обезьян, вот только лица у них похожи на головы насекомых, жесткие и со странными узорчатыми глазами.

Эхомба увернулся от падающей гигантской шишки, которую ему посчастливилось заметить еще в воздухе. Она ударилась о землю с глухим стуком, который говорил о возможности тяжелого ранения. По мере того как бомбардировка продолжалась и первые маленькие шишки уступили место куда более крупным метательным снарядам, этот обстрел из просто докучливого становился потенциально опасным.

— У меня хорошее зрение, и я долго смотрел, — заметил пастух, — и все равно не видел ничего такого, о чем ты рассказываешь.

Лицо Накера стало серьезным.

— Это потому, что мех гроутов невидим. Надо искать их глаза — единственную часть тела, которая отражает свет.

Высматривать трехфутовых мохнатых существ, прыгающих в верхушках деревьев, — это одно. Отыскивать только глаза гораздо сложнее. Шишка, которая могла свалить без чувств человека, попала Алите прямо по голове, и он заревел так, что задрожали иголки на ближних соснах. Это не испугало невидимых гроутов, которые продолжали осыпать шишками злополучных путешественников сильнее прежнего.

Увеличившееся количество шишек наводило на мысль о возросшем числе гроутов. С одной стороны, положение путников становилось более опасным, с другой — появлялось больше возможностей заметить неуловимых тварей.

Симна исполнил изящный, хотя и вынужденный танец, позволивший ему увернуться от полудюжины падающих шишек, и ткнул рукой в небо:

— Вон! За той большой веткой, которая тянется на восток от следующего дерева. — Он машинально схватился за рукоятку меча.

Большие сложные глаза невидимого древесного мучителя блеснули в полуденном свете. Ни это создание,

ни его сородичи не издавали никаких тревожных звуков. Они метали шишки в полной тишине.

Симна, однако, не молчал. Плохо снаряженный, чтобы отбивать нападение сверху, он лишь выкрикивал проклятия невидимому противнику. Неудивительно, что это не оказывало ровно никакого воздействия на количество шишек, летевших в путников.

Путешественники бросились бежать. Трудность заключалась в том, что им не только приходилось более или менее придерживаться маршрута, намеченного Накером, но одновременно уворачиваться от падающих шишек и петлять среди густо растущих деревьев. Напрягая зрение, чтобы рассмотреть отражения глаз в ветвях над собой, Эхомба зацепил плечом за небольшое деревце. Когда он попытался осмотреть ссадину, в него угодили две шишки, пущенные сверху. Стиснув зубы, пастух оттолкнулся от ствола и побежал дальше.

— Эти гроуты!.. — крикнул он Накеру, которому было довольно трудно бежать. — Что они сделают, если убьют нас? Съедят?

— Нет, — заверил его запыхавшийся человечек. — Удостоверятся, что мы мертвы, и уйдут. Они просто хотят вернуть себе свой лес. Я уже говорил, им не нравятся пришельцы.

— Неужели они не видят, что мы пытаемся уйти как можно скорее? — Заслонив голову рукой, северянин укрывался от града мелких шишек. Несмотря на скромные размеры, они тем не менее, пущенные с большой высоты, ударяли весьма больно.

— Вероятно, не видят. — Теперь Накер уже хватал ртом воздух. Эхомбе было ясно, что их новый спутник долго не продержится. Надо что-то предпринимать, вот только что? Как бороться с противником, который находится вне досягаемости и практически невидим?

Симне показалось, что он нашел решение.

— Сделай же что-нибудь, Этиоль! Посшибай их с верхушек, преврати их в тритонов, произнеси заклинание, чтобы попадали с этих веток, как камни!

— Ну сколько раз мне повторять, Симна... я не волшебник! Я только могу воспользоваться тем, что мне дали более мудрые люди. — Глянув вверх, пастух отпрыгнул в сторону, и как раз вовремя, чтобы увернуться от шишки величиной с пивную кружку и почти такой же тяжелой.

— Тогда используй меч из небесного металла! Вызови звездный ветер и выдуй их прочь из леса!

— Не думаю, что это разумно. С ветром, который несется меж звезд, шутки плохи. Его нельзя сводить на землю всякий раз, когда возникает какая-нибудь сложность. — Этиоль на бегу помахал в сторону окружающих их величественных деревьев. — Я мог бы попробовать низвести ветер, но, вызвав, им нелегко управлять. Он способен повалить вместе с гроутами все деревья в лесу. Легче выдержать удары семенных коробочек, нежели падающих деревьев.

— В твоем мешке... — Симна устал бежать. Ему хотелось остановиться и драться, однако он сомневался, что их противник окажет ему такую любезность. А даже если бы гроуты на это пошли, то сражаться с трехфутовыми невидимками было бы непросто. — В твоем мешке всегда что-нибудь найдется! Волшебный амулет, или порошок для дыма, который спрячет нас, или еще одна фигурка вроде той, которая вызвала юную Фасталу.

— Меч Фасталы здесь был бы столь же бесполезен, как наше собственное оружие. — Пастух искал место, где можно было бы остановиться и хотя бы как-то укрыться от обстрела древесных обитателей. — И у меня нет никаких магических снадобий и волшебных штучек. Но у меня есть идея.

— Глевен свидетель, я предпочел бы амулет, — прокричал Симна, — однако сейчас согласен и на идею. Если она стоящая.

Здесь не было ни пещер, ни построек, где можно спрятаться, но они наткнулись на расщепленное молнией дерево, основание которого напоминало шалаш. Тут путники и укрылись от непрекращающегося дождя колючих снарядов. На ветвях скопилось множество сверкающих глаз, и проворные, хотя и молчаливые гроуты продолжали забрасывать это временное убежище шишками.

Сбросив со спины котомку, Эхомба запустил руки в ее недра и наконец нашарил то, что искал.

Когда пастух вытащил руку, у него в пальцах обнаружилась тонкая неправильной формы пластина величиной с ладонь, которая с одной стороны была из темно-серого металла, а с другой — из превосходно отшлифованного стекла. Отражающая поверхность была сильно исцарапана, а металл изъеден ржавчиной и зазубрен. Вещица напоминала разбитый кусок зеркала.

— Что это? — спросил северянин с явным сомнением. — Похоже на зеркало.

Эхомба кивнул:

— Осколок старого зеркала. Фамильная ценность семьи Ликулу.

— И только-то? — Симна с недоумением уставился на своего долговязого спутника. — Простое зеркало? Зачем ты таскаешь с собой зеркало? Кажется, я не замечал, чтобы ты особенно внимательно следил за своей внешностью. — В его голосе затеплилась надежда. — Это ведь не простое зеркало, правда? Оно обладает какими-нибудь особенными свойствами и помогает тебе побеждать врагов?

— Нет, — сказал Эхомба без всякого выражения, — это всего-навсего зеркало. Приспособление, дающее людям возможность видеть себя такими, какие они есть.

— Тогда что от него пользы?

Метательный снаряд шлепнулся совсем рядом с правой ногой северянина, и он попробовал втащить ее поглубже в нору. Но места уже не оставалось. Гроуты же, видя, что их добыча попала в ловушку, становились все более дерзкими и спускались на нижние ветви, дабы было удобнее целиться. Мерцающие фасеточные глаза ярко-синего и зеленого оттенков начали сливаться в единое целое. А выше и ниже их сорванные сосновые шишки, казалось, плавали в воздухе.

— Солнце пока еще высоко и светит очень ярко. — Крепко сжав зеркало в руке, Эхомба приготовился выйти из-под прикрытия расщепленного дерева. — Глаза у гроутов большие. Если мне удастся направить на них солнечный свет и ослепить одного-двух, то остальные, возможно, испугаются и убегут. — Он бросил взгляд на друга. — Вот для чего я ношу его с собой: чтобы отражать солнце. В моей стране, когда кто-нибудь попадет в беду, это наилучший способ подать сигнал о помощи на большое расстояние.

— Лучше бы у меня были лук и стрелы. — Чуть высунувшись вперед, Симна попытался отыскать ближайшего из древолазающих мучителей. — Но если ты считаешь, что стоит попробовать...

Пастух не стал ждать, пока Симна выскажет свое мнение. Выйдя на открытое место, он нашел две пары шевелящихся глаз и наклонил осколок зеркала. Солнечные лучи, пробивавшиеся между деревьями, отразились от стекла и ударили вверх, танцуя вокруг голов гроутов. Это было трудное и рискованное предприятие. Подвижные гроуты редко оставались на одном месте.

Дальше случилось неожиданное. Накер смотрел как завороженный, а вот Симна не удивился. В обществе пастуха он привык ожидать неожиданностей.

Заметив в зеркале не отраженное солнце, а самих себя, сначала один, потом два, затем дюжина невидимых шишкометателей начали слезать и спрыгивать с веток и собираться словно загипнотизированные перед зеркалом. Скоро все воинство столпилось перед Эхомбой, глядя в исцарапанное отражательное стекло. Жутковатое было зрелище: более двух десятков комплектов фасеточных глаз плавали над подлеском.

Вблизи путешественники рассмотрели, что невидимый мех гроутов не делал гроутов совершенно прозрачными. Когда какой-нибудь из них двигался медленно, то воздух подрагивал, что напоминало Эхомбе горячие волны, поднимающиеся от поверхности песка в пустыне.

Симна обнажил меч. Его голос был таким же кровожадным, как и выражение лица. Протиснувшись вперед, черный кот встал рядом с ним.

— Отлично, братец. Погипнотизируй их еще немножко, пока я до них доберусь. — Он для пробы взмахнул оружием. — Мне всего-то нужно метить им в глаза. Ты их собрал вместе, и я сумею каждым ударом сразить сразу нескольких.

— Не надо, — промолвил Эхомба. — Стой на месте. По крайней мере еще минуту. Они не загипнотизированы. Это... что-то другое.

Северянин был в нерешительности. Алита тоже замер, издав глубокое горловое рычание.

— Не понимаю тебя, братец. Другого такого случая может и не представиться.

Он хотел добавить что-то еще, когда ближайший к зеркалу гроут внезапно издал удивленный, пронзительный визг, первый звук, который путешественники услышали от своих невидимых противников. Подпрыгнув прямо вверх, гроут быстро повернулся и исчез. Подобравшись поближе, чтобы занять место, освобожденное неожиданно убежавшим собратом, еще две пары глаз резко отпрянули назад. Предполагаемые губы издали панический крик, и стая бросилась наутек.

Все произошло в считанные мгновения. Только что гроуты стояли тут, столпившись вокруг осколка зеркала величиной с ладонь, а в следующую секунду их глазные яблоки уже разбегались во всех направлениях, чтобы спрятаться в лесной чаще.

Симна с облегчением вложил меч в ножны. Нерешительный Накер наконец выбрался из-под прикрытия расщепленного дерева. Отыскав подходящее пятно солнечного света, Алита начал прихорашиваться.

— Ради Гороки, что случилось? — Симна посмотрел на друга. — Ты не мог ослепить их всех. Мне даже кажется, что ты никого из них не ослепил.

— Я тоже так думаю. — Эхомба повернулся к своим озадаченным спутникам. — Единственное, что мне приходит в голову: они увидели себя в зеркале — впервые в жизни. Поскольку гроуты невидимы для нас и для Алиты, они, возможно, невидимы и самим себе. — Он медленно поднял отражательный осколок. — Хорошее зеркало показывает все таким, какое оно в действительности. Наверно, они увидели, как выглядят под своим невидимым мехом.

Остолбенение сменилось хохотом, и Симна весело проревел:

— Клянусь Гуквотом, им, должно быть, не понравилось то, что они увидели! — Утирая слезы, северянин подошел к высокому товарищу. — Думаю, все зеркала разные. — Он потянулся за осколком. — Дай-ка взглянуть.

К его удивлению, Эхомба отвел руку в сторону.

— Ты уверен, друг Симна?

Тот нетерпеливо нахмурился.

— Уверен? В чем уверен?

— Что ты хочешь увидеть себя таким, какой ты есть? — Тон пастуха был совершенно серьезным. С другой стороны, решил Симна, пастух всегда говорит серьезным тоном. Быстро протянув руку, он выхватил осколок полированного стекла из пальцев своего спутника.

— Зеркало — оно и есть зеркало. Кроме того, я и так знаю, какой я.

— Тогда зачем тебе смотреть еще раз? — тихо спросил Эхомба. Но Симна, казалось, не расслышал его.

Самодовольно ухмыляясь, северянин повернул зеркало в ладони и, шутливо приосанившись, поднес его к лицу на расстояние вытянутой руки. Было ясно, что он не придавал всему этому никакого значения. Результат же получился в высшей степени безрадостный.

Симна смотрел в зеркало, и ироническая улыбка медленно сходила с его лица. На ее месте появилось мрачное выражение, которого путники никогда не видели у беспечного, жизнерадостного товарища. Оно его сразу состарило: уголки глаз опустились, губы крепко сжались в узкую линию, в лице не осталось ни живости, ни веселости. Казалось, что северянин смотрит не в зеркало, даже не на свое собственное отражение, а на нечто гораздо более глубокое и несравненно более важное.

Что это было, никто из них не знал. Прежде чем они успели спросить или взглянуть на отражение в зеркале, Симна опустил его. Он впал в состояние глубокой задумчивости, столь же сумрачное, сколь и неожиданное.

— Симна? — Немного наклонив голову к спутнику, Эхомба попробовал заглянуть в его потупленные глаза. — Симна, друг мой, как ты себя чувствуешь?

— Что? — Северянин с усилием вынырнул из бездны мрачных размышлений. — Все нормально, братец. Я в порядке.

— Что ты видел? — Подошедший Накер с любопытством смотрел на кусок полированного стекла и металла, покачивающийся в пальцах товарища.

— Видел? — Стараясь воскресить свое прежнее добродушное и беспечное «я», Симна подбросил зеркало вверх, посмотрел, как оно несколько раз перевернулось, и ловко поймал неудобный продолговатый осколок одной рукой. — Себя, разумеется. Что еще можно увидеть в зеркале, кроме самого себя?

— Ну-ка дай мне тоже взглянуть. — Коротышка протянул нетерпеливые пальцы.

С показным безразличием, которого не ощущал, Симна вручил ему осколок. Накер быстро поднял зеркало к лицу и выжидательно заглянул в него.

Оттуда на него грустно смотрел Накер Сведущий. Но не тот, что стоял на тропинке прямо и уверенно, с ясным взглядом и чистой кожей. Лицо, назойливо таращившееся из зеркала, было лицом того Накера, которого Эхомба с товарищами нашел пьяного и грязного, валявшегося в замусоренном проулке в собственной блевотине. Желтоватые слюни текли из угла полуоткрытого рта, в кожу глубоко въелась грязь, а взъерошенные волосы так спутались, что вызывали отвращение даже у небрезгливых паразитов. Это было лицо человека, обреченного на короткую и убогую жизнь в беспробудном пьянстве и нищете.

Он отмежевался от отражения и всего того, что оно о нем рассказывало, быстро отдав зеркало северянину.

— Что-то здесь не так. Это не я. Не настоящий я. Это отражение того, каким я был. — Накер сердито повернулся к Эхомбе. — Зачем ты мне это показал? Зачем?

— Я тебе этого не показывал. — Голос пастуха ничуть не изменился. — Ты хотел посмотреть в зеркало и попросил его у Симны. Помнишь?

— Ну, это не так. Все не так. — Раздраженный Накер отвернулся от них обоих.

— Не спорю, — кивнул Эхомба. — Тебе надо бы спросить Ликулу... Что касается меня, то я носил его с собой, чтобы сигналить, а не как обычное зеркало.

— Так или иначе, это не обычное зеркало, братец. — Симна крепко сжал прямоугольник поцарапанного стекла.

Громкое пыхтение у них за спиной напомнило о присутствии Алиты.

— Я хочу взглянуть. Видел свое отражение только в стоячей воде.

— Ага, отличная мысль! — К северянину вернулась его обычная жизнерадостность, и он с готовностью подставил зеркало коту, при этом подмигивая спутникам. Симна с нетерпением ждал, как отреагирует это величественное и нестерпимо высокомерное животное. — Вот. Нормально? Хорошо себя видишь?

Светящиеся темно-желтые глаза слегка сузились, поглядев в зеркало.

— Да, прекрасно, — медленно кивнул кот. — Примерно так, как и должно быть.

Выжидательная ухмылка Симны, словно говорившая «Полюбуйся!», сменилась неуверенным взглядом. Нахмурившись, он дал знак Накеру подойти и подержать зеркало. Как только маленький человечек взялся за прямоугольник, северянин обошел его и встал рядом с большим котом, прижавшись к массивному телу, дабы лучше рассмотреть отражение хищника. Под таким углом Симне было видно не так хорошо, как Алите; тем не менее сходство в зеркале было вполне очевидным.

Из стекла на него смотрело гордое и властное лицо; черный кот отражался во всей своей зрелой силе и великолепной мужественности. В сущности, настолько великолепной, что отражение в зеркале не только было окутано бледным золотистым ореолом, но даже искрилось. Черная грива превратилась в сверкающее, струящееся сияние охристого индиго, обрамлявшее весь остальной царственный облик изумительной лучезарностью.

С мягким урчанием Алита равнодушно отвернулся от зеркала.

— Да, примерно так, как и должно быть.

Багрянец, заливший щеки Симны, не имел ничего общего с избытком солнечного света.

— Не может быть! — Обежав вокруг Эхомбы и встав перед ним, он потряс исцарапанным стеклом перед лицом пастуха. — Накер прав! Здесь что-то не так. Это проти-

воестественное зеркало одержимо злым духом. Тем, которому доставляет удовольствие издеваться над нами.

Эхомба как мог старался успокоить спутника:

— Возможно, ты и прав, Симна. Но не требуй от меня объяснений. Я уже говорил тебе: это подарок, один из многих, что мне второпях надавали, когда я покидал деревню. Для меня это просто зеркало. Кусок полированного стекла, который отражает вещи такими, какие они есть... и не знаю, какими еще свойствами он может обладать. Чтобы лучше понять это, тебе пришлось бы...

— Спросить Ликоулду, или как там ее зовут. Ага. — Расстроенный северянин хотел было вернуть зеркало владельцу, но передумал. — Эй, братец, а почему бы и тебе не посмотреть?

Эхомба дружелюбно улыбнулся:

— Я уже знаю, как выгляжу.

— Знаешь, стало быть? — Симна прищурился, и глаза его сверкнули. — Так я и думал. Именно так мы все и думали. — Он поднял зеркало к бесстрастному лицу друга. — Ну, давай, Этиоль, посмотри. А может статься, у тебя, как у великого кудесника, настоящее отражение несколько отличается от того, чего можно было бы ожидать?

Прежде чем ответить, пастух секунду помедлил.

— Ладно, давай сюда. Мы только теряем время. — Взяв зеркало и держа его у груди, он взглянул вниз. — Какая неожиданность, Симна. Я вижу себя.

— Ага, вот только какого себя? — Шагнув к товарищу, низкорослый северянин изо всех сил старался увидеть отражение пастуха. — Ну-ка, опусти его немного и дай мне взглянуть.

— И мне, — поспешил присоединиться любопытный Накер.

Эхомба наклонил зеркало чуть ниже. В тот же миг оба его спутника вскрикнули, отвернулись и стали тереть глаза. Утирая ладонью слезы, катившиеся по лицу, Симна резко сказал другу:

— Может, не стоит совмещать солнце со своим отражением?

— Извини. — Отступив в тень, пастух изменил наклон зеркальца, чтобы туда смогли заглянуть его любознательные товарищи. Подойдя поближе, Симна и Накер с предвкушением уставились в стекло. На них глядело добродушно улыбающееся отражение Этиоля Эхомбы.

— Дай-ка! — Выхватив зеркало из рук пастуха, Симна сам выровнял его. Повертев стекло так и сяк и поглядев на отражение под разными углами, он наконец вернул зерка-

ло владельцу, не зная в точности, огорчаться или радоваться. — Ага, это ты. Просто ты. Обыкновенный ты.

— А чего ты ожидал, Симна? — Эхомба аккуратно уложил зеркальце обратно в мешок.

— Кое-чего еще, братец. Кое-чего помимо твоего отражения. Кое-чего не столь обычного. — Он пожал плечами. — Но это был всего-навсего ты. С таким же успехом можно было посмотреть в зеркало в пансионе. — Глубоко вздохнув, Симна упер руки в боки и взглянул на тропинку, вьющуюся сквозь лес. — Сколько еще до этого Нихерая?

— Незербре, — поправил Накер. — Еще день, может, два. Я знаю дорогу, но сам был там только один раз, да и то давно.

Собравшись с духом, северянин тронулся вперед.

— Ну, тогда пошли. — Он поднял взгляд к ветвям. Дракончики могли осыпать его искрами, а птицы еще кое-чем, но это Симну не беспокоило. Вот с гроутами ему не хотелось бы встречаться снова, а там, где обитала одна стая, вполне могла появиться и другая.

Эхомба и Накер шагали следом за северянином, Алита замыкал процессию. Идя по пятам людей, он внимательно глядел желтыми глазами в спину пастуху. Он ничего не сказал, да и не собирался ничего говорить о том, что видел. Чем меньше ему приходилось беседовать с людьми, тем лучше он себя чувствовал. Будучи умным, он был и любознательным, но пока собирался держать свою любознательность при себе. Несомненно, в будущем он найдет объяснение — либо случайно, либо намеренно.

Когда двое коротышек первый раз взглянули в зеркало, которое держал человек с юга, их мгновенно ослепил отраженный свет. Ничего необычного в этом не было.

Кроме того, что в то время солнце находилось перед пастухом, а не позади него.

XVII

Симна ожидал увидеть вполне заурядную уединенную горную деревеньку, где поросята и гептодоны, куры и рафусиды без присмотра бегают по ухабистым грязным улицам, дети вопят, белье сушится на подоконниках распахнутых окон и повсюду воняет отбросами и навозом. При столь за-

ниженных ожиданиях неудивительно, что, когда поселок Незербре выплыл из-за окружавших его деревьев, северянин ощутил прилив душевных и физических сил.

Все путешественники почувствовали облегчение. Предыдущий день они упорно взбирались по тропинке, становившейся круче и круче. Хотя вслух об этом и не говорилось, каждый из них считал перспективу ночлега в настоящей кровати успокоительно-бодрящей.

— Какое очаровательное местечко! — Сцепив пальцы на лямках своего заплечного мешка, Симна ибн Синд зашагал веселее и дружелюбно толкнул локтем Накера. — Признаться, меня немного беспокоило, куда мы попадем, но ты, оказывается, преуменьшал прелесть этой деревни. — Он понизил голос. — Интересно, а местные дамы так же привлекательны, как место их проживания?

Когда путешественники вошли в неогражденное и неохраняемое селение, люди поднимали головы от работы, чтобы, улыбаясь, помахать им. Привычные к встречам со случайными странниками в своем горном захолустье, они не опасались троих мужчин и их впечатляющего кошачьего спутника. Во всяком случае, приветствия были радостными.

По мере того как путешественники углублялись в разумно распланированное селение, Эхомба все более восхищался превосходными домами и мастерскими. Ни одно строение не поднималось выше одного этажа, хотя многие дома стояли под островерхими крышами, где располагались просторные чердаки. Каждую перекладину или столб, доску или перила украшала искусная и тонкая резьба. Поперечные балки кровель заканчивались остроклювыми головами лесных птиц. Множество зверей, каких пастух даже никогда не видел, паслись, щипали листья, дремали, грациозно выгибали шеи и пили из прудов воду.

Распахнутые ставни незастекленных окон были разукрашены горными ландшафтами. Небольшие каменные колодцы стояли под кровлями самого замысловатого вида, от круглых до восьмиугольных.

На каждой мастерской или фасаде лавочки были вырезаны сценки, рассказывающие о профессии хозяев. По обеим сторонам дорожки, ведущей в деревенскую сапожную мастерскую, красовались огромные деревянные башмаки различных фасонов. Перед кузницей были выставлены многочисленные скобяные изделия и инструменты, вырезанные из дерева. Булки и оладьи, пирожки и печенья перед пекарней выглядели такими свежими, что их хотелось съесть. Великое мно-

жество иных скульптур были раскрашены не менее искусно, чем вырезаны.

Нешироκие улочки, разделявшие сказочные домики, были немощеными, однако путники, шедшие по ним, не поднимали пыли. Причину этого они поняли, когда повстречали группу женщин, подметавших улицу густыми щетками из конского волоса и нагибавшихся, чтобы поднять с земли всякую соринку.

— Я люблю чистоту, — улыбнулся Симна и галантно поклонился, проходя мимо подметальщиц. Кое-кто из женщин улыбнулся в ответ и сделал реверанс. — Но подметать поселок — это уже слишком.

— Мне вспоминается другой городок, через который мы проходили, тоже одержимый чистотой. — Лицо Эхомбы было, как всегда, непроницаемо, однако он внимательно смотрел на здания. — Помнишь? У нас там возникли проблемы.

— Ага. Но это ведь всего-навсего маленькая деревенька. Вряд ли здесь мы столкнемся с какими-нибудь неприятностями.

Пастух никак не мог расслабиться.

— Мне не нравятся вещи без изъянов.

— Отлично. — Нагнувшись, Симна плюнул на ногу пастуху. — Пожалуйста. Вот тебе изъян. Теперь чувствуешь себя получше?

Поглядев вниз, высокий южанин остался безразличен к плевку.

— Меня слюнявили многие животные. Слюни ничего не портят.

Северянин с грустью покачал головой:

— Надеюсь, Этиоль, что твои жена и дети не такие флегматичные, как ты. В противном случае твоя семейная жизнь наверняка скучна и уныла.

Эхомба повернулся к другу:

— Многие говорят, что Миранья одна из самых бойких и обаятельных женщин. Мне самому она, безусловно, такой и представляется.

— Может, это только по сравнению с тобой, братец. Рядом с тобой и камень покажется завзятым весельчаком.

— Ты не первый, кто намекает, что если у меня есть недостатки, то одним из них могла бы считаться порой излишняя серьезность.

— Могла бы считаться? — Симна удивленно расхохотался. — Ага, длинный братец, а луна могла бы считаться далекой, океаны — глубокими, а женщины — непостоянными. Да, можно было бы сказать, что у тебя есть незначительная склон-

ность к сдержанности. Но это пустяки: мы на тебя не в претензии. — Он оглянулся на остальных. — Не правда ли, друзья?

— Истинная правда, — быстро заявил Накер.

— Я считаю, что вы все в высшей степени ребячливы и глупы. — Алита проговорил это с величайшей серьезностью. — Среди людей лишь самые глубокомысленные долгими и упорными трудами достигают высокого уровня безукоризненного остроумия.

— Сколько мудрости, — огрызнулся Симна, — исходит от того, кто заявляет о своем местожительстве, писая повсюду вокруг.

— Смотрите-ка, вон там постоялый двор! — намеренно громко объявил Накер.

Северянин и кот пристально посмотрели друг на друга, после чего препирательства были прекращены по взаимному молчаливому согласию, как и десятки прочих споров до этого.

Сколь ни были великолепны украшения, которые путники видели повсюду в городке, но те, что покрывали фасад постоялого двора, затмевали всех своих резных предшественников. И хотя это было всего лишь одноэтажное строение, но верхнее помещение, или чердак, был значительно просторнее других, что позволяло расположить несколько комнат над основным этажом. Не только лесные звери, но и неодушевленные порождения причудливой фантазии резчиков глядели с широких, превосходно сработанных дверей парадного входа. Тут были и дубовые арабески, и сосновые орнаменты, и еловые тучи, нависающие над горами красного дерева, и многое, многое другое.

Поднявшись по ступеням вслед за Накером, путешественники очутились в передней, где никого не было, кроме пухлой розовощекой женщины лет тридцати с небольшим. Она подметала густой щеткой отлично натертый паркетный пол. Как Эхомба ни напрягал зрение, он так и не смог разглядеть, что здесь можно было подметать. На его взгляд, пол выглядел безукоризненно.

— Добро пожаловать, странники! — Женщина радушно улыбнулась. — Добро пожаловать в Незербре. Надеюсь, что вы найдете наши комнаты удобными, белье свежим, а еда и питье придутся вам по вкусу.

— Уверен, так оно и будет, — заверил ее Симна. — Думаю, у вас отыщется место для нас четверых?

— О да, безусловно! — Прислонив щетку к стене, на которой, как и на полу, не было ни единого пятнышка, она сложила руки и гостеприимно кивнула. — В это время года у нас

мало постояльцев, и мы будем рады принять вас. Да будет вам известно, что сегодня вечером здесь состоится городской праздник. Естественно, как гости вы тоже приглашены.

— Праздник! — Северянин довольно закивал. — Даже и не помню, когда я в последний раз был на празднике. — Он поддразнивающе ухмыльнулся Эхомбе. — Уж во всяком случае, не с тобой. — Снова повернувшись к доброжелательной и симпатичной хозяйке, Симна добавил: — Мы будем счастливы присутствовать.

Ее улыбка исчезла, но лишь на один миг.

— Я, должно быть, недопоняла. Вы сказали, что вас четверо? А я вижу только троих.

Слегка повернувшись, Эхомба кивнул в сторону кота. Войдя в прихожую позади товарищей, Алита растянулся на животе, вытянув перед собой передние лапы.

— Три человека и один кот.

Улыбка на губах хозяйки не дрогнула, однако в ее голосе вдруг зазвучала неожиданная строгость.

— Вы, конечно же, не собираетесь взять эту огромную черную штуку с собой в комнату?

— Алита с нами, — объяснил Эхомба. — Почему нет? Он умный и может говорить не хуже любого человека.

— Не так, — сказал черный кот, не поднимая головы. — Я могу говорить лучше.

Хотя это и потребовало видимого усилия, но хозяйка сумела сохранить на лице улыбку.

— Это же грязное животное!

Внезапно краска, которая расцвечивала искусную деревянную резьбу снаружи, будто бы чуть поблекла, а среди тщательно прополотых цветов выглянули один-два сорняка. Заметив, как у пастуха вздулись желваки, Симна поспешно шагнул вперед.

— Конечно, дорогуша, мы все прекрасно это понимаем. Вот мой высокий друг, — он ткнул пальцем в сторону Эхомбы, — родом из далекой южной страны, где пастухи частенько остаются на пастбищах по многу дней только со своими стадами и отарами. Поэтому он привык находиться с животными и считает совершенно естественным ночевать вместе с ними. Кроме того, он не знает городов. Позвольте спросить, госпожа, не найдется ли тут места, где наш кот мог бы найти кров?

Значительно смягчившись, хозяйка показала направо:

— Там, за домом, конюшня. Сейчас она пустует, так что это огромное чудовище лошадей не потревожит. Там есть вода и сколько угодно соломы: на ней будет потеплее. Тут, в Хругарах, становится прохладно.

— Уверен, ему вполне подойдет. — Напряженно улыбаясь, северянин обернулся к бесстрастному Алите. — Ведь правда?

Морда большого кота чуть дернулась, что можно было понять как пожимание плечами.

— По крайней мере не будет пахнуть людьми.

— А я переночую вместе с ним. — Эхомба больше не улыбался хозяйке. — Разумеется, у вас свои правила. Пожалуйста, не беспокойтесь на мой счет. В любом случае я предпочитаю жесткую постель мягкой, что могут подтвердить мои спутники.

— Отлично! — Тихонько ворча, Симна отвернулся от него. — Полагаю, ты ждешь, что я проявлю солидарность, присоединившись к вам, дабы вкусить прелестей коровника?

— Вовсе нет, — ответил Эхомба. — Пользуйся теми удобствами, которые можешь отыскать.

— Приятно слышать, потому что именно так я и собираюсь поступить, — упрямо проговорил северянин. — После карабканья по горным кручам мне хочется отмокнуть в горячей ванне и полежать на чистых простынях, а проснуться тепленьким и отдохнувшим.

— Так и следует сделать. — Эхомба посмотрел мимо него и вежливо осведомился: — Позади дома, вы сказали?

Сложив руки, хозяйка сурово кивнула.

— Приятного сна, — саркастически напутствовал его Симна. — У нас с Накером он наверняка таким и будет. Верно, дружище?

— Надеюсь, — неуверенно промямлил маленький человечек.

— Точно! Ну, пошли. — Приобняв колеблющегося Накера, северянин направился мимо хозяйки в верхний зал. — Не покажете ли нам нашу комнату, дорогуша?

— Охотно. — Наградив Эхомбу прощальным осуждающим взглядом, хозяйка повернулась и повела за собой двоих низкорослых мужчин.

— На улицу, назад и вокруг. — Эхомба направился к выходу. Кот поднялся и пошел следом.

— Знаешь, ты не обязан этого делать, — сказал Алита, когда они спустились по ступенькам и повернули направо.

— Знаю.

— Я не прошу тебя составлять мне компанию. Мне нравится одиночество.

— Это я тоже знаю. Насчет слишком мягких городских кроватей я говорил серьезно. Меня больше устроит солома.

— Делай, как тебе нравится. Мне все равно. — Алита замолчал.

Конюшня была крепкой и построенной так же добротно, как и любое другое здание в этом селе — даже если оно предназначалось для содержания грязных животных.

— А как насчет сегодняшнего городского праздника? — поинтересовался кот.

— Мне кажется, лучше было бы не рисковать. Если эти люди не пускают грязных животных к себе на постоялый двор, то я сильно подозреваю, что они не станут с ними обниматься на своих гулянках.

Зайдя в конюшню, Алита стал подыскивать себе подходящее местечко для ночлега.

— Вероятно, ты прав, Этиоль Эхомба. Интересно, а каково им принимать грязных людей?

— По голосу женщины мне показалось, что она имела в виду лишь аспекты личной гигиены, когда употребляла слово «грязный». Боюсь, впрочем, что сопряженные с этим чувства могут оказаться куда более глубокими и мерзкими.

Сунув голову в пустое стойло, Алита проворчал:

— Я бы не удивился. Я тут полежу и подремлю немножко. — Левгеп фыркнул и потряс головой, от чего густая черная грива всколыхнулась, словно гигантская швабра. — С тех пор как мы покинули степь, я постоянно недосыпаю. — Устроившись, он взглянул вверх. — А ты пойдешь?

— Придется. Не потому, что имею сильное желание — хотя, несмотря на их предрассудки, это интересное местечко, — а потому, что, как мне кажется, за Симной надо присматривать. Язык доведет его до беды.

Они растянулись рядом на большой куче соломы. Ее недавно обмолотили, и она все еще была мягкой и приятной. С нее хорошо было видно передний и задний вход в конюшню. Эхомба решил отдохнуть до ужина. А после начнется сельский праздник, который он посетит как путешественник и гость. Эхомба знал, что, пока он будет затыкать рот Симны едой, тот вряд ли причинит неприятности.

Ужин, съеденный в корчме постоялого двора, оказался отменным, приготовленным и накрытым столь же художественно, как и строение, в котором его подавали. Трое путешественников не были здесь единственными посетителями. С заходом солнца начали приходить местные жители, освещая себе путь по вычищенным незербрейским улицам маленькими оловянными фонариками с изящными барельефами. Вскоре корчма наполнилась смехом и непринужденными беседами. Мужчины обсуждали начало вырубки на новой лесной делянке, поскольку-

ку деревня поставляла деревянные изделия в Бондрессей и Сквой. Женщины говорили о детях и домашнем хозяйстве. Все много и добродушно сплетничали.

Селяне беседовали главным образом между собой, а трое путешественников сидели на одной из длинных общих лавок. Но чем позднее становилось, тем больше наполнялась корчма, веселье становилось более общим, шутки более шумными, и путники неизбежно втянулись в разговор с местными. По крайней мере Симна. Накер соблюдал осторожность, а Эхомба, можно сказать, отличался необщительностью.

Откинувшись на спинку скамьи, северянин по-свойски осведомился у сидящего рядом дородного селянина:

— Стало быть, вы рубите много деревьев?

— А почему бы и нет? — У мужчины были толстые руки, загрубевшие от долгих лет тяжелого физического труда. — У нас тут полно деревьев, а бондрессейцы хорошо платят за наш лесоматериал. К тому же рыжие ужасно быстро орудуют двуручными поперечными пилами, поэтому мы можем их также использовать и на лесоповале. — Его товарищи захохотали, и Симна позволил себе сдержанно улыбнуться этому образчику деревенского юмора.

— А среди вас есть женщины-лесорубы?

Смех вокруг мгновенно стих. Приветливость на лицах сменило угрюмое выражение.

— Омерзительно! Ни один незербреец, мужчина или женщина, такого не потерпел бы.

— Ага, — сокрушенно пробормотал Симна. — Я просто спросил. Не забывайте, что мои друзья и я здесь впервые.

— Это правда... да, это так... — Постепенно присутствующие снова заулыбались, и к ним вернулось хорошее настроение. — Женщина-лесоруб... такие речи могут навлечь на человека проклятие.

— Проклятие? — вступил в разговор Эхомба. — Чье проклятие?

— Как чье? Трагга, разумеется. — Местные переглянулись и покачали головами в знак соболезнования неосведомленности чужеземцев. — Трагг — бог петляющих лесных тропинок. Тот, кто следует Его путем и соблюдает Его учение, проживет долгую и счастливую жизнь здесь, в Хругарских горах. Так искони повелось у жителей Незербре.

— Вас этому учат ваши священники? — После своего промаха Симна пытался облечь вопрос в наиболее безобидную форму.

— Священники? — Мужчины переглянулись и, к облегчению северянина, снова разразились смехом. — У нас нет священников!

— Мы знаем истинность того, что нам говорит Трагг, — изрек другой селянин, — потому что истина есть истина. Нам не нужны священники, чтобы рассказывать подобные вещи. Мы такая же часть Мыслящих Королевств, как Мелеспра или Уренон Изящный.

— Именно. Вся разница только в том, что мы предпочитаем жить в более простых условиях. — Местный житель, сидевший ближе к Симне, оживленно жестикулировал. — Нам не нужны усадьбы или замки. Свои жилища мы отделываем скромным деревом, которое украшаем и облагораживаем собственными руками. Все это нам велит Трагг.

— И он также говорит вам, что животные — грязные твари? — задал вопрос Эхомба, прежде чем Симна успел понять, куда он клонит, и остановить его.

Но северянин волновался напрасно. Еще один мужчина ответил сразу же и не раздумывая:

— Конечно! Если мы в чем-нибудь не уверены, мы обращаем свою веру к учениям Трагга, и они говорят нам, что надо делать.

— А эти учения, — спросил Эхомба, — никогда не ошибаются?

— Никогда! — хором заявили несколько мужчин и две женщины.

— Однако мне показалось, будто вы сказали, что Незербре является частью Мыслящих Королевств. Если в своих действиях вы полагаетесь на учения Трагга, то, значит, вы не размышляете о том, что делаете. Вы подменяете мышление верой.

Наклонившись к другу, Симна настойчиво зашептал:

— Я много чего повидал, братец, и, основываясь на собственном опыте, советую тебе немедленно прекратить разговоры на эту тему.

— Почему? — невинно поинтересовался Эхомба. — Это же мыслящие люди, граждане Мыслящих Королевств. Людей, которые думают, вопросы не смущают. — Повысив голос, он спросил: — Не так ли?

— Конечно, дружище, конечно! — воскликнул селянин, сидевший за столом напротив пастуха. — Вера не заменяет мышления. Она его дополняет. — Широко ухмыльнувшись, он добавил: — Мы думаем о том, во что мы верим.

— И верим в то, что думаем. — Женщина, уже довольно много выпившая, провозгласив этот догмат, захихикала. Ее приятель тоже расхохотался, и снова веселье за столом стало всеобщим.

Эхомба начал говорить что-то еще, но на этот раз Симна перебил его сразу:

— Эй, братец, если тебя не беспокоит собственное благополучие, то по крайней мере подумай о моем, ладно? Надо перевести беседу на что-нибудь безопасное.

— Я... ну да ладно. — Увидев обеспокоенное лицо северянина, Эхомба решил воздержаться от вопросов, вертевшихся у него на языке. Пока. Он сосредоточился на содержимом глиняной кружки, которую перед ним поставили.

Около задней двери кто-то держал речь, взобравшись на стул. Эхомба назвал бы мужчину распорядителем постоялого двора. Не хозяином — хозяином должен быть муж той женщины, которую они встретили в самом начале. Говорившего выделяли выступающий животик и тщательно приглаженные усы, закрывавшие значительную часть его толстого лица. Лесорубом он явно не был.

— Друзья, гости! Вы видели это и раньше, рассматривали и удивлялись, и сегодня вечером мы еще раз покажем это вам, чтобы наш праздник был веселее, а единство нашей общины еще больше крепло. — Осторожно повернувшись на слегка качающемся стуле, мужчина величественно взмахнул рукой в направлении задней двери. Она была очень широкой и высокой, с необычным полукруглым проемом. Присутствующие замерли в ожидании. По взаимному безмолвному соглашению сразу стихли все разговоры.

— Представляю вам, — провозгласил управляющий, — ночной кошмар!

Из толпы послышались радостные вопли и гиканье, дикий рев, сотрясший стены корчмы. Благодаря своему раннему приходу Эхомба и его спутники сидели на таких местах, где ничто не загораживало сводчатую дверь. Теперь она широко распахнулась, и все в молчании уставились на нее.

Невзирая на то что клетка легко катилась на широких колесах, потребовались совместные усилия четырех крепких мужчин, чтобы втянуть и втолкнуть ее в корчму. Спицы и ступицы колес, да и сама клетка были украшены мистическими знаками и загадочными фигурами. Даже прутья и массивный замок были изготовлены из дерева, любовно отполированного, чтобы оттенить прекрасную темную текстуру. Не-

смотря на высоту двустворчатой двери, верх клетки едва протиснули через сводчатый проем двадцати футов высоты.

В клетке, схватившись за два прута, стояло десятифутовое нечто.

Оно было огромным и высоким, и Эхомба прикинул, что его вес должен равняться трем крупным мужчинам. Сказать точнее было трудно, поскольку существо полностью покрывали длинные густые пряди темно-серых с черными полосами волос. Череп был скорее человеческий, нежели обезьяний, а черные глаза, глядевшие из-под низких, толстых, выступающих бровей, сверкали яростью. Нос не отличался приплюснутостью, как у обезьян, но и не так выступал, как человеческий. Сквозь мельтешащие, жестикулирующие руки собравшихся в таверне людей пастух разглядел у существа по пять пальцев на ладонях и ступнях.

Значит, это не обезьяна, хотя и не член человеческого семейства. Что-то среднее или ответвление, неизвестное народу наумкибов. Чем больше оно ревело и трясло прутья клетки толщиной с дерево, тем больше толпа глумилась и орала.

Выкрикнув что-то неразборчивое и, видимо, непристойное, кто-то из присутствующих вскочил и кинул в клетку остатки теплого мясного пирога. Пролетев сквозь прутья, кусок попал кошмару чуть выше правого глаза. Вздрогнув, существо повернулось и заревело на обидчика. Это вызвало взрыв хохота, и отовсюду полетели объедки: пироги, полуобглоданные кости, куски мяса, овощи, надкушенные булочки, жирные от масла... Поначалу существо не обращало внимания на летящую в него пищу и продолжало рычать на своих мучителей. Но постепенно его вой и стоны смолкли. Осыпаемое со всех сторон едой и насмешками, оно наконец отступило к середине клетки. Там, сгорбившись, село и больше не пробовало отбиваться от съедобных снарядов и лишь пыталось не обращать на них внимания.

— Заставьте его встать и снова помычать! — крикнул кто-то.

— Взять длинную палку да пихнуть его! — предложил другой.

В конце концов толпе это надоело. Судя по всему, они уже не в первый раз веселились таким способом. Отвернувшись от клетки с ее одиноким несчастным пленником, селяне вновь принялись угощаться, обмениваться шутками и сплетнями, словно не произошло ничего необычного. Симна и Накер с большей легкостью, нежели Эхомба, вернулись к непринужденному дружелюбному общению с гражданами Незербре.

— Вот это зверюга! — Северянин отломил большой кусок свежего хлеба. — Где это вы его поймали?

Женщина, сидевшая напротив него за столом, ответила. Не потому, что вопрос был обращен именно к ней, а потому, что у всех мужчин, сидящих поблизости, рты были набиты едой.

— Его взяли в лесу далеко отсюда, где Хругарский хребет начинает подниматься к небесам. — Она изящно отпила из своей кружки. — Вблизи нижнего склона горы Сказе. Понадобились две группы мужчин, чтобы стащить его вниз на веревках, и три, чтобы привезти на санях в Незербре.

— Нелегкий подвиг. — Эхомба, как всегда, говорил совершенно спокойно. — А что оно делало?

Женщина моргнула, посмотрев на него бойкими глазками, но в ее голосе зазвучало непонимание.

— Делало?

— Когда его поймали. На кого оно нападало или угрожало?

Плотный мужчина, сидевший рядом с ней, прочистил горло и ответил:

— Оно ни на кого не нападало и никому не угрожало, дружище. Уж я-то знаю: я был там. — Он гордо ухмыльнулся. — Я был одним из дровосеков, которые его приволокли. Какая силища! Тварь дралась с нами, как безумная. Дикая, нечистая зверюга.

Эхомба подумал:

— Но ведь в лесу наверняка полно животных. Зачем же забирать этого оттуда, где оно жило, и волочь сюда, в Незербре?

— Потому что оно не полезное, — встрял в разговор другой мужчина. — Вапити или там кролик, птицы и грызуны — они все полезные, все съедобные. — Куском свинины он показал в направлении безмолвной клетки. — Достаточно только посмотреть на эту штуку, и сразу ясно: есть его нельзя.

Пастух понимающе кивнул:

— Тогда зачем же беспокоиться и тащить его в такую даль?

Несколько едоков обменялись недоуменными взглядами.

— Как зачем? Потому что его присутствие оскверняло наш лес! — заявила другая женщина. Ее объяснение было одобрено гулом сидящих поблизости.

Заговорил самый старший селянин из присутствующих:

— Учения Трагта гласят, что лес и все в нем находящееся принадлежит нам, жителям Незербре. Мы следуем этим учениям, и они нам подходят. Трагт очень доволен. Нам принадлежат деревья, которые мы рубим, орехи и ягоды, которые мы собираем, животные, которых мы едим. Всему надо найти

употребление — или уничтожить. — Его земляки хором затараторили: «Правильно!» — Вы сами видели, как чисто в нашем селе. Это потому, что мы обязательно избавляемся от всего бесполезного.

— Очень интересно, — согласился Эхомба. — А как насчет нас?

Сидевший рядом с ним Симна поперхнулся. У Накера забегали глаза, и он начал нервно барабанить пальцами. Однако тишина, наступившая за столом, тянулась не более секунды или двух. Ответил старик:

— Чужестранцы приносят рассказы об иных землях, новые знания и занимательные истории. Это полезные вещи. Мы их приветствуем, поскольку сами не путешествуем. — Оглядев стол, он усмехнулся и кивнул. — А зачем? Кому охота покидать Незербре?

На сей раз одобрение было не только общим, но и громогласным и радостным. Эхомбе показалось, что выкрики были даже несколько преувеличенными, хотя среди общего добродушного гвалта сказать наверняка было трудно.

— Если этот зверь бесполезен, зачем вы его тут держите?

— Бесполезен? — Поднявшись со своей скамьи, худенький юноша взял со стола небольшую тарелку с объедками. — А вот погляди-ка! — Он размахнулся и швырнул ее в клетку. Тарелка, описав изящную дугу, ударила в массивную волосатую спину прямо между лопатками и отскочила в сторону. Сгорбившееся существо качнулось вперед на дюйм-другой, однако не обернулось и даже не подняло глаз.

Сев на место, молодой человек от души расхохотался. Его соседи смеялись вместе с ним.

— Оно нас развлекает, — донесся сквозь повальное веселье голос женщины, которая заговорила первой. — Позволяя детям кидать в него разные вещи, мы приучаем их меньше бояться зверей, обитающих в лесной чаще. Так мы выполняем заветы Трагга и следуем примеру, который давным-давно Он Сам нам явил.

Кто-то передал пастуху тарелку, наполненную кусками жира, срезанного с многих кусков мяса.

— Возьми, дружище. Давай запусти в него!

Эхомба с мягкой улыбкой покачал головой:

— Я очень ценю ваше великодушное предложение, преисполненное духом глубокого дружелюбия, которое восхищает нас здесь, в Незербре, однако, поскольку я не могу считаться истинным последователем Трагга и удручающе

мало знаком с его учением, с моей стороны было бы слишком большой дерзостью участвовать в одной из церемоний. Давайте лучше не будем ее портить.

— Что значит портить? — Под аккомпанемент ободряющего крика и визга одна из сидевших за столом женщин встала и кинула тарелку. Ее рука оказалась не такой точной, как у юноши. Тарелка не долетела и со звоном упала около клетки, вызвав добродушное веселье. Тем не менее усилия женщины были вознаграждены рукоплесканиями.

Сохраняя на лице непроницаемое выражение, Эхомба поднялся с лавки.

— Не знаем, как вас и благодарить за столь восхитительный вечер, за то гостеприимство, которое вы нам оказали. Но мы утомлены после долгого дневного перехода, а завтра снова должны отправляться в путь. Так что мы, пожалуй, пойдем спать.

— Утомлены? — Подняв свой недавно наполненный стакан, разошедшийся Симна приветствовал им новых приятелей за столом. — Кто это тут утомился?

Глянув вниз, пастух положил другу ладонь на плечо. На удивление тяжелую ладонь.

— Завтра мы должны начать переход через Хругарский хребет. Необходимо набраться сил.

— Эй, братец, я как раз и набираюсь, — проговорил Симна сдавленным голосом и резко стряхнул длинные пальцы пастуха. — Этиоль, я — твой друг и наперсник, а не один из твоих деревенских пацанов.

Рядом с ним Накер решительно поднял кружку.

— Я тоже ничуть не устал. Даже не помню, когда в последний раз я так чудесно проводил вечер! — Он неуверенно отхлебнул из своего сосуда. Не услышав ни от кого возражений, он отхлебнул побольше.

— И я. — Симна улыбнулся суровому пастуху. — Вечно ты такой озабоченный, братец. Примени-ка свое волшебство и поспи сразу за нас троих!

— Может, я так и сделаю. — Эхомба, разочарованный товарищами, встал и направился к выходу из корчмы, предоставив спутников самим себе.

Двое мужчин, сидевших напротив, перегнулись через стол с недоверчивым видом.

— А твой друг действительно волшебник?

Симна глотнул из стакана, не обращая внимания на то, что Накер снова неуклонно напивался. Более того,

маленький человечек и не думал останавливаться или хотя бы замедлять темп.

— Лично я в этом совершенно убежден, хотя если так, то он самый странный из них. Все твердит, будто он всего-навсего пастух, и отказывается пользоваться волшебством, даже чтобы спасти собственную жизнь. Все, дескать, зависит не от его чародейства, а от того, что ему надавали в дорогу деревенские старухи. — Северянин взглянул на главный вход, но Эхомба уже исчез, направляясь в конюшню на задворках, где спал четвертый член их компании. — Я немало путешествовал и повидал мир. Встречал множество странных парней, но этот, клянусь тенью Гискрета, самый чудной и загадочный из всех.

Закончив свое объяснение, Симна немного помолчал, пожал плечами и прикончил содержимое стакана. Его с шутками и прибаутками тотчас же наполнили вновь.

— А мне он показался не очень-то похожим на колдуна, — заявил один из лесорубов.

— Скорее поверю, что такой странный тип без ума от коровьих лепешек! — сострил другой. Все так и покатились со смеху над этой шуткой.

Симна понимал, что не следовало бы оставлять без внимания почти неприкрытое оскорбление в адрес друга. Но он прекрасно проводил время, а средних лет женщина на дальнем конце стола посматривала на него не из простого любопытства. Поэтому он пропустил колкость мимо ушей и улыбнулся ей в ответ. У него всегда получалось пропускать мимо ушей то, что неприятно, особенно если это в конечном счете касалось других.

Рядом с ним счастливый Накер протягивал кружку, чтобы ему налили. В большой емкости можно многое утопить — в том числе и данные обещания.

XVIII

В темной глубине корчмы ничто не двигалось. Спертый воздух вонял выдохшимся пивом и пролитым вином, однако полной тишины не было. Хрюканье и храп, какие можно услышать в любом свинарнике, издавала дюжина пьяных тел, развалившихся на полу, а в одном случае даже поперек стола, с которого тарелки и другие обеденные принадлежности заботливо убрали. Все валявшиеся без сознания были

мужчинами; для женщины очутиться в подобном положении означало бы нарушить учение Трагга. В соответствии с этим учением у женщин и мужчин были четко определенные роли. Представительницам женского пола возбранялось пьянствовать на людях.

Когда распорядители постоялого двора наконец объявили о завершении общегородского праздника, большинство бражников в добром расположении духа поплелись по домам. Лишь наиболее упорные гуляки были оставлены в корчме, чтобы спокойно проспаться. Что же касается самих распорядителей, то они с помощниками уже давно закончили уборку и разошлись по своим комнатам.

В тишине, изредка нарушаемой прерывистым храпом, двигалась лишь одна фигура. Она не поднялась с пола или со стола, а, напротив, вошла через переднюю дверь, которая оставалась распахнутой. В Незербре дверей никто не запирал — не было нужды. Приверженцы Трагга полностью доверяли друг другу. Они были вынуждены это делать, иначе вся система рухнула бы из-за хрупкости своих моральных оснований.

Пробиравшемуся среди столов и лавок Эхомбе иногда приходилось обходить или перешагивать через спящего селянина. Двигаясь бесшумно, словно ночная бабочка, он приблизился к безжизненной клетке. Она осталась на старом месте, посередине корчмы, а ее одинокий обитатель сидел на корточках в центре, сгорбившись и не двигаясь. Куски пищи прилипли к деревянным прутьям и покрыли пол клетки.

Пастух остановился в нескольких футах от узилища на колесах. Некоторое время он просто стоял, рассматривая огромную косматую спину заточенного существа. Затем сказал тихим шепотом, но разборчиво:

— Привет.

Кошмар не пошевелился и никак не отреагировал.

— Мне очень жаль, что с тобой так обходятся. Безобразное зрелище. В такие минуты я чувствую себя ближе к обезьянам. Встречаются люди, у которых чувство собственного достоинства столь мало, что они могут самоутвердиться, лишь оскорбляя и унижая кого-нибудь еще. Предпочтительно того, кто не в состоянии дать отпор. Перед тем как уйти отсюда, я хотел сказать тебе, что не все люди такие. — Ободряющая улыбка пастуха вспыхнула в полумраке белым пятном. — Плохо, что ты не можешь понять моих слов, но я все равно хотел это сказать. Я должен был это сказать. — Ему больше нечего было делать в Незербре, и он повернулся, чтобы уйти.

Его остановил голос, глубокий и неуверенный, раздавшийся в темноте:

— Я понять.

Вернувшись к клетке, Эхомба быстро обошел ее с другой стороны. Из-под выпуклых костистых наростов, представлявших собой брови существа, на Этиоля пристально глядели темные глаза. Существо рисовало пальцем маленькие кружочки на полу, покрытом медленно разлагающимися объедками.

— Я это предчувствовал. Не был уверен, но предчувствовал. — Пастух едва заметно кивнул. — Что-то такое в твоих глазах...

Из-за прутьев послышалось тихое ворчанье:

— Ты не отсюда.

— Нет. — Поверив внутреннему голосу, Эхомба рискнул приблизиться к решетке. — Я с юга. Из очень далеких мест, таких далеких, что ты, наверное, не можешь и представить себе.

— Я с севера. Не очень далекого.

— Нам рассказывали, как ты сюда попал. — Пастуху нечего было предложить существу, посаженному в клетку, и он снова улыбнулся. — Мне неприятно было про это слушать, так же, как неприятно видеть кого-либо в подобных условиях. Но я ничего не мог поделать. Я и мои друзья здесь чужаки. Нас мало, селян много.

— Понимать. — В этом кратком ответе не было осуждения.

— Я пастух. Пасу скот и овец. Меня зовут Этиоль Эхомба.

— Я Хункапа Аюб.

Снова наступила тишина. Поразмыслив несколько секунд, пастух поднял глаза.

— Тебе не хотелось бы выбраться из клетки, Хункапа Аюб?

Большие живые глаза открылись еще шире. Сгорбленная спина слегка выпрямилась.

— Хункапа хотеть. — Впрочем, гуманоид сейчас же погрустнел. — Клетка закрыта.

— А где ключ?

— Нет хорошо. — Существо покачало из стороны в сторону огромной лохматой головой. — Деревенский учитель брать.

Эхомба, обдумывая положение, покусывал нижнюю губу.

— Не важно. У меня есть кое-что, чем можно открыть замок.

Существо, назвавшее себя Хункапа Аюб, не посмело выказать радости, но голос все же не смог скрыть ее.

— Инструмент? — Когда пастух кивнул, громадный антропоид приподнялся и пододвинулся к прутьям. — Эхомба иди нести инструмент!

Даже не дожидаясь ответа, пастух повернулся и вышел из корчмы так же бесшумно, как и появился. После этого плененное существо уселось неподвижно и не сводило глаз с двери.

Когда Эхомба вернулся, под массой серых волос бешено колотилась надежда. Человек вернулся не один. Рядом с ним был иссиня-черный мускулистый зверь, проскользнувший в проем, словно привидение, несмотря на свои огромные размеры. Они вместе подкрались к клетке. Хункапа обернулся и внимательно посмотрел на спутника Эхомбы. Черные глаза встретились с желтыми.

Пастух дружески потрепал густую черную гриву:

— Мой инструмент. Алита, познакомься с Хункапой Аюбом.

Большой кот едва слышно зарычал:

— Польщен. Мы можем убраться отсюда сейчас же?

Пастух, протянув руку, показал:

— Замок.

Шагнув вперед, кот оглядел тяжелый запор. Он был сделан из железного дерева с черными прожилками. Разинув массивные челюсти, Алита с силой сжал их и пожевал. Хруст крошащегося дерева разнесся по корчме. Звук был не очень громким, тем не менее Эхомбе захотелось, чтобы он был потише. Некоторые из валявшихся селян ворчливо захрапели, но никто не поднял головы, чтобы поглядеть на источник беспокойства. В результате нескольких секунд зубодробящей кошачьей деятельности на полу образовалась горстка крошек и щепок. Отступив назад, Алита выплюнул кусочки железного дерева. От запора осталась лишь изогнутая дужка замка, которую Эхомба быстро снял. Подняв щеколду, запиравшую дверь клетки, он шагнул назад и встал рядом с нетерпеливым Алитой.

Хункапа Аюб неуверенно протянул мощную руку и толкнул решетчатую деревянную дверцу. Она широко отворилась. Бесшумно подавшись вперед, Хункапа, держа обе руки по краям выхода, посмотрел сначала направо, потом налево и ступил на пол корчмы. Его руки оказались длиннее ног. Сколько в нем было обезьяньего, сколько человечьего, а сколько чего-то иного, Эхомба точно определить не мог. Однако не было сомнений в значении слез, что струились из глаз бывшего кошмара.

— На это у нас нет сейчас времени. — С тихим рычанием Алита направился к выходу. — Я отведу его в конюшню, и там мы подождем тебя. Ты ведь захочешь подняться наверх и вытащить из постелей тех двух никчемных людишек, которых упорно величаешь своими друзьями.

— Я мигом, — заверил Эхомба большого кота.

Посматривая на номера комнат, Эхомба пробирался по узкому коридору и остановился напротив двери с номером пять. Как это было принято в Незербре, она оказалась незапертой. Пастух бесшумно отворил комнату и шагнул внутрь. В помещении стояла кромешная тьма, окна были задернуты шторами.

Острое лезвие коснулось его горла, а рука, вцепившись в левое запястье, заломила его за спину.

— Для уборки уже слишком поздно, а для завтрака еще слишком рано, так кто ты такой, Годжорворн тебя?.. — Пальцы выпустили его несопротивляющуюся руку, а сталь ножа освободила шею. — Этиоль?

Повернувшись в темноте, Эхомба заметил тусклый отблеск лунного света на кинжале, который северянин убирал в ножны.

— Что, Симна, не спится?

— Я всегда сплю чутко, долговязый братец. Особенно в незнакомой постели. Так у меня больше шансов проснуться поутру. — Убрав оружие, Симна отошел от стены. — Ты намекнул, что у меня бессонница. Я мог бы задать тебе такой же вопрос.

— Одевайся и собирай вещи. Мы уходим.

— Как, сейчас? Среди ночи? После ужина? — Дабы подчеркнуть то, что он чувствует, Симна многозначительно рыгнул. Этот звук отозвался эхом по всей комнате.

— Да, сейчас. После ужина. Алита ждет нас в конюшне... с тем, другим. Его зовут Хункапа Аюб.

Недовольно ворча, Симна начал натягивать одежду.

— Ты находишь товарищей в самых странных местах и в самое неподходящее время. Откуда взялся новый?

— Из клетки.

— Ага, из... — Северянин внезапно запнулся и перестал одеваться. Когда он заговорил вновь, в его голосе звучала некоторая неуверенность. — Ты выпустил этот огромный ком движущейся шерсти?

— Не совсем так. Хункапа Аюб умный. Может, не очень умный, но все-таки не бессмысленное животное.

— Братец, где бы мы ни оказались, ты проявляешь прямо-таки потрясающую способность внушать любовь местным жителям. Лучше бы ты научился этого не делать. — Симна поднял руки, чтобы надеть рубаху, загородив слабый свет, пробивавшийся в комнату из занавешенного окна. — Когда селяне обнаружат, что их любимая

мишень для кулинарных стрельб исчезла, они скорее всего сопоставят это с нашим ночным отбытием.

— Пускай, — резко ответил Эхомба. — Меня мало волнуют люди, обращающиеся с животными подобным образом, а тем более с разумным существом вроде Хункапы Аюба.

Симна сунул ноги в штаны.

— Может, они не знают, что он разумен?

— Он умеет говорить. — В голосе пастуха, глядевшего мимо друга, закипал гнев. — А где Накер?

— Накер? — В предрассветных сумерках Симна быстро собирал свои пожитки. — Знаешь, братец, сдается мне, что малютка даже не поднимался наверх. Насколько я могу припомнить, когда я покидал вечеринку — шаг вперед, два назад, — он все еще пил с местными.

— Ну, ты готов?

— Иду, иду! — зашипел северянин. — До чего же ты нетерпеливый. Можно подумать, что внизу тебя ждет сама прорицательница Темарил.

— Если бы. — Резкий тон Эхомбы сменился на тоскливый. — Тогда я мог бы все это закончить и отправиться домой.

Они отыскали Накера неподалеку от того места, где сидели втроем, развалившимся на полу и раскинувшим в стороны руки и ноги. Из его разинутого рта поднимался сильный запах перегара, а недавно еще чистая одежда была заляпана пищей, вином и засохшей рвотой. Лицо было покрыто толстым слоем грязи, словно он головой натирал пол.

— Гиела! — пробормотал Симна. — Какое месиво!

Присев на колени рядом с маленьким человечком, Эхомба нашарил деревянную миску. Вылив остатки ее быстро застывающего содержимого, он перевернул посудину и подложил под сальные волосы Накера. Подушка получилась не особенно мягкая, но приемлемая. Покончив с этим делом, пастух попытался вывести спутника из оцепенения.

Симна понаблюдал за этим некоторое время и исчез, а когда вернулся, то принес кувшин, на три четверти наполненный водой, и принялся поливать лицо Накера, будто тот был засохшим комнатным растением. Последние капли достигли цели, и маленький человек очнулся, отплевываясь.

— Что... кто здесь? — Разглядев в темноте черты знакомого лица, он блаженно улыбнулся. — А, это ты, Этиоль Эхомба. Добро пожаловать на нашу вечеринку. — Внезапно нахмурившись, Накер попробовал подняться и не сумел. — А почему так тихо?

Пастух с отвращением прошептал:

— Накер, ты снова напился.

— Что? Я? Нет, Эхомба, я ни-ни! Конечно, выпил немножко. Праздник, понимаешь. Но я не пьяный.

Пастух был неумолим.

— Ты нам много раз говорил, что если мы тебе поможем, то такого с тобой никогда больше не случится.

— А со мной ничего и не случилось. Я — это я.

— Неужели? — Взглянув вниз на распростертое, беспомощное тело, Эхомба внятно произнес: — Как зовут моих детей?

— Даки и Нелетча. — Утомленная улыбка сморщила чумазое лицо. — Я знаю все, помнишь?

— Только когда пьян. — Поднявшись, пастух повернулся и прошел мимо Симны. — Парадокс — шут при дворе Судьбы.

Симна сделал движение, чтобы остановить его:

— Эй, Этиоль, бедолагу нельзя просто так здесь бросить.

В ответ на северянина в темноте комнаты глянули жесткие немигающие зеленые глаза.

— Симна, каждый сам выбирает, что делать со своей жизнью. Я решил выполнить просьбу умирающего человека. Ты решил сопровождать меня. — Он посмотрел на хилую фигурку на полу. Накер начал что-то тихонько напевать себе под нос. — Он выбирает вот это. Пора идти.

— Нет, погоди. Секундочку. — Тревожно склонившись над распевающим пьяницей, Симна схватил нечистую руку и с силой дернул. — Давай, Накер. Ты должен подняться. Мы уходим.

Слезящиеся глаза предприняли попытку сфокусироваться.

— Твой отец ушел от вас, когда тебе было девять. У тебя нет ни сестер, ни братьев, и ты всегда винил в этом свою мать, которая умерла шесть лет назад. Один зуб у тебя вставной. — Приподняв голову с пола, маленький человек повернулся и наградил улыбкой невозмутимого Эхомбу. — На берегу прямо напротив твоей деревни 1865466345993429 песчинок. Это до кромки воды во время прилива. Завтра будет по-другому.

Отпустив грязную ладонь, Симна медленно встал.

— Ось Вселенной расположена под углом четырнадцать запятая три семь градусов к плоскости эклиптики. Материя имеет двадцать восемь главных составных частей, которые не могут быть далее разделены. Хоркл является гранком. Три хорошенькие женщины в комнате поглощают больше энергии, чем выделяют. — Накер начал тихонько хихикать. — Если смешать сахарный тростник и розы с нужными семенами, получится малина с превосходным запахом и вкусом. Царь

Нул-уд-Шерьяма Эфур умрет в восемь двадцать вечера, подавившись костью моа. Я знаю все.

Симна угрюмо наблюдал за Эхомбой. Наконец пастух наклонился над распростертым телом и прервал литанию ответов серьезным вопросом:

— Скажи мне одну вещь.

— Одну вещь? — Хихиканье стало громче и переросло в кашель. — Я скажу тебе что угодно!

Глаза, которые могли разглядеть возможного хищника, прячущегося на большом расстоянии, впились в лицо Накера.

— Ты можешь бросить пить?

Задыхаясь и кашляя, Накер ответил:

— Да. Когда захочу.

Эхомба выпрямился.

— Это то, что я хотел знать.

Не говоря больше ни слова, он обошел озадаченного Симну и направился к двери. Бросив последний взгляд на заливающегося смехом, кашляющего Накера, северянин бросился догонять друга.

— Алита и Хункапа будут беспокоиться. Заберем мою котомку и уйдем. — Когда они подошли к открытому входу в постоялый двор, Эхомба кивнул в сторону все еще темного горизонта. — Если повезет, мы будем уже довольно далеко, когда жители Незербре свяжут исчезновение Хункапы с нашим уходом.

Симна все еще беспокойно оглядывался на корчму.

— Но ведь он ответил на твой вопрос. Ты сам признал, что он сказал то, о чем ты хотел знать.

— Верно. — Выйдя из дома, они начали спускаться с крыльца. — Ты с самого начала был прав, Симна ибн Синд. Когда он пьян, ему кажется, будто он знает все. И действительно, когда он пьян, он знает очень много. Возможно, больше, чем кто-либо из когда-нибудь живших. Но он не знает всего. — Покинув дом, друзья повернули направо и быстро зашагали к конюшне. — Его ответ на мой вопрос доказывает, что есть по крайней мере одна вещь, которой он не знает.

Озабоченно всматриваясь в каждую тень в поисках признаков рано проснувшихся незербренцев, Симна поинтересовался:

— И что же это такое, братец?

Эхомба проговорил, как всегда, спокойно:

— Он сам.

XIX

Симна быстро оправился от потрясения, которое испытал, когда услышал, что их новый спутник вполне способен поддерживать беседу, хотя и с помощью крайне ограниченного словаря. Как и надеялся Эхомба, они сумели удалиться на много миль от напоминающего безукоризненную картинку села Незербре, прежде чем солнце показалось из-за верхушек деревьев. Утомленные предрассветным бегством, путники уселись в тени высокого дерева гингко. Даже Алита устал, так как приходилось не только спешить, но и все время карабкаться в гору.

Пока его товарищи отдыхали и перекусывали, Эхомба смотрел в ту сторону, откуда они пришли. В густом лиственном лесу, где огромные деревья стояли близко одно к другому, видимость была не очень хорошей, однако, насколько пастух мог судить, погони из Незербре не было.

— Что видно, братец? — Симна ибн Синд поднял глаза от своего неаппетитного, но питательного завтрака, состоявшего из вяленого мяса и сушеных фруктов.

— Ничего. Ничего не видно и ничего не слышно. Лесные обитатели чирикают и щебечут как обычно, значит, ничто не нарушает их утренней жизни. — Пастух снова повернулся к друзьям. — Видимо, селяне считают, что Хункапа не стоит того, чтобы за ним гнаться.

— Или слишком опасен, — предположил Симна. — А может, учение Трагга запрещает возвращать пленника, который убежал. — Глотнув из фляги, он побрызгал водой себе в лицо. В горах, где повсюду бежали искрящиеся ручейки, можно было не экономить. — Есть только одна проблема.

— Какая? — терпеливо спросил Эхомба.

Симна показал рукой в сторону величественных вершин, закрывавших северный горизонт.

— Как, Гарамам подери, мы теперь отыщем дорогу в Хамакассар? Без проводника мы можем годами бродить по этим горам и лесам.

Эхомба, по-видимому, не был чрезмерно встревожен.

— Накеру необходимо найти самого себя, прежде чем отправляться на поиски какого-нибудь Хамакассара. Отыскать город легче, нежели самого себя. — Он кивнул на громоздящиеся вершины. — Нужно двигаться в северном направлении, и в конце концов мы выйдем из этих гор. Потом спросим у местных жителей, как добраться до города.

— Все это замечательно и прекрасно, братец. Но чтобы одолеть несколько снежных вершин, требуется гораздо больше времени, чем на прогулку по хорошо знакомой тропе. Мы могли бы попробовать идти вдоль реки, но сначала нужно найти такую, которая течет на север, а не на юг, и надеяться, что она не поворачивает на запад или на восток, не делает петлю. Проводник мог бы сократить наш поход на недели или даже месяцы и избавить от необходимости вступать в переговоры с какой-нибудь неотесанной деревенщиной. — Симна заткнул флягу. — Мне уже приходилось блуждать в таких вот горах, и доложу тебе, я скорее соглашусь, чтобы меня выпорола дюжина амазонок.

— Ты с готовностью согласишься, чтобы тебя выпорола дюжина амазонок, даже и не заблудившись, — заметил пастух. — Единственно, что мы можем сделать, это очень постараться. Что касается меня, то я убежден, что нам не придется бесцельно скитаться слишком долго.

— Хункапа видеть Хамакассар.

— Что такое? — Пораженный Симна оторвал взгляд от последнего кусочка сухого бисквита. Эхомба тоже обернулся и уставился на новоявленного члена отряда. Дремавший на толстенном изогнутом корне черный кот ни на кого не обращал внимания.

Эхомба подошел, чтобы порасспросить их громадного спутника.

— Хункапа видеть Хамакассар, — настойчиво повторил он.

— Ты хочешь сказать, что бывал в портовом городе? — Симна не знал, то ли ему рассмеяться, то ли презрительно хмыкнуть. Хотя косматое животное соображало медленно, круглым тупицей оно не было, поэтому северянин решил не делать ни того, ни другого. — Ну и как он тебе? Понравились жилишные условия?

— Нет ходить Хамакассар. — Хункапа Аюб говорил медленно и внятно, чтобы его простые слова и еще более простые мысли не перепутались ни у него в голове, ни в головах его новых друзей. — Я видеть. — Чудовищная волосатая рука поднялась и ткнула в сторону. — Со склонов горы Сказе. Сначала горы спускаться вниз. Потом ровные места, где люди растят еду. Дальше река Эйнхарроук. На этой стороне Эйнхарроук — город Хамакассар. — Он тронул толстым пальцем ухо, почти полностью скрытое темно-серыми волосами. — Видеть река, идти Хамакассар.

Эхомба молча обдумывал слова Аюба. Симна был не столь сдержан, чтобы воздержаться от комментариев.

— Ну и речь ты толкнул, Аюб! Эй, а почему мы должны верить хоть единому слову?

— Зачем ему лгать? — Постукивая пальцем по губам, Эхомба разглядывал простодушного чистосердечного зверя.

— Он не врет. — Мужчины обернулись и посмотрели на вялого Алиту. Большой кот перевернулся на спину, подняв в воздух все четыре лапы, и почесывал лопатку о камень.

— Тебе-то откуда знать? — надменно спросил северянин.

Кончив чесаться, довольный Алита повернулся на бок.

— Я могу определить по запаху. Некоторые вещи пахнут очень сильно: самки во время течки, свежие испражнения, добыча недельной давности, ложные обещания и беспардонное вранье. — Он громко чихнул. — Этот новый зверь, возможно, невежествен и туповат, но он не лгун.

Опустив руку, Эхомба пытался заглянуть внутрь существа Хункапы Аюба, однако проникнуть слишком далеко не смог. Какая-то завеса покрывала душу этого существа. Зная, что Симна выжидательно наблюдает за ними обоими, он попробовал успокоить всех еще одним вопросом.

— Ты говоришь, что видел Хамакассар, но не был там. Ты когда-нибудь покидал Хругарский хребет?

— Нет. Зато был на край. Останавливаться там. — Хункапа замотал головой, и лохматые космы разлетелись во все стороны. — Не любить. Люди говорят и делают плохие вещи для Хункапа Аюб.

— Но ты знаешь путь через высокие горы и вниз к подножию с другой стороны?

Животное резко встало и нависло над Эхомбой. Симна и Алита напряглись — однако громадное существо лишь хотело выказать свое рвение и желание помочь.

— Хункапа знать! Ты хочешь Хункапа тебя вести?

— Очень, — улыбнулся Эхомба.

— Хункапа не любить города людей, но... ты спас Хункапа из клетка. Хункапа тебе должен. Давай идти сейчас! — Не говоря больше ни слова, их жуткий товарищ повернулся и направился в сторону горы Сказе, удаляясь нечеловечески широкими шагами.

— Эй, подождите минутку! — Симна торопливо собирал свои вещи. Алита уже трусил следом за Аюбом, а Эхомба шагал чуть позади. Северянину пришлось немного пробежаться, чтобы их догнать. Он надеялся, что им не попадется какой-нибудь затерянный горный житель вроде старика Куберта. Учитывая, что впереди шествовали Хункапа Аюб и огромный черный кот, Симна не хотел брать на себя вину за то, что какой-

то несчастный, ничего не подозревающий отшельник умрет от разрыва сердца.

Вершины Хругарского хребта вблизи выглядели гораздо выше, нежели казались издалека. Над всеми ними поднималась гора Сказе — зазубренное, устремленное ввысь нагромождение утесов, чья верхушка царапала облака, проплывающие ниже шестнадцати тысяч футов. Изрезанные глубокими долинами, по которым неслись бурные потоки, эти горы представляли собой серьезное препятствие для каждого идущего с юга.

Хункапа Аюб, видимо, прекрасно знал, куда идет. Когда Симна пожаловался на то, что приходится лезть по особенно крутому подъему, Аюб заметил в своей лаконичной и мягкой манере, что склоны по обе стороны от их маршрута гораздо более отвесные. Когда однажды Эхомба забеспокоился, что река, вдоль которой они шли, загибает на юг, их лохматый спутник умолял его проявить терпение. И действительно, к вечеру русло ручья снова повернуло на север.

Путники карабкались вверх до тех пор, пока разреженного воздуха стало не хватать для дыхания. В этой атмосфере Эхомба и Симна двигались медленнее, а черный кот плелся, опустив голову, вместо того чтобы держать ее высоко. Однако их проводник оказался в родной стихии. В холодном разреженном воздухе он словно распрямился и стал выше. Его походка сделалась более плавной. Он чувствовал себя все увереннее, хотя его спутников начали терзать сомнения.

Натянув на себя всю имевшуюся у него одежду и в результате став похожим на одного из тех горемык, которые околачивались на задворках Бондрессея, Симна непрерывно хлопал себя по бокам, чтобы согреться.

— Ты уверен, что это правильная дорога, о наш пушистый проводник? Мы уже который день в пути.

— Правильная дорога. *Единственная* дорога. — Толстая мохнатая рука указала на уходящие ввысь каменные стены, сжавшие путников с обеих сторон. — Идите вон там или там, и вы умирать. Хункапа нормально, но не ты, не Этиоль. — Простодушная улыбка расплылась на обрамленном бакенбардами лице. — У вас нет достаточно волос.

— У меня много чего нет, — сварливо буркнул северянин. — Вот прямо сейчас, например, кончилось терпение.

Хотя Эхомба мерз не меньше, чем его низкорослый спутник, он не выказывал своих ощущений ни видом, ни словами.

— Видишь ли, Симна, между тем местом, где мы находимся, и тем, куда направляемся, располагаются горы. Я

не меньше твоего сожалею, что не существует более легкого пути. Тем не менее мы неплохо продвигаемся вперед. — Он обернулся к следопыту. — Ведь мы *хорошо* продвигаемся, да?

— О! Очень хорошо, очень хорошо! — Снова очутившись в своих любимых горах, их огромный увалень-проводник пребывал в отменном настроении. Его воодушевление было заразительно, и часть его просто не могла не передаться путешественникам. Так продолжалось еще несколько дней.

Затем начался снегопад.

Эхомба только однажды видел снег во время охотничьей экспедиции в отдаленные горы, лежавшие к северо-востоку от его дома. Путь туда занял много дней в период самого холодного времени года. Он помнил, как его удивляли мокрые белые комочки, падавшие сверху и таявшие на ладони, помнил мягкую, тихую красоту неба, превращавшегося из голубого в серое, а потом в белое.

Тот снег быстро таял, упав на теплую землю. Этот же оставался, радостно встречаясь со снегом, который выпал раньше. Вместо того чтобы таять, он собирался в сугробы. Кое-где сугробы превышали рост человека и походили на барханы в пустыне. Вот, оказывается, чем были эти большие пухлые пятна, решил пастух: холодными белыми дюнами, поднимающимися на склонах окружавших гор.

У Симны, повидавшего и на родине, и во время многочисленных странствий много снега и ненастья, это явление особенного восторга не вызывало. Снегопад причинял ему лишь неудобства и все больше раздражал.

— На что ты так глазеешь, Этиоль? — Продрогший северянин изо всех сил пытался не отставать от высокого южанина. — Если мы в самом ближайшем будущем не начнем спускаться, то замерзнем здесь насмерть.

— Я просто любуюсь красотой, — ответил пастух. — В стране наумкибов земля бывает желтой и оранжевой, серой и коричневой. А оказаться среди белизны — это для меня совершенно новое ощущение.

— А умирать для тебя новое ощущение? — Симна показал на их проводника, с блаженным видом шагавшего впереди. — Это его страна. Что, если он решит бросить нас как-нибудь ночью или во время вот такой метели? Мы тогда нипочем отсюда не выберемся. Человеку, превратившемуся в сосульку, сокровище ни к чему.

— А ты думай о сокровище, друг Симна. Может, эти мысли согреют тебя.

У северянина заблестели глаза.

— Значит, сокровище существует?

— О да. Оно больше, чем может присниться какому-нибудь королю или императору. Целые горы золота в самом разнообразном виде: в самородках и в песке, очищенное и обработанное. Золото в слитках и в изделиях, золото в монетах, отчеканенных древними, золото такой чистоты, что его можно мять руками. А самоцветы!.. Всех мыслимых цветов и форм! Есть и серебро, и бруски платины, сложенные высокими штабелями, и драгоценные кораллы разных оттенков — розовые, красные, черные. Больше сокровищ, чем способен пересчитать человек за тысячу жизней, а уж тем более потратить.

Симна с осуждением взглянул на друга.

— И все это время ты отрицал его существование. А ведь я знал, я знал! — Он торжествующе сжал кулак. — Почему ты рассказал об этом только сейчас, вот здесь?

— Я уже говорил — чтобы согреть тебя.

— Что ж, это тебе удалось. — Немного распрямившись, северянин с усилием пробивался сквозь равномерно валивший снег. — Ну и пусть себе валит, если ему так хочется! Теперь нас ничто не остановит. Я этого не допущу. — Задрав голову, он прокричал небесам: — Тучи, вы меня слышите? Я, Симна ибн Синд, не допущу этого!

К следующему утру, когда снег по-прежнему падал, его энергии поубавилось. Северянин понимал, что ему не следует стыдиться, поскольку и остальные путники пребывали не в лучшей форме. У всех них, жителей равнин, непрекращающийся холод начал подтачивать остатки сил, лишая тепла их тела, словно гриф, отрывающий от трупа куски плоти. Сидя поутру вокруг костра, который они ухитрились разжечь в снежной пещере, двое мужчин и один кот жались как можно ближе к мерцающему пламени, рискуя обжечься. Их нечувствительный к холоду добродушный проводник рано покинул пещеру, чтобы поискать дерева для огня. На поиск сухих гнилушек он потратил несколько часов. Когда он наконец вернулся, снег повалил пуще прежнего.

— Нехорошо, — растирая над огнем длинные пальцы, мрачно говорил Эхомба неуклюжей фигуре, загораживавшей вход. Хункапа Аюб заслонял своим телом пещеру от ветра и холода. — Сколько еще идти? Когда мы начнем спускаться с гор?

Нависающие брови сошлись вместе.

— Несколько дней, Этиоль. Хункапа видеть тебе трудно. Я могу носить, только по одному.

— Наши ноги — не проблема, Хункапа. — Пастух бросил одну из последних веток в маленький костер. — Здесь слишком холодно. Наши тела не привыкли к такой погоде. А от снега становится еще хуже. Он закрывает солнце и замерзает на коже.

— Скоро идти вниз. — Огромное тело подалось назад, чтобы поплотнее закрыть вход.

— Несколько дней — это не скоро, Хункапа. Во всяком случае, в таких условиях. — Эхомба показал глазами вверх. — Если перестанет идти снег и появится солнце, тогда может быть.

Легко одетого Симну била дрожь.

— Братец, клянусь Гофремаром, я уже больше не знаю, кто ты такой: волшебник или волопас. Может, и то, и то, а может, ни тот, ни другой. В таком холоде даже думать трудно, поэтому я понятия не имею, о чем сейчас говорю. — Он поднял беспокойный взгляд на товарища. — Но если когда-то и стоит прибегнуть к волшебству, так это время настало. Ходячий ком шерсти утверждает, что мы начнем спускаться только через несколько дней? А я заявляю здесь и сейчас, что до следующего утра, наверное, не доживу. Моя кожа стала похожа на промерзший пергамент, глаза ослепли от бесконечной белизны, я уже почти не чувствую ног. Мои бедра толкают их вперед, и когда я смотрю вниз, то вижу, что пока стою — значит не упал.

— Симна прав. — Все повернули головы к Алите. Огромный кот свернулся клубком возле огня. Даже он, сплошь состоящий из мощных мускулов и клыков, обессилел. — Что-то надо менять. Мы больше так не можем.

Это был важный момент: впервые с тех пор, как они начали совместное путешествие, кот и северянин хотя бы в чем-то были согласны между собой. Что указывало на серьезность положения яснее, нежели любые речи или поступки. Оба посмотрели на своего номинального предводителя, долговязого пастуха, сидевшего скрестив ноги перед затухающим огнем. Эхомба долго глядел в угасающее пламя. Дров больше не осталось.

Наконец он поднял глаза и взглянул сначала на Алиту, а потом на трясущегося Симну:

— Знаете, я тоже замерз.

Пошарив за спиной, он подтащил к себе котомку. Стряхнув снег с клапана, который Миранья сама расшила бисером, Эхомба начал копаться в содержимом котомки. Симна в напряженном ожидании нагнулся вперед. С тех пор как он присоединился к пастуху, из этого мешка извлекались самые невероятные вещи. Заурядные вещи, которые в умелых,

опытных руках Эхомбы оказывались вовсе не тем, чем казались на первый взгляд. Что же на сей раз достанет загадочный пастух?

Флейту.

Не толще большого пальца пастуха, с восемью маленькими отверстиями, она была вырезана из слоновой кости. Облизнув губы, чтобы увлажнить их, Эхомба приложил ко рту тонкий кончик и начал играть. Пастух играл хорошо, однако не настолько искусно, чтобы занять место в частном оркестре какого-нибудь утонченного аристократа. Покоившийся рядом хвост кота начал подергиваться туда-сюда, туда-сюда в ритм музыке. Хункапа Аюб прикрыл глаза и стал раскачиваться из стороны в сторону, соскребая громадными плечами снег с потолка их временного убежища.

Так продолжалось некоторое время, пока костер перед ними не погас совсем. Наконец Эхомба опустил инструмент и задумчиво улыбнулся:

— Ну?

Симна неуверенно моргнул:

— Что «ну»?

— Понравилось?

— Мило-мило! — прокомментировал их восторженный проводник. Алита фыркнул, но не столь надменно, как обычно; это был своего рода комплимент.

Однако Симна мог только глядеть.

— Что ты имеешь в виду — «понравилось»? Какая разница, понравилось мне или нет? — Голос его сорвался на крик. — Ради Гилголоша, Этиоль, мы тут умираем! Я хочу видеть какую-нибудь настоящую ворожбу, а не слушать концерт!

Эхомба не переставал улыбаться.

— Тебе не захотелось поплясать?

Северянин был так зол, что мог бы даже по-настоящему ударить друга. Что за безумие?.. Да, именно безумие, решил он. Жуткий, убийственный холод по-разному сказывался на каждом из них. В случае Эхомбы наконец проявилось коварно скрывавшееся до сей поры сумасшествие.

— Я плясать! — Хункапа Аюб все еще слегка покачивался направо-налево, вспоминая музыку. — Этиоль, играть еще!

— Если хочешь. — Снова подняв тонкую флейту к губам, пастух заиграл другую мелодию, на этот раз более живую, нежели прежняя.

Симне хотелось встать и вырвать проклятый инструмент из пальцев товарища, но руки у него замерзли.

Раскачиваясь под музыку, Хункапа Аюб попятился из пещеры под снегопад, где мог скакать без всяких помех. Прихватив котомку, Эхомба вылез следом. Не слишком отстал от них и Алита. Ругаясь себе под нос, рассерженный Симна оставался в снежной пещере до тех пор, пока последние остатки костерка не рассеялись вместе с дымом. Тогда он накинул на плечи свой мешок и с огромным усилием пополз наружу, чтобы присоединиться к остальным.

Высунувшись из пещеры, он в изумлении замер, разинув рот, и уставился широко раскрытыми глазами на небо, на землю, на окружающие горы. Воздух был по-прежнему ледяным, и снег падал, как и раньше.

Но снежинки танцевали.

Не метафорически, не в смысле какого-нибудь поэтического иносказания, а по-настоящему.

Напротив входа в пещеру две тройные спирали ледяных кристаллов закручивались друг вокруг друга, волнообразно извиваясь и кружась, словно секстет белесых змей. Кружащие объятия спускали снег с неба на землю широкими обвислыми белыми лентами. Рядом рассыпчатая крупа падала листами. Точнее говоря, не слишком сильно, но настоящими листами — один слой ложился поверх другого ледяного слоя прямоугольной формы, высыпавшегося вниз из невидимых облаков, а между ними были перемежающиеся слои прозрачного воздуха. Опустившись, они перепархивали из стороны в сторону, словно квадратные птицы.

Отдельные снежинки метались во все стороны, тщательно избегая столкновений друг с другом, как будто миллиард танцоров, направляемых балетмейстером. В воздухе прыгали миниатюрные снежки, а сотни хлопьев соединялись вместе, образуя другие, во сто крат увеличенные многоконечные хлопья. Достигая какой-то неизвестной критической массы, они с глухим ударом шлепались в свежие сугробы, окаймлявшие ледяной ручей, что бежал через узкую долину, и пробивали в снегу недолговечные отверстия в форме звезд.

Снег падал квадратами и шарами, октаэдрами и додекаэдрами. Снежные ленты Мебиуса заворачивались внутрь себя и исчезали, а снежные стрелы пронзали сердцевины снежных тороидов. И сквозь снежную пелену пробивался свет — солнечный свет, чистый и непрерывный, лился сверху. Он согревал лицо, руки, одежду, выгоняя из костей парализующий холод.

Все это — завихрения и воронки, гигантские плотные снежки и отдельные хлопья — плясало под музыку

тоненькой костяной флейты, находившейся в умелых руках Этиоля Эхомбы.

— Ну, пошли! — воскликнул пастух, оглянувшись на Симну, который с открытым ртом стоял и глядел на всепоглощающее белое чудо. — Не будем терять времени. Я ведь не могу играть вечно. — Он улыбнулся той теплой, понимающей и ободряющей улыбкой, которую северянин так хорошо знал. — Как ты совершенно правильно и непрестанно указывал на протяжении нескольких последних дней, здесь весьма холодно. Если у меня закоченеют губы, то я не смогу играть.

Как будто в подтверждение серьезности слов пастуха в ту же минуту вокруг снова начался буран, снег стал ровно и скучно падать с небес, а солнце полностью скрылось.

— Пора бы тебе, братец, уже понять, что меня слушать нечего. Продолжай играть, продолжай! — Симна полез через сугробы, догоняя друга.

Повернув на север, Эхомба снова приложил флейту к губам и начал дуть. Его проворные пальцы бегали по поверхности инструмента, ритмично открывая и закрывая высверленные дырочки. Благозвучная музыка, вновь наполнившая воздух, была легкой и почти изысканной. Это развеселило буран, и снежинки отозвались. Как раньше, буйство фантазии охватило погоду, изгибая и искривляя все вокруг тысячами восхитительных форм, возникающих всего лишь из замерзшей воды.

Путешественники продвигались вперед, а пастух с помощью своей музыки продолжал ваять из метели поразительные формы, бесконечно причудливые и полные очарования. Но сколь ни поразительно было это зрелище, спутникам Эхомбы гораздо больше радости доставляло солнце, лучи которого пробивались вниз. Через некоторое время Симна понял, что уже может снять кое-какую одежду. Алита делал прыжок и отряхивался, прыгал и отряхивался, покуда даже кончики его гривы не обрели былой пушистости.

Что же до Хункапы Аюба, то он плясал и вертелся с не меньшей радостью, чем снег, и его лицо излучало блаженство. Однако даже в этом состоянии он был не настолько рассеян, чтобы не замечать дороги. Здесь, заявлял проводник, указывая на особенно большую глыбу гранита, нам надо повернуть налево, а тут мы на время оставим речку и проберемся по откосу.

Идти путешественникам было все легче, хотя остановиться и перевести дух по-настоящему они не могли. Симна пристально следил за долговязым другом, отлично помня предупреждение Эхомбы. Как долго он сможет дуть в эту флей-

ту? Ходьба и игра, каждая в отдельности, требовали сил и выносливости, а того и другого у членов маленькой экспедиции было немного. Эхомба не являлся исключением. Как и все, он замерз и устал. Обманчивые остатки энергии позволяли ему продвигаться вперед, однако пастух не бессмертен: без пищи и отдыха он неизбежно свалится от истощения.

Несмотря на то что солнце продолжало выглядывать из-за спиральных столбов танцующего снега, Симна остро чувствовал присутствие огромных тяжелых туч над головой. Лишившись вдохновляющей музыки, снег, валивший из этих облаков, снова ляжет плотным, липким покровом, из которого, возможно, нельзя будет выбраться. Он желал своему высокому другу сохранить как можно больше сил и пытался припомнить давно забытые мелодии народных песен на тот случай, если музыкальное вдохновение начнет покидать пастуха.

Эхомба играл на протяжении оставшегося утра и весь день. Осознавая зыбкость своего положения, путешественники не остановились, чтобы пообедать, но продолжали идти. Они решили передохнуть, когда отдых потребуется Эхомбе. До тех пор было значительно важнее продвигаться вперед, нежели есть. Их тела взывали о пище, которую можно переработать в тепло, однако путники не обращали внимания на требования своих желудков. Потом будет достаточно времени для чревоугодия. Потом, когда они целыми и невредимыми спустятся с гор, будет достаточно времени для всего.

Эхомба начал пропускать ноты, фальшивить, сбиваться с ритма, но ликующий Хункапа стал прыгать с еще большим усердием, чем раньше.

Своим мнением Симна шепотом поделился с котом:

— Я бы подумал, что простак сошел с ума, если бы ему было с чего сходить. Что это на него нашло?

— Видимо, его особенно вдохновила мелодия, которую Эхомба сейчас исполняет, — рассудительно ответил большой кот.

— Удивительно, что он ее слышит. Последний час или около того Этиоль играет все тише и тише. Боюсь, наш друг начинает выдыхаться.

Северянин был прав. У Эхомбы почти не осталось сил, его пальцы сводило от перебирания дырочек на флейте, а губы онемели от дутья. Однако Алита тоже был прав. Их мохнатый следопыт действительно ощущал вдохновение, но не только из-за игры пастуха. Когда Симна и левгеп приблизились к прыгающему и колобродящему проводнику, они

и сами поняли причину. Хункапа Аюб подтвердил ее, радостно промычав в их окоченевшие от холода уши:

— Идти вниз! Теперь идти вниз; вниз, вниз, вниз!

Впереди расстилались покрытые снегом склоны, ничем не отличавшиеся от белого ландшафта, по которому путешественники пробирались на протяжении последних нескольких дней, за одним существенным исключением: они спускались вниз. Кроме того, ручей, вдоль которого путешественники время от времени шли, теперь явно набирал скорость, обрушиваясь чередой хрустально чистых водопадов, устремляясь к какой-то далекой реке, будто сама вода каким-то образом улавливала близость более мягкого и благоприятного климата.

Облака и туман по-прежнему клубились вокруг путников. Спуск давал им возможность увеличить скорость без дополнительного напряжения сил и расслабить натруженные ноги. Падающий снег не прекращал свой чудесный вальс, а неуверенная музыка Эхомбы порождала в воздухе все новые узоры и композиции. С той лишь разницей, что кружащиеся снежинки начали оставлять все больше пространства чистому небу и солнцу.

К вечеру они покинули альпийские леса и оказались на склонах, густо покрытых кизилом, дубами и вязами. Снега поубавилось, и цветы снова украшали землю среди деревьев и кустарников. Когда Эхомба наконец оторвал флейту от губ, сверху упала дюжина последних снежинок. Исполнив миниатюрный искристо-белый балет, они закружились перед лицом пастуха, помедлив в мягких объятиях пролетавшего ветерка и отвесив ему важный поклон. Затем одна за одной упали на теплую, плодородную землю и растаяли без следа, оставив лишь крохотные призраки снежинок, которые через миг превратились в испаряющиеся капельки влаги.

Заботливый Симна тут же забежал вперед, чтобы заглянуть в лицо другу.

— Ну как ты, братец? Как себя чувствуешь?

— Ум... мо... — Пошарив за спиной, пастух сделал длинный, медленный глоток из фляги. Облизнув губы, он несколько раз сжал и разжал их, прежде чем снова попытаться ответить. — У меня во рту пересохло. А так все в порядке, Симна. Спасибо, что поинтересовался. И мне очень хочется есть.

— Нам всем хочется есть. — Северянин поискал глазами черного кота. Алита чесался об услужливое дерево и урчал, как старое водяное колесо. — Эй, киска! Как насчет того, чтобы нам с вами сходить на охоту?

Прежде чем Алита успел ответить, Хункапа Аюб уже стоял перед Симной и возбужденно размахивал руками:

— Нет убивать! Нет охотиться!

— Ради Гомепоза, почему? Может, ты и не голоден, меховая мордочка, а вот мы с друзьями просто умираем с голоду. После всей этой ходьбы по морозу у нас в животах пусто, словно в трех лоханях грога в первую брачную ночь сорокалетнего.

— Нет надо. — Схватив сопротивляющегося северянина за руку, проводник потащил его вперед. Несмотря на то что мускулистый, сильный Симна изо всех сил пытался упираться, это было столь же бесполезно, как пытаться затормозить убегающую гору.

Хункапа замер на краю незаметного обрыва. Симна прекратил борьбу, как только увидел роскошную панораму, развернувшуюся перед ним. Тут же подошли Эхомба и Алита.

Внизу за последними предгорьями северных Хругар расстилались плодородные поля, среди которых текли небольшие речки и лежали многочисленные селения. Открывшаяся местность напоминала речную дельту посреди равнины. Сотни каналов соединяли естественные протоки, в которых заходящее солнце переливалось розовым, золотым и багряным. Несколько более крупных поселений можно было даже назвать маленькими городками.

Вдалеке виднелась величественная главная река, едва различимая и казавшаяся искрящейся серебряной нитью, куда впадали все речушки, потоки и каналы между Хругарами и горизонтом. Хункапа Аюб указал рукой и бурно зажестикулировал:

— Смотреть! Смотреть! Великий река Эйнхарроук. — Его древоподобная рука сдвинулась чуть к западу. — Нельзя смотреть отсюда, но там, в тот сторона, великий река, Хамакассар.

— Наконец-то. — Совершенно обессилев, Симна плюхнулся на землю, поскольку ноги его уже не держали.

— Мы туда еще не дошли. — Как ни устал Эхомба, он предпочел стоять, может, для того, чтобы лучше насладиться видом, который был столь же многообещающим, сколь и прекрасным. — И не забывай, что Хамакассар — лишь промежуточный пункт, место, где нам предстоит отыскать корабль с капитаном и командой достаточно храбрыми, чтобы отважиться на плавание через Семордрию.

Симна ибн Синд поднял на спутника чумазое умоляющее лицо.

— Пожалуйста, Этиоль... Неужели после такой недели, что мы пережили, нельзя позволить себе насла-

диться хотя бы мгновением отдыха? Неужели ты никогда не позволишь себе расслабиться, даже на один миг?

— Когда я вернусь домой к семье, друг Симна, тогда и расслаблюсь. — Он улыбнулся. — До тех пор ты уполномочен расслабляться вместо меня.

Понимающе кивнув, северянин широко раскинул руки и повалился навзничь.

— С удовольствием принимаю на себя эти обязанности.

Все еще улыбаясь, Эхомба передвинулся и встал рядом с тихо ликующим Хункапой Аюбом.

— Ты не хотел, чтобы мы пошли на охоту, потому что думаешь, что нам легче достать пищу в селениях внизу?

Их громадный проводник отчаянно закивал:

— Много места, много еда. Не видеть сам, но часто приходить сюда и подсматривать за люди равнины. Слышать, как они говорить, узнавать о равнина. — Он вопросительно посмотрел на высокого южанина. — Мы сейчас идти вниз?

Эхомба кинул взгляд на небо. До темноты они еще могли бы добраться до деревни, чтобы уйти от холода и снега. За себя он не беспокоился, но Симне явно не повредило бы провести ночь в цивилизованных условиях.

— Да, Хункапа. Сейчас идем вниз. — Пастух положил ладонь на массивную косматую руку. — Хункапа... Спасибо тебе. Если бы ты нас не провел, мы никогда не перешли бы через эти горы.

Нельзя было сказать, покраснел ли зверь под своими мохнатыми волосами, но Хункапа Аюб отвернулся, и Эхомба не увидел его лица.

— Ты меня спасать, я тебе помогать. Спасибо не надо.

Эхомба обратился к Симне:

— Пошли, мой друг. Мы спустимся к цивилизации и найдем тебе кровать.

Северянин жалобно простонал:

— Значит, мне снова надо идти? Вот на этих несчастных ногах?

Их проводник тут же подошел к нему:

— Хункапа нести.

— Нет-нет, дружище, не стоит. — Стремительность, с какой Симна вскочил на свои якобы никудышные ноги, была просто поразительной.

Путешественники вчетвером начали спускаться с предгорий негостеприимных Хругар. По пути Эхомбе

пришло в голову поинтересоваться у Хункапы о названии страны, в которую они вступают.

— Хункапа слушать, как люди равнины говорить. — Проводник сделал широкий жест внушительной ручищей. — Это все место называться Лифонго. Нет, — быстро поправился он, сведя брови. — Не так. — Его лицо прояснилось. — Лаконда. Так. Лаконда.

Теперь нахмурился Симна:

— Странно. Сдается мне, я уже слышал, как это название упоминали где-то раньше, да вот не могу... — Он умолк, уставившись на Эхомбу. Пастух замер на полушаге и, слегка раскрыв рот, глядел прямо перед собой. — Эй, братец, что с тобой? Ты здесь кому-нибудь должен деньги?

— Нет, друг Симна. Ты прав. Ты слышал это имя раньше. — Повернув голову, Этиоль встретился с вопросительным взглядом своего спутника. — Ты слышал его от меня. Лаконда — родина Тарина Бекуита, благородного воина, который умер у меня на руках рядом с моей деревней. — Пастух снова поглядел на величественную панораму, развернувшуюся перед ним. — Он уже никогда не вернется домой... но теперь, если судьба будет благосклонна, я смогу вернуть его народу добрую память о нем.

XX

Задолго до того, как путешественники достигли окраины первого селения, они очутились среди обширных садов манго и гуавы. Посаженные ровными рядами и подстриженные не менее тщательно, чем розовые кусты, деревья ломились от фруктов. Наконец путники повстречались и с садоводами, и с их помощниками. Приветствия, поначалу радостные, становились более умеренными, когда лакондцы замечали Хункапу Аюба и черного кота, следующих по пятам двоих мужчин, однако Эхомба и Симна спешили заверить местных жителей, что их необычные и необыкновенно крупные друзья не причинят никому вреда.

Садоводы, широко раскрыв глаза от изумления, подробно объяснили пришельцам, как наилучшим путем пройти через их страну в Северную Лаконду, поскольку именно оттуда, а не из собственно Лаконды был родом Тарин Бекуит. Расспросы показали, что, несмотря на явно благополучное

существование, народ все еще пребывал в состоянии непрекращающегося траура. Каждый знал повесть о том, как вероломный колдун Химнет Одержимый явился из дальней страны, дабы похитить радость Лаконды, прорицательницу Темарил. Как самые лучшие и благородные воины Лаконды и Северной Лаконды пытались любыми способами вернуть ее, но возвращались в унынии и побежденными либо не возвращались вовсе. Колдун Химнет, забрав Темарил, скрылся, и некоторые говорят, будто чуть ли не на той стороне Семордрии. Несколько отважных сердец из обеих стран, по слухам, отправились в погоню даже в такую даль. Ни один так и не вернулся.

— Разве мы не скажем им, зачем ты пришел сюда? — Симна шел рядом с пастухом по второстепенной торговой дороге, соединявшей Лаконду с ее северной сестрой. У пешеходов, у всадников на лошадях или антилопах, у едущих на повозках — у всех глаза лезли на лоб при виде двух мужчин, ведущих за собой огромного кота и громадного зверя.

— Нет надобности. — Эхомба смотрел на дорогу перед собой. Она была пыльной, но широкой и ровной. После перехода через Хругары нормальная ходьба казалась настоящим полетом. — Если мы остановимся, чтобы побеседовать с этими людьми, они захотят узнать побольше. Кто-нибудь сообщит местным властям. А те пожелают выслушать нашу историю. — Он взглянул на друга. — Каждый день, что я провожу вдали от дома и семьи, — это день, который мне никогда не вернуть. Когда я состарюсь и лягу умирать, я вспомню все эти мгновения, все эти дни, которые я был не с ними, и буду жалеть о каждом из них. Судьба не вернет мне этих дней. — Он снова посмотрел на дорогу. — Мне хотелось бы сожалеть как можно меньше. Мы все расскажем о себе в Северной Лаконде. Это мой долг перед родителями Тарина Бекуита... если они живы.

Они были не только живы; граф Беварин Бекуит по-прежнему занимал северный трон. Об этом путешественникам поведали добродушные пограничные стражники на заставе, которая отмечала границу между двумя Лакондами. Вооруженные люди подивились на Хункапу и посторонились от Алиты, однако позволили пройти, не чиня препятствий. В сущности, они испытали немалое облегчение, увидев спины престранного квартета.

В Северной Лаконде путешественники и встретились с первой рыбой. Не в каналах или ручьях, которых в северной провинции оказалось еще больше, нежели в ее южной сестрице, и не в многочисленных озерах и прудах, а повсюду в воз-

духе. Рыбы плавали в небе, взмахивая плавниками и хвостами, с величавым изяществом огибая деревья и здания. Лакондцы игнорировали их, обращая на встречного тунца или макрель, камбалу или саргана не больше внимания, чем если бы то были собаки и кошки.

— В здешних каналах и прудах полно воды, да и в воздухе я ощущаю влажность, — заметил Симна, когда стайка сардин прошелестела плавниками слева от путников, — но это просто смешно!

— Рыбы здесь научились не только дышать в воздухе, но и левитировать. — Они свернули с дороги и зашли за сенной амбар. — Интересно, чем они питаются?

Ответ на вопрос Этиоля дала пара барракуд, которая выскочила из-за кустов хлопчатника и мгновенно внесла беспорядок в стайку радужных беглянок. Когда серебристые торпеды завершили свою работу, из сырого и теплого воздуха медленно посыпались кусочки рыбы, падая на землю, словно серый снег. Эхомба понимал, что если подобное случалось постоянно, то почва в окрестностях исключительно плодородна. Отработав положенный срок по уходу за деревенским садом, он знал, что нет ничего лучше для удобрения почвы, чем остатки рыбы.

Как они ни старались, было просто невозможно не замечать присутствия воздухоплавающих рыб. Встречавшиеся же путешественникам лакондцы спокойно занимались своими делами, словно такое необычное явление представлялось совершенно заурядным и повседневным — каковым, впрочем, для них оно и было. Однажды они увидели двух мальчиков, со смехом преследовавших маленький косячок селедок. У мальчишек были прекрасные сетки, приделанные к длинным палкам. Так они ловили — не бабочек, а свой завтрак.

У Эхомбы и Симны сетей не было, а Хункапа Аюб был слишком медлителен, чтобы схватить стремительную, проворную рыбу, однако при них находился механизм для ловли более действенный, нежели любой невод. Быстрым как молния движением, чуть ли не небрежным взмахом когтей Алита добыл из воздуха макрель и люциана, как только путешественникам захотелось перекусить.

Искать для ночлега постоялый двор нужды не было. Воздух Лаконды и Северной Лаконды был теплым и влажным, позволяющим устроить ночлег в любом месте, какое приглянется. Это оказалось кстати, поскольку запас членгтууского золота иссяк. При таком изобилии и доступности провизии путешественникам не приходилось беспокоиться о пропитании. Так они

и продвигались, следуя указаниям местных жителей, к главному городу. Спустя совсем немного дней путники уже стояли возле дворца графа Беварина Бекуита, правителя Северной Лаконды.

Огромный дворец, окруженный каменной стеной с железным верхом, являл собой внушительное зрелище. За воротами находился обширный мощеный парадный двор. Солдаты в красивых мундирах стояли на часах около ворот, а также проезжали внутрь на превосходных жеребцах и единорогах. Дальше располагался сам дворец — трехэтажное чудо из известняка и мрамора. Ни орудийных, ни зубчатых башен нигде не было. Представшее перед путешественниками сооружение служило жильем и резиденцией власти, а не крепостью, предназначенной для отражения вооруженного нападения.

— Надо сообщить о себе. — С противоположной стороны улицы Симна глубокомысленно оценивал королевскую резиденцию.

— Да. — Эхомба двинулся вперед, постукивая концом копья о камни мостовой. — Чем раньше я здесь выполню свой долг, тем скорее мы сможем направиться в Хамакассар.

Стражники у изысканных кованых ворот были одеты в тонкие кафтаны синих и золотых цветов. Рукавов не было, что являлось разумной уступкой влажному климату. Синие штаны были заправлены в короткие сапоги из мягкой кожи, также синие. На вооружении у каждого стражника состоял короткий меч, висевший на позолоченном кожаном ремне, и длинная богато украшенная пика.

Заметив приближающуюся невиданную четверку, стражники беспокойно зашевелились. К чести своей, они не опустили пик и не попытались встретить подходящих путешественников с оружием наперевес.

Эхомба подошел к старшему стражу. Воин сдвинул синюю с золотой отделкой фуражку на затылок и изумленно посмотрел — не на пастуха, а на громоздящуюся массу Хункапы Аюба:

— Ну и ну, что же это такое?

— Друг-горец. — Эхомба обратился к стражнику вежливо, но без почтительности. В мире существовало всего несколько людей, кого пастух почитал, и широкоплечий господин в синем мундире к их числу не относился.

— С Хругар, да? — Вперед выступил другой солдат и присоединился к беседе. Уверенные в своем положении и оружии, он и его однополчанин не выказывали никаких признаков страха. Эхомба решил, что это говорит об их хорошей выучке. — Во всяком случае, одет подходяще. У него прекрасная толстая

шуба. Правда, я что-то не могу определить, из какого животного она изготовлена.

— Это не... — начал Эхомба, но Симна уже был впереди своего высокого друга и физически, и словесно:

— И пошита прямо на него. — Поглядев через плечо, северянин метнул другу такой взгляд, который без слов мгновенно говорил: «Здесь город, а ты из деревни, и я знаю городских и все их штучки, как тебе не узнать никогда». Этого было достаточно, чтобы Эхомба умолк и больше не произнес ничего, пока предприимчивый северянин вел переговоры. — Мы проделали долгий путь, чтобы встретиться с графом. Более дальний, чем вы способны вообразить.

Стражники обменялись взглядами.

— Вряд ли, — промолвил тот, который первым вступил в беседу. — Я вполне могу представить себе большое расстояние. — Свободно опершись на пику, он внимательно оглядел полуварварский наряд Симны. — Вы полагаете, что графский дворец — это общественный зал, в который всякий волен войти и назначить встречу?

— Какое дело к графу может быть у таких мошенников, как вы? — Второй страж оказался не таким дружелюбным, как его товарищ, тоже не особо гостеприимный.

Симна важно выпрямился:

— Мы принесли известия о его сыне Тарине Бекуите.

В стражников словно молния ударила. Двое, которые не проронили ни звука и, казалось, даже не прислушивались к разговору, повернулись и бросились к дворцу, не позаботившись закрыть за собой тяжелые железные ворота. Что же до парочки праздных болтунов, то они более не производили впечатления, что их не интересует необыкновенная четверка путников. Воины крепко схватили пики, и выражение их лиц ясно показывало, что теперь они совершенно иначе относятся к путешественникам.

— О благородном Тарине ничего не слышно уже много месяцев. Как же вам удалось узнать о нем? — Старший из двух стражников норовил держать в поле зрения одновременно всех трех чужеземцев. До поры до времени он не обращал внимания на большого кота, дремавшего на тротуаре.

Симне пришлось передать инициативу своему спутнику. Заметив, что его копье не такое длинное, как пика часового, Эхомба еще раз пересказал историю о том, как он нашел Тарина Бекуита и других вынесенными на берег недалеко от деревни наумкибов и как молодой воин скончался у

него на руках. Стражники, теперь преисполненные внимания, слушали напряженно, боясь пропустить хоть слово.

Когда Эхомба закончил повествование, заговорил второй часовой:

— Я был знаком с молодым Бекуитом. Не очень близко — мое положение значительно ниже, но несколько раз он участвовал в маневрах дворцовой стражи. Он был прекрасным человеком, по-настоящему благородным господином, который никогда не задавался, любил хорошую соленую шутку и пинту доброго пива. Все в Лаконде и Северной Лаконде надеялись... — Стражник не мог продолжать. Было ясно, что сын графа пользовался народной любовью.

— Сожалею, — посочувствовал Эхомба. — Я ничем не мог ему помочь. Он пал жертвой колдуна, который величает себя Химнетом Одержимым.

— Похитителя прекрасной Темарил, прорицательницы, величайшей славы обеих Лаконд, — с тоской промолвил старший часовой. — Мне самому не доводилось ее видеть, но я говорил с теми, кто удостоился этой чести. Они рассказывали, что ее изящество и красота затмевали само солнце... Если то, что ты рассказал, правда, то из-за этого злого волшебника Лаконды потеряли как ее, так и благородного Тарина. — Он обернулся, услышав отзвук торопливых шагов.

К ним бежала дюжина дворцовых стражников под предводительством тех двоих, которые раньше стояли на посту у ворот. Задыхаясь, один из них замысловато отсалютовал, на что командир часовых ответил взмахом негнущейся руки.

— Граф желает видеть этих странников немедленно, безотлагательно! — Солдат глотнул воздуха. — Их надлежит препроводить в главный обеденный зал, где их встретят граф и графиня самолично! — Он с уважением посмотрел на двух путешественников и их странных спутников.

Неуверенно нахмурившись, старший стражник замешкался:

— А как быть с большой кошкой?

С трудом переводя дух, посланный резко кивнул:

— Также доставить в обеденный зал. Дворцовый советник выразился ясно: привести всех четверых.

— Воля их. — Снова повернувшись к Эхомбе, командир ободряюще улыбнулся. — Не страшитесь ни дворца, ни членов двора, которым вас представят. Они, в сущности, вполне безобидные люди. Северная Лаконда — очень спокойная страна. Что же до графа, то он, как известно, много

шумит, да редко наказывает. То, что он лично пожелал вас увидеть, — добрый знак.

— Мы ничего не страшимся. — Симна величественно прошествовал мимо стражи. — Мы сражались с Тленом и членгтуу, пересекли Хругары и Абокуа, обрушивали на врагов небесные осколки и заставляли погоду плясать под свою дудку. Обыкновенные люди нас не пугают.

Стражник заставил себя не рассмеяться.

— Просто говорите спокойно и правдиво, и вы поладите с графом. Он не любит хвастунов.

— Эй, — сказал Симна, важно вышагивая между двумя рядами солдат, выстроившихся до входа во дворец, — я не хвастаюсь! Я всего лишь говорю правду. Меня так и зовут — Честный ибн Синд.

Проходя мимо дружелюбного стражника, Эхомба шепнул ему:

— Пожалуйста, поймите: мой друг не зазнается. Он так говорит *всегда*.

Парадный двор, по которому путешественники шагали под бдительными взглядами тяжеловооруженного караула, казался бесконечным, но наконец они вошли в тень ближайшего здания. Здесь их пригласили внутрь и провели через залы, убранные чудесными гобеленами и картинами. Повсюду были парящие рыбы, заключенные в тончайшие сети или за прозрачные стеклянные стенки. Экзотические представители тропиков всевозможных цветов, форм и размеров служили живым украшением дворца. Их радужные переливчатые цвета, безусловно, ни в чем не уступали великолепным, но неподвижным произведениям искусства, покрывавшим стены.

Наконец путники добрались до зала с высоким потолком, большую часть коего занимал стоящий стол, где могла рассесться добрая сотня человек. В дальнем конце дюжина людей с нетерпением дожидалась их появления. Ослепительные тропические рыбки свободно плавали в воздухе, не сдерживаемые ни сетями, ни прочими преградами. Поскольку помещение было лишено окон, то не возникало надобности чинить препятствия их движению.

Дальний край стола был уставлен тончайшим фарфором и серебром. На большие блюда только что выложили горы лучшей снеди из запасов дворцовой кухни. У Симны потекли слюнки, а Алита облизнулся при виде такого обилия мяса, хоть и безнадежно испорченного воздействием огня.

Высокий стройный мужчина с немного крючковатым носом и редеющими светлыми волосами, седыми

лишь на висках, встал навстречу путешественникам, не в силах дождаться, пока они проделают неблизкий путь от парадного входа до дальнего конца стола. К немалой досаде Симны, он, не замечая северянина, остановился прямо перед Эхомбой. Для такого худощавого человека голос у него оказался неожиданно глубоким и звучным.

— Мне доложили, будто вы одеты как варвары, однако я вижу, что в своем роде ваше одеяние не менее изысканно, чем мое собственное. А касательно внешних изъянов его и ваших, так их извиняют те трудности вкупе с расстояниями, которые вам довелось преодолеть в долгом путешествии. — Отступив в сторону, граф взмахом указал на стол. — Милости прошу! Добро пожаловать в Северную Лаконду. Отдыхайте, ешьте, пейте — и рассказывайте мне, что вам известно о моем сыне. Моем единственном сыне.

Двоих людей усадили поближе к главе стола, а на дальнем противоположном конце отвели место для Алиты и Хункапы. Ни мохнатый обитатель гор, ни большой кот отнюдь не чувствовали себя ущемленными, что не принимают участия в беседе. Алиту вообще не интересовали тявкающие разглагольствования людей, а Хункапа Аюб все равно не сумел бы отчетливо уследить за ходом разговора.

Еда была поразительно сытной, а вино — превосходным. Дрожащие прислужники увещевали даже кота отведать хоть немного последнего, ссылаясь на то, что такова традиция и отказ означал бы оскорбление гостеприимству дома Бекуитов. Алита великодушно согласился осушить кубок с темно-вишневой жидкостью. С меньшими усилиями слугам удалось уговорить сделать то же самое Хункапу.

На другом конце стола Эхомба и Симна являли манеры более изящные, нежели их наряд, наслаждаясь самой лучшей пищей за многие дни. Эхомба всегда был умеренным едоком, а Симна выказал удивительное знание приличий, принятых в цивилизованной среде, чего он до сих пор не демонстрировал в их совместном путешествии.

— Нет особого смысла пытаться утереться салфеткой, когда ее все равно неоткуда взять, — объяснил он в ответ на сделанный шепотом комплимент Эхомбы. — То же относится к приборам. Пальцы или вилки — я одинаково хорошо управляюсь и тем, и другим. — Он отхлебнул вина из серебряного потира с изысканностью и грацией питбуля, ткущего кружево.

Рядом с графом сидела женщина, лишь немного моложе него, которая большую часть обеда тихонько пла-

кала в непрерывную череду шелковых платочков, покуда все внимали рассказу Эхомбы. Когда он наконец добрался до конца повести о своей встрече с ее сыном, она поднялась и, извинившись, вышла из-за стола.

— Моя жена, — объяснил Беварин Бекуит. — Последние месяцы она только и делала, что молилась о благополучном возвращении нашего сына.

— Я сожалею, что оказался тем, кто принес вам столь плохие известия. — Эхомба вертел в пальцах свой почти пустой кубок, разглядывая чеканку, которая изображала лакондцев, тянущих рыбу из каналов и с небес при помощи совершенно непохожих неводов. Пастух вдруг почувствовал невероятную усталость. Без сомнения, прекрасная еда и соответствующая обстановка в соединении с напряжением во время перехода Хругар нагнали на него сонливость. — Он умер со стойкостью, которой позавидовал бы любой мужчина: думал не о себе или своих ранах, а о страданиях других. Последние его слова были о женщине.

— О прорицательнице. — Бекуит крепко сжал длинные пальцы вокруг собственной золотой чаши. — Перенести две подобные утраты за один год — это превосходит силы любого человека. Мой сын, — он с усилием сглотнул, — был так же любим народом Северной Лаконды, как Темарил — нашими братьями на юге. Держава лишь сейчас начинает оправляться от потрясения, сопряженного с их потерей.

— Я уже говорил о своем намерении вернуть прорицательницу ее народу, согласно с предсмертной волей вашего сына. Я скорблю, что ничем не сумел ему помочь. После кончины ему... — пастух запнулся, вскользь подумав о том, как сильно отличаются обычаи разных стран, — ему были оказаны те же почести, какие оказывает мой народ каждому благородному человеку в таком случае.

Эхомба потер глаза. Было бы в высшей степени невежливо уснуть за столь гостеприимным столом. Человек участливый, вроде Бекуита, мог бы это понять, однако им не следует на это рассчитывать.

Тем не менее необходимость в отдыхе стала непреодолимой. Взглянув налево, Эхомба увидел, что Симна тоже совсем обессилел. Северянин тряс головой и зевал, как человек, который... скажем, как человек, который только что пересек изрядную часть мира, чтобы добраться до этого места.

Когда пастух привстал, готовясь извиниться за себя и своих спутников, он обнаружил, что его кресло будто

обрело тяжесть и неподвижность литого чугуна. Напрягшись, он оттолкнул его назад и выпрямился. Ощутив, что слегка нетверд в ногах, Эхомба оперся рукой о стол.

— Я... я прошу прощения, сударь. Вы должны извинить меня и моих друзей. Мы долгое время были в пути и прошли огромное расстояние, вследствие чего весьма устали. — Налитые свинцом веки грозили захлопнуться без его одобрения, и он через силу держал их открытыми. — Не могли бы мы где-нибудь отдохнуть?

— Эй, братец! — Рядом с ним разомлевший Симна тужился подняться. Потерпев неудачу, он опять плюхнулся в кресло. — Тут штука не просто в усталости. Гволез его знает... Гволез его знает, в чем еще... — Глаза северянина закрылись. Через секунду они вновь распахнулись. — Гволез побери и разрази... мне бы смекнуть. Ведь в скольких тавернах я перебывал, в скольких переделках...

Его речь превратилась в невнятное бормотание. Голова Симны упала на грудь, а Эхомба еще силился держать глаза открытыми, зрячими и внимательными.

Он хотел повернуться, чтобы кликнуть Алиту, но лишь обнаружил, что тело больше не подчиняется его воле. Пошатнувшись, Этиоль сумел опуститься на свое место. Ему хотелось извиниться перед хозяином, еще раз объяснить непростительное нарушение ими приличий, но он понял, что усталость уже не дает рту и губам шевелиться слаженно. Непроницаемый могильный мрак застлал глаза, погасив свет, а вместе с ним и сознание. Сквозь пелену он услышал, как кто-то говорит герцогу: «Готово дело, сударь. Отличная работа. Теперь они ваши».

Этот голос, напрягся остаток мышления Эхомба, *где я уже слышал этот голос?* Рассудок безболезненно затухал, и ему почудился запах горелого. От этого блеснула слабая искра воспоминания.

— Убийца! — Обвинение изрыгнул зычный голос Беварина Бекуита. Но кого же он обвинял в убийстве? Кого-то, кто только что вошел в зал?

Чья-то рука трясла его за плечо. В светлой мягкой дымке, неумолимо окутывавшей его, Эхомба едва ощущал прикосновение.

— Убить моего сына, а потом гнусно добиваться моей благосклонности и гостеприимства, так, что ли? Ты за это заплатишь, дикарь! Платить придется долго, медленно и мучительно! — Граф проговорил свое обещание голосом, дрожавшим от ярости.

Меня, отрешенно подумал Эхомба. *Он обвиняет меня в убийстве его сына.* Какая нелепая, какая несуразная мысль. Если бы он только мог говорить, Эхомба быстро разубедил бы графа. Но рот его по-прежнему отказывался рождать слова. Впрочем, как графу вообще мог прийти в голову такой вздор?

Снова послышался тот голос. Он звучал резко, а произнесенные им слова были краткими и точными:

— Убейте их быстро или медленно, сударь, это меня не касается. Но, как мы и договаривались, я оставляю за собой спящую кошку, и если на то будет ваше согласие, также и того большого отвратительного скота, что валяется рядом.

— Забирай их, если желаешь. — В каждом звуке, произнесенном графом, слышалось едва сдерживаемое бешенство. — Мне нужен тот, кто действительно убил. Его пособника я, пожалуй, тоже задержу. У человека, пока его пытают, должна быть компания.

— Вам виднее, сударь. А теперь, если позволите, я должен проследить, как мою собственность опутывают сетями.

Когда свет сознания сжался в последнюю судорожную точку, Эхомба наконец узнал тот голос. Его он никак не ожидал услышать вновь. Присутствие этого человека сулило им не больше хорошего, нежели угрозы графа Северной Лаконды.

Голос принадлежал Харамосу бин Гру.

XXI

Возвращение сознания сопровождалось тяжкими ударами в затылке, которые никак не прекращались. Моргнув, Эхомба постарался больше не закрывать глаза. С каждой мучительной секундой его зрение становилось все яснее, все острее. Что отнюдь не означало, будто ему нравилось увиденное.

Столовая с прекрасными кувертами и ливрейными лакеями исчезла. Путешественников переместили в какой-то приемный зал, более просторный, но обставленный куда скуднее. Картины на стенах изображали не уютные домашние сценки, а череду лакондских графов и их супруг. Попадались также пейзажи и сценки из сельской жизни, значительно подправленной и с патриотическим смыслом. Изумительные тропические рыбки, эти непостижимые живые украшения Лаконды, плавали в воздухе приемного зала. Вдоль стен,

словно молчаливые изваяния, стояли настороженные и тяжеловооруженные воины в синих мундирах.

В одном конце зала на приподнятом помосте покоился скромный двойной трон. Богато расшитые знамена служили внушительным фоном королевскому месту, хотя сами кресла были совершенно лишены государственных атрибутов. Одно кресло пустовало, на другом восседал погруженный в раздумья Беварин Бекуит. Рядом с ним стоял плотный, приземистый человек, из толстых губ которого торчала едва дымящаяся сигара. На круглом лице купца не было никакого торжества. Пожалуй, удовлетворение. Как всегда, для бин Гру это было всего лишь дело.

Он заметил, что пастух смотрит на него:

— Никому не дано отбирать собственность у Харамоса бин Гру. Тебе следовало оставить мне кошку.

Рядом с пастухом медленно просыпался Симна ибн Синд. По мере того как северянин приходил в себя, он начинал осознавать, что руки за спиной связаны крепкими веревками.

— Эй, что это? — Мигая, Симна вглядывался не в печального аристократа, а в коренастую фигуру рядом с ним. — Ба! Человек-свинья! — Без всякого результата он стал освобождаться от пут. — Развяжите-ка меня на минуту. Нет, на полминуты! Даже не надо давать мне меч!

Пока друг бушевал, Эхомба увидел, что огромного черного кота позади него опутывает металлическая сеть. Такими же тенетами был связан и Хункапа Аюб во время сна. Какого бы зелья ни подсыпали в их вино, оно сработало действенно и на редкость мягко. Неудивительно, что графские слуги так настаивали, чтобы Алита и Хункапа Аюб отведали этого особенного напитка.

Их пожитки лежали кучей поблизости, котомка и оружие пастуха поверх мешка Симны. Все равно что по ту сторону Хругар. Он был связан так крепко, что едва мог пошевелить пальцами, а тем более руками или ногами. Бин Гру, без сомнения, за этим проследил. Но себя Эхомбе не было жалко. Он уже много раз смотрел смерти в лицо. Он жалел лишь о том, что не сможет попрощаться с Мираньей и детьми и они никогда не узнают, что же с ним случилось. Еще было довольно горько сознавать, что им предстояло умереть оклеветанными.

Если было что-то грустнее его собственного положения, так это жалкая доля Хункапы Аюба. Большой добродушный зверь сидел ссутулившись, молча свесив голову к ногам, точно так, как Эхомба впервые увидел его пленником в

Незербре. После всех испытаний, после вновь обретенной свободы он опять был обречен на жизнь в клетке, на глумление бездумных, безликих, равнодушных людей. Эхомба был рад, что может видеть только огромную мощную спину, а не лицо этого создания.

— Хочешь ли ты что-нибудь сказать, прежде чем я оглашу приговор?

Отвернувшись от товарищей и не обращая внимания на словоизвержения Симны, Эхомба, собрав всю честность и искренность, на какие был способен, постарался поймать взгляд графа Беварина Бекуита.

— Личность, стоящая подле вас, не заслуживает того, чтобы находиться в вашем присутствии. Это Харамос бин Гру, лжекупец из Либондая.

— Мне известно, кто он, — резко ответил граф. Одной рукой он отогнал дюжину аметистовых антий, проплывавших у него на уровне глаз. Взмахнув плавниками, рыбки безмолвно кинулись врассыпную. — Он проделал далекий путь с самого юга, дабы предупредить меня о вашем прибытии и поведать правду о том, что произошло с моим сыном.

— Правда, которую он знает, это всего лишь то, что я рассказывал его наймиту, старику, такому же бессовестному, как и сам бин Гру. — Эхомба попробовал приподняться и обнаружил, что может перемещать спину и подтянуть обе ноги, но никакой возможности встать у него нет. Разговор из сидячего положения, осознавал он, делал его слова менее убедительными. — Он все извратил в своих собственных целях. Всякий раз, когда он разевает пасть, он кормит вас вздором.

— Не только убийца и лжец, но и грубиян. — С помощью одних только губ бин Гру передвинул дымящуюся сигару из одного уголка рта в другой.

— Послушайте моего друга, великий граф! — Демонстрируя впечатляющие запасы энергии, Симна продолжал тщетную борьбу с веревками, связывавшими его, даже когда кричал. — Он говорит правду. И если вы нас не освободите, то вас ждет гибель. Мой друг — великий и могущественный волшебник!

Медленно поглаживая висок, Бекуит холодно оглядел пастуха.

— Вот как? На мой взгляд, он похож на обыкновенного убийцу, который ничего не умеет, разве что исподтишка всадить нож в спину какого-нибудь несчастного. Но я желаю убедиться. — Сверкнув глазами, граф подался вперед на троне. — Твой друг сказал, будто ты могущественный волшебник. Подтверди его речи. Освободи себя.

Вдоль стен несколько бдительных стражников тревожно зашевелились.

— Я не убийца, — ответил Эхомба. — Убийца твоего сына — Химнет Одержимый.

— Колдун. — С резким, невеселым смешком Бекуит откинулся на троне.

Симна уже некоторое время назад прекратил борьбу с узами и, склонившись влево, прошептал товарищу:

— Давай, Этиоль. Сейчас не время скрытничать. Покажи им, на что ты способен. Яви им свое могущество!

Пастух кивнул в направлении их пожитков:

— Те скромные силы, которые я мог бы вызвать, лежат на дне моей котомки, до которой я не могу дотянуться. Мне ужасно жаль. Правда.

— Ну, тогда переубеди этого дурака! Он так ослеплен потерей сына, что ум за разум зашел. Вот тогда и появляется такая дрянь, как бин Гру.

— Попробую. — Глядя прямо на помост, Этиоль начал четко и с убежденностью тех, кто говорит правду: — Подумайте секунду, прежде чем казнить нас, благородный Бекуит. Если бы я действительно был убийцей вашего сына, то зачем бы я стал, проделав весь этот путь, являться к вашему двору? Какая причина могла бы побудить меня к столь длинному и опасному путешествию?

Бекуит ответил не раздумывая:

— Разумеется, чтобы получить сокровище. — Он поглядел направо. — А теперь оно достанется, и по справедливости, моему новому другу.

В первый раз Харамос бин Гру улыбнулся. А почему бы и нет? Он не только возвращал себе черного кота и обзаводился дополнительной диковинкой в виде безутешного Хункапы Аюба, но, очевидно, ставка в этом деле была куда выше.

— Так я и знал! — взорвался Симна, бросив убийственный взгляд на своего друга. — Сокровище все-таки было! Ты мне врал... да я никогда тебе и не верил, ханжеское южное отродье шлюховатой свиньи!

Совершенно сбитый с толку, пастух уставился на товарища.

— Симна, я не понимаю, о чем ты? — Эхомба, как мог, кивнул в сторону Бекуита. — Не понимаю, о чем он говорит.

— А вот я понимаю... Наконец-то я все понял! Ах, какие мы были хитрые, как мы ловко уворачивались от моих вопросов про «сокровище»!.. — Резко отвернувшись от пастуха, Симна ибн Синд испытующе посмотрел на трон. — Существует вознаграждение, так? За сведения о вашем сыне.

Насторожившийся Беварин Бекуит медленно кивнул:

— Оно существовало на протяжении многих месяцев. Об этом повсюду широко объявлялось в надежде получить какие-нибудь известия о местонахождении Тарина. Этот добрый негоциант заслужил его благодаря неоценимой информации, которую мне доставил. Я лишь благодарен, что он успел вовремя поведать мне истинное положение дел и предостеречь о ваших гнусных намерениях. — Граф снова переключил внимание на Эхомбу. — Совершенно очевидно, что ты не только убил моего сына, но и собирался получить награду за то, что принес весть о его смерти. Такой доверчивый человек, как я, не мог даже помыслить о столь невероятной низости.

— Ага, а вот я могу, благородный господин! — Разъяренный Симна, оказывается, не только не закончил, а вроде бы лишь разогревался. — Столько недель я помогал этому бормочущему шарлатану с каменной рожей, ухаживал за ним, исполнял все его желания, защищал от всевозможных трудностей и опасностей. И делал это по собственной доброй воле, потому что в глубине души знал, что он охотится за сокровищем. Я чуял это в его словах, в том, как он пялится на далекие горизонты. И мне, парню весьма умеренной алчности, мне тоже хотелось получить малую толику этого сокровища. Я признаю, больше меня ничего не интересовало. Вы вольны казнить меня за это, но примите во внимание мою честность. Стыдно, но скажу: меня никогда не волновало, что он убил того человека, который вдохновил его проделать весь этот путь. Вашего сынка, благородный господин.

От удивления у Эхомбы отвисла челюсть.

— Симна!

Северянин презрительно усмехнулся:

— Что — Симна? Зачем ты используешь мое имя — чтобы выразить оскорбление? Или я теперь уже не больше чем бранное словцо? Сам ты после этого «Симна», факир, виртуоз вранья, прохвост! Ты всех обдурил, даже вот котика, но меня больше не надуешь! — Натянув веревки, опутывающие его, северянин попытался отвесить поклон в сторону трона. Это требовало значительной гибкости и немалых усилий. — Сир, граф Бекуит, я отрекаюсь от этой коварной и лукавой деревенщины отныне и вовеки! Я ошибался, думая, будто сокровище, которое, как я догадывался, мы ищем, можно добыть честным путем, но вы поймите, вы должны понять, что я не мог даже подозревать ничего иного. Он непревзойденный хитрец, который ловко прячется под маской простоты и приветливости.

Освободите меня, верните мне жизнь, и я расскажу вам все! Теперь я ясно вижу, что никакого сокровища мне тут не досталось бы, дурак я, дурак!

Бекуит сурово глядел на связанного северянина, барабаня пальцами по подлокотнику трона.

— Почему я должен тебя отпускать? Ты ничего не можешь мне дать. — Он кивнул на купца. — Этот добрый господин мне все уже рассказал.

— Невозможно, сир! Он мог передать вам лишь то, что ему наговорил его наймит. Только я был рядом с этим ублюдочным мерзавцем чуть ли не с самого начала его путешествия. Я один посвящен во все его планы и намерения. — Он склонил голову и понизил голос. — Кроме самого убийцы, одному мне известны самые сокровенные подробности кончины вашего сыночка.

К чести бин Гру, лицо его ни разу не дрогнуло.

— Он лжет, — отрывисто проговорил купец.

— Лжет? — Беварин Бекуит задумчиво окинул взглядом торговца. — Лжет о чем? Вы хотите сказать, что, возможно, этот чужеземец неповинен в смерти моего сына?

— Нет, сир, конечно, нет. Мы оба все отлично знаем.

Эхомбе показалось, что бин Гру покрылся испариной, но сказать наверное он не мог. Как и во всей Лаконде, в приемном зале было жарко и влажно.

— Тогда о чем же он лжет? — допытывался граф. — Не о своем участии в убийстве моего сына. Вы сами говорили мне, что оно было совершено только высоким южанином.

— Верно, сир, но... мне кое-что известно об этом разговорчивом типе, и я знаю, что ему нельзя доверять.

— У меня нет намерения ему доверять, но если он знает о смерти моего сына больше, нежели вы, его по крайней мере надо выслушать. — Подавшись вперед, граф пронзительно посмотрел на полулежащего северянина. — Говори, бродяга, и если то, что ты скажешь, меня удовлетворит, я, возможно, решу сохранить твою ничтожную жизнь.

Симна заерзал по полу.

— Ваша милость, сир, от этих веревок у меня так невыносимо болят руки и ноги, что путаются все мысли.

Бекуит снова сел на свое место и безразлично махнул:

— Ну хорошо... развяжите его.

— Сир, — возразил бин Гру, когда два дюжих воина выступили вперед, чтобы освободить Симну от пут, — я не думаю, что это хорошая мысль.

— Как, неужели вы его боитесь, Харамос? Мне казалось, что колдуном назвался убийца.

— Нет, сир, я его не боюсь. — Купец внимательно следил за освобожденным Симной. — Я попросту не доверяю ему. Я не доверяю ни одному из них.

— Вы и не должны им доверять, друг мой. Волосатый скот и гигантская кошка тщательно и надежно связаны, воины, которых вы здесь видите, — моя дворцовая стража, гордость Северной Лаконды. — Граф указал на Симну, который, освободившись от тугих веревок, растирал себе запястья и ноги. — А это всего лишь один человек, да и то не очень крупный, если уж на то пошло. Успокойтесь. Знаете, даже несмотря на разницу в возрасте, я сам мог бы одолеть его в честном поединке.

— Полагаю, смогли бы, сир. — Освобожденный северянин изо всех сил старался угодить.

— Лесть оставь для ослов, бродяга. Итак... кончина моего сына. Как это произошло? Не опускай ни одной подробности, даже самой ничтожной.

Бросив взгляд на двух здоровенных стражников, вставших у него по бокам, Симна начал.

История была затейливая, богатая перипетиями и приключениями. Даже стражников захватило это повествование, хотя бдительности и не притупило. Только бин Гру, знавший настоящую правду, не увлекся. Не имея возможности протестовать более настойчиво без того, чтобы не навлечь на себя подозрений, он мог лишь наблюдать и дивиться представлению северянина. С чисто театральной точки зрения, должен был признать рациональный купец, это был истинный бенефис.

Эхомба же сидел молча и размышлял о побуждениях своего попутчика. Хотя он и мог понять желание Симны любыми средствами попытаться спастись, пастух предпочел бы, чтобы тот не рыл еще более глубокую могилу для единственного местного представителя наумкибов, которые ничего не могли сказать в свою защиту.

Симна вводил в свою историю все больше и больше деталей, то молитвенно закатывая глаза к небу, то дрожащей рукой указывая на Эхомбу. Прохаживаясь позади пастуха, он по ходу рассказа начал бить его по голове и плечам, осыпая оскорблениями и обвинениями наряду с настоящими тумаками. Бекуит следил за происходящим бесстрастно, а бин Гру нервно грыз сигару и старался угадать, что же северянин выкинет под занавес.

Это выяснилось довольно скоро. Когда Симна вернулся и встал между рослыми гвардейцами, он прокричал, дрожа от омерзения и ярости:

— Смотрите на него! Видите ли вы какие-нибудь признаки раскаяния на этом лице? Видите ли вы хоть какой-то намек на раскаяние или тень стыда за чудовищное преступление? Нет! Вот таков он всегда. Каменное лицо, лишенное выражения, неменяющееся, что бы он ни делал — порабощал волю человека или отнимал у него жизнь. Он заслуживает смерти! И я сам убил бы его за то, что он сделал со мной, но я безоружен. — Отступив назад, Симна с силой толкнул одного из охранников к пастуху. — Иди сделай это! Покарай его немедленно! Мне хочется посмотреть, как прольется его кровь! Я заслуживаю того, чтобы это увидеть! — Стражник замешкался, а Симна уже настойчиво толкал вперед и второго: — Покажите мне, как его голова покатится по полу!

— Симна ибн Синд, ты вероломный и безнравственный человек! — Лицо Эхомбы исказила гримаса негодования и отвращения. — Ты умрешь одиноким и жалким, что станет достойным завершением твоей никчемной жизни!

— Вероятно, — парировал северянин, — но не сейчас.

Тут он метнулся, быстрый, как кобра, в противоположную сторону. Оба стражника обернулись, чтобы схватить его, однако хитрый Симна, пихнув их на несколько шагов вперед, оказался вне досягаемости.

Наполовину усыпленные рассказом, гвардейцы немедленно кинулись перекрывать ближайшие выходы. Другие поспешили на защиту графа. Напуганные внезапно поднявшимся переполохом, декоративные парящие рыбки начали беспорядочно носиться туда-сюда. Еще дюжина гвардейцев бросилась ловить проворного северянина. Они взяли наперевес или обнажили свое оружие, а отчаянный Симна бешено рылся в куче своего и Эхомбиного скарба. Вцепившись в эфес меча, он выдернул его и швырнул, но не в наступающих с мрачными лицами стражников, а своему товарищу:

— Эй, братец! Сведи-ка сюда частицу небес! Вызови ветер, что реет меж звезд, и выдуй этих мошенников из их драгоценных стен. Пусть пол замусорится их костями, когда ветер сорвет мясо с костей!

Выскользнув из опутывавших его веревок, которые гибкими пальцами Симны были ловко развязаны между ударами, сыпавшимися на голову и тело пастуха, Эхомба вскочил на ноги и успел поймать летящий меч за рукоять. Одна-

ко выполнить дерзкие и кровожадные просьбы товарища мешала одна деталь.

Это был не тот меч.

Вместо острого клинка, изготовленного из серого небесного металла, Симна второпях схватил второй меч пастуха, сделанный из кости и усеянный зазубренными треугольными зубами акулы. Безусловно, это было страшное и надежное оружие, но с его помощью не удалось бы вызвать и случайную тучку. Меч был вещью моря, а не неба.

Подхватив и собственный меч вслед за кинутым Эхомбе, Симна с грустью понял свою ошибку.

— Эй, братец, извини. — Сжимая оружие обеими руками, он пятился от наступающих полукругом стражников. От меча было мало пользы против пик, но фехтовальщик решил продать свою жизнь как можно дороже. В крайнем случае он падет с оружием в руках и без оков. Умрет как мужчина, а не как бешеный пес.

— Извиняться не за что, друг Симна. — Эхомба поднял усеянный зубами меч высоко над головой, направив его острый конец на напрягшихся, но спокойных гвардейцев. — Здесь рыба повсюду, так что лучшего оружия, чем то, у которого лезвие принадлежит морю, и не придумаешь!

— Убейте их! — раздался отрывистый голос Харамоса бин Гру, выглядывающего из-за шеренги синих гвардейцев. — Убейте их, пока он...

Беварин Бекуит, чувствующий себя на троне в полной безопасности, отозвался вопросом, в котором впервые прозвучал намек на недоверие:

— Пока он... что, Харамос?

Тот же вопрос сам себе задавал Симна ибн Синд. Поблизости проснулся Алита и зарычал, внеся свой вклад в зарождающийся хаос. Очнувшись от забытья, Хункапа Аюб разогнулся и тряс металлические ячейки сети с ужасающим неистовством.

Клинок костяного меча окутало синее сияние. Оно было темным и глубоким, как море, с прозеленью и пахло солью. При виде него подступающие стражники остановились как вкопанные. С помоста их понукал голос сюзерена:

— Что вы медлите? Их всего двое, а вас много. Взять их! Если можно, живыми, а нет... ну, значит, нет.

Один из двух стражей, которых одурачил Симна, шагнул вперед, угрожающе держа перед собой тяжелый меч. В его голосе звучало скорее увещевание, нежели гнев:

— Это бессмысленно. Зачем бесчестить себя, проливая кровь во дворце? Вам следует встретить свою судьбу с

достоинством. — Держа клинок наготове, он протянул другую руку. — Отдайте оружие.

— Гляди! — завопил кто-то позади него. По сжимающемуся кольцу гвардейцев прошелестел тревожный шепот.

На острие меча Эхомбы что-то набухало. Серое сверху, белое внизу, оно быстро росло и отделялось от кости, похожее на огромную двухцветную каплю молока, просочившуюся из ниоткуда параллельно полу. Продолжая увеличиваться, оно стало приобретать характерные черты, подобно тому как из бутона пробиваются лепестки. И все время становилось больше и больше.

Раньше гвардейцев ее узнали декоративные рыбки, плававшие в приемном зале, — и исчезли через открытые двери, будто их вынесли не плавники, а молния, как испаряющиеся прочерки желтого и оранжевого, красного и зеленого. Они буквально пролетели сквозь взвод сине-золотого подкрепления, спешащего в зал.

Серо-белая масса отрастила себе плавники и большущий серповидный хвост. Возникла пара глаз, совершенно черных и без зрачков. Однако находившиеся в комнате на эти детали не обратили внимания, поскольку их взгляды сосредоточились на единственной господствующей черте: на пасти.

Она была невероятных размеров, способной поглотить человека целиком. Изнутри эту впечатляющую полость покрывали многочисленные ряды поблескивающих белых треугольных зубов. Их края имели зазубринки по обеим сторонам от острого конца, как мясные ножи. Это был несравненный рот, не похожий ни на что другое во всем подводном царстве. Если смотреть спереди, то челюсти и зубы складывались в неповторимо чудовищную улыбку.

Большая белая акула сорвалась с кончика костяного меча, и ее стало относить к шеренге стражников. Несколько человек выскочили из строя и бросились бежать, но остальные храбро удерживали позицию, выставив длинные пики. На мече появилось еще одно серо-белое каплевидное вздутие, обещавшее оказаться покрупнее предыдущего.

Один из гвардейцев ткнул пикой в нависшего хищника. Выдвинув челюсти за пределы губ, громадина съела ее. Оставшись с куском бесполезной деревяшки в руках, стражник повернулся и кинулся к ближайшей двери.

— Не отступать! — Беварин Бекуит вскочил с трона. — Нападайте! Это всего лишь рыбы, как те, что вы каждый день видите на улицах.

Граф Северной Лаконды говорил полуправду-полуложь. Это были всего лишь рыбы, но определенно не такие, каких гвардейцы видели каждый день. Не декоративные, не безвредные и очень голодные. К тому же теперь их было три, а плодовитый меч начал производить на свет четвертую.

Стражники, надо отдать им должное, выполнили приказание своего сюзерена. Они постарались окружить двух акул и атаковать их длинными копьями. Несколько ударов достигли цели, и капельки красной акульей крови закапали на пол. Но раны только разозлили акул. Ударяя огромными изогнутыми хвостами, они, как стрелы, носились в воздухе и кусали все, что попадалось на пути, будь то пика, гвардеец или несчастная мебель.

С одной акулой гвардейцы, вероятно, и справились бы. Две, а потом и три заставили их обороняться. Когда же меч Эхомбы вырастил шестую, приемный зал превратился в кровавое месиво.

Гвардейцы бросились бежать, преследуемые безжалостными плотоядными торпедами. Счастливцам удалось спастись через охваченные паникой коридоры, их менее расторопные товарищи были полностью расчленены. Скоро весь пол усеяли обрывки плоти, а изящная мебель и обои покрылись красным. Под защитой отчаявшихся стражников Беварин Бекуит бежал через тайный лаз, расположенный за тронным помостом. Многим его телохранителям повезло куда меньше.

Что же касается Харамоса бин Гру, то он попытался улизнуть вместе с графом, но был выпихнут обратно в кровавую преисподнюю зала. Через головы охранников Бекуит все же успел прокричать купцу последнее «прощай», прежде чем нырнуть в безопасность.

— Что, Харамос, он не колдун? Тут ты мне солгал. А не солгал ли ты и о том, *как* умер мой сын?

— Нет, сир... поверьте, я сказал правду! — Несмотря на то что он был безоружен, если не считать пары спрятанных маленьких ножей, торговец пытался прорваться сквозь строй гвардейцев. Однако трудно одолеть противника, если вас разделяют шесть футов деревянного древка и фут острого лезвия. Таково преимущество пики со стальным наконечником. — Вот убийца! Неотесанный, нецивилизованный южанин. И он не колдун, он сам это говорил! Хотя я признаю, что был введен в заблуждение колдовскими штуками, которые он носит при себе.

— Ты прав в одном. — Нагнувшись, чтобы войти в низкую дверцу, Бекуит помедлил. Его телохранители отчаянно старались не подпустить акул к графу. — Кого-то здесь вводят в заблуждение. Жаль, что нет времени разобраться.

Он быстро скрылся в потайном коридоре. Один за другим охранники попытались уйти за ним. Кое-кому это удалось. Остальные оставили разбушевавшимся акулам свои конечности, а некоторые — даже головы.

Отступив, бин Гру прижался к стене и начал пробираться к ближайшему выходу, пятясь от королевского помоста. Перед его глазами разыгрывалась невиданная драма беспощадной кровавой резни. Он уже почти добрался до двери, когда совершил ошибку: решил побежать. Резкое движение привлекло внимание одной из мародерствующих акул. Когда она повернулась, купец не вскрикнул от страха, а исступленно выругался. Кончина, таким образом, соответствовала сущности всей его жизни, она явилась отражением внутренней порочности и бесконечной ярости. Акуле это было безразлично, и она перекусила торговца пополам.

В приемном зале теперь властвовали восемь белых акул, медленно плававших кругами в поисках дополнительной добычи. Некогда величественное помещение приняло вид скотобойни: повсюду была кровь, внутренности, части тел. Последний живой стражник сбежал.

Эхомба подошел к своим все еще связанным друзьям. За ним следовал Симна, держась как можно ближе к товарищу. Он отлично видел, как быстро могут двигаться акулы, и не желал отдаляться от их создателя хотя бы на миг. Бездушные черные глаза следили за каждым его движением, но акулы не нападали. Некоторые легли на пол и кормились, заглатывая целые куски гвардейцев, мундиров и всего, что попадется.

— А ты великий хитрец. — Свободной рукой пастух потирал болевшие лицо и плечи. — Как только представится возможность, я собираюсь отплатить тебе за твою хитрость.

— Эй, братец, ведь я должен был сделать так, чтобы все выглядело взаправду, разве нет? Мне надо было отвлечь их от того, что я делал у тебя за спиной. Чтобы ловкость рук сработала, надо как следует отвлекать внимание. — Симна усмехнулся. — Я уж начал сомневаться, догадаешься ли ты, что я хочу сделать.

— Признаюсь, сначала я сомневался. Что окончательно открыло мне твои истинные намерения, так это избыток мольбы. Я понимаю тебя достаточно хорошо и знаю, что ты будешь драться, а не унижаться.

— Смотря по обстоятельствам, — ответил северянин, не раздумывая. — Если будет надо, я могу пасть ниц перед любым из этих. — Он кивнул на трон. — Но не из-за лжи и не в присутствии какой-нибудь жирной жабы вроде

бин Гру. — Голос его стал жестким. — Я видел, как его сожрали. Теперь он уже никого не посадит в клетку.

Эхомба мрачно заметил:

— Не все способы, которыми человек предпочитает защищаться, одинаково хороши. Вот, к примеру, акулы: с ними нельзя договориться, их не обмануть и не подкупить. Держись ко мне поближе.

Симне не надо было повторять дважды. Присутствие двадцати или более тонн плавающих по кругу проворных акул делало окружающую среду определенно неблагоприятной.

— Дай-ка я угадаю. Ты вообще не занимаешься колдовством. Ты даже не имеешь представления, как все это происходит. Ты просто пользуешься заколдованным мечом, который изготовил для тебя деревенский кузнец Окидоки.

— Отжиханья, — терпеливо поправил Эхомба. — Не мели ерунды, Симна. Кузнецы работают только с металлами. — Он приподнял усеянное зубами костяное лезвие. — Этот меч сделал старик Пембаруду, превосходный рыбак. Он потратил очень много времени, чтобы собрать на побережье все эти зубы и вставить их в кость. Это, конечно же, китовый ус. У акул костей нет — поэтому, в частности, из них получаются такие вкусные кушанья.

Симна ибн Синд замахал рукой и проговорил страшным шепотом:

— Не будем о таких вещах, Этиоль. Одно из этих морских чудищ может услышать и неправильно понять.

Пастух улыбнулся:

— Симна, ты боишься?

— Клянусь деснами Гхогоста, еще как боюсь, братец! Любой, кто такое увидит и скажет, что не боится, будет лгуном, равным бин Гру. Мне страшно, когда ты берешь в руки оружие, и мне страшно, когда ты вынимаешь из своего мешка какую-нибудь безобидную безделушку. Путешествуя с тобой, я многому научился; например, когда надо бояться. — Все еще улыбаясь, но с грустью, он медленно поднял глаза на своего долговязого спутника. — Ты не тот человек, который внушает страх, Этиоль... однако твои пожитки — дело другое.

Эхомба постарался его успокоить:

— До тех пор, пока я держу меч, я повелеваю всем, что он произвел. Смотри...

Опустив оружие, пастух прикоснулся кончиком к металлической сети, в которую был завернут Алита. Тут же ближайшая акула повернулась и подплыла. Зашипев, черный

кот попытался отпрянуть от челюстей, которые были еще больше и мощнее, чем у него самого.

Акула с треском забрала в рот кусок сети и, мотая головой из стороны в сторону, начала перепиливать ее зубами. Когда, взмахнув плавником, она отплыла в сторону, в сети осталась дыра, достаточно большая, чтобы Алита протиснулся наружу.

Под руководством Эхомбы две другие акулы оказали такую же услугу четвертому члену компании. Образовавшуюся дыру Хункапа Аюб расширил одним рывком могучих рук и встал рядом с друзьями.

— Большой рыба, плохо укусить.

Симна кивнул:

— Я бы скорее сказал: «плохой рыба, большой укусить»; впрочем, конец один. — Покрутив головой, он с грустью оглядел разрушенный зал. — Давайте-ка собирать манатки и убираться отсюда. Я сыт по горло этими Лакондами — северными, южными, всякими.

— Солдаты ловить? — небезосновательно поинтересовался Хункапа Аюб, когда путешественники осторожно вышли из зала.

— Не думаю. — Держа перед собой меч из китового уса, Эхомба возглавлял шествие. По обеим сторонам путников сопровождали два ряда больших белых акул.

Их неторопливое отбытие из Лаконды вызвало переполох среди населения и дало пищу для рассказов на много десятилетий вперед. Как всегда в подобных случаях, с каждым новым пересказом размеры и свирепость действующих лиц все увеличивались. Эхомба стал злобным морским колдуном, явившимся, чтобы покорить милых летучих рыбок Лаконды. Симна ибн Синд стал его карликом-подмастерьем, размахивающим громадным мечом, во много раз большим, чем он сам. Хункапа Аюб превратился в великана с горящими глазами и длинными клыками, с которых капал желто-зеленый гной, а черный кот — в клуб адского дыма, сжигавшего все, к чему прикасался.

Что же до эскорта летящих акул, то в воображении рассказчиков они увеличились до размера китов, с зубами, как колья изгороди, и злобой настоящих демонов — как будто действительность была недостаточно страшной и впечатляющей.

Домашние рыбы уносились стрелой при одном виде путешественников и их сопровождения. Жители прятались где придется, захлопывали ставни и запирали двери. Те, кто наблюдал эту примечательную процессию, навсегда запоминали скорее не размеры или зубы, пустые черные глаза или

покачивающиеся хвосты, а жуткую застывшую ухмылку огромных акул.

Путников никто не преследовал и, само собой, не пытался остановить. К тому времени, как они добрались до северо-западной окраины Северной Лаконды, пограничная стража, уведомленная, кто именно неумолимо движется в их направлении, решила уйти в досрочный отпуск. Перейдя через скромный крепенький мостик, который и являлся границей, путешественники очутились в равнинном смешанном лесу, известном под названием Еснабские Холмы.

Здесь Эхомба повернулся и постоял в одиночестве, крепко зажмурив глаза и держа костяной меч вертикально перед собой. Симна и остальные наблюдали, как громадные акулы медленно проплыли во влажном воздухе и исчезли там, откуда явились. Меч снова втянул их в себя, и они пропали из виду, словно мелкая рыбешка, брошенная в бочку.

Когда последний хвост с прощальным взмахом растворился, Эхомба сунул меч в пустые ножны за спиной и повернулся, чтобы продолжать поход. Сильная рука удержала его.

— Будь любезен, длинный братец, погоди.

Эхомба посмотрел сверху вниз на друга.

— Что-нибудь случилось, Симна? — Пастух оглянулся на пустую пограничную заставу и лакондские равнины. — Ты что, опасаешься, не послал ли граф нам вдогонку солдат?

— Ни в коей мере, — ответил северянин. — Я полагаю, они не такие дураки. Но я опасаюсь, не дурак ли я?

— Не совсем понимаю, что ты хочешь сказать, мой друг.

Неподалеку Хункапа Аюб и Алита обследовали небольшую яму.

— Когда ты узнал, где мы находимся, то решил сообщить этому Бекуиту о судьбе его сына. В результате он считает, будто ты убил его наследника, и если ему представится еще один случай, то убьет тебя.

— Я так не думаю. Чем больше времени у него будет поразмыслить над тем, что обнаружилось, тем больше, как мне кажется, он станет сомневаться в словах бин Гру.

— Возможно, но после того, что ты сделал с его двором, он вряд ли встретит тебя с распростертыми объятиями, если ты будешь возвращаться этим же путем. Собственно, что я хочу сказать, Этиоль: ты совершенно ничего не должен человеку, который хочет твоей смерти. Поэтому мы можем сосредоточиться на поисках настоящего сокровища и за-

быть всю эту чепуху о возвращении какой-то изнеженной шлюхи голубых кровей в ее семейку.

— Все не так, — решительно сказал Эхомба. Симна при этих словах помрачнел. — Прорицательница Темарил, которую я обещал Тарину Бекуиту вернуть домой в целости и сохранности, происходит из Лаконды. Не из Северной Лаконды. Она из другой благородной семьи, не из Бекуитов. Поэтому, что бы они обо мне ни думали, сейчас или в будущем, это никак не влияет на мой обет.

С извиняющейся улыбкой Эхомба повернулся и снова зашагал на северо-запад. Пробормотав несколько отборных словечек, впрочем, ни к кому определенному не обращаясь, Симна тронулся следом. Двое мохнатых членов компании вприпрыжку побежали их догонять.

— Полагаю, ты прав, братец. Ты не колдун. Ты просто обзавелся друзьями и родственниками, которые дают тебе полезные вещи. И ты ими пользуешься, чтобы оправдывать удивительные совпадения.

— Совпадения? — рассеянно отозвался Эхомба. В данный момент все его внимание было поглощено поиском наилучшего пути между холмами, лежавшими впереди.

— Ага. Мы оказываемся в стране, где рыбы плавают в воздухе. Не зная свойств твоего второго меча, я, освободившись, машинально тянусь к волшебному клинку, силу которого уже знаю, — к мечу из небесного металла. Но случайно хватаю то оружие, которое, как выясняется, порождает самых чудовищных и ужасных из всех рыб. — Толкнув друга, он попытался заставить его посмотреть себе в глаза. — Совпадение.

Эхомба пожал плечами, больше для того, чтобы показать, что слушает, нежели из интереса к словам друга.

— Я вполне мог бы воспользоваться и небесным мечом. Или вот этим. — Приподняв от земли копье-посох, он слегка потряс им. В тихом воздухе сразу же раздался отдаленный первобытный рев.

— Да, мог бы, — согласился Симна. — Но разве они были бы столь же действенны? Из копья выскочил бы демон, который слишком велик для зала, куда нас отнесли. А меч из небесного металла запросто обрушил бы на нас стены и потолок.

Эхомба взглянул на спутника.

— Так зачем же ты собирался его использовать?

— Потому что среди грохота рушащегося дворца у нас было больше шансов выжить, чем если бы нам вса-

дили нож в горло. Разумеется, когда я кинул тебе меч из морской кости, то все обернулось наилучшим образом.

— Я не знал, что ты собираешься дурачить стражников и кидать его мне, — ответил пастух.

— Ой ли? — Симна пристально, очень пристально посмотрел на загадочного друга. — Я частенько задаю себе вопрос, Этиоль, а как много ты знаешь и не является ли твоя безграничная любовь к крупному рогатому скоту всего лишь маскировкой какого-то другого, несравненно более значительного «я».

Эхомба медленно и грустно покачал головой.

— Я могу понять, что после всего пережитого, друг Симна, такие мысли должны были закрасться тебе в голову. Но еще раз уверяю: я, Этиоль Эхомба, скромный наумкибский пастух. — Подняв свободную руку, он указал на стоявшее невдалеке дерево, покрытое цветами. — Взгляни, какие краски. Никогда раньше не видел ничего подобного. Больше похоже на гигантский цветок, чем на дерево, правда?

Ага, ну конечно же, ты пастух, размышлял Симна ибн Синд, отвечая на своевременное ботаническое наблюдение друга. На протяжении их долгого совместного путешествия Эхомба так часто пускался в бесконечные рассуждения о скоте и овцах, что Симне неоднократно хотелось завыть. Пастух и... — как там южанин это называл? — эромакази, странствующий пожиратель тьмы...

Симне по-прежнему не давал покоя вопрос: а все-таки кто же такой Этиоль Эхомба?

XXII

Когда путешественники, наконец перевалив через Еснабские Холмы, завороженно и оторопело уставились вниз на великий Хамакассар, Симна едва смог поверить своим глазам. Хункапа Аюб и Алита в этом событии ничего особенного не находили, для них легендарный портовый город был просто еще одной человеческой язвой на поверхности земли.

Что же касается Эхомбы, то он не падал на колени, не возносил благодарственных молитв, не воздевал рук, не славил небеса. Обозрев плодородные равнины, дымок, поднимавшийся из десяти тысяч труб, и огромный сверкаю-

щий разрез реки Эйнхарроук, на южном берегу которой город расползался в трех направлениях, пастух заметил просто:

— Я думал, он окажется больше, — и начал спускаться с последнего склона.

Их появление вызвало значительно меньше переполоха, нежели во внутренних королевствах вроде Бондрессея или Тетсприаха. Так же к ним отнеслись в Либондае; подобно Хамакассару, оживленный город на северном побережье Абокуа был космополитичным торговым портом, жители которого привыкли к виду странных путешественников из дальних стран. На первый взгляд различались эти два города лишь тем, что Хамакассар стоял на берегу реки, а не собственно на море, и был значительно крупнее.

Отсутствовали также и прохладные ветры, которые делали климат Либондая таким здоровым. Как и в Лакондах, речная долина, где вырос Хамакассар, была жаркой и влажной. Аналогичная система каналов и небольших протоков соединяла различные части обширной низинной метрополии, предоставляя населению дешевую и надежную транспортную сеть. Архитектура жилищ и коммерческих зданий, которые все чаще стали встречаться путникам, была занимательна, однако воображения не поражала. Пока они шли по довольно-таки разношерстным пригородам, им не попалось ничего удивительного или невиданного. Если не считать монолитов.

Находясь на расстоянии полумили один от другого, эти впечатляющие сооружения нависали над домами и полями, словно окаменевшие колоссы. Все они имели форму острого треугольника со скругленной вершиной. Будучи около двадцати футов шириной у основания, они сужались у гладких вершин, достигая, как прикинул Эхомба, сорока футов в высоту. В каждом монолите было отверстие — дыра шириной семь или восемь футов проходила через монолит недалеко от вершины.

Загадочные строения охватывали округу широкой дугой и тянулись на запад и восток, сколько хватал глаз. Они не охранялись и не были огорожены. По их гладким, слегка изъеденным сторонам не могли вскарабкаться любознательные дети. Они не отмечали участки земли — один стоял на берегу широкого неторопливого потока, другой примыкал к какому-нибудь амбару, а третий находился на краю проселочной дороги, по которой в данный момент шли путешественники. При отсутствии значительных гор или холмов загадочные объекты господствовали над равнинной местностью.

Сойдя с дороги, путники решили обследовать один из монолитов поближе. На ощупь изъеденный металл казался холодным и шероховатым.

— Я не узнаю материала. — Симна провел ногтем по поверхности. — Не железо и не сталь. По цвету вроде бронза, а зелени нигде нет. На открытом воздухе в таком климате бронза должна была позеленеть.

— Это зависит от состава сплава. — Эхомба осторожно постучал кулаком по серовато-коричневому монолиту. Судя по звуку, он был сплошной, а не полый. Очень много работы по литью при отсутствии какого-либо видимого немедленного результата, решил он. — Мне не известен ни такой сплав, ни такой металл.

— Мне тоже. — Запрокинув голову, Симна изучал треугольное отверстие, которое находилось в верхней части сооружения.

Хункапа Аюб навалился всем весом на переднюю часть монолита — тот не двинулся и даже не дрогнул. Кто бы его здесь ни воздвиг, стоял он на земле крепко.

— Для чего?

Эхомба поразмыслил.

— Да для чего угодно, Хункапа. Может, это некие религиозные символы. Или древние пограничные знаки, показывающие, где заканчивалось старое королевство Хамакассар. Или просто часть какого-нибудь затейливого произведения искусства.

— Типично человеческая работа. Трата времени. — Алита искал на берегу ручья съедобных пресноводных моллюсков.

— Надо спросить у кого-нибудь из местных. Они должны знать. — Обтерев руки о юбку, Эхомба направился к дороге.

— Ага, спросить-то надо, — согласился Симна, — если бы кого-то удалось удержать на месте достаточно долго. При виде нас они не убегают, но я еще не видел ни одного человека, кто не поспешил бы спрятаться, если ему показалось, что мы приближаемся. — Состроив гримасу, северянин указал на двух непомерно крупных спутников. — Пусть кот и лохматый зверь спрячутся в поле, и тогда мы с тобой сможем подойти к дому, чтобы обитатели не захлопнули дверь у нас перед носом.

Вернувшись на дорогу, путешественники продолжили путь на север. Чем ближе они подходили к реке, тем чаще им встречались жители Хамакассара. Последние быстро уступали необычной четверке путь, впрочем, всегда вежливо.

— Нет нужды будоражить местных жителей. — Посох Эхомбы поднимал маленькое облачко пыли каж-

дый раз, когда опускался на дорогу. — Я уверен, что мы узнаем о назначении монолитов, познакомившись с кем-нибудь в городе. — И он устремился вперед, шагая гораздо быстрее обычного.

— Эй, братец, я рад, что у тебя хорошее настроение, но не забывай, что не у всех такие длинные ноги.

— Извини. — Эхомба заставил себя идти медленнее. — Я не думал, что иду слишком быстро.

— Идешь? Да ты чуть ли не бежишь с тех самых пор, как мы спустились с холмов. — Симна ткнул большим пальцем через плечо. — У зверя ноги еще подлиннее твоих, у кота их вообще четыре, и мне за вами не угнаться.

— Это потому, что мы уже так близко. — В голосе пастуха слышалось несвойственное ему возбуждение.

— Близко к чему? — Тон северянина был отнюдь не таким радостным. — К кораблю, который, если еще повезет, перевезет нас через Семордрию, где потом нам сперва предстоит отыскать Эль-Ларимар? — Он издал грубый звук, сопроводив его не менее грубым жестом.

— Принимая во внимание, как много мы уже прошли и какие трудности преодолели, я полагаю, ты мог бы проявить некоторый оптимизм.

— Я реалист, Этиоль. — Симна наподдал ногой камушек, валявшийся на пути, и тот укатился в водосточную канаву, которая шла параллельно дороге.

— Реализм и оптимизм — не всегда взаимоисключающие понятия, мой друг.

— Ага, это все равно что сказать: красивая дочка и ее подозрительный отец всегда прекрасно ладят. — Он поглядел на встречную повозку, доверху груженную пастернаком и морковью. Одномастные токсондоны, тянувшие ее, не обратили внимания на путешественников, однако двое мужчин, сидевших на козлах, не отрывали глаз от Эхомбы и его спутников.

Монолиты на пути больше не встречались; очевидно, они образовывали только одну линию, которую четверка пересекла у окраины города. Однако здесь было множество иных архитектурных чудес, ослеплявших тех, кто попадал в Хамакассар впервые.

Более высоких зданий Эхомбе видеть не приходилось. Их фасады, взлетавшие на восемь и девять этажей над широкими деловыми улицами, были украшены прекрасными скульптурами и резьбой по камню. По запутанной сети проспектов и бульваров катили многочисленные телеги, а плоско-

донные баржи и иные торговые суда до отказа заполняли городские каналы. Через них, в свою очередь, были перекинуты сотни изящных, однако полностью функциональных мостов, украшенных барельефами и художественным литьем. Несмотря на то что группа из четырех путешественников и вызывала определенный интерес, местные жители были слишком заняты, чтобы останавливаться и глазеть. Чем ближе путники подходили к порту, тем больше атмосфера насыщалась лихорадкой коммерции.

— Процветающее королевство, — заметил Симна, когда они проходили вдоль повозок, заполненных товарами. — Эти люди разбогатели на торговле. — Проходя мимо харчевни, он глубоко вдохнул изумительные ароматы, доносившиеся из прохладного, манящего зала.

Взяв северянина за руку, Эхомба решительно потащил его с места искушения. В сущности, Симна по-настоящему и не сопротивлялся.

— У нас нет денег для подобных развлечений, — напомнил пастух другу, — если только в твоем мешке случайно не завалялся кусочек членгууского золота.

Вид у Симны был сокрушенный.

— Увы, золото осталось лишь в моих воспоминаниях. — Он повыше подтянул заплечный мешок. — Боюсь, предстоит еще один обед из вяленого мяса и сушеных фруктов.

Позади него, подкравшись поближе, Хункапа Аюб простодушно улыбнулся:

— Хункапа любить вяленое мясо!

— Еще бы, — пробормотал северянин.

По мере того как солнце забиралось все выше в кипящие, подернутые дымкой небеса, соответственно возрастала и влажность. Но дело было не только в климате: путешественники приближались к реке.

У причалов борт о борт стояли корабли всех размеров и форм, а цепочки потных грузчиков без остановки их разгружали или загружали. Крики и ругань сливались с грохотом такелажа, хлопаньем разворачивающихся парусов, влажным шлепаньем канатов о деревянные упоры и металлические крюйсовы. В мешанине покроев и цветов можно было найти все мыслимые одеяния — от замысловато повязанных тюрбанов до простых набедренных повязок и строгих матросских костюмов, сшитых из одноцветной материи, такой прочной, что прокусить ее могла бы только акула. Здесь царили хаос и неразбериха, усугубляемые

присутствием шалящих детей, праздных зевак и прогуливающихся господ.

Эхомбу все это очень обнадеживало.

Оказалось, что почти невозможно убедить кого-либо из занятых рабочих отвлечься на минуту и ответить на несколько вопросов. Те, кто сперва проявлял такое желание, испарялись, смешиваясь с толпой, как только видели черного кота, или Хункапу Аюба, или их обоих. Опасаясь, как бы эта парочка не учинила какого безобразия в его отсутствие, Эхомба не соглашался на предложение Симны временно разделиться.

Раздраженный осторожностью долговязого друга, Симна объяснил, что если они не смогут разделиться, то им придется обходить шкиперов всех судов одного за другим. Согласившись, Эхомба предложил начать с самого большого, явно океанского судна — нет смысла интересоваться у владельца двухместной лодки, не согласится ли он переправить пассажиров через широкие и бурные просторы Семордрии.

Самый большой корабль был пришвартован слева от того места, где стояли друзья. Первый помощник встретил путников около поручней. Вежливо выслушав просьбу, жилистый темноволосый моряк рассмеялся, а вместе с ним и те члены команды, которые стояли поблизости.

— Слыхали, ребята? Длиннолицый парень в юбке хочет, чтобы мы перевезли его вместе с цирком через Семордрию! — Облокотившись о поручни, помощник осклабился и погладил тщательно расчесанную бороду. — А не хотите сделать остановку на Луне? Это как раз по пути, и мне рассказывали, что моря в тех краях не такие бурные.

Лицо Эхомбы стало очень напряженным, но голос оставался уважительным.

— Я понимаю так, что ваш ответ «нет»?

Смутное ощущение, что над ним потешаются, превратило ухмылку помощника в злобную гримасу.

— Понимай как тебе заблагорассудится, только держись от моего корабля подальше! — Отвернувшись, он снова рассмеялся. — Переплыть Семордрию! Эти сухопутные и иностранцы... куда ни приплыви, они повсюду.

К кому бы друзья ни обращались, везде ответ был более или менее одинаковым. Большинство самых крупных и хорошо оснащенных судов вело торговлю в верховьях и низовьях великого водного пути Эйнхарроук и сотен его судоходных притоков. Как вскоре понял Эхомба, Эйнхарроук связывал целую вселенную купцов, королевств, герцогств и ба-

ронств; река и притоки служили артериями необыкновенно вытянутого живого тела, чья голова располагалась не наверху, а посередине. Этой головой был Хамакассар. Если здесь им не удастся отыскать корабль, то в другом месте не удастся тем более.

Некоторые суда действительно время от времени выходили в океан, но все они без исключения плавали вдоль побережья, укрываясь от штормов в безопасных бухтах и гаванях, и повторяли древние каботажные торговые маршруты. Их команды были отважны и капитаны решительны, поскольку прибыли, получаемые в местах, столь далеких от Эйнхарроука, оказывались весьма существенными.

Первый луч надежды блеснул путешественникам у сходней вот такого каботажного судна, небольшого, но крепко построенного, где третий помощник наблюдал за погрузкой мешков с рисом и просом.

— Оно, конечно, есть корабли, которые пересекают Семордрию. — Слова образовывались вокруг чубука резной трубки, которая, казалось, росла у помощника прямо изо рта наподобие удлиненного бивня нарвала. — Больше поворачивают паруса на запад, нежели возвращаются. Однако то и дело лучшие мореходы появляются здесь снова, груженные чудесными товарами и еще более интересными рассказами. Такие капитаны встречаются крайне редко. Они никогда не меняют кораблей, потому что судовладельцы дорожат ими. Команды их обожают и не годятся для службы на других судах. Поплавав с лучшим, они отказываются тянуть канат для кого-нибудь, не столь искусного.

Эхомба слушал напряженно, не желая перебивать помощника расспросами.

— Где нам найти такой корабль?

Покосившись на небо и задержав взгляд на тучке, которая могла принести вечерний дождь, помощник долго думал, прежде чем ответить.

— Среди нас, плавающих по Эйнхарроуку, вне всяких сомнений, «Варебез» прямо-таки вошел в легенду. Ходят слухи, что он совершил двенадцать полных переходов через Семордрию, не потеряв более положенного числа матросов. Я никогда не слышал, чтобы он брал пассажиров, хотя и желающих отправиться в такое путешествие немного. Во всяком случае, корабль достаточно велик, чтобы принять гостей. — Выкладывая эти сведения, помощник, прикрыв глаза, все время кивал самому себе. — Трехмачтовый, с крепким килем и

надежными реями. Если какой корабль и возьмет пассажиров в такое тяжкое путешествие, так это «Варебез».

— Отлично, — объявил Эхомба. — Где нам его найти?

Вынув трубку, что, как ни странно, не потребовало хирургического вмешательства, помощник осторожно выбил ее о ближайшую сваю.

— К сожалению, друзья, «Варебез» вчера утром на два месяца ушел вверх по реке к Залгостианским селениям. Если дождетесь его возвращения, то, возможно, и найдете себе судно.

— Два месяца! — расстроился Эхомба. — И ничего другого нет?

Морские дракончики уселись на сваю и пели друг другу, перемежая свои песни пульсирующими клубами дыма.

— Да есть тут один... — Повернувшись, помощник показал вниз по течению, проведя пальцем вдоль набережной. — Посмотрите на внешней стороне причала тридцать шесть. По-моему, «Грёмскеттер» все еще там. Капитан Станаджер Роуз, если ничего не изменилось с тех пор, как я последний раз видел это судно. Оно пересекало Семордрию не однажды. Корабль, конечно, не чета «Варебезу», но тем не менее вполне надежный. Возьмут ли на борт путешественников, к тому же не моряков, сказать не могу. Но если он еще в порту — это ваша единственная надежда.

Эхомба склонил голову и направил острие копья в сторону помощника.

— Огромное вам спасибо, сударь. По крайней мере мы попытаемся.

— Вот именно, братец, попытаемся, — проговорил Симна, и они с пастухом, сойдя с причала, снова начали проталкиваться сквозь густую толпу. Позади них широкий торс Хункапы Аюба отпугивал карманников и прощелыг самим фактом своего присутствия. Большой кот, перед которым толпа, несмотря на всю поглощенность будничными заботами, расступалась сама собой, развлекался тем, что то и дело останавливался, дабы поискать съедобных береговых обитателей.

Оказалось, что дружелюбный помощник капитана недооценил «Грёмскеттер». На неопытный взгляд Эхомбы, корабль с широкими изогнутыми бортами и высокой рулевой палубой выглядел прекрасно. У него была единственная грот-мачта, но вторая, меньшая, фок-мачта, видимо, могла нести весьма широкий парус между своей верхушкой и бушпритом. Надежные люки задраивали трюм, и Симна отметил, что все канаты тройного, а не двойного плетения. Было видно, что

судно готово к встрече с суровой погодой. Энергичная команда производила впечатление умелой и здоровой.

Разглядывая корабль, пастух поинтересовался мнением друга:

— Симна, что ты думаешь?

— Я не моряк, Этиоль. — Северянин изучал судно сверху донизу. — Если бы речь шла о чем-нибудь четырехногом, что можно оседлать... По моему скромному мнению, кораблик выглядит вполне годным для плавания.

Друзья подошли к трапу. На палубе суетились матросы. Сложив ладонь рупором, пастух крикнул:

— Привет! Мы путешественники, хотим пересечь океан, и нам посоветовали обратиться к вам.

Высокий широкоплечий моряк перестал сматывать веревку и наклонился через борт. Он был совершенно лысым за исключением одного черного пучка волос, который толстой косой падал на спину.

— Хотите переправиться через Семордрию?

Эхомба напряженно кивнул, ожидая издевательского смеха.

Но матрос не рассмеялся и даже не пошутил.

— А что это за парочка с вами? Ручные зверушки или для продажи?

Черный кот поднял голову и прорычал:

— Спускайся-ка вниз, человечек, и я покажу тебе, кто тут зверушка.

— *Бисмалаз!* — воскликнул моряк. — Говорящий кот, да такого размера и вида, каких я и не встречал! И другой зверь мне незнаком... — Он поманил путешественников рукой. — Я первый помощник «Грёмскеттера» Териус Кемарх. Поднимайтесь на борт, мы поговорим о вашем деле.

Поднимаясь впереди всех по трапу, Эхомба со скрытым нетерпением спросил:

— Значит, вы готовитесь к плаванию через Семордрию?

— Да, но не мне решать, сможете ли вы отправиться с нами. Это дело капитана.

Поднявшись на борт, друзья увидели, что их первое впечатление о «Грёмскеттере» подтверждается. Корабль был крепок и надежен, на палубе не валялось никакого такелажа, о который мог бы споткнуться матрос, тиковый пол сверкал чистотой. Канаты были аккуратно уложены, а все люки, которыми в настоящее время не пользовались, — надежно задраены.

Помощник приветствовал гостей сердечным рукопожатием, но только помахал Хункапе Аюбу в ответ на его любезно протянутую лапу.

— Матросу в работе постоянно нужны пальцы, — объяснил Териус Кемарх свой отказ от рукопожатия. — Следуйте за мной.

Он провел путешественников на корму и оставил ждать в каюте, нырнув в открытый люк, словно мышь в нору. Прошло несколько минут, в течение которых гости наблюдали за командой. Матросы, со своей стороны, тоже интересовались необычными посетителями. Некоторые даже пробовали погладить Алиту, однако получили предупреждение со стороны левгепа в виде прерывистого покашливания.

Надеясь, что их хозяин вернется раньше, чем терпение Алиты истощится, Эхомба почувствовал облегчение, когда Териус снова выскочил из люка. Выражение лица у него было ободряющим.

— Хотя капитан и в скверном настроении, но выслушать вас готов. Я как мог объяснил, что вы не из долины Эйнхарроука и прошли огромное расстояние, чтобы пересечь океан. Я сказал, что, поскольку «Варебез» уже отплыл и находится в верховьях, «Грёмскеттер» — ваша единственная надежда. — Выйдя на палубу, он встал рядом с путешественниками.

Оба друга вглядывались в темноту люка.

— Что за человек этот Станаджер Роуз? — с беспокойством спросил Симна.

Лицо первого помощника не дрогнуло.

— Подождите секунду и сами увидите.

Снизу послышались приглушенные ругательства, и на свет стала подниматься какая-то фигура. Матросская куртка была заправлена в красные брюки с желтыми галунами, штанины которых, в свою очередь, были засунуты в сапоги из крепкой черной кожи ската. Спутанную гриву рыжих волос до плеч удерживал широкий желтый платок. На поясе болтался длинный кинжал с усеянной самоцветами рукояткой.

Эхомба снова отвесил поклон.

— Мы благодарим вас, капитан, за разрешение подняться на борт вашего судна. И спасибо, что соизволили рассмотреть нашу просьбу о перевозке.

— Правильно — пока, путешественник, это всего лишь просьба. Но я выслушаю тебя. — Стальные синие глаза оглядели пастуха с головы до ног, явно оценивая. — Териус прав: ты, высокий человек и сам по себе прелюбопытное зрелище, а все вместе вы настолько необычны, что могли бы выступать на ярмарках и брать плату только за то, чтобы на вас смотрели. — Обветренная рука поднялась и твердо легла

Эхомбе на плечо. — Посреди океана порой становится скучно. Даже в Семордрии. В такие минуты всегда приятно чем-нибудь развлечься.

— Мы не клоуны, — просто сказал Эхомба.

— Я и не говорю этого. Но, судя по вашему виду, вам есть о чем рассказать. — Рука резко показала вниз. — Вы вдвоем идите за мной, и мы побеседуем. Боюсь, что вашим мохнатым спутникам придется остаться на палубе. Да они и не пролезут в люк.

Кивнув, Эхомба повернулся, чтобы объяснить ситуацию Алите и Хункапе Аюбу. Симна остался с капитаном один на один. Он пытался придумать, что сказать, пока вернется друг, но поскольку первый помощник стоял рядом, нужные слова не давались, а северянин чувствовал, что ему надо быть осторожным. Капитан с первого же взгляда произвел на него впечатление человека, с которым шутки плохи. Как бы ни хотелось пошутить.

Потому что капитан «Грёмскеттера» был одной из красивейших женщин, каких он только встречал.

XXIII

Проводив гостей вниз в офицерскую кают-компанию и усадив их, она попросила приветливого стюарда подать напитки. Принесли какой-то пряный фруктовый сок, не знакомый ни Эхомбе, ни Симне, ароматный и лишь слегка пьянящий.

— Что это? — вежливо спросил Эхомба.

— Сичароуз. Из Калекса, за океаном. — Капитан с гордостью улыбнулась. — Разлитый в дубовые бочки, сичароуз бродит во время обратного плавания, и когда прибывает сюда, в Хамакассар, почти готов к употреблению. Получали на нем очень неплохой доход, и не один раз. — Сложив руки на тяжелом корабельном столе, она пронзительно посмотрела на Эхомбу. — Мы выходим через два дня, и мне надо подготовить корабль к отплытию. Вы хотите пересечь океан?

— Хотим. — Поскольку Симна ибн Синд, судя по всему, неожиданным и странным образом лишился дара речи, весь разговор пришлось вести Эхомбе. — Мы направляемся в королевство, которое называется Эль-Ларимар.

Станаджер, слегка расширив глаза, откинулась в объятия своего кресла. Северянин почувствовал зависть к мебели.

— Слышала о таком, но никогда там не бывала. Насколько я помню, Эль-Ларимар находится в глубине материка, далеко от морских портов. Во всяком случае, не близко от Калекса.

Симна вдруг снова обрел голос: он застонал.

— Понятно. — Эхомбу не удивили и не расстроили эти сведения. — Наша конечная цель — достичь Эль-Ларимара. Однако, чтобы туда добраться, нам нужно сначала переплыть океан.

Капитан кивнула:

— У нас есть место, и я могла бы взять вас. — Ее глаза встретились с взглядом Симны. — Хотя совершенно ясно, что вы не моряки. Вы и ваши создания не должны путаться под ногами у моей команды. Имейте в виду, вас не станут ограничивать в передвижении, я только прошу, чтобы вы думали, куда идете и что собираетесь делать.

— Не так давно мы переправились через Абокуа, — сообщил северянин, — и у команды, которая нас везла, не было поводов для жалоб.

Повернув голову влево, Станаджер презрительно фыркнула:

— Абокуа! Пруд, лужа, где плещутся детишки!.. Я прорывалась сквозь шторма, которые больше всего Абокуа. Но по крайней мере вы знаете, как пахнет соленая вода. — К разочарованию Симны, она снова обратила все внимание к Эхомбе. — Сколько вы можете заплатить?

Теперь наступила очередь пастуха проглотить язык. В азарте поисков и в конце концов обретения судна, готового перевезти их, он совершенно забыл, что за проезд, несомненно, придется платить. Такой промах был вполне понятен. Среди наумкибов подобные вопросы поднимались нечасто, лишь когда в деревню наведывались редкие торговцы, совершающие долгий переход с севера из Уолаба или Аскакоса.

Не в состоянии ответить, Эхомба повернулся к своему более светскому другу.

— Если ты думаешь о членггууском золоте, братец, так оно кончилось. Мы истратили все до последней монеты. Я знаю твои мысли, но ни в мешке, ни в рубахе у меня ничего не припрятано. Жаль, конечно. Надо было отложить побольше.

Станаджер молча выслушала эту короткую тираду.

— У вас есть что-нибудь на продажу? Что-то ценное, с чем вы готовы расстаться?

Северянин начал отвечать, однако Эхомба остановил его прежде, чем слова вылетели изо рта:

— Нет! Мы рисковали жизнью, чтобы спасти Алиту от такой судьбы. Я никогда не соглашусь продать его ради собственных нужд.

Симна испытующе посмотрел на друга.

— Даже чтобы переплыть через Семордрию?

— Даже для этого. — Пастух снова повернулся к капитану. — У нас очень мало имущества, и оно нам необходимо.

Станаджер кивнула, тряхнув рыжими волосами, и начала подниматься из-за стола.

— Тогда желаю вам успеха в вашем трудном предприятии, господа. Прошу меня извинить: у нас впереди напряженное плавание, надо сделать последние приготовления. — Аудиенция была окончена.

Эхомбу не охватила паника — он не привык поддаваться чувствам. Однако, увидев, что их единственная надежда пересечь океан сейчас выйдет в дверь, он заволновался. Неожиданная мысль заставила его привскочить с кресла и повысить голос.

— Подождите! Пожалуйста, одну секунду.

Станаджер Роуз неуверенно села, сохраняя на загорелом лице нетерпеливое выражение. Симна с любопытством наблюдал за высоким другом. Северянин ожидал, что Эхомба начнет рыться в своей котомке, но произошло нечто иное. Пастух сунул руку в один из карманов своей юбки и немного покопался там. То, что он извлек наружу, заставило Симну прищуриться.

При виде мешочка размером с кулак Станаджер кивнула:

— Что у тебя там, верзила? Золото, серебро, безделушки?

— Камушки. — Эхомба, как бы извиняясь, улыбнулся. — С берега около моей деревни. Я захватил их с собой, чтобы они напоминали мне о доме и о море. Когда я начинаю слишком скучать, я лезу в карман и тру их друг о друга, слушаю, как они поскрипывают. — Он отдал мешочек Станаджер. — Однажды, когда я был гораздо моложе, с дальнего юга в деревню пришел торговец. Мой друг играл около дома вот с такой галькой. Купец случайно увидел эти камни, и они ему очень понравились. Он предложил семье моего друга много красивых вещей. Получив одобрение Асаба, они совершили обмен. — Пастух жестом предложил капитану открыть мешочек. — Если они представляли ценность для купца, пришедшего из самого Аскакоса, то, может быть, и тебе они покажутся стоящими. — Он немного помолчал. — Хотя мне и жаль расставаться со своим памятным мешочком.

Станаджер, не питая больших надежд, все же проявила учтивость. Жалея долговязого чужеземца, она дернула за шнурок, завязывавший маленькую матерчатую сумочку, и перевернула ее вверх дном. На стол сразу высыпалась пригоршня камней. Они были неправильной формы, обкатанные морем, почти без острых краев. Попав в лучи света, лившегося через иллюминаторы, камни ярко засверкали.

Глаза у Симны раскрылись так широко, что грозили вывалиться из головы и покатиться по столу, словно яйца. Его реакция, как и все прочее, не ускользнула от внимания капитана.

— Ну что, Совиные глазки, ты тоже считаешь, что эти камни представляют ценность?

Быстро оправившись, северянин отвел взгляд и равнодушно вздохнул:

— А?.. Ну, может быть, небольшую. Я мало смыслю в таких вещах.

— Понятно. — Станаджер переводила пытливый взгляд с одного гостя на другого. — Да, я тоже не знаток «гальки», но мой суперкарго* очень хорошо разбирается в камнях и их стоимости. Скоро мы все выясним. — Обернувшись назад, она крикнула в открытую дверь: — Териус! Найди старика Броча и пришли сюда!

Они ждали молча, капитан «Грёмскеттера» — во всей своей суровой красоте, Эхомба — с преисполненной надежды улыбкой, а Симна — глядя вдаль с нарочитым безразличием.

— Куда это ты уставился, крошка? — наконец раздраженно спросила северянина Станаджер.

— Я-то?.. Да нет, капитан, никуда, совершенно никуда. Думаю, просто испытал мгновенное потрясение, вот и все.

Она тихо хихикнула.

— Последний парень, который пытался комплиментами проложить курс в мою койку, оказался в трюме и сидел там, пока мы не бросили якорь в порту Харинброк. К тому времени ему так хотелось убраться с «Грёмскеттера», что было совершенно наплевать, как выгляжу я или кто-нибудь другой.

Симна напустил на себя такой серьезный вид, что Эхомбе пришлось отвернуться, дабы скрыть смех.

— Помилуйте, капитан, вы пребываете в глубочайшем заблуждении! Подобные помыслы никогда бы не могли прийти мне в голову! — Со скорбным видом он приложил руку к сердцу. — Да будет вам известно, что я принял обет безбрачия до благополучного завершения нашего путешествия, и поэтому ни один член вашей команды, будь то мужчина или женщина, в моем присутствии не должен испытывать ни малейшего беспокойства на этот счет.

Станаджер по-прежнему улыбалась.

— Я думаю, что ты — один из самых выдающихся врунов, которых я когда-либо принимала на этом корабле, но поскольку, по всей видимости, через несколько минут тебя здесь

* Суперкарго — второй помощник капитана.

уже не будет, твои сомнительные уверения в невинности значения не имеют. — Она повернулась к человеку, возникшему в проеме двери. — Заходи, Броч.

Потрепанный непогодой, словно рангоут в конце своей полезной жизни, вошел кривоногий суперкарго. Он был даже ниже Симны и значительно худее. Но под потрескавшейся дубленой кожей на его руках скрывались тугие мускулы, похожие на плетеные пастушеские кнуты.

Станаджер показала на рассыпавшиеся по столу камушки:

— Скажи-ка, что ты об этом думаешь?

Старик взглянул, и, хотя такое казалось невозможным, глаза его раскрылись еще шире, чем у северянина.

— *Мемоч гхарзанз!* — воскликнул он на языке, не знакомом ни Эхомбе, ни Симне. — Где... откуда это, капитан?

Она показала на Эхомбу:

— Эти два господина вместе с двумя... гм-м... нечеловеческими спутниками желают пересечь Семордрию. Камни они предлагают в качестве платы. Достаточно ли?

Усевшись за стол, старый моряк извлек из кармана брюк небольшое увеличительное стекло. Эхомба заметил, что оно было прикреплено к карману крепкой бечевкой. Низко нагнувшись, суперкарго исследовал несколько камушков, поднимая их по одному, поворачивая в пальцах и поднося к свету под разными углами. Рассмотрев с полдюжины камней, он снова сел в кресло и спрятал лупу.

— Это прекраснейшие алмазы из всех, что я видел. Половина из них совершенно безупречны, а другая половина — достаточно хороши, чтобы украсить лучшие работы самых искусных ювелиров.

— Это что касается прозрачных, — согласился Симна, хотя и был удивлен не меньше других, сидящих за столом, — а вот другие — какие это камни?

— Они все алмазы, — объяснил Броч. — Прозрачные, желтые, синие, красные, зеленые и розовые: все алмазы. Большинство от трех до четырех каратов, некоторые меньше, а отдельные достигают шести. — Сглотнув, он пристально посмотрел на невозмутимого пастуха. — Где ты их взял, чужестранец?

— На побережье возле моей деревни.

— А, — понимающе кивнул Броч, — ты насобирал их среди гальки на берегу.

— Нет, — спокойно объяснил Эхомба. — Я просто взял горсть-другую и насыпал в мешочек. — Он указал на

искристую россыпь, украшавшую стол. — Весь берег такой. Все камушки одинаковые. Только, разумеется, разных цветов. — Он улыбнулся печально. — Жаль, я и не догадывался, что они такие ценные. Взял бы побольше.

— Побольше... — Старик еще раз сглотнул.

Эхомба пожал плечами.

— Иногда волны смывают все камни, и остается один песок. А после сильного шторма камней на берегу может быть в рост мужчины. В такие дни, когда выглядывает солнце, берег очень красивый.

— Да, — пробормотал суперкарго. Он выглядел несколько пришибленным. — Да, представляю себе... — Тряхнув головой, старик обернулся к ожидающей ответа Станаджер. — Этого достаточно, чтобы оплатить проезд, капитан... или многократно переплатить за этот корабль. Возьмите их. Предоставьте лучшую каюту. Если они пожелают, то могут занять мою, а я посплю под палубой с остальной командой. Дайте им все, чего они захотят.

— Собственно, — запротестовал Эхомба, — вполне достаточно только проезда. Двое наших больших друзей могут разместиться и в трюме, среди вашего груза.

— Договорились. — Потянувшись через стол, Станаджер пожала руку высокому южанину. — Ты действительно не знал, что эти камушки — ценнейшие алмазы?

— О, для меня они всегда были ценными, — признался Эхомба. — Когда я их трогал, они напоминали о доме. — Он посмотрел на суперкарго. — Возьмите, пожалуйста, вашу плату.

— *Справедливую* плату, — деловым тоном вмешался Симна. — Мы от вас ничего не скрывали, были абсолютно искренними. Как сказал ваш помощник, мы всегда можем купить себе корабль.

— Так-то оно так, — согласилась Станаджер, — только это будет не «Грёмскеттер». Не опасайся, чужеземец: это достойное судно, на котором плавают честные мореходы. — Она кивнула помощнику. — Возьми плату, Броч.

Облизнув губы, престарелый моряк оглядел богатство, так небрежно рассыпанное перед ним. Наконец, после долгих раздумий, он остановил свой выбор на втором по величине камне, безукоризненном темно-розовом алмазе шести каратов.

— Я думаю, этот. — Подождав, не станут ли возражать владельцы, он быстро смахнул необработанный самоцвет со стола. — И несколько помельче. — Он улыбнулся. — Чтобы насладиться игрой света.

Закончив отбор, суперкарго вручил камни Станаджер.

— Спасибо, Броч. — Капитан положила алмазы в свой пустой стакан. — Пожалуйста, подожди нас снаружи.

Суперкарго повернулся, чтобы выйти.

— Секундочку, — многозначительно улыбнулся Симна. — А как насчет того, который «случайно» застрял у вас под согнутым пальцем? Под средним пальцем левой руки?

— Что? Ах, этот... — Прикидываясь смущенным, старик извлек полукаратный камушек из-под преступного пальца и положил его обратно на стол. — Извиняюсь. Эти мелкие камни, знаете ли, как песок. Застревают где попало.

— Ну, — понимающе улыбнулся Симна. — Этиоль, убери свои булыжники.

Пастух ссыпал оставшиеся камни в маленький матерчатый мешочек. Старый Броч следил за каждым его движением в надежде, что Эхомба что-нибудь проглядит. Когда стало ясно, что пастух убрал все, суперкарго с сожалением вздохнул и удалился.

— Ладно. — Твердо уперевшись обеими руками в стол, Станаджер оттолкнулась от него и встала. — Добро пожаловать на борт «Грёмскеттера», господа. Я распоряжусь, чтобы Броч показал вам вашу каюту, а потом поглядим, как получше разместить внизу ваших сверхгабаритных спутников. Два дня вы можете наслаждаться видами и прелестями Хамакассара. А потом мы поднимем парус и двинемся вниз по реке к Семордрии, к далекому Калексу.

— Благодарим вас, капитан. — Эхомба слегка поклонился. — Следует ли нам знать что-нибудь еще перед отплытием?

— Да. — Посмотрев на Симну, чье лицо приняло отсутствующее выражение, она промолвила сладким голосом: — Если это чужеземное существо не уберет свою руку с моей задницы, я прикажу коку изрубить его на мелкие кусочки и подать к завтраку в виде рагу.

— Э?.. Ох, извините. — Симна убрал шаловливую руку, взглянув на нее так, словно она обладала собственным разумом. — Я думал, что это подушка кресла.

— В следующий раз, чужестранец, думай напряженнее, иначе я положу конец всяким недоразумениям, ампутировав блуждающие части твоего тела.

Станаджер вышла из кают-компании.

Позже, следуя за Брочем по узкому коридору, Эхомба наклонился и прошептал другу:

— Ты что, Симна, спятил? В следующий раз она тебя четвертует!

В голосе северянина зазвучали мечтательные нотки:

— От ее красоты можно запросто рехнуться. Да, слишком загорелая. Конечно, немного обветренная. Но увидеть ее развалившейся на широкой кровати, без матросского одеяния... за это я не пожалел бы нескольких алмазов.

— Лучше я дам *тебе* алмазов, только держись от нее подальше! Нам еще надо добраться до Семордрии и тем более пересечь ее. Я хорошо плаваю, однако не хочу демонстрировать свои способности посреди океана.

Симна шепотом возмутился:

— Ты просишь меня, братец, отказаться от самого себя! Пойти против всех основ моего существа, пренебречь тем, что составляет главнейшую часть меня, попрать свое естество! — Он немного подумал. — Сколько дашь алмазов?

К утру третьего дня все было готово. Высокая старуха, стоявшая на рулевой палубе за штурвалом, ждала распоряжений. Капитан Станаджер Роуз приказала отдать швартовы и отчалить. «Грёмскеттер» грациозно отвалил от причала и, развернувшись, вошел в спокойное русло Эйнхарроука. Развернув парус, корабль поплыл вниз по реке. Благодаря течению судно быстро набирало скорость.

Эхомба и Симна присоединились к капитану на корме, Хункапа Аюб расположился на носу корабля, а черный кот, свернувшись, спал на нагретом солнцем люке, лениво свесив лапы по сторонам.

— Прекрасный день для отплытия. — Станаджер переводила взгляд с суетящейся команды на парус, с паруса на берег. Только когда состояние всех трех объектов ее удовлетворило, она переключила остатки внимания на пассажиров. — Мы пройдем через Стремнину еще утром. А оттуда уже рукой подать до дельты и устья Эйнхарроука... Пастух, ты хорошо спал?

— Очень хорошо. Я люблю воду, и койки в каюте достаточно жесткие.

— Чуть позже кок начнет поражать вас своими изобретениями. Мы очень рады, что она служит у нас. Корабль может плавать с плохим штурманом, слабыми матросами и даже посредственным капитаном, но пока пища хорошая, все будет нормально. — Ее голос помрачнел. — Наслаждайся рекой, пока можно, Этиоль Эхомба. В Семордрии волны считаются штилем, а жуткие волны — вполне безобидными. Во время плавания каждый из нас должен быть постоянно начеку. В том числе и пассажиры.

Симна хмуро кивнул:

— Если опасность видна, то с ней можно справиться. А иногда даже превратить в союзника.

Станаджер, нахмурившись, с секунду смотрела на него, а потом перевела взгляд на бушприт.

— Ваше присутствие здесь не обязательно. Можете отдыхать в каюте, если желаете.

— Благодарим вас, — учтиво ответил Эхомба, — но мы так долго шли пешком, что теперь крайне приятно просто постоять и полюбоваться окрестностями.

Она пожала плечами:

— Как знаете. Прошу извинить, у меня много работы.

— Не возражаете, если я похожу следом за вами? — Как девушка, впервые выезжающая в свет и надевающая самое дорогое и изысканное платье, Симна надел свою самую широкую и простодушную улыбку. — Я не так уж часто плавал на кораблях. Может, научусь чему-нибудь.

Станаджер неодобрительно посмотрела на северянина:

— Очень сомневаюсь. Впрочем, вы щедро заплатили за пользование судном. — Она двинулась вперед.

— В первую очередь, — начал Симна, — что мне хотелось бы знать...

Отвернувшись от них, Эхомба подошел к поручням и стал смотреть, как мимо скользят пригороды трудолюбивого, энергичного Хамакассара. Наконец они плывут. Сколько еще им придется пройти после высадки на другой стороне океана, чтобы добраться до Эль-Ларимара, он не представлял. Но сколько бы ни понадобилось, они дойдут. Он знал, что тень Тарина Бекуита откуда-то наблюдает за ним и шепчет слова одобрения.

Стремнина образовывалась двумя лежащими друг против друга мысами, самая высокая точка которых могла сойти разве что за кочку по обе стороны заснеженных Хругар, но среди гладкой как стол равнины они казались сущими утесами. Из-за сужения русла течение широкой реки убыстрялось, и «Грёмскеттер» быстро набирал скорость. Когда они приблизились, Эхомба разглядел, что силуэты, казавшиеся издали деревьями, на самом деле — те самые необычные треугольные башни, которые впервые встретились путникам на южных окраинах Хамакассара.

Поскольку Станаджер на рулевой палубе не было, Этиоль подошел с вопросом к флегматичной коренастой женщине за штурвалом.

— Прошу прощения, Пригет, но что это за торчащие там шпили?

— Ты не знаешь? — У нее был сильный акцент, моментально выдававший уроженку верховьев реки. — Это временные ворота, то, что охраняет мощь Хамакассара, делает его крупнейшим портом средней части Эйнхарроука и на протяжении сотен лет оберегает от нападений и разграбления. Гильдия Мастеров ворот следит за ними и решает, когда их использовать, а когда держать закрытыми.

Эхомба обдумывал сказанное, а рулевая повернула штурвал на четверть румба влево.

— Какие, говоришь, ворота? Временные ворота — это значит очень старые?

— Нет. Они... Ого!

Через несколько мгновений на высокой палубе появилась Станаджер; за ней, как преданный щенок, семенил Симна.

Капитан не обращала внимания на пассажиров.

— Видишь флаги, Пригет?

— Да, капитан. Что будем делать?

Станаджер, казалось, растерялась.

— Флаги маленькие и пока еще довольно далеко. Продолжай идти этим курсом, и посмотрим, что они предпримут. Может, они нас проверяют, а может, сигналят маленькой лодке где-нибудь около берега.

— Да, капитан. — Рулевая крепко взяла штурвал.

Чувствуя, что сейчас не лучшее время приставать с расспросами, Эхомба с Симной промолчали. «Грёмскеттер» продолжал нестись вниз по течению, используя парус больше для маневрирования, нежели для ускорения движения в сужающемся русле.

Проследив за взглядами капитана и рулевой, Эхомба увидел то, что они столь напряженно разглядывали. Около основания второго треугольного монолита на южном берегу стояла группа красноватых зданий, над которыми возвышалась трехэтажная кирпичная башня. Наверху этого грозного сооружения была мачта, где сейчас развевались три больших, ярко раскрашенных флага. Узоры, имевшие совершенно очевидный смысл для капитана и рулевой, ничего не значили ни для пастуха, ни для Симны. Эхомбе показалось также, что он рассмотрел несколько человек, машущих над головой обеими руками.

Северянин положил руку ему на плечо.

— Гляди, Этиоль, там что-то происходит.

Между двумя башнями, стоящими на противоположных мысах, появилось темно-синее свечение. Пронзен-

ное тысячами слабых ярко-желтых и белых вспышек, сияние, словно плененная молния, расходилось от верхушек башен вниз к поверхности реки, не доходя до воды полфута. Из глубин мощного свечения доносился глухой рев, словно огромная океанская волна бесконечно закручивалась и обрушивалась на самое себя. Вспомнив, что говорила ему Пригет о назначении башен, Эхомба представил себе, как глубокий кобальтовый свет, должно быть, окружил весь Хамакассар.

— Вот оно что. — Станаджер выглядела озадаченной. — Нам велят пристать. Пригет, заходи в инспекционные доки.

— Да, капитан. — Рулевая немедленно крутанула штурвал. Слегка замедлив ход, «Грёмскеттер» резко повернул влево.

— Что случилось? Мы причаливаем? — Беспечный и разговорчивый несколько минут назад, Симна вдруг занервничал.

— Вероятно, всего лишь выборочная проверка, — успокоила его Станаджер. — Мастера ворот проводят их время от времени — как для того, чтобы поиграть мускулами и напомнить путешественникам, кто на реке хозяин, так и для того, чтобы проверить состояние временных ворот. — Она кивнула в сторону плотного синего блеска. — Эти по крайней мере функционируют безупречно.

— Я не понимаю. — Симна говорил как за себя, так и за своих друзей. — Что такое временные ворота? И что за полоска синего света?

Станаджер Роуз не улыбнулась.

— Вы действительно пришли издалека?

— Капитан, — ответил ей северянин, — несмотря на все ваши дальние и трудные плавания, вы даже представить себе не можете.

Она мельком взглянула на него и повернулась к Эхомбе.

— Этот искрящийся синий свет — само Время. Древние Логики Хамакассара давно подозревали, что время движется как поток, наподобие Эйнхарроука. И им удалось найти Время, которое проходит по великой реке, и направить его в русло. Здесь Время течет по каналу, напоминающему те, сотни которых вы видели в городе. Оно бежит сквозь временные ворота и может быть пущено или перекрыто при помощи главных ворот, что находятся на северо-востоке от города. Когда главные ворота открыты, Время свободно течет по кольцевому каналу вокруг границы Хамакассара. Пока их не закроют и не остановят временной поток, никто не может войти в город или покинуть его. Ни один преступник не в состоянии убежать, ни один враг не способен приблизиться. — Она

кивнула. — Как видишь, оно течет одинаково свободно как над водой, так и по земле.

— Что случится, если попробовать пересечь его? — Симна был человеком прямым, и вопрос был поставлен прямо.

Однако, судя по реакции капитана, точного ответа она не знала.

— Любое судно, попытавшееся переплыть его, будет затянуто в поток Времени и смыто им. Никто его больше не увидит и ничего о нем не услышит. Я не знаю, как это происходит, поскольку ни один корабль или человек, попавший во временной поток, никогда не возвращался, чтобы рассказать о своих ощущениях. — Станаджер показала на быстро приближающуюся заставу. — Посмотрим, чего они хотят, и продолжим путь. Уверена, что ничего серьезного и мы потеряем не более получаса.

Несмотря на заверения капитана, Эхомба встревожился, увидев двойную шеренгу тяжеловооруженных воинов, построенную на причале. Люди были вооружены арбалетами и боевыми мечами, однако не носили доспехов, неудобных в жарком и влажном воздухе хамакассарских равнин. На них были изумрудно-зеленые мундиры и сандалии вместо сапог, что также было целесообразно в таком климате.

Когда «Грёмскеттер» стукнулся бортом о причал, его уже встречали с полдюжины людей разного возраста, облаченных в одежды того же цвета, что и воины, только из гораздо более тонкой материи. Напоминающие тоги одеяния, перехваченные на талии золотисто-желтым кушаком, доходили только до колен, а рукава — до локтя. Головы были покрыты странными треугольными шляпами, копирующими форму временных ворот. Никто из присутствующих не улыбался.

Ухватившись одной рукой за такелаж грот-мачты и свесившись над водой и причалом, к которому пристал корабль, Териус приветствовал собравшихся:

— Доброго вам утра, благородные Мастера ворот! Желаете подняться на борт?

Красивый лет сорока мужчина с суровым лицом ответил:

— Только если возникнет необходимость, «Грёмскеттер». Мы вас долго не задержим. Мы ищем одного человека.

— Беглый преступник? — пробормотала сама себе вслух Станаджер, стоя у поручней рулевой палубы. — Мы наняли трех новых мужчин и одну женщину. Интересно, всех ли как следует проверили? — Перегнувшись через поручни, она крикнула Мастеру ворот: — Как зовут человека, которого вы ищете?

Озабоченные лица стоявших на причале людей повернулись к ней. Другой Мастер ворот — старая женщина — ответила:

— Имя неизвестно, только аура... Это он! — Подняв руку, она указала пальцем.

Прямо на Эхомбу.

XXIV

Все взгляды на борту «Грёмскеттера» устремились на явно ошеломленного пастуха. Этиоль никак не отозвался, и Станаджер снова обратилась к собравшимся чиновникам:

— Этот человек — пассажир моего судна. Несмотря на то что мы знакомы всего несколько дней, я считаю его человеком достойным и заслуживающим доверия. Чего вы от него хотите?

— Не ваше дело, — прокричал другой мужчина. — Выдайте его — и можете продолжать плавание. Если откажетесь, мы поднимемся на корабль. Те, кто подчинится, будут отпущены на свободу. Те, кто окажет сопротивление, будут убиты или предстанут перед Коллегией Логиков для определения их дальнейшей судьбы.

Отступив от поручней, Станаджер повернулась и внимательно поглядела на своего длиннолицего пассажира:

— Я ровным счетом ничего не понимаю. Чего хотят от тебя Мастера ворот? Что ты натворил?

— Отвечу вам совершенно честно, капитан: насколько мне известно, ничего. — Эхомба чувствовал, что на него выжидательно смотрят не только друзья, но и вся команда. — Однако я не могу допустить, чтобы мои личные трудности подвергали опасности вас и ваших людей. Вы ни в чем не виноваты.

— Так ведь и мы тоже, Этиоль, клянусь шлемом Горкуона! — Правая рука Симны ибн Синда твердо легла на рукоять меча. — Я не допущу, чтобы тебя увели неизвестно куда. Это немыслимо после всего, что мы пережили вместе!

Пастух с нежностью улыбнулся другу:

— Что такое, Симна? Преданность? И абсолютно бесплатно?

— Если хочешь, смейся надо мной, длинный братец. — Лицо северянина пылало яростью. — Умереть в схватке с каким-нибудь чудовищем или сражаясь с нападающей армией — достойная смерть для мужчины. Ты заслуживаешь луч-

шего, нежели гнить в камере по обвинению в Гвинбар знает каком воображаемом преступлении.

— Никто ничего не говорил ни о смерти, ни о гниении в камере. — Эхомба держался невозмутимо. — Возможно, они хотят только побеседовать со мной.

— Ага, но как долго? — Симна ткнул пальцем в сторону стоявших на причале воинов и должностных лиц. — Они сказали, что, когда возьмут тебя, остальные смогут продолжать плавание. Сдается мне, они не собираются отпускать тебя слишком скоро, а ты сам говорил, что мы не можем два месяца ждать другого корабля.

— И не жди. — Подняв руки, пастух положил их на плечи другу. — Отныне я поручаю тебе, Симна ибн Синд, завершить мое дело, выполнить мое обещание умирающему Тарину Бекуиту. Оставайся на «Грёмскеттере». Переплыви на нем через Семордрию, а оттуда иди сам.

Северянин весь напрягся.

— Это что еще за сумасшествие? Ты что такое говоришь, Этиоль?

Опустив руки, Эхомба повернулся к поручням:

— Я покидаю корабль. — Он посмотрел на Станаджер. — Капитан, как только я буду на причале и Стремнину снова откроют для прохода, продолжайте плавание вниз по реке.

Она поглядела на него долгим многозначительным взглядом и кивнула.

С палубы сбросили веревочную лестницу. Эхомба начал было спускаться, но северянин схватил его:

— Не делай этого, братец! Мы вооружены, здесь Алита и Хункапа Аюб. Мы можем дать им отпор! — Его пальцы впились в руку высокого пастуха.

Эхомба мягко освободился от хватки товарища.

— Нет, Симна. Даже если бы мы могли дать отпор, то моряки, которые не имеют ко всему этому никакого отношения, погибли или пострадали бы. Как и любой из нас, включая тебя. Останься на корабле. Плыви. — Он тепло улыбнулся. — Думай обо мне, когда река понесет тебя к океану.

Повернувшись, Эхомба шагнул к борту и перекинул ногу через поручни.

— Не двигаться! — скомандовал голос снизу. Арбалеты нацелились на пастуха. — Никакого оружия. Оставь его и свой мешок на борту корабля. Ты сможешь забрать их по его возвращении.

Сняв меч из морской кости, меч из небесного металла, а также длинный посох-копье, Эхомба передал их потрясенному Симне. Затем пастух скинул котомку и вручил ее хмурому Териусу. Хункапа Аюб плакал огромными нечеловеческими слезами. Эхомба порадовался, что черный кот по-прежнему спит; могло случиться, что слова Алиту не остановили бы. Если бы левгеп бодрствовал, кровопролитие стало бы неизбежным.

Спустившись по лестнице, Этиоль с высоты нескольких футов спрыгнул на причал, громко стукнув изношенными сандалиями. Охранники сразу же окружили его. Удовлетворенно кивнув, один из Мастеров ворот повернулся и подал знак кому-то на кирпичной башне. Флаги качнулись в направлении противоположного мыса, оттуда им ответили другие флаги.

Как это делалось, Эхомба не знал. Временные ворота, высившиеся по берегам, были слишком далеко, и он не мог рассмотреть применяемые в них механизмы. Но переливчатая, сверкающая синяя дымка, перекрывавшая Эйнхарроук, внезапно исчезла, хотя осталась в других местах.

На «Грёмскеттере» послышались громкие крики. Он различил бодрые, энергичные команды Станаджер и глубокие голоса Териуса и других помощников. Красивый корабль медленно отвалил от причала и снова повернулся носом к Стремнине. Около борта Эхомба увидел откровенно растерянного Симну; позади северянина громоздился Хункапа Аюб и медленно махал.

Пастух провожал их взглядом, когда чья-то рука бесцеремонно пихнула его в спину.

— Давай двигайся! Нас ждут повозки, чтобы отвезти в город.

Отвернувшись от «Грёмскеттера», который теперь входил в главное русло и быстро увеличивал скорость, Эхомба зашагал по длинному причалу. Его окружали Мастера ворот, а по флангам двигались крепкие настороженные стражники.

— Может быть, теперь вы объясните, в чем дело? — спросил он изумрудно-зеленого чиновника слева. Как и у других его сестер и братьев, руки мужчины были сцеплены на груди.

— Безусловно. Как ты понимаешь, мы действуем не по собственному произволу. У нас для этого есть основания. Твое прибытие было предсказано Логиками. Исследуя возмущения в Эфире и в потоке Времени, они вычислили патроним твоей ауры и ее вероятную траекторию. Как ты уже знаешь, Хамакассар — город большой, где может затеряться даже очень своеобразная аура. Мы почти упустили тебя. Это было бы прискорбно.

Эхомба, весьма озадаченный, нахмурился:

— Почему же?

Мастер ворот посмотрел на него:

— Потому что в соответствии с предсказаниями Логиков, если тебе позволить беспрепятственно продолжать выбранный тобою путь, поток Времени будет существенно изменен, и, вероятно, неблагоприятным образом.

— Неблагоприятным для кого? — По разумению наумкибов, откровенность всегда имела преимущество перед вежливостью. Эхомба не нарушал это правило.

— Не имеет значения — во всяком случае, для тебя, — многозначительно сказал чиновник. — Поскольку ты не совершил никакого преступления, ты не заключенный. Пока не вернутся твои друзья, ты гость. Если захочешь, тебе будет позволено уйти через месяц, когда «Грёмскеттер» окажется далеко в море и вне досягаемости. — Мужчина улыбнулся. Лицо его, решил пастух, было по крайней мере наполовину искренним.

Они приближались к концу причала.

— Почему вы так уверены, что мое путешествие отрицательно повлияет на Время?

На этот раз ответила женщина справа от Эхомбы:

— Так сказали Логики. А Логики никогда не ошибаются.

— Время, может быть, и река, — отозвался Эхомба, — а логика — нет. По крайней мере та логика, которую обсуждают мудрые старики и старухи у меня в деревне.

— У него в деревне!.. — Два Мастера ворот, шагавших впереди него, обменялись сдавленными смешками.

— Это тебе не деревня, чужестранец, — многозначительно проговорила женщина, шедшая слева от пастуха. — Ты в Хамакассаре, чья Коллегия Логиков состоит из лучших умов города и прилегающих провинций.

Эхомбу это не испугало.

— Даже лучшие умы не являются непогрешимыми. Даже самые разумные и логичные люди способны допускать ошибки.

— Они, во всяком случае, твое задержание не считают ошибкой.

Высокий южанин оглянулся на причал. Вдалеке прочный корпус «Грёмскеттера» проходил через Стремнину, быстро удаляясь на запад и все увеличивая скорость благодаря течению. Переведя взгляд на административные здания из красного кирпича впереди, он увидел несколько повозок, запряженных антилопами. Рядом поджидал верховой отряд стражников, чтобы сопровождать его и Мастеров ворот обратно в город.

— Знаете ли, — пробормотал Эхомба доверительно, — смешная штука эта логика. С ее помощью можно решать

множество проблем, даже предсказывать то, что произойдет в будущем. Но она не очень-то годится, чтобы понять человека: кто он такой, чего хочет, почему делает то, что делает. Иногда даже знатоки логики и мастера здравомыслия могут долго и напряженно размышлять о чем-нибудь, а истина тем временем скрывается в лабиринте противоречивых возможностей.

Пока женщина справа размышляла над его словами, мужчина слева нахмурился.

— Что ты хочешь сказать, чужеземец?

— Что любой человек, каким бы умным он себя ни считал, может думать слишком много. — С этими словами Этиоль рванулся вправо, сильно толкнув плечом оторопевшую чиновницу, которая, спотыкаясь и падая, врезалась в двух маршировавших рядом солдат. Путаясь в оружии и выкрикивая проклятия, все трое кувырком покатились к краю причала и шлепнулись вниз на мелководье.

— Схватить его! Не убивать, только схватить! — заорал старший Мастер ворот.

Эхомба, преследуемый дюжиной стражников, бросился на берег. Всю жизнь гоняясь за отбившимися от стада телятами и заблудшими овцами, он далеко оторвался даже от самых резвых преследователей, не говоря уже о Мастерах ворот, которые трусили, пыхтя и отдуваясь, далеко позади. Впрочем, никто особенно и не спешил. Бежать пастуху все равно было некуда. Если бы он кинулся в воду, его быстро догнали бы на лодках. Мыс заканчивался низким обрывом над рекой; все другие направления были перекрыты еще действовавшими временными воротами, через которые струился, сверкая, поток Времени.

— Стой! — донесся голос позади Эхомбы.

— Тебе не уйти! — завопил другой преследователь. — Тебе нигде не скрыться!

Однако кое-где скрыться было можно. Вернее, *кое-когда.*

Набрав в грудь побольше воздуха и сложив руки стрелой, Эхомба бросился вперед и нырнул в поток Времени.

Где-то на краю света самый могущественный из живущих колдунов застонал и проснулся.

Из отверстия, которое тело Эхомбы пробило в канале Времени, выплеснулась струя необузданной хронологии. Послышались пронзительные крики, и Мастера ворот вместе с солдатами были сметены, смыты потоком Времени и навсегда исчезли в каком-то инокогда. О задержанном безумном чужеземце спасшиеся совершенно забыли в суматохе, пытаясь закрыть все временные ворота и отвести поток от места опустошительной протечки.

Когда наконец это было сделано, оставшихся солдат послали прочесать территорию, где исчез высокий южанин. Мастера ворот, хотя и не питали каких-либо надежд, понимали, что попытаться необходимо — Логики все равно потребуют этого. Как и ожидалось, ни малейших следов чужеземца не обнаружили. Он исчез навсегда: пропал, был смыт, утонул в реке Времени. Недоуменно вздыхая и скорбя по тем коллегам, что потерялись во время недолгой катастрофы, Мастера ворот стали готовиться к возвращению в город. Происшествие вызвало множество оживленных споров.

Подхваченный рекой Времени, Эхомба начал изо всех сил отталкиваться и отпихиваться от эпох, проносящихся мимо. Он был отличным пловцом, поскольку вырос на море. Тем не менее плыть сквозь годы было тяжело — трудно задерживать дыхание, когда волны вечности одна за другой разбиваются о разум.

И все же пастух плыл, стараясь в стремнине Времени оставаться как можно ближе к тому месту, где он нырнул в реку.

Течение было сильным, но Эхомба это предвидел и делал все возможное, чтобы противостоять ему, сохраняя угол, под которым он вошел в поток. Подхваченный рекой Времени, он натыкался на поразительные видения. Мимо проносились древние и фантастические животные. Огромные механизмы, которые он не мог бы и вообразить, тяжело громыхали по неведомым эволюционным тропам, и самые разнообразные люди населяли незапамятные и невозможно далекие времена.

Он уже выбивался из сил, когда вдруг заметил слабый проблеск. Повернувшись в потоке Времени, Эхомба что было мочи начал грести к нему. Это была одна из тех ослепительных желто-белых прожилок, которые он видел из своего собственного времени; только теперь он смотрел изнутри. Это само по себе было удивительно, Эхомба даже не представлял себе, что можно увидеть свет с изнанки.

Поток набрасывался на него, яростный и неумолимый. Пастух чувствовал, что слабеет.

Хуже того, он выпадал из Времени.

Ниже Стремнины Эйнхарроук снова превращался в широкую спокойную реку. Небольшие суда, плывшие в том же направлении, что и «Грёмскеттер», держались ближе к берегам. Стали появляться маленькие островки, поросшие тростником и рогозом, первые аванпосты огромной дельты, по которой расползалась вялая река, прежде чем наконец

влиться в океан. На более крупных островах рыбаки построили скромные домики и раскинули сети между шестами, вбитыми на мелководье.

«Грёмскеттер» плыл по главному каналу. По мере расширения русла течение значительно замедлилось, и скорость корабля соответственно снизилась. Работавшие на палубе моряки и морячки весело переговаривались, однако среди оставшихся пассажиров царило уныние.

Симна был не в состоянии рассуждать здраво. Друг возложил на него обязанность закончить путешествие, начавшееся далеко на юге, но откуда простому наемному солдату знать, что следует делать? Таинственное оружие Эхомбы осталось на борту, однако северянин скорее опасался его, не слишком-то надеясь использовать должным образом. Не было и денег — пастух унес в кармане оставшиеся «камушки с берега». Единственным союзником Симны был внушительный, но простоватый Хункапа Аюб. Что же до огромного черного кота, то Алита, проснувшись и узнав, что случилось, решительно заявил о своем намерении покинуть корабль при первой же возможности. Как он без обиняков объяснил Симне, его верность распространялась только лично на пастуха, но не на его дело. В отсутствие Эхомбы кот считал себя свободным от всяких обязательств.

— Неужели тебе безразлично дело, которое он начал? — упрекал северянин кота. — Ты хочешь, чтобы все его усилия пошли прахом?

Большой кот невозмутимо отвечал:

— Все его усилия как были, так и остались мне безразличны. Я присоединился к определенному человеку. Мне жаль, что его больше здесь нет. Он был самым интересным индивидом среди людей. — Алита высунул черный влажный язык и облизнул ноздри. — Мне всегда было интересно, какой он на вкус.

Симна презрительно усмехнулся, не заботясь о том, как к этому отнесется лоснящийся хищник; его самого поразило, как мало вещей его теперь волнует.

— Для тебя на первом месте так и остались еда, секс, сон. Да? В смысле культуры ты ничего не приобрел от общения с нами. Ровным счетом ничего!

— Напротив, — возразил Алита. — За прошедшие недели я очень много узнал о человечестве. Я понял, что его культура полностью подчинена еде, сексу и сну. Единственная разница между нами состоит в том, что ничего из этого вы как следует делать не умеете.

— Клянусь когтями Гинвара, вот что я тебе скажу...

Эта дискуссия была прервана громким криком впередсмотрящего. Сидевший на верхушке грот-мачты матрос куда-то показывал рукой и орал. Преисполненный желания продолжить диалог с большим котом, Симна с любопытством глянул в направлении руки моряка.

Сначала он ничего не увидел. А потом заметил нечто очень знакомое. Симну окружили возбужденные члены команды и потащили вперед. Впрочем, ни в какой помощи северянин не нуждался.

Этиоль Эхомба стоял на краю маленького самодельного причала, небрежно махая рукой «Грёмскеттеру». Если не считать одной-двух прорех на его рубахе и юбке, он выглядел вполне здоровым и спокойным.

Станаджер выкрикивала команды с неожиданным волнением в голосе. Главный парус был свернут, и с кормы спустили морской якорь, чтобы замедлить ход. Как она торопливо объяснила Симне, ей не хотелось рисковать, бросая якорь и останавливаясь: вдруг объявится погоня, посланная Мастерами ворот.

Северянин с ней не спорил. Он придерживался точно такого же мнения, когда речь заходила об осторожности.

Спустили на воду шлюпку под командой самого Териуса. Она сняла ожидающего Эхомбу с причала, и шесть сильных гребцов мигом доставили его на «Грёмскеттер». Якорь подняли и теперь уже поставили все паруса.

Друзья с нетерпением ждали, когда Эхомба взойдет на борт. Симна хотел пожать высокому южанину руку, но, сбитый с ног, покатился по палубе, так как мимо него промчался Хункапа Аюб. Тот заключил пастуха в объятия, грозившие его задушить. С рулевой палубы с притворным безразличием за ними наблюдала Станаджер Роуз.

Когда Эхомбе наконец удалось освободиться от удушающей хватки Хункапы, Симна задал вопрос, который беспокоил его с того самого момента, как они увидели пастуха, одиноко стоящего на причале:

— Я наполовину верю, что ты именно тот, за кого себя выдаешь: всего-навсего скромный пастух и овцевод. — Он махнул рукой в сторону той части реки, которая осталась далеко позади. — Однако другая моя половина удивляется не только тому, как тебе удалось бежать от Мастеров ворот и их приспешников, но и тому, как ты ухитрился появиться посреди Эйнхарроука *впереди* нас. Мне известно, что ты

умеешь играть на флейте и извергать небесные ветры и белых акул из своего оружия, но я не знал, что ты умеешь летать.

— Я не умею летать, друг Симна. — Улыбнувшись и поклонившись капитану, пастух, видимо, ничуть не пострадавший в результате своего приключения, пошел вперед. — Во всяком случае, не лучше, чем птица без крыльев. Однако я умею плавать.

Как это уже случалось с ним бессчетное количество раз, Симна ибн Синд не понял слов пастуха.

— Во Времени на плаву удержаться труднее, чем в воде, мой друг, но возможно. Нас, наумкибов, учат плавать с раннего детства. Это необходимо, когда живешь так близко к морю. — Сунув руку в карман, он начал нежно перекатывать в пальцах оставшиеся береговые камушки. Никогда раньше Симна не обращал на это внимания, теперь же, услышав, как они трутся друг о друга, северянин вздрогнул. — Я плыл изо всех сил, мой друг, решив ни за что не останавливаться. — Эхомба улыбнулся. — Остановиться значило бы отречься от моего обета Тарину Бекуиту и никогда больше не увидеть ни своего дома, ни семьи. Я поклялся, что этого не случится. Продержавшись немного на поверхности Времени, я попытался выплыть как можно ближе к тому месту, где вошел в реку Времени. — Он пожал плечами. — Течение было очень сильным. Таково уж Время: постоянно движется вперед, поток все время напирает с огромной силой. Поэтому мне не удалось выйти там, где я хотел. Выбравшись за несколько недель до того, как вошел, я очутился на этом маленьком острове. Построил небольшой шалаш из тростника и этот неуклюжий причал, который ты видел. Ловил рыбу и моллюсков. И ждал вас. Через месяц, несколько минут назад, «Грёмскеттер» прошел через Стремнину. — Эхомба дружески обнял северянина за плечи. — И вот вы здесь.

Объяснение отнюдь не смягчило выражения крайней растерянности, которое застыло на лице Симны.

— Погоди-ка, братец. Мы видели, как ты сошел с корабля к этим угрюмым Мастерам ворот не далее чем...

— Несколько минут назад. Знаю. — Они подходили к носу корабля. — Но я ждал вас почти месяц. Время — самая странная из рек, мой друг. До такой степени странная, что понять это может только тот, кто в ней плавал.

— Но если ты был там, а теперь ты здесь... — Симна так сильно сдвинул брови, что мог бы прищемить ими свой нос.

— Не стоит слишком долго размышлять над такими вещами, — посоветовал ему Эхомба. — Это проблема Логиков. Слишком напряженные раздумья могут запутать самые изящные теории. — Подняв руку, он показал вперед. — Перед нами — великая дельта Эйнхарроука. Скоро земля останется позади, и мы выйдем в Семордрию. В вечный океан, где я ловил рыбу, плавал и играл всю свою жизнь. Если суша столь поразительна, то какие же чудеса должны скрываться в его глубинах?

— Наверняка что-нибудь такое, что кусается. — Глубоко вдохнув неподвижный влажный воздух, Симна оперся о носовое ограждение и уставился на запад.

Почувствовав, как что-то сильно пихнуло его в спину, Эхомба обернулся и увидел Алиту. Как обычно, пастух не заметил и не ощутил его приближения.

— Значит, ты снова здесь. — Длинноногий хищник зевнул, разинув пасть шириной от головы до живота Эхомбы. — Жаль. Я собирался вернуться домой.

— Тебя никто не держит, — напомнил ему Эхомба.

— Кое-кто держит. Я сам. — Желтые кошачьи глаза вспыхнули. — Можешь считать это вопросом культуры. Теперь мне от вас не отделаться до тех пор, пока ты снова не попытаешься умереть.

— Тогда я постараюсь этого избежать и закончить дело как можно быстрее.

Кот величаво кивнул, и свежий ветерок взъерошил его великолепную черную гриву.

— Мы хотим одного и того же.

— Ага, только не я, — живо возразил Симна. — Я хочу найти сокровище. — Он пристально посмотрел на пастуха. — И не важно, каким оно окажется: самим легендарным Дамурасесе или всего-навсего «прибрежной галькой». Так что даже не пытайся отрицать, братец!

Эхомба покорно вздохнул:

— Разве от этого когда-нибудь был толк?

— Нет, — многозначительно ответил северянин.

— Очень хорошо.

Удовлетворенный Симна умолк. Алита, чье освобождение снова откладывалось, выбрал нагретый солнцем уголок палубы, свернулся и опять уснул. На корме Хункапа Аюб наблюдал, как несколько матросов играют в кости, стараясь постигнуть тонкости игры.

В ожидании моря Эхомба смотрел на реку и думал о Миранье, о своих детях, о том, что тот же самый океан, в который они вот-вот вплывут, плещется о берег рядом с его деревней. Скоро дома начнется сезон отёла, и он знал, что его будет не хватать.

«Отправлял ли человека в такое трудное и дальнее путешествие кто-нибудь из живущих, как это сделал один мертвец?» — вдруг подумалось ему.

Триумф душ

Посвящается моему племяннику Джошуа Фрэнсису Кэролу

I

«Он приближается. И он не один».

Так сказал Червь.

А день обещал быть отличным. Выспавшись, Химнет Одержимый проснулся в менее дурном настроении, чем обычно, и по этому случаю решил надеть парадные доспехи: шитые золотом гетры, темно-красные сапоги из тисненой кожи, алый нагрудный панцирь, на руках перчатки, усыпанные рубинами — такими темными, что они казались почти черными. Алый шлем с гребнем из перьев придавал правителю сходство с неким благородным и грозным хищником.

Оглядев себя в узком зеркале высотой во всю стену, Химнет остался доволен. Сегодня он будет внушать особый страх своим оруженосцам и слугам, а приближенным — благоговейный трепет.

Повинуясь его резкому оклику, два эромакади, которые перебирали яркие бусинки возле широкой кровати, подбежали к нему. Мгновением позже за спиной правителя взвилась атласная пелерина, и в волнах золотого и алого он направился к лестнице.

Как обычно, Химнет завтракал в одиночестве. Если не считать безмолвных слуг, которые отчаянно хотели бы оказаться отсюда подальше, но боялись выдать свои чувства. Их застывшие улыбки и угодливость позабавили его, но ненадолго. Казалось, что слуг связали и мучают — настолько явственно был ощутим их ужас. Дрожащие голоса, дергающиеся губы, тоска и обреченность в глазах, неслышные вздохи облегчения, когда они отходили от стола, — глупцы, они воображали, будто он ничего не замечает!

Впрочем, ему было плевать на их жалкие уловки, с помощью которых они пытались его разжалобить. Эти слуги были лучшими из лучших — те немногие, которым удалось выжить у него на службе и при этом не сойти с ума или

начать умолять их уволить. Да и какой им смысл просить увольнения? Разве он не добрый и не щедрый хозяин? Другие хозяева то и дело лупят слуг, а платят им ровно столько, чтобы не померли с голоду. Он же, наоборот, отличается безграничным терпением и жалованье кладет хорошее. К тому же это очень престижно — служить в доме хозяина Эль-Ларимара. Непонятно, чем могут быть недовольны его слуги?

Да, порой он вынужден наказывать тех, кто спустя рукава относится к своим обязанностям. Да, его методы, несомненно... не такие, как у других. Но тут, как и во всем, важен результат. И кому какое дело, если вместо того чтобы быть повешенным или ослепленным, негодяй станет уродом или получит взамен человеческого лица морду летучей мыши? Не лучше ли жить с крысиными зубами, чем вообще без зубов? Иногда ему казалось, что он никогда не поймет образ мыслей обычных людишек.

Каждое из восхитительно приготовленных блюд он едва попробовал. Оставшиеся оладьи, яйца, мясо, гренки, варенье, масло, фрукты, каши, соки и напитки, как обычно, разделят между собой слуги. Отправляя в рот через прорезь в шлеме еду и напитки, Химнет презрительно хмыкнул. Эти канальи могут сколько угодно трястись от страха, но стоит только дать распоряжение убрать со стола, как они тут же набросятся на объедки. Ладно, этого достаточно. Главное, чтобы служили. А любовь он найдет в другом месте.

Точнее говоря, в единственном...

Химнет перевел взгляд на лестницу, ведущую из верхних апартаментов в столовую, и дал волю воображению: вот она спускается по ступеням, подходит к столу. Не ступает, а словно плывет, едва касаясь пола, и каждый ее шаг будит желание. Он как наяву увидел ее изумительное тело, туго обтянутое атласом и шелком. Волосы, черные словно ночь, ниспадают на обнаженные плечи. Кожа цвета слоновой кости, алые губки и глаза — синие, как сапфиры. За один взгляд этих глаз он не пожалел бы полмира.

Химнет живо представил себе, как ее лицо озарится легкой улыбкой, она положит руки ему на плечи и едва слышно прошепчет, будто пропоет: «Доброе утро, мой господин!»

Увы, он знал, что ее обществом и ответной страстью он может наслаждаться исключительно в воображении. Даже сейчас, когда прошло уже столько времени, единственное, на что ему можно надеяться, — это на то, что она не решится проклясть его вслух, в его собственном дворце, в присутствии

челяди. Нет, она не спустится в столовую; она позавтракает позже — в своей комнате или в малой столовой, когда убедится, что он, занявшись делами, уже не станет ей докучать.

Хорошее настроение сразу пропало. И утро показалось не таким уж удачным. В сердцах Химнет оттолкнул тарелку. Двое слуг, стоящие у стола, вздрогнули, но ни один не сделал попытки поправить блюда. Они слишком хорошо знали, что бывает за несдержанность в присутствии господина.

Химнет откинулся на спинку высокого резного кресла и замер, задумавшись. Прошло несколько минут. Наконец слуги обменялись взглядами. Тот, кто проиграл безмолвный спор, сделал шаг вперед. Легкая дрожь придавала его голосу страдальческий оттенок.

— Господин, если позволите, мы унесем блюда.

Химнет равнодушно махнул рукой.

— Да, да, уносите! Все уносите!

Кланяясь, слуга отступил и принялся собирать со стола почти не тронутые кушанья. Химнет подпер подбородок кулаком в железной перчатке и начал рассматривать в уме различные аспекты проблемы жизни и смерти — тайну, целиком постичь которую не удавалось еще ни одному живому существу.

Его размышления нарушил грохот. Химнет вскинул голову.

Второй слуга, хорошо сложенный, миловидный юноша лет двадцати четырех, присев на колени, торопливо собирал осколки покрытого глазурью блюда. Оладьи, сладкие булочки, кусочки хлеба и кексы раскатились по всему полу. Когда голова в шлеме повернулась в его сторону, он посмотрел снизу вверх полным ужаса взглядом.

— Г-господин, простите. Я... я заплачу.

Из порезов у него на пальцах текла кровь, но он этого не замечал.

— Заплатишь? Оно стоит твоего шестимесячного жалованья, лакей. Мне не хотелось бы отнимать у тебя эти деньги. Это было бы слишком жестоко. Если ты не будешь получать жалованья, тем, кого ты любишь, придется голодать. Кроме того, это всего лишь блюдо. В замке их сотни.

— Да... да, господин.

Лицо юноши было искажено ужасом. Он еще быстрее заработал руками, стараясь подобрать каждую крошку.

— Тем не менее, — тем же ровным голосом продолжал Химнет, — ты разбил кое-что еще. И гораздо более ценное.

— Более ценное? — Слуга огляделся, но не увидел ничего, кроме черепков и разбросанной еды. Второй слу-

га тем временем принялся бочком отступать, отчаянно надеясь стать невидимым, бестелесным, несуществующим.

— Да. — Властитель выпрямился в кресле. — Поток моих мыслей! И этого я не потерплю.

Большая рука в железной перчатке медленно поднялась.

— О нет, господин! Пожалуйста!..

Второй слуга отвернулся и прикрыл голову руками. То, что было потом, он уже не мог видеть. Из ладони Химнета вырвалась змеящаяся зеленая молния и ударила юношу чуть ниже шеи. Слуга слабо вскрикнул и ничком упал на пол, разбросав руки.

Химнет снова откинулся в кресле и небрежно махнул рукой:

— Убери его. Потом вернешься и соберешь то, что он не успел.

Дрожа всем телом, второй слуга медленно убрал руки от головы и выпрямился. Увидев на полу своего товарища, он невольно вскрикнул. Но крик застрял у него в горле: слуга испугался, что этот звук оскорбит хозяина.

— Ну? — угрожающе спросил Химнет. — Давай пошевеливайся.

— Да, господин...

Слуга схватил лежащего за ноги и потащил к выходу.

— Окати его водой, — приказал Химнет. — Очухается. Теперь не станет ронять посуду, когда я погружен в размышления. Может быть...

Слуга промолчал. Что властитель имел в виду, было совершенно ясно. В самом деле, теперь юному слуге будет нелегко уронить блюдо или еще что-нибудь. Потому что отныне у него было четыре верхние конечности: две человеческие руки и два скользких, покрытых присосками зеленых щупальца.

— Когда придет в себя, скажешь ему, что он остается у меня и на прежнем жалованье! — крикнул Химнет вслед лакею.

Ну разве я не воплощение терпимости и милосердия? — подумал он. Химнет никогда не мог понять, почему слуги не любят его всей душой вместо того, чтобы бояться.

Проявив великодушие, Химнет, как всегда, пришел в хорошее настроение. Он уже собирался встать из-за стола, когда в зал вошел Термагет. Один из многочисленных советников, он подчинялся Перегрифу, который так обожал составлять распорядок дня своего повелителя, что, без сомнения, и сейчас занимался этим. Термагет славился роскошной длинной бородой и тонким умом, но числился за ним один су-

щественный недостаток: вместо того чтобы высказывать правду, он всегда говорил то, что, по его мнению, хотел услышать Химнет. Как ни странно, несмотря на это достаточно редкое среди колдунов качество, всякий раз, когда требовалось сообщить господину неприятные известия, к Химнету посылали именно Термагета. Как предполагал Химнет, в этом смысле старик был храбрее остальных его приближенных.

— Ну, что тебе?

— Как чувствует себя мой господин этим утром? — Старик поклонился так низко, насколько позволяла его дряхлая спина.

— Как всегда, полным сил! Перестань досаждать мне дурацкими вопросами о моем самочувствии. Я знаю, что тебя, как и всех в этом замке, полном невежества, обрадует зрелище моей смерти.

Термагет протестующе вскинул руку.

— О нет, господин! Как вы могли так подумать обо мне, самом верном и преданном из ваших слуг?

— Старик, я никому не доверяю, а преданность можно купить, как вино или женщину. Так с чем ты явился? Что, опять лоцманы со своей чепухой о Кракенах, помешавших им справиться со своим делом? Я же объяснял, как с ними бороться и какой яд использовать.

— Нет, господин. Это не лоцманы. — Взгляд советника на мгновение встретился со взглядом Химнета. — Это Червь, господин. Он желает говорить с вами.

Химнет задумался, потом неторопливо кивнул. Два эромакади, услышав новости, радостно запрыгали возле ног правителя. Термагет с тревогой следил за ними: даже простого прикосновения к этим существам было достаточно, чтобы из человека начала утекать жизнь. Только для их властелина они не представляли опасности.

— Червь? И о чем же он хочет со мной говорить?

Старший советник вновь низко поклонился и широко развел руками.

— Не знаю, мой господин. Он сказал, что будет говорить только с вами.

— И правильно. Хорошо, Термагет, ты можешь идти.

— Благодарю вас, господин.

Беспрерывно кланяясь, старик попятился к выходу. Когда у самых дверей он выпрямился и повернулся, чтобы выйти, Химнет подумал: а что, если дать эромакади шутки ради цапнуть его за пятку? Так, слегка — пусть высосут из старого мошенника не больше недельки из оставшихся ему

лет. Дни таких, как Термагет, все равно проходят впустую! Но, поразмыслив, не стал: старик все равно не оценит шутки, а без этого — какое же удовольствие?

Он резко поднялся, но вместо того, чтобы направиться в зал для аудиенций, шагнул направо, по направлению к парадному залу. Огненно-алая пелерина струилась у него за плечами, словно поток крови, льющийся в золотой кубок.

Дверь в зал была замкнута чарами и запечатана заклятием; снять их можно было только голосом Химнета. Войдя, он не побеспокоился закрыть за собой дверь: тому, кто захотел бы проникнуть в зал, понадобилось бы куда больше храбрости, чем у всей дворцовой челяди вместе взятой. И чары, и заклятие были предназначены не для того, чтобы не дать кому-то войти, а для того, чтобы удержать внутри то, что было там скрыто.

Сразу за порогом начиналась ведущая вниз винтовая лестница. Химнет начал неторопливо спускаться по ней, и факелы на стенах вспыхнули сами собой. Пламя короткими почтительными поклонами приветствовало властителя. Один эромакади метнулся назад по ступеням и жадно выпил жизнь из факелов. Языки пламени, прежде чем умереть, жалобно вскрикивали. Химнет бросил через плечо недовольный взгляд, и эромакади, как нашкодивший ребенок, тут же спрятался за лестничным столбом.

Все ниже и ниже спускался хозяин Эль-Ларимара. Он миновал трубы, выводящие грязь и отбросы из замка, потом — уровень, на котором располагались темницы, и наконец оказался ниже мощного фундамента цитадели. Дальше не было ничего, кроме тела Земли и шахты, ведущей к нему.

Ни одно существо, греющееся под солнечными лучами, не выжило бы в этой бездне. Здесь, в непроницаемой тьме, копошились твари, никогда не поднимавшиеся на поверхность: вонючие клыкастые чудовища, готовые сожрать все, что движется, и их жертвы — жалкие слепые обитатели нор. Уродливые грибы — единственная растительность — источали призрачное зеленовато-лиловое свечение; в этом жутком саду даже воздух, казалось, цепенел от ужаса.

Химнет остановился на краю каменной плиты. Здесь шахта кончалась. Властитель медленно воздел руки и произнес:

— *Алегемах! Боран вал малкузо.* Явись и говори!..

Сначала не было ничего. Ни звука, ни движения в вязкой тьме — только у ног Химнета дрожали эромакади. По-

 том почва заколебалась, стены закачались, сверху по-

сыпались комья влажной земли — и в следующее мгновение перед Химнетом возник Червь.

Он внезапно вырос из сердца Земли, разбрасывая грязь и раздавленные грибы. Все его тело было покрыто тускло поблескивающей слизью. Измерить длину этого тела не было дано никому, даже самому Химнету. Червь мог быть и десять футов в длину, и двадцать, и несколько сотен. А мог и обвить всю землю, свернувшись кольцом... Никто этого не знал. И никто не пытался узнать, ибо это означало неминуемую смерть. Из всех людей только Химнет был наделен властью встретиться с этим чудовищем здесь — и остаться в живых.

Червь навис над Химнетом, мерцающий и огромный, изогнув свое кольчатое туловище, словно змея, готовая прыгнуть. В отличие от длины ширина верхней части туловища Червя вполне поддавалась измерению. У земли оно было в обхвате размером с мощное дерево; выше его сужалось, и острая голова заканчивалась ртом — небольшим, чуть пошире бочонка. Из него то и дело высовывалось нечто мокрое, извивающееся и длинное — но тот, кто сравнил бы это со змеиным жалом, ошибся бы. Этот орган был снабжен четырьмя клыками и представлял собой не язык, а жуткое устройство, с помощью которого Червь пронзал жертву и высасывал из нее жизнь. Впрочем, грязь он поглощал так же охотно, как и кровь.

Эромакади тем временем устроили пиршество. Они накинулись на беззащитные поганки и с жадностью принялись поглощать свечение, излучаемое грибами. Червь тоже мерцал мертвенно-бледным свечением, но от него эромакади держались подальше: не потому, что опасались его, а потому, что он явился сюда, чтобы встретиться с их хозяином. А больше всего на свете они боялись Химнета Одержимого.

Рудиментарные глазки, размером не больше монеты, без зрачков и без век, беспросветно черные, уставились на Химнета. Давным-давно человек и Червь заключили договор: Химнет снабжал Червя пищей, а тот, в свою очередь, охранял владения Одержимого. Червь обладал способностью ощущать угрозу в Том, Что Еще Не Произошло. Грех было не воспользоваться этим свойством подземного обитателя.

И сейчас Червь почувствовал в отдаленном будущем нечто тревожное. Надвигалось что-то, наделенное мощью — и в соответствии с договором Червь поспешил оповестить человека об этом.

— Он приближается. И он не один.

Химнет опустил руки и уставился на раскачивающуюся голову Червя.

— Кто, пожиратель грязи?

Голос Червя звучал равнодушно:

— Владеющий искусством некромантии. Задающий вопросы, на которые нет ответов. Ищущий справедливости везде, где бы он ни был. Он плывет через Семордрию.

— Это невозможно! Восточный океан — не озеро, которое может переплыть случайный путешественник! Сначала надо забраться далеко к югу, миновать проливы Дуенкласка, а потом повернуть на север и плыть против течения прямо через воды Ауреля.

— Крепкий корабль под командованием отважного капитана несет сюда его и трех его спутников.

— Только трех? — Химнет не удержался от смеха. Можно было и не спускаться в эту бездну. — Армия слишком мала, как по-твоему?

— Я не выношу приговор. Я лишь передаю ощущения.

Химнет вновь рассмеялся.

— Я объявил тревогу по флоту, и каждое необычное судно, заходящее в гавань, берется под подозрение. Как всегда, я благодарен тебе, Червь. Но в этом случае, кажется, ты зря поднял тревогу.

— Ощущение, — прошелестел Червь. — Не приговор. — И через несколько мгновений добавил: — Они идут за женщиной.

Химнет заинтересовался:

— Значит, юный Бекуит был не последним? А я-то надеялся, что, преподав хороший урок ему и его отряду, избавлюсь от этих чокнутых аристократов. — Он вздохнул. — Ладно, учитывая исчезающе малую вероятность того, что кому-то из них удастся достичь Эль-Ларимара, я велю Перегрифу выставить дополнительные караулы. Впрочем, я должен больше доверять океану. Но даже если они сумеют добраться до наших берегов, мои корабли разделаются с ними еще у линии рифов. — Химнет печально покачал головой. — Неужели они не понимают, Червь, на кого замахнулись? Вот до чего доводит гордыня...

— Накорми меня. — В зыбком свете факелов, расставленных вдоль лестницы, жутко блеснули четыре клыка Червя. — Мне надоело есть землю. Я выполнил свою часть договора. Накорми меня.

— Да, да.

Химнет не смог скрыть раздражения. Он, в сущности, уже забыл, о чем предупреждал Червь. В самом деле, смешно беспокоиться из-за четырех безумцев, даже если один из них владеет каким-то там «искусством некромантии».

Во всем мире есть лишь один подлинный мастер магии и алхимии, и это — Химнет Одержимый.

Поднимаясь по лестнице, он подумал, что было бы даже неплохо, если бы эти четверо пережили путешествие через океан. Много лет прошло с тех пор, как он в последний раз вступал в поединок, и хорошо, если появится противник, в схватке с которым можно испытать свою силу. Правда, Химнет сомневался, что из этих четверых кто-то будет ему достойным соперником. Химнет был уверен, что могущественнее его нет даже на другом берегу Семордрии, в Мыслящих Королевствах. Он был разочарован: Червь мог бы и не беспокоить его по таким пустякам.

— Накорми меня!!!

Ужасный рев потряс стены провала. Химнет перегнулся через перила и глянул вниз.

— Твоя новость не стоит и крошки, однако я чту договор. Перегриф подыщет нескольких осужденных или достойных осуждения, чтобы тебя накормить. А палач пусть отдохнет.

— Я жду!!!

Стены и лестница заходили ходуном: это Червь начал погружаться в землю. Однако Химнет знал, что голову он оставит на поверхности и будет ждать, пока ему не сбросят еду; от него просто так не отвяжешься. Для палача эта работа стала уже привычной: разрубить тела жертв на куски, потом отбить их до получения однородной массы и дать чуть подгнить, чтобы Червю было легче высасывать соки. «Никто не может пожаловаться, — подумал Химнет, — что в моих темницах слишком тесно».

Пока он неторопливо поднимался по лестнице, эромакади неутомимо срывали поганки, растущие по стенам шахты. Эромакади представляли собой непрозрачные черные тучки, вьющиеся у ног повелителя; лишь изредка то в одном, то в другом облачке вспыхивали маленькие красные глазки — и тут же прятались во тьме. Безобидные на вид, эти существа наводили ужас на тех, кто знал их истинную природу.

Внезапно сверху донесся чистый и мелодичный, как звон золотых колокольчиков, голос:

— Так вот где вы проводите время! В глубинах Земли — якшаетесь с демонами!

Ошеломленный Химнет вскинул голову и встретил гневный взгляд прекрасных глаз. Но даже гнев не мог испортить совершенных черт ее лица. Химнет упал на колени:

— Моя возлюбленная Темарил, это государственные заботы и ничего больше! Я разговариваю, а не якшаюсь!

Она продолжала хмуриться:

— От вас пахнет гнилью! Сегодня утром я подумала... Я подумала, что мы могли бы поговорить, — и вот где я вас нахожу! Что ж, я рада: это дало мне возможность узнать вашу истинную сущность!

Она повернулась и взбежала по ступенькам. Химнет знал, что теперь она вновь уединится в башне, которую выбрала местом своего добровольного заточения.

«Неудачно получилось!» — с раздражением подумал Химнет. Время от времени Темарил немного оттаивала и позволяла себе погулять по замку. Тогда Химнет падал перед ней на колени и полным отчаяния голосом начинал говорить ей о любви. Толку от этого было мало, но все же столь бурное изъявление чувств производило впечатление на прорицательницу. Она пугалась, возвращалась в башню, долго не высовывала оттуда носа, зато потом смягчалась еще больше. Дни, когда она отсиживалась у себя, Химнет использовал для встреч с Червем. Но сегодня история со слугой вывела его из равновесия, и он забыл, что время неподходящее... Эромакади прижались к ногам повелителя и нежились во мраке, который накрыл его душу.

Он сжал кулаки. Кто-то сказал ей, куда он пошел. И объяснил дорогу. Разумеется, Химнет во всеуслышание пригрозил страшной карой тому, кто сделает попытку помочь Темарил сбежать из замка. Но тот болван, который сказал ей, где он находится, слишком буквально исполнил повеление своего господина ни в чем не отказывать Темарил — и это была ошибка.

Он поднялся на ноги. Как правитель Эль-Ларимара, Химнет не мог позволить себе быть снисходительным к тому, кто сделал ошибку. Кем бы ни был этот человек! Тем более что негодяй явно из приближенных к нему людей и имеет доступ в святилище. И он, когда она спросила, где господин, взял ее за руку и привел к двери, за которой был вход в провал: никакие указания не помогли бы ей найти эту дверь и тем более войти в нее.

Поговорить. Она сказала, что хотела поговорить с ним. Много месяцев он не слышал от нее других слов, кроме требования вернуть ее на родину, к семье, — а сегодня утром она была готова к разговору. Но едва наметившийся прогресс в их отношениях разбился, как стеклянная ваза. А все из-за того, кто сделал эту ошибку!

Этой ночью селяне, жившие под стенами замка и на склонах окрестных гор, затыкали детям уши комоч-

ками хлопка, с особой тщательностью привязывали скотину и проверяли запоры конюшен, курятников и загонов. Это делалось потому, что из замка всю ночь, словно хлопья черного снега, летели жуткие крики.

В ту ночь в замке наказывали несчастного, который сделал эту трагическую ошибку. Это продолжалось до самого утра, и к рассвету даже летучие мыши не выдержали и покинули окрестности замка. Детишки спали, но их родители не могли сомкнуть глаз. Две лошади околели от разрыва сердца. На другом дворе обезумевшие от ужаса козы сломали дверь сарая и убежали в лес. Больше их никто не видел.

Утром, когда затих последний истошный крик, селяне с опаской вышли на улицу и начали заниматься хозяйством, делая вид, будто ничего не случилось. Только женщины умывались с необычным рвением, словно старались смыть с себя ужас минувшей ночи.

В замке с восходом солнца тоже началась обычная жизнь — лишь слуги двигались немного быстрее, чем обычно, и старались не смотреть в глаза гостям своего господина.

А в толще горы, там, где почва встречается с камнем, спал насытившийся Червь.

II

Симна смотрел, как на палубу медленно опускается птичье перо. Упав, оно осталось лежать на досках — легчайшая пушинка, которую могло сдвинуть с места даже дыхание девушки. Но оно не двигалось.

Это было не просто отсутствие ветра. Казалось, воздух застыл, превратился в прозрачный камень. Со многими чудесами пришлось встретиться путешественникам на долгом пути, но все равно сейчас моряки из экипажа «Грёмскеттера» то и дело перешептывались и с опаской поглядывали на небо. Облака тоже окаменели в голубом просторе. С самого восхода солнца они не сдвинулись с места и не изменили очертаний.

Только одно было ясно людям на борту корабля: в воздухе есть еще жизнь, им можно дышать. И дыханием можно было создать ветерок, что и продемонстрировал Симна, когда они вчетвером собрались на палубе. Он подул на упавшее перо, и оно испуганно всколыхнулось.

Прямо над штурвалом стояла, держась за ванты, Станаджер Роуз и, приставив ладонь ко лбу, осматривала морскую гладь. Штиль застиг их в двух днях пути от устья реки Ейнхарроук. Поверхность океана напоминала зеркало — ни малейшей ряби. В этой неподвижности океана было что-то утомительно-жуткое. Даже птицы куда-то пропали. И еще всех измучил ужасный зной.

— Никогда такого не видела, — проворчала Станаджер.

Внизу, на палубе, Хункапа Аюб расспрашивал Пригет, рулевую, пытаясь получить начальные представления о мореходстве. С тех пор как корабль замер в неподвижном океане, делать ей было нечего, и они с Аюбом болтали без умолку. Алита дремал, устроившись в тенечке. В отсутствие ветра даже ему было жарко. Симна ибн Синд повязал на лоб полоску материи, чтобы пот не заливал глаза. Единственным утешением для него среди этой противоестественной оцепенелости была возможность время от времени поглядывать на Станаджер Роуз.

Этиоль Эхомба стоял у борта. Он не был моряком, но повадки океана ему были знакомы, и он видел, что сегодня Семордрия ведет себя неправильно. Этот тяжелый, горячий неподвижный воздух хотелось растолкать, как человека, некстати заснувшего.

Станаджер спрыгнула на палубу.

— Чем дольше мы будем здесь торчать, — заявила она, — тем быстрее кончатся наши запасы. Если штиль продержится еще несколько дней, нам придется вернуться в дельту, чтобы запастись провизией.

— Можно есть меньше, — сказал Эхомба, — и собирать дождевую воду.

— Если дождь будет, — ответила Станаджер. — Я не хочу рисковать жизнью членов команды. И пассажиров тоже.

— А ты никогда не рискуешь? — спросил, подойдя, Симна.

Его нарочитый оптимизм никого не обманул.

— Только тогда, когда уверена в успехе, — бросила Станаджер, даже не повернувшись к нему. — Можно попробовать вербовать корабль, но сначала надо решить, в какую сторону двигаться. Мне самой не хочется поджимать хвост и возвращаться назад.

Она глянула вверх. Паруса на обеих мачтах печально обвисли.

— Что значит «верповать»? — поинтересовался Симна.

Станаджер вздохнула.

— Ох уж мне эти сухопутные жители! Мы спустим шлюпки и положим на них вспомогательный якорь. За-

тем шлюпки отплывут на всю длину цепи и сбросят его. Мы подтянем корабль, снова поднимем якорь — и так далее до тех пор, пока не поднимется ветер. Это очень тяжелая работа. Последняя надежда отчаявшихся моряков.

— Я не могу отступать, — сказал Эхомба. — Я слишком долго был в пути, чтобы поворачивать назад.

— Найди мне ветер, — ответила Станаджер, — и мы двинемся вперед.

— Меч из небесного металла! — выпалил Симна. — Одно мгновение — и у нас будет достаточно ветра, чтобы сдвинуть корабль.

Станаджер нахмурилась:

— О чем болтает этот чокнутый эльф?

Эхомба пожал плечами.

— Это возможно, но опасно.

Он взялся за рукоять меча. Симна с надеждой следил за ним. Из всех, кто был на борту «Грёмскеттера», только он знал, какую силу таит в себе лезвие со странным узором.

Неожиданно Эхомба убрал руку. Симна разочарованно посмотрел на него.

— В чем дело, братец?

— Эта вещь непредсказуема, Симна, и сначала нужно все хорошенько взвесить. Слишком слабый ветер нам ничем не поможет. Но слишком сильный может оборвать паруса, а то и опрокинуть корабль. Что, если на нас свалится еще один кусок небосвода? Это тебе не суша, здесь некуда бежать и негде укрыться.

— Вот и замечательно, Этиоль, — вдохновенно воскликнул Симна. — У тебя куча времени. Не спеши, все хорошо продумай — как держать клинок, под каким углом к поверхности земли, то есть моря. А потом принимайся за работу.

Эхомба с сомнением поглядел на него.

— А если я ничего не придумаю?

— Значит, мы будем торчать здесь. — Симна пожал плечами. — И потеть. И пытаться придумать что-то еще.

Легкая улыбка тронула очаровательные губки Станаджер.

— Я слышала, меченосец, как ты похвалялся перед матросами. Может, проще посадить тебя в шлюпку, привязанную к корме, чтобы ты болтал там все, что тебе вздумается. Глядишь, твои речи так разгорячат воздух, что поднимется ветер.

Симна вернул ей улыбку.

— Неужели я вам настолько не нравлюсь, капитан?

— Нет, не настолько. Будь ты моим матросом, я заставила бы тебя драить палубу до самого Дорона.

— Вижу лодку!

Все задрали головы к верхушке грот-мачты. А потом дружно посмотрели туда, куда указывал впередсмотрящий.

Это был звездный час для маленького рыбацкого суденышка. Оно было завалено рыбой и погрузилось в воду почти до самых бортов. Рыбак — пожилой бородач — медленно выбирал тяжелую сеть, но улучил минутку, чтобы помахать рукой кораблю.

— Эй! — крикнул он. — Что за корабль?

Первый помощник Териус, перегнувшись через фальшборт, в свою очередь громко спросил:

— Как рыбалка?

— Как видишь! — откликнулся рыбак, указывая на свой улов.

— Не боишься в одиночку заплывать так далеко от берега?

Тем временем у левого борта собралась вся команда. Во время штиля моряки рады любому событию.

— Только не я. Крайс мое имя, и я самый храбрый рыбак в дельте. Я лучше всех знаю местные ветры и всегда доберусь до дому.

Станаджер сложила руки рупором и крикнула:

— Добрый человек, не мог бы ты отыскать небольшой ветерок для нас? Мы уже полтора дня торчим на одном месте.

— Ничего не получится. — Старик развел руками. — Я сейчас вытащу сети и отправлюсь домой. Вам, госпожа, наверное, известно, что каждый корабль должен отыскать собственный ветер. Правда, не у всех капитанов столько опыта, как у меня.

Станаджер вспыхнула. Во всем, что касалось судовождения, она хотела быть лучшей. И этот рыбак, провонявший рыбой и маслом, оскорбил ее, быть может, и не желая того.

Симна, несмотря на свою докучливость и даже просто навязчивость, отлично понимал, когда лучше промолчать. Он повернулся к Этиолю Эхомбе.

— А ты что думаешь, долговязый братец? — Северянин кивнул в сторону рыбака. — Не пустое ли это бахвальство?

— Меня поражает его удачливость. — Эхомба показал на сверкающую гору рыбы на корме лодки. — Даже при легкой ряби столько не наловишь. С лодки трудно разобрать, где стая, а где — отблеск солнечных лучей на воде. Но когда полный штиль, сразу видно, где лучше забрасывать сеть.

Симна нахмурился.

— Значит, старик — хороший рыбак и смелый моряк. Ну и что из того?

— Пока они переговаривались, я пригляделся к его лодке. Я, конечно, не великий знаток мореходного дела, но, по-моему, он не настоящий знаток ветров и течений. Он даже не смотрит по сторонам. Но без сомнения, наловил он немало. — Повысив голос, Эхомба окликнул рыбака: — Эй, ловец рыб! Что за стеклянный сосуд стоит у тебя рядом с румпелем? Он явно не для воды, ибо я угадываю внутри какое-то движение. Что в нем?

От неожиданности старик выпустил сеть. Серебристый водопад чешуи побежал через планшир, и вода у борта сразу вскипела пеной.

— Обычная бутыль, господин. Ну и зоркий же у вас глаз!

— У того, кто ходит за стадом, должен быть зоркий глаз, — ответил Эхомба. — Так что же в бутыли?

Все, кто был на палубе, уставились на Эхомбу, а старик ответил:

— Ничего, добрый господин, — и, зацепив сеть за крючок, вделанный в борт, пояснил: — Эта бутыль сейчас пустая. Я собираю в нее дождевую воду.

Симна тоже с интересом разглядывал предмет, о котором шла речь, и теперь, после слов Эхомбы, ему тоже почудилось какое-то движение внутри огромной бутыли причудливой формы, закрепленной возле румпеля. Казалось, в ней крутятся какие-то сгустки, похожие на луковицы. Горловина бутыли была заткнута свинцового цвета пробкой, и эта пробка привлекла особое внимание меченосца: она сплошь была покрыта замысловатой вязью каких-то символов.

Эхомба, несомненно, разглядел их лучше и, видимо, они были ему знакомы, потому что голос его зазвучал увереннее:

— Я вижу, что в ней что-то двигается. Для дождевой воды нужен сосуд с широким горлом. Уж я-то знаю — у меня на родине нам тоже приходится ее собирать, у нас такая сушь! Так что там внутри, рыбак? Зачем ты обманываешь нас?

Рыбак снова взялся за сеть. Он молча вытащил ее, и когда она горой легла возле мачты, прошел на корму и положил руку на румпель. Только тогда он заговорил:

— У тебя нет оружия, которым ты мог бы меня достать, иначе бы ты им уже пригрозил. Поэтому я скажу тебе, обладатель острых глаз. Только лучше тебе от этого не станет.

Станаджер в растерянности подошла поближе к Симне.

— Что за чепуха? По-моему, они оба несут полную чушь!

Симна тихо шепнул ей на ухо:

— Я не уверен, но... Эхомба — человек необычный. Отличный товарищ, в этом можешь не сомневаться. На-

дежный и честный. Но все равно он не такой, как ты или я. Он очень много знает. Я думаю, что он великий колдун.

— Кто, он? — Станаджер едва не рассмеялась. Едва.

— Лучше скажи, что он часто прикидывается простачком, чтобы ввести нас всех в заблуждение. Если он говорит, что в бутылке что-то есть, я ему верю, хотя сам не могу разобрать, что именно. — Северянин махнул рукой в сторону лодки. — Вон она, бутыль, на корме.

— Вижу, вижу, — прошептала Станаджер. Она некоторое время разглядывала ее, потом разочарованно добавила: — По мне так она пустая.

— А чего же тогда рыбак так волнуется? Почему заговорил об оружии? Может, в ней что-то ценное, и открывать ее надо с большой осторожностью?

Продолжая говорить, Симна как бы невзначай обнял Станаджер за талию. Та широко раскрытыми глазами смотрела то на Эхомбу, то на рыбака и, казалось, не заметила этого жеста.

Внезапно Крайс взял бутыль обеими руками и высоко поднял над головой. Стекло было отличного качества, прозрачное, без пузырьков, и самые зоркие матросы вроде бы тоже различили внутри какое-то шевеление.

— Вот где ваши ветры, моряки! — воскликнул Крайс, подтверждая то, о чем Эхомба уже начал догадываться. — Вы думали, что вы — хозяева моря и всего, что над ним и под ним? Так нет! Я, Крайс, владею и управляю ветрами!

Он еще выше поднял бутыль.

— Здесь я прячу все ветры, которые живут в этой части океана. Я нашел ее в сундуке в каюте давным-давно погибшего корабля. Должно быть, она пролежала там много тысячелетий, наполняясь гибелью и колдовством. Пробка была нетронута, и я — да, я! — разобрался, как открывать ее и закрывать. Когда нужно, я немного вытаскиваю пробку и выпускаю тот ветер, какой захочу. Остальные в это время остаются в бутыли.

Он кивком указал на безбрежную зеркальную гладь, расстилающуюся вокруг.

— Штиль — самое удачное время для рыбалки. Рыба как на ладони, бери сколько влезет. А заполнив свою лодчонку, я выпускаю ветер и он гонит ее домой. Ха-ха-ха!

— Теперь понятно, почему он не боится рыбачить так далеко от суши, — прошептал Симна и еще крепче обнял Станаджер.

— Конечно, если он владеет всеми ветрами в этой части океана, — кивнула она и крикнула старику: —

Рыбак, не мог бы ты поделиться с нами каким-нибудь слабеньким ветерком?

— Каждый корабль должен отыскать свой собственный ветер, — безжалостно повторил Крайс. — Если я поделюсь с вами, то мне меньше достанется. Вы что, думаете, что бутыль бездонная? Я ее нашел, я завладел ветрами, и теперь это мое! Ясно вам?! Так что ищите собственный ветер.

Он уселся на корме, направил горлышко бутыли прямо на мачту и очень осторожно вытащил пробку из бутыли.

Вырвавшись на волю, ветер сразу наполнил парус. Лодка по широкой дуге начала разворачиваться на восток. Матросы на «Грёмскеттере» невольно бросили взгляд на собственные паруса, но те по-прежнему безвольно висели на реях. Лодка Крайса между тем на глазах набирала ход, и старый рыбак уже успел снова заткнуть пробкой горло бутыли.

— Этиоль, сделай что-нибудь! — воскликнул Симна.

Тут Станаджер наконец заметила, что он обнимает ее за талию, и резко отступила в сторону. На ее лице ясно отразился гнев... и какое-то иное чувство.

— Если он унесет все ветры, нам придется торчать здесь еще несколько недель.

— Я понимаю. — Эхомба не отрывал взгляда от рыбака и бутыли у него в руках. Тяжелогруженая лодка двигалась медленно. — Мне нужен камень.

— Камень? — переспросила Станаджер.

Что касается Симны, то он ничуть не удивился. Если бы Эхомба сказал, что ему нужна пурпурная свинья, он сделал бы все, чтобы ее найти.

Впрочем, возможно, отыскать свинью на борту корабля было бы проще. На суше камней было навалом — но, как назло, они понадобились Эхомбе только сейчас!

— Балласт! — крикнул северянин. — В трюме ведь должен быть балласт?!

Но Станаджер разочаровала его:

— Трюмы загружены слитками железа и меди. Это ходовой товар у жителей противоположного берега Семордрии. Откуда камни на «Грёмскеттере»?

— Но хотя бы один камешек должен найтись? На камбузе, например?

Станаджер отрицательно покачала головой:

— Печь сложена из кирпича.

— Да любой же сгодится! Может, у кого-то в сундучке завалялся? Память о доме, амулет, все равно какой,

лишь бы камень. Если Эхомба говорит, что ему нужен камень, значит, ему нужен...

Он посмотрел на Эхомбу и запнулся.

Пока Симна разглагольствовал, Этиоль достал из кармана килта мешочек с галькой — память о родной деревне. Симна во все глаза смотрел, как пастух выбирает самый большой окатыш — чистейшей воды алмаз нежнейшего голубоватого цвета; остальные он ссыпал обратно в мешочек. В следующий миг он бросился к Эхомбе.

— Нет, долговязый братец! Только не этот! Мы найдем тебе камень. Должен же найтись на корабле обыкновенный булыжник. Что бы ты там ни задумал — этот оставь!..

Пастух виновато улыбнулся ему. Камень, который он держал в руке, стоил таких денег, каких Симна не смог бы заработать и за всю жизнь. За две жизни... Но меченосец понимал, что Эхомба никогда не собирался обращать эту драгоценность в деньги.

— Прости, дружище, но времени нет, — сказал Эхомба. — Скоро он будет вне досягаемости.

Пастух повернулся и бросил взгляд на удаляющуюся лодку. Она на глазах набирала скорость.

— Я что-то не понял, — пробормотал Симна. — Вне досягаемости чего?

— Камней, — сказал Эхомба, но столь краткое объяснение вряд ли можно было счесть объяснением. Потом он заорал: — Эй, хозяин ветров! Ты лжешь!! Ты не можешь владеть ветрами, не зная заклятий и заговоров. В твоей бутыли всего только воздух. Обычный воздух, как во всяком пустом сосуде!

— Ошибаешься, путешественник! — Рыбак повернулся к кораблю, одной рукой придерживая румпель. — Ты очень удивишься, когда узнаешь, что в ней на самом деле.

— Она слишком маленькая, — крикнул Эхомба. — Я даже не верю, что она сделана из стекла, наверняка это какая-то алхимия.

— О, это стекло, самое настоящее! Может, и алхимическое, но точно стекло. Гляди!

Старик поднял бутыль — на ее боку заиграл солнечный отблеск — и легонько пощелкал по ней свайкой. Послышался характерный для стекла звон.

Едва Крайс начал поднимать бутыль, Эхомба сунул алмаз в рот. Симна испугался, что он решил его проглотить. Но зачем?

Станаджер тоже удивленно уставилась на пастуха. На ее красивом лице застыло несколько глуповатое выра-

жение, свойственное маленьким девочкам, когда они видят что-то диковинное.

А Этиоль тем временем принялся втягивать в себя воздух. Симна ибн Синд уже это видел однажды — в море Абокуа. Там пастух таким же образом вобрал в себя навалившегося на них эромакади. Только в тот день их корабль обняла беспросветная мгла, в которой порой вспыхивали два маленьких кроваво-красных глаза, а сейчас над морем ярко светило солнце.

Грудная клетка пастуха необычайно раздулась — и продолжала расширяться. Казалось, еще немного, и Эхомба лопнет. Матросы придвинулись ближе, во все глаза глядя на это зрелище, а Станаджер, стоявшая возле Эхомбы, начала потихоньку пятиться. Она была храбрая женщина, но не могла понять, что происходит, и это ее пугало. Хункапа Аюб безразлично поглядывал на пастуха, Алита по-прежнему спал, безразличный к человечьим причудам.

И вот когда кожа на груди у пастуха уже готова была лопнуть, Этиоль выдохнул. Правда, звук этого выдоха был похож скорее на звук выстрела, произведенного из старинного гладкоствольного ружья. Сила выдоха была такова, что Эхомбу отбросило назад, словно отдачей. Он упал на палубу, и Хункапа тут же кинулся к нему, чтобы убедиться, что с пастухом все в порядке.

Что касается Симны, тот остался у фальшборта. Он знал, что Эхомба выпустил изо рта не только воздух.

Крайс даже не успел понять, что произошло, когда алмаз прошиб бутылку насквозь, и она развалилась у него в руках.

В следующее мгновение все ветры, царствующие в этой области океана, вырвались на волю.

— Этиоль, ты цел?

Волосатое лицо Хункапы Аюба склонилось над пастухом. Эхомба сел и посмотрел через фальшборт.

— Я... — Но тут раздался нарастающий свист, и Этиоль закричал что было мочи: — Держитесь! Хватайтесь за что угодно и дер...

Освобожденные ветры взревели, словно тысячи обезумевших гоблинов, сумевших выбраться из бездны, куда их заточили, и обрушились на «Грёмскеттер», стремясь разорвать паруса и сломать снасти. Корабль завалился на правый борт, и Станаджер испугалась, что он перевернется. Однако в следующее мгновение давление ветра ослабло, и с ужасающей медлительностью корабль выровнялся.

Насквозь промокшая от брызг, Станаджер крепче ухватилась за леер и начала выкрикивать команды.

Матросы бросились по местам. Каким-то чудом паруса и реи выдержали удар шквала, и первый помощник Териус Кемарх про себя возблагодарил корабельщиков, построивших «Грёмскеттер».

Беда была в том, что освободившиеся ветры дули сразу во всех направлениях, и паруса не могли поймать хотя бы один. Териус, борясь с порывами ветра, пробрался на квартердек и закричал Станаджер и Пригет, которые изо всех сил пытались удержать штурвал:

— Капитан! Корабль дал течь! Нужно убираться отсюда!

— Хватайтесь за снасти фока, мистер Кемарх! Держитесь обеими руками!

Станаджер посмотрела туда, где, поддерживаемый Симной и Хункапой, стоял Этиоль Эхомба. Рядом, крепко вцепившись когтями в доски, возвышался Алита.

— Господин Эхомба! — во всю силу крикнула Станаджер. — Вы вырвали нас из штиля, чтобы швырнуть прямо в пасть ветров, дующих со всех четырех сторон света? Теперь постарайтесь вызволить нас из этой ловушки, иначе корабль будет вертеться здесь, как волчок, пока не пойдет ко дну!

Эхомба попросил друзей отойти в сторону и обнажил клинок, выкованный из небесного металла.

Симна с сомнением и тревогой посмотрел на него и крикнул, стараясь перекрыть вой ветра:

— Эй, долговязый братец, ты что это задумал? Нам надо поменьше ветра, а не побольше!

— Как раз наоборот, Симна. — Эхомба смахнул с лица соленые брызги. — Мы получили то, что нам было нужно. Теперь осталось только правильно этим распорядиться.

Друзья помогли ему добраться до кормы. Там Этиоль постарался встать потверже, но корабль так бросало, что он никак не мог найти устойчивое положение. Он ухватился за вант, но в следующее мгновение нос «Грёмскеттера» резко взлетел вверх, и Эхомба едва не перевалился через фальшборт.

— Так ничего не получится! — громко крикнул он.

— Ясное дело! — откликнулся Симна. Он стоял рядом, тоже держась за ванты. — Что нужно сделать?

— Прибить мои ноги к палубе! — Эхомба осмотрелся и взгляд его задержался на огромном коте, вцепившемся когтями в доски палубы. Левгеп стоял неподвижно, как статуя.

— Алита! Ты мне нужен!

— Что на этот раз?

— Надо, чтобы кто-то меня держал. Сможешь?

Левгеп помолчал. Его огромные желтые глаза светились в штормовой мгле, словно две лампы.

— Неудобно. У меня лапы, а не руки.

Эхомба задумался, потом позвал человекозверя.

— Хункапа! Ухватишься покрепче за Алиту, а другой рукой будешь держать меня. Изо всех сил, понимаешь?

— Да, Этиоль! Хункапа понимает, Хункапа сделает!

Левгеп пробрался на корму, встал возле фальшборта и крепко вцепился в доски. Хункапа уселся на него и сплел ноги под брюхом у левгепа. Закрепившись таким образом, Аюб своей огромной волосатой ручищей обхватил Эхомбу за пояс и поднял. Несмотря на ветер и качку, эта невероятная пирамида, состоящая из кота, человекозверя и пастуха, стояла твердо.

Эхомба обеими руками взял чудесный меч и поднял его над головой, нацелив клинок в самое сердце бури. Едва покрытое странным узором лезвие вспыхнуло глубоким синим светом, Симна бросился искать укрытие: он хорошо знал, что сила, таящаяся в этом оружии, страшнее любого шторма.

Сильный порыв ветра ударил в разгорающееся лезвие — и тут же сник, развалился на части. Буря вновь обрушилась на Эхомбу, но он взмахнул мечом, и этот шквальный порыв тоже распался на тысячу смирных и ласковых ветерков. Размахивая волшебным мечом, Эхомба сражался с ветрами.

Станаджер подползла к Симне и с изумлением проговорила:

— Похоже, я ошиблась насчет твоего дружка. Он и вправду колдун!

— А если спросить его, он ответит, что это не он обладает магией, а только меч. А меч он ковал не сам, ему его подарили. Нет, я не волшебник, будет он повторять снова и снова. Просто пастух, — Симна хмыкнул, — которому повезло с друзьями.

Станаджер недоверчиво глянула на него.

— Так кто же он, Симна? Где правда?

— Правда? — Симна задумался, потом ухмыльнулся. — Правда внутри загадки, а иногда — внутри свежей краюшки хлеба, только что из печи. Таков мой друг Этиоль.

Станаджер Роуз была исключительно красива и очень умна, но с чувством юмора у нее было туговато.

— Другими словами, ты не знаешь, то ли твой друг великий алхимик, то ли проводник чужой магии?

Симна кивнул:

— Точно. Но кое-что я все-таки знаю: я видел, как человек бьется с дюжиной противников одновременно; я видел, как человек вступает в схватку с когтистым и клыкас-

тым зверем; я видел, как человек сражается с комарами величиной с твою руку, — но никогда я не видел человека, который сражается с ветрами.

Но Эхомба не просто отражал удары ветров, кружащих вокруг него, а старался делать это с таким расчетом, чтобы направить их в корму корабля. И постепенно сверкающий меч и синее зарево вокруг него сделали свое дело. Шторм продолжал бушевать, но паруса «Грёмскеттера» наконец поймали ветер, и корабль устремился на запад.

Но даже с помощью чудесного меча Эхомба не мог ослабить натиск ветров. Корпус «Грёмскеттера» содрогался, мачты трещали, и Станаджер, вместе с Пригет стоящая за штурвалом, понимала, что долго корабль не протянет.

— Нужна передышка! — крикнула она, всем телом наваливаясь на штурвал. — Удар за ударом! Корабль не выдержит! — Она тряхнула головой, чтобы отбросить с лица мокрые волосы. — Встретить бы остров и укрыться на подветренной стороне... — Она оглядела затянутый тучами горизонт. — Только мы здорово сбились с курса. Похоже, нас сильно отнесло к северу.

— Спусти меня обратно, Хункапа, — сказал Эхомба, и когда зверочеловек выполнил его просьбу, улыбнулся ему. — Молодец, волосатый друг!

Мокрое лицо Аюба осветилось широкой улыбкой.

— Хункапе нравится помогать. Хункапа сильный!

Он вскинул могучие руки и развел их в стороны, словно хотел заключить в объятия небо и океан.

— Очень сильный, — кивнул Эхомба и посмотрел куда-то вдаль. Симна проследил направление его взгляда, но ничего, кроме туч и бушующих волн, не увидел.

— Что там, братец? Ты что-то видишь? Остров?

Его голос был полон надежды. Как всякий человек, выросший на открытой равнине, в прериях, он недолюбливал море. Ему хотелось почувствовать под ногами твердую землю.

— Нет, не остров, — настолько тихо, насколько позволял ветер, ответил Эхомба. — Кое-что другое... — И добавил, обращаясь к Станаджер: — Капитан, по-моему, если вы подвернете градусов на пятнадцать влево, то получите передышку, о которой просили.

Станаджер поглядела туда, куда указывал удивительный пассажир.

— Я ничего не вижу, господин Эхомба.

— Пожалуйста, зовите меня Этиолем. Если вы ничего не видите, значит, *видите* это.

 Станаджер повернулась к Симне.

— Симна! Что за чепуху он мелет?

Воин пожал плечами.

— Колдуны говорят на только им понятном языке, но я давно убедился, что к его советам стоит прислушаться. Если он говорит, что надо править туда, где ничего не видно, я первый брошусь к штурвалу.

Станаджер на мгновение задумалась. Потом пожала плечами:

— Не вижу вреда в том, чтобы плыть туда, где нет ничего. Чуть-чуть подвернуть несложно... Лево на борт!

Только к вечеру они достигли того места, которое Эхомба разглядел в глубине бури. Как и сказал Этиоль, это был не остров. Во всяком случае, не суша. Это был островок спокойствия и умиротворения посреди яростно бушующего океана! Но это не значило, что перед «Грёмскеттером» открылись врата рая. Картина, которую увидели матросы, была неестественной и внушала тревогу. Это была долина.

Долина посреди океана.

III

Чашевидная впадина в океане с ровными, словно стеклянными стенками была хорошо видна сквозь брызги и клочья тумана. Станаджер без колебаний приказала изменить курс, чтобы обогнуть ее, но времени уже не оставалось. Подгоняемый бурей, «Грёмскеттер» взлетел на кромку этой немыслимой чаши и заскользил вниз по водяному склону.

Нижняя точка «чаши» была приблизительно на сотню футов ниже уровня океана. Вверху по-прежнему свирепствовали сирокко и мистрали, но сюда, в эту зеленоватую равнину, им хода не было. Здесь царило спокойствие, и только мирные волны лениво плескались о борт корабля.

Станаджер подошла к Эхомбе и сказала, глядя ему в лицо:

— Послушай, приятель, для того, кто ни разу не бывал в море, ты знаешь слишком много его секретов.

Эхомба смущенно улыбнулся.

— Я всю жизнь провел на побережье. Наумкибы учатся плавать раньше, чем начинают ходить, и у нас в деревне многие чувствуют себя в воде увереннее, чем на суше. Они заплывали далеко в океан, а потом рассказывали о том, что увидели. Мудрый человек как губка впитывает опыт других.

Станаджер понимающе усмехнулась и обвела взглядом окружавшие корабль водяные стены, круто вздымающиеся к небесам.

— Я предпочла бы укрыться на острове.

— Это было единственное убежище, которое я смог найти, — вежливо ответил пастух.

— Да нет, я не жалуюсь! — сказала Станаджер и повернулась ко второму помощнику: — Териус! Найди плотника Аппина, пусть берет людей и приступает к ремонту. А ты лично осмотри паруса и снасти. И пошли двоих матросов навести порядок на нижних палубах.

— Есть, капитан!

Станаджер вновь принялась изучать странное место, куда попал ее корабль, и чем дольше она смотрела по сторонам, тем больше мрачнела.

— Эта долина, куда мы скатились... Она надежна? Что, если стены вдруг схлопнутся? Нас раздавит в лепешку.

— Старики из нашей деревни, которым доводилось попадать в похожую переделку, говорили, что в такой яме можно просидеть достаточно долго. Я думаю, опасности нет. Сколько времени понадобится твоим людям, чтобы отремонтировать корабль?

Станаджер ненадолго задумалась.

— Ущерб, в общем, не очень велик, но если вовремя не позаботиться, то потом какая-нибудь мелкая поломка может привести к беде. Пару дней, не больше.

— Отлично! — вставил Симна. Из всех, кто был на борту, только его радовала эта вынужденная остановка. Перегнувшись через борт, он посмотрел на неподвижную воду, в которой прочно увяз корабль. — Хотя бы два дня я буду знать, куда в следующее мгновение встанет моя нога. — Он бросил на Эхомбу полный надежды взгляд. — Если, братец, эта яма в воде и впрямь не исчезнет через минуту, может, спустить шлюпку и наловить рыбы?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Эхомба.

— А разве нельзя ловить прямо с «Грёмскеттера»? — нахмурилась Станаджер.

— С корабля моя снасть не достанет до воды.

— Твоя снасть? — Она недоверчиво глянула на Симну. — Среди ваших вещей я не заметила никаких рыболовных снастей.

Симна подмигнул ей.

— Ты не туда смотрела, — ответил он и, повернувшись в сторону грот-мачты, окликнул развалившегося

под ней огромного темного зверя: — Эй, киска! Не желаешь ли свежей рыбки?

Левгеп лениво зевнул.

— Я просил не называть меня «киской». Впрочем, от свежей рыбки я никогда не отказывался.

— Тогда я жду в шлюпке, — сказал Симна и, проходя мимо Станаджер, смотревшей на него круглыми глазами, объяснил: — Это и есть моя удочка.

Послышались удары молотков и визг пил — это столяр и его помощники приступили к работе. Неожиданно позади Эхомбы и капитана выросла, закрыв солнце, грузная лохматая фигура.

— Хункапа тоже хочет ловить рыбу.

— В следующий раз, мой друг. — Эхомба сочувственно улыбнулся. — Путь долгий, и ты еще успеешь себя проявить. Но я уже вижу, как ты от радости переворачиваешь шлюпку... Лучше помоги плотникам. Пара сильных рук им не помешает.

Огромные зубы сверкнули среди густой шерсти.

— Хорошо придумано, друг Эхомба! Хункапа сильный! Хункапа поможет!

Зверочеловек одним прыжком достиг главной палубы. Станаджер проводила его взглядом и вновь повернулась к Эхомбе:

— Когда-нибудь я заставлю тебя рассказать, каким образом ты завоевал дружбу двух таких замечательных созданий.

Эхомба усмехнулся.

— Симна будет разочарован, что ты не включила его в их число.

Станаджер усмехнулась.

— Мне приходилось иметь дело с напыщенными, самодовольными бездельниками и проходимцами, называющими себя купцами. Твой Симна под стать им. Он слишком много о себе воображает.

— Ты его недооцениваешь. Конечно, порой он ведет себя как петух в курятнике, но на самом деле это храбрый, благородный и в определенной степени, которую мне еще предстоит определить, правдивый человек.

— Я знаю, кто он такой, — резко парировала Станаджер. — Вопрос в другом: кто такой ты, Этиоль Эхомба? — При этом она то ли нарочно, то ли случайно подтолкнула пастуха сильным, но удивительно мягким плечиком.

— Я, капитан, простой пастух. У меня есть любимая жена и двое детишек. Не проходит и дня, чтобы я их не вспоминал. Мое путешествие затянулось надолго, и порой оно кажется мне бесконечным.

Станаджер пристально посмотрела на Эхомбу. Глаза у нее были цвета морской волны.

— Не проходит и дня? — многозначительно переспросила она.

Эхомба кивнул. Станаджер отвела взгляд и долго рассматривала склоны удивительной впадины, в которой они так неожиданно очутились.

— Обычно я не трачу время на сухопутных крыс, даже на тех, кто знает море, как ты. Вот Териус, это другое дело. Это мужик!

— Замечательный парень! — согласился Эхомба, но как-то излишне быстро.

Она заметила это и резанула его взглядом:

— Что, пастух, не по себе в моем обществе?

Он ответил осторожно, но искренне:

— Капитан, до сей поры я не думал, что цветок может выжить на одной лишь морской воде. И не только выжить, но и расцвести так же ярко, как на суше, в самом лучшем саду.

Станаджер улыбнулась.

— В этом и разница между тобой и твоим другом. — Она кивком указала на шлюпку, где веселился Симна ибн Синд, глядя, как Алита одну за другой вытаскивает из воды рыб. — Я всегда предпочитала нахалу искусного мастера. — Станаджер взглянула Эхомбе прямо в глаза. — Мне нужно пойти проследить, как идет работа. Есть много мужчин, готовых восхвалять родной порт, пока у слушателей не завянут уши; но когда их застигнет шторм, они рады любой, самой маленькой, бухте.

Эхомба улыбнулся.

— Я, конечно, не моряк, но могу считать себя в этом деле опытным навигатором.

— Тогда тебе должно быть известно, что в опасном плавании хорошим моряком считается тот, кто предпочитает привычный и надежный причал случайной швартовке.

С этими словами Станаджер повернулась и, пройдя мимо него, спустилась на главную палубу, а Эхомба принялся наблюдать за Симной и Алитой.

Небо постепенно начало проясняться. Освобожденные ветры разбежались по всем четырем сторонам света, унося с собой нерастраченные до конца силы. Оглядывая полную тишины и спокойствия впадину в океане, так похожую на оазис в пустыне, Этиоль подумал, что человек мог бы провести в таком благодатном месте всю жизнь. Оно напомнило ему его родное далекое побережье.

Этиоль бросил взгляд влево. Станаджер расхаживала среди членов команды, отдавала приказы, хвалила, ругала. Он подумал, что расстояние, которое пролегло между ним и родным домом, становится слишком опасным, грозит забвением. Вздохнув, он постарался отогнать прочь эти грустные мысли и вновь стал смотреть, как два столь непохожих друг на друга приятеля стремятся отнять у моря как можно больше рыбы.

Станаджер оказалась права: к полудню следующего дня ремонт корабля был закончен. Приняв душ у себя в каюте, Роуз вышла к пассажирам, собравшимся на верхней палубе.

— Все готово! — объявила она. — Можно отправляться. Я определила наше местоположение. Нас отнесло в тот район океана, который мне незнаком, но если мы пойдем на запад, по пути слегка забирая к югу, то, по моим расчетам, будем в Дороне лишь с недельным опозданием. Припасов у нас хватит, но мне неясно одно. — Она задумчиво оглядела зеленую гладь, окружающую корабль. — Мне приходилось входить в узкости, пробираться сквозь рифы, вести «Грёмскеттер» вплотную к гигантским водоворотам, которые в мгновение ока засасывали корабли помельче. Однажды ночью у нас на борту случился пожар. Но мне никогда еще не случалось на корабле взбираться по стенам. — Она многозначительно посмотрела на Эхомбу и добавила: — Нам повезло с этим убежищем. Но как теперь отсюда выбраться?

Эхомба поглядел на нее задумчивым взглядом. Симна, откинувшись на фальшборт, расплылся в улыбке и неотрывно следил за Станаджер, с нетерпением ожидая, когда на ее красивом личике отразится неподдельное изумление — обычная реакция на очередной фокус Этиоля.

— Не знаю, — просто ответил Эхомба.

— Что? — Голос Станаджер чуть дрогнул.

Симна заулыбался еще шире.

— Он тебя разыгрывает! — воскликнул он и повернулся к Эхомбе: — Чем больше они помучаются своими страхами, тем веселее потом будут над ними смеяться. Верно, братец?

— Я сказал правду, Симна, — ответил Эхомба. — Я не знаю, как нам выбраться из этой впадины.

— Да ладно тебе! — Симна, словно извиняясь за друга, подмигнул Станаджер. — Знаешь, когда-то я был уверен, что у него, — северянин показал на Эхомбу, — нет чувства юмора. Объясни, Этиоль, как нам выбраться отсюда. Скажи ей!

— Я уже сказал, — тихо ответил пастух. Он огляделся, потом добавил: — Понятия не имею.

Симна сразу помрачнел.

— Это уже не смешно.

Эхомба мельком посмотрел на товарища.

— А почему это должно быть смешно? Как ты сам только что сказал, у меня нет чувства юмора.

— Зачем же ты завел нас сюда? — с угрозой спросила Станаджер.

— Потому что ты говорила: нужна передышка, долго корабль не протянет. Это место было единственным убежищем, которое мне удалось отыскать. Я надеялся, что потом мы что-нибудь придумаем.

— Так давай придумывай! — воскликнул Симна. Он уже не улыбался. — Как раз самое время.

— Я пытаюсь, дружище, — ответил Этиоль и с надеждой глянул на Станаджер. — Может, у тебя есть какие-нибудь мысли?

Станаджер окинула взглядом зеленую впадину. Скоро закат, потом придет ночь. Что можно сделать ночью?

— Териус и его матросы — ребята крепкие, но вряд ли у них хватит сил тянуть судно вверх. — Она посмотрела на паруса. — Ветерок есть, какое-то время мы можем двигаться под парусами, но потом все равно начнем скользить назад. Заклятое место. Твой друг сказал, что ты колдун. — Ее взгляд посуровел. — Давай примени свое умение или мы здесь и состаримся.

— Мой друг значительно преувеличивает мои способности.

— Как-то ведь надо отсюда выбираться, — тихо напомнил Симна. Его голос чуть подрагивал. — Ты же умеешь разговаривать с дельфинами. Я сам видел! Вызови их, пусть возьмут нас на буксир.

— Да, я умею разговаривать с этими изящными обитателями моря, — кивнул Этиоль. — Но, Симна, мне не дано *вызвать* их. Поверь, я уже искал дельфинов, но не увидел ни одного.

— Так вызови рыб! Или каких-нибудь других существ! Договорись с ними!..

Пастух ответил ему печальным взглядом.

— Я уже пробовал, дружище. Но рыбы не так умны, как дельфины, и способны выговаривать лишь несколько слов.

— Твой меч из небесного металла! Призови ветер, достаточно могучий, чтобы вызволить нас отсюда.

— Симна, вспомни, что я тебе говорил. Клинок следует использовать с предельной осторожностью. Если ты по каждому пустяку начнешь обнажать его, меч станет твоим врагом. Только через несколько недель можно будет вновь прибегнуть к его помощи.

— Через несколько недель?! — Симна застонал и пошел прочь: искать того, кто с сочувствием выслушал бы его жалобы на судьбу. Алита для этого не годился: ко всем страстям двуногих он всегда был равнодушен. В конце концов Симна оседлал бедного Хункапу. Слушая тирады Симны, тот сочувственно улыбался, хотя в чем их суть, кажется, не понимал.

Станаджер придвинулась ближе к пастуху — правда, на сей раз не так близко, как накануне.

— Что же все-таки будем делать?

— Я ведь уже сказал, что не знаю, — грустно промолвил Эхомба. — Ответ где-то здесь. — Он жестом показал на зеленую гладь океана. — Ответ обязательно существует, иначе не может быть и вопроса, но, признаться, я до сих пор не могу его отыскать.

Она положила руку ему на плечо — ободряющий жест, без всякого тайного смысла.

— Держись, пастух. Я тоже не буду сидеть без дела, глядишь, что-нибудь и придумаем.

Она повернулась и пошла на главную палубу.

Оставшись в одиночестве, Эхомба принялся внимательно изучать саргассы и стены, за которыми расстилалась желанная поверхность моря.

«Если бы я и впрямь мог поговорить с рыбами, — подумал он. — Но, может быть, здесь существуют иные существа, более понятливые, чем рыбы?» Следом явилась предательская мысль, что, в общем, здесь не так уж и плохо, разве что не хватает земли — а так вполне можно жить: много рыбы, растений тоже в избытке. Можно обойтись и без суши. В конце концов приспособимся.

Мелькнул в памяти отрывок из какой-то древней легенды, которую он в детстве слышал от Мерубы. Этиоль ухватился за короткую фразу, пытаясь вспомнить, о чем там шла речь, но за давностью лет содержание легенды ускользало из памяти, рвалось на отдельные, не связанные между собой фрагменты.

Наконец Эхомба, отчаявшись, отправился спать, а корабль остался недвижно стоять посреди райской долины, ставшей его тюрьмой.

— Шлюпку на воду!

Наступившее утро было точной копией предыдущего: то же спокойствие, то же изобилие солнечного света, тот же легкий ветерок. Но стоило взглянуть на матросов, как становилось ясно: что-то неладно. Лица у всех были озабочен-

ные — или, точнее сказать, озадаченные. Матросы не могли взять в толк, почему ремонтные работы закончены, а корабль по-прежнему торчит на месте.

Эхомба и Станаджер встретились на корме. Скоро к ним присоединился Симна.

— Собираешься на рыбалку? — поинтересовался северянин, услышав команду.

— Помолчи, — попросил его Этиоль. — Мне ночью кое-что пришло в голову. Я должен сосредоточиться.

Станаджер предложила:

— Я могу послать с тобой Териуса. Ты не собираешься заплывать далеко?

— Нет. Почему бы *тебе* не отправиться со мной?

Она ткнула большим пальцем себе за спину.

— Я — капитан «Грёмскеттера». Капитан не имеет права покидать свой корабль посреди океана. Но я буду наблюдать за вами.

Эхомба кивнул:

— Надеюсь, я быстро. Надо успеть до полудня, а то станет слишком жарко.

— Что ты собираешься искать, Этиоль?

— Пока сам не знаю. Что-нибудь, имеющее отношение к древней легенде, которую когда-то поведала мне одна старая ведьма из Наумкиба.

— Не очень-то обнадеживает.

Эхомба загадочно и в то же время ободряюще усмехнулся.

— Наши ведьмы не похожи на других.

Спустили шлюпку. Пастух устроился на носу и попросил Териуса подплыть к участку, где саргассы гуще всего.

— Таких здесь полным-полно, — ответил первый помощник, берясь за весла. — Только я не понимаю, зачем это все нужно?

Шлюпка медленно двинулась от «Грёмскеттера».

— Далеко нам заплыть не удастся, — продолжал разглагольствовать Териус, — да и долго здесь веслами не поработаешь. Трудно, — объяснил он Этиолю, хотя тот ни о чем его не спрашивал. — Словно по грязи гребешь или по болоту. Видишь, сколько дряни цепляется за весла?

— Тогда вернемся к кораблю и попробуем в другом месте, — в конце концов откликнулся Эхомба.

Как и предупреждал Териус, скоро они заплыли в такую гущу, что шлюпка почти перестала двигаться вперед, несмотря на все усилия гребца.

— Дальше у меня сил не хватает...

— Греби назад, — сказал Этиоль. Он не отрываясь вглядывался в бурые водоросли, но никак не мог найти то, что искал. — Попробуем еще где-нибудь.

Однако едва Териус начал разворачивать шлюпку, как вдруг из воды выпрыгнуло странное существо. Его гладкая кожа была испещрена пятнами цвета опавших листьев — такая маскировка отлично скрывала животное среди бурых саргассов. Снова нырнув, оно развернулось и высунуло морду. Черные овальные глаза без зрачков уставились на людей. Они тускло поблескивали, как два округлых, угольного цвета звездных сапфира. Маленький рот был похож на округлую щель, подбородка у существа не было. Морда была безволосой, вдоль туловища тянулись жабры.

— Каллинда уелле Мак! — воскликнул Териус и на мгновение выпустил весла из рук. — Во имя десяти морей, что это?

— Частица утраченных воспоминаний, — ответил Эхомба. Он ничуть не испугался при появлении неведомого зверя. — Фрагмент легенды, которую те, кому пришлось побывать в океане, рассказывали ребятишкам в моей деревне. — Он придал своему лицу выражение, которое, по его мнению, должно было понравиться существу, и сообщил Териусу: — Это саргассовый человек.

IV

Когда прямо перед шлюпкой неожиданно возникло коричневато-зеленое блестящее тело человекоподобного существа, матросы «Грёмскеттера» не на шутку встревожились. Алита зашевелился, недовольный тем, что ему не дают подремать, а Симна и Хункапа бросились к поручням. Широко ухмыляясь, меченосец поспешил успокоить взбудораженных членов команды.

— Все в порядке! Я же говорил, что мой друг — великий волшебник. Смотрите, кого ему удалось вызвать из моря.

— Не похоже, чтобы он кого-то вызывал, — выкрикнул кто-то из моряков. — Скорее Териус и твой дружок застряли в водорослях, а эта тварь сама выскочила перед ними.

Симна бросил на моряка гневный взгляд, затем улыбнулся застывшей от изумления Станаджер.

— Нет, это Этиоль его вызвал. Ты же сама видела. Все видели!

«По крайней мере надеюсь», — с тревогой подумал он про себя.

Териус тоже встревожился, но виду не подал и, справившись с изумлением, переспросил:

— Какой человек?

Эхомба, не сводя глаз с человекоподобного существа, объяснил:

— Саргассовый. Они обитают в скоплениях водорослей, которые можно встретить во всех океанах. Я их никогда раньше не видел, но о них рассказывали старики из нашей деревни.

Пастух бросил взгляд на растерянного помощника капитана и добавил:

— Разве тебе, Териус, неизвестно, что наш мир служит домом для множества разновидностей людей? Есть гу-люди, подобные тебе и мне, а есть и такие, что обитают в саргассах. В пещерах живут пещерники, в диких местах кочуют древние люди, неандеры. Кроме того, есть народ деревьев, народ песков и еще много других племен.

Первый помощник пожал плечами.

— Я никогда даже не слышал о тех, которых ты упомянул.

— Жаль! Наверное, нужно вырасти в бедном засушливом краю, чтобы научиться видеть то, чего другие не различают. Скорее всего мы, наумкибы, умеем это потому, что нам особенно нечего разглядывать, в наших краях мало разнообразия.

Затем пастух вновь взглянул на покрытого пятнами водяного человека. Тот расположился в самой гуще водорослей и терпеливо ждал. Эхомба особым образом округлил губы и издал какие-то странные звуки. Чем-то они напоминали бульканье ребенка, пускающего пузыри под водой. После всего, что за эти дни случилось с кораблем и экипажем, Териусу было куда легче взять себя в руки. Он даже не вздрогнул, когда саргассовый человек ответил пастуху на таком же булькающем языке.

— Добрый день, саргассовый человек. — Эхомба очень надеялся, что воспроизводимые им звуки похожи на те, которым когда-то обучал его дедушка.

И по-видимому, он не забыл его уроков, потому что, к радости Этиоля, существо ответило. И Эхомба понял его.

— Здравствуй, сухопутный человек. Ты занятно выкрашен, — пробулькал житель моря.

— Ты имеешь в виду, что я не зеленый?

Эхомба улыбнулся. Его собеседник не ответил улыбкой, но удивительно ровно округлил губы — совсем как «О». Язык и глотка у него были совершенно черные.

— Никак не ожидал, — продолжал Эхомба, — встретиться с одним из твоих сородичей в этих пустынных краях.

— С одним? — Саргассовый человек вытащил из воды гибкую руку и расчистил перед собой водоросли. — Здесь вся моя семья: жена и трое ребятишек, а также дядя и его супруга; у них двое детей. А еще мой двоюродный брат.

Эхомба во все глаза смотрел на окружающие шлюпку водоросли, но никого не мог разглядеть.

— Наверное, они далеко отсюда?

Саргассовый человек забулькал, и этот его «смех» напомнил пастуху хлюпанье, исходящее из забитой дренажной канавы.

— Совсем рядом. — Повернувшись, саргассовый человек показал рукой вниз, в глубину.

Тут же два маленьких саргассенка высунулись из воды и хихикнули совсем как человеческие детишки лет восьми. Они так напугали Териуса, что он уронил весла из рук. Водяные озорники проплыли вдоль борта к корме и исчезли из виду.

— Нам понравилось это место, — сказал саргассовый человек. — Здесь всегда тихо, ветры мягкие. Сюда не заплывают корабли сухопутных людей, никто не забрасывает сети, не орудует крючьями. — Его темное лицо потемнело еще больше. — И акул здесь нет, зато травы сколько угодно, а значит, много сытной еды.

У Эхомбы загорелись глаза. Любопытство одолело его. Когда еще представится случай поговорить с таким необычным существом! Вопросов у него было полным-полно, и он не хотел обрывать столь интересную беседу расспросами о том, как бы их кораблю выбраться отсюда.

— Чем же так хороша трава?

— Это как сады, которые разводят сухопутные люди, — ответил саргассовый человек. — Она сама по себе очень вкусная, а кроме того, в ней живут креветки, рыба, морские коньки и еще очень много разных мелких существ. Есть моллюски — их надо высасывать из раковин. О, еды здесь полно!

Саргассовый человек неожиданно сунул руку в плотный слой водорослей и, вытащив оттуда молоденького осьминога, протянул его Эхомбе.

— Нет, спасибо, — вежливо отказался пастух.

— Что это он выделывает? — спросил Териус, выглядывая из-за спины Эхомбы. — О чем вы говорите?

— Еда, — коротко пояснил Эхомба.

— Ага, — кивнул Териус. В его голосе не было недовольства: он-то как раз любил осьминогов. — Спроси его, как нам отсюда выбраться.

— Я как раз к этому подхожу. — Огорченно вздохнув, Эхомба вспомнил, что он здесь не затем, чтобы обсуждать прелести жизни в саргассах, и что люди на корабле с надеждой следят за тем, кто вызвался вытащить их из этого глупого положения. — Нам очень понравилась ваша долина, — продолжал он, — и мы бы рады погостить здесь немного, но у нас есть дела на другой стороне океана.

— Вы, люди суши, слишком много времени уделяете делам и слишком мало — самой жизни. Если бы вы побольше плавали по морям, то узнали бы, что такое истинное счастье.

— Ты как нельзя более прав, — ответил Эхомба, — но у меня там, — он указал на юг, — есть стадо. Коровы, овцы, козы. Они, к сожалению, не могут жить в море, как медузы или моллюски.

— Я понимаю, — посочувствовал саргассовый человек и отправил в рот что-то синее.

— Трудность в том, — продолжал Эхомба, — что наш корабль не в состоянии преодолеть стены долины. Здесь недостаточно ветра, чтобы набрать подходящую скорость, и если даже мы попробуем разгоняться по кругу, то все равно сползем обратно. Нам нужна помощь.

Саргассовый человек с важностью покивал. Эхомба невольно подумал: какие мысли скрываются за его непроницаемыми черными глазами? Для того, кто так любит море, соблазн пожелать кому-то такой же жизни почти непреодолим. Правда, подумал Эхомба, не все желания осуществляются.

— Мы тут бессильны. — Саргассовый человек горестно развел руками. — То есть мы *могли бы* вытолкнуть ваш корабль из саргассовой долины, но для этого понадобится не меньше тысячи моих сородичей. Беда в том, что они живут дальше к югу, где вода теплее и трава гуще.

— Значит, вы ничем не можете помочь? — Эхомба был разочарован, но не удивлен.

— Ничем. То есть мы сами — ничем! — Саргассовый человек приложил четырехпалую перепончатую ладонь ко лбу и добавил: — А вот другие — могут.

— Другие, — оживился Эхомба. — Дельфины? Здесь есть дельфины? Я мог бы сам поговорить с ними, объяснить, что нам нужно.

— Нет, дельфинов здесь нет. Они любят простор, где легче дышится и можно плавать быстро. И более крупных их сородичей тоже тут не бывает. Это, конечно, плохо. Несколько китов запросто вытащили бы вас отсюда. Но мне кажется, я знаю кое-кого, кто мог бы помочь вам. Ты мне понравился, человек суши. Ты пришел, чтобы побольше узнать о нас, чтобы учиться, а не поучать, ты пришел без острог и сетей, как другие твои сородичи. Ты видишь в океане не только источник добычи. Я постараюсь сделать все, что в моих силах.

С этими словами он начал погружаться в скопление водорослей.

— Подожди! — воскликнул Эхомба. — Когда мы узнаем, поможешь ли ты нам?

— Когда придет король. Если он пожелает прийти, — пробулькал саргассовый человек.

И исчез.

Этиоль, стоя на носу шлюпки, упорно вглядывался в толщу саргассов. Там кипела жизнь. Маленькие рачки сновали между стеблями, серебристыми искорками вспыхивали в солнечном свете мелкие рыбешки, большие медузы плавно колыхались между кучками травы, словно намокшие кружевные салфетки... Но нигде не было видно саргассового человека. Как и его отпрыскам, ему было достаточно опуститься на какие-нибудь несколько футов, и теперь он, наверное, от души посмеивался над сухопутным человеком, чей взгляд не мог проникнуть в толщу воды.

Эхомба уселся на банку и потянулся: у него затекла спина.

— Греби к кораблю.

Териус взялся за весла, и шлюпка начала выбираться из скопления травы.

— Так как же, сэр? — спросил первый помощник. — Что сказал этот парень? Он нам поможет?

— Он сам — нет. Но он пообещал поговорить с кем-то, кто может помочь. Пообещал за нас похлопотать.

— Перед кем?

Выбравшись на чистую воду, Териус развернул шлюпку носом к кораблю.

— Не знаю. Он назвал его «королем».

Тяжелые брови Териуса сошлись у переносицы.

— Тут нет никаких королей!

— В море, друг Териус, как и на суше, тоже есть королевства. Кто мы такие, чтобы в том сомневаться? Нам нужна помощь, чтобы выбраться из ловушки, и если кто-то, пусть даже он называется королем, способен оказать ее, поче-

му бы и нет? Я первый склонюсь перед ним и буду умолять его что-то сделать. — Эхомба обвел взглядом водные склоны, преграждавшие им путь к намеченной цели. — Наверное, это правитель дельфинов. Или китов. А может, какое-то неизвестное существо.

— Король явится со свитой? — спросил Териус, налегая на весла. Он спешил побыстрее добраться до корабля. — В богатом одеянии, украшенном бриллиантами? С короной на голове?

Эхомба пожал плечами.

— Я знаю столько же, сколько и ты, дружище. Впрочем, я полагаю, что ни богатого наряда, ни короны на нем не будет. По крайней мере я ни разу еще о таком не слышал.

— Я тоже, — проворчал первый помощник, когда они поднимались по веревочной лестнице на корабль.

Они угадали насчет одеяния, но насчет короны — ошиблись.

Солнце скользнуло за западный край долины, и вершина морского склона, пронизанная его лучами, окрасилась ослепительным изумрудным цветом. Спустились сумерки, и корабль вдруг всколыхнулся на небольшой волне. Поначалу никто не придал этому значения, но потом все встревожились, вспомнив, что крупным волнам здесь взяться неоткуда.

Этиоль Эхомба был встревожен не меньше, чем остальные. Он стоял на палубе, освещенной сигнальными огнями, зажженными для других кораблей — или для короля, — и озабоченно вглядывался в сумерки. Какое существо, огромное и сильное, способное вызволить «Грёмскеттер» из западни, обитает в глубинах? С каким таинственным незнакомцем собирался переговорить саргассовый человек?

Знакомый голос вывел его из задумчивости:

— Эй, долговязый брат, мы, должно быть, думаем об одном и том же.

Северянин тоже смотрел на черные воды. Что за чудовище согласилось освободить корабль? Может, это морской змей? Симна слышал о нем. Или огромный, внушающий ужас, клювастый Кракен, чьи щупальца напоминают гигантских змей? Эхомба сказал, что саргассовый человек хочет поговорить с королем. Что это за «король»?

— Задумался, что там внизу, Симна? — не поворачивая головы, спросил Этиоль. В темной воде то и дело проносились причудливые фосфоресцирующие призраки.

— Я не ты, Этиоль. Меня больше интересует то, что лежит там, на дальнем побережье. Какова ценность этих

сокровищ, и сколько мне еще придется трястись в этой деревянной коробке, прежде чем я увижу их своими глазами.

Эхомба пробормотал что-то неразборчивое, а потом убежденно сказал:

— Ты прав, мой друг. Ты не такой, как я.

— Это из-за сокровищ Эль-Ларимара? — Откровенная алчность, столь же заметная, как румяна на щеках куртизанки, прорезалась в голосе Симны. — Химнет Одержимый околдован той прорицательницей, которую похитил, — как и ты, но на самом деле его, как и тебя, манит сокровище.

— Симна, честное слово, я...

Ему не дал договорить крик третьего помощника, донесшийся с противоположного борта:

— Поберегись у планшира! Что-то поднимается из глубины.

Свободные от вахты матросы, так же как и пассажиры, бросились к правому борту, но, заметив движение в глубине, тут же отхлынули назад. Лишь самые стойкие, в том числе и Эхомба с товарищами, остались у фальшборта.

Сначала Эхомба ничего не увидел, кроме черной воды и серебристого отражения луны на ней. Затем один из матросов, висящий на веревочном трапе, который на стоянках всегда спускают с палубы на случай, если кто-то вдруг упадет за борт, закричал и начал показывать куда-то вниз. Теперь уже все увидели огромное фосфоресцирующее пятно, медленно поднимающееся из глубины.

Палуба опустела в мгновение ока. В страхе перед приближением монстра люди бросились врассыпную: одни искали убежища в трюме, другие, наоборот, полезли на ванты в надежде, что там чудовище их не достанет. Только Станаджер и ее храбрый первый помощник остались у борта вместе с Эхомбой и его тремя спутниками.

— После всего, что нам пришлось испытать, — говорил меж тем Этиоль Симне, — и с чем пришлось столкнуться до этого дня, здесь нет ничего — ни в воде, ни над водой, — что могло бы нас испугать.

Симна, по своей привычке к браваде, положил было руку на меч, но тут же убрал ее. Во-первых, он привык оценивать степень опасности по реакции Этиоля, а у того на лице не было и тени волнения, не говоря уж о страхе.

Во-вторых, если бы он взялся за оружие, то уронил бы себя в глазах Станаджер: ей хватало мужества с миром встретить гостя из бездны.

Первыми из воды появились лапы: длинные, тонкие, как у скелета. Цвета они были белого с легким розоватым оттенком. Каждая была покрыта чем-то напоминающим иссиня-черное оперение и усыпана острыми большими шипами. Затем показалось туловище. Глаза на двух похожих на стебли отростках уставились на людей, крепко вцепившихся в поручни.

Снабженные огромными крючками лапы зацепились за веревочную лестницу, и гость из бездны, грузно раскачиваясь, начал взбираться на палубу. В нем было не меньше двадцати футов росту. Пучки водорослей свисали с его лап, с туловища потоками стекала вода, а по краям рта пузырилась пена.

Симна был одновременно восхищен и разочарован ночным гостем.

— Знаешь, Симна, твой саргассовый приятель не соврал. Он послал к нам королевское существо. — Он презрительно фыркнул. — Королевского краба.

— Да, это королевский краб, — согласился Эхомба. — Но разве это все?

Симна нахмурился.

— Я не понимаю тебя, Этиоль, — и, надо сказать, не в первый раз твои слова оставляют меня слепым, глухим и немым.

— Это королевский краб, но кроме того, он — король крабов. Взгляни на его голову.

Симна пригляделся, и ему стал ясен ход рассуждений Эхомбы. В смутном мерцании масляных ламп колючки, шипы и иглы, выступавшие на панцире, действительно очень смахивали на корону.

— И что теперь? — шепотом спросил Симна. — Только не говори мне, братец, что ты способен найти с ним общий язык! Как бы велик он ни был, это все-таки только краб. Обычный краб, который всю жизнь проводит, роясь в придонном иле.

— У тебя много замечательных качеств, друг Симна, но ты страдаешь злосчастной привычкой недооценивать и презирать тех, кто живет не такой жизнью, как ты. Мне известны люди, которых судьба возносила на недосягаемую высоту, однако им нельзя было доверить заботу даже об их собственных детях; в то же время живущие в бедности и простоте зачастую честны и порядочны.

Но Симна не хотел так просто сдаваться.

— Если я их недооцениваю, то ты слишком уж превозносишь, братец.

Эхомба улыбнулся.

— Возможно, из нас двоих получился бы один здравомыслящий человек, — сказал он. — Хотя в одном ты, безусловно, прав. Я действительно не умею «разговаривать» с крабами. Зато мне известны несколько общепринятых жестов, позволяющих понять друг друга. В этой науке, Симна, наумкибы превзошли всех прочих людей — иначе в пустынной округе не выжить. Нам приходится собирать сведения о любых привычках и обычаях, присущих обитателям нашей Земли. Правда, таких многоногих среди них не было.

Огромное ракообразное наконец взобралось на палубу и огляделось.

Ошеломленная Станаджер, не сводя глаз с невиданного чудища, шепнула Эхомбе:

— Если именно его имел в виду водяной человек, когда говорил, что пришлет к нам короля, значит, верил, что ты, сумевший объясниться с ним на его языке, и с этим монстром способен договориться. У меня бы никогда не получилось. Я знаю, как *сварить* краба... В голове не укладывается, как другие существа могут пользоваться речью, которая принадлежит исключительно человеку? И чем он может нам помочь?

— Мне тоже это неясно, — признался Эхомба. — Ничего, я постараюсь выжать из этой ситуации как можно больше пользы.

Пастух шагнул вперед, и глаза краба тут же повернулись к нему. Они смотрели настороженно, но страха в них не было. Да и чего ему было бояться? Ясно, что с такими клешнями он сумеет за себя постоять!

— Не знаю, как насчет пользы, а мяса в нем много! — шепнул Симна Хункапе, но тот во все глаза смотрел на краба и ничего не ответил.

Алита, стоя позади них, в молчании разглядывал гостя. При этом он то и дело облизывался. На корабле не только люди любили полакомиться крабовым мясом. Впрочем, огромный кот сумел справиться с искушением: он знал, что Эхомба будет недоволен, если кто-то попытается съесть посланца.

Между тем Этиоль, выйдя вперед, напряженно думал, как лучше начать. Сам язык жестов не был ему в новинку, но он боялся ненароком обидеть короля крабов: это означало сразу лишиться всякой надежды на помощь.

Подняв обе руки, пастух принялся причудливым образом сгибать пальцы. Краб помедлил и начал отвечать ему быстрыми движениями и изгибами своих конечностей. Правда, здесь, на воздухе, почти все они были заняты тем, что поддерживали тяжелое тело, и для беседы он мог воспользоваться лишь несколькими.

— Вы только взгляните на них! — восхищенно воскликнул Симна.

Неожиданные таланты друга не раз поражали его, но сейчас хотя бы ясно было, что никакого колдовства в этом нет. Это была просто разновидность речи. Любой может воспользоваться жестами, особенным образом скрючить пальцы или, как король крабов, ноги, чтобы выразить свои мысли и чувства.

После нескольких минут интенсивной жестикуляции и особых телодвижений королевский краб и Эхомба практически закончили переговоры. Сказано было много, но что именно, никто из зрителей не мог догадаться. Ни Симна ибн Синд, ни гигантский кот, ни, конечно, Хункапа Аюб, который и так подолгу думал над каждой фразой, включающей в себя более десяти слов.

Потом темп их жестикуляции замедлился. Этиоль протянул руку. Его ладонь встретилась с острым когтем на конце крабьей лапы. Потом король повернулся, подошел к фальшборту, грузно перевалился через него и упал в воду. Все, кто прятался в трюме и на мачтах, моментально вернулись на палубу и долго смотрели, как чудовище неспешно погружается в воду, похожую на густые черно-синие чернила.

Станаджер подошла к Эхомбе.

— Ну что? Вы о чем-нибудь договорились или просто обменялись любезностями?

Пастух посмотрел на нее и улыбнулся.

— Он согласился помочь. Не потому, что у крабов натура широкая и они любят выручать попавших в беду. Причина в том, что об этом попросил саргассовый человек. Как я понял, между их народами существует что-то вроде договора. Заключен он был очень давно. Король сначала отказывался, но потом, когда увидел, что я способен понять его и объясниться с ним, его сомнения растаяли.

Приблизился Симна.

— Я рад. Если бы он отказался, то мысль, что такой кусок нежнейшего мяса уходит из рук, была бы для меня невыносима.

Эхомба повернулся к нему.

— Странно, что ты это говоришь, Симна. Король про тебя подумывал то же самое. Как, впрочем, о каждом из нас. Его подданные обожают человечину. Для них огромное наслаждение полакомиться трупом утонувшего моряка. Похоже, там, на дне океана, ничто не пропадает.

Симна на мгновение представил, как он тонет, мягко опускается на песчаное дно. Увидел мысленно собствен-

ное сизое от удушья лицо, выпученные глаза, словно у крабов. Вот он лег на дно, успокоился взбаламученный песок. Приходит время для пиршества. Первыми к нему подберутся мелкие крабы. Сначала один, потом другой, третий, а за ними — вся их многочисленная стая. Острыми клешнями начнут вгрызаться в его тело, драться за самые лакомые куски, работать челюстями...

Симна отогнал кошмарное видение, с трудом сглотнул и, откашлявшись, проговорил:

— Как я уже сказал, я рад, что они согласились нам помочь. — Он поморгал. — Эй, постойте! А кто, собственно, «они»?

— Король и его подданные, конечно. Несомненно, его держава велика, хоть и спрятана под волнами.

— Не понимаю, чем они могут помочь?

— Король не сказал. Он только предупредил, что нужно подождать до утра. Тогда станет окончательно ясно, можно ли вытащить корабль.

Станаджер насмешливо заметила:

— Ждать — это мы можем. Как будто у нас есть выбор! — Она повернулась к первому помощнику. — Назначьте вахтенных, Кемарх. И если случится что-то... м-м... неожиданное, пусть поднимают весь экипаж. — Затем, повысив голос, она обратилась к матросам, которые были на палубе: — Эй, слушайте мою команду! Все в кубрик, и спать. Если нам повезет, — она глянула на Эхомбу, словно он был во всем виноват, — завтра мы вылезем из этой ямы. — И, совсем тихо, проворчала сквозь зубы: — Хотя не представляю как.

V

Эхомба по привычке поднялся с первым лучом солнца. Симна любил поспать подольше, но на этот раз, почувствовав, что товарищ уже встал, тоже вскочил: ему не хотелось пропускать представление. Если ничего не произойдет, еще будет время вздремнуть.

Хункапа Аюб не спал давно: в замкнутом пространстве ему всегда было не по себе. Только Алита невозмутимо подремывал; немногое в мире было способно заставить гигантского кота пожертвовать сном. Не спала и Станаджер. Заложив руки за спину, она беспокойно расхаживала по палубе, время

от времени поглядывая на море. Эхомба поднялся на палубу и подошел к ней.

— Есть что-нибудь? — спросил он и, прикрыв ладонью глаза от лучей низкого солнца, обвел взглядом даль.

— Ничего! Только перед самым рассветом я видела стаю летучих рыб. Надеюсь, твой краб не воспринял нашу просьбу как просто повод поболтать с приятным человеком на языке жестов.

— Не думаю. К тому же он не мой краб. И не саргассового человека. Что бы ни случилось, он останется своим собственным крабом.

Раздался крик вахтенного — невнятный крик изумления, — и взгляды всех обратились туда, куда указывал матрос.

Под самым бушпритом поднимался из глубины строй крабов всех расцветок и видов. Одни были известны Эхомбе, других он никогда в жизни не видел. Синие и зеленые, бурые и белоснежные... Маленькие песчаные крабы и крабы-скрипачи, вооруженные большими и острыми клешнями. Были среди них и королевские крабы, но самого короля видно не было.

Линия крабов шириной около двух футов начиналась у корабля и уходила вдаль. Она пересекала долину, взбиралась по склону и исчезала за горизонтом. Все крабы были прочно сцеплены между собой, и их шеренга на глазах утолщалась.

— Их здесь миллионы! — воскликнул Симна.

— Десятки миллионов, — поправил Эхомба.

Клацанье клешней и удары панцирей сливались в оглушительный грохот.

— Как же они собираются нам помогать? — недоумевала Станаджер. За долгие годы плаваний она видела много удивительного, но такого — ни разу. — И нам-то что делать?

— Я знаю! — воскликнул Симна, уверенный в том, что в любом деле лучше него знатока не найти. — Этиоль заколдовал их, и они потащат корабль на собственных спинах. Как только их соберется достаточно много, они начнут. Правильно?

Эхомба печально посмотрел на друга:

— Тут нет никакого колдовства, Симна, — и повернулся к Станаджер: — Когда, капитан, соберется сто миллионов крабов, мне кажется, будет мудро бросить им линь.

— Бросить им... что?

На мгновение в ее глазах отразилась растерянность, потом Станаджер поняла. Она повернулась и начала отдавать приказания Териусу и матросам.

Через несколько минут прочный легкий канат был намотан на кабестан, а свободный конец брошен вниз.

Сразу же ближайшие крабы набросились на него, вцепились в канат клешнями и принялись вертеться на месте, опутывая им лапы.

— Линь закреплен! — крикнул матрос, стоящий на носу корабля.

Станаджер бросила выразительный взгляд на Эхомбу и махнула рукой матросам, стоящим у кабестана.

— Начинайте!

Матросы проворно выбрали слабину, а в следующее мгновение «Грёмскеттер» вздрогнул и тронулся с места.

— По местам! — выкрикнула капитан.

Матросы мгновенно бросились исполнять приказание. Коренастая Пригет встала за штурвал, с нетерпением поглядывая на безвольно обвисшие паруса.

Наконец нос корабля достиг основания склона, а потом красиво изогнутый форштевень «Грёмскеттера» начал медленно, очень медленно приподниматься. Матросам пришлось хвататься за что попало, чтобы удержаться на палубе, когда корабль заскользил *вверх* по склону, держа курс на край долины. Все затаили дыхание. Если трос лопнет, если сотни тысяч клешней и лап вдруг расцепятся... тогда корабль вновь соскользнет обратно во впадину. И, возможно, уже навсегда.

Но край приближался. Наконец «Грёмскеттер» прополз над покатой бровкой и медленно, переваливаясь с боку на бок, выровнялся. Матросы разразились ликующими криками. Паруса затрепетали под напором ветра, и корабль, постепенно набирая скорость, начал удаляться от долины посреди океана.

Линия крабов распалась; оказав помощь людям, они уходили на глубину. Станаджер приказала как можно быстрее вытаскивать намокший трос, пока он за что-нибудь не зацепился. Ей очень хотелось поблагодарить удивительных помощников, но как это сделать? И она повернулась к Эхомбе.

— Мы же их еще не поблагодарили...

Симна и Хункапа Аюб вместе с командой уже праздновали освобождение, но Эхомба продолжал пристально вглядываться в воду. Услышав голос капитана, он повернулся.

— Крабы помогли нам, потому что им приказал их король. Меня смущает другое. Одни крабы не смогли бы справиться с этим делом.

— Почему?

У Станаджер было превосходное настроение. Они вырвались из морской долины, паруса наполнены ветром — что еще нужно?

— Я готов согласиться, — попытался объяснить Эхомба, — что у них хватило бы сил вытащить корабль, но все равно им необходимо было за что-то зацепиться. — Он повел рукой в сторону открытого моря, по которому бежали легкие волны, и спросил: — Что же это было?

— Какая разница? — Станаджер пожала плечами. — Мало ли! Например, коралловый риф...

— Кораллы не способны выдержать такую нагрузку.

— Хорошо, подводная скала тебя устроит?

Неожиданно ей пришло в голову, что Эхомба относится к числу людей, которые просто не созданы для веселья, хотя его холодность и далека от могильного спокойствия. Такую удачу не грех и отпраздновать. Вон Симна ибн Синд веселится со всеми. Может, Этиоль только с виду такой серьезный? Она ущипнула его, и Этиоль наконец отвел взгляд от морских волн.

— Ого, так ты еще жив? — улыбнулась Станаджер. — А я уж начала сомневаться.

Эхомба смутился — и Станаджер была рада, что ей удалось его смутить.

— Я... я никому не хотел портить настроение. Я не меньше других счастлив, что нам удалось выбраться из этой проклятой ямы. Ты должна меня извинить. Просто у меня такой характер: если задамся каким-то вопросом, то пока не найду ответ, ни о чем другом думать не в состоянии. Конечно, я могу немного отвлечься, но не до конца.

— Просто удивительно, как ты при этом еще можешь спать по ночам.

Он усмехнулся.

— Иногда удается.

— Пойдем-ка выпьем с тобой грогу. — Она показала на бак. — Скоро мы будем в Дороне. Высадив вас, «Грёмскеттер» отправится в обратный путь, и я лишусь удовольствия пребывать в твоем обществе. Докажи, что в этом утверждении есть доля истины.

Эхомба вновь нахмурился.

— Это оттого, что до западного побережья осталось совсем немного?

— Нет, долговязый дурачок. — Она шутливо ткнула его в плечо. — Оттого, что твое общество доставляет мне удовольствие.

Какое-то мгновение Этиоль боролся с природной робостью. Потом он широко улыбнулся и — Станаджер никогда бы не подумала, что он на это решится — обнял ее за талию.

— Мне не особенно нравится грог, который готовят матросы, — сказал он, — но при нынешних обстоятельствах, кажется, стоит немного выпить.

В попойке приняли участие все — даже вахтенные матросы. Внезапно в разгар веселья раздался крик впередсмотрящего:

— *Кракен!* Кракен по левому борту!

Симна ибн Синд, который в тот момент беседовал о чем-то заветном с одной из женщин из команды корабля, вскочил, будто его кольнули шилом. Ему никогда не доводилось видеть кракенов, но он много слышал о них и представлял, как они выглядят.

Эхомба был уже возле бушприта. Он встал на ограждение и замер, словно второе носовое украшение.

— Что?.. — задыхаясь, проговорил, подбегая к нему, Симна. — Что случилось, братец? Я слышал, как впередсмотрящий...

— Вот он, наш спаситель! — Эхомба бросил взгляд на юго-запад и добавил: — Сейчас нам предъявят счет.

Каждое из десяти огромных щупальцев Кракена весило не меньше тонны. Колосс, окрашенный в бледно-розовый цвет, шел наперерез кораблю, и все попытки Пригет оторваться были бесполезны. На боках Кракена можно было различить белые рубцы — следы титанических битв с кашалотами.

К Эхомбе подбежала Станаджер. Позабыв о веселье, она с тревогой и изумлением следила за Кракеном, настигающим корабль.

— Вот кто был на другом конце цепи, составленной из сотен миллионов крабов, — сообщил ей Эхомба. — Только это существо достаточно сильно, чтобы тянуть их и одновременно служить якорем.

— Но... что ему нужно? Крабы ушли, расползлись по своим норам.

— Что им приказали, то они и исполнили, а это создание — не краб. Я не знаю, что ему нужно, но что бы это ни было, нам лучше удовлетворить его желание. — Он помолчал и добавил: — Будем надеяться, что Кракен способен внять голосу рассудка.

— *Рассудка?* Это чудовище?.. — Станаджер изумленно глянула на Эхомбу.

— Кракен и его менее крупные родственники — одни из самых умных обитателей моря. Я думал, такому опытному капитану об этом известно.

— Я командую людьми, — возразила она. — Я не общаюсь с кальмарами!

Эхомба не ответил. Он вновь повернулся в ту сторону, откуда к кораблю неумолимо приближался Кракен.

— А жаль, стоило бы научиться, — проворчал он себе под нос.

Глухой тяжелый удар потряс корпус «Грёмскеттера». Впрочем, Кракен, по-видимому, не имел целью останавливать корабль, хотя каждому было ясно, что стоит ему поднапрячься, и судно замрет на месте. Он отплыл от «Грёмскеттера» и пошел рядом, параллельным курсом.

Эхомба осторожно наклонился вперед, насколько это было возможно, и встретился взглядом с огромным настороженным глазом. Он был похож на человеческий, только диаметром около трех футов. От неожиданности Эхомба чуть не свалился.

Станаджер затаила дыхание. Она боялась шевельнуться, зная, что чудовище способно запросто смахнуть пастуха с палубы.

Эхомба приветливо улыбнулся Кракену — что еще он мог сделать? — а потом, как и при встрече с королем крабов, поднял руку и начал пальцами выделывать причудливые фигуры.

Кракен по-прежнему плыл рядом с кораблем, то и дело высовывая щупальца из воды. При этом он внимательно следил за знаками Эхомбы. Во все стороны от него волнами исходило свечение: то голубоватое, то ярко-желтое.

Наконец Эхомба сделал последний выразительный жест, опустил руку и вопросительно посмотрел на чудовище.

Кракен ответил человеку пристальным взглядом, в котором светился непостижимый разум. Потом он выставил из воды сразу с полдюжины щупальцев и принялся выписывать ими диковинные узоры. Все, кто был на палубе, бросились врассыпную, начали прятаться за мачты и бухты тросов. Но чудовище не собиралось нападать: оно отвечало.

Что касается Симны, то его, когда Кракен воздел над водой шесть гигантских щупальцев, притянуло к борту словно какой-то силой. Видимо, сыграло свою роль присутствие Станаджер. Зрелище жестикулирующего монстра было забавным, и только мысль о том, что в результате этой потехи Кракен может утащить корабль на дно морское, не позволила Симне расхохотаться. Вместо этого он спросил Этиоля:

— Во имя Годжокку, братец, что он говорит? Ведь вы же с ним *говорите*, так?

— Что? — Эхомба, казалось, забыл, где он находится, увлеченный беседой. Он повернулся к Симне. — Да, мы разговариваем. Должен признаться, что разговор получился приятный и небесполезный.

Отвечая Симне, пастух продолжал выламывать пальцы и поводить руками. Но все эти жесты ничего не говорили людям на «Грёмскеттере».

— Так скажи нам, о чем!

— Да, — подала голос Станаджер. — Чего он от нас хочет?

— От нас? Того же, чего хотел бы любой, оказавший услугу ближнему. Хочет платы за то, что помог крабам вытащить нас из морской долины.

В глазах Станаджер вспыхнула тревога.

— Ради всех морских богов, какой именно платы он требует? — Она с опаской покосилась на Кракена. Среди щупальцев торчал могучий клюв, достаточно большой и острый, чтобы одним ударом пробить корпус корабля. — Если жратвы, то пусть не рассчитывает, что я поделюсь с ним своими матросами. У нас на борту есть запасы свежего и вяленого мяса, есть сушеная рыба — может, он этим удовлетворится?

Эхомба вновь повернулся к чудовищу и принялся энергично жестикулировать. Кракен ответил. Но пастух явно не был удовлетворен и снова принялся ломать пальцы. К следующему ответу Кракена он долго присматривался, что-то обдумывал и наконец сказал:

— Он желает какого-то «кофе»!

— Что? — хором воскликнули Симна и Станаджер.

— Он сказал, что любит кофе. Только не очень горячий. Чуть-чуть тепловатый. И с сахаром. Сахара чем больше, тем лучше... Но что такое этот самый «кофе»?

Станаджер и Симна на мгновение онемели. Первой дар речи обрела Станаджер.

— Что за глупые шутки, пастух? По-моему, сейчас не время шутить.

— Это первый Кракен, с которым я познакомился, но смею заверить, что животные вполне способны шутить. На мелководье неподалеку от нашей деревни живет кальмар, который обладает неподражаемым чувством юмора. Однако Кракен не шутит. Он хочет кофе. Должен признаться, что это требование ставит меня в тупик. Что значит «кофе»? Я так понял, что это какая-то пища, но какая именно, я не знаю.

Пока Симна пытался объяснить своему долговязому другу, что такое кофе и чем он отличается от чая, Станаджер вызвала кока. На корабле был и кофе, и чай. Станаджер с легкостью согласилась пожертвовать всем кофейным запасом. Вот расстаться с сахаром, которого потребовался целый мешок, ей было гораздо труднее, но выбирать не приходилось.

— На корабле есть котел? — спросил Эхомба. — Можно использовать тот, в котором вываривают тюлений жир.

— «Грёмскеттер» не промысловое судно, — ответила Станаджер. — Кок возьмет самый большой котел для варки пива. — Она бросила взгляд на Кракена, по-прежнему плывущего возле левого борта. — Надеюсь, этого даже ему хватит.

Через некоторое время кофе был готов. Затем в котел высыпали сахар и хорошенько размешали. Когда Эхомба решил, что кофе остыл до приемлемой температуры, котел был торжественно вынесен на палубу.

Огромным щупальцем, способным в мгновение ока сломать грот-мачту, Кракен подцепил котел за дужку и, не пролив ни капли, перенес его через борт.

Все, кто был на палубе, бросились к поручням — поглазеть на необычное зрелище. Каждый думал, что чудовище просто поглотит котел вместе со всем содержимым, но нет. Кракен осторожно поднес котел к клюву и сделал совсем небольшой глоток. Потом он мощно и в то же время мягко вздохнул и, как показалось людям на «Грёмскеттере», чуть глубже погрузился в воду. Его щупальца медленно заколыхались.

— Что он говорит, братец? — спросил Симна, глядя на эту картину.

— Удивляется, почему ему приходится наслаждаться этим чудесным напитком в одиночку. Спрашивает, разве мы не желаем присоединиться к нему?

Станаджер рассеянно ответила:

— У нас больше нет кофе. Мы весь ухнули в котел.

— Приготовьте чай! — воскликнул Эхомба. — Я сам выпью чашку. Сейчас как раз самое время.

— Эй, капитан, и меня не забудьте! — вставил Симна. — Я тоже люблю чаек.

— Наконец-то вспомнил, что я — хозяин на корабле, — недовольно буркнула Станаджер, — а не служанка.

Она вновь подозвала кока и приказала готовить чай.

Скоро Этиоль Эхомба и Симна ибн Синд, усевшись на поручни, не спеша распивали чай. Этиоль с Кракеном вели непринужденную беседу о погоде, о направлении ветров, о приливах и местных течениях, о природе, о вкусе поставляемой морем пищи и о тех, кому не сидится дома и кто отправляется за океан в поисках чего-нибудь необычного.

Во время беседы Кракен то и дело менял цвет кожи и узор на ней. Каждую перемену матросы встречали громом аплодисментов. Все страхи перед чудовищем были забыты.

Станаджер с кружкой в руке подошла к Эхомбе и попросила:

— Узнай у него, каким образом он, житель океана, познакомился с кофе?

Пастух энергично заработал пальцами и тут же получил ответ.

— Однажды ночью, — объяснил Эхомба, — Кракен поднялся на поверхность моря и там заснул. И на него налетело торговое судно. Спросонья, не разобравшись, он набросился на него. Это был добротный купеческий корабль, под завязку загруженный всеми товарами, которым славится Абокуа. Среди груза был и кофе. Его аромат, как говорит Кракен, был просто волшебным. На корабле нашелся человек, который, как и я, владел языком жестов, известным в море всем, у кого есть руки, когти, щупальца. Пытаясь умилостивить Кракена, моряки выставили на палубу все товары, которые имелись на борту. Некоторые из подношений Кракен принял, например, пару живых волов, но ничто не смогло убедить его отказаться от намерения потопить судно, пока на палубу не вышел моряк с чашкой кофе для капитана. В результате и люди остались целы, и корабль продолжил путь. — Эхомба допил свою кружку. — Кракен продержал судно в своих объятиях до тех пор, пока не кончился запас зерен. Только тогда он успокоился и, сохраняя во рту вкус чудесного напитка, разжал щупальца. С тех пор, когда в этих водах появляется корабль, он поднимается на поверхность в надежде еще раз отведать ароматного темного напитка. Но до сегодняшнего дня ему не везло.

Станаджер понимающе кивнула.

— Во всех странах, где мне пришлось побывать, самые ходовые товары — чай и вино. Кофе везде редкость, это — роскошь... — Она скривилась, потом добавила: — ...которой мы обязаны еще одной остановкой на пути через Семордрию.

— Лучше закончить путешествие, утолив его жажду, чем погибнуть, утоляя свою. Излишняя торопливость до добра не доводит, — предостерег Эхомба.

— Согласна, но я знавала и таких любителей кофе, которые просто не в состоянии остановиться. Для них это не способ взбодриться, а болезненное пристрастие. — Она взглянула в сторону Кракена, который вливал в клюв остатки кофе. — Кто поручится, что он не относится к их числу? — Помолчав, она, словно вспомнив о чем-то, добавила: — Надеюсь, он не потребует кого-нибудь на закуску. Я дорожу своими матросами и никому из них не желаю такой судьбы.

— Кракен приходил в ярость, только когда корабли сами налетали на него, — постарался успокоить ее Этиоль. — К нам это не относится. — Эхомба быстро задвигал

пальцами, потом радостно воскликнул: — Наоборот, он говорит, что лучшего кофе еще не пробовал.

Словно в подтверждение его слов, тяжелое щупальце перенесло через фальшборт пустой котел и осторожно поставило его на палубу. Вернув котел, Кракен медленно развернулся — легкая волна качнула корабль — и не спеша поплыл прочь. Его щупальца, поднятые над поверхностью, зашевелились, и Этиоль перевел:

— Он благодарит нас и считает друзьями. Мы можем продолжать путь.

Станаджер коротко кивнула и тут же принялась отдавать распоряжения. Впрочем, возможность продолжать путешествие только в малой степени смягчила недовольство капитана. Она продолжала ворчать:

— Сколько же времени мы потеряли из-за ветров, которые ты освободил из бутыли, сколько дней проторчали в этой проклятой долине! Даже если ветер будет попутный, придется сократить рацион. Если же нет, не представляю, как с таким скудным запасом воды и продуктов мы дотянем до цели.

— А что, если возместить потерю времени скоростью? — спросил Эхомба и, повернувшись в сторону моря, принялся энергично жестикулировать вслед удалявшемуся Кракену.

Симна решил, что его друг бросил своему экзотическому приятелю последнее «прощай», но ошибся.

И очень сильно!

Кракен развернулся и, подплыв к кораблю, обхватил его всеми десятью щупальцами. Перепуганные моряки, работавшие на мачтах, начали торопливо спускаться на палубу.

Ошеломленная Станаджер набросилась на Эхомбу:

— В чем дело? Что происходит? Он решил нас утопить?

— Что происходит? — Этиоль оставался спокоен, как небеса. — Ничего страшного, капитан. Ты же сама говорила, что мы потеряли слишком много времени! Я объяснил это нашему новому другу и попросил помочь нам.

Станаджер подошла к бушприту и глянула вниз. У основания мантии Кракена она различила трубу бледно-желтого цвета. Она медленно пульсировала, словно гигантский кальмар к чему-то готовился. Станаджер Роуз не раз находила подобный нарост в тушках кальмаров, но никогда не интересовалась, для чего он предназначен. Теперь ей предстояло это узнать.

— Хватайся за что-нибудь и держись крепче! — предупредил ее Эхомба. Сам он изо всех сил вцепился в поручни. — И прикажи всем матросам, пусть тоже держатся крепче. — Заметив, что рулевая по-прежнему стоит у штурвала, он громко крикнул ей: — И ты, Пригет!

— Погоди! — Станаджер положила ладонь ему на руку. — Если Пригет бросит штурвал, кто будет управлять кораблем?

Эхомба кивком указал на Кракена.

— Я уже объяснил нашему другу, в каком направлении двигаться. Понимаешь, капитан, во время плавания я внимательно наблюдал за тобой и, как видишь, многому научился. Я от природы очень быстро учусь, особенно если меня что-то интересует — например, искусство управления кораблем. — Он глянул вниз и обнаружил, что цилиндрическая бледно-желтая труба медленно сжалась. — Ну, держись!

— И что бу... — начала Станаджер, и в это мгновение корабль рванулся вперед. Раз за разом выбрасывая струю воды из движителя, расположенного в задней части тела, гигантский кальмар помчался на запад, а вместе с ним летел «Грёмскеттер».

Ни Станаджер, ни ее матросам не был известен термин «реактивный двигатель». Видеть-то его они, разделывая кальмаров, видели, но никому и в голову не приходило, что с помощью этого органа можно с необыкновенной скоростью преодолевать морское пространство.

Когда ритм установился, корабль стало меньше трясти, Станаджер погнала людей зарифить паруса, тормозившие движение, а также спустить флаги и вымпелы.

Сколько времени помог отыграть им Кракен, она точно сказать не могла, но, когда безумная гонка окончилась и уставший Кракен отпустил корабль, вид у капитана был довольный. Потом чудовище, переливаясь всеми цветами радуги, махнуло на прощание щупальцами и погрузилось в океанскую пучину, откуда вызвал его король крабов.

Экипаж «Грёмскеттера» извлек уроки из этого приключения. Вот они: во-первых, не дергай зря пальцами, если увидел Кракена, а во-вторых, путешествуя по океану, всегда держи при себе запас кофе.

VI

Земля безликих людей

Люди всегда воюют с соседями. Насколько часто и насколько серьезно — это вопрос субъективный. На островах Тило все начиналось иначе. Говорят, что первым переселенцам, наоборот, пришлось объединить усилия. Конечно, не

обходилось без мелких, свойственных человеческой натуре скандалов и споров, но все они решались с достойным одобрения благоразумием. Действуя сообща, переселенцы в скором времени истребили всех хищников, обитавших на островах архипелага, особенно на Большом Тило и Хукке.

Потом на всех шести островах, где нашлись пригодные для обработки земли, появились фермы, деревни, а за ними — и города. Рыбаки на все более крепких судах все дальше и дальше уходили в море, самые энергичные начали заселять разбросанные там и тут мелкие островки, больше напоминавшие скалы, торчащие из воды. На них нельзя было устроить ферму, но можно было разбить небольшой сад. Землю переселенцы неутомимо, лодка за лодкой, возили с крупных островов Большой Тило, Хукк и Джайр. Кроме того, на скалах было полно птичьих яиц.

Поселенцы на Тило процветали. Острова были расположены так далеко в море, что ни пираты, ни другие охотники до чужого добра ни разу не смогли до них добраться. Климат здесь был благоприятный, суровая зима или дождливое лето случались редко. Почва на островах оказалась неожиданно плодородной, и поселенцы собирали обильные урожаи. В качестве удобрения они использовали гуано. Кое-где на архипелаге находили даже помет драконов, а это, как известно любому фермеру, лучшее удобрение.

Сейчас уже никто не может сказать, когда и с чего начались разногласия. История, как известно, складывается из личных воспоминаний, а те часто бывают искажены. Одни утверждают, будто все началось с того, что какой-то негодяй с Большого Тило увел жену у некоего поселянина с Джайра. Другие говорят, что трещина между островитянами пробежала после мошенничества с грузом картофеля, доставленного с Басуита (картофель был главным продуктом питания на островах). Третьи доказывают, что во всем виноват тот день, когда жители одной деревни на Среднем Тило обвинили старуху по имени Гранни Скорк в колдовстве.

Разлад среди поселенцев усиливался, и скоро расхождения во взглядах переросли в вооруженные стычки. Между островами, а временами и между отдельными деревнями и поселениями то и дело возникали союзы, которые очень быстро распадались. Потом начались крупномасштабные боевые действия. Враждующие стороны захватывали или сжигали урожай, крали и резали рыболовные сети, а женщин, к которым прежде на островах относились с большим почтением, теперь считали военной добычей. Сажать семена и ухаживать за посевами стало некогда, люди нищали.

В то время (никто, правда, не может назвать день, когда это случилось) Гранни Скорк, сытая по горло тяготами жизни, призналась кому-то, что она и в самом деле ведьма. Потом, как водится, об этом узнали все. Правда, эта весть мало кого заинтересовала: люди, более занятые убийствами и грабежами, не придали этому значения.

А зря, потому что Гранни Скорк решила вмешаться в ход событий с помощью своего специфического искусства. Вглядываясь в окружавшие лица, искаженные ненавистью, страхом и подозрительностью, она пришла к простому решению. Она лишила своих соотечественников лиц. Не имея возможности сузить глаза, раздувать от гнева ноздри или презрительно кривить губы, жители архипелага Тило не смогут спровоцировать такую же ответную реакцию у соседей. Им больше не удастся метнуть в неприятеля взгляд, полный зависти, ненависти, отвращения или презрения.

Конечно, отсутствие лиц также исключает возможность выразить любовь, нежность и даже самую обычную заинтересованность, но уж такова цена мира. За все надо платить. В противном случае положение грозило стать просто катастрофическим.

Сначала людей охватила паника. Однако со временем, когда они попривыкли, а смута и впрямь начала стихать, островитяне осознали, что теперь можно жить и трудиться как в старые добрые времена, и были этому рады. Несмотря на отсутствие лиц, они обнаружили, что сохранили возможность делиться с окружающими своими чувствами и мыслями. Островитяне не утратили возможности питаться: еда отправлялась в желудок через узкие невыразительные щели в нижней части того, что когда-то было лицом. Звуки они воспринимали с помощью едва заметных маленьких пятнышек, расположенных по бокам головы, а посредством двух других пятнышек в центре невыразительного овала они могли улавливать запахи. Чуть выше них были едва различимые отметины, которые служили органом зрения. Все органы чувств были абсолютно одинаковы у всех тилойцев и становились видны, только когда в них возникала потребность.

Гранни Скорк пользовалась всеобщим уважением и считала его признаком поддержки ее начинаниям. Саму ее утрата лица совсем не беспокоила. Собственная физиономия ей никогда не нравилась, да и заботиться о ней она перестала по меньшей мере лет сорок назад. На все вопросы по поводу лица она уверенно заявляла, что была только рада избавиться от этой дьявольской штуки.

Многие островитяне к собственному удивлению обнаружили, что полностью согласны со старухой. Одним из неожиданных последствий потери лица (по крайней мере так говорят) явилось исчезновение среди поселян зависти. Ни о ком теперь нельзя было сказать, красив ли он или (что более важно) уродлив. Все обладали одинаковыми плоскими овалами, и людей стали ценить за другие качества. Доброта, ум, чувство юмора, профессиональное мастерство заменили красоту. О ней уже и не вспоминали, когда говорили о достоинствах человека. Вместе с раздорами постепенно исчезли и те, кто бездумно стремился к власти или жаждал славы. К людям вернулись их прежние добродетели: рассудительность, добросердечие и трудолюбие.

Лишившись собственных лиц, островитяне на этом не остановились. Были назначены специальные чиновники, в чьи обязанности входило следить за всеми постройками на архипелаге, чтобы, не дай бог, в их архитектурном облике не появилось что-то напоминающее лицо. Все произведения искусства, от скульптур до декоративных орнаментов, необходимо было привести в соответствие с новыми требованиями. Те же, которые не поддавались изменениям, ради сохранения мира было решено уничтожить. Правда, одна небольшая сложность все-таки оставалась.

Что делать с удаленными лицами?

Беда в том, что полностью уничтожить человеческие лица Гранни Скорк оказалась не в состоянии. На это ее магического искусства не хватало. Лишенные хозяев глаза, носы, уши, губы кружили над островами, подобно бабочкам, и были вполне осязаемы. Они трепыхались в воздухе, безуспешно пытаясь отыскать местечко, где можно было бы отдохнуть. После смерти Гранни новые поколения безликих людей без конца спорили, как быть со стаями этих потерявших хозяев предметов. Островитянам, с одной стороны, не хотелось, чтобы эти остатки индивидуальности угрожали спокойствию, с другой — им было жалко навсегда утратить их.

Дебаты велись долгие, зато вполне дружественные. В конце концов части лиц решено было изолировать. Рыбакам велели приготовить самые мелкие сети. В церемонии прощания с прошлым должны были принять участие все жители архипелага без исключения. Они заранее разбились на отдельные группы, и каждая должна была отлавливать только свою добычу.

Когда все приготовления были закончены, началась охота за частями тела, так бессовестно напоминавшими людям о прошлом. Тилойцы загнали бесхозные носы, гла-

за, уши, рты в одну кучу и набросили на них сеть. Для добычи в горной части Большого Тило было заранее построено небольшое, но вместительное хранилище, куда их и отправили. Все были довольны.

Поколение сменялось поколением; со смертью человека исчезали и его лицевые принадлежности. Неотъемлемой частью ритуала, сопутствующего рождению каждого ребенка на острове, являлась торжественная отправка его губок, маленького носика, едва открывшихся глазок и мягких ушек в хранилище. Каждый год в ознаменование памятной даты проводился праздник, который заканчивался тем, что в хранилище торжественно приносили еду и питье.

Когда на остров заносило случайных гостей на утлых суденышках, их немедленно изолировали, чтобы они не нарушили безличие, делавшее жизнь островитян столь спокойной и мирной. Потом гостей лишали лиц, а принадлежавшие им детали внешности помещали в хранилище. После недолгого периода тоски и отчаяния (который обычно происходил беззвучно, так как ртов у них уже не было) вновь прибывшие приспосабливались к новым условиям.

И вот в один прекрасный день у берегов архипелага появился огромный корабль, совсем не похожий на те, что обычно заносили сюда ветра. И в отличие от других он не стал приставать к берегу, а бросил якорь в проливе между Большим Тило и Хукком. Местные жители, которые полагали, что мореплаватели, как обычно, отправятся на берег, чтобы пополнить запасы воды и пищи, были озадачены, когда этого не произошло. Тогда тилойцы нагрузили свои лодчонки фруктами, орехами, сушеной рыбой, вяленым мясом и повезли всю эту снедь на корабль.

Путешественники не смогли сдержать отвращения при виде людей без лиц. Однако когда безликие люди поднялись на борт и объявили, что готовы снабдить моряков всем необходимым, отвращение сменилось чувством естественной благодарности. Островитяне не лицемерили: они и в самом деле охотно делились своим добром с выходцами из внешнего мира. Это была обычная форма приветствия, предшествующая предложению присоединиться к тем, кто процветает на благословенных островах.

Лелея свои тайные замыслы, островитяне восхищались кораблем, его конструкцией и внешним видом. Матросы казались им опытными моряками, на островах им нашлось бы много работы. Только было странно, что корабль при-

был не с запада, откуда обычно заплывали на Тило случайные суда, а из восточных земель, находившихся очень далеко от архипелага. Значит, кораблю удалось пересечь Семордрию.

Впрочем, это было не важно. Моряки обещали стать хорошими и полезными гражданами. На островах был объявлен праздник в честь прибытия гостей. Торжество должно было состояться на корабле. Согласие капитана было получено, и команда с энтузиазмом встретила это известие. Корабль встал на якорь в проливе между двумя островами; здесь было тихо и безопасно. Казалось, ничто не могло помешать намеченному торжеству.

Островитяне приготовили еду, напитки и развлекательную программу. Веселье их было так заразительно, что экипаж невольно присоединился к нему. А что такого? Тилойцы были искренни, они буквально светились радостью и уважением к тем, чья свежая кровь и энергия скоро обогатит население архипелага. Только Алита, безразличный к человеческим чувствам, старался не появляться на главной палубе; он отыскал тихое местечко, где никто его бы не потревожил, и там подремывал.

Убаюканные морем открытого и искреннего веселья, моряки расслабились, чего никто из них с того самого момента, как корабль оставил родные берега, себе не позволял. Верхняя палуба, освещенная масляными лампами, подвешенными на снастях, превратилась в уголок рая. Праздник омрачала только неспособность островитян хохотать вместе со своими новыми друзьями — для этого необходимы настоящие губы и рот.

Впрочем, тилойцы нашли другие способы делиться весельем с подвыпившими моряками. Помимо всего прочего, островитяне были непревзойденными танцорами. Когда несколько особенно привлекательных мужчин и женщин, прибывших на корабль для участия в празднике, принялись освобождаться от пышных одежд, многие матросы с охотой присоединились к ним в этом занятии.

Вечеринка продолжалась, и к утру почти все ее участники едва держались на ногах, а многие уже просто валялись без чувств. Островитяне ели и пили то же самое, что и гости, поэтому моряки не могли заподозрить, что в пищу было подмешано сонное зелье.

Когда все уснули — гораздо крепче, чем спят даже очень пьяные люди, — небольшая флотилия рыбацких лодок окружила корабль. Местных жителей отнесли в их жилища, чтобы они отдохнули и оправились от действия зелья, а членов экипажа усердные, добрые руки с особой бережно-

стью одного за другим связали, осторожно погрузили в рыбачьи лодки, а потом отвезли на повозках в хранилище. Там их с любовью уложили в кровати, застеленные чистым бельем; мужчин отдельно от женщин. Затем туда явились жрецы и совершили чудо, в результате которого буйные, переполненные примитивными чувствами, такими как гнев, зависть, подозрительность, моряки должны были стать безмятежными и милосердными обитателями Тило.

Когда жрецы сделали свое дело, их сменили сознающие всю ответственность этой минуты обычные островитяне, которые захватили с собой веревки и мягкие кожаные наручники. Среди них было много рыбаков, лучше других умеющих крепко вязать узлы.

Одного за другим чужаков привязали к кроватям. Нет, никто из островитян не считал своих будущих соседей заключенными, все делалось для их же блага. Опыт показывал, что лишенные лиц путешественники редко с радостью принимали это безболезненное излечение от пороков — первое время они продолжали буйствовать, гневаться, биться в отчаянии. Порой могли ранить себя, а то и кого-нибудь из островитян. Вот почему вновь обращенных приходилось обездвиживать, пока каждый из них сам, собственным разумом не осознает и не примет неизбежность новой жизни.

За процессом потери лицами индивидуальности наблюдали особые помощники. Первыми отделялись уши, за ними — нос, а там уж — и все остальное. Эти органы, отделяясь от спящих хозяев, мотыльками взмывали под потолок. Их тут же отлавливали, делили по принадлежности и отправляли в особую камеру.

Смятение наполнило хранилище, когда чужаки проснулись и начали понимать, где они находятся и что случилось с их лицами. Тут же к ним бросились великодушные помощники, стараясь успокоить. При этом островитяне пользовались нежными, утешающими звуками — на более членораздельное изъявление любви и сострадания они не были способны. Все понимали: на то, чтобы справиться с потрясением и принять новое, морякам потребуется несколько дней.

Ужас, охвативший чужаков, проявлялся только в движениях. Новые безликие пытались кричать, но из-за отсутствия губ и ртов издавали только жалобные бессмысленные звуки. Они пытались плакать; это было невозможно, учитывая отсутствие глаз. Им еще предстояло выучить местный язык, представлявший собой совокупность коротких восклицаний

и выразительных жестов, а до тех пор они не могли общаться ни друг с другом, ни со своими благодетелями.

Самого огромного среди них, напоминавшего скорее зверя, а не человека, пришлось приковывать тяжелыми цепями. Кровать, на которой он принял посвящение, была огромных размеров; она сотрясалась и подпрыгивала, когда дикарь пытался освободиться. Собственно, освободиться пытались все, но никому это не удавалось. Некоторые никак не хотели примириться с неизбежным и продолжали буянить почти до самого вечера.

Только к ночи они успокоились и поняли бессмысленность борьбы. Стражей у входа в хранилище сменили, и новые островитяне заняли места первых благожелателей. Первых помощников сменили другие островитяне. Они успокаивающе нашептывали связанным гостям, что никому не дано ежедневно лицезреть свое лицо, что следует наконец понять: прежде их души были отягощены ненужными, а то и просто вредными страстями, что утрата так называемых черт лица не лишает человека личности.

Темень в хранилище стояла кромешная. С тех пор как вновь прибывшие моряки начали осознавать положение, в котором они очутились, в освещении уже не было необходимости. Для постижения истины свет не нужен.

Тилойцы не жалея сил помогали своим новым согражданам. Моряки были крепкими, энергичными ребятами, а островитяне нуждались в притоке свежей крови. Уже на следующий день на всех островах выбрали юношей и девушек брачного возраста, чтобы каждый присмотрел себе среди новообращенных достойную пару. Корабль тем временем отвели в одну из тихих маленьких бухт и поставили там на якорь.

Только островитяне, когда перевозили команду на берег, кое-чего не доглядели. Существо, которое нельзя было причислить к роду человеческому, осталось в трюме корабля. Во время праздника оно пряталось на нижних палубах, отыскав место, где его никто бы не потревожил.

Нельзя сказать, что тилойцы его не заметили. Утром, обыскивая корабль, они наткнулись на него, но, поскольку человеком оно не являлось, на это существо никто не обратил внимания.

Выспавшись, исполинский кот выбрался на верхнюю палубу и замер в недоумении. Целый день здесь царило безумие, называемое людьми «праздником»; теперь оно, по-видимому, закончилось. Но следы разгульного веселья, организованного безликими островитянами, были повсюду. Алита нахмурился. Он не мог понять, как капитан Станаджер могла стерпеть такой беспорядок.

Левгеп прошел по всему кораблю, заглянул в каюты офицеров, в матросский кубрик... Его недоумение возросло еще больше: нигде не было ни души! Он встал лапами на фальшборт, пригляделся к огням на берегу и пришел к выводу, что жизнь, исчезнув с корабля, странным образом переместилась на ближайший остров. Ему стало ясно: что-то случилось! Коту в общем-то не было дела до этого дурно пахнущего и дурно питающегося человеческого сброда; но ему было неприятно сознавать, что исчез человек, которому он до сих пор не сумел вернуть долг. Кроме того, левгеп не мог управлять кораблем.

Правда — видимо, в качестве компенсации — он был наделен не только огромной физической силой, но и способностью ощущать окружающее — причем так глубоко, что человеку стало бы стыдно. Итак, левгеп мощным прыжком перемахнул через фальшборт, упал в воду, подняв фонтан брызг, и поплыл в сторону берега.

У безлюдного пляжа, расположенного южнее селения, Алита выбрался на берег и несколько раз встряхнулся. Он подавил в себе желание отдохнуть и подсохнуть, но не смог устоять перед искушением вылизать густую гриву. Потом он направился на север. Алита бежал по пляжу, приглядываясь и прислушиваясь. Когда ему попадался человеческий след, он останавливался, тщательно принюхивался и, только убедившись, что запах ему не знаком, продолжал путь.

Наконец он выскочил на дорогу и сразу уловил множество знакомых запахов. Ясно было, что они должны привести туда, где были спрятаны его друзья, увезенные с корабля. Но нигде левгеп не заметил и не ощутил никаких признаков борьбы, никаких следов сопротивления. Это было более чем странно, так как он знал: Станаджер ни за что не оставила бы корабль по своей воле.

Неожиданно послышались человеческие голоса, и левгеп поспешно нырнул за одну из вытащенных на берег лодок. Мимо прошли двое — такие же безликие, как и те, кто вчера был на корабле. Алита мог быстро и бесшумно убить их, но недоумение, вызванное отсутствием следов борьбы, сделало его осторожным. Он не знал, чем безликие воздействовали на его товарищей, поэтому решил не делать ничего, что могло встревожить и насторожить островитян. Когда прохожие скрылись вдали, Алита двинулся в глубь острова.

Идя по запаху, левгеп вскоре добрался до холма, на котором одиноко стояло большое каменное сооружение. Левгеп обежал холм по кругу и, не обнаружив никаких

следов, пришел к выводу, что его товарищи находятся в здании.

У входа стояли два местных жителя — скорее всего стража. Они беззаботно болтали. Стражами их называли по традиции, никакой необходимости сторожить здание не было. Их долг заключался в том, чтобы вовремя прийти на помощь связанным и успокоить самых буйных, тех, кто до сих пор не смирился.

Этих Алита убил. Не потому, что в этом была необходимость или в нем вдруг проснулась жажда крови; просто это был самый простой путь к цели. Потом левгеп бесшумно вошел в незапертые двери и оказался в темном коридоре. Человек растерялся бы, но гигантскому коту темнота не была помехой.

Он быстро нашел помещение, где были его товарищи. Их могли лишить лиц, но никто на свете не в силах отнять у людей запах. Постоянно прислушиваясь, не приближаются ли островитяне, Алита с помощью клыков и когтей освободил моряков от веревок и кожаных наручников.

Свобода едва ли принесла много радости мужчинам и женщинам, утратившим свои лица. Но один из них, самый высокий и самый проницательный, не растерялся. Ухватившись за гриву левгепа, он повел огромного зверя в глубину сооружения.

Повернув в последний раз, они столкнулись с почтенным пожилым мужчиной. Под безликим лицом у него была длинная седая борода. Он сидел на полу, скрестив ноги, но, почувствовав чужаков, успел подняться и взмахнуть церемониальным копьем, которое держал в руке, — однако прежде чем метнуть его или поднять тревогу, пал под ударом могучей лапы.

Из-за обитой войлоком двери доносилось жужжание, напоминающее осиное. Высокий безликий человек шагнул к двери, ощупал ее и наткнулся на два засова, скрепленные большим висячим замком.

Исполинский кот отошел в конец коридора и, взревев так, что со стен посыпалась пыль, бросился вперед. От удара его тяжелого тела дверь слетела с петель.

За ней оказалась большая комната со сводчатым потолком. Жужжа словно миллионы ос, глаза, уши, носы и губы ринулись в открытый проем, но шесть из них задержались и, отделившись от общей массы, медленно приблизились к высокому человеку. На миг они замерли, словно в размышлении, а потом опустились ему на лицо. Первыми встали на место и открылись глаза. За ними последовал рот, потом — ноздри и уши, после чего лицо вновь обрело свою индивидуальность.

Черты лица плотным роем устремились в помещение с моряками — искать хозяев. Неудивительно, что в этой сумятице то и дело случались недоразумения. Например, два носа попытались усесться на одно и то же лицо, а две ушные раковины ухитрились прирасти к одному и тому же месту. Но скоро все утряслось, и носы, глаза, губы и уши, словно потерявшиеся щенята, нашли своих хозяев.

Обретя лица, члены экипажа поклялись лучше погибнуть, чем позволить островитянам вновь подвергнуть их разрушающему насилию. Вооружившись камнями и палками, они двинулись в путь, придерживаясь дороги, которая вела к берегу и рыбачьим лодкам.

Впрочем, островитянам теперь было не до беглецов: им пришлось вступить в битву с освобожденными чертами лица. Поднабравшись опыта, те с удвоенным рвением набросились на людей, пытаясь отыскать свои лица.

Сначала тилойцы кинулись наутек: большинство из них никогда не видели таких предметов и не могли понять, что это за напасть обрушилась на них. Жители запирались в домах, яростно отбиваясь от собственных глаз и ушей. С рождения лишенные индивидуальных черт, островитяне не знали, что делать с этим обезумевшим ульем. Те, кому не удалось отбиться от ушей, впадали в полубессознательное, граничащее с безумием состояние: они были ошеломлены богатством и мощью обрушившихся звуков. Те, к кому вернулись глаза, изо всех сил зажмуривались, не желая расставаться с привычной полуслепотой. От нахлынувших ароматов островитяне испытывали не радость, а тошноту. Из вновь прорезавшихся ртов вылетало бессмысленное, жуткое мычание. Скоро эти страшные звуки заполнили весь остров, а затем, по мере того как освободившиеся черты лица добирались до своих хозяев, живших на других островах, и весь архипелаг.

Непостепенно безликая толпа под руководством жрецов с помощью сетей и дубин начала брать ситуацию под контроль. Глаза, уши, рты и носы, отчаянно трепеща, нелепыми мотыльками порхали над землей; их окружали, сгоняли в кучу, ловили и отправляли в хранилище. Все это смахивало на какой-то безумный карнавал. Здесь вполне можно было увидеть одноглазого человека с двумя ртами или человека с одними ушами, отвивающегося от остальных деталей внешности. Частенько бывало, что органы чувств ошибались, и морякам пришлось пережить немало неприятных минут, натыкаясь на мужчин и женщин, у которых вместо ушей были глаза, а вместо глаз — ноздри.

Впрочем, именно паника, охватившая острова, позволила морякам без помех добраться до лодок и переправиться на свой корабль. Станаджер тут же приказала сниматься с якоря, несмотря на то что идти ночью узким проливом было опасно. Экипаж разделял ее чувства: никому и в голову не пришло попросить капитана дождаться утра. Одни матросы принялись рубить канаты, которыми «Грёмскеттер» был притянут к берегу, другие торопливо спустили шлюпки и налегли на весла, чтобы побыстрее отбуксировать корабль прочь от этой гостеприимной, насквозь пропитанной добросердечием проклятой земли.

Только когда корабль удалился на значительное расстояние от архипелага и его чокнутых обитателей, моряки начали разбираться с тем, что они обрели во тьме хранилища. Оказалось, что кое у кого поменялся цвет глаз, а губы почему-то разместились на щеках. Но эти ошибки были осознаны и исправлены, и к каждому окончательно вернулась его собственная внешность. А если кто-то и придерживался иного мнения на этот счет, то к утру уже ничего изменить было нельзя, и недовольные предпочли помалкивать. Кто-то из моряков следующим образом выразился по этому поводу: лучше иметь некрасивый нос, чем не иметь его вовсе.

Было выдвинуто предложение наградить или каким-то образом оказать соответствующие почести полинскому коту за освобождение экипажа, но тот решительно воспротивился любым изъявлениям человечьей благодарности. Такие фривольности совершенно неуместны, заявил Алита, в отношении столь благородных созданий, как он. Кроме того, добавил кот, по своей природе он и так является редчайшим феноменом, поэтому вертлявым, обожающим перед кем-то преклоняться людишкам нет нужды ему об этом напоминать.

Тем не менее несколько храбрых моряков рискнули погладить задремавшего Алиту; потом им пришлось скорее уносить ноги. Впрочем, после недолгого размышления левгеп отказался от мысли хорошенько проучить нахалов; более того, как ни странно, с этого момента кот стал более терпимо относиться к похвалам и ласковым поглаживаниям, которыми донимали его на корабле. А однажды, когда самый высокий из их дружной четверки принялся расчесывать ему гриву, кот неожиданно издал громоподобное мурлыканье.

И все равно, страшась панибратства, левгеп забирался на самые нижние палубы, где отыскивал самые укромные уголки. На квартердеке он теперь появлялся нечасто — только чтобы поесть и совершить обязательную для кошек прогулку на свежем воздухе.

VII

Неудивительно, что после ужасов последней недели моряки испытали радость и облегчение при виде безбрежного спокойного моря. Океанская гладь не грозила им каким-либо подвохом. Кроме стай молодых лососей и белых морских драконов, однажды утром величаво пролетевших над кораблем, ничто не нарушало безмолвия вод. Жизнь на корабле вошла в прежнее русло и стала такой, какой была в первые дни после отплытия из дельты Ейнхарроука. Даже сдержанная Станаджер Роуз не скрывала удовлетворения и частенько вслух выражала надежду, что никаких непредусмотренных задержек больше не будет.

Увы, она снова обманулась.

Морякам, как, впрочем, и многим фермерам, известно, что на свете существует множество разновидностей тумана. Есть туман, который в отсутствие ветра исподволь подкрадывается к кораблю, а потом начинает поглощать его, пока не сгущается до такой степени, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Другие наваливаются густой рваной массой, напоминающей клочья ваты, выдранные из какого-то огромного матраса. Встречаются туманы, которые рождаются в небесах и оттуда спускаются на корабль, укрывая его, будто сырым полотенцем. А бывает так, что туманы, как говорится, стеной кочуют по океанским отмелям; они больше похожи на темно-серую стену, чем на обычный туман. И каждая разновидность, как порода собак, имеет свой характер, свои индивидуальные и неповторимые привычки.

Сначала туман заявил о себе белесой дорожкой над водой, протянувшейся с запада. Потом он начал густеть, и наконец плотное, серовато-белесое, пропитанное сыростью облачко возникло возле форштевня и проплыло вдоль правого борта. Матросы удостоили его лишь мимолетным взглядом, но утром обнаружилось, что клочья тумана уже со всех сторон окружают корабль. Вахтенные, посовещавшись, доложили капитану. Потом прямо по курсу обозначилась полоса сплошного тумана. Станаджер Роуз велела Териусу послать матросов на мачты и зарифить половину парусов: в условиях плохой видимости всегда лучше сбавить ход.

Почувствовав, что корабль замедлил движение, пассажиры вышли на палубу. И оказались в сырой непрозрачной серости.

Эхомба, поглядев на мачты, глубокомысленно заметил:

— Убрали паруса...

— А как же, — откликнулась Станаджер Роуз, стоявшая на возвышении у штурвала, куда поднялись пассажиры. Она наблюдала за матросами, не обращая особого внимания на Этиоля и его друзей. — Или вы хотите врезаться во что-нибудь невидимое? — Она холодно усмехнулась. — Не беспокойтесь. Либо туман вскоре рассеется, либо мы минуем его. Обычное дело на море.

— Во что здесь можно врезаться? — спросил Симна, вглядываясь в серую завесу. — В другой корабль?

— В здешних водах это почти невероятно, — ответила Станаджер. — Куда опаснее обычное бревно. Впрочем, меня гораздо больше тревожит дрейфующая льдина. Нас отнесло далеко на север, а здесь риск встретиться с огромной, кочующей по морю ледяной горой выше, чем в южных широтах. Столкнуться с ней — все равно что удариться о скалу. Я не желаю оказаться в спасательной шлюпке и высадиться на необитаемом острове, который вскоре растает подо мной.

— Я бы очень хотел растаять под тобой, — вздохнул Симна.

— Что такое? — Станаджер метнула настороженный взгляд в его сторону.

Симна повернулся и, облокотившись о поручень, невинно добавил:

— Я сказал, что меня очень трогает твоя забота о пассажирах.

— Да? — Станаджер прищурилась, пытаясь различить, что делается на главной палубе, потом раздраженно воскликнула: — Ничего не разобрать! Пожалуй, нам лучше бросить якорь и подождать, пока туман рассеется.

Однако туман не желал рассеиваться. Наоборот, скоро уже в двух шагах ничего нельзя было разглядеть. Причем туман не становился плотнее, а каким-то странным образом темнел. Станаджер встревожилась не на шутку.

— Никогда не видела ничего похожего. В плотных туманах бывала, но в такой чернотище — ни разу. Не пойму, что это значит. Туман, даже самый густой, все равно серый, а не черный.

Симна вздрогнул, вспомнив, что приключилось с ними в море Абокуа.

— Эромакади!

— Что это? — спросила Станаджер.

Однако Эхомба не дал ему объяснить.

— Нет, Симна, это не то, чего ты испугался. — Пастух вытянул перед собой руку, покрутил ею в холод-

ном влажном месиве и добавил: — Не так плотен, чтобы в нем увязнуть. Эромакади его не назовешь... Смотрите, я его шевелю. — Он помахал рукой вверх-вниз. — Пожиратель света отреагировал бы как живое существо. Это и в самом деле морской туман, правда, такого я тоже ни разу не видел. — Этиоль посмотрел на Станаджер. Ее лицо было затуманено темной пеленой, а ведь она стояла всего в нескольких шагах. — Человеку, который бредет по деревне с лампой в руке, нечего беспокоиться о том, что он столкнется с плавающим бревном или горой льда. — Он улыбнулся. — Разве что можно наступить на спящую собаку.

— Тебе бы все шутки шутить, — мрачно откликнулась Станаджер. — Если туман станет еще гуще, матросы не смогут выполнять свои обязанности. — Она не могла видеть первого помощника, но знала, что он должен был быть где-то на палубе, и закричала: — Кемарх, прикажите зажечь все лампы и соблюдать величайшую осторожность!

— Есть, капитан! — донесся голос из темноты.

На снастях, на обеих мачтах и вдоль фальшборта зажглись фонари. Однако туман был настолько плотным, что фонари не могли осветить даже палубы, не говоря уже о поверхности моря.

— Это не поможет, — проворчала Станаджер. — Впередсмотрящие ничего не видят, а когда и увидят что-то, уже будет поздно. Надо убрать паруса, бросить якорь и ждать, пока туман не рассеется.

— Время дорого, — напомнил Эхомба.

— Точно. Но выбора нет. — Она посмотрела в его сторону. — Я не могу рисковать кораблем.

— А как ты думаешь, долго придется ждать? — спросил Симна.

— Кто знает. При таком густом тумане, может, и несколько дней.

— Мы не можем столько ждать, — тихо заметил Эхомба.

— Знаю. Надеюсь, твоим друзьям нравятся рыбные блюда, потому что если мы очень долго проторчим в этом облаке, нам придется есть одну рыбу.

Станаджер стала спускаться на палубу, чтобы сделать очередные указания.

— Подожди! — окликнул ее Эхомба.

Она повернулась.

— Чего мне ждать, пастух? Я уважаю тебя за то, что ты сделал для нас, но не пытайся вмешиваться в мои дела.

— Даже не думал. Просто мне кое-что пришло в голову... — Он повернулся к друзьям. — Симна, не принесешь ли меч из небесного металла?

— Эх, заперли бы меня на недельку в гареме паши Хар-Хаузена! — радостно воскликнул северянин. Он метнулся к трапу и проворно нырнул вниз, словно морской кот в свою нору.

Станаджер настороженно посмотрела на таинственного пассажира.

— Опять начнешь будить ветер? Подожди, я предупрежу команду, чтобы люди были готовы к твоим колдовским штучкам.

Эхомба тяжко вздохнул.

— Сколько раз я повторял, что никакого отношения к магии не имею! Я использую только то, что мудрые жители моей деревни дали мне в дорогу.

— Меня, Этиоль, интересует лишь результат, а не источник чудес.

— Никакого ветра не будет. — Он загадочно, как бы самому себе, улыбнулся, потом постарался объяснить: — Симна — хороший человек и отличный товарищ, но иногда у него действие опережает мысль. Клинок, выкованный из упавшего с неба металла, предназначен не для того, чтобы накликать в жару прохладный ветерок или наполнить паруса в штиль. Конечно, меч и на это способен, но беда в том, что им нелегко управлять. — Пастух кивком указал на небо. — Этот клинок может в одно мгновение утопить наш корабль — как, впрочем, и спасти его от гибели. В нем заключены все ветры, какие существуют на свете. Такой замечательный моряк, как ты, должен знать, что в самом море, как и на его поверхности, тоже гуляют ветры.

— Ветры в глубине моря? — Станаджер нахмурилась. — Ты имеешь в виду подводные течения?

— Я недостаточно опытен, чтобы правильно объяснить, но, мне кажется, я кое-что придумал и у меня должно получиться. — Он широко улыбнулся и голос его повеселел. — Я всю жизнь провел у воды. Для того чтобы узнать, какие чудеса таятся в океанской толще, не обязательно целыми днями просиживать в лодке. Даже просто прогуливаясь вдоль побережья, можно кое-что увидеть.

Вернулся Симна. Меч был обжигающе холодным, но он держал его крепко, обеими руками. Ему было страшно подумать, что будет, если он вдруг нечаянно уронит меч.

— Держи, брат! — Он отдал меч Этиолю. — Теперь, клянусь Геурласком, самое время вызвать ка-

кой-нибудь подходящий ветерок и разогнать эту хмарь. Очисти небо, Этиоль!

Глаза у него сияли.

— Не могу, — ответил Эхомба. — Слишком опасно. Корабль — это очень хрупкая вещь. Что нам сейчас нужно, так это осторожность, чтобы использовать это оружие, не навредив себе.

— Да поможет мне Годжом, но я ничего не понимаю, брат.

Эхомба крепко, обеими руками, взялся за рукоять, затем не спеша поднял меч острием вверх. Скоро лезвие окуталось голубоватым сиянием. Сначала оно было едва заметно, затем усилилось, приобрело лазурный оттенок и, наконец, стало темно-синим. Этот свет сразу рассеял туман — но только на расстоянии в несколько ярдов.

Симна, ожидавший увидеть что-то грандиозное, не скрывал разочарования. Что касается Станаджер, то она была благодарна и за такой скромный результат; по крайней мере теперь вахтенные и матросы на мачтах могли видеть своего капитана. Хункапа Аюб, сидевший на главной палубе, заметив голубоватое сияние, захлопал в ладоши.

— Свет! — объявил он тоном малого ребенка. — Красиво, очень красиво!

— Что ж, придется довольствоваться тем, что есть, — проворчал Симна. — Хотя с помощью этого маяка вряд ли нам удастся управлять судном.

— Конечно, нет, — откликнулся Эхомба. — У меня и в мыслях такого не было.

Осторожно, словно в руках у него был не меч, а котелок с кипящим маслом, пастух повернулся и медленно направился к борту, увлекая за собой голубое сияние.

В тумане прорезалась одна из веревочных лестниц, перекинутых через фальшборт. Эхомба взял меч в одну руку и, ухватившись за веревку, перебрался на лестницу. Это было трудное испытание, но он его выдержал.

Симна перегнулся через фальшборт и удивленно спросил:

— Эй, Этиоль, что ты задумал?

Пастух, сосредоточившись на том, чтобы не потерять контроль над мечом, не отвечал. Он спускался все ниже, и наконец сияние осветило черную воду у борта.

— Что там? — крикнула Станаджер. Ей было любопытно посмотреть, что творится внизу, но она не рискнула оставить свое место у штурвала.

— Не знаю! — ответил Симна, продолжая следить за другом. — Мне плохо видно, но, похоже, он спустился не для того, чтобы искупаться.

Эхомба почувствовал, что его ноги погрузились в теплую воду. Он на мгновение замер, свободной рукой покрепче ухватился за веревочную перекладину, перевернул меч острием вниз, вонзил его в море и принялся резать волны. Голубоватое свечение было отчетливо видно и под поверхностью моря.

Острейшее лезвие легко рассекало воду, но и океан, как почувствовал Эхомба, не бездействовал. Какая-то сила настойчиво пыталась вырвать меч из его руки. Стиснув зубы, пастух сопротивлялся ей, а голубоватое свечение тем временем проникало все глубже и глубже под воду.

Перегнувшись через фальшборт, Симна и Хункапа с тревогой следили за Этиолем. Северянин видел, каких усилий стоит Эхомбе одновременно держаться за лестницу и не выпускать из руки меч.

— Может, сменить тебя, братец? — предложил Симна.

Этиоль поднял лицо и с трудом выдавил улыбку, больше похожую на болезненную гримасу.

«Вот так же он будет улыбаться на смертном одре», — пронеслось в голове у Симны.

— Спасибо, дружище, все хорошо.

— Какое там хорошо! — воскликнул Симна. — Что ты пытаешься сделать?

— Осветить путь сквозь туман.

Этиолю было трудно смотреть вверх. Он опустил голову и вновь целиком сосредоточился на своем занятии.

— Глядите, глядите! Как красиво! — закричал Хункапа.

Симна посмотрел туда, куда он указывал.

Что-то пестрое, размером с самую маленькую шлюпку «Грёмскеттера», поднималось из океанских глубин, распространяя вокруг свечение, меняющее цвет от ярко-оранжевого до бледно-красного. Чем ближе к поверхности, тем отчетливее проявлялись очертания странного существа, и наконец стало ясно, что это рыба, только ничуть не похожая на тех, что живут у поверхности. Эхомба ни разу не видел таких ни на кухне, ни на рисунках.

Ее туловище, отливающее темным серебром, в длину достигало не меньше девяти футов. При этом оно было тонким, словно лента. Вдоль спинного хребта бежал длинный шипастый плавник, два тончайших плавника были и на груди; они плавно колыхались, на короткое время закрывая

глаза размером с суповую тарелку. Над головой рыбины выступали три длинных шипа, излучающих яркий желтый свет. Из узкой пасти торчали клыки, похожие на осколки стекла.

Вскоре обнаружилось, что рыба была не одна.

Привлеченные светом меча, все виды удивительных глубоководных тварей поднимались к поверхности. Они всплывали и парили в круге, образованном лазурным сиянием, будто мотыльки, привлеченные пламенем свечи в летний вечер.

Чем больше рыб поднималось со дна океана, тем светлее становилось вокруг корабля. На лицах матросов, собравшихся у левого борта, читалась странная смесь страха, ожидания чуда и детской радости.

Вот появились две рыбины, похожие на раздувшиеся черные пузыри — маленькие, раз в тридцать меньше той, которая поднялась первой. У каждой на голове был изогнутый отросток в виде крошечной удочки; кончик ее светился с удивительной яркостью. Глаза у этих рыб были такие маленькие, что их почти не было видно, зато в каждом пылали по сотне едва заметных светлячков.

Затем на поверхность поднялась стая, состоящая из тысяч мелких серебристых рыбок размером с большой палец, глаза которых светились мягким голубоватым светом.

Поднимались с глубин и гигантские медузы — таких крупных никто из матросов раньше не видывал. Их колышущиеся колоколообразные юбки мерцали голубыми, зелеными и желтыми огоньками. Глубоководные акулы плавно пошевеливали хвостами, украшенными горящими сапфировым светом дугами; быстрые зубастые рыбки метались из стороны в сторону, окутанные желтыми и зелеными ореолами.

Когда же все эти природные источники света окружили «Грёмскеттер», тьма на поверхности моря рассеялась окончательно. Миллионы и миллионы рыб, всех форм и расцветок, всплыли с глубин, а за ними появились и другие диковинные существа, обитающие в океане. Глаза у них были овальные, слегка выпуклые, жабры с золотистой каймой по краям нежно посвечивали, причудливой формы плавники были украшены световыми узорами. Тела у них были похожи на рачьи и снабжены заостренными, похожими на жезлы шипами. Некоторые из представителей морского народа прибыли в раковинах-колесницах, влекомых морскими коньками ростом с человека. Коньки светились коричневым светом, а их сбруя, сплетенная из бурых водорослей и стеблей морской травы, отливала малиновым.

Потом корабль окружили мириады мелких морских рачков, называемых крилем. Каждое из этих миниатюрных созданий тоже излучало свет разной яркости и оттенка.

По зову волшебного меча приплыли и светящиеся киты. Напоминающие одновременно огромных дельфинов и тюленей, они сияли чистым пурпурным светом. Были здесь и ночные пингвины, мерцающие, как изумруды, и морские львы, чьи гривы горели лавандовым цветом. Заметив Алиту, они приветствовали своего сухопутного сородича печальным ревом.

За ними появились глубоководные крабы, украшенные чередующимися лазурными и изумрудными полосами. Всплыли диковинные черепахи, чьи панцири были усыпаны сверкающими диадемами, похожими на бриллиантовые. Подобно разрядам молний скользили между ними угри, можно было увидеть кальмаров и каракатиц — одни были размером с ладонь, другие просто гиганты; эти вполне могли состоять в родстве с Кракеном. Скоро появился и он сам, играя всеми цветами радуги.

Морские бабочки, оказывается, могли похвалиться более богатой расцветкой, чем их сухопутные родственницы. Они порхали в воде, и крылья их были окрашены в изумрудные, топазовые, турмалиновые тона. А когда эти существа выскакивали из воды, то казались лучезарной россыпью драгоценных камней.

Все эти невиданные и таинственные создания, призванные из своих убежищ голубовато-стальным сиянием клинка из небесного металла, разогнали черную муть тумана. На полмили вокруг все стало ясно, как в солнечную погоду. Теперь можно было не только без опаски работать на палубе, но и продолжать плавание.

— Териус! — закричала Станаджер. — Всех наверх! Ставить нижние паруса! Мы должны проскочить это варево, пока наш пастух не выдохся и твари, приплывшие по его зову, не ушли назад, на глубину.

В эту минуту, освещенная разноцветным сиянием, она была особенно прекрасна.

Симна по-прежнему стоял у фальшборта.

— Ты бы сказала матросам, — посоветовал он Станаджер, — чтобы они поменьше глазели за борт. Этиоля сейчас лучше не отвлекать.

Это чудо никогда не забыть тем, кто был в тот день на палубе корабля. Зрелище было ошеломляющее: изящный «Грёмскеттер» под всеми парусами, окутанный многоцветным переливающимся сиянием, стремительно шел на юго-запад. Даже старые морские волки были поражены окружаю-

щим великолепием и многообразием обитателей океана. Станаджер приходилось то и дело напоминать своим людям, что нужно работать, а не глазеть за борт.

А туман тем временем начал съеживаться и таять. Но вместе с ним таяли и силы Эхомбы. Сначала самые мелкие обитатели океана ушли назад в глубину, за ними — и более крупные. Последним морской человек на своей колеснице из раковины взлетел на гребень волны, отсалютовал «Грёмскеттеру» и исчез, уйдя под воду.

Но к этому времени солнце развеяло последние клочья тумана. Эхомба, кряхтя, поднялся на палубу и попросил принести льда. На корабле был ледник: в самой нижней и холодной части трюма. Напряжение, которое он испытал, борясь с мечом из небесного металла, не прошло даром: вся правая рука у него онемела и пальцы почти не сгибались. Лед, завернутый в полотенце, не мог, конечно, сравниться с лечением магией, но все же ему стало легче.

Пока Этиоль охлаждал руку, Симна стоял рядом и с величайшей осторожностью держал меч из небесного металла.

— Как тебе удалось справиться с ним, Этиоль, если ты, как все время твердишь, не являешься колдуном? Меч ведь такой тяжелый!

Пастух попытался пожать плечами, но мускулы не слушались.

— Тренировка, мой друг, обычная тренировка. Кузнец Отжиханья научил меня кое-каким приемам, и старейшины нашей деревни тоже дали пару советов. Это нелегко объяснить... Ты должен *почувствовать* правильное движение, путь, которым тяжелый металл пронзает воздух, преодолевая притяжение Земли.

Симна покивал.

— Ты знаешь, это забавно... В молодости для меня в этом был вызов, и в результате, боюсь, я делал глупости.

Левгеп, свернувшийся клубком возле возвышения, на котором помещался штурвал, поднял голову и заявил:

— На мой взгляд, с годами мало что изменилось.

— Я не принимаю критики от пожирателей падали!

Большой кот не удостоил его ответом, и Симна вновь повернулся к Эхомбе.

— Я не раз видел, на что способно это оружие, и могу сказать: я лично мог бы владеть им не в большей степени, чем резцом ваятеля или лютней.

Эхомба добродушно усмехнулся.

— Ты однажды пытался.

Симна искоса взглянул на него.

— Я тогда думал, что ты спишь.

Тот глянул вдаль.

— Я спал.

Смущенный северянин хотел что-то ответить, но ничего разумного в голову ему не приходило, поэтому он решил промолчать. Ни слова не говоря, он осторожно положил чудесный меч рядом с Эхомбой и подтянул повыше одеяло, в которое кутался пастух. Лед облегчил его боль, но пастух замерз и теперь весь дрожал.

— За меня не волнуйся, — улыбнулся Эхомба встревоженному Симне. — Возле нашей деревни океан куда холоднее, чем здесь, а я часами там плавал и бродил по отмелям.

— Я не волнуюсь, — ответил Симна, — но схватить простуду может любой. — Он глянул на море. — Подобное тянется к подобному... Свет тянется к свету. Это было необыкновенное зрелище. Я никогда не думал, что в море живет столько существ. Надо же! И все они излучают колдовское свечение.

— Не колдовское! — поправил его Эхомба. — Тот свет, что ты видел, имеет природное происхождение, его испускают сами эти существа. Никакого колдовства тут нет.

Северянин нахмурился.

— Откуда ты знаешь?

— Море выбрасывало на берег возле моей деревни трупы похожих существ. Даже после смерти они светились, хотя, конечно, гораздо слабее. — Этиоль посмотрел на прояснившееся небо. — Океан возле нашего побережья очень глубок. У самого дна, должно быть, царит непроглядный мрак, что-то вроде вечной ночи, и поэтому обитающим приходится самим заботиться об освещении.

— Удобное свойство, — согласился Симна и мечтательно добавил: — В свое время мне бы очень пригодилось умение извлечь из своего тела хотя бы немного света.

Пастух с упреком посмотрел на него.

— Все живое излучает свет, Симна. Его, правда, трудно разглядеть. Нужен опыт, чтобы отделить его от окружающего нас естественного дневного освещения.

• Симна рассмеялся.

— Ты хочешь сказать, что я сияю, как эти рыбы или медузы?

— Нет, не так. Свет, излучаемый человеком, или по крайней мере большинством людей, имеет совершенно другую природу. Но так или иначе, дружище, ты тоже

светишься. Не так, как ты хотел бы, но более ярко в ином смысле. Существует много разновидностей света.

— Я хотя бы не темен, и это уже хорошо. — Симна ничего не понял из объяснений Эхомбы, но почему-то его обрадовали слова приятеля. — А как насчет остальных? — Он обвел рукой палубу.

Эхомба положил подбородок на колени и долго молчал. Потом он сказал:

— Вот капитан. Ее свет имеет немного оттенков, но все они сильны и насыщенны, что редко встречается у людей. Пригет излучает свет вспышками, словно искры костра. Матрос рядом с ней светится тускло, но все-таки светится. — Эхомба обвел взглядом палубу. — Первый помощник, — продолжал он, — отличается сильными и чистыми цветами, хотя его свет не такой интенсивный, как у Станаджер. У Алиты отсутствуют некоторые оттенки и полутона, которые есть у людей, зато те, что есть, ослепительны.

Обычно Симна в ответ на подобные россказни начинал либо хохотать, либо добродушно вышучивать Этиоля. Однако сейчас в знак уважения к его усталости он только едва слышно хихикнул. Симна не сомневался, что его друг шутит. Люди и кошки не могут светиться; если бы они светились, он, Симна, обладающий отличным зрением, давным-давно бы это заметил. И все равно приятно послушать Эхомбу, воображение у него богатое, и рассказывает он увлекательно!

— Ну-ка, расскажи еще о ком-нибудь, — попросил Симна. — Например, что насчет Хункапы?

Эхомба бросил задумчивый взгляд на своего лохматого друга.

— Он светится очень странно. Мне даже трудно это описать. Вспышки, которые он излучает, размыты, я с трудом их улавливаю. — Пастух чуть усмехнулся. — Может, это из-за его волосатости. Вообще-то волосы не задерживают этого света, но Хункапа такой обросший, что все может быть. — Он помолчал и неожиданно сменил тему: — Похоже, остаток дня пройдет без приключений. Интересно, сколько еще до Дорона?

Симна встал:

— Пойду спрошу у Станаджер.

— Давай, — согласился Эхомба. — Я смотрю, вы с капитаном начали лучше ладить друг с другом, чем в первые дни.

Симна подмигнул.

— Кто-кто, а ты должен знать, братец, что я очень настойчивый парень. И не только когда речь идет о сокровищах.

Он многозначительно ухмыльнулся и направился туда, где Станаджер о чем-то разговаривала с Пригет.

— Будь осторожен, — бросил ему вдогонку пастух.

— Почему? — Симна усмехнулся через плечо. — Боишься, что научусь видеть ее «свет»?

— Вот именно, — кивнул Эхомба. — Тебя слишком легко ослепить, Симна ибн Синд.

VIII

После стольких дней, проведенных в море вдали от земли (приключение на архипелаге Тило было настолько ужасным, что каждый на борту «Грёмскеттера» постарался вычеркнуть этот кошмар из памяти), неудивительно, что все матросы при виде мыса Куонекуот, возникшего на западном горизонте, разразились криками ликования. Это была скала, отвесно поднимавшаяся из моря на тысячу футов. Волны били в основание утеса, словно пытаясь утянуть этот ослепительной белизны мыс в глубину океана. Скала отмечала вход в залив Килс-Бей. Там лежал Дорон, легендарный торговый город.

Станаджер, доверив штурвал могучим рукам Пригет, которой уже доводилось вводить «Грёмскеттер» в залив, направилась к самому загадочному пассажиру из всех, кто когда-либо поднимался на борт ее корабля. Этиоль стоял у правого борта и задумчиво разглядывал меловые обрывы, напоминающие крепостные стены. В небе скользили драконы всех цветов и размеров: на этих отвесных скалах они, по-видимому, могли безопасно гнездиться. И не только они. Истошные крики, карканье, шипение свидетельствовали о не прекращающемся ни на минуту сражении за лучшие места, которое вели между собой драконы, буревестники, чайки и крачки. Когда Станаджер подошла к Эхомбе, солнце на миг закрыла стая остеодонторнидов.

— О чем задумался на сей раз? — спросила Станаджер.

Эхомба ответил не сразу.

— Помнится, когда мы договаривались о переправе через океан, я рассказывал тебе, что в путешествие мне пришлось отправиться по воле умиравшего воина. Он наказал мне отыскать страну, называемую Эль-Ларимар, и вызволить из плена женщину по имени Темарил. Она прорицательница, и ее необходимо вернуть на родину, в страну Лаконда.

Эль-Ларимар лежит к западу от Дорона. — Он посмотрел на Станаджер и улыбнулся. — Я очень долго в пути, уже и не помню, сколько дней прошло с тех пор, как вышел из дому. Мне хочется верить, что путешествие на запад не затянется до бесконечности и мне не придется встретиться с самим собой, обогнувшим мир.

Станаджер засмеялась, но тут же стала серьезной.

— Это глупо, Этиоль! Никому не дано встретиться с самим собой.

Эхомба вздохнул, потом вновь глянул на разбивающиеся о скалы морские валы.

— Смотря как далеко на запад может зайти путник и что понимать под словом «запад». Послушай, Дорон больше Хамакассара?

Станаджер отрицательно покачала головой.

— Я хорошо знаю гавань, но в городе не бывала: у нас, моряков, нет времени на прогулки. Но я слышала, что Дорон гораздо меньше. Как почти все приморские города, это всего лишь перевалочный пункт для товаров, отправляемых в глубь страны. У них нечасто бывают гости из-за океана. — Она улыбнулась. — Всем известно, что только глупцы могут осмелиться пересечь Семордрию.

Эхомба положил руку ей на плечо и сказал с подчеркнутой торжественностью:

— Как один глупец другому, должен заявить, что для меня большая честь путешествовать на твоем корабле, капитан Роуз.

Станаджер кивнула. Было видно, что ей неловко. Для нее было куда легче иметь дело со штормом или бунтом, чем с похвалой.

— Благодарю, — наконец сказала она.

Некоторое время они молча стояли, глядя на море, на птиц и драконов. Между тем Пригет и Териус умело обогнули мыс и ввели корабль в залив Килс-Бей. Эхомба уже видел вдали шпили и остроконечные крыши Дорона.

— Теперь, — нарушила молчание Станаджер, — мы будем курсировать вдоль побережья, распродавая наши товары и покупая те, что пользуются спросом у нас на родине. Я не могу сказать, сколько это займет времени, потому что тут ничего невозможно спланировать. Отсюда мы двинемся на юг, заглянем в Ооз, Ксемон-скэп, Полаб, Сэмбли и Каленакс. Пойдем ли дальше, не знаю. Южнее Каленакса погода очень изменчива. — Она повернулась к пастуху и накрыла ладонью его руку. — Но если ты будешь в любом из этих городов, поспрашивай о

нас. И если, когда ты исполнишь обет и закончишь поход, мы еще не отправимся в обратный путь, то прихватим тебя. Я, правда, даже не знаю, где этот Эль-Ларимар... — Она усмехнулась. — И не транжирь камешки, что у тебя в мешочке. Ты мне нравишься, Эхомба. Ты заставил меня восхищаться тобой... Хотя многое в тебе меня смущает. И все равно, знаешь, мне приятно думать, что в моем сердце, оказывается, еще сохранилась нежность. Просто раньше ей не было выхода.

Он кивнул.

— Насчет камешков. Твой грузовой помощник молодеет, когда вспоминает о них.

— Броч — хороший парень. Быстро соображает, предан мне и кораблю. Таковы его обязанности — искать выгоду. А иначе как же мне содержать в порядке «Грёмскеттер»? Хотелось бы скрасить твои последние мгновения на корабле, Этиоль Эхомба. Он теряет тебя, как, впрочем... — Станаджер отступила на шаг, — и я. На пути к Дорону ты увидишь еще много интересного, поэтому, надеюсь, ты простишь — меня ждут дела.

Эхомба смотрел ей вслед. Прямая и целеустремленная, она была замечательной женщиной. Солнце придало ее коже бронзовый оттенок, а море заменило всякие благовония привкусом соли. Этиоль решил, что Миранье она бы понравилась.

Потом Эхомба вспомнил, что скоро вновь ступит на твердую землю, и поймал себя на мысли, что ему будет трудно привыкнуть к тому, что палуба не переваливается с боку на бок, не уходит из-под ног... Он с грустью подумал, что если бы его с детства не сделали пастухом, он непременно стал бы моряком.

Однако питомцы Наумкиба не плавали по морям. Испокон веков они принадлежали той земле, на которой родились. Если бы их мужчины разбредались по белу свету или отправлялись за моря, кто бы стал присматривать за деревней, пасти стада? Этиоль глубоко вдохнул свежий, пропитанный запахом соли морской воздух. Кто знает, когда он вновь сможет наполнить легкие этой живительной радостью?

Наконец они подошли к Дорону. В доках кипела работа, однако того столпотворения и буйства, с которыми путникам пришлось столкнуться в Хамакассаре, не наблюдалось. Здесь собрались люди деловитые, знающие, что к чему; ни надрывного отчаяния, ни бесшабашного безрассудства тут и в помине не было. Они привыкли делать деньги, но никто не собирался жертвовать ради них головой. Здесь жил народ непритязательный, далекий от всяких безумств, да и сам го-

род казался приветливым и спокойным, местом, где можно без всяких хлопот провести время, особенно чужестранцам.

Эхомбе неожиданно пришло в голову: если таков Дорон, каким должен быть Эль-Ларимар?

Путешественники переночевали на корабле. А утром Этиоль с изумлением увидел, что Хункапа Аюб несет по трапу Симну ибн Синда. Рядом мягко ступал суровый Алита. Териус и Пригет махали им с борта корабля. Станаджер нигде не было видно. Это не удивило Этиоля. Она простилась с ним еще вчера.

— Симна, что случилось? Ты не заболел? — спросил пастух.

— Заболел? — переспросил северянин. Веки у него чуть задергались, слабая беспомощная улыбка проступила на лице. — Ничего страшного, братец! — Он дрожащей рукой указал на свои ноги. — Что-то ноги перестали меня слушаться, вот и все. Немного отдохну, и они будут как новенькие.

Он закрыл глаза и почти мгновенно заснул.

Хункапа без всяких усилий снес товарища на берег, и все четверо, миновав доки, двинулись в город. Заинтригованный Эхомба попытался добиться от Аюба разъяснений по поводу непонятной хвори, поразившей Симну, хотя и подозревал, что это бесполезно. Скорее всего это была очередная уловка северянина.

— Что же с ним все-таки случилось? — допытывался он у звероподобного человека.

— Не знаю.

Лохматые, выступающие вперед, как два кустика, брови Аюба сошлись на переносице: размышления Хункапе давались с трудом.

— Друг Симна говорил сегодня мало.

Неожиданно лицо зверочеловека вспыхнуло от радости. Он что-то вспомнил и тут же выложил это Эхомбе:

— Симна говорил, что он всю ночь беседовал с капитаном об искусстве мореплавания.

— Искусст... — хотел переспросить пастух, но тут до него дошло, что это значит, и он решил промолчать. Какие бы сюрпризы ни приготовил для них Дорон, по крайней мере у его друга Симны от прибытия в этот порт останутся приятные воспоминания.

Они добрались до неширокой площади, где был фонтан, из которого горожане брали воду. Эхомба оглядел ряд лавчонок, выходящих на площадь, и заявил:

— Прежде всего нам нужен проводник.

Хункапа кивком указал направление:

— Эхомба хочет идти на запад. Хункапа поведет! На запад — туда.

Алита демонстративно отвернулся.

Опираясь на копье, пастух улыбнулся своему звероподобному товарищу.

— Хорошо, Хункапа, я рад, что ты знаешь, в какой стороне запад. Но прежде чем отправиться в путь, нам надо побольше узнать о стране, по которой нам предстоит путешествовать.

В конце концов у одного из местных жителей хватило смелости остановиться и ответить на вопросы пастуха. Он направил четверку в большой дом, возле которого скопилось много повозок самых разных размеров и конструкций. Все они были оснащены парусами. В городе путникам уже довелось встречать похожие экипажи. По словам доброжелательного горожанина, почтовая станция — самое лучшее место, где можно не только выяснить, как добраться до внутренних районов страны, но и подыскать проводника.

Но все попытки узнать, как добраться до Эль-Ларимара, здесь, на почтовой станции, наталкивались на то же сбивающее с толку, а порой и насмешливо-скептическое отношение, с которым Эхомбе уже приходилось встречаться. Это начало ему надоедать. Неужели он, Этиоль Эхомба, единственный человек, который верит, что для того, чтобы достичь намеченной цели, необходимо просто двигаться в нужном направлении?

В конце концов какой-то старый высохший следопыт разъяснил им, в чем дело.

— Послушайте, вы, — заикаясь, проговорил он. Ходить бедняга уже не мог, а вот учить других уму-разуму — сколько угодно. — Здесь каждый знает, где Эль-Ларимар.

Старик ткнул пальцем, высохшим до такой степени, что стал похожим на полоску седельной кожи, в сторону заходящего солнца. Хункапа, стоявший позади Этиоля, радостно захлопал в ладоши.

— Видишь, Этиоль, видишь? Хункапа знает! Хункапа поведет!

— Угомонись, Хункапа, — с легким раздражением бросил ему Этиоль. Аюб замолчал, и Эхомба обратился к старику:

— Если каждый знает, где Эль-Ларимар, почему никто не соглашается проводить нас туда?

— Потому что каждый хочет вернуться обратно, — пояснил старик и принялся внимательно разглядывать светлые волосы Эхомбы. — Слушай, почему ты носишь косичку? Это пристало женщинам, а не мужчинам.

— Так принято у меня на родине. Так что же такого на пути в Эль-Ларимар, что никто не хочет вести нас туда?

Древние глаза старика, глубоко упрятанные в глазницы, казалось, живут своей жизнью. Куда он смотрит, что привлекает его внимание, понять было трудно. Не глядя на Эхомбу, он сказал:

— Там, на западе, водятся опасные существа — одни огромные, другие клыкастые, третьи — ядовитые. — Старик выпятил нижнюю челюсть и несколько раз щелкнул остатками зубов. — Прежде всего нужно перебраться через Хексенские горы. Там живут демоны и существа, не похожие на людей. За ними лежат Выжженные земли, а после них — Карридгианские горы, где полным-полно ледников и скалистых обрывов.

— А дальше? — спокойно спросил Эхомба.

— Дальше?! — воскликнул старик и с нескрываемой печалью и обреченностью повторил: — Дальше!.. — Он пожевал губами, глубоко вздохнул и продолжал: — Ну, дальше и есть этот самый Эль-Ларимар, а там уж — океан Аурель.

— Опять океан? — Симна неожиданно проснулся и соскочил с рук Хункапы. — Во имя зубов Гуизела, Этиоль, хватит морских путешествий! Умоляю тебя!

Эхомба невольно вскинул брови.

— Мне казалось, море тебе понравилось.

Симна подозрительно глянул на него.

— Эй, долговязый брат, это путешествие меня доконает. Мы же только-только добрались до суши.

Эхомба равнодушно пожал плечами.

— Вряд ли, выйдя к другому океану, мы окажемся в той же ситуации, что и на восточном берегу, но я постараюсь учесть твое желание. Пока я не вижу, зачем нам вновь отправляться в плавание, ведь тот океан лежит за Эль-Ларимаром.

Он вновь повернулся к старику-следопыту, который после своей бурной речи впал в мрачное уныние, и поблагодарил его за полученные сведения.

Им так и не удалось найти проводника, зато они уговорили хозяина почтовой станции продать им парусную повозку, а также необходимые припасы. Правда, много усилий для этого не понадобилось, стоило только достать из мешочка один из камешков, и хозяин сразу же согласился. Эхомба до сих пор поражался тому, какое впечатление производят на людей эти скромные цветные камешки, которые он набрал на побережье к северу от деревни. И все же хорошо, что пока их запас не исчерпан, путники сумеют расплатиться за все, что им может понадобиться на пути до Эль-Ларимара.

Несмотря на то что в обществе Хункапы и черного левгепа в повозке было тесновато, они решили обойтись одним экипажем. После многих дней, проведенных на корабле, путешественники легко освоили управление повозкой. Оно производилось с помощью рычага, соединенного с осью, которая поворачивала единственный квадратный парус. И вот наконец под радостные и язвительные выкрики работников почтовой станции четверо путешественников подняли парус и отправились в путь на гораздо более маленьком, но куда более шумном корабле, чем оставшийся в прошлом «Грёмскеттер».

Из Дорона вела не одна дорога и колея, оставленная повозками. В основном они убегали на север или на юг, в другие торговые города и деревни, расположенные на плодородной приморской равнине. Ведущих на запад было значительно меньше. Путешественники выбрали самую накатанную, и скоро город скрылся за горизонтом. Теперь вокруг лежали возделанные поля и деревни. Остановившись в нескольких из них, путники убедились, что в отличие от суетливого населения развитых, но забывших о простоте больших городов вроде Хамакассара или Либондая люди, жившие по эту сторону Семордрии, были более сдержанны и ненавязчивы, хотя вместе с тем и более радушны. После бесед с ними Эхомба и его товарищи начали лучше представлять себе опасности, о которых предостерегал их старый следопыт на почтовой станции.

— Лучше бы вам вернуться, — многозначительно глядя на Эхомбу, предупредил кузнец, которого они попросили подремонтировать их повозку.

— Почему? — спросил Эхомба и, прищурившись, глянул на запад.

Дорога, по которой они ехали, терялась среди холмов, заросших буками и дубами.

— Мы с товарищами не раз поднимались в горы, — добавил пастух. — А те холмы вдали не выглядят особо опасными.

— Ты о Хексенских горах? — Кузнец принялся насаживать на ось колесо. — Они и впрямь невысокие, хотя, конечно, на перевалах вам придется попотеть. И дорога там есть. Я сам там не был, но слышал от тех, кто был.

Эхомба не смог скрыть удивления.

— Тогда чем же они опасны?

Кузнец вытащил из кармана фартука молоток и принялся подбивать чеку.

— Горы-то? Да сами по себе — ничем. — Он поднял голову и долго смотрел на долговязого чужестранца. —

Опасны те твари, что там живут, тебе еще придется с ними столкнуться. Они обитают в долинах, где почти весь день лежит туман. — Кузнец пожал плечами и отвернулся. — По крайней мере так говорили те, кому посчастливилось оттуда вернуться.

— Эй, мы не из пугливых! — заявил Симна.

Алита неподалеку играл с выводком шустрых белых и бурых котят. Эхомба взял с него обещание, что он никого из них не съест. Котята с упоением набрасывались на гриву и хвост левгепа, а тот мягко отшвыривал их лапой, одним ударом которой мог свалить быка.

— Сходим и сами посмотрим, — добавил северянин.

Кузнец прекратил работу.

— Ты что, в самом деле собираешься туда отправиться?

Симна небрежно кивнул на Эхомбу.

— Моего друга так и тянет на запад. Так что придется. Может, безопаснее сначала идти на север или на юг, а потом повернуть в нужном направлении?

Кузнец задумался.

— Я не бродяга, как вы. — Он указал на крепкий дом и магазинчик, стоявшие у дороги. — Я — мужчина семейный. Устроился здесь, у подножия Хексенских гор, видите, обзавелся хозяйством. Но я видел немало путешественников. Если направитесь к северу, можете нарваться на плохую погоду. К югу? Если двинуть туда и затем повернуть на запад, вам удастся обойти горы. — Он вернулся к работе и добавил: — Но там путников подстерегают другие опасности.

Эхомба решил выяснить все, что возможно.

— Сколько дней нам надо идти на юг, чтобы обогнуть горы?

— Месяц, может, два — смотря какие там дороги, какая будет погода. В это время года лучше путешествовать в Ооз или страну Девяти Гаваней. Туда можно добраться без приключений.

— А оттуда мы сможем повернуть на запад? — спросил Эхомба.

Симна тихонько вздохнул. Он слишком хорошо знал друга и готов был держать пари, что тот уже принял решение. Поэтому он спросил кузнеца:

— Ты собирался рассказать о тварях, что живут в Хексенских горах.

— Тут толком-то объяснить трудно, — задумчиво ответил кузнец. — Многие пересекали горы и возвращались на побережье, и ничего с ними не случилось. Торговец, решившийся на такое путешествие, может хорошо заработать.

— Могу представить, если таких смельчаков раз-два и обчелся. Но что случилось с теми, кто не вернулся? Бандиты? — Северянин вспомнил о том, что творилось на границах у него на родине.

Кузнец отрицательно покачал головой:

— Бандиты тоже люди, с ними можно договориться или, на худой конец, откупиться. Это все из-за Братства скелетов.

На последних словах его голос упал до едва слышного шепота.

— А что это за Братство?

Голос кузнеца оставался таким же тихим:

— Я не могу говорить об этом. По крайней мере открыто. Я гляжу, вы спешите, так что желаю вам удачи и доброго пути. — Он указал на Алиту и на Хункапу, который дремал у крыльца. — Вы, я вижу, опытные путешественники, и друзья ваши тоже не люди. Может, вам повезет. — Кузнец развел руками и смущенно улыбнулся. — Я все могу выковать, кроме удачи. Уж не взыщите!

— Ты сказал, «тоже не люди», — заметил Эхомба. — Ты имеешь в виду, что эти, из Братства скелетов, не люди?

Кузнец встал, сложил инструмент и, вытирая руки, ответил:

— В чем-то люди, а в чем-то — нет. Надеюсь, вам не доведется встретиться с ними. Пойдемте в дом, выпьете на дорожку чего-нибудь холодненького, да и заплатите. — На его лице вдруг отразилась тревога. — А деньги-то у вас есть?

— Как грязи! — усмехнулся Симна.

Оказавшись в горах, путешественники едва не забыли предостережения, на которые не поскупились кузнец и старик-следопыт, — настолько красив был пейзаж. Не беда, что могучий лес с обеих сторон подступал к дороге, это не угнетало. Толстый слой опавших листьев покрывал землю — на радость оленям и лосям, сиватериумам и рогатым пеловорисам. Белки рылись в этом ковре и тут же относили добычу в свои жилища на деревьях. Эхомбу особенно заинтересовала одна разновидность: короткохвостые, серовато-коричневые зверьки сооружали легкие и очень длинные лестницы, которые перекидывали на самые высокие ветви. Кроме того, они не скакали вверх-вниз, а нагружали на земле особые короба и с помощью тонких, но крепких веревок поднимали их на деревья.

Здесь было множество кроликов, и Алите не составляло труда добывать обильную пищу; кроме того, охотой он пополнял запасы продовольствия и путешественникам не было нужды тратить те, что они прихватили с собой.

Повсюду журчали полноводные ручьи. Утром и вечером на горы опускался туман; по ночам было прохладно, но путники, успешно одолевшие великий Хругарский хребет, не обращали внимания на такие мелочи.

Эхомба не уставал поражаться обилию птиц всех пород и расцветок; их пронзительный хор не смолкал от зари до зари. Однажды путников атаковал археоптерикс в надежде стащить какой-нибудь из свертков, в которых хранились припасы, но его отогнали. Археоптерикс гневно закаркал и, неуклюже перепархивая с дерева на дерево, некоторое время следовал за повозкой — но скоро отказался от своего намерения что-нибудь стянуть и пропал. Археоптерикс был таким же плохим летуном, как гоацин*, и не мог долго преследовать путников.

Потеря бдительности изначально была чужда Хункапе и Алите. Эхомба тоже постоянно был настороже. Но Симна, которому всегда была свойственна некоторая легкомысленность, после нескольких спокойных дней совершенно расслабился.

Лежа в повозке, он удовлетворенно посматривал, как его долговязый друг управляется с парусом.

— Люди с побережья много потеряли, ограничивая себя только низинами. — Симна сделал рукой круговое движение. — Какая чудесная страна эти предгорья! Чистый, бодрящий воздух, много дичи, опасных хищников нет, земля плодородная... А деревьев тут хватит на тысячи домов и кораблей размером с «Грёмскеттер».

Услышав последние слова, Эхомба невольно поглядел на лес, стоящий по обе стороны от дороги.

— Тебе не кажется, что эти, из Братства скелетов, были бы против? Если они нападают на путников, что может помешать им совершать набеги на деревни? Может, поэтому здесь никто и не селится.

Симна лишь отмахнулся.

— Это пустая болтовня, страшные сказки!

Он закрыл глаза и глубоко втянул в себя свежий чистый воздух.

Под колесо попал камень, и повозка подпрыгнула. Алита проснулся, и настроение у него сразу испортилось.

— Ты бы поосторожнее вел свою машину, человек, — недовольно проворчал левгеп.

— Ну, тряхнуло, что из того, — грубовато ответил Этиоль. — Это же не летучий корабль, который движется плавно.

---

* Гоацин — птица отряда куриных, ведет древесный образ жизни, летает очень мало.

В следующее мгновение он резко сбавил ход, а потом свернул парус и остановил повозку.

Симна ибн Синд сел и нахмурился. Глянул влево, вправо, затем посмотрел на небо. До полудня, когда они обычно делали привал, было еще далеко.

— Эй, братец, почему мы остановились? — спросил он. — Пока ветер попутный, надо его использовать.

— Так же, как и глаза. — Эхомба слез с повозки и указал рукой направо, в сторону леса.

Симна посмотрел в том направлении; то же самое сделал и Хункапа Аюб. Только Алита даже не шевельнулся.

— Я ничего не вижу, — сказал Симна. На его лице отразилось смущение. — Что ты там разглядел?

— Посмотри на тот большой вяз, — сказал Эхомба. — Видишь птичку? Она совсем маленькая, не больше воробья.

Симна изумленно уставился на него.

— Ты остановился, чтобы получше рассмотреть воробья?

— Э-э, будь повнимательнее! — Эхомба чуть повел пальцем вправо. — Она перелетела на соседнее дерево. Видишь? — Он нетерпеливо махнул рукой и добавил с некоторым волнением: — На самом конце вон того большого сука. Самого нижнего. В листве...

Решив, что это какой-то розыгрыш, Симна недовольно проворчал что-то себе под нос, и в это мгновение рядом с ним раздался радостный вопль:

— Хункапа видит, Хункапа видит! — Зверочеловек принялся подпрыгивать в повозке и тыкать пальцем в сторону леса. Повозка заходила ходуном и громко затрещала. — Птица, но без.

— Без? — Симне начала надоедать эта чепуха. — Без чего?

Однако он невольно посмотрел туда, куда указывали теперь уже две руки. Повел взглядом вдоль ветки... И волосы у него на голове зашевелились. У птицы, сидящей на ветке, не было оперения. А также кожи, мускулов и даже внутренностей.

С помощью голого белого клюва она рьяно прихорашивалась, не обращая внимания на потрясенных людей. Потом удивительное создание развернуло небольшие крылышки и полетело в глубь леса — маленькое, обнаженное до костей привидение.

Эхомба изучал полет многих птиц, драконов, даже особых ящериц и лягушек, но впервые он наблюдал за полетом скелета.

IX

Скелетообразный воробышек оказался далеко не единственным в этом лесу. Чем дальше путешественники углублялись в Хексенские горы, тем чаще эти жуткие создания попадались им на глаза. Птиц в лесу было много: вороны, дрозды, сойки, дубоносы, неокеты и поползни, однако постепенно среди них становилось все больше и больше скелетов. В конце концов Эхомба и его спутники оказались в глухой и мрачной чащобе, где плоть была не в почете, где преобладали кости.

Заячьи скелеты прыгали среди корней древних деревьев, и их позвоночники были похожи на хвосты скорпионов. Однажды стайка водосвинок уставилась на путешественников из логова за ручьем — точнее, за путешественниками следил бездумный мрак, скопившийся в темных пустых глазницах. Зрелище было необычное и жуткое.

Удивительнее всего было, что эти лишенные кожи и плоти создания бегали и прыгали, как обычные звери. Единственное отличие заключалось в той жадности, с которой скелетообразные твари разглядывали проезжавших мимо людей. Если бы не деревья, здоровые и полноценные, Симна всерьез бы поверил, что они попали в страну смерти.

Однажды они увидели, как скелет рыси прыгнул с дерева на скелет кролика. В обычных условиях в природе нет более пронзительных и душераздирающих криков, чем те, которые издает погибающий зверек, но сейчас до путешественников донеслись только неясные шорохи и постукивание костей. Потом рысь-привидение устроилась рядом с добычей и, придерживая тушку костлявой лапой, принялась разрывать незримую плоть и высасывать из костей костный мозг.

Почти прозрачные косточки только что оперившихся птенцов пищали в гнездах, построенных скелетами их родителей. Тройка казуаров неуклюжими скачками пересекла поляну; их ребра щелкали как кастаньеты. Громоздкий медвежий скелет ворочался в зарослях дикой малины. Ветки хватали его за ребра, проникали в пустые глазницы, но медведь не обращал на это внимания и продолжал невозмутимо лакомиться ягодой.

Зачем скелету есть? Этот вопрос был одним из многих, что мучили путешественников. Эхомба, не в силах совладать с любопытством, смотрел на эти картины во все глаза, а что до его товарищей, то все они испытывали единственное желание: как можно быстрее миновать это жуткое место. Даже

Алита, который особенно любил полакомиться костным мозгом, ощущал угрозу, таившуюся в окрестных дебрях, и не скрывал стремления побыстрее выбраться отсюда.

Неожиданно повозка резко остановилась.

— Эй! — вскрикнул Симна. — Этиоль, надеюсь, ты не собираешься устраивать здесь привал?

— Не собираюсь, — откликнулся пастух, сидевший за рычагом управления. — Но нам придется ненадолго задержаться.

Он кивком указал вперед.

Огромное дерево упало поперек проложенной колеи, полностью перекрыв дорогу. Торчавшие во все стороны ветви не позволяли объехать преграду. Надо было либо распиливать ствол, либо разгружать повозку и перетаскивать через него. И то и другое требовало времени.

— Клянусь Дживоувамом, не самое лучшее место для остановки! — громко проворчал Симна, затем спрыгнул на землю и направился к препятствию.

Хункапа Аюб, никогда не размышляющий подолгу, резво перебрался через ствол в том месте, где ветви при падении сломались и в кроне была прореха. Несколько мгновений он молча стоял над поверженным лесным великаном. Потом наклонился, взялся за верхнюю часть ствола и, раскатисто ворча и ухая, принялся оттаскивать дерево в глубь леса. Алита с недовольным видом принялся ему помогать: уперся лбом в расколотый комель и, упершись в землю всеми четырьмя лапами, надавил.

Через десять минут дорога была свободна. Возвращаясь к повозке, Эхомба думал о том, долго ли им еще тащиться по этому пропитанному болезненной жутью лесу и удастся ли выбраться из него до наступления ночи. До темноты было еще далеко, но его одолевали дурные предчувствия...

Эти предчувствия материализовались в виде толпы человеческих скелетов, числом около дюжины, причем все они были вооружены, а некоторые даже в доспехах. Съехавшие набекрень стальные и бронзовые шлемы, украшенные птичьими перьями и радужными крыльями каких-то насекомых, придавали жуткую достоверность этим воинам, лишенным даже намека на плоть. Этот кошмарный отряд занял позицию между путешественниками и повозкой, в которой лежало все их оружие.

Впрочем, и без оружия четверо путников не могли считаться полностью беззащитными.

Как только Хункапа Аюб и Алита расправились с преградой, привидения издали замогильный вой и принялись размахивать копьями и дубинами. В ответ Хункапа взвыл

диким голосом; левгеп поддержал его оглушительным, громоподобным ревом. Этого было достаточно, чтобы скелеты притихли. Воспользовавшись их замешательством, Хункапа и Алита бросились на них. Симна был поражен, увидев, с каким остервенением всегда добродушный Хункапа принялся сокрушать врагов. Без особых усилий переломав руками копья, которыми его пытались ударить скелеты, он обрушился на них, как ураган, и принялся разрывать на части. Кости хрустели у него под ногами.

Алита тоже не отставал. Глаза его горели, мощные когти разламывали черепа, огромные лапы втаптывали скелеты в землю. Лес наполнился стуком костей и победным рычанием.

Пока два их товарища сеяли ужас среди врагов, Эхомба и Симна бросились к повозке. Увернувшись от копья, Симна подкатился скелету под ноги и опрокинул его. Навалившись сверху, северянин взял в захват тощую шею. К его удивлению, скелет оказался теплым. Стиснув зубы, Симна крутанул рукой, и шейные позвонки с глухим треском сломались. Череп остался в руках у Симны и тут же вцепился зубами ему в локоть. Симну едва не стошнило. Содрогаясь от омерзения, он зашвырнул череп в кусты.

Эхомба увернулся от ржавого меча и ударил скелет ногой — такому приему его в свое время научил Асаб. Скелет повалился на спину, продолжая размахивать мечом, а Эхомба бросился к повозке. Секундой позже к нему присоединился Симна. Пока Хункапа Аюб и Алита оттоняли скелетов, мужчины успели вооружиться.

— Напусти на них акул! — воскликнул Симна. В следующее мгновение воин-скелет попытался залезть в повозку. Симна одним ударом разрубил его пополам.

— Не могу! — выкрикнул Эхомба. — Магия меча из морской кости действует только на тех, кто обладает кровью и плотью. Акулы не нападают на мертвецов. То же самое относится и к духам моего копья.

— Тогда круши их небесным мечом. Пусть ветер разметает их по лесу!

С этими словами Симна вонзил свой меч меж ребер очередного скелета, который попытался забраться в повозку. Но лезвие не причинило врагу никакого вреда. Северянин выругался, ударил наискосок и снес привидению голову. Этот удар принес желаемый результат.

— Вспомни, Симна! — выкрикнул пастух. — Меч из небесного металла — не посох шамана. Им надо пользо-

ваться очень осторожно. Здесь слишком тесно. Если я вызову ветер, он начнет валить деревья, и они погубят нас так же, как и врагов.

Бросив взгляд на своего товарища, Симна увидел, что он возится с чем-то посередине повозки.

— Во имя Гокхаула, что ты там делаешь? — в отчаянии воскликнул северянин.

— Ставлю парус. Сдерживай их, дружище, сдерживай!!

Симна, Хункапа и Алита принялись еще ожесточеннее отражать натиск неприятеля, давая время Эхомбе подготовить повозку. Как только парус был развернут на всю ширину, пастух крикнул товарищам, чтобы те залезали.

Первым в повозку запрыгнул Симна, за ним перевалился через борт зверочеловек. Повозка начала набирать скорость; Алита бежал рядом, отбрасывая в сторону те скелеты, которые пытались встать у них на пути. Только после того, как последний преследователь был сокрушен, громадный кот длинным прыжком запрыгнул в повозку. Усевшись сзади, левгеп начал зализывать раны.

— Пустяки, — сказал он в ответ на настойчивые вопросы Эхомбы. — Бывало и хуже. Однажды самка глиптодонта, у которой на конце хвоста огромные шипы, ударила меня в живот — она защищала детенышей. Вот это была рана!

Симна, прислонившись спиной к борту, рассматривал меч. На лезвии не было ни капли крови, только белые полосы. Он рассеянно спросил:

— А какой вкус у глиптодонтов?

— Как у молодых поросят.

Внезапно Алита резко вскинул голову. Уши у него встали торчком. Симна тут же встал на колени и начал всматриваться в заросли по обе стороны дороги.

— В чем дело? — торопливо спросил северянин. — У них же нет никакой надежды нас догнать. Ветер крепкий, дорога хорошая. Им не угнаться за нами.

— Следы, — коротко ответил кот.

Он сел и замер, прислушиваясь, похожий на изваяние из обсидиана. С другой стороны повозки позицию для наблюдения занял Хункапа.

— Следы не человечьи. И не человечьих скелетов. Это что-то другое.

— Что-то другое? — переспросил Эхомба. Он сидел за рычагом и правил повозкой.

— Более тяжелое, — ответил левгеп.

Они проехали в просвет между деревьями и за поворотом увидели несущийся к ним кавалерийский отряд. Стуча словно сотни ксилофонов, скелеты людей на скелетах коней старались взять повозку в кольцо. Казалось, что на путников надвигается кавалерия, вырвавшаяся из ада.

Но если кошмарные всадники выбрали для атаки место, где лес был значительно реже, то и путешественникам это было на руку: они получили больше возможностей для маневра и могли использовать повозку не только как средство спасения, но и как оружие.

Когда размахивающие булавами скелеты-всадники приблизились, Эхомба сделал резкий поворот, и повозка кормой врезалась в первый ряд нападающих. На людей, сидящих в кузове, обрушился дождь сломанных, разбитых костей.

Скелеты кружили вокруг повозки, но не рисковали подъехать вплотную, опасаясь кулаков Хункапы, меча Симны ибн Синда и когтистых лап левгепа. Северянин вскочил на ноги и, строя скелетам рожи, насмешливо закричал:

— Давайте, давайте, вы, костяные ублюдки! — Меч описывал сверкающие круги над его головой. — Вот он, зуб, подлиннее всех ваших клыков. А ну-ка, кто смелый, пусть подойдет! Что за глупость — бояться смерти!

— Симна, — предостерегающе заметил Эхомба. — Не надо насмехаться над смертью.

Северянин бросил на него дикий взгляд.

— Ты, брат, следи за парусом, а мне предоставь остальное! Им давно пора гнить в могилах, а не шнырять по дорогам.

Как скелеты ни старались, им не удавалось окружить повозку и навалиться на путников всем сразу. Каждый раз, когда они приближались, Эхомба поворачивал рычаг и сбивал их повозкой, а тех, кому удалось удержаться в седле, крошили кулаки Аюба, лапы Алиты и меч Симны ибн Синда. Количество нападающих таяло.

В конце концов от всего отряда осталось лишь несколько воинов. И тут, как назло, повозка угодила в яму, скрытую густыми кустами. Она подпрыгнула, перевернулась и упала по другую сторону ямы.

От удара путников выбросило из повозки, и какое-то время никто, кроме Алиты, не мог шевельнуться. Только левгеп, перекувырнувшись в воздухе, приземлился на все четыре лапы. Он сразу повернулся к скелетам и угрожающе зарычал. Это на несколько мгновений их задержало, и остальные путешественники успели прийти в себя. Когда скелеты, пе-

рескочив через яму, оказались возле повозки, люди уже были на ногах. Эхомба невольно выхватил меч из небесного металла. У него не было времени думать о том, как его использовать: разбивать ли на куски небо или вызывать ветер со звезд. Сейчас это было просто оружие, с достаточно острым клинком. Путешественники встали спиной к опрокинутой повозке и приготовились дать последний бой мертвым воинам.

Однако вместо того чтобы броситься на них, скелеты выстроились в линию и замерли, разглядывая людей пустыми глазницами.

— В чем дело, брат? — шепотом спросил Симна у Этиоля. — Чего они ждут?

— Не знаю, — откликнулся Эхомба.

Он огляделся. Лес здесь был заметно реже, но все равно — ветру со звезд будет чем поиграть. Если эти скелеты дождутся подмоги, выбора не останется. Меч в руках Этиоля согрелся и затрепетал.

Один из скелетов спешился и зашагал к путешественникам. Он был не выше ростом, чем его собратья, но шагал широко и держался с достоинством. Это явно был командир.

Эхомба не мог отделаться от ощущения, что перед ним живой человек. Симна нервно постукивал пальцами по рукояти меча. Хункапа Аюб глухо зарычал. Алита застыл как изваяние, только его грудь вздымалась и опускалась, но было видно, что стоит Эхомбе подать сигнал, как левгеп тут же бросится на врага.

Скелет остановился на расстоянии копья от людей, положил костлявую руку на ребра грудной клетки и поклонился. Затем величаво выпрямился, поправил шлем и неожиданно заговорил. Голос его был больше похож на протяжное шипение, только громче.

— Вы хорошо сражаетесь. Многих наших лучших воинов вы погрузили в сон смерти, и за это они будут вечно вам благодарны.

Симна хихикнул:

— Прошу вас, господин скелет, подойдите поближе, и я охотно помогу вам отправиться вслед за ними.

Череп со скрипом повернулся в сторону северянина. Пустые глазницы встретились с живыми глазами.

— Это будет неправильно, хозяин стального зуба.

— А как правильно? Расскажи нам, — спросил Эхомба. При этом он ни на мгновение не терял бдительности.

Симна не выдержал и шепнул ему:

— Опять вопросы? Всегда вопросы, даже когда стоишь лицом к лицу с самой Смертью!..

— Мы не Смерть, — мирно пояснил скелет. — Мы всего лишь мертвые. Различие существенное. — Он указал костлявой рукой на всадников, терпеливо ожидавших поодаль. — Мы Братство скелетов. Мы объявили этот лес своим владением, уголком мрака, отказавшего нам в упокоении и заявившего на нас права. Мы здесь обитаем, или присутствуем, как хотите, но не существуем, и лишь в тех случаях, когда к нам вторгаются глупцы или смельчаки, — белая рука протянулась к путникам, — наш гнев оживает. — Он замолчал, потом неожиданно добавил: — Вы достаточно отважны, чтобы перебраться через наши горы, но вы погубили многих из нас, и тут есть одна сложность...

— Сложность?.. — Симна невесело рассмеялся. — Ты посылал против нас дюжину за дюжиной своих бойцов, а теперь, когда у вас ничего не вышло, заявляешь, что есть одна «сложность»?! — Он поиграл мечом, перебросил его из руки в руку. — Давайте, подходите ближе, и вы увидите, как Симна ибн Синд и великий колдун Этиоль Эхомба решат все ваши сложности!

— Вы не можете убежать. — Скелет указал на опрокинутую повозку. — Ваш экипаж нуждается в починке, а вы не сможете его починить, если будете биться с нами. А тем временем сотни наших братьев спешат сюда. Если бы ваша повозка была на ходу и ветер благоприятствовал, вы могли бы надеяться ускользнуть от нас. Но если завяжется битва...

— Это блеф! — воскликнул Симна. Он взмахнул мечом. — Пора кончать с болтовней!

Эхомба сделал ему знак замолчать и прислушался. Слух у него был отменный, но он знал, что рядом с ним есть существо, с которым ему не сравниться.

— Алита?

Кот понюхал воздух, навострил уши. Спустя некоторое время желтые глаза остановились на пастухе.

— Что-то доносится. Может быть, ветер... а может, топот лишенных плоти ног. Их сотни.

— Пусть так! — Симна опять повысил голос. — Сейчас не время строить догадки! — Он шагнул вперед. — Клянусь Джинвиваном, мы их перебьем!

— Они на конях, а мы пешие, — напомнил Эхомба. — Кроме того, их слишком много, и торопиться им некуда. Я завел вас сюда, и поэтому не имею права рисковать вашей жизнью.

Он опустил меч и шагнул к скелету.

— Этиоль, — встревоженно крикнул Симна, — я не знаю, что ты надумал, но прошу тебя, не делай этого!

Эхомба встал перед скелетом и заглянул в пустые глазницы.

— Ты говорил, что мы достаточно отважны, чтобы миновать эти места, но есть одна сложность. Какая?

Череп сделал мягкий кивок.

— Вы отважно сражались, и многие наши воины отправились на вечный отдых. Но взамен один из вас должен присоединиться к Братству. Если он поступит так добровольно, другим будет дозволено покинуть наши лес и горы и вернуться в мир живых.

Эхомба понимающе кивнул. Симна у него за спиной выразительно засопел, но пастух не обратил на него внимания.

— Ты даешь слово?

— Вот моя рука, — ответил скелет и протянул Эхомбе костлявую ладонь.

Эхомба осторожно пожал кости и поразился, почувствовав под пальцами ровное, живое тепло.

Скелет обратился ко всем четверым:

— Кто из вас желает добровольно вступить в Братство?

— Я! — откликнулся пастух.

— Что?! — вскричал Симна и шагнул вперед. — Что за чушь, Этиоль? Зачем ты даешь обещания этому... этому бродяге, сбежавшему из неосвященной могилы?!

Эхомба повернулся к нему, положил руки ему на плечи и заглянул в глаза.

— Симна, ты еще веришь, что я великий колдун?

— Да... Но ты всегда это отрицал. Я знаю, что за твоими словами всегда есть что-то еще. Какую уловку ты придумал на сей раз?

Эхомба, не отвечая, повернулся к Хункапе.

— А ты? Ты веришь мне, дружище?

— Хункапа... верит.

— А ты, Алита? Как ты считаешь? — обратился пастух к громадному коту.

Тот зевнул.

— Делай как знаешь. Если ты умрешь, я отправлюсь домой. Если сохранишь жизнь, буду следовать за тобой. Я знаю только одно: мне уже надоел вкус костного мозга, а дальше решать тебе.

— Понятно. — Этиоль вновь повернулся к Симне, смущенно улыбнулся и сказал: — Что бы ни случилось,

что бы ты сейчас ни увидел, сохраняй хладнокровие. И дай мне слово, что пойдешь дальше на запад. Не теряй бдительности, друг Симна. Смотри в оба, а в остальном доверься мне.

— Довериться тебе? После того, что ты хочешь сделать с собой?! Этиоль!..

Но пастух уже не слушал его. Он отдал Хункапе меч из небесного металла и повернулся к скелету.

— Я готов.

Посланник Братства взмахнул мечом. Но Этиоль поднял руку и, предвосхищая удар, произнес:

— Подожди! Я избавлю тебя от этой необходимости.

Стоя между живыми и мертвыми, пастух открыл рот и округлил губы. Овал его рта становился все шире и шире. Он рос на глазах. Человеческий рот не может раскрыться так широко. Даже скелеты на своих костлявых конях испуганно заерзали в седлах. Только Симна ибн Синд и огромный черный кот сохраняли спокойствие: им это уже доводилось видеть.

Ни один человек не смог бы развести челюсти так широко, но Этиоль Эхомба был больше чем человек. Он был эромакази. Сейчас вокруг не было черноты, которую следовало пожрать, не было эромакади, которого требовалось уничтожить, — но это не могло помешать Эхомбе применить свои замечательные способности. Он еще шире раздвинул губы и челюсти.

А потом его скелет с необыкновенной грацией невозмутимо принялся выбираться из тела через как раз подходящее по размерам отверстие, которым стал рот пастуха.

X

Словно богатый купец, степенно снимающий богатое одеяние, скелет Этиоля Эхомбы освободился от плоти и встал перед ними во всей красе — белый до блеска, изящный. Всадники радостно воздели мечи и подняли на дыбы скелеты своих скакунов.

— Нет! — Симна с мечом рванулся вперед, но что-то схватило его за ногу, и он упал. Симна в ярости обернулся и увидел широко раскрытые глаза, глядящие на него из кучки одежды и кожи. Искаженное и непривычно плоское лицо Эхомбы доброжелательно улыбалось.

— Потише, Симна! Разве я не просил тебя довериться мне?

Ошеломленный северянин отполз в сторону.

— Этиоль, это ты? Ты жив?

— Жив, только ходить не могу. Чувствую себя, как мокрые лохмотья. Подними меня, мой друг. Я хочу видеть, что происходит.

Стараясь не выдать своего отвращения, Симна дрожащими руками приподнял мягкое тело друга и повернул его лицом к врагам.

Тем временем скелет Эхомбы вслед за представителем Братства подошел к строю всадников. Скелет командира забрался в седло и жестом предложил скелету Эхомбы сесть позади. Высокий изящный скелет Этиоля, только что покинувший свою плоть, ухватился за протянутую руку и запрыгнул на круп скелета коня.

Члены Братства отдали салют, затем развернули своих скакунов и, построившись по двое, мелкой рысцой поскакали в глубь леса. Живые остались одни.

Эхомба, вися на руках Симны, проводил их взглядом.

— Надеюсь, — заметил он, — мой скелет сможет удержаться в седле. Мы, наумкибы, не слишком хорошие наездники.

— Это уже не важно, брат! — Симна тоже, не отрывая взгляда, смотрел, как скелеты исчезают в лесу. — Никакой опыт не поможет, когда приходится скакать без седла, на голых костях. — Он перевел взгляд на пастуха. — Что будем делать теперь?

— Поскорее убираться отсюда. Алита был прав. Теперь я тоже слышу приближение сотен скелетов.

— Но как же небесный меч! Ты мог бы воспользоваться им.

— Не здесь. Мы все погибли бы, — коротко объяснил пастух.

— Ну и пусть! — со злостью заявил Симна. — Все равно это лучше, чем жить без костей.

Прореха, когда-то бывшая ртом Эхомбы, раздвинулась. По-видимому, теперь это означало улыбку.

— Разве я не просил тебя доверять мне?

— Ну просил, и что? Ты собирался привести нас в Эль-Ларимар, а что теперь? Как ты будешь сражаться с этим самым Химнетом? Предложишь мне двигать твоими руками, как кукловоду? Я считаю себя храбрым человеком, но не дураком! — Он помолчал и с горечью добавил: — Если во всем этом и есть какая-то добрая магия, то я ее не вижу.

— Еще увидишь, мой друг. А сейчас положи меня, только осторожно. Теперь переверните повозку и поднимайте парус. Надо поскорее уехать отсюда.

— Хункапа! — крикнул северянин. — Давай-ка поставим на колеса эту телегу.

Когда повозка была поставлена на колеса, Симна тщательно проверил ее состояние. К счастью, несмотря на сильный удар, крупных поломок не было. Он подозвал Хункапу и приказал:

— Будешь держать Этиоля, чтобы он мог видеть. Мне придется править.

— Править куда? — тихо спросил зверочеловек, бережно беря на руки то, что осталось от Этиоля.

— На запад! Куда еще! — буркнул Симна и уселся на сиденье водителя. Он попробовал, как ходит рычаг, поднял парус, и повозка со скрипом тронулась с места. Симна вывел ее на дорогу, и путешественники покатили на запад.

Большая часть пути прошла без происшествий. Алита время от времени убегал на охоту и приносил черных кроликов и небольших антилоп, так что свежего мяса хватало всем. Эхомба тоже не голодал: ему давали протертые ягоды и нарезанную на мелкие куски рыбу.

К удивлению Симны, пастух испытывал даже некоторое удовольствие от новизны ощущений. Ходить он не мог, зато был способен ползать, помогая себе руками и ногами.

Симна восхищался его выдержкой и терпеливостью. Любой другой человек, лишившись скелета, впал бы в уныние, но только не Эхомба. Он по-прежнему был бодр, временами похваливал Симну за ловкость в обращении с повозкой, Алиту — за удачливость в охоте, Хункапу — за помощь и неизменное дружелюбие.

На пятый день Симна не выдержал и воскликнул:

— Клянусь Джирборном, можно подумать, что, лишившись костей, ты чувствуешь себя куда лучше, чем прежде!

— Скелет, конечно, во многих отношениях полезная штука, — ответил Эхомба. Он лежал на руках у Хункапы. — Но вертикальное положение отнюдь не самое лучшее в смысле приспособления. Прямоходящее существо слишком уязвимо для ветра, а также копий и стрел противника. У ползучего создания есть свои преимущества. Спроси, например, у змеи.

— Я готов помогать человеку, но не змее, — проворчал Симна. — Впереди, похоже, река. И широкая...

Эхомба попросил Хункапу приподнять его повыше.

— Мне кажется, — поделился он своими наблюдениями с Симной, — колея должна оборваться, не доходя до берега. Смотрите, противоположный берег более низкий,

и лес там пореже. Рули осторожнее, не стоит рисковать повозкой. Она нам еще пригодится.

— Ладно, — кивнул меченосец и вдруг помрачнел. — Может, судьба решит, что за последнее время я слишком мало ходил пешком, чтобы наградить меня длительной поездкой.

— Удивительно, — сказал Этиоль, словно не замечая перемены в настроении Симны, и доброжелательно улыбнулся. — Раньше ты все больше думал о сокровищах.

— Что толку сейчас о них думать! — Симна слегка повернул рычаг, ловя ветер. — Послушай, до сих пор ты меня за это не упрекал, разве что старался убедить, будто сокровищ не существует. А теперь, когда все идет из рук вон плохо, решил напомнить о них? Чтобы я с крючка не сорвался? Не думай, что я такой глупец, долговязый братец. Если бы я считал, что ты водишь меня за нос, я давно бы тебя бросил и дал деру.

Эхомба попытался пожать плечами, и по его телу пробежала легкая рябь.

— Ты прав, друг Симна. На самом деле нет никаких сокровищ. Это только уловка, с помощью которой я пытался заставить тебя мне помогать. Мне будет стыдно перед старейшинами нашей деревни. — Лишенная костей рука, трепеща, подползла к Симне. — Что ж, теперь уходи. Будь сам по себе, следуй своему предназначению. Я освобождаю тебя от всех обязательств.

— Не зли меня, братец! И не воображай, будто я не способен уйти! Вот прямо сейчас остановлю этот гроб на колесах и выйду. А за тобой пусть присматривают эти двое. Один из них — глупее не придумаешь, а другой рано или поздно в виде добровольной помощи тобой закусит.

— Ну, тогда давай. Останови повозку, Симна, и уходи, пока есть время. — Эхомба не сердился и не повышал голоса. — Забудь о сокровищах. Их не существует. Ты их вообразил, чтобы оправдать участие в нашем походе. Теперь ты свободен от иллюзий и знаешь правду! Возвращайся на побережье. Я не стану думать о тебе плохо, если ты это сделаешь. Только глупец, как ты правильно выразился, рискует жизнью ради выдумки.

— Верно! Клянусь Гуоржохой, ты совершенно прав!

Симна потянул рычаг и свернул парус. Повозка медленно остановилась.

Алита поднял голову и сонно глянул на него.

— Что на сей раз?

У Хункапы уже был наготове ответ.

— Большая река. — Он обезоруживающе поглядел сначала на Эхомбу, потом на Симну. — Большой спор.

— Вот именно! — кивнул Симна и, закрепив рычаг, решительно принялся собирать свои вещи. Он взял также часть припасов и объявил: — Я ухожу!

Громадный кот, казалось, не проявлял интереса к происходящему. Как всегда, он считал, что поспать куда полезнее для здоровья и сон более содержательное занятие, чем скандалы, устраиваемые людишками. И все-таки он спросил:

— Почему?

Эхомба попытался объяснить ему:

— Видишь ли, Симна минуту назад узнал, что сокровищ, за которыми он стремился, не существует. Поэтому он больше не хочет попусту тратить время.

— Вот именно! — Симна мял в руках одежду. — Только дурак будет рисковать своей жизнью ни за что ни про что.

Он затянул заплечный мешок и взялся рукой за борт. Потом посмотрел на Эхомбу, который, перевесившись через колени Хункапы, в свою очередь внимательно смотрел на него.

— Ну? — спросил пастух.

— Что «ну»?

Если не считать необычной внешности, перед Симной был прежний невозмутимый и доброжелательный Эхомба.

— Я желаю тебе безопасного возвращения на побережье. Один человек, осторожно пробирающийся по этим горам, вряд ли привлечет внимание Братства скелетов. Возможно, мы еще когда-нибудь встретимся.

— Только если мне здорово не повезет. — Симна встал и уже совсем было собрался спрыгнуть на землю, но тут его осенило. — *Эй!* Ты, колдун, думаешь, что очень умный?

— Умный? — Эхомба помолчал. — Пожалуй. По крайней мере мой отец и мать полагали, что я не дурак. Среди своих ровесников я считался знающим пастухом.

Симна оскалился.

— Волшебник ты или нет, но вряд ли наступит такой день, когда тебе удастся одурачить Симну ибн Синда.

— Я тебя не понимаю, друг, — искренне признался пастух.

Симна развязал мешок и принялся выкладывать вещи обратно в повозку.

— Ты действительно хитрый парень, Этиоль Эхомба. Ты чуть меня не надул! — Он погрозил Этиолю пальцем. — Говоришь просто, но знаешь, как обдурить человека. Я и впрямь поверил, что никаких сокровищ там нет! Ты ловко

заставил меня думать, что это я сам догадался. Но ты рано обрадовался! Я немного повременю, братец, я не похож на других простаков. Если я ухватил кусок, у меня его уже не отнимешь. Тебе не удастся так легко лишить меня моей доли. — Он снова уселся за рычаг, развернул парус, чтобы поймать ветер, и добавил: — Тебе не удастся меня обдурить, как бы ты ни старался. Симна ибн Синд никогда добровольно не откажется от своей доли сокровищ!

Эхомба вздохнул: его лишенная ребер грудь чуть вздулась и тут же опала.

— Ты самый упрямый человек, друг Симна, которого я знаю. Если ты что-то вбил себе в голову, то это уже навсегда.

— Вот и не забывай об этом, наставник телят.

Симна взялся за рычаг.

— Подожди! — Эхомба, насколько это было возможно, попытался приподняться с колен Хункапы.

— Что еще? — Симна усмехнулся. — Решил испробовать на мне очередную колдовскую штучку, чтобы лишить уверенности в себе? Не выйдет!

— Совсем нет. Кто-то к нам приближается.

Трепещущая рука с трудом указала в ту сторону, откуда они ехали.

Симна нахмурился, неохотно обернулся и принялся вглядываться в лес.

— Ничего не вижу. Если ты хочешь заставить меня выйти из повозки перед тем, как мы пересечем реку, то напрасно теряешь время. Нравится это тебе или нет, я остаюсь с вами. Мы все вместе отправляемся в Эль-Ларимар.

— Взгляни чуть севернее от дороги. Одинокий всадник. Старый приятель.

— Что значит «старый приятель»? — встревожился Симна. — У нас тут никаких приятелей нет. Мы не...

Он замер на полуслове, различив одинокого всадника, приближавшегося к ним. Эхомба оказался прав — это действительно был «старый приятель».

Скелет пастуха!

Трясясь на позвоночнике лошадиного скелета-привидения, он припал к шейным позвонкам скакуна, крепко сцепив под ними руки.

— Но как?.. — Симна запнулся и бросил страдальческий взгляд на друга.

Лицо Этиоля, утонувшее в складках его бескостного тела, расплылось в добродушной улыбке.

— Если лишить кости всего остального, они будут страдать в одиночестве, — объяснил он.

— Ты знал, что он вернется к тебе! — Симна оправился от потрясения и вновь обрел свою обычную самоуверенность.

— Я знал, что он должен сделать такую попытку. И надеялся, что ему повезет. Я доверяю всему, что во мне, дружище. — Улыбка Эхомбы стала еще шире. — Сворачивай парус. Он скоро догонит нас.

— Не так уж и скоро, — заявил Хункапа. Выпрямившись, он приподнял тело Эхомбы и, глядя в сторону приближавшегося скелета, добавил: — Еще кости.

Симна вскочил на ноги и пригляделся. Среди деревьев ясно вырисовывались воины Братства — и пешие, и всадники. Они жутким шепотом завывали и улюлюкали и яростно размахивали оружием.

— Клянусь Гайпуеном, — сквозь зубы проговорил Симна, — их тут несколько сотен. — Он взглянул на Эхомбу. — Что будем делать?

— Переправляться через реку. И как можно быстрее, вот что я вам скажу. Парус, Симна, ставь скорее парус!

— Ну да!

Северянин торопливо развернул парус, потом взялся за рычаг. Повозка, набирая скорость, покатила к реке.

— Только один вопрос, братец, — сказал Симна. — А как мы будем переправляться?

— Повозка, за исключением нескольких скоб и гвоздей, вся деревянная. Она легкая и прочная. Надеюсь, она поплывет.

Экипаж продолжал набирать скорость.

— А если нет? — спросил северянин.

— Тогда поплывем сами, и я окажусь лучшим из вас пловцом.

Глухо завывая и яростно шипя, воины Братства скелетов продолжали преследовать сбежавшего новичка, а заодно и его друзей во плоти и крови. Симна то и дело оглядывался, ерзал на месте и ругательствами старался заставить повозку ехать быстрее. Один раз, не выдержав, он набрал полную грудь воздуха и что было силы дунул на парус.

— Быстрее! — закричал Хункапа Аюб одинокому скелету, удирающему от своих собратьев.

Вокруг беглеца начали падать копья. Одно попало в коня, но, не нанеся вреда, скользнуло между ребер.

Скелет Эхомбы нагнал повозку и поскакал рядом. Он расцепил руки под шеей коня, примерился и прыгнул.

И промахнулся.

Но у самой земли его подхватила могучая волосатая рука. Довольный Хункапа быстро втащил скелет в повозку.

— Расстели меня на дне! — велел Эхомба.

Хункапа повиновался.

Скелет, которому не требовался отдых даже после такой безумной скачки, не теряя времени начал наползать на тело. Эхомба открыл рот. Сначала во все увеличивающееся темное отверстие ушли кисти рук, потом предплечья... Скелет все глубже и глубже заталкивал себя в телесную оболочку.

Когда последняя косточка исчезла в отверстии, рот начал уменьшаться. Потом пастух сел. Его лицо задвигалось — жуткое зрелище: это череп устраивал себя внутри головы. Затем со скрипом и треском задергалось все тело и наконец перед Симной предстал прежний Эхомба.

Оглядев себя, он удовлетворенно улыбнулся.

— Так все-таки лучше. Намного лучше. Жить без скелета легче, никакого напряжения не чувствуешь, но ужасно утомляет, что нельзя встать и потянуться.

В следующее мгновение улыбка исчезла с его лица. Он ухватился за мачту и закричал:

— Смотри, куда правишь!

— А?

Симна торопливо ухватился за рычаг. Возрождение друга настолько его потрясло, что он совсем забыл о повозке. В следующий миг колеса лишились опоры, и повозка оторвалась от земли.

Подняв кучу брызг, она рухнула в реку. Течение и ветер сразу начали сносить ее на середину. Громадный кот поднял голову, зевнул и лениво поинтересовался:

— Мы еще едем или уже плывем? Лучше поторопиться, враг близко.

— Это вам не баркас! Весел нету! — огрызнулся Симна.

Он глянул под ноги и увидел, что через щели в полу и бортах в повозку сочится вода. Оставалось только гадать, сколько еще она продержится на поверхности.

Тем временем войско Братства выехало на берег. Самые разъяренные, чуть помедлив, пустили скелеты своих лошадей в воду.

— Они еще пытаются догнать! — возмутился Симна и принялся дергать рычаг, пытаясь помочь повозке набрать скорость.

Эхомба, глядя на ряды скелетов на берегу и всадников, плывущих по реке, заметил:

— Мертвым легко быть храбрыми!

— Глубокая мысль, — фыркнул Симна, — только вряд ли она нам поможет!

Эхомба усмехнулся.

— Ты бы лучше думал о парусе, друг. Храбрость и здравый смысл не всегда идут рука об руку. — Он вновь посмотрел на преследователей и после короткой паузы сказал: — Оура говорил, что у оживших скелетов происходят сдвиги в сознании. Они отлично помнят всякие пустяки, но о сложных вещах им думать трудно.

Симна бросил взгляд через плечо, и настроение его сразу улучшилось: не приспособленные для плавания скелеты один за другим начали тонуть, и течение стремительно затягивало их на глубину. Некоторым удалось выбраться на берег, но остальным было суждено навечно остаться на речном дне, чтобы в конце концов сгнить и превратиться в ил.

Симна порадовался бы удаче, но за этот день он так устал, что сил уже не было. Кроме того, они сами были на волосок от гибели: кузов продолжал заполняться водой.

— Что делать? — спросил северянин Эхомбу.

Пастух глянул себе под ноги.

— Не знаю, Симна. Я не знаток по части лодок и местных повозок. Кузов, на мой взгляд, крепкий и должен выдержать плавание. Но если мы утонем, не дотянув до берега, это уже не будет иметь значения. — Он посмотрел на медленно приближающийся берег, потом перевел взгляд на парус. — Если ветер удержится...

Как ни странно, но когда вода дошла до колен, повозка перестала погружаться, хотя скорость ее заметно упала. Течением их сносило вниз по реке, и когда беглецы скрылись за излучиной, войско Братства скелетов начало оттягиваться в лес. До противоположного берега уже было довольно недалеко, и Симна предложил попробовать перепрыгнуть. Но тогда они лишились бы всех припасов, поэтому Эхомба решил подождать, пока ветер и течение не прибьют повозку к земле.

Симна возразил:

— Если телега потонет под нами, все равно придется вплавь добираться до берега. Чего же тянуть?

Вдруг кузов резко вздрогнул и остановился.

— Ничего страшного, — усмехнулся Симна. — Мы просто сели на мель. — Он бросил рычаг, прошлепал к левому борту и глянул в воду. — Точно, песчаная отмель. Похоже, она тянется до самого берега. — Заметно повеселев, он взял меч и заплечный мешок. — Можно добраться пешком.

Эхомба засомневался:

— Я не уверен...

— Не уверен? — Северянин энергично закинул мешок за плечо и приготовился ступить через борт. — В чем ты не уверен, Этиоль? С такими длинными ногами, как у тебя, тебе бояться нечего. Единственный, кто пострадает, — Симна кивнул в сторону громадной волосатой фигуры, — это Хункапа. У него шерсть как губка.

— Хункапе будет хорошо, — заверил его зверочеловек.

— Хункапе всегда хорошо, — передразнил его Симна. — Песчаные отмели обычно достаточно плотные, но все-таки я не хочу шагнуть за борт и провалиться по шею в песок. Если уж выглядеть дураком, то вместе со всеми. — Он показал на отвалившуюся от кузова перекладину. — А ну-ка, Хункапа, дайка мне эту палку.

Аюб выловил ее из воды и протянул Симне. Северянин потыкал палкой в песок. Слегка выпуклая отмель была плотной, но какой-то упругой. Симна надавил посильнее, и она чуть-чуть поддалась.

— Вот видишь!

Он был рад, что сумел наконец-то уязвить Эхомбу. Долговязый пастух с постным лицом слишком часто оказывался прав. Это начинало надоедать.

— Ступай осторожно. Давай бери шмотки и вылезай, пока эта телега еще держится на воде.

Хункапа Аюб, держась одной рукой за мачту, нерешительно заглянул за борт.

— Симна, а меня она выдержит?

— Конечно. Смотри! — Воин стукнул палкой по отмели.

Отмель, возмущенная таким обращением, извергла Симне в лицо струю мутной воды, которая сбила его с ног. Эхомба едва не свалился в реку, но успел схватиться за рычаг. Хункапа от неожиданности присел на корточки.

Огромный угорь, зарывшийся в илистое дно, поднял голову из воды, чтобы узнать, кто посмел нарушить его покой. Маленькие черные глазки остановились на Симне. Щелкнув челюстями, угорь бросился вперед.

Что-то напоминающее поток черного пламени мелькнуло в воздухе. Удар отбросил Симну в сторону. Падая, он успел заметить зубастую пасть и не задумываясь схватился за меч. Но лезвие не встретило преграды, и Симна рухнул в скопившуюся на дне кузова воду. Огромный угорь перевернулся на бок и мощным хвостом хлестнул по повозке.

Все трое, кто был в ней, попадали с ног. Трое, потому что четвертый исчез.

Вцепившись в рычаг, Эхомба смахнул воду с лица и с волос, заплетенных в косички, потом бросился к борту. Угорь продолжал молотить по повозке, и она ходила ходуном.

— Вы видите что-нибудь? Симна!

Оглушенный, насквозь промокший северянин уцепился за борт и заглянул в воду.

— Нет! — выдохнул он.

В следующий миг в лицо ему ударила струя грязи. Отплевываясь, он отскочил от борта.

— Там ничего не видно! Ничего!!

Эхомба, тоже перегнувшись через борт и вглядываясь во взбаламученную глубь, бормотал:

— Алита! Где Алита?

Зверочеловек поднял руку. Мокрая шерсть свешивалась с нее, словно водоросли.

— Хункапа видит его.

— Как... — Эхомба выплюнул попавшую в рот воду. — Как он выглядит?

Наступило молчание, прерываемое только глухими ударами в дно повозки. Наконец Хункапа Аюб объявил:

— Голодным.

Из-под самого днища повозки взметнулась вода вперемешку с илом, и почти одновременно с этим удары о дно прекратились. Река успокоилась. Наступила тишина; только было слышно, как булькает вода, просачиваясь в повозку через новые трещины. Эхомба подумал, что теперь она точно скоро потонет.

Из мутной жижи вынырнул черный левгеп, сжимая в зубах мертвого угря с перекушенной шеей. Плавными, но мощными толчками он поплыл к берегу, волоча за собой свою добычу. Эхомба посмотрел ему вслед, потом повернулся к зверочеловеку.

— Хункапа, нам нужно двигаться за Алитой. А тебе придется тащить повозку. Только у тебя хватит на это силы.

Услышав слова Эхомбы, Хункапа поник. Замогильным голосом он ответил:

— Хункапа сделает, Этиоль. Но Хункапа не умеет плавать.

— Не умеет?!

Эхомбу редко можно было застать врасплох, но Хункапе это удалось. Когда повозка упала в воду, когда их сносило течением, даже когда они сидели по колено в воде, большой волосатый брат ни разу не заикнулся о том, что не умеет плавать.

Эхомба поглядел на Симну. Они с меченосцем могут доплыть до берега; но им придется поддерживать Хункапу, чтобы голова его все время была над водой.

Когда он сказал об этом Хункапе, тот с ужасом посмотрел на взбаламученную воду и тихо сказал:

— Не знаю, Этиоль. Хункапа боится.

— Надо попытаться, — твердо сказал пастух. — Я надеюсь, здесь все-таки достаточно мелко, и ты сможешь идти по дну. Если нет, попробуешь плыть. Я научился плавать еще до того, как начал ходить. Это куда более естественные движения, чем ходьба.

Он выловил из воды свои пожитки, достал копье, повесил оба меча за спину.

— Если что-то будет не получаться, следи за мной и делай как я. — Этиоль ободряюще подмигнул Хункапе. — Здесь мы больше оставаться не можем. Повозка разваливается. Если нас подхватит течение, то вынесет на глубокое место. Тогда тебе уже вряд ли удастся пройтись по речному дну.

Он видел страх в глазах Хункапы, и ему было удивительно, что такое большое и сильное существо боится стихии, которая ему, Этиолю, с детства была родной. Он взял в свою руку тяжелую волосатую лапу.

— Давай со мной, Хункапа. Спрыгнем вместе, понял? У нас нет выбора.

Зверочеловек робко кивнул:

— Хункапа понимает. Давай вместе. Эхомба поможет другу.

Огромные пальцы до боли сжали руку Эхомбы, но пастух не подал виду. Он повернулся и посмотрел на Симну.

— Ты идешь? Или ты так привязался к этой повозке, что готов потонуть вместе с ней? — Он улыбнулся. — Чуть-чуть проплывешь, и твои ноги ударятся о настоящую песчаную отмель.

— Они могут ударить кого-то еще, — мрачно огрызнулся северянин. Он подобрал меч, поправил мешок, встал на борт и, состроив гримасу, прыгнул в мутную воду.

— Теперь мы с тобой, — сказал Эхомба Хункапе.

Хункапа чуть не раздавил руку Эхомбе, когда они вместе спрыгнули с борта. Раздался громкий всплеск, и мгновением позже голова человекозверя появилась над поверхностью. На волосатом лице читались одновременно радость и удивление.

— Хункапе не надо плыть! Хункапа стоит на дне!

— Вот и отлично.

Эхомба быстро, пока не намок его походный мешок, поплыл к берегу. Оказавшись в родной стихии, меч из зуба акулы радостно затрепетал, запрыгал у него на спи-

не. Любого другого этот танец перепугал бы до смерти, но пастух был готов к нему. Разве не естественно, что чудесное оружие радуется, вернувшись в родную стихию?

Неожиданно какая-то сила вытолкнула Этиоля снизу из воды. Нет, на сей раз это был не гигантский угорь, а Хункапа Аюб. Оставшуюся часть пути Эхомба совершил с неожиданным комфортом, сидя на широченных плечах друга.

А вслед ему неслись проклятия, которыми сыпал Симна: ему почти до самого берега пришлось добираться вплавь.

XI

Выбравшись на берег, путешественники первым делом осмотрелись. Преследователи, не в силах преодолеть широкую реку, которая, по-видимому, служила естественной границей их владений, отказались от погони и скрылись в лесу. Теперь Эхомбе и его друзьям ничто не грозило. Вот только повозка пропала. Дальше предстояло идти пешком.

Этиоль расположился на поросшем травой склоне и разложил пожитки, чтобы быстрее просохли. Рядом грелся на солнышке Хункапа Аюб; он сильно смахивал на мокрый ковер. Эхомба проводил печальным взглядом повозку, которую течение относило все дальше и дальше, уволакивало на стремнину.

Наконец из реки выбрался усталый Симна. Вода потоками стекала с него, из-за пазухи выскакивали головастики. Северянин едва волочил ноги. Он на ходу сбросил заплечный мешок и ножны с мечом, а потом, пошатываясь, побрел туда, где лежал черный кот.

— Мой учитель фехтования, — сказал он, отряхивая одежду, — постоянно твердил: не будь опрометчивым, прежде смотри, куда ставишь ногу. Должен признаться, я не раз забывал об этом совете.

Громадный левгеп поднял голову от своей добычи и задумчиво ответил:

— И всякий раз становился посмешищем.

Симна скрипнул зубами и, тяжело дыша, уставился куда-то вдаль.

— Хочешь лишний раз уколоть меня, кот? Зачем? Я ведь пришел поблагодарить тебя за то, что ты спас мне жизнь.

Алита удивленно вскинул тяжелые брови.

— Спас тебе жизнь? Разве? Хотя, — левгеп вновь повернулся к угрю, — можно сказать и так. Но если тебе от этого будет легче, считай, что все получилось само собой. Случайно оказалось, что мясо угря мне больше всего по вкусу.

Огромные клыки впились в скользкую зеленовато-черную рыбину.

— Ладно, в любом случае спасибо тебе, слышишь, ты, кошачий гурман! Спасенный Симна ибн Синд отныне будет сначала думать, а потом только делать. Кроме того, он искупит свои прежние грехи воздержанием.

Северянин с трудом повернулся и, спотыкаясь, направился к тому месту, где бросил свои пожитки. Там он сел и прислушался. Теплый полуденный воздух вокруг был наполнен стрекотом насекомых.

Духовно и телесно измученные путешественники решили разбить лагерь и передохнуть. Они расположились недалеко от реки, под раскидистым деревом. На этом берегу лес был не такой густой, а деревья — не такие могучие.

— А тут, я гляжу, лес помоложе, — заметил Эхомба. Он потянулся и перевернул вертел, на котором жарились кусочки угря. Это был их ужин. — Очень печально, что утонула наша повозка. Она бы нам пригодилась, когда мы спустились бы на равнину.

Симна лежал, пристроив голову Хункапе на живот, и молча следил, как жарится рыба. Он хранил верность обету, но аромат, струящийся от шипящих на огне кусочков, склонял его к греху.

— Эх, долговязый братец, мы уже прошли пешком и пустыню, и степь, и горы, и болота. Клянусь мозолями Гамтихарапа, мы одолеем все, что встретится нам на пути!

Эхомба улыбнулся своему другу.

— Такой взгляд на вещи больше всего подходит тебе, Симна.

Северянин посмотрел на него, усмехнулся и несколько туманно ответил:

— Не только встреча с живыми скелетами способна переменить душевный настрой. Есть вещи и поважнее.

Он многозначительно указал глазами туда, где безмятежно дремал сытый Алита.

— Котенок в такие тонкости не вникает, но тем не менее он спас мне жизнь. Не воображай, будто я поверил, что он прыгнул только ради добычи. Алита в любое время мог наловить себе рыбки. Он знал, что делает, и это меня радует, это греет мне сердце.

— Наверное, ты прав, дружище. — Эхомба встал и поправил килт. — Я вот подумал: было бы неплохо добавить еще что-нибудь к этой рыбе. По пути я видел несколько фруктовых деревьев и грибы.

С этими словами он взял копье и пошел в лес.

— Только не забредай далеко, братец, — с беспокойством сказал ему вслед Симна. — Места незнакомые. Пусть тут и нет этих пощелкивающих костями скелетов, но запросто могут быть голодные дикие звери.

Не поворачивая головы, Эхомба ответил:

— Я только дойду до ближайшего дерева. А ты отдыхай и следи, чтобы наш ужин не подгорел.

— Я так голоден, что он ни в коем разе не подгорит.

Эхомба сориентировался по звездам и двинулся через заросли к тому дереву, которое приметил по дороге сюда. Это был дикий апельсин, и ветви его были усыпаны длинными колючками. Но Эхомбе не было нужды взбираться на дерево. Он поднял копье и принялся срезать наконечником апельсины. Всякий раз, когда наконечник касался черенка, до Этиоля доносился едва различимый, почти неземной звук: это дух, обитающий в наконечнике, благодарил хозяина за то, что тот использует его не только для того, чтобы нести смерть, но и для мирного дела.

Эхомба срезал апельсины с учетом того, что их надо будет делить на четверых. Разумеется, ему было отлично известно, что кошки не едят фруктов, но вместе с тем он так же хорошо знал, что Алита может обидеться, если его обделить.

Собранные плоды он сложил в килт и пошел обратно к костру. По дороге он набрал еще и грибов. Он был уже совсем рядом с лагерем, когда ему почудилось какое-то движение за стволом ближайшего дерева. В следующее мгновение Этиоль почувствовал у своего горла острое лезвие. Он резко опустил руки, и вся его добыча рассыпалась по траве. Несмотря на остроту слуха и зрения, он не видел нападавшего и не слышал его дыхания. Он даже не почувствовал его запаха — впрочем, это неудивительно, если учесть, кто напал на него.

Старые кости не пахнут.

— Удивлен, мошенник, нарушивший слово?

Похожий на шипение голос показался Эхомбе знакомым. Это был тот самый скелет, с которым Этиоль вел переговоры.

— Еще как, — растерянно прошептал пастух. — Я и подумать не мог, что ты или кто-то из твоих собратьев сумеет переправиться через реку. Неужели ты способен ходить по дну?

Скелет засмеялся и прошипел ему в ухо:

— Кто говорил об этом?

— Но как же ты перебрался на этот берег?

Скелет стоял сзади вплотную к Эхомбе, и пастух не мог достать копье.

— Перелетел, разумеется. — Он глухо захихикал. — Меня перенесли скелеты драконов. Тяжеловато для них, но другого не оставалось. Птицы для этого не годятся, зато летучие мыши и драконы — как раз то, что надо. Мембраны у них сохраняются, правда, не навсегда. Но все равно понадобился целый десяток, чтобы меня перенести. Жаль, обратного пути мне уже нет. Их крылья слишком истончились и пересохли... Впрочем, не важно. Какая разница, где сложить кости: здесь или там? Это ничего не изменит.

Эхомба стоял не шевелясь.

— Выходит, — осторожно проговорил он, — ты теперь изгой и тебе никогда не удастся вернуться к Братству.

Кости задребезжали: скелет вновь засмеялся.

— Это так, только взамен я получу что-то более ценное. Месть. Ты обещал отдать свои кости Братству, на этом условии я разрешил твоим друзьям свободно уйти. А потом ты позвал свои кости назад. Обманщик!

Лезвие глубже вонзилось в кожу, и пастух почувствовал на шее теплую струйку крови.

— Я выполнил обещание, — очень вежливо возразил он. — Я, как мы и договаривались, оставил вам свой скелет. Если он предпочел мое общество вашему, это не повод обвинять меня в нарушении слова.

— Разве? Как будто ты не знал, что он найдет способ вернуться к тебе.

— Я не был уверен. Но надеялся, что это произойдет. Мне нужен мой скелет. Гораздо нужнее, чем вам.

— Через мгновение он тебе уже не понадобится.

— Братец, что?..

Держа меч обеими руками, из темноты вышел Симна ибн Синд. Рядом с ним мрачной горой возвышался Хункапа, с другой стороны угадывался силуэт Алиты.

— Не подходите! — прошипел скелет.

— Этиоль?.. — окликнул друга Симна. В следующее мгновение он заметил нож и на взгляд измерил расстояние между собой и скелетом. Слишком далеко. — Если ты зарежешь его...

— Тогда что? — глухо загоготал скелет. — Ты меня убьешь? Будь это лет сто назад, твоя угроза подейство-

вала бы, странник, а теперь уже поздно. А когда я покончу с ним, я, может быть, возьму и твои кости. На вид у тебя интересный скелет, крепкий, устойчивый.

Симна хотел было что-то сказать, но тут раздался громкий треск, с каким обычно ломается дерево. Невольно все задрали головы. Все, кроме Эхомбы. Едва скелет отвлекся, он моментально освободился от захвата костлявой руки и бросился наземь. Посланник Братства успел взмахнуть ножом, но в следующий миг пал, сраженный упавшим с дерева толстым суком.

Еще не затих грохот рассыпавшихся костей, как друзья уже окружили пастуха. Хункапа без лишних слов поднял Эхомбу и поставил на ноги. Порез на горле кровоточил, и Этиоль возблагодарил судьбу: на полдюйма глубже, и он распрощался бы с жизнью. Сук сломался как нельзя более вовремя.

Хункапа Аюб и левгеп вернулись в лагерь, а Симна и Эхомба остались, чтобы осмотреть упавшую ветку.

— Вот это я называю удачей, — пробормотал северянин. — А ведь ветка-то не гнилая. Термиты или древоточцы над ней тоже не успели потрудиться. Но ведь отчего-то же она сломалась! — Он бросил подозрительный взгляд на Эхомбу. — И упала точно туда, куда нужно. И что теперь я должен думать о человеке, который столько раз говорил, что он не колдун, а когда приспичило, сумел и из собственной шкуры вылезти, и ветку уронить!

— На самом деле, Симна, — ответил пастух, собирая в килт уцелевшие грибы и апельсины, — я и тогда говорил правду, и теперь говорю. Я не колдун. И я удивлен тем, что случилось, не меньше, а может, больше, чем ты.

— Ну да, конечно! — язвительно проговорил северянин. — Ты все время твердишь одно и то же! Случайно вышло, что ты очутился под деревом, случайно сук обломился и упал прямо на этого костлявого убийцу. Никакой магии, никакого колдовства! Только счастливое совпадение, ничего больше!

Эхомба выпрямился и, глядя в сторону, сказал:

— Я не могу этого объяснить. Но мне известно, что в жизни бывают минуты, когда лучше не задавать вопросов. — Он вдруг вскинул голову и принюхался. — Что-то горит.

— Наш ужин! — воскликнул Симна. Он заторопился к лагерю, на ходу бросив на Эхомбу настороженный взгляд. — Клянусь язвами Гномоста, мне кажется, я уже видел это дерево. Чушь, конечно, но все-таки...

— Да, — ответил Эхомба и, прежде чем пойти за ним, в последний раз посмотрел на огромный старый дуб.

Угорь оказался на редкость вкусным и, к радости Симны, почти не подгорел, разве что был слегка пережарен. Грибы и дикие апельсины стали отличной добавкой к основному блюду. Даже Алита, к удивлению своих товарищей-людей, попробовал того и другого.

— Я люблю знакомиться с новым, — объяснил он, выплевывая апельсиновую корку. — Но только не с такой гадостью! Пф-ф!..

Глядя на него, Эхомба подумал, что ничто на свете так хорошо не символизирует отвращение, как морда недовольного кота.

После того как Хункапа Аюб согласился отдежурить в первую смену, остальные принялись готовиться ко сну. Симна и Эхомба расстелили одеяла, левгеп нагреб большую кучу опавших листьев и сухой травы. Ложась, Эхомба осторожно прикрыл воротником рубашки рану, чтобы ожерелье, которое он носил на шее, не касалось ее.

Когда он уже заснул, его посетил сон — но не похожий ни на обычное сновидение, ни на ночной кошмар.

Он бежал, стремительно несся на всех четырех лапах. Травинки и ветви кустарника с ошеломляющей скоростью мелькали мимо. Если бы он не чувствовал под лапами землю, то подумал бы, что летит.

Какое-то существо, испуганное его внезапным появлением, на мгновение оцепенело, а потом стремглав метнулось в сторону. Кролик, кто же еще! Слишком мелкая добыча. Он искал более крупную.

Он вылетел из травы, и олени в ужасе кинулись во все стороны. У Эхомбы была по крайней мере минута, чтобы оглядеться и выбрать подходящую жертву — времени больше чем достаточно. Его выбор пал на матерого оленя-вапити. У того не было ни малейшей надежды спастись. Эхомба взвился в прыжке, и его могучие челюсти сомкнулись на горле оленя. Бык мотал головой, пытался сбросить врага, достать его длинными рогами, но смерть уже настигла его и продолжала сжимать в своих объятиях.

Хлынула кровь, и каждая жилка Эхомбы, каждый нерв радостно затрепетали. Олень опустился на колени, затем упал, несколько раз дернулся и издох.

Эхомба развалился на земле, положил лапу на тушу и принялся пожирать добычу. Утомленный охотой, он до полудня насыщался, потом отдыхал до первых вечер-

них сумерек. С наступлением вечера встал и направился в заросли. Там он нашел ручей и долго пил.

Отыскав небольшую полянку, Эхомба устроился на отдых в тени деревьев, усыпанных желтыми цветами. Первым делом он принялся умываться. Наконец, сытый, довольный, он тяжело перевалился на бок и погрузился в дрему. Его сон был глубок, но, несмотря на это, далекого хруста сломанной ветки было бы достаточно для мгновенного пробуждения. Во сне его лапы подергивались.

У Эхомбы, лежавшего возле костра, судорожно дернулась левая нога...

Голова у Алиты кружилась. Не из-за того, что он долго гонялся за собственным хвостом — забава, которой он предавался, когда был совершенно уверен, что никто не видит. Голова кружилась от непривычных ощущений, от попыток сохранить равновесие, устоять в непривычной позе. При каждом шаге ему казалось, что он вот-вот упадет. Но несмотря на это, он все же не падал.

Ради всех бегающих, прыгающих, плавающих и летающих, скажите, что случилось с его передними лапами?!

А с глазами? С ушами, с носом? Он, правда, по-прежнему *видел*, но чувствовал себя полуслепым. Его зрение, которым он так гордился, ослабело, утратило четкость. Далекие предметы казались размытыми, сливались с окружающим фоном. Он видел мир словно сквозь дождь. Цвета были нарушены, а многие оттенки полностью отсутствовали. Это было ужасно.

Со слухом тоже творилось что-то странное: казалось, мир замолк. Он словно бы лишился защитной брони, сплетенной из множества шорохов, рождаемых живыми существами. Он слышал только тех, кто был совсем рядом.

Что касается чудесного мира запахов, то его отсутствие было похоже на ту же болезнь, которая поразила его зрение. Чтобы учуять что-нибудь, приходилось напрягаться, упорно внюхиваться в самые простые запахи, при этом те ароматы, которые ему удавалось определить, были настолько однообразны, что ловить их уже не имело смысла.

Даже лишь для того, чтобы удержать свое смехотворное тело от падения, требовалось постоянное внимание. И еще он осознавал — пусть даже смутно, — что его тело, пусть невысокое, гораздо лучше тех, что двигались рядом. Он испытывал слабость, он был растерян и поэтому инстинктивно попытался найти убежище.

Неподалеку было огороженное место, которое, казалось, обещало наградить его уединением, дать возможность осмотреться, понять, что же произошло. Он очень мало знал об окружающем мире, почти ничего в нем не понимал, так что неудивительно, что ему было плохо и неуютно. Но здание за оградой оказалось не пустым.

В обычных условиях он бы убил пару двуногих самок, которые бросились в его сторону. Однако по непонятной причине он этого не сделал, а, наоборот, позволил им довести до конца что-то похожее на нападение на него самого. Они принялись бить его по груди и по рукам, хватать за бедра, что-то лепетать прямо в уши. Самая юная из них, гибкая, не так давно созревшая самка вела себя скромнее, чем ее подруга. От обеих исходил пряный аромат обещаний и страсти, взволновавший его. Правда, и этот зов был фальшив и нарочит.

Еще одна самка, выскочив из входа в здание, ни с того ни с сего обвила его передними и задними лапами. К удивлению и неудовольствию Алиты, вместо того чтобы в качестве приветствия лизнуть его, она втолкнула свой язык глубоко ему в рот. Он был так напуган этим неестественным, жутким поступком, что забыл откусить ей язык. Она, со своей стороны, была не прочь погрызть его ухо. Тем не менее эти заигрывания, хоть и бессмысленные, его взволновали.

Самым неожиданным следствием этого нападения оказался жар в чреслах. Сбитый с толку, он не стал сопротивляться, когда самка повела его в здание, а потом — в затемненную комнату.

Догадавшись, чего именно она добивается от него, он ответил ей соответствующим образом. Очевидно, это не вызвало у нее раздражения. Совсем наоборот. В свою очередь, ему эти плавные телодвижения — так же как и их быстрое окончание — показались очень похожими на те, что он испытывал ранее. Теперь он был благодарен ей за сочувствие. После того как они оба немного отдохнули, он приготовился повторить процесс. Женщина не возражала.

После четвертого раза она с нескрываемым благоговением посмотрела на него. После пятого — с некоторым смущением. Когда же он отважился в шестой раз влезть на нее, причем с тем же энтузиазмом, что и в первый, она выскользнула из-под него и быстро выбежала на освещенное место. Ее реакция привела Алиту в замешательство. Он вполне был готов заниматься этим весь остаток дня и всю ночь. Видимо, в роду женщины такого обычая не было.

Его голова разламывалась от боли. Не в силах справиться с возбуждением, смущенный бегством самки, он заковылял к выходу. Его поджидали несколько очень крупных двуногих самцов, вооруженных, с мрачными лицами. Самка, с которой он только что соединялся, пряталась за их спинами. Она все время указывала в сторону Алиты и тараторила что-то невразумительное. Лица обоих вооруженных самцов все больше и больше наливались злостью.

Этого он уже не мог позволить себе стерпеть. Чтобы эти, у ворот, знали, с кем имеют дело, он издал предостерегающий рев.

Этот звук подействовал на них благотворно. Шерсть на их головах встала дыбом, глаза выпучились. Они побросали оружие и с криками разбежались.

Он почувствовал себя гораздо лучше и покинул бордель. Он не заплатил за визит, но никто больше не отважился встать у него на пути.

Алита облизнулся во сне и перевернулся на другой бок.

Войдя в город, Симна нахмурился. Где золотые башни, где мраморные аркады, где толпа уличных зазывал и базарных торговцев, где вкусные запахи? Его окружали простые хижины, крытые соломой. Вместо породистых лошадей и мулов по улицам бродили собаки и кошки. Вместо булыжной мостовой под ногами была утоптанная земля.

Он шел по улице, и женщины провожали его взглядами. Кажется, многие узнавали его. Они были красивы: высокие, стройные, крутобедрые... Он улыбался им; некоторые улыбались в ответ, хотя с некоторой нерешительностью и смущением, что уязвило его гордость.

Куда он попал? Разве это не Варуфан Блистательный, прославленная столица императоров Дхаштари? Но где же тогда величественные купола, облицованные плитками из отполированного змеевика, где знаменитые золотые решетки? Самой заметной вещью здесь был колодец. Что касается куполов, то Симна наткнулся на один из обожженного кирпича, но тот был необитаем.

Пока он удивленно озирался, что-то толкнуло его в ноги. Симна опустил голову и увидел маленькую девочку, прижавшуюся к его бедру. Ее личико сияло, она вся раскраснелась от радости. Он сделал слабую попытку освободиться от ее сильных, словно хватка питона, объятий. В следующее мгновение из ближайшего дома выбежал подросток. В одной

руке мальчик держал копье, похожее на игрушечное. Низко поклонившись, он взял Симну за руку и заулыбался.

Ошеломленный Симна не сопротивлялся, когда мальчик повел его в дом. В заднем помещении, возле каменного стола стояла удивительной красоты женщина. На столе лежали ножи самых разных размеров и веса: от очень тонких до тяжелых секачей, которыми орудуют мясники.

Женщина повернулась, лицо ее озарилось улыбкой, и она стала еще прекраснее. Даже пятнышки крови на переднике не портили впечатления. Она поцеловала Симну и торжественно проговорила:

— Добро пожаловать домой, муж!

Симна ибн Синд проснулся от собственных воплей.

Его крики разбудили всех, включая Хункапу Аюба, который дремал у костра. Была еще глухая ночь.

Эхомба бросился к другу.

— Симна, что случилось? Чем я могу помочь тебе?

Хункапа Аюб пытался стряхнуть с себя остатки сна, а лежавший поодаль Алита не моргая глядел на людей.

— Чем можешь помочь?.. — Северянин исподлобья взглянул на Эхомбу. — Ради Гукваквы, когда в следующий раз услышишь, как я кричу во сне, тут же буди меня! — Он обхватил голову руками и горестно уставился на потухший костер. — Ну и кошмар! Мне привиделось, что меня одомашнили: семья, дети...

Эхомба разочарованно скривился.

— И все?

Симна бросил на пастуха долгий серьезный взгляд.

— Брат, у каждого человека свои страхи. Я же не смеюсь над твоими. И ты к моим, будь добр, относись с уважением.

Эхомба помрачнел и кивнул.

— Ты прав, друг. Прости меня. — Он задумался на мгновение и добавил: — Любопытно — мне ведь тоже приснилась какая-то чушь! Будто у меня четыре ноги и я охочусь.

— Мне тоже, — с недовольным рычанием признался Алита. — Будто я, как человек, расхаживаю на двух ногах — и вдруг попадаю туда, где за совокупление надо платить.

Эхомба потер переносицу.

— Похоже, какая-то сила перепутала наши сны. — Он кивком указал на северянина. — Тебе, Симна, достался мой сон. — Затем глянул в сторону исполинского кота. — Мне — сон Алиты. А левгеп пострадал из-за твоих грез, Симна.

Симна энергично кивнул.

— Это безумие, но даже безумная логика все равно остается логикой! Я, конечно... — Тут его поразила неожиданная догадка. — Постой! Что ты имеешь в виду — «пострадал»? — Северянин повернулся к Алите. — Разве мой сон причинил тебе страдание?

— Безусловно, — ответил кот. — Хотя смею предположить, что тебе он доставил бы огромную радость.

— Дьявольская несправедливость! — проворчал Симна. — Каждый человек — и каждый кот! — должен видеть свои сны. Кто просил тебя лакомиться моими?

— Поверь, — ответил Алита, — если бы у меня был выбор, я лучше обменялся бы сном с каким-нибудь кроликом. По крайней мере тогда у меня было бы нормальное количество ног.

— Эй! — воскликнул Симна. — Разве это так важно...

Эхомба перебил его:

— Хункапа Аюб, ты тоже подремывал, когда Симна разбудил нас своими воплями. Что тебе снилось?

Во взгляде человекозверя было детское простодушие.

— Хункапа не видит снов, Этиоль. Хункапа спит крепко.

Симна фыркнул.

— Спишь — не грешишь! В неведении — непорочность.

Эхомба задумчиво рассматривал последние затухающие в костре угольки.

— Нам все-таки следует подумать о будущем, — заявил он. — Очень опасно, когда сны от одного переходят к другому.

Путешественники уселись в кружок и принялись обсуждать этот вопрос. В конце концов усталость их одолела, и они вновь разбрелись по своим местам. На сей раз им ничего не снилось, и проснулись они отдохнувшими.

На будущее решили воздержаться от употребления в пищу местных грибов, какими бы аппетитными те ни казались.

XII

Очень скоро необходимость беспокоиться о странных свойствах даров местного леса отпала, потому что они исчезли — как, впрочем, и сам лес.

Теперь они шли по равнине, поросшей высокой травой, и деревья видели только в маленьких рощицах да по берегам мелких речушек.

Желто-зеленая трава доходила до пояса, и если бы не Хункапа, их продвижение сильно бы замедлилось. Но зверочеловек, защищенный густой шерстью, не боялся колючек и острой осоки. За ним, как за плугом, прокладывающим борозду, путешественники быстро шагали на запад.

Родников и ручьев здесь было вполне достаточно, так что запасаться водой не требовалось. Уютные лощины служили отличным местом для привалов и ночевок. После захода солнца какие-то маленькие существа окружали их лагерь; они пронзительно попискивали, но когда кто-нибудь из путешественников пытался подойти поближе, тут же растворялись в высокой траве. Впрочем, кем бы ни были эти создания, они отличались миролюбивым нравом.

На равнине жили бизоны — исполинские существа; таких больших ни Симна, ни Эхомба раньше не видели. Путешественники обходили их стороной, и только Алита все время боролся с желанием испытать на них свое искусство охотника.

— Ну зачем? — говорил ему Эхомба, идя рядом с котом по примятой Хункапой траве. — Здесь множество мелкой дичи. Какой смысл рисковать?

— Чтобы доказать, что я способен завалить эту гору мяса! — Глаза Алиты блеснули. — Я знаю, тебе не понять. Таков уж инстинкт хищника, — добавил левгеп.

— Зато я понимаю, что если ты перепугаешь их стадо, нам всем крышка. Здесь негде спрятаться, и они нас просто затопчут. И еще я понимаю, что если ты угодишь одному из них под копыта, тащить тебя мы не сможем.

— Человек, ведь ты не жалеешь времени, чтобы проникнуть в суть вещей, которые тебе интересны!

Алита в сердцах прихлопнул полевку, решившую перебежать перед ним дорогу, и проглотил ее целиком.

— Когда мы сталкиваемся с чем-то мистическим, то полагаемся на тебя, — продолжал левгеп. — А когда речь идет об охоте, ты должен доверять мне.

— Хорошо, — не сдавался Эхомба. — Предположим, тебе удастся догнать и свалить одного из этих великанов. Ну а если он упадет на тебя?

Кот неторопливо кивнул, и грива на его огромной голове колыхнулась.

— Это веский довод. Даже самый искусный охотник может пасть жертвой несчастного случая.

— Кроме того, — добавил пастух, — что ты будешь делать с такой горой мяса?

— Как обычно! — воскликнул Алита. — Есть, пока оно не закончится! — Левгеп досадливо фыркнул: — С тех пор как мы путешествуем под предводительством человека, всякое разумное предложение ставится под сомнение. — Он какое-то время молчал, а потом неожиданно согласился: — Возможно, ты прав. Я поищу себе другую добычу.

— Спасибо, — поблагодарил Эхомба.

Вечером путешественники устроили ночевку в низине, где естественная запруда из камней и упавших деревьев образовала нешироким, но глубокий водоем. Симна и Эхомба с удовольствием искупались, а не умеющий плавать Хункапа плескался, как ребенок, на мелком месте у берега.

Ночью Эхомбу разбудил отчетливый запах гари.

Он отбросил одеяло и сел. Заря только-только занималась, все его товарищи спали, кроме Алиты. Поймав на себе взгляд Эхомбы, левгеп молча встал и принюхался.

— Ты тоже почувствовал? — прошептал пастух.

Огромный кот кивнул:

— Что-то горит, но что, понять не могу.

— Можешь сказать, в каком направлении? — спросил Эхомба.

Алита помолчал, потом поднял лапу и указал на север.

— Там. И быстро приближается.

— Давай-ка будить остальных.

Эхомба принялся расталкивать Симну, левгеп ткнул лапой Хункапу. Пока Симна просыпался, запах гари усилился.

Северянин приподнялся на локтях, моргнул и поморщился.

— Этиоль? Кто-то готовит завтрак?

Эхомба выпрямился и мрачно глянул на север.

— Похоже, горит трава.

Степной пожар, подобно стене, с ревом надвигался на них. Вал оранжевого пламени, обрамленный густо-красной каймой, жадно пожирал сухую траву. Впереди пожара в панике бежали животные.

— Ради Гапрета! — воскликнул Симна и принялся лихорадочно собирать пожитки. — Все в воду!

— Водоем слишком узкий! — возразил Эхомба. — А огонь очень сильный. Пламя выжжет траву по берегам и сомкнется над водой. Тебе нечем будет дышать, ты обожжешь легкие и задохнешься. Надо бежать вниз по течению, может, там река расширяется.

Пока он говорил это, огненный вал придвинулся к лагерю на добрый десяток футов.

Похватав вещи, они бросились вдоль реки. Алита несся впереди, без особых усилий перепрыгивая через огромные валуны. Эхомба и Симна, которые несли поклажу, отставали. Хункапа Аюб не отличался грацией, но его размашистый шаг компенсировал природную неуклюжесть.

Постепенно поток расширялся, вселяя надежду в беглецов. Хункапа Аюб крикнул:

— Хункапа видит воду!

— Еще одна запруда? — задыхаясь, спросил Симна.

Стена огня неумолимо нагоняла их, и никаких признаков того, что пожар ослабевает, не наблюдалось.

Зверочеловек споткнулся, но устоял на ногах и широкими прыжками двинулся, закричав:

— Не запруда. Хункапа видит озеро!

Даже если под этим словом Хункапа подразумевал совсем не то, что Эхомба, пастух не сомневался, что спасение близко. Вдобавок и ветер стих; пожар еще бушевал, но теперь огненная стена двигалась с меньшей скоростью.

Внезапно раздался голос Алиты:

— Осторожно! Мы здесь не одни. Тут всюду звери. Большие звери!

Симна на бегу прокричал:

— Где им еще быть! Наверняка тоже искали убежище.

— Нет, — ответил левгеп и добавил: — Они бегут нам навстречу.

Эхомба машинально отметил про себя, что это лишено всякого смысла. Зачем зверью бежать навстречу огню, а не удирать от него, тем более что ветер стих?

Но как только пастух взобрался на ближайший пригорок, он все понял. Пастух увидел неровный строй золотисто-коричневых животных, которые стояли между спасающимися бегством путешественниками и неясно вырисовывавшимся вдали озером. У них было по шесть коротких ног, тонкие хвостики, непривычно плоские головы, чем-то смахивающие на лопаты, небольшие выпуклые глаза, прикрытые радужными мембранами, и полосатые шкуры. Челюсти их были снабжены двойными рядами острых клыков, а на макушке у каждого торчал причудливо изогнутый рог.

По внешнему виду эти существа были похожи на травоядных, если бы не их зубы, которые, как заметил пастух, были хорошо пригодны для того, чтобы разрывать мясо; впрочем, для убийства они не годились, из чего Эхомба сделал вывод, что перед ним пожиратели падали. Об этом же

говорили их короткие ноги: на таких и думать нечего кого-нибудь догонять.

И точно: некоторые из них уже поедали павших в огне животных. Удивительно было то, что они, казалось, совсем не боятся стены огня и даже наоборот — движутся навстречу ему. Очевидно, эти удивительные создания исключительно остро улавливали малейшее изменение в направлении ветра и знали, куда будет двигаться пламя.

Однако мгновением позже Этиоль убедился, что его предположения верны лишь отчасти. Эти удивительные шестиногие существа, конечно, не отказывались полакомиться жертвами степного пожара, но назвать этих полосатых тварей пожирателями падали в полном смысле этого слова тоже было нельзя: они были охотниками. Они вовсе не пытались идти по пятам огня или чутко отслеживать его продвижение.

Они его делали.

Пока Эхомба с товарищами стояли на пригорке, им открылось истинное предназначение рогов, которыми были снабжены полосатые твари. С помощью этих органов они выплескивали какую-то жидкость, которая, попадая на сухую траву, мгновенно поджигала ее. И теперь эти поджигатели ставили огненный заслон между путешественниками и озером.

Вновь поднялся ветер.

Единственным спасением оставалась река. Но в ширину она едва достигала нескольких футов, была мелкой, так что укрыться в воде, да и то временно, могли лишь Эхомба и Симна.

Если бы путешественники вовремя сообразили, откуда исходит опасность, они могли бы попытаться проскочить через еще не разгоревшееся пламя. Но они замешкались, и теперь им со всех сторон угрожала стена огня.

Эхомба принялся оглядываться по сторонам, словно что-то искал. Несколько мгновений Симна наблюдал за ним в надежде, что пастух выбирает направление, в котором нужно бежать, но потом потерял терпение.

— Братец, здесь ничего нет, кроме травы! — закричал он, перекрывая рев приближавшегося пламени. — Говорю, надо прорываться на запад. Речушка на минуту-другую задержит огонь.

Эхомба, не отвечая, продолжал внимательно рассматривать желто-зеленые стебли.

— Этиоль! Мы теряем время! Что ты ищешь?

— Нору томувога, — не прекращая своего занятия, ответил Эхомба. — Это наша единственная надежда.

— Нору *кого?*

Симна подумал, что он свихнулся. Жар уже стал обжигающим, хуже всех приходилось покрытому густой шерстью Хункапе, а пастух все так же разглядывал траву. Это было бессмысленно. Пусть Симна никогда слыхом не слыхивал ни о каком томувоге и не имел понятия, что это за существо, но он понимал, что для спасения Хункапе и Алите нужна не просто нора — даже большая, — а пещера, которую, если бы она тут была, нельзя было бы не заметить.

Симна воздел руки и взмолился:

— Братец, это безумие! Мы должны попытаться пробиться сквозь огонь. Иначе...

Эхомба шагнул куда-то в сторону и исчез. Он не пропал мгновенно, а как бы растаял в горячем воздухе. Другими словами, он исчезал постепенно. Сначала пропало его длинное копье — он словно проткнул им какую-то преграду и что-то там ощупал. За копьем потянулась кисть, потом вся рука, и так пока весь пастух не скрылся из вида.

Не только Симна был потрясен неожиданным и необъяснимым исчезновением пастуха. Хункапа Аюб обошел место, где только что стоял Эхомба, да и Алита не преминул это сделать, обнюхав землю, словно большая собака.

Стена огня приближалась, Симна уже начал задыхаться. Он подумал: уж не бросил ли их Эхомба? Сам сумел спрятаться в таинственном убежище, а им там места не нашлось? В глубине души Симна считал, что такое вполне возможно. Эхомба часто повторял, что ему непременно надо исполнить обет, данный умирающему отпрыску далекой Лаконды. Сколько раз он твердил это Симне и всем остальным, сколько раз говорил, что важнее этого ничего быть не может!

Обливаясь потом, Симна ибн Синд огляделся. Со всех сторон надвигался огонь; казалось, даже земля под ногами превращается в пепел. Бежать некуда, укрытия нет. Его смерть засвидетельствуют насекомые и грызуны, а тело достанется ленивым пожирателям трупов. За прожитые годы Симна ибн Синд составил мнение о том, какова должна быть достойная жизнь — и достойная смерть. Он мечтал погибнуть в сиянии славы, чтобы его имя обессмертили в балладах и песнях. Оказалось, что сдохнуть придется в огне степного пожара, чтобы какая-то шестиногая тварь могла со вкусом поесть. Где же аплодисменты и возгласы восхищения? Нет, хуже места для смерти не сыщешь!

Хункапа Аюб упал на колени. Алита, тяжело дышавший, словно после долгой погони, уселся на задние лапы и стал ждать конца.

Вдруг из ниоткуда возникла рука, а за ней — знакомая физиономия.

— Скорее! Времени нет!

— Об этом мог бы и не напоминать, братец! — закричал Симна и торопливо, хоть и пошатываясь, направился к висящей в воздухе руке.

Он ухватился за нее, и она его куда-то втащила. Почти мгновенно невыносимая жара пропала, и Симна обнаружил, что находится в прозрачном туннеле. В двух шагах он видел бушующее пламя, но почему-то не чувствовал жара.

У него отвисла челюсть от изумления. Он попытался коснуться пламени, но в нескольких дюймах от огня пальцы наткнулись на невидимую преграду. Заинтересовавшись, Симна надавил, и поверхность, которая надежно отделяла его от огня, чуть прогнулась. Внезапно он осознал, что не только не чувствует жара, но и не слышит рева огня. Эта преграда не пропускала и звуки.

Симна развернулся и прошел немного в противоположном направлении. Проход в ширину не превышал шести футов, а местами и меньше. В чудесном туннеле было тихо, прохладно; воздух был наполнен голубовато-зеленым сиянием.

— Где мы? — спросил Симна — и вздрогнул: так оглушительно громко прозвучал его голос.

— Где-то... — ответил Хункапа, проходя сквозь невидимую преграду, — и это был самый разумный ответ, который Симна мог получить в таких обстоятельствах.

Вслед за ним из пламени появился левгеп, а потом вернулся Эхомба. Он жестом велел им следовать за ним и повел их в глубь туннеля.

Коридор оказался извилистым. Он то и дело менял направление, огибал нетронутые пламенем заросли, спускался в лощины, взбирался на невысокие холмы. Путники шли не меньше часа, прежде чем Симна решил добиться хотя бы каких-нибудь объяснений.

— Я не стану, братец, спрашивать, каким образом ты ухитрился спасти нас, но пожар остался уже далеко позади, и твари, которые поджигают траву, — тоже. Почему бы нам не вернуться обратно?

— Попробуй, — не поворачивая головы, обронил Эхомба. — Только не думаю, что у тебя получится.

Восприняв это как вызов, Симна с силой толкнул прозрачную стену. Две маленькие птички ворковали на ветке кустарника в нескольких дюймах от пальцев Симны. Они

даже не встревожились. Было ясно, что они не видят человека и не ощущают его присутствия.

Он надавил сильнее, затем налег всем телом.

Стоящий рядом Алита поднял лапу.

— Дай я попробую.

Но сколько он ни старался, его пятидюймовые когти не причинили стене никакого вреда.

Эхомба терпеливо дождался, пока его друзья удовлетворят свое любопытство, потом повернулся и вновь зашагал на запад. Симне ничего не оставалось, как пойти за ним, по-прежнему сгорая от любопытства. Наконец он не выдержал:

— Что же это за место такое, братец?

— Я уже говорил, когда искал его. Осторожнее, здесь поворот... Нора томувога.

— Разве это похоже на нору?! — Симна бросил взгляд налево, направо. — Ради Гелетарпы, объясни тогда, кто такой томувог? Я ни разу не видел такое существо и даже не слышал о нем.

— Ты никогда его и не увидишь, — ответил Эхомба, — пока не научишься. Даже наумкибу очень нелегко отыскать томувога. Я считался одним из лучших следопытов в деревне. В пищу они не годятся, но порой в трудные минуты их норы, как ты сам мог убедиться, служат прекрасным убежищем. Нам повезло, что мы отыскали ее. — Пастух помолчал, а потом добавил: — Не пора ли нам немного передохнуть?

Сбитый с толку Симна тут же остановился и начал озираться, пытаясь понять, почему отдыхать нужно именно здесь. Ничего особенного он не увидел, о чем и не преминул сказать Эхомбе.

Этиоль уже успел сесть, снять заплечный мешок и оружие. В ответ на слова Симны он терпеливо улыбнулся.

— Вытяни руки и походи вокруг.

Северянин повиновался. К своему немалому удивлению, он обнаружил, что они попали в пещеру не меньше двадцати футов в диаметре. Потолок тоже стал выше, так что Хункапа смог наконец выпрямиться во весь рост, что он с большим удовольствием и сделал.

В одном месте пещеры Симна заметил, что зелено-голубое сияние темнее. Он протянул руку, и она свободно прошла сквозь этот сгусток света.

— Что это? Какое-то искажение?

— Не совсем. — Устроившись поудобнее, Эхомба вытащил из мешка сушеную грушу. — Это гнездо томувога.

Симна поспешно отдернул руку, и Этиоль улыб-

 нулся.

— Не беспокойся. Оно пустое. Сейчас не то время года.

Хункапа, растянувшись на полу, разминал шею и спину, Алита изучал дальнюю стену пещеры, а Симна, глядя на Этиоля, тоже решил подкрепиться. Снаружи, за прозрачными стенами, голубовато-зеленая антилопа методично пощипывала того же цвета траву. Четверых путешественников она не замечала.

— Эти томувоги, — начал северянин, — они на кого похожи?

— Да ни на кого, — ответил Эхомба. — Томувог живет в зазорах между цветами. Мы как раз в таком сейчас и находимся: в промежутке между голубым и зеленым.

— Прости, братец, но это бессмыслица. Есть голубой цвет и есть зеленый. Когда они встречаются, то просто смешиваются, и все. Между ними нет никаких зазоров.

— Обычно нет, — охотно согласился Эхомба, — кроме тех мест, где томувог роет свою нору. Зазор очень маленький — такой маленький, что ни ты, ни я не можем заметить его. Кошки могут. — Он кивнул в ту сторону, где сидел левгеп, плотоядно глядя на антилопу. — Можешь как-нибудь расспросить об этом Алиту.

— Но мы спасались бегством не в каком-то узеньком пространстве, да и сейчас сидим... — Симна обвел глазами камеру.

— Совершенно верно. Потому что эту нору томувог расширял. Он строил гнездо. Стены их нор очень прочны, — добавил он. — Будь иначе, люди то и дело проваливались бы в них.

Симна покрутил пальцем в воздухе.

— А раньше они нам попадались?

— Конечно. Ясное дело, их трудно обнаружить, но они достаточно часто встречаются. Мне вспоминается особенно большая нора в горах возле Недербрае. Еще одна нам повстречалась в пустыне — помнишь, где был мираж с гуриями? Были и другие.

— Ради Джуоита, почему же ты, братец, ни разу мне их не показал?

Эхомба пожал плечами:

— Не было необходимости. Да и вряд ли ты обрадовался бы, угодив в такую нору. Как правило, в них слишком жарко.

— Так они, оказывается, бывают разные?

— Естественно. Все зависит от того, между какими цветами томувог роет нору. Если это красный и желтый, которые, по общему мнению, являются теплыми, то и нора получается жаркой, а то и обжигающей. — Он улыбнулся. — В голубовато-зеленых прохладнее... Лучше всех — темно-синие.

Симна недоверчиво покачал головой:

— Никогда бы не подумал, что на свете бывают такие диковинки!

— Это еще что, дружище! — Пастух догрыз грушу и достал яблоко. — В мире есть чудеса еще удивительнее, только люди их не замечают — скорее всего потому, что слишком заняты, им вечно некогда присмотреться к тому, что творится вокруг. Наблюдения требуют времени. Никому не удастся за ночь стать хорошим следопытом.

Симна задумчиво кивнул.

— Или хорошим фехтовальщиком. Сколько крови я пролил, обучаясь этому искусству! Пришлось потратить много лет, все проклясть, получить множество ран, прежде чем стать мастером.

— Так же как и в любой другой области знаний, — согласился Эхомба.

Северянин задумался, а потом сказал:

— Туннель, которым мы шли, недостаточно велик для человека, но слишком большой для животного, которое живет в норе. Какого размера эти твои томувоги?

— Сейчас сам увидишь. — Эхомба сложил в мешок остатки еды и кивком показал направо. — Один из них как раз идет к нам.

XIII

Симна замер с куском в руке и открытым ртом. Левгеп, учуяв приближение хозяина норы, предостерегающе зарычал. А Хункапа, когда томувог появился в пещере, сложил ладони и восхищенно прошептал:

— Красивый!

Взрослый томувог был больше любого из путешественников. У него было блестящее, цилиндрической формы туловище. Он вполз из туннеля совершенно бесшумно и сразу же прижался к стене. Наполовину материальное, наполовину иллюзорное, это удивительное создание тоже изучало непрошеных гостей.

Хвост у него был короткий; томувог нервно бил им из сторону в сторону, разбрасывая зеленоватые искорки. Его фасеточные глаза отливали бледным перламутром. Мордочка, или точнее рыльце, была узенькая, толстые короткие лапы напоминали скорее плавники — правда, снабженные когтями и, как приметил Симна, наверняка очень острыми.

Весь, от хвоста до лап, он светился тем же голубовато-зеленым сиянием, которым была наполнена его нора. Оно было таким ярким, что ослепляло.

В том, что томувог был встревожен их присутствием, сомнений не возникало. Его мерцающие глазки по очереди посматривали то на одного, то на другого пришельца. Впрочем, он вскоре понял, что гости не представляют угрозы, потому что перестал жаться к стене, немного успокоился и наконец устроился в сгустке аквамарина.

Симна медленно, чтобы не спугнуть томувога, наклонился к Эхомбе и прошептал:

— Как они размножаются, братец? Откладывают яйца?

— Не знаю точно. — Он задумался, глядя на томувога, а потом улыбнулся. — Но думаю, что они откладывают свет. Потом этот свет созревает в соответствии с теми цветами, в которые был помещен зародыш, и развивается во взрослую особь. Томувоги очень пугливы, поэтому их трудно увидеть. Они почти никогда не выходят из своих нор.

— А как же они питаются? По-моему, у него нет зубов.

— Вот это настоящая тайна, — невозмутимо ответил Эхомба. — Никто никогда не видел, как ест томувог. Может быть, они питаются лунным светом, а может, пылинками, танцующими в лучах полуденного солнца. Но люди, я тебя уверяю, в их меню не входят.

Когда все отдохнули, Эхомба снова повел свой маленький отряд на запад. Томувог остался в гнезде, сотканном из света. Он не сделал ни единой попытки помешать им уйти. Вообще с той минуты, как он вошел, и до самого их ухода он не издавал звуков.

В туннеле царила все та же безмятежная голубовато-зеленая прохлада. За прозрачными стенами паслись антилопы, порхали птицы — и никто не обращал никакого внимания на путешественников, ведь они были невидимы.

Они шли по туннелю несколько дней. Такая его протяженность не удивляла Эхомбу. Он объяснил друзьям, что томувоги создают весьма сложную систему нор, в которой обычно бывает несколько выходов. Наконец он решил, что пора покинуть это удобное и надежное убежище и вернуться в обычный мир, который лежит за пределами окрашенного в голубое и зеленое королевства. Тем более что запасы воды и пищи у них уже подходили к концу.

Симна потыкал пальцем в прозрачную упругую стену и спросил:

— И как же мы выберемся отсюда, братец? Дырку вырежем?

— Это под силу только томувогу, — ответил Эхомба. — Мы должны найти естественный выход.

— Ты же сам говорил, что их очень мало.

Эхомба кивнул:

— Так и есть. Поэтому, пока у нас еще есть время, его нужно найти. — Он медленно двинулся вперед, внимательно осматривая потолок. Так продолжалось довольно долго; неожиданно он поднял руку с копьем и с облегчением воскликнул:

— Вот он, наш выход!

Сколько Симна ни пялился в потолок, он не увидел ничего, что отличало бы это место от остальной поверхности.

Входы и выходы из нор томувогов, как и предупреждал Эхомба, были разбросаны очень далеко друг от друга. Он понимал, что стоит ему проявить беспокойство, это сразу скажется на настроении его друзей. Хуже всего, если они потеряют к нему доверие. Поэтому он умолчал о том, что эти самые норы являются результатом существующих снаружи огромных напряжений и потому в любую минуту могут схлопнуться. Что случится с тем, кто окажется в это мгновение внутри норы, он даже представить не мог.

— Я ничего не вижу, — проворчал Симна.

— Там и нет ничего, — подтвердил черный кот.

— Это точно, — согласился Эхомба и двинулся к тому, что только он мог увидеть. Или, точнее, к тому ничто, которое мог увидеть лишь он.

Едва Симна выбрался из норы, окружающий мир встретил его всеми своими бесчисленными красками, звуками и запахами. Хункапа Аюб принялся бегать кругами, ловя на ходу кузнечиков и жуков. Алита же улегся в пожухлую траву и стал перекатываться сбоку на бок, вбирая в себя все ароматы, по которым он так соскучился.

Оглянувшись, Симна увидел только скалы и степь. Ничто не напоминало о том, что всего несколько мгновений назад они вышли из туннеля, проложенного между голубым и зеленым цветом.

Ошеломленный, он повернулся к Эхомбе:

— Это было на самом деле?

— Да, Симна, все это было на самом деле.

Северянин печально кивнул:

— Колдовство! Я привык, что ты, Этиоль, постоянно отказываешься это признать, но мы с тобой оба знаем, кто ты на самом деле.

— Каким образом нам обоим может быть известно то, чего я сам не знаю? — сказал Эхомба без улыбки. — Я всего лишь хороший следопыт и умею видеть следы.

— Ты хочешь сказать — всякие штучки, которые никто, кроме тебя, видеть не может. Что же это, если не колдовство?

— Нет, Симна, — перебил его пастух и зашагал на запад. — Многие наумкибы умеют то же самое, что и я. — Он усмехнулся. — Просто я не ленился задавать вопросы и слушать ответы, поэтому и научился видеть то, чего другие не замечают. — Он показал направо. — Например, вон там я вижу «гоглоииика», удивительное существо с четырьмя глазами, пурпурными крыльями и хвостом, который раза в три длиннее тела. А на голове у него целый венец причудливой формы рогов.

Симна посмотрел в том направлении и напряг зрение, пытаясь различить невероятное, фантасмагорическое существо, но увидел лишь насекомых, мельтешащих над травой, да кролика, который тут же скрылся из виду.

— Я ничего не вижу, Этиоль. Твой зверь — это что-то полуневидимое, как томувог?

— Нет-нет. Справа от тебя! Да что с тобой? — Эхомба не мог скрыть раздражения.

Симна остановился, нахмурился, потом решительно зашагал в том направлении, в каком указывал Эхомба. Он сделал круг и вернулся.

— Ради Гитуента, братец, там ничего нет! Где же...

Он замер.

Хункапа Аюб прыснул и, не в силах больше сдерживаться, расхохотался. Даже Алита улыбнулся, если так можно выразиться о кошачьей морде. Эхомба закрыл лицо рукой, но голова его подрагивала от смеха.

У Симны потемнело лицо.

— Очень смешно, долговязый братец! Сначала напугать человека до полусмерти, а потом посмеяться над ним. Как благородно! Как остроумно!

Он двинулся дальше, всем своим видом стараясь подчеркнуть, что держится отдельно от остальных.

Алита догнал его и с непривычным сочувствием произнес:

— Я все понимаю, маленький человек. Не принимай близко к сердцу. И если это тебя утешит, я не одобряю того, что сделал твой наставник.

Симна с недоверием взглянул на него.

— Не одобряешь?

— Конечно. Какой смысл на минутку делать тебя предметом насмешек, если ты, с моей точки зрения, всегда им был, есть и будешь?

С этими словами кот отошел.

«Загадочный человек», — подумал Симна, глядя на спину идущего впереди Эхомбы. Вздохнув, он догнал его.

— Если ты, Этиоль, колдун — а я по-прежнему придерживаюсь этого мнения, — то у тебя очень своеобразное чувство юмора.

Пастух усмехнулся.

— Я родом из бедной деревушки, дружище. Поэтому мое чувство юмора — самое примитивное.

— Вот с этим я спорить не стану. — Симна прибавил шаг и пошел рядом с товарищем. Вновь начался обмен шутками, и по степи разнесся веселый хохот. Смеялись только люди. Хункапа Аюб шуток не понимал, а Алита и не желал понимать.

Когда эти неисправимые весельчаки, сопровождаемые ходячей волосатой горой и черным исполинским котом, удалились в сторону заходящего солнца, «гоглоииик» поднял свою чудную голову и долго смотрел им вслед. Он даже не заметил, как между лапами у него прошмыгнул сукстрам, которого запросто можно было зафенегрейтить.

XIV

Перегриф задумался, хватит ли у него смелости постучать. Южная часть дворца была не единственным местом, где хозяин устраивал свидания с дорогими проститутками, которых привозили из города. Несмотря на многочисленные скандальные слухи, ходившие о Химнете Одержимом, старшему дворецкому было хорошо известно, что господин — настоящий мужчина и все мужские желания ему не чужды. Тем не менее Перегриф был рад, что не в его обязанности входит доставлять господину женщин. И о том, что происходит в будуарах дворца, он предпочитал не задумываться.

Правда, хозяин пока не требовал женщины. Возможно, что всемогущий правитель сказочного Эль-Ларимара решил провести полдень в уединении и предаться мыслям, которые только ему дано оценить по достоинству — или,

добавил про себя дворецкий, в которых господин испытывает нехватку.

Он затаил дыхание и наконец рискнул несколько раз стукнуть в резную дверь. Мелкий и трусливый человечишка на его месте все-таки на это бы не осмелился. Но мелкий и трусливый человечишка никогда и не поднялся бы до ранга самого доверенного советника Одержимого.

Сначала на стук никто не откликнулся. Перегриф решил, что теперь со спокойной совестью можно и удалиться. Если он явился не вовремя и его хозяин занят, лучше не настаивать на аудиенции. И все-таки... Он вновь поднял руку, но постучать не успел.

Голос из-за двери приказал ему войти. В голосе не было ни раздражения, ни нетерпения — ни единого намека на то, в каком настроении находится властелин. Перегриф одернул мундир, потом поднял задвижку и толкнул дверь.

Никому не придет в голову назвать латы «игрушечными», но сегодня правитель облачился в доспехи, предназначение которых было скорее в том, чтобы произвести впечатление, а не испугать. На ремне из темно-голубой кожи выделялась стальная застежка с изящной гравировкой. Ниже был широкий длинный килт, выше — жилет, под которым виднелась тонкого плетения кольчуга. Шлем был сделан из лучшей стали и тоже покрыт гравировкой. Из-за длинной и узкой прорези для глаз он напоминал корабль, прокладывающий путь через бурные океанские воды.

— Что случилось, Перегриф?

В звучном голосе человека, привыкшего повелевать, сейчас угадывалось лишь безразличие — верный признак дурного настроения. Перегриф еще более встревожился, но, поколебавшись, все же рискнул войти. Украдкой он бросил взгляд направо. Вешалка и скамья под ней были пусты. Перегриф низко поклонился и осторожно глянул влево. Кровать была не разобрана!

Два безобидных с виду создания, похожих на темные тучки, устроились на вышитом покрывале. Когда Перегриф вошел, они зашевелились, но узнав его, сразу притихли. Им было хорошо известно, что кое-кого из придворных трогать нельзя, и Перегриф входил в число этих избранных.

— Мой господин, вероятно, изволил позабыть? На сегодняшнее утро назначен смотр дворцовой гвардии. — Генерал позволил себе слегка повернуться и указать в сторону двери. — Я пришел, чтобы проводить вас.

— Ах да. Мои мысли были заняты другим, мой верный Перегриф.

Генерал рискнул угадать:

— Не о том ли, о ком предупреждал Червь?

— Ты знаешь, нет. — Химнет поднялся во весь рост. — Я начинаю подозревать, что этого человека просто не существует. Если бы он и в самом деле был наделен силой, способной доставить мне беспокойство даже на расстоянии, он, я уверен, уже давно появился бы здесь. Слова Червя с самого начала показались мне лишенными смысла, и пока у меня не появилось оснований изменить это мнение.

— Все равно, господин, вам следует проявить осторожность.

Глаза за прорезью шлема чуть сузились, а голос властителя стал обманчиво мягок:

— Ты осмеливаешься давать мне советы, Перегриф?

Перегриф знал, что единственный промах, который Химнет никогда не прощал своим советникам, — это нерешительность, поэтому не медлил с ответом:

— Нет, господин. Лишь неизменная забота о вашем благополучии заставила меня высказать свое мнение.

— Ладно, хорошо. Благие намерения заслуживают одобрения.

Голос повелителя стал обычным, зловещее равнодушие ушло из него, и Перегриф перестал дрожать.

— Осторожность — не та вещь, которая способна облегчить мое бремя, Перегриф. — Правитель Эль-Ларимара отошел от окна и направился к выходу. — Все дело в доверии. — Рука в железной перчатке махнула в сторону двери. Пальцы у правителя были толще и короче, чем у обычного человека. — Пойдем на смотр, а то мои воины заскучают.

Слуги, которые встречались им на пути, при виде правителя бросали свои занятия и падали ниц. Химнет считал себя требовательным, но справедливым хозяином, и при каждом удобном случае старался проявить это свое качество. А таких случаев было много.

Две служанки болтали между собой и имели несчастье не заметить его приближения. Химнет знаком велел Перегрифу вести себя тихо и неслышно подкрался к болтушкам. Наконец одна из них то ли заметила хозяина, то ли почувствовала его присутствие. Она обернулась и прежде, чем упасть в обморок, позволила себе издать душераздирающий вопль. Подруга едва успела ее подхватить.

Химнет счел это чрезвычайно забавным. Он потрепал потерявшую сознание служанку по волосам.

— Дай ей немного вина, — приказал он ее подруге. — Когда придет в себя, скажи, что я не разгневался. Падение в обморок может быть расценено как оригинальная форма поклона.

— Да-а-а, господин...

Перепуганная служанка попыталась одновременно поклониться и удержать подругу. В результате обе повалились на пол. Химнет рассмеялся. Этот смех многие слуги считали более страшным, чем вспышка гнева.

— Замечательно, когда тебе пытаются воздать почести. Ты не находишь, Перегриф?

— Да, господин, — ответил генерал, изобразив на лице скромную улыбку, уместную к случаю.

Более никаких задержек на их пути не случилось. Выйдя из дворца, они словно вступили в другой роскошный чертог — природный. Дни стояли погожие, Эль-Ларимар вообще славился хорошей погодой. От подножия горы, к которой прилепился замок, в трех направлениях раскинулись город, гавань и океан; и всей этой гармонией, всей красотой единолично владел Химнет Одержимый.

Перед крепостью в три шеренги была выстроена гвардия — кавалерийский полк, не относящийся ни к королевской армии, ни к полиции. Едва высокая фигура правителя возникла в воротах, приветственно запели трубы, ударили барабаны.

В сопровождении Перегрифа Химнет зашагал к первой линии, но генерал, глядя на своего господина, не мог отделаться от ощущения, что мысли правителя витают где-то весьма далеко.

Кожаные сапоги крепко упирались в стальные стремена. Спины прямые, броня начищена до блеска, забрала подняты и закреплены в таком положении. Это были лучшие воины Эль-Ларимара. Они замерли как изваяния, даже их скакуны в присутствии главнокомандующего стояли как вкопанные. Правда, некоторые все же осмеливались встряхивать головой, а какой-то конь переступил копытами. Но эти нарушения Химнет прощал: лошадь есть лошадь, что с нее взять!

До недавнего времени проведение смотров Химнет обычно поручал генералу или какому-нибудь еще более низкому чину, но с недавних пор решил лично осуществлять проверки. Появление человека, за которого они поклялись отдать жизнь, благотворно действовало на солдат. Благотворно, а иногда и весьма поучительно.

Замечал ли Перегриф, как смотрят солдаты на своего повелителя? Обращал ли он, такой проницательный, внимание на смесь страха и уважения, которые читались в их

взглядах, когда Химнет проходил перед строем? Несмотря на то что гвардейцы сидели на лошадях, глаза Химнета Одержимого были почти на одном уровне с их глазами: он был очень высокого роста. Но никто не решался встретиться с ним взглядом. Так и должно быть! Ни в коем случае нельзя дозволять солдатам пялиться на офицеров, не говоря уж о самом правителе. Немного страха подобно мылу: он очищает, оставляя после себя почти незаметную защитную пленочку.

Проходя вдоль третьей шеренги, Химнет внезапно остановился. Он нахмурился, сложил руки за спиной и не спеша повернулся к Перегрифу.

— Ты это заметил?

Генерал внутренне напрягся.

— Что именно, господин?

Химнет кивком указал на строй.

— Шестой всадник с конца.

Перегриф сузил глаза. Ему очень хотелось сказать, что он ничего особенного не заметил в бойце, но генерал сказал правду:

— Да, господин, теперь вижу.

— Как, по-твоему, мы должны теперь поступить?

Послышалось мерное металлическое звяканье — волшебник начал постукивать по броне пальцами.

— Уверен, мой господин найдет верное решение.

Кивок.

— Не люблю сразу принимать крайние меры. Давай-ка дадим ему минуту-другую, пусть приведет себя в порядок.

— Да, господин.

Они пошли дальше. Генерал ничем не выдал своих чувств, но про себя он молился за душу несчастного солдата.

Однако тот никак не мог взять себя в руки. Чем ближе подходили Химнет и Перегриф, тем сильнее он трясся. Правитель Эль-Ларимара остановился перед ним и смерил его грозным взглядом. Солдат задрожал еще больше и уставился себе под ноги.

И вдруг уронил копье.

Не зная, как теперь быть — то ли спешиться и подобрать его, то ли сбежать, — гвардеец замер, как кролик. Химнет опустил голову и долго созерцал лежавшее на плацу копье. Эромакади, почуяв возможную поживу, закружились возле копья.

Наконец Химнет поднял голову.

— Боюсь, такой бесхребетный солдат недостоин быть в рядах гвардии. Если даже на смотре ты не в силах удержать оружие, что же ты будешь делать в сражении? Бросишь его и пустишься наутек?

— Никак нет, господин! — заикаясь, ответил гвардеец. — Мне... Я сегодня просто волнуюсь. Это мой третий смотр и первый, на котором вы высочайше соизволили присутствовать.

Он чуть опустил голову и рискнул встретиться взглядом с глазами Одержимого.

— Умоляю вас, господин! У меня жена и ребенок!.. Дайте еще возможность... Я буду верно служить вам!! Моя жизнь в ваших руках...

— Да, да... Ты это уже говорил, когда давал присягу. Я помню об этом.

Химнет сделал пренебрежительный жест. Остальные даже не смотрели на своего несчастного товарища. Все они застыли в седлах и никто не повернул головы.

— Как я могу положиться на человека, который на смотре трясется от страха так, что роняет копье?! Я мог бы дать тебе возможность исправиться, но что, если потом ты попросишь еще одну, и еще?

— Прошу вас, господин...

— И какой пример ты подашь своим боевым товарищам? Я не вижу среди них никого, кто в случае ошибки упрашивал бы меня дать им возможность исправиться. Может, это потому, что они никогда не допускают ошибок? А не допускают они их потому, что им известно: я не имею права позволить моим гвардейцам меня подводить.

Он отвернулся и долго глядел на океан.

— Знаешь ли ты, — неожиданно доверительным тоном продолжал правитель, — сколько в Эль-Ларимаре тех, кто готов пожертвовать всем, лишь бы увидеть мою смерть?

Перегриф хотел услышать обязательные возражения, но Химнет отмахнулся:

— Да-да, это правда. Почему-то меня любят не все. Я с этим мирюсь, ибо должен. В небольшой степени разногласия необходимы, это позволяет людям выпускать пар и сохранять иллюзию, что они пользуются большей свободой, чем на самом деле. — Он со вздохом повернулся к взмокшему от пота гвардейцу. — Но от тех, кто мне служит, я обязан требовать безупречного исполнения своих обязанностей, как требую того же от себя самого. Особенно это относится к моей личной гвардии, в ее рядах нет места тем, кто не властен над собственным телом...

Он сжал кулак, поднял руку и резко раскрыл ладонь.

Солдат сдавленно вскрикнул, затем дал коню шпоры и стремительно поскакал прочь от плаца.

А над ладонью Химнета всплыл и закружился зеленый шар с черными прожилками. Он светился изнутри мертвенным светом. На поверхности его то и дело появлялись и тут же исчезали облачка мути.

Перегриф сжал губы и отвел глаза. Эромакади кружились у ног хозяина в радостной пляске.

Подчеркнуто небрежно Химнет махнул рукой вслед дезертиру. Тот тем временем уже миновал ворота и гнал коня по дороге, ведущей к городу, нещадно нахлестывая его плетью.

Химнет нахмурился. Единственное, с чем он не мог смириться, — это с беспричинной жестокостью по отношению к животным. Особенно к тем, которые порой служили ему лучше, чем люди.

Оставляя за собой длинный хвост, шар метнулся к воротам и помчался вдогонку беглецу. Химнет повернулся к генералу:

— Пойдем, Перегриф. Надо закончить смотр...

Они вновь двинулись вдоль строя. Из-за внешней стены донесся далекий, полный безысходности вопль. В этом крике не было страха перед смертью; зато ясно был слышен ужас перед изысканным наказанием и судьбой, на которую Химнет обрек виновного.

Властитель остановился перед последним гвардейцем в шеренге.

— Хорошо служишь, солдат.

— Благодарю, мой господин.

— О том, что здесь случилось, не думай. А кто хорошо служит мне, будет вознагражден. А кто плохо... Почему бы тебе и твоему соседу не съездить и не привезти сюда своего незадачливого товарища?

Повинуясь движению его руки, два всадника развернули коней и галопом помчались к воротам крепости.

Перегриф был озадачен.

— Господин, разве он не умер?

— Разумеется, нет. Какого же ты мнения обо мне, Перегриф! Солдат понес наказание, и, несомненно, будет исключен из гвардии. Но я никогда не предам смерти человека, которому по природе своей не дано соответствовать нужным требованиям. Кроме того, у него жена и ребенок. Они не совершили ничего дурного, и я не вправе лишать их его. Правда, вид у него теперь не совсем привлекательный, но ничего не поделаешь.

Химнет вышел на середину плаца, встал перед шеренгами и некоторое время молча разглядывал солдат сквозь прорезь в шлеме. Потом он провозгласил:

— Все ваши соотечественники, весь Эль-Ларимар верят в вас! Я горжусь вами, и когда наступит день испытаний, без страха доверю вам свою жизнь. Я думаю, это высшая честь! Поздравляю вас!..

Он отсалютовал рукой в железной перчатке.

Гвардейцы дружно вскинули копья, и смотр был окончен.

Когда Химнет с генералом, сопровождаемые безмолвными эромакади, поднимались в замок, в крепость вернулись солдаты, которых властитель послал за виновным. Они вели в поводу коня; через седло было переброшено безвольное тело. Руки и ноги несчастного подергивались, и казалось, что его члены больше не соединены между собой. Наказанный уже не кричал, а только жалобно всхлипывал. И эти всхлипы повергали в ужас тех, кто их слышал.

Солдаты спешились и стали снимать с коня своего бывшего товарища. Теперь он больше не мог сидеть в седле, да и вообще сидеть или стоять. Солдатам пришлось нести его, и когда они взяли его на руки, его туловище прогнулось посередине, словно мешок.

Химнет, который сверху наблюдал за происходящим, отвернулся от окна.

— Я с первого взгляда заподозрил, что он бесхребетен. Теперь я в этом уверен.

Химнет обедал в обществе Перегрифа. Стол был накрыт на террасе второго этажа, откуда открывался изумительный вид на город и океан. Химнет заметил, что, по его мнению, такой красоты нет нигде на всем белом свете; Перегриф согласился с тем, что денек и впрямь выдался замечательный.

— Господин, — сказал генерал, любуясь игрой света в бокале с вином, — надеюсь, вам приятно было убедиться, что вы под надежной защитой. Теперь вы можете спать спокойно.

— Гвардия, Перегриф, — ответил правитель, — это всего лишь витрина государства. Сильные воины в блестящих мундирах способны внушить страх простолюдинам. Или благоговение. Но я никогда не полагался на них, думая о своей безопасности.

Генерал удивленно посмотрел на хозяина.

— Но, господин, на плацу вы сами сказали...

— Это было сказано мной исключительно для их пользы. Трудно достойно исполнять свой долг, если человеку кажется, что никто этого не оценит. — Химнет обвел безмятежным взглядом свои владения, а потом посмотрел прямо на солнце. — Разумеется, они вполне годятся для всяких мелочей,

например, для того, чтобы производить аресты. Их можно использовать для борьбы с простыми злодеями. Но сила более могучая, способная всерьез мне угрожать, раскидает их как солому. — Он отпил вина и потом добавил: — Зато они прекрасно смотрятся на параде.

Генерал помолчал, размышляя, а потом спросил:

— Значит, вы решили, что предостережение Червя вряд ли стоит принимать всерьез, и те, чей приход он пророчил, никогда не достигнут Эль-Ларимара? Или вы не верите, что их могущество достаточно велико, чтобы представлять для вас угрозу?

— Угрозу? Никакой угрозы нет, Перегриф. И теперь уже не имеет значения, верно ли пророчество Червя. — Химнет махнул рукой в сторону океана. — Отмени особое положение на флоте и верни патрули с наших границ.

Перегриф растерялся.

— Будет ли это мудро, господин? Конечно, особое положение требует значительных расходов, но когда речь идет о вашей безопасности...

Химнет пренебрежительно отмахнулся.

— Еще раз повторяю, Перегриф: теперь все это не имеет значения. Даже если эти люди существуют на самом деле, даже если они сумеют добраться до границы и пересечь ее, даже если один из них великий маг — это не важно. Больше нет повода для тревоги.

Он поставил бокал на стол и доверительно добавил:

— Положение изменилось. Пусть они приходят в мой замок. Мне любопытно встретиться с человеком, который претерпел столько лишений ради надменных и самовлюбленных аристократов Лаконды.

Генерал был шокирован. А Химнет, удовлетворенный произведенным эффектом, развалился в кресле и закинул ноги на балюстраду. Эромакади вспорхнули и закружились возле его сапог.

По мнению Перегрифа, всему этому было только одно объяснение.

— Вы, господин, наверное, приготовили что-нибудь необычное незваным гостям? И теперь уверены, что справитесь с ними, как бы сильны они ни были?

— Что-то вроде этого. — Голос правителя звучал бодро как никогда. Перегриф не знал, что и думать.

— Так вы не желаете, чтобы в городе и здесь, в крепости, были установлены дополнительные посты? Даже у ваших личных апартаментов?

— Перегриф, успокойся. Я знаю, что делаю. Даже если пророчество — или, точнее, предупреждение Червя — окажется верным, никакого вреда мне не будет. А если ложным, тем более. Оно и так слишком долго занимало мои мысли... Теперь жизнь пойдет по-другому, она станет лучше, чем раньше.

Правитель поднял кубок.

Генерал автоматически чокнулся с господином. В свете ясного, безмятежного полудня раздался хрустальный звон. Перегриф выпил, но поймал себя на том, что даже не почувствовал вкуса.

Ему было ясно, что он упустил из виду что-то важное. Он всегда гордился тем, что на своем посту оказался именно потому, что ни одна мелочь не ускользала от его внимания, но теперь Перегриф не мог угадать, что же он проглядел. Ладно, пусть сейчас Химнет пребывает в благодушном настроении, однако генералу, как никому другому, было известно, как быстро оно может перемениться. Проницательность не раз спасала его, но сегодня она ему изменила, и он терялся в догадках: в чем же дело? Видимо, Химнету, который связан с силами тьмы, удалось овладеть каким-нибудь ужасным заклинанием? Перегриф не раз был свидетелем того, что творил Химнет со слугами в своих личных апартаментах, и не отважился вдаваться в подробности. Химнет, если захочет, сам все откроет ему. Перегриф знал, что хозяин не доверяет ему. И неудивительно: тот, кто обладает абсолютной властью, не может никому доверять. Однако правитель Эль-Ларимара *вынужден* на него полагаться, а следовательно, рано или поздно делиться своими тайными планами. Их отношения всегда строились на взаимном уважении к возможностям друг друга. Вот почему Перегриф поклялся на крови, что будет поддерживать хозяина во всем, что бы тот ни задумал.

Эта клятва обеспечила ему неплохую жизнь, и, если верить Химнету, впредь она станет еще лучше. Разве не Одержимый с помощью магии вернул ему, Перегрифу, руку, которую он потерял в битве при Серкропии?

Генерал неожиданно почувствовал смешанную с презрением жалость к тем ничего не подозревающим чужакам, чей приход предвещал Червь.

XV

Эхомба замер, потом медленно оглянулся. Он понимал, что пейзаж рано или поздно станет другим, но такой резкой перемены не ожидал.

Симна мрачно спросил:

— Во имя Гованкара, неужели ты хочешь пересечь *это?*

— Боюсь, что придется, — как обычно, невозмутимо ответил Эхомба. — Видишь те дальние вершины? Это, должно быть, отроги Карридгианского хребта. За ним лежит Эль-Ларимар. Одолеем горы, а там уж конец моего путешествия.

— Ага, только сначала надо до них добраться, — буркнул Симна. От холма, на котором они стояли, до самых предгорий расстилалась безжизненная равнина. Иссохшая, потрескавшаяся земля была ослепительно белой. Этот цвет был знаком Эхомбе.

— Солончаки, — сказал он. — Когда-то здесь было большое соленое озеро, но солнце убило его. Теперь тут нет ничего, кроме корки соли, на которой даже тростник не растет. Гиблое место! — Он помолчал. — Запаса воды нам хватит на две ночи и день. За это время нужно добраться до гор. Там, у подножий должны быть источники.

— Должны быть? — переспросил Симна. — А если их нет?

Пастух посмотрел на него сверху вниз.

— Тогда нам придется страдать от жажды. Но, может быть, мы сумеем отыскать воду где-нибудь по пути. Сил вернуться назад нам все равно не хватит, значит, мы обязаны ее найти.

Позади него раздался нетерпеливый голос левгепа:

— Голый вельд! — Громадный кот принялся спускаться по каменистому склону, бросив на ходу: — Стоя тут, мы только теряем воду.

Чем ниже они спускались, тем горячее становился воздух. Идти приходилось с большой осторожностью, потому что камни то и дело выскальзывали из-под ног. Только Алита чувствовал себя уверенно на этом предательском склоне.

— Эти места должны напоминать тебе родину, Этиоль, — заметил Симна.

— Не совсем, — откликнулся Эхомба и пояснил: — Конечно, у нас тоже тепло, но не настолько, и у нас много рек и ручьев, сбегающих к морю. На побережье есть родники, и вода в них свежее и чище, чем в горных потоках. Зимой у нас нередко идет дождь, а летом с моря наползают густые туманы. В лощинах растут деревья, и в наших краях множество дичи.

У подножия обрывистого уступа они отыскали родник и до краев наполнили бурдюки, понимая, что теперь до самых гор им вряд ли встретится чистый источник.

— Следует подумать и о еде. Ее тоже надо беречь, — напомнил Симна, когда они тронулись в путь по иссохшей земле.

— Еды в пустынях на удивление много, — ответил Эхомба. Он шел впереди. — Растения, которые кажутся мертвыми, неожиданно могут снабдить путника пропитанием; а там, где есть растения, найдется и дичь. — Он кивком указал на черного левгепа. — Нам повезло, и с нами — самый искусный охотник.

В ответ на комплимент Алита коротко прорычал:

— Если ничего нет, я ничего не поймаю.

— Хункапа тоже может охотиться, — обиженно сказал звероченовек.

— Ну да, — насмешливо откликнулся Симна. — Особенно на добычу, которую легко спугнуть. Однако на пути через этот ад нам и впрямь понадобятся зоркий глаз и чуткое ухо.

И все же, несмотря на опыт Эхомбы, выросшего в засушливом краю, и таланты Алиты, они не смогли добыть ничего. Никакой добычи, ни маленькой, ни большой, им так и не встретилось, а самым подходящим местом, где была надежда отыскать воду, оказалась напоминающая свалку низина. Они долго копали там, но наградой за все их труды был только мокрый песок.

Зато пастух набрел на колонию медовых муравьев. Раскопав ее, он показал товарищам, как надо есть эти живые бочонки.

— Берете их за голову, вот так, — говорил он, одновременно демонстрируя порядок действий, — и раскусываете брюшко. Там содержится сладкая жидкость.

Симна, морщась от отвращения, заставил себя попробовать и был приятно удивлен сладким и освежающим вкусом муравьиного меда.

Чтобы утолить жажду, конечно, требовалось отыскать не менее дюжины таких колоний, но все равно и такая добавка к тающим запасам была полезна. Сахар придал путникам сил, и дальше они зашагали уже бодрее.

Однако их оптимизм сразу увял, когда, обогнув столб из обточенного ветром известняка, они нос к носу столкнулись с дьяволом.

Даже Этиоль в первое мгновение оторопел, но быстро взял себя в руки. Остальные испуганно сбились в кучу за его спиной. Дьявол, надо сказать, тоже смотрел на них с некоторой настороженностью, хотя и без страха. Симна этому

не удивился: он знал, что с помощью магии черти способны оградить себя от любых опасностей и любой из них легко справится с обычными смертными. Тут он вспомнил, что Этиоль, наверное, все же колдун, и это его немного утешило.

Он осторожно выглянул из-за спины друга. Этиоль даже не сделал попытки взяться за меч: видно, понимал, что человеческое оружие бессильно против исчадий ада. Что касается черта — пусть с первого взгляда было ясно, откуда он родом и кто его предки, — то его внешний вид был не так уж ужасен. На голове у него была широкополая шляпа; в примятой тулье были проделаны два отверстия, из которых торчали рога. Симна подумал, что это удобно еще и тем, что никакой ветер эту шляпу не сдует.

В широких штанах дьявольского отродья тоже имелась специальная дырка — из нее свисал заостренный хвост, который постоянно подергивался. Штаны были заправлены в высокие ботинки. Волосатую грудь черта прикрывала жилетка со множеством карманов; Симна благоразумно полагал, что лучше остаться в неведении относительно их содержимого. На шее у черта был алый платочек с вышитыми сценами адских пыток, а за плечами — высокий, явно тяжелый, рюкзак, перевязанный многочисленными ремешками из хорошо выделанной кожи. К рюкзаку были приторочены кирка, две лопаты, широкая сковородка и скатанная палатка.

Некоторое время пастух и черт рассматривали друг друга. Затем исчадие ада почесало когтистой лапой раскрасневшуюся грудь и поежилось.

— Что-то сегодня холодновато, — завел разговор черт.

— А для нас вполне терпимо, — ответил Эхомба.

— Еще бы, — съязвил демон и, чтобы согреться, похлопал себя. Потом его руки удлинились в три раза, и он с тем же усердием постукал себя по спине и лодыжкам.

Эхомба протянул черту руку.

— Мы странники, — сказал он. — Путешествуем по этой прокаленной земле. Нам хотелось бы получить кое-какие сведения...

— Сведения? — Демон осклабился; несколько зубов у него было сломано. Он взял протянутую пастухом руку, потряс ее и, не отпуская, добавил: — Помогу, чем смогу. Но должен заметить, что ваше невежество ввергает вас в грех неуместной гордыни. Как, например, теперь...

Он взглядом показал на сцепленные в рукопожатии руки и вдруг крепко сжал пальцы.

В следующее мгновение от их рук повалил пар. Симна затаил дыхание, но Эхомба остался по-прежнему невозмутим.

Желтые глаза черта удивленно расширились, и он неожиданно ослабил хватку.

К изумлению черта и спутников Эхомбы, на руке пастуха не осталось никаких следов жаркого рукопожатия. Этиоль смущенно улыбнулся.

— У меня на родине солнце, бывает, тоже сильно печет. Мне приходилось ворочать раскаленные камни, и кожа на руках огрубела.

Демон кивнул и сплюнул на песок жвачку из серы.

— Мне доводилось слышать, что некоторые смертные переносят жару лучше других. Ты, верно, один из таких. Что привело вас на Выжженные земли?

Эхомба кивком указал на рюкзак за спиной черта.

— Я мог бы спросить вас о том же самом.

— Что ж, справедливо, — хмыкнул черт.

Тыльной стороной чешуйчатой ладони он обтер свои толстые красные губы и объяснил:

— Я — старатель, уже который год занимаюсь этим ремеслом. Трудиться приходится в одиночку, и доход, надо признаться, не очень большой, но я привык.

Такой образ жизни всегда был по душе Симне, и на мгновение он даже испытал к черту что-то вроде родственного чувства. Он осторожно выбрался из-за спины пастуха и попытался изобразить на лице доброжелательную улыбку.

— Что же вы ищете в этой пустыне? Хотя могу и сам догадаться... Золото, наверное? Или самоцветы? Или серебро, а то, может, другие драгоценные металлы? Или редкие вещества для приготовления волшебных мазей и снадобий?

Рогатая голова медленно качнулась.

— Ничуть. Я ищу потерянные души. — Рука черта вновь удлинилась и залезла в рюкзак. — В последние дни мне не очень везло, но кое-что нарыть удалось. Вот она, добыча, в сумке. Не хотите взглянуть?

Он показал людям небольшую кожаную сумку, туго завязанную и замысловато расписанную; изнутри доносились слабые стоны.

— Не надо, — откликнулся Симна и вновь спрятался за спину пастуха.

Демон пожал плечами.

— Понимаю. Немногие отважатся взглянуть на них. А посмотреть есть на что — все средних размеров, и

цвет ничего... Понятное дело, нечистые, но в противном случае их здесь, — он потряс сумкой, — и не было бы. Я тут уже довольно давно. Все надеюсь напасть на богатую жилу.

Симна невольно поежился. Несмотря на некоторое знакомство с хорошими манерами, которое проявил выходец из преисподней, он не мог отделаться от чувства, что если бы между ним и чертом не стоял Этиоль Эхомба, то их души уже давно были бы в сумке, а выпотрошенные трупы жарились бы на солнце. С виду Этиоль был так же беззащитен перед нечистой силой, как и остальные, но все равно, Симна готов был поклясться, что им очень повезло, что среди них оказался этот таинственный пастух.

— Я — Хоароуб! — представился демон. На этот раз он не протянул руки. — Итак, что вы ищете в Выжженных землях? Похоже, ваши души не придется откапывать.

— Мы ничего здесь не ищем, — спокойно ответил Эхомба и оперся о копье.

— Вот и хорошо, — заявил черт. — Я, знаете ли, не люблю конкурентов. Богатых потерянными душами участков здесь и так мало, да и разбросаны они далеко друг от друга.

— Мы ничего здесь не ищем, — повторил Эхомба. — Наш путь лежит на запад и дальше, через горы.

Пастух копьем указал на далекие сияющие скалы Каррид-гианских гор.

Хрюкнув, как поросенок, учуявший отруби, черт взглянул на наконечник.

— Любопытное у тебя копье, я чувствую запах мертвых веков... — Он зловеще ухмыльнулся. — Может, махнемся? У меня есть пара вполне приличных душ, первый сорт. На адском базаре за них дадут хорошую цену.

— Спасибо, нет. — Эхомба благожелательно улыбнулся, всем видом показывая, что он совсем не обижен, и добавил: — Оружие мне самому пригодится, а душа у меня и так уже есть.

Черт сплюнул — плевок был густой, желтый, тягучий — и попал в травинку. Травинка мгновенно вспыхнула.

— Каждому может пригодиться одна-другая лишняя душонка. На Судный день. Но нет так нет. Я так и понял, что ты не из тех, кто любит меняться.

Он глянул пастуху за спину и нащупал взглядом Симну.

— Слушай, а ты чего прячешься? Вот с тобой мы могли бы договориться.

— Как-нибудь в другой раз. — Северянин через силу улыбнулся. — Моя душа сейчас крепко привязана, — он кивком указал на пастуха, — к нему.

— Жаль.

Черт выпрямился и дружелюбно улыбнулся Эхомбе:

— Я могу раздробить твою грудную клетку, вырвать сердце и оставить тебя подыхать на песке. Но боюсь, ты начнешь сопротивляться и этим испортишь все удовольствие. Да и утречко сегодня выдалось на редкость холодное.

— Раз ты не собираешься нас губить, — спокойно произнес Эхомба, — то может быть, скажешь, где здесь можно отыскать родник?

— Родник?!

Черт недоверчиво посмотрел на него и расхохотался.

— В здешних краях нет родников. Только гейзеры, ключи да лужи с кипящей грязью! — Он указал когтистым пальцем на северо-запад. — Я знаю только одно место, где можно отыскать бегущую воду, — это Скопэйн. Там, в Скопэйне, есть все. Через месяц-другой, независимо от того, насколько удачно пойдут дела, я обязательно туда наведаюсь.

— Что за Скопэйн? — спросил Эхомба.

Демон хихикнул, словно вспомнил что-то смешное.

— Единственное приличное место на Выжженных землях. Есть еще несколько крошечных деревушек, но только Скопэйн можно назвать городом. Ступайте туда, если смелости хватит. Может, и чистую воду найдешь. Гарантировать могу только одно — вы будете там в диковинку. Смертных в Скопэйне немного.

Черт вежливо приподнял шляпу, повернулся и зашагал прочь. Там, где он ступал, песок спекался. Оставляя за собой стекловидные следы, черт исчез в ближайшей лощине.

Симна умоляюще улыбнулся Эхомбе:

— Если сократить дневной рацион воды, может, нам хватит наших запасов?

Эхомба помолчал, прикидывая что-то в уме, потом ответил:

— Боюсь, я был слишком оптимистичен и позволил надежде затмить здравый смысл. Хункапе нужно много воды. — Он вздохнул. — Хочешь не хочешь, а придется заглянуть в Скопэйн и долить мешки.

Но северянин не собирался уступать.

— Но ты же сам говорил, что в предгорьях должны быть источники?

Эхомба с осуждением поглядел на него.

— Тебя больше пугает Скопэйн, чем смерть от жажды?

Симна ткнул пальцем в ту сторону, куда ушел черт:

— Если в этом городке все такие, то — да!

Но его никто не поддержал. Ни Хункапе, ни Алите и в голову не приходило спорить с Эхомбой. Проклиная про себя этих тупых животных, Симна с обреченным вздохом двинулся за товарищами.

Может, все эти тревоги гроша ломаного не стоят, спросил он себя. Он утешал себя мыслью, что черт, как свойственно его племени, просто решил зло пошутить и этот Скопэйн вполне может оказаться приятным местечком, оазисом в пустыне, где пыльные улицы затенены высокими пальмами, а люди спокойные и разумные. И даже если это не совсем так, думал он, город есть город, и все города в общем-то одинаковы.

Но когда путешественники добрались до окраин этого поселения, Симна обнаружил, что он лишь отчасти был прав. Скопэйн действительно оказался городом, это верно.

Только это был не оазис.

XVI

— И нам надо туда идти?

Взобравшись на раскаленный валун, Симна оглядывал безжизненную равнину, отделяющую путников от первых домов.

— А ты хочешь умереть от жажды еще до того, как мы выйдем к предгорьям?

— Замечательный выбор, — проворчал Симна и, обреченно махнув рукой, спустился с камня. — Может, у них есть холодное пиво?

Эхомба кинул еще один взгляд на Скопэйн и двинулся следом.

— Ты это всерьез спросил?

— Нет, конечно, — признался Симна. — Но в последнее время я стал замечать, что предпочитаю внушающие надежду и необоснованный оптимизм иллюзии ужасам реального мира.

Вблизи городок оказался омерзительным: кривые улочки, усыпанные вонючими отбросами, сточные канавы, полные нечистот, низенькие домишки. Основным занятием жителей, судя по всему, была выделка шкур: чуть ли не в каждом доме их раз за разом поливали горячей кровью и соленой водой, доводя до прочности дерева. Невольно возникал вопрос, откуда берутся эти шкуры. Правда, спросить об этом путники не решились.

Вторая особенность города касалась его архитектуры. В пустыне туго с деревом и камнем, поэтому горожане использовали те строительные материалы, что были доступны. Тротуары были вымощены расщепленными костями, крупные лопаточные кости заменяли собой ставни; сами окна были затянуты беловатой роговицей.

На крышах виднелись узкие печные трубы, сложенные из позвонков; зачем в этой адской жаре нужны печи, оставалось только гадать. Во дворах порой можно было увидеть корыта с жидкой серой; возле них стояли адские скакуны. Попадались и обычные лошади — такие тощие, что их острые ребра грубо выпирали из боков, а нижние зубы протыкали верхнюю губу подобно бивням бабирусов.

Возле одной лавки путешественники увидели животных, напоминающих чудовищно огромных волосатых свиней. Они были привязаны к забору, а их морды прикованы к кормушкам. Заметив людей, они начинали рваться в привязи и злобно хрюкать. В пасти у них торчали длинные острые зубы, которые, казалось, никак не могут принадлежать домашним хрюшкам. Они были оседланы; седла были маленькие и узкие, с непропорционально высокими передними луками.

На самом солнцепеке разлеглись три исполинских слизня. Их клейкие тела плавились на глазах, но, похоже, им это нравилось. Исходящее от слизней зловоние перебивало все остальные запахи. Вместо седел из их спин торчали ручки. Путешественники искренне порадовались, что рядом нет владельцев этих скакунов.

Все это не значит, что на улицах не было жителей. Скопэйн нельзя было назвать многолюдной столицей, но и городом-призраком он не был — хотя призраков среди его населения тоже хватало. Кроме демонов и духов, здесь можно было встретить всех представителей адского племени — попадались фантомы, например высоченные веретенообразные создания с выпуклыми глазами, прикрытыми толстыми веками. На крышах сидели местные вороны — мерзкие твари с перепончатыми крыльями и зубастыми клювами.

Украшенное цветами многорукое существо неторопливо ехало по этому бульвару ужаса в кресле из человеческих костей. Компанию ему составляли безглазые чудовища. Неожиданно из того места, откуда у калеки должны были расти ноги, выскочила одноглазая слизистая многоножка. Она вздернула клюв и угрожающе запищала.

Неудивительно, что путешественники, где бы ни появлялись, сразу привлекали к себе внимание. В полном

соответствии с предупреждением старателя, прибытие в город смертных сразу вызвало многочисленные пересуды. Когда бочкообразный желтоватый сгусток, в середине которого выделялась широко раскрытая зубастая пасть, с надменным видом двинулся по тротуару в их сторону с очевидной целью нанести путникам увечья или совершить какую-либо другую пакость, Эхомба и Симна обнажили мечи и порубили его в куски. Как ни странно, никто из горожан не попытался остановить их, предупредить земляка или по крайней мере выразить возмущение. Наоборот, все с нескрываемым интересом наблюдали за этой бойней, причем симпатии их явно были на стороне смертных.

— Послушайте, — подал голос левгеп, — мне надо остановиться и почиститься.

Он лизнул переднюю лапу, поднес ее к глазам, затем к носу и добавил:

— Никогда не встречал более мерзкого запаха!

Эхомба, с неизменным любопытством изучавший то, что налипло на подошвы его сандалий, добродушно заметил:

— Тут даже воздух вызывает желание вымыться.

А зверочеловек заявил с присущей ему прямотой:

— Хункапе здесь не нравится!

— На том и порешили, — подвел итог Симна.

Он не стал убирать меч в ножны — держал его перед собой, понимая, что в этом городе стоит проявить хотя бы намек на слабость, как тебя тут же разорвут в клочья.

Что касается Эхомбы, то пастуха не покидало безмятежное расположение духа, а голос оставался таким же раздумчивым и негромким. Симна подумал, что это проистекает от уверенности в своих магических силах, и несколько приободрился.

— Эй, братец, где же вода, которую ты нам обещал? — спросил он у Этиоля.

— Обещал? — Эхомба посмотрел на компаньона сверху вниз. — Если бы ты с той же легкостью добывал еду, с какой бросаешься словами, то никогда бы не голодал... Надо порасспросить кого-нибудь.

— Ты имеешь в виду — *что-нибудь?*

В следующее мгновение северянин проворно отскочил в сторону, так как пролетавшая над ним «ворона» именно в эту секунду решила облегчиться. Темно-красный сгусток шлепнулся на костяную мостовую и сразу зашипел.

— Я вот чего не понимаю, — с детской непосредственностью поделился с товарищами Эхомба. — По-

чему эти кто-то — или *что-то* — выбрали для поселения место, хуже которого не найти во всем мире?

Улица стала шире, и путешественники вышли на открытое место, которое было то ли центральной, то ли рыночной площадью.

Симна раздраженно возразил:

— Может, это их курорт, где жители преисподней спасаются от жары. А может, здешний пейзаж кажется им живописным?

— Прежде всего мы любим эти холмы за трогательное бесплодие и ненавязчивую опустошенность. Для большинства из нас прекраснее страны нет.

Получив этот неожиданный ответ, путешественники невольно замерли. Создание, которое с такой легкостью вмешалось в их разговор, подошло ближе. Оно было очень похоже на ящерицу, только передвигалось на задних лапах, на голове у него красовался берет военного образца, грудь украшал темно-бордовый жилет с золотыми полосами, а ниже шли длинные рваные коричневые штаны. Роль третьей опоры выполнял коричневато-зеленый хвост, в такт словам размахивающий взад и вперед. Обуви у прохожего не было, зато на вытянутой морде поблескивало пенсне.

Ящер долго рассматривал их, чуть склонив голову набок, а потом мягко упрекнул:

— Вынужден заявить, что такой необычной компании я еще не видал. Если вам здесь не нравится, я посоветовал бы вам побыстрее покинуть город.

— Это именно то, что мы собираемся сделать, — вежливо ответил Эхомба. — Но сначала нам нужно пополнить запас воды.

— Так вы ищете воду? В Скопэйне? — Ящер покивал, потом задумчиво произнес: — Любопытно. За водой к нам редко заходят. В основном за серой, сурьмой или киноварью. Но вода — боюсь, ваши возможности весьма ограничены. — Ящер глянул вдоль улицы, поморгал и добавил: — Равно как и время.

— Почему? — Перед лицом опасности северянин всегда начинал грубить. — Туземцы не любят гостей? А ты сам кто такой?

— Я — городской советник. Что же касается моих друзей и земляков, то они, должен признаться, очень несдержанны. Это в лучшем случае. Никогда нельзя сказать заранее, как они отреагируют на ту или иную ситуацию. Кто-то охотно побеседует с вами, кто-то даже пригласит вас к себе поиграть в карты или кегли, но большинство все же предпочтет разорвать вас на части.

— Голодные? — поинтересовался Хункапа Аюб.

Ящер кивнул:

— Или просто грубые. Даже коренным жителям приходится быть осторожными. Среди горожан многие не уважают свой город. Что поделаешь, в Скопэйн стекаются проклятые и осужденные на вечные муки.

— Вроде вас? — с невинным видом спросил Хункапа Аюб.

— Я из тех, кто страдает от этого. Действительно, положение у нас в последнее время изменилось не в лучшую сторону. Я уже начинаю подумывать, не перебраться ли куда-нибудь на лоно природы. Надоедает, знаете ли, каждую минуту оглядываться...

Эхомба, опираясь на копье, наблюдал за парочкой голубоватых демонов — четырехногих, с вытянутыми воинственными мордами, — пересекавших улицу неподалеку от путешественников. Их волочили за собой трое на редкость уродливых, но хорошо одетых миниатюрных копий взрослых. К большому удовольствию родителей, юные дьяволята отчаянно и безостановочно дрались между собой.

— Вы сказали, что наши возможности ограничены, — сказал он. — Это значит, что все же они существуют. И какие же?

— Набрать воды! — Ящер, клацнув когтями по костяному тротуару, повернулся и показал направление. — В той стороне центральная площадь, на ней расположен принадлежащий муниципалитету дом кровавой резни. На площади есть городской фонтан. Из него вы можете взять воду.

— И никто не станет нас останавливать?

Ящер пожал плечами.

— Уже само ваше присутствие в этом месте является вызовом всем богохульникам и тем, кому было отказано в искуплении. Смертным нечего делать в Скопэйне. Честно говоря, я удивляюсь, почему вы до сих пор живы. У меня нет иного объяснения, кроме предположения, что какой-то предприимчивый оборотень убил вас, содрал с вас шкуры, натянул их на себя, а трупы повесил на солнышко, чтобы поскорее просохли. А может, даже влез в ваши тела и не убивая вас.

Холодные глаза ящера задумчиво уставились на путников. После короткой паузы он продолжал:

— Как я уже сказал, вы очень необычная компания. Вероятно, вам удастся запастись водой. Разумеется, потом вы должны покинуть город. — Он указал вдоль улицы чешуйчатым пальцем. — Напоминаю: мимо дома кровавой резни, в центре площади. Удачи.

Напутствовав их таким образом, ящер продолжил прогулку. Но не успел он пройти нескольких ярдов, как

что-то длинное, похожее на малинового цвета змею в пятнах проказы стремительно выскочило из темного проема. Ящер яростно зашипел, но «змея» втянула его в темноту, и оттуда послышались звуки борьбы.

Путешественники не стали дожидаться, чем она кончится. Эхомба торопливо повел своих спутников в сторону площади. Впрочем, никто на улице не обратил внимания на этот инцидент, все продолжали заниматься своими делами. Судя по всему, для Скопэйна такие стычки были в порядке вещей.

— Эх, Этиоль, сколько же щупальцев я навидался, путешествуя вместе с тобой! — пробурчал Симна. — А это последнее — просто жуть. Поневоле приходит на память Кракен. Сейчас по крайней мере оно было одно.

Эхомба, со своей обычной невозмутимостью — хотя на самом деле его сердце сжималось всякий раз, когда они проходили мимо темных проулков, — ответил:

— Согласен. Только, Симна, это было не щупальце, а язык. И место, откуда он выскочил, вовсе не вход в дом, а замаскированная пасть. Отсюда вывод: почти все, что мы здесь увидим, обманчиво, и гостям вроде нас следует зарубить себе на носу: смерть в этом городе имеет много обличий!

— Спасибо, что объяснил, братец! Мне сразу стало легче.

— Я только развеял твое заблуждение, — возразил Эхомба.

— Иногда лучше оставить как есть, — огрызнулся северянин. Он указал вперед: — Похоже, это не просто толпа местных жителей, собравшихся поприветствовать нас.

Из обращенных к площади двойных дверей большого здания — видимо, это и был дом кровавой резни — вышли человек десять горожан самых разных обличий. Среди них были многорукие великаны ростом больше десяти футов, трехглазые уроды, а один напоминал кактус с многочисленными отростками, похожий на те, что в изобилии росли на задах деревни наумкибов; ядовитый гной сочился из каждой иголки, а жидкость, вытекающая из самой большой дыры, растворяла все, что попадалось ей на пути. Выстроившись в линию, они перекрыли улицу, преграждая путь к площади.

Судя по надетым на них передникам в отвратительных темных пятнах, все они были служащими этого мрачного заведения. Выражение лиц у них грозное, позы вызывающие; ясно было, что настроены они весьма решительно.

Все они были вооружены. Но не мечами, а инструментами, соответствующими их адскому ремеслу: острыми как бритва разделочными ножами и топорами.

— Может, лучше обойти их и попытаться проникнуть на площадь с другой стороны? — предложил Симна.

Эхомба убрал копье в перевязь за спиной и, понизив голос, в свою очередь спросил:

— Почему ты решил, что самые жуткие из тех, кто дышит воздухом Скопэйна, и там не встанут у нас на пути? Кроме того, мне кажется, что если повернуться к ним спиной, они тут же решат, что мы струсили, и нападут всей стаей. С той самой минуты, как мы вошли в город, было понятно, что рано или поздно нам придется вступить в бой, чтобы защитить себя и доказать свое право здесь находиться.

Он протянул руку за спину и обнажил меч из небесного металла. Как обычно, лезвие, покидая ножны, издало едва слышное шипение.

— Вот и пришел наш час.

Один из мясников расхохотался:

— Смертные, ваше оружие вам не поможет. Мы сдерем с вас заживо кожу и поточим зубы о ваши косточки!

Существо, похожее на двадцатикратно размноженную тележку для перевозки строительного камня, неторопливо раскачивалось на сильных, хотя до странности тонких ногах. Один глаз у него был обычный, а другой — подвижный, плавающий по нижней части морды.

— ...используем яремную вену как соломину и напьемся вашей крови. Вкусной, соленой...

— А мне глаза! — заявило чудовище, описать которое просто невозможно. — Я требую глаза!

— Только не все! — Вооруженная мясницким ножом бесформенная груда возмущенно заколыхалась. — Половина моя!

Симна ибн Синд принял боевую стойку — Хункапа прикрывал его слева — и вызывающе крикнул:

— Давай подходи, мешок с дерьмом! Слышишь, безродный сын греха! Сейчас посмотрим, кто из нас мясник, а кто туша, которую нужно разделать. Я хочу пить и намерен наполнить свой бурдюк из вашего фонтана. И если для этого необходимо освежевать тебя, клянусь Гакороном, я это сделаю!

Симна указал направо, на пастуха, молча сжимающего в руках меч из небесного металла, и оповестил:

— Этиоль Эхомба, самый могучий колдун по обе стороны Семордрийского океана! Не смейте становиться у него на пути. — Он поманил врагов свободной рукой. — Ну, подходите, вы, болтливые комья грязи!

— Колдун? — захихикал один из адских мясников. — Знай, ничтожный, что магия смертных не действует здесь.

Воздух не тот! То ли слишком сухо, то ли слишком жарко, а может, нам просто не хватает к ней уважения. Готовься к смерти, ничтожный. Можешь не беспокоиться, на корм червям ты не пойдешь, потому что мы им ни кусочка не оставим.

— Слишком много шума для одного дня, — проворчала тварь с одним большим и одним маленьким глазами. — Как хотите, а я начинаю. Они, должно быть, жирненькие. — Мягкие губы аппетитно почмокали. — Люблю жирненьких.

Два самых отвратительных создания издали рев, от которого у менее храбрых людей кровь застыла бы в жилах, и неуклюже двинулись вперед. Симна ловко увернулся от размашистого удара, нанесенного гигантским разделочным ножом, а Хункапа могучим ударом сбил врага наземь. Алита черной молнией метнулся вперед и вцепился клыками в ближайшего монстра. Остальные попытались окружить кота, но для этого они были слишком неповоротливы.

Исполинский секач, подобно падающему ножу чудовищной гильотины, обрушился на Эхомбу. Отражая удар, пастух вскинул меч из небесного металла. Посыпались искры, раздался звонкий вибрирующий гул, эхом отозвавшийся в глубине улицы, и Симна, который видел, как столкнулись два клинка, на мгновение замер.

Осколок размером с блюдечко отвалился от лезвия небесного меча.

Симна был в ужасе. Эхомба мог быть могучим магом или, на чем он постоянно настаивал, обыкновенным пастухом — сейчас для Симны это было не важно. В силу волшебного оружия он верил безоговорочно и слишком часто видел меч в действии, чтобы сомневаться в его сверхъестественном происхождении. С владельцем меча могло случиться все что угодно, но только не с самим мечом. Это было попросту невозможно!

Следующий удар, нанесенный разгневанным демоном, отбил от лезвия такой же кусок. Еще несколько ударов — и Эхомба останется безоружным. Симна не верил, что другой меч или копье Эхомбы помогут спасти положение. В силе клинка из кости акулы он сомневался — слишком далеко от океана! Последняя надежда на копье. Симна вспомнил слова Эхомбы, что производимое наконечником копья устрашающее воздействие очень кратковременно и поэтому может быть использовано только для того, чтобы выиграть время.

Пастух парировал еще один удар — и третий обломок волшебного лезвия упал на землю.

Исчадия ада еще яростнее бросились в атаку, но Хункапа крепко держал своего противника, да и Алита на-

нес сопернику заметный урон. Будь силы равны, смертные могли бы рассчитывать на победу, но враг слишком превосходил их численностью, да к тому же эти чудовища давно ходили в дружках у Смерти. Они были безжалостны, уверены в себе и не знали страха.

Симна был восхищен умением Эхомбы обращаться с мечом, одна беда: после каждого удара клинок становился все меньше и меньше. Но пастуха, как ни странно, это, казалось, не особенно беспокоило. Он сдерживал натиск трех самых крупных монстров, и их ножи то и дело взимали с небесного меча страшную дань. Симна уже хотел крикнуть другу, чтобы тот спрятал меч и воспользовался волшебным копьем... но в этот миг краем глаза уловил странную вспышку.

Это блеснул один из осколков небесного меча. Маленький кусочек волшебного металла вспыхнул ярким лазурным сиянием, которое Симне уже доводилось видеть. Потом лазурная искорка поднялась в воздух. Она засветилась еще ярче и, кажется, стала больше. Отбиваясь от наседающих врагов, Симна то и дело поглядывал на нее. Да, точно: осколок вырос и стал не меньше фута в длину.

Еще три осколка всплыли над грязной мостовой. Они тоже удлинились, засверкали ярче. Потом и слева возник слепящий кобальтовый свет. Горсть сияющих искр взлетела из-под лап Алиты — кот сразу отпрыгнул. Все осколки росли, разгорались и превращались в уменьшенные копии большого меча.

Внезапно Эхомба, крепко, обеими руками сжимая рукоять, сделал шаг назад, словно решил выйти из схватки, и поднял меч высоко над головой. Осколки небесного металла, словно привязанные невидимыми нитями, повторили этот маневр и зависли в воздухе. Поле битвы залил яркий пульсирующий темно-синий цвет.

Потом пастух резко взмахнул уже практически лишенной лезвия рукоятью, и тысячи маленьких мечей повторили удар с безупречным металлическим единодушием.

XVII

На площади взревел лазурный ураган, и сотни клинков полоснули омерзительных чудищ. Демоны сомкнули ряды и сделали попытку нанести ответный удар, но Эхомба резко опустил меч и их атака была отбита. Это был переломный

момент: черное сердце, злобная сущность врагов, испарилось подобно горсти воды, пролитой на выжженную землю Скопэйна.

Нет, демоны не бросились в бегство. Отступление было им чуждо. Они продолжали сражаться, пытаясь любой ценой сразить четверых смертных. Только теперь каждый из них рубился с сотней мечей, а даже демон не может выстоять в такой ситуации.

Зато боевой дух смертных сразу окреп. Симна ибн Синд, вдохновленный чудом, даже забыл лишний раз съязвить по поводу отсутствия магии у Эхомбы. Он был слишком занят боем. Северянин увлеченно разил врагов, лишний раз доказывая, что в поединке один на один ни на Земле, ни где-то еще нет противника, способного противостоять ему.

Хункапа Аюб, оглушительно ревя, с нескрываемым удовольствием швырял демонов о стены, ломал им конечности, своей силой и неутомимостью вселяя ужас в противника. Алита без устали работал когтями и клыками; те монстры, которым довелось испытать удары молниеносного левгепа, старались к нему не приближаться.

Тем временем меч Эхомбы и сотни его маленьких копий успели нанести демонам немало тяжелых ран. Один из великанов хрипло дышал, зажимая бок; из раны безостановочно бил поток зеленой крови. Повсюду валялись отрубленные лапы и щупальца; некоторые из них еще продолжали сжимать оружие. Зеленая кровь потоками струилась в сточные канавы. Но, ослепшие и изуродованные, демоны все еще пытались противостоять таинственной магии, которая не имела сходства ни с каким известным им волшебством. И все же им пришлось отступить. Те, кто еще был способен двигаться, один за другим уползали в дом кровавой резни, прятались в переулках и в темных углах — но там их хватали когтистые лапы не ведающих сочувствия обитателей Скопэйна и, подрагивая от предвкушения, втаскивали в свои адские норы.

Наконец последние двое дьявольских мясников побросали оружие и скрылись в доме кровавой резни. Тяжелые двери захлопнулись за ними. Распалившийся Симна бросился за ними, горя желанием добить врага в его собственном логове, но Эхомба его удержал:

— Хватит. Не думаю, что до того, как мы покинем Скопэйн, нас отважатся потревожить.

— Клянусь Джиеротом, не посмеют! — откликнулся северянин и, тяжело дыша, погрозил мечом закрытым дверям. — Ну что, отбросы жареные?! Неплохо сработано для «ничтожных смертных», а?

Хункапа Аюб с любопытством осматривал отрубленные конечности демонов, Алита устроился на самом высоком каменном выступе, какой только смог отыскать, и принялся счищать с себя сгустки зеленой крови и остатки внутренностей.

Симна тоже расслабился; упоение боем прошло. И теперь на него навалилась усталость. Только Эхомба по-прежнему сжимал рукоять меча и зорко следил за лазоревым сиянием, озаряющим площадь. Неожиданно обломок лезвия, оставшийся у эфеса, загудел, задрожал. Пальцы Эхомбы побелели от напряжения, лицо окаменело.

Один за другим, все быстрее и быстрее, сотни осколков чудесного меча начали возвращаться назад. Серебристо-серые и голубоватые черточки с острыми как бритва краями устремились к эфесу. Завыл, заревел ветер, осколки закружились, подхваченные маленьким смерчем, — и через несколько мгновений меч в руках Эхомбы стал целым, как раньше. Лазоревое сияние угасло. Завывания ветра упали до шелеста и скоро стихли совсем.

Пастух молча убрал клинок в ножны, висящие у него за спиной. Как всегда, лицо его было спокойно, хотя бой дался ему нелегко. Пот тонкими струйками стекал по лицу и по груди, на рубашке расплывались темные пятна. Было заметно, что силы его на исходе.

— Хорошо бы чего-нибудь съесть, — проговорил он. — И отдохнуть.

— Здесь отдыхать — нет, — откликнулся Хункапа, который в эту минуту рассматривал обрубок щупальца такого же толстого, как его нога.

— Это точно, — согласился Эхомба. — Постараемся найти подходящее местечко сразу, как распрощаемся с этим поганым городом. Но сначала надо пополнить запасы воды, иначе ради чего же мы тут сражались?

Злые глаза и органы, не нуждающиеся в свете для того, чтобы различать окружающее, неотрывно следили за смертными, которые, миновав закрытые двери дома кровавой резни, вышли на площадь. Симна ибн Синд по-прежнему сжимал в руке меч и шел чуть сбоку от товарищей, прикрывая их от возможного нападения.

Очутившись на площади, они испытали огромное облегчение: ящер, который слишком долго собирался перебраться из города, сказал правду. В центре площади возвышался фонтан, сложенный из вулканического камня. Струя воды била выше чем на пятнадцать футов, и это, безусловно, был

природный источник. Можно было не опасаться, что он иссякнет через минуту.

Вот только путешественникам он не мог принести никакой пользы.

Фонтан Скопэйна был гейзером!

В этом была своя логика: что еще может украшать центр адского города, если не бездонный источник кипящей воды!

Струя была настолько горячей, что люди не смогли даже подойти к фонтану. Хункапа Аюб и Алита тем более были вынуждены держаться подальше. Эхомба задумался о том, как справиться с этой новой трудностью, и в это время Симна потрогал его за плечо. Этиоль обернулся и увидел то, что уже раньше заметил северянин.

Ободренные растерянностью чужаков, мерзкие жители Скопэйна повылезали из нор, ям, сточных канав и прочих приятных местечек. Существа с огромными глазами и клешнями вместо рук медленно подползали к фонтану. Вооружены они были куда хуже, чем их приятели из дома кровавой резни, зато их было гораздо больше. Создавалось впечатление, что весь этот зловонный город начал сползаться на площадь, словно там открывалась ярмарка.

Стиснув зубы, Симна крепче сжал рукоять меча.

— Сейчас начнется еще одно сражение, братец! Сколько же их тут! Надеюсь, они не знают, как я устал. Махать мечом — тяжелая работа.

— Мы все устали, — сказал пастух. — Надеюсь, драться нам не придется.

— Тем более за эту воду! Она хороша для варки цыплят, но взять ее с собой мы никак не сможем.

— А если сможем?

Эхомба поднял руку и направил лезвие небесного меча... нет, не на сборище дьявольских отродий, все ближе подползающих к путникам, а на гейзер. На этот раз свет, излучаемый чудесным клинком, был настолько глубок, что казался почти пурпурным.

— Эй, долговязый братец, — предупредил Симна. — Враг приближается.

Хункапа и Алита встали по обе стороны от Эхомбы. Пастух продолжал направлять меч на гейзер.

— Отжиханья говорил, что небесный металл не только способен повелевать ветром, буйствующим среди звезд, и посылать в бой своих маленьких призраков. Он хранит в своей сердцевине сущность того места, где был рожден.

Симна не сводил глаз с надвигающихся чудовищ.

— Ты хочешь сказать, что можно призвать огонь кузни, где он был выкован? Вряд ли умение повелевать жарой имеет большое значение в Скопэйне.

— Не где был выкован, — поправил его Эхомба, — а где был рожден.

С острия меча сорвалась молния — то ли синяя, то ли серебряная, Симна не успел заметить, потому что, когда это случилось, он смотрел в другую сторону. Затем раздался оглушительный хруст, словно треснул огромный валун.

Мерзкие обитатели Скопэйна замерли. Все разновидности глаз — и выпуклые, и узкие, как щелочки, и фасеточные, и самые примитивные, способные улавливать только движение — уставились на фонтан. Потом чудища начали медленно отползать.

Симна закрутил мечом над головой, посылая ругательства и насмешки вслед отступающей нечисти, а потом повернулся к фонтану, желая увидеть, что же так напугало этих чудовищ. А увидев, и сам содрогнулся. Много всего случалось в старом добром Скопэйне — но только одно могло повергнуть в ужас его обитателей.

Гейзер замерз.

Призвав холод пространства, в котором он был рожден, небесный металл превратил столб кипящей воды в ледяной столб.

Сверкающая колонна излучала такой холод, что даже стоя достаточно далеко, Эхомба поежился. Он осторожно вложил чудесный меч в ножны. Симна и левгеп благоразумно отошли подальше, а Хункапа, соскучившийся по своим холодным горам, наоборот, направился к замерзшему фонтану, явно желая его потрогать.

Пастух поспешно остановил его:

— Не стоит, дружище! Я знаю, ты любишь холод, но тебе никогда не приходилось встречаться с таким морозом. Можешь подойти поближе, только не касайся льда, иначе сам превратишься в ледяную статую.

Пробивая себе путь сквозь лед, кипящая вода остывала и, сочась через бортик, устремлялась прохладными ручьями по всей площади, заставляя теплолюбивых обитателей Скопэйна искать укрытия. Соседние с площадью улицы моментально опустели, и путешественники вздохнули свободнее.

Скоро безжалостный зной Выжженных земель тоже начал брать свое, и ледяной монолит стал подтаивать. Друзья тут же развязали бурдюки и наполнили их до самого верха. Эхомба дал Алите полакать из своего бурдюка.

— Ну как?

Левгеп облизнулся и коротко сказал:

— Холодная, мокрая и безумно вкусная, человек.

Эхомба глянул на ледяной столб. Он на глазах уменьшался и оплывал.

— Нам лучше покинуть этот негостеприимный город до того, как гейзер вновь оживет или к этим отвратительным созданиям вернется храбрость.

Левгеп одобрительно кивнул. Эхомба взъерошил его густую черную гриву.

— Понимаю, чего тебе сейчас больше всего хочется, Алита. Я тоже не отказался бы искупаться.

Четверо друзей бросили последний взгляд на потоки холодной воды, испаряющиеся на булыжнике площади, и поспешили прочь из города.

А напуганные, бессильные им помешать жители Скопэйна с ненавистью смотрели, как четверо смертных наполняют бурдюки и уходят. Уходят не на восток, как того следовало ожидать, а на запад, в страну настолько бесплодную и суровую, что даже черти остерегались туда заходить.

Поразмыслив, исчадия ада пришли к выводу, что, судя по выбору направления, чужаки обладают не только невероятной магией, но и невероятной глупостью, так что, может, и к лучшему, что ими не удалось закусить...

Поправив бурдюк, приятно холодивший спину, Симна оглянулся на уродливые домишки Скопэйна.

— О чем задумался, братец? — спросил он Эхомбу. — Боишься, что за нами будет погоня?

Эхомба тоже бросил взгляд назад. Очертания зловещего города терялись среди нагромождения камней и отвесных скал.

— Вряд ли. Служители дома кровавой резни почти все мертвы, а те, кто бежал от холодной воды, не захотят второй раз испытывать судьбу. У этих злобных созданий все-таки есть мозги.

— Надеюсь, — добавил северянин, — им хватит этих мозгов, чтобы представить, что ты сделаешь с ними, если они все же попытаются нас догнать.

— А я вот не представляю, — очень серьезно ответил Эхомба. — Если бы они решились организовать погоню, нам оставалось бы только дать деру. Я очень устал, дружище. Мне трудно управляться с мечом. Я ведь никогда не упражнялся в колдовском искусстве, как старая Лукулу или Мамуна Каудон.

— Знаю, знаю! — воскликнул северянин, услышав то, что и хотел услышать. Он ухмыльнулся. — Когда дело

касается магии, ты всего лишь старательный любитель, любопытный простак... Ладно, проехали. Пусть будет так, раз ты хочешь настаивать на своем. Я вполне удовлетворен результатами, и мне плевать на дурацкие объяснения, которыми ты меня пичкаешь.

Эхомба обиделся.

— Я никогда не называл себя такими словами.

Симна не мог скрыть удовлетворения.

— Но ты все время твердишь, что не колдун.

Пастух гордо вскинул голову:

— Я из племени наумкибов, а не какой-то там «безнадежный простак» или «старательный любитель».

— Хорошо, хорошо. — Симна рассмеялся. — Не будем ссориться, братец! Ты же знаешь, я вовсе не хотел тебя обижать, не принимай все так близко к сердцу.

Пастух долгим взглядом обвел высокие пики Карридгианских гор. Теперь они заметно приблизились. За ними лежит Эль-Ларимар, и там, подумал Эхомба, обет будет исполнен. Эти заснеженные гребни обещали скорое возвращение домой.

Домой. Даки и Нелетча, наверное, здорово подросли. Помнят ли они своего отца или он для них — всего лишь смутная тень из полузабытого прошлого? Много месяцев прошло с того дня, как он попрощался с ними и двинулся вдоль побережья на север... Этиоль нащупал шнурок, на котором висела вырезанная из кости человеческая фигурка — талисман, подаренный старой Фасталой. Вспомнив ее каркающий смех и грубые, но точные замечания, пастух улыбнулся. Как он истосковался по дому!

В общем-то он мог в любую минуту повернуть назад. Забыть о похищенной прорицательнице и одержимом безумием колдуне, о недоверчивых аристократах и умирающем юноше. Зачеркнуть все, что, по сути, было только словами, которыми обменялись двое людей на берегу, выбросить из памяти обет, взятый на себя из сострадания, и вернуться домой, к жене и детям.

Забыть клятву, данную умиравшему?

Эхомба тяжело вздохнул. Другой мог бы так поступить, но он не вправе себе этого позволить. Вернуться с полпути — значит отказаться от самого себя, отречься от того, что делало его наумкибом. Если его спутники сегодня, завтра или даже у дворца Химнета решат повернуть назад, он все равно закончит начатое. Потому что это его долг. Потому что с этим долгом его связывает все лучшее, что есть в нем. Потому что он дал слово.

Миранья все поняла. Ей не понравилась эта затея, но она поняла. Конечно, она тоже из племени наумки-

бов. Этиоль верил, что и дети поймут, даже если им больше никогда не доведется увидеть отца.

Позади лежал ужас, впереди... ничего. Земля здесь была плоская, как скверная шутка, ослепительно белая, с редкими коричневыми и бледно-розовыми пятнами. Раскаленный воздух дрожал, искажая очертания предметов. Это была безводная и безжизненная пустыня, сковородка, которую решили прокалить с солью. Эхомба понимал, что и того запаса воды, который они взяли в Скопэйне, надолго не хватит — и, значит, им нужно спешить.

XVIII

— Какое ужасное место!

Симна начал отставать, и Эхомба укоротил шаг. Рядом неслышно ступал левгеп; голова Алиты была низко опущена, длинный черный язык свесился набок.

— Хункапе не нравится!

Огромный зверочеловек, обросший густой шерстью, изнемогал от жары, но все равно шел вперед. Эхомбе было легче, чем остальным, он привык подолгу бывать на солнце, но теперь и ему приходилось все чаще щуриться.

— Потерпи. Солнце скоро сядет.

До зеленых предгорий был еще по меньшей мере день пути. Или ночь. Чтобы спастись от нестерпимой жары, они решили спать днем и идти ночью. Луна хорошо освещала дорогу.

С заходом солнца жара спала, но не так быстро, как хотелось бы. Только к полуночи воздух охладился достаточно, чтобы путники почувствовали облегчение. Хорошо еще, что воды было вдосталь. Эхомба, правда, все равно предложил ограничить суточный рацион, но все возмутились. У них и так всего в обрез, пусть хоть воды каждый пьет, сколько захочет. Тем более что чем больше они выпьют, тем легче будут бурдюки. Алита сказал, что, как только они доберутся до предгорий, он сразу учует воду и приведет их к источнику.

Они перекусили и снова двинулись в путь. Теперь вокруг возвышались соляные башни. Ветер превратил их в галерею причудливых статуй, и чтобы развлечься, путешественники принялись придумывать им названия, состязаясь между собой, кто разглядит в них самое озорное и необычное.

Хункапа Аюб, указывая на изрезанную ветром колонну из каменной соли, по-детски обрадовался:

— Посмотрите туда! Посмотрите! Обезьяна нам кланяется.

Симна критически осмотрел природное изваяние и изрек:

— Больше похоже на кучу хлама.

— Нет, нет! — Хункапа подбежал к нему и, тыча пальцем в столб, повторил: — Это обезьяна! Смотри, вон там глаза, там руки, а ниже...

— Тогда попроси ее, может, она нам подскажет короткий путь, — проворчал Симна и кивком указал налево: — Зато вот это — в точности жадеитовая стена дворца великого Нурина! С распахнутыми воротами и боевыми башнями, а если прищуриться, можно даже различить плавающие сады перед дворцом...

Но Хункапа не слушал его. Он вдохновенно бегал от одного столба к другому, выискивал все новые и новые формы и, ликуя, придумывал для них имена.

Эхомба снисходительно поглядывал на них, но скоро и его захватила эта игра в названия. Этиоль и Симна, не сговариваясь, вступили в соревнование: проигравшим считался тот, кто первый начнет повторяться. Судьей был Алита. Хункапа Аюб тем временем совсем разошелся, купаясь в радостном море придуманных им имен.

— Взгляни на эту колонну, — сказал Симна. — Как она искрится, словно танцует в лунном свете! — Он мечтательно вздохнул. — Знавал я когда-то одну танцовщицу, чем-то она ее напоминает... Она с ног до головы была усыпана жемчужинами и драгоценными камнями. Во время танца она начинала скидывать с себя прозрачные покрывала, пока не избавлялась от всех. Тогда становилось ясно, что эти камни наклеены прямо на обнаженное тело... А по-твоему, на что она похожа?

— После такого трогательного описания как-то не хочется вступать с тобой в спор, — ответил пастух и переступил через невысокие, в дюйм высотой, бороздки, пробегавшие по поверхности котловины. Образовались они, по-видимому, много веков назад, когда озеро еще было озером. На вид казались хрупкими, но в действительности были твердыми, как скала, и такими острыми, что запросто можно было поранить ногу.

— Зато вон там, — продолжал пастух, — мне видится хижина рыбака на берегу океана. Только это не наш океан, а какой-то иной...

— Почему? — Симна, прищурившись, поглядел в указанном направлении.

— Потому что здесь вода спокойная, а возле нашей деревни даже в ясные, безветренные дни ходят волны. Никакой наумкиб не построил бы хижину так близко от кромки прибоя. Первый же шторм ее смоет.

— Ладно, могу различить побережье, — допустил Симна, — могу даже признать, что это хижина, но почему именно рыбацкая?

Эхомба показал рукой:

— Видишь, вон длинные лопасти? Они очень напоминают весла, оставленные снаружи.

— Ладно, я знаю, что все это только соль, — с притворным равнодушием сказал Симна. — Но не будет вреда, если, глядя на них, немного помечтать.

— Согласен, — заявил Алита. Никто не слышал, как он приблизился. Даже такой чуткий следопыт, как Эхомба, не замечал присутствия кота, пока тот не подавал голос.

Левгеп движением головы указал налево.

— Например, там я вижу сайгаков, бредущих один за другим. Они жирные, так и хочется догнать их и выпотрошить.

Эхомба посмотрел туда, куда показывал кот, и вынужден был признать его правоту: сходство между фигурами, вырисовывающимися на разрушенном гребне, и стадом крупных сайгаков было поразительным.

Симна, очевидно, был того же мнения.

— Очень похоже. Кажется, стоит кому-нибудь зашуметь, как они тут же бросятся врассыпную.

— Ты уже зашумел, — упрекнул его кот. Он припал к земле и, став почти невидимым даже в ярком свете луны, начал подкрадываться к скульптурной группе.

Эхомба уже открыл рот, чтобы окликнуть Алиту, но Симна крепко сжал его руку.

— Пусть. Кошки любят играть. Разве он не заслужил право немного развлечься?

— Да, конечно. — Эхомба сам не смог бы объяснить, почему, глядя на Алиту, он вдруг встревожился. — Просто он что-то слишком увлекся.

Симна пожал плечами.

— Никогда не встречал кошку, которая играла бы без увлечения. Наиграется и догонит нас. Он способен одолеть милю, пока кто-нибудь из нас добежит... ну хоть до того гребня. — Северянин указал на возвышавшееся неподалеку нагромождение соляных фигур. — Видишь? Очень похоже на вход в замок.

Пастух неохотно повернулся в ту сторону. Он чувствовал: что-то вокруг не так. Или это ему только кажется? Может, жара виновата? За его спиной левгеп изготовился к прыжку. За кем он охотится? За кристаллами соли? Не глупо ли?.. Ладно, Симна прав — большой беды в этом нет.

Впереди и чуть справа возник большой холм, состоящий из соли; ветер превратил его в фантастический строй шпилей, колоколен, башен и минаретов. Поблескивающая в призрачном лунном свете цитадель была украшена арочным портиком и темными проемами в соляных стенах. При дневном свете на эти отверстия никто не обратил бы внимания — но во мраке ночи они легко сходили за окна.

Легкий ветерок пролетел над дном бывшего озера, заглянул в таинственную крепость, много веков назад образовавшуюся из выпаренной соли, — и вдруг засвистел, загудел в пустотах, выеденных другими ветрами в соляной плоти. На расстоянии эти звуки напоминали зловещий смех.

— Ну же, Этиоль, — поторопил Симна. — Что мне за интерес выигрывать без борьбы? Как бы ты назвал это место?

Под подошвами его сандалий звучно и аппетитно хрустела соль. Симна увлеченно давил ее, не сводя восхищенных глаз с бледного подобия крепости.

— Похоже, на сей раз ты выиграл, — ответил Эхомба. — Действительно, очень похоже на крепость. Ничего другого придумать не могу.

— Значит, не будем спорить. — Симна свернул и направился к причудливому нагромождению соляных фигур. — Пошли, братец. Неужели тебе не хочется взглянуть на нее вблизи? Сколько времени путешествуешь в моем обществе, а все такой же зануда! Ты же такого в жизни не видел! Где же твое любопытство?

Эхомба был раздражен, но ответил, как всегда, спокойно:

— Давай договоримся: ты догонишь меня через несколько минут.

— Это зависит от того, что я там увижу.

С какой-то истерической веселостью Симна устремился к призрачному замку. Рукоять меча у него за спиной поблескивала в свете луны.

Нахмурившись, он повернулся и с большим облегчением увидел неподалеку очертания громоздкой фигуры Хункапы Аюба. Зверочеловек терпеливо поджидал пастуха.

— Пошли, Хункапа, — позвал его Эхомба. — Если эти двое хотят тешить себя ночными фантазиями, пусть развлекаются. Потом им придется поспешить, чтобы нагнать нас.

Фигура не пошевелилась. Эхомба крикнул погромче:

— Хункапа? Иди сюда. Не будем же мы торчать здесь, пока они играют в свои игрушки?!

Зверочеловек снова не двинулся с места. Озадаченный, Эхомба направился к нему, идя по собственным

следам, которые были хорошо видны на кристаллической крошке. Подойдя к Хункапе, он протянул руку и в это мгновение почувствовал что-то неладное.

Хункапа ничем — ни жестом, ни взглядом — не показал, что заметил пастуха. Как будто Этиоля здесь вообще не было.

Эхомба потянул его за руку. С тем же успехом он мог бы дергать дерево, растущее на горном склоне. Неподвижный Хункапа все так же продолжал смотреть вперед.

Эхомба проследил его взгляд и увидел высокую, сильно источенную соляную колонну.

Она выглядела в точности как Хункапа Аюб.

Это сходство нельзя было назвать случайным, оно было глубже и резче, чем позволительно для игры воображения. Колонна копировала Хункапу до мельчайших деталей — от приплюснутого носа до широко распахнутых, глубоко посаженных глаз.

Пастух подошел ближе и вдруг обнаружил, что не в силах оторвать взгляда от пустых глазных впадин, хорошо различимых на покрытой сеточкой трещин поверхности соляного столба. Казалось, там, внутри, что-то шевелится, приковывает взор. Этиоль едва не закричал от ужаса.

Это был не Хункапа Аюб. Фигура целиком и полностью состояла из соли. Она была недвижима, бездушна, попросту мертва. Но чем же тогда объяснить жуткое сходство? Никакого сравнения со стадом сайгаков, которых Алита разглядел в нагромождении глыб, или с замком, привлекшим внимание Симны.

Пастух вернулся к Хункапе Аюбу, взял в обе руки его кисть и что было сил потянул. Никакой реакции. С густой шерстью человекозверя тоже произошло что-то странное. Она затвердела и была зернистой на ощупь.

Эхомба сунул в чуть приоткрытую пасть Хункапы два пальца и потрогал язык. Потом вытащил пальцы и осторожно лизнул. Вкус был очень знакомый.

Соль.

Пастух резко повернулся и по собственным следам двинулся на восток. Скоро он увидел черного левгепа, глубоко вонзившего клыки в бугор соли. Желтые кошачьи глаза были еще открыты, но их уже затягивала едва различимая пленка соли.

— Алита, очнись! Стряхни с себя эту пакость! — Эхомба дернул кота сначала за лапу, потом за хвост. Бесполезно! Левгеп был такой же тяжелый, как Хункапа Аюб, в одиночку его было не сдвинуть. Пастух отступил, с ужасом глядя на лоснящийся черный бок, густо посыпанный солью. Кот на глазах превращался в соляной кристалл.

Не зная, как быть, Этиоль описал небольшой круг и вернулся к Алите. Эти соленые глыбы не зря имели сходство с живыми существами. Если дорыться до сердцевины обладающих наибольшим сходством образований, что обнаружится там? Сколько существ, имеющих естественное происхождение, навеки остались здесь — и что значат слова «естественное происхождение»? Сколько несчастных путешественников, людей ли, животных, послужило основой для этих скульптур? Высоко в небе светила бледная от страха луна и от нее нельзя было добиться ответа.

Эхомба сжал губы в тонкую линию, передвинул на грудь походный мешок и, покопавшись в нем, вытащил пузырек, который искал. В нем еще оставалось немного едкой чудесной жидкости. К счастью, этого будет достаточно.

Алита первый, решил Этиоль, он пострадал сильнее других. Едва он вытащил затычку из пузырька, его внимание привлекло движение справа. Пастух повернул голову и пригляделся. Три соляных столба, испещренных коричневыми и бледно-красными точками, стояли поодаль. Один повыше, два пониже, они пялились на него пустыми глазницами и вместе напоминали семью.

Его семью?!

Он сразу понял, кого изображала самая высокая соляная фигура — ошибиться было невозможно. Миранья. Его жена, воплощенная в соли. Она умоляюще тянула к нему мертвенно-бледные руки. Этиоль невольно шагнул в ту сторону. Собрался сделать еще шаг, но заставил себя остановиться. По его правой ноге, потом по всему телу пробежала дрожь, в душе началась борьба между желанным и настоящим.

Отец говорил Эхомбе: все, что происходит вокруг, подвергай сомнению. Всегда задавай вопросы, в любых обстоятельствах не ленись их задавать, даже тогда, когда что-то кажется непреложным. Реальность может сыграть самую невероятную и чаще всего неприятную шутку с самоуверенным человеком. Эхомба с детства впитал скептицизм отца и осторожное, вдумчивое недоверие к окружающему миру. И сейчас пришло время проверить его на прочность.

Задумайся! — воскликнул он про себя. Что здесь творится? Алита заметил сайгаков, но его клыки вонзились в обычную соль. Хункапа Аюб увидел себя в соляном столбе, и соль воплотила его мысли. И сам он увидел родную семью потому, что страстно желал ее увидеть.

Симна ибн Синд мечтал о замке, полном наложниц, и хотел быть единственным его владельцем. Соль услуж-

ливо построила замок, извлеченный из его мыслей. Пусть жаждущий войдет, и его мечты сбудутся! Внезапно Эхомба осознал, что если Симна и впрямь войдет туда, он уже никогда не вернется.

Внезапно на него напал сильный зуд. Он почесался, потом глянул на пальцы — из-под ногтей посыпались белые зернышки и кристаллики. Собрав все силы — все, что смог наскрести в душе и теле, — Этиоль вырвал из души желание оказаться рядом с фигурами самых дорогих ему людей. И как только он принял решение, под ногами зловеще захрустело: кристаллики соли, уже начавшие заползать ему на ноги, разом осыпались. Он вновь был свободен... Надолго ли? И что будет с его друзьями?

Нет! Он завел их сюда и не имеет права их бросить! Но он с ужасом понял, что чудесного мускуса в пузырьке явно не хватит на всех.

Эхомба принялся лихорадочно рыться в мешке. Что еще можно использовать? В мире нет более сильного эликсира жизни, чем мускусный орис.

Нет, мысленно возразил сам себе Этиоль, это неправда. Существует еще более мощный эликсир жизни. И этого эликсира у него сколько душе угодно.

Он забросил мешок за спину и взял бурдюк с запасом воды. Пастух осторожно его развязал и, решительно повернувшись спиной к своим близким, направился к Алите. Кот уже покрылся удушающей коркой каменной соли. Эхомба осторожно направил на него горловину и сжал бурдюк. Вода хлынула на замершую фигуру исполинского кота, оросила его гриву, бока, лапы, смочила глаза и нос.

Алита моргнул и, встряхнувшись всем телом, полностью освободился от жуткой скорлупы — кристаллики соли полетели с него во все стороны.

— Что случилось? — Алита облизнулся и с отвращением фыркнул. — Что это за пакость, которая едва не сожрала меня?

Эхомба показал на соляную глыбу со следами клыков:

— Каждый любит чуть-чуть присолить мясо, но надо знать меру. Пока ты пытался загрызть соль, она принялась грызть тебя. Присолено было не мясо — твои мысли.

Укрепив свое сердце, он повернулся к скульптурной группе, напоминавшей его семью. Теперь, когда ему удалось полностью справиться с незаметно подкрадывающейся смертью, которую символизировали эти фигуры, он увидел их такими, какими они были на самом деле — обыкновенные источенные ветром столбы разной высоты.

Алита тоже убедился, что он обманулся.

— Не могу поверить, что набросился на воображаемую добычу!

Полный презрения рев отразился эхом от соляных столбов. Левгеп поднял лапу и одним ударом снес верхнюю часть ближайшего «сайгака». Обломки соляных кристаллов разлетелись по покрытой соленой коркой земле.

— Принеси свою воду, — велел Эхомба. — Надо освободить других — и сразу же уходить отсюда. Соль слишком быстро ухитряется проникнуть в мысли.

Для того чтобы освободить Хункапу Аюба из соляной могилы, понадобился полный бурдюк и еще часть воды из другого. Осознав, что произошло, зверочеловек взъярился и разнес на куски свою соляную копию.

Затем путешественники поспешили к подножию изрезанного ветром холма, который представился Симне маленьким замком. Остановившись у входа в причудливое сооружение, Эхомба тяжело вздохнул. Нигде не было видно и следа его несчастного друга.

Хункапа, без конца почесываясь, обошел замок кругом и заявил:

— Друга Симны не видно.

— Я его даже не чую. — Левгеп еще раз понюхал воздух. — Кроме запаха сырости и соли я ничего не могу уловить.

— Все-таки постарайся, — попросил Эхомба и напряг зрение, всматриваясь внутрь соляного образования. Он не мог отделаться от чувства, что смутно различимые там фигуры язвительно смеются над его попытками проникнуть в секреты этого таинственного сооружения.

Глаза у него чуть расширились, когда он догадался, что здесь случилось. Этиоль направил горловину своего бурдюка на стену и велел то же самое сделать Хункапе. Лишенный рук Алита мог только смотреть.

Две струи живительной влаги размыли иллюзию. Минареты развалились на влажные куски, обломки растаяли, превратившись в тоненькие соленые ручейки, которые подмыли основание сооружения. Башни и бастионы осели и раскрошились, оставив в стенах широкие проломы с мокрыми краями.

Потребовалось больше воды, чем предполагал Эхомба, но уже на полпути к центру замка стала видна темная масса заплечного мешка Симны, а потом и весь он был освобожден от соленого панциря.

С помощью Алиты они вытащили Симну наружу. Соль забила ему уши, покрыла коркой глаза, и только

ноздри и губы еще были живыми и мягкими: наступающая корка не успела справиться с влажным дыханием.

Эхомба вылил ему на голову полбурдюка. Наконец Симна открыл глаза, обтер лицо и глубоко, со свистом вздохнул.

— Что тут происходит? У меня такое ощущение, будто я возвратился из страны мертвых! — Внезапно он понял: — Проклятый замок пытался меня убить!

— Хорошо просоленный ты ему больше по вкусу, — сказал Эхомба, осторожно разминая ему руки. — Опоздай мы на пять минут, соль закупорила бы тебе ноздри и твое дыхание остановилось бы. Сердце тоже.

Симна содрогнулся. Он всегда был готов к встрече со смертью, но быть похороненным заживо в соляной могиле — это едва ли не самая ужасная участь для воина.

— Прочь отсюда! — воскликнул он и взмахнул рукой. — Чем быстрее мы уберемся из этого страшного места, тем лучше.

Никто с ним не спорил. О непредвиденном расходе воды все предпочитали не вспоминать. Что толку? Они избавились от жуткой хватки соляной тюрьмы, но теперь они были вынуждены жестоко ограничивать суточный рацион. Не сговариваясь, все посмотрели туда, где на фоне неба чернел Карридгианский хребет.

Эхомба не сомневался — там должна быть вода. На вершинах лежат снега, и уже это внушает надежду. Вопрос только в том, успеют ли они добраться до них прежде, чем умрут от жажды?

Позади безмолвными стражами соляной пустыни высились источенные ветром столбы. В другой стороне они были бы источником ее процветания. Ибо соль везде ценится, но в этом диком краю, затерянном между горами и пустыней, они стали символом гибели.

XIX

Дроунж

Он не знал, когда появился на свет. Не знал, каким образом: то ли был рожден от отца и матери, то ли возник из яйца, споры или зерна, а может, зародился самопроизвольно. Не знал, единственный ли он в своем роде; впрочем, ему никогда не доводилось встречать себе подобного. Он знал только одно — страдание.

Сколько он себя помнил — а это мог быть огромный, сравнимый с самой Вечностью срок, — он никогда не менялся. И, бесцельно созерцая мир, испытывал единственное желание: чтобы в нем самом произошла какая-нибудь перемена. Он ничего не ждал от нее, просто хотелось ощутить новизну. О большем он и не задумывался. Что пользы? Сказать, что Дроунж покорился обстоятельствам, в которых вынужден был пребывать от века, значило ничего не сказать. Просто у него не было выбора, и он даже не догадывался о том, что на свете есть такое понятие.

Однако его существование было лишено внутреннего антагонизма. К тому же он был слишком чувствителен, чтобы испытывать потребность в дружбе. Если это было возможно, он старался держаться в отдалении. Когда же столкновение с другими живыми существами было неизбежно — а это случалось, по его меркам, слишком часто, — он предпочитал ничего не замечать, ни во что не вникать и никого не судить.

Как правило, живые существа не могли увидеть Дроунжа, они лишь испытывали тревогу, когда он приближался. И для него, и для них это было благо, так как Дроунж не желал, чтобы его разглядывали, и сам вряд ли счел бы за удовольствие пялиться на кого бы то ни было. Случалось, что остроглазым и проницательным удавалось различить его на окружающем фоне. Когда это происходило — чаще всего в состоянии крайнего страха, — они начинали вопить. Потом падали бездыханными — хотя и не всегда. Когда в присутствии Дроунжа жизнь покидала несчастных, он не испытывал ничего, кроме беспросветного безразличия. Как можно сочувствовать кому-то? Вряд ли найдется существо, настолько жалкое, как он.

Таким образом, Дроунж был чем-то вроде мусорщика. Он скитался по миру, вбирая в себя боль и отчаяние, душевные и телесные раны всех, кто встречался ему на пути, — аморфная масса размером с бегемота, не имеющая ни ног, ни жгутиков, ни каких-либо иных приспособлений для перемещения тела. Он просто катился, медленно, неотвратимо и совершенно бесцельно. Мог он еще — правда, с трудом — вытягивать себя в длину и применять эту способность, чтобы производить давление на окружающие предметы. Другие существа, не замечая его, часто попадали в пределы занимаемого им пространства. Это было смертельно для них, но совершенно безразлично для Дроунжа.

Язвы и струпья покрывали все его тело, подобно пятнам на шкуре леопарда. Одни заживали, вместо них появлялись другие. Они находились в постоянном, нагоняющем тоску движении; медленно, подобно континентальным плитам, они

дрейфовали по океану тела Дроунжа. Отвратительные прыщи, словно миниатюрные вулканы, извергали гной; скоро они спадали, но через какое-то время появлялись в других местах.

Ни одна из этих изменчивых болячек ничуть не беспокоила Дроунжа. Он не испытывал боли, как прочие существа, — возможно, потому, что ему не было дано отличить боль от любого иного чувства. Для него она была данностью, обстоятельством, с которым бесполезно спорить. Он не мог всплакнуть, потому что у него не было глаз. Не мог взвыть — рта тоже не было. Обладающий минимальными возможностями воспринимать действительность, он не мог пожаловаться на свою судьбу или ощутить чувство вины за гибель тех, с кем сталкивался на своем пути. Он просто перемещался, как перекати-поле.

И не имело значения, какое существо ему повстречалось. Большое, маленькое — результат был один; разница была только в длительности и интенсивности контакта. Дроунж действовал как губка, впитавшая всю боль и страдание мира. И подобно губке, когда ему случалось на кого-то наткнуться, он начинал выдавливать их из себя. Только из него сочилась не вода, а смерть. Это происходило само собой, помимо его воли.

Зачем он движется, Дроунж не знал. Возможно, его гнал вперед закон природы, согласно которому столько боли и страданий не должно слишком долго быть в одном месте. А может — неосознанное стремление отыскать уголок, где можно испытать покой. Необходимость выжить, продолжить род, поиск пропитания — все эти обязательные слагаемые жизни для него не играли совершенно никакой роли. Уродливо-ущербными зрительными рецепторами, которые и глазами-то назвать было нельзя, он пялился на окружающее и все двигался, катился безостановочно, вечно.

Скользя по лугам, он оставлял после себя широкую полосу пожухлой, побуревшей травы — огонь, должно быть, производил такое же воздействие, только его след был более заметен, более отчетлив. При его прикосновениях на сильных зеленых листьях травы сразу появлялись бурые пятна. Они на глазах расширялись, затем гниль стремительно распространялась на соседние растения. Но вряд ли Дроунжа можно назвать каким-то специфическим видом эпидемии — это было предвкушение смерти, неодолимый поток бедствий, перед которым не могли устоять даже самые сильные и здоровые организмы. Через несколько дней после его ухода безмятежные зеленые луга превращались в суходолы.

Дикие козлы, наткнувшись на незримую, но плотную массу методично перемещающегося на север Дроунжа, бро-

сились врассыпную. Кровь начала портиться у них в жилах, на боках выступили сочащиеся гноем язвы. Через несколько часов начала клочьями вылезать шерсть. Один за другим дикие козлы начали припадать на колени, валиться на бок. Языки у них почернели, беременные самки выкидывали мертвых зародышей. Яички самцов стали сморщиваться, ссыхаться.

Через сутки они пали все до одного, даже самые сильные и выносливые. Стервятники и лисы со всей округи собирались на пир, однако они долго не решались начать его. Воздух был пропитан чем-то зловещим, и этот аромат отпугивал сильнее запаха смерти. Феньки навострили огромные уши. Стервятники испуганно хлопали огромными крыльями. Наконец двое из них осторожно клюнули почерневшее вонючее мясо.

Через несколько минут обе птицы свалились рядом с трупом козла. Через час они сдохли.

Их сородичи ударили огромными крыльями и поднялись в воздух. В первый раз за долгую сытую жизнь стервятники встретились с падалью, которую даже они не смогли переварить. Лисы и гиены помчались прочь, словно преследуемые незримыми, но ужасными хищниками. Только трупные мухи продолжали радостно гудеть над горой гниющего мяса.

Поля или лес, тайга или город — Дроунжу было все равно, что лежит на его бесконечном пути. То, что творилось, когда он появлялся там, где было много людей, не поддается описанию. Тогда и рождались кошмарные легенды о незримом бродячем зле. Некоторые называли его посещения карой богов, другие — моровым поветрием, однако все сходились на том, что последствия были настолько устрашающими, что разум не мог вместить этот ужас.

Люди гибли не по двое, не по трое, а толпами. Симптомы менялись в зависимости от того, какой части Дроунжа касались несчастные. Раны не заживали и без конца кровоточили до тех пор, пока тела не сморщивались подобно лозе, слишком долго пролежавшей на солнце. Жуткими цветами распускались язвы; скоро они сплошь покрывали кожу и внутренние органы. Человек умирал в страшных мучениях. Привычный гомон человеческого сообщества сменялся отчаянными воплями и рыданиями.

Города умирали, уцелевшие жители уходили в соседние. Тем же, кто слишком долго оставался в зараженном месте, отказывали в убежище. Они разбредались по округе, бесцельно скитались по лесам и полям и встречали смерть в придорожных канавах. Все, кому довелось коснуться Дроунжа, умирали: и

безропотные старики, и крепкие работяги, и детишки, которые даже не понимали, что с ними происходит. Люди, которым «посчастливилось» воочию узреть Дроунжа и которые были достаточно безрассудны, чтобы рассказывать об этой жуткой встрече, в награду получали смерть, но умирали они по-разному. Бывало, что их забивали насмерть охваченные страхом соседи.

В конце концов мор, исчерпывая запас разрушительной силы, постепенно сходил на нет.

А Дроунж катился дальше.

Ничто не могло остановить Дроунжа. Те, кто успевал заранее почувствовать опасность, уходили с его пути. А если были неспособны спастись, готовились к гибели и встречали ее безропотно, с той покорностью судьбе, какой от рождения наделены все живые существа. Дроунж не выносил приговора, не принимал решений, не карал за грехи...

Только твердая скала могла преградить ему путь, изменить направление его движения. Водные пространства он преодолевал с той же легкостью, что и сушу, по дну.

Придонные водоросли увядали и скручивались. Раковины моллюсков теряли кальций и становились непригодны для защиты мягких тел их хозяев. На нежной шкуре амфибий появлялись гнойники, жабры у рыб разбухали и теряли способность извлекать из воды кислород. Рыбы медленно и мучительно умирали от удушья. Водоплавающие птицы, съевшие отравленную рыбу, погибали в полете и падали на землю, словно подстреленные. Добравшись до противоположного берега, Дроунж оставлял после себя безжизненные воды, точно так же как на суше — опустевшие города и бесплодные земли.

Дроунж неумолимо катился на север.

И вот наконец он достиг места, которое можно было бы назвать своим домом, если бы это слово имело для него какой-нибудь смысл. Впервые он оказался на земле, по которой можно было перемещаться долго-долго, никого не губя. Не потому, что он стал менее опасен или менее ядовит; просто там отсутствовала всякая жизнь.

Для Дроунжа убийство не было основной функцией, и в этих прожаренных солнцем краях его тело испытало что-то похожее на отдохновение. Единственной болью, которую оно ощущало здесь, была его собственная.

Катясь на север, Дроунж добрался до странного места, заполненного скалистыми образованиями, напоминающими живые существа, но не являющимися таковыми. Они состояли исключительно из природных минералов и не обращали

внимания на Дроунжа. По левую сторону от этого удивительного места возвышался горный хребет — преграда, которую он должен был обойти.

Долго двигался он по пустынной земле, пока не заметил следы жизни. Время не имело для него значения, день не отличался от ночи, лето доставляло те же мучительные ощущения, что и зима. Зачем живые существа оказались в этом ужасном месте, что они искали, Дроунж не задумывался. Его это не касалось. Он катился вперед, только вперед, и лишь камень мог заставить его изменить направление.

В некоей потаенной, глубоко схороненной частичке самого себя он взмолился, чтобы существа свернули с его пути. У него не было губ, рта, языка, он не мог предостеречь их. Оставалось только надеяться. Но надежда являлась наиболее глубоко забытой составляющей его существования. Что-то имело для него значение, что-то казалось важным, что-то заставляло постоянно блуждать по свету, но это была не надежда. Он не знал, почему движется. «Почему» — было понятие, которое он не мог осознать.

Через некоторое время он потерял живые существа из виду. Они вновь появились в поле его зрения неожиданно — и двигались ему наперерез. Если бы кто-то из них остановился, встреча могла и не состояться. Но они не проявляли такого намерения, а Дроунж просто не мог этого сделать. Предощущение несчастья было чуждо Дроунжу в той же степени, в какой чувство раскаяния — акуле.

И все же остаток надежды ожил в нем, когда ему удалось проскользнуть мимо первого путешественника, потом мимо второго. Третьему — большому коту — тоже посчастливилось.

Четвертый замешкался, словно почуяв Дроунжа. И неожиданно сделал попытку ухватиться за кусок его гниющего тела.

Гной плеснул ему на пальцы и кисть. Глаза двуногого вылезли из орбит, он начал судорожно хватать ртом воздух. Древнее зло быстро проникло в его плоть, и несчастное существо с трудом смогло сделать лишь несколько шагов.

Дроунж знал, что будет дальше. Как только яд начнет действовать, двуногий упадет и начнет выть. Когда его конечность сгниет до локтя, он вновь начнет лихорадочно двигаться. Потом замрет и в скором времени погибнет.

Удивительно, но спутники двуногого остановились. Один из них бросился к пострадавшему, вместо того чтобы спасаться бегством со всей прытью, на какую способны эти организмы. Устремился к своей собственной гибели,

отметил про себя Дроунж. Отметил равнодушно, без раскаяния и без волнения. Такое тоже бывало на пути. Дроунж продолжал движение, сразу позабыв о бессмысленных попытках глупца помочь товарищу. Коснувшись зараженного, он также погибнет. Такова судьба Дроунжа; так было, так будет!

Двое других, правда, не спешили приблизиться к несчастному. Они не видели Дроунжа. Но третий смотрел прямо ему вслед, так осмысленно, словно ощущал не просто его присутствие, но и причастность к случившемуся. Он как будто видел его!

Самая древняя часть Дроунжа питала исчезающую надежду, что существо будет держаться от него на расстоянии, но в остальном он оставался равнодушен к тому, что будет. Одной смертью больше, одной меньше, какая разница? Велика ли ценность одной дождевой капли, упавшей в море?

Сначала Дроунж подумал, что осознавшее его присутствие существо решило покопаться в собственной спине. Видно, ему стало больно; этому ощущению Дроунж отчасти мог посочувствовать. Затем Дроунж обнаружил, что двуногий остался невредимым, скверна почему-то не коснулась его, а копается он в каком-то искусственном объекте. Одновременно двуногий издавал громкие звуки — предупреждал своих товарищей, чтобы те держались подальше от того, кого сразил Дроунж. Потом странный двуногий вынул из искусственного объекта какую-то вещицу.

Дроунж решил, что этот предмет не может представлять для него угрозы. Это был небольшой кулек размером не больше ладони двуногого. Очертаниями предмет напоминал луковицу, многие тысячи которых Дроунж погубил, двигаясь по плодородным фермерским полям далеко-далеко на юге.

Двуногий выдавил из кулька капельку какого-то липкого снадобья. Паста была бледно-розового цвета и резко пахла омытой дождем ивой и просто молодыми побегами.

Ускорив шаг, двуногий обогнул Дроунжа, подбежал к больному товарищу и намазал пастой его пораженную конечность, издавая подбадривающие приятеля звуки. Другие его спутники по-прежнему держались в отдалении.

А в следующее мгновение Дроунж почувствовал, как что-то коснулось его.

Разумеется, это была случайность. Ничто никогда не касалось Дроунжа. Это он касался всех, кто попадался ему на пути. Ощущение было таким захватывающим, что Дроунж впервые замедлил свое неумолимое движение, чтобы лучше сосредоточиться, осмысливая его.

Это была не боль. Дроунж лучше других живых существ знал, что такое страдание, что такое агония. Знал все их виды и разновидности. Это ощущение было иным. Новым и непонятным. Не в силах понять, что случилось, он мог лишь продолжить движение; сила, влекущая его в одном направлении, на время стала слабее, но не исчезла совсем.

А странный двуногий вместо того, чтобы спасаться бегством, расширил воздействие. Оно захватило часть тела Дроунжа размером с подушку. И в этой области происходили какие-то непонятные изменения.

Дроунж был не в силах подобрать определение тому, что происходило. Он не был напуган. Тот, чье бремя — нести смерть, не испытывает страха. Но он был смущен, если не сказать — растерян.

Часть его, хотя и ничтожно малая часть, изменилась, причем так быстро, что Дроунж не успел сообразить, что надо делать. Какая-то реакция напрашивалась сама собой, но Дроунж не мог ее осуществить, не понимая.

Внезапно предмет, которым этот безумный двуногий касался тела Дроунжа, упал на землю. Двуногий тут же его подхватил. Дроунж ждал, что его конечности сразу же начнут гнить, но этого не случилось.

Обмазав предмет липкой пастой, двуногий уничтожил все зло, которое перешло на него от Дроунжа. И конечность двуногого, пострадавшего первым, как и остальные части его тела, тоже на глазах принимала прежний, здоровый вид. Он прижимал ее к себе и не сводил с нее глаз, словно наблюдал, как идет исцеление. Никаких признаков смертельных страданий и агонии он не проявлял.

Все происходящее представлялось Дроунжу случайным происшествием. Ошеломляющим, но случайным. Краткое примечание в объемистом словаре, шуткой судьбы, кратковременной остановкой на извечном пути зла через действительность.

В боку, там, куда второй двуногий вонзил свое копье, слегка покалывало — и все. С самим Дроунжем никакой беды не приключилось. Чем можно повредить тому, кто нес в себе все хвори мира?

Все же это покалывание заставило Дроунжа оглянуться. И он увидел картину, в которую не поверил.

Тот двуногий, который был настолько глуп, что вступил с Дроунжем в контакт, проявил очевидное безразличие к ущербу, нанесенному его другу. Он бежал от него — бежал к Дроунжу. Он гнался за ним!

Очевидно, это был сумасшедший — что поделаешь? Дроунж не убыстрил ход и не замедлил его. Ему не было дела до того, какая безумная идея овладела настигавшим его существом.

Догнав Дроунжа, двуногий остановился. Одна из его верхних конечностей поднялась. Дроунж никак не отреагировал на этот жест. Тогда двуногий метнул что-то в Дроунжа — это был тот самый сверток с липкой пастой, который раньше лежал у двуногого на ладони.

Сверток угодил в то место, которое трогал двуногий. Дроунж едва почувствовал это и воспринял удар с тем же безразличием, с каким относился к любому прикосновению. Что бы ни сталкивалось с ним, это неизменно кончалось страданием.

Ударившись, кулек лопнул, и его содержимое выплеснулось на спину Дроунжа. Он и на этот раз не придал этому значения.

Пока мазь не начала просачиваться внутрь!

Спину снова начало покалывать. Дроунж не испытал неудовольствия. Наоборот, он мог бы сказать, что ему приятно, если бы знал это понятие. Но сейчас он мог назвать это ощущение лишь незнакомым.

Пока он пытался осмыслить эту новизну, мазь всосалась в его плоть, и тот образ жизни, который он вел, был разрушен.

Впервые за много тысячелетий Дроунж остановился.

Новое ощущение охватило все его тело, проникало в самые отдаленные уголки, добавляя к вечным страданиям и нескончаемым неудобствам что-то еще... Это уже был не пустяк, не случайное происшествие, не просто эпизод. Его плоть изменялась, непонятная сила скручивала и будоражила ее. Понять, в чем тут дело, Дроунж не мог, потому что не имел в этом опыта.

Превращение завершилось. Дроунж остался прежним, неосквернённым и неприкасаемым, но в чем-то он изменился. Мгновение спустя он осознал, в чем именно.

Он больше не испытывал боли!

Ее отсутствие было так непривычно, что он на мгновение оцепенел. Все, что до сих пор жило в нем, ушло: страдание, боль, гниль, беспредельное горе — все, чем он был, все, что составляло его сущность. Взамен пришли вещи, которым он никак уж не мог подобрать определения. Покой и умиротворение охватили его. И что-то еще... Перемены сказались не только на внутренней сути, его облик тоже решительно переменился. Новая индивидуальность потребовала и новой формы, свежей, неиспорченной, свободной от снадобья, которое инициировало эту метаморфозу.

Хрупкие существа, которые только что были так близки к смерти, в изумлении увидели, как прямо из воздуха,

из ничего родилась... огромная бабочка. Она развернула крылья, переливающиеся изумрудным, опаловым, малиновым и розовым сиянием, взмахнула ими, словно отталкиваясь от бесплодной выжженной земли, на миг зависла и с неожиданной силой взмыла в безоблачное, сразу подобревшее голубое небо.

XX

— Дай-ка я еще раз осмотрю твою руку.

Симна молча повиновался. Гниющая плоть чудодейственным образом заменялась здоровой. Возвращалась чувствительность, рука покрывалась новой кожей, кровотечение прекратилось. Глаза Симны перебегали с раненой руки на фантастическую бабочку, тающую вдали, и обратно. Рука стремительно заживала.

— Ради Гравулии, что... что это? — шептал он, а долговязый пастух продолжал внимательно рассматривать его ладонь и пальцы. — Минуту назад руки уже просто не было... А теперь и рука исцелилась, и бабочка откуда-то появилась. Такая красивая...

Эхомба ответил, не отрывая взгляда от заживающей руки:

— Болезнь вроде той, что у тебя на руке.

Симна растерянно заморгал.

— А как она называется?

— Это не определенная болезнь, а недуг как таковой. Я сам, Симна, не совсем уверен, что это было. Но в том, что случилось с тобой, не ошибся. Я тоже, когда бросился к тебе на помощь, почувствовал симптомы. Если бы мне не удалось справиться с этой заразой, мы бы все погибли.

Симна еще испытывал слабость, поэтому присел на скальный выступ. Стоящий рядом Хункапа пристально вглядывался в крутые склоны, открывавшиеся вдали. Алита, развалившись на солончаке, грелся на солнышке.

— Но бабочка? — Симна резко повернулся к Этиолю. — Постой, я вспомнил — ты чем-то намазал мне руку. От этого я излечился.

Пастух кивнул:

— Снадобье Мерубы. Она говорила, что эта мазь хороша для лечения порезов и царапин, ожогов и уколов. Когда я догадался, что случилось с тобой, то сразу вспомнил о ее лекарстве. — Он указал на кисть северянина. — Как видишь, помогло.

Симна бережно поддерживал здоровой левой рукой правую, выздоравливающую, и легонько ее поглаживал.

— Насчет руки понятно, но что ты скажешь о бабочке? Та пакость, что мне померещилась вначале, ничуть не была похожа на бабочку.

Пастух кивнул:

— Меруба славится своими снадобьями. Говорят, что, если пользоваться ими как надо, можно вылечить что угодно. Вот я и воспользовался. — Он бросил взгляд на север. — Чем бы ни было то, к чему тебя угораздило прикоснуться, мы вылечили и его.

— То есть убили, — прошептал Симна. Высвободив выздоровевшую руку, северянин принялся энергично ею махать.

— Болит? — озабоченно поинтересовался Эхомба.

— Трясется. Как сердце после трехдневной пьянки. Но по крайней мере она мне уже подчиняется.

Симна поднялся с камня.

— Все-таки здесь чертовски жарко. — Он кивком указал на вздымавшиеся впереди обрывистые утесы и добавил: — Ничего, скоро пойдем по холодку, отыщем воду.

Издали Карридгианский хребет казался неприступным, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что пересечь его проще, чем горы Хругара. Глубокие ущелья позволяли не штурмовать самые высокие пики и с большим удобством добраться до перевала.

Где снег, там и вода. По каньонам бежали стремительные горные ручьи и даже небольшие речушки. Эхомба удовлетворенно улыбался — теперь можно не экономить воду. Жара, которая изматывала путников в Выжженных землях, тоже отошла в область воспоминаний.

Постепенно хилая травка и жалкий кустарник сменились соснами и мамонтовыми деревьями, пихтами и каури, и настала минута, когда путешественники вдруг обнаружили, что уже идут по лесу. Расставание с жарой живительно подействовало на всех, но больше всего радовался Хункапа.

Когда они поднялись до альпийских лугов, их окутал туман, спустившийся с перевалов. Склоны были усыпаны цветами, переливающимися всеми оттенками алого, чайного и лимонно-желтого цвета. В тумане они упрямо поворачивались в сторону невидимого солнца и от этого казались живыми.

Вскоре туман стал таким густым, что даже черный левгеп опасался сбиться с пути. Путешественники решили спуститься пониже и пойти вдоль горного потока, прорезавшего склон. Хотя ничто вокруг не таило в себе угрозы, Эхом-

ба то и дело с беспокойством оглядывался по сторонам. Заметив это, Симна спросил:

— Эй, долговязый братец, что с тобой? Ты что-то увидел?

— Нет, дружище, дело не в этом. — Пастух провел языком по губам. — Я... Я кое-что вспоминаю. — Он повел рукой вокруг. — Этот туман.

Симна пожал плечами.

— Туман как туман. Плотный, конечно, но все равно только туман. И что?

— Я его помню!

Северянин не удержался от смеха.

— Эх, Этиоль, человек помнит опасности, которых ему удалось избежать, и женщин, которых любил. Он помнит долгие тихие рассветы и веселые ночки. Но никто не помнит *туман.*

Эхомба промолчал. Он чувствовал что-то — не в воздухе, а просто *вокруг.* Какое-то маленькое воспоминание... Он пытался вызвать его из глубин памяти. Симна был прав. Что такое туман? Всего лишь капельки влаги, висящие в воздухе, слишком слабые, чтобы подняться до облаков, и слишком ленивые, чтобы пролиться дождем. Как можно «помнить» столь обычное и мимолетное явление природы?

Внезапно его осенило. Это был не туман, а Туман. Тот же самый, который еще в самом начале путешествия пытался заставить его повернуть домой. Эхомба столкнулся с ним, едва покинув родную деревню. Как же давно это было! Туман тогда тоже сгущался медленно, словно преследуя его. Там, на берегу, ему удалось вырваться из его объятий; но теперь Туман настиг его здесь, в заморских краях.

К Эхомбе приблизилась огромная намокшая шуба, оказавшаяся Хункапой Аюбом.

— Этиоль, Хункапа не может идти. Ноги Хункапы не слушаются.

Из тумана впереди донеслось грозное рычание. Несмотря на свою огромную силу, исполинский кот тоже еле-еле продвигался вперед. Даже мощные лапы с длинными когтями не помогали ему.

Оба человека тоже остановились. Не обращая внимания на ругательства, которыми разразился Симна, пастух собрался с силами и попытался шагнуть вверх по склону. Не вышло. Впечатление было такое, будто увяз в грязи. Каждый шаг давался с большим трудом. С такой скоростью они будут несколько лет штурмовать хребет. Эхомбе казалось, будто его обернули во влажную простыню, не очень тяжелую, но заметно сковывавшую движения.

Он наклонился вперед, пытаясь продавить преграду собственным весом. Упругая сырость чуть подалась, потом потянула его назад. Повторялось то, что было тогда возле деревни.

— *Возвра-а-а-ащайс-ся...* — услышал он. Это была тень слова, призрак голоса, и ветер сразу развеял его. Эхомба невольно оглядел по сторонам, но ничего не увидел, кроме цветов и тумана.

Он заставил себя сделать еще один шаг. Он наклонился еще ниже, уперся ногами в землю, пытаясь одолеть непонятную силу... Тщетно.

— *Возвра-а-а-ащайс-ся...* — прошелестел призрачный голос.

У него не было определенного источника, казалось, он звучит отовсюду. Что же делать? Будь это человек, пусть вооруженный, Эхомба знал, как поступить.

Он попытался различить в тумане лицо, глаза, рот — что-нибудь, на чем можно сосредоточить взгляд. Но видел только туман, мимолетный, вездесущий...

— Почему я должен вернуться? — осторожно спросил Эхомба, глядя во влажную серость.

Умирающий шепот откликнулся:

— *Возвращайся... Ступай домой...* — Капельки влаги осыпали лицо пастуха. — Тебя ждет беда... Ты обречен на страдания, твое упорство тебя погубит, остаток дней ты проведешь в ледяной пустоте. Возвращайся в свою деревню, к семье. Возвращайся, пока не поздно. Пока не погиб...

Этого не будет, решил Эхомба. Уже дважды его заставляли выслушивать эти речи. Сначала — от провидицы, затем — от собаки.

Вскинув руки, словно защищаясь, пастух медленно описал ими круг, словно взывал к небесам.

— Красавица уже пророчила мне такую судьбу. И собака тоже. Я не послушался их тогда. Не буду слушаться и сейчас!

Симна подобрался к другу и осторожно напомнил:

— Этиоль, мужчине не пристало сражаться с погодой!

Эхомба взглядом постарался предупредить его, чтобы он не вмешивался. Пастух был готов сразиться с туманом, иначе ни он, ни его спутники никогда не освободятся от его жутких объятий.

Эхомба обнажил из ножен меч из небесного металла. Волшебная сталь сверкнула, и тысячи искорок пронзили сгустившийся туман. Преодолевая сопротивление, пастух с усилием поднял меч и принялся крошить белесую мглу.

Результат не заставил себя ждать.

Отрубленные клочья тумана упали на землю. Они корчились, извивались, словно пытаясь вновь воссое-

диниться с основной массой, и на глазах испарялись. Громкий рев огласил горы, со склонов налетел сильный ветер. А может, это был вовсе не ветер? Эхомба на мгновение растерялся — неужели туман способен чувствовать боль? Не важно, работа должна быть завершена, и только ему это по силам.

Призвав на помощь все свое умение, Эхомба начал очищать пространство вокруг себя. Потом, освободившись, принялся прорубать тропинку к Симне. Затем — к Хункапе и Алите.

— Все целы? — спросил пастух.

Лицо и руки у него были в капельках влаги. Он не знал, пот ли это или кровь тумана... Стараясь не думать об этом, он принялся прорубать дорогу вперед.

Туман сопротивлялся. Пытался лишить его сил, обездвижить в своих объятиях. Серые влажные щупальца обвивали его руки и ноги — он безжалостно рубил их и давил упавшие обрубки тумана подошвами сандалий.

— Оставь меня! — кричал Эхомба. — Не указывай мне, что делать! Я почти добрался до цели и уже не откажусь от нее. Что бы ни было уготовано мне впереди, я не собираюсь останавливаться!

Ответом ему был лишь тот же бесконечный рев и настойчивые попытки скрутить его по рукам и ногам.

Больше часа Эхомба сражался с туманом. Если серая мгла полагала, что он выбьется из сил или лишится мужества, она глубоко ошибалась. Меч Этиоля без устали продолжал резать ее плоть, и с клинка обильно стекала роса — прозрачная кровь тумана.

И он победил. Туман начал рассеиваться, отступать к ледяным вершинам. Лучи солнца пробились к путникам и согрели их, промокших насквозь. Последний сгусток тумана, прячась за скалами, попытался преследовать путников, но Эхомба, привыкший оберегать стадо от подкрадывающихся хищников, без труда приметил опасность. Вероятно, туман хотел дождаться, пока путешественники не остановятся на ночлег и не заснут. Тогда бы он облаком навалился на них и, вместо того чтобы скрутить по рукам и ногам, стиснул бы сердце. Но Этиоль не дал ему такой возможности!

Повернувшись, он понесся мимо опешившего Симны туда, где прятался туман. Легкий белесый сгусток попытался спастись бегством, но пастух догнал его, выхватил меч и изрубил влажную взвесь на мелкие кусочки. Послышался слабый вскрик, отдаленно напоминавший недавний рев. Остатки тумана рассыпались капельками и исчезли навсегда под лучами горячего солнца.

Эхомба убрал меч в ножны, и четверо друзей со спокойной душой продолжили путь.

XXI

Через несколько дней после битвы с туманом путешественники повстречали процессию, состоящую из людей и обезьян. Они устало брели по тропе, с севера на юг пересекающей горную долину. Мужчины несли домашний скарб, а женщины — детей.

Вид Алиты и Хункапы Аюба поверг скитальцев в ужас, и Эхомбе долго пришлось их успокаивать. Переселенцы говорили на каком-то странном диалекте, очень невнятном и бедном. Объясняться с ними было нелегко. Пастуху приходилось то и дело прибегать к помощи жестов.

— Эль-Ларимар? — спросил пастух у одетой в тяжелую шинель макаки с вытянутой мордочкой. Она показала на запад и несколько раз кивнула.

— Хорошо. Спасибо.

Эхомба отвернулся, но обезьяна вдруг положила руку на его плечо. Симна на всякий случай обнажил меч; в ответ обезьяны схватились за топоры и дубины. Алита глухо зарычал и начал скрести когтями по земле.

Эхомба поспешил успокоить своих друзей.

— Все в порядке. Он не хотел причинить мне вред. — На морде у макаки читалась не враждебность, а озабоченность. — В чем дело, мой длиннохвостый друг?

Обезьяна поняла если не слова, то интонацию пастуха. Она вскинула руку и ткнула в сторону верховьев ущелья.

— Хориксас! Хориксас!

— Эй, что еще за Хориксас? — Симна неохотно убрал меч. — Может, это какой-то пограничный город?

— Не исключено.

Эхомба улыбнулся макаке и медленно стал отходить.

— Все в порядке. Мы сами позаботимся о себе.

Подробнее он объяснить не пытался. Язык этих существ отличался от того, на котором говорил старик Гомо и древесный народ.

Обезьяна еще раз грозно повторила «Хориксас!», потом опустила руку, печально пожала плечами и вернулась к своим соплеменникам. Она поглядела вслед путешественникам и с грустью покачала головой.

Друзья двинулись дальше. Симна, шагая вперед, внимательно оглядывал склоны, но никаких признаков засады или ловушек он не заметил. В небе безмятежно парили драконы и грифы. Мармазетки и паки в поисках орехов и ягод

стремглав носились по камням. К ночи похолодало, но не намного. Эхомба и Симна перетащили свои одеяла поближе к Хункапе Аюбу и черному коту и не замерзли к утру.

На следующий день путешественники миновали перевал. Первым свидетельством тому оказались реки, текущие на запад, тогда как прежде они текли на восток. Этим утром и раздался первый раскат грома.

Хункапа вскинул голову, изучил небо, потом простодушно заявил:

— Хункапа не видит туч, не видит грозу.

— На такой гром не похоже, — ответил на ходу Эхомба. Он, как всегда, шел впереди.

Симна ибн Синд посмотрел на него.

— А что, громы бывают разные?

Пастух глянул на него сверху вниз и улыбнулся.

— Еще бы! Я знаю с десяток различных громов.

— Ладно, если это не дальняя гроза прочищает горло, то что же?

— Понятия не имею.

Блестящий черно-зеленый жук сел пастуху на рубашку. Эхомба покосился на него, но трогать не стал.

— Ты же сказал, что знаешь десяток разных громов.

— Да. — Эхомба чуть усмехнулся. — Но этот мне неизвестен.

Раскаты постепенно усиливались. Их ритм был размеренным, что наводило на мысль о целенаправленной деятельности, но сила такова, что ни одно человеческое существо не могло их производить.

Все выяснилось, когда путники обогнули скалу.

Деревня была уже наполовину разрушена, и существовать ей явно оставалось недолго. Гром, который не давал покоя Эхомбе и его спутникам, порождался ударами гигантского молота, дробящего камень.

Молотом орудовал великан. Этиолю впервые довелось увидеть живого великана. Старики в деревне наумкибов рассказывали о них, и ребятишки слушали эти рассказы с горящими глазами. Эхомба тоже немало наслушался небылиц об одноглазых и горбатых гигантах, о зубастых страшилищах и, наоборот, о беззубых, которые с помощью трубок, сделанных из стволов деревьев, высасывали кровь из своих жертв. Одни летали под небесами, другие жили на дне океана или же в диких джунглях (кроме тех, кто был слишком велик, чтобы найти убежище).

Существовали на земле и великаны-уроды, и те, кто жарил своих пленников в пальмовом масле, парил в

каше из саго. Оура рассказывал о великане-вегетарианце и о том, который сторонился себе подобных, потому что ненавидел мыть волосы.

Того, кто огромным молотом крушил дома, нельзя было отнести к самым ужасным представителям племени великанов, но и добряком его трудно было назвать. Сквозь спутанные рыжие волосы, спадающие на плечи, торчали заостренные, поросшие шерстью ушки. Глаза великана были оранжевого цвета, нос крючковатый, в оспинках. На удивление белые зубы ярко выделялись на грязном одутловатом лице. Загорелые руки торчали из рукавов многослойной кожаной куртки, сшитой не только из звериных шкур. Штаны у него были такие же, а на ногах — высокие сандалии.

Ростом великан был раза в три выше Хункапы. Он усердно трудился, и запах вонючего пота растекался далеко по округе.

— Э-ге-ге, теперь понятно, что случилось с деревней этих хориксасов, — мрачно заметил Симна.

Раздался еще один раскатистый удар, и задняя стена того, что когда-то было красивым двухэтажным домиком, развалилась на куски.

— Неудивительно, что они тащили на себе весь скарб.

— Пока мы ничего не можем утверждать наверняка, — ответил Эхомба и огляделся. Деревня, которую разрушал великан, перекрывала самый удобный проход, ведущий на запад. — Придется его обходить, — сказал он со смирением в голосе.

Симна взялся за рукоять меча.

— Брат, неужели у нас не хватит сил покарать злодея? — Он кивком указал на развалины. — Не знаю, чего они там не поделили, но никого нельзя прогонять из деревни и тем более разрушать ее. — Симна презрительно усмехнулся. — Этот огромный неуклюжий орк — ерунда, пустое место по сравнению с теми опасностями, с которыми нам доводилось встречаться за это время. Посмотри, как он неповоротлив. Мы должны преподать ему урок. Горный народ будет нам благодарен. — У него загорелись глаза. — Ну, что скажешь?

Эхомба ответил, как обычно, невозмутимо:

— Мне не нужна их благодарность. И я не хочу преподавать урок ни великану, ни кому-то еще. Долг зовет меня на запад, и цель уже близка. — Опираясь на копье, он зашагал направо. — Надо его обойти.

Симна не верил своим ушам.

— Никогда бы не подумал, что ты трус, Этиоль.

Пастух, не останавливаясь, бросил:

— Или глупец.

Он начал взбираться по склону ущелья, которое вело в северо-западном направлении. Хункапа Аюб и Алита молча последовали за ним.

Симна умоляюще посмотрел на них, потом яростно сплюнул и выхватил меч. Взмахнув клинком, он издал боевой клич и бросился туда, где крушил дома великан.

— Симна, стой!

Но северянин не обратил внимания на возглас Эхомбы.

Скрипнув зубами, пастух бросился догонять товарища. Хункапа и Алита переглянулись и неторопливо двинулись в ту же сторону.

Симна забежал со спины и рубанул великана по левой лодыжке. Главное сухожилие перерезать ему не удалось, но рана оказалась чувствительной. Великан взвыл, развернулся и обрушил на противника молот, но Симна проворно отскочил.

— Эй ты, большой мешок со свинячьим дерьмом! Что, не нравится? Давай-давай! — Он сделал неприличный жест. — Ты что же, не можешь попасть в такую малявку, как я?

Злоба исказила лицо великана. Он топнул ногой, пытаясь раздавить смельчака, но Симна опять успел. Однако не так далеко, как ему бы хотелось. Великан был неуклюж, но не так медлителен, как рассчитывал Симна. Самодовольная улыбка на лице меченосца сменилась растерянностью.

Подбежал Эхомба. Он был взбешен, но гнев его был направлен отнюдь не на великана.

— Ты соображаешь, что делаешь! — заорал он на Симну.

— Спасаю то, что осталось от деревни. Хочу помочь ее обитателям. — Симна посмотрел в глаза пастуху и выкрикнул: — У тебя свои благородные цели, а у меня — свои!

— В бессмысленной смерти нет ничего благородного!

Великан не торопился нанести следующий удар. Казалось, он с интересом прислушивается к их разговору.

— Умирать я не собираюсь, — гордо заявил Симна.

— Никто не собирается, однако сплошь и рядом это случается. — Эхомба повернулся к великану. Прежде чем пустить в ход меч, он должен был выяснить, что происходит. — Приветствую тебя, сильнейший! Зачем ты разрушаешь деревню хориксасов?

Рыжие брови великана, похожие на заросли кустарника, сошлись на переносице.

— Деревня хориксасов? Здесь нет такой деревни. — Огромный орк указал на руины и добавил: — Это са-

мое позорное место на земле называется Фео-Наттоа. — Он гулко ударил себя в грудь. — Это я берсерк Хориксас! — Огромный молот угрожающе поднялся. — Теперь ты знаешь имя того, кто несет тебе смерть!

— Зачем тебе убивать нас? — громко крикнул Эхомба. — И зачем ты рушишь деревню?

Молот чуть-чуть опустился и замер.

— Я — берсерк и делаю то, что должны делать берсерки. — Великан злобно оскалился. — Я горжусь тем, что я берсерк. Мне нравится разрушать и истреблять. Если мне повезет, то до своей славной смерти я разрушу все города и деревни в южной части Карридгианских гор. — Свободной рукой Хориксас смахнул пот с бровей. — Разрушать — тяжелая работа, — признался он.

— Лучше остановись, пока не поздно! — закричал Симна. — Это Этиоль Эхомба из Наумкиба. Знаток магических и колдовских искусств, величайший заклинатель, чародей из чародеев, защитник слабых и гроза бандитов.

— Я не бандит! — решительно возразил берсерк Хориксас. — Я — профессионал. А он, — прищурился великан, указывая на Эхомбу, — не похож на того, кем ты его представляешь.

— Спасайся! — Симна шагнул вперед. — Беги, пока еще можешь, или погибнешь на том самом месте, где стоишь!

— Что ж, — охотно согласился Хориксас, — давай сразимся. А потом я вами позавтракаю.

Симна придвинулся ближе к Эхомбе. Как только пастух обнажил меч из небесного металла, берсерк опустил свою огромную колотушку и ощупал боек. Толстая веревка, которой была обвязана кожа, защищающая увесистую головку кувалды, порвалась, и грубая коричневая обшивка слегка сдвинулась. На солнце ясно блеснул обнажившийся металл, и Симна замер с открытым ртом.

Молот Хориксаса был выкован из того же самого небесного металла, что и чудесный меч Эхомбы. Только молот был во много раз больше.

Великан нанес стремительный удар. Симна и пастух едва успели отскочить в разные стороны. Земля задрожала; эта дрожь пронзила ее насквозь и отозвалась на другой стороне, на полях Придона.

У Симны сердце ушло в пятки, однако он не стал спасаться бегством. Пока Хориксас замахивался снова, он вновь обежал его и опять рубанул мечом по ноге. Симна успел ударить несколько раз, но для исполина эти раны были только царапинами.

Со склона Хункапа Аюб и Алита внимательно следили за битвой.

— Хункапа не хочет, чтобы Этиоль умер, — мрачно заявил зверочеловек. — Хункапа пойдет и поможет ему!

— Не лезь туда, куда не просят! — Алита преградил путь Хункапе. — Предоставь все пастуху. Он не раз выпутывался из самых отчаянных ситуаций. Выпутается и теперь.

— А если нет? — Хункапа с сомнением поглядел туда, где разворачивалось сражение.

— Тогда он умрет, и эта болтливая обезьяна тоже. Я постараюсь отыскать путь назад, в родной вельд, а ты — в свои горы. Солнце сядет вечером и взойдет утром, и никто на свете не обратит внимания на их гибель, как, впрочем, и на нашу. Так было, так будет. — Алита философски рыкнул, отчего все местные кролики тут же попрятались в норы. — Уж если Эхомба не сможет справиться с великаном, то ты и подавно.

— Ты тоже можешь помочь, — бесхитростно подсказал Хункапа.

— Действительно, я поклялся оказывать ему поддержку... — В голосе огромного кота послышалось сомнение. — Однако есть время сражаться и время выжидать. Полагаю, сейчас пришел черед ожиданию. Если ты немного пораскинешь мозгами, то сам увидишь, что это так.

Они остались на склоне и продолжали внимательно наблюдать за сражением.

Удар следовал за ударом, молот равномерно поднимался и опускался, рассекая воздух бойком, покрытым витиеватым узором. Пока людям удавалось уворачиваться, но оба понимали, что скоро усталость сделает их беззащитными перед берсерком.

— Сделай же что-нибудь, Этиоль! — с трудом переводя дыхание, закричал Симна ибн Синд. — Швырни его на скалы, обрушь небо ему на голову!

Но на сей раз он сам сообразил, что это невозможно. Если пастух вызовет ветер, то в первую очередь ветер сдует с горы их с Этиолем. А если что-то свалится сверху, то прихлопнет и их вместе с великаном.

Поразительно, что Эхомба делал все, чтобы как можно больше разозлить Хориксаса.

— Братец, что ты задумал? — улучив минуту, возмущенно спросил Симна. — Ты хочешь довести великана до бешенства?

Пастух, казалось, его не услышал. Он продолжал орать исполину:

— Эй ты, неуклюжий дурень, неповоротливый фигляр! Это все, на что ты способен? Я меньше тебя, но

куда проворнее. Неудивительно, что ты решил рушить дома: они от тебя не убегут.

Берсерк все быстрее и быстрее размахивал молотом, пока в воздухе не послышался характерный вой, сопутствующий небольшой буре. В отличие от людей, которые издевались над ним, великан не ведал усталости. Наоборот, с каждым ударом он словно становился сильнее и все ловчее управлялся со своим страшным оружием. Боек молота начал издавать жужжание, напомнившее Симне жужжание меча Эхомбы, когда пастух сражался с высокомерными членггуу. Взмахи молота слились в одну сплошную серебристо-серую полосу, и Симна проклял свою опрометчивость. Надо было послушаться Эхомбы. Он выбивался из сил и понимал, что скоро берсерк нанесет удар, от которого он уже не успеет увернуться.

В это время Эхомба отпрыгнул в сторону, спасаясь от гигантского молота, и выхватил меч. Когда боек пошел вверх, вслед за ним взметнулся клинок пастуха. В этот удар Этиоль вложил все свои силы. Получив дополнительный импульс, молот берсерка не остановился в верхней точке, а продолжал подниматься. Хориксас испуганно задрал голову и в следующее мгновение вместе с молотом взмыл в небеса.

Если бы Хориксас сообразил сразу отпустить молот, то лишился бы своего грозного оружия, но сам уцелел. Однако эта простая мысль слишком долго пробиралась в его косматую голову. Пока он раздумывал, молот слишком высоко увлек своего хозяина. Теперь, если бы он отпустил его, то разбился бы насмерть.

Поэтому он не только не выпустил молот, но и схватился за него второй рукой. Берсерк и гигантский молот — один с проклятиями, другой со свистом — устремились в ясное небо. Эхомба долго смотрел им вслед. Удаляющееся пятнышко на глазах уменьшалось, потом превратилось в точку и в конце концов исчезло над южной стороной горизонта. Пастух глубоко вздохнул и убрал меч.

Симна выбрался из-за скалы, за которой прятался, и подбежал к нему.

— Во имя подошв Гоуербена, как это ты умудрился отправить этого разрушителя в такую даль? Может, ты, братец, и не колдун, но на сюрпризы мастер. Я бы хотел...

Пастух резко повернулся к нему. В глазах у него пылал яростный огонь. В следующее мгновение Этиоль ударил Симну в лицо. Хункапа Аюб и Алита снова переглянулись и начали торопливо спускаться.

Симна занес было меч, но второй удар бросил его на землю. Эхомба шагнул вперед и склонился над северянином. Огонь в его взоре угас, но гнев не утих. Дрожащим от ярости голосом он проговорил:

— Никогда не повторяй этой ошибки, Симна! Ни в моем присутствии, ни когда меня нет рядом. Иначе, клянусь всем, что мне дорого, я от тебя избавлюсь! Брошу тебя подыхать вместе со всей твоей глупостью!

Ошеломленный Симна лежал на земле и изумленно смотрел на рассвирепевшего Этиоля. Между ними и прежде случались размолвки, но в таком состоянии он Эхомбу ни разу не видел. Стиснув зубы, Симна встал и смерил пастуха испепеляющим взглядом.

Алита предупреждающе зарычал и припал к земле, готовясь к прыжку, но Хункапа положил ему на холку огромную лапищу и придержал.

Через мгновение, которое всем показалось вечностью, Симна ибн Синд отступил на шаг и с тягучей неторопливостью убрал меч в ножны.

— Ты — храбрый человек, Этиоль Эхомба. Храбрый и, может быть — только может быть! — даже мудрый. Я видел, на что ты способен. Но если ты полагаешь, что я боюсь тебя, то ты ошибаешься. Симна ибн Синд никогда не испытывал страха. Ни перед солдатами, ни перед великанами, ни даже перед таинственными и могучими колдунами. И уж конечно, не перед пастухами. — Он потер щеку, на которой уже расплывался крупный кровоподтек. — Я всегда считал себя честным и рассудительным. Ладно. Ради всего, что нас связывает, я предаю забвению то, что здесь случилось. Но ты, в свою очередь, больше не давай воли рукам. Клянусь, один раз я готов простить того, кто меня оскорбил, но второго раза не будет.

К Эхомбе уже вернулось прежнее спокойствие.

— Ставка, мой друг, побольше, чем твоя гордость. Меня ждет семья, дом. Тебе не понять, что значит ответственность за дом и семью. Свой дом ты носишь с собой.

— Эх, братец, неужели за все это время ты не убедился, что мой выбор лучше? Так легче жить. Дом! — В голосе Симны послышались горечь и презрение. — Человек возводит жилище, годами его обустраивает, а пожар, буря, землетрясение или шайка мародеров, наконец, в мгновение ока его разрушают. Дети умирают в младенчестве, жены заводят любовников... — Он ударил себя в грудь. — Я — свободный человек, Этиоль! Мой дом — весь белый свет, а семья — все, с кем я подружился.

Эхомба устремил взгляд на запад, вдоль ущелья, ведущего к океану Аурель. Но, казалось, он видит там что-то совсем другое. Потом сказал:

— Белый свет можно считать домом, Симна. Но не родным очагом. А что касается семьи... Мне бы хотелось, чтобы ты когда-нибудь обзавелся ею.

Он повернулся и жестом позвал за собой остальных. Хункапа Аюб и Алита двинулись следом.

Симна занял свое привычное место рядом с пастухом. Он шел мрачный — и вдруг улыбнулся: его жизнерадостная натура снова взяла свое.

— Так я хотел спросить, братец, — что бы ты делал, если бы берсерк успел отпустить молот?

Эхомба криво улыбнулся.

— Тогда, наверное, мой друг, нам пришлось бы его убить. В ту минуту мне некогда было об этом задумываться. Амулеты, мази и снадобья, которыми мудрецы нашей деревни снабдили меня, способны совершать не более одного чуда за раз.

Симна потрогал синяк.

— Для пастуха, чьи дни проходят среди овец и коров, ты оказался на редкость опытен в кулачном бою.

— Человека свалить куда легче, чем молодого бычка, — сказал Эхомба и снова уставился на дорогу.

Симна вдруг рассмеялся.

— Хотел бы я увидеть рожу этого берсерка, когда он опустится на землю!

Эхомба был поглощен своими мыслями. Но все же услышал эти слова.

— А кто сказал, что он когда-нибудь опустится?

XXII

С хребта открывался ослепительный вид. Между горами и морем лежала плодородная зеленая равнина, на которой там и тут виднелись пятнышки лесов и небольших рощиц. С севера на юг, насколько хватало глаз, тянулась цепь пологих холмов. Между холмами были разбросаны небольшие фермы, а у залива раскинулся город.

Этиоль Эхомба поставил ногу на камень, наклонился вперед, руку положил на бедро — и так застыл. Легкий ветерок теребил его заплетенные в косички волосы.

Эль-Ларимар...

Словно отвечая его мыслям, сзади раздался знакомый голос:

— Эй, братец, вот он, твой Эль-Ларимар.

Симна тоже любовался городом и заливом с белыми точками парусов. Мимо пролетела стайка попугаев; на лету они хрипло прокричали что-то приветственное. Их крылья посверкивали в лучах заходящего солнца, словно были усыпаны истолченными в пудру драгоценными камнями.

— Хункапе нравится, — одобрительно проворчал звероченовек. — Красивое место.

— Слишком много людей.

Эхомба удивленно глянул на исполинского кота, и тот недовольно добавил:

— Знаю, знаю, здесь никого нельзя убивать. По крайней мере до тех пор, пока не отыщем эту твою самку.

— Мы чересчур бросаемся в глаза, — словно размышляя вслух, проговорил Эхомба. — К счастью, город велик. Большой морской порт. Если повезет, на нас не успеют обратить внимания. Поэтому времени терять нельзя.

— Интересно, — сухо поинтересовался Симна, — а когда было иначе? Что касается меня, я хотел бы побродить по этому великолепному городу, познакомиться с развлечениями, которые здесь могут предложить. Конечно, после того как добудем сокровища — и даму... Я понимаю, как важно поскорее отправиться в обратный путь. — Он подмигнул Эхомбе. — Ты мудро поступил, братец, прихватив с собой двух таких сильных попутчиков, как подстилка из шерсти и кот. Любой из них сможет унести столько золота и самоцветов, сколько нам с тобой и не снилось.

— Да, они много могут утащить на себе, — согласился Эхомба. В голосе его не было и тени иронии.

— Предлагаю возвращаться тем же путем, через горы, — предложил Симна и пояснил: — За нами, конечно, отправят погоню. Но я еще не встречал солдат, которые сумеют пройти через те места, где мы побывали, даже под страхом порки. — Он глянул на пастуха и весело улыбнулся. — Тем более что у них нет такого великого колдуна, как у нас.

Эхомба начал спускаться вниз по склону горы — последней горы на его долгом пути.

— Прежде всего надо выяснить, где дворец Химнета и какая там охрана. Порасспросить местных жителей, может, кто-нибудь слышал о прорицательнице Темарил и где он ее прячет.

— А также где прячет сокровища, — напомнил Симна. — Не забудь о сокровищах!

Вблизи Эль-Ларимар был не менее красив, чем казался издалека. Роскошные парки, чистые широкие улицы, большие амфитеатры. Однако в воздухе ощущалась какая-то болезненность, словно все, и богатые, и бедные, страдали от какого-то не смертельного, но угнетающего недуга.

Горожане, как и следовало ожидать, провожали взглядами необычную четверку, но особого внимания никто на них не обращал. Они сразу направились в порт: там можно было не только спрятаться от любопытных глаз, но и получить нужные сведения. Однако местные жители, стоило спросить их о Химнете Одержимом, сразу теряли всякое дружелюбие и спешили отойти подальше. Даже чужестранцы, прибывшие из дальних земель, отделывались извинениями и тут же спешили уйти, сославшись на занятость.

В конце концов, не без помощи угрожающей внешности Хункапы и Алиты, путешественникам удалось выяснить, где располагается замок Химнета. Если верить слухам, колдун держал в своей цитадели пленницу необыкновенной красоты, которую привез из далеких краев. Теперь по крайней мере было понятно, где искать прорицательницу. Как лаконично заметил Эхомба, дело было за малым — пробраться в замок.

Они поселились в приморской гостинице, где можно было встретить людей из всех стран, лежащих по берегам Аурельского океана. Ночь и весь следующий день путешественники отдыхали. На вторую ночь, дождавшись темноты, они вышли на улицу.

Легкая пелена облаков закрывала луну. Путники без приключений пересекли город. Редкие прохожие, завидев огромный силуэт Хункапы или блеск желтых зрачков черного зверя, спешили убраться с дороги. Никто не приставал к ним с расспросами и не пытался остановить.

К мрачному замку, стоящему на горе, они пробрались по охотничьей тропе, ведущей от городских предместий. Немного не доходя до вершины, путешественники взяли чуть к югу и шли по гребню, пока не добрались до кустарниковых зарослей, густо покрывающих склоны позади замка и над ним. С первого взгляда было видно, что крепость строил человек, знающий толк в этом деле. Башни и укрепления располагались так, что весь город был на виду, а качество кладки было выше всяких похвал. На главной башне и на стенах мерцали огни.

Путники выждали некоторое время, и когда луна начала опускаться к горизонту, Эхомба прошептал:

— Пора, — и повел друзей к замку.

Первое впечатление, которое произвела на них цитадель Химнета, подтвердилось и при более близком знакомстве. Как они ни искали, нигде им не удалось обнаружить слабое место, найти камень, который можно было бы вытащить из стены, или щель, через которую можно было бы проскользнуть. По парапетам прохаживались часовые — к счастью, вниз они не смотрели. Разве кто-то осмелится пробраться в замок Химнета Одержимого тайком, без приглашения?

Тогда Симна ибн Синд, лучше других знакомый с устройством укреплений, предложил воспользоваться дренажной трубой. Ее обнаружили на западной стороне. Труба была широкая, по ней вполне мог пройти даже Хункапа Аюб. Отверстие было забрано железной решеткой, но тем, кто ее ковал и ставил, и в кошмарном сне не могло привидеться такое могучее существо, как Хункапа.

Зверочеловек улегся рядом с решеткой и, упершись ногами в стену, взялся за один из прутьев. Он намеревался вырвать из гнезда только его, но вместо этого раздался приглушенный скрежет, и в руках у него оказалась вся решетка: видимо, костыли проржавели.

Друзья по очереди начали забираться в трубу. Дренажный сток, как оказалось, был отводом канала, который убегал глубоко во двор крепости. Таким образом путники получили возможность незамеченными пробраться к основанию главной башни.

Они спрятались в тени башни и как раз думали, что делать дальше, когда послышались приближающиеся шаги. Симна взялся за нож, висевший у него на поясе, но Эхомба положил руку ему на запястье и сделал знак молчать.

Это оказался посудомойщик; видно, ему надоело полоскать тарелки, и он вышел подышать свежим воздухом. Когда он приблизился, Эхомба шагнул вперед, правой рукой схватил его за шею и, приподняв, втащил в тень. Все было проделано совершенно бесшумно. Перепуганный помощник пытался отбиваться, но через мгновение глаза у него выкатились, губы зашевелились в безмолвном крике, и он обмяк.

Эхомба осторожно положил парня на землю. Симна восхищенно прошептал:

— Отличный прием знает мирный пастух.

— Иногда приходится останавливать заигравшегося теленка, чтобы не навредил себе. — Симна вынул нож, но пастух остановил друга: — Не надо его убивать. Он про-

спит до утра и завтра проснется вполне здоровым, только горло будет болеть.

Симна усмехнулся и убрал нож.

— Ты слишком добр для того, кто без спроса проник в чужой замок. Если бы мои противники рассуждали, как ты, у меня было бы куда меньше шрамов.

— Попробуй вести более спокойную жизнь.

Эхомба нашел деревянную дверь и подергал ее. Она отворилась, даже не скрипнув.

Они вошли внутрь.

Это был какой-то склад или кладовая, доверху забитая ящиками. Здесь царила кромешная тьма, но среди путников был один, кто мог видеть и в темноте. Они двинулись за Алитой, держась за его гриву. Он вывел их в коридор.

— Пока планировка этой крепости ничем не отличается от тех замков, где мне довелось побывать, — шепнул северянин. — Дальше должно быть что-то вроде зала для аудиенций.

В узкие окна проникал лунный свет, и Этиоль вновь пошел первым. С верхних ярусов башни доносились редкие звуки, но Эхомба не обращал на них внимания. Гвардия охраняла главные ворота крепости и внешние стены, но не жилые помещения внутри зданий. Он, правда, опасался сторожевых псов, но, к его удивлению, их здесь не оказалось.

— Сюда. — Он показал налево.

Они миновали облицованную туфом арку и попали в зал, о котором говорил Симна. Северянин был потрясен, обнаружив, что пол в этом просторном, с высоким потолком помещении выложен не гранитными или мраморными плитами, а плитами, вырезанными из полудрагоценных камней: родохрозита, лазурита, агата и оникса.

— Теперь надо отыскать комнату, где он держит прорицательницу Темарил, — шепотом сказал друзьям Эхомба. — Попробуем поймать какого-нибудь слугу, пусть расскажет, что к чему. Мы похитим Темарил и выйдем из замка тем же путем, каким проникли сюда. К рассвету мы успеем добраться до гор.

— На словах выходит неплохо, приятель, — откликнулся Симна. — А как насчет сокровищ?

— Прежде всего — прорицательница, — твердо сказал Эхомба. — Когда она будет у нас, тогда займемся сокровищами. Сейчас надо найти комнату, где спит Химнет. Прорицательница должна находиться где-то рядом.

— Он не спит! — раздался громкий раскатистый голос.

Зал озарился ярким светом. Пятьдесят ламп, установленных вдоль стен и свисающих с потолка, зажглись все

вместе, будто ожили. Эхомба и его друзья были в дальнем конце украшенного знаменами зала. У противоположной стены возвышался резной трон, стоящий на высоком, но скромно украшенном подиуме. Человек, сидящий на троне, был облачен в искусно сработанные доспехи золотисто-алого цвета. По обе стороны от трона на малахитовых подставках стояли светильники.

В темной прорези забрала горели глаза правителя. Их свет был так же ярок, как ослепительное сияние ламп. Рука в железной перчатке была поднята. Властитель начал опускать ее — и сразу светильники стали меркнуть. Наконец в зале установился привычный для глаз уровень освещения.

Сбоку и чуть позади трона стоял убеленный сединами военачальник. Глаза старика отливали стальным блеском. У подножия трона трепетали два зловещих темных облачка.

Больше никого в помещении не было. Симна не видел ни стражников, ни страшных собак-убийц, рычащих и рвущихся с цепи... Только внушающая трепет фигура на троне и седовласый советник.

Рука Симны невольно потянулась к мечу. Черный кот припал к полу, готовясь прыгнуть. Эхомба не отрывал взгляда от величественной фигуры и горящих глаз внутри шлема. В свою очередь, человек на троне не мигая смотрел на пастуха.

— Владеющий искусством некромантии. Задающий вопросы, на которые нет ответов. Так, кажется, выразился Червь.

Химнет Одержимый, властелин Эль-Ларимара, владыка центральной части побережья Аурельского океана и всех путей, ведущих из северных холодных стран к Мотопской Стене, наклонился вперед и положил подбородок на закованный в броню кулак.

— Неужели это ты прошел весь путь, что ведет сюда через восточный океан, с противоположного берега Семордрии?

Последовала пауза, которой воспользовался Симна. Сглотнув комок в горле, он смело вышел вперед и заявил:

— Мы пересекли не только Семордрию, но и все страны, что лежат далеко на юге.

Человек в золотых с алым доспехах не обратил внимания на северянина. В глазах Химнета Симна ибн Синд просто не существовал. Так же, как Хункапа Аюб и черный левгеп — он на них даже не взглянул. Правитель смотрел лишь на высокого человека с копьем в руке, одетого в поношенную рубашку и килт. И тот не дрогнув выдержал его взгляд.

Наконец, изучив противника, Химнет вздохнул и откинулся на спинку трона. Он положил руки на подлокотники, изображающие лежащих драконов, и продолжал:

— Должен заметить, что ты не выглядишь знатоком магии. Я немного разочарован. Правда, даже Червь не всегда правильно видит будущее.

— Клянусь Гостенхарком! — воскликнул Симна. — Мы требуем уважения к тем лишениям, которые испытали на своем пути! — Оскорбление Симна еще мог стерпеть, но только не пренебрежение. — Это мой друг, Этиоль Эхомба из Наумкиба. Он — чародей, обладающий бесценными знаниями и необоримой мощью. Он способен управлять силами, от которых ты не в состоянии защититься. — Симна гордо вскинул голову и ткнул себя пальцем в грудь. — Я — Симна ибн Синд, обладатель шестой степени воинского искусства. Мы не явились бы сюда, если бы не сумели справиться с бессчетными опасностями и препятствиями. А нас встречают презрением!.. Мы пришли в Эль-Ларимар, чтобы вернуть прорицательницу Темарил из Лаконды ее народу. — Он сделал шаг назад и торопливо добавил: — А еще заберем отсюда столько сокровищ, сколько сможем унести!

Химнет Одержимый медленно покивал; его поза и взгляд ясно говорили, что ему скучно. Старый генерал, наоборот, был весь внимание, и за все это время даже не пошевелился.

— Хорошая речь. — Правитель Эль-Ларимара наконец соизволил услышать слова Симны. — По правде говоря, меня раздражает, когда мои солдаты много болтают, но ты доказал мне, что порой слепое бахвальство способно отразить истинное положение вещей. — И прежде чем Симна успел что-то ответить, он обратился к Этиолю, который молчаливо наблюдал за происходящим: — Когда я впервые был предупрежден о том, что ты явишься сюда, я взволновался. Не испугался, не встревожился — просто на какое-то время утратил покой. Я сказал себе: этот глупец относится к тому сорту людишек, которые просто не понимают, с кем имеют дело. Эти соображения омрачили мои мысли и так долго преследовали меня, что я лишился сна. Но потом положение изменилось. Или, если точнее, изменилось нечто более важное: мое отношение к твоему возможному визиту. Изменилось настолько, что я потерял к этому интерес. Случилось так потому, что я вдруг стал неуязвим для любых средств, которые ты способен применить против меня. Поверь, это была столь же благотворная перемена, сколь и неожиданная. — Химнет чуть склонил голову набок. — И мне совершенно безразлично, что ты будешь делать.

— Он блефует, — прошептал Симна Эхомбе. — Не важно, насколько он силен, ему ведь ничего не известно о твоих возможностях. Поэтому он не может отнестись к тебе с безразличием.

Эхомба даже головы в его сторону не повернул, он по-прежнему смотрел на Химнета. Тогда Симна решил продолжить наступление и вновь повернулся к человеку на троне.

— Если ты надеешься запугать нас словами, тогда ты, правитель, просто не в состоянии вообразить тех испытаний, через какие мы прошли, добираясь сюда. — Он многозначительно коснулся рукояти меча. — Не имеет значения, один ли ты ждал нашего прихода или в компании со своим старым слугой и этими мячиками. С тем же успехом ты мог бы собрать здесь всю свою армию. Не имеет значения. Мы требуем, чтобы ты привел сюда прорицательницу Темарил — для начала.

Химнет неторопливо кивнул.

— Вы сами убедитесь, что я могу быть на редкость сговорчивым. — Химнет повернулся и указал на затененную часть зала. — Нет необходимости посылать за ней. Она уже здесь.

Из темноты вышла прорицательница, закутанная в бледно-голубой шифон. Ее волосы были стянуты золотой сеточкой, украшенной сапфирами и турмалинами. Темарил не шла, а, казалось, скользила над полом.

Симну поразила ее красота. Он встречал много красивых женщин, но теперь все они казались ему чертополохом в сравнении с сияющей розой, нежданно-негаданно распустившейся перед ним.

Прорицательница поднялась на возвышение, подошла к трону, встала рядом и положила руку на плечо Химнета Одержимого. Симна напрасно высматривал на ее руках наручники. Не было и кандалов на ногах.

Темарил улыбнулась.

У Симны отвисла челюсть. Но Эхомба и на этот раз ничем не нарушил молчания. Хункапа Аюб и Алита тоже безмолвствовали.

Сказать, что Химнету понравилось впечатление, которое произвела на незваных гостей Темарил, значит, ничего не сказать. Он даже не старался скрыть ликование.

— Как я уже говорил, — произнес он, — в Эль-Ларимаре произошло нечто важное. — Он повернулся к Темарил и громко попросил: — Скажи им, дорогая.

Так же как и облик, голос прорицательницы казался выплавленным из золота. Она не говорила, а пела каждое слово.

— Я сожалею, что вам довелось пережить столько лишений. Не стану лгать — после того как Химнет похитил меня, в моей душе родилась ненависть к нему и ко всему, что ему принадлежит. Много отважных мужчин и женщин погибли,

пытаясь освободить меня. Я скорбела о них и о тех, кто стремился пойти по пути этих героев. Но, скорбя, я питала надежду, что если не повезло этому, то придет следующий храбрец, у которого хватит сил меня освободить. Мне не дозволялось покидать замок, но обращались со мной хорошо. Я скрывала свои чувства, но в душе копила гнев и отвращение к моему похитителю. Однако постепенно я пришла к выводу, что мое нынешнее положение следует трезво обдумать. Затем я нашла, что могу спокойно и учтиво разговаривать со своим тюремщиком. И уже потом я оценила его душевные качества.

— Душевные... что?! — Симна повернулся к Эхомбе. — Братец, что ты молчишь? Ты слышал, что она сказала?..

Пастух кивнул и опустил глаза.

— Слышал, друг Симна.

Прорицательница подалась вперед и ясным голосом объявила:

— Я хочу остаться здесь. Такова моя воля. Как добрый супруг, Химнет предложил мне разделить с ним бремя власти над Эль-Ларимаром. Я приняла это предложение. Я очень сожалею, что вам пришлось пережить много страданий. Но так уж получилось. Вы вольны остаться здесь или покинуть нашу страну. Никто не причинит вам вреда.

Симна не мог поверить в то, что услышал.

— Он околдовал ее! Или она сама себя околдовала. Она говорит не то, что думает. Разбей чары, Этиоль! Освободи ее от них, пусть она скажет правду!

Пастух переступил с ноги на ногу и снова оперся о копье.

— Нет, Симна, я не думаю, что она околдована. Я внимательно следил за ее движениями, губами, глазами. Это решение она приняла по собственной воле. Оно шло от сердца в той же мере, в какой и от разума. Она искренне желает остаться здесь.

— Тогда все, что нам пришлось преодолеть — все это было напрасно?

Этиоль промолчал. Тогда Симна тяжело опустился на пол — и расхохотался.

Он смеялся все громче и оглушительнее, хохот эхом разносился по залу. Он раскачивался взад и вперед, хватался за живот, но смех по-прежнему долгими раскатистыми руладами выплескивался из него. Однако этот безумный смех сразу прекратился, когда в зале раздался спокойный голос, в котором, правда, угадывались угрожающие нотки.

— В отличие от прекрасной Темарил, я не испытываю никаких сожалений, и у меня нет чувства вины пе-

ред вами. Люди живут той жизнью, какой живут. Винить себя я могу только в одном — в том, что не сумел, как мечтал, быть истинно милостивым правителем. Сейчас, наемники, я должен был бы посмеяться вместе с вами, но полагаю, что у меня нет на это права. Я могу только посочувствовать вам. — Он в упор поглядел на Эхомбу. — Надеюсь, теперь ты, некромант, одолевший Семордрию, если ты и в самом деле чародей, понимаешь, что потерпел поражение еще до того, как решил взяться за это дело. Того злодея, с кем ты пришел сразиться, более не существует! — Закованные в сталь пальцы накрыли изящную ручку прорицательницы Темарил. — Обычно я не бываю столь великодушен к тем, кто без приглашения вторгается в мой замок, однако моя супруга уже приняла решение. Вы вправе покинуть Эль-Ларимар или остаться здесь. Одним словом, можете поступать так, как вам вздумается. Если моя столица пришлась вам по душе, Эль-Ларимар может многое предложить усталым путникам. — Он кивком указал на старика. — Если желаешь, Перегриф на сегодняшнюю ночь разместит тебя и твоих друзей в замке. С этой минуты у меня нет причин считать вас своими врагами. Завтра приглашаю вас отобедать со мной. И с моей несравненной супругой.

Химнет взял руку Темарил, наклонился и поцеловал ей пальцы. Этого оказалось достаточно, чтобы Симна ибн Синд вновь начал хихикать.

— Нет!

Симна вновь замолчал. Седой генерал нахмурился. В глубине черных сгустков у подножия трона зажглись маленькие красные пятнышки.

Химнет Одержимый приподнялся с трона.

— Что ты сказал? — спросил он. В его голосе угадывалось едва заметное недоумение.

— Я сказал — нет.

Впервые с тех пор, как в зале вспыхнул свет, Эхомба сдвинулся с места. Он шагнул вперед.

— Мы не можем воспользоваться твоим гостеприимством. У нас очень мало времени.

Наконечником копья он указал на стоявшую рядом с правителем женщину.

— Прорицательница Темарил отправится с нами.

— Боюсь, что я не понимаю тебя. — Голос Химнета стал угрожающе ледяным. — Она не желает покидать Эль-Ларимар. Она не хочет возвращаться в Лаконду, к той жизни, какую вела прежде. Такова ее воля. Ты сам это слышал.

Пастух кивнул. На него вдруг навалилась такая усталость, словно он целый день гонялся за разбежавшимся по холмам стадом.

— Когда я вышел из Наумкиба, никто не мог предсказать, как долго продлится мое путешествие и с чем мне придется столкнуться в пути. Я отправился в Эль-Ларимар, потому что дал клятву. Умирающий воин по имени Тарин Бекуит из северной Лаконды взял с меня обет вернуть прорицательницу Темарил на родину, к ее семье. Я прошел долгий путь, потратил немало сил и намерен исполнить обет.

Химнет покачал головой:

— Есть разум и есть безумие, но ничего похожего на твое поведение я еще не встречал. Ты хочешь сказать, что вопреки желанию Темарил ты намерен доставить ее в Лаконду, даже если для этого придется применить силу?

Эхомба кивнул:

— Даже если придется применить силу. — Голос его при этом ничуть не изменился.

Химнет Одержимый рывком поднялся и грозно проревел:

— *Клянусь Бесьюном, это хуже, чем просто безумие!* — Он задрожал от гнева. — Забыв бессонные ночи, которые я провел по твоей милости, я предложил тебе жизнь. Но ты избрал смерть! — Химнет вытянул перед собой руку и сложил пальцы в подобие кубка. — Она здесь, в этой руке. Так подойди и получи ее!

Лицо у Эхомбы исказилось. Ни слова не говоря, он отбросил копье. Оно еще не успело коснуться пола, а пастух уже несся к трону, на ходу выхватывая меч из небесного металла. Симна вскочил на ноги, Хункапа Аюб напрягся, а левгеп издал злобное рычание, от которого затрепетали полотнища знамен.

Химнет выпрямился во весь рост, развел руки и резко выбросил их перед собой.

Стрела, спрятанная в бронированном налокотнике, ударила Эхомбу в правое плечо. Пастух, не останавливаясь, вырвал ее и отбросил в сторону. Стрела была отравлена, но Этиоль, казалось, даже не почувствовал действия яда.

Правитель Эль-Ларимара сузил глаза и выкрикнул слово столь мерзкое, что прорицательница Темарил вынуждена была зажать уши. Два темных, похожих на сгустки копоти облачка, которые вились у его сапог, раздулись до размеров быка. В их непрозрачной глубине горели по два кроваво-красных глаза.

XXIII

Эхомба не сделал попытки увернуться от эромакази или отступить в сторону. Через мгновение черное облако окутало его, и пастух исчез из виду. Симна затаил дыхание, но даже в этот страшный миг он был напуган куда меньше, чем его товарищи. В отличие от Симны они не имели удовольствия наблюдать, как пастух разделывается с эромакади. Однако минуты шли, а ничего не менялось. Облако не исчезало. И Симна почувствовал, как и в нем поднимается волна страха.

Затем послышался свист. Он становился все громче и громче, пока ревущий, пронзительный вой не заполнил зал. Облако, окутавшее Эхомбу, затрепетало, и наконец зловещий черный сгусток начал ссыхаться. Мгновением позже возник Эхомба, стоящий с мечом в руке. Он без перерыва вдыхал и вдыхал в себя испорченный черной смертью воздух, пока эромакади тонкой струйкой не влились ему в рот и не исчезли бесследно.

Все так же молча Эхомба вновь бросился на врага.

— Эромакази! — вскричал изумленный Химнет и сжал правую руку в кулак. — Что ты сделал с моими любимцами, эромакази?

Он раскрыл пальцы, и с его ладони к Эхомбе метнулся магический шар. Зеленый с оливковым оттенком, он угрожающе потрескивал на лету. Пастух отбил его ударом меча. Глуховатый гром прокатился по залу, и россыпь ярко-зеленых искр на мгновение ослепила Симну.

Зеленые шары один за другим посыпались с ладони Химнета, и Эхомбе пришлось безостановочно работать мечом. Но он все равно продолжал двигаться к трону. Зеленые искры метались по всему залу, затмевая свет ламп, а Этиоль, коротко и точно взмахивая мечом, шаг за шагом приближался к возвышению. Но если Химнет Одержимый и испытывал в эту минуту озабоченность или тревогу, то ничем этого не показал. Владыка Эль-Ларимара оборонялся упорно и не собирался сдаваться.

Сделав последний шаг, Эхомба отбил самый большой, в половину его роста, шар и в ореоле зеленых искр занес меч над правителем Эль-Ларимара. Но Химнет вскинул руки в железных перчатках и скрестил их над головой.

Зеленые и белые искры фонтаном взлетели под потолок, когда металл ударил в металл. Ударная волна сшибла с ног и Перегрифа, и прорицательницу Темарил, и Симну ибн Синда.

Только Хункапа Аюб и Алита устояли на ногах, но и они пошатнулись.

Картина, которую Симна увидел, поднявшись, была настолько мучительной, что разум отказывался ее воспринимать. Со сверхъестественным равнодушием он обвел взглядом обломки клинка из небесного металла. Они валялись повсюду: на полу, на ступеньках, ведущих к трону, на самом троне... Симна смотрел на них в ожидании чуда, но они не спешили соединяться. Теперь это были простые куски железа.

У подножия трона неподвижно лежал пастух.

— *Этиоль!*

Забыв о закованном в броню колдуне на подиуме, Симна бросился к трону. Хункапа и Алита не раздумывая кинулись за ним.

Упав на колени, Симна перевернул Этиоля на спину. Глаза пастуха были закрыты, тело обмякло. В воздухе пахло паленым.

Плечи у Симны затряслись.

— Этиоль! Брат!

Эхомба не отозвался. Симна приложил ухо к его груди и побледнел: сердца не было слышно. Он приложил ладонь к губам пастуха. Дыхания не было.

— Не может быть... — Симна отодвинулся от неподвижного тела. — *Этого просто быть не может!*

Алита опустил гривастую голову, прислушался, затем фыркнул раз, другой. Его желтые глаза метнулись к Химнету.

— Все кончено, Симна. Он мертв.

Эхомба не чувствовал боли. Он вообще ничего не чувствовал. Он знал, что погиб. Химнет Одержимый убил его. Но это не причиняло ему ни огорчения, ни беспокойства. Эти переживания принадлежали миру живых, а он уже не был его частью. Он забыл о семье, забыл о клятве. После смерти все изменилось.

В какой-то степени ему был доступен ход времени. Эхомба догадывался, что оно движется, хотя в каких величинах ведется отсчет — в мгновениях или столетиях, — сказать не мог. Сначала, отделившись от собственного тела, он как бы воспарил. Затем с необыкновенной скоростью, хотя не почувствовав перемещения, он оказался в пустоте, в безмерном пространстве. Вокруг было черным-черно, и немигающий свет далеких звезд не рассеивал этой черноты. Рисунок созвездий был ему незнаком. В этой тьме не было и намека на что-то твердое, на какую-нибудь опору. Только пустота и бесчисленные звезды. И души.

Вернее, он назвал их душами за неимением лучшего термина. Они парили в безграничной пустоте — все, кто когда-либо населял утраченную теперь Землю. В их глазах угадывалась смесь любопытства и изумления. Эхомба поймал себя на том,

что сохранил понятие о теле, о физической сущности, и был удивлен тем, что, глядя на эти тела, лишенные признаков пола и возраста, чувствует, что его окружают люди.

Одна из этих телесных душ звала его из более ранней эпохи... Солдат, в чьих глазах сквозило что-то знакомое.

Окружающие тела не дышали, не пахли. Возможно, они — и он тоже — могли слышать, но в этой пустоте не было звуков в прежнем понимании. Он вдруг осознал, что понимает, что говорят окружающие его души, но не слышит их, как было раньше. Звуки доходили до него изнутри, через внутреннее ухо. Слова, которые Эхомба сумел различить, напоминали выговоренные шепотком «Который час?» или «Кто-нибудь может сказать, сколько времени?». Несмотря на внутреннюю связь с другими душами, больше Эхомба ничего не мог разобрать. Интересно, подумал он, почему тут не интересуются днем, месяцем или годом?

Вновь прибывшие души можно было легко распознать по нескончаемым попыткам постичь пространство и свою новую сущность, выливающиеся в недоуменное: «Как, я уже здесь?» Эта едва слышимая мантра повторялась вновь и вновь, равнодушно, но и без скуки. Время шло, а вопрос повторялся. Сколько миллионов или миллиардов раз, Эхомба понятия не имел. То же самое можно было сказать о тех, кто плавал в пустоте вокруг него. Чувства, ощущения, определенность — все ушло прочь. Проходил какой-то промежуток времени, и вопрос повторялся, такой же тихий и безучастный.

Но в этой невесомой пустоте вскоре родилось еще одно ощущение — осознание общей предназначенности «всему». Откуда оно взялось, Эхомба не знал. Исследователь по натуре, он был рад понять, что все на свете имеет причину и цель, основанную на чем-то «всём», но был и разочарован оттого, что не понимал, что же такое это «всё». Это состояние было похоже на крушение надежд, хотя точно описать его в прежних терминах не представлялось возможным.

Он не ощущал ни жары, ни холода, ни собственного веса. Не испытывал боли или удовлетворения. Ничего! Только чувство существования — и Цели! Не божество, не кто-то, наблюдающий и управляющий, — просто души, люди, собравшиеся вместе, думающие о Цели...

Химнет Одержимый, высокомерный, уверенный в себе, по-прежнему стоял возле тронного кресла. Он поправил шлем, за время поединка сбившийся набок, и указал на чужаков у подножия трона.

— Видишь их, Перегриф?

— Да, господин, — ответил генерал, всегда готовый исполнить приказ.

— Как только придут в себя, наплачутся вволю, узнай, что они намерены делать. Наемнику предложи поступить ко мне на службу — но только не в гвардию. У меня нет обыкновения подбирать в ближайшее окружение людей, имеющих повод для мести. Кот по сравнению со своими мелкими сородичами проявил себя разумным. Я полагаю, что он пожелает уйти. Отпусти его. Что касается волосатого верзилы, — правитель пожал плечами, — то даже не знаю, что с ним делать. Надеюсь, он уйдет вместе с котом. Только пусть не пачкает пол. — Он повернулся к прорицательнице и протянул руку. — Прошу, дорогая. Я думаю, на сегодняшнюю ночь представлений достаточно.

Припавший к распростертому телу Симна внезапно издал дикий вопль. Слезы потоком текли по его щекам.

— Ты, сумасшедший осел, думающий лишь о себе! Ты, мрачный самодовольный ублюдок! Что я теперь скажу твоей семье?

— Извини, — пробормотал стоящий рядом с северянином Хункапа Аюб. — Я вынужден попросить тебя отойти на шаг.

— И что будет? — рыдая, выговорил Симна. — Почему я... — Он внезапно замолк и удивленно уставился на Хункапу. — Постой. Что ты сказал?

Взгляд похожих на голубой арктический лед маленьких глазок был равнодушным.

— Я попросил тебя отойти. Мне нужен простор.

— Что тебе нужно? — Глаза у северянина сузились. — А где же «Хункапа хочет», «Хункапе нужно, чтобы Симна отодвинулся»? — Симна поднялся. — Во имя всего сонма этих треклятых богов, кто мне объяснит, что все это значит?

— Мне для работы необходимо пространство, — откликнулся Хункапа Аюб.

Едва Симна отошел на пару шагов, Хункапа выпрямился во весь рост, откинул волосатую голову, несколько мгновений смотрел в потолок, потом закрыл глаза и резко выбросил обе руки вверх и в стороны.

Алита тоже отползла назад.

— Я знал, что с ним дело не чисто. Я знал.

— Что? — не понял Симна. — О чем ты знал?

Огромный черный кот, продолжая пятиться, негромко зарычал. Его когти визгливо заскребли по каменным плитам.

— От него, — объяснил левгеп, — никогда *не пахло* ни глупостью, ни дикостью.

— *Симбала! Асенка сар врануто!* — вскричал Хункапа, взывая к силам, лежащим глубже, чем эти слова.

Нестерпимо яркое, ослепительно белое сияние возникло над его головой. Оно мощно пульсировало, его энергия рвалась на волю. Химнет Одержимый и его молодая супруга замерли, повернулись.

Хункапа закрыл глаза и начал что-то монотонно напевать. Потом резко опустил руки и, направив их на тело Эхомбы, воскликнул:

— *Харанат!*

Пульсирующая над его головой сфера заколыхалась и, медленно стронувшись с места, накрыла пастуха. Сияющая энергия впиталась в мертвое тело, как молоко в губку. Труп слабо засветился, странное мерцание окутало его с головы до ног. Не открывая глаз, Хункапа продолжал творить заклинание.

Химнет отпустил руку Темарил и торопливо подбежал к возвышению.

— Червь сказал, — воскликнул он, — владеющий искусством некромантии! Но он ни словом не упомянул, каков будет его облик!

Правитель вскинул руку и метнул смертоносную зеленую сферу в обросшего густой шерстью исполина.

Из глаз Хункапы Аюба ударила молния.

Она вонзилась в Этиоля Эхомбу. Пастух, поглощенный стремительным потоком чистейшей белой энергии, которая была постоянным спутником томительного дыхания миллиардов еще не закончивших свой жизненный путь, не исполнивших свое предназначение душ, вскочил с пола и принял удар изумрудной сферы на себя. Шар взорвался, разлетелся зелеными искрами. Симна прикрыл глаза рукой.

Химнет метнул в пастуха еще один шар. Эхомба отбил его легким движением руки: каждый палец его был вооружен белейшей энергией миллионов душ. Все чары Химнета были бессильны против нее.

Симна ибн Синд отполз в уголок и во все глаза следил за столкновением сил, о существовании которых он даже не догадывался и не мог вообразить, какова их природа. Больше всего в эту минуту его поразило лицо Эхомбы: на нем застыло то же самое выражение, с каким он в первый раз бросился на Химнета, — спокойствие и отрешенность. С ним он встретил смерть, с ним он и вернулся таким... Каким? Симна не мог ответить на этот вопрос. Он был воином, а не мыслителем.

Попытки работать мозгами были для него хуже, чем удар вражеского меча.

Эхомба двинулся вперед, неторопливо, но неумолимо. Зеленая энергия шаров Химнета сталкивалась с белой энергией душ, по всему залу плясали изумрудные и снежные молнии, а пастух подходил все ближе и ближе.

Внезапно взрыв гигантского зеленого шара пробил защитную оболочку белого сияния, окутывающего Эхомбу. Обессилевший, но торжествующий, Химнет Одержимый приготовился поднять дрожащую от напряжения руку для решающего удара.

— Кто бы ты ни был, пришел твой последний час! — вскричал правитель Эль-Ларимара. — Пришел конец и таинственному кукловоду, который тобой управляет.

Голос Эхомбы, как и выражение его лица, ничуть не изменились.

— Я — Этиоль Эхомба из Наумкиба, и никто мною не управляет.

Он открыл рот и прежде, чем Химнет успел окончательно вздеть руку, плюнул в сторону властителя центрального побережья. Два влажных черных шара вылетели из его губ и угодили прямо в открытое забрало золотого с алым шлема Химнета.

Рука правителя Эль-Ларимара замерла, не поднявшись. Химнет зашатался и сделал шаг в сторону. Потом послышался металлический скрежет, и его броня начала трескаться. Химнет завалился на бок, и прорицательница Темарил вскрикнула. Сраженный двумя эромакади, он распростерся на полу. Его доспехи продолжали раскалываться, как яичная скорлупа.

Перегриф выхватил меч и бросился вперед. Но на пути у него вырос Симна. Выставив перед собой свой клинок, северянин позволил себе улыбнуться.

— Ну уж нет, мой почтенный друг. Клянусь Гекведом, мы с тобой всего лишь зрители на этом спектакле. Давай-ка досмотрим его со стороны, тем более что участвовать в нем могут лишь те, кому это по силам.

Генерал смутился, глянул на странствующего фехтовальщика, затем кивнул и опустил меч.

Темарил бросилась к своему поверженному повелителю. Тревога исказила ее прекрасные черты, но она не плакала. Потом она подняла голову и испуганно взглянула на Этиоля.

— Он... он мертв?

— Нет. — Эхомба окинул долгим взглядом человека в растрескавшихся доспехах. — Только парализован и, как мне кажется, исключительно выше пояса. Скоро к нему вернется подвижность.

Она благодарно улыбнулась и снова повернулась к супругу.

Подошли Симна и Алита.

— Неужели только парализован? — спросил северянин. — Зачем же останавливаться на полдороги? — Он острием меча указал на Химнета.

— Нет, дружище, — остановил его Эхомба. — Я пришел сюда не за этим.

Симна просительно посмотрел на друга.

— Клянусь Галвентом, братец, он очнется и попытается убить тебя. Он уже тебя убил!.. Кстати... — Он повернулся к заросшему шерстью мастеру некромантии. Хункапа вежливо улыбнулся ему. — Я понял! — вскричал северянин. — Этиоль, ты умер не по-настоящему! Это было подстроено.

Эхомба отрицательно покачал головой:

— Нет, мой друг. Я умер на самом деле. Это точно, потому что я провел некоторое время в том месте, куда уходят все умершие.

— Расскажи, — серьезным тоном попросил его Хункапа Аюб, — на что похоже место, куда уходят мертвые?

— Это неинтересно, — откликнулся пастух. Он подошел к Симне, положил ему руку на плечо и неуверенно улыбнулся. — Я знал, что погибну в бою, Симна. Мне было предсказано это. И не один раз, а трижды. В первый раз мне предсказала это соблазнительная провидица — память о ее красоте и уме навсегда останется в моей душе. Потом меня предупредила собака, чью проницательность и преданность я никогда не забуду. И еще раз это случилось в тумане, чье упорство я тоже буду помнить всегда. «Если продолжишь путь, погибнешь», — сказал он. Так оно и вышло. Это должно было случиться до того, как мы одержали победу. — Повернувшись, он вновь посмотрел на неподвижного Химнета Одержимого — чародея, властителя прославленного Эль-Ларимара. — Вот и пришло время сбыться пророчествам. Однако никто никогда не говорил о том, что может произойти *после того*, как оно исполнится. — Он перевел взгляд на гороподобного Хункапу Аюба и с благодарностью улыбнулся. — Понимаешь, нигде не было сказано, что мне нельзя будет воскреснуть.

До Симны не сразу дошел смысл последних слов пастуха. Потом он громко расхохотался.

— Надо же, два колдуна! Все это время я, оказывается, путешествовал в компании двух колдунов! — Он встал перед Хункапой Аюбом, чьи глаза вдруг наполнились неземной мудростью, и продолжал: — Сколько невзгод и бед нам пришлось преодолеть, а мне и в голову не приходило... Я и представить себе не мог!

Хункапа Аюб вновь улыбнулся.

— Не все чародеи на одно лицо, добрый воин. Не все в жизни выглядит так, как кому-то видится. Совсем не обязательно быть человеком, чтобы стать искусным волшебником.

Северянин потряс головой. Он все еще не до конца верил.

— Но зачем? Зачем притворяться, зачем играть в прятки? Почему ты позволил людям Недербрае засадить тебя в клетку, зачем сносил насмешки и оскорбления?

Зверочеловек сцепил за спиной огромные руки и некоторое время размышлял над вопросом Симны.

— Тебе не нужно это знать, добрый воин. Даже великий маг нуждается в житейском опыте. Я путешествовал в тех краях и угодил в плен к тем людям. Они не слишком умны, но тем не менее им удалось выстроить в горах на удивление очаровательный город. Я мог освободиться в любое время, но мне всегда было интересно, что движет разумными существами. Я всегда хотел знать, что заставляет добрых людей жестоко поступать со своими ближними, с теми, кто не причинил им никакого вреда. Сидя в клетке, можно многое понять, если, конечно, внимательно вглядываться в окружающее. Потом в Недербрае появился ты — и освободил меня. Ты показался мне более интересным экземпляром, чем горцы, лишившие меня свободы. Я решил сопровождать тебя в надежде узнать много занятного и поучительного. И должен признаться, я не чувствую себя разочарованным.

— Все равно не понимаю. — Симна развел руками. — Почему же ты с самого начала не сказал нам, кто ты такой?

Хункапа Аюб мягко улыбнулся.

— Чародеи, добрый воин, всегда прибегают к этой уловке. Они стараются помалкивать, привлекать к себе поменьше внимания. Мне хотелось получше тебя изучить, понять, каков ты на самом деле. Если бы тебе было известно, кто я, это могло мне помешать.

Симна задохнулся от гнева.

— Изучить!.. И что же ты понял, маэстро косноязычной маскировки, изучая того, кого решил держать в неведении?

— Нет на свете более захватывающего занятия, чем познавать других. Я понял, что люди добры. Все, и ты тоже, Симна ибн Синд, хотя ты долго и нудно будешь доказывать, что это не так. Но я теперь хорошо знаю тебя. Тебя и нашего благородного большого кота. — Хункапа бросил взгляд на Эхомбу. — А вот о твоем друге и наставнике я этого сказать не могу. — Он обреченно пожал плечами. — Но я надеюсь остаться с вами еще

на какое-то время. Ваше общество дает мне много пищи для размышлений.

— Что ж, возможно, это даже хорошо, что ты не стал похваляться своим искусством, а был неуклюжим простаком, — заявил Симна и тут же торопливо добавил: — Я, правда, ничего не понимаю в таких делах, мастер. Кто бы мог подумать, что ты окажешься более могучим волшебником, чем Химнет Одержимый?

— Кто сказал, что более могучим? — возразил Хункапа Аюб. — Просто Химнет ничего не заподозрил, и я поймал его, когда он был измотан схваткой с твоим другом Этиолем. Не я одолел его, а мы оба. Все зависело от общих усилий.

— Главное, что вы оказались сильнее.

Симна взглянул на неподвижную фигуру, с которой продолжал осыпаться металл, словно слезала старая кожа, — и был поражен. Лишенный доспехов Химнет Одержимый, властитель центрального побережья, владыка Эль-Ларимара, выглядел совсем не таким величественным, каким казался.

Вьющиеся черные волосы, почти такие же грубые, как у Хункапы Аюба, покрывали его грудь и толстые длинные руки. Верхняя часть туловища была могучей, но ниже бедер тело сужалось и переходило в короткие чахлые ножки, тоже покрытые шерстью.

Рядом с этими тоненькими ножками лежали другие — две человеческие ноги, отрезанные у какого-то очень высокого и сильного человека. Это были живые протезы, но сейчас они умерли: магия, которая прикрепляла их к ногам Химнета, чтобы добавить ему величественности, была блокирована.

Голова колдуна на толстой шее выглядела непомерно большой по сравнению с телом. У Химнета были толстые губы и вытянутые вперед челюсти. Большие уши были сдвинуты к затылку. Лицо у него было на редкость уродливое, и, глядя на него, Симна вспомнил слова Хункапы: «...не обязательно быть человеком, чтобы стать искусным волшебником».

Химнет Одержимый был неандером.

Парализованный колдун не имел возможности заставить собравшихся вокруг людей отвернуться. Не мог стереть выражение жалости и презрения на их лицах. Он мог лишь беспомощно стонать от унижения.

— Давайте, смотрите, любуйтесь! Мои подданные удивлялись, почему я никогда не появляюсь среди них без доспехов. Если бы они увидели, какой я на самом деле, они бы изгнали меня, несмотря на все мое могущество. Мои предки родом с севера, из ледяных пустынь, которые считаются коньком на

крыше мира. Страдая от холода, они жили в дикости и умирали молодыми. Каждый день, чтобы выжить, им приходилось вступать в бой. Вот что я получил при рождении. Мне повезло, меня увезли оттуда «разумные» существа. Люди, похожие на тебя. — Химнет с вызовом глянул на Эхомбу. — Я был *другим*. Но я пожирал вашу мудрость, копил знания, собирал по крупицам. Я упорно учился и скоро выучился, и тогда поклялся никогда не жить по вашим законам. Я искал силу, чтобы добиться власти над теми, кто насмехался над неандерами. Судьба привела меня в Эль-Ларимар. Долгое путешествие едва не сгубило меня, зато в конце концов мне удалось отобрать трон у того, кто оказался слаб и изнежен, кто, кроме интриг, ни на что не был способен. Я перестроил страну в соответствии с собственными представлениями о величии и справедливости, расширил ее границы. Я мог бы сделать и больше, мог завоевать земли к северу и к югу, но отказался от этой мысли. Зачем? Я мечтал обрести силу, и я обрел ее. Однако я все равно не испытал полного удовлетворения. Получив власть в этом мире, я решил попытаться обрести ее за его пределами, в области сверхъестественного. Я погрузился в изучение тайных наук, но нигде мне не удалось найти метод, который помог бы мне превратиться в подлинного человека. Такого, как вы, в «нормальное» существо! В итоге я понял, что мое уродство навсегда останется со мной. Вот тогда я решил окружить себя красотой. — Химнет с трудом приподнял голову и кивком указал на стены зала. — Результаты вы можете видеть по всей стране, особенно здесь, в крепости. Этот замок, обстановка, даже слуги и лакеи — все здесь дышит красотой и гармонией. Все было подобрано с особой тщательностью, с таким расчетом, чтобы совместить красоту и функциональность. Мне не хватало только одного — супруги! Я нуждался в женщине, которая бы села на трон рядом со мной. Мне нужна была королева. Я нашел ее. Выкрал из-под носа у лакеев и поклонников-подхалимов. Я привез ее сюда. Я питал огромные, может, непомерные надежды, но мне было ясно, что необходимо дать ей время на размышления. Что нужно предстать перед ней в ореоле славы. Я рассчитывал, что если она не полюбит меня, то в конце концов хотя бы смирится.

Темарил, стоявшая рядом с ним на коленях, поднялась.

— Он увез меня из дома, украл у семьи. Мой гнев в ту пору был безграничен, как океан, через который он доставил меня в этот замок. Я не разговаривала с ним, отказалась разделять с ним трапезу, никогда не садилась рядом. Это случилось поздним вечером, когда я думала, что в замке все спят. Я выкрала лестницу и пыталась бежать. Случайно я оказалась в его

личных апартаментах и увидела Химнета — сгорбившегося за столом и абсолютно пьяного. Он был без шлема. Сначала я испытала отвращение. Но я поддалась слабости, я рискнула приблизиться и заглянуть ему в лицо. В ту минуту он едва ли соображал, что происходит. Но я тогда поняла, как он страдает. — Она тяжело вздохнула. — С того дня все изменилось. Я вела себя очень осторожно, но спустя какое-то время почувствовала, что сам он боится подойти ко мне и ни на что, по существу, не рассчитывает. Со временем мы лучше узнали друг друга. Вся моя жизнь протекала при дворе, за мной ухаживали, мне льстили, обещали что-то несусветное. Поклонников было так много, что если их выстроить в ряд, эта череда протянулась бы от моего дворца до луны. Они все были одинаковые. Все на одно лицо! Пустые, чванливые, самовлюбленные, неспособные на искреннюю любовь. — Она опустила руку и коснулась покрытой шерстью груди Химнета. — Здесь я нашла иное. Если на обратном пути вам доведется побывать в Лаконде, прошу вас, скажите моим родным, что у меня все хорошо.

Симна с размаху шлепнул Эхомбу по спине.

— Что есть, с тем уже ничего не поделаешь, так, братец? Мы проделали такой долгий путь, чтобы спасти принцессу, которая не хочет, чтобы ее спасали!.. Давай-ка вспомним о сокровищах, а потом удалимся с миром. Нас здесь больше ничто не удерживает.

Но второй раз за эту бесконечную ночь Этиоль Эхомба заявил решительно:

— Нет!

Симна изумленно уставился на него.

— Как — нет? Что «нет»? — Он показал на распростертого на полу Химнета и Темарил рядом с ним. — Ты что, не понял? Она хочет остаться здесь.

— Ничего не изменилось, Симна. Ты же слышал, что я ответил *ему?* — Пастух подошел к своему копью и поднял его. Затем вернулся к лежащему на полу Химнету. — Я дал клятву Тарину Бекуиту, человеку честному и благородному, в ту минуту, когда он умирал. Я дал слово, что верну прорицательницу Темарил в Лаконду. И хотя это намного удлинит мой путь к собственной семье, я вынужден сделать то, ради чего пришел.

Темарил повернула прекрасное лицо к Эхомбе.

— Но я, как сказал ваш друг, хочу остаться! Я сама выбрала свою судьбу, связала жизнь с этим человеком. Я не хочу идти с вами. Даже не просите меня об этом!

— Увы, — произнес Эхомба.

Своей худой, но сильной рукой он обнял ее за талию и вскинул себе на плечо.

Темарил была ошеломлена и разгневана.

— Отпустите меня! Немедленно отпустите! Я, Темарил, приказываю вам!

— Только одна женщина имеет право мне приказывать, но здесь ее нет.

Этиоль повернулся к Симне.

— Свяжи ей руки, пока она не вытащила мой второй меч или начала копаться в моем походном мешке. Быстрей, Симна!

— Что?.. Ах да, братец! Держи ее!

Северянин был мастером клинка, но не узлов, но все же он крепко связал Темарил ноги и руки шнурком, который выдернул из роскошной портьеры, висящей перед дверью.

Химнет Одержимый мог лишь с трудом шевелить головой, но все равно, разгневанный, он громко проклинал чужестранцев, призывал на их головы все мыслимые несчастья и сулил адские пытки, если они не отпустят его женщину.

Верный своему господину, Перегриф бросился к двери, чтобы вызвать дворцовую стражу, но его остановил огромный черный кот.

— На твоем месте я бы держал язык за зубами, — предупредил Алита. — Или, хочешь, я подержу...

Проявив свойственное ему благоразумие, генерал призвал не солдат, а лекарей.

А путешественники, на сей раз через парадные двери, покинули дворец и направились к главным воротам крепости. Гвардейцы хотели их остановить, но при виде Хункапы Аюба и победно ревущего черного левгепа тут же ретировались.

Вот как четыре путешественника и не желающая покидать Эль-Ларимар женщина оставили этот прекрасный, сказочный край. При этом трудно сказать, кто больше шумел: разгневанная прорицательница или мастер клинка Симна ибн Синд, который без конца ворчал и проклинал всех и вся. Он не мог понять, ради чего они вообще явились сюда, если даже не попытались отыскать хоть какие-нибудь сокровища. Только после того, как Эхомба заверил его, что за возвращение Темарил им отвалят столько золота, сколько они смогут унести, Симна слегка успокоился.

Впервые за все это долгое путешествие Эхомба двинулся на восток.

XXIV

Удача не изменила им и на обратном пути, что подтверждается тем, что после долгого и трудного перехода путники пришли в Дорон как раз тогда, когда туда вернулся «Грёмскеттер». Их встретили с распростертыми объятиями; Станаджер Роуз и все матросы не скрывали изумления и радости от того, что им вновь посчастливилось встретиться с удивительными пассажирами.

Никого не огорчило, что на сей раз плавание через Семордрию прошло гораздо спокойнее и быстрее. Корабль высадил пассажиров юго-восточнее Хамакассара, где можно было не опасаться встречи с ретивыми городскими стражниками. Оттуда друзья направились на юг, затем на восток, чтобы обогнуть северную область Лаконды, где надолго запомнили их первое посещение. Посовещавшись, путешественники решили, что на этом пути можно ждать больших трудностей, поэтому в центральную область страны они вошли с запада.

Симна опасался, что если местные жители узнают Темарил, им вновь не миновать приключений, но беспокоился он напрасно. После долгого путешествия прорицательница была мало похожа на особу королевской крови, и до столицы они добрались спокойно.

Весть о возвращении прорицательницы вызвала бурную радость среди населения Лаконды. Путешественники были незамедлительно препровождены в резиденцию герцога и его семьи.

Все родственники прорицательницы собрались, чтобы приветствовать ее на родине. Здесь были мать и отец, одряхлевшие дедушка и бабушка, словоохотливые тетушки и дядюшки, а также бесчисленные кузены и кузины. Измученная походом Темарил была вынуждена без конца обниматься со всеми.

— О моя радость! — взглянув на нее, воскликнул один из ее дядюшек. — У тебя такой вид, будто ты неплохо провела время на чужбине.

— Теперь, Бенрик, я совсем не та, что была раньше, когда меня увезли отсюда. — Она сухо усмехнулась. — Со временем люди меняются, и я не исключение.

— Но теперь ты вернулась в лоно семьи, а это самое главное, — улыбнулся герцог Льюит.

Он поднялся со своего скромного кресла, символизирующего верховную власть в стране, и величественным жестом указал на четверых чужестранцев, которые экзотическим островком выделялись среди разряженных аристократов и учтивых придворных.

— За это мы благодарим присутствующих среди нас верных и храбрых странников!

Герцог милостиво улыбнулся Эхомбе:

— Не желаете, сэр, сказать что-нибудь людям Лаконды по случаю столь знаменательного события? Любое слово из ваших уст будет выслушано с уважением и вниманием.

Однако речь решил толкнуть Симна:

— Вы, уважаемый сэр, должны простить моего друга. Он не оратор. По характеру ему более свойственно...

Ему пришлось замолчать: Эхомба не только вышел вперед, но и поднялся на возвышение, где сидели герцог и прорицательница Темарил. Пастух поднял руку, требуя тишины, а потом спокойно и размеренно объявил в своей обычной манере:

— Я поклялся умирающему Тарину Бекуиту из северной Лаконды вернуть эту женщину домой, к ее семье. Я это сделал.

Темарил угрюмо посматривала на него, но Эхомба словно не замечал ее взгляда.

— Мои обязательства перед ним наконец-то выполнены, — добавил Этиоль. Затем он повернулся к прорицательнице и, к изумлению всех присутствующих, спросил: — Теперь мне хотелось бы знать, чего хочешь *ты?*

В первое мгновение прорицательница решила, что этот долговязый южанин подшучивает над ней. Но за время изнурительно долгого возвращения в Лаконду она лучше узнала всех четверых. Среди своих необычных спутников Этиоль выделялся невозмутимостью и какой-то простодушной серьезностью. За все это время он ни разу не пошутил, не рассмеялся, никого не передразнил. Так что, может быть, он и сейчас говорит серьезно?

Она не стала долго медлить с ответом.

— Я хочу вернуться в Эль-Ларимар.

Эхомба кивнул.

Симна, стоящий в окружении придворных, замер. В его глазах отразилось понимание. Он положил руку на рукоять меча и начал отступать к ближайшей двери.

Сказать, что семейство Темарил было обрадовано ее заявлением, значит, очень грубо приукрасить действительность. Все принялись шумно возражать, начали сцеплять руки, чтобы выстроить перед ней непроходимый барьер, кто-то потребовал вызвать солдат. Эхомба принял во внимание, что перед ним были мирные люди, ее земляки, и с минимальным ущербом для подданных Лаконды, при поддержке друзей вырвался из страны. Несмотря на то что меч из небесного металла был утрачен в сражении с Химнетом, у него еще остава-

лось копье с наконечником из акульего зуба, которое легко разгоняло врагов. В тех же случаях, когда его воздействие не давало результата, он использовал содержимое своего дорожного мешка, который казался бездонным.

На «Грёмскеттер» им попасть не удалось, так как корабль отправился из Хамакассара вверх по реке Эйнхарроук, однако путешественникам повезло, и они сумели договориться с капитаном легендарного трехмачтового «Уорбета». Слухи в портах разносятся быстро, так что капитан «Уорбета» уже был наслышан о подвигах Эхомбы и его друзей. За несколько оставшихся камешков из мешочка пастуха он согласился переправить путников через Семордрию.

Покров печали, лежащий на замке Химнета, был тотчас сброшен, едва до Эль-Ларимара докатилась весть о возвращении прорицательницы Темарил. Подавленный, потерявший надежду правитель встретил их в своих апартаментах. Встретил без доспехов, взволнованный до такой степени, что едва сумел встать им навстречу. Химнет обнял любимую женщину, которую уже и не мечтал увидеть вновь, а она ободряюще улыбнулась, заглянула ему в глаза и погладила его по уродливому лицу.

В течение своей долгой и вряд ли образцовой жизни Химнет Одержимый встречал много такого, что привлекало его любопытство; еще больше — такого, что будило в нем ярость. Но смущение он испытывал редко (если вообще когда-либо испытывал).

— Ты привез ее назад, — сказал он Эхомбе. — Ты пересек полсвета, чтобы забрать у меня жену, а затем повторил тот же путь, чтобы вернуть ее. *Зачем?*

— Я выполнил свои обязательства по отношению к умирающему воину. Я больше ничего ему не должен. У нее, — пастух кивнул на Темарил, — доброе сердце. За то время, пока мы добирались до Лаконды, она стала менее властной и более человечной. Хотя на сей раз я не давал обета, но при сложившихся обстоятельствах просто был вынужден пообещать, что выполню одно ее желание. Она пожелала вернуться к тебе.

Химнет мягко отстранился от супруги.

— Знаешь ли, — объявил он, — а в моем положении ничего не изменилось. Меня все так же называют Химнетом Одержимым, и я по-прежнему являюсь господином центрального побережья и всего Эль-Ларимара. Верховным правителем этой части мира.

— Знаю. — Эхомба загадочно улыбнулся. — Теперь я могу надеяться, что ты будешь лучше управлять своими подданными.

* * *

Этиоль Эхомба и его друзья покинули богатый дарами природы, но стиснутый страхом край. После долгого и трудного путешествия они наконец добрались до западного побережья Семордрии. В Дороне пришлось подождать, пока удалось найти храброго капитана, который согласился не только пересечь Семордрию, но и, минуя устье Эйнхарроука, доставить пассажиров как можно дальше на юг, поближе к маленькой деревушке, расположенной на пустынном океанском берегу.

Сразу после высадки Хункапа Аюб объявил, что ему пришло время расстаться с друзьями, и после опечалившего всех прощания он покинул их.

Симна попрощался с ним в красочных выражениях, не забыв похвалить себя и прибавить парочку своих непременных шуточек. Огромный черный кот рыкнул что-то неразборчивое и дружески протянул лапу. Они даже словом не обменялись. Чтобы понять друг друга, им не требовались слова, это было ясно даже Симне, ведь многое было пережито вместе, а для того чтобы выразить любовь, вполне достаточно взгляда или жеста. Или рычания... Расставшись с Хункапой, левгеп и Симна отправились вместе с Эхомбой. Северянин при каждом удобном случае не забывал напомнить пастуху об обещанных им сокровищах.

После долгих и многочисленных приключений, о которых сейчас не к месту вспоминать, трое путников добрались до торгового города Аскакоса, откуда уже было рукой подать до маленькой деревушки на южном берегу Семордрии.

Возвращение домой было для Эхомбы самой лучшей наградой за все мытарства. По сравнению с этим все знания, весь опыт, которые он приобрел за время долгого и трудного путешествия, не значили ничего. Это было его сокровище. Дети Эхомбы очень вытянулись за это время. Нелетча, как обычно, взяла его за руку, Даки встал рядом, и у Этиоля перехватило дыхание от наплыва чувств.

Миранья, как и другие жители деревни, приветливо встретила товарищей Эхомбы и оказала им достойный прием. Несколько дней жители маленькой деревушки праздновали возвращение земляка. Симна ибн Синд, свидетель и участник похода, многоречиво рассказывал о героических деяниях, которые им пришлось совершить.

В один из таких вечеров, пока северянин торжественно повествовал об опасностях Семордрийского океана, Эхомба присел рядом с черным левгепом. Большой кот наелся досыта и теперь подремывал, по обыкновению не обращая вни-

мания на детишек, которые хватали его за гриву и играли с кисточкой на хвосте.

— Чем займешься? — спросил его Эхомба. — По сравнению с теми расстояниями, которые нам пришлось преодолеть, до степей, где мы когда-то встретились, не так далеко.

— Действительно, недалеко, — согласился кот. — Но и не близко. Не знаю. Хуже нет думать на полный желудок.

Эхомба кивнул.

— Наши стада велики, — сказал он, — и требуют постоянной заботы. На холмах, где они пасутся, полным-полно хищников. Такой помощник, как ты, пригодился бы тем, кому приходится их отгонять.

Алита некоторое время молчал, затем ответил:

— Ты спас мне жизнь, но больше я ничем тебе не обязан. Долг оплачен сполна.

— И даже с избытком, — охотно согласился Этиоль.

Некоторое время они прислушивались к звукам праздника. Потом огромный кот произнес:

— Среди тех хищников, которые нападают на ваши стада, есть кошки? Ну, похожие на меня?

— Не сосчитать, — не раздумывая ответил Эхомба. — Львицы и самки гепардов, лоснящиеся леопарды и смилодоны с длинными клыками.

— До вельда так далеко топать... — Алита протяжно зевнул. — Ты хочешь поручить мне стадо — и при этом поверишь, что я не буду есть ваших овец?

Пастух положил подбородок на сложенные руки и долго смотрел вдаль. Потом он пожал плечами.

— В пути я доверял тебе не то что корову — жизнь. Кроме того, те, кто помогает приглядывать за стадом, получают, естественно, свою долю.

— И я буду волен уйти, когда придет время?

Эхомба внимательно взглянул на своего огромного когтистого друга.

— Я никогда не попрошу другого о том, о чем не готов попросить себя.

Левгеп фыркнул. Это была его манера отвечать кратко, не тратя лишних слов.

Утром на северной окраине деревни Симна ибн Синд нос к носу столкнулся со своим другом. Под впечатлением от игры податливых одеяний, прикрывающих тела юных девушек, что явились к источнику за водой, меченосец сперт-

ва испытывал некоторое смущение и никак не мог начать разговор.

— Давай, дружище, — помог ему Эхомба. — Выкладывай. Что у тебя случилось?

— Понимаешь, братец, не хотелось бы обижать тебя и твоих гостеприимных земляков, у которых есть все, что необходимо мужчине, но...

— Что «но»? Человеку всегда чего-нибудь не хватает, — философски заметил Эхомба.

— Дело не в пище. Еда у вас — вкуснее не бывает. И не в житейских условиях, с этим тоже все в порядке. — Северянин помолчал, стараясь подобрать нужные слова, а потом откровенно признался: — Понимаешь, Этиоль, твоя деревня — как раз такое место, какого я всю жизнь старался избегать. — Он повел рукой вокруг. — Может, этого всего вполне хватает коту, но я не кот. Сердце у меня не лежит к райским уголкам. — Он тяжело вздохнул. — Понимаешь, есть небольшая загвоздка с этими сокровищами, о которых мы столько раз говорили. Когда я впервые с тобой повстречался, мне показалось, что ты тоже ищешь сокровища. Я верил, что этого добра в Эль-Ларимаре хоть пруд пруди... Единственное, что удерживает меня в вашей деревушке, так это надежда, что ты вспомнишь о своем обещании. — Голос его погрустнел, лицо помрачнело. — Я столько раз рисковал жизнью ради тебя, что и не перечесть, братец. Теперь пора вернуть должок.

Эхомба указал на резко очерченные на фоне неба вершины горной гряды, на крыши деревенских домов. Все вокруг дышало миром и спокойствием.

— Разве это не самая лучшая награда за все, что нам пришлось пережить?

Вместо ответа северянин потер большим пальцем указательный и средний.

Эхомба вздохнул.

— Здесь нет сокровищ, какие ты имеешь в виду, Симна. — Он уставился в безоблачное высокое небо. — Сходи прогуляйся по берегу, может, это развеет твою печаль.

— Послушай, Этиоль! Ты обещал мне...

Он вдруг замолк, и гнев его сразу утих. Широкая хитрая улыбка появилась у него на лице.

— Говоришь, по берегу прогуляться... Клянусь Голорисом, долговязый, я с удовольствием погуляю у океана. Я и забыл, как прекрасно побережье возле вашей деревни.

Там, у самой кромки воды играли местные ребятишки. Среди них была и дочь Эхомбы. Пастуху пришлось

приложить немало усилий, чтобы объяснить ей, почему взрослый дядя с севера вдруг разыгрался как мальчишка. Симна со смехом и радостными воплями горстями подбрасывал камушки и осыпал ими себя. В конце концов, насмеявшись до слез, человек с севера успокоился и принялся собирать голыши, выбирая самые крупные. Дети Наумкиба охотно помогали и радовались его счастью, когда приносили ему особенно большой и яркий камень.

Симна ибн Синд не успокоился, пока не набил свой мешок алмазами под завязку.

— Я человек не жадный, — сказал северянин Этиолю. — Мне хватит. Отправлюсь домой и куплю небольшое королевство.

Эхомба с мрачным видом глянул на товарища.

— Ты уверен, что именно это — предел твоих желаний? Небольшое королевство?

Симна смутился. Его улыбка погасла. Долго он стоял, прислушиваясь к шуму волн, размеренно накатывающихся на берег алмазов, к детским голосам, болтовне мерапов на прибрежных скалах, крикам морских птиц и драконов. Затем снизу вверх глянул на своего высокого друга и усмехнулся.

— Нет, братец. Как раз я не уверен. Просто собираюсь попробовать. А вдруг?

Эхомба печально кивнул:

— Пойдем в деревню, возьмешь еды на дорогу. Я со своей стороны дам тебе несколько полезных советов, объясню, как вести себя с обезьянами, которые могут встретиться тебе на пути.

На следующее утро Симна ушел из деревни. Эхомба проводил друга до пляжа, где в первый раз повстречался с туманом.

— Если идти на северо-восток, — по пути сообщил ему северянин, — то попадешь в страну, где правят ханы Мизар-лон. Там моя родина. Я собираюсь осесть где-нибудь недалеко. Всегда найдутся королевства, которые выставили на продажу. — Он вздохнул. — Кто знает, может, я снова рискну отправиться на поиски Дамура-сесе. Может, повезет...

— Ты был верным товарищем, Симна ибн Синд, и приятным спутником. — Эхомба в последний раз положил руку ему на плечо. — Удачи тебе. Будь всегда начеку, смотри, куда ставишь ногу. Не забывай оглядываться, не теряй бдительности, и, возможно, придет день, когда счастье улыбнется тебе и ты отыщешь сказочный город Дамура-сесе.

Северянин кивнул и уже собрался было уйти, но помедлил. Лучи низкого солнца били ему в глаза, и от этого он щурился.

— Вот что... Напоследок, Этиоль, хотел спросить... — Он придвинулся поближе и в упор взглянул на товарища. — Скажи честно, ты колдун или нет?

Эхомба невольно отвернулся и с улыбкой посмотрел вдаль. Эта таинственная улыбка была хорошо знакома Симне.

— Я уже столько раз говорил тебе, Симна, и повторяю вновь: я всего лишь ученик, задающий много вопросов. Мне известно немногое, только то, чего обычно хватало, чтобы вовремя воспользоваться мудростью тех наумкибов, кто собирал меня в поход.

— Ради Ганкада, брат, ответь же ты на вопрос!

Эхомба глянул на товарища сверху вниз:

— Симна, дружище, небесной синевой, зеленью моря клянусь тебе, что я такой же колдун, как любой другой житель нашей деревни, будь это пастух, дровосек, кузнец или кожемяка.

Северянин выдержал его взгляд и, в свою очередь, долго, с той же силой в упор разглядывал пастуха. Потом кивнул.

— Чем займешься теперь? — спросил он у Этиоля.

— Овцами, коровами. Буду рядом с женой и детьми. Мой сын достиг возраста, когда ему пора становиться взрослым. Завтра я займусь церемонией посвящения.

— Эй, я мог бы остаться... Ладно, не останусь, не буду тебе мешать. Да меня, в сущности, не очень-то и интересуют эти ваши старинные церемонии, когда мальчишке раскрашивают лицо и учат кастрировать бычков.

Он виновато усмехнулся и зашагал на север. На вершине гряды повернулся, помахал рукой. И исчез в море тумана, стоящего над всем побережьем к северу от деревни. Больше Эхомба никогда не встречался с Симной ибн Синдом.

На следующее утро пастух со своим сыном Даки вышел из деревни и направился в противоположную океану сторону. Миранья собрала им еды на дорогу и, пожелав им доброго пути, взяла с мужа обещание, что они вернутся к вечеру.

Тропинка, по которой шагали отец и сын, была узенькая, часто терялась в траве и зарослях. Извиваясь среди зеленых холмов, она вывела их к ровной скальной стене, которой заканчивался длинный тесный каньон, в точности похожий на сотни других. Эхомба очистил скалу от сухой травы и сгнивших побегов; в гранитной поверхности открылся темный и очень узкий лаз. Отец и сын сделали из сухих деревьев факелы, зажгли их и вошли в пещеру.

Чуть наклонный пол туннеля был сглажен потоками воды, которая текла здесь столетиями, и подошвами бес-

численных сандалий. Трудно сказать, как долго отец и сын пробирались по узкому проходу, но в конце концов надобность в факелах отпала. Дневной свет проникал в подземелье через трещины, расположенные высоко над головами. Туннель расширился и вывел их в небольшую пещеру, которая, в свою очередь, скоро расширилась еще больше и превратилась в огромный зал.

На лице тоненького, но хорошо сложенного Даки появилось торжественное выражение. Он огляделся — с уважительным почтением, но без тени страха.

— Что это за место, отец?

— Отсюда вышли наумкибы, Даки. — Эхомба поднял руки и резко обвел вокруг, указывая на расстилавшуюся перед ними картину. — Никто уже не может сказать, сколько лет прошло с тех пор, когда наши предки обустроили эту пещеру. Здесь они по крупицам собирали бессчетные знания и несметные богатства.

Подросток удивленно спросил:

— Что случилось потом?

Отец похлопал его по плечу:

— Когда кому-то начинает казаться, что ему уже не в чем больше совершенствоваться, его одолевает скука. От скуки наумкибы начали покидать родную пещеру. По одному, по двое, по трое, группами, а то и целыми семьями они разбредались по миру. В конце концов они смешались с другими людьми, стали похожи на них. Осталось только несколько человек.

— Мы? — догадался подросток. — Наша деревня?

— Да. Вот почему тебе необходимо помнить о великой ответственности. О наследстве, Даки, следует заботиться. Нам нет нужды использовать знания предков в повседневных делах или распространять их. Их надо просто беречь.

Эхомба двинулся вперед.

— Пойдем, я покажу тебе наш город.

До вечера они бродили между заброшенных башен, побывали в гигантской библиотеке. Весь день провели среди знаний. Даки с изумлением глядел на стены из чистого золота, на посуду из драгоценных камней, которой пользовались когда-то исчезнувшие обитатели пещеры. Все так и было брошено на кухнях... Отец и сын вместе листали страницы древних томов, огромные переплеты которых были вырезаны из целых рубинов. Этиоль объяснил, что причина не в красоте, а в долговечности этого материала. Они посетили обсерваторию, где телескопы все еще были направлены на специально проделанные широкие трещины в каменном своде. На потолке, вписанном в совер-

шенный по форме купол, можно было различить карту звездного неба, выложенную из самоцветов всех возможных пород.

Даки, увлеченный невиданным зрелищем, не хотел покидать этот город, но Эхомба был настойчив.

— Твоя мать рассердится, если мы опоздаем к ужину, — напомнил он сыну.

Они отправились в обратный путь.

Когда они поднимались по широким мраморным лестницам, украшенным агатами и искрящимся солнечным камнем, подросток спросил:

— Отец, ты здесь нашел ответы на все вопросы?

— Нет, Даки. Здесь у меня возникло еще больше вопросов, чем было. Обещаю, когда ты станешь немного старше, мы вернемся сюда. Так поступали все наумкибы. Вот тогда, хочешь ты того или не хочешь, у тебя тоже появятся вопросы.

Подросток некоторое время обдумывал отцовские слова. Потом очень серьезно кивнул.

— У этого места есть какое-то особое название? — поинтересовался он. — Или оно просто называется Наумкиб?

— Мы сами зовем его Наумкибом. Но вообще этот древний город, средоточие знаний, называется Дамура-сесе.

К этому времени они почти добрались до входа в туннель, ведущего на поверхность. Эхомба проголодался. Миранья, должно быть, уже приготовила ужин...

— Весь остальной мир знает только легенды и слухи о нем. Мы же бережем его и охраняем.

Даки взял один из оставленных у входа в туннель факелов.

— Это часть нашего наследства?

— Да, сынок. Часть нашего наследства. Маленький секрет наумкибов.

— Но ведь не единственный? — вымолвил мальчик, проявляя мудрость, которая издревле была присуща их семье.

— Да, сынок. Не единственный.

Этиоль Эхомба был человек слова и вернулся к ужину — вернулся с сыном из воспетого в легендах затерянного города, чьи сокровища заключались не в накопленных знаниях. Он вернулся в скромную хижину у моря, где поклялся своему другу Симне ибн Синду, что если он и является колдуном, то не более, чем любой житель его деревни, будь он пастух или дровосек, кузнец или кожемяка.

Содержание

Пожиратели света и тьмы 5
По Мыслящим Королевствам 285
Триумф душ 575

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д.18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д.132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д.17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фостер Алан Дин

Пожиратели света и тьмы
По Мыслящим Королевствам
Триумф душ

Фантастические романы

Редактор Г. Трифсик
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Технический редактор Т. Сафаришвили
Компьютерная верстка: Р. Рыдалин
Младший редактор Е. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

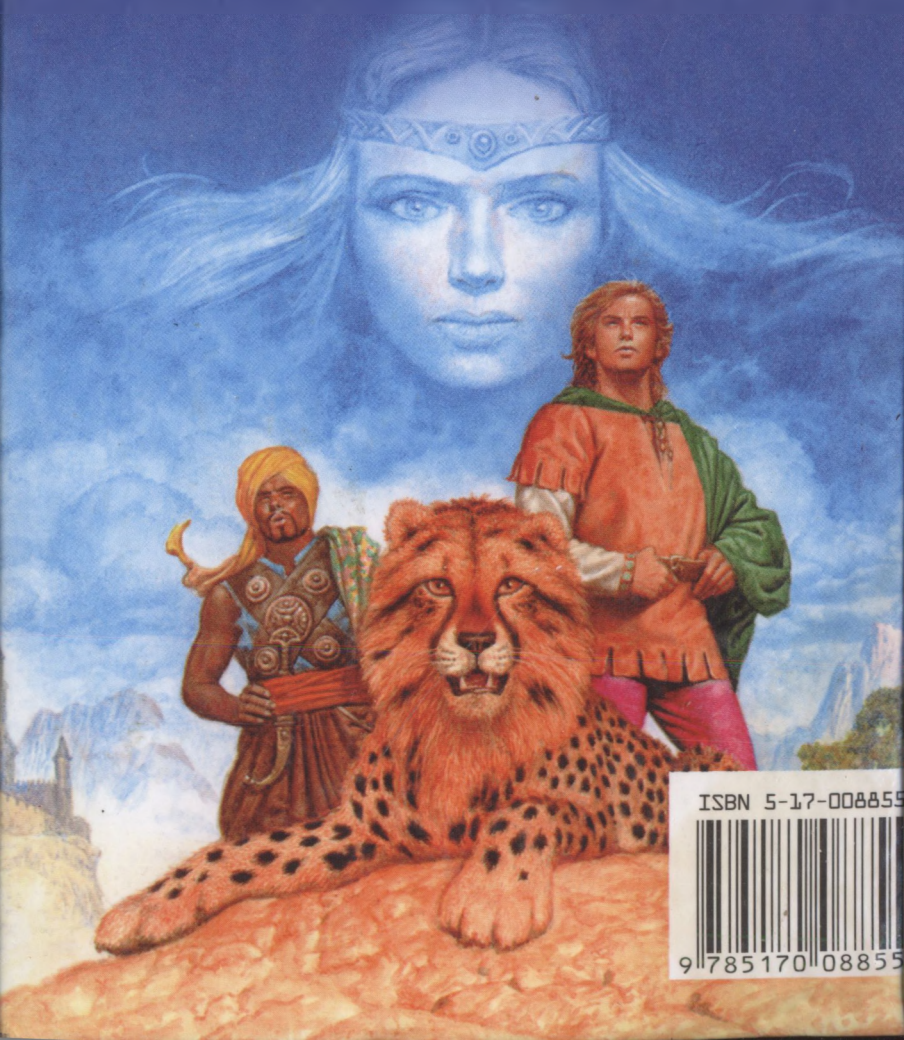
ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Великолепная трилогия Алана Дина Фостера, одного из популярн ших американских фантастов!

Странствия по неведомым землям, магия, от которой захватывает дух, б вы, сражения, смешные — и опасные! — приключения...
Кто победит в поединке — пожиратель тьмы или пожиратель света?
Что нужно, чтобы невредимым пройти по Мыслящим Королевствам?
Одной смелости мало. Нужна фантазия, умение шутить и оставлять вр в дураках!

ISBN 5-17-008855
9 785170 08855